

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

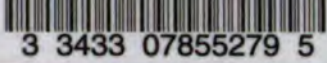
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855279 5

1832

МОСКВИТЯНИНЪ,

12532

УЧЕНО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ

НА 1851 ГОДЪ.

Часть I.

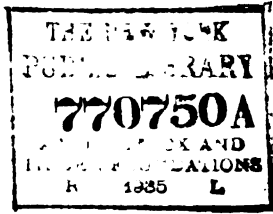

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1851.

7-

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
указанное число экземпляровъ. Москва, Января 1-го 1851 года.**

Ценсоръ Д. Русскій.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 1.

Январь.

Кн. 1.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ ГАЛИЦКІЙ.

Мстиславъ Галицкій былъ сынъ того Мстислава Храбраго, что остригъ голову и бороду Андрееву послу, и отбился въ Вышегородъ одинъ отъ всей сборной рати Великаго Князя Суздальскаго, которая приходила его взять, во что бы ни стало, живаго или мертваго. Вотъ каковъ былъ его отецъ, — и сынъ пошелъ по отцу. Хотя и весь Князь Ростиславова племени, къ которому принадлежали эти Мстиславы, отличались, по мнѣнію современниковъ, своими доблестями, но всѣхъ ихъ много превзошелъ Мстиславъ Галицкій, и лѣтописи единогласно даютъ ему прозваніе Удалаго. Никто не бился такъ крѣпко, никто не ходилъ на войну такъ шибко, какъ Мстиславъ; никто не брался за такія трудныя дѣла изъ одного спасибо, какъ Мстиславъ; и ни чье имя по древней Руси не носилось съ такою громкою славой, какъ Мстиславова. Чуть гдѣ ставовилось мудрено и тяжко, чуть когда налегала сила черезъ мѣру, чуть куда собирались опасности, туда, Князь, города, волости, звали на выручку Мстислава, и Мстиславъ

1

падалъ, какъ снѣгъ, на голову врагамъ изъ-за горъ, изъ-за рѣкъ, изъ-за лѣсу; поспѣвалъ вездѣ — изъ Торопца въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Суздаль, и въ Кіевъ, и въ Галичь. «Во многъ Богъ и въ малъ Богъ», восклицалъ безстрашный Князь, и съ горстью своей храброй дружины, бросался въ середину супротивныхъ полковъ, пробѣгалъ ихъ ряды вдоль и поперегъ, съ топоромъ въ рукъ, съкущій на право и на лѣво, и спору конецъ не замедлялся: враги показывали плеча, а побѣдитель, оставаясь на полъ сраженія, разсыпалъ щедрой рукою добычу передъ своими товарищами: бери кому что надо. Онъ отдавалъ все, а себѣ ничего, — ничего отъ Новгорода, что избавилъ отъ насилій и озарилъ новымъ блескомъ; ничего отъ Владимира, гдѣ выправилъ онъ столъ Великаго Княжества старшему сыну, обиженному отцемъ; ничего отъ Русской земли, которую удержалъ онъ за своими родственниками, Мономаховичами, коихъ грозилъ изгнать оттуда навсегда Олеговичъ, Чермный; ничего отъ Галича, вырваннаго имъ изъ когтей Польши и Венгрии. Онъ радъ былъ только помогать, тѣсняся на великія дѣла, какъ его отецъ; ему весело было только бороться, ему любо было съ малою толикой одолевать множество. И долго не зналъ онъ себѣ равнаго, долго никто не смѣлъ ему противиться. Гдѣ онъ, тамъ успѣхъ и побѣда. Добрый, искренній, великодушный, онъ пріобрѣлъ общую любовь и уваженіе. Пусть годы текутъ, пусть время беретъ свое, — старость не мѣшаетъ еще могучему витязю; духъ его бодръ, сердце бьется живо, — но вонъ, изъ отдаленныхъ пустынь Азіи, на дикихъ коняхъ своихъ несутся Татары...

Обозримъ обширное поприще бурной жизни Мстиславовой.

Имя его встрѣчается въ первой разѣ подъ 1195 годомъ. Молодой человекъ еще тогда, онъ держалъ Треполь, южной городъ Кіевскій, подъ рукою дѣда, Великаго Князя Рюрика Ростиславича. Двоюродный братъ его Ростиславъ

пригласилъ его съ собой на охоту за Половцами, получивъ благопріятныя извѣстія отъ пограничныхъ Черныхъ Клобуковъ. Братья соединились за Русью, и пустились къ поганымъ изъѣздомъ. Переправясь чрезъ Ивлю, рѣку Половецкую, освѣдомились Князья отъ сторожей о мѣствъ кочевей на Русской сторонѣ Днѣпра, пошли на нихъ ночью, и на разсвѣтъ ударили въ вежи, разбили, и ополонились скотомъ, конями, челядью.

Послѣ этого удачнаго изъѣзда долго не слыхать было ничего о нашемъ Мстиславѣ. Главными дѣйствующими лицами были старшіе Князья: дядя его, Великій Князь Кіевскій Рюрикъ, зять Рюриковъ Романъ Волынской, Князь Черниговскій Святославъ, Всеволодъ, Великій Князь Суздальскій, — и ему не было никакой возможности отличиться, а развѣ исполнить чужія приказанія: такъ въ 1197 г. посылалъ его Рюрикъ въ Галичь, просить тамъ помощи противъ строптиваго зятя, и онъ вѣсть съ Володимеромъ Галицкимъ ходилъ воевать волость Романову около Перемиля; такъ въ 1203 году принималъ онъ участіе въ большомъ общемъ походѣ на Половцевъ, съ которыми былъ онъ однакожъ въ родственномъ союзѣ, женился на дочери ихъ Князя Котяна.

Больше ему было дѣлать нечего, а вскорѣ онъ принужденъ былъ и совсѣмъ уйдти изъ Руси — съ пустыми руками: Всеволодъ Чермный, смѣлый, честолюбивый, дѣятельный, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, выгналъ дядю Мстислава Рюрика изъ Кіева, и хотѣлъ овладѣть всею Русской землею, на переکورъ Мономаховичамъ, которые старались прежде отсторонить отъ нея Олеговичей. Всѣ они, одинъ за другимъ, должны были оставить ее, и очередь дошла наконецъ до Мстислава въ Торческѣ: послѣ тѣсной осады онъ выпросился вонъ, и пошелъ искать себѣ угла въ родовомъ своемъ княжествѣ, Смоленскомъ, гдѣ двоюродный братъ и далъ ему въ кормленье пограничный городъ Торопецъ.

Здѣсь-то, печально, неожиданно для него самаго, открылось поприще для его дѣятельности, рѣшилась судьба его, и онъ, отъ подвига къ подвигу, отъ войны къ войнѣ, смѣлѣй и смѣлѣй, шире и шире, сдѣлался наконецъ судьей и почти главою всѣхъ Князей своего времени.

Сосѣднее Новгородское княжество было унижено до крайности Великими Князьями Суздальскими. Всеволодъ заставлялъ Новгородцевъ, самихъ, просить себя о предназначенныхъ имъ Князьяхъ, указывалъ всѣмъ властямъ прѣзирать за ними во Владимиръ, мѣнялъ ихъ по своему благоусмотрѣнію, призывалъ ратныхъ людей къ себѣ на службу, даже казнилъ смертію своихъ супротивниковъ на Ярославомъ дворницѣ. Новгородцы терпѣли, уступая одной необходимости, а всего болѣе голоду, которымъ часто могъ стращать или наказывать ихъ сильный Князь Суздальскій, но непривыкши къ такому образу дѣйствій, роптали, скорбѣли, и жалобы ихъ разносились повсюду.

И вотъ услышалъ ихъ Мстиславъ сидя въ своемъ Торопцѣ. Что же—онъ вздумалъ вступить за Новгородъ, (гдѣ княжилъ недавно его отецъ, любимецъ Новгородцевъ), и съ малой дружиной своей пришелъ въ близкій Торжекъ. Тамъ, не говоря ни слова, не объявляя никому причины, захватываетъ онъ Посадника и Бояръ Всеволодова сына, княжившаго въ Новгородѣ, Свягослава, налагаетъ на нихъ оковы, беретъ имѣніе, до чего рука дошла, и посылаетъ сказать Новгородцамъ: «кланяюсь Святой Софіи и гробу отца моего, и всѣмъ Новгородцамъ. Я услышалъ о насильѣ, что вы терпите отъ Князей. Мнѣ жаль стало моей отчины — и вотъ пришелъ я къ вамъ на помощь.»

Новгородцы обрадовались безъ памяти такому заступнику, не думаному, не гаданому. Безъ размышленія, безъ соображенія о томъ, будутъ ли они въ силахъ бороться съ могущественнымъ Всеволодомъ, они принимаютъ тотчасъ предложеніе Мстислава, и отправляютъ къ нему почетное

посольство: «приходи, Князь, мы ждемъ тебя.» А сына Всеволодова сажаютъ на Владычнвмъ дворъ подъ стражу со всѣми его мужами, пока управятся съ отцемъ.

Мстиславъ пришелъ въ Новгородъ, и былъ торжественно посаженъ на столъ. Новгородцы ликовали. Но дѣятельный Мстиславъ не думалъ о пирахъ и весельяхъ, а собравъ весь воп, поспѣшилъ на встрѣчу Всеволоду, отъ котораго надо было опасаться сильнаго нападенія за кровную обиду.... Нѣтъ,—старому Князю, передъ жданной смертью, жаль или страшно стало за свое милое дѣтище: онъ искренно или притворно укротился. «Ты мнѣ сынъ», прислалъ онъ сказать Мстиславу, «а я тебѣ отецъ. Пусти мнѣ Святослава и мужей его; отдай, что захватилъ, а я отпущу гостей Новгородскихъ съ товарами.» Мстиславъ согласился, и они примирились. Такимъ образомъ Торопецкій Князь сдѣлался Княземъ Новгородскимъ, и счастье объявило себя на его сторонѣ.

Но онъ былъ остороженъ, и болелся повѣрить, чтобъ Великій Князь Суздальскій уступилъ ему такъ дешево Новгородъ и забылъ обиду. Тогда же осматривалъ границы и разпорядился вездѣ для обороны: гдѣ велѣлъ срубить городъ; гдѣ опредѣлилъ надежнаго посадника; Луки поручилъ брату, Володимеру Псковскому; а самъ сталъ на опасномъ мѣстѣ, въ Торжкѣ, блюсти главной волости Новгородской.

Наконецъ убѣдясь, что со стороны Суздальскаго княжества ему опасаться нечего, Мстиславъ пошелъ ходить съ мечемъ по сосѣдямъ, которые давно не видали Русскихъ воевъ.

Въ 1212 году напалъ онъ на Чудь, рекомую Торму*, и возвратился съ богатою добычею, пригнавъ множество скота.

На зиму ходилъ онъ еще на другую Чудь и подступилъ къ Медвѣжьей Головѣ.** Жители вышли изъ города и поклонились Князю. Онъ взялъ съ нихъ дань и далъ имъ миръ.

* Нынѣ есть Кирхшпилъ Торма, Лифляндской губер. Дерптскаго уѣзда. См. Арцыбышева т. II, пр. 1769.

** Медвѣжья голова, или Оденне, не далеко отъ Дерпта.

Потомъ (1214) со Псковскимъ и Торопецкимъ Князьями ходилъ Мстиславъ на третье племя Чуди, Ереву,* прошелъ всю Чудскую землю до моря, потратилъ ихъ села, взялъ ихъ остьки, и осадилъ городъ Воробинъ.** Чудь Еревская поклонилась ему также, какъ и Торма. Онъ взявъ дань, отдалъ двѣ части Новгородцамъ, а третью своимъ дворянамъ.

Не успѣвъ онъ воротиться въ Новгородъ, какъ явились къ нему послы отъ братьевъ: Всеволодъ Чермный, твердый въ своемъ намѣреніи, выгонялъ остальныхъ изъ Руси за то, что они будто содѣйствовали гибели двухъ Олеговичей въ Галичъ. «Поди къ намъ», звали изгнанники своего брата, «поищемъ нашей отчины. Всеволодъ Святославичъ не творить намъ части въ Русской земли.» Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославль дворъ, и обратился къ Новгородцамъ съ просьбою идти Кіеву на Всеволода. «Куда ты глазами взглянешь, туда мы головы свои бросимъ», отвѣчали они любимому Князю, и Мстиславъ собрался съ ними, немедля, въ походъ. Полки дошли благополучно до Смоленска. Здѣсь случилась ссора у Смольянъ съ Новгородцами, которые убили одного Смольянина, и потомъ отказались идти за Княземъ. Князь сталъ звать ихъ на вѣче—разобрать дѣло вмѣстѣ. Они не шли. Тогда Мстиславъ, «цѣловавъ всѣхъ», поклонился имъ, пожелалъ добраго здоровья, и ушелъ въ походъ одинъ съ своею дружиной.

Новгородцамъ стало совѣстно; они сотворили вѣче о себѣ, и почали гадать.*** Посадникъ Твердиславъ сказалъ: «братцы! дѣды и отцы наши страдали за Русскую землю. Пойдемъ и мы.» И Новгородцы догнали Мстислава, помирились съ нимъ, продолжали путь вмѣстѣ, достигли не-

* Ервенскій повѣтъ, Естляндской губ., въ коемъ повѣтовой городъ Венсенштейнъ. Арц. т. II, пр. 1177.

** Кажется, Кирхшпилъ Верпель, Естляндской губ., Виксаго повѣта. Арц. ib. 1776.

*** Гадать=разсуждать. О себѣ=сами собою, одни.

пріятельскихъ волостей, разорили по Днѣпру Черниговскіе города, взяли Рѣчицу на щитъ. Наконецъ подступили они подъ Вышгородъ и начали битись. Мстиславъ одолѣлъ и Всеволодъ бѣжалъ за Днѣпръ. Вышегородцы отворили ворота. Мстиславъ тотчасъ въ Кіевъ, посадилъ на столъ двоюроднаго своего брата, Мстислава Романовича, и пошелъ Чернигову, преслѣдуя врага. Двѣнадцать дней продолжалась осада. Всеволодъ умилился, кажется, добраго противника, отказавшись отъ своихъ притязаній. Князя взяли миръ, и Новгородцы, осыпанные подарками съ Кіиземь, воротились домой всѣ здравы.

Мстиславъ не долго остался съ ними. Побывавъ на Руси, онъ увидѣлъ и услышалъ много новаго, особенно по Галицкимъ дѣламъ, и рѣшился попытать своего счастья. Вскорѣ по возвращеніи онъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и разпрощался съ Новгородцами, сказавъ имъ: «есть мнѣ орудья* въ Руси, и вы вольны въ Князьяхъ.»

Новгородцы избрали (1215) зятя Мстиславова, сына Всеволода, Великаго Князя Суздальскаго, который, жестокій врагъ ихъ, не за долго предъ тѣмъ, умеръ, оставивъ свой столъ второму сыну Георгію, мимо старшаго Константина. Этотъ выборъ былъ очень неудаченъ. Ярославъ не походилъ на Мстислава. Гордый, раздражительный, упрямый, мстительный, онъ не могъ ужиться съ Новгородцами. Всѣмъ началось у нихъ распри; Ярославъ управлялся по своему, в наконецъ ухалъ отъ нихъ въ Торжокъ, близкій къ его Твери. Новгородцы послали къ нему пословъ, съ объясненіями и приглашеніями; онъ, не отвѣчая ни слова, задерживалъ пословъ, хваталъ вездѣ купцевъ съ ихъ товарами, а въ Новгородѣ случился на ту пору ужасный голодъ и дороговизна хлѣба, такъ, что бѣдные жители продавали дѣтей своихъ гостямъ одерень**.

* Орудья—дѣла.

** Одерень—въ крѣпость и рабство (иностраннымъ купцамъ).

непускалъ туда ни одного воза съ хлѣбомъ, и Новгородцы не знали, что имъ дѣлать, опять послали пословъ, и опять Ярославъ задержалъ ихъ, въ третій разъ также, — «и бысть въ Новѣгородѣ печаль и вопль....»

Вдругъ, откуда ни возмись, является между ими дорогѣй ихъ Мстиславъ. Мудрею описать ихъ удивленіе, а радости было еще больше. «Кланяюсь святой Софіи», возговорилъ онъ зычнымъ голосомъ, созвавъ вѣче, «я услыхалъ о вашихъ бѣдахъ. Диво ворочу вамъ вашихъ мужей и ваши волости, либо повалю головою за Новгородъ.» Новгородцы были въ восторгъ. Князь поцѣловалъ имъ крестъ, они ему — въ животъ и смерть. Намѣстникъ Ярославовъ былъ тутъ же взятъ, и дворяне его окованы.

Когда пришла вѣсть къ Ярославу, что содѣялося въ Новѣгородѣ, и кто туда пожаловалъ, — онъ понялъ, что дѣла примуть другой оборотъ, и что надо думать ужъ и о себѣ: изгошилъ твердь,* засѣкъ все пути отъ Новгорода, заперъ рѣку Тверцу, а въ Новгородъ подослалъ сто Новгородскихъ мужей изъ числа имъ захваченныхъ, чтобъ они старались всячески выжить оттуда Мстислава. Мужи взялись, а прѣхавъ къ себѣ домой, отперлись отъ Ярослава, и стали со всеми своими за одно противъ общаго врага, о которомъ теперь никто и слышать не хотѣлъ.

Мстиславъ попытался впрочемъ кончить съ нимъ дѣло любовно, и послалъ Торжку попа Юрѣя съ своимъ мужемъ сказать ему: «сыну, кланяюсь тебѣ! Мужей моихъ и гостей пусти, а самъ съ Торжка иди, и возми, со мной любовь.»

Ярославъ упорствовалъ, и отпустилъ попа безъ мира, а Новгородцевъ созвалъ всѣхъ на поле за городъ, въ мясопустную субботу, мужей и гостей, числомъ больше двухъ тысячъ, оковалъ и разослалъ по своимъ городамъ, конями ихъ и товарами одѣлилъ своихъ, и приготовлялся встрѣ-

* Изгошить твердь = укрѣпить городъ, крѣпость.

титъ Мстислава, надвѣясь на помощь брата своего Георгія, Великаго Князя Суздальскаго, котораго стороу держаль онъ противъ старшаго Константина.

Тяжело приходилось Новгородцамъ. Лучшіе ихъ люди были изониманы, меньшіе разошлись отъ голода по сторонамъ. Много перемерло. На лицо было мало,—и тѣ, разстревоженные, истомленные, упали духомъ. Одинъ Мстиславъ неунывалъ. Онъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, поговорилъ, и прогналъ робость, «И въ многъ, братья, Богъ, и въ малѣ Богъ и въ правдѣ, Да не будетъ Новгородъ Торжкомъ, ни Торжекъ Новымгородомъ. Гдѣ святая Софія, тамъ Новгородъ. Пойдемъ же искать мужей своихъ—вашей братьи и волости.»

На новой годъ, Марта 1-го, во вторникъ на частой недѣль (1216), выступилъ Мстиславъ на зятя своего Ярослава, — но по другой дорогѣ, по которой тотъ не ожидалъ его: озеромъ Селигеромъ. (Такъ успѣхъ былъ ненадеженъ, и опасность была такъ велика, что черезъ день изъ Новгорода бѣжало нѣсколько мужей, переступивъ крестъ, къ Ярославу, съ женами и дѣтьми). Мстиславъ, пришедъ въ свою волость, послалъ людей въ зажитыѣ* запастися кормомъ для себя и для коней, что и было исполнено. Онъ стоялъ уже вверху Волги, какъ услышалъ, что дѣятельный Ярославъ прислалъ и въ эту сторону брата Святослава съ многими воями осаждать Ржевку, его городецъ въ Торопецкой волости, гдѣ затворился и отбивался Ярунъ съ сотней воиновъ. Мстиславъ поспѣшилъ къ нему на помощь, съ своими пятью стами (вотъ все его ополченіе), но осаждавшіе удалялись еще прежде. Тогда Мстиславъ, вмѣстѣ съ братомъ Володимеромъ Псковскимъ, двинулся впередъ, и взялъ Зубцовъ на Вазузѣ. Тамъ приспѣлъ къ нему еще союзникъ, двоюродный братъ, Князь Володимеръ Рюриковичъ, съ Смольянами, и они поцли по Волгѣ воююще. Остановясь на Холохольнѣ, Князья повторили Ярославу предложеніе о мирѣ. «Мира не хочу», отвѣчалъ имъ гордый, «вы пошли,—ну, и идите, и изо ста человекъ не останется у васъ по одному.»

* Зажитыѣ=фуражировка.

«Такъ и быть», сказали промежь себя Князь, «ты Ярославъ съ плотью, а мы съ честнымъ крестомъ.»

Новгородцы совѣтовали Князьмъ идти на Торжекъ. «Нѣтъ, не годится», отвѣчали они, «если поидемъ на Торжекъ, то мы попустошимъ Новгородскую волость, а мы лучше поворотимъ къ Твери.» Они поворотили къ Твери, и начали жечь села....

Ярославъ, услышавъ о разореніи своей волости, оставилъ Торжокъ, и забравъ старѣйшихъ бояръ и Новгородцевъ молодыхъ изборомъ, а Новоторжцевъ всѣхъ, переехалъ въ Тверь, чтобъ ее защитить. Посланные имъ сто избранныхъ мужей въ сторожу наткнулись, въ 18 верстахъ отъ города, на соединенныхъ Князей, которые, разставивъ полки, давали видъ рати великой. Ярунъ съ молодью бросился на нихъ, большая часть сторожей осталась на мѣстѣ, другіе взяты въ плѣнъ, и немногіе спаслися бѣгствомъ назадъ въ Тверь.

Но Мстиславъ не думалъ идти туда, а устремился въ другую сторону. «Поидемъ къ Переяславию,» сказалъ онъ Князьмъ. Этотъ путь былъ далекъ, идти трудно, но тамъ дожидался его, какъ говорилъ онъ, третій другъ.

Кто же былъ этотъ другъ, на котораго могъ надѣяться Мстиславъ? Константинъ, сынъ Всеволодовъ, старшій братъ Ярослава и Георгія, который съ досадою сидѣлъ въ Ростовѣ, и ждалъ случая отнять у меньшаго брата Владимиръ, принадлежавшій ему по праву. Если Юрій былъ за Ярослава, то по этой одной причинѣ Константинъ долженъ былъ взять сторону Мстислава. Такъ разсчитывалъ сей послѣдній, и не ошибся въ разсчетъ.

Князь обошли Тверь низомъ, прошли Шошу и Дубну*, и отрядили къ Константину боярина Яволода, котораго пощель провожать на рубежъ Володимеръ Псковскій съ Псковичами и Смольяне. Они всѣ шли по Волгѣ воююще, взяли и пожгли городъ Коснятинъ и все Поволожье. Тамъ встрѣ-

* Эти рѣки протекають между нынѣшними Московскою и Тверскою губерніями.

тилъ ихъ изъ Ростова воевода Еремей, и повѣдалъ имъ: «Князь Константинъ кланяется вамъ; онъ радъ, слыша о вашемъ приближеніи. Вотъ вамъ отъ него пять сотъ мужей, а вы пошлите къ нему отъ себя со всеми рѣчами шурина его Всеволода.» Они отправили къ нему Всеволода, и продолжали идти внизъ по Волгѣ, потомъ повернули къ Переяславию, побросавъ воза и сѣвъ на коней. Апрѣля 9, на Великъ день, въ городищѣ на Саррѣ, присоединился къ нимъ самъ Константинъ Всеволодовичъ. Они обрадовались свидѣвшеся и поцѣловали крестъ, спѣша вмѣстѣ къ Переяславию, — но Ярослава тамъ уже не было. Онъ ушелъ къ брату Георгію во Владимирь. Князья сами оборотились туда.

Новгородская война принимала другое значеніе. Междоусобіе перенеслось въ предѣлы Суздальскаго Княжества, дотоль свободнаго отъ войнъ. Дѣло пошло не объ одной вырुकѣ Новгородскихъ мужей и спорѣ между Мстиславомъ и Ярославомъ, а о столѣ Великаго Княжества: кому сидѣть — старшему Константину, имѣвшему право, или младшему Юрью, которому отдалъ отецъ.

И Юрій, почувствовавъ это, поднялъ всю свою силу — и Суздальцевъ, и Муромцевъ, и Бродниковъ, и Городчанъ, «было согнано и до поселей и до пшщевъ.» Нечего говорить, что и Ярославъ вывелъ всѣ свои полки, съ захваченными Новгородцами и Новоторжцами; меньшіе братья также. У Юрья стяговъ было 13, а трубъ и бубновъ 40*. А Константинъ со всеми своими полками былъ при Мстиславѣ. Оне страшно чудо и дивно, братья, восклицаетъ Лѣтописатель, дѣти шли на отца, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабовъ.

Во Владимирскомъ Княжествѣ, на сѣверѣ, начинались тѣже междоусобія, что были и на югѣ, между Князьями Кіевскими, Черниговскими, Галицкими и прочими.

Полки сблизились.

* Стяги = пѣшіе полки, трубы и бубны = конные, по мнѣнію Арцыбышева.

Ярославъ и Юрій стояли на рѣкѣ Кзѣ, а Мстиславъ и Володимерь съ Новгородцами поставили своихъ близъ Юрьева; Константинъ дальше, на рѣкѣ Липицѣ. Рѣшительный часъ наступалъ.

Какъ ни смѣлъ и запальчивъ былъ Мстиславъ, однако, увидѣвъ полки Юрья и Ярослава стояще, разсчелъ, что силы у нихъ далеко неравны, и испытывалъ мира. Онъ послалъ Ларіона Соцкаго къ своимъ противникамъ, сказать — Князю Юрью: «кланяемся. Обиды намъ съ тобою нѣтъ, обида намъ съ Ярославомъ.» Князь Юрій отвѣчалъ; «братъ Ярославъ и я едино есмь.» Князю Ярославу посоль сказалъ отъ Мстислава: «пусти мужей Новгородскихъ; что зашелъ во юсти Новгородской, Волокъ, ворота, и миръ съ нами возми; крестъ намъ поцѣлуй.» Ярославъ отвѣчалъ: «мира не хочу, мужи у меня, а вы далеко зашли, и попали какъ рыба на сухо.»

Ларіонъ принесъ отвѣтъ того и другаго брата своимъ Князьямъ, Тогда они послали къ обоимъ братьямъ вмѣстѣ послѣднюю рѣчь: «братья Княже Юрій и Ярославъ! Мы пришли не на кровопролитье, Не дай Богъ крови творити. Управимся такъ, Мы всѣ одинъ родъ. Отдадимъ старѣйшинство Князю Константину. Посадите его во Владимиръ, а вамъ Суздальская земля вся.» Князь Юрій отвѣчалъ: «скажи братья моей, Князьямъ Мстиславу и Володимеру — вы пришли, такъ и уйдите, куда хотите. Если отецъ не смогъ помирить меня съ Констанстиномъ, то вамъ нечего уже братья за то. А брату Константину молви: переможешь насъ, тебѣ вся земля.»

Такъ надмился Юрій и Ярославъ, видя свою силу, что не хотѣли слушать о мирѣ, — и начали пировать въ шатрѣ съ своими боярами. Веселье было шумное. Только и рвчей, что о предстоявшей битвѣ. Почти всѣ несомнѣвались въ побѣдѣ, — не было и противное мнѣніе. Одинъ бояринъ сказалъ Юрью и Ярославу: «а лучшебъ, Князья, вамъ помириться, и отдать старѣйшинство Князю Константину. Меньшая братья въ вашей воли, и спорить съ вами не будутъ. Подумайте о томъ, что при нашихъ полкахъ нѣтъ Ростиславова пле-

мени, — мудры тѣ Князья, и рядны, и хоробры, а каковъ Мстиславъ Мстиславичъ въ томъ племени, вы сами видите: дана ему отъ Бога храбрость изъ всѣхъ! И мужи ихъ, Новгородцы и Смоленяне, дерзи къ бою. А, господина, гадайтѣ?» Не любя была эта рѣчь Князьямъ Юрью и Ярославу. За то другіе говорили: «Князья Юрій и Ярославъ, неопасайтесь! Не было того ни при отцѣ вашемъ, ни при дѣдѣ, ни при прадедахъ, чтобъ вошелъ кто ратью въ сильную землю Суздальскую и вышелъ изъ нея цѣль. Хотя бы вся Русская земля наступила, — и Галицкая, и Киевская, и Смоленская и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, и тѣ неуспѣли бы ничего противу нашей силы, — а нынѣшніе полки, да мы сѣдлами ихъ закидаемъ» Такія слова нравились Князю Ярославу, и онъ, жестокаго сердца, обратясь къ боярамъ и первымъ людямъ своимъ, сказалъ: «пришелъ бы товаръ въ руки, вамъ все — кони, брони, порты, только небратъ никого живаго; кто возьметъ, тотъ самъ будетъ убитъ. Хотя бы золотомъ у кого было шито оплечье, все равно, убивать; кто утечетъ изъ полка, не убить.... понимаемъ.... въшать либо распинать. Чтобъ не осталось ни одного въ живыхъ. А о Князьяхъ, что попадутся къ намъ въ руки, мы разсудимъ послѣ.

Потомъ Князья отпустили людей, и, оставшись одни, начали дѣлить города между собою. Князь Юрій заключилъ: «мнѣ, братъ Князь Ярославъ, Владимирская земля и Ростовская, тебѣ Новгородъ, а Смоленскъ брату Святославу; Киевъ отдать Черниговскимъ Князьямъ, а Галичь намъ же.» Они поцѣловали крестъ между собою, и написали грамоты, чтобы того непереступати.

А что происходило въ Мстиславовомъ стану? Тамъ не было такой надежды и веселья; напротивъ, сомнѣніе колебало сердца. Братья опасались больше всего, чтобъ Константишь, убояся силы, неизвѣнилъ имъ. Долго толковали они между собою, и наконецъ привели его снова къ кресту, — потомъ начали приготовляться къ бою, и велѣвъ затрубить въ трубы, и кликнуть во всѣхъ полкахъ, двинулись къ Липицѣмъ, куда вызывали ихъ противники.

А Суздальцы, ночью, отошли отъ Липиць чрезъ оврагъ на гору Авдову. Мстиславъ, Володимеръ, Константинъ и Всеволодъ, поставили свои полки на горъ Юрьевой, подъ коей протекалъ ручей Тунегъ. Они послали еще къ Юрью трехъ мужей просить мира, — «а если не дашь мира, то отступи дальше на ровное мѣсто, и мы перейдемъ на вашу сторону; или мы оборотимся назадъ къ Липицамъ, а вы станете на наше мѣсто.» Юрій отвѣчалъ: «ни мира не беру, ни отступаю; вы прошли столько земли,—черезъ этотъ ли оврагъ не переберетесь.» Суздальцы надѣялись на свое укрѣпленіе: гора была оплетена плетнемъ, осована кольемъ, на случай ночнаго нападенія.

Завернула стужа, подулъ сильный вѣтеръ: Князя послали было свою молодежь противъ Ярославовыхъ людей, но какъ-то не жарко схватились они, бились цѣлой день до ночи, и ничего не вышло.

Среди опасеній, въ нерѣшимости, пришла имъ въ голову новая мысль—идти прямо ко Владимиру, оставленному безъ защиты. Не трогая полковъ, они начали доспѣвать въ станяхъ. Противники, замѣтивъ движеніе, подумали, что они хотятъ бѣжать, спустились было съ горы, а тѣ оборотились и попятили Суздальцевъ. Между тѣмъ подоспѣлъ и Володимеръ Псковскій изъ Ростова.

Константинъ отговорилъ идти на Владимиръ: «если мы пойдемъ мимо ихъ, то они возмутъ насъ въ тылъ, а другое дѣло: мои люди къ бою не дерзки, разойдутся по городамъ.» «Такъ пойдемъ на нихъ прямо, братья Володимеръ и Константинъ,» воскликнулъ Мстиславъ, которому становилось уже скучно среди этой неизвѣстности и нерѣшимости, — «гора насъ непобѣдитъ и гора намъ не поможетъ.» Это было Апрѣля 21, въ четвергъ, на второй недѣль по Пасхѣ.

Полки выстроились: Володимеръ Смоленскій сталъ съ краю противъ Ярослава, подлѣ него Мстиславъ и Всеволодъ съ Новгородцами передъ Юрьемъ; Володимеръ Псковскій съ Псковичами, а за нимъ Константинъ съ Ростовцами, лицомъ къ меньшей братьѣ.

Мстиславъ и Володимеръ такъ укрѣпляли своихъ воевъ: «братья, мы вошли въ землю сильную: станемъ крѣпко. Назадъ оглядываться нечего; побѣгше не уйти! Позабудемъ же домовъ, женъ и дѣтей. Двухъ смертей не бывать, одной не миновать. Биться будемъ, кто хочетъ пѣшій, кто хочетъ на конѣ.» Новгородцы закричали: «не хотимъ измрети на коняхъ, но какъ отцы наши на Колокшѣ будемъ биться пѣши.» — соскочили съ коней, сбросили съ себя платье, разулись, — и кинулись впередъ пѣшіе. Мстиславъ былъ тому очень радъ. Смольяне бросились также пѣшіе. За ними отрядилъ Князь Володимеръ своего мужа Ивора Михайловича съ полкомъ, а сами Князья и воеводы слѣдовали сзади на коняхъ.

Передніе, недождавшись никого, съ крикомъ и воплемъ ударили въ Ярославовыхъ пѣшцевъ. Тѣ не выдержали перваго напора, подались назадъ, а эти за ними, — бьютъ, подсыкаютъ стягъ Ярославовъ, — и вотъ подоспѣлъ съ полкомъ Иворъ, подъ которымъ въ оврагѣ споткнулся было конь и онъ едва выбрался оттуда.... вмѣстѣ досыкаются они до другаго стяга Ярославова.... здѣсь завязывается жаркая схватка, а Князья еще недоѣхали. Мстиславъ видитъ издали опасность.... онъ неутерпѣлъ. «Не дай Богъ, братъ Володимеръ, выдать добрыхъ людей,» кричитъ онъ брату, и пускается во весь опоръ на противниковъ сквозь своихъ пѣшцевъ. Полкъ его за нимъ. За нимъ и Володимеръ съ Смольянами, Всеволодъ Мстиславичъ съ дружиною. Ударили и Володимеръ съ Псковичами и Константинъ съ Ростовцами. Мстиславъ впереди. Ничто противустать ему не можетъ. Всѣ предъ нимъ уклоняются, всѣ пятятся. Три раза безъ сопротивленія пробѣжалъ онъ сквозь полки Ярославовы и Юрьевы, съкучи топоромъ людей, кто попадался ему на дорогѣ. Топоръ у него былъ съ поворозою на рукѣ. Кого доставала его рука, тотъ уже неподнимался съ мѣста. Володимеръ неотставалъ отъ Мстислава. И такой крикъ поднялся отъ живыхъ, вытье отъ прободенныхъ, что въ городѣ Юрьевѣ было все слышно. Будто стонъ стоялъ въ полѣ. Враги, ошеломленные отъ ударовъ, объятые страхомъ, пустились бѣжать по всѣмъ дорогамъ, кто въ ближній городъ, кто во Владимиръ, кто въ Переяславль.

А Юрій еще держится противъ брата Константина. Вражда у нихъ закоренѣлая. Имъ съча на животь или смерть. Побѣдителю столъ Великаго Княжества, побѣжденному нѣтъ надежды и на кусоць хлѣба. Ему терять больше всѣхъ. Онъ держится. Братъ Ярославъ, виновникъ войны, стоитъ уже подлѣ него, помогаетъ....

Между тѣмъ Мстиславъ и Володимеръ досѣклись до Ярославовыхъ товаровъ. Вонъ его всѣ разбѣжались. Мстиславъ закричалъ: «братья Новгородцы! не стойте къ товару, прилежите бою, чтобъ не воротились они, образумясь. Тогда они вѣдь измятутъ насъ!» И Новгородцы стали крѣпко, а Смольяне принялись грабить товары, — но никто не возвращался. Съча продолжается только на другой сторонѣ, да и тамъ уже недолго.

Юрій, видя «полки пожинаемые вездѣ яко класы на нивѣ», видя воевъ Ярославовыхъ сбитыхъ, наконецъ смутился.... еще нѣсколько ударовъ.... страхъ запалъ въ сердце; и онъ въ отчаяннѣ поворотилъ своего коня въ сторону, братъ Ярославъ въ другую; они поскакали безъ памяти....

Трехъ коней задушилъ Юрій дорогою, — и прискакалъ во Владимиръ на четвертомъ, въ одной сорочкѣ; подкладъ и тотъ онъ изъ подъ себя выбросилъ. Сступъ былъ въ часъ обѣда, а онъ прискакалъ во Владимиръ о полуднѣ. Вотъ какъ онъ гналъ! Во Владимирѣ оставались только жены и дѣти, черницы и попы. Завидя скачущаго ратника, они обрадовались, подумавъ: наши одолеваютъ, посоль отъ Князя! А какъ спознали, что это былъ самъ Князь Юрій, то ужасъ напалъ на всѣхъ. Юрій въ безпамятствѣ кричалъ еще издали: твердите городъ, твердите городъ*, и началъ ѣздить около стѣнъ и распорядиться. Къ вечеру набѣжали многіе съ битвы, кто раненый, кто нагой, полумертвой — и поднялся въ городъ плачь вмѣсто жданнаго веселья....

Понутру Князь созвалъ людей. «Братья Владимирцы!» сказалъ онъ жалобно, «затворимся въ городъ. Можетъ бѣтъ,

* Т. е. укрѣпайте крѣпость.

Вогъ дастъ, мы отобьемся.» «Княже Юрій,» отвѣчали люди, «съ кѣмъ затвориться намъ? Братья наши избиты, а другіе изоиmány. Остальные прибѣжали безъ оружія. Съ кѣмъ же мы станемъ?» Князь Юрій сказалъ: «все это знаю, но не выдайте меня брату Константину, ни Мстиславу, ни Володимеру, чтобъ я вышелъ изъ города по своей волѣ. Владимирцы обѣщались.

А что происходило съ Ярославомъ? Какъ Юрій во Владимирь, такъ Ярославъ прискакалъ въ Переяславль на пятомъ конѣ, заморивъ четырехъ. Но ему мало было перваго зла, замѣчаетъ лѣтописецъ, ему мало было крови, пролитой въ Новгородѣ, Торжкѣ, на Волокъ: съ сердецъ, велѣлъ онъ перехватать всѣхъ Новгородцевъ и Смольянъ, которые пришли гостбою* въ землю его, и пометать кого въ погребъ, кого въ тѣсную избу, кого въ гридницу, — полтораста ихъ въ одну ночь задохлось; только пятнадцать человекъ Смольянъ, посаженныхъ особо, остались въ живыхъ.

Возвратимся къ побѣдителямъ, или лучше къ побѣдителю, потому что онъ, Мстиславъ, одинъ крѣпкой своею мышцею, доставилъ побѣду надъ неприятелемъ, который былъ ихъ во столько разъ сильнѣе.

Не уйдти бы Юрью и Ярославу, говорить лѣтописецъ, еслибъ Мстиславъ захотѣлъ ихъ преслѣдовать, и онъ въ тотъ же день изгонилъ бы Владимирь.** Но, милостивое племя Ростиславле, Князя не хотѣли гнаться, и остались на мѣстѣ побоища. На другой день, тихо, подошли вон ко Владимиру, и остановились передъ стѣнами. Князя обѣхали стѣны, кругомъ высматривая, съ которой стороны занять его. Ночью загорѣлся княжой дворъ. Въ суматохѣ легко было напасть на городъ и ворваться; такъ и хотѣли Новгородцы, — но великодушный Мстиславъ не пустилъ; его примѣру послѣдовалъ и Володимеръ, не позволивъ на другую ночь, во втор-

* Для торговли.

** Взять изгономъ, изгонить—взять вдругъ, нечаянно, недопустивъ обороны.

никъ, Смольянамъ воспользоваться новымъ общимъ пожаромъ города, со второго часа ночи до свѣта. Юрій выслалъ къ Князьямъ съ челобитьемъ: «не ходите на меня теперь, а завтра я самъ выйду изъ города»

Путру рано выѣхалъ Князь Юрій съ двумя братьями, поклонился Князьямъ Мстиславу и Володимеру, и сказалъ: «братья, вамъ челомъ бью! Вамъ животъ дати и хлѣбомъ накормите, а братъ мой Константинъ въ вашей воли,» то есть онъ не будетъ спорить о томъ, что вы обо мнѣ положите. Мстиславъ и Володимеръ управили ихъ*, и отдали старшему Константину столъ Великаго Княжества, а Юрью Радилонъ городецъ,** куда тотъ немедленно и отплылъ, въ ладьяхъ и насадахъ, съ женою и людьми своими. Оставляя любезный свой Владимиръ, онъ зашелъ въ Соборъ, и ударивъ челомъ у отечнаго гроба, плачущій сказалъ: «суди Богъ брату Ярославу — до чего онъ меня довелъ.» А Константинъ въѣхалъ въ Владимиръ, встрѣченный священствомъ и всѣми людьми, одарилъ всѣхъ Князей и Бояръ на радостяхъ многими дарами, и привелъ Владимирцевъ къ кресту.

Ярославъ, между тѣмъ, затворился въ Переяславль, «пробывая въ злобѣ, и дыша гнѣвомъ.» Онъ не хотѣлъ покориться, надѣясь выдержать осаду. Но не долго продолжалась его надежда. Мстиславъ не думалъ оставить дѣла безъ конца. Въ пятницу, на третьей недѣлѣ по Пасхѣ, двинулись его вой къ Переяславию.... и смутился Ярославъ! Увидя, что какъ-нибудь дѣло кончиться не можетъ, началъ высылать пословъ на встрѣчу Князьямъ, моляся о мирѣ. Князья шли впередъ, не слушая его рѣчей.

Во вторникъ по утру выѣхалъ онъ самъ, и какъ ни тяжело было его гордому сердцу, ударилъ челомъ Князю Константину: «Господине! Дѣлай со мною что хочешь. Не выдавай

* Управити = рѣшить дѣло, споръ, между кѣмъ, опредѣлить, кому что слѣдуетъ.

** На Волгѣ, въ 20 верст. выше Балахны, Нижегородской губ.

меня только отцу моему Князю Мстиславу, ни Князю Володимиру, а накорми хлѣбомъ самъ, какъ тебѣ угодно.»

И Князь Константинъ исполнилъ его желаніе, управилъ его съ тестемъ, велѣвъ освободить Новгородскихъ мужей, бояръ, купцевъ, возвратитъ ихъ имѣніе, отказаться отъ волостей. Не доходя еще Переяславля, Князья уладились между собою совершенно.

Въ середу на Преполовенье приѣли они къ городу. Ярославъ одарилъ Князей и воевъ многими дарами. Мстиславъ принялъ дары, но въ городъ въѣхать не хотѣлъ, а потребовалъ къ себѣ только дочь, жену Ярославову, также, что живыхъ оставалось тамъ Новгородцевъ, и расположился станомъ за городомъ. Князь Ярославъ нѣсколько разъ присылалъ къ тестю съ мольбою о своей Княгинѣ, но Мстиславъ оставался непреклоннымъ. Напрасно Ярославъ говорилъ: «мало ли какія ссоры бываютъ между Князьями. Я виноватъ, и крестъ меня убилъ,» но Мстиславъ никакъ не хотѣлъ отнустить къ нему дочери.

Въ ту же ночь, опредѣливъ всѣ условія, союзные Князья разошлись: Мстиславъ къ себѣ домой въ Новгородъ, Константинъ во Владимиръ, Володимиръ одинъ въ Псковъ, другой въ Смоленскъ.

«Сильные полки побѣдили они,» говоритъ лѣтописецъ, «взяли свою честь и славу.» Можно себѣ представить, какая радость была въ Новгородѣ, когда всѣ мужи пріѣхали изъ тяжкаго, долгаго плѣну, волости возвращены, и противная власть Суздальская надъ ними была уничтожена. Они вспомнили старое время, и дорогъ имъ сталъ Мстиславъ еще болѣе, но любовались они имъ не долго, не долго отдыхалъ мужественный витязь....

На слѣдующій годъ (1217) поѣхалъ онъ въ Кіевъ, и воротился почти только проститься съ Новгородцами. Сознавъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ (1218), онъ сказалъ: «кланяюсь Святой Софїи, и гробу отца моего, и вамъ всемъ. Хочу искать Галича, но васъ не забуду никогда. При-

веди меня Богъ лечь у Святой Софіи подлѣ отца. Прощайте.» Новгородцы много и долго уговаривали Мстислава, который сдѣлалъ имъ столько добра, и такъ пришелся имъ по нраву, котораго они такъ любили, къ которому такъ привыкли. «Не ходи, Князь» молили они его печальные, «останься съ нами, куда тебѣ!» и никакъ не могли убѣдить. Онъ разпростился съ ними, и уѣхалъ — искать новыхъ опасностей и новыхъ подвиговъ въ сторонѣ, совершенно противоположной Суздалью и Новгороду — въ Галичъ.

Галицкое княжество, вымороченное по пресѣченіи рода Ростиславичей въ лицѣ знаменитаго Ярослава Осъмосмысла (1187), и его недостойнаго сына Володимера (около 1200 г.), переходило тогда изъ рукъ въ руки между многими союзниками, своими и чужими, среди непрерывныхъ смуть, измѣнъ, и кровопролитій, — досталось было на время сосѣднему Князю Роману Вольнскому, который погибъ въ походѣ на Ляховъ, оставя двухъ малолѣтнихъ сыновъ, Данила и Василька, — наконецъ оно было захвачено иноплемениками, Уграми и Поляками, мнимыми покровителями сиротъ. Но они не могли мирно раздѣлить добычи.

Король Польскій Лешко Бѣлый и Король Венгерскій Андрей поссорились между собою за владѣніе. Первый предложилъ тогда Галичъ Мстиславу, лишь бы не оставался онъ во владѣніи у соперника. «Ты мнѣ братъ», писалъ онъ къ нему въ Новгородъ, въ злобѣ на Андрея, — «иди и сядь въ Галичъ». Мстиславъ послушался зова.

Проведя почти всю свою жизнь на югѣ, знакомый со всеми тамошними дѣлами, давно уже зарисъ онъ на эту богатую и обильную волость, и хотѣлъ положить свой топоръ на всы рѣшенія, для чего, вѣроятно, и пріѣзжалъ въ Русь изъ Новгорода еще въ 1206 году.

Рѣшась теперь при благопріятныхъ обстоятельствахъ приступить къ исполненію давняго замысла, пріѣхалъ онъ въ Кіевъ и началъ собирать вой. Сборы продолжались не долго. Кто былъ не радъ стать подъ стяги Мстиславовы,

любимые победою! Снарядясь, онъ пошелъ наконецъ въ походъ, — и одинъ страхъ отъ его имени обратилъ враговъ въ бѣгство. Воронье, что терзали бѣдной Галичь, разлетѣлись, почуявъ сокола. Свирѣпый Бенедиктъ Лысый, намѣстникъ Андреевъ, бѣжалъ въ Угры съ Судиславомъ, опекуномъ малолѣтнаго Королевича, Галичь стала пусть, и Мстиславъ безъ всякаго затрудненія сѣлъ на столъ Галицкомъ. Легкій успѣхъ, — но труды были еще впереди!

Угры не могли же отказаться легко отъ своей завидной добычи. Мстиславъ на всякой случай долженъ былъ приготовляться къ встрѣчѣ. Онъ выдалъ дочь свою Анну за Данила, получившаго между тѣмъ, послѣ многихъ бѣдъ и превратностей, отчину свою, Княжество Владимирское, — надѣясь имѣть въ немъ вѣрнаго сотрудника и помощника противъ иноплеменниковъ. Но не съ одними Уграми предстояла борьба.

Непостоянный Лешко взялъ вскорѣ ихъ сторону, хотъ противъ нихъ только что призвалъ Мстислава, — и вотъ по какому случаю:

Во время смутъ онъ овладѣлъ нѣкоторыми городами Владимирскими. Данилъ, возмужавъ и утвердясь на отцовскомъ столѣ, потребовалъ ихъ назадъ. Лешку не хотѣлось разстаться съ ними. Данилъ пожаловался Мстиславу. Тотъ отвѣчалъ: «за первую любовь, я не могу возстать на него; ници другихъ помощниковъ»

Молодой Князь Владимирскій рѣшился управиться одинъ, и занялъ всю свою Украйну, разбилъ и Ляховъ, высланныхъ Лешкомъ воевать по Бугу. Тогда Лешко озлобился, и полагая, что зять дѣйствуетъ за одно съ тестемъ, вступилъ тотчасъ въ переговоры съ Андреемъ: «Я отказываюсь отъ части своей въ Галичь,» говорилъ онъ, «и отдаю все зятю.» (т. е. Андрееву сыну, женатому на его дочери), выгонимъ только Русскихъ!»

Андрей не могъ ничего желать лучше. Онъ собралъ войско, и подступилъ къ Перемышлю. Ярунъ тысяцкй долженъ былъ бѣжать. Вой, присланные Мстиславомъ къ Городку,

отложившемуся съ людьми Судислава, были разбиты подо-спѣвшими Уграми и Ляхами. Въ схваткѣ убитъ дьякъ Мстиславовъ Василій, по прозванію Молза; съ Михалка Скулы враги сняли трое золотыхъ цѣпей, потомъ отсѣкли голову и принесли къ Коломану. Мстиславъ стоялъ на Зубрьѣ, съ Князьями Кіевскими и Черниговскими. Туда прибѣжали къ нему разбитые Бояре и извѣстили его о силѣ вражеской. Онъ увидѣлъ, что не можетъ спорить теперь, и отошелъ дальше назадъ, убѣдивъ Даниіла и Александра Бельзскаго подержаться въ Галичѣ. Даниілъ затворилъсѣ, а Александръ не посмѣлъ. Коломанъ и Ляхи подступили къ городу, бились долго на Кровавомъ Броду, но оставили его, устремились на Мстислава, и принудили выйти изъ земли. Онъ успѣлъ однакожь дать знать зятю, чтобъ тотъ выходилъ изъ засады, и Даниілъ, оказавъ великую храбрость и ловкость, прошелъ почти черезъ непріятельскіе полки, достигнулъ Днѣстра, оттуда прицѣпился къ Мстиславу, который великую хвалу сотворилъ своему мужественному зятю, далъ ему многіе дары, и даже борзаго своего сиваго коня. Онъ не думалъ, разумѣется, уступать, и не вѣя почти никакихъ у себя воевъ, рѣшился найти ихъ ицѣдъ. «Пойди, Княже, въ свой Владимиръ», сказалъ онъ, «а я пойду въ Половцы, и мы отомстимъ своей соромъ».

Угры торжествовали. Къ Коломану на помощь пришелъ въ Галичъ воевода Фила прегордый, какъ отзывается объ немъ Волынская лѣтопись: «онъ надѣялся объять всю землю, по-требить море», и говорилъ обыкновенно: острый мечу, борзый коню — многая Руси. Еще была у него пословица: однимъ камнемъ можно горшковъ перебить много.

Наконецъ пронесся слухъ, что идетъ Мстиславъ съ Половцами. Лешко поспѣшилъ на Даниіла, бороня ему идти на помощь къ тестю. Фильній не сомнѣвался въ побѣдѣ: оставивъ молодаго Коломана въ Галичѣ съ женою, онъ укрѣпилъ городъ, и къ великому соблазну православныхъ, употребилъ церковь Пресвятыя Богородицы подъ стѣну, а самъ пошелъ на встрѣчу съ Уграми, Ляхами и Галичанами. Мстиславъ ожидалъ его, вмѣстѣ съ вѣрными своими другомъ, и пер-

въѣтъ сподвижникомъ подъ Дипицами, Княземъ Володимеромъ Рюриковичемъ Смоленскимъ. Половцы поставлены были въ засаду, чтобъ ударить, когда разгорится бой. Полки приближались. Нетерпѣливый Мстиславъ въѣхалъ впередъ на высокій холмъ, чтобъ обозрѣть вѣрнѣе ихъ количество и силу....

Володимиръ, замѣтивъ изъ своего полка его одного на виду передъ врагами, испугался, чтобъ не случилось чего съ нимъ, — а отъ него зависѣло все, — прискакалъ къ безстрашному и убѣждалъ воротиться назадъ къ своимъ. Мстиславъ спускается быстро и тотчасъ велитъ начать сраженіе, общая своимъ воюмъ побѣду силою честнаго креста. Полки сступились. А на Володимировомъ крылѣ дѣло загорѣлось еще прежде. Ляхи напирали сильно. Наши будто обробѣли, побѣжали, Князья съ ними, Ляхи пустились въ погоню. Часть Венгровъ присоединилась къ преслѣдователямъ, считая побѣду рѣшенною. Всѣ они удалились на большее разстояніе отъ побоища, а Мстиславъ все еще стоялъ. Увидя противъ себя малочисленный остатокъ, онъ ударилъ съ Половцами въ тылъ Венграмъ и Галичанамъ, и привелъ ихъ въ совершенное замѣшательство. Тогда и Володимеръ Рюриковичъ, условясь, вѣроятно, заранее, оборотился на нихъ съ прочими бѣглецами, — и враги были сняты совершенно. Фильнѣй былъ взятъ здѣсь въ плѣнъ. Безъ воеводы упалъ духъ у воевъ. Бѣжать было некуда, и сражаться нельзя. Половцамъ и Русскимъ оставался только трудъ убивать ихъ. Между тѣмъ первые Ляхи возвращались съ пѣснями на побонце, не предчувствуя пораженія Венгровъ и Галичанъ. Половцы окружили ихъ со всѣхъ сторонъ съ однимъ Княземъ, и началась новая рѣзня. Они бѣжали: на другой сторонѣ развѣвалось бѣлое знамя; несчастные Ляхи устремились туда, думая, что это ихъ товарищи держатся, а знамя было распущено Русскими, которые принимали ихъ на мечи, по приказанію Мстислава, не вѣлѣвшего давать ни кому пощады. Побѣда одержана совершенная. Нельзя было счесть убитыхъ, трупы лежали ворохами, кровь вездѣ лилась потоками. Вопли раненыхъ и умирающихъ слышны были въ Галичѣ. А Половцы принялись грабить — ней, одежду, оружія, мно-

жество Поляковъ и Венгерцовъ угнали они въ неволю, Тогда и Галичане, услышавъ о побѣдѣ, начали убивать тайно оставшихся у нихъ Венгровъ, какъ овецъ. Русскіе превозносили Мстислава до небесъ, и за такую совершенную побѣду, что одержалъ онъ, и за приказъ не давать пощады Уграмъ и Ляхамъ. Красное ты наше солнышко, ясный ты нашъ соколъ; самъ Богъ насылаетъ тебя смирать гордыхъ и строптивыхъ, чтобъ не смѣли хвалиться предъ тобою побѣдою, — восклицали они въ восторгъ, и слава Мстислава между Русскими воями совершенно утвердилася: нѣтъ ему равнаго вонтеля!

Онъ подступилъ къ Галичу.

Остававшіеся тамъ съ Коломаномъ Угры и Ляхи рѣшились съ отчаянія защищаться до послѣдней капли крови. Смерть ждала ихъ предъ городомъ та же, что и въ городѣ. Приготовляясь къ осадѣ, они выгнали всехъ жителей съ женами и дѣтьми, опасаясь голода, равно какъ и измѣны съ ихъ стороны. Пльннй Фильнй, вѣроятно, по приказу Мстислава, совѣтовалъ имъ, не противиться побѣдителю, которому самъ Богъ предалъ во власть всю Галицкую землю, — но они не послушались. Потомъ послалъ къ нимъ Мстиславъ своего тысяцкаго Димитрія съ предложеніемъ сдаться, и также безъ успѣха. Наконецъ самъ подъѣхалъ къ крѣпости, и въ третій разъ они отказались. «Ну такъ готовьтесь на убой, а не къ сраженію», угрозилъ раздраженный Князь. Полки его окружали со всѣхъ сторонъ крѣпость. Къ несчастію осажденныхъ, однѣ заднія ворота оставили они безъ нужнаго вниманія. Русскіе сдѣлали подъ ними подкопъ, ворвались въ крѣпость, и впустили туда ночью Мстислава съ его людьми. Произошло всеобщее замѣшательство. Враги метались изъ стороны въ сторону среди ночнаго мрака, и падали подъ остріемъ меча. Славный лѣтописатель Польскій, Архіепископъ Краковскій Кадлубко, и Канцлеръ Иванъ успѣли убѣжать изъ города, Коломанъ съ женою спасся въ церковь, которую еще до похода укрѣпилъ самъ Фильнй, соединивъ ее съ ближайшею стѣною. Нѣсколько Угровъ и Ляховъ послѣдовало за нимъ; одни взбѣжали на каморы церковныя, другіе

поднялись на веревкахъ, и начали бросать оттуда камнями. На разсвѣтъ Мстиславъ окружилъ это послѣднее убѣжище, и вызывалъ Коломана для переговоровъ. Приближенные убѣждали его не выходить и не соглашаться ни на что, въ надеждѣ, не подоспѣетъ ли помощь отъ отца, который долженъ былъ уже получить извѣстіе объ ихъ положеніи. Мстиславъ стоялъ. Хлѣба было припасено хотя мало въ церкви, но пить было нечего, и жажда одолевала несчастныхъ. Мстиславъ, сжался, послалъ имъ бочку воды, и они приняли ее какъ драгоценнѣйшій даръ, и раздѣлили между собою по мѣркѣ, хотя впрочемъ и половина не утолила жажды.

Наконецъ къ жадѣ присоединился и голодъ. О помощи было неслыхать ни откуда, — и осажденные отворили ворота. Мстиславъ велѣлъ вывести Венгерскихъ и Польскихъ бояръ съ ихъ женами, и роздалъ ихъ по Половцамъ и по своей дружинѣ. Послѣдній вышелъ молодой Коломанъ съ женою и былъ отосланъ подъ стражею въ Торческъ. Враждебный Мстиславу Галицкій бояринъ Судиславъ попался здѣсь также въ его власть. Онъ обнималъ ноги Князеви и обѣщался работать ему вѣрно. Князь не попомнилъ зла, повѣрилъ словамъ его, себя на бѣду, и, почтивъ его честію великою, далъ ему Звѣнигородъ. Торжество Мстислава было полное, и раздѣлить оное пріѣхалъ вскорѣ храбрый Даниилъ, которому Лешко мѣшалъ до сихъ поръ соединиться съ нимъ и принять участіе въ войнѣ. Русскіе Епископы вѣнчали Мстислава, какъ утверждаютъ некоторые изъ новыхъ лѣтописцевъ, златымъ вѣнцемъ Коломановымъ, доставшимся ему въ руки, и онъ принялъ на себя имя царя Галицкаго.

Андрей, услышавъ о происшедшемъ, прислалъ къ Мстиславу вельможу своего Яроша требовать, чтобъ тотъ освободилъ его сына и всѣхъ плѣнниковъ, не то — подниметъ на него все царство свое и придетъ войною. «Побѣда не въ твоихъ рукахъ, а въ Божіихъ,» отвѣчалъ Мстиславъ спокойно, «приходи, и я тебя встрѣчу, надѣясь на помощь небесную.»

Второе посольство привезло рѣчи болѣе умѣренные. Король Венгерскій увидѣлъ, что Мстислава устрашить ни

чѣмъ нельзя, и что лучше прибѣгать къ другимъ средствамъ. Супруга Андрея отправила къ нему отъ себя особыхъ мужей молить о сынѣ. Мстиславъ долго не соглашался, опасаясь, чтобъ Галицкіе бояре, его не любившіе, не приняли опять стороны Коломановой, и не затѣяли новой войны. Посольства не прерывались. Предложенія слѣдовали одинъ за другимъ. Начались переговоры. Наконецъ рѣшено было, особенно вслѣдствіе совѣтовъ Судиславовыхъ, что Мстиславъ освобождаетъ Коломана и плѣнныхъ Угровъ, а онъ отказывается отъ Галицкаго Княжества, которое чрезъ три года предоставляется въ приданое дочери Мстиславовой, Маріи, вступающей въ супружество со вторымъ Андреевымъ сыномъ Андреемъ; теперь Угры получаютъ только Перемышль. Лешко озлобился на Андрея за этотъ договоръ, коимъ дочь его лишалась Галича, и старался посредствомъ Папы разрушить его, но напрасно, и поневоль помирился онъ съ Русскими Князьями.

—

Мстиславъ имѣлъ еще случай показать доброе сердце, умиловивъ Данила, который хотѣлъ было наказать войною двоюроднаго брата своего Князя Бельзскаго за его союзъ со врагами: тестъ сказалъ зятю: «пожалуй брата Александра» — и онъ, разоривъ только окрестности Бельза, воротился въ Володимиръ.

—

Такимъ образомъ дѣла, кажется, совершенно устроились: Мстиславъ владѣлъ безспорно Галичемъ, зять его Данилъ Вольшною. Враги смирились, сосѣди утихли, и никто не смѣлъ потревожить доблѣхъ Князей, одного въ возрастѣ цвѣтущей юности, другаго въ лѣтахъ мужественной старости, окруженныхъ вѣрными, испытанными дружинами. Отъ Польши и Венгріи, съ Юга и Сѣвера, небо надъ ними было ясно и чисто, какъ вдругъ на Востокъ, неожиданно, показалась, въ дали, черная туча! Къ счастью не знать еще было никому, сколько въ ней грозы!

Котянъ, тестъ Мстислава, старшій между Половецкими Князьями, является въ Галичъ со многими своими подруч-

никами, всѣ трепещущіе отъ страха. Никогда не видали Половцевъ въ такомъ смятенномъ, странномъ положеніи. И признаковъ нѣтъ прежней дерзости, прежняго высокомерія! Тихіе, смиренные и униженные, съ поклонами и дарами, приходятъ они къ Мстиславу и молятся: «помоги намъ, пришла на насъ враги и погубили нашу землю. Они придутъ скоро и къ вамъ, если вы теперь намъ не поможете, и изъскуютъ васъ какъ изъскли насъ. Помогите намъ!»

Что случилось съ вами? кто погубилъ васъ? какіе враги? откуда они? спрашиваетъ Князь и его бояре испуганныхъ бѣглецовъ, и не могутъ получить никакого удовлетворительнаго отвѣта. Половцы сами ничего не знали порядочно, говорили различно, умѣли описать только свое пораженіе: «враги ихъ пришли со стороны Каспійскаго моря, числомъ ихъ было очень много, храбрость и силу показали великую, злобы еще больше. Сначала поплыли они Ясовъ, Обезовъ, Касоговъ. Половцы стали было противъ нихъ съ самымъ сильнымъ своимъ Княземъ Юрьемъ Кончаковичемъ, и не могли устоять. Многіе были побиты, другіе загнаны въ луку моря, за Донъ, за Днѣпръ. Юрій Кончаковичъ и Данило Кобяковичъ были убиты. Прочіе перебрались черезъ валь Половецкій, въ Русскую землю....»

Вотъ что можно было понять и разобрать изъ ихъ словъ,—впрочемъ въ ихъ голосъ, на ихъ лицахъ, во всемъ ихъ разстроенномъ видѣ, заключалось самое ясное и убѣдительное доказательство о справедливости ихъ жалобъ, объ опасности положенія, о силѣ враговъ.

Но какъ ихъ зовутъ? спрашиваютъ Русскіе, удивляясь въ свою очередь смутнымъ рассказамъ.

«Зовутъ ихъ Татарами»,—и въ первый разъ услышалось на Руси злобщее имя!

Мстиславъ рѣшился созвать Князей въ Кіевъ на-снемъ для разсужденія объ этихъ новыхъ происшествіяхъ, касающихся до всей Русской земли, понеслись гонцы съ повѣстками во всѣ стороны.

Повъщенные Князья собрались — Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, съ сыномъ Всеволодомъ и зятемъ Андреемъ, Мстиславъ Святославичъ Черниговскій съ сыномъ, Михайлъ Всеволодовичъ Черниговскій (будущій мученикъ), Данилъ Романовичъ Волинскій, Олегъ Курскій, Мстиславъ нѣкій, и многіе другіе.

Туда собрались и всѣ Половецкіе нѣбольшіе. Они обходили Князей отъ одного къ другому, кланялись, просили, дарили коней, верблюдовъ, буйволовъ, дѣвокъ. Одинъ изъ нихъ Бастій принялъ Христіанскую вѣру. Всѣ средства употребляли они, чтобъ подвигнуть Русскихъ къ участію и защитѣ. Котянъ дѣйствовалъ больше всего на Мстислава Галицкаго,—и мудро ли было воспламенить этого неустрашимаго витязя, въ которомъ лѣта не угашали браннаго духа!

Его самага уже волновало любопытство, что это за новыя войны, предъ которыми все такъ преклонялось; его самага уже брало нетерпѣніе помѣряться съ ними силою, коей также до сихъ поръ никто не могъ противиться — и Чудь, и Угры, и Ляхи, и Половцы, и всѣ прочіе. А теперь его умоляютъ о помощи, отъ него ожидаютъ спасенія! Всей Русской землѣ предстоятъ опасности! Надо же предупредить ихъ!

Князья думали долго и толковали между собою. Мстиславъ Галицкій, старшій между ними, убѣждалъ ихъ на общемъ совѣтѣ такъ: «Если мы теперь не поможемъ Половцамъ, то они передадутся Татарамъ, и наступятъ вмѣстѣ на Русскую землю. Тогда силы у нихъ будетъ еще больше». Определено было помочь Котяну, а такъ какъ битва съ врагами лучше въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей, то и рѣшились Князья идти имъ на встрѣчу. Половцы, ждавъ-недождавшись этого рѣшенія, возрадовались. Надежда блеснула предъ ними отомстить свое пораженіе. Немедля князья разѣхались по своимъ волостямъ строить вон. Къ Великому Князю Суздальскому Юрью Всеволодовичу послано было извѣстіе съ просьбою приходитъ скорѣе на помощь.

Къ веснѣ снарядились Князья. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ на Днѣпрѣ, близъ Заруба, островъ Варяжскій, свидѣтельствовавшій своимъ именемъ объ удалыхъ набѣгахъ первыхъ витязей. Съ Апрѣля мѣсяца потянулись туда со всѣхъ сторонъ полки, кто въ лодьяхъ, кто на коняхъ, кто пѣший. Тамъ собрались Кіеве и Черниговцы, Галичане и Волыняне, Смольяне и Переяславцы. Столько было людей, что весь Днѣпръ покрылся ими; мы переходили рѣку по лодьямъ, какъ по суху, говоритъ очевидецъ, и воды изъ подъ нихъ было невидно. А Куряне, Трубочане и Путивльцы пришли конями, всѣ съ своими князьями. Слышался уже и Василько Константиновичъ, племянникъ Великаго Князя Юрія, посланный съ вспомогательной дружиной Ростовской и Суздальской. Выгонцы Галицкіе, въ тысячѣ ладьяхъ, приплыли Днѣпромъ въ море, поднялись въ Днѣпръ до пороговъ, и стали у рѣки Хортицы на Протолчьемъ броду, подъ начальствомъ Юрія Домамирача и Держикрая Володиславича. Половцевъ прибывало ежедневно. Послыша новую брань, они какъ будто стекались со всѣхъ сторонъ ободренные, испытать еще разъ счастья. Всѣ отправились въ путь.

Лѣто въ тотъ годъ было жаркое. Дождей не выпадало ни капли. Солнце палило жестоко. Отъ необыкновенной засухи земля трескалась, лѣса и болота загорались. Воздухъ наполнялся дымомъ и смрадомъ, и мгла прилежала къ землѣ. Вблизи не видать было человѣка. Птицы не могли летать и задыхаясь падали мертвыя. По ночамъ являлась необыкновенная звѣзда на западѣ, пуская лучи не въ лице человѣку, а какъ бы къ полуденю. Она выходила съ вечера по закатъ солнечномъ, и сіяла ярче другихъ звѣздъ. Такъ продолжалось семь дней, а потомъ четыре дни пускала она лучи къ востоку, и пропала. Между тѣмъ Татары, разбившіе Половцевъ, подвигались медленно вверхъ по ихъ странѣ. Услышавъ о приближеніи многочисленнаго ополченія Русскаго, вдали отъ главной своей силы, они, кажется, усомнились, и выслали къ намъ пословъ. «Слышимъ, что вы поднялись противъ насъ, повѣривши Половцамъ, но мы не на васъ пришли, мы вашей земли не

занимали, ни селъ вашихъ, ни городовъ вашихъ; мы пришли на холопей своихъ и конюховъ, Половцевъ: возьмите съ нами миръ. Прибѣгутъ къ вамъ Половцы, бейте ихъ, а имѣніе ихъ берите себѣ. Мы знаемъ, что и вамъ они причинили много зла.» Такъ говорили послы.

А Половцы шептали Русскимъ Князьямъ другое, возбуждая на брань, и стараясь всеми мѣрами, чтобъ они не соглашались мириться, — и Русскіе Князья избѣли пословъ! Пошли неостанавливаясь далѣе, внизъ по Днѣпру, — судьба ихъ влекла, — и достигли Олешья (противъ Херсона).

Татары прислали другихъ пословъ: «видимъ, что вы слушаетесь Половцевъ, вы убили нашихъ пословъ, и идете противъ насъ — идите, а мы васъ не трогаемъ. Надо всеми вами Богъ». Вторыхъ пословъ Князья отпустили.

Они все шли далѣе. Вдругъ пронеслась въ станъ молва, что показались впереди Татары высматривать Русскихъ людей. Молодой Князь Даніилъ Романовичъ вскочилъ на коня и понесся впередъ — увидѣть, что это за люди. Нѣсколько другихъ молодыхъ Князей погнались вслѣдъ за нимъ, увлеченные тѣмъ же любопытствомъ «къ невиданной рати». Соглядатаи, впрочемъ многочисленные, завидя ихъ приближеніе, съ поспѣшностію скрылись. Впечатлѣніе произвели они различное. Одни говорили, что это «простые люди», другіе считали ихъ ратниками и добрыми воями. Юрій Домамирничъ твердилъ, что они стрельцы, лучшіе Половцевъ, но молодые Князья переспорили всѣхъ и пристали къ старшимъ: «Княже Мстиславе и другій Мстиславъ, не стойте! Пойдемъ противу имъ!» — Мстиславу самому хотѣлось скорѣе къ дѣлу, — столько же пылкій, онъ послушался молодежи, и — переправился черезъ Днѣпръ въ тысячъ человекъ. Это было во вторникъ. Безстрашный, пошелъ онъ впередъ, по полю Половецкому, встрѣтилъ сторожей Татарскихъ, напалъ, — и разбить ихъ стоило ему одного удара. Наши отняли множество скота, такъ что стало его на всѣ вон, и пустились въ погоню съкуще. Татары, желая спасти начальника своего Гемябека, зарыли его живаго въ землю, «въ курганъ Половецкомъ», но Рус-

скіе напли. Половцы выпросили его себя у Мстислава и убили. Первый успѣхъ ободрилъ рать. Всѣ Князья переправились черезъ Днѣпръ, и поспѣшили вслѣдъ за Мстиславомъ, который въ жару отъ первой удачи шелъ впередъ не останавливаясь, и горѣлъ желаніемъ сразиться съ главною ратью. Девять дней шли они и достигли рѣки Калки*—роковая черта; за нею стояла вся сила Татарская.

Мстиславъ, у котораго никто не могъ оспоривать военачальства, велѣлъ Даніилу съ полкомъ своимъ и нѣкоторыми другими перейти рѣку, потомъ перешелъ самъ, послалъ своего храбраго Яруна съ Половцами въ сторожахъ, расположился станомъ, но не утерпѣлъ и поѣхалъ самъ вслѣдъ за Яруномъ. Окинувъ взглядомъ полки Татарскіе, — Богъ знаетъ, какъ они ему представились, и что за затмвѣніе въ очью его приключилося, — онъ поворотилъ своего коня, и прискакавъ къ своимъ, велѣлъ въ то же мгновеніе готовиться къ бою. А Мстиславъ Кіевскій и Мстиславъ Черниговскій стояли одалъ въ своихъ станахъ, ничего не зная о томъ, что битва начинается. Ослѣпленный витязь не послалъ сказать имъ ни слова, увѣренный въ побѣду, и желая всю ея славу присвоить одному себѣ.

Даніилъ вѣхалъ впереди, «бѣ бо дерзъ и храбръ: отъ главы и до ногу не бѣ въ немъ порока.» Съ боярами Василькомъ Гавриловичемъ и Семеономъ Олюевичемъ, — помянемъ здѣсь храбрыхъ, — начали они первые битву. Бояринъ Василько сбоденъ былъ на первомъ сступѣ. Даніилъ получилъ ударъ въ грудь, но, молодой и сильный, «буести ради» говоритъ очевидецъ, не почувствовалъ онъ раны, и не видалъ, какъ кровь изъ него лилась. Мстиславъ Нѣмый, увидя его раненаго и бьющагося, поспѣшилъ къ нему на помощь, — онъ друженъ былъ съ его отцемъ, и любилъ его какъ сына. Нечего говорить о Мстиславѣ Галицкомъ. Олегъ Курскій подвизался съ ними крѣпко. Татары бѣжали отъ мужественныхъ витязей. Казалось — начало было счастливо. Ярунъ съ Половцами на-

* Нынѣ Калатъ, Мариупольскаго уѣзда Херсонской Губерніи.

чаль также биться на своей сторонѣ, но Половцы, — они погубили вашу рать! Съ робостью ль приступили они къ дѣлу, или страхъ напалъ на ихъ сердце внезапно, или увидѣли они невозможность и бесполезность спора, — только послѣ перваго сступа они дрогнули, замѣшались. Татары наперли крѣпче съ крикомъ и воплемъ — передніе попятили заднихъ, задніе крайнихъ, — еще напоръ, еще ударъ, — и Половцы побѣжали, побѣжали всѣми своими толпами, прямо на станы нашихъ Князей, которые, не знавшіе ничего, не успѣли еще поставить своихъ полковъ въ порядокъ. Половцы смяли ихъ совершенно. Никто не понималъ, что происходитъ; никто не зналъ, что ему предпринять. Крики отчаянія варваровъ, лишившихся послѣдней надежды, заглушали все. Они разбѣжались во всѣ стороны, пѣшіе, конные, съ телегами, и провозвели общее замѣшательство. Татары навалились на остальные, державшіеся еще полки, всѣми силами, началась съча злая и лютая, но духъ упadalъ, сомнѣніе овладевало, а враговъ нагонялось больше и больше, они стрѣляли неудержно, и пронзали противниковъ. Князья увидѣли, что стоять имъ нельзя. Храброму Данилу не стало мочи. Огонь снѣдалъ его внутренность. Жажда мучила его, — онъ повернулъ коня къ рѣкѣ, и припалъ напиться воды; тогда только почувствовалъ онъ свои раны, и бѣжалъ съ прочими. Бѣжалъ и нашъ Мстиславъ Галицкій, бѣжалъ въ первый разъ отъ роду, разумѣется истощивъ всѣ силы въ битвѣ, хотя описатель и не исчисляетъ его подвиговъ, бѣжалъ вѣрно съ горькимъ чувствомъ своей вины. Татары погнались за ними до Днѣпра, и убили шесть Князей: Святослава Яневскаго, Изяслава Ингваревича Луцкаго, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго, Юрья Несвижскаго. Изъ бояръ Иванъ Дмитріевичъ палъ еще въ первой схваткѣ съ двумя своими товарищами. Иныя лѣтописи называютъ Александра Поповича съ его слугою Торопомъ, и Добрынею Рязаничемъ златымъ поясомъ. До семидесяти богатырей Русскихъ погибло, и, говорятъ, изъ всѣхъ воевъ спасся едва десятый: «убійство безчисленное сотворися». Такая побѣда надъ Князьями Русскими, какой никогда не бывало, случилась Мая 31 въ пятницу,

на память Св. Апостола Ермія. Во время бѣгства и Половцы убили многихъ изъ нашихъ, инаго изъ-за коня, инаго изъ-за портя. Мстиславъ, прибѣжавъ къ Днѣпру, переправился, и велѣлъ истребить лоды, зажечь и изрубить, чтобъ Татарамъ нельзя было гнаться.

Но не всѣ вои, не всѣ Князья Русскіе, бѣжали. Остался одинъ, Мстиславъ старшій, Великій Князь Кіевскій. Не предупредивъ о сраженіи, онъ стоялъ съ своимъ полкомъ на каменистой горѣ надъ рѣкою Калкой. Увидѣвъ съ высоты бѣгство Русскихъ Князей, Мстиславъ не двинулся съ мѣста съ своимъ зятемъ Андреемъ и Александромъ Княземъ Дубровицкимъ: онъ рѣшился, кажется, принять вольную смерть за отечество и сохранить честь Русскаго имени,—старшій изъ всѣхъ Князей Русскихъ. Укрѣпивъ свой станъ, онъ три дня бился съ Татарами, которые напрасно вступали съ нимъ въ переговоры, обѣщая отпустить его на искупъ. Наконецъ воевода Бродниковъ поклялся за нихъ въ исполненіи слова. Князь повѣрилъ, и былъ преданъ измѣнникомъ, связаный съ зятьями, Татарамъ. Они взяли городъ, и изсѣкли людей; Князей положили подъ доски, а сами сѣли сверху объѣдать, и «такоту скончаша Князи животь свой.»

Татары остервенѣлые шли впередъ, предавая все огню и мечу. Напрасно жители по дорогѣ выходили къ нимъ на встрѣчу съ крестами: пощады не было никому. «Се же бысъ за грѣхы наша Богъ вложи недоуменіе въ насъ, и погибе множество людей, и бысть вопль и воздыханіе и печаль по всѣмъ градамъ и по волостямъ.»

Дошедъ до Новгорода Святополческаго, грозные враги поворотились назадъ и скрылись. Никого не осталось, ничего не стало слышно. Все утихло и успокоилось.

Народъ образумился. Какъ будто свирѣпый вихоръ пронесся по пространству, ломая и разрушая все встрѣчное, омрачая зрѣніе: онъ пронесся, и опять возсіяло солнце, открылось небо, ожила природа.

Что это за люди? Откуда они? Куда ушли они? Какой языкъ у нихъ? Какая вѣра? Какого они рода?—спрашивали

себя Русскіе люди въ недоумѣніи, опомнясь послѣ перваго переполоха, и не видя предъ собою никого болѣе. Всѣ спрашивали другъ друга, но никто не умѣлъ отвѣчать никому. Одни толковали, что это старые Печенѣги, другіе называли ихъ Таурменами, безбожными Моавитянами. Книжники разсуждали, что это должны быть тѣ люди, которыхъ загналъ Гедеонъ, что они вѣрно пришли изъ пустыни между Востокомъ и Сѣверомъ, что объ нихъ предсказывалъ святой Меѳодій Патрскій: «прийти имъ къ скончанію вѣка, и поплѣнить всю землю отъ востока до Евфрата, и отъ Тигра до Понтскаго моря кромѣ Евіопіи.» «Нѣтъ», заключали православные, выслушавъ ученія рѣчи, «Богъ одинъ знаетъ, что это за люди, а насыладъ Онъ ихъ на насъ за грѣхи наши; обратилъ же вспять, ожидая нашего покаянія.»

Не долго пережилъ Мстиславъ Калкское пораженіе; на третій годъ онъ скончался, — проведя послѣднее свое время среди измѣнъ, въ безпрестанныхъ тревогахъ, сомнѣніяхъ и горестяхъ. Грустно досказывать его жизнь, хоть и въ этомъ періодѣ встрѣчаются безпрестанно прежнія прекрасныя черты его характера, совершенно рыцарскаго, только въ Русскомъ духѣ:—черты великодушія, отваги, пылкости, добросердечія.

Даніила, зятя своего, любилъ онъ отъ души, — и кто же былъ достойнѣе любви его! Это говорилъ Мстиславъ на смертномъ одрѣ своемъ, это засвидѣтельствовалъ онъ при первомъ появленіи своемъ въ Галичѣ, отдавъ за него старшую дочь свою, и принявъ вмѣстѣ столько трудовъ для изгнанія иноплеменниковъ. Но за что — то разсердился онъ на Даніила. Александръ Бельзскій, ненавидя Даніила, равно какъ и брата его за «злую ночь», обрадовался случаю отомстить соперникамъ. «Зять твой хочеть убить тебя, зять твой поваживаеть на тебя Ляховъ», — твердилъ онъ безпрестанно въ уши Мстиславу, представляя доказательства, — и столько же легковѣрный, какъ и добродушный, онъ повѣрилъ было клеветнику, и вышелъ съ воли на Лысую гору въ помощь Александру, а Даніилъ призвалъ Ляховъ. На-

чалась брань, больше въ пользу мужественныхъ дѣтей Романовыхъ, и Мстиславъ призывалъ на другой годъ тестя Котяна съ Половцами, вѣрнаго своего Володимера Рюриковича Кіевскаго, какъ будто собирался на Ляховъ, все по совѣту Александрову. Но ему противна была вражда съ Даниломъ, и онъ вздумалъ вдругъ рѣшить дѣло иначе, не прибѣгая къ оружію, не обнажая меча—очною ставкою, совѣтомъ. Александръ, не смѣя идти, прислалъ своего боярина Яна. Мстиславъ объявилъ всѣмъ Князьямъ, призваннымъ на снемъ, о причинахъ, побуждающихъ его къ войнѣ, и оборотясь къ послу Александрову, повторилъ: «твоя рѣчь, Яню, что Данилъ возводитъ второе на меня Ляховъ». Доказательствъ не привелось, и клевета Александрова, ложь Янева, обнаружались. Тогда всѣ Князья рѣшили, чтобъ Мстиславъ отнял у Александра всю его волость за свой сбромъ. Но добродушный витязь простилъ виноватаго, оставивъ его владѣть спокойно своей волостью, и всѣ Князья похвалили его за братолюбіе. А Данилъ, невинно предъ нимъ обнесенный, принять имъ былъ еще съ большею любовію, чѣмъ прежде. Онъ почтилъ его, равно какъ и дочь свою Анну, дарами великими, и далъ ему своего борзаго коня Атказа, какого тогда нигдѣ не бывало. Въ Перемиль Князья всѣ утвердили миръ между собою.

—

Это случилось въ 1125 году, а въ 1126 новое огорченіе испыталъ онъ. Жирославъ, одинъ изъ мятежныхъ бояръ Галицкихъ, выдумалъ на него басню, будто онъ хочетъ уйдти въ поле и предать ихъ всѣхъ тестю своему Котяну на избитѣ; тѣ повѣрили и ушли въ Угорскія горы, а оттуда прислали пословъ къ Князю спросить о рѣчахъ Жирославовыхъ,—а у него и въ умъ ничего подобнаго не было. Онъ послалъ отъ себя духовника своего Тимоѳея увѣрить бояръ, что Жирославъ оклеветалъ его предъ ними. Тимоѳей поклялся и привелъ всѣхъ удалившихся. Мстиславъ обличилъ клеветника и изгналъ изъ Галича. Бояре остались однакоже не расположенными, какъ прежде, и старались отъ него избавиться. Онъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ измѣнниками

и предателями; одинъ былъ чистый человекъ, который любилъ его отъ сердца, и котораго онъ любилъ отъ сердца, но сходству ихъ нравовъ и расположений,—и отъ того старый Князь былъ безпрестанно отвлекаемъ, увидѣвъ ясно только предъ смертію его совершенную правоту; но не станемъ упреждать происшествій.

Король Венгерскій Андрей, получивъ, еще до слуха о Татарахъ, для сына своего Перемышль, хотѣлъ скорѣе получить все, и подъ какимъ-то предлогомъ, вѣроятно возбужденный боярами, явился въ Галицкой волости, взялъ Перемышль, откуда сынъ его предъ тѣмъ бѣжалъ, Звънигородъ, и наконецъ послалъ вой подъ Галичь. Самъ онъ не пошелъ туда, боясь смерти, предсказанной ему волхвами, «узрѣвше Галичь.» Днѣстръ наводнился, и нельзя было переправиться. Мстиславъ вышелъ изъ города самъ противъ Угровъ, но они посмотрѣли на насъ, говорить летописецъ, и ушли въ свои станы къ Королю. Король обратился къ Теробовлю, и взялъ Теробовль, потомъ взялъ Тихомль, потомъ пришелъ подъ Кременецъ, подъ которымъ избито и ранено было много Угровъ.

Мстиславъ послалъ къ Даниилу боярина Судислава сказать: «не остушай отъ меня.» Даниилъ отвѣчалъ: «имѣю правду въ сердце моемъ.» Князь Галицкій, увѣрясь въ его преданности, рѣшился идти впередъ на Короля, которой стоялъ въ Звънигородѣ. Угры вышли на встрѣчу изъ становъ королевскихъ; произошло сраженіе, и они были разбиты, Мстиславъ побѣдилъ, — послѣдняя его побѣда, — и преслѣдовалъ бѣглецовъ до становъ. Самъ воевода Королевскій Мартинишъ былъ убитъ. Андрей утрашился, и поспѣшилъ скорѣе изъ земли. Даниилъ и Василько, которые мѣшали Лешку подать ему помощь, загоразивая ему дорогу на Бугъ, присоединились теперь къ Мстиславу, и убѣждали его преслѣдовать Короля Венгерскаго, потому что онъ вовсе изнемогъ, а хитрый Судиславъ, вкравшійся въ довѣренность къ Мстиславу, старался отговорить, не хотя ему гибели, и полагая на него свою надежду. Мстиславъ дался въ обманъ, и Андрей выбрался благополучно во свояси.

Этого мало было Судиславу. Онъ началъ приставать къ своему Князю, чтобъ тотъ, въ избѣжаніе новыхъ распрей и браней, отдать по прежнему договору Галичь Андрееву сыну съ дочерью, ему уже обрученной: «Галича не можешь ты держать самъ, потому что бояре не хотятъ тебя.» Мстиславъ рѣшился отдать Галичь Даніилу, а бояре его Судиславъ и Глѣбъ Еремеевичъ толковали: «если ты отдашь Королевичу, то можешь взять у него назадъ, когда захочешь; а если отдать Даніилу, то уже не видать его тебѣ никогда, потому что Галичане желаютъ Даніила.» Начались переговоры, и Мстиславъ предоставилъ Галичь Королевичу Андрею, а себѣ взять Познзье, или нынѣшнюю Подолію, и отошелъ въ Торческъ.

Между тѣмъ Мстиславъ Нѣмой, что оказалъ помощь на Калкскомъ побоищѣ храброму Даніилу, умирая, передалъ ему на руки сына Ивана и завѣщалъ ему волость свою, но по смерти Ивановой Луцкомъ завладѣлъ Ярославъ Ингваревичъ, а Черторижскомъ Пиняне.

Даніилъ вскорѣ (1227) добылъ Луцкъ, а о Черторжискѣ послалъ заслуженнаго своего боярина Дамьяна жаловаться тестю: не подобаетъ Пинянамъ держать Черторижска. Мстиславъ, неизвѣстно по какимъ обстоятельствамъ, видѣлъ тогда уже свою ошибку, чувствовалъ раскаяніе, и сбился поправить испорченное. Много толковавъ съ Дамьяномъ, заключилъ добрый Князь свою рѣчь къ Даніилу слѣдующими словами: «сыну! я согрѣшилъ, не отдавъ тебѣ Галича, но давъ ино-племеннику. Обольстилъ меня льстецъ Судиславъ! Но, Богъ дастъ, мы пойдемъ на нихъ еще. Ты съ своими полками, а я призову Половцевъ. Если Богъ намъ поможетъ, ты возьмешь себѣ Галичь, а я останусь въ Познзье. Что же касается до Черторижска, то ты правъ». Даніилъ, получивъ согласіе тестя, пошелъ на виноватый городъ и взялъ его ратью.

Между тѣмъ Мстиславъ, хотя еще не въ глубокой старости, разнемогся. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ пожелалъ видѣть Даніила, «жадаящу ему видѣти сына своего Даніила, бѣ-бо имѣя до него любовь велику въ сердцѣ своемъ.»

Ему хотѣлъ онъ препоручить дѣтей своихъ и домъ свой, — но злонамѣренные бояре, особенно Глебъ Ермиѣвичъ, изъ зависти не допускали его, — и славный Князь Галицкій умеръ одинъ, въ какомъ-то захолустѣ, неизвѣстномъ лѣтописателямъ, заключая свою жизнь, исполненную такихъ тяжелыхъ трудовъ, такихъ блистательныхъ подвиговъ, такой постоянной почти удачи, — самую печальной, безвѣстной кончиной, оставляя все семейство на произволъ судьбы. Участь всѣхъ Князей удѣльнаго, до-Московского періода, не смотря на всѣ ихъ подвиги, силу, славу. Счастливъ еще: онъ умеръ не подъ игомъ, — счастливъ еще: онъ умеръ не рабомъ, — безъ мысли, что придутъ опять Татары, — и останутся на долго!

М. Погодинъ.

ПРОХОЖІЙ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

I.

ПРОЛОГЪ.

.... Да, по истинѣ, это была страшная ночь! Старики говорили правду: такая ночь могла только выпасть на долю *Васильеву вечеру*. И въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ и каждому чудилось что-то недоброе въ суровомъ, непреклонномъ голосѣ бури. Изъ пустаго не стали бы выводить страховъ! (Этакъ, пожалуй, пришлось бы бояться каждой мятели, а между тѣмъ и всей-то зимы никто не боится). Всякой знаетъ, что зима ходитъ въ медвѣжьей шкурѣ, стучится по крышамъ и угламъ и будитъ бабъ топить ночью печи; идетъ ли она по полю,—за ней вереницами ходятъ мятели и просятъ у нея дѣла; идетъ ли по лѣсу, — сыплетъ изъ рукава иней; идетъ ли по рѣкѣ,—куетъ воду подъ слѣдомъ на три аршина, — и что жъ! — Всякой встрѣтившійся съ нею прикутается только въ овчину, повернется спиною да идетъ на полата!

На этотъ разъ однако жъ иное было дѣло.

Посреди свиста и завыванія вѣтра, внятно слышались дикіе голоса и стоны, то пѣвучіе и какъ будто терявшіеся въ отдаленія за гумнами, то отрывчатые, пронзительные, раздававшіеся у самыхъ воротъ и оконъ и забиравшіеся даже въ трубы и запечья. Выходилъ ли кто на улицу,—передъ

нимъ зримо почти носились незнакомые, чуждыя образы; изъ мрака и вихрей возникали то и дѣло страшные, никому невѣдомые лики.... Да, старики говорили правду, когда, прислушиваясь чуткимъ ухомъ къ реву мятели, утверждали они, что буря бурѣ розпѣ, и что шишига, или вѣдьма, или нечистая сила (что все одно) играла теперь сватѣбу, возвращаясь съ гулянокъ.

Но хорошо имъ было такъ-то раздобаривать, сидя на горячей печкѣ. Чтò имъ дѣлалось посреди веселья, криковъ ребятъ и шумнаго говора гостей, наполнявшихъ избу! (Въ Василевѣ вечеръ, какъ вѣдомо, одна только буря злится да хмурится). Студеный вѣтеръ не проникалъ ихъ членовъ нестерпимымъ ознобомъ, снѣжные хлопья не залипали имъ очи, шипящія вихри не рвали на части ихъ одежды, не опрокидывали ихъ въ снѣжные намѣты.... какъ это дѣйствительно было съ однимъ бѣднякомъ, проходившимъ, брошеннымъ въ эту ночь посреди поля, далеко отъ жилья и голоса человеческого....

Много грозныхъ ночей застигало прохожаго, много выюгъ и непогодъ вынесла съдая голова его,—но такой ночи онъ никогда еще не видывалъ. Затерянный посреди сугробовъ, по колѣна въ снѣгу, онъ тщетно озирался на стороны или ощупывалъ костылемъ дорогу: мятель и сумракъ сливали небо съ землею, снѣжныя горы, взрываемаыя могучимъ вѣтромъ, двигались какъ волны морскія, и то разсыпались въ обледенѣломъ воздухѣ, то застилали дорогу; гулъ, ревъ и смятеніе наполняли окрестность. Напрасно также силился онъ подать голосъ: крикъ застывалъ на губахъ его и не достигалъ ни до чьего слуха; грозный ревъ бури одинъ подавалъ о себѣ вѣсть въ мрачной пустынѣ, одинъ онъ отзывался въ чьемъ нибудь сердцѣ.... Отчаяннѣе начинало уже проникать въ душу путника, страшныя думы бродили въ головѣ его и воплощались въ видѣнія: на дняхъ знакомый мужичекъ, застигнутый такою-же точно погодой, сбился съ пути на собственномъ гумнѣ своемъ, и на другой день, объ утро, нашли его замерзшаго подъ плетнемъ собственнаго

огорода; третьяго дня постигла такая же участь бабу, которая не могла найти околицы; вечеръ еще, посреди самой улицы нашли мертвую калѣку-перехожую, которая замятелью не различила избушекъ....

Такъ думалъ прохожій; а вьюга между тѣмъ съ часу на часъ подымалась сильнѣе и сильнѣе. Вотъ повернула она, поднялась хребтомъ на пригоркѣ, закрутилась вихремъ, пронеслась надъ головою путника, загудѣла въ поляхъ и ударила на деревню. Вздогнули бѣдные лачужки, внезапно пробужденныя отъ сна посреди темной холодной ночи; замирая отъ страха, онѣ тѣсно прижались другъ къ дружкѣ; закутались до верху своимъ снѣжнымъ покровомъ, прилегли на бокъ и трепетно ждутъ лютаго вихря. Но вихрь, привыкшій къ простору, рвется и мечется пуще прежняго въ тѣсныхъ закоулкахъ и улицахъ. Разбитый на части, онъ разомъ, со всѣхъ сторонъ нападаетъ на лачужки, всползаетъ на шаткія стѣны, гудитъ въ стропилахъ, ломаетъ тамъ сучья, срываетъ воробьиныя гнѣзда, сверлитъ кровлю и выхвативъ клочъ соломы, бросается на кровлю, силясь сбросить пѣтушка или конька на макушкѣ; и тогда какъ одна часть бури реветъ вокругъ дома, другая уже давно проползла шипящею змѣею подъ ворота, ринулась въ клѣти и сараи, обѣжала навѣсы, и не найдя тамъ, вѣроятно, ничего, кромѣ вьющагося снѣга, напала на беззащитную жучку, свернувшуюся клубкомъ подъ рогожей.... Но вотъ вихрь прилегъ на земь, загудѣлъ вдоль плетня, украдкою подобрался къ калиткѣ, поднялся на дыбы, сорвалъ ее съ петель, бросился на улицу, присоединился къ другому, третьему; и снова грозный ревъ наполняетъ окрестность....

Но что да этого! По всему крещеному міру не было все-таки бѣдной избенки, не было такого скромнаго уголка; гдѣ бы не раздавались веселыя пѣсни, гдѣ бы не было тепло и пріютно!

Тамъ,—шумная толпа ребятишекъ рѣзво прыгаетъ по лавкамъ и нарамъ, выбрасывая изъ рукава нарочно припавенныя про случай хлѣбныя зерна, и звонко распѣвая:—«Уроди,

Боже, всякаго хлѣбца, по закорму, что по закорму да по великому; а и стало бы того хлѣбушка на весь міръ крещеный!....» Между тѣмъ, старшая хозяйка дома, — мать или тетка, отбиваясь одною рукою отъ колючихъ иглъ овса и гречи, пущенныхъ въ нее какъ бы нечаянно шаловливымъ парнемъ, другою приподнявъ надъ головою зажженную лучину, суетливо ходить взадъ и впередъ и набожно подбираетъ зерна въ лукошко для будущаго постѣва. Остальные члены избы, кто усѣвшись подъ иконы, кто стоя въ углу, молча, по весело глядятъ на совершеніе обряда; даже старая, подслѣповатая бабушка, много лѣтъ не сходявшая съ печки, свѣсилась на перекладину поглядѣть на внучекъ, — на семейную радость!

Въ другой избѣ крики и хохоть раздаются еще громче. Рой молодыхъ дѣвокъ натискался въ избу. Двери плотно заперты; окно на улицу завѣшено прорванной понявой. Одна изъ нихъ, — самая вострал, — стоитъ на слуху въ сѣнечкахъ: не идетъ ли кто. Остальные заняты дѣломъ: кто повязываетъ на голову войлокъ, обвитый вокругъ палки, кто натягиваетъ армякъ или покрываетъ маленькую головку неуклюжей шапкой, обтыканной по краямъ ради смѣха льняными прядами, обсыпанными мукою; кто прикутывается въ овчину вывороченную наизнанку; — это наряженные! Хохоть, визгъ, шушуканье, цискъ, не прерываются ни на минуту. Надо же весело справить послѣдній день Васильева вечера! Въ третьей избѣ громкой говоръ и восклицанія смѣнились на минуту молчанкою. Ребята, бабы, большіе и малые, все пришипилась. Тамъ подъ сладкой шумокъ веретена и прялки тянутся мѣрные розказни старика дѣда. Семейка съѣла въ кружокъ, и пригнувшись къ одной лучинѣ не пропускаетъ ни одного звука, ни одного движенія разсказчика. Разсказъ, прерываемый трескомъ мороза, который стучитъ въ углы и заборы, благополучно дотянулся однакожь за полночь. Лучина скоро угаснетъ. И тогда, вся семья, женатые и холостые, большіе и малые, заползутъ на печку и предадутся мирному отдыху, ни мало не заботясь, что выюга реветъ и завываетъ въ полѣ и вокругъ дома....

О! счастливъ, сто разъ счастливъ тотъ, у кого въ такую ночь родной кровъ, родная семья и теплая печка!!....

Такъ по крайней мѣрѣ думалъ.... но не до того впрочемъ было прохожему, чтобы умомъ раскидывать! Отчаянье уже давно завладѣло его душею. И если какія нибудь мысли и приходили ему въ голову, — имъ все-таки не время теперь было определяться въ ясную думу; онъ мелькали передъ нимъ такъ же быстро, какъ снѣжные хлопья, несомые лютой мятелюю, посреди которой стоялъ онъ съ обнаженною съдою головой и замирающимъ сердцемъ, — и такъ же быстро уносились и смѣнялись другими мыслями, какъ одинъ вихрь смѣнялся другими вихрями....

Силы начинали покидать его. Онъ провелъ ожочентвшею ладонью по мерзлымъ волосамъ, окинулъ мутными глазами окрестность и крикнулъ еще разъ.

Но крикъ снова замеръ на помертвѣлыхъ устахъ его.

Прохожій медленно опустился въ сугробъ и трепетною рукою сотворилъ крестное знаменіе.

Буря между тѣмъ пронеслась мимо: все какъ будто на мигну стухло.... и вдругъ, неожиданно, въ сторонѣ, послышался лай собаки.... Нѣтъ, это не обманъ, — лай повторился въ другой и третій разъ....

Застывавшее сердце старика встрепенулось; онъ рванулся впередъ, простеръ руки и пошелъ на слухъ.... Немного погодя, ощупалъ онъ сарай, и вскорѣ изъ-за угла мелькнули передъ нимъ привѣтливые огоньки избушекъ.

II.

Хозяинъ въ дому, — какъ Адамъ въ раю,
Виноградѣ красно-зеленое.

Хозяйка въ дому, — какъ алабя въ меду,
Виноградѣ красно-зеленое.

Малыя дѣтушки, — какъ олябышки,
Виноградѣ красно-зеленое !

Простонародная пѣсня.

—Ахъ вы пострѣлы вы этакіе!!....Вишь залади чи: пусти да пусти на улицу! Уйметесь вы али нѣтъ?!...—закричала въ сотый

разъ старостиха, подбѣгая дробнымъ шажкомъ къ нѣсколькимъ парнишкамъ и дѣвченкамъ, которые стояли у дверей и голосили на всю избу. — Молчать! вотъ я васъ погулло!.... Молчать, говорить!!.... прибавила она, внезапно останавливаясь надъ маленькою толпою съ распростертыми въ воздухъ руками, какъ коршунъ надъ стадомъ утятъ. Но ребятишки успѣли уже выхватить изъ среды своей младшаго брата, неуклюжаго карапузика лѣтъ пяти, съ огромнымъ кускомъ ржаной лепешки во рту, выставили его впередъ, и прежде чѣмъ рука матери опустилась къ низу, отступили въ уголь.

— Это Филька кричалъ, а не мы....—проговорили они въ одинъ голосъ, тискааясь другъ на дружку.

— То-то, Филька, я вамъ дамъ Фильку, смотрите вы у меня!—произнесла старуха, отступая въ свою очередь и грозя въ уголь.

Она повернулась къ нимъ спиною, и мгновенно обратила вскипѣвшую досаду на старшую дочь—дѣвушку лѣтъ семнадцати, сидѣвшую на лавочкѣ, подлѣ окна.

— Ну чего ты сидишь,—ноги-то развѣсила,—начала старуха, принимаясь снова размахивать руками, — что сидишь?.... Нѣшто не видишь—лучину надо поправить; словно махонькая какая: все ей скажи да скажи, сама разума не приложить!....

Дѣвушка встала, молча вынула изъ горшка новую лучинку, зажгла ее, подержала огнемъ къ низу, заложила въ свѣтецъ, и съѣла со вздохомъ на прежнее свое мѣсто.

Дурное расположеніе старухи ни мало однакожъ не измѣнилось. Волненіе и досада проглядывали по прежнему въ каждомъ ея движеніи.

Она суетливо подошла къ окну, прислушалась сначала къ реву бури, которая сердито завывала на улицѣ,—потомъ вернулась на середину избы, и обнаруживалъ сильное нетерпѣніе, начала вслушиваться въ храпѣнье, раздававшееся съ печки.

— Девоньчъ, а Девоньчъ,—заговорила она наконецъ, топнувъ ногою и устремляя глаза на рыжую бороду, кото-

ряд выглядывала вострымъ клиномъ изъ-за края печки, — Лёвоньчъ, слышь говорятъ: вставай! Ну чего ты въ самомъ-то дѣлѣ разлегся, словно съ устали; полночи дожидеешься, что-ли?—вставай говорить!

— О?—о—о!! Господи!...Господи.... Чего тебѣ, ну?—отозвался староста, зывая и потягиваясь.

— Тьфу, увалень! прости Господи;—тебѣ что? тебѣ что?...—подхватила она съ сердцемъ и стараясь передразнить его,—тебѣ что?... Самъ наказывалъ будить; память заспалъ что ли? Я чай у Савелія давно завечерляли; ты думаешь староста, такъ и ждать тебя стануть,—нешто возьмешь; вставай, говорятъ!

—Мим....—простоюль староста, переваливаясь на другой бокъ; при этомъ борода его исчезла и на мѣстѣ ея показалась багровая, глянцовитая лысина, на которой свѣтъ лучины отразился какъ въ стеклѣ.

— Слышь, говорятъ: донавидывались за тобою отъ Савелія, сказываютъ и мельникъ тамъ, и пѣномарь,—крикнула она, обнаруживая крайнее нетерпѣнiе.

Но на этотъ разъ лысину покрылъ овчинной полушубокъ, и уже старостиха ничего не услышала кромѣ удушливаго храпа и сопѣнья.

Старостиха была баба норовистая и ни въ чемъ не терпѣла супротивности. Не раздумывая долго, она бросилась къ печкѣ и занесла уже правую руку въ стремячко, съ твердымъ намѣренiемъ стащить сочнаго старосту на полъ, какъ въ эту самую минуту раздалась стукотня въ окнѣ, и, вслѣдъ за тѣмъ, кто-то запѣлъ тоненькимъ голосомъ:

Коляда, коляда!

Пришла коляда!

Мы ходили, мы искали

По всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ....

— Мамка, пусти къ ребятамъ на улицу!—заголосили въ тоже время ребятишки, выступая изъ угла, — пусти хоша поглядѣть....

— Цыцъ, окаянныя!.... цыцъ!—крикнула старостиха, ухватившись въ торопяхъ за ногу мужа и поворачивая назадъ голову.

— Мамка, мамка!....— заголосили громче парнишки, подстрекаемые пѣньемъ за окномъ, которое не умолкало,— пусти поглядѣть на ребятъ....

Но старостиха не дослышала далѣе; она соскочила на-земь, схватила вѣникъ и со всѣхъ ногъ метнулась въ уголъ.

Ребятишки снова выставили впередъ Фильку.

Но на этотъ разъ дѣло обошлось иначе. Старуха ухватила своего любимца за шиворотъ, вѣникъ зашипѣлъ, Филька испустилъ пронзительной крикъ и болтнулъ въ воздухъ ногами.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!....приговаривала мать, скрѣпя каждое слово новымъ ударомъ;—ну перестань же, перестань, присовокупила она, смягчая неожиданно голосъ и увлекая его къ столу,—перестань, говорятъ,—на пирожка, на пирожка,— продолжала старуха, суя ему подъ носъ кусокъ, — на пирожка.... а, такъ ты не хочешь, пострѣль, не хочешь.... на же тебѣ, на тебѣ!—И вѣникъ снова зашипѣлъ въ воздухъ....— Ну на пирожка.... возьми.... о! о! уймешься ты али нѣтъ?!.... опять!.... постой же, постой....

И вѣникъ поднялся уже въ третій разъ, какъ за окномъ раздался новый стукъ, но только сильнѣе прежняго, и тотъ же голосъ запѣлъ, но только настойчивѣе:

Чанвы ворота!
Посконна борода!
Кричатъ ли Авсень?....

— Матушка, подай имъ хоть лепешку,—сказала старшая дочь, робко взглядывая на мать, и потомъ обращая съ любопытствомъ живые, черные глаза свои на окно,—они, матушка, такъ-то хуже не отстануть....

— Не отстануть! ахъ ты дура, дура!—крикнула старостиха, бросая Фильку и останавливаясь въ попыхахъ посередь избы,— а вотъ погоди, я имъ дамъ лепешку....

Но шумъ подъ окномъ обратился уже въ неистовые крики, сопровождаемые присвистываньемъ, прищелкиваньемъ, и голосъ распѣвалъ во все горло :

Чанны ворота,
 Посконна борода,
 Честь была тебѣ прогнѣта,
 Подавай лепешку
 Въ заднее окошко!!

Присоединенный къ этому вой Фильки и ревъ остальныхъ дѣтей остервенили въ конецъ старуху; и Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, если бѣ не голосъ старосты, который раздался почти въ то же время съ печки:

— Старуха.... о! о!!.... чтò у васъ тамъ такое? соснуть не дадутъ..... никакъ колядки задумали пѣть.... гони ихъ....

— А самъ-то ты чтò лежишь на печкѣ, увалень ты этакой! Бьюсь не добыюсь поднять его на ноги; тьфу!....

Старой чортъ, подай пирога,
 Не даешь пирога,—изрубимъ ворота,
 Авсень!....

Раздалось снова за окномъ.

— Вишь черти!—вымолвилъ староста, подпираясь локтемъ и лѣнливо потирая лысину,—поди уйми ихъ, старуха, чего стоишь.

Старостиха подняла окно и высунулась на улицу; но почти въ ту же минуту отскочила на середину избы. Нѣсколько комковъ снѣгу влетѣли вслѣдъ за нею.

— Ухъ! окаянные! ухъ, дьяволы!!—завопила старуха, протирая глаза и метаясь, какъ угорѣлая, изъ угла въ другой;—гдѣ кочерга?... гдѣ!? а все ты, увалень! лежитъ себѣ, словно съ ногъ смотался,—не шелохнется, хоть домъ гори....

На будущій годъ
 Осинový тебѣ гробъ!!

Крикнулъ кто-то звучнымъ голосомъ, ударивъ кулакомъ въ оконную раму.

— А вотъ погоди, погоди—проговорилъ староста, спускаясь наконецъ съ печки,—дамъ тебѣ осинový гробъ; это, я знаю, все Гришка Силаевъ озарничаетъ, погоди, я тебѣ шею-то накостыляю,—заклучилъ онъ, ставъ на полъ и протирая глаза.... — вы чего?... Ну чего воете?

— Тятка, пусти насъ на улицу! жалобно отозвались ребята.

— На улицу,—прытки добрѣ; слышите, погода какая, замерзнуть небось хочется.... Парашка, давай кушакъ да шапку, они, кажись, на лавкѣ подъ образами, давай, пора идти, я чай и взаправду у Савелія завечеряли....—примолвилъ онъ, обращая сонные глаза на старшую дочь, которая во все это время также неподвижно сидѣла на лавочкѣ, изрѣдка лишь поглядывая завистливо на уличное окно.

— Ну, вотъ, давно бы такъ, ступай-ка, ступай!... и то два раза спрашивали,—сказала старуха, торопливо подавая варежки.

— Вотъ чтò, хозяйка,—вымолвилъ мужъ, останавливаясь у двери, — смотри, безъ меня никого не пуцай въ избу; неравно наряженные придуть, — гони ихъ въ три шеи... Повадились нынче таскаться....А пуцае всего не пуцай Домну,—чтобъ и духу ея здѣсь не было....

— Чего ей ходить-то,—недовольнымъ голосомъ возразила жена, — не бось не придетъ.... Да вотъ постой, я припру за тобой шестомъ калитку....

Сказавъ это, она набросила полубубокъ на плеча, и ворча что-то подъ носъ, поплелась за мужемъ.

Очутившись на крылечкѣ, староста остановился, ошеломленный стуженою и вѣтромъ, который съ такою силой мутилъ по двору снѣгъ, что нельзя даже было различить навѣсовъ:

— Ухъ! морозно добрѣ стало, старуха.... ухъ.... ишь какъ ее, погодка-то разгулялась.... у!....

Онъ ухватился обѣими руками за шапку и попятился назадъ.

— Ну вотъ еще чтò выдумалъ! первинка тебѣ небось; ступай, ступай; тебѣ такъ съ просонья почудилось; вистимо вѣтеръ гудѣтъ, — зимнес дѣло; ступай, у Савелія давно ужъ я чай завечеряли,—ступай, говорю, не страмись....

И вцѣпившись въ мужнинъ ксжухъ, она силою почти стащила его съ крылечка и повлекла по двору.

Пробравшись къ воротамъ, она отворила калитку, оглянулась во всѣ стороны и наконецъ вытолкнула мужа на улицу.

Видно было, что она ждала кого-то и боялась, чтобы мужъ не встрѣтился съ гостемъ. Какъ только шаги его заглушились ревомъ бури, лицо старостихи просвѣтлѣло; вопреки общапію, она отворила настежь калитку и вернулась въ избу.

— Ну что жъ ты, Парашка, сидишь? Отецъ ушелъ, и ты ступай на улицу, — сказала она, неожиданно обращая рѣчь къ старшей дочери.

— Я думала, матушка, ты не велишь.... — отвѣчала дѣвушка, радостно вставая съ мѣста.

— Мамка, пусти и насъ!! — произнесъ сквозь слезы голосъ изъ угла.

— Што-о-о!!.... — воскликнула старуха, быстро поворачиваясь къ углу.

Злосчастный Филька снова предсталъ было передъ матерью, но съ тою однакожъ разницею, что на этотъ разъ онъ сильно упирался ногами, кричалъ во все горло и отбивался руками и ногами отъ рукъ сестеръ и братьевъ, которые за него прятались.

— Чего вы, пострѣлы, все его впередъ суете?! я не што не вижу ... подь сюда, касатикъ, — заключила старостиха, глядя по головѣ своего любимца, и закутывая его въ то же время въ полушубокъ. — Ну, — крикнула она взглядывая нерѣшительно на уголъ, — ступайте на улицу!!.... Радостный крикъ, единодушно вырвавшійся изъ угла, былъ единственнымъ отвѣтомъ.

— Цыцъ, пострѣлы! — задрезжала старуха, затыкая сначала уши и пускаясь потомъ въ догонку то за однимъ, то за другимъ, — цыцъ! — никого не пушу.... тьфу, окаянные, прости Господи — пошли вонъ!!.... А ты, моя касатушка, не смѣй у меня шлаться по улицѣ! — прибавила она, повертываясь къ Парашѣ, которая взялась уже за скобку двери, — будь довольна, что изъ избы-то тебя выпу-

стили;—не стать же тебѣ шаламберничать съ ребятами;—сиди у воротѣ, и шагу не смѣй ступить безъ спросу!....

Дѣвушка, не ожидавшая, вѣроятно, такого притѣсненія, опустила къ полу веселое свое личико и молча последовала за своими братьями и сестрами, голоса которыхъ раздавались уже за воротами.

III.

Ахъ, ты Домна, Домна....

.... —баба ты удачая!....

Простонародная пѣсня.

Секунду спустя, старостица осталась одна-одиошенька посреди избы. Этого только, казалось, и добивалась она такъ долго. Ворчливое выраженіе на лицѣ ея мигомъ смѣнилось какою-то довольною заботливостію. Она бросилась къ печкѣ, вынула одинъ за другимъ нѣсколько горшковъ, поставила ихъ на столъ противъ образовъ, и приготовила все нужное для сытной трапезы; послѣ этого, старуха поспѣшно набросила на голову старый зипунъ, зажгла лучину, и заслоняя ее ладонью отъ вѣтра, вошла въ сѣни. Тутъ пригнула она на бокъ голову и стала внимательно вслушиваться; убѣдившись, что слышанный ею шумъ происходилъ единственно отъ бури,—старуха захлопнула дверь на крылечко и вошла въ комору или чуланъ, прильпленный, какъ ласточье гнѣздо, къ одному изъ угловъ сѣней. Сквозь щели этаго чулана, сколоченнаго живьемъ изъ досокъ, проходилъ свободно не только вѣтеръ, но даже сѣялся въ изобиліи снѣгъ, и многихъ трудовъ стоило старостицѣ найти укромное мѣсто для лучины; приткнувъ ее наконецъ кой-какъ за пустую бочку, она вытатила изъ-подъ нары сундучекъ, открыла его по мощію витаго ключика и принялась выкладывать на полъ разное добро: поочередно выступили, одна за другою, старья попявы, куски холста, мотки, коты, низанные бисеромъ подзатыльники и наконецъ полотенца; добравшись до послѣднихъ, старуха бережно отложила два изъ нихъ въ сторону и продолжала разбирать свое имущество. Она уже подбиралась къ самому дну сундучка, какъ вдругъ на крылечкѣ послышалось топанье чьихъ-то ногъ; старостица настооро-

жила слухъ и затаила дыханіе. Раздавшійся немного погодя кашель возвратилъ однакожь спокойствіе на лице ея; откашлянувшись въ свой чередъ, она сунула подъ мышку отложенныя два полотенца, и приподнявъ надъ головою лучину, вернулась въ сѣни; задвижка щелкнула, дверь на крылечко отворилась, и въ сѣни вошла, побрякивая и оттантывая ноги, дюжая, плечистая баба съ пухлыми щеками и крошечными черными глазками, которые бѣгали какъ мышенки, несмотря на то, что имъ очевидно тѣсно становилось посреди многочисленныхъ складокъ, образовавшихся отъ нанлившаго жиру. Въ одной рукѣ держала она довольно полную горшокъ, прикрытый тряпицею; другая рука ея придерживала на груди прорванную шубейку, которая прикрывала ей плечи и голову.

Увидя передъ собой старостику, дюжая баба приподняла горшокъ такъ, чтобы онъ бросился ей тотчасъ же въ глаза, и поклонилась.

—Здравствуй, Домна Емельяновна, добро пожаловать!— произнесла та, кланяясь въ свою очередь.

Вслѣдъ за тѣмъ, она прикрыла полою зипуна лучину и отошла немного въ сторону.

—А что, касатухка, никого у васъ нѣтъ?—прохрипѣла Домна, осматриваясь нерѣшительно на стороны.

—Никого, родная, всѣ и малы и велики со двора ушли,— отвѣчала старостиха, утвердительно моргая глазами.

Услыша это, гостья мгновенно приободрилась, отрянула снѣгъ, покрывавшій шубейку, постучала ногами объ полъ и оправилась. Послѣ того, она повернулась спиною къ хозяйкѣ, и обмакнувъ нѣсколько разъ сряду жирную ладонь свою въ горшокъ, принялась опрыскивать какою-то жидкостію притолку, стѣны сѣничекъ и порогъ, нашептывая что-то подъ носъ.

Старостиха стояла во все это время въ углу какъ стопочка, и только моргала глазами; сморщенное лицо ея поворачивалось и слѣдило однакожь подобострастно за каждымъ движеніемъ гостьи. Наконецъ, она проворно вынула одно полотенце, и улучивъ минуту, когда Домна окончила причитаніе, подала его съ поклономъ.

Ощупавъ полотенцо, Домна снова повернулась спиною, поносила на старуху, и сдѣлавъ, видъ какъ будто обтираетъ имъ спрыснутые дверь и полъ, спрятала его за пазуху. После того, она закрыла горшокъ, поставила его на полъ и подошла къ старотихъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало.*

— Спасибо тебѣ, Домна Емельяновна, что понавѣдалась, сказала старостиха, отвѣшивая маховой поклонъ, а я ужъ чаяла, касатка, ты за мятелью-то не зайдешь ко мнѣ; выходила за ворота, смотрю гудеть погода, вѣтъ, думаю, не бывать тебѣ....

— И—и—и.... Христось съ тобою, съ чего жъ не бывать,—ужъ коли посулила, стало приду,—отвѣчала скороговоркою Домна, да и пригоже ли дѣло, родная, солгать въ такую пору....

— То-то, бользная.... зайдѣ въ избу, Емельяновна, — отогрѣйся.

— Спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ, отвѣчала Домна. Старостиха отворила дверь и обѣ вошли въ избу.

Хозяйка засуеилась у печки, и пригласивъ гостью присѣсть къ образамъ, поставила передъ ней скляницу, заткнутую ветошью, вмѣстѣ съ толстенькимъ стаканчикомъ, вертѣвшимся на донышкѣ какъ волчекъ. Гостья не долго отнѣкивалась, выпила вино бычкомъ, т. е. однимъ духомъ до последней капельки, и кашлянувъ, закусила пирожкомъ съ кашей.

Вообще должно сказать, Домна не была ни въ какомъ случаѣ бабою ломливой или привередливой. Баба была бойкая, вострая! Да и можно ли по настоящему быть иначе сиротѣ безпріютной, вдовѣ безпомощной? Известно: живешь мірскимъ состраданіемъ, пробавляешься чужими крохами, тутъ всякой того и смотри сядетъ тебѣ на плеча, да еще спасибо скажешь, коли шею не наколотятъ, — на

* Обрядъ этотъ совершается на Васильевъ вечеръ и извѣстенъ въ Великороссіи подъ названіемъ: *смываніе лихомакобъ*. Смываніе производится (какъ увѣряютъ, по крайней мѣрѣ, плутовки, пользующіяся довѣріемъ поселянъ) снабдомъ изъ четвертковой соли, золы изъ семи печей и угля; выкопаннаго въ Ивановъ день швъ-педь чернобыльника.

чести людской не уѣдешь далеко! Домна знала это какъ нельзя лучше, и потому, желая избѣгнуть, по возможности, сиротской невзгоды, норовила всегда съѣсть сама на чужія плеча. И будь безъ хвоста, да не кажися кургузь, говорить пословица. И такъ ловко вела она свое дѣльцо, что никто не пѣнялъ на нее; каждый, напротивъ, встрѣчалъ ее съ поклономъ и принималъ съ почетомъ. Съ уголька ли спрыснуть, заговорить ли отъ прострѣла, смѣть ли лихоманку, — вездѣ и всегда она одна. Не за долго еще до настоящаго времени, слыла она первую запѣвалкою и хороводницею во всемъ околоткѣ; никто не подлаживалъ такъ складно подъ пѣсню въ обломокъ косы, никто не выплясывалъ и не разводилъ такъ ловко руками, ни чей голосъ ни раздавался звучнѣе; но съ тѣхъ поръ, какъ надорвала она горло на гулянкѣ въ день приходскаго праздника, и голосъ ея, дребезжавшій на всеобщее удивленье какъ неподмазаное колесо, захрипѣлъ какъ у опоёной клячи, — слава ея въ околоткѣ стала еще почетнѣе. Лѣшій ее знаетъ, какъ она это дѣлала, — но теперь въ сосѣднихъ деревняхъ безъ Домны, — что безъ праваго глаза. Безъ нея не обходится ни одна свадьба, потому что не будь Домны, и свадьбы бы не состоялись; она поклонилась отцу, поклонилась матери, и уладила дѣльцо; на пирахъ является она бабкою позываткой; — первая затѣваетъ пляску, первая пѣетъ сусло и бражку. Въ зимніе, долгіе вечера, — Домна не баба, а просто золото. Она все знаетъ: кто хочетъ или задумалъ только жениться, кого за мужъ выдаютъ, гдѣ и за что поссорились люди; тамъ строчить она сказку узорчатую, тутъ поворожить, здѣсь спрыснетъ студенцемъ, — словомъ, на все про все. И крова кажися нѣту, и мужа нѣту — сирота какъ есть круглая, а живетъ себя припѣваючи. Да в о чемъ тужить? Сама не разъ говорила Домна: — «И то правда, касатушки, подъ окошечкомъ выпрошу, [подъ другимъ съѣмъ, подъ третьимъ высплюсь, — поддевочка-то съра, да волюшка-то своя!»....

Такъ вотъ какова была гостья старостики.

— Ну, что, касатка, я чай у сосѣдей была?—спросила старостиha, придвигая къ ней пирогъ.

— Какже, родная,—скороговоркою отвѣчала Домна, косясь однимъ глазомъ на сткланницу, другимъ на чашку съ гороховымъ киселемъ, — когда жъ и быть-то какъ не нынче; кому охота напустить къ себѣ въ домъ злую лихость: та— Домна Емельяновна пособи, другая также! — ну я не отпѣ- киваюсь отъ добраго дѣла; вистимо, долго ли наклепать бѣду; о-охъ! знамо не простой день, касатка, — Васильевъ вечеръ.... Нѣнь, болѣзная ты моя, лихоманку-то выпираетъ изъ преисподней морозомъ.... Вотъ она и суетъ, окаанная, по свѣту, — ищетъ виноватыхъ; гдѣ теплая изба, туда и она.... притаится, это, за простѣнокъ али притолку, и ждетъ нечисть, не подвернется ли кто.... Я сама ихъ видала, всѣхъ сестеръ видала.... ужъ въ чемъ кажись только душа есть: тощія, слѣпья, безрукія такія.... а не смой изъ дому — затрясутъ, поди, до смерти,—прибавила Домна, надламывая пирожка и взглядывая на старостику, которая сидѣла противъ нея на лавочкѣ, и прищурившись, какъ кошка на печкѣ, мотала въ тягостномъ раздумьи головою.

— Вотъ, скажу тебѣ,—продолжала Домна, — видѣла я мужика въ Груздочкахъ, такъ ужъ подлинно жалости подобно.... И здоровъ былъ и рослъ, что хмѣлина въ вѣсну, а какъ напала, это, она на него, — похирѣлъ словно трава подкошоная.... А все отъ того, что жена его поартачилась, да не пустила смыть лихоманку въ Васильевъ вечеръ....

— Ахти, касатка, эки дѣла какія; что жъ она, — недобрая мать,—злобу какую на мужа-то имѣла?.... —спросила старостиha.

— А кто ее знаетъ,—я не мало ее тогда уговаривала....

— Да что жъ ты, родная, не пьешь-не ѣшь ничего.... — произнесла хозяйка, принимаясь суетиться, — не позорь нашего хлѣба-соли.... выпей еще стаканчикъ....

— Спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ,—отвѣчала Домна, радостно принимая приглашеніе; ну такъ вотъ, родная, какъ почала она трясти его, трясла, ужъ она это, трясла, чуть

не до смерти, насилу отшептали, совсѣмъ было сгибъ челоуѣкъ.... Да постой, не нынче, такъ завтра у васъ въ деревнѣ прилучится такое дѣло, — коли еще не хуже....

— О-охъ! — произнесла старостиха, со страхомъ озираясь на сторону, — что жъ такое, родная?....

— А вотъ что, отвѣчала Домна, отдувая багровыя свои щеки, захожу это я нынче, обѣ утро, къ Василисѣ, сосѣдкѣ твоей, вистимо, касатка, не изъ корысти какой, чтобъ мнѣ сошлось что за хлопоты, захожу къ ней, — а такъ по простотѣ моей сиротской; известно, люди бѣдные, нешто съ нихъ возьмешь.... Маешься ты, говорю, Василиса съ своимъ сыномъ, дай, говорю, отведу я отъ него нечистую силу, нынче только, говорю, и можно образумить каженника, — сама чай вѣдаешь день какой, — куда-те, и слышать не хочеть; да это бы еще нешто, Богъ съ ней, а то, туда же, окрысилась на меня: вы, говорить, по деревнѣ про сына пустиди толки, то, да се.... Ну, думаю себѣ, дѣлай какъ знаешь, сама напоследякъ спокаешься, не здобровать тебѣ съ твоимъ каженникомъ!....*

Тутъ Домна покосилась украдкою на старостиху и сказала, понизивъ голосъ:

«Ты, касатка, не подпушай его, смотри, близко къ дому, я давно хотѣла съ тобой, на досугъ, глазъ на глазъ поговорить....

Старостиха насторожила уши.

— Онъ, слышала я отъ добрыхъ людей, — продолжала таинственно Домна, — за твоей дочкой увивается.... избави Господи!.... У каженниковъ дурной глазъ! того и смотри, испортить дѣвку...

— Чтò ты, касатка, — охъ!.... Да подступись онъ только.... Да я и ему-то, и его матери-то всѣ глаза выплюю!.... — возразила съ негодованіемъ старостиха; — я, родная, какъ только провѣдала про это дѣло, и дочь-то не пускаю со двора, зарокòмъ наказала не ходить за ворота....

* *Каженникомъ* называютъ въ деревняхъ челоуѣка, одержимаго меланхоліей или душевною тоскою, а иногда просто безъ причины. Не ходитъ паренъ въ хороводы, — ну и каженникъ!

— То-то, болѣзная, — я не въ пронось говорю тебѣ такое слово; ты дѣвку-то свою не пушай, а онѣ, окаянный, все возьметъ свое, коли заберетъ на умъ, — напуститъ на нее лихость, — а ты поди плачь, тоскуй опосля.... По моему, до грѣха, надо отводить его какъ ни есть отъ нея, чтобъ дѣвка-то опостыла ему, — безъ этаго не миновать вамъ бѣды... Ужъ лучше, коли на то пошло, продайте вы ее въ чужую деревню, я и женишка приищу. Такого ли жениха вамъ надыть. Да ему и въ ротъ не вкинется и во снѣ не присянится такое счастье.... Она у тебя пригожье всѣхъ молодицъ села.... Вотъ довѣдалась я (люди добрые сказывали) и она, — Василиса-то, на то же норовить; стану, говорить, просить барина!.... Пригодное ли дѣло, касатка, вамъ съ ними родниться, шить-голь, да и полно! Вамъ просвѣту не дадутъ: вишь, скажутъ, породнились съ кѣмъ!.... Вистимо, кто про что: другому и крохи пропустить нечемъ, — да доброй человекъ, а этотъ, болѣзная ты моя, каженникъ!! Ужъ что это за человекъ: чурается добрыхъ людей, словно собака паршивыхъ, ни съ кѣмъ слова не промолвить, ни въ пляску, ни въ пѣсни.... я тебѣ говорю: отлучи ты его до бѣды отъ дѣвки-то!....

— О-охъ! я и сама о томъ думаю, касатушка.... помоги, Домна Емельянова, — произнесла съ явнымъ безпокойствомъ старостиха, — рада служить тебѣ всѣмъ добромъ, — отведи ты его, Богъ съ нимъ! отъ моей дочки....

Тутъ старостиха привстала съ лавки, поклонилась гостьѣ, и положила передъ ней на столъ второе полотенце.

— Спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ, — отвѣчала Домна, спрятавъ полотенце, какъ бы не значай, за пазуху, — рада и я служить тебѣ, — изволь, помогу, — слушай....

И Домна подсыла уже къ старостихѣ и прильнула къ ея уху, — но въ самую эту минуту раздался такой сильный ударъ въ ворота, что обѣ бабы невольно подпрыгнули на лавочкѣ и стукнулись головами.

— Охъ, родная, — воскликнула Домна, бросаясь въ по-
пыхахъ изъ одного угла въ другой, — никакъ мужъ твой идетъ, — вотъ накликали бѣду!....

Старостиха въ это время подбѣжала къ окну, подняла его и выглянула на улицу.

— Нѣтъ, касатка, не онъ!—крикнула она, просовываясь въ избу и обращаясь къ Домнѣ, которая стояла уже въ дверяхъ,—не онъ; вѣтеръ сорвалъ доску съ надворотни,— не бойся, — онъ у Савелія на вечеринкѣ и не скоро вернется, — сиди безъ опаски....

— Охъ, касатка, всполохнулась я добрѣ,—вымолвила гостья, отдуваясь и прикладывая ладонь къ лѣвому боку,— ну кабы онъ, бѣда, думаю;—серчаешь онъ на меня,.... а сама не знаю за что.... провалиться мнѣ, стамши, коли знаю....

Но рѣчь Домны снова была прервана такимъ страшнымъ грохотомъ подь воротами, у плетней и подь навѣсами, какъ будто буря, собравъ все силы свои, разомъ ударила на избу старосты.

— Съ нами крестная сила!—пробормотала хозяйка дома, творя крестное знаменіе.

—Охъ, не къ добру, родная,—проговорила Домна, крестясь въ свою очередь, — слышь, какъ вдругъ все загудѣло.... Охъ, вотъ такъ-то какъ шла я къ тебѣ.... иду,—вдругъ отколъ ни возьмись замело меня совсѣмъ и зги не видно: куда итти, думаю, и сама не знаю, стою это я, касатка, —слышу кто-то словно подь меня заплакался.... да жалостливо такъ.... охъ, не къ добру....

Мало по малу однакоже и хозяйка и гостья успокоились. Буря пронеслась мимо. — Старостиха бережно заперла двери и снова сѣла на лавочку; Домна откашлянулась, нагнулась къ ея уху и стала ей что-то нашептывать.

IV.

Чижики пыжикъ, у воротъ,
Воробышекъ махонькой,
Эхъ, братцы, мало насъ!
Голубчики, нѣмвожко....
Иванъ сударь, — поди къ намъ,
Андреевичъ, приступись....

Простонародная пѣснь.

Парашъ страхъ однакожь прискучило сидѣть подь окнами своей избушки. Въ первое время, послѣ того какъ про-

водила она маленьких сестеръ и братьевъ за ворота, ее радовало, что привелось по крайней мѣрѣ разъ посидѣть свободно на улицѣ, что, можетъ статься, удастся хоть издали прислушаться къ веселымъ пѣснямъ 'подругъ; полная такихъ мыслей, она не замѣчала скуки, пока наконецъ не увидѣла ясно, что ожиданія обманули ее. — Сколько ни напрягала она вниманія, — всюду слышался ревъ бури, которая, врываясь поминутно въ деревню, грозно завывала, метаясь изъ конца въ конецъ улицы; глухая ночь царствовала повсюду; изрѣдка лишь, проникая мракъ, сквозь снѣжную сѣть, мелькали кое-гдѣ, какъ искры, огоньки дальнихъ избушекъ. Параша не понимала, куда такъ скоро могла дѣться рѣзвая толпа ребятъ и дѣвокъ, не давно еще шумѣвшихъ подъ ея окнами. — «Неужто запугали ихъ мятель и холодъ? подумала она, стараясь проникнуть въ сотый разъ темноту ее окружавшую, — чего жъ тутъ бояться!?... О! еслибъ только дали мнѣ волю присоединиться къ нимъ, я бы всѣхъ ихъ пристыдила. А можетъ быть, они забились въ избы, не страха ради, а ради забавы.... Я чай гадаютъ они, или наряжаются.... куда какъ весело!...» Параша взглянула на окно своей избушки и загрустила еще сильнѣе прежняго. Не смѣя послушаться матери, но со всѣмъ тѣмъ не желая вернуться въ скучную избу, — она подошла къ заваленкѣ, оттоптала снѣгъ въ углу, между стѣною и выступомъ бревень, прикуталась съ головою подъ овчиннымъ своимъ тулупчикомъ, и съжившись клубочкомъ какъ котенокъ, закрывъ глаза, принялась съ горя умомъ раскидывать. Она мысленно переносилась въ каждую избу; тамъ невидимкою присутствуетъ она посреди веселаго сборища; тутъ прислушивается къ говору парней, здѣсь подружки наряжаютъ ее: она смотрится въ крошечное, оправленное зеркальцо, — глядитъ и глазамъ не вѣритъ, какъ пристала къ ней высокая шапка съ золотомъ, синій кафтанъ и красная рубаха съ пестрыми ластовицами; въ другомъ мѣстѣ.... но не перечестъ всего, о чемъ думаетъ молоденькая дѣвушка. Кончилось тѣмъ, что Параша не утерпѣла, сбросила съ головы овчину, заглянула въ окно къ матери, и убѣдившись,

вѣроятно, что съ этой стороны не предстояло опасности,— соскочила съ заваленки и украдкою подобралась къ соседней избѣ. Изба эта,—хилая лачужка, занесенная почти до верху снѣгомъ, отдѣлялась всего на всего отъ избы старосты длиннымъ навѣсомъ, и Парашѣ стоило только сдѣлать нѣсколько прыжковъ, чтобы очутиться подъ единственнымъ ея окошкомъ. — Дѣвушка прильнула свѣженькимъ своимъ личикомъ къ стеклу, сквозь которое проникалъ огонекъ, и затанувъ дыханіе, долго смотрѣла во внутренность избышки. Но и тутъ, казалось, ожиданія обманули ее. Параша нахмурила тоненькія свои брови и думала уже вернуться назадъ, когда совершенно неожиданно до слуха ея коснулся чей-то тоненькой голосокъ. Голосъ выходилъ изъ-за ближайшаго овина; Параша притаилась въ уголъ и стала вслушиваться; голосъ, очевидно принадлежавшій женщинѣ, напѣвалъ между тѣмъ протяжно:

Ай звѣзды, звѣзды,
Звѣздочки!
Всѣ вы, звѣзды,
Одной матушки,
Бѣлорумяны вы,
И дородливы!....
Гляньте, гляньте
Въ эту ноченьку!....

«Это должно быть Кузнецова Дунька загадываетъ себѣ счастье.... — подумала Параша,—но гдѣ же видитъ она звѣзды?!.... — продолжала она, прикутываясь въ тулупчикъ и поднимая къ верху голову, — ухъ! какъ темно и страшно ... ну, долго же придется ей ждать звездочку.... А что, всѣ вѣдь нынче гадаютъ.... дай-ка и я себѣ загадаю ... что-то мнѣ выпадетъ?....» Последнее заключила она, стоя уже подлѣ своей избы; она оглянулась сначала на всѣ стороны, потомъ обратилась снова почему-то къ соседней лачужкѣ и произнесла на распѣвъ:

Взалай, взалай, собаченька,
Взалай, сврѣнькой волчекъ!
Гдѣ собачка заласть,
Тамъ и мой суженой....

Но какво же было удивленіе дѣвушки, когда съ со-
сѣдьяго двора, какъ нарочно, отозвался лай собаки.

Лай замолкъ, а Параша все еще стояла какъ прикован-
ная на мѣстѣ; сердце ея билось сильнѣе; не довѣряя своему
слуху, она готовилась повторить пѣсню, но голоса и хохоть,
раздавшіеся внезапно съ другаго конца улицы, привлекли
ея вниманіе.

— Тащи, каженника, тащи его!... что онъ взаправду
артачится... тащи его, ребятушки, пушай наряжается съ
нами... тащи его,— не слушай!!— кричалъ кто-то, надрываясь
со смѣху.

Параша бросилась сломя голову на заваленку, вытянула
впередъ голову и, казалось, боялась проронить одно слово.

Голоса и хохоть приближались съ каждою минутой;
вскорѣ различила она толпу, которая направлялась прямо
къ ея избѣ.

— Ребята, никакъ у старосты огонь! катать туда!—за-
кричалъ тотъ же голосъ, по которому Параша тотчасъ же
узнала перваго озорника деревни, Гришку Силаева;— полно
тебѣ, Алешка, козырится, — не топырься; — сказано,
что не выпустимъ, такъ стало такъ и будетъ; полно тебѣ
слыть каженникомъ, пришло время развернуться, мы изъ
тебя дурь-то вызовемъ.... тссс!... тише ребята, ни гугу;
дѣвки, полно вамъ шушукаться, никакъ кто-то сидитъ у
старосты на заваленкѣ....

— Дѣвушки, касатушки, ... Охъ!!... — заговорило въ
въ одно время нѣсколько тоненькихъ голосковъ.

— Ну чего вы жметесь другъ къ дружкѣ, чего? не-
бось не съѣдятъ,—шепнулъ Гришка Силаевъ, — ступайте
за мной....

И толпа наряженныхъ, стиснувшись въ одну плотную
кучку, подошла ближе.

Гришка сдѣлалъ шагъ впередъ; и вдругъ залился звон-
кимъ, дребежжающимъ хохотомъ.

— Э! такъ это вотъ кто!—здравствуй старостина дѣчка,
произнесъ онъ, снимая обѣими руками шапку и кланясь
Парашѣ чуть не въ ноги.

— Дѣвушки, касатушки, и вправду она,—воскликнули дѣвушки, окружая подругу,—что ты здѣсь дѣлаешь? поидемъ съ нами, полно тебѣ сидѣть,—смотри, какъ мы нарядились! поидемъ!!....

— Нѣтъ, мнѣ нельзя.... я и рада бы, да право нельзя, касатушки.... того и смотри матушка позоветъ.... — отвѣчала Параша, заглядывая въ право и лѣво и какъ бы желая различить кого-то въ толпѣ.

— А развѣ матушка твоя дома? — спросилъ Гришка.

— Дома.

— И отецъ дома?

— Нѣтъ, отецъ у Савелія на вечеринкѣ, — возразила Параша.

Гришка радостно хлопнулъ въ ладоши, прыгнувъ на заваленку и столкнулся носъ съ носомъ съ старостихою, которая совершенно неожиданно отворила окно и высунулась на улицу.

Гришка свиснулъ, и бросился въ самую середину толпы, которая откинулась въ сторону.

— Ахъ, вы, проклятые!!.... Кто тамъ?.... Чего вамъ надо?!!.... пошли вонъ, окаянные?!!!.... Парашка! Парашка! — что те не докличешься.... ступай въ избу, гдѣ ты? о! постой, я тебя проучу!!....

Параша откликнулась, набросила на голову полушубокъ, и вздохнувъ, отправилась къ воротамъ.

— Параша, — крикнулъ ей во слѣдъ Гришка, — кланяйся маменькѣ, — цѣлуй у ней ручки; скажи, что всѣ-моль мы, славу Богу, здоровы и ей того же желаемъ....

— Ахъ, ты охлестышь поганый! — взвизгнула старостиха, высовываясь по грудь изъ окна, — погоди, постой, — я тебѣ дамъ знать!!....

— Что ты, маменька, глотку-то дерешь?.... не обижайся, за добрымъ дѣломъ къ тебѣ, родная.... — отозвался Гришка, пробираясь украдкою съ огромнымъ комкомъ сѣтга подъ подою; — приходили звать тебя въ гости; неравно обознаешься; ищи ты насъ вотъ какъ: ворота досчаные, собака новая, въ избѣ два окна, какъ найдешь, — прямо

придешь! — заключилъ онъ, пуская комокъ въ старостиху, которая успѣла однакожь во время хлопнуть окно.

Толпа захохотала.

— Эхъ, промахнулся! — произнесъ Гришка, отряхая руки, а жаль, кабы не обмишулился, было бы чѣмъ закусить.... ишь ее, баба-яга какал.... Ребята, на зло же ей, слушай : старосты нѣтъ, пойдѣте къ ней въ избу.... выворотимъ каженнику овчину, онъ будетъ медвѣдемъ, а я жожакомъ, — ладно, что ли? Ну, Михайло Иванычъ, поворачивайся, да не пяль глаза на стороны, — сказано не выпустимъ, пойдѣшь съ нами!! прибавилъ онъ, стаскивая полушубокъ съ плечъ молодаго парня, который впрочемъ довольно охотно поддавался.

— А ну, быть стало по вашему!! — неожиданно воскликнулъ молодой парень, отрывая глаза отъ старостина окна и принимая какъ будто рѣшительное намѣреніе, — давайте овчину, я самъ выворочу.... Ну такъ, ладно что ли? — заключилъ онъ, просовывая ноги въ рукава вывороченной овчины и тяжело поворачиваясь передъ толпою, которая разразилась звонкимъ смѣхомъ.

— Ай да молодець!! — заревѣлъ Гришка, топая въ восторгъ ногами, — я вамъ говорилъ : на него только наговорили, какой онъ каженникъ!! давай другую овчину, закутаемъ ему голову, такъ! ну-ка-сь, Михайло Иванычъ : а какъ ребята за горохомъ хаживали.... ну-у!-у!!.... ай да Алеха! Я говорилъ вамъ, не сплехуетъ! Онъ только прикидывался тихоней, а они ему вѣрили.... Ребята, стойте!! — крикнулъ Гришка, останавливая толпу, которая уже двинулась къ воротамъ старостиной избы, — стойте; по моему вотъ что : дайте ей, старой вѣдьмѣ, опомниться, она теперь взбеленилась, такъ ужъ за одно иридется ей сердчать.... дадимъ-ка ей лучше простыть, да тогда, на спокоѣ-то, и потревожимъ ее, пушай-де знаетъ! Пойдѣте, какъ есть, слѣдомъ къ Савелью, теперь пиръ-горой; народу тамъ гибель, потышимся на славу, — а тамъ сюда добро пожаловать.... такъ что-ли?....

— Пойдѣте, пойдѣте! — отозвались разомъ всѣ присутствующіе.

И толпа, повернувшись лицомъ къ вѣтру, весело понеслась за Гришкой на другой конецъ деревни.

Но не достигла она и половины дороги; как вдруг буря, смолкнувшая на время, снова ударила всей своей силой; все помутилось вокругъ, и наряженные наши не успѣли сдѣлать одного шагу, какъ уже увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ вихремъ.

— Держись, не вались! — крикнулъ Гришка, сгибаясь въ три погибели и становясь спиною къ мятели, — наша возьметъ, стой крѣпче, не робѣй; ай вы любушки, голубушки, присовокупилъ онъ, пробираясь къ дѣвушкамъ, — что пришились? — играйте пѣсни!....

— Полно тебѣ, Гришка.... охъ, дѣвушки, страшно! охъ, касатушки, страшно! — раздавалось то съ одной стороны, то съ другой.

— Страшно.... у! у! у!.... — произнесъ Гришка, становясь на четвереньки и принимаясь то хрюкать свиньею, то вѣть волкомъ; — ой дѣвушки, смотрите-ка, смотрите.... вонъ вѣдьма на помель ѣдетъ, ей-ей вѣдьма, — у! — смотри сторонись, хвостомъ зацѣпить!.... — Дѣвушки, прятавшіяся другъ за дружкой, подняли головы и вдругъ испустили пронзительный крикъ. Въ сторонѣ, за мятелью, послышался дѣйствительно чей-то прерывающійся, замирающій стонъ.... Въ эту самую минуту, вѣтеръ рванулъ сильнѣе, вихрь пронесся мимо и въ мутныхъ волнахъ снѣга, между сугробами, показался страшный образъ старика съ распростертыми впередъ руками....

Но толпа успѣла уже разбѣжаться во всѣ стороны.

V.

За дубовы столы,
За набравые,
На сосновыхъ скамьяхъ,
Сѣли званые.
На столахъ, куръ, гусей,
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полные!

Кольцовъ.

Между тѣмъ, пирушка у Савелія шла на славу; народу всякаго, званого и незваного, набралось къ нему такое мно-

жество, что кажись пришел бы еще одинъ человекъ, такъ и мѣста бы ему не достало. Даже подъ самымъ потолкомъ торчали головы; послѣднія, впрочемъ, принадлежали большей частию малолѣтнимъ парнишкамъ и дѣвченкамъ, которые, будучи изгоняемы отовсюду, рѣшительно не знали уже куда приткнуться. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть дома, когда у сосѣда вечеринка, да еще въ какое время,—въ свѣткѣ? Того и смотри нагрянуть наряженные, пойдутъ пллски, пѣсни.... деревенскимъ ребятамъ все въ диковинку! и вотъ томимые любопытствомъ, пробираются они сквозь перекрестный огонь пинковъ и подзатыльниковъ, кзрабаются на лавки, сползаютъ на печку и полати, мостятся другъ на дружку, только лишь бы поглядѣть на веселье. Между ними попадаютъ такіе бойкіе, которые, не зная куда дѣвать маленькаго братишку, заснувшаго у нихъ на рукахъ, забрались вмѣстѣ съ нимъ на зыбкую перекладнику,—и висятъ себѣ, какъ бы ни въ чемъ не бывало!

Въ избѣ жарко какъ на полкѣ; никто однакожъ не думаетъ отступать къ двери; каждый, напротивъ того, норовитъ изо всей мочи, какъ бы протискаться впередъ, къ красному углу, гдѣ происходитъ угощенье.—Тамъ, за столомъ, покрытымъ рядомъ, обложеннымъ по краямъ ложками и обломками пироговъ и хлѣба, сидѣли гости званые и почетные.

На самомъ первомъ мѣстѣ, подъ образами, въ которыхъ дробился свѣтъ восковой свѣчки вмѣстѣ со свѣтомъ салнаго огарка, воздвигнутаго на столѣ,—бросаясь прежде всего въ глаза мельникъ и жена его,—оба толстые, оба красные какъ очищенная свекла, оба, по видимому, готовые лопнуть отъ жару. Подлѣ нихъ, по правую руку, сидѣлъ пономарь изъ чужой вотчины, долговзый, рлябой какъ кукушка, косою какъ заяцъ, съ вострымъ обточеннымъ носомъ и коротенькой взѣрошеной косичкой на затылкѣ; жаръ дѣйствовалъ на него совсѣмъ иначе чѣмъ на мельника: онъ, казалось, сушилъ и коробилъ его какъ щепку. Подлѣ пономаря сидѣлъ сотской,—крошечный, мизерной, мозглявой старикашка лѣтъ семидесяти пяти, по живой и вертлявый,

щупавшій поминутно то медаль на груди форменной инвалидной шинели, то дергавшій себя за кончики съдыхъ волосъ, изрѣдка торчавшихъ по обѣимъ сторонамъ лысины; слезливые глаза его шурились постоянно, тогда какъ ротъ, украшенный одними деснами, былъ постоянно открытъ и сохранялъ такое выраженіе, какъ будто сотскаго парилъ кто-то сзади наижесточайшимъ образомъ самымъ жгучимъ вѣшникомъ. По лѣвую руку мельника находился знакомый уже намъ староста и рядомъ съ нимъ хозяинъ дома — рыжій, плечистый мужикъ, такой же толстый почти, какъ мельничиха. Съ обоихъ потъ катилъ градомъ, но оба не замѣчали этого и, казалось, были очень довольны сосѣдствомъ другъ друга, потому то и дѣло обнимались. По обѣимъ сторонамъ описанныхъ лицъ, на лавочкахъ подлѣ стола и немного поодаль, сидѣли еще гости, то же званые, но менѣе почетные. Тутъ были и старики, и молодые, и бабы съ ихъ ребятами; всѣ они расположились семьями: гдѣ мужъ съ женой, гдѣ старуха съ снохой. Каждая семья явилась въ гости съ своей чашкой и ложками; радушіе хозяйки ограничивалось снабженіемъ съѣстнаго; и такъ какъ хозяйка впрѣготовила кисельскаго и соленьскаго вволю, а хозяинъ принесъ чѣмъ и ротъ прополоснуть, то гости были очень довольны.... Немолчный говоръ, восклицанія, хохотъ, раздававшіеся вокругъ стола, свидѣтельствовали достаточно довольство присутствующихъ. Но всѣхъ довольнѣе былъ, повидимому, все-таки самъ хозяинъ.

— Александръ Елисвичъ, свать! кумушка Матрена Лексевна, Кондратій Захарычъ! — еще стоканчикъ, милости просимъ, понатужтесь маленько.... — кричалъ Савелій, приподымаясь поминутно съ штофомъ въ одной рукѣ, съ стаканомъ въ другой, и кланялся поочередно каждому изъ гостей своихъ. — Александръ Елисвичъ, что жъ ты, откушай, — полно тебѣ отнѣкиваться, — ну хошь пригубь, — прибавилъ онъ, обращаясь настойчивѣе къ мельнику, который пыхтѣлъ, какъ быкъ, взбирающійся на гору.

— О — охъ! — не много ли, примѣрно, будетъ, Савелій Трофимычъ, — отвѣчалъ гость; но взялъ однакожъ стаканъ,

тягостно возвелъ къ потолку тусклые, водянистые глаза свои, испустилъ страдальческій вздохъ, и проговоривъ: — «Господи, прости намъ прегрѣшенія наши!» выпилъ все до капельки.

— Гости дорогіе, милости просимъ; Данила Левоничъ, ты что? аль боишься уста опорочить; пей, да подноси сосѣду,—продолжалъ Савелій, передавая штофъ старостѣ и подмигивая на пономаря, который сидѣлъ раскрывъ ротъ какъ птица, умирающая отъ жажды, что не мѣшало ему однакожь усердно вертѣть лѣвымъ глазомъ вокругъ мельничихи.—Дядя, а дядя, дядя Щеголевъ! полно тебѣ раздобаривать, успеешь еще наговориться.... Эхъ, а еще куражился: всѣхъ, говорилъ, положу лоскомъ! что жъ ты?!.... Хороберъ видно на словахъ!—заключилъ Савелій, протягивая руку къ сотскому, который рассказывалъ что-то мельнику.

— Подноси, подноси знай, да не обноси, — захрипѣлъ старикашка, заливаясь удушливымъ, разбитымъ смѣхомъ; онъ взялъ стаканъ, бодро привсталъ съ мѣста, произнесъ: «всѣмъ гостямъ на бесѣду и во здравіе!»—выпилъ вино, крикнулъ и постучалъ себя стаканомъ въ голову.

— Вишь, балагуръ, занятный какой: ай-да Щеголевъ! раздалось со всѣхъ концовъ посреди хохота.

— Такъ, какъ же тяжело, примѣрно, вамъ было въ ту пору? — спросилъ мельникъ, когда усялся Щеголевъ.

— А ты думаешь какъ?—возразилъ Щеголевъ, бодрившійся и дѣлавшійся словоохотливѣе по мѣрѣ того, какъ штофы пустыли, куда жуткопришлось: народъ весь разбѣжался; избы, знаешь ты, супостатъ раззорилъ, очистилъ все до послѣдняго зернышка; сами прохарчились.... захочешь пирожка,—ладно моль,—льду пососешь, захочешь щецъ, — водицы похлебай, — а другаго чего и не спрашивай!....

— А что, примѣрно, бывалъ самъ въ сраженіи?—перевилъ мельникъ, выставляя впередъ подбородокъ и осѣняя ротъ крестнымъ знаменіемъ.

— И-и.... Александръ Елисейчъ, спросите, гдѣ онъ только не былъ, какихъ сраженій не видалъ, ходилъ подъ Кутузовымъ противъ Француза, — подлинно любопытствія

всякаго достойно!—произнесъ пономарь, значительно обводя косыми глазами компанію, и потомъ стараясь снова сосредоточить ихъ на мельничихъ, которая переминялась на одномъ мѣстѣ, какъ откормленная гусыня.

— Такъ ты Кутузова-то видалъ? сказываютъ, сильный, примѣрно, былъ человекъ....—спросилъ мельникъ, глубокомысленно насупывая брови.

— Кутузова-то! воскликнулъ Щеголевъ, заливаясь снова разбитымъ своимъ смѣхомъ и хорохорясь несравненно болѣе прежняго, — а ты думаешь какъ!.... какъ сядетъ бывало на коня.... ухъ!! — ничего, говорить, не боюсь! Самъ батюшка Царь его жаловалъ; разъ на паратъ собственноручно цаловалъ его.... Русакъ былъ, настоящій русакъ! Кутузовъ, говорить ему, возьми себѣ за услуги твои Смоленское.... возьми ужъ, говорятъ, и Голенищева въ придачу! Вотъ такъ настоящій былъ воинъ!! Ничего, говорить, не боюсь!! куда ни покажется,—такъ доскомъ и кладетъ супостата,—какъ ты думаешь: самъ на конѣ сидитъ, а надъ нимъ, слышь ты, двуглавый россійской орелъ летитъ.... ничего, говорить, не боюсь!!!....

— Ну, а самъ-то ты, самъ, бывалъ въ сраженіяхъ? Страшно чай.... — продолжалъ спрашивать Александръ Елисѣичъ.

— Чего страшно!—ничего не страшно: Французъ ли, супостатъ ли.... пали, да и только!! бей его врага супостата! — крикнулъ Щеголевъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Я чай въ пушку ударили? — вымолвилъ пономарь, выглядывая изъ-за мельничихи.

— Въ пушки ударили, въ барабаны забили,—пули и картечи летѣли намъ на встрѣчу! — подхватилъ Щеголевъ, отчаянно потряхивая головою, въ которой начинала уже бродить нескладица.

— Александръ Елисѣичъ, еще стаканчикъ, полно тебѣ спѣсивиться, — откушай! — перебилъ Савелій.

— Нѣтъ, Савелій Трофимычъ, надо настоящимъ дѣломъ разсуждать, ей, ей, примѣрно, не по моготъ....

— Кондратій Захарычъ,—милости просимъ!....

— Много довольны, кушайте сами; много довольны вашимъ угощеньемъ,—отвѣчалъ пономарь, принимая стаканъ и раскланиваясь на стороны.

— Кума, Матрена Алексѣвна, не обезсудь, просимъ покорно,—продолжалъ хозяинъ, ослабляя зубы на мельничиху, которая сидѣла, понуривъ голову, съ видомъ крайняго изнеможенія,—понатужтесь еще; дай тебѣ Господи долго жить, да съ нами хлѣбъ-соль водить....

Мельничиха допила вино, потупила глаза и прокатила стаканъ по столу, что значило, что она напрямикъ отказывалась.

— Свать Данила, угощайтесь, — ну, первинка тебѣ что ли!....

— Такъ и быть, согрышу,—обижу свою душу,—выпью, во здравіе и многолѣтіе!!....

— Вотъ такъ-то .. Эй Авдотья, давай перемѣну!—крикнулъ хозяинъ, упираясь спиною и локтями въ толпу, которая чуть не сидѣла на его шеѣ, и оборачиваясь назадъ къ печкѣ, гдѣ слышался пискливый говоръ бабъ и звяканье горшковъ.

— Сей часъ!!—отозвался пронзительный голосъ, покрывшій на минуту шумъ гостей; вслѣдъ за тѣмъ послышались звуки, похожіе на то, когда ломаютъ щепки, по означавшіе въ сущности, что хозяйка отвѣсила нѣсколько подзатыльниковъ ребятамъ, осаждавшимъ блюда; минутою спустя, изъ середины толпы выступила жена Савелія, сопровождаемая двумя снохами, державшими въ каждой рукѣ по огромной чашкѣ.

— Куманекъ, сватушка, кушайте, угощайтесь, милости просимъ, — кумушка, Матрена Алексѣвна, прикушай, касатка, ты у насъ дорогая гостыюшка,—сказала хозяйка—сухая, высокая баба съ сморщеннымъ лицомъ и провалившимися губами, которыя корчились и ежились, чтобы произвести привѣтливую улыбку,—кушайте, родные вы мои, — не судите хлѣбъ-соль, укланялись, угощаючи васъ,—продолжала она, отвѣщая маховой поклонъ мельничихѣ, тогда

какъ обѣ снохи подставляли чашки гостямъ, сидѣвшимъ съ своими ложками на лавкахъ.

— Много довольны вашимъ хлѣбомъ и солью! спасибо за ласку и угощенье, дай тебѣ и дѣткамъ твоимъ всяческаго благополучія отъ Царя небеснаго!... раздалось отвсюду.

— Авдотья, давай перемѣну!! — крикнулъ снова Савелій, начинавшій покачиваться во всѣ стороны, не смотря на то, что сильно упирался на старосту.

— Кумушка, Матрена Лексѣвна, не побрезгай, возьми хоть орѣшковъ, хоть орѣшковъ возьми.... говорила хозяйка, кланяясь и поднося чашку съ орѣхами мельничихъ, — возьми, не прогнѣвайся, возьми ужотко дѣткамъ, твоимъ зубки позабавить, себѣ на потеху....

— Пули и картечи.... летѣли.... къ намъ на встрѣчу! пробормоталъ неожиданно Щеголевъ, поднимая голову:

— Ну, Господь съ тобой, касатикъ, отгнѣчала хозяйка, кушай во здравіе!!....

— Авдотья, давай перемѣну!!—крикнулъ снова Савелій.—Эге....ге ... братъ, Щеголевъ, присовокувилъ онъ, размахивая руками передъ сотскимъ, который клевалъ носомъ корку пирога, — что жъ ты хотѣлъ - то всѣхъ доскомъ положить?!....

— Давай!.... прохрипѣлъ Щеголевъ, болтнувъ головою, какъ будто кто далъ ему подзатыльника, — ничего не боюсь! ... пули ...картечи.... летѣли....

— Эй, Кондратій Захарычъ! очень вы тутъ толмачите! заключилъ Савелій, махнувъ рукою и поворачиваясь къ пономарю, который разговаривалъ съ мельникомъ.

— А вотъ, Александръ Елисѣичъ рассказывалъ, какой случай вышелъ съ Шушеловскимъ мужикомъ, Кирилой Власовымъ; небось ты его знаешь?....

— Трафилось видѣть,—а что за случай такой?

— Да не сегодня, такъ завтра помретъ, за попомъ посылали ...

— Ой ли, да съ чего такъ?....—спросило нѣсколько голосовъ.

— Расскажи, Александръ Елисъичъ, — шепнулъ пономарь, любознательно вглядываясь однимъ глазомъ въ мельника, тогда какъ другой глазъ не менѣе любознательно устремился на мельничиху.

— А вотъ что, — началъ мельникъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, чтобы перевести одышку, — недѣли три тому будетъ, пошелъ какъ-то Кирила на Каменскую мельницу; дѣло было къ вечеру, гораздо ужъ смерклось; взялъ, примѣрно, шапку, пошелъ. Пришелъ, примѣрно, на мельницу, помолотился, взялъ мѣшекъ съ мукою и идетъ домой. Время стояло, какъ нынче, мятель, примѣрно, такая буря, зги не видать, — продолжалъ Александръ Елисъичъ, поглядывая попеременно то на того, то на другаго, тогда какъ присутствующіе, подстрекаемые любопытствомъ, двигались къ нему и вытягивали шеи; — вотъ сталъ онъ подходить къ лѣсу, миновалъ было половину, вдругъ слышитъ, кто-то кликнулъ его по имени. Кирила Власовъ! зоветъ, примѣрно, какъ словно знакомый какой человекъ, либо сродственникъ.... онъ глѣдь, никого. Въ другой разъ, — онъ опять остановился, — опять никого.... «Кто тамъ?!» крикнулъ; — никто, примѣрно не откликается.... Чтой-то за диво!.... Вотъ онъ опять пошелъ; что ни шагъ ступить, зоветъ его кто-то по имени да и полно!.... Вотъ приходитъ онъ домой; сълъ, поѣлъ, легъ на печку, не спится.... словно, говорить, мутить меня стало.... Ну, нечего дѣлать, всталъ это онъ, сълъ на лавку и сталъ примѣрно сумлѣваться.... Кто, говорить, звалъ меня въ лѣсу?.... Сталъ это онъ такъ то сумлѣваться, вдругъ слышитъ стучать въ окно.... — «Кто? говорить, — кого надыть?....» «Пусти, Власычъ, пусти, примѣрно, переночевать!..» отозвалось за окномъ. Какъ услыхалъ, говорить, такъ нѣдо по закою меня и дернуло, вся кровь, говорить, запечаталась во мнѣ.... слышу, говорить, тотъ же голосъ, что звалъ меня въ лѣсу....

— Подлинно диковинное дѣло и всякаго любопытствія достойно! — провзнесъ со вздохомъ пономарь, обращая на этотъ разъ оба глаза на сосѣдку. Но только-что успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ оба глаза его вмѣстѣ съ глазами

мельника и всѣхъ присутствующихъ устремились въ одно мгновеніе на уличное окно.

Въ окнѣ послышался стукъ.... Всѣ оглянулись и невольно попятнулись назадъ.

Стукъ въ окнѣ повторился.

— Ну, чего вы?!... — крикнулъ Савелій, обращаясь къ бабамъ, которыя съ визгомъ побросались въ сторону, — кума! Матрена Лексѣвна! полно тебѣ! — присовокупилъ онъ, вставъ съ мѣста и подталкивая мельничиху, которая повалилась всею своею тяжестію на сотскаго и притиснула долговязылъ ноги пономаря, успѣвшаго уже прыгнуть на лавку; — ну чего вы! экъ! — ишь ихъ!.... — Тутъ Савелій повернулся назадъ къ двери, гдѣ происходила какая-то каша, въ которой все днѣгалось, кричало и тискалось, — куда вы! стойте, я погляжу пойду!....

Савелій сдѣлалъ шагъ къ окну, но стукъ раздался снова, сопровождаемый на этотъ разъ голосомъ, отъ котораго вздрогнули въ самыхъ дальнихъ углахъ избы.

— О-охъ! касатикъ, Савелій Трофимычъ, не ходи! съ нами крестная сила! — проговорила хозяйка, вцѣпившись въ мужнину рубаху.

— Кто тамъ?! — крикнулъ, что есть мочи, Савелій, придвигаясь къ окну.

— Про....хо....жій.... — отвѣчалъ дрожащій, прерывающійся голосъ.

— Чего надѣть?! — гаркнулъ Савелій.

— Пусти.... перено.... чевать.... озлбъ.... — отвѣчалъ голосъ, заглушаемый ревомъ мятели.

— Ступай! ступай! коли ты добрый человекъ, — сердито отозвался Савелій, дѣлая еще шагъ къ окну, — ступай, по добру по здорову, много васъ шлется, — проваливай, проваливай.... здѣсь не мѣсто, ступай!.... Эй, Александръ Елисѣичъ, Данило! кума! гости дорогие! что жъ вы, аль не слышите? чего всполохнулись, -- это должно быть какой-нибудь христараникъ, а вы и взаправду подумали.... садѣтесь, милости просимъ.... ишь нашель время таскаться, да грызть окна....

— Да ты, касатикъ, посмотри въ окно!—сказала хозяйка, робко выглядывая изъ толпы.

— Чего смотрѣть! говорятъ те толкомъ, — нищенка!

— Охъ, нѣтъ, родной, нѣтъ, Савелій Трофимычъ, обойди-ка вокругъ двора,—оно втрывѣ,—обойди, касатикъ! — раздалось въ толпѣ бабъ.

— Ну пошли.... съ вами не столкнешь!.... эй Александръ Елисѣичъ, свать Данило, Кондратій Захарычъ,—полно вамъ; кума, Матрена Лексѣвна, просимъ покорно, просимъ не сумлѣваться, — чего вы взаправду переполошились, садитесь—говорилъ Савелій усаживая гостей, которые, не слыша болѣе шума за окномъ, начинали мало по малу оперяться,—Авдотья, давай перемьну!....

Гости, ободренные окончательно тишиною, водворившеюся за окномъ, усѣлись по прежнему на свои мѣста; мельничиха освободила задыхающагося Щеголева, пономарь завертѣлъ снова лѣвымъ глазомъ вокругъ сосѣдки, на столѣ появились два новые штофа, снохи перемѣнили чашки на ковши съ сусломъ и брагою, и веселая вечерипка, прерванная на время, продолжалась на славу радушнымъ хозяевамъ.

VI.

Ахъ, ты сѣй, мати, мучицу, пеки пироги,

Слава!

Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,

Слава!

Какъ нечаянные и незваные....

Слава!

Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи!....

Слава!

Простонародн. пѣсня.

— Ребята!.... эй!!.... гдѣ вы?! — крикнулъ Гришка Силаевъ, останавливаясь на другомъ концѣ улицы и оглядываясь во всѣ стороны.

Онъ приложилъ указательные пальцы обѣихъ рукъ къ губамъ, испустилъ дребезжащій, пронзительный свистъ и сталъ прислушиваться.

— Кто тутъ?—робко отозвалось нѣсколько тоненькихъ голосковъ подлѣ сосѣднихъ воротъ.

Гришка повернулся къ воротамъ и свиснулъ во второй разъ.

— Гришка, ты? — повторили тѣже голоса, и вслѣдъ за тѣмъ изъ-за савей выглянула сначала одна голова, потомъ другая и наконецъ показался парень и нѣсколько дѣвушекъ.

— Я, я, — ступайте сюда, не бойтесь.... кто это? — воскликнулъ Гришка, достигая ихъ однимъ прыжкомъ и прижимаясь ощущивать круглое лицо парня; — э-э!! Петрушка Глазунъ!! смотри-ты, куда затесался, — съ дѣвками!!....

— Я нарочно побѣжалъ съ вами.... онъ, вишь, задумали по домамъ разойтись....

— Ну, ладно, ладно, пойдете!....

— Охъ, касатушки, страшно, охъ, дѣвушки, страшно! Гришка, куда ты насъ тащишь? — а ну какъ оиать встрѣнется.... — проговорили дѣвушки, прижимаясь другъ къ дружкѣ и боязливо выглядывая изъ-за полушубковъ.

— Ну, вотъ, полно вамъ ломаться, пойдете; лихъ его, пущай встрѣнется; вы и взаправду думаете лѣшій какой, али вѣдьма....

— Вистимо, — чего бояться, — произнесъ въ сторонѣ мягкой голосъ, по которому всѣ присутствующіе узнали тотчасъ-же Алексѣя каженика, — должно-быть намъ такъ почудилось, а не то вѣрно какой-нибудь побирушка.... — прибавилъ онъ, присоединяясь къ толпѣ.

— Айда Алеха! молодецъ, право слово — молодецъ! Дѣвки! скажите: съ чего онъ такъ расходился? отколъ прыть взялась!.... ну идѣте что ли?....

И Гришка, сопровождаемый дѣвками, Петрушкой и Алексѣемъ, который еле-еле передвигалъ ноги, запрятанный въ рукава вывороченнаго полушубка, сталъ пробираться подлѣ избъ.

— Эй, ребята, дѣвки! выходите, — полно вамъ! — кричалъ онъ, останавливаясь поминутно и оглядываясь на стороны.

— Кто тамъ?...

— Выходи, — чего спрашиваешь, — ступай, такъ увидишь!

— Да какъ же звать?...

— Зовутъ Зовуткой, а величаютъ уткой!

Раздавался хохотъ, и толпа прибывала новымъ озорникомъ.

Такимъ образомъ, разбѣжавшіеся парни и дѣвки примыкали одинъ за другимъ къ наряженнымъ, и толпа не успѣла дойти до конца деревни, какъ уже всѣ почти оказались на лицо.

— Чего оглядаетесь на стороны? небось льшій-то давно лыжи наострилъ, — такъ испужали его наши дѣвки, — куда прытки голосить! — сказалъ Гришка, останавливая толпу, — ну всѣ-ли здѣсь?... Бука, ступай сюда; ты, коза, пойдешь слѣдомъ за букой; каженникъ становись здѣсь, я тебя поведу; а за нами баба-яга; баба-яга.... ну поворачивайся, да смотри, не плошай.... — прибавилъ онъ, повертывая за плеча долговязаго парня въ понявъ съ платкомъ на головѣ и сидящаго верхомъ на помель.

— А куда намъ идти-то? — спросилъ кто-то.

— Сказано къ Савелію.

— Нѣтъ, ребята, — слушай, Гришка; — пойдемте лучше въ другую избу, — туда не проберешься; я было сунулся, — куда-те: въ свняхъ народъ стоитъ....

— И то, пойдемте-ка лучше, — коли ужъ идти, пойдемте къ старостѣ, какъ прежде хотѣли, — вымолвилъ Алексѣй.

— Слышь, ребята, слышь, что говоритъ каженникъ; ай-да Алеха! — закричалъ Гришка, — чтой-то, братцы, я запримѣтилъ, больно онъ расходился нынче; никогда такого не бывало!.... должно быть не спроста.... Слышь какъ его раззадориваетъ идти къ старостѣ; ужъ не Парашка-ли тому виною.... пойдемъ, да пойдемъ!.... — А ну, быть, какъ сказалъ каженникъ, — качай!.... И Гришка, подпершись въ бока, выступилъ впередъ и запѣлъ приплясывая:

Чижики, пыжики у воротъ,

Воробышекъ махонькой....

Эхъ, братцы, мало насъ,

Голубчики, немножко!....

— Тише, Гришка, что ты орешь, услышитъ старостиха, не пуститъ насъ....

— Небось! мятель гудить, — не услышитъ! Смотри, только, ребятушки, не обознаться-бы намъ....

— Ну вотъ, тише, говорятъ; развѣ не видишь, — вотъ и изба....

— Ребята, стой! — шепнулъ Гришка, снова останавливая толпу, — у старосты огонь, поглядите, кто у нихъ въ избѣ, не вернулся-ли хозяинъ?....

— Нѣтъ, вижу! — отвѣчалъ такъ-же тихо Петрушка, взобравшійся на заваленку, — никого нѣтъ; сидятъ старуха да дочь....

— Ладно, подбирайся къ воротамъ; тихонько смотри.... такъ, ладно.... Братцы, никакъ калитка-то заперта.... стой! Кто изъ васъ цыпкой, — ползай черезъ ворота, да сними запоръ.

— Давай я пойду, — сказалъ Алексѣй, двигаясь къ воротамъ.

— Нѣтъ, ты и коза, не трогайтесь съ мѣста; Петрушка, ступай сюда, — шепнулъ Гришка, подставляя спину.

Петрушкѣ чихарда была въ привычку; онъ прыгнулъ на плеча товарища, уцѣпился руками за перекладину воротъ, и минутою спустя, бухнулся въ сугробъ, по ту сторону воротъ. Шестъ, припиравшій калитку, былъ снятъ, и толпа, затаивъ дыханіе, начала пробираться по двору старосты къ крылечку.

— Тсссс.... произнесъ Гришка, останавливаясь на крылечкѣ и подымая руку къ верху, — дверь заперта изнутри!.... ничего, молча, я дѣло справлю: смотрите только, какъ свисну, всѣ за мной въ одну плетеницу, да не робѣй, дружно!

Сказавъ это, онъ ударилъ кулакомъ въ дверь.

Минутою спустя, въ сѣняхъ послышались шаги.

— Кто тамъ? — спросила хозяйка.

— Отворяй! — отвѣчалъ Григорій, поддѣлываясь подъ голосъ старосты.

— Ты, Левоньчъ?....

— Отворяй, говорятъ.... аль не признала! — продолжалъ Гришка, стараясь прикинуться пьянымъ.

Старуха проворчала что-то сквозь зубы и загремѣла запоромъ; вслѣдъ за тѣмъ она выглянула на крылечко, но въ ту же секунду подъ самымъ ея ухомъ раздался пронзительный свистъ, и не успѣла она крикнуть, какъ уже толпа ринулась въ сѣни, сшибла ее съ ногъ и ударилась съ визгомъ и хохотомъ въ избу.

— Ай, батюшки, рѣжутъ! ай, касатики, рѣжутъ! — завопила старуха, бросаясь какъ угорѣлая въ уголъ сѣничекъ и забиваясь между корытами и досками....

Страхъ ея не былъ однакожъ продолжителенъ; заслышавъ пѣсни, пляски и хохотъ, раздавшіеся залпомъ въ избѣ, она высвободилась изъ засады и кинулась къ растворенной настежь двери. Увидя толпу наряженныхъ, и дочь, стоящую посреди ихъ съ веселымъ, смѣющимся лицомъ, старостиха окинула глазами сѣни; но не найдя, вѣроятно, ни кочерги, ни полѣна, метнулась въ избу и прямо повалилась на медвѣдя, который переминался съ ноги на ногу, стоя передъ Парашею.

— Ахъ, ты разбойникъ! ахъ ты окаянный! — взвизгнула она, принимаясь тормошить медвѣдя, который не двигался съ мѣста, не сводилъ глазъ съ дѣвушки, и казалось не замѣчалъ, что происходило вокругъ.

— У..у..у! — захрипѣлъ бука, вынырнувъ неожиданно изъ-за медвѣдя, и ставъ между нимъ и старостихою, простеръ къ ней руки, обернутыя соломой.

— Бя!-бя!-бя! — затрещала коза, дергая се сзади.

— Бу.... у.... у.... ревѣлъ бука, пыряя ее рогами.

— Кудахъ! кудахъ, иррр.... иррр.... зашипѣлъ, откуда ни возмись, журавль, т. е. долговязый, плечистый парень, у котораго рука была притянута къ головѣ и все это окутано было рогожей, — иррр.... присовокупилъ журавль, тыкая ее въ бокъ веретеномъ, изображавшимъ клювъ.

Пострѣлы! черти! собаки! — вопила старостиха, отбиваясь руками и ногами.

— Полно, тетенька, не сердчай, — запищала скороговоркою баба-яга, замечая слѣдъ помеломъ и смѣло наступаая

на старуху, которая задыхалась отъ злобы, — слушай: загадаю тебѣ загадку: двое идутъ, двое несутъ, а самъ-треть поетъ.... не люби?... изволь другую: подъ лѣсомъ, лѣсомъ, — пестрые колеса висятъ, дѣвицъ украшаютъ, молодцовъ дразнить.... не угадала?... Серьги, тетенька, серьги....

— Поди прочь, лѣнній! — крикнула старостиха, заматываясь объими руками на бабу-лгу, но оглушенная визгомъ и хохотомъ, въ тужъ минуту обратилась къ толпѣ дѣвушекъ.

— А вы, безстыжія! погоди, постой! о! Грушка Дорофеева, я тебя признала, — ахъ ты, срамница!! — прибавила она, бросаясь на толстенную дѣвушку, прятанную за подругъ; но Грушка нырнула въ толпу, толпа раздвинулась и старостиха прямехонько наткнулась на Гришку, козу и медвѣдя, которые вертѣлись вокругъ ея дочери.

— Ну-ко-сь, Михайло Иванычъ, — заговорилъ Гришка, размахивая палкою такъ ловко, что старостиха никакъ не могла приступиться, — потѣшь, покажи господамъ честнымъ и хозяйкѣ дорогой, какъ малые ребята горохъ воровать.... а ... а.... ли.... а, ну, поворачивайся, — крикнулъ онъ, дернувъ за веревку, привязанную къ поясу медвѣдя, который все-таки не двигался съ мѣста и не отрывалъ глазъ отъ Парашки, — а ну, ну, полно, аль приворожила тебя красная дѣвушка,.... ну, коза, валяй, начинай!!... Михайла Иванычъ, чтожъ ты взаправду уставился, не кобенясь, кланяйся хозяйкѣ молодой да въ самыя ножки! — присовокупилъ Гришка, опуская палку на плеча медвѣдя, который на этотъ разъ повалился очень охотно въ ноги Парашкѣ, — такъ, ну, коза, живо!!....

Тутъ Гришка, продолжая размахивать палкой, пустился въ присядку вмѣстѣ съ козою, припѣвая скороговоркою:

Антонъ козу ведетъ,
Антонова коза нейдетъ;
А онъ ее подгоняетъ
А она хвостикъ подымаетъ....
Онъ ее возжами,
Она его рогами....

Старостиха кричала, бранилась, но уже никто ее не слушалъ; все вокругъ нее заплясало, завертѣлось, и трудно

опредѣлить, чѣмъ бы кончилась потѣха, если бѣ въ самомъ разгарѣ суматохи, не раздалось внезапно изъ сѣничекъ:

— Староста идетъ!!....

Казалось, громъ, упавшій въ эту минуту на избу, не произвелъ бы такого дѣйствія на присутствующихъ. Раздался оглушенный визгъ; баба-яга бросила помѣло, Гришка налку, журавль—веретено, и всѣ, перепрыгивая другъ черезъ дружку, какъ бараны, побросались въ дверь, преслѣдуемые старостихою, у которой, откуда ни возмись, явилась въ рукахъ кочерга.

— А! разбойники! что взяли!! что взяли!.... — кричала она, нападааясь яростию на бѣглецовъ и не замѣчая въ попыхахъ медвѣдя, который запутался въ своихъ овчинахъ, стоялъ посреди избы и оглядывалъ со страхомъ углы и лавки.

— Что взяли!! — продолжала старостиха, врываясь въ сѣни, — Левонычъ! Левонычъ! держи ихъ, не пушай, смотри.... держи разбойниковъ!!....

Медвѣдь быстро оглянулся на дверь и сбросилъ овчину, покрывавшую ему голову.

— Параша, это я! не бойся.... — произнесъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, которая боязливо пятилась къ печкѣ, — спрячь меня! — видитъ Богъ, для одной тебя пришелъ къ вамъ.... слышь, отецъ идетъ?! — прибавилъ онъ, высвобождая одну ногу изъ рукава овчины.

Страхъ Парашин прошель повидимому тотчасъ же, какъ только медвѣдь показалъ настоящую свою голову. Раздумывать долго нельзя было; голосъ старосты и жены его приближался и слышался уже на крылечкѣ. Надо было на что-нибудь рѣшиться.... Дѣвушка взглянула еще разъ на парня и указала ему подъ лавку. Едва Алексѣй успѣлъ спрятать свои ноги, какъ староста и жена его вошли въ избу. Глаза Данилы блуждали неопредѣленно во всѣ стороны, и вообще на опухшемъ лицѣ его изображалась сильная тревога.

— Ну чего ты уставился, что глаза-то выпучилъ?.... Тѣфу! прости Господи,—произнесла старуха, бросая съ сердцемъ кочергу и размахивая передъ мужемъ руками, — кричу ему: держи ихъ, не пушай!....

— Охъ.... дай духъ перевести.... мнѣ почудилось.... — перебилъ староста, протирая глаза.

— То-то, съ пьяна-то черти знать тебѣ показались!.... толкомъ говорить, — ребята были, чтобъ ихъ собаки по-ѣли! Пришли, давай, разбойники, все верхъ дномъ вертѣть; содомъ такой подняли проклятые....

— Погоди.... стой! я съ ними справлюсь; ты скажи только, кто да кто былъ,—произнесъ не совсѣмъ твердо староста, у котораго хмель отшибалъ нѣсколько языкъ и память.

— Известно, кому больше какъ не Гришкѣ Силаеву; проклятый такой, чтобъ ему....

— Ладно, ладно.... а вѣдь мнѣ почудилось.... У Савелія, слышь ты, таку диковинку рассказывали.... иду я такъ-то домой, втемяшилось мнѣ эвто въ голову.... а тутъ они проклятые понагрязнули.... не думалъ ни гадалъ.... да постой, я имъ задамъ завтра таску, особливо Гришкѣ.... я давно запримѣтилъ....

Староста не докончилъ рѣчи; голова его откинулась назадъ, ротъ искривился, глаза выкатились какъ горшки и остановились на одной точкѣ.

Увидя что-то мохнатое, выползавшее изъ-подъ лавки, старуха съ визгомъ вцѣпилась въ мужа. Одна Параша не тронулась съ мѣста; она опустила только зардѣвшее лицо свое и принялась перебирать въ рукахъ край передника.

Алексѣй вышелъ изъ своей прятки и всталъ на ноги.

Данила повалился на лавку; старуха закрыла лицо руками и последовала его примѣру.

— Данило Левонычъ, тетушка Анна, не пужайтесь, — это я.... — произнесъ Алексѣй, дѣлая шагъ впередъ.

Заслыша знакомый голосъ, мужъ и жена подняли голову.

— Какъ!!.... ахъ ты, окаянный!! — воскликнула старостиха, мгновенно приходя въ себя, — Левонычъ, хватай его!..

— Каженикъ!.... — проговорилъ староста, протирая глаза и тяжело приподымаясь съ мѣста.

— Хватай его, держи! — голосила старуха, принимаясь толкать мужа.

— Полноте вамъ сумлѣваться.... — сказалъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ Алексѣй, — я не воръ какой, не убѣгу отъ васъ, самъ дамся въ руки...:

— Чего тебѣ надѣть?! — заревѣлъ Данило, грозно подходя къ парню.

— А! такъ вотъ какъ! — крикнула старостиха, кидаясь на дочь, такъ вотъ ты какими дѣлами.... погоди, я съ тобой справлюсь!

— Тетушка Анна, не тронь ее.... — сказалъ Алексѣй, становясь между дочерью и матерью; — видитъ Богъ, она не причастна.... я во всемъ причиной, и винюсь передъ вами....

— А вотъ погоди, ты у меня скажешь, за чѣмъ затесался подъ лавку, — вымолвилъ староста, хватая парня.

— Погоди, дядя Данило, постой, незамай, — я винюсь и безъ того.... пришелъ съ ребятами къ тебѣ; думали позабавиться, пѣсни поиграть.... кричатъ: ты идешь.... всѣ вонъ кинулись, я одинъ не поспѣлъ, — вотъ и вся вина моя.... а она, дочь твоя, Данило Левоньчъ, видитъ Богъ ни въ чемъ не причастна!....

— Да ты, дурень ты этакой, что его слушаешь! — тащи его въ сѣни.... дай ему таску, чтобъ помнилъ впередъ.... тащи его.... ахъ ты, ахаверникъ, каженникъ проклятый!.... постой, я те дамъ знать.... — голосила старостиха, подталкивая Алексѣя въ спину, тогда какъ мужъ тащилъ его въ сѣни, — такъ, такъ, хорошенько ему, разбойнику!!.

Увѣщаванія и разговоры были напрасны; староста и жена его стащили бѣднаго Алексѣя на дворъ и вскорѣ слышался шумъ свалки.

— Ну, теперь, я съ тобой поговорю, — начала старостиха, торопливо вбѣгая въ избу, — ахъ ты срамница ты этакая!.... да гдѣ она?... Парашка!! — крикнула она оглядываясь во всѣ стороны. Увидя дочь, которая стояла на лавочкѣ и просунувшись по поясъ въ окно, глядѣла на улицу, старуха пришла въ неопisanную ярость.

— Что ты тутъ дѣлаешь? — взвизгнула она, втаскивая ее въ избу и замахиваясь обѣими руками.

— Безъ тебя, матушка, постукали въ окно.... я отворила.... какой-то человѣкъ....

— Какой человѣкъ?....

— Должно быть, нищенка....

— Какой тамъ еще лъшій? — произнесъ староста, входя въ это время въ избу.

— Нищенка, батюшка, — отвѣчала Параша, — просится переночевать....

— А! это должно быть тотъ самый, что стучался къ Савелью, да всѣхъ насъ переполошилъ, — проговорилъ Данило, нетерпѣливо подходя къ окну, въ которомъ мелькнула блѣдная тѣнь человѣка; — погоди же, я тебя выучу таскаться по ночамъ.... Чего тебѣ надо? — крикнулъ онъ, просовывая голову на улицу, — отваливай, отваливай отселева, коли не хочешь, чтобы я проводилъ! Вишь нашелъ постояльй дворъ; въ какую пору таскаться выдумалъ.... Погоди, я еще узнаю завтра, что ты за человѣкъ такой!.... Ступай, ступай!... Вишь, взаправду, повадился таскаться, — примолвилъ староста, захлопывая окно, — прогнали съ одного двора чуть не въ зашей, нѣтъ, въ другой лѣзеть.... И добро бы время какое, — а то мятель, вьюга, стужа.... тутъ и собака, кажись, лежитъ, не шлохнется, а онъ слоняется да окна грызетъ.... поди ты!.... о-охъ! — заключилъ Данило, зѣвая и разваливаясь на печкѣ.

VII.

Мы ходили, мы искали
 Коляду, коляду,
 По всея дворахъ, по проулочкамъ.
 Нашли коляду
 У Василисина двора.
 Здравствуй хозяйнъ со хозяйшкой,
 На долги вѣка, на многи гѣта!!

Простонародн. пѣсня.

«Вотъ не было тоски и печали!» подумалъ Алексѣй, выходя изъ старостиныхъ воротъ на улицу; «все какъ есть, все теперь пропало! — продолжалъ онъ, равнодушно шагая по сугробамъ и не обращая вниманія на студеный вѣтеръ, который гналъ ему въ лицо цѣлое море снѣгу; — и

зачѣмъ было мнѣ попытать свое счастье, зачѣмъ было идти къ нимъ въ избу!?. Какъ словно не зналъ я, не вѣдалъ, — не вернуть этимъ пропавшаго дѣла. Коли прежде зарокѣмъ не велѣлъ ей молвить слова, — бѣгала она отъ меня какъ отъ волка, теперь, стало, и подавно ждать нечего.... Эхъ, загубилъ я въ конецъ свою голову!....»

Раздумывая такимъ образомъ, онъ не замѣтилъ, какъ очутился подъ воротами своей избенки. Изъ слуховаго окна все еще мелькалъ огонекъ, и Алексѣй, не ожидавшій застать старуху-мать на ногахъ, поспѣшилъ въ избу.

Но старушка предупредила его; она давно сидѣла на сторожкѣ, прислушиваясь къ малѣйшему шуму и пороку. Чуткій слухъ не обманулъ ее. Заслѣпшавъ знакомые шаги, она суетливо поправила платокъ на головѣ, взяла лучину, и прежде чѣмъ сынъ успѣлъ пройти дворъ, стояла уже въ сѣнчикахъ.

— Охъ, родной мой! куда это ты запропастился? — произнесла она, выбѣгая на крылечко и заслоня дрожащею ладонью лучинку, — ужъ я ждала, ждала; время, думаю, не доброе, не прилучилось ли чего, помилуй Богъ....

— Нѣтъ, матушка, ничего, — весело отвѣчалъ Алексѣй, вѣбираясь по ступенькамъ,

— То-то, родной... а я сижу такъ-то да думаю....

И старушка, улучивъ минуту, когда парень прошелъ мимо, перенесла лучину въ лѣвую руку, взглянула на сына, и отвернувшись нѣсколько въ сторону, сотворила крестное знаменіе.

Послѣ этаго она догнала его и оба вошли въ избу.

Избенка была крошечная; стѣны ея, перекосившіяся во многихъ мѣстахъ и прокопченныя дымомъ, были такъ черны, что даже съ помощью лучины едва едва можно было различить что-нибудь въ углахъ. Но не смотря на то, вездѣ, куда только проникалъ глазъ, виднѣлись слѣды заботливости и строгаго порядка; все показывало, что старушка была добрая, радѣльная хозяйка. Ничто не валялось зря, — гдѣ ни попало; все было прибрано къ мѣсту; земляной полъ былъ чисто-начисто выметенъ; и хотя печать бѣдности отражалась на каждомъ предметѣ, но все-таки лачужка Василисы гля-

дѣла какъ-то уютнѣе, привѣтливѣе, теплѣе многихъ сосѣднихъ избъ. Наружность самой хозяйки соответствовала какъ нельзя лучше ея жилищу: это была крошечная, тщедушная старушенка, съ вдавленной грудью, прикрытою толстой, заплаченной, но чистой рубахой. Голова ея, повязанная вѣтхимъ платкомъ съ длинными концами назадъ, склонялась постоянно на бокъ, — ни дать ни взять какъ кровля ея избенки. Лицо Василисы было желто и покрыто мелкими, какъ паутина, морщинками, но столько еще веселости отражалось въ ея свѣтлыхъ глазахъ, столько добродушія проглядывало въ потускнѣвшихъ, истертыхъ чертахъ, что нельзя было не полюбить ее съ разу.

Заложивъ въ свѣтець лучинку, она тотчасъ же подошла къ сыну.

— Алеша, погляди-ка-сь на меня... ты словно, касатикъ, не весель?...

— Нѣтъ, матушка, право ничего, — отвѣчалъ парень, отходя къ печкѣ и принимаясь разбѣивать на шесткѣ вымокшую овчину.

— Полно, родной, я вижу... не тотъ ты былъ, какъ пошелъ изъ дому; ужъ не прилучилось ли чего? вымолвила старушка, преслѣдуя сына и устреляя на него пытливымъ взглядъ.

— Взаправду ничего, — сказалъ Алексѣй, стараясь засмѣяться, — ходилъ съ ребятами по сосѣдямъ, вездѣ пиръ такой, веселье... съ чего кажись быть не веселу!...

— То-то, то-то, касатикъ, съ чего тебѣ кручиниться... а я такъ-то, сижу да думаю: куда молъ, думаю, запропастился...

— Я, признаться, матушка, не чаялъ, что ты станешь меня дожидаться...

— Ахъ ты, голова, голова, — а то какъ же? Такъ-таки лечь мнѣ да махнуть рукой!... Вспомни-ка какой нынче вечеръ!... Развѣ ты запомнилъ, что было у насъ прошлаго года?... нуткась, ну, раскинь-ка умомъ, — весело перебила она, качая головою и не отрывая глазъ отъ парня.

— Не помню, матушка, — отвѣчалъ Алексѣй, разглаживая волосы.

— Не помнишь!.... ахъ ты, голова, голова; а я-то жду да жду его....

— Что жъ такое, матушка?... видитъ Богъ, не запомню....

— Ну, молчи только, молчи, коли такъ,—сказала она, лукаво подмигивая однимъ глазомъ, — ставь скорый свѣтецъ къ столу, да засвѣти новую лучину.

Старушка поправила платокъ на головѣ, повернулась къ сыну спиною и торопливо подошла къ печкѣ.

— А! знаю, знаю!!.... — воскликнулъ Алексѣй, слѣдившій съ любопытствомъ за всѣми движеніями матери,—знаю, ты какъ въ прошломъ году хочешь кашу вынимать!—примолвилъ онъ, дѣлая шагъ къ старушкѣ, которая неожиданно показалась изъ-за печки съ поновѣснымъ горшкомъ въ рукахъ.

— Молчи, только молчи,—вымолвила она, отклоняя сына локтями и заботливо ставя горшокъ на столъ, — ну теперь садись, да смотри что-то пошлетъ намъ Госнодь.... Ахъ! родной!.... погляди-ка, погляди, какой полной!.... востой.... нѣтъ, и не треснулъ нигдѣ, какъ есть нигдѣ!!—радостно говорила она, ощупывая горшокъ, между тѣмъ какъ сынъ разсѣянно и какъ-то принужденно глядѣлъ на все происходившее; — а ну-ка-сь, ну, посмотримъ, что-то скажется....

Тутъ Василиса прильнула еще ближе къ горшку и бережно сняла пѣнку.

— Вотъ не чаяла не гадала!! Ахти, касатикъ, родной ты мой!!—воскликнула она, всплеснувъ руками и взглянувъ на сына, который обнаружилъ тотчасъ же веселость, — погляди-ка красная какая! да разсыпчатая какая!!.. Ахти, родные вы мои, да и полная, полная, — словно и не кипѣла.... а ну, дай-то Господи, кабы сбилось!....

— Что жъ, по твоему, матушка, чему же быть? — спросилъ сынъ.

— А быть, родной ты мой, дѣлу хорошему.... ахъ, кабы Господь пособилъ намъ! — отвѣчала старушка, творя крестъ, — слышь, коли такъ-то, — прибавила она, указывая на горшокъ, — люди добрые, дѣды наши, сказывали, — быть благополучію всему дому, будущій урожай и... и.... и таланливую дочку!....

Алексѣй недовѣрчиво улыбулся.

Въ самую эту минуту кто-то постучался въ окно.

— Слышалъ, Алеша?... — спросила старушка, оглядываясь въ ту сторону.

— Никакъ стукнули въ окно, — отвѣчалъ парень, приподнимаясь съ лавки.

— Погоди, Алеша.... охъ! съ нами святая сила!.... — сказала старушка, удерживая сына.

— Ничего, матушка, должно быть изъ сосѣдей кто; можетъ статься, нужда какая; постой-ка погляжу.... Кто тамъ? — крикнулъ онъ, прикладывая лицо свое къ окну и стараясь разглядѣть сквозь снѣговое узорочье стекла.

Съ минуту продолжалось молчанье, прерываемое визгомъ мятели, которая люто завывала вокругъ избушки.

— Кто тамъ? — повторилъ Алексѣй.

— Прохожій.... — отвѣчалъ трепещущій, вздрагивающій голосъ, — пустите.... во имя Христова.... — прибавилъ голосъ, дѣлавшій явныя усилія, чтобы внятно произносить слова.

— Слышь? — сказалъ Алексѣй, поворачиваясь къ матери, — вѣрно съ пути сбился, за мятелью, нущай его обогрѣется....

— Охъ, касатикъ, — вымолвила старушка, нерышительно взглядывая на окно.

— А чтожь, вѣдь не убудеть у насъ.... ктому же не помирать ему взаправду на улицѣ.

— Вистимо, родной, не убудеть.... ну, Господь съ тобой, какъ знаешь, такъ и дѣлай.... покличь его.

— Дядя! а дядя! ступай на дворъ, — крикнулъ Алексѣй, стукнувъ въ окно; погоди, матушка, я выду на дворъ, провожу его, а то и не найдеть, пожалуй....

Алексѣй набросилъ на плеча овчину и вышелъ на крыльцо.

— Дядя! гдѣ ты? сюда ступай! — крикнулъ онъ, поворачиваясь къ воротамъ.

Мятель ревла по прежнему; снѣжные хлопья, валившіе со всѣхъ сторонъ, усиливали темноту и безъ того уже мрачной ночи; на дворъ нельзя даже было различить собственной руки.

— Сюда, дѣдушка!.... ступай на гѣбось! — продолжалъ кричать паренѣ.

Глухой стонъ отозвался гдѣ-то въ сторонѣ, и минутой спустя, неровные шаги зазвучали на шаткихъ ступеняхъ крылечка.

— Сюда, дѣдушка, сюда.... — сказалъ Алексѣй, входя въ сѣни и отворяя дверь избы, чтобы виднѣе было куда идти, — войди, отогрѣйся....

Прохожій вошелъ въ избу.

Алексѣй взглянулъ на него при свѣтѣ лучины и невольно отступилъ къ матери, которая попятилась къ образамъ и перекрестилась.

Передъ ними стоялъ, едва держась на ногахъ, сѣдой старикъ, лѣтъ семидесяти, — блѣдный и растрепанный, походившій скорѣе на прищелца съ того свѣта, чѣмъ на живаго челоуѣка. Страшная худоба изнеможеннаго лица его и блѣдность, совсѣмъ почти бѣлые зрачки, глядѣвшіе мутно и безжизненно, довершали это сходство. Онъ дрожалъ всѣми своими членами; зубы его щелкали; холщевая сума, висѣвшая за его спиною и мерзлыя лохмотья рубища, прикрывающія тонкую его грудь, плеча и ноги, тряслись въ свою очередь, слѣдуя движеніямъ закутаннаго въ нихъ тѣла. Онъ медленно поднимъ очоувшій свои руки, провелъ ими по головѣ, сдѣлалъ шагъ впередъ, хотѣлъ что-то сказать, но рѣчь его вышла нескладна. Онъ глубоко вздохнулъ, опупалъ невѣрными руками стѣну и опустилъ въ изнеможеніи на лавочку.

— Что ты, дѣдушка, аль прозябъ добре? посиди, посиди, отогрѣйся; изба у насъ теплая, — сказалъ Алексѣй, въ которомъ страхъ смѣнился жалостливымъ участіемъ. Онъ подошелъ къ старику.

— Вистимо, казатикъ; да ты бы къ печкѣ-то сѣлъ.... — проговорила Василиса, слѣдуя за сыномъ.

Бѣлые зрачки старика устремились какъ-то неопредѣленно на хозяйку лавочки; онъ снова хотѣлъ что-то сказать и снова дрожащія губы не повиновались ему; онъ опустилъ голову и принялся опупывать края лавки и рубища.

— Погоди, дѣдушка, я подсоблю, руки-то у тебя оконченъли, ничего съ ними не съдѣлаешь.... — произнесъ Алексѣй, видя, что старикъ хотѣлъ освободиться отъ сумы, которая перетягивала ему грудь и плеча;— положи ее на лавочку.... ладно; тебѣ бы лучше разуться, право ну, — скорѣй бы отогрѣлъ ноги.

— Вистимо, касатикъ, разуться, ишь застылъ какъ, — перебила Василиса, качая головою, — разунься, да подь къ столу, я чай съ пути-то поспѣдать хочешь...

И не дожидаясь отвѣта, она придвинула къ столу лужину и начала хлопотать подлѣ горшковъ.

— Ну, дядя, вставай, повечеряй поди, — сказалъ Алексѣй.

— Ась?....

— Повечеряй поди! — крикнулъ парень, наклоняясь къ его уху, — съ дороги-то, я чай, проголодался.

— Нѣтъ.... охъ.... спасибо, касатикъ.... спасибо.... — простоналъ старикъ, останавливаясь на каждомъ словѣ.

Онъ замоталъ какъ-то безсильно головою, ухватился руками за края лавки, закрылъ глаза и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Что жъ ты родной, аль недужится?.... — спросила Василиса, подходя къ прохожему и стараясь взглянуть ему въ лицо; — знамо, въ таку-то пору, безъ одежды.... тебѣ, родной, попариться бы надѣть, да время-то вишь позднее....

Старикъ приложилъ изрытую ладонь къ тощей груди своей и закашлялся; кашлю этому, казалось, конца не было.

— Спасибо.... — проговорилъ онъ, переводя одышку и подымая глаза на хозяйку, — спасибо вамъ.... что пустили....

— И—и—и.... касатикъ, Господь съ тобой! сиди, сиди, обогрѣйся.... да ты бы право поспѣдалъ чего, — кашки, а не то и киселикъ есть у насъ....

— Нѣтъ.... спасибо.... охъ!.... вотъ кабы парень-то твой.... пособилъ.... силъ моихъ нѣтъ....

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но слова замерли въ его горлѣ; онъ ошупалъ вокругъ себя мѣсто, придвинулъ суму и медленно сталъ опускаться на лавку.

— Не нудь себя, дѣдушка, не нудь, — вымолвилъ Алексѣй, подсобляя старику растянуться на лавкѣ и подкладывая ему подъ голову сумку, — ну, дѣдушка, ладно что-ли?

— Ладно, ладно, спасибо.... родной ... охъ! — проговорилъ старикъ, сжимая губы, чтобы удержать стоны и щелканье зубовъ.

— Ладно, такъ и Христось съ тобой; спи, авось ночью переможешьсѣ, объ утро легче станеть.... Я чай и намъ пора, матушка, — примолвилъ паренъ, обратясь къ матери; но увидя, что она молилась передъ образами, онъ взобрался на печку и началъ раздѣваться.

Не много погода, старушка затушила лучинцу и присоединилась къ сыну.

Въ избушкѣ стало тихо....

По мѣрѣ того, однакожъ, какъ тишина и спокойствіе возникали внутри, голосъ бури, незамѣчательный и забытый посреди разговоровъ и происшествій ночи, поднимался слышнѣе и слышнѣе; ревъ вѣтра, то глухой, какъ похоронное причитанье, то свирѣпый и пронзительный, какъ дикая, разгульная пѣсня, загудѣлъ снова на дворахъ и въ навѣсахъ. Иной разъ, весь этотъ грохотъ мятели падалъ какъ-бы сломанный внезапно на пути своемъ вражескою силой, — воцарялось мертвое молчаніе.... И вдругъ, откуда ни возьмись, летѣли новые вихри, росли, подымались хребтами, вторгались со всѣхъ сторонъ въ проулки, потрясали ворота, навѣсы, и дико рвались вокругъ лачужекъ, какъ бы желая срыть ихъ съ основанія.

Но сколько ни надрывалась буря, сколько ни разсыпала она вихрей, — все было напрасно; грозный ревъ не доходилъ, по крайней мѣрѣ, до слуха Василисы; утомленная дневными хлопотами и заботами, старушка не успѣла переkrestitъ изголовье, какъ уже голова ея склонилась и сладкой сонъ оковалъ утомленные ея члены. Чтожъ касается до Алексѣя, — ему также ни почемъ былъ голосъ выюги; преданный весь происшествію въ домъ старосты, — происшествію, которое разрушало въ конецъ его надежды, онъ лежалъ, не смыкая глазъ, и ничего не слышалъ.... Глухой стоишь,

раздавшійся на лавкѣ подѣ образами, вывелъ его, однакожъ, изъ забывчивости; онъ вспомнилъ присутствіе прохожаго и насторожилъ слухъ.

Стопъ повторился еще протяжите.

— Дѣдушка, что ты? — спросилъ парень, приподымаясь на локтѣ.

— Подѣ сюда ...

Голосъ, съ какимъ были произнесены эти слова, отозвался почему-то въ самомъ сердцѣ молодаго парня; онъ проворно соскочилъ съ печки, нащупалъ въ потьмахъ свренку, зажегъ лучину и подошелъ къ лавкѣ.

Старикъ лежалъ по прежнему въ ростяжку; члены его перестали однакожъ трястись и только бѣлые зрачки его блуждали съ безпокойствомъ вокругъ.

— Что съ тобой, дѣдушка? прихватило, что-ли? — вымолвилъ Алексѣй, нагибаясь къ блѣдному, заостренному лицу старика.

— Гдѣ старуха-то.... я ее не вижу.... она тебѣ мать? — произнесъ больной.

— Мать; а что?.... — спросилъ Алексѣй, котораго невольно начиналъ принимать страхъ.

— Позови ее сюда.... — отвѣчалъ старикъ едва внятно.

Алексѣй заложилъ въ свѣтецъ лучину, разбудилъ мать, и минуту спустя, оба очутились подлѣ лавки.

— Тетушка, — сказалъ старикъ, обращая тусклый взоръ на Василису, — пришелъ видно мой часъ помирать.... ты и парень твой.... не отогнали меня.... пустили какъ роднаго.... Богъ васъ не оставитъ....

— И-и-и, касатикъ, что ты, опомнись.... старье да хворье тебя живутъ.... полно, — Богъ милостивъ!..

— Нѣтъ, тетка, чую—смерть пришла.... спасибо вамъ.... охъ.... не дали помереть на улицѣ.... будьте же до конца родными мнѣ.... никого у меня нѣтъ.... все мое.... добро....

Онъ отвелъ глаза отъ старухи и остановился.

— И-и-и, касатикъ, на что намъ добро твое, мы не изъ корысти какой пустили тебя; мы, касатикъ, и своимъ довольны, благодаримъ Царя небесаго!...

больной снова устремил потухающий взоръ на старуху, хотѣлъ что-то сказать, но снова остановился. Видно было, что въ душѣ его происходила борьба между желаніемъ высвободить какую-то тайну и страхомъ сообщить ее слишкомъ рано. Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго ожиданія для Василисы и ея сына, которые стояли, прикованные страхомъ, и не сводили глазъ съ старика. Едва слышный стонъ вырвался наконецъ изъ груди его; онъ приподнялъ длинныя, сухія руки, вперилъ полуоткрытые глаза на старуху и произнесъ отрывисто:

— Пошли.... сына въ село.... Аблезино.... тамъ.... за рощей.... подлѣ громоваго колодца.... дупло.... зарыта ку.... кубышка, — двадцать лѣтъ копилъ!.. никому только.... не сказывай.... — продолжалъ онъ ослабѣвающимъ голосомъ, — вы меня.... призрѣли.... возьмите.... за добро ваше.... Господи! прости прегрѣшенія.... охъ!....

— Касатикъ, дѣдушка! что ты, — очнись!! Христось съ тобой, кормилецъ, слышь: не сбѣгать ли парню за попомъ?.... — крикнули въ одно время Василиса и сынъ ея.

Старикъ скрестилъ руки на груди, потянулся и закрылъ глаза.

Василиса и сынъ ея бросились къ лучинѣ.

Когда они вернулись къ лавкѣ и взглянули при трепетномъ свѣтѣ угасающей лучины въ лицо прохожему, — онъ былъ уже мертвъ.

VIII.

Катилось зерно по бархату,
Слава!

Еще лито зерно бурмицкое,
Слава!

Прикатилось зерно ко яхонту,
Слава!

Купецъ жемчугъ съ яхонтомъ,
Слава!

Хорошъ молодецъ съ молодкою!
Слава!

Простонародн. пѣсня.

Зима прошла давнымъ давно; о выюгахъ и мятежахъ и помину не было въ нашей деревушкѣ. Мужички только-что поубрались съ хлѣбцемъ и откосились. Улица, замеченная когда-

то сугробами снѣга, представляла теперь самое оживленное и веселое зрѣлище. Повсюду толпился народъ; въ околоткѣ деревень было не мало и по принятому обыкновенію взаимнаго угощенія на храмовыхъ праздникахъ, всѣ окрестные обыватели сошлись и съѣхались къ сосѣдямъ

Время выдалось къ тому самое пригодное: день былъ прекрасный; на небѣ ни облачка, въ воздухѣ стояла такая затишь, что осиновый листъ не шелыхался. Все располагало къ веселью. И нельзя впрочемъ было жаловаться, — веселились изрядно! Пѣсни, крики, шумъ, несвязный говоръ, — раздавались со всѣхъ сторонъ, лучше чѣмъ на шумѣ базарѣ. Красныя рубашки, шапки съ заломомъ, повитыя цвѣтами, желтые и алыя платки, понявы, — сіяли такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что даже и у трезвыхъ рябило въ глазахъ. Шумъ, носившійся надъ деревней, переходилъ постепенно изъ одного конца въ другой; то подымался онъ во кругъ рогожнаго навѣса купца съ краснымъ товаромъ, расположившагося подлѣ часовни у колодца, то вдругъ неожиданно сосредоточивался на серединѣ улицы, гдѣ водили хороводы.... Звонкая, оглушительная, дребезжащая пѣсня охватывала на минуту всю деревню и снова все это заглушалось ревомъ, визгомъ и хохотомъ, раздававшимся внезапно изъ толпы фабричныхъ, глазѣвшихъ, какъ боролись два дюжіе батрака съ ближайшихъ мельницъ.

Время подходило уже къ вечеру, — когда знакомый нашъ Савелій Трофимычъ вышелъ на крылечко своей избы, сопровождаемый пономаремъ и сотскимъ.

— Ну, Кондратій Захарычъ, не взыщи за угощеніе, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, годъ выдался плохой, наказалъ насъ Господь,.... не взыщи, — укланялись, видитъ Богъ, укланялись, — сказалъ Савелій, принимаясь обнимать пономаря.

— Много довольны ... много... дай Богъ вѣкъ съ тобой хлѣбъ-соль водить!.... — отвѣчалъ гость, утирая общаго рукава слѣды Пощулеуевъ радужнаго хозяина.

— Не взыщи и ты, — ничего не жалѣи для дорогаго гостя, — продолжалъ Савелій, обращаясь къ сотскому, который слѣдовалъ сзади и зажмуривъ глаза, придерживался къ стѣнкѣ

Но Щеголевъ, вмѣсто отвѣта, покачнулся въ сторону, приложилъ ладонь къ правой щекѣ, ослабилъ беззубья свои десна и запѣлъ хриплымъ голосомъ:

Охъ, плыла-а — утка!

Плы-да ут-ка....

Вдодь по-морю....

— Полно, Щеголевъ.... полно-же, замѣтилъ съ укоромъ пономарь, удерживая соцкаго, который, очутившись на дворѣ, чуть было не клюнулся на порожнюю телѣгу. —

— Незамай его, Кондратій Захарычъ, нонѣ весь у насъ въ росхмѣль... слышь какъ потышаются?.... Ты куда, Кондратій Захарычъ? спросилъ Савелій, оставаляясь надъ воротами,

— На навоселье....

— Ой-ли? къ кому?....

— Къ Алексью; какъ шелъ къ тебѣ, встрѣтился я съ нимъ, — звалъ подъ вечеръ.

— Пойдемъ вмѣстѣ; онъ и меня звалъ;.... а развѣ ты не былъ у него?

— Нѣтъ, не привелось

— Такъ стало и избы его не видалъ.... Ну ужъ вотъ такъ изба, Кондратій Захарычъ.... такой кажись во всемъ околodкѣ нѣту.

— Слыхалъ, слыхалъ; да гдѣжь видѣть: я съ самой зимы, — помнишь у тебя угощались, — съ той поры не навѣдывался къ вамъ въ деревню.

— Двѣсти рублевъ за избу-то далъ....

— Сказывали мнѣ, отвѣчалъ пономарь, придерживая Щеголева, который совершенно неожиданно приткнулся къ нему спиною; — правда-ли, Савелій Трофимычъ, говорятъ, нищенка-то отговорилъ ему тысячу рублевъ?!....

— Нѣтъ, тысячу не тысячу, а вѣрныхъ четыреста.... да нешто этого мало?

— Скажи на милость, какое дѣло! Сказывали, случилось то въ ту самую пору, какъ мы у тебя пировали, — въ Васильевъ вечеръ, помнишь, — кто-то еще стукнулъ въ окно?

— Ну вотъ поди жъ ты! Эка дурость напала тогда на насъ!.... Вѣдь стучалъ да просился тотъ же нищенка;

а намъ съ пьяну-то показалось и невѣсть что.... Стучаль это онъ по всемъ дворамъ, ходилъ, ходилъ, да и набрелъ на Василисину избу, — тѣ его и пустили.... Пришла ночь; полегилъ, — вотъ и сталъ онъ отходить. «Такъ и такъ, говорить, вы, говорить, меня не отогнали, — вамъ и добро мое....» Повѣдалъ имъ, гдѣ и какъ найдти.... Вступились было за это дѣло, анъ пѣтъ; Аблезинской баришъ все какъ есть велѣлъ передать Алексью, и нашему барину повѣстилъ, — все имъ досталось!....

— Подлинно диковинное дѣло и всяческаго любопытствія достойно, — перебилъ пономарь, пожимая плечами и подымая брови, — скажи на милость, Савелій Трофимычъ, какъ же это староста-то ващъ подался?... сказывали, былъ онъ въ ссорѣ съ ихъ домою, — знать этого, говорить, не хочу!....

— Да, мало ли что говорилъ онъ.... корячился, пока у Алексѣя гроша не было; а какъ пронюхалъ, какъ доведълся, такъ и перечить не сталъ; каженникъ, да каженникъ, — только бывало и слышно.... а тутъ обрадовались, пошли вертѣть хвостомъ.... оглянуться не успѣли, какъ они свадьбу сыграли....

— Гдѣ свадьба?!.. какая свадьба?... пойдѣмъ!.... — прохрипѣлъ неожиданно Щеголевъ, насовываясь на Савелія; — дядя Савелій.... а дядя Сав.... ты мнѣ теска.... Много довольны, вотъ какъ передъ Богомъ.... много довольны.... — продолжалъ онъ, протягивая руки, чтобъ обнять теску, но потерялъ равновѣсіе и рухнулъ на пономаря.

— Экъ его охочъ до винца! — произнесъ, смѣясь, Кондратій Захарычъ, прислоняя сотскаго къ воротамъ.

— Куды-те, замѣтилъ Савелій, — другой выпеть, — какъ платкомъ утереть, а этотъ словно огнемъ выжигаетъ; ну да Господь съ нимъ, мы, Кондратій Захарычъ, на улицѣ-то затеряемъ его въ народъ; я его не звалъ, самъ назвался ко мнѣ, — съ нимъ только провозишься.... Щеголевъ! пойдѣмъ съ нами! крикнулъ Савелій, взявъ сотскаго подъ руку.

Пonomарь подхватилъ его подъ другую руку, всѣ трое выбрались за ворота и вскорѣ замѣшались въ толпѣ.

— А! Данила Левоньчъ, ты ли это!? — воскликнулъ пономарь, отступая передъ высокимъ мужикомъ съ желтою бородою, желтымъ лицомъ и желтыми волосами.

— Здорово, Кондратій Захарычъ, — отвѣчалъ староста, слегка приподымая шапку, — чему ты дивуешься, — не призналъ?

— Да кто тебя признаетъ, вишь какъ перемѣнился, что съ тобой, — хвораешь что ли?....

— Что станешь дѣлать! — отвѣчалъ староста, махнувъ рукою, — такая-то бѣда стряслась на меня, — бьетъ лихоманка окаянная да и полно, — вотъ почитай четыре мѣсяца, али пять, — съ самыхъ святокъ.... весь домъ съ ногъ сбила, всѣхъ даже ребятъ перебрало.... а старуху мою такъ повернула, что о-сю пору ногъ не переведеть!

— Поди жъ ты; съ чего бы быть такому?

— Тебѣ бы, Данила Левоньчъ, — я говорилъ тогда, — надѣть поворожить на Васильевъ вечеръ, — не упустить этого дѣла... вотъ хозяйка моя позвала Домну, велѣла ей смѣть лихоманку, — такъ ничего,.... помшювала, и не слышать совсѣмъ.

— Была она и у насъ, Домна-то, — чтобъ ее черти ѣли, — да ничего не пособило, — знать ужъ такъ Господь Богъ насмалъ за грѣхи наши, — отвѣчалъ староста, зѣвнувъ и перекрестивъ ротъ.

— Ну прощай, Данило Левоньчъ!

— Вы куда?....

— Къ твоему зятю, — звалъ на новоселье.

— А ты куда? — спросилъ Данило, обращаясь къ Савелью.

— И я туда же.

— Ступайте! — отвѣчалъ староста, поворачиваясь къ нимъ спиною.]

Немного погодя, Савелій и пономарь пробились сквозь толпу, вышли на другой конецъ улицы и завернули въ узенькой переулокъ, залитый свѣтомъ заходящаго солнца.

Посреди переулка, между широкимъ сараемъ и плетнемъ, изъ-за котораго сквозь густыя вѣтви рябины выгля-

дывала верхушка скирды, — подымалась высокая сосновая изба съ крытымъ крылечкомъ и бѣлою трубою. Окна, ворота, убитыя гвоздями съ жестяными головками, окрашныя крыши, вплоть до деревяннаго конька на макушкѣ, были обшиты словно полотенцо, вычурными, рѣзными поднизями, горѣвшими на солнцѣ какъ вылитые изъ золота. Двѣтри тучныя, темнозеленыя вѣтки рябины, усыянныя красными гроздами дозрѣвшаго плода, высунувшись нѣсколько впередъ, набрасывали косвенно густую, зубчатую тѣнь на лѣвый уголъ избы и заслоняли одно окно; но это служило только къ выгодѣ другаго окна, хвастливо выказывавшаго свой ставень съ ярко намалеванными цвѣтами, и всѣ четыре стекла, въ которыхъ играли и дробились послѣднія вспышки потухающаго дня.

На ступеняхъ крылечка сидѣла Василиса въ синей поддевкѣ изъ домотканной крашенины, въ новомъ платкѣ, повязанномъ врозь-концы; подлѣ нея стоялъ Алексѣй въ темномъ кафтанѣ, небрежно висѣвшемъ на плечахъ, въ красной, александрійской рубахѣ. Но непокорные глаза пономаря окончательно разбѣжались, когда онъ взглянулъ на Парашу, которая стояла, подпершись круглыми локтями на перила и опустивъ немного голову. И въ самомъ дѣлѣ, — способствовала ли къ тому бѣлая коленкоровая рубашка, обшитая на плечахъ красными городочками и ловко обхватывающая полную грудь, или альій платокъ, повитый вокругъ смуглаго ея личика, — но только трудно было узнать въ ней прежнюю дѣвушку. Кондратій Захарычъ не успѣлъ павести оба глаза на Савелія и сообщить ему своѣ замѣчанія, — какъ уже съ крылечка замѣтили приближающихся гостей и спѣшили къ нимъ на встрѣчу.

— Кондратій Захарычъ, Савелій Трофимычъ, — куда это вы запропастились?!... ужъ мы ждали васъ, поджидали!... сказалъ Алексѣй, раскланиваясь передъ каждымъ гостемъ.

— А вотъ.... Савелій Трофимычъ задержалъ; я бы къ вамъ давно понавѣдался.... — отвѣчалъ пономарь, приподымая шляпу и дѣлая тщетныя усилія, чтобы оторвать лѣвый глазъ съ запонки на груди Парашы.

— Ну, кумъ, свалилъ на меня вину...., — провзнесъ самодовольно смѣясь Савелій, — такъ и быть, беру грѣхъ на своего душу!!.... авось не посерчаютъ....

— Что жъ вы стоите, гости дорогіе?.... сказала Василиса, низко кланяясь, — войдите, милости просимъ, войдите, касатики....

— И-то, и-то.... — вымолвилъ Савелій, разглаживая бороду, — вѣдь мы къ вамъ на новоселье пришли....

— Милости просимъ, милости просимъ, рады вамъ!.... заключили Алексѣй и Параша, сторонясь, чтобы дать имъ дорогу.

Кондратій Захарычъ сдѣлалъ неимоверное усиліе, — оторвалъ оба глаза отъ запонки, устремилъ ихъ на крылечко, и сопровождаемый Савеліемъ и хозяевами, вошелъ въ избу.

Д. Григоровичъ

ДОСТОВѢРНЪЕ ЛИ СТАНОВИТСЯ ИСТОРІЯ ?

Затѣка, представленная въ Академію Наукъ, Президентомъ ея Графомъ Сергіемъ Семеновичемъ Уваровымъ.

Лекціи Вилльмена о литературѣ останутся на всегда образцомъ вкуса, литературной прозорливости и учености. Въ одной изъ этихъ превосходныхъ лекцій, авторъ выражаетъ свое мнѣніе, что есть три главные вида исторіи: гадательная (древнихъ временъ), критическая или ученая, и, какъ называетъ знаменитый писатель, исторія полная, придавая послѣднее названіе временамъ новѣйшимъ, т. е. всему пространству времени отъ XV вѣка и изобрѣтенія книгопечатанія. «Съ этого времени» — говоритъ г. Вилльменъ — «образованіе достигло до значительной степени, хотя и не изгладились еще нѣкоторые слѣды варварства, пособія науки размножились достаточно, всѣ событія въ жизни народовъ записаны довольно тщательно и исправно, такъ что здравый смыслъ, съ помощью труда, въ состояніи открывать истину: съ этого-же времени степень достовѣрности въ событіяхъ сдѣлала для писателя однимъ изъ главныхъ условій — многочисленность подробностей.

Такое опредѣленіе новѣйшей исторіи, кажется мнѣ, вызываетъ не одно немаловажное возраженіе. Нѣтъ сомнѣнія, что исторія древнихъ временъ основана на догадкахъ: она скорѣе дѣло вѣры, нежели обсужденія. За то и вынуждены мы допустить ее едва ли не въ томъ видѣ, въ какомъ построили намъ ее поэты, историки и риторы. Прилагать къ временамъ отдаленнымъ новѣйшую критику — дѣло такой учености, въ которой отдають себѣ отчетъ одни посвя-

ценные въ науку; но если смотрѣть на исторію со стороны ея отношеній ко всему образованію, какъ духовной пищѣ для большинства, если видѣть въ ней цѣпь преданій, переходящихъ изъ рода въ родъ,¹ и навсегда запечатлѣвающихся въ памяти народовъ, не трудно, по моему, удостовѣриться, что для нихъ условія новой исторіи тѣ же, что условія древнѣйшей для ученыхъ. Человѣческому уму, склонному къ синтезу, прирожденъ инстинктъ — стремиться къ положительному въ пріобрѣтенныхъ познаніяхъ, и охотно подчиняться утвердившемуся мнѣнію, хотя бы условному. Къ чему повели огромные труды Нибура, который, безъ малѣйшихъ, да и невозможныхъ, возраженій, разрушилъ всѣ основанія Римской исторіи? Они заняли трудолюбивые досуги весьма ограниченнаго числа критиковъ, заслужили ихъ одобреніе, и только.... Въ чемъ результатъ критики Ф. А. Вольфа на Гомера, этой во всѣхъ отношеніяхъ удивительной критики, гдѣ даровитѣйшій изъ издателей Гомера такъ побѣдоносно подвергаетъ ученому разложенію сомнительную личность поэта, очистивъ предварительно его текстъ? Ни одинъ филологъ не осмѣлится бороться съ Вольфомъ, но послѣ столькихъ ученыхъ работъ, оставшихся безъ отвѣта, вопросъ не подвинулся ни на шагъ: ни Ромулъ, ни Гомеръ не вычеркнуты изъ списка людей, нѣкогда жившихъ; они живутъ въ воображеніи большинства, какъ будто бы эти два критика и ничего не писали. Самые ученые, свидѣтели безуспѣшности или малоуспѣшности этого строгаго приложенія анализа, казалось, усомнились въ пользѣ обширныхъ изслѣдованій. Въ ихъ глазахъ, Гомеръ все таки Гомеръ, жилъ ли онъ когда или нѣтъ; для нихъ не важно — представляетъ ли это слово школу, или оно — имя одного человѣка, автора Иліады. Точно такъ-же мужи истинной науки, когда восходятъ къ началу Рима, не раздумывая употребляютъ обычныя формы историческихъ данныхъ: они не позволяютъ себѣ педантически отвергать все предшествующее Пуническимъ войнамъ, и, не колеблясь, говорятъ о Нумѣ и Гораціѣ Коклесѣ, какъ говорятъ о Гомерѣ и о преданіяхъ, связанныхъ съ его именемъ. И, конечно, не най-

дется ни одного ревнителя науки, который бы не предпочел дюжины неизданных стиховъ Иліады, или отысканной страницы Тита Ливія, всевозможнымъ критическимъ попыткамъ, разрушающимъ существованіе поэта, или подлинность историка.

И такъ, если степень достовѣрности древней исторіи подчинена условіямъ причудливымъ, подъ вліяніемъ которыхъ вѣроятное дѣлается вѣрнымъ, а критическій анализъ, самый совершенный, едва вскрываетъ ихъ,—разсмотримъ же новыя условія новѣйшей исторіи, и взглянемъ, на сколько средства изъ нихъ вытекающія увеличиваютъ ея достовѣрность. Неоспоримо, что источники исторіи, со времени книгопечатанія, сдѣлались несмѣтны; критика была и настойчива и искусна, событія записывались съ мелочною точностью; но болѣе ли обезпечена ихъ достовѣрность? Такой порядокъ вещей благопріятствуетъ ли отысканію истины лучше прежняго? Ближе ли мы наконецъ къ свѣту?

Вопросъ этотъ, такъ же какъ и предыдущій, представляеть двѣ стороны, совершенно различныя; съ одной видимъ доблестный трудъ историка, посвящающаго себя на то, чтобы распутать этотъ страшный хаосъ данныхъ обильныхъ, но пристрастныхъ, и противорѣчащихъ между собою; съ другой не знаемъ, что еще приметъ изъ этихъ изысканій вѣрованіе народовъ, и что изъ нихъ дѣйствительно взойдетъ въ область общихъ познаній. Я позволяю себѣ думать, что въ противоположность историку древности, историкъ новѣйшій, въ многочисленности подробностей, въ безконечномъ разнообразіи источниковъ, и сверхъ того въ современномъ строеніи умовъ, встрѣчаетъ препятствія, одолѣть которыя не всегда въ его власти. Страсть нашего вѣка къ разъединяющему анализу, пенависть ко всякому синтезу, религиозному, историческому или нравственному, совершенное отсутствіе вѣры, распространенное и на область дѣйствительности, болѣе или менѣе таинственной — все это вмѣстѣ представляетъ затрудненія, которыхъ не знали древніе, и которыя, по малой мѣрѣ, равняются недостатку въ достовѣрныхъ источникахъ и исторической критикѣ для временъ отдаленныхъ; этотъ недостатокъ, находившій свое воспол-

неніе въ искреннихъ убѣжденіяхъ, отчасти исчезалъ передъ могущественнымъ авторитетомъ историка, всякій разъ, когда его повѣствованія, особенно драматическія, отвѣчали религіознымъ вѣрованіямъ, простодушной вѣрѣ младенческихъ народовъ, и даже ихъ наслѣдственнымъ предрасудкамъ. Исторія, наравнѣ съ религіею и поэзіею, имѣла у древнихъ одно, общее начало: ея досточтимымъ органомъ и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, божественнымъ, былъ всегда одинъ и тотъ же *Vates*; поэтому нельзя развѣять преданій, окружающихъ колыбель Греческой поэзіи и основаніе Рима, не разрушивъ въ то же время всего синтеза древности, какимъ является онъ въ своей общепринятой формѣ, исключаящей всякую другую. Короче, каждый изъ насъ воленъ опровергать истину древней исторіи, но съ условіемъ — вовсе безъ нея обходиться. Можно отрицать ее, но замѣнить ее не чѣмъ.

Съ XV вѣка, все измѣняется: не только событія принимаютъ иной характеръ, но и рождаются во множествѣ идей, которыя сильнѣе событій, и сообщаютъ образованію новое направленіе: религіозныя, правительственныя, литературныя, художественныя, торговыя, онѣ не останавливаются ни передъ чѣмъ предшествовавшимъ, и, въ своей безпредѣльной отвагѣ, нападаютъ уже и на основанія авторитета во всемъ. Книгопечатаніе благопріятствуетъ этому странному порыву: множество умовъ увлекается въ этомъ новомъ потокѣ. Богословіе, философія, исторія, юриспруденція, науки естественныя и политическія — все въ одно время и рождается и разлагается. Неутомимое любопытство, подстрекаемое самыми пылкими страстями, бросается на обширную область вѣдѣнія, какъ бы впервые разоблаченную. XV столѣтіе одно являетъ собою великій переломъ въ человѣческомъ умѣ; но что дѣлать историкѣ, или, точнѣе, что сдѣлали историки, писавшіе объ этомъ времени, для того, чтобы открытъ истину, или, покрайней мѣрѣ, подойти къ ней среди этого безначалія человѣческой мысли? Гдѣ тотъ писатель, который бы сумѣлъ снять вѣрное изображеніе съ Реформаціи, и нарисовать ея картину болѣе или менѣе прагматически?

И есть ли возможность, среди несмѣтной массы взаимныхъ обвиненій, уликъ неистовыхъ, очевидныхъ клеветъ и узаконенныхъ басенъ, держать историка въсы правосудія и обвинять совокупность великаго переворота? Современному историку, съ перваго шага несущему на себѣ всю тяжесть закона самаго безусловнаго безпристрастія, предоставлено допрашивать только свидѣтелей, пристрастныхъ до нелѣпости; напрасно сталъ бы онъ искать средства согласить ихъ, добиваться исторической середины: нѣтъ возможнаго примиренія между показаніями партій, тѣмъ болѣе искренними, что онѣ гордятся своимъ фанатизмомъ, и что вся ихъ заслуга въ страсти, ихъ одушевляющей. Нѣтъ сомнѣнія — важныя труды уже разобраны съ особеннымъ вниманіемъ, совершены удивительныя изслѣдованія, другіе источники только ждуть изыскателей, но какое сочиненіе о Реформаціи, явившееся въ два послѣднія столѣтія, открыло историческую истину въ томъ видѣ, въ какомъ требуемъ мы ея теперь? Мы имѣли до сихъ поръ, отъ той ли, отъ другой ли партіи, или одни *facta*, или извлеченія въ родѣ Вольтеровыхъ или Юмовыхъ, чрезвычайно забавныя, но безъ заботы объ истинѣ, и таково, надо замѣтить, неминуемое слѣдствіе обязанности, возложенной на историка, быть безпристрастнымъ во что бы то ни стало. Отсюда этотъ историческій скептицизмъ, послѣдняя форма новѣйшей исторіи, форма наиболее сообразная съ духомъ сомнѣнія, овладѣвшимъ и идеями и убѣжденіями; отсюда — или недобросовѣстные апологіи въ пользу той или другой проигранной тяжбы, или сокращенныя обзорнія, въ которыхъ все распределено по порядку чиселъ, методически раздѣлено на главы, но гдѣ недостаетъ положительной оцѣнки, а убѣжденіе писателя заглушено страхомъ высказать нравственное правило — форма исторіи тѣмъ болѣе опасная, что она, болѣе или менѣе непосредственно, ведетъ къ отрицанію добра и зла, исключаетъ изъ исторіи Провидѣніе, и замѣняетъ великіе законы общественнаго порядка Богъ знаетъ какимъ искусственнымъ механизмомъ, рожденнымъ отъ случая и унижающимъ достоинство человѣка, у котораго отнимаетъ его лучшія надежды.

Но можетъ быть, возразятъ мнѣ, свѣтъ яснѣетъ по мѣрѣ того, какъ происшествія приближаются къ историкъ. Такъ ли это съ Французскою революціею, величайшимъ и послѣднимъ изъ событій, котораго наше поколѣніе по большей части было свидѣтелемъ, и которое остальные узнали изъ первыхъ устъ? Въ несмѣтной грудѣ сочиненій о революціи, сочиненій разныхъ видовъ, цвѣтовъ и мнѣній, нашлась ли, до сихъ поръ, хоть одна путеводная нить, коею могъ бы безболзненно воспользоваться добросовѣстный историкъ, задумавшій воспроизвести достопримѣчательную эпоху, о которой было сказано, написано и напечатано все, и которой ни малѣйшая подробность не была умолчана отъ публики? Совсѣмъ напротивъ: мракъ, повидимому, увеличивается по мѣрѣ того, какъ увеличивается число издаваемыхъ сочиненій. Скептицизмъ съ каждымъ мгновеніемъ принимаетъ характеръ болѣе рѣшительный среди иреній, противорѣчащихъ одно другому, но не ведущихъ ни къ какому заключенію, — свидѣтельствъ до-нельзя противоположныхъ, а въ особенности безразсудныхъ софизмовъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе накапливаемыхъ по произволу необузданнаго воображенія компиляторовъ. Не говоря уже о той постыдной игрѣ ума, съ помощью которой иные любятъ обращать эту колоссальную и кровавую трагедію въ тему самыхъ неожиданныхъ панегириковъ, нельзя не замѣтить, что положительно ни одно событіе этой эпохи, ни одинъ характеръ, ни одна правительственная мѣра, не приняты безъ возраженія, не рѣшены безъ ограниченія. Все, до послѣдней фазы революціи, было передѣлываемо произвольно, и искажается съ каждымъ днемъ больше и больше. Посмотрите, что сдѣлали изъ Наполеона. Изъ-генія мощнаго, но крутаго и полудикаго, изъ отъявленнаго врага революціи, изъ плотной, могучей фигуры, изъ ума положительнаго и абсолютнаго, сдѣлали проповѣдника либеральныхъ идей, апостола демократіи, символическое лицо, наконецъ миѳъ, годный развѣ занять мѣсто между туманными привидѣніями Оссіана. Предъ глазами нашими росла и распространилась эта историческая фантазмагорія; и нынѣ у насъ

два Наполеона, совершенно различные, одинъ выработанный для народа изъ пѣсней Беранжэ и разказовъ Марко де-Сентъ-Илера; другой, со всеми его славными качествами и не менѣ славными заблужденіями, тоже еще живъ покуда въ памяти современниковъ или въ зрѣлой оцѣнкѣ степенныхъ умовъ, свыкшихся съ спокойнымъ изученіемъ дѣлъ человеческихъ; но послѣдній уже блѣднѣетъ передъ первымъ, и вѣроятно, что черезъ сто лѣтъ Наполеонъ-миръ или революціонеръ, Наполеонъ-Геркулесъ или богъ солнце, перевѣситъ въ толпѣ всякое другое убѣжденіе, невзирая на сопротивление исторической критики, которое въ то время ограничится небольшимъ числомъ адептовъ, быть можетъ, не превышающимъ числа нынѣшнихъ послѣдователей Вольфа и Нибура.

Послѣ этихъ двухъ разительныхъ примѣровъ, взятыхъ на удачу изъ множества другихъ, можно предложить себѣ вопросъ: поднимается ли дѣйствительно впередъ достовѣрность исторіи отъ того, что съ XV-го столѣтія все обнаруживалось и печаталось, и не встрѣтила ли новѣйшая исторія, обмѣнявшись условіями съ древней, новыхъ препятствій, въ противоположномъ смыслѣ отдалившихъ уясненіе событій, и, заградившихъ путь къ свѣту избыткомъ въ матеріалахъ? Исторія временъ отдаленныхъ лишена достовѣрности за невозможностію аналитически опредѣлить цѣну источниковъ, и за отсутствіемъ неопровержимыхъ свидѣтельствъ. Эта исторія очевидно несетъ на себѣ печать условности: чувствуемъ, что напрасно было бы искать въ ней безусловной истины, и что чѣмъ болѣе освятило ее единодушное согласіе народовъ, тѣмъ непокорнѣе она критическому изслѣдованію, сколько нибудь глубокому. Можно, сказали мы, отрицать исторію отдаленныхъ временъ, но все, что осталось отъ нея, тѣ, подобно памятникамъ древняго искусства, уцѣлѣвшимъ отъ разрушенія, прочно какъ гранитъ или бронза. Надъ этими несокрушимыми памятниками тщетно изощряется прозорливость современнаго анализа. Геродотъ и Титъ Ливій принимаютъ неоспоримо оттънокъ романтической, восходятъ ли они къ началу своихъ народовъ, раз-

сказываютъ ли современныя имъ событія; другіе, какъ Оукидидъ и Тацитъ, явно обнаруживаютъ печать подитической страсти, совершенно противоположную нашимъ понятіямъ о философскомъ безпристрастіи, перенесеннымъ на поприще исторіи; но отнимите вы этихъ великихъ писателей, и нѣтъ у васъ древней исторіи. То же самое, но въ гораздо-большей мѣрѣ, можно сказать объ исторіи Востока: преданія Индійцевъ, Китайцевъ, Персовъ и другихъ Азіатскихъ народовъ, сохранившихъ слѣды прошедшаго, исполнены такимъ множествомъ дѣлъ уродливо-баснословныхъ, что во всемъ, о первобытныхъ временахъ, они положительно не совмѣстны ни съ какой системой хронологіи, ни съ какимъ разумнымъ закономъ исторіи.

Есть въ будущей участи историка время новѣйшихъ еще одна страшная точка зрѣнія, на которую указать не бесполезно. По огромному количеству книгъ, ежегодно выпускаемыхъ книгопечатаніемъ, можно составить себѣ понятіе объ чудовищной цифрѣ, какой достигнуть чрезъ два или три столѣтія эти непрерывающіяся изданія. Тогда положеніе историка будетъ еще невыгоднѣе: если онъ захочетъ прибѣгнуть къ печатнымъ свидѣтельствамъ, передъ нимъ откроется бездна, на изслѣдованіе которой не станетъ жизни человѣка; пренебрежетъ онъ ими — онъ лишитъ свое повѣствованіе права на довѣріе, и измѣнитъ существенному закону исторіи. Безъ преувеличенной смѣлости можно предполагать, что въ эпоху, болѣе или менѣе отдаленную отъ нашей, область каждой отдѣльной науки, безпрерывно расширяясь, выступитъ за границы вѣдѣнія, и что тогда историкъ, наравнѣ съ другими спеціалистами, посвятившимъ себя той или другой отрасли науки, раздавленный подъ тяжестью предшествовавшихъ изысканій, скорѣе будетъ связанъ въ своихъ занятіяхъ, нежели облегченъ огромнымъ количествомъ явленій книгопечатанія. Сомнительно, чтобы подобный порядокъ вещей, приблизительно вѣроподобный, послужилъ къ упроченію достовѣрности въ дѣлѣ всѣхъ вообще человѣческихъ познаній, а исторіи въ особенности.

Не боясь подвергнуться упреку во излишней любви къ парадоксу, можно, я думаю, заключить изъ этихъ выводовъ, что изобрѣтеніе книгопечатанія породило новыя условія и въ отношеніи къ исторіи, и въ отношеніи къ историкѣ, но что эти условія не болѣе благопріятствуютъ исторической достовѣрности, чѣмъ прихотливая и безусловная свобода историковъ древности и среднихъ вѣковъ до XV-го столѣтія. Затрудненія не тѣ конечно, но они не менѣе дѣйствительны, не менѣе очевидны. Если и дано уму человѣческому миновать ихъ, то не позволено ему ослѣпляться о положеніи вопроса. Безполезна усилія современной критики, въ ея приложеніи къ древности, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ вопросовъ хронологіи или кое-какихъ подробностей о нравахъ, искусствахъ и внешней жизни древнихъ, достаточно признана; но приложеніе критическаго разбора къ современной исторіи — многіе ли принесло плоды по сіе время? А если и теперь уже ощутительна крайняя несообразность приготовительныхъ трудовъ съ результатами, которые историкъ старается извлечь изъ множества источниковъ, открытыхъ его изслѣдованіямъ, не грозятъ ли эти затрудненія сдѣлаться непреодолимыми, когда, благодаря книгопечатанію, съ одной стороны въ страшной мѣрѣ увеличится количество книгъ, а съ другой, духъ сомнѣнія, скептицизмъ, обращенный въ систему, окончательно распространится на всѣ отрасли знанія и станетъ верховнымъ закономъ и послѣднимъ словомъ человѣческаго разума?

Порѣчье, въ Юнѣ 1850 г.

ТЕОРІЯ СМѢШНАГО,

СЪ ПРИМѢНЕНІЕМЪ КЪ РУССКОЙ КОМЕДІИ.

Давно уже сдѣлалась общимъ мѣстомъ въ современной журналистикѣ нашей мысль, что Русская литература отличается въ особенности оригинальною комедіею и вообще комическимъ элементомъ, который, кромѣ комедіи, проявился у насъ въ сатиру, въ сказку, въ басню, въ эпиграмму. Онъ виденъ и въ древней народной словесности: онъ отзывается и въ пословицахъ, и въ притчахъ, и въ сказкахъ, и въ словѣ Давіила Заточника, и въ сказаніи о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, и въ посланіи Грознаго, и въ пѣсняхъ, собранныхъ козакомъ Сибирскимъ Киришею. Зародышь былъ: когда привилась къ намъ художественная поэзія народовъ образованныхъ, онъ развился въ произведенія самостоятельныхъ.

Русская комедія поражала недостатки общественные, какъ комедія Аристофановская, но она не выводила личностей, какъ сія послѣдняя, и не хотала съ отчаянія, потому что всегда признавала крѣпость здравыхъ силъ въ Русскомъ народѣ и государствѣ, способныхъ излечить каждый недостатокъ. Элементомъ сатиры и комедіи поразительно наше сходство съ Римлянами, народомъ также практическимъ, какъ и мы; но Римляне брали содержаніе своей комедіи у Грековъ, во времена греческаго разврата. Плавтъ вносилъ однако Римскую жизнь въ списки съ Греческой комедіи. Намъ также дѣятельная сцена Запада посылала и посылаетъ теперь огромный запасъ комедій и водевилей, которые, какъ эфемеры, возрождаются на нашей

сценъ въ то самое время, какъ уже умерли на западной, и также умираютъ. Но наша художественная комедія образовалась независимо отъ этого движенія театральныхъ афишекъ, а не драматической поэзіи. У насъ нѣтъ такъ называемой комедіи характеровъ, которая беретъ отвлеченный порокъ чело­вѣка: Скупаго, Нелюдима, Лице­мѣра, Брюзгу, и рисуетъ его отдѣльно, принося ему въ жертву все цѣлое. Если и встрѣчаются такія комедіи у Княжнина и Хмѣльницкаго, то въ подражаніяхъ болѣе или менѣе неудачныхъ. У насъ нѣтъ комедіи интриги, кромѣ подражаній; запутанность дѣйствія не въ характеръ нашей жизни. Интрига не наше слово и не наше дѣло: у насъ нѣтъ довольно хладнокровія, чтобы вести ее. Скорѣе могла бы образоваться у насъ комедія сплетни: мы быстры, мы горячи на слово, и чрезвычайно какъ ему легковѣрны. Страсти наши разыгрываются въ словахъ, а не въ дѣлахъ. На словахъ мы кровожадны, мстительны, коварны, хитры, лукавы; на словахъ мы уморимъ, сожжемъ, утопимъ, опозоримъ, женимъ, разведемъ, оклеветаемъ, предадимъ казни, — и въ заключеніе простимъ, подружимся и будемъ каждый день звать обѣдать. Удивительно, какъ до сихъ поръ комедія сплетни не перешла у насъ изъ міра дѣйствительнаго на сцену, какъ наши комики не воспользуются этимъ ежедневнымъ матеріаломъ комизма, который невстоицѣю доставляетъ имъ праздность свѣтскаго общежитія. У Грибоедова есть одна только сцена, одинъ только мотивъ, взятый изъ этого міра, когда Чацкаго выдаютъ за сумасшедшаго, и онъ принадлежитъ къ числу первыхъ красотъ его Гора отъ ума. Видно дѣйствительность такъ сильна, что превозмогаетъ искусство; видно комическіе таланты сознаютъ, что сцена свѣта, гдѣ ежедневно разыгрываются комедіи и водевили сплетней безъ афишъ, безъ газетныхъ объявленій, безъ платы за билеты, актерами безъ званія актеровъ, сама гораздо занимательнѣе того зеркала, которое они могли бы навести на нее.

Стихія комедіи—смѣшное. Теорія смѣшнаго даетъ главныя основанія для теоріи комедіи. Значеніе комедіи оте-

чественной, во всѣхъ ея важнѣйшихъ явленіяхъ, какъ прошедшихъ, такъ и намъ современныхъ, не можетъ быть ясно безъ этихъ основаній. Постараемся изложить ихъ.

Смѣшное, вмѣстѣ съ ужаснымъ, составляетъ видъ такъ называемаго отрицательно-излишняго. Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію своего мнѣнія, предложимъ то, что сделано для теоріи смѣшнаго другими теоретиками.

Изъ древнихъ, *Аристотель* въ своей *Поэтикѣ*, говоря о комедіи, далъ слѣдующее опредѣленіе для смѣшнаго. «Комедія», говоритъ онъ, «есть представленіе чего-нибудь низкаго, но не всегда порочнаго, а того постыднаго, которое «производитъ смѣшное, ибо *смѣшное есть кака-нибудь ошибка, что-нибудь постыдное, но безвредное*. Такъ на прим. смѣшное лицо будетъ дурное, искривленное, но безъ вреда.» Этотъ признакъ безвредности, который замѣтилъ Аристотель въ смѣшномъ вообще, приноситъ честь его наблюдательности. Въ самомъ дѣлѣ, если возьмемъ примѣръ не смѣшнаго художественнаго, но смѣшнаго въ жизни, то замѣтимъ, что только надъ тѣмъ можемъ мы безукоризненно смѣяться, что не приноситъ совершеннаго вреда. Человѣкъ шелъ по улицѣ и упалъ: это можетъ быть смѣшно въ такомъ только случаѣ, если онъ не повредилъ себя паденіемъ, а если онъ ушибся, то нравственное чувство въ насъ не допуститъ никакого смѣха. Но если мы обратимся къ примѣрамъ художественнаго смѣшнаго, то находимъ, что не одно безвредное, но и вредное подвергается осмѣянію. Такъ на пр. въ комедіяхъ, которыми такъ обильна наша литература, мы видимъ, что самые вредные пороки, страсти, злоупотребленія, подвергаются публичному, художественному осмѣянію. Но должно замѣтить, что когда мы созерцаемъ въ комедіи пороки, страсти, то въ это самое время удаляемъ идею того вреда, который въ этихъ порокахъ находится. Когда же въ комическомъ представленіи порока, изъ самого глубокаго смѣха извлекаемъ сознаніе того, что онъ нравственно для насъ вреденъ, то нашъ смѣхъ получаетъ суровый, важный, стро-

гій характеръ. Въ человѣкѣ чувствительномъ и добросердечномъ, онъ можетъ перейти даже въ слезы, особенно когда вспомнить онъ, что это вредное наносится его отечеству, его согражданамъ, его ближнимъ, и должно замѣтить, что комики гениальныя всегда сильно чувствуютъ эту близость трагическаго съ комическимъ, это сосѣдство грусти и смѣха. При мысли объ этомъ, нельзя не припомнить тѣхъ особенностей, которыя встрѣчаются въ нашей отечественной комедіи, ибо примѣры, конечно, должны приводиться преимущественно изъ нашей словесности: они оправдываютъ истину Аристотелева замѣчанія, что мысль о вредѣ вредитъ смѣшному и съ нимъ не совмѣстима. Вспомнимъ у Фонъ-Визина, въ заключительной сценѣ, когда Простакова, получивъ прощенье отъ Стародума и мгновенно возвращался къ своей жестокости, выражается такъ: «Прости! Ахъ, батюшка; ну ужъ теперь-то я дамъ зорю!»... Въ это время Простакова становится для насъ отвратительною: комикъ, сдѣлавшій ее главнымъ орудіемъ того смѣха, котораго не было бы безъ Простаковой, представилъ ее въ заключеніе такую, ибо въ это самое время ярче всего предстаетъ для насъ вся вредная сущность, лежащая въ основѣ души этой женщины. Но этимъ не удовлетворяется однакожъ комикъ; возбудивъ отвращеніе къ Простаковой, онъ черезъ нѣсколько сценъ возвращается самъ и возвращаетъ насъ къ болѣе человѣческому чувству. Когда Простакова, оставленная всеми и обнаружившая всю внутреннюю мерзость безнравственнаго существа своего, обращается, какъ мать, къ своему сыну, то онъ говоритъ ей: «да отвяжись же, матушка!» Тутъ мы переходимъ отъ чувства отвращенія къ чувству жалости: Простакова намъ становится жалкою. Впрочемъ многое, конечно, можетъ здѣсь зависѣть и отъ особенностей нравственнаго нашего расположенія. Въ 3-мъ дѣйствіи *Ябеды*, хоръ ябедниковъ производитъ дѣйствіе на многихъ, вовсе несмѣшное. Хоръ этотъ звучитъ какимъ-то адскимъ хоромъ, и здѣсь комическое превращается какъ бы въ трагическое. Фамусовъ, образецъ комической глупой безсознательности, въ 4-мъ дѣйствіи становится для насъ

жалкимъ, когда передъ нимъ обличается поведеніе его дочери, воспитанной имъ только въ фигуратки для его ба-ловъ. Точно тоже въ Ревизоръ Гоголя: сцена Городничаго, по отъездъ Ревизора, съ купцами, отъ смѣха переноситъ насъ къ дѣйствию важному, строгому, поучительному. Еще болѣе это замѣтно въ послѣдней, нѣмой сценѣ у Гоголя, которую мы только читаемъ, но на сценѣ она никогда не исполняется, потому, можетъ быть, что исполнить ее или трудно, или даже невозможно. Тѣмъ не менѣе важно требованіе, которое комикъ объявилъ печатно. Онъ находилъ необходимымъ исполненіе этой сцены для того, чтобы вся его идея вполнѣ выразилась. Это наружное обличеніе совѣсти людей, въ комедіи осмѣянныхъ, указываетъ на то, какъ глубоко повѣтъ созналъ всю важность той стороны предмета, которую выдалъ на публичное осмѣяніе. Такимъ образомъ, признакъ безвредности, замѣченный Аристотелемъ, совершенно остается истиннымъ; ибо въ самыхъ превосходныхъ произведеніяхъ комедіи мы видимъ, что тамъ, гдѣ уже смѣшное обнаруживаетъ вредное, производится дѣйствию важное, суровое, строгое.

Отъ этого опредѣленія смѣшнаго, по Аристотелю, которое не совсѣмъ полно, но тѣмъ не менѣе замѣчательно, я перехожу къ опредѣленію смѣшнаго, которое изложилъ *Жанъ Поль Рихтеръ* въ своей теоріи. Тѣмъ болѣе считаю за нужное это сдѣлать, что онъ въ ней коснулся мнѣній всѣхъ тѣхъ философовъ, которые опредѣляли смѣшное до него, такъ что, излагая теорію Ж. П. Рихтера, мы съ тѣмъ вмѣстѣ скажемъ и о тѣхъ, которые ему предшествовали въ опредѣленіи этого вида отрицательно-изящнаго.

Ж. П. Рихтеръ, говоря о смѣшномъ, обращаетъ прежде всего вниманіе на то разнообразіе ощущеній, которое оно доставляетъ. Самъ сознаетъ онъ трудность опредѣленія и указываетъ на подобное сознаніе у Цицерона и Квинтиліана. Критику мнѣній постороннихъ начинаетъ онъ собственно съ *Канта*. Кантъ опредѣляетъ смѣшное разрѣшеніемъ какого нибудь ожиданія въ ничто. На это возражаетъ Ж. П. Рих-

теръ тѣмъ, что не всякое ожиданіе, переходящее въ ничто, причиняетъ смѣхъ. Такъ, напримвръ, если мы ожидаемъ чего нибудь ужаснаго и оно не случится, то подобное разрѣшеніе доставляетъ намъ удовольствіе, а не производитъ смѣха. Бываетъ напротивъ иногда, что человекъ ничего не ожидаетъ, и вдругъ можетъ что нибудь явиться, приводящее въ смѣхъ. Привѣняя свое опредѣленіе смѣшнаго къ эпиграммѣ, Кантъ говоритъ, что эпиграмма смѣшитъ насъ посредствомъ сочетанія великаго съ малымъ. Ж. П. Рихтеръ противорѣчитъ Канту и въ этомъ, говоря, что не всегда сочетаніе великаго съ малымъ можетъ быть смѣшно, напр. сочетаніе Ангела и червяка. Можно, въ этомъ случаѣ, въ опроверженіе Канта, припомнить извѣстный стихъ Державина, гдѣ сочетаніе Царя съ рабомъ, и Бога съ червемъ въ понятіи о человекѣ производятъ чувство высокаго, а не смѣшнаго.

Если, продолжаетъ Жанъ Поль, къ опредѣленію Кантову сдѣлать прибавленіе и сказать такъ: внезапное разрѣшеніе ожиданія чего нибудь важнаго въ смѣшное ничто, — то все такъ не подвинемъ мы опредѣленія нашего далѣе — и должны спросить: въ чемъ же смѣшное-то заключается? Жанъ Поль болѣе доволенъ опредѣленіемъ Аристотеля, чѣмъ Кантовымъ: оно, по его мнѣнію, ближе подходитъ къ истинѣ, однако не вполне.

Шиллеръ говоритъ, что смѣшнымъ бываетъ предметъ тогда, когда представляется намъ ниже того, чѣмъ на самомъ дѣлѣ есть, Жанъ Поль противорѣчитъ Шиллеру, указывая на предметы, которые тѣмъ самымъ и производятъ смѣхъ, что совпадаютъ совершенно съ действительностію.

Не будучи доволенъ опредѣленіемъ Шиллера, Жанъ Поль переходитъ къ собственному. Задавая себѣ задачу — опредѣлить смѣшное, онъ обращается сначала къ опредѣленію причины: каковыя образомъ ощущеніе какаго нибудь недостатка, несовершенства, поражаемаго смѣшнымъ, можетъ доставить человеку удовольствіе? Въ самомъ дѣлѣ, смѣхъ все таки направляется на наши недостатки, каковыя же образомъ можетъ онъ доставить намъ изящное наслажденіе? Всякое ощущеніе изящнаго непременно должно возвеличить нашу

душу; если оно ее не возвеличиваетъ, въ такомъ случаѣ не достигаетъ своей цѣли. Смѣшное же совершенно противорѣчитъ высотѣ природы человѣческой и скорѣе ее уничтожаетъ, нежели возвеличиваетъ. Чтобы опредѣлить смѣшное, — по мнѣнію Жанъ Поля, надобно опредѣлить сначала то, что ему противоположно, а смѣшному противопоставляется высокое. Смѣшное есть врагъ высокаго. Эту противоположность замѣтили и Французы въ остроумномъ выраженіи: *du sublime au ridicule il n'y a qu'un seul pas*. За этимъ слѣдуетъ въ Жанъ-Полевой Эстетикѣ изложеніе теоріи высокаго, какъ эпизодъ къ теоріи смѣшнаго. По Жанъ Полю, высокое есть безконечно великое: отсюда ясно, что смѣшное, какъ его противоположность, есть безконечно малое. Какъ же это понять? Безконечно малое въ физическомъ мірѣ не составляетъ предмета смѣшнаго; тогда какъ безконечно великое въ физическомъ мірѣ насъ поражаетъ, какъ явленіе высокое. Ясно, что здѣсь безконечно малое должно разумѣть не въ физическомъ смыслѣ, но надобно разумѣть его въ нравственномъ. Но въ нравственномъ можетъ ли быть чтонибудь малое? Нравственность сама въ себя, внутрь направленная на себя, внутри сознаваемая, производитъ уваженіе. Недостатокъ этого сознанія нравственнаго производитъ презрѣніе. Въ же, на другихъ направленная нравственность, производитъ любовь. Недостатокъ ея производитъ ненависть. Смѣшнаго нельзя ни презирать, ни ненавидѣть: ибо для презрѣнія оно слишкомъ маловажно, для ненависти слишкомъ ничтожно.

И такъ, собственно въ нравственномъ царствѣ чловѣка не можетъ быть смѣшнаго; ибо здѣсь нѣтъ ничего безконечно-малаго. По этому остается для смѣшнаго только царство разума, и въ чловѣкѣ только неразумное. Чтобы оно чувственно на насъ подѣйствовало, — оно должно заключаться или въ дѣйствіи, или въ состояніи. Ошибка сама по себѣ, какъ незваніе, еще не смѣшна, но когда она проявляется въ дѣйствіи, становится смѣшною. Здоровый чловѣкъ, который считаетъ себя больнымъ, становится смѣшонъ тогда только, когда онъ употребляетъ средства противъ мнимой своей болѣзни. Но должно замѣтить, что дѣйствія без-

умнаго, несобразнаго разуму, тогда только дѣлаются смѣшными для него, когда онъ переходитъ къ разумнымъ дѣйствіямъ. Человѣкъ, въ то самое время, когда дѣйствуетъ, смѣшнымъ самому себѣ быть не можетъ. Надобно, чтобы сознание его возшло градусомъ выше, и тогда только онъ можетъ на самага себя взглянуть съ смѣшной точки зрѣнія. Такимъ образомъ, чѣмъ выше элементъ разумный, тѣмъ выше сознание смѣшнаго въ элементъ неразумномъ.

Жанъ Поль, опредѣливъ такимъ образомъ сферу смѣшнаго и самое смѣшное, переходитъ къ источнику удовольствія, который въ смѣшномъ заключается. Въ чемъ же этотъ источникъ? Конечно, говоритъ Жанъ Поль, не въ тѣлесномъ нашемъ удовольствіи: щекотаніе производитъ, можетъ быть, иногда дѣйствіе пріятное, но если оно продолжится, то этотъ смѣхъ становится мученіемъ для человѣка. Если бы удовольствіе смѣха заключалось въ тѣлесномъ удовольствіи, то и смѣхъ истерической доставлялъ бы удовольствіе, а между тѣмъ онъ есть страданіе. Англичанинъ Гоббесъ объяснялъ это удовольствіе изъ удовлетворенія гордости человѣческой. Человѣкъ, который смѣется надъ неразумнымъ, удовлетворяетъ какъ бы своему внутреннему сознанию, разуму, слѣд. тѣмъ потышааетъ свою гордость. Жанъ Поль Рихтеръ возражаетъ на мнѣніе Гоббеса замѣчаніемъ, что чувство гордости есть скорѣе чувство важное въ человѣкѣ. Смѣющійся, напротивъ, добросердеченъ и готовъ самага себя поставить на ряду съ тѣмъ, чему смѣется. Дѣти и женщины смѣются чаще и охотнѣе. Добродушный и смиренный до безличности Арлекинъ смѣется надъ всѣмъ; гордый же Мусульманинъ не будетъ смѣяться ни надъ чѣмъ. Люди смѣющіеся любятъ, чтобы съ ними вмѣстѣ смѣялся всякій, а гордецы не таковы. Они наслаждаются гордостью своею въ самоуслажденіи своей личности, и этого чувства ни съ кѣмъ не раздѣляютъ. Удовольствіе въ смѣшномъ можетъ происходить не отъ недостатка доброты въ человѣкѣ, но отъ присутствія добра. Элементъ этого удовольствія заключается въ свойствѣ игры нашего разума, особенно въ остроуміи, — въ свойствѣ того, что Нѣмцы называютъ *Witz*, и въ какомъ-то нервнѣйшемъ

состояніи чловѣка между горемъ и радостію, ибо смѣхъ нельзя назвать совершенною радостію: въ немъ есть ошущеніе лишенія, недостатка.

Нельзя не согласиться, что всѣ эти замѣчанія чрезвычайно глубоко, извлечены изъ психологическихъ наблюдений надъ чловѣкомъ. Въ дополненіе къ тому, что говоритъ Жанъ Поль, я считаю за нужное привести нѣсколько словъ изъ того Русскаго писателя, который въ наше время владѣеть скипетромъ смѣшнаго въ комедіи, и потому въ своихъ сочиненіяхъ представилъ намъ много данныхъ для нашей теоріи. Я разумю — *Гоголя*. Прочтемъ заключительныя слова изъ «Театральнаго разъѣзда.»

....«Мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное, благородное лицо былъ — смѣхъ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтъ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозванье комику, прозванье холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усумниться въ присутствіи живыхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ, я служилъ ему честно и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительный и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болезненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы чловѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-бьющійся родникъ его, но который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проникающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ чловѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы передъ нимъ въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: неужели есть такіе люди? тогда какъ, по собственному сознанью его, бываютъ хуже

людей. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто смѣхъ возмущаетъ. Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человека, бывъ представлено въ наготѣ своей; но озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто понесъ бы мщеніе противу злобнаго человека, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его. Несправедливо говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современикъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боятся даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтъ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ, можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: что смѣшно, то низко, говоритъ свѣтъ; только тому, что превносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названіе высокаго....»

«Во глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной, могучей любви. И почему знать, можетъ-быть будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человекъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ, въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтъ!....»

Теперь постараемся въ изслѣдованіи собственномъ коснуться тѣхъ вопросовъ, которые ускользнули отъ вниманія нашихъ предшественниковъ въ теоріи смѣшнаго.

Разсматривая виды положительно-изящнаго, мы замѣчаемъ, что въ природѣ и искусствѣ есть предметы, которые по своему внутреннему и внѣшнему совершенству могутъ быть названы положительно-изящными. Таковы предметы *высокаго* и *прекраснаго*, или того, что мы называемъ *милымъ*. Но есть другіе предметы, которые носятъ на

себя печать недостатка, несовершенства, и не смотря на то, допускаются въ міръ изящнаго. Таковы предметы *смѣшнаго* и *ужаснаго*. Весьма замѣчательно, что міръ изящнаго такъ разнообразенъ, что онъ допускаетъ въ себя не только тѣ предметы, которые означены печатью совершенства, но даже и тѣ, которые имъ совершенно противорѣчатъ. Изслѣдованіе наше объ этихъ предметахъ должно состоять въ томъ, чтобы рѣшить: на чемъ можетъ основываться наслажденіе, ими доставляемое? этотъ вопросъ предложилъ и Ж. П. Рихтеръ, но онъ не совсемъ удовлетворительно разрѣшилъ его. Какимъ образомъ несовершенства допускаются въ міръ изящнаго и, дѣйствуя въ противоположность тѣмъ совершенствамъ, которыя изящное представляетъ, могутъ удовлетворять закону, который мы ставимъ для положительно-изящнаго, водворяющаго гармонію въ души нашей? Сравнивая виды положительно-изящнаго съ видами отрицательно-изящнаго, мы можемъ замѣтить, что первые находятся какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ. Что же касается до вторыхъ, то мы видимъ, что смѣшнаго въ природѣ нѣтъ. Оно принадлежитъ только человѣку. Если мы и смѣемся иногда надъ нѣкоторыми животными, то въ такомъ только случаѣ, когда примѣняемъ ихъ свойства къ человѣку. Въ этомъ смыслѣ и неодушевленная природа иногда подлежитъ нашему смѣху. На всемъ этомъ основана возможность *Басни*. Неодушевленная и животная природа тогда только подаетъ поводъ къ смѣху, когда человѣкъ влагаетъ, такъ сказать, въ нее разумную душу, и то, что принадлежитъ человѣку, переноситъ въ міръ вещей. Собственно же смѣшнаго въ природѣ нѣтъ, да и быть не можетъ; потому что все въ природѣ необходимо и слѣдуетъ одному, своему, установленному закону. Почему же въ человѣкѣ есть смѣшное и откуда оно произошло? Чѣмъ отличается человѣкъ отъ природы? — Своею свободою. Ему принадлежитъ разумная и нравственная свобода. Откуда же происходитъ смѣшное? Конечно, отъ злоупотребленія свободы произошло оно, какъ и всякое несовершенство. Но несовершенство въ человѣкѣ двояко. Злоупотребленіе свободы нравственной произ-

вело зло нравственное, которое не может быть предметом смѣха, ибо смѣхъ надъ зломъ, какъ зломъ, былъ бы вреденъ. Въ этомъ отношеніи нужно отдать честь глубокому замѣчанію Ж. П. Рихтера. Злоупотребленіе свободы нравственной отозвалось и въ разумъ неразумнымъ, глупостью, дурачествомъ, и вотъ что собственно составляетъ предметъ смѣшнаго. Однако мы смѣемся и надъ пороками, и надъ страстями, и надъ всякимъ зломъ человѣческимъ. Это такъ. Но мы смѣемся надъ ними по столько, по сколько пороки наши представляютъ глупость, дурачество наше, а не по столько, по сколько онѣ намъ вредны. Въ самой комедіи, по сколько неразумное связано съ нравственнымъ, по столько и комическое граничитъ уже съ трагическимъ.

Вотъ почему Гоголь говоритъ, что за смѣхомъ комедіи скрываются въ душѣ слезы, и онѣ скрываются въ душѣ каждаго добраго и честнаго гражданина, который смѣется наружно надъ неразумными пороками въ обществѣ и внутренно скорбитъ о томъ вредѣ, который ими наносится и ближнему его и ему самому.

Это опредѣленіе смѣшнаго примѣнимъ къ некоторымъ примѣрамъ изъ произведеній отечественной словесности. Но прежде нежели говорить о произведеніяхъ художественныхъ нашей литературы, обратимъ вниманіе на то: какъ Русскій простолюдинъ, предаваясь своей врожденной ироніи, смотритъ съ комической стороны на самаго начальника зла — на дьявола. Русскій человѣкъ, истинный, неизмѣненный никакимъ вліяніемъ, называетъ дьявола просто дуракомъ. Онъ смѣется надъ нимъ и выражается такъ: «дуракъ самъ въ ямѣ сидитъ, да и людей за собою туда же въ нее тащитъ.» Вотъ настоящая, можно сказать, теорія зла и смѣшнаго въ комедіи, выраженная простыми рѣчами Русскаго человѣка-комика. Благо бы было человѣку, если бы онъ увѣрился въ томъ, что зло есть величайшая глупость, величайшее дурачество, если бы увѣрился въ этомъ особенно намъ современный человѣкъ, который такъ высоко цѣнитъ разумное и такъ сильно этою способностію развивается. Должно сказать, что и въ произведеніяхъ нашей словесности этотъ глубокой смыслъ Русскаго пониманія смѣшнаго и зла въ комедіи олицетворился

въ комедіяхъ нашихъ и въ той части вообще поэтическихъ произведеній, которыя изображаютъ недостатки человѣческіе въ нашей Русской природѣ. Такъ *Фонъ-Визинъ* въ своемъ *Недоросль* и *Бригадиръ* представилъ намъ все неразуміе невѣжества, которое не признавало воспитанія, и то неразуміе, которое считало образованіемъ одно слѣпое подражаніе иностранному, выражаемое только во внѣшности, въ формѣ. Чтò доставляетъ намъ наслажденіе въ комедіяхъ *Фонъ-Визина*, какъ не эти неразумныя рѣчи всѣхъ дураковъ и нисшаго и высшаго общества, которые выведены и въ *Недоросль* его и въ *Бригадиръ*? Нельзя не удивляться его генію въ томъ, какъ онъ умѣлъ изъ человѣческихъ глупостей соткать художественное цѣлое и извлечь наслажденіе, — какъ онъ умѣлъ сосредоточить все это неразумное и нелѣпое для того, чтобы мы сами въ себѣ ощутили сильнѣе способность быть разумными: ибо комедія, представляя намъ въ смѣшномъ видѣ неразумную сторону общественной жизни, тѣмъ самымъ способствуетъ возвышенію разумной стороны нашего существа. *Капнистъ*, хотя не съ такимъ талантомъ, какъ *Фонъ-Визинъ*, представилъ все неразуміе неправосудія въ обществѣ гражданскомъ. Должно сказать, что «*Ябеда*» не производитъ на насъ такого впечатлѣнія, какъ комедія *Ф. Визина*, потому что комедія *Капниста* имѣетъ гораздо болѣе важный и суровый характеръ, и походитъ во многихъ мѣстахъ скорѣе на трагедію, чѣмъ на комедію. *Крыловъ* въ своихъ басняхъ представилъ намъ всѣ неразумныя стороны, взятыя по мелочамъ. Басня *Крылова* есть поэзія здраваго разсудка; а потому все то, чтò противорѣчитъ ему, такъ мастерски и такъ мѣтко было имъ обличено. *Грибодовъ* представилъ намъ всю неразумную пустоту свѣтскаго общества, которое занято одною внѣшнею формою жизни и раздѣляетъ ее на три дѣйствія: на приготовленіе къ балу, на самой балъ и на толки послѣ бала, и какъ будто рѣшительно не признаетъ никакой иной цѣли существованія. Этого безцѣльность, эта пустота жизни поражаетъ насъ въ «*Горь отъ ума*» и тѣмъ болѣе разительно, что среди этого общества, безъ цѣли существующаго, пустаго, занятаго одними сплетнями и пересудами, является человѣкъ даровитый, съ

образованіемъ, сочувствующій и своему отечеству и образованію народовъ иноземныхъ, намъ предшествовавшихъ въ немъ, и этотъ умный человѣкъ, среди пустаго общества, терять свой умъ, является самъ какъ будто безумнымъ. Вотъ то отношеніе, которое, по моему мнѣнію, существуетъ между Чапкинъ и тѣмъ обществомъ, которое его окружаетъ. Умный человѣкъ, дурьющій посреди неразумнаго общества и наружно теряющій сокровище, Богомъ данное ему, разумъ—вотъ главное дѣйствіе комедіи Грибоедова, относительно къ ея герою. Гоголь въ своемъ Ревизорѣ представилъ намъ некакой-нибудь городъ, какъ самъ онъ выражается, но сборное мѣсто, куда съ разныхъ сторонъ нашего отечества стеклись злоупотребленія, пороки, которые поэтомъ въ разныхъ углахъ Россіи замечены. Никто изъ Комиковъ нашихъ не доводилъ нелѣпости речей до такой чудной поэзіи, до какой доводилъ ее Гоголь.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: какъ же изображеніе всѣхъ несовершенствъ въ человѣкѣ, — его неразумія, столько унижающаго его природу, которая самимъ Богомъ сотворена разумною, можетъ доставлять наслажденіе художественное человѣку, и какимъ образомъ здѣсь исполняется тотъ законъ, который мы ставимъ относительно впечатлѣній, производимыхъ на насъ изящнымъ, а именно: возвышеніе въ насъ чело-вѣческой природы? Изъ примѣровъ, выше приведенныхъ, самъ собою рождается отвѣтъ на него: чѣмъ полнѣе, чѣмъ ярче представляетъ намъ комедія неразумную сторону существа нашего, тѣмъ сильнѣе въ сознаніи нашемъ, возбуждаетъ идею разумнаго существа,—Богомъ опредѣленнаго бытія нашего. Въ этомъ хохотѣ, въ которомъ человѣкъ предастъ все неразумное бытія своего уничтоженію, яснѣе создается и возникаетъ идеалъ противоположнаго бытія, бытія разумнаго. Чѣмъ искреннѣе смѣется человѣкъ надъ неразумною своею стороною, тѣмъ полнѣе сознаетъ возможность разумной своей стороны. Вотъ откуда объясняется то наслажденіе, которое доставляетъ намъ изображеніе неразумнаго, и вотъ то плодотворное сѣмя, которое кладетъ комедія въ нашу душу. Вотъ и художественное ея дѣйствіе и нравственная ея польза; обѣ онѣ здѣсь ясно совмѣщаются и должны совмѣщаться. Это сознаніе разумнаго

совершенства, какъ противодѣйствіе, вызываемое смѣшнымъ зрѣлищемъ неразумнаго, и объясняетъ намъ то возвышеніе нашей природы и то гармоническое впечатлѣніе, которое водворяется въ насъ при созерцаніи комическаго. Здѣсь же заключается и различіе, которое должно признать между смѣхомъ фарса и смѣхомъ комедіи, смѣхомъ пустой шутки, и истинно комическимъ смѣхомъ художественнаго произведенія, — что нерѣдко смѣшивается по обычаю нашей сцены: давать вмѣстѣ съ комедіею пустой фарсъ, не только на равныхъ правахъ, но даже иногда и съ уступкою въ пользу фарса. Смѣхъ фарса есть смѣхъ пустой, забавный, скоропасающий, преходящій и внутри холодный; смѣхъ комедіи, напротивъ, есть смѣхъ глубокій, скрывающій слезы, имѣющій всегда истинно-важное значеніе и, какъ мы сказали, смѣхъ, очищающій челоуѣка отъ всего неразумнаго въ пользу разумнаго. Однимъ изъ вѣрныхъ средствъ — отличать смѣхъ фарса отъ смѣха комедіи, признать должно время. Фарсы безпрестанно рождаются на сценѣ, особенно въ Парижѣ, оттуда переходятъ на другія сцены, и скоро исчезаютъ, какъ эфемерныя насекомыя въ міръ литературномъ. Фарсъ, который смѣшилъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ тому назадъ, не смѣшитъ болѣе и пройдетъ, тогда какъ комедія истинно-художественная заключаетъ въ себѣ хохотъ всегда живущій. Комедіи Аристофана, которыя связаны съ народомъ Грецкимъ одними условіями жизни и которыя для насъ въ этомъ отношеніи совершенно чужды, останутся смѣшными, какъ смѣшно всякое неразуміе челоуѣческое, въ какомъ бы оно народѣ ни происходило. Такъ до сихъ поръ дѣйствуютъ на насъ комедіи Мольера и будутъ дѣйствовать комедіи всякаго истиннаго художника, — а потому оселкомъ для того, чтобы отличить комедію художественную отъ комическаго фарса, — можетъ служить время.

С. Шевыревъ.

ПРОЕКТЪ ЗАВОЕВАНІЯ АМЕРИКИ, ПОДАВННЙ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Проектъ о завоеваніи Его Цесарскому Величеству Велико-російскому зѣло великихъ и богатыхъ земель съ почтени-емъ за секретъ предлагаемой.

Извѣстіе.

Какія земли обрѣтаютца въ Зюйдной сторонѣ Америки въ Магелланіи, Урагвои, Гванре, Парана, въ срединѣ Бразиліи и Амазонахъ съ Гвіаною, числомъ болше 80 королевствъ, княжествъ, провинцій и народовъ, которыя по се число ни отъ какого Европскаго Короля не завоеваны, но волны; отъ болшей части плодородныя, подъ здравымъ воздухомъ, богаты металлами и легко можно завоевать и которыя видятся для Цесарскаго Величества Російскаго сохранены быть, къ завоеванію и владѣнію. Жители оныхъ приведены отчасти во христіанство чрезъ духовныхъ проповѣдниковъ, а болшая часть есть еще невѣрныхъ, въ картѣ желтою и спенею краскою означенныя.

И что здѣсь наивлщаго примѣчанія достойно, есть сіе, что въ тѣхъ земляхъ находятца многія драгоцѣнныя товары, яко сахаръ, кока, кошинець (канцеларіи семя), индиго (краска крутикъ), табакъ, кожи, шерсть, ленъ, шолкъ и пенка; такожъ мѣдь, желѣзо, сляинець, олово, селитра, пикъ, ртуть. А особливо находятся въ Малдонадахъ, Тупинамбахъ, Гваяне, и протчихъ зѣло богатыхъ мѣшъ золотыя и серебряныя въ прензобліи, такожъ золотой песокъ въ землѣ и во многихъ рѣкахъ и жемчужная ловля.

Авторъ сего проекта въ молодости своей въ тѣхъ земляхъ многія лѣта бывъ, и прохавъ, усмотрилъ, что тамъ знатныхъ крѣпостей нѣтъ и презобиліе въ пищу и многія жители зѣло склонны подъ владѣніемъ сильнаго Европейскаго Короля быть и совершенно поддадутца, коль скорѣ надлежашая Европейская армейка туды прибудеть, не занимаемая ни Гишпанскихъ, ни Португальскихъ мѣсть, которыя близко граничатца.

Способы.

Къ тому бѣ было потребно: 12000 салдаты съ 4000 драгунъ; лошади тамъ найдутся.

60 болшихъ транспортныхъ кораблей, 30 меншихъ для рѣкъ.

10 военныхъ кораблей для конвоя и ружье на 40000 человекъ.

Провіанту на 8 или 9 мѣсяцевъ, хотя обыкновенно въ 3 мѣсяца перейти можно.

Аммуниціи и военныхъ инструментовъ по размыру.

Наличныхъ денегъ взять надлежитъ 400,000 гуленовъ на фортификаціи, свѣжей провіантъ, новыя наборы, корреспонденціи и награжденіе и прочее.

Учителей, офицеровъ, купцовъ инженеровъ, плотниковъ и прочихъ.

И понеже его Цесарское Величество всѣ тѣ способы имѣеть, то оная экспедиція не во много станеть и все возвращено будеть. И какъ оное войско въ 3 или 4 мѣсяца туды прибудеть, то можно оныя земли, а наипаче богатѣйшія въ 2 или 3 года завоевать.

Прибыли.

Что касается до всѣхъ прибылей, которыя Его Величество и его подданныя изъ сихъ земель получить могутъ, будутъ зѣло велики и между другими сіи слѣдующія.

1. Его Цесарское Величество можетъ тамъ изъ доходовъ той земли содержать 60 или 80 тысячъ салдатовъ и рейтаровъ, такожъ 40 или 50 военныхъ кораблей, которыя и во Европѣ отчасти службу чинить могутъ.

2. Изъ волотыхъ и серебряныхъ минъ можно по вся годы многія миллионы гулденовъ получить.

3. Съ кждаго индіанца ежегодно по ефимку, что также нѣсколько миллионовъ гулденовъ сочинить.

4. Съ каждой плодородной четверти земли по $\frac{1}{2}$ гулдена на годъ.

5. Роздавать многія богатыя губерніи.

6. Изъ своихъ собственныхъ поселеній брать желѣзо, юхъ, лѣсъ, и пенку на корабли, шерсть, ленъ, селитру, на войско въ Лифляндіи.

7. Коммерць Коллегія въ Петербургъ можетъ одна туды торговать, чрезъ способы жалованныхъ грамотъ и правъ многія денги въ казну Его Величества получить.

8. Можно изъ оныхъ земель вывозить множество шолку, пита, пенки, льну, шерсти, выбайки въ Петербургъ въ дѣло; и манифактуры изъ нихъ здѣланныя можно паки возить въ индѣйскія земли и тамъ продавать со многою прибылью; а за то паки вывозить сахаръ, табакъ, кошинець, и прочее и во всѣ Европскія земли возить и продавать чрезъ Коммерць Коллегію Петербургскую.

9. Потомъ можно лутчей договоръ учинить съ Гишпанією и Португаллією для торговли въ Перу и Бразиль.

10. Можно чрезъ тотъ способъ много способныхъ матрозовъ и кораблей имѣть.

11. Можно тамъ 2-хъ или 3-хъ патріарховъ держать и вицеровъ, дабы и духовная польза тѣхъ народовъ произведена была.

12. Можно возвратить всѣ протори сей экспедиціи и многія подати ежегодно собрать.

Итакъ сей авторъ уповаеть, что все то въ тѣхъ земляхъ и во Европѣ Цесарю и его подданнымъ; на всякой годъ по 80 миллионовъ гулденовъ прибыли принесеть. А хотя и половина завоевана будетъ то близъ 40 миллионовъ принесеть. И въ краткомъ времени можно изъ тѣхъ земель вывозить по 80 и 100 тысячъ салдатъ во Европу или въ Азію противъ Турковъ или Персіанъ для вспоможенія къ завоеванію многихъ земель и городовъ его Цесарскому Величеству

Російскому и ко освобожденію многихъ тысячъ христіанъ изъ неволи и къ поправленію враговъ христіанскихъ.

З а к л ю ч е н і е.

Авторъ сего дѣла не сумнѣваетца, чтобъ его Высокоцесарское Величество не изволилъ сей экспедиціи такого малаго иждивенія, совершеннаго слѣдованія и толикой пользы исполнить, а особливо когда вящее изъясненіе и подлинность получить, которое оной авторъ подать готовъ, ежели того востребуютъ. Такожъ въ готовности обрѣтается съ любви къ славы и наввающей пользѣ высокопомянутого Его Цесарскаго Величества со всякою прилѣжностію, твердостію и вѣрностію вспомогать исполнить.

Но потребно есть, чтобъ сіе великое дѣло въ самой тайнѣ чинено было, подѣ чужимъ имянемъ исполнено и все въ Юль мѣсяцѣ въ готовности было.

Такожъ имѣть 12-ти Російскимъ господамъ каждому земля дана быть толь велика, какъ Голландія, въ графство, противъ дачи погодной подати Его Высокопомянутому Величеству. И еще 12-ти другимъ господамъ, которыя совѣтомъ и дѣломъ сію экспедицію произвестъ вспомогать будутъ; и каждой сверхъ податей Цесарю и въ Коммерцъ Коллегію имѣть обязанъ быть въ Петербургъ полаты и сто дворовъ построить.

Переводилъ Петръ Ларіоновъ,

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ проэктъ, случайно встрѣтившійся намъ въ числѣ разныхъ бумагъ XVIII столѣтія, поданъ былъ Петру Великому. Къ сожалѣнію имя автора неизвѣстно; но вѣроятно онъ былъ Голландецъ, потому что оригиналъ, съ котораго въ то время слѣзанъ предлагаемый переводъ, писанъ на Голландскомъ языкѣ. Времени, когда былъ поданъ проэктъ, мы также не знаемъ; можно впрочемъ догадываться, что это было около двадцатыхъ годовъ XVIII столѣт., и можетъ быть не задолго до кончины Государа.

Вмѣстѣ съ проэктомъ представлена была карта, о которой упомянуто въ началѣ; но она не сохранилась.

И. Забѣлинъ.

ПИСЬМО ГЕРЦОГА КАРЛА ВИРОНА КЪ Г. ШУВИНУ*.

Государь мой Иванъ Алексѣевичъ.

Въ то же время, какъ мы пріѣхали, то Государя не было въ Петербургъ, а на встрѣчу ѣздилъ весь дворець, ибо Ея Высочество Герцогиня Голштинская прібыла. И такъ какъ она и принцессы....** получили орденъ Екатерины Кавалерія, а Его Величество Король Прусской прислалъ Кавалерію къ нашему Императору, и Его Величество цѣлой день носили, и пальба до 4 часа послѣ полуночи продолжалась; и видно, что миромъ пахнетъ. Нонича новой штатъ вышелъ всѣмъ гвардіямъ, и этотъ корпусъ убавится. И слышно, что и штатъ новой сочиняютъ о другихъ чинахъ, и будто дворянамъ воля будетъ погодно выбирать воеводоу, однако донныя еще неготово. Матушкѣ Икилиной (Акулинь) Максимовнѣ мой всенижайшій поклонъ. А теперь еще сутки нѣтъ, что пріѣхали. То и люди, обозъ, отстали. Не успѣлъ послать табаку, а непременно пришло. Сударку моему сто разъ обвиняю, то есть сынъ вашъ. О нашемъ домѣ Шишкинъ предъ отъездомъ своимъ въ Сенатъ представлялъ для монетнова дворца, и намъ сказывали, что сперва очень насъ и васъ поносили, а послѣ очень хвалили. Что съ нами возпослѣдуетъ, буду тебя моего друга увѣдомлять, и сердечно радъ всегда вамъ служить, только пиши и прикажи, а мнѣ время нѣтъ болѣе писать. Карлъ Принцъ Б.

ПИСЬМО ГЕРЦОГА ПЕТРА ВИРОНА КЪ НЕМУ ЖЕ.

Государь мой Иванъ Алексѣевичъ. Имѣющіяся мои деньги сто рублевъ на Иванъ Алексѣевичъ Толбухинъ прошу оныя отъ него принять и употребить на расходъ оставшимся нашимъ людямъ, а что за расходомъ останется пожаловать къ намъ переслать. Впрочемъ остаюсь съ моимъ почтеніемъ вашъ Государя моего покорный слуга Peter CR. Curland.

1762 года 11 Марта. Ярославль.

* Правописаніе исправлено. Подлинники въ древлехранищѣ М. П. П.

** Здѣсь стоитъ слово изъ трехъ буквъ, изъ коихъ средняя есть и. Можетъ быть ейя, вмѣсто ея.

П И С Ь М О

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТИХОНА, ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО,

о примиреніи.

Высокородный Господинъ Н. В—чь,

мнѣ о Христвѣ братъ любезнѣйшій.

Слышно, что у васъ судъ былъ съ капитаномъ **Ө. Л-ымъ**, яко бы онъ какимъ то словомъ обезчестилъ васъ, и сей **Л-нъ** уже давно умре; слышно также, что покойный къ вамъ посылалъ просить прощенія, и вы, не простивъ его, нынѣ на сынъ его ищете безчестія. Ежели то правда, прошу терпѣливо послушать, и по совету моему учинить. Знайте, что памятозловіе первая въ чловѣкѣ корысть діаволу, и онъ ни о чемъ такъ не радуется, какъ о злобномъ сердцѣ, ибо памятозлбный чловѣкъ отъ Бога въ согрѣшеніи прощенія не получаетъ, понеже самъ не прощаетъ. Такъ Христосъ научаетъ во Евангеліи (Матѳея главы 6): Аще не отпустите чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ не отпуститъ согрѣшеній вашихъ. Какъ и молиться будете Богу: «Остави намъ долги наши; якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», если сами не оставляете? Братъ нашъ такоже, какъ и мы; онъ словомъ обезчестилъ насъ, осморбилъ: а мы черви, земля, пепель, грязь смрадная — Бога Создателя, своего Господа, великаго и страшнаго, котораго сами силы небесныя ужасаются и трепещуть, на всякъ день сколько разъ прогнѣваемъ? Какого убо мы надѣемся получить отъ Бога прощенія, когда мы подобныхъ себѣ не прощаемъ? Другъ другу согрѣшаемъ, другъ друга и про-

щать должно. Прочитайте притчу у Матвея Евангелиста въ 18 главѣ; написанное къ концу главы страшно слышать таковымъ, кои долговъ ближнимъ не оставляютъ.

Вотъ вы знаете и то, что и вы умрете, а когда, неизвестно; можетъ быть, или сегодня или завтра и что жъ, когда въ сей злобъ смерть застанетъ Д-нъ свое смиреніе показалъ, и ваше безчестіе тѣмъ наградила; а что просилъ у васъ прощенія, и тѣмъ у васъ изъ долгу вышелъ, чего жъ вы болѣе ищете теперь? На васъ тотъ долгъ лежитъ, чтобъ брату своему отпустить. Ежели же не оставите и въ долгу семъ умрете, какой у Бога милости надѣетесь? А сынъ Д-нъ вамъ въ чемъ виновать? Когда бъ вы искали долгу денежнаго: то должно сыну за отца отвѣчать и платить; понеже сыну отцовское имѣніе осталось. А то отецъ обезчестилъ, а на сынъ безчестія ищете; будто сынъ сообщникъ въ безчестіи отцу былъ и научалъ отца! Чему статья не можно. Прошу покорно, оставьте, разсѣйте весь злопомыслия узелъ; простите брату согрѣшеніе, оставьте покойному долгъ; или паче, свой долгъ съ себя сложите и не останьтесь въ долгу до смерти, а съ сыномъ его, яко съ невиннымъ, помиритесь Бога ради!

Повѣрьте, что все сіе происходитъ отъ бѣса, который людей приводитъ ко враждѣ. Оплюйте убо вы сего шепчущаго непріязненна духа, мысль отмстительную влагающаго; а послушайте Христа Спасителя нашего, миросодѣтеля, который и о своихъ распинателяхъ ко Отцу небесному молился, и намъ тоже дѣлать повелѣлъ, глаголя: «Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите кленущія.» Простите ближнему, да сами отъ Христа прощеніе получите, а какого прощенія надѣетесь, ежели сами не прощаете? Тотъ, на кого вы нынѣ обратили гнѣвъ свой,—сынъ умершаго отца, со смиреніемъ къ вамъ придетъ, и будетъ просить прощенія. Ежели съ нимъ помиритесь, будетъ ваша любовь до смерти поминаться. О нашемъ мирѣ ваши друзи возрадуются, рабы ваши васъ возлюбятъ, прочіе сосѣди ублажатъ, сатана будетъ мучиться, (ибо Христіанская любовь зло его мучитъ, какъ вражда

увеселяеть), Христа сыну Божию, мира любителю, будетъ благоугодно. Я недостойный вашъ Пастырь, услышавъ, буду благодаренъ, и духомъ возрадуюсь, и ваше милостивое имя въ памяти запишу. Сдѣлайте жъ сію милость; въ чемъ первыхъ себя, чтобъ вамъ тѣмъ самымъ отъ Бога милость получить; потомъ брату своему, со смиреніемъ приходящему, чтобы успокоиться; и мнѣ сдѣлаете милость, ибо желаніе мое исполните. Богъ милостивый и мироподатель да умягчитъ и преклонитъ ваше сердце. Сіе вамъ по должности своей написахъ. — Каждый искомья милости да получить! Вотъ вамъ посылаю Пресвятый образъ Спасителя моего и твоего; чрезъ сіе имя молю васъ. Сіе имя Ангеломъ дивно, Апостоламъ, Мученикамъ, Святителямъ и Преподобнымъ любимо, намъ грѣшнымъ сладко; понеже о немъ намъ только и надежды и упованія. Оставьте памятозлобіе, я васъ прошу о семъ по своей должности. И когда сіе исполните, меня одолжите; понеже мнѣ польза будетъ, когда вы примиритесь. Впрочемъ симъ заключаю: Сія моя худая бумажка и недостойная мнѣ во свидѣтельство, вамъ во избличеніе будетъ на страшномъ судѣ Христовомъ. А когда вамъ кто противное сему посовѣтуетъ, не слушайте его; отъ духа то лукаваго происходитъ. Прочитайте все Евангеліе, и все имѣете увидѣть. До отвѣтнаго письма остаюсь,

Ваше Высокоблагородіе,

моего милостиваго Государа покорный слуга, недостойный молитвенникъ, недостойнѣйшій Епископъ Воронежскій Тихонъ.

Декабря 4 дня,

1764 года.

Воронежъ.

(Сообщ. И. М. Снегиревымъ)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ ВЪ 1850 ГОДУ.

(Учено-литературный журналъ, издаваемый А. Краевскимъ.)

Мнѣніе Москвитянина объ О. З., прежнихъ и послѣднихъ, вообще, выражено было нѣсколько разъ и очень ясно. Мы представимъ здѣсь ихъ обзоръ только за прошедшій годъ, позволяя себѣ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній въ заключеніи.

Въ 1850 году помѣщено было въ Отечественныхъ Запискахъ много оригинальныхъ повѣстей; но много ли въ самомъ дѣлѣ выиграла здѣсь Русская литература? — Пересмотримъ ихъ. *Коломенская роза* — романъ изъ первыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія — В. Р. Зотова.

Зачѣмъ написанъ этотъ романъ? Была ли у автора потребность высказать какую-нибудь задушевную, тревожившую его мысль, или родились ли въ его душѣ живые образы, просившіеся неотступно на свѣтъ? Ни чуть не бывало. — Романъ написанъ потому, что такъ очень легко писать; что авторъ владѣетъ языкомъ, способностію (правда не хитрою) выдумывать оригиналовъ — въ родѣ Сижова, доктора Гржины и т. д.; — наконецъ потому, что есть многочисленный классъ людей, готовый читать, въ свободное время, что угодно, лишь бы описывались какія-нибудь происшествія. Соображая все это, не мудрено повѣрить, что авторъ дѣйствительно исполнить свое новое предпріятіе — и подарить Русской публикѣ небывалый по величинѣ романъ, *Старый Домъ*, котораго одинъ прологъ занялъ двѣ книги Отечественныхъ Записокъ прошлаго года. Что жъ? — Читатели, конечно, найдутся, — а больше чего же надо намъ въ промышленный вѣкъ?

Вотъ другая повѣсть: *Черный гость* — Бернета. Но это уже, собственно говоря, анекдотъ, и анекдотъ въ самомъ дѣлѣ любопытный, хотя и неправдоподобный. — Къ Г-ну Росникову ночью врывается маска и зоветъ его въ маскарадъ. Росниковъ соглашается. Тамъ съ нимъ происходятъ различныя исторіи, и наконецъ, въ чуждой шубѣ, каретѣ и съ чужой женой, онъ уѣзжаетъ въ чужой домъ. Принужденный бѣжать оттуда, онъ выходитъ уже въ своей шубѣ, въ своей

шляпъ и калошахъ. Это, на первый разъ, очень странное обстоятельство весьма, впрочемъ, удачно объясняется въ повѣсти. —

Другая повѣсть: Бернета *Не судите по наружности.* — Но пусть читатель самъ судить о ея достоинствахъ по слѣдующимъ двумъ отрывкамъ. Герой повѣсти, повытчикъ какого-то степцаго узднаго города, говоритъ съ Графомъ:

— Здравствуйте! сказалъ графъ, подступая ко мнѣ: — вы... повытчикъ?

— Повытчикъ, ваше сіятельство,

— У, да какой вы гигантъ!

— Передъ вашимъ сіятельствомъ я всегда маленькій человекъ.

— Ну, нѣтъ.... развѣ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отношеніяхъ. Я думаю, въ васъ вершковъ двѣнадцать?

— Ваше сіятельство двумя вершками извольте повысить.

— Стало-быть десять. И этаго слишкомъ-много. Славный ростъ, молодецкій ростъ! Впрочемъ извините. А какъ васъ звать?

— Не извольте, ваше сіятельство, объ этомъ беспокоиться; я и безъ зова буду навѣщать васъ.

— Не то: я желаю знать ваше имя, отчество и фамилію.

— Дѣдушка мой, Иларіонъ Пандіонъ, нарѣкъ своего единственнаго сына Родіонъ, а сынъ его Родіонъ Пандіонъ назвалъ единственнаго внука моего дѣдушки Иларіонъ.

— Стало-быть, вы — Родіонъ Иларіоновичъ Пандіонъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, Иларіонъ Родіоновичъ Пандіонъ!

— Такъ, такъ. Но обратимся теперь къ дѣлу. Мнѣ, господинъ повытчикъ, говорили, что у васъ прекрасная рука.

— Нельзя сказать, отвѣчалъ я простодушно, и, поднявъ лѣвую свою руку, растопырилъ ея пальцы какъ грабли.

— Экая огромная ручища! произнесъ графъ, улыбаясь: — да какая же она черная!

— Все оттого, ваше сіятельство, что я не прячу ея въ лайвовый футляръ.

— То-есть, вы не употребляете перчатокъ; что-же вы на рукахъ-то носите, калоши, что ли?

Не правда ли что это остроумно? И вотъ какъ рассуждаетъ тотъ же герой одинъ на свободѣ:

Плачь, бѣдная женщина, плачь! для тебя уже не возможно на землѣ полное, безматехное, цвѣтущее счастье! Никто уже тебя не подаритъ имъ, ничья сила не переимѣнитъ прошедшаго! И если когда-нибудь великодушная, мужественная любовь подастъ тебѣ вѣчно-неизмѣнную руку — все же по свѣтлому небу вѣшняго

нашего праздника станут пробвгать тёмныя облака мертвящихъ воспоминаній ; все же въ нашемъ неразрывномъ союзѣ будетъ съ одной стороны — ничѣмъ неоплатная жертва, съ другой — робкая, сознающая свое безсиліе благодарность ; все же гармоніи взаимныхъ вашихъ отношеній отзовется не торжественнымъ, радостнымъ гимномъ увѣнчанной добродѣтели и невинности , а только тихой , унылой мелодіей прекрасныхъ сердець , вокупившихъ одно другое !

По поводу этой повѣсти мы слышали одно очень дѣльное мнѣніе , — что въ произведеніяхъ такого рода нужно искать не эстетическаго, а психологическаго интереса — именно постараться възсоздать , для поученія публики , тѣ странныя душевныя процессы, каковыя оно создавалось въ душѣ автора. Но какъ ни любопытенъ бы былъ разборъ такого рода, мы не чувствуемъ себя въ силахъ взяться за него.

Къ числу странныхъ и неразгаданныхъ произведеній принадлежитъ также *Портретъ* — фантастическій рассказъ Т. Ч., автора впрочемъ съ талантомъ. Очевидно повредило художественности этой повѣсти какое-то странное направленіе, и сдѣлало этотъ фантастическій рассказъ совершенно непонятнымъ. Это какой-то бредъ, послѣ котораго кружится голова и больше ничего. А между тѣмъ нельзя не сознаться, что и въ этомъ бреду виднѣнъ талантъ.

Повѣсть Чернова *Двойникъ* нельзя пропустить безъ вниманія. Авторъ ея безъ сомнѣнія человекъ умный и чувствующій. Предметъ выбранный имъ для повѣсти не лишенъ живаго современнаго интереса. Но, что касается до формы, едва ли она идетъ къ внутреннему содержанию его разсказа. Мы очень далеки отъ мысли упрекать кого бы то ни было за избранную имъ форму. Собственно говоря, нѣтъ формы, которая бы не годилась вообще; но, когда произведеніе лежитъ предъ нами уже готовое, мы имѣемъ полное право судить объ удачномъ или неудачномъ выборѣ формы, и предполагать, что та же самая мысль стала бы яснѣе и сильнѣе, будучи выражена иначе. Судите сами, къ чему приданъ фантастическій колоритъ слѣдующему весьма простому дѣлу: Молодой человекъ рѣшается на крутой переломъ въ своей жизни; онъ хочетъ бросить свою

прежнюю *беззаботность*, разстаться съ юношескими, благородными, но, по его мнѣнію, непримѣяемыми къ практической жизни стремленіями, и идти по новому пути, гдѣ въ будущемъ ему видятся положенія въ обществѣ, удобства жизни, — хорошій столъ и т. д., — однимъ словомъ всё прочья, не мечтательныя наслажденія. Въ пользу своего обдуманнаго рѣшенія онъ успѣлъ уже принести жертву — это Вѣрочка, бѣдная дѣвушка, страстно его любящая. Онъ бросилъ ее потому, — какъ самъ говоритъ, — что она не имѣла никакого воспитанія, что она не могла слѣдовать за нимъ въ ту сферу жизни, куда влекли его сильныя желанія и страсти, проснувшіяся съ годами. Идя послѣдовательно, онъ женится на скромной дѣвушкѣ изъ хорошаго семейства, беретъ выгодное мѣсто, нанимаетъ хорошую квартиру; но скоро оказывается, что для достиженія новой избранной имъ цѣли недостаетъ, ни женинаго приданаго, ни жалованья, получаемаго съ выгоднаго мѣста; а между тѣмъ онъ уже слишкомъ затаяулся: новое положеніе въ свѣтъ, новыя связи имѣютъ свои требованія, для выполненія которыхъ нужны деньги. Гдѣ взять ихъ? — Остаются такъ издаваемые неблагородныя средства. Герой нашъ останавливается на минуту предъ этимъ пожертвованіемъ; но ему нѣтъ ни откуда поддержки. Тестъ и теща прямо намекаютъ ему на эти неблагородныя средства; женѣ то же хочется непремѣнно дачи. Тогда онъ падаетъ окончательно. — Конечно, вся эта постепенная борьба можетъ быть не лишена драматическаго интереса; но вы все-таки видите, что это самая пошлая, обыкновенная исторія. Человѣкъ съ художественною способностію могъ бы конечно и изъ этого предмета сдѣлать хорошую повѣсть. Онъ вывелъ бы на сцену нѣсколько живыхъ, дѣльно задуманныхъ лицъ, взялъ бы для этого типы, представляемые современнымъ обществомъ, въ основаніе подожилъ бы характеръ своего героя, и изъ естественнаго столкновенія между собой этихъ лицъ — стройно и послѣдовательно простекло бы то событіе, которое взято Г. Черновымъ за основу его повѣсти. Но всего этого авторъ, повидимому, не могъ сдѣлать, и потому онъ

принужденъ былъ вывести на сцену двойника, что-то весьма темное, — доктора Морица; наконецъ, все это изложить въ видѣ записокъ (способъ, замѣтимъ, самый удобный для тѣхъ, кого не стаётъ на созданіе характеровъ). Только посредствомъ всѣхъ этихъ искусственныхъ мѣръ, успѣлъ онъ достигнуть до того, что повѣсть читается съ интересомъ, хотя какимъ-то лихорадочнымъ. Что касается до достоинствъ повѣсти, то мы уже сказали объ нихъ въ началѣ. Достоинства эти принадлежать болѣе лицу автора, проглядывающему во всей повѣсти.

Графъ Соллогубъ помѣстилъ въ Отечественныхъ Запискахъ прошлаго года два произведенія: *Бѣда отъ нѣжнаго сердца*, комедія-водевиль, и *Старушка*—повѣсть. О комедии-водевилѣ можно сказать развѣ только то, что, благодаря талантамъ актеровъ, она имѣла успѣхъ на Петербургской и Московской сценахъ. Что касается до художественнаго достоинства этой комедіи, то вѣроятно и самъ авторъ не приписываетъ ей въ этомъ отношеніи большаго значенія. Особенно поражаетъ въ этомъ водевилѣ слѣдующее обстоятельство: женскія лица и отношенія между ними писаны съ явной претензіей на правдоподобность, и въ самомъ дѣлѣ намекаютъ на нѣчто, дѣйствительно существующее; тогда какъ самъ герой рѣшительно неправдоподобенъ, такъ, что трудно себя представить, какъ можетъ подобная вещь придти въ голову. Его же повѣсть: *Старушка*, можетъ служить образцомъ умѣнья ловко и занимательно разсказывать вещи, сами по себѣ представляющія очень мало интереса. — Принадлежи эта повѣсть другому писателю, неизвѣстному еще или малозвѣстному въ нашей литературѣ, мы бы конечно похвалили ее за легкое и живое изложеніе, наконецъ за похвальное желаніе выставить на показъ этотъ типъ старушекъ, эгоистическихъ и безчувственныхъ ко всему, что только не равно имъ по происхожденію. И этими достоинствами нельзя пренебрегать въ писателяхъ; но мы имѣли полное право ожидать отъ Графа Соллогуба чего-нибудь поважнѣе. По этому пусть не прогнѣвается онъ, если мы напомнимъ ему, что писатель, заинтересовавшій публику своимъ талан-

томъ и дорожащій мнѣніемъ читателей, долженъ быть строгъ къ самому себѣ въ выборѣ пьесъ для печатанія. — Знакомые уже давно съ произведеніями Гр. Соллогуба и его умѣемъ писать, мы вполне увѣрены, что ему ничего не стоить написать и еще нѣсколько рассказовъ въ родѣ *Старушки*; но печатать такія повѣсти, значить размѣнивать свой талантъ, и, ради легкости, уклоняться отъ своей настоящей дороги, указанной талантомъ, но, конечно требующей болѣе труда и вниманія.

Тьни прошлаго — повѣсть Т. Ч., читается съ большимъ удовольствіемъ: въ ней нравится и оригинальность формы и мысль, ловко проведенная чрезъ весь рассказъ. Мы познакомимся съ ея содержаніемъ: Герой ея, Сергій Сергѣевичъ Березовъ, одинъ изъ тѣхъ пустыхъ людей, которыхъ, подъ именемъ разочарованныхъ, выводятъ съ такою охотою въ своихъ повѣстяхъ наши писатели. Можно бы было замѣтить, что пора уже бросить это до крайности истертое и отчасти ходульное лицо, и обратиться къ типамъ, представляемымъ дѣйствительною современною жизнью; но дѣлать нечего — автору угодно было избрать его въ герои, и потому скажемъ нѣсколько словъ объ его характерѣ. — Сколько можно понять изъ не совсѣмъ полной отдѣлки этого лица, авторъ хотѣлъ представить человека довольно холоднаго, пустаго, преимущественно безхарактернаго, но не глупаго, и оттого скучающаго въ бездѣйствіи. Отличительная черта его состоитъ въ эгоизмѣ — въ постоянныхъ заботахъ о своей личности, доведенныхъ до такой степени, что онъ никакъ не умѣетъ жить въ настоящемъ, боится всякаго рѣшительнаго поступка, всякаго увлеченія, опасаясь связать себя чѣмъ бы то ни было и дрожая какой-то фантастической свободой. — Эта послѣдняя черта очень ловко подмѣчена авторомъ въ современномъ обществѣ. — Впрочемъ на немъ останавливаться долго не за чѣмъ: не художественность характеровъ составляетъ достоинство этой повѣсти, а, если можно такъ выразиться, элементъ лирической. Можетъ быть удивятся, если мы скажемъ, что *Тьни прошлаго* не повѣсть, а скорѣе лирическое произведеніе — а между

фильм это такъ. Въ этомъ разсказѣ нѣтъ даже дѣйствія — это рядъ картинъ, вызываемыхъ Березовымъ изъ его прошлой жизни; ему, скучающему жизнию, являются по очереди всѣ женщины, которыхъ онъ любилъ, или, лучше сказать, съ которыми онъ вступалъ въ какія-то странныя отношенія, нѣсколько похожія на отношенія любящихъ другъ друга: Всѣ эти картины прошлаго возбуждаютъ въ душѣ его одну и ту же тоску, которая наконецъ, разрываясь въ видѣ вопроса: *для чего вы сберегали себя, Сергій Сергѣевичъ?* — очень эффектно заключаетъ повѣсть. — Намъ кажется, что такой сюжетъ годится, какъ нельзя болѣе, для лирическаго стихотворенія. Нѣкоторыя изъ тѣней очень милы и граціозны; такъ напр. созданіе Ольги сильно свидѣтельствуетъ въ пользу художественной способности автора: отношенія ихъ съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ разобраны подробно и вѣрно. Чтобы дать ближайшее понятіе о разбираемой повѣсти, выписываемъ явленіе одной изъ первыхъ тѣней; при всей своей краткости, она даетъ понятіе и о характерѣ Березова и о родѣ таланта автора:

И третья картина возникла предъ его мысленнымъ взоромъ. Такіе же сумерки стелются по красивой гостиной; карета стоитъ у крыльца; черноволосая женщина выходитъ на-встрѣчу девятнадцатилѣтнему Сергѣю, съ театральной аффишей и перчатками въ одной рукѣ, и съ выдвинутымъ лорнетомъ въ другой.

— Я пришелъ проститься, сказалъ Сержъ.

— А! — и лорнетъ выствъ съ аффишей поспѣшно положенъ на столъ, перчатки упали. — Вы ѣдете?.. надолго?

— Служить ѣду.

— Значить, надолго, навсегда?.. Садитесь!

Они сѣли.

— Мнѣ лучше уйти, говоритъ Сержъ! — вы ѣдете въ театръ. Я вамъ помѣшалъ.

— Вы ѣдете навсегда и такъ спѣшите меня оставить? — Замолчали.

— Прощайте, сказалъ онъ черезъ минуту, поднимаясь.

— Пойдите!

Онъ опять сѣлъ.

— У васъ нѣтъ знакомыхъ въ Петербургѣ? — спросилъ онъ съ замѣшательствомъ, не зная что говорить.

— Есть, да Богъ съ ними! — отвѣчаетъ она съ досадою.

— Право, я вамъ помѣшалъ; вы сердитесь.

— Ничуть, я не поѣду въ театръ.

— Что же вы такъ? Я лучше уйду....

Она слегка пожала плечами.

— Сергѣй Сергѣевичъ, послушайте....

— Что прикажете?

Онъ обернулся съ этимъ вопросомъ; она замолчала. Оба были въ нерѣшимости.

— Прощайте, сказалъ онъ, вставая снова.

Онъ подошелъ поцѣловать ея руку.

— Прощайте.... Она удержала его за руку, заставила взглянуть себя прямо въ глаза. — «Прощайте.... Сержъ!....» прибавила она тихо, ласкающимъ, нѣжнымъ голосомъ.

Онъ поцѣловалъ у ней руку съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Ne m'oubliez pas complètemment, сказала она, очаровательно улыбаясь поблѣднѣвшими губами.

Онъ былъ почти уже за дверью, но оглянулся, хотѣлъ что-то сказать, произнесъ только *jamais*, и захлопнулъ дверь за собой очень-сильно.... отворилъ снова, извинился, что такъ стукнулъ. Она разсмѣялась.

— Оставайтесь еще, хоть на минуту, сказала она непринужденно.

— Нѣтъ, право, вамъ пора въ театръ.

Глаза ея увлажнились, когда дверь затворилась вторично что-то странное сжало ея сердце и вырвалось неестественнымъ смѣхомъ.

— Ребенокъ! проговорила она, укусивъ до крови свои полныя, свѣжія губы.

И, Боже мой! сколько было обманутаго чувства въ этомъ зломъ словѣ: «ребенокъ!»

Тутъ Брусско порывистымъ движеніемъ толкнулъ Березова и заставилъ его открыть глаза. Картина исчезла; вмѣстѣ съ нею исчезъ девятнадцатилѣтній Сержъ. На зеленой кушеткѣ сидѣлъ утомленный каждодневной предзакатной порой Березовъ.

Г. Тургеневъ помѣстилъ въ Отечественныхъ Запискахъ одну повѣсть: *Дневникъ лишняго челоуька*. Оригинальное дарованіе этого писателя и заслуженный успѣхъ прежнихъ его произведеній, въ особенности *Записокъ Охотника*, заставляютъ насъ остановиться со вниманіемъ и на новомъ его произведеніи. Прежде всего въ *Дневникъ лишняго челоуька* поражаетъ насъ то обстоятельство, что лицо, выводимое авторомъ въ настоящей повѣсти, уже не новость, не только вообще въ нашей литературѣ, но и въ произведе-

нiяхъ того же автора. Мы уже познакомились съ этимъ типомъ въ Гамлетъ Щигровскаго уззда, и, сколько намъ кажется, познакомились полнѣе и короче. — И тамъ насъ остановило стремленiе Г. Тургенева представить въ одномъ лицѣ современное болѣзненное развитiе въ крайней степени, а здѣсь то же самое направленiе выразилось еще въ болѣе мѣрѣ; но тамъ нѣкоторая уродливость героя спасалась по крайней мѣрѣ комическимъ направленiемъ разсказа; здѣсь же, когда авторъ очевидно старается возбудить участiе къ своему герою, какъ-то тяжело и непрiятно видѣть, вмѣсто живаго лица, крайнее олицетворенiе современнаго недостатка, встрѣчаемаго во многихъ людяхъ. — Все, что мы сказали до сихъ поръ, относится не столько къ Тургеневу, сколько вообще къ несовѣстному художественному направленiю — представлять въ одномъ лицѣ какую-нибудь черту, развитую до послѣдней крайности. Обыкновенно при этомъ жертвуется цѣлостiю лица ради выщепленiя въ него сколько можно болѣе числа, подмѣченныхъ въ самомъ себѣ и въ другихъ, чертъ. Въ отношенiи наблюдательности Г. Тургеневъ явился такимъ же художникомъ въ *Дневникъ лишняго человека*, какъ и въ своихъ прежнихъ произведенiяхъ. Есть черты, до того вѣрно подмѣченныя, до того глубоко выхваченныя изъ души, что вдругъ припоминаешь нѣчто подобное и въ своей собственной душѣ, и во множествѣ другихъ людей. Нешаднымъ анализомъ авторъ преслѣдуетъ часто какое-нибудь душевное движенiе до послѣдней глубины и мелочности, поражая васъ своимъ знанiемъ человека. Только, когда уже прочтете весь *Дневникъ*, замѣтите, что изъ всѣхъ чертъ, доставлявшихъ вамъ наслажденiе своею вѣрностiю, не слгаается одного живаго образа, и произведенiю недостаетъ той оконченности и замкнутости, которая есть главное достоинство произведенiй вполне художественныхъ.

Съ особеннымъ удовольствiемъ останавливаемся мы на повѣсти *Анна Михайловна*, которой авторъ, Г-жа Крестовская, является, кажется, въ первый разъ въ Русской литературѣ. Мы было готовы были сказать о ней, что она подаетъ

большія надежды; но, во-первыхъ, эта фраза очень избита, во-вторыхъ, намъ какъ-то несчащливится на надежды; лучше удержаться до времени отъ какихъ-либо сужденій о талантѣ автора и ограничиться разборомъ его перваго произведенія. Достоинство повѣсти заключается въ мѣткой наблюдательности, ловкомъ изложеніи, умѣнью поставить и свести дѣйствующія лица. Когда читаешь его повѣсть, провинціальная жизнь со всеми ея мелочами, дразгами, стремленіемъ задавить всякую личность, всякое мнѣніе, выходящее хоть сколько-нибудь за черту обыкновеннаго — все это несется какъ будто живое передъ глазами. Но не смотря на то, или, лучше сказать, потому именно, что выведено очень много различныхъ лицъ, всѣ онѣ рисуютъ больше самую жизнь провинціальную, оставаясь сами въ какомъ-то полусвѣтѣ, въ неясныхъ очеркахъ. Вообще автору можно замѣтить, что онъ напрасно не сосредоточилъ своего вниманія на нѣсколькихъ лицахъ, которыя оттого вышли бы полнѣе и оригинальнѣе; между тѣмъ какъ теперь, когда ихъ столько на сценѣ, всѣ они вышли очень похожими другъ на друга, или, по крайней мѣрѣ, различіе между ними такъ не велико, что забывается тотчасъ послѣ прочтенія; конечно, это не примѣняется къ двумъ главнымъ дѣйствующимъ въ повѣсти лицамъ: — Анна Михайловна и Окольскій очерчены гораздо полнѣе; они могли бы даже назваться вполне художественными лицами, еслибы не было такъ замѣтно желанія автора представить Анну Михайловну слишкомъ прекрасною женщиною, отчего она выходитъ какою-то героиней; а Окольскаго, въ противоположность, слишкомъ пустымъ и дурнымъ человѣкомъ. Эта задняя мысль повела автора къ нѣсколькимъ несообразностямъ, по крайней мѣрѣ заставила его ввести въ характеры того и другаго такія черты, которыя мѣшаютъ имъ быть вполне живыми и вѣрными природѣ лица. Всѣ эти маленькіе недостатки вполне вознаграждаются, по нашему мнѣнію, умѣньемъ автора описывать провинціальныя сцены: хорошихъ сценъ въ этой повѣсти такъ много, что мы рѣшительно затрудняемся, какую изъ нихъ представить нашимъ читателямъ для образца...

Для полноты обзора изящно-литературных произведений остается сказать о повести Г. Григоровича *Неудача*. Вообще мы признаемъ въ авторѣ довольно большой талантъ, и потому были не совсѣмъ пріятно поражены появленіемъ этой повести, безспорно уступающей всѣмъ предшествовавшимъ произведеніямъ Г. Григоровича. Вся повесть держится на драматическомъ положеніи чловѣка, преданнаго живописи и въ высокой степени способнаго къ ней, но котораго семейныя обстоятельства принуждаютъ бросить любимое занятіе, разстаться со всѣми мечтами о будущей славѣ и сдѣлаться чиновникомъ въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ. Конечно, всѣ подобные случаи печальны и производятъ на душу сильное впечатлѣніе, которое многими принимается за эстетическое наслажденіе и ставится въ заслугу автору. Но мало ли есть въ самой жизни внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя бываютъ причиною несчастій людей на цѣлую жизнь. Разсказъ о всѣхъ подобныхъ бѣдствіяхъ, конечно, произвелъ бы такое же сильное впечатлѣніе; но вѣдь это уже переходитъ въ анекдоты печальнаго содержанія, которые годятся только для того, чтобы доставить случай поплакать охотникамъ до слезъ, и позадуматься надъ тѣмъ, какіе горестные бываютъ въ жизни случаи. Пишетъ же Г. Григоровичъ такія прекрасныя вещи, какъ «Четыре времени года», и мы бы посоветывали ему преимущественно остановиться на этомъ родѣ, къ которому онъ имѣетъ очевидное призваніе; притомъ идиллическая форма такъ идетъ къ воспроизведенію нашего простонароднаго быта.

Еще нѣсколько словъ, прежде нежели перейдемъ къ другимъ отдѣламъ журнала.... Можетъ быть, нѣкоторымъ покажется слишкомъ строгимъ и придирчивымъ сужденіе наше о нѣкоторыхъ произведеніяхъ, не лишенныхъ ни занимательности, ни живости изложенія, и въ которыхъ однако мы все-таки нашли очень мало достоинствъ. Все это происходитъ отъ точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на произведенія изящной литературы. Говорить подробно о нашей точкѣ зрѣнія, т. е. о нашихъ требованіяхъ отъ изящныхъ произведеній словесности, было бы здѣсь неумѣ-

стию; въ существенныхъ же чертахъ эти требованія, конечно, объяснились изъ сужденій нашихъ о разобранныхъ повѣстяхъ и романахъ. Мы нисколько не думали быть новыми и оригинальными во взглядѣ на взявшую словесность; требованія наши отъ нея суть, конечно, требованія и многихъ другихъ критиковъ; мы рѣшились только остаться вѣрными себѣ и цѣнить всѣ произведенія со стороны ихъ чисто-художественнаго достоинства, не увлекаясь никакими посторонними искусствау достоинствами; оттого-то, конечно оказалось такъ мало произведеній замѣчательныхъ.

Перейдемъ къ другимъ отдѣламъ.

Къ отдѣлу матеріаловъ по Русской исторіи можно отнести *Записки Андрея Тимофеевича Болотова*, Досихъ поръ этихъ записокъ вышло уже шесть частей; по большей части авторъ рассказываетъ только свои личныя похожденія, часто вдаваясь въ подробности, ни для кого не занимательныя. Конечно, нельзя сказать, чтобы эти записки были вообще бесполезны, но надобно сознаться, что они скучны и даютъ слишкомъ мало, въ соразмѣрности съ трудомъ, который нуженъ, чтобы прочесть ихъ всѣ. Въ Современникѣ сократили же записки Гёте; тѣмъ болѣе простиительно было бы сократить и *Записки Болотова*.

Изъ статей ученаго содержанія, болѣе замѣчательныхъ, въ Отечественныхъ Запискахъ 1850 года были слѣдующія: Г. Аванасьева: *Исслѣдованія начоль торговаго законодательства Петра Великаго, Историческое развитіе вопросовъ о призрѣніи въ Россіи*, и наконецъ *Объ археологическомъ значеніи Демостроя*. Мы не станемъ ничего говорить здѣсь объ этихъ замѣчательныхъ статьяхъ, потому что Редакторъ Москвитнина, это его часть, — намъ ренъ предложить читателямъ скоро большую статью обо всѣхъ дѣятеляхъ Русской Исторіи.

А. Б. Ордынскій помѣстилъ въ Отечественныхъ Запискахъ прошлаго года три статьи ученаго содержанія: *Аристобанъ*, продолженіе статьи, помѣщенной прежде; *Греческія женщины*, и наконецъ: *Выпшля обстановка домашней жи-*

жизни древняго Грека. Первая статья состоитъ почти исключительно изъ переводовъ различныхъ мѣстъ изъ Аристофановыхъ комедій. Самая мысль—предложить довольно много отрывочныхъ переводовъ въ журнальной статьѣ, намъ очень нравится: полный, хотя и хорошій, переводъ Аристофановыхъ комедій, едва ли бы нашелъ у насъ очень многихъ читателей; поэтому очень полезны такія статьи, которыя мимоходомъ и понемногу приучаютъ публику къ знакомству съ произведеніями Греческихъ классиковъ; они готовятъ вкусъ публики и сдѣлаютъ наконецъ возможнымъ появленіе полныхъ переводовъ классиковъ—дѣло, конечно, весьма трудное безъ поддержки со стороны читателей. Не можемъ не замѣтить о странности языка, который Г. Ордынскій употребляетъ для своихъ переводовъ. Искусственное смѣшеніе простонародныхъ, и часто очень простонародныхъ, словъ и выраженій съ обыкновенными литературными только пестритъ языкъ, а совсѣмъ не даетъ ему простоты подлинника, которой хотѣлось достигнуть Г. Ордынскому. Въ двухъ остальныхъ статьяхъ мы видимъ желаніе автора передать Русской публикѣ результаты ученыхъ изслѣдованій о Греческой жизни. Нѣмецкія и другія ученые сочиненія по этой части недоступны для большинства публики, а между тѣмъ знакомство съ такимъ народомъ, какъ Греческій, занимательно въ высшей степени для каждого образованнаго челоука. Г. Ордынскій принялъ на себя—дѣлать общимъ достояніемъ то, что до сихъ поръ скрывалось по частямъ и отрывочно въ многотомныхъ и сухихъ Нѣмецкихъ сочиненіяхъ. Вполнѣ благодарные ему за такое дѣло, мы считаемъ однако необходимымъ сдѣлать одно замѣчаніе объ общемъ характерѣ его статей.

Не знаемъ, производятъ ли онѣ и на другихъ такое же впечатлѣніе; но намъ онѣ кажутся какъ будто неокончательно отдѣланными. Есть какая-то шероховатость въ изложеніи, нѣсколько мѣшающая ихъ общепонятности. Статьи его суть простое собраніе свѣдѣній о Греческой жизни, взятыхъ ли имъ у другихъ изслѣдователей, или почерпнутыхъ изъ прамыхъ источниковъ. Конечно этотъ недостатокъ

выкупается интересомъ содержанія, для многихъ совершенно новаго; но нельзя ли соединить этотъ интересъ съ болѣе легкимъ и плавнымъ изложеніемъ.... Посмотрите какъ пишутся Французскія сочиненія этого рода.

Къ числу замѣчательныхъ статей ученаго содержанія принадлежитъ небольшая статья Г. М. Соловьева: *О вліяніи природы Русской Государственной области на ея исторію*. Сколько намъ помнится, это еще первая попытка приложить новѣйшій плодотворный взглядъ на географію въ Россіи. *Система Государственныхъ займовъ въ Европѣ* прекрасна и по изложенію и по интересу разбираемыхъ въ ней вопросовъ. Кажется, ни одна другая наука тамъ не бѣдна у насъ сочиненіями, какъ наука народнаго хозяйства; поэтому нельзя довольно благодарить автора, какъ за это, такъ и за предъидущія его статьи, доступныя всѣмъ по легкости изложенія и между тѣмъ передающія вполне результаты современныхъ изслѣдованій и вѣрный взглядъ на явленія экономическаго міра.

Статья М. С. Хотинскаго: *Современныя астрономическія открытія*, представляетъ полную, хотя и бѣгло очерченную, картину новѣйшихъ успѣховъ астрономіи. Авторъ строго отличаетъ дѣйствительныя открытія астрономовъ отъ мнимыхъ, еще не всѣми признанныхъ, какъ напр. открытіе центральнаго солнца Медлеромъ. Вся статья написана съ знаніемъ дѣла и съ увлеченіемъ, достойнымъ истиннаго ученаго, заступаетъ ли онъ за Леверье, или возстааетъ на нелѣпыя предразсудки, существующіе еще до сихъ поръ въ астрономіи.

Коротенькая статья П. Басистова — *Объ историческомъ значеніи Платонова Симпосіона*, отличается картиннымъ изложеніемъ и фразистымъ языкомъ. Не знаемъ, много ли новаго можетъ сообщить статья, написанная такимъ образомъ. Подобный методъ изложенія діаметрально противоположенъ методу Г. Ордынскаго: сколько въ этомъ послѣднемъ безцеремонности и вмѣстѣ съ тѣмъ безыскусственности, столько въ первомъ отдѣлки, но за то и чопорности,

Статья Г. Боткина: *Объ эстетическомъ значеніи новой фортепьянной школы*, написана съ цѣлію разъяснить извѣстный споръ между приверженцами Нѣмецкой классической музыки и послѣдователями новой школы. Г. Боткинъ становится на сторону послѣднихъ и видитъ въ новой школѣ побѣду истинной музыки надъ схоластикой. Не будучи знатоками въ музыкѣ, мы не можемъ рѣшить, на сколько справедливо вообще мнѣніе автора; но прочли статью его съ удовольствіемъ, и со многими принуждены были согласиться.

Переводъ *Наивной и сантиментальной поэзіи Шиллера* напомнилъ намъ, какихъ капитальныхъ сочиненій Нѣмецкихъ и другихъ ученыхъ нѣтъ еще у насъ въ переводѣ.

Мы исчислили только тѣ статьи ученаго содержанія, которыя по чему-нибудь обратили на себя особенно вниманіе; но есть еще и другія, также не лишенныя интереса, о которыхъ мы впрочемъ не упоминаемъ для того, чтобы не растянуть слишкомъ и безъ того уже длинной статьи нашей.

Перейдемъ къ отдѣлу критикъ.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ статей въ этомъ отдѣлѣ есть, безъ сомнѣнія, критика Э. Буслаева на *Мысли объ исторіи Русскаго языка, Срезневскаго*. Оцѣнивъ по заслугамъ сочиненіе Г. Срезневскаго, авторъ критики рѣшаетъ, кромѣ того, главнѣйшіе вопросы, касающіеся исторіи Русскаго языка; эти вопросы приводятся, по его мнѣнію, къ слѣдующимъ: въ какомъ отношеніи стоитъ исторія языка къ современному его состоянію? Необходимо ли историческое изученіе языка для теоріи и слога современнаго? Соответствуетъ ли историческое развитіе языка успѣхамъ умственной и положительной жизни народа? Наконецъ, въ какой связи состоитъ исторія языка Русскаго съ сравнительною грамматикой языковъ Индо-Европейскихъ? Рѣшая эти вопросы, интересные въ высшей степени, какъ, конечно, замѣтилъ читатель, Э. Буслаевъ обнаруживаетъ свое глубокое филологическое образованіе, и, скромно увѣряя въ началѣ статьи, что читатель найдетъ въ ней только болѣе подробныя объясненія тѣхъ краткихъ мыслей и намековъ, кото-

рыми такъ искусно умѣлъ заинтересовать ихъ авторъ *Мыслей*, онъ высказываетъ въ самомъ дѣлѣ много новаго и оригинальнаго. Вообще статья эта принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ нельзя не прочесть человѣку, не холодному къ успѣхамъ науки. Новость предмета и въ особенности существующая у насъ шаткость понятій о немъ придаютъ статьѣ еще болѣе вѣса.

Нельзя не обратить также вниманія на статью о *Стихотвореніяхъ Фета*. Разбирая подробно каждый изъ отдѣловъ собранія стихотвореній А. Фета, авторъ высказываетъ много дѣльнаго о каждомъ изъ родовъ стихотвореній. Близкое знакомство съ иностранной литературой, въ особенности Нѣмецкой, даетъ ему случай дѣлать часто удачныя сближенія съ поэтами Нѣмецкими, и чрезъ подобныя сравненія уяснить ближе родъ таланта нашего отечественнаго писателя. Вообще вся статья написана живымъ и увлекательнымъ слогомъ, и даетъ полное понятіе о поэтической дѣятельности Г. Фета.

Б. Ордынскаго: *Новыя стихотворенія Жуковскаго, Томъ 14, Одиссея—XIII и XIV пѣсни*. Это — продолженіе статьи, напечатанной въ прошломъ году. Авторъ доказываетъ, что къ переводу новыхъ пѣсенъ вполне прилагается мнѣніе, высказанное имъ прежде о первыхъ пѣсняхъ. Послѣ, авторъ разсуждаетъ о многостороннихъ трудностяхъ передачи Гомера на Русскій языкъ, и наконецъ предлагаетъ образцы собственнаго перевода. Этотъ переводъ не дуренъ и очень близокъ къ подлиннику; но производитъ, какъ мы уже сказали, странное впечатлѣніе своею пестротой.

Нельзя не упомянуть также о разборѣ *Сочиненій Княгинина*, въ которомъ мы видимъ начало большаго предпріятія разобрать сочиненія всѣхъ Русскихъ писателей, по мѣрѣ того, какъ они будутъ выходить въ свѣтъ. Надѣмся, что не ошибемся въ нашихъ ожиданіяхъ. Настоящая статья доказываетъ довольно подробнымъ разборомъ, что эпитетъ *переимчивый*, который Пушкинъ придалъ Княгинину, есть характеристическій для этого послѣдняго.

Кромѣ того въ Отечественныхъ Запискахъ былъ разобранъ подробно и съ большимъ знаніемъ дѣла замѣчательный трудъ Мурчисона и другихъ, вышедшій въ прошломъ году въ Русскомъ переводѣ, подѣ заглавіемъ: *Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго*. Самое замѣчательное въ этой критической статьѣ есть изложеніе всѣхъ геологическихъ трудовъ въ Россіи, предшествовавшихъ путешествіямъ Мурчисона и другимъ, откуда легко слѣдуетъ, что большая часть открытій, сдѣланныхъ знаменитыми путешественниками, была подготовлена уже прежними изслѣдованіями, что впрочемъ ясно видно и изъ статьи Г. профессора Щуровскаго, помѣщенной въ Москвитинѣ.

Отдѣлъ Смѣси есть самый богатый въ О. З.; поэтому исчисленіе даже замѣчательнѣйшихъ здѣсь статей заняло бы очень много мѣста. Скажемъ только, что, кромѣ множества оригинальныхъ и переводныхъ статей, здѣсь помѣщенныхъ, кромѣ извѣстій о новыхъ открытіяхъ въ области наукъ и замѣчательныхъ событій, какъ въ отечествѣ нашемъ, такъ и за границей, въ Смѣси О. З. помѣщаются постепенно замѣтки о Петербургскихъ театрахъ. Иногда здѣсь же появляются статьи и о Московскомъ театрѣ, болѣею частію дѣльныя, которыя показываютъ въ авторѣ большую начитанность по части драматическаго искусства. Сужденія о пьесахъ, ихъ выполненіи и замѣтки объ артистахъ вѣрны, и, сколько намъ извѣстно, представляютъ собою выраженія образованнаго большинства публики. Въ этотъ же, наконецъ, отдѣлъ входитъ музыкальная хроника, въ которой, особенно въ прошломъ году, были прекрасныя статьи объ Итальянской оперѣ.

Въ О. З. прошлаго года были помѣщены въ полныхъ переводахъ три капитальныя произведенія иностранной литературы: Дикенса *Замогильныя записки Пиквикскаго Клуба*, которыя были, правда, переведены у насъ и прежде, но въ искаженномъ видѣ; Теккеря *Базаръ житейской суеты* и наконецъ Бульвера *Семейство Какстоновъ*.

Нѣсколько словъ по поводу Французскихъ дѣтскихъ книгъ.

Пробѣгая различныя объявленія, которыми, какъ извѣстно, передъ Рождествомъ и Свѣтлымъ Праздникомъ, газеты бываютъ богаче обыкновеннаго, мы, между другими, читали и объявленія о дѣтскихъ книгахъ, частію Русскихъ, но болѣе иностранныхъ, и въ особенности Французскихъ. Эти объявленія, давно не новыя ни для кого, не остановили ни мало нашего вниманія, и мы, быть можетъ, и не вспомнили бы о вещи столько обыкновенной, еслибы намъ не довелось передъ праздникомъ быть въ нѣсколькихъ книжныхъ магазинахъ. Съ перваго взгляда неотразимо-непріятное впечатлѣніе произвели въ насъ въ этихъ магазинахъ, и преимущественно во Французскихъ, огромные столы, заваленные или, вѣрнѣе, убранные дѣтскими книгами, точь-въ-точь какъ игрушками или конфетными коробками: въ добавокъ, намъ показалось, что никогда не видали мы дѣтскихъ книгъ въ такомъ количествѣ, такой роскоши и великолѣпнн; но мы и всѣмъ этимъ не позволили бы себѣ ни за что занимать нашихъ читателей, еслибы отъ перваго впечатлѣнія не перешли къ положительнымъ выводамъ, а отъ выводовъ къ кое-какимъ размышленіямъ, которыми подѣлиться съ читателями считаемъ нашею обязанностію.

Многіе десятки дѣтскихъ книгъ пересмотрѣли мы въ разныхъ магазинахъ, и убѣдились въ томъ, что больше всего такихъ книгъ—Французскихъ, что хуже всѣхъ Французскія, всѣхъ дороже—тоже Французскія. Въ числѣ Англійскихъ и Нѣмецкихъ изданій для дѣтей есть весьма удовлетворительныя, и мы надѣемся указать на нѣкоторыя изъ нихъ въ непродолжительномъ времени. На этотъ разъ мы поговоримъ только о Французскихъ.

Главное достоинство видѣнныхъ нами Французскихъ дѣтскихъ книгъ—это ихъ наружность; но наружность эта: переплетъ, картинки, золотые обрѣзы, все вмѣстѣ доведено до такой роскоши, что по неволѣ смотришь на книгу не какъ на книгу, а какъ на игрушку; стало быть, самое достоинство — недостатокъ, Внутреннее содержаніе — на половину ниже посредстваннаго, на половину едва-едва удовлетвори-

тельно: напримеръ, вдругъ цѣликомъ повѣсти гг. Дюма, Сю и братинъ, но только иллюстрированныя, или какія-нибудь пошленькія и сухія моральныя сентенціи, которыя ребенокъ конечно проглотитъ, какъ и всякую позолоченую пшлюлю, но о которыхъ все-таки сохранить воспоминаніе самое непріязненное, какъ о всякой пшлюль: лекарство—ужь все лекарство; можно допустить еще біографіи нѣкоторыхъ историческихъ лицъ, нѣкоторыя народныя преданія, обличенныя въ довольно толковыя сказки, и два-три элементарные курса естественныхъ наукъ, приспособленные къ дѣтскому понятію не совсѣмъ неудачно. А цѣны! Волюмъ въ 12 д. л., вмѣщающій въ себя 200—250 страницъ крупной и самой разгонистой печати, стоитъ отъ 3-хъ до 8-ми руб. серебромъ. Нѣтъ нужды доказывать, послѣ этого, что все эти изданія доступны только для людей самыхъ богатыхъ, и что только лица высшаго круга могутъ дарить своихъ дѣтей такими книгами. Къ этимъ-то лицамъ въ особенности и обращаемся мы здѣсь.

Грустно видѣть, когда Русскія дѣти въ 10—12 лѣтъ говорятъ по-Французски какъ Французы, а по-Русски какъ не-Русскіе, когда семнадцатилѣтняя дѣвушка знаетъ о Пушкинѣ по слухамъ, и прочтетъ вамъ наизусть любую изъ *Méditations* Ламартина и расскажетъ всевозможные анекдоты о Наполеонѣ, Людовикѣ XIV, Францискѣ, Баярѣ, и даже далѣе; когда человекъ взрослый, и родившійся, и воспитанный въ Россіи, пишетъ по-Русски, какъ будто переводитъ каждую фразу съ Французскаго языка, какъ будто самая мысль-то зараждается въ немъ по-ранцузски, а не по-Русски! Да, читатели, для насъ это очень грустно! И мы говоримъ объ этомъ потому, что намъ не только не рѣдко случалось, но и до сихъ поръ случается встрѣчать подобныя явленія. И чего бы не дали мы, чтобъ этихъ явленій не было! Чего бы не дали мы за то, чтобъ стереть навсегда съ лица Русской земли это все еще существующее въ известной части общества предубѣжденіе въ пользу всего иностраннаго, преимущественно—Французскаго,—эту несчастную страсть къ Французскимъ гувернерамъ, въ иныхъ

семействахъ передаваемую отъ отца къ сыну вмѣстѣ съ родовымъ наслѣдіемъ, — всю эту методу не-Русскаго воспитанія, по которой и первый звукъ, слышимый ребенкомъ — Французскій, и вѣлька его — Французженка, и первая азбука — Французская, и первая книжка съ картинками — Французская! Вся эти пути и ведутъ къ тѣмъ жалкимъ результатамъ, на которые только что указали мы. И вамъ, читатель, быть можетъ, случилось слышать такія истины: «надо съ раннего дѣтства учить ребенка иностраннымъ языкамъ: Русскому всегда успѣетъ выучиться»; нѣтъ, мы этого не думаемъ. Мы думаемъ, чѣмъ раньше учить ребенка родному языку, тѣмъ лучше: чѣмъ раньше объяснять ему, что онъ — Русскій, и что каждому человеку прежде всего необходимо знать свой языкъ, свое отечество, свою исторію — тѣмъ лучше. На этомъ основаніи мы не только не любимъ Французскихъ гувернеровъ, но и скорѣе бы дали въ руки двѣнадцатилѣтнему ребенку Русскую книжку съ дурными картинками и въ бѣдномъ переплетѣ, нежели Французскую — съ хорошими и въ богатомъ, для того именно, чтобы первыя впечатлѣнія, первыя понятія ребенка складывались о Русскомъ и по-Русски; на томъ же основаніи мы бы ни за что не подарили семнадцатилѣтней дѣвушкѣ ни одного изъ тѣхъ великолѣпныхъ изданій, въ которыхъ такъ отлично разсказываются и изображаются *граціозныя и милыя* шашни времянь Лудовиковъ или Регентства, ни даже иллюстрированное *Паденіе Ангела*, Ламартина, ни иллюстрированныя *Парижскія Тайны*, съ интереснымъ личикомъ *La-Goualeuse*'ы; но поднесли бы ей иллюстрированныя басни Крымова, или не иллюстрированныя и не нуждающіяся ни въ какихъ иллюстраціяхъ сочиненія Жуковскаго, Пушкина, — даже *Вечера на хуторѣ близъ Диканьди*, не смотря на то, что послѣдними, и по сіе время, смущается щекотливая мораль иной чадолубивой маменьки, — поднесли бы ей все это для того, чтобъ она научилась и любить свой языкъ, и понимать, что не въ чѣмъ завидовать ему другимъ языкамъ, а подавно — Французскому; что если позволено гордиться той литературой, въ которой были Ламартинъ, Сю и другіе, то нечего

стыдиться той, въ которой дѣйствовали Крыловъ, Жуковский, Пушкинъ, Гоголь, — что если называется себя великимъ народъ, у котораго записаны въ исторіи Францискъ, Лудовики, Наполеонъ, почему же не великъ тотъ, у котораго были Владиміры, Донскіе, Петръ I, Екатерина II.... Но такъ поступили бы мы, и Богъ знаетъ такъ-ли поступятъ многіе другіе. Напротивъ, мы даже и сами увѣрены, что, если слова наши и произведутъ какое-нибудь сочувствіе въ тѣхъ, кого мы имѣемъ въ виду, и дѣйствіе это, и сочувствіе будутъ далеко не такъ велики, какъ желали бы мы: найдутся все-таки весьма многія лица, которыя если не подарили уже, непременно поспѣшатъ подарить дѣтей своихъ какою-нибудь удивительною Французскою книжкою, въ той счастливой вѣрѣ, что «лучше же подарить книжку, нежели просто игрушку или конфеты.» Но мы не удовлетворимся бы такимъ отвѣтомъ, и скажемъ еще: во-первыхъ, пусть лучше ребенокъ играетъ, зная, что у него въ рукахъ игрушка; а не привыкаетъ смотрѣть на книгу какъ на игрушку, пусть лучше ѣстъ конфеты, да говорить по-Русски и слушаетъ сказки Русской няни; пусть лучше семнадцатилѣтняя дѣвушка танцуетъ цѣлый день, нежели зачитывается *Вьчиаго Жида*, да заглядывается на тѣ картинки, гдѣ такъ заманчиво изображаются разные герои и героини соблазнительнаго вѣка; во-вторыхъ, если нужно подарить книгу, дарите же сочиненія Крылова, Жуковского, Пушкина; если же вамъ непременно хочется, подарить дѣтскую книгу, а Русскія дѣтскія книги не удовлетворяютъ васъ, жалуйтесь, пожалуй на бѣдность нашей дѣтской литературы, но не ищите вообще во Французской никакого богатства, кромѣ вывѣсочнаго; наконецъ, въ-третьихъ, если ваши дѣти хорошо знаютъ по-Русски, и, оставляя непременно, на первомъ планѣ свой языкъ, вы хотите, чтобъ они исподоволь учились и иностраннымъ, подарите имъ, пожалуй, Французскую книжку, но пусть чтеніе ея будетъ у нихъ придаточнымъ занятіемъ, отнюдь не главнымъ. И въ послѣднемъ случаѣ будьте какъ можно строже въ выборѣ.

Изъ всѣхъ Французскихъ дѣтскихъ книгъ, видѣнныхъ нами передъ праздниками, мы отдаемъ предпочтене слѣдующимъ:

AUDOULT, L'Herbier des demoiselles, ou Traité complet de la botanique. Paris 1847. 1 v. 4 r. 50 cop. *

ATLAS de l'Herbier des demoiselles, plus de 400 grav. color. 1. v. in 4°. Paris 1849. 8 r.

BUFFON, Oeuvres Choiesies 1 v. in 12. 3 r.

CHAMPAGNAC, Le Tour du monde, — dessins par J. David. 1 v. 5 r.

LE GÉNIE DE L'INDUSTRIE, 1 v. 6 r.

Сочиненія Госпожи FOD.

Сочиненія г. NIERITZ.

Всѣ эти книги можно найти у книгопродавца Урбена. Содержание ихъ — туда и сюда; о картинкахъ и переплетяхъ говорить нечего: иной папенька, на старости лѣтъ, и самъ утѣшится.

* Цѣны на серебро.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 2.

Январь.

Кн. 2.

ЦРКЪ ДЕВЯТНАЦАТАГО ВѢКА.

(Послѣщается Графиня Е. В. де Сальск-Турнемиръ)

Morituri te saluant...

I.

Да! я люблю, средь залы позлащенной,
На шумный паръ задумчиво смѣрять,
И въ праздничной толпѣ принаряженной
Сквозь маску лицъ во глубь сердець глядѣть;
И мыслию, догадкой проясненной,
Ихъ тайнами, ихъ мыслью овладѣть,
Разузнавать ихъ страсть, ихъ цѣль, ихъ волю,
Ихъ грустную, нѣ радостьную долю.

Люблю, хочу, умѣю понимать
Живой душой чужую жизнь и душу,
И хоть могу я многихъ разгадать,
Личины ихъ и роли не нарушу!
Они пришли, чтобъ ловко роль сыграть,
Пускай себѣ! На нихъ я не обрушу
Вниманья безпощадной суеты,
Ни любопытства праздной пустоты!

Они пришли, предъ свѣтомъ, ихъ владыкой,
Противникомъ и вмѣстѣ судей,
Свершить мудреный подвижъ и великой,
(Иные, — можетъ быть, — послѣдній свой!)

Страданью ихъ здѣсь тѣсно, душно, дико,
 Простора нѣтъ въ толпѣ душъ больной;
 Но тайный адъ ихъ скрытъ подъ принужденьемъ,
 Но лица ихъ сіяютъ наслажденьемъ.

Вѣдь свѣтъ на нихъ глядитъ: они должны

Ему предстать, блестящіе, живые,
 Веселье.... Улыбки вѣдь даны,
 Чтобъ ими скрыть мученья роковыя!....
 Они должны, чтобъ свѣту угодить,
 Уставъ его приличія хранить.

Приличіе велитъ — оставить дома
 Заботъ, тоски и тяжкихъ мукъ семью;
 Таить свою сердечную истому;
 Приязню одѣть вражду свою;
 Не допускать въ веселья хоромы
 Ни правды лучъ, ни теплыхъ чувствъ струю;
 Не отвѣчать на голосъ, сердцу близкій;
 Не замѣчать, что люди злы и низки....

Приличіе велитъ, и хочетъ свѣтъ!
 Мы всѣ покорны имъ и ихъ вліянью;
 Быть въ милости у свѣта, — вотъ предметъ
 Всеобщаго усилія и старанья!....
 Рабы его, — несемъ ему привѣтъ,
 Какъ въ древности бойцы, среди собранья,
 Предъ Цезаремъ, поникнувъ головой,
 Несли ему воклонъ предсмертный свой....

И Цезарь нашъ, — нашъ свѣтъ, но рукоплещетъ,
 Не удостоить насъ хвалы своей!
 Зачѣмъ?.... Ему нѣтъ дѣла, что трепещетъ
 У насъ въ груди больной гроза страстей:
 Мы *тупы*.... для насъ балъ пляшетъ, праздникъ блещетъ,
 И съ смѣхомъ рѣчь кипитъ въ устахъ людей,
 Чего жъ еще?.... Достойная награда,
 И требовать не въ правѣ мы пощады!

Страдай.... терпи.... терзайся.... умирай!
 Но умирай съ достоинствомъ, съ улыбкой!....
 И не блѣднѣй.... и духа не теряй:
 Свѣтъ не простить безсильному ошибки, —
 Онъ слабымъ врагъ!.... Будь твердъ!.... Не оплошай
 Въ борьбѣ съ самимъ собой, въ смертельной спибкѣ....
 И какъ боецъ средѣ цирка, такъ и ты
 Будь гордъ среди толпы и суеты!....

II.

Вотъ черный фракъ, перчатки щегольскія
 И голова въ изящныхъ завиткахъ,
 И громкій смѣхъ, и рѣчи удалыя,
 И бойкій умъ въ сверкающихъ глазахъ:
 Подумаешь, — надежды молоды
 Тутъ кроются въ безоблачныхъ мечтахъ....
 Подумаешь, — счастливецъ въ шумѣ бала
 Ждетъ милаго живаго идеала....

Нѣтъ! То отецъ семейства: онъ пришелъ
 Съ послѣдними червонцами оловни,
 Отдать себя судьбѣ на произволъ,
 Ожить въ игрѣ богатствами чужими,
 Спасти дѣтей!.... Его сюда привелъ
 Врагъ-нищета.... Съ карманами пустыми,
 Съ отчаяньемъ въ душѣ, къ себѣ домой
 Назавтра не вернется онъ живой....

И мимо, мимо!.... Много вадсь подобныхъ
 Отыщется несчастныхъ иль глупцовъ....
 Толпа привыкла къ нимъ. — Лишь для способныхъ,
 Понять въ нихъ драму гибнущихъ умовъ,
 Страданій и надеждъ междоусобныхъ,
 Проклятій, мукъ, и ропота безъ словъ, —
 Лишь для такихъ, выятна въ ихъ дикомъ взорѣ
 Намалъ вѣсть о смертномъ приговорѣ!....

III.

Вотъ вамъ другой: — онъ тоже веселъ, милъ,
 Онъ тоже сыплеть шутки, увѣренья, —
 А между тѣмъ, недостаетъ въ немъ силъ,
 Чтобъ скрыть грызучей зависти мученья:
 Онъ мѣста ждалъ. Давно ужъ возложилъ
 На эту цѣль всѣ помыслы, стремленья;
 Свои запродавъ двадцать лѣтъ давно,
 Забылъ, что дважды жить намъ не дано....

Что молодость, здоровье, мощь и сила, —
 Все наслажденья просить, хотеть, ждуть....
 И отъ него ужъ гостьей легкокрылой
 Умчалась ихъ пора!.... И онъ живетъ
 Лишь жаждою *достигъ*. — Судьба сулила —
 Онъ поприще желанное *пройдетъ*....
 Свершить свой путь.... на высотъ счастливой
 Достигнуть цѣль мечты честолюбивой!

•
 А между тѣмъ, до грѣма оидина
 Въ златую прядь волосъ его закралась....
 Душа его, умомъ поглощена,
 Нѣмѣла, вяла, сохла, истощалась....
 Онъ днемъ въ трудахъ, проводитъ ночь безъ сна, —
 А вышло, что судьба надъ нимъ смѣлалась!....
 Что онъ желалъ, то получилъ другой!....
 Онъ жизнь сгубилъ въ ошибкахъ роковой!....

Онъ мучится теперь, какъ тѣни ада,
 Но здѣсь его соперникъ, — и предъ нимъ
 Не выдастъ онъ себя, тому въ отраду,
 Не измѣнитъ онъ правиламъ своимъ....
 Спокойный видъ онъ сохранить какъ надо,
 Поклонится начальникамъ, большимъ,
 И личному врагу протянетъ руку....
 И свѣтъ его не разгадаетъ муку!....

IV.

Вотъ дѣвушка, красавица, дитя:
 Чело ея увѣнчано цвѣтами,
 И локонъ свой разсѣянно крутя,
 Она порхнетъ, какъ птичка, передъ вами....
 Но съ рѣзвыми подругами шутя,
 Но въ полѣхъ мѣрно стучая ногами, —
 Куда глядитъ такъ пристально она?....
 Зачѣмъ дрожить, смятенія полна?....

И у нея завѣтная есть тайна,
 Есть свой романъ печальный и простой!
 Она бѣдна; издалика, случайно,
 Пришлось ей въ нашъ свѣтъ попасть большой,
 Влюбиться.... и судьбой необычайной
 Понравиться.... Мечтатель молодой,
 Вельможа и богачъ, плѣвившись ею,
 Назвалъ ее невѣстою своею.

Завистница нашлась, — и гдѣ жь ихъ нѣтъ?
 Которая сумѣла клеветою
 Разстроить это счастье: — свой обѣтъ
 Женихъ презрѣлъ, — и съ знатною кляжкою
 Онъ вступитъ въ бракъ, принявъ родни совѣтъ!
 А прежняя невѣста?.... Э! пустое!!....
 Въ степной уздѣ своей, просто, безъ затѣй,
 Ну почему бь и не вернуться ей?

Пускай поплачетъ мать ея, старушка....
 Пускай сама терзается она!....

Сегодня.... здѣсь.... рѣшится участь ихъ:
 Еще попытка, разговоръ, свиданье, —
 Узнаеть онъ, забывчивый женихъ,
 Обманъ и ложь пустаго нареканья,
 Увидитъ онъ обихъ жертвъ своихъ,
 Почувствуетъ ихъ горе, ихъ страданье,
 Опомнится!.... или махнетъ рукой,
 И скажетъ: — «Такъ и быть!.... удалъ мной
 Назначенъ мнѣ!....» — И объ это знаютъ,
 И мать и дочь!.... О, какъ дрожать онъ,
 Какъ объ этой встрѣчѣ ожидаютъ!....
 Какъ много слезъ въ притворной тишинѣ
 Ихъ голоса!.... Но, вѣрно, наблюдаютъ
 За ними вражьи очи, — и исполнѣ
 Онъ играютъ роль гостей безпечныхъ,
 Безъ всякихъ думъ или заботъ сердечныхъ?....

А газъ горить.... а музыка гудитъ....
 А балъ блеститъ всею живостью своею....
 А пляска обалтательно кипитъ!....
 Любуется хозяинъ гордо ею,
 И думаетъ, что завтра загремитъ
 Молва о немъ, хвалою повсюду вѣя,
 И праздникомъ доволенъ онъ своимъ,
 И свѣтъ замскательный доволенъ имъ!....
 И ни одинъ изъ двухъ не угадаетъ,
 Какъ много здѣсь страдальцевъ собралось,
 Какіе вопли сердца заглушаетъ
 Торжественный оркестръ.... и сколько слезъ
 Непролитыхъ обратно западаетъ
 На грудь безмолвныхъ жертвъ.... какъ много грозъ,
 Семейныхъ тайнъ, размолвкъ, глухихъ стenanій
 Здѣсь бродить средь безумныхъ ликованій!....

V.

Вотъ старый мужъ молоденькой жены,
 Красавицы, кокетки, — словомъ, львицы,
 Съ улыбкой и коварствомъ сатаны,
 Кому она отличной ученицей;

За то, ей всё сердца покорены,
 Вся на цѣпи у мощной чаровницы,
 И бѣдный мужъ, съ полдюжиной другихъ,
 Лежить у ногъ ея, лобзая ихъ....

И онъ ревнивъ!.... какъ Аргусъ баснословный,
 Онъ стережетъ ее и день и ночь....
 Тѣнь юноши ему ужъ такъ любовный, —
 И эту тѣнь готовъ прогнать онъ прочь!
 Онъ чувствуетъ — межъ нами бой неровный,
 И уберечь жены ему не въ мочь!....
 Влюбленъ и старъ.....
 Ему ль не страшень модныхъ львовъ нападокъ?....

И многимъ ужъ за то старикъ смѣшенъ.
 Въ душѣ его они вѣдь не читали!....
 Въ рукахъ жены записку видѣлъ онъ,
 Она должна отдать ее на балъ....
 Кому?!.... Межъ всѣхъ, кто ея предпочтенъ?!....
 Чьи проски кокетку привязали?....
 Старикъ глядитъ на дверь, и на часы,
 И на жену.....

Забившись подъ жилетъ,
 Погтями въ грудь впились, какъ черви злые,
 Его пять пальцевъ, — и кровавый слѣдъ
 Оставили.... Уста его нѣмыя
 Грызутъ и рвутъ у ней взятой букетъ....
 И судорги ревниваго сомнѣнья
 Искорчили ревнивца.... Гдѣ же мщенъ? ...

А между тѣмъ, веселая жена
 Мелькаетъ предъ нимъ, граціозно вальсируя,
 Потомъ пройдетъ, слегка преклонена
 На руку кавалера.... И не чуя
 Грозы надъ головой, упоена,
 Блаженствуя, блистая, торжествуя,
 Пошепчется въ углу она съ однимъ,
 Дарить другаго взоромъ огненнымъ,

А третьяго улыбкой миловидной,
 Чтобъ всё равно довольны были бѣ ей,
 И никому не стало бы завидно!....
 Чѣмъ кончится нерѣдкій случай сей?
 Огласкою, для двухъ семействъ обидной,
 Цѣль сценою, забавной для людей?....
 Или поединкомъ, — смертью человѣка,
 За вздоръ и блажь, — въ угодность мнѣнью вѣка?....

А газъ горить.... А музыка гремитъ....
 А балъ блеснить всей пышностью своею!....
 Толпа гостей по комнатамъ кипитъ....
 Любуется хозяинъ гордо ею,
 Онъ думаетъ, что завтра протрубитъ
 Молва о немъ, хвалой повсюду вѣя....
 И праздникомъ доволенъ онъ своимъ,
 И мнитъ, что всё вокругъ довольны съ нимъ!

VI.

Но шумъ въ дверяхъ.... Взошла, — не то богиня,
 Не то царица.... Фел, можетъ быть!....
 Движенья, поступки, взоръ, — въ ней все гордыней
 И силой дышетъ, словно побѣдитъ
 Она пришла!.... Книгини и графини, —
 Предъ ней померкло все! Не оградить
 Ни красоты ея, ни обаяній,
 Ни блеска, ни ума, ни чарованій!

Нарядъ ея какъ облако парить,
 На ней горятъ алмазы дорогіе;
 Глаза горятъ жарчѣй, и жаръ ланитъ
 Сливается съ ихъ блескомъ; снѣговья
 Плеча и руки тверды какъ гранитъ,
 Прозрачны какъ янтарь, — а шелковыя,
 Густыя косы улеглись съ трудомъ
 Надъ мыслящимъ, таинственнымъ челомъ.

«Какъ хороша!....» — Она, по крайней мѣрѣ,
 Не жертва, не страдаетъ, не грустна?....
 Она?!.. Любви словамъ, мольбамъ повѣря,
 Свою любовь дала за нихъ она....
 Безстрашно, не хитря, не лицемеря,
 Любила, всей душою предана,
 Восторженно и свято, — такъ сердечно,
 Что страсть свою считала вѣковѣчною!....

А онъ такой любви не понималъ,
 Иль просто, цѣну дать ей не умѣя,
 Онъ счастьемъ не взволнованнымъ скучалъ;
 Надъ нимъ оно лежало, тяготѣя,
 Какъ плѣнь, какъ цѣпь. — По онъ предъ ней молчалъ....
 Въ немъ не было ни устаго злодѣя,
 Ни полнаго героя.... Цѣть, увы!
 Едва ль нашли бъ въ нечъ человекъ вы!....

Онъ промѣнялъ любовь души высокой
 На чувственный и мелочный развратъ....
 Онъ палъ такъ непростительно глубоко,
 Такъ низко.... что взглянуть не смѣлъ назадъ
 На прежній рай, на свой эдемъ далекій,
 Гдѣ херувимомъ у запретныхъ вратъ
 Минувшая его любовь стояла,
 И грѣшника безмолвно отвергала....

Она?.... Она стерпѣла!.... Богъ послалъ
 На то ей сить!.... Иль слабою женою,
 Какъ трость, она склонилась, — и обвалъ
 Пронесся надъ поникшей головою....
 Короче: сонъ блестящій миновалъ,
 Она очнулась, — нищая душою,
 Предъ пепелищемъ тщетныхъ чувствъ своихъ,
 Расхищенныхъ надеждъ и грезъ пустыхъ.

И не легко ей было!.... Съ испытаньемъ
 Не скоро примирилася она:
 Не разъ, своей тоской, своимъ страданьемъ,
 Безсонницей своей оглушена, —

Конецъ и смерть звала она желаньямъ....
 Недавно, на окраинѣ окна,
 Готовая упасть, она стояла....
 Молчашья чуткимъ ухомъ ожидала....

И броситься хотѣла.... Но тогда,
 На улицѣ вдругъ чей-то голосъ шумный
 Гульливо разсмѣялся.... Отъ стыда
 Опомнилась она ... Тоски безумной
 Ей совѣстно вдругъ стало, — и когда
 Вглянула внизъ, неволью, неразумно,
 Съ товарищемъ узнала тамъ его,
 Хмельнаго.... Не видалъ онъ ничего!!....

И нынче, въ первый разъ со дня разлуки,
 Они должны здѣсь встрѣтиться, сойтись;
 И для того терзающія муки
 Въ груди ея мгновенно улеглись;
 И для того слѣды заботъ и скуки
 Съ лица ея исчезли, — и зажглись
 Ея глаза, мечты, тщеславье, воля, —
 И слезъ своихъ она не помнить болѣ!!....

Нѣтъ! помнить ихъ!!.... Затѣмъ чтобъ отомстить,
 Чтобъ показать спокойное презрѣнье, —
 Чтобъ предъ собой, предъ свѣтомъ искупить
 Напрасное слѣпое сожалѣнье!....
 Сегодня балъ! а завтра, можетъ быть,
 Она проснется въ горѣ и волненъ....
 Но здѣсь она должна блестять, сіять,
 И въ прахъ его безъ милости попать!....

VII.

И много ихъ еще здѣсь передъ нами,
 Гладьаторовъ на битвѣ роковой, —
 Хотя въ нашъ вѣкъ не съ тиграми и львами
 Имъ суждено вступить въ кровавый бой:

Нѣтъ! *объ нихъ самихъ*, — съ ихъ горемъ, съ ихъ страстями
 Сворачивается борьба ихъ!.... Нѣтъ! — Съ судьбой
 На живанъ и смерть должны они сражаться,
 И свѣту, умирая, улыбаться....

А газъ горить.... а музыка греметь....
 А балъ блеститъ всей пышностью своею....
 Толпа гостей волнуется, кипитъ....
 Любуется хозяинъ гордо ею,
 Онъ думаетъ, что завтра прожужжитъ
 Молва о немъ, хвалою и лестью вѣя....
 И праздникомъ доволенъ онъ своимъ, —
 А свѣтъ, почетный гость, доволенъ имъ!....

Село Вероново, 14 Августа, 1850 года.

Гр. Е. Ростопчина.

КОРОЛЕВИЧЬ.

(Изъ Уланда.)

1.

На тронъ прадедовъ сидитъ
 Съдой король въ палатъ;
 Златой вѣнецъ его горитъ,
 Какъ солнце на закатъ.

«Ты первый сынъ мой, ты второй:
 Вамъ царство раздѣляю;
 А ты, мой милый сынъ меньшей,
 Тебѣ что завѣщаю?»

— Три корабля мнѣ только дай,
 Да старую корону,
 И я пущусь въ далекій край
 Искать дорогу къ трону.

2.

На декъ юноша стоитъ,
 Любуясь кораблями;
 Играетъ рязвый вѣтерокъ
 Волось его кудрями.

Надулись паруса; скрипитъ
 Кормило; вымпель вѣтся;
 Кругомъ играя, рой удинъ
 За ними вслѣдъ несется.

«Я царь! все царство адъсь мое
 Со мною веселится;
 Какъ быстро вольное оно
 По свѣтлой влагѣ мчится!»

Вотъ громъ вдали загрохоталъ
 И тучи набѣжали,
 Сверкнули молніи по немъ
 И мачты затрещали.

Валы вздымаются горой
 Надъ черною пучиной,
 И тонетъ королевичъ мой
 Со всей своей дружиной.

3.

РЫБАКЪ.

Какъ жаль! тамъ потонулъ корабль
 Съ разбитыми снастями;
 Но, посмотри, никакъ пловецъ
 Тамъ борется съ волнами.

Онъ бьетъ ихъ мощною рукой,
 Опасность презирая!
 На головъ его блещитъ
 Корона золотая.

ЮНОША.

Я царскій сынъ; но мнѣ чужда
 Отчизна дорогая;
 Меня на свѣтъ произвела
 Мать слабая, земная;

Но море сильное мнѣ жизнь
 Вторично даровало;
 Какъ мать, тамъ оно меня
 Съ дружиною качало.

Тѣ потонули, а меня
 Волна сюда прибила:
 Звать, быть мнѣ адѣсь царемъ у васъ
 Судьба опредѣлила,

РЫБАКЪ.

Ты съ удочкой къ берегу ходишь
 И ранней и поздней порой,
 И рыбу все ловишь и ловишь,
 А все не поймаешь ни одной.

ЮНОША.

Не рыбу ловить прихожу я
 На берегъ пустынный морской:
 Мнѣ видѣлось много сокровищъ
 Внизу подъ зеленой волной.

Ъ.

Какъ царь, тамъ ходить гордый левъ
 И гривой потрясаетъ,
 И грозный властелина ревъ
 Пустыню оглашаетъ.

Но я въ степяхъ найду его,
 Сражу своей рукою,
 И гривой пышною его
 Плеча свои покрою.

Орель въ поднебесьи парить
 Надъ темною дубравой,
 Онъ къ солнцу вѣчному стремить
 Полетъ свой величавый.

Но я пернатую стрѣлой
 И тамъ его достану, —
 Своєю кровью предо мной
 Онъ обогреть подлану.

6.

По дебрямъ скачетъ дикій конь,
 Лишь пыль столбомъ несется,
 Изъ-подъ копытъ летитъ огонь,
 И грива съ вихремъ вьется.

Но королевичъ овладѣлъ
 Конемъ неукротимымъ,
 И взвился конь и полетѣлъ
 Съ бойцомъ неустрашимымъ.

И обитатели долины
 Дивятся исполнану,
 Который соколомъ съ вершинъ
 Несется въ ихъ долину.

Могучій конь подъ нимъ храпитъ,
 И пышетъ дымъ ноздрями,
 Изъ-подъ копытъ огонь летитъ,
 И вьется пыль клубами.

Къ нему народъ со всѣхъ сторонъ
 Стекается толпами:
 «Къ намъ небесами посланъ онъ —
 Да царствуетъ надъ нами!»

7.

Стоит высокая скала ,
 Куда порой влетаетъ
 Одинъ орелъ, — тамъ страшный змѣй
 Издавна обѣгаетъ.

Онъ тамъ въ развалинахъ лежитъ
 Оградою живою ,
 Сверкаетъ гребнемъ и гремитъ
 Сребристой чешуею.

Но безъ меча и безъ щита
 Царевичъ достигаетъ
 Одинъ вершины страшной той ,
 И змѣя обнимаетъ.

Цѣлуетъ три раза его , —
 И диво совершилось —
 Очарованье волшебства
 Мгновенно сокрушилось.

И на рукахъ его лежитъ
 Царевна молодая —
 И пышный замокъ передъ нимъ
 Стоитъ , скалу вѣнчал.

8.

Король съ супругою сидитъ
 На тронѣ средь народа ;
 Златой вѣнецъ его горитъ ,
 Какъ солнце въ часъ восхода.

И рыцари, и пышный дворъ —
 Всѣ вокругъ него толпятся,
 Всѣ на чегу вперяютъ взоръ ,
 Глядеть-не наглядатся.

Стоитъ въ кругу вельможъ двора
 Пѣвецъ слѣпой, согбенный;
 Онъ чувствуетъ — пришла пора
 Для пѣсни вдохновенной.

И спала вдругъ съ его очей
 Завѣса вѣчной ночи,
 И трона блескъ, и свѣтъ огней
 Его узрѣли очи.

И вдохновеніемъ горя,
 Онъ взялъ златую лиру,
 И славу юнаго царя
 Воспѣлъ на диво міру.

Ө. Миллеръ.

ДЛЯ МИЛЫХЪ.

Я стою передъ иконою
 И безъ словъ молюсь;
 Я молюсь Тебѣ, Создатель,
 Объ одномъ прошу:
 Пусть пошлетъ мнѣ страданье;
 Духъ къ нему привыкъ, —
 Пусть меня забудутъ скоро
 Всѣ, кого люблю;
 Пусть забудутъ, пусть разлюбятъ,
 Только, — Боже мой! —
 Посылай мнѣ, чаще радость,
 Счастье посылай,
 Если есть его на долю
 У Тебя мою —
 Эту долю мнѣ милымъ
 Раздѣли, молю!

Ю. Ж.

Мартъ, 1850 г. ?

Н О Ч Ь.

Отъ чего я люблю тебя, свѣтлая ночь!
 И затѣмъ не могу я разстаться съ тобой!...
 И за что я люблю тебя, тихая ночь!
 Ты не мнѣ — ты другимъ посылаешь покой.

—

Что мнѣ звѣзды, луна, горизонтъ, облака,
 Этотъ свѣтъ, что скользилъ на холодной гранитъ,
 Превращаетъ въ алмазы росинки цвѣтка,
 И какъ путь волотой черезъ море бѣжить!
 Ночь!—за что мнѣ любить твой серебряный свѣтъ?
 Усладить ли онъ горечь скрываеваемыхъ слезъ;
 Дастъ ли жадному сердцу желанный отвѣтъ;
 Разрѣшить ли сомнѣнья тяжелый вопросъ?

—

Что мнѣ сумракъ холмовъ, трепеть сонныхъ листовъ,
 Моря темнаго вѣчно шумящій прибой,
 Голоса насѣкомыхъ во мракъ садовъ,
 Гармоническій говоръ струн ключевой!
 Ночь! за что мнѣ любить твой таинственный шумъ?
 Освѣжить ли онъ знойную бездну души,
 Заглушить ли онъ бурю мятежную думъ,
 Все, что жарче въ потьмахъ и сильнѣе въ тиши!

—

Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь,
 И затѣмъ не могу я растаться съ тобой?
 Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь! —
 Отъ того, можетъ быть, что дадекъ мой покой!.....

30 Августа 1850.

Масандра, на южномъ
 берегу Крыма.

Я. Полонскій.

МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ.

(Изъ книги, изданной М. Максимовичемъ. Москва, 1827.)

ВѢЮТЬ ВѢТРЫ.

Віють вѣтры, віють буйны.

Віють вѣтры, віють буйны,
Ажъ деревья гнутся.
Охъ, болитъ мое сердечко,
Слезы такъ и льются!

Въ лютомъ горѣ, безъ милова,
Я веселье трачу;
Только станетъ легче сердцу,
Какъ пойду поплачу!

Не помогутъ слезы счастью,
Сердцу легче будетъ....
Кто счастливъ былъ хоть часочикъ,
Повѣкъ не забудеть!

Есть же люди — и сиротской
Завидуютъ долѣ....
Но счастлива ль та былинка,
Что выросла въ полѣ?

Въ чистомъ полѣ, на припекѣ,
Безъ росы, безъ крова....
Тяжко, тяжко на чужбинѣ
Безъ дружка милова!

Безъ милова, дорогова,
Сталь мнѣ свѣтъ тюрьмою;
Безъ милова нѣтъ мнѣ счастья,
Нѣтъ мнѣ и покою!

Погляди — поди, мой милый,
 Какъ я здѣсь горюю,
 Какъ слезами подливаю
 Мою долю злую!

—
 Кто жъ меня здѣсь приласкаетъ?
 Кто, другъ, приголубитъ?
 Коли нѣтъ того со мною,
 Кого сердце любить!

—
 Полетѣла бъ я къ милѣму,
 Да куда — не знаю!
 Безъ него я сохну, вану,
 Всякъ часъ умираю!

ДОЛЯ.

Де ты ходышь, моя доле?

Гдѣ ты, гдѣ ты, моя доля?
 Гдѣ ты, долюшка моя?
 Исходилъ бы, распросилъ бы
 Всѣ сторонки, всѣ края!

—
 Аль ты въ полѣ, при долинь,
 Дикимъ розаномъ цвѣтешь?
 Аль кукушечкой кукуешь?
 Аль соловушкомъ поешь?

—
 Али въ морѣ, межъ купцами,
 Ты считаешь барыши?
 Аль въ хоромахъ гдѣ воркуешь
 Подлѣ двицы-души?

Али въ небѣ ты гуляешь
 По легучимъ облакамъ,
 И расчесываешь кудри
 Красну солнцу и звездамъ?

Гдѣ ты, гдѣ ты, моя доля,
 Доля, долюшка моя?
 Чтѣо никакъ не допытаться,
 Не докликнусь я тебя!

В Ъ Д А.

Ой, пойду, я, пойду, съ сего хутора пойду?

Я пойду, пойду, изъ хутора пойду:
 о покину ли я въ хуторѣ буду?

Оглянулась я дорогой, а буда
 Горемыку догоняетъ по слѣдамъ!

Что, буда, ты увязалась такъ за мной?
 — Я вѣнчалась, безталанная, съ тобой! —

Что, буда, ты уцѣпилась такъ за мной?
 — Я родилась, безталанная, съ тобой! —

Н. Берез.

СЕЛО ТУРБАН.

(СТАРИННОЕ МАЛОРОССИЙСКОЕ ПРЕДАНИЕ.)

Горячее солнце жгло не только степь, но и богатое село съ каменной церковью, съ высокой колокольней; нѣтъ отъ него въ защиту ни рощи, ни лѣска; кой-гдѣ только, на огородѣ между подсолнечниками съ опущенными, завялыми листьями, стоитъ небольшая яблоня, да вишня еще меньше ея. — Но за то широкая рѣка окружаетъ это село почти со всѣхъ сторонъ, и по ней, и по ея заливному болотистымъ берегамъ, тлѣются длинныя гати; она просвѣжаетъ воздухъ, да и степной вѣтеръ влетаетъ прямо въ село, переговора на перепутьи съ тростникомъ, который, кланяясь ему, шумно отвѣчаетъ и потомъ выпрямляется высоко, высоко, выше роста челоуѣка, и шелеститъ своими сѣмляками, точно пересыпаетъ серебряныя блески. — Но все не весело жить тутъ безъ живой зелени, безъ тѣнистыхъ рощъ: такъ кажется, когда глядишь на это мѣстоположеніе, какъ будто давно не знаешь, что въ самыхъ чудныхъ мѣстахъ грустное сердце не развеселится, а веселому хорошо и въ садикъ съ одной аллеей изъ акацій и въ тѣсной комнатѣ.

Взгляните въ садъ при панскомъ домѣ — домъ бѣлый, въ одинъ этажъ, покрытъ такъ же какъ избы, ровно, красиво, глянцовитымъ тростникомъ; въ этомъ почти безтѣнномъ саду нѣсколько яблонь, вишень; все въ немъ позавяло, высохло; только у заборовъ черная, сочная ежевика виситъ въ множествѣ между густой своей зелени и защитныхъ, острыхъ шиповъ; но они не защитятъ ее. Молодая пани, свѣжая, румяная, какъ яблоня въ цвѣту, съ толпою дѣвшекъ, дѣвочекъ, проворно собираетъ ягоды; раздаются пѣсни, говоръ, смѣхъ. — Пани каждый разъ, когда алая кровь, какъ гранатинка, блеснетъ на ея бѣлой рукѣ, отпрыгиваетъ отъ куста съ смѣхомъ и крикомъ; дѣвочки, уколотившись, морщатся, а между тѣмъ все глубже лѣзутъ въ кусты, набирая столько же въ ротъ, сколько въ корзинки.

На коврѣ и подушкахъ, подъ яблонью, лежатъ двое молодыхъ людей. Одинъ, выпуская струи дыма и любуясь хорошенькой пани, такъ беззаботно доволенъ и всѣмъ, и собой, что на него весело смотреть. Другой, опустя руку съ погасавшей трубкой, глубоко задумался. — «Ну, перестань, моя Марусенька», говоритъ первый, «колоть свои бѣлыя ручки, поди лучше ко мнѣ, отдохни, поговори со мной». — «Погоди, погоди» — отвѣчаетъ пани, съ любовью и весельемъ взглянувъ на него; — «сейчасъ моя корзинка будетъ полна, тогда и на отдыхъ. — А ужъ какое же я варенье сварю для дорогихъ гостей!» Она лукаво посмотрѣла на задумавшагося молодого человѣка, но онъ не видалъ ея взгляда. — «Да и васъ сегодня угощу славнымъ пирожнымъ.» — «Не надо, поди только сюда поскорѣй сама». — «Неблагодарный! вогъ трудись для нихъ, — только что выучивалась быть хозяйкой, а онъ мѣшаетъ; ну да ужъ быть по твоему. — Шабашъ, дѣвчата, идите домой. Возьми мою корзинку, Катря», — сказала она одной изъ дѣвушекъ, которая всѣхъ лѣтнихъ собирала ягоды и безпрестанно глядѣла въ ту сторону, гдѣ лежали молодые люди. Маруся подбѣжала къ яблонѣ, смѣясь бросилась на коверъ, и обнявъ одной рукой говорившаго съ ней, другую дружески протянула его товарищу, говоря ему: — «Что ты задумываешься, милый братецъ? мнѣ бы хотѣлось, чтобы всѣ смѣялись, веселились, какъ я. Я такъ счастлива съ моимъ Андреемъ, что всѣхъ бы хотѣла сдѣлать счастливыми, а тебя, Юрій, непременно и сдѣлаю.» — «Вишь счастливица кака!» проворчала Катря, проходя медленно мимо съ корзинкой въ каждой рукѣ, — «лучше намъ было безъ тебя: однимъ счастье, другимъ — слезы.» — «Какое же будетъ мое счастье?» спросилъ, улыбаясь, молодой человѣкъ. — «Разумѣется, ты женишься, женишься на моей милой подругѣ, на моей умной, хорошенькой Ганусѣ.»

Катря остановилась, руки ея дрогнули; сперва изъ одной корзинки, потомъ изъ другой, посыпались ягоды. — «Это что? кака ты неловкая!» — закричала съ смѣхомъ пани: — «что здѣсь съешь, не выростутъ». Юрій покраснѣлъ; потомъ засмѣялся, сказалъ: — «Ну, а если я любезная сестрица, не

найду твою подругу ни умной, ни хорошенькой?» — «Ты хочешь разсердить меня, да не удастся: я знаю, какъ только ты ее увидишь, то сердце такъ забьется, что и не сладишь съ нимъ.» — «Едва ли, едва ли!» — «А вотъ увидимъ — Ахъ, Боже, мой; вотъ этотъ разговорился, разсмѣялся: такъ мой муженекъ задумался! Эхъ, право, какіе вы! — Что съ тобой мой милой? ужъ тебѣ бы, кажется, не объ чемъ грустить». — «Конечно, мнѣ не объ чемъ грустить съ тобой, моя Марусенька, мое счастье; да дѣла заботятъ.» — «Дѣла? брось ихъ эти гадкія дѣла.» — «Радъ бы бросить, да покойный батюшка еще въ послѣднюю болѣзнь просилъ продолжать непременно дѣло, начатое имъ съ козаками, которые живутъ у насъ въ селѣ, и не уступать этимъ сорванцамъ. — Они съ батюшкой до такой вражды дошли по этой тяжбѣ, что ужъ не зѣмли, а ненависть заставляла ихъ судиться; онъ даже начиналъ ихъ бояться.» — Катря какъ-то странно, дико посмотрѣла въ даль, и быстро ушла изъ саду. — «Ненависть! Фу! » сказала пани: — «пожалуй, она и въ твою душу заберется, если ты будешь тягаться и знаться съ этими подьячими, которыхъ я терпѣть не могу; брось эту тяжбу, милый Андрей,» — продолжала она, нѣжно обнимая его и смотря прямо ему въ глаза свѣтленькими, просищими глазками, которымъ, казалось, мудрено отказывать. — «Подумаю» — отвѣчалъ мужъ, цѣлуя ее. — «Что тутъ думать, другъ мой...» — Пани прервала пришедшая старуха, которая остановилась, любуясь счастливой парочкой, и весело улыбаясь, сказала совсѣмъ не то, за чѣмъ пришла. «Выглянула я тебя на радость, паньчъ мой ненаглядный, вотъ долю-то Господь послалъ — что за раскрасавица, и голосочикъ-то какой, словно птичка пѣвчая, и доброта-то ангельская. — «Ну, ну, перестань меня хвалить» — сказала, смѣясь, Маруся — «я знаю, ты хитришь, няня: моему Андрею подлаживаешься, — скажи лучше, за чѣмъ ты меня звала?» — «Да вѣдь ты, какъ слѣдуетъ хозяйкѣ, хотѣла сама пирожное заправить.» — «Ахъ да! я было забыла». — И поцѣловавъ мужа, она вспрыгнула, и побѣжала къ дому. Мужъ ее и его братъ встали и пошли за ней; старуха тоже потащилась за ними въ слѣдъ, повторяя: «радость ты наша! красное наше солнышко!»

Тихъ, ясесть вечеръ. Пани весело гуляетъ съ мужемъ и его братомъ. Дѣвушки и дѣвочки качаются на дворе на качеляхъ, поютъ звонкія пѣсни ; одной только нѣтъ — Катри.—Она ушла, далеко, за мельницу, и покуда шла она туда, ноги ея дрожали, щеки горѣли, но не тѣмъ стыдливымъ румянцемъ, который вспыхиваетъ въ то время, какъ сердце бьется радостной надеждой или замираетъ тихой болзною; румянецъ этотъ все гуще и гуще, багровыми пятнами выступалъ на ея щеки, а сердце то билось неровно, то останавливалось, какъ подъ холодной, сдавливающей рукой. Катря не одна; съ ней нѣсколько козаковъ; одинъ уже немолодой, надвинувъ шапку на густыя брови и покручивая длинный усъ, всѣхъ внимательнѣе слушаетъ ея прерывистую рѣчь. — «Да, говорить она, ужъ это не старый панъ, который свои денежки жалѣлъ; нѣтъ, этотъ ничего не пожалѣетъ, все, что есть въ кладовой, отдастъ, а добьется своего; а въ кладовой-то у насъ, въ сундукахъ, цѣлыя мѣшки съ рублевиками, заржавѣли ижно лежавши, а серебра-то серебра ковши такіе, что и не подымешь.» — Глаза козака блеснули жадностью, и двое еще приблизились къ Катрѣ — «Что это вы, братцы,—сказалъ молодой парубокъ, красивый собой,—что намъ до его кладовой, мы не разбойники».... «Не разбойники, прервала Катря, а скоро, какъ разбойниковъ, васъ закуютъ въ желѣзо и завезутъ Богъ знаетъ куда».... «Какъ?» — спросили всѣ. — «Да такъ, панъ нашъ ужъ это знаетъ и ждетъ только бумаги.» — «Да за что?» — «За то, что вы смѣли съ нимъ тягаться въ неправомъ дѣлѣ!» — «Въ неправомъ!» — «Ну! доказывайте вашу правость, петерпѣливо сказала Катря, съ желѣзомъ на ногахъ и рукахъ. Нашъ панъ свою золотомъ и серебромъ доказалъ. Жаль мнѣ васъ; а ужъ смѣется жъ онъ надъ вами, дурнями.»—Козаки нахмурились, задумались. — Катря ушла, а они долго еще стояли и толковали, и рѣчи ихъ все становились сердитѣе, грознѣе.

Всю ночь мелькали огни въ панскомъ домѣ, но было что-то страшное, зловѣщее въ этихъ перебѣгающихъ огняхъ. Всю ночь слышался тамъ шумъ, но въ немъ сливались стоны съ какимъ-то ужасающимъ, враждебнымъ говоромъ.

Взошло солнце. Весело прыгают хохлатые жаворонки вдоль дороги; зимородокъ, не уступающій красотой своимъ бирюзовымъ перьямъ заморскимъ птицамъ, порхаетъ надъ свѣтлой рѣкой; тихо, серебристо шумить тростникъ, качаясь при легкомъ утреннемъ вѣтеркѣ. Высокая коляска такой формы, что нынче уже и не увидишь, тащилась на шести лошадахъ по всегда грязной гати. — «Батюшка, велите поворотить въ село, а не къ панскому дому,» — сказала молодая дѣвушка старику, сидѣвшему возлѣ нея. — «Это за тѣмъ?» спросилъ удивленный старикъ — «Да надо же приче- саться, принарядиться.» — «Ахъ вы, дѣвушки, хороши! — сказалъ сивая старикъ, — наряды дороже любимой подруги; я думалъ, что ты и минутки потерять не захочешь, такъ нетерпѣливо ждешь увидѣть свою пани Марусю, съ которой не видѣ- лась съ ея замужства.» — «Да вѣдь она не одна,» покраснѣв- шись, прошептала дѣвушка. Старикъ захохоталъ громкимъ басомъ, и высунувшись изъ коляски, закричалъ: «Петро, въ село къ первой хатѣ.» — Равнодушный Петро повернулъ туда, не подумавъ даже, что бы значило новое приказаніе господина, котораго онъ прежде везъ прямо въ панскій домъ.

Остановились у маленькой бѣлой хатки съ крошечными окнами; казалось, какъ и войти въ такой игрушечный до- микъ? какъ въ немъ жить? шевелятся? — Но хотя и тѣсно, а шевелиться въ немъ можно, не опасаясь запач- каться о грязныя стѣны; и внутренность его игрушечная: узенькія лавки, на которыя можно присѣсть, а не сѣсть, гладко выструганы, столъ накрытъ бѣлымъ, вышитымъ по концамъ, полотенцемъ; зеркальцо въ вершокъ, драпировано тоже вышитымъ полотенцемъ; образа, блестящей фольги, окружены гирляндами изъ бумажныхъ цвѣтовъ; по бѣлымъ стѣнамъ, вокругъ оконъ и вокругъ печки, выведены крас- ныя каемочки.

Дѣвушка вбѣжала въ хату; за ней вошла толстая гор- ничная, таща претолстый мѣшокъ. Въ хатѣ была одна ста- руха, и казалась очень озабоченною: въ рукахъ ея было что-то блестящее, съ которымъ она не знала куда дѣваться, и носила прятать то въ тотъ, то въ другой уголь. —

Не ласково встрѣтила она вошедшихъ. — Дѣвушка смутилась, но горничная стала прехладнокровно располагаться; говоря: — «Ну вотъ еще, слушай всякую: вѣдь ей, старой вѣдьмѣ, панъ за постой заплатитъ.» — Не долго продолжался туалетъ; но сколько передумала молодая дѣвушка, сколько перечувствовала опасенія, надежды, радости, боязни.... По нисѣманъ своей подруги, она почти влюбилась въ блестящіе глаза, въ черныя усики; въ умъ, въ душу Юрія. Не одинъ разъ спросила она у своей горничной: хороша ли она? Не одинъ платочикъ перемѣнила на волнующейся груди.

— «Шу, Гануся, что жъ ты скоро ли? — закричалъ за дверью старикъ, — тебѣ наряжаться, а мнѣ ѣсть хочется: пожалуй, и къ обѣду не поспѣемъ.» — «Я готова, батюшка.» — Они сѣли въ коляску; съ трудомъ вмѣстившись въ нее опять горничная съ мѣшкомъ. — Лошади, которыя при остановкѣ надвѣялись, что ихъ отложить и накормить, не вдругъ рѣшились опять везти тяжелую коляску. — Но до панскаго дома не далеко, — нѣсколько: ну! ну! и ударовъ кнута — и они на дворъ. На дворъ никого нѣтъ; никто не выходитъ. — «Странно, — замѣчаетъ старикъ, — какъ не слышать, что къ нимъ ѣдутъ, особливо наша коляска и гремитъ и звенитъ.» — Входятъ на крыльцо, въ залу; Гануся то хочетъ опередить медленные шаги своего отца, чтобъ скорѣй увидѣться съ своей подругой, то опять останавливается, боясь встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь другимъ. — Въ залѣ все въ безпорядкѣ: разбитое стекло, фарфоръ, опрокинутые стулья, столы. — «Ай-да покутили! вотъ молодежь-то, — съ смѣхомъ говоритъ старикъ, — не мудрено, что теперь ничего не слышать.» — Смяясь, идетъ онъ въ гостиную по свѣжему слѣду крови; но какъ придти на мысль, что это кровь! Отворилъ дверь и — остолебнѣлъ отъ ужаса. — Хозяева тутъ на полу мертвые, обезображенные: Андрей обнялъ одной рукой жену свою, а другая у него отрублена. Маруся не закрытыми глазами безжизненно глядитъ на него, какъ глядѣла въ послѣднюю минуту; на ея блѣдомъ платьѣ и на черной длинной косѣ запеклась кровь. Въ нѣсколькихъ шагахъ Юрій: оледенѣлая рука, безъ двухъ пальцевъ, не выпускаетъ тяжелаго сере-

брянаго подсвѣчника, погнутаго, изломаннаго: видно, дорого продалъ онъ жизнь свою; грудь его во многихъ мѣстахъ взранена, голова проломлена; но какъ густы, какъ блестящи его черныя кудри, какъ длинно спускаются темныя рѣсницы на правильныя черты, какъ хороши уста и теперь, сжатые гнѣвомъ; и что бы было, еслибъ они улыбнулись, еслибъ длинныя рѣсницы поднялись надъ блестящими глазами. — Гануся, то съ воплемъ цѣлуетъ свою мертвую подругу, то безмолвно глядитъ на своего мертваго суженаго. — Вдругъ, къ ней приближается живое существо, котораго она не замѣтила, но и оно едва похоже на живое; лице такъ же блѣдно какъ у мертвыхъ; губы посинѣли, открытые глаза стоятъ. — «Такъ это ты, моя разлучница, ты, красавица-невѣста! — говоритъ Катря, и стоящія глаза ея забѣгали, засверкали дико, — снаряжайся подъ вѣнецъ, пирушка началась.» — Не успѣла Гануся опомниться отъ поваго испуга; разсмотрѣть: кто передъ ней; не успѣлъ отецъ ея оттолкнуть отъ нея страшную дѣвушку, какъ она, зарыдавъ, повалилась къ ней въ ноги, говоря: — «О лучше бъ я уступила его тебѣ, а не холодной смерти! Лучше бъ я зачахла отъ ревности, глядя на ваше счастье, да не была бъ злодѣйкой. Лучше бъ истомила меня кручина, даже грызла совѣсть, какъ теперь; я погубила ихъ, погубила; прости за нихъ, за себя, прости, — прости!... Да нѣтъ!... Нѣтъ мнѣ прощенья ни отъ людей, ни отъ Бога!...» закричала она, вскакивая, и дико взвизгнувъ, скрылась изъ дома. — Закрывая лицо, пробѣжала Катря дворъ, улицу, пробѣжала мимо дѣтей; которые стерегли телятъ и жеребятъ у рѣки, и исчезла въ тростникъ. Громко, звонко шумѣлъ тростникъ, отклоняясь и ломаясь подъ ея дрожщими руками. — «Это моя чалая лошаденка туда забралась» — сказала одна изъ дѣвочекъ, затыкая подолъ изодранной юбки за поясъ, и побѣжала отыскивать ее въ тростникъ втрое выше ея самой. — Всѣ дѣти побѣжали за ней, съ хохотомъ влѣзали они туда и искали тамъ. Вдругъ рѣзкій голосъ на самомъ уже берегу закричалъ: — прочь! Дѣти попрятались, но видѣли и слышали, какъ Катря бросилась въ воду. Съ крикомъ побѣжали они въ село.

Старикъ, наконецъ, пришедши въ себя, отвелъ дочь свою въ внутреннія комнаты. Отыскивая людей, онъ нашелъ въ взломанной кладовой старуху-нянюшку, связанную и едва живую; она ему рассказала нѣкоторыя подробности ужасной ночи. Всѣ другіе разбѣжались, попрятались.

На другой день, въ такое же свѣтлое утро, та же коляска ѣхала по той же гати, только въ противную сторону. Въ ней слышались тихія рыданья дѣвушки и грозная рѣчь старика: — «Не пощажу злодѣевъ, разбойниковъ, доберусь до нихъ — говорилъ старикъ, — всѣхъ въ бараній рогъ согну. Здѣсь начнутъ мягко судить, поѣду въ губернской городъ, тамъ не такъ — въ Петербургъ, до Царя дойду, — только тебя отвезу домой.» — «Нѣтъ не домой, батюшка, — сказала Гануся, — а въ Кіевъ; не суждено мнѣ быть замужемъ, не суждено, какъ я думала, быть сестрой любимой подруги, имѣть умнаго, милаго мужа, не хочу я другаго, пойду въ монастырь, буду за нихъ молиться.» — «Что ты? что это вздумала, какъ можно?» — «Нѣтъ, я не разстанусь съ тобой, я тебя не отпущу въ монастырь.» — «А вѣдь разставались со мной, отдавая человѣку: отъ чего жъ не хотите отдать Богу?» — Старикъ не возражалъ, но глубоко вздохнулъ. Печальна была ихъ дорога.

Не знаемъ, молилась ли черница за душу безвременно погибшаго, или живой заставилъ забыть мертваго. Но угрозы старика сбылись: много и много скованныхъ увели изъ села въ безвозвратный путь. Церковь упразднена: и она и домъ разрушились. Даже самое названіе «село Турбан» перемѣнено: теперь тутъ деревня Скорбная. Я рассказала то, что мнѣ показалось ясно изъ не совсѣмъ яснаго для меня Малороссійскаго разсказа стараго козака, въ хатѣ котораго мы останавливались въ этой деревнѣ. Послѣ, мнѣ совсѣмъ иначе разсказывали это ужасное событіе; но я отвѣчала, какъ одинъ Французскій авторъ, къ которому прислали достовѣрныя свѣдѣнія о городѣ, котораго онъ описывалъ осаду: *mon siége est fait* (моя осада уже написана), отвѣчалъ онъ. — Да и кто знаетъ, можетъ быть, это именно было такъ: догадка часто вѣрнѣе свѣдѣній.

П. Бакушина.

СВѢДѢНІЯ О НАРОДАХЪ, ОБИТАВШИХЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ ВЪ ДРЕВНІЯ ВРЕМЕНА.

Во второй книжкѣ 8-го нумера Москвитянина на 1849 годѣ, на страницѣ 88 и слѣд., помѣщено было библиографическое описаніе всѣхъ доселѣ изданныхъ мною книгъ, а въ первой книжкѣ 9-го нумера, на страницѣ 3, сказано, что по прошествіи двухъ столѣтій отъ сближенія Европейскихъ народовъ съ Китаемъ, я первый началъ *разкрывать неспр-ность свѣдѣній и неосновательность нѣкоторыхъ мнѣній* о семь государствѣ, укоренившихся въ Европѣ. Далѣе, на той же страницѣ, присовокуплено, что *Китай и Китайская имперія во всѣхъ изданныхъ мною сочиненіяхъ представляемы были въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они нынѣ существуютъ и въ гражданскомъ, и въ нравственномъ состояніи*; и то, что написано мною о семь государствѣ, прежде было написано и издано въ свѣтъ самимъ Китайскимъ правительствомъ, а мною токмо повѣрено, и съ точностію передано въ переводѣ. Но, повидимому, все это не вполнѣ проясняло мысль мою, и я на 4 страницѣ яснѣе выразилъ, что *Китай въ знаніи естественныхъ и математическихъ наукъ далеко отсталъ отъ Европы, такъ какъ Европа еще не дошла до Китая въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ*. Такими впу-шеніями я предварительно совѣтовалъ нашимъ ученымъ не слишкомъ и дешевить тѣмъ, что Китайцы сами о себѣ или о сосѣдственныхъ народахъ писали. Теперь настало время объясниться съ болѣею откровенностію, хотя откровенность эта, можетъ быть, нѣкоторымъ не очень понравится.

Сочиненіе, недавно изданное мною, подъ заглавіемъ: *Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азій въ древнія времена*, также есть извлеченіе изъ Китайскихъ династійныхъ исторій, переведенное съ строгою буквальною точностію: почему въ предувѣдомленія къ сему сочиненію преимущественно обрисованы свойства Китайской исторіи, какъ главнаго источника, изъ котораго и Европейскіе и Азіат-

скіе историки заимствовали свѣдѣнія о древнихъ Средне-Азіатскихъ народахъ. Послѣ столь отчетливаго понятія о Китайской исторіи, кажется, нѣтъ нужды читателю любопытствовать о самомъ переводѣ: но есть уважительная причина, которая облызываетъ меня предварительно сказать, что въ моемъ переводѣ открывается много несходства съ тѣми свѣдѣніями о древнихъ Средне-Азіатскихъ народахъ, которыя западными ориенталистами почерпнуты изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ со мною, и сіе несходство заключается притомъ *не въ перемѣнѣ словъ, а въ измѣненіи историческаго повѣствованія.* Въ обоихъ переводахъ одни и тѣ же источники, одни и тѣ же матеріалы; но въ переводѣ западныхъ ориенталистовъ не съ правильной точки наведенъ былъ взгядъ на исторію, а отсюда и значительная разность послѣдовала.

Съ того времени, какъ католическіе въвропроповѣдники проникли въ Китай, и получили первыя понятія о книжности Китайцевъ, родилась правильная мысль въ нихъ изслѣдовать по Китайскимъ историческимъ источникамъ происхождение народовъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена, и осуществилась самими же въвропроповѣдниками, которые, по изученіи книжнаго Китайскаго языка, положили начало вѣрному изслѣдованію. Они предположили не безъ основанія, что Китайцы, по давнему сосѣдству съ Средне-Азіатскими странами съ сѣвера, безспорно искони имѣли непосредственное сношеніе съ жителями тѣхъ странъ; и что Китайская исторія должна содержать хотя краткія свѣдѣнія объ ихъ обычаяхъ; а потому, утвердившись въ семъ мнѣніи, они съ заботливостію приступили къ разработыванію Китайскихъ историческихъ источниковъ. Достохвальный примѣръ ихъ и въ другихъ возбудилъ охоту къ продолженію сихъ трудовъ, впрочемъ довольно тягостныхъ по новости содержанія. Извѣстно, что надъ исторією древнихъ Средне-Азіатскихъ народовъ долго лежалъ густой туманъ, сквозь который рѣдко и слабо просвѣчивали сказанія современныхъ Греческихъ и Азіатскихъ историковъ; и потому самыя сіи сказанія требовали основательныхъ изслѣдованій и поясненій.

Три находятся пути для изслѣдованія древнихъ историческихкихъ происшествій: *путь прямой, путь косвенный и путь мечтательный* (фантастическій). Когда исторія открываетъ слѣдъ древнихъ происшествій въ письменныхъ современныхъ памятникахъ, географія указываетъ мѣсто, хронологія показываетъ время ихъ событій: то это есть прямой путь, который вѣрно ведетъ къ цѣли, когда идемъ по сему пути съ должною осмотрительною, не уклоняясь въ стороны. Но если время нѣсколько сгладило и фактическіе и фактическіе слѣды древнихъ происшествій, то разсудокъ предписываетъ въ семъ случаѣ собирать данныя, прикосновенныя къ современнымъ обстоятельствамъ изслѣдываемыхъ происшествій. Разобравъ сіи данныя съ критическимъ взглядомъ, и расположивъ съ логическою правильною, должно извлекать отсюда выводы, которые могли бы приблизительно пополнить утраченную исторію, т. е. разъяснить темныя мѣста. Это есть косвенный путь, то есть путь производить изслѣдованія чрезъ соображеніе постороннихъ историческихкихъ данныхъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ прикосновенныхъ къ разсматриваемымъ событіямъ. Сей путь требуетъ основательности въ сужденіяхъ, чтобы правильно опредѣлить самыя признаки историческихкихъ слѣдовъ. Когда же не откроемъ слѣдовъ, съ которыхъ можно было бы начать изслѣдованія, то остается прибѣгать къ догадкамъ и предположеніямъ, основаннымъ на созвучіи словъ, или на поверхностной вѣроятности обстоятельствъ; и посему самыя умозаключенія, выводимыя изъ сихъ догадокъ и предположеній, не имѣютъ твердаго основанія, а подобно миражу представляютъ только признаки неопредѣленныхъ предметовъ. Это есть мечтательный путь, на которомъ цынѣшнее *безотчетное впрованіе ученыхъ въ непогрѣзительность авторитетовъ и обольстительное самооптніе* иногда далеко отводятъ насъ отъ прямого пути въ стороны. Въ продолженіе послѣдняго и въ началъ настоящаго столѣтія въ Европѣ, это былъ любимый путь для историческихкихъ изслѣдованій, проложенный упорительною мечтою, что съ Европейскимъ просвѣщеніемъ сопряжено какое-то высшее знаніе вещей; почему и ссылки

на извѣстныхъ писателей приводимы были безусловно, т. е. вовсе не подвергались критической повѣркѣ; а отсюда сколько произошло невѣрностей въ изслѣдованіяхъ, сколько погрѣшностей въ умозаключеніяхъ! Къ чести вѣропроповѣдниковъ, подавшихъ первую мысль къ изслѣдованію Китайскихъ историческихъ источниковъ, должно сказать, что они въ самомъ началѣ стали на точкѣ, съ которой имъ открытъ былъ прямой путь къ правильному изслѣдованію; но вмѣсто того, чтобъ идти прямымъ симъ путемъ, они захотѣли прежнія Европейскія свѣдѣнія о древнихъ Средне-Азіатскихъ народахъ повѣрять, и даже, въ случаѣ небольшой разности, согласить съ Китайскими извѣстіями. Въ этомъ *первоначально состояла погрѣшность ихъ*; ибо при семъ случаѣ, отдавая справедливость Европейскому просвѣщенію предъ Азіатскимъ, они дозволили себѣ пренебречь осторожностію въ критической повѣркѣ коренныхъ актовъ и фактовъ; и потому, при каждой встрѣчѣ несогласія въ обоюдномъ повѣствованіи, мало по малу отступали отъ Китайскихъ подлинниковъ, и такимъ образомъ непримѣтно отклонились на путь косвенный. Когда же ихъ послѣдователи и на семъ пути встрѣтили немало-важныя затрудненія въ согласованіи разности повѣствованій съ событіями, то принуждены были сойти на путь мечтательный, и, при семъ переходѣ, напали на ложныя понятія о народныхъ названіяхъ, что еще болѣе разстроило ихъ работу. Желая наконецъ исправить погрѣшности Китайскихъ историковъ, они рѣшились измѣнить самый порядокъ народовъ, какъ въ происхожденіи, такъ и въ названіяхъ, и сею передѣлкою уже дѣйствительно перепутали подлинную исторію Средне-Азіатскихъ народовъ.

Еще Виделу и Гобиль положили первое начало такимъ историческимъ превращеніямъ. Дегинъ въ своей исторіи о Гуннахъ, Тюркахъ и Монголахъ распространилъ ихъ новыми выводами.—Клапротъ въ своихъ Запискахъ объ Азіи присовокупилъ къ нимъ систематическое раздѣленіе Средне-Азіатскихъ народовъ, по которому сѣверно-восточные Авганистанцы, подъ названіемъ Усунь, названы потомками Ботническихъ Финновъ, потому только, что имѣли русые волосы

и голубые глаза.¹ Собственно, надлежало бы при изслѣдованіи сихъ народовъ *предварительно просмотрѣть весь Китайскій текстъ по порядку*, а западные ориенталисты упустили это изъ виду, и напротивъ, приняли въ основаніе одни *отрывки*, въ которыхъ текстъ, по существу своему, не могъ представлять непрерывной связи въ послѣдованіи историческихъ событій; и прерывчивость въ такомъ случаѣ необходимо влекла за собою неточность какъ въ историческомъ, такъ и въ этнографическомъ описаніяхъ. Подобныя замѣчанія должно было бы пояснить примѣрами изъ нашихъ историковъ; но исчисленіе такихъ примѣровъ столь велико, что можетъ навести большую скуку;² думаю, что въ Европѣ еще не забыли ученый споръ объ Ойхорахъ, иначе Уйгурахъ, недавно происходившій между двумя первоклассными ориенталистами нашего времени, изъ которыхъ одинъ доказывалъ, что *Уйгуры были Чешыцы*, т. е. Тюрки; а другой утвер-

¹ Осѣдлые народы въ Тюркистанѣ, такъ какъ Татары въ Россіи, наиболѣе имѣютъ правильное очертаніе лица, волосы каштановые, русые и свѣтло-русые, нрѣдка черные; а кочевые Тюркистанцы, въ числѣ ихъ и Крымскіе Татары, вообще имѣютъ смуглое калмыкообразное лице, волосы черные. Наши ученые, гоняясь за системами, вовсе не обращали вниманія на это.

² Въ Запискахъ о Монголіи, изданныхъ мною въ 1828 году, напечатана была краткая исторія Монгольскихъ племенъ, извлеченная изъ Китайскихъ источниковъ. Покойный Клапротъ возсталъ противъ сей исторіи; потому что она много, по его мнѣнію, содержала въ себѣ противнаго тому, что до сего времени писано было въ Европѣ о древнихъ обитателяхъ Монголіи, а онъ столько былъ увѣренъ въ справедливости переданнаго Европѣ западными ориенталистами, что даже напечаталъ въ журналахъ о своемъ предпріятіи опровергнуть мою исторію Монгольскихъ племенъ текстами изъ Китайскихъ источниковъ. Но когда началъ повѣрять переводъ западныхъ ориенталистовъ съ Китайскими подлинниками, то совершенно замолчалъ, а сказалъ только, *что если принять мою систему, то надобно сдѣлать большой переворотъ въ древней исторіи восточной Азіи*. Въ отвѣтъ ему съ моей стороны сказано было, что *я написалъ не систему, а самое краткое буквальное извлеченіе изъ Китайскихъ источниковъ*.

ждалъ, что Уйгуры были Тангуты. Въ самомъ началѣ, если бы разъ взглянуть на подлинную исторію сихъ народовъ, то дѣло безъ спора объяснилось бы одно чрезъ другое, и притомъ довольно просто. Въ послѣдствіи увидимъ, что споръ сей происходилъ безъ малѣйшаго соображенія времени, мѣста и обстоятельствъ въ отношеніи къ лицамъ; почему, хотя въ немъ замѣшаны были Чешыцы, Монголы, Тангуты и Китайцы, всего четыре народа, — а въ самой вещи Уйгуры, главный предметъ спора, были не Тангуты и не Чьшысыцы, а коренные западные Монголы, т. е. *Калмыки*; мнимые же Уйгуры западныхъ ориенталистовъ, обитавшіе въ царствѣ Гао-чанъ, были *выходцы изъ Китая*, какъ ниже увидимъ.

Въ последнее время предъ христіанскою эрою восточная оконечность Небесныхъ горъ находилась подъ Тюркскимъ княжествомъ Гушы. Китайскій дворъ, при первомъ покореніи восточнаго Тюркистана въ 104 году до Рожд. Христ., раздѣлилъ Гушы на два княжества: Чешы переднее и Чешы заднее.¹ Первое изъ нихъ занимало земли нынѣшняго Турпанскаго княжества на южной, а второе занимало земли отъ Баркюля къ западу до Хурь-хара-усу по сѣверную сторону Небесныхъ горъ. Владѣтель передняго Чешы имѣлъ пребываніе въ городѣ Гао-хэ-ченъ², а владѣтель задняго Чешы жилъ въ долинѣ Уту, лежавшей въ нынѣшнемъ уездѣ Ки-тхай. Первобытныя жители обѣихъ Чешы были коренные Тюрки, и тогда все народонаселеніе передняго Чешы не простиралось выше 700, а задняго Чешы выше 527 семействъ.

¹ Древняя дорога изъ Китая въ западный край лежала чрезъ Хухуноръ, простираясь по сѣверную сторону южныхъ горъ до Хотана; потомъ поворачивала на сѣверо-востокъ въ переднее Чешы, а оттолкъ на сѣверо-западъ въ заднее Чешы. Отъ сего географическаго положенія обѣихъ Чешы южное названо *переднимъ*, а сѣверное *заднимъ*. На картѣ предѣлы обѣихъ Чешы означены очертаніемъ дорогъ.

² *Гао-хэ-ченъ*. Это суть Китайскія слова, въ переводѣ: городъ на стрѣлкѣ. Сей городъ построенъ на стрѣлкѣ при раздѣленіи рѣки на два потока, окружающіе городъ съ восточной и западной стороны, отъ чего и Китайское названіе. Монголы превратили сіе въ Чжоха-хота.

Въ первый походъ Китайцевъ на Кокандъ, въ 104 году до Рожд. Христ., многіе изъ сего ополченія, изнуренные голодомъ при переходѣ чрезъ великую песчаную степь, ушли съ дороги въ переднее Чешы, и навсегда остались въ тамошнихъ горахъ. Симъ образомъ было положено начало первому Китайскому народонаселенію въ Чешы. При семъ должно замѣтить, что переднее Чешы, по географическому его положенію, и нынѣ составляетъ единственный ключъ для прохода Китайцамъ въ западный край; а Китаю въ то время необходимо было вооружить западные народы противу Хунновъ, чтобы развлеченіемъ силъ ихъ ослабить ихъ напоръ съ запада на юго-востокъ. Хунны видѣли это, и долго не допускали Китайцевъ утвердиться въ Чешы. Наконецъ въ 90 году предъ Р. Х., вступило въ переднее Чешы Китайское войско, и Чешыскаго владѣтеля отвело въ Китай плѣнникомъ. Но Чешыскій преемникъ и послѣ сего не хотѣлъ прервать связи съ Хуннами; почему въ 67 году переднее Чешы было вторично разорено Китайцами. Послѣ сего Хунны *перевели остальныхъ жителей изъ Чешы далѣе на востокъ*; а Китайскій дворъ для управленія оставленными землями поставилъ военнаго пристава, который близъ города Гло-хэчень построилъ въ 46 году до Р. Хрис. фортъ, чтобы сосредоточить военное управленіе симъ краемъ; а какъ фортъ расположенъ былъ на высокомъ и открытомъ мѣстѣ, а потому Китайцами и названъ *Гао-чанъ-лэй*.¹ Съ сего времени княжество Чешы долго находилось, съ небольшими пережками, подъ военнымъ управленіемъ Китайской державы. Наконецъ въ 343 году по Р. Хрис., Чжанъ Цзунь,² пра-

¹ *Гао* высокий, *чанъ* открытый, *лэй* изъ камня складенный, суть Китайскія слова.

² Въ продолженіе беспокойствъ, происходившихъ въ сѣверномъ Китаѣ въ IV столѣтіи, Китайскій сановникъ Чжанъ-Гуй, имѣя въ виду возобновленіе спокойствія въ Хъ-си, просилъ дворъ опредѣлить его правителемъ области Лянъ-чжэу въ губ. Гань-су. Принявъ сію должность въ 301 году, онъ успѣлъ благоразумными мѣрами прекратить политическія безпокойства въ Хъ-си, и въ награду за такую заслугу пожалованъ наследственнымъ владѣтелемъ страны сей. Внукъ его Чжанъ

витель царства Лянъ , превратилъ укрѣпленіе Гао-чанъ въ областный городъ Гао-хэ-гюнь , названный такъ по городу Гао-хэ-ченъ. Послѣ сего Гао-чанъ , по смутнымъ обстоятельствамъ въ Китаѣ , былъ подъ зависимостью то Хунновъ , то Китайцевъ. Наконецъ Китайское народонаселеніе , во все сіе время постоянно умножавшееся , превратилось въ аристократическую республику , и около половины пятого столѣтія Китайскій выходецъ Гань-Шуанъ самъ объявилъ себя правителемъ области Гао-хэ-гюнь. Но въ 444 году Китайскій же выходецъ Гюйкюй Вухой отнялъ сію страну у Гань-Шуанъ , и наследственно передалъ ее младшему своему брату Ань-чжэу. Гань-Шуанъ бѣжалъ въ Жужаньскую орду , гдѣ въ томъ же году и умеръ , а Жужаньскій Ханъ , по взятіи города Гао-хэ-гюнь , убилъ Ань-чжеу , и Гань Боч-жэу , родственника помянутому Гань-Шуанъ , поставилъ царемъ въ Гао-чанъ , въ 460 году. Съ сего времени бывшая Китайская область Гао-хэ-гюнь возведена на степень второстепеннаго царства подъ названіемъ Гао-чанъ-го , т. е. царство Гао-чанъ.¹ Съ шестаго столѣтія владѣтели сего царства начали вводить у себя Китайскій образъ правленія , что сѣвернымъ Кочевымъ очень не нравилось , и они старались всеми мѣрами препятствовать Китайскимъ нововведеніямъ. Симъ образомъ споръ между Китаемъ и Кочевыми о вліяніи на Гао-чанъ продолжался до 640 года , въ которомъ многочисленное Китайское ополченіе , 140 т. , вступило въ Гао-чанъ , и положило конецъ сему царству. По переписи , учиненной при семъ случаѣ Китайскимъ правительствомъ , оказалось , что владѣніе Гао-чанъ , по увѣренію западныхъ оріенталистовъ весьма сильное царство въ восточномъ Тюркистанѣ , заключалось въ 8046

Цаунъ , наследовавшій княженіе въ 324 году , объявилъ себя въ 342 году независимымъ владѣтелемъ ; но домъ сей въ свою очередь погибъ въ седьмомъ колѣнѣ , а царствомъ Лянъ овладѣлъ Китайскій полководецъ Люй Гуанъ ; возвращавшійся въ 385 году изъ похода въ восточный Тюркистанъ , куда онъ съ 100 т. войска посланъ былъ разорить усилившійся городъ Кучу.

¹ Царство Гао-чанъ существовало 180 лѣтъ.

семействахъ, изъ конхъ богатые и сильныя дома изъ аристократовъ въ то же время были выведены во внутренность Китая. Изъ сего краткаго историческаго обзора Чешы отъкрывается, что: 1) Городъ *Гао-чанъ* основанъ *Китайцами*, и царство сего имени, со времени его основанія въ 460 году до самаго паденія въ 640 году, *никогда Уйгурію не называлось*; 2) Жители царства Гао-чанъ *наибольше были Китайскіе выходцы, а не Тюрки* и также *никогда не назывались Уйгурами*; и 3) Подлинныя Уйгуры, до ихъ вторженія въ восточный Тюркистанъ въ 864 году, *никогда не были въ Чешы*.

Что касается до втораго мнѣнія, защитникъ его утверждаетъ, что нашелъ въ Исторіи Сананъ-Сэченя отрывокъ, въ которомъ сказано, что *Уйгуры были Тангуты*. Любопытство побудило меня нѣсколько разъ пробѣжать Сананъ-Сэченеву Исторію въ Китайскомъ переводѣ, но слово Уйгуръ ни однажды не встрѣчалось. Впрочемъ полная Исторія Уйгуровъ, изложенная въ актахъ и фактахъ Китайскихъ, безъ исключенія вся противорѣчитъ Сананъ-Сэченеву свидѣтельству; а изъ сего видно, что слова: «Уйгуры были Тангуты,» должны быть ошибкою вставленныя въ Сананъ-сэченеву исторію на Монгольскомъ языкѣ, что изрѣдка случается въ Китайскихъ рукописяхъ. И такъ изъ двухъ спорящихъ сторонъ каждая совершенно необдуманно, и притомъ *безъ всякаго основанія, защищала свое мнѣніе*.

Что касается до *подлинныхъ Уйгуровъ, иначе Ойхоровъ*, они имѣютъ совсѣмъ другое происхожденіе. За пять вѣковъ до Р. Хр. на сѣверныхъ предѣлахъ губерніи Шанъ-си обитали инородцы, названныя въ Китайской исторіи *Чи-ди*. Они говорили Хуннускимъ, т. е. Монгольскимъ, языкомъ. За два съ небольшимъ вѣка до Р. Х., Чи-ди, вытѣсненные изъ предѣловъ Китая за Великую стѣну на сѣверъ, осыли въ степяхъ отъ Ордоса къ западу противъ областей Гань-чжэу-фу и Лянь-чжеу-фу, подъ народнымъ своимъ названіемъ *Дили*, иначе *Тьлэ*. Въ 364 году по Р. Х. Дилисцы поддались Сяньбійскому дому Тоба, а въ концѣ сего столѣтія отложились отъ него, и ушли чрезъ Великую песчаную степь на

сѣверъ въ числѣ 15 союзныхъ домовъ или поколѣній, между которыми сильнѣйшими считались *Сяньто* и *Ойхорь*, иначе *Уйгурь*. Ся 15 поколѣній, по переходѣ Великой песчаной степи на сѣверъ, приняли народное названіе *Гао-гюй*¹, иначе *Гао-чѣ*, и раздѣлили между собою сѣверную Монголію отъ Аргуни до Тарбагатая. Тоба-Гуй сильно огорченъ былъ потерю сей обширной страны, принадлежавшей дому его, по праву завоеванія; почему въ 399 году предпринялъ походъ на сѣверъ, и неожиданно ударивъ на Гаогюйцевъ, нанесъ имъ великій уронъ и въ людяхъ и въ скотѣ. Въ 400 году Ханъ Шелуцъ, основатель Жужаньскаго ханства, претерпѣлъ поражение отъ Тобы-Гуй, при переходѣ Великой песчаной степи на сѣверъ, а въ 402 году ушелъ съ своимъ народомъ далѣе на сѣверъ, и покорилъ Гаогюйскія поколѣнія, что, вѣроятно, было главною причиною похода его на сѣверъ. Въ непродолжительномъ времени усилился домъ Дѹлга, потомокъ изъ дома Хунновъ, кочевавшій по южную сторону Алтая не подалеку отъ озера Убсы. Онъ покорилъ весь Гаогюйскій союзъ, и уничтожилъ Жужаньское ханство. Но Дулгайскій Чулоханъ началъ неистово поступать съ Гаогюйскими Князьями, и Уйгурскій Ханъ соединенными силами поразилъ его въ 628 году, а въ 647 году, когда царство Гаочанъ, мнимая Уйгурія западныхъ ориенталистовъ, было совершенно уничтожено, Уйгурскій Ханъ, со всеми 15 Гаогюйскими поколѣніями,² торжественно поддался Китаю. Впрочемъ Дулгайскій домъ съ небольшимъ чрезъ 30 лѣтъ снова усилился, и опять подчинилъ себѣ Гаогюйцевъ. Тогда Уйгуръ съ тремя другими поколѣніями обратно ушелъ чрезъ Великую песчаную степь на югъ, и расположился на прежнихъ земляхъ отъ Ордоса къ западу. Въ 741 году открылись у Дулгасцевъ смятенія, во время которыхъ Уйгурскій Ханъ уничтожилъ Дулгаскую

¹ *Гао-гюй*, высокая телега, суть Китайскія слова: это двуколесная арба.

² Въ сіе время въ Гаогюйскихъ поколѣніяхъ считалось 225 т. строеваго войска, а царство Гаочанъ состояло всего изъ 8046 семействъ. См. выше.

орду, и въ томъ же году, покоривъ всю сѣверную Монголію, положили основаніе Уйгурскому ханству; а изъ ориенталистовъ западной Европы ни одинъ не замѣтилъ, что это случилось по прошествіи шести лѣтъ по уничтоженіи царства Гаочанъ, мнимой изъ Уйгуріи. Но домъ Уйгуръ, прославившійся возстановленіемъ престола въ Китаѣ, послѣ войны съ Тибетомъ, въ свою очередь началъ приходить въ упадокъ; а въ 830 году въ самой ордѣ возникли смутенія, въ продолженіе которыхъ Хягасы наконецъ разорили Уйгурскую орду въ 847 году. Въ сіе время главныя силы Уйгуровъ уклонились съ Ханомъ своимъ на сѣверныя предѣлы Китаѣ, гдѣ послѣ совершеннаго разсвѣнія мало по малу вновь сосредоточились при Князѣ Пань-Далѣ, который въ продолженіе междоусобій въ Тибетъ занялъ его города Гань-чжеу, Су-чжеу и Ша-чжеу,¹ и основалъ здѣсь Уйгурское ханство. Но сей Ханъ, по заключенному съ Китаемъ союзу, вмѣшался въ войну съ Ордосскими Тангутами, которые, по завоеваніи помянутыхъ городовъ въ 1028 и 1038 годахъ, положили конецъ сему ханству. Пугу Цзинь, другой Уйгурскій Князь, при самомъ разрушеніи Уйгурской орды, ушелъ съ 48 поколѣніями своего народа на западъ въ Тарабагатай, и оттуда, распространяясь по сѣверной полосѣ Небесныхъ горъ, въ 861 году, поразилъ Тибетцевъ въ восточномъ Туркистанѣ, и основалъ здѣсь второе Уйгурское ханство, которое существовало до временъ Чингиза. Ханы носили титулъ Ар-сланъ-ханъ, и попеременно жили въ Урумци, Харамарь, Кучь, а наиболѣе въ Турпанѣ, въ которомъ, въ продолженіе трехъ съ половиною столѣтій, укоренили Уйгурское письмо, и донинѣ въ Турпанскомъ княжествѣ употребляемое; а сами чрезъ долговременную тѣсную связь съ туземцами приняли отъ нихъ и языкъ и религію ихъ. А какъ Турпанъ лежитъ въ той самой странѣ, которая предъ Рожд. Хр. составляла переднее Чешы и въ послѣдствіи царство

¹ Сія города съ 1-го вѣка до Р. Хр. принадлежали Китаю, но въ настоящее время завоеваны были Тибетцами, у которыхъ Уйгуры отняли ихъ.

Гаочанъ, то ориенталисты западной Европы безъ основанія вывели отсюда заключеніе, что Уйгуры по происхожденію были Тюрки, и переднее Чешы есть первобытное ихъ отечество, въ которомъ они еще до Рожд. Хр. обитали.

Китайскій дворъ, по уничтоженіи царства Гаочанъ, переименовалъ сіе владеніе округомъ Си-чжеу, и открылъ въ немъ главное военное правленіе. До покоренія Гаочана Дулгасцы занимали земли, принадлежавшія заднему Чешыскому владѣтелю; а когда Китайцы взяли Гаочанъ, то и Дулгасцы покорилось Китаю. Почему въ земляхъ задняго Чешы открытъ округъ Тьхинъ-чжеу, а въ 704 году открыто въ семь округъ правленіе сввернаго намѣстника. Послѣ сего западный край былъ покоренъ Тибетцами, а съ того времени, какъ Уйгуры вытѣснили Тибетцевъ изъ Тюркистана, и сами заняли сію страну, Гаочанъ, какъ главное мѣстопробываніе подлинныхъ Уйгуровъ, принялъ названіе *Уйгурь* или *Уйгуріи*. При династіи Сунъ Уйгуры изъ Си-чжеу, т. е. изъ Гаочанъ, прислали въ Китай посланника. При династіи Юань сія страна по-Китайски названа *Вэй-су-эррѣ*, что прямо соответствуетъ Тюркскому слову *Уйгурь*. Симъ образомъ народное названіе *Ойхорь*, а по выговору южныхъ Монголовъ *Хойхорь*, исподволь измѣнилось въ *Уйгурь*. Чингизъ-Ханъ, покоривъ восточный Тюркистанъ, поставилъ Даругачи для управленія сею странюю. При династіи Минъ Гаочанъ названъ (по-Китайски) Хо-чжеу. Въ 70 ли отъ Хо-чжеу на востокъ лежитъ городъ Люченъ, бывшій при династіи Тханъ у. г. Лю-чжунъ, нынѣ Лукчакъ; чрезъ 120 ли отъ Хо-чжеу къ западу лежитъ городъ Турпанъ, бывшій при династіи Тханъ у. г. Гао-хэ-ченъ. Въ началѣ правленія Сю-ань-дэ, 1426 г., Хасанъ владѣтель города Хо-чжеу, Савнь-Тэмуръ-Чемникъ Турпанскій, и Вачила-Темникъ Лукчакскій¹ прислали дань Китайскому двору, которой въ послѣдствіи непрерывали; при настоящей династіи Цинъ въ 23 лѣто правленія Кянь-Лунъ, 1736 г., Пичанскій владѣтель

¹ Изъ сего мѣста видно, что древнее царство Гао-чанъ при династіи Минъ раздѣлено было на три части подъ владѣніемъ трехъ княжескихъ домовъ изъ дома Уйгуровъ.

Эминь Хочжо присоединился съ своимъ войскомъ къ Китайцамъ, преследовавшихъ мятежныхъ Чжунь-гаровъ, и поддался Китайской державѣ. Сян Пичацзы суть прямые потомки Уйгуровъ или Ойхоровъ. *Изъ сихъ-то Уйгуровъ, а не изъ Тюрковъ, были писцы при Чингизъ-Ханѣ.* Вотъ истинная исторія Ойхоровъ или Уйгуровъ, о которыхъ Европейскіе ученые написали столько вадора!¹ Изъ всего вышеписаннаго остается вывести главное положеніе, что историческими источниками должно считать одни коренные акты и факты; ссылки на такіе акты и факты можно принимать за вторичные источники, но въ такомъ только случаѣ, когда они заимствуются въ первоначальной своей чистотѣ, т. е. безъ малѣйшихъ измѣненій и произвольныхъ пояснительныхъ пополненій. Клапротъ, между прочими свѣдѣніями о древнихъ Средне-Азіатскихъ народахъ пишетъ: Земаркъ, посланный Императоромъ Устиномъ въ 869 году изъ Константинополя къ Дизавулу, Великому Хану Тюрковъ, кочевавшихъ въ сѣверо-восточной Азіи, и известныхъ подъ именемъ Ту-гю, получилъ отъ него въ подарокъ, при прощаніи, невольника, родомъ Хэргиса или Киргиза. Наши ученые безъ всякаго изслѣдованія приняли такое свидѣтельство за неопровергаемый актъ. По справкѣ же съ подлинною исторіею древнихъ Средне-Азіатскихъ народовъ оказалось, что Дизавуль былъ не Тюркскій, а Калмыцкій Ханъ; Ту-гю былъ не Тюркъ, а Дулга, Алтайскій Калмыкъ; Хэргисъ былъ не Киргизъ, а Хягасъ, Томскій Татаринъ. Такъ часто чрезъ измѣненіе текста переназначаемы были акты и факты, приводимые Европейскими учеными изъ исторій древнихъ Средне-Азіатскихъ народовъ!

Въ то время, когда изъявилъ я Академіи Наукъ желаніе собравшія мною по Китайскимъ источникамъ свѣдѣнія о древнихъ Средне-Азіатскихъ народахъ привести въ истори-

¹ Г. Казембекъ принялъ на себя трудъ собрать въ одно мѣсто все, что Европейскими учеными до сего времени написано было объ Уйгурахъ, и напечаталъ сію статью въ Журналъ Министерства Народнаго просвѣщенія, подъ заглавіемъ: *Изслѣдованія объ Уйгурахъ.* См. Августъ 1841 года.

ческій порядокъ и издать въ свѣтъ, нѣкоторые совѣтовали мнѣ Китайскія свидѣнія подкрѣпить свидѣтельствами изъ Греческихъ и Азіатскихъ историковъ. Изъ предувѣдомленія къ сему сочиненію читатель видѣтъ уже, что Китайская исторія писана самимъ Китайскимъ правительствомъ, основана на современныхъ официальныхъ актахъ, утверждена неизмѣнными историческими фактами. На основаніи помннутыхъ причинъ, я полагалъ ближе свидѣтельствами Китайской исторіи прояснить Азіатскихъ историковъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они писали что-нибудь нѣсколько согласно съ Китайскою исторіею, а Греческіе историки, писавшіе о древнихъ происшествіяхъ въ Средней Азіи, по отдаленности и времени и мѣста, еще и сами требуютъ основательныхъ проясненій. И такъ я рѣшился, по окончаніи обшцающаго Академіи Наукъ труда въ переводъ Китайскаго текста, присовокупить къ нему: 1. *Географическій указатель мѣстъ, на которыхъ происходили достопамятныя историческія событія, что, по моему мнѣнію, могло придать большую ясность исторіи*; 2. *Составить сводъ событій, въ которомъ одни происшествія пояснялись бы ссылками на другія происшествія, имѣющія взаимную, хотя отдаленную связь между собою*. Географическій словарь много задерживалъ меня при точномъ опредѣленіи древнихъ мѣстъ, коихъ прежнія названія давно уже измѣнены; а при составленіи свода въ самомъ началѣ сего труда продолжительная болѣзнь принудила меня отложить это предпріятіе, о чемъ я донынѣ очень сожалею. Въ сводѣ событій открывалась возможность прояснить: 1) древнія торговыя сношенія сѣверо-Каспійскихъ Татаръ съ Римомъ и Китаемъ; 2) открыть пути, по которымъ Гунны шли изъ Монголіи въ Европу, и 3) показать давность расселенія народовъ Тунгузскаго племени отъ хребтовъ большаго Хинганскаго и Становаго къ сѣверу и сѣверо-западу. Желательно, чтобы со временемъ наши оріенталисты обратили должное вниманіе и на сіи предметы, не страшась труда, сколько бы ни былъ онъ великъ и тягостенъ; а трудъ этотъ не мало времени потребуетъ для внимательнаго соображенія.

**ПРИКЛАДЕНИЕ О ЦАРСТВѢ ЛЯНЬ, НЕПОСРЕДСТВЕННО ВХО-
ДЯЩЕЕ ВЪ ИСТОРИЮ УЙГУРОВЪ.**

Исторія Ойхоровъ, иначе Уйгуровъ, составленная общими усиліями западныхъ оріенталистовъ, въ четвертомъ и пятомъ столѣтіяхъ по Рожд. Хрис., тѣсно связана съ исторіею нѣкагого царства Лянь. Городъ Гаочанъ, полагаемый столицею Уйгуріи, отъ самаго основанія до паденія царства сего же имени, имѣлъ правителей не Уйгуровъ, а выходцевъ изъ царства Лянь, и большею частию изъ природныхъ Китайцевъ. Судя по сему, царство Лянь составляетъ немало-важное звено въ исторіи Уйгуровъ; а между тѣмъ оно представлено съ какою-то безпечною невнимательностію въ разборъ актовъ, извлеченныхъ изъ Китайскихъ историковъ.

Царство Лянь занимало сѣверо-западный уголъ Китая, составляющій нынѣ губернію Гань-су. Оно случайно возникло въ смутныя времена IV столѣтія по Рожд. Христ. Въ это время открылись междоусобія въ царствующемъ домѣ Цзинь¹, и сіе обстоятельство подало южнымъ Хуннамъ мысль овладѣть сѣвернымъ Китаемъ. Хунны, кочевавшіе въ окружности Ордоса, первые подняли оружіе, и счастіе необыкновенно благоприятствовало ихъ предпріятію. Домъ Цзинь въ непродолжительное время потерялъ сѣверную половину Китая. Хунны, овладѣвшіе ею, приняли наименованіе Императорскаго дома Хань (504 — 530.), а потомъ Чжао (350 — 352.) Черезъ полвѣка Муюнъ, одинъ изъ сильныхъ домовъ въ восточной Монголіи, истребилъ южныхъ Хунновъ, и воцарился въ восточной половинѣ сѣвернаго Китая подъ названіемъ Императорскаго дома Янь (352 — 410.), а въ западной половинѣ уславились Тангуты подъ названіемъ Императорскаго дома Цинь (381—417). Еще черезъ полвѣка Монгольскій домъ Тоба², кочевавшій по восточную сторону

¹ Домъ Цзинь царствовалъ 265—420.

² Домъ Тоба царствовалъ 386 — 558, всего 172 года; изъ нихъ съ 386 подъ названіемъ Вэй, съ 440 подъ названіемъ Юань, иначе Юань-Вэй.

Ордоса, выгналъ и Мунновъ и Тангутовъ, и одинъ утвердился въ сѣверномъ Китаѣ подь наименованіемъ Императорскаго дома Вэй. Такимъ образомъ четвертое столѣтіе протекло въ непрерывной и жестокой войнѣ царствовавшихъ въ Китаѣ иностранцевъ и между собою и съ южнымъ Китаемъ. Обширное поле открылось для искателей приключеній; а народъ между тѣмъ искалъ спокойнаго пріюта въ краяхъ, удаленныхъ отъ родины. Въ сіе самое время сѣверо-западный уголъ Китая, составлявшій въ послѣдствіи четыре государства подь названіемъ Лянъ, наполнился пришлецами изъ Китайцевъ, Монголовъ, Тангутовъ и Тюркистанцевъ.

Въ самомъ началѣ упомянутаго рыцарскаго столѣтія Чжанъ Гуи, придворный сановникъ дома Цзинь, имѣя въ виду возстановленіе спокойствія въ Хэ-си,¹ просилъ опредѣлить его правителемъ округа Лянъ-чжэу. Принявъ сію должность въ 301 году, онъ успѣлъ благоразумными мѣрами прекратить безпокойства въ Хэ-си, и въ награду за сію заслугу пожалованъ наследственнымъ Княземъ владѣнія Лянъ. Внукъ его Чжанъ Цзунъ, наследовавшій сіе княженіе въ 324 году, объявилъ себя въ 343 году независимымъ владѣтелемъ съ титуломъ Лянъ-Ванъ. Но въ седьмомъ колѣнѣ сей домъ погибъ, и царствомъ его овладѣлъ Китайскій полководецъ Люй Гуанъ, возвращавшійся въ 385 году изъ похода въ восточный Тюркистанъ, гдѣ поручено ему было разорить усилившійся городъ Кучу. Въ 394 году онъ поставилъ Монгольскаго Князя Туфа-угу² правителемъ въ Хэ-си.

¹ Хэ-си есть Китайское названіе страны, лежащей по сѣверной границѣ Китая отъ Ордоса къ западу. Нынѣ сія страна заключаетъ въ себя области Лянъ-чжэу-фу, Гань-чжэу-фу и округъ Ань-си-чжэу, въ губерніи Гань-су. Хэ-си зн. *отъ Желтой рѣки къ западу*. 2. Древній округъ Лянъ-чжэу нынѣ заключаетъ въ себя всеи губерніи Гань-су.

² Туфа по толкованію Китайской исторіи, есть Монгольское слово, значить: одѣяло. Туфа родился во время сна матери подь одѣяломъ, отъ чего слово одѣяло обращено въ родовое прозваніе *ему*. Угу есть личное имя его 2. *Хуанъ-чжунъ* есть древнее названіе страны, лежащей въ губерніи Гань-су, отъ города Си-нанъ-фу на сѣверъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки

Туфа-угу покорилъ два Тангутскихъ рода въ Хуань-чжунъ и овладѣлъ пятью областями: Ву-вай, Чжань-в, Цю-цюань, Дунь-хуань и Гинь-ченъ, а въ 387 году объявилъ себя владѣтелемъ южнаго царства Лянъ.

Въ томъ же году Гюйкою Мынсунь,¹ въ отмщеніе за несправедную казнь отца его, поднялъ оружіе противъ владѣтеля Люй-Гуанъ, но не успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Родственникъ его Гюйкою собралъ войско, и областного правителя Дуань-в объявилъ владѣтелемъ *сѣвернаго царства Лянъ*. Къ нимъ присоединился Гюйкою Мынсунь. По смерти Туфа-Угу младшій братъ его Туфа-Лилугу наследовалъ престолъ. Въ слѣдующемъ году онъ опредѣлилъ Китайца Ли-гао правителемъ области Дунь-Хуангъ; но Ли-гао на прибытіи къ должности овладѣлъ пятью областями отъ Дунь-Хуанъ на востокъ, и объявилъ себя владѣтелемъ *западнаго царства Лянъ*. Въ семъ же году Гюйкою Мынсунь убилъ своего владѣтеля Дуань-в и объявилъ себя владѣтелемъ *сѣвернаго царства Лянъ* въ Чжань-в. Такимъ образомъ изъ раздробленія царства Лянъ, еще подъ симъ же названіемъ, составились три царства: южное, сѣверное и западное. Тангутскій домъ Цинь предпринялъ покорить всѣ четыре царства, и послалъ на западъ сильное войско. Люй-Лунъ, владѣтель главнаго царства Лянъ, первый претерпѣлъ пораженіе; а остальные три владѣтеля безъ сопротивленія покорились. Съ сего времени всѣ четыре царства Лянъ поступили подъ покровительство дома Цинь, и принуждены были принять имперскіе, т. е. второстепенные чины. Въ 409 году Туфа Лилугу умеръ, и

Хуань-шуй. Древній Хуань-чжунъ составляетъ нынѣ область Си-нинъ-фу, ѣ. Ву-вай нынѣ есть область Лянъ-чжэу-фу; Чжань-в область Гань-чжэу-фу; Цю-цюань округъ Су-чжэу, Дунь-хуань округъ Ань-си-чжэу, Гинь-ченъ область Лянъ-чжэу-фу. Си пять мѣстъ и страна Хуань-чжунъ съ областью Си-нинъ-фу составляли южное царство Лянъ.

¹ Гюйкой есть древнее Монгольское слово, составлявшее княжескій титулъ у Хунновъ; въ послѣдствіи оно обращено въ прованіе рода того Князя, который носилъ этотъ титулъ. Мынсунь есть личное имя.

младшій его братъ Туфа-Нотанъ вступилъ на престолъ. Въ слѣдующемъ году домъ Цинь уничтожилъ старшее царство Лянъ, владѣтеля Люй Лунъ опредѣлилъ въ службу при своемъ дворѣ; а въ бывшей столицѣ его Гу-цзанъ поставилъ правителя. Въ 406 году Туфа Нотанъ, владѣтель южнаго царства Лянъ, представилъ дому Цинь 3000 лошадей и 30000 барановъ, что принято знакомъ преданности, и Туфа-Нотанъ определенъ былъ правителемъ въ Гу-цзанъ; а въ 408 году онъ объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ. Въ 411 году сѣверный владѣтель взялъ городъ Гу-цзанъ, а въ слѣдующемъ году перенесъ туда свой дворъ и объявилъ себя владѣтелемъ страны Хэ-си. Въ 414 году домъ Цинь уничтожилъ южное царство Лянъ; владѣтель Туфа Нотанъ взятъ въ плѣнъ и преданъ казни.

Въ 417 году умеръ владѣтель Ли-гао; на престолъ вступилъ сынъ его Ли-Инь. Въ 420 году Гюйкюй Мынсунь убилъ его на сраженіи, и западное царство Лянъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Ли-Сюнь, младшій братъ покойнаго Ли-Инь, бѣжалъ въ сѣверныя горы, а оттуда жители области Дунь-Хуанъ призвали его къ себѣ и объявили правителемъ сей области. Въ 424 году Гюйкюй Мынсунь взялъ городъ Дунь-Хуанъ и убилъ Ли-Сюнь. Тханъ Ки¹, правитель области Гинь-ченъ произвелъ возстаніе въ сѣверномъ владѣніи Лянъ, но въ 425 году былъ разбитъ; почему съ племянникомъ своимъ Ли Бао бѣжалъ въ Иву,² гдѣ собралъ до 2000 бродячихъ кочевыхъ семействъ, и поддался Жужаньскому Хану. Въ 433 году Гюйкюй Мынсунь умеръ, оставивъ преемникомъ по себѣ малолѣтнаго сына Пути; почему старшій его братъ Гюйкюй Муганъ вступилъ на престолъ въ 439 году. Домъ Юань-вэй покорилъ сѣверное царство Лянъ. Гюйкюй Мыганъ съ 8000 гражданскихъ и военныхъ

¹ Тханъ Ки у Г. Казембека названъ Кляземъ; но это былъ Китаецъ, не имѣвшій княжескаго достоинства, а важный по званію Государева дурмана.

² Иву есть древнее названіе страны, составляющей нынѣ въ восточномъ Туркистанѣ княжество Хами.

чиновниковъ вышелъ изъ столицы и предался въ волю побѣдителя. Смигъ положенъ конецъ послѣднему изъ четырехъ царствъ подѣ названіемъ Лянъ. Гюйкюй Вухой, младшій братъ Мугяновъ, при паденіи царства Лянъ ушелъ въ Дунь-Хуанъ, откуда въ 440 году предпринялъ походъ въ Цю-цюань; и хотя онъ, покорившись дому Юань-Вэй, былъ оставленъ владѣтелемъ сего города, но, по сильному на него подозрѣнію, городъ Цю-Цюань обратно взятъ приступомъ; посему Гюйкюй Вухой въ 442 году съ 1000 семействъ ушелъ изъ Дунь-хуанъ на западъ; и хотя при переходѣ чрезъ пески Великой песчаной степи погибло около 3000 семействъ; но, не смотря на это, съ остальнымъ народомъ онъ въ состояніи былъ овладѣть княжествомъ Шаньшань.¹ Въ слѣдъ за уходомъ Гюйкюй-Вухоя Ли Бао выступилъ изъ Иву съ своими 2000 семействъ, занялъ Дунь-Хуанъ, и поддался дому Юань-вэй. При паденіи Гюйкюй Мугяня подданный его Гань-Шуанъ ушелъ на западъ, и занялъ Гаочанъ. Тханъ-Ки, утѣсняемый Жужаньцами, собралъ своихъ людей, и также пошелъ на западъ, чтобы занять Гаочанъ, но смерть не допустила его достигнуть цели своего похода. Братъ его Тханъ Хо, собравъ остальныхъ людей, пошелъ въ переднее Чешы, овладѣлъ тамъ двумя городками, и поддался дому Юань-Вэй. Въ то время, какъ Тханъ-Ки шелъ на Гаочанъ, Гань-Шуанъ притворно покорился Князю Гюйкюй Вухой, чтобы соединенными силами напасть на Тханъ-Ки. Но какъ Вухой съ своимъ войскомъ пришелъ подѣ Гаочанъ послѣ смерти Тханъ-Ки, то Гань-Шуанъ рѣшился не впускать его въ городъ. Чрезъ мѣсяцъ Вухой неожиданно напалъ на городъ, и вырубилъ жителей. Гань-Шуанъ бѣжалъ къ Жужаньскому Хану, а Вухой занялъ Гаочанъ, и отдался подѣ покровительство дома Сунъ (Лю-Сунъ), который царствовалъ въ южномъ Китаѣ.

¹ *Шаньшань* есть названіе кочеваго Тюркскаго владѣнія, лежавшаго въ великой, песчаной степи отъ Хами и Турпана на югъ, въ окрестностяхъ Востанъ-нора. Предъ Р. Хр. сіе княжество содержало въ себѣ 5,700 семействъ, 14,600 душъ и 2,912 ч. войска. Владѣтель имѣлъ пребываніе въ городѣ Унц.

Въ 444 году Гюйкюй Вухой умеръ, и младшій его братъ Гюйкюй-ань-чжеу наследовалъ престолъ. Въ 460 году Жужаньскій Хань взялъ Гаочанъ и истребилъ родъ его; а Гонь-бо-чжеу, родственника вышеупомянутому Гань-Шуанъ, поставилъ владѣтелемъ въ Гаочанъ. Съ сего времени бывшая Китайская область Гаочанъ поставлена на степень второстепеннаго царства. Въ 497 году Ма-Сюй, владѣтель сего царства просилъ домъ Юань-вэй перевести его владѣніе въ предѣлы Китая,¹ и ему отвели 500-ли, около 270 верстъ, пустопорожнихъ земель въ Иву: но жители не захотѣли разставаться съ родиною и переселиться на востокъ, почему убили Ма-Сюй, а на престолъ возвели нѣкоего Цзюй Жань, и по прежнему поддались Жужаньскому Хану. Но въ 640 году Китайскій дворъ уничтожилъ царство Гаочанъ; симъ образомъ кончился долговременный споръ между Китаемъ и сѣверными Кочевыми о владѣчествѣ надъ Чешы; по переписи, учиненной при семъ случаѣ Китайскимъ правительствомъ, оказалось, что царство Гаочанъ даже во время своего могущества, которое приписываетъ ему Дегинь, содержало въ себѣ 8048 семействъ, или домовъ, въ 22-хъ городкахъ. Изъ сего краткаго очерка владѣній Гаочанъ и Лянъ ясно видно, что сіи владѣнія, во все продолженіе своего существованія, никакихъ связей съ домомъ Ойхоровъ или Уйгуровъ не имѣли, чего и самое время ихъ существованія не дозволяло. Владѣніе Лянъ возникло въ 348, пресѣклось въ 469 году; владѣніе Гаочанъ возникло въ 460, кончалось въ 640 году; домъ Ойхоровъ возникъ въ 648 году, и въ то самое время, какъ Гаочанъ—мнимое владѣніе Дегиньскихъ Уйгуровъ—былъ уничтоженъ Китайцами, домъ Ойхоровъ ими же возвышенъ на степень Ханскаго достоинства. Последнее обстоятельство совершенно ускользнуло отъ владѣній Европейскихъ ориенталистовъ, и потому не удивительно, что Китайцевъ они назвали Уйгурами. Ойхоры, иначе Уйгуры, были Калмыки, которые только въ 861 году овладѣли городомъ Гаочанъ.

Лакинъ.

¹ Т. е. на земли, принадлежавшія Китайской державѣ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛѢ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ПЕРЕПИСКА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

СЪ ВОЗВРАЩЕНІЕМЪ КНЯЗЕМЪ НИКИТОЮ ИВАНОВИЧЕМЪ ОДОЕВСКИМЪ.

(Списокъ съ Государевы грамоты слово въ слово.)

Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Росіи въ нашу отчину въ Казань, Боларину нашему Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому милостиво желаемъ, поздравляемъ и з детми твоими, съ Княземъ Алексѣемъ и съ Князь Яковомъ, а мы Великій Государь со святыми Божіими церквами и со всѣмъ нашимъ Государствомъ далъ Богъ здоровы. Да будетъ тебѣ въдомо, судбами всесмыльнаго и всеблагаго Бога нашего, и страшнымъ Его повелѣніемъ изволилъ Онъ Свѣтъ взять сына твоего первенеца, Князь Михаила, и великою милостію въ небесныя обители, Ноября въ 19 въ пятокъ, въ пятомъ часу дни шолы; а лежалъ огневою три недѣли безо дву дней; а разболѣлся при мнѣ Ноября 1 числа, на память Козмы и Доміана, въ понедѣльникъ, и тотъ день былъ я у тебя въ Вешняковѣ, а онъ здравъ былъ; потчивалъ меня, да радъ таковъ, а его такова радостна николи невидалъ; да лошадыю онъ да Князь Федоръ челомъ ударили, и я молвилъ имъ: «по толь я пріѣзжалъ къ вамъ, что грабить васъ?» И онъ плачучи да говоритъ мнѣ: «Мнѣ-де, Государь, тебя не видать здѣсь; возмите, Государь, для ради Христа, обрадуй батюшка и насъ, намъ же и до вѣка такова гостя невидать.» И я, видя ихъ неслестное прошеніе и радость не сумѣваю, взялъ жеребца темносыра. Не лошадь дорога мнѣ, всего лутчи ихъ нелицемѣрная служба, и послушанье, и радость ихъ ко мнѣ, что они радовалися мнѣ всемъ сердцемъ. Да жалуючи тебя и ихъ, вездѣ былъ, и въ конюшняхъ, всего смотрѣлъ, во всѣхъ жилищахъ былъ, и кушалъ у нихъ въ хоромѣхъ, и послѣ кушанія послалъ я къ По-

кровскому тѣшиться въ роши въ Карачельскія; онъ со мною здоровъ былъ, и прїѣхалъ того дни къ ночи въ Покровское. Да жаловалъ ихъ обоихъ виномъ и романъею, и подачами и комками, и ѣли у меня, и какъ отошло вечернее кушанье, а онъ сталъ изъ за стола и почалъ стонать головою, голова-де безмѣрно болитъ, и почалъ бити челомъ, чтобъ къ Москвѣ отпустить для головной болѣзни, да и пошолъ домой, да той ночи хотѣлъ съестъ въ сани, да ѣхать къ Москвѣ по утру, а болѣзнь та ево почала разжигать.... огневая. А передъ пятницею, въ которую нестало, и полегчило ему, и сидѣлъ и говорилъ, да почала кровь итти изъ носа безпрестани, а сказывалъ мнѣ Князь Федоръ, ведра-де, Государь, съ три вышло, да какъ-де унялась, такъ и отходить началъ. А какъ отшелъ отъ сея прелестныя жизни въ некончаемую жизнь и неисповѣдимую и неизреченную радость Христа Бога нашего съ покаяніемъ, и какъ принесли тѣло Христа Бога нашего, а онъ въ забыти лежалъ, и какъ учали ево разкликивать, чтобы причастить, и онъ взглянулъ и увидѣлъ священника съ причастіемъ, и учалъ говорить: никакъ недостойнъ, ей въ судъ себѣ приімаю, и слезы пролилъ безмѣрныхъ, и священникъ тотъ учалъ говорить: «Отецъ твой Духовный велѣлъ тебя причастить.» И онъ съ часъ говорилъ «недостойнъ», со слезами и съ великимъ покаяніемъ; и говоря много, да и причастилъ священникъ свой, и принялъ памятна и въ разумъ, и прїемше спутника общего владыку Христа, сталъ тишетъ. Причастили въ третьемъ часу дни, а преставился въ пятомъ, а послѣ причастія отнюдь ничево не молвилъ; какъ есть уснулъ; отнюдь рыданія не было, ни терзанія. И тебѣ болрину нашему, и слугъ, и дѣтемъ твоимъ черезмѣру не скорбитъ, а нельзя, что не поскорбѣтъ и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать, и уподобитца бѣ тебѣ Іеву праведному. Тотъ отъ врага нашего общаго діавола пострадалъ, сколько на него напастей приходило, не претерпѣлъ ли онъ, и одолѣлъ онъ діавола; не опять ли ему далъ Богъ сыны дщери? А за что?—за то, что ни во устахъ не погрѣшилъ; не оскорбился, что мертвы быша дѣти ево. А твоего

сына Богъ взялъ, а не врагъ полатою подавилъ. Въдаешъ ты и самъ, Богъ все на лутчие намъ строить, а взялъ его въ добромъ покаянїи, или ево святово слово ложно: въ чемъ заставу, въ томъ и сужду. И вспомяни Златоуста, какъ Царица у Феодорита взяла пять сотъ златницъ и для Іоанна опять отдала, и онъ свѣтъ учелъ ему говорить Феодориту: «Аще бы богатство твое Царица не отдала, то откуда бы собралъ имѣніе, и неточїю бы не могъ, но и неправдою вмѣнилось къ Богу. «И аще бы твой сынъ безъ покаянїя умеръ или съ лошади убился и безъ покаянїя отшелъ, тебѣ бы какъ имъ владѣть; а теперя радуйся и веселися, что Богъ совсемъ свершилъ, изволивъ взять съ милостїю своею, и ты принимай съ радостїю сію печаль, а не въ кручину себѣ и не во оскорбленїе. Вспомяни Варлаама Чюдотворца, какъ Новгородца единого избавилъ отъ смерти, а другого не избавилъ, и онъ что отвѣщаль къ вопрошающимъ братїямъ: «Вы-де разумѣете вѣшняя, а я-де разумѣю внутреняя; единого-де избавилъ для того, что прямо осужденъ къ смерти, и идетъ въ вѣчную погибель, а другїй осужденъ напрасно и идетъ въ рай; а се Ангелъ Господень надъ нимъ вѣнецъ держить, и я-де ему не помышаль въ рай итти; а се-де что тому помогать, тому самъ Богъ помощникъ, и угодова ему вѣнецъ.» Тако и ты не оскорбляйся, Богъ сыну твоему помощникъ; радуйся, что лучше взялъ, и не оскорбляйся зѣло, надѣяся на Бога и на него рождшую и на него всѣхъ святыхъ. Потомъ, аще Богъ изволить, и мы тебя не покинемъ и съ детьми.... ихъ жаловали и впредь радъ жаловать сына его Князь Юрья, а отца радъ поминать. А Князь Федора я пожаловаль отъ печали утѣшилъ, а на взносъ и на все погребальныя я послалъ, сколько Богъ изволивъ, потому что впрямь узналъ и провѣдалъ про васъ, что, опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, ни у ково у васъ нѣтъ; и я радъ ихъ и васъ жаловать, толко ты, Князь Никита, помни Божию милость, а наше жалованїе. Какъ живова ево пожаловаль, такъ и поминать радъ. А мнѣ мнитца, что Богъ изволивъ взять милующи, не далъ ему дожить большихъ грѣховъ, видя его доброе житїе

и житіе ему прекратилъ, да не горше погибнетъ, и изволилъ ево въ добродѣтели застать и въ покаяніи добръ, и тотъ радъ кого застанеть смерть въ покаяніи, а тебя наипаче Богъ хочетъ видети во своихъ заповѣдехъ Господнихъ ходяща, и хочеть отъ тебя наипаче вѣры, чтобы ты ево волю безпрестани творилъ до издыханія своего. Воспомани Преподобныхъ отецъ житія: какая бѣда наидеть на міръ, и они приложатъ слезъ къ слезамъ, къ воплю вопль, къ молитвѣ молитву; такъ и ты приложи къ добродѣтели добродѣтель, а неотчаявайся, токмо уповай и вѣруй всемъ сердцемъ; а надобѣть поминать смертной часъ на всякъ день и часъ. Видишь ли, яко тать смерть крадетъ, за нами злыя и неправедныя грѣхи; крѣпко надобѣть намъ Бога знати и заповѣди ево творить. А преже того мы жаловали къ тебѣ писали, какъ жить мнѣ Государю и вамъ боярамъ; и тебѣ боярину нашему уповать на Бога и на Пречистую Его Матерь и на всѣхъ святыхъ, и намъ великого Государя быть надежнымъ, аще Богъ изволить, то мы васъ не покинемъ, мы тебѣ и съ дѣтьми и со внучаты по Божь родителіе, аще пребудете въ заповѣдехъ Господнихъ, и всѣмъ беспомошнымъ и бѣднымъ по Божь помошники. На то насъ Богъ уставишь, чтобы беспомошнымъ помогать. И тебѣ бы учинить противъ сей нашей милостивые грамоты одноконечно послушать съ радостію, то и наша милость къ вамъ безотступно будетъ. А послали сію нашу грамоту съ Стольникомъ нашимъ съ Михаиломъ Татищевымъ, Ноября 21 дня, въ воскресенье. А его велѣлъ погрестъ до тебя у Троицы, у его приходу, у старова твоего двора. Писанъ на Москвѣ лѣта 7161, Ноября въ 21 день.

А у подлинной грамоты подъ исподомъ писано: Князь Никита Ивановичъ! Неоскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ.

Списокъ съ отписки слово въ слово.

Государю Царю Великому Князю Алексію Михайловичу
всѣя Росіи, холопъ твой Никитка Одоевской челомъ бѣеть.

Въ нынѣшнемъ, Государь, во 161 году, Декабря въ 4 день
 въ твоей Государевъ Царевъ и Великаго Князя Алексѣя
 Михайловича всея Росіи, грамотъ писано ко мнѣ, холопу
 твоему, съ Столникомъ съ Михаиломъ Татищевымъ о благо-
 стояніи святыхъ Божіихъ церквей и о вашемъ Государ-
 скомъ здравіи, и что пожаловалъ ты, Государь, меня холопа
 своего, изволилъ быть въ вотчинникъ моей, въ селцѣ Веш-
 няковѣ, и о болѣзни и о смерти сынишка моего Мишка, о
 своемъ Государскомъ жалованьи ко мнѣ, холопу своему, и
 къ дѣтишкамъ моимъ, и милостивое разсужденіе отъ Бо-
 жественного писанія, чтобы мнѣ, холопу твоему, объ смерти
 сынишка своего не оскорблятися, и быть благонадежну на
 всемогущаго Бога и на твою Государскую милость. И сынишка
 моего Ѳедьку отъ такіе жалости пожаловалъ обрадовалъ
 своею Государскою милостию, и пожаловалъ, чемъ сынишка
 моего Мишку и погребеть, и мнѣжъ холопу твоему уповать
 на Бога, и на Пречистую Его Матерь, и на всехъ святыхъ,
 и на твою Государскую милость ко мнѣ, холопу твоему, и
 къ дѣтишкамъ и ко внучатамъ моимъ; понѣже ты, праведный
 Государь, беспомощнымъ помощникъ. А сынишку, Государь,
 моего Мишку велѣлъ погребеть у стараго моего дворишка,
 въ приходѣ у церкви Живоначальныя Троицы до меня хо-
 лопы моего. А въ концѣ твоей Государевы грамоты свою
 Государскую милость приписалъ своею Государскою рукою,
 да по твоему жъ Государеву Цареву и В. Князя Алексѣя
 Михайловича всея Росіи указу, того жъ часу приходилъ на
 твой Государевъ дворъ богомолецъ твой Государевъ, Корни-
 лій Митрополитъ Казанскій и Свѣяжскій, и ползова меня хо-
 лопы твоего духовными и утѣшительными словесы отъ Бо-
 жественныхъ писаній. О благочестивый великій Государь
 Царь и В. Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Росіи! Откуда
 начну или кое благодареніе принесу твоему человеколюбію
 и милостивому схожденію къ намъ, рабамъ твоимъ, и та-
 кому твоему Государскому человеколюбію и милости не
 достоинъ; уподобился, Государь; милостивому и человеколю-
 бивому Богу, крайнему его хожденію къ падшему человѣчѣ

скому роду, понеже онъ, содѣтель нашъ, не возгнушался внити въ домъ Симоновъ, грѣшну мужу витати; тако и ты, Государь, изволилъ въ наше убогое домишко внити, а надъ умершимъ сынишкомъ моимъ такую свою Государскую милость показалъ, яко оставшимся намъ милостивые щедроты изліялъ, и изліялъ, Государь, благодать отъ устъ твоихъ, и коснулся бѣдному моему и сокрушенному сердцу, и разгнать мракъ темнаго облака, и озарила свѣтомъ богоразумія, и о всѣмъ, Государь, велии Бога благодарю, что сынишка мой Мишка тебѣ, великому Государю, нелѣпно работалъ и служилъ, и на исходъ живота своего съ покаяніемъ сподобился причаститися таинственныхъ таинъ Христа Бога нашего; и отъ тебѣ, Государя, по смерти ево такая милость къ нему и къ намъ, холопомъ твоимъ. Уповаю, Государь, что и отъ небеснаго Царя Христа Бога нашего твоими Государскими молитвами помилованъ будетъ. А на такой твоей Государской милости ко мнѣ, холопу твоему, и къ дѣтишкамъ моимъ и ко внуку Юшкѣ послалъ къ тебѣ Государю сынишку своего Алешку, и Столника Михаила Татищева къ тебѣ Государю, отпустилъ съ сынишкомъ своимъ Алешкою вмѣстѣ, Декабря въ 10.

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ЗАПИСКА ШТЕЛИНА.*

Князь *Кантемиръ* писалъ Русскими стихами сатиры, которыя ходили большею частию въ рукописяхъ. Напечатаны во Франціи въ прозаическомъ переводѣ съ Итальянскаго, съ портретомъ автора.

1732. *Г. Собакинъ*, стихотворецъ, служилъ въ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ; писалъ стариннымъ стихосложеніемъ, не отличался особеннымъ дарованіемъ, и былъ вскорѣ забытъ.

1736 до 1741. *Г. Тредьяковскій* перевелъ большую часть моихъ стихотвореній для придворныхъ торжествъ. Они раздавались при Дворѣ и были написаны его стариннымъ стихосложеніемъ.

Примѣч. Тредьяковскій въ 1731 г. написалъ небольшое разсужденіе о Русскомъ стихосложеніи (de la Versification Russe), въ которомъ доказываетъ, что Русскіе стихи должны въ стихосложеніи согласоваться съ Латинскою просодіею. Но это устройство ихъ противно духу Русскаго языка, и нашло мало одобренія.

* Подлинникъ на Нѣмецкомъ языкѣ хранится въ моемъ собраніи.

Около этого же времени *Г. Ломоносовъ* прислалъ изъ Марбурга (куда онъ былъ посланъ С.-Петербургскою Академіею для усовершенствованія въ наукахъ), нѣсколько одъ тогдашнему Президенту Бар. Корфу; оды эти были написаны совсѣмъ другимъ, новымъ размѣромъ, по образцу Нѣмецкаго, который до того времени не былъ извѣстенъ въ Россіи. Ему въ Германіи понравилась Нѣмецкая поэзія, въ особенности стихотворенія Гюнтера, изъ которыхъ онъ зналъ наизусть цѣлыя піесы. По нимъ писалъ онъ свои Русскіе стихи съ Нѣмецкимъ размѣромъ въ ямбахъ, трохеяхъ и дактиляхъ.

1742. Для торжества коронаціи Секретарь Меркурьевъ перевелъ съ Итальянскаго стихами оперу «Clemenza di Tito», вмѣстѣ съ своимъ прологомъ къ ней, но безъ размѣра.

1743. Вышли 3 переложенія.... псалма, сдѣланныя Проф. Ломоносовымъ, Капитан. Сумароковымъ и Профес. Тредьяковскимъ, — и были напечатаны вмѣстѣ.

Съ 1742 Гг. Сумароковъ и Ломоносовъ издавали по временамъ нѣсколько удачныхъ одъ и піесень. Первый упражнялся также въ трагическомъ и эпическомъ родѣ, подражая Франц. авторамъ.

1746. Вышеупомянутые 3 поэта представили на судъ знатоковъ три свои переложенія псалма, каждый подъ своимъ именемъ.

1750. Нѣкоторые кадеты въ своемъ корпусѣ занимались между собою драматическимъ искусствомъ, представляя одну Французскую трагедію Вольтера, а потомъ Русскую трагедію Сумарокова. Наконецъ при Дворѣ былъ устроенъ для нихъ небольшой театръ, гдѣ они предъ Ея Величествомъ и всѣмъ Дворомъ играли съ большимъ успѣхомъ, и чрезъ это составили свое счастье.

Имена ихъ: Бекетовъ, Мелиссино, Остервальдъ и Свистуневъ.

Въ благополучное царствованіе Ея И. Величества Елисаветы Петровны такъ возвышалась поэзія и прочія изящныя искусства и науки, что онѣ приняли совсѣмъ другой видъ.

Г. Сумароковъ часто писалъ важныя пѣсни, которыя были положены на музыку придворнымъ музыкантомъ Белградскимъ, и пѣты при Дворѣ съ аккомпаниментомъ лютни.

Г. Ломоносовъ въ торжественные дни ко Двору представлялъ большія оды.

Оба они упражнялись попеременно въ сочиненіи трагедій, которыя игрались при Дворѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, именно «Синава» Сумарокова была переведена на Французскій языкъ въ прозѣ Княземъ Долгорукимъ.

Въ 1786 г. Проф. Готшедъ въ своемъ ежемѣсячномъ изданіи: «das Neuste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit» — помѣстилъ ее, переведенную прекрасными Нѣмецкими стихами.

Послѣ и кромѣ этихъ поименованныхъ стихотворцевъ, упражнялись многіе и другіе въ разныхъ родахъ стихотвореній, новѣйшаго размѣра. 1782—3, Адъютантъ Елагинъ сочинялъ по временамъ важныя оды и пѣсни для пѣвцовъ и музыкантовъ.

Около этого времени, именно въ 1783 г., являлись въ Москвѣ различныя остроумныя и колкія сатиры, написанныя прекрасными стихами, на глупости новѣйшихъ Русскихъ поэтовъ подъ вымышленными именами (Autore Barcovio, satyrgo nato). Студентъ, а въ послѣдствіи Кураторъ Академической Гимназіи, Г. Поповскій отлично перевелъ стихами *Horatii artem poetisam*.

Онъ такъ же перевелъ «Essay up on man» Попе съ Французскаго перевода. Русскій переводъ вышелъ такъ же удаченъ, какъ подлинникъ, и былъ напечатанъ въ Москвѣ, въ 8-ку, въ 1787 году, по ходатайству Г. Каммергера Ивана Ивановича, *Duo cum faciunt idem non est idem*.

Онъ (Поповскій) написалъ нѣсколько одъ, которыя вышли очень удачны, въ особенности одна на день возше- ствія на престолъ Ея Имп. Вел. Мая 1755 г., которую раз- давали при Дворѣ.

Онъ переводилъ при всѣхъ придворныхъ торжествахъ поэтическія объясненія и описанія иллюминацій, фейервер- ковъ и представлений—соч. Надв. Сов. Штелина, и такъ удачно, что они почти всегда заключали въ себѣ столько же стиховъ и были такого же размѣра, какъ Нѣмецкій оригиналь.

Въ 1755 г. онъ былъ переведенъ въ Москву въ но- вый Университетъ, и мѣсто его въ С.-Петербургѣ для этихъ трудовъ занялъ магистръ Академіи *Дубровскій*. Но его пе- реводы не всегда были такъ удачны. Такъ напр. переводъ поэтического объясненія фейерверка въ новый 1756- й годъ былъ такъ невѣрно и дурно исполненъ, что не годился къ употребленію. Дмитрій Васильевичъ *Волковъ* сдѣлалъ второпяхъ другой переводъ, болѣе вѣрный и гораздо луч- шими стихами.

Съ тѣхъ поръ, какъ при Академіи сталъ выходить жур- налъ «Ежемѣсячныя сочиненія», гдѣ всякій могъ номѣщать свои статьи, если только онѣ стоили печати, — стали въ немъ по временамъ появляться молодые Русскіе поэты съ одами, элегіями другими мелкими стихотвореніями, которыя были подписываемы начальною буквою имени ихъ автора.

Бригадиръ *Сумароковъ* поставилъ даже себѣ закономъ, чтобъ безъ присылки его стихотворенія не выходила ни одна ежемѣсячная книжка журнала. Потому-то въ каждомъ его мѣсяцѣ, нѣсколько лѣтъ сряду, можно найти по одному и по нѣскольку его стихотвореній.

1758. Ассессоръ *Херасковъ* издалъ въ Москвѣ сочинен- ную имъ трагедію подъ названіемъ: *Венеціанская монахиня*. Она была напечатана, въ 8-ку, при тамошнемъ Университетѣ.

Въ этомъ же году нѣкоторые студенты Петербургскаго Университета (Академіи?) также отличились своими прекрасными стихотвореніями.

Барковъ, переводчикъ съ Латинскаго при Академіи, который, въ слѣдствіе своего безпорядочнаго поведенія, былъ то Адъюнктомъ, то студентомъ, то писцомъ, сдѣлался извѣстнымъ своими острыми сатирами на необразованныхъ новыхъ стихотворцевъ.

При восшествіи на престолъ Его И. Величества Петра III (1762), напечаталъ онъ безъ подписи своего имени прекрасную оду въ 4-ку, и за это получилъ званіе переводчика отъ Президента Академіи. Его главное и полезнѣйшее занятіе при Академіи состоятъ въ исправленіи Русскаго стила въ переводахъ и въ другихъ сочиненіяхъ, назначенныхъ для печати. Онъ почти совсѣмъ передѣлалъ и издалъ въ 1761 г., въ 4-ку, переводъ Телемака, напечатанный *Хрущовымъ*, въ 8-ку, еще въ царствованіе Императрицы Анны Иоанновны. Кромѣ того онъ давно уже началъ самъ переводить Телемака стихами.

Въ это же время Совѣтникъ Ломоносовъ представилъ въ рукописи Г. Каммергеру Шувалову первую пѣснь своей героической поэмы Петріада, для которой, по его словамъ, онъ положилъ себѣ за правило *ковать* ежедневно по 30-ти стиховъ.

Всѣ его прежнія сочиненія въ стихахъ и прозѣ были въ этомъ году напечатаны въ Москвѣ въ двухъ томахъ, въ 4-ку. Также его Исторія Русскаго Государства была отдана тисненію при Академіи осенью 1768 года, безъ всякаго предварительнаго прочтенія и одобренія. Даже историческая конференція при Академіи не знала ни слова болѣе тѣхъ, которые видѣли это сочиненіе и печатали его. Одинъ потаенный приказъ Президента Академіи утвердилъ ее печатаніе.

1759. Въ началѣ этого года Директоръ театра, Бригадиръ Сумароковъ, сталъ издавать ежемѣсячный журналъ на Русскомъ языкѣ, подѣ названіемъ «Трудолюбивая пчела.» Въ немъ помѣщались не только разные переводы и оригинальныя сочиненія въ прозѣ, но и многія мелкія стихотворенія, пѣсни, элегіи и проч. Это изданіе печаталось на его счетъ при Академіи, и прекратилось съ окончаніемъ года, вѣроятно потому, что и продажа его не соответствовала цѣнности содержанія и съ трудомъ покрывала издержки издателя.

Въ 1760 году, въ типографіи Кадетскаго Корпуса напечаталъ онъ, на осьмушкѣ листа, *Извѣстіе*, въ которомъ онъ обвинилъ свое отечество въ неудачь и прекращеніи его ежемѣсячнаго изданія. Вину и причину этого несчастья приписывалъ онъ Академической Канцеляріи, которая всегда ему болѣе мѣшала, чѣмъ содѣйствовала при печатаніи журнала; но ни слова не сказалъ о безпокойствахъ, которыя причинилъ онъ Академіи и ея типографіи своимъ ненужнымъ изданіемъ, ни о частыхъ ссорахъ своихъ съ факторомъ типографіи, которыя происходили отъ его неисправности въ уплатѣ Академическихъ издержекъ по этому изданію.

Въ 1761 году, за ссору съ Русскими актрисами, онъ, по Высочайшему повелѣнію былъ отставленъ, отъ должности Директора театра, слѣд. и отъ всякой службы; но удержалъ хорошую пенсію, чтобъ занимать публику своими стихотвореніями, въ новомъ вкусѣ.

Въ этомъ же (1759) году явился изъ типографіи Кадетскаго корпуса еженедѣльный листокъ, съ разными переводами съ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ небольшихъ статей, переведенныхъ кадетами, которые упражнялись въ языкахъ. Намѣреніе было не дурно, но дурно то, если всякую бездѣлицу считаютъ достойною печати.

1760. Въ день рожденія Каммергера И. И. Шувалова....
 Ноября, Совѣтникъ Ломоносовъ представлялъ ему первую пѣснь

своей героической поэмы: *Петриада*, напечатанную въ 4-ку. Она заслужила одобреніе знатоковъ и удивленіе многихъ Россіянъ. Потому и желали видѣть ея продолженіе въ такой же силѣ. Шуваловъ даже обещалъ автору собрать для него коллекту въ нѣсколько тысячъ рублей, если онъ окончитъ эту поэму.

Прилѣт. Лишь только вышла въ свѣтъ эта первая пѣснь, какъ одинъ непримиримый врагъ поэта (говорятъ, что это былъ Сумароковъ) написалъ на нее комедію, въ которой онъ, имѣсто музы, умоляетъ о прощеніи безсмертный духъ Петра Великаго, что такой *дикій* поэтъ употребилъ воуе его великое имя.

На кончину Императрицы Елисаветы Петровны явдась очень удачная ода, сочиненная въ Москвѣ молодымъ *Херасковымъ* (пасынкомъ Фельдмаршала Трубецкаго), который еще прежде былъ извѣстенъ разными стихотвореніями. Онъ же напечаталъ оду на коронацію Императрицы Екатерины II. Онъ также для этого торжества, или, правильнѣе, для въѣзда Ея Императорскаго Величества въ Москву, составлялъ прекрасные орнаменты для украшенія деревянныхъ триумфальныхъ воротъ, по порученію своего вѣдима, который былъ Президентомъ Коммиссіи, назначенной для приведенія въ исполненіе коронаціонныхъ торжествъ. Вся часть этихъ украшеній доказываютъ, что онъ не имѣлъ никакого понятія въ подобныхъ произведеніяхъ, какъ напр. руки, висящія изъ облаковъ, множество грубо выдѣланныхъ символическихъ изображеній, неживописныя картины, разныя вызолоченныя рѣдкости и цѣлыя рѣчи въ стихахъ, вмѣсто надписей и проч. Среди множества этихъ прелестей у Триумфальныхъ воротъ, ближе къ Кремлю, подлѣ Монетнаго двора, представилъ онъ Ея Императорское Величество Императрицу, стоящую у стола и готовую взять скипетръ и державу, которые лежали на столѣ, съ надписью: за мои труды. Этотъ Русскій изобрѣтатель и стихотворецъ, который никогда не выѣзжалъ изъ своего отечественнаго города, въ 1763 году, послѣ отставки прежняго Ректора Москов-

скаго Университета, Меллсина, былъ назначенъ въ Ректоры этого новаго Университета, подъ попечительствомъ Куратора, Тайнаго Совѣтника Ададурова. Въ 1763 году онъ охотно оставилъ Университетъ, ибо Императрица повелѣла ему быть Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ получилъ чинъ Тайнаго Совѣтника, и опять сдѣлался Кураторомъ Университета на мѣсто умершаго Высоцкаго (?). По смерти Ададурова, Херасковъ, въ чинѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, сдѣлался вторымъ Кураторомъ Московскаго Университета, должность же Ректора занимаетъ уже нѣсколько лѣтъ Статскій Совѣтникъ Приклонскій, бывшій воспитанникъ С.-Петербургскаго Кадетскаго Корпуса, который также никогда не выѣзжалъ изъ отечества.

СОВРЕМЕННОСТЬ ВЪ 1850 ГОДУ.*

(Литературный журнал, издаваемый съ 1847 г. И. Панаевымъ и Н. Некрасовымъ.)

Впечатлѣніе, производимое отдѣленіемъ Русской Словесности въ Современникъ, еще грустнѣе нежели въ Отеч. Зап. Въ рассказы, съ немногими исключеніями, какъ будто писаны на одну заказную тему, или даже писаны исключительно только съ тою цѣлю, чтобы наполнить извѣстную часть книжки журнала. Намъ недавно еще пришлось пробѣгать ихъ вторично сплошь, и мы должны признаться, что едва ли что-нибудь можетъ быть безотраднѣе впечатлѣнія, вынесеннаго нами изъ этого чтенія. Отсутствіе всякаго серьезнаго содержанія, небросовѣстность или крайняя поспѣшность выполненія, повтореніе повсюду однихъ и тѣхъ же достаточно испошлившихся уже характеровъ, вѣчное возвращеніе въ одномъ и томъ же заколдованномъ и тѣсномъ кругѣ—вотъ что отличаетъ одну категорію этихъ эфемерныхъ произведеній, категорію, которую сама редакция журнала назвала рассказами о житейскихъ глупостяхъ, и къ которой можно причислить, по всѣмъ правамъ, статьи въ родъ «Исторія двухъ пріятелей», «Париж», и т. д. Эти вещи пишутся явно для того только, чтобы лишняя повѣсть была въ журналъ; особеннымъ признакомъ ихъ служить, кромѣ того, великосвѣтское направленіе. Другую категорію составляютъ повѣсти и рассказы, обязанные своимъ происхожденіемъ «раздраженію пльвиной мысли, болѣзненнаго самолюбія»; желанію поставить на ходули маленькое я героевъ нашего времени. По этой части Современникъ далъ странныя Записки Тамарина и Дачный Разсказъ. Наконецъ въ немногихъ произве-

* Москвитининъ удерживался отъ разбора журналовъ, но въ послѣднее время книгъ вышло очень мало и журналы сдѣлались какъ бы выставленнымъ всей литературы; повелѣтъ должно говорить о нихъ: явче отдѣленіе критики пришлось бы, по крайней мѣрѣ на текущее время, совершенно уничтожить. Чтобы сохранить возможное безпристрастіе, редакция поручила разборъ журналовъ молодымъ литераторамъ, принадлежащимъ къ одному поколѣнію съ разбираемыми авторами. Второе требованіе редакция было—разбирать произведенія только съ художественной стороны.

деніяхъ видно присутствіе серьезной мысли, еще въ меньшихъ присутствіе творчества и художественнаго такта. Таковы «Записки Охотника», не смотря на то, что въ послѣднихъ изъ нихъ крайне фальшива основа и крайне нехудожественно выполненіе; таковъ неконченный романъ Г-жи Туръ, выкупающій богатствомъ психологическаго анализа свою растянутость и вялость; таковъ «Необдуманный шагъ» Г. Станицкаго, не смотря на плохую отдѣлку; комедія Г. Менщикова: «Причуды», о которой, какъ о произведеніи сколько-нибудь серьезномъ, мы говорили уже въ нашемъ журналѣ; таковъ, наконецъ, въ особенности, «Долгъ» Г-жи Евгеніи Туръ — единственная повѣсть въ Современникѣ, въ которой тонкость анализа соединяется съ простотою и ясностью сочиненія, хотя недостаетъ художественной округленности. Есть наконецъ еще въ Современникѣ и такія произведенія, которыя не подходятъ ни подъ одну изъ принятыхъ нами категорій, — читая которыя, не знаешь, чему болѣе дивиться, неуваженію ли авторовъ ихъ къ самимъ себѣ, или неуваженію ихъ къ публикѣ. Это «Похожденія Ивана Черно книжника» и «Новоизобрѣтенная привилегированная краска.» Для кого и для чего пишутся подобныя вещи — мы рѣшительно не знаемъ.

Чтобы не укорили насъ въ поверхностномъ судѣ, мы рѣшаемся въ подробности рассмотреть всѣ эти произведенія, хотя многія изъ нихъ не подлежатъ суду критики, маня относящіяся скорѣе къ области промышленности, чѣмъ къ области литературы, наравнѣ съ «Сонниками», «Полными Оракулами» и прочимъ хламомъ, издаваемымъ для сбыта на Макарьевской ярмаркѣ.

Начинаемъ съ «Записокъ Тамарина», такъ нецеремонно выставившихъ букву Я на первой страницѣ первой книжки журнала. Прежде всего скажемъ о впечатлѣніи, произведенномъ на читателей этою повѣстью. Читавшіе въ 1846 году Современника «Вариньку» Г. Авдѣева, составляющую какъ бы прологъ къ Запискамъ Тамарина, были удивлены, въ полномъ смыслѣ этого слова, появленіемъ продолженія: никому и въ голову, конечно, не приходило, чтобы можно было растянуть еще на двѣ книжки плохое подражаніе ро-

ману Лермонтова; съ другой стороны, при всемъ добромъ желаніи смотреть на произведеніе Г. Авдьева какъ на пародію, не было и до сихъ поръ нѣтъ никакой возможности подозрѣвать въ немъ заднюю мысль: нѣтъ нигдѣ ироніи, а напротивъ, повсюду звучитъ лиризмъ,—насильственный, натянутый, а все-таки лиризмъ, повсюду проглядываетъ такое навное поклоненіе личности героя, такая безконечная любовь къ ней, такая пѣжная заботливость въ отношеніи къ ея слабымъ сторонамъ, что невольно изумляешься этому непостижимому въ наше время явленію. Не видать нигдѣ, чтобы авторъ былъ выше избраннаго имъ героя, чтобы для него разоблаченъ былъ во всей наготѣ этотъ пустой, пошлый и праздный господинъ, имѣющій претензію на демона; авторъ повѣсти какъ-то дѣтски вѣритъ въ величіе своего Тамарина, въ широту его природы, въ безграничность его стремленій. Въ этомъ-то и важная и многозначительная сторона романа Г. Авдьева для будущаго историка нашего поколѣнія.

Мы помнимъ, что въ обзоръ литературы за 1849 годъ, помѣщенномъ въ Отечественныхъ Запискахъ, очень ловко и вѣрно схвачены были смѣшныя стороны тогда только что начинавшагося романа Г. Авдьева. Вполнѣ разделяя взглядъ критика на «Вариньку», мы не станемъ возвращаться къ давнопрошедшему и начнемъ прямо съ того, что представлялъ изъ себя Тамаринъ въ прошломъ году, въ своихъ неопыленныхъ запискахъ, которыя, сколько мы знаемъ, стали настольною книгою всѣхъ юныхъ Печориныхъ и юныхъ княженъ Мери Замоскворѣчья и Малой Коломны. Тѣмъ болѣе удовольствуемся мы анализомъ однихъ только записокъ, что въ романъ Г. Авдьева есть еще особенное достоинство: его можно начать съ конца, съ середины, съ начала—*ad libitum*,—вездѣ все тотъ же ненаглядный образъ, вездѣ все тѣ же идеи, вездѣ наконецъ одинаковыя краски.

Напомнимъ только читателямъ, что Тамаринъ, въ слѣдствіе разговора съ другомъ своимъ Островскимъ, выставившимъ ему въ смѣшномъ видѣ его отношеніе съ Варинькой и его будущее съ нею, уѣхалъ въ городъ Н. Здѣсь, какъ видно, не нашлось добраго Ивана Васильича, котораго бы

онъ могъ удивлять тѣмъ, что утренній чай замѣняетъ завтракомъ,—и онъ принялся писать дневникъ. Оно иначе и быть не можетъ, — Печоринъ писать дневникъ, какъ же ему не писать? Въ глазахъ его нѣтъ вѣдь ничего замѣчательнаго его собственной достолюбезной личности. И начинается онъ откровенія высокой души своей, какъ слѣдуетъ истинному демону. «Умереть со скуки—говоритъ онъ—выраженіе чисто «иперболическое. Мнѣ кажется, я началъ скучать съ тѣхъ поръ какъ въ первый разъ чихнулъ при рожденіи,—однако, «слава Богу, живу до сихъ поръ». И какъ вѣдь онъ радъ, бѣдный, своей якобы остроумной выходкѣ (надъ которой—замѣтимъ въ скобахъ—точно помрутъ со смѣха весь господа, скучающіе отъ бездѣлья, и все барышни, ожидающія появленія такого демона, чтобы ему отдаться, подразумевается, платонически), какъ онъ доволенъ, что не принадлежитъ къ счастливымъ, которыхъ смиренный умъ живетъ по малешку,—съ какимъ торжествомъ причисляетъ онъ себя къ «семь праздношатающихся умниковъ, которые не умѣютъ примирить дѣятельность души съ дѣятельностію жизни». Между прочимъ, объявляетъ онъ, что не хочетъ жить вмѣстѣ съ Островскимъ, приводя пословицу, что «два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся, хотя онъ (Островскій) и доказывалъ, что эта пословица не относится ко лвамъ»—мѣсто замѣчательное въ высшей степени по своей претензіи.... Далѣе онъ жалуется на свѣтъ, за то, что этотъ свѣтъ говоритъ кое-что объ отношеніяхъ его къ Варинькѣ,—но тутъ онъ явно лжетъ: внутренно, онъ очень доволенъ этими толками, потому что дѣлалъ и будетъ дѣлать все возможное для ихъ возбужденія. Вообще, этому достойному господину нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, развѣ только проговорится какъ-нибудь, по врожденной пустотѣ и Хлестаковской вѣтренности. Нельзя ему вѣрить, когда онъ, какъ наивная пансіонерка, груститъ о томъ, что у свѣта всегда чернѣйшій взглядъ на вещи, нельзя ему вѣрить и въ его скуку. Самъ же онъ пробалтывается, что ему скучно отъ того, что нѣтъ Вариньки. И Варинька, впрочемъ, не нужна ему, какъ она сама,—ему пріятно было рисоваться передъ нею,

пародировать своимъ непризнаннымъ вслнчнемъ, своимн грошовыми страданіями. «Я любилъ — пишеть онъ — задумчивый, любящій взглядъ ея темноголубыхъ глазъ, когда, по праву сельской свободы, сидя вдвоемъ въ саду, въ теплый осенній вечеръ, я передавалъ ей свои холодныя сужденія или рассказывалъ пеструю повѣсть моей прошедшей жизни, а она слушала, пристально смотря на меня хорошенькими глазками, и казалось хотѣла спросить ими: «неужели ты все это пережила и почувствовала? И нѣтъ морщинъ на твоёмъ челѣ! и нѣтъ въ кудряхъ сѣдаго волоса! и весело можешь ты смотреть на всенедельную жизнь!»

Чувствуете ли вы, какъ привольно ему, блѣдному сколку съ Печорина,—какъ сладко ему поклоненіе и удивленіе неопытной дѣвочки, основанныя единственно на томъ, что она не знаетъ его, — какъ по сердцу эта ложь его испошленной ложью натурь?... Что за дѣло, что никто, кромѣ незнающей свѣта дѣвочки или презрѣлой женщины, не поверитъ въ это величіе,—онъ доволенъ и такимъ поклоненіемъ. Тутъ онъ искрененъ, потому что тутъ онъ наивно обличаетъ себя самого въ возмущающей душу лжи,—искрененъ онъ и вслѣдъ за тѣмъ, говоря: «Смѣшное, смѣшное! вотъ бичъ, отъ котораго блѣднѣетъ наше поколѣніе! вотъ слово, которое убиваетъ хуже чумы,» и т. д. Тутъ онъ весь наголо, со всею своей пустенькой, пошленькой и даже трусливой природой — онъ, имѣющій необъятныя претензіи на демонизмъ. Не бойтесь за его скуку, она не доведетъ его до какого-либо эксцентрическаго поступка, она разсвѣтается тотчасъ же, какъ только войдетъ онъ опять въ свою сферу.

Варинька съ матерью скачетъ за нимъ въ городъ Н. Но тутъ у нея есть уже наперсница Надинька, зрѣлая дѣва, которую Тамаринъ весьма не любитъ, можетъ быть потому, что она очень сходна съ нимъ, что въ ней, по его собственному выраженію, такъ мѣткому, «все ложно, начиная съ чувствъ и до косы включительно.» Вотъ наконецъ и сфера дѣятельности, вполне достойная его великой души: начинается борьба, въ которой онъ можетъ выказать свои блестящія качества, употребить въ дѣло всю свою тактику. Тактика

эта немудреная, хоть и всегда сильная въ отношеніи къ двачонкѣ: вся она заключается въ способности не краснѣть, когда уличаютъ въ явной лжи или лицемеріи, въ умьньи не затрудняться таинственнымъ и ничего не значущимъ отвѣтомъ, когда дѣлаютъ щекотливый вопросъ. Тамаринъ любить эти ничего не разрѣшающіе отвѣты, какъ любить всякую недосказанность, двойственность, ложь положенія. Онъ страшно доволенъ первою встрѣчей съ Варинькой. «Теперь—говорить онъ—наши взаимныя отношенія такого рода, что отъ нихъ такъ же близко къ короткости, какъ и къ совершенному разрыву.» Далѣе онъ разсуждаетъ и честно и неоспоримо логично: «Мы скоро дойдемъ до той точки, на которой порядочные люди или разрываютъ связь, или женятся. Разрывъ тогда будетъ труднѣе, чѣмъ теперь, а жениться я не намѣренъ. Другой аргументъ (!): мнѣ порядочно скучно; если я не буду занятъ Варинькой, мнѣ будетъ еще скучнѣе; къ тому же Варинька меня любитъ, и разрывъ со мною очень огорчитъ ее.» (Что за нѣжная гуманность!). «Спрашивается: «благоразумно ли будетъ обречь себя на скуку, а Вариньку на печаль изъ одной болѣзни будущаго? Это сдѣленіе обстоятельствъ такъ запутано, что я рѣшаюсь посоветываться съ Федоромъ Федорычемъ.»

И вотъ, по щучьему велѣнью, является Федоръ Федорычъ—такая же жалкая пародія на доктора Вернера, какъ самъ Тамаринъ жалкая пародія на Печорина. «Мы не были съ нимъ друзьями, потому что не вѣрили въ дружбу, не были большими пріятелями, потому что уважали другъ друга.» Что это такое? — спроситъ удивленный читатель. Мы сознаемъ въ нашей ограниченности. Вездѣ Тамарина съ Федоромъ Федорычемъ исполнена такихъ дикихъ претензій со стороны двухъ этихъ господъ, что ее слѣдовало бы выписать цѣликомъ въ назиданіе читателей. Федоръ Федорычъ еще послѣдовательнѣе Тамарина, — онъ до того послѣдователенъ, что становится даже комиченъ. «Да что жъ въ самомъ дѣлѣ? — говоритъ онъ по поводу отношеній Тамарина къ Варинькѣ. — Вы дали Варинькѣ нѣсколько слезъ, ту боль сердца, которая называется страданіями: да вѣдь это стра-

«давія моральныя и относительноя! Они зависягъ отъ раздражительности нервовъ и чувствительности сердца: какія это страданія! Это не кусокъ черстваго хлѣба, не жесткая скамья да продранное платье! вотъ страданія такъ страданія! *«За то знаете ли, что вы дѣлаете этимъ? Вы ее избавите отъ скуки. Боже! какъ это много! Вы ей доставите право говорить своимъ подругамъ и вамъ впоследствии, что вы разбили ея жизнь, что вы отравили ея лучшія вѣрованія и прочее и прочее. Великое для дѣвицы право! И брава свась, подруги ея будутъ тайно думать: счастливица эта «Варинька! И подруги ея будутъ правы, потому что вы ей «дадите жизнь; и сама Варинька съ наслажденіемъ вспомнить «пережитое время. А вы гордо будете скучать своимъ усль-«хомъ, смѣясь надъ мнѣніемъ старухъ вмѣстѣ съ молодежью.»* Конечно все это потому, что есть тутъ своя относительная правда, т. е. правда въ отношенія къ тому миру жизни, какимъ живетъ извѣстная часть нашего такъ называемаго, или, лучше сказать, такъ называющаго себя молодаго поколѣнія, что все это какъ будто цѣлкомъ взято изъ разныхъ современныхъ поэтовъ, на разные тоны взывающихъ о *гордомъ страданіи, о блаженствѣ страданія и о прочемъ.* Дѣйствительно — и Тамирину и Варинькѣ — жизнь не въ жизнь безъ глубокихъ страданій, безъ душевныхъ язвъ, — жизнь не въ жизнь, если сердце у нихъ не разбито, лучшія вѣрованія — которыхъ собственно никогда и не было — не отравлены. Во что бы то ни стало, надобно разбить сердце, — кто жъ это живетъ съ неразбитымъ сердцемъ! Какъ это жизнь пройдетъ безъ повторенія драматическаго отношенія:

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно,
 Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной,
 Но какъ враги избѣгали признанья и встрѣчи,
 И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.

Какъ же наконецъ не разстаться въ безмолвномъ и гордомъ страданіи? Горе въ самомъ дѣлѣ женщины, которая не насиловала себя для воспроизведенія подобной драмы, — горе, если здоровое и свѣжее сердце отдала она любящему и любимому человеку. Нѣтъ, — давайте намъ страданья, во что бы

то ни стало, — давайте прошедшаго и вѣчнаго воя о прошедшемъ, хотя бы это прошедшее само въ себя не стояло ровно ничего, хотя бы пользе и смысла и жизни было настоящее.

Но мы увлеклись тирадою доктора Вернера—онъ же и Федоръ Федорычъ,—будемте слѣдить дальше *драматическія* отношенія Тамарина съ Варинькой. Тамаринъ снова *позволяетъ* себя увлечься ею, сознается, что онъ *счастливъ*, *совершенно счастливъ*, и между тѣмъ восклицаетъ: «какая скука быть совершенно счастливымъ!» Отъ чего же въ самомъ дѣлѣ это противорѣчіе? Да просто отъ того, что ни въ Тамаринѣ, ни въ Варинькѣ нѣтъ условія для счастья, что всю непосредственность чувства подтачиваетъ у нихъ холодное разсужденіе, и притомъ не самобытное, а вѣншее, такъ сказать наносное. Оба они вообще подъ вліяніемъ *qu'en diga t-on*, и въ частности — *глубокій мыслитель* Тамаринъ (каковымъ онъ самъ себя признаетъ такъ откровенно) подъ вліяніемъ пьяной или праздно болтовни Островскаго, а она, эта страстная и свѣжая Варинька, подъ вліяніемъ мелочныхъ разчетовъ своего друга Надиньки, и вмѣсто того, чтобы любить беззаветно, безъ задней мысли, «жесточааетъ сердце дружбой», по выраженію одного непечатавашагося поэта.

Тамаринъ самъ довольно ясно понимаетъ то странное настроеніе души, которое обладаетъ имъ и Варинькой: «что за странная прихоть сердца — говоритъ онъ — составлять несчастную любовь, тогда какъ у насъ есть всѣ условія для счастливой любви? Въ самомъ дѣлѣ, нашу любовь можно назвать несчастной, потому что сумма маленькихъ страданій «составитъ одно большое. У дикихъ, у необразованныхъ людей «есть ножъ, есть кровь, есть убійства и истязанія. У насъ, «людей отполированныхъ, нервы такъ раздражены, чувствительность такъ утончена, что мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ такимъ сильнымъ и грубымъ средствамъ: у насъ «есть другія мученія—*невниманіе, равнодушіе, предпочтеніе имъ насмѣшка—убійственная насмѣшка!* И, Боже мой! какъ «иногда глубоко и тяжело страдаетъ самолюбивый человекъ «отъ одного неблагоклоннаго взгляда или небрежнаго отвѣта.»

Въ какой степени легко уязвляемо самолюбіе Тамирина, показываютъ его дальнѣйшія отношенія съ Варинькой. По поводу того, что ей вздумалось подразнить его ревность букетомъ довольно пустаго юноши Володи Имшина, онъ рѣшительно выходитъ изъ себя, или лучше сказать, тутъ-то именно онъ и вошелъ опять въ свою колею—*попалъ на эту точку и вертится на этой линіи*. Въ самомъ дѣлѣ, обширное и славное поле дѣйствія раскрывается передъ Ловласомъ города Н**—уничтожить мнѣтное торжество перезрѣлой дѣвы, сокрушить пробудившуюся гордость въ дѣвочкѣ, стереть съ лица земли соперника, котораго нельзя серьезно и счесть соперникомъ. Читая описаніе его подвиговъ, мы повторяли слова неизвѣстнаго критика Современника о Ловласѣ Ричардсона: «Не слышите ли въ этомъ взрывѣ гордаго восторга нечто подобное радостному реву льва, подкарауливашаго добычу?»

Средство, избираемое Тамиринымъ для мести, разумется, женщина, именно Марія Б**, прозванная Маріонъ имъ и его пріятелями. Является по крайней мѣрѣ хоть одно лице, взятое не цѣликомъ изъ романа Лермонтова, хотя такъ же мало, какъ и другія, взятое изъ дѣйствительности. Маріонъ, разумется, замужемъ, и разумется также, мужа своего въ грошъ не ставитъ. Она пережила уже все, что можетъ пережить женщина,—и говоритъ она иногда точно, какъ женщина много пережившая, но непонятно только, какъ она не видитъ насквозь Тамирина, т. е. не презираетъ его. Онъ же самъ говоритъ, противъ обычая своего, довольно откровенно: «какъ должны быть смѣшны въ ея глазахъ мы, маленькіе Ловласы съ нашими маленькими страстями и маленькими объясненіями.» А между тѣмъ, на балу, куда она отправилась съ букетомъ Тамирина, за которымъ этотъ послѣдній посылалъ чуть не за сто верстъ, Маріонъ прямо говоритъ ему, что она могла бы имъ увлечься; если бы не пережила такъ много. Вообще вся эта сцена съ Маріонъ, хоть и не найдется въ романѣ Лермонтова, за то такъ и отзывается извѣстнымъ стихотвореніемъ поэта:

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
 Не замѣчая никого,
 Дѣлюсь съ умнымъ и безумнымъ,
 Живу для сердца своего....
 Въ толпѣ другъ друга мы узнали,
 Сошлись и разошлись вновь,
 Была безъ радостей любовь,
 Разлука будетъ безъ печали.

Во всей этой сценѣ такъ и сквозить повсюду задняя мысль автора: опозитизировать отношеніе Тамарина и Маріонъ, какъ двухъ существъ равно высшаго разряда, равно принадлежащихъ къ незаконнымъ кометамъ въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ, равно разубѣжденныхъ и равно неспособныхъ отдаться увлеченіямъ: отношеніе въ самомъ дѣлѣ трагическое въ стихотвореніи великаго поэта, и возбуждающее невольный смѣхъ, когда имъ прикрываются губернскіе львы и львицы. Г. Авдѣевъ уловилъ даже новый поэтическій отбѣнокъ этого отношенія; это—минута, когда Тамаринъ и Маріонъ собираются на балъ и отдаются какому-то молодому, благоуханному нантію. Въ самомъ-дѣлѣ, представьте въ этомъ состояніи души одного изъ грозныхъ героевъ Байрона, за нѣсколько минутъ до совершенія какого-либо страшнаго дѣла, или одну изъ истинно жившихъ и страдавшихъ героинь Занда, эффектъ выйдетъ поразительный. А здѣсь скажешь только: *pop erat hic locus*. Развѣ можно дорожить подобною минутою въ Тамаринѣ? Всѣ страшныя дѣла его заключаются въ весьма невинныхъ дѣтскихъ шалостяхъ да въ Хлестаковскихъ выходкахъ,—а Маріонъ мы вовсе не знаемъ, потому что нельзя же вѣрить рекомендаціи Тамарина. Что она говоритъ умно—это ровно ничего не доказываетъ. И самъ герой Г. Авдѣева, вращаясь въ безвыходномъ и тѣсномъ кругѣ своихъ идеескъ, мимоходомъ говоритъ вещи не совсѣмъ пошлыя. Такъ, напримѣръ, ему удалось довольно резко указать на странности женской дружбы: «Не смотря на все мое вліяніе надъ Варинькой—говоритъ онъ—я не могу *разубѣдить* ее (т. е. говоря по-Русски—убѣдить, потому что съ предлогомъ *разъ* смыслъ выходитъ противоположный), что между двумя дѣвочками это чувство неестественное, что это просто

«взаимное обмрачиваніе, средство для одной имѣть вліяніе на другую. Такъ нѣтъ! говорить, что я не понимаю этого чувства, что я скептикъ, что я ошибаюсь. А просто, на «этихъ губернскихъ барышенъ находить какое-то бѣшенство на дружбу. Увидятся во второй разъ въ жизни и ужъ «ходятъ подъ руку, такъ что ихъ водой не разольешь: «увѣряютъ другъ друга во взаимной симпатіи и расскажутъ «про себя всю подноготную. За тѣмъ начинается переписка, «обмѣнъ колець и браслетовъ, внутри *коихъ* вырывается: «А** à son amie В**, годъ, мѣсяцъ и число. Все это про- «должается, *разумѣется*, до первой кости, послѣ чего «слѣдуютъ объясненія, чувствительныя сцены, разрывъ. Тот- «часъ послѣ этого выбирается съ обѣихъ сторонъ новая «подруга: ей жалуются на старую, рассказываютъ всѣ ея «маленькіе секреты, которые послѣ этаго отправляются по «городу—я опять та же пѣсня!»

Тамарину ни разу не удавалось быть такъ мѣтко злымъ въ своихъ запискахъ,—по большей части онъ предоб- рый, въ особености въ отношеніи къ своимъ собственнымъ маленькимъ слабостямъ, отъ которыхъ, какъ извѣстно, не свободны и великіе люди. Одна изъ этихъ маленькихъ сла- бостей великаго челоука—привычка неумѣренно радоваться маленькимъ триумфамъ, или, лучше сказать, оваціямъ. Какъ онъ въ духѣ на этомъ балѣ, гдѣ *удается* ему взбѣсить Вариньку; онъ весь распустился, какъ Машловъ передъ Павломъ Ива- новичемъ Чичиковымъ—онъ, гордый демонъ, ходилъ скандалъ, предметъ ужаса всего города Н**! «Мнѣ захотѣлось быть «первымъ между всею молодежью, и я успѣлъ въ этомъ. «Я не пропустилъ безъ вниманія ни одной дамы, будь она «sur le retour, ни одной дѣвицы, будь она зрѣлой дѣвой, «и даже дѣвицы говорили обо мнѣ: *il est charmant*. Я даже «не оставилъ въ покоѣ стариковъ и старухъ: и старики и «старухи были отъ меня въ восхищеніи.» Восторгъ его не знаетъ наконецъ предѣловъ, когда *удается* ему новый мно- готрудный подвигъ—одурачить Володю Имщина... и вслѣдъ за тѣмъ, оканчивая первую тетрадь своихъ записокъ, онъ опять надѣваетъ на себя передъ самимъ собою маску демона—

и спрашиваетъ себя самодовольно: «неужели я началъ уже старѣться?» не подозрѣвая въ душевной простотѣ, что маска, надѣваемая имъ на себя, дѣйствительно состарѣлась и износилась, а у него самого, по Русскому выраженію, молоко еще на губахъ не обсохло. Въ томъ-то вся и бѣда, что онъ безпрестанно насилуетъ свою, въ сущности пустыньскую природу, надувается какъ мыльный пузырь. Самообманываніе обратилось у него въ болѣзнь, и къ сожалѣнію, эта болѣзнь неизлечима, потому что ничто не вырветъ его изъ заколдованнаго круга ограниченнѣйшихъ понятій—и въ этомъ кругѣ есть для него всегда возможность примиренія съ самимъ собою. До старости онъ будетъ поэтизировать свои маленькія страданія, и придавать важность мельчайшимъ событіямъ своей пустой и празднои жизни.

Мы не станемъ анализировать въ подробности вторую тетрадь его записокъ. Скажемъ только, что изъ Печорина онъ обращается подъ конецъ въ Онегина, — выдавши Вариньку замужъ за Володю Имшина, терзаетъ ее неотвязною любовью, прежде разумѣется насильственно истерзавши самого себя. «Я не ухаживаю за Варинькой — пишетъ онъ черезъ нѣсколько времени послѣ ея свадьбы—не потому, чтобы это было слишкомъ рано, а изъ боязни уронить себя въ ея «глазахъ. Я увѣренъ, она бы оскорбилась и не простила бы мнѣ моего волокитства. Но, сознаюсь, меня что-то влечетъ къ ней, Чтò? не знаю! Можетъ быть, привычка, прелесть потеряннаго, или наконецъ, избалованное самолюбіе, которое безпрестанно запрашиваетъ все болѣе и болѣе. Впрочемъ, надобно и то замѣтить, что теперь Варинька не деревенская дѣвочка: она имѣетъ всю заманчивую привлекательность женщины, да еще въ добавокъ, такъ недавно выстрадавшей опытность. Еще одна новая тщательно скрываемая черта Варинькина характера притягиваетъ меня своей загадочностью: мнѣ удалось подмѣтить въ ней какую-то внутреннюю сухость, какой-то душевный холодъ, и т. д.»

Не правда ли, что здѣсь всякая черта напоминаетъ стихи изъ Онегина; то

Запретный плодъ намъ подавай,
А безъ того намъ рай не въ рай;

то:

Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;

то наконецъ:

У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она.

Удивительно только то, что Варнишка, по всѣмъ вѣроятностямъ читавшая Онегина, ни разу не отвѣчаетъ Тамирину этими стихами, а напротивъ, повторяетъ съ нимъ отъ полноты убѣжденія послѣднюю сцену Пушкинскаго романа.

Наконецъ Тамиринъ рѣшается ухать — лечиться отъ воображаемыхъ болѣзней. «Сельскій воздухъ, говорятъ, живителенъ» — замѣчаетъ онъ съ важностью.

И вотъ онъ въ деревнѣ, — онъ хочетъ, говоря высокими слогами, «успокоить измученную грудь на лонѣ природы». Не надѣйтесь, чтобы искренно сочувствовалъ онъ природѣ — нѣтъ! на нее самую съумѣетъ онъ навести свренскій, туманный колоритъ своей мелкой тоски, — и въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, онъ по старому будетъ становиться на ходули. Онъ будетъ вспоминать только о томъ, что *безполезно* пролетѣло передъ нимъ, а внутри себя радоваться тому, что оно пролетѣло передъ нимъ *безполезно*. Нельзя иначе — онъ долженъ же до конца пародировать своей жизнью стихи поэта, доживать въкъ по заданной напередъ темъ, повторять самодовольно о себѣ самомъ известную строфу изъ «Сказки для дѣтей:»

Душа ея была

Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно,
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много. Только невозвратно
Идутъ онѣ, куда ихъ повела
Случайность. Безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы — имъ въ жизни нѣтъ уроковъ,
Ихъ чувствамъ повтораться не дано....

Да не подумаютъ читатели, чтобы, приводя стихи двухъ великихъ поэтовъ нашего отечества, мы хотѣли бросить тѣнь

смѣшнаго на самые стихи: смѣшное заключается въ жизни господь, подобно Тамирину, живущихъ по заданнымъ темамъ. Да не обвинять насъ съ другой стороны въ томъ, что мы посвятили нѣсколько страницъ строгому и подробному разбору произведенія, которое едва стоить упоминанія съ художественной стороны. Мы имѣли дѣло не съ плохимъ романомъ, а съ личностью Тамирина, до сихъ поръ еще не надѣвшею нашимъ романистамъ.

А что этотъ любимый типъ остается любимымъ для многихъ, даже послѣ появленія романа Г. Авдѣева—это фактъ несомнѣнный. Улика на лицо—въ «Странной ночи» Г. Жемчужникова, напечатанной рядомъ съ записками Тамирина, въ «Дачномъ рассказѣ» Г. Червышева. Все это вариации на одну и ту же тему.

О «Странной ночи» Г. Жемчужникова, какъ о драматическомъ произведеніи, было уже говорено въ нашемъ журналѣ—и мы готовы повторить о ней, какъ о комедіи, то же самое, что замѣтилъ одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ. Здѣсь мы упоминаемъ о ней по родственной связи: лицъ ея съ лицами романа Г. Авдѣева, следовательно, хотимъ взглянуть на нее съ психологической стороны.

Прежде всего мы спросимъ автора: неужели онъ серьезно вѣрить въ существованіе выведенныхъ имъ лицъ, неужели онъ не видитъ самъ, что его князь и княгиня—пустоцветныя растенія, что назови ихъ Mr и M-me de Chavigny—комедія нисколько не потеряетъ, а скорѣе напротивъ выиграетъ? Подобная игра въ чувство, какою они занимаются въ продолженіе всей пьесы, явленіе у насъ до такой степени непостижимое, или по крайней мѣрѣ рѣдкое, что никому и въ голову не придетъ видѣть въ ней что-либо драматическое. Это явнымъ образомъ пересадокъ съ чужой почвы, роскошь чужой цивилизаціи—герои А. де-Мюссе, названные Русскими именами. Сочувствуя А. де-Мюссе, какъ автору граціозныхъ и часто полныхъ глубокаго анализа рассказовъ, какъ лирическому поэту съ яркимъ дарованіемъ, мы, признаемся откровенно, не видимъ особенной прелести въ его драматическихъ пословицахъ, отъ которыхъ какъ-то дышетъ пу-

стотого и праздноствія. Въ особенности поражаютъ насъ въ комедіи Г. Жемчужникова ни на чемъ не основанныя претензіи на героизмъ. У Мюссе, напримѣръ, Шавиньи какой-нибудь просто пустой малой безъ особенныхъ претензій, — но вѣдь Князь и Княгиня Г. Жемчужникова пропитаны насквозь дешево купленнымъ разочарованіемъ, а его Ардатовъ — лицо уже совершенно непонятное. Изъ чего хлопочетъ этотъ человекъ, для чего становится на ходули, какія психологическія пружины движутъ его дѣйствіями? Хочетъ онъ мстить — за чѣмъ же онъ дѣйствуетъ такъ глупо? Глупъ онъ — за чѣмъ же собирается онъ мстить такъ дико? Да и чѣмъ онъ глупѣе Князя — этого нисколько не видать. Скептицизмъ у нихъ съ Княземъ одинаковый, пріобрѣтенъ, какъ видно, одинаково не дорого обоими. Ардатовъ *философствуетъ* ни чѣмъ не хуже Князя:

Все рабски пало ницъ
 Предъ нашей современной модой,
 И не на шутку мы разсорились съ природой.
У насъ такъ мало вдовъ, такъ мало женъ, двѣщѣ,
Есть только женщины безъ всякаго отличья. (?)

На ходули онъ становится не хуже Князя, волочится точно также не хуже его. Вообще непонятно, что хотѣлъ сдѣлать изъ этого авторъ.

Князь — типъ отжившаго героя нашего времени: это видно по всему, по необычайному самолюбію, по способности не краснѣть, когда уличаютъ въ безстыдствѣ, по невѣрію въ чувство, по зевотѣ, овладевающей имъ, когда онъ остается наединѣ съ любимой или quasi-любимой женщиной, по разочарованію, которымъ проникнуты его слова:

Быть можетъ, я съ другою дамой
 Рѣшился бы всю ночь болтать про всякій вздоръ,
 Или душить ее хоть пятнадцатой драмой,
 Но не свалится со стула на коверъ....
 Но поведеніе мое съ тобой иное,
 И не смотра на то, что ты моя жена,
 Я вижу, надобно тебѣ покою,
 Отдохновенія и сна.

Княгиня — существо безличное, нѣчто въ родѣ женщины старинной классической комедіи, логическое отвлеченіе, вопло-

шеніе известныхъ качествъ, безъ всякихъ чертъ, которыя бы придавали ей образъ.

И отъ всѣхъ этихъ трехъ лицъ такъ и дышетъ великосвѣтскимъ разочарованіемъ, которое и роднитъ произведеніе Г. Жемчужникова съ романомъ Г. Авдьева и съ повѣстью Г. Чернышева.

Дачный рассказъ Г. Чернышева замѣчательнъ въ томъ отношеніи, что составляетъ какъ бы дополненіе къ роману Г. Авдьева.—Это все-таки эпизодъ изъ жизни того же самаго Тамарина, или, пожалуй, Князя, являющагося въ комедіи Г. Жемчужникова. Прибавлено только нѣсколько новыхъ, такъ сказать, мѣстныхъ чертъ къ тому же самому лицу:—служена нѣсколько сфера его дѣятельности; однимъ словомъ, герой рассказа Г. Чернышева тотъ же самый Тамаринъ, только размѣнявшійся на мелочь, лишенный не много своей грандіозности, сведенный съ ходуль недостижимаго демонскаго величія. Въ этомъ рассказѣ, кромѣ того, яснѣе обозначенъ идеалъ женщины, являющейся постоянно у нашихъ великосвѣтскихъ повѣствователей.

Авторъ рассказываетъ, что въ концѣ лѣта 184... года онъ нанялъ дачу на Каменномъ островѣ. Главный корпусъ дачи былъ нанятъ съ самаго начала лѣта, и его занимала, какъ сказали автору, какая-то Надежда Александровна Адосва, барыня совершенно ему незнакомая,—въ слѣдствіе чего авторъ рассказа, или лице, отъ имени котораго пишетъ онъ записки, сокрушается въ ожиданіи новаго знакомства. Въ слѣдствіе же этого мы узнаемъ, во-первыхъ, то, что герой повѣсти чловѣкъ большаго свѣта, цѣлый день бѣгающій изъ конца въ конецъ Петербурга, а во-вторыхъ, что онъ чловѣкъ сильно разочарованный на счетъ новыхъ знакомствъ и новыхъ впечатлѣній. Читатели впрочемъ не должны приходить заранее въ ужасъ на счетъ будущей судьбы повѣсти, и отчаиваться въ возможности ея продолженія. Разочарованіе героя—только такъ, маленькій фарсъ, и продолжается только до перваго удобнаго случая. Герой окажется точно такъ же падкимъ до новыхъ впечатлѣній, какъ и всѣ мы не великосвѣтскіе и не

разочарованные люди. Сначала онъ точно какъ будто бы не хочетъ знакомиться съ соседкой, и отъ скуки рывается писать повѣсть, что давно уже совѣтовали ему его друзья; но «раздалось нѣсколько аккордовъ на фортепьяно, и звучный, мягкій какъ бархатъ, женскій голосъ запѣлъ жаворонка Глинка». Разумѣется, разочарованный герой тотчасъ же растаялъ. Камердинеръ сообщилъ ему, что пѣвица его соседка, что у нея никто не живетъ, а есть только какой-то горбатый мальчикъ, который съ ней вмѣстѣ кушаетъ и всегда сидитъ у нея въ кабинетъ. На другой день герой встрѣтился съ Надеждой Александровной, и узналъ въ ней Надиньку Ленскую, съ которой вмѣстѣ выросъ и всегда былъ въ короткихъ отношеніяхъ. При встрѣчѣ, они назвали даже другъ друга: онъ ее Надинькой, а она его Володей, за что впрочемъ Надежда Александровна разсердилась и на себя и на своего стараго пріятеля, — да и нельзя не разсердиться въ самомъ дѣлѣ: она, женщина разочарованная, поддалась минутному увлеченію, силъ глупой дѣтской привычки, и даже, ни съ того ни съ сего, пошла вдругъ гулять одна съ челоуѣкомъ ей совершенно незнакомымъ; ей даже пришла въ голову мысль, не нарочно ли подготовлена была вся эта сцена героемъ разсказа, потому что, какъ говорить она, мужчины на все способны. Герой, напротивъ, такъ вѣрить въ силу прошедшаго и въ особенности въ собственную свою силу, что съ перваго же раза страстно жметъ ей руку, съ высоты величія поглядываетъ на горбатаго мальчика, котораго Надежда Александровна представляетъ ему какъ родственника своего покойнаго мужа. Горбатый мальчикъ, котораго зовутъ Сергій Ивановичъ Долинъ, какъ видно съ перваго раза, страстно влюбленъ въ Надежду Александровну, а она, какъ видно тоже съ перваго раза, развиваетъ въ немъ эту страсть и тѣшитъ его отъ нечего дѣлать. Все это въ порядкѣ вещей. Герой разсказа въ этомъ случаѣ нѣсколько подобросовѣстнѣе героини. «Вотъ, подумалъ я—говоритъ онъ—какъ «легко женщинамъ дурачить насъ. Что будетъ съ этимъ «несчастнымъ мальчикомъ, если онъ вообразитъ, что можетъ «нравиться ей? Для Адоевой это забава, а для него минута

«разочарованія вѣроятно будетъ жестокииъ и даже, можетъ «быть, невыносимымъ ударомъ». Онъ рѣшается даже заступиться за него; но едва ли искренно это желаніе, едва ли подъ нимъ не таится другое—стать нѣсколько на „ходули величія передъ женщиной, которая не ловится на обыкновенную удочку. Онъ даже на столько эгоистъ, что на выходку Адоевой о существованіи золота въ дикихъ мѣстахъ, отвѣчаетъ грубою шуткою. Надежда Александровна нападаетъ на свѣтскихъ людей, и т. д., впрочемъ лжетъ по всей видимости, потому что только съ такими людьми ей и привольно. Она довольно ловко сбиваетъ съ толку героя, желающаго принять на себя роль наставника, бѣсить его и заставляетъ высказываться, приводить его наконецъ въ такое лирическое состояніе, что онъ «въ совершенномъ безпамятствѣ, обхватилъ ея станъ и хотѣлъ прижать ее къ груди своей», но она вырывается изъ его рукъ. Вообще Адоева пошла гораздо дальше героя разсказа—въ ней больше безстрастія, холода, разсчета, и вѣроятно совершенное отсутствіе темперамента—и разочарована она также больше его. «Успѣховъ въ обществѣ—говоритъ она—я не ищущу и не желаю; «все, что прельщаетъ другихъ женщинъ, въ моихъ глазахъ «совершенно ничтожно и до того мнѣ надоело, что я бы не «смотрѣла ни на что. Жизнь опротивѣла мнѣ: чего отъ нея «ждать, чего надѣяться? Жалко оглядѣться кругомъ. Съ кѣмъ «подѣлиться душою, кому подать руку?....

А между тѣмъ, не смотря на все свое разочарованіе, взятое на прокатъ и цѣликомъ изъ извѣстнаго стихотворенія: «И скучно и грустно,» — Надежда Александровна забавляется страстію горбатаго мальчика — и герой разсказа находитъ возможность поэтизировать и оправдывать въ ней то, что стѣнитъ бичующаго позора сатиры или карающаго смѣха комедіи. «У женщинъ, подобныхъ Надеждѣ Александровнѣ—пишетъ онъ съ самымъ наивнымъ незлобіемъ — чрезвычайно трудно опредѣлить, гдѣ кончается кокетство и гдѣ начинается чувство». Что это чрезвычайно трудно опредѣлить, никто и спорить не станетъ: подобнаго рода женщины до того запутались во лжи, до того убили въ

себя все естественное, что сами себя каждую минуту увѣряютъ или разувѣряютъ въ чувства; но вопросъ въ томъ, стоить ли трудиться определять границы ложнаго и воображаемаго, — не лучше ли было бы вѣрзвать анатомическимъ скальпелемъ наружное и доискаться внутреннихъ причинъ такого разврата, объяснять тайныя пружины вѣчнаго самообманыванія, вывести изъ предшествовавшихъ данныхъ такое чудовищное разстройство души — и тогда едва ли бы не глубоко-комическое впечатлѣніе произвела эта ложь, такъ наивно поэтизируемая нашими повѣствователями.

Дѣло кончается тѣмъ, что и герой разсказа и Надежда Александровна губить горбатаго мальчика, который въ порывѣ неистоваго усердія бросается въ воду за собачкой Адоевой, схватываетъ горячку и умираетъ. Герой не можетъ удержаться отъ звѣринаго чувства радости при видѣ гибели своего соперника, Адоева облекается въ эффектную горестъ — и остается, разумѣется, все той же поэтической женщиной, а Владиміръ Ивановичъ Солдцевъ черезъ три дня послѣ похороны Долина принимается за повѣсть.

Данный разсказъ, связанный родствомъ понятій, чувствъ и языка съ записками Тамирина, вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей крайней пустотѣ, составляетъ переходъ къ другой категоріи повѣстей журнала, т. е. къ такимъ произведеніямъ, которыя составляютъ балластъ книжки и которыя мы оставимъ на время въ сторонѣ, боясь утомить читателя такъ же тяжело, какъ тяжело утомляло насъ самихъ чтеніе по обязанности. Повторяемъ опять, что безотраднѣе впечатлѣнія мы давно уже не испытывали.

Перейдемъ лучше къ разсказамъ, въ которыхъ слышно какое-нибудь бѣшеніе сердца, которые задуманы съ какою-нибудь серьезною мыслію. Мы начнемъ съ слабѣйшаго изъ этихъ очень немногихъ произведеній, съ *«Необдуманнаго шага»* Г. Станицкаго. Г. Станицкій (вѣроятно псевдонимъ) — дарованіе, весьма недавно появившееся въ нашей литературѣ, по всему видно — молодое и чутьли даже не женское: потому, мы слѣдимъ за нимъ съ самымъ искреннимъ участіемъ,

хотя не можем не сказать горькой истины, что рассказы Г. Станицкаго всегда гораздо серьезнее задуманы, чѣмъ выполнены. Содержаніе ихъ всегда почти ново, характеры выходятъ изъ обычнаго тѣснаго круга, обработка далеко не удовлетворяетъ ожиданіямъ, возбуждаемымъ основою. Вмѣсто того, чтобы съ любовію и терпѣніемъ развивать на хорошей и новой психологической основѣ настоящую и простую драму, Г. Станицкій пускается въ мелодраматическіе эффекты; на всякомъ его произведеніи видны слѣды лихорадочной торопливости съ одной стороны и апатическаго утомленія съ другой; за страницами, написанными подъ вліяніемъ непосредственнаго творчества, слѣдуютъ самыя будничныя loca torica, за пламенными лирическими порывами самое дешовое резонерство. Всего же болѣе вредить, по нашему мнѣнію, этому дарованію вѣчное тяготѣніе какой-то насильственной задней мысли, прорывающейся часто совершенно неумѣстно и портящей повсюду впечатлѣніе, — и эта задняя мысль въ явномъ разладѣ съ искренностью, которою отличаются произведенія Г. Станицкаго. Укажемъ напримѣръ, въ подтвержденіе нашего мнѣнія, на его Пастыку, напечатанную въ 1849-мъ году. Какъ ново и смѣло созданіе женскаго характера, какою пылкою страстію проникнуты многія страницы повѣсти, какою грустною искренностью отзываются тамъ многія откровенія женской души, — и какъ мало мирится все это хорошее съ искусственными эффектами, съ натлнутыми сценами, съ фальшивымъ резонерствомъ, съ недосказанностью многихъ положеній — недосказанностью, въ которой явнымъ образомъ виновата неумѣстная задняя мысль. Отъ этого многое, что начинается у Г. Станицкаго правдой, переходитъ потомъ въ видимую, ослзательную ложь, что основывается на глубокомъ чувствѣ, продолжается безплоднымъ умничаньемъ и кончается рутиннымъ эффектомъ Французской мелодрамы, — такъ что, во прочтеніи повѣсти, невольно жальешь о гибели новаго и серьезнаго содержанія, о растратѣ лиризма и чувства. То же или почти то же самое можно сказать и о «Необдуманомъ шагѣ». Съ перваго взгляда видно, что авторъ какии-то чутьемъ понимаетъ всю новостъ и

важность раскрываемаго имъ отношенія; но не хочетъ вглядѣться въ него съ вниманіемъ и любовью художника, обходитъ изъ какой-то лѣни всѣ средніе, переходныя термины между явленіями, схватываетъ только рѣзкія стороны, не подозревая, что въ среднихъ-то терминахъ все и дѣло, что ими обусловлена жизненность созданія, что безъ воспроизведенія тонкихъ отгѣнковъ и переливовъ рѣзкія стороны явленій выходятъ мертвы и угловаты. Видна наконецъ та же самая мелодраматичность въ постройкѣ произведеній, та же самая небрежность работы.

Дѣйствіе разсказа происходитъ въ какомъ-то уздномъ городѣ, куда авторъ пріѣзжаетъ съ невыносимою зубною болью. Мучимый ею, онъ едва не отдается въ руки пьяному фельдшеру, и одинъ только видъ клещей заставляеть его отказаться отъ такой отчаянной рѣшимости. Трактирный слуга рекомендуетъ ему зубную лекарку, которая лечитъ нашептываніями, — онъ, разумѣется, отвергаетъ и это средство. Зубъ между тѣмъ унимается, и авторъ, бродя по городу, заходитъ отъ скуки къ лекаркѣ — ищанкѣ Никифоровой. Его встрѣчаетъ крикъ дѣтей, видъ бѣднаго и неопрятнаго жилья, молодая и красивая, но растрепанная женщина. И тутъ же, въ этомъ неопрятномъ содомѣ, спиною къ дверямъ сидитъ мужчина въ халатѣ, зажавъ уши и локтями опершись на столъ, котораго все это мучитъ невыносимо, который читаетъ иностранныя книги. Изъ разсказовъ трактирнаго слуги авторъ узнаетъ, что мужчина — Г. Даниловъ, пріѣзжій изъ Питера, что дѣти — его и этой бранчивой, растрепанной жепщины. Авторъ вспоминаетъ, что зналъ въ Петербургѣ одного Данилова, очень молодого, образованнаго и благороднѣйшаго человѣка. «Но я усомнился, — говоритъ онъ, — онъ ли это былъ. Тотъ былъ пылокъ, понималъ хорошо жизнь, какъ я могъ заключить, вспоминая наши жаркіе споры.» Между тѣмъ оказывается, что это именно тотъ самый Даниловъ.

Задача повѣсти обозначается сама собою. Вопросъ тутъ въ томъ, что связало этого пылкаго и понимающаго жизнь человѣка съ существомъ, которое во всѣхъ отношеніяхъ его

ниже, съ грязнымъ бытомъ, его окружающимъ, — что держитъ его въ этихъ опутавшихъ его сѣтяхъ, и почему безвыходно его положеніе? Въ самомъ ли характерѣ Данилова, или во внѣшней обстановкѣ лежатъ причины этой безвыходности? Драма самая серьезная могла разыгратъ на эту тему, и первымъ условіемъ серьезности драмы должно было бы быть конечно равное участіе, равное безпристрастіе къ обѣимъ сторонамъ, запутавшимся въ страшную паутину. Должны же въ самомъ характерѣ этой женщины заключаться причины ея вліянія на Данилова, должны же въ самомъ характерѣ Данилова заключаться слабыя стороны, вслѣдствіе которыхъ онъ поддается ея вліянію. Посмотримъ же, какъ это выходитъ у Г. Станицкаго.

Пріѣхавши въ деревню къ одному изъ своихъ друзей, авторъ за ужиномъ сталъ рассказывать о своемъ приключеніи. Его слушали съ любопытствомъ, но вдругъ онъ замѣтилъ тревожные взгляды хозяйина и хозяйки, поминутно бросаемые на старушку, сидѣвшую между дѣтми и внимательно его слушавшую. Старушка — мать Данилова. Она вся — доброта и любовь къ сыну, и до такой степени безъ тѣхъ недостатковъ, которые всегда почти связанны тѣсно съ чувствомъ материнской любви, что плохо върши изображенію автора: невольно какъ-то слѣдѣтъ, что слишкомъ снисходительный къ одной сторонѣ, онъ слишкомъ строгъ къ другой. Отъ этого, сцена прихода старушки къ автору отзывается мелодраматичностью и какимъ-то страннымъ расчетомъ на чувствительность читателей.

Наконецъ, авторъ начинаетъ рассказывать исторію самого Данилова. Отношенія Данилова и Тани начались съ того, что онъ увидѣлъ ее въ первый разъ на пріятельской пиршкѣ, вступился за нее и не далъ ее въ обиду одному изъ уиившихся гостей. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ остался съ нею одинъ, и, ни съ того ни съ сего, вдругъ сказалъ ей: я возьму тебя къ себѣ. Между тѣмъ не видать нисколько, что заставляло его сдѣлать такую необдуманную глупость, — не видать даже, чтобы онъ въ эту минуту весь былъ поглощенъ чувствомъ состраданія, потому что мрачно ходилъ

по комнать и думаль о старушкѣ матери. Одно что-нибудь— или Даниловъ до того впечатлительнѣ, что способенъ часто быть слабымъ и безхарактернымъ, или онъ человекъ понимающій жизнь, какимъ авторъ зналъ его въ Петербургѣ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ не могъ, что говорится, очертя голову опутать себя на всю жизнь. Дѣло происходило, вѣроятно, проще: известная доля неразумнаго чувственнаго порыва входила въ рыцарство Данилова, и за этотъ порывъ онъ заплатилъ муками цѣлой жизни. Съ другой стороны, становя своего героя на ходули невиннаго страдальца, авторъ съ перваго же раза является не совсѣмъ справедливымъ къ Танѣ. «Онъ (Даниловъ) былъ молодъ, красивъ собою, богатъ, по понятіямъ Тани, — и онъ бралъ ее подъ свою защиту. Въ порывѣ, *можетъ быть*, истиннаго увлеченія дѣвушка кинулась къ своему покровителю.» Къ чему тутъ: *можетъ быть*? Увлеченіе Тани болѣе чѣмъ возможно, возможно до того, что безъ сильныхъ данныхъ противъ его непосредственности безпристрастный наблюдатель не имѣетъ права смотрѣть на него скептически; едва ли въ эту минуту также входила въ голову Тани мысль о богатствѣ Данилова — и вообще кака-нибудь мысль. Въ ея порывѣ все было искренне и просто — и то, что она кинулась цѣловать руку молодаго человека, и то, что негодованіе за это Данилова равнялось для нея съ самымъ страшнымъ оскорбленіемъ. Вообще во всей этой первой сценѣ, Даниловъ является юношей, не только не знающимъ жизни, но даже просто разобщеннымъ съ практическою жизнью, живущимъ въ мірѣ отвлеченныхъ понятій. Есть даже что-то комическое въ его негодованіи за чрезвычайно простое движеніе. «Онъ съ жаромъ и долго говорилъ ей о достоинствахъ женщины, изъ чего Таня, разумѣется, ни слова не поняла и продолжала только плакать». Еще комичнѣе вслѣдъ за тѣмъ его дон-кихотскій идеализмъ. Это — явнымъ образомъ, человекъ, смотрящій на жизнь не простымъ глазомъ, а въ цветныя очки, приступающій къ явленіямъ съ заготовленными впередъ идеями; въ этомъ-то и несчастіе его жизни. «Даниловъ увлекся; онъ видѣлъ въ

«Таня оскорбленную женщину. Въ своемъ отчаяніи, она по-казалась ему существомъ *идеально-прекраснымъ*, — онъ упалъ къ ея ногамъ и *молилъ простить его*, клялся быть вѣчнымъ ея защитникомъ, и въ какомъ-то увлеченіи сталъ «цѣловать ея руку.» Какъ прикажете назвать все это? — Чему удивляться, что тяжело поплатился Даниловъ за такое увлеченіе; онъ увлекся не истинною существующаго, а ложью созданнаго имъ сна. *Можетъ быть* — и мы употребимъ здѣсь это слово съ бѣльшимъ правомъ, нежели употребляетъ его авторъ въ отношеніи къ Таня — можетъ быть, Даниловъ самъ же виноватъ и въ своихъ послѣдующихъ мукахъ: въ немъ не было достаточно любви, терпѣнія и здраваго смысла — снизойдти съ своего ходульнаго величія до непосредственности случайно попавшагося ему существа. Представьте себѣ, что вмѣсто азбуки, онъ прямо втолковываетъ ей лекціи о достоинствѣ и назначеніи женщины! Что по натурѣ своей Таня вовсе не такъ безчувственна и глупа, какою она дѣлается впоследствии, — это видно даже изъ указаній весьма не расположеннаго къ ней автора. Послѣ эксцентрическаго паденія Данилова къ ея ногамъ, «Таня сначала испугалась не менѣе, какъ въ ту минуту, когда на нее возстали всѣ «за доктора. Но видя слезы Данилова, она, сама не сознавая, что съ ней дѣлается, заплакала пуще прежняго ... и «въ то же время смѣялась». Въ эту минуту она, конечно, поэтичнѣе Данилова, потому что проще его.

На другой день Даниловъ сталъ уже раскаиваться въ своемъ поступкѣ, но лишь только заикнулся онъ Таня о возвращеніи къ теткѣ, какъ она стала метаться по комнатѣ, ломать себѣ руки, и рѣшительно объявила, что она лучше утопится, а ужъ не пойдетъ къ теткѣ. И тутъ авторъ, жертвуя всѣмъ напередъ заданной мысли, готовъ видѣть расчетъ запугать Данилова, когда всего проще, кажется, видѣть тутъ только что развившуюся страсть, сопровождаемую болѣе или менѣе одинаковыми явленіями въ образованной или необразованной дѣвушкѣ. «Даниловъ опять сталъ утѣшать ее.

Слова его были «нѣжны, ласки такъ страстны. Таня, упавъ къ нему на грудь, «сказала, что умереть, если онъ ее оставитъ.»*

Дальнѣйшія отношенія Данилова и Тани авторъ описываетъ вотъ какъ :

«Черезъ мѣсяцъ Таня поселилась въ дальней улицѣ на «особенной квартирѣ. Даниловъ въ досужее время приходилъ «туда и проводилъ съ ней вечера. Онъ *накупалъ ей платьевъ, училъ ее какъ причесывать голову.* Таня была хороша собою, *новая жизнь одушевила ее.* Она была весела, старалась угодить Данилову, и потому прилежно училась читать и писать. *Отъ скуки что ли,* только Даниловъ не «могъ дня провести, чтобъ не побывать у Тани.»

Почему же только отъ скуки? Авторъ самъ выставляетъ сто предложеніе въ видѣ сомнѣнія — и вообще съ какою-то видимою неохотой останавливается на этомъ, едва ли не главномъ моментѣ своей драмы, въ которомъ непременно должно искать основъ будущихъ несчастій Данилова. Изъ немногихъ указаній автора ясно, что Даниловъ не умѣлъ себя поставить какъ слѣдуетъ въ отношеніи къ Танѣ; ясно также и то, что всякій другой болѣе жившій человекъ съумѣлъ бы воспользоваться и желаніемъ Тани угождать ему, и ея веселостью, и тѣмъ, что новая жизнь одушевила ее, — а онъ только рядитъ ее какъ куклу, желая опять-таки ловить свой призракъ, а не брать то, что даетъ дѣйствительность. И вслѣдъ за тѣмъ, авторъ скачетъ на почтовыхъ черезъ всѣ переходные термины. Совершенно неожиданно, прямо за послѣдними выписанными нами строками мы читаемъ :

«Первое время Таня конфузилась, если онъ заставлялъ «ее врасплохъ одѣтую кой-какъ или валяющуюся по диванамъ, а не за какимъ-нибудь занятіемъ. Но потомъ она «стала надувать губы, слушая его выговоры, зѣвать за книжкой, и часто, сидя возлѣ Данилова, занимавшагося дѣлами,

* Старая редація не можетъ не прибавить отъ себя двухъ словъ : что за предметы, что за положенія ! Искренно сожалѣемъ, что должны, по обязанности критики, отдать нѣсколько страницъ своего журнала такому предмету.

которыя онъ сталъ уже носить къ ней, она дремала, прикрывшись книгой, которую держала вверхъ ногами, дѣлая «видъ, будто читаетъ, если онъ оборачивался къ пей. Разговоры ихъ стали обращаться въ споры и очень горячіе.

«Въ отсутствіе его, у Тани стали появляться разныя городскія бабы, торговки, которыя шли у ней кофе, передавали ей городскія сплетни и подстрекали ея самолюбіе разказами, что вотъ у такой-то мѣщанки на льсьемъ амьху салонъ и покрытъ такой же матеріей, какъ у самой городничихи, что вотъ какіе про нее слухи по городу: «будто ее бросилъ Даниловъ и проч. и проч. Иногда Даниловъ заставалъ Таню въ слезахъ и разсерженную: оказывалось, что какая-нибудь торговка гадала ей и объявила, что у него на сердцѣ марьяжная дама. Таниа требовала, чтобъ Даниловъ сказалъ ей правду, и упрекла, что онъ «ее хочетъ бросить».

Вся эта картина нарисована бойко и вѣрно; но кого не поразитъ непростительная небрежность, съ которою авторъ прямо перешелъ къ самой трагической сторонѣ своего разсказа? Почему Таниа перестала угождать Данилову? Почему онъ позволилъ шататься къ ней разнымъ сплетницамъ-бабамъ? почему, однимъ словомъ, вліяніе его на нее было такъ незначительно?... Это все вопросы, на которые авторъ не отвѣчаетъ, которые онъ даже обходитъ какъ будто умышленно, торопясь къ эффектнымъ мѣстамъ. Не такъ, разувѣется, поступилъ бы истинный художникъ, дорожащій вызываемыми имъ къ жизни образами и равно безпристрастный къ каждому изъ нихъ; не такъ поступилъ бы, напримѣръ, Гоголь, раскрывающій передъ нами съ безпощадною постепенностью всю бездну нравственнаго обмелвнія какого-нибудь Плюшкина, сѣвдѣющій за развитіемъ Чичикова съ школьной скамьи.

Слѣдуетъ столкновеніе Таниа съ матерью Данилова, существомъ такъ обидеализированнымъ авторомъ, что невольно подозреваешь тутъ пристрастіе. И въ противоположность такому пристрастію къ одному лицу, авторъ враж-

дебно преслѣдуетъ другое. Мы готовы согласиться пожалуй съ авторомъ, что «Таня цѣнила Данилова по своему: она видѣла въ немъ обезпеченіе своей жизни», хотя вмѣсто видѣла поставили бы: стала видѣть, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ проговаривается: «Думая развить въ Танѣ чувство «собственного достоинства, Даниловъ развилъ въ ней ложную гордость и самоувѣренность»; мы готовы повѣрить и тому, что «отъ празднои и сидячей жизни Таня растолстѣла, а отъ неумѣреннаго питья кофе въ обществѣ торговкокъ, съ ней стали дѣлаться головокруженія и разные «припадки полнокровія.» Все это—явленія очень обыкновенныя, но трудно допустить вмѣстѣ съ авторомъ, чтобы только надѣянность родилась въ ней отъ вниманія Данилова къ ней, когда она сдѣлалась матерью, и къ ея ребенку. Напротивъ причины вражды ея къ старушкѣ матери Данилова обозначены авторомъ очень искусно и вмѣстѣ очень просто:

«По наущенію бабъ и частію по собственнымъ понятіямъ, Таня дѣлала разныя глупости съ ребенкомъ: поила его травами, принесенными ея теткой, до безпамятства запаривала его въ банѣ, давала вывертывать ему руки и ноги, воображая, что этимъ его выправляетъ. Отъ этого ребенокъ наконецъ захворалъ. Даниловъ сильно опечалился, старушка еще болѣе; въ попыткахъ, забывъ осторожность, послала она свою дѣвушку съ лекарствами и съ совѣтами къ Танѣ. Таня въ тотъ день только-что поссорилась съ Даниловымъ за ребенка; подъ вліяніемъ этого гнѣва, она выгнала дѣвушку съ лекарствомъ, насаказавъ много обидныхъ вещей на счетъ старушки. Болтливая и тоже обиженная горничная, по простотѣ души, слово въ слово передала старушкѣ все, что говорила разгоряченная Таня. Старушка съ горя захворала. Даниловъ не отходилъ отъ постели матери первые дни, страшно страдая при мысли, не онъ ли причиною ея болѣзни и не узнала ли она всего. Между тѣмъ, Таня выходила изъ себя: по дикости своихъ понятій, она «обижалась всякимъ благороднымъ чувствомъ въ Даниловъ, «особенно къ его матери, которую, сама не понимая за что, ненавидѣла.»

Хороша также встрѣча Тани съ старушкою, хороша въ особенности по намеку на тѣ стороны отношенія, которыя оставлены безъ вниманія авторомъ, заинтересованнымъ только одною стороною. «Горничная, проводивъ завистливыми глазами Таню, шепнула своей барынь: видѣли-съ, какой салопъ? одинъ воротникъ чего стоитъ! Старушка съ несвойственной скоростью и молча пошла домой.»

Старушка не въ силахъ выносить болѣе своихъ страдацій; она уѣзжаетъ отъ сына въ деревню къ своимъ старымъ знакомымъ. Навѣщая ее тамъ, Даниловъ сближается съ одной гувернанткой, Надеждой Петровной. Между ними завязывается переписка, о которой узнаетъ Таня. «Мысль о соперницѣ «пробудила въ ней желаніе нравиться Данилову. Она стала заниматься своимъ туалетомъ. Но Таня была одна изъ такихъ натуръ, которымъ все туго достается. Она даже не имѣла этой женской переимчивой способности, чтобъ придать себѣ хоть наружный колоритъ образованности, которая, «разумѣется, могла бы у ней проявляться только въ умъншіи «надѣть платье, держаться и вычесать голову. Желая «нарядиться, Таня надѣвала до десятка гремучихъ юбокъ, «отъ чего малѣйшее ея движеніе въ комнатѣ коробило Данилова; а на голову употребляла банку помады, такъ что «изъ другой комнаты слышно было ея присутствіе. Самое «платье было непременно чѣмъ-нибудь украшено: лифъ ужъ «такъ плотно сидѣлъ, что сковывалъ всѣ формы». Наконецъ когда она перехватила письма Надежды Петровны къ Данилову и въ порывѣ досады бросила ему ихъ въ лицо, Даниловъ вышелъ изъ себя и уѣхалъ въ деревню къ матери послѣ страшной сцены, очень хорошо описанной авторомъ.

Въ деревнѣ дружба съ Надеждой Петровной, разумѣется, кончилась любовью. Они оба полупризнались уже другъ другу, оба полны радостныхъ надеждъ, но является Таня, и здѣсь у автора вышлась такая превосходная страница, которой мы не можемъ не сообщить нашимъ читателямъ:

«Съ минутою обѣ женщины молча глядѣли другъ на друга. Ихъ лица вспыхивали и блѣднѣли. Надежда Петровна первая кинулась къ дѣтямъ, схватила ихъ къ себѣ на колѣни

«и стала осыпать такими жаркими поцѣлуями, что Таня, «наготовившая множество колкостей и упрековъ ей, все за-
«была; она зарыдала, и, *протягивая къ ней груднаго ребенка,*
«сказала кротко:

«— *Вотъ, вотъ еще, и отецъ не видалъ ея!*

«Между тѣмъ, за столомъ всѣ нетерпѣливо ждали На-
«дежду Петровну съ бокалами въ рукахъ, чтобы поздравить
«его. Даниловъ побѣжалъ за нею прямо въ комнату и рас-
«крылъ дверь въ ту самую минуту, когда говорила Таня,
«что онъ еще не видалъ своей дочери. Обѣ женщины, сли-
«шкомъ взволнованныя, можетъ быть не скоро замѣтили бы
«его, но дѣти, сидѣвшія на колыбеляхъ у Надежды Петровны,
«радостно вскрикнули: папа! папа! и рванулись къ нему.
«Принявъ ихъ въ свои объятія, Даниловъ въ первую минуту
«все забылъ: онъ крѣпко цѣловалъ то одного, то другаго.
«Взглянувъ на Ташу, всю дрожащую и блѣдную, робко про-
«тягивающую къ нему поворожденную дочь, Даниловъ ки-
«нулся къ ней, и, обнявъ мать и дочь, не могъ далѣе крѣпиться:
«слезы текли по щекамъ его, когда онъ цѣловалъ свою дочь.

«Надежда Петровна, блѣдая какъ мраморъ, глядѣла на
«эту раздирающую сцену, и когда замѣтила, что скоро прой-
«детъ первый порывъ радости при свиданіи отца съ дѣтьми,
«тихонько вышла изъ комнаты.»

Надежда Петровна поняла, что для нея и для Данилова все
«кончено въ жизни. Давно свыкшаяся съ горемъ и страдавшая
«тѣми истинными страданіями, которыя развиваютъ въ человѣкѣ
«чувство святой любви къ братьямъ своимъ человѣкамъ, она сама
«спросила Данилова: «Когда же вы ѣдете?...» Этотъ вопросъ
«былъ для него приговоромъ рока. И здѣсь оканчиваетъ авторъ
«свой рассказъ, когда тутъ-то именно и предстояла ему по на-
«шему мнѣнію важная психологическая задача.

Представивши читателямъ подробное изложеніе неболь-
«шаго разсказа Г. Станицкаго, мы считаемъ обязанностию ого-
«вориться въ строгости суда, произнесеннаго нами надъ Дани-
«ловымъ. Судъ этотъ былъ строгъ съ нашей стороны потому
«только, что судъ автора повсюду спусходительенъ и пристра-

стенъ къ нему, жестокъ до лицепріятія къ другой сторонѣ, опутанной въѣтъ съ нимъ паутиною безвыходнаго отношенія.

Изъ вопросовъ, которые представляло самое содержаніе, Г. Станицкинъ разрѣшенъ съ любовію и безпристрастіемъ только одинъ: почему безвыходно положеніе Данилова? на всѣ же другіе данъ или неудовлетворительный или совершенно ложный отвѣтъ. А между тѣмъ все-таки «Необдуманнѣй шагъ» — одно изъ произведеній, достойныхъ уваженія по серьезности мыслей, по превосходнымъ частностямъ — и самыя требованія наши должны служить Г. Станицкому ручательствомъ за наше полное сочувствіе къ его свѣжему и яркому дарованію. Между тѣмъ, Современникъ нигдѣ не высказалъ, чтобы онъ полагалъ какую-либо разницу между подобными рассказами и произведеніями Гг. Чернышева, Некрасова и иныхъ. Напротивъ, онъ объявилъ съ самымъ наивнымъ торжествомъ о явленіи новаго таланта въ лицѣ автора «Дачнаго рассказа» — и такъ какъ мы *sine ira et studio* разсмотрѣли уже эту штуку, то не мѣшаетъ привести здѣсь въ подлинникъ это замѣчательное объявленіе. Вотъ оно (N V, Современ. зам. стр. 137): «Въ нынѣшней книжкѣ Современника редакція рекомендуетъ своимъ читателямъ новаго автора *Дмитрія Сергѣевича Чернышева*, напечатавшаго у насъ свой «Дачный рассказъ». Въ теченіе трехлѣтняго своего существованія Современникъ имѣлъ удовольствіе представить читателямъ уже нѣсколькихъ новыхъ литераторовъ (*Гончарова, Дружинина, Авдѣева, Евгенію Туръ*), «которые были благосклонно приняты публикою и скоро приобрѣли извѣстность.» — Г. Станицкій, какъ видно, не удостоенъ журналомъ чести быть причисленнымъ къ его знаменитостямъ, а имена истинныхъ талантовъ, каковы Г. Гончаровъ и Г-жа Евгенія Туръ, поставлены на ряду съ именами Гг. Дружинина, Авдѣева и Чернышева!

(До слѣд. книги.)

О ЛЬНЯНОЙ И ПЕНЬКОВОЙ ФАБРИЧНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ.

Въ 1848-мъ году, Министерства Государственныхъ Имуществъ и Финансовъ входили между собою въ соглашеніе о возможныхъ мѣрахъ къ поощренію льняной промышленности по земледѣльской и мануфактурной части. Мѣры эти, состоящія въ извѣстныхъ льготахъ и пособіяхъ первымъ учредителямъ механическихъ льнопрядильнъ, а также ткацкихъ и аппретурныхъ заведеній, бывъ подвергнуты на Высочайшее благоусмотрѣніе, удостоились утвержденія Его Императорскаго Величества.

Въ объявленіи о поощреніяхъ первымъ учредителямъ механическихъ льнопрядильнъ, а также ткацкихъ и аппретурныхъ заведеній, между прочимъ выражено: «Механическое льнопряденіе, возникши первоначально въ Англіи, въ короткое время распространилось тамъ до такой степени, что Англійская машинная льняная пряжа, вывозимая на твердую землю Европы, сдѣлалась по дешевизнѣ своей весьма опасною соперницею ручной пряжи, не смотря на то, что ленъ для пряжи Англіи получаетъ съ материка же Европы, и какъ извѣстно, преимущественно изъ Россіи. Чтобъ возстановить нѣкоторое равновѣсіе, начали заводить механическія льнопрядильни во Франціи и Германіи, гдѣ онѣ и получили уже значительное развитіе.

»Россія, сама производя ленъ, получаетъ его изъ чужихъ краевъ обратно въ видѣ машинной пряжи. Нѣтъ сомнѣнія, что для насъ выгодноѣе было бы самимъ совершать эту обработку: плата за трудъ оставалась бы въ государствѣ и пряжа обходилась бы намъ дешевле».

Наравнѣ съ механическимъ льнопряденіемъ распространяется и механическое ткачество, которое поставляетъ

не малыя затрудненія въ сбытъ нашихъ полотентъ, не имѣющихъ притомъ такого наружнаго вида и аппетита, какъ заграничныя.»

» Всякій, мало-мальски слѣдившій за ходомъ нашей льняной и пеньковой промышленности по мануфактурной части, сознается: чтобъ соответствовать желаніямъ и мудрымъ, благодѣтельнымъ мѣрамъ Правительства, и тѣмъ войти въ соперничество съ иностранцами по этой части, намъ много нужно учиться приложеніямъ къ оной и химіи и механики, Между тѣмъ, изучая льняно-пеньковую промышленность по мануфактурной части въ теоретическомъ и отчасти практическомъ отношеніяхъ и пріобрѣтши въ оной достаточныя свѣдѣнія, мы взяли на себя посильный трудъ представить соотечественникамъ краткій очеркъ состоянія оной за границею, съ собственными нашими замѣчаніями, по мѣрѣ разумнѣя. Многія препятствія къ исполненію капитальнаго предпріятія не отнимаютъ, впрочемъ, у насъ смѣлости сдѣлать ограниченный выборъ самонужнѣйшихъ данныхъ къ рѣшенію нашей задачи.

Мы имѣемъ въ виду напечатать слѣдующіе короткіе трактаты: 1-е) *объ обдѣлкѣ льна и пеньки химическими и механическими средствами*; 2-е) *о ручномъ и механическомъ пряденіи льна и пеньки*; 3-е) *о качествахъ льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій*, и 4-е) *о бѣленіи, крашеніи и аппретовкѣ таковыхъ издѣлій*.

Имѣя въ виду последовательно напечатать помянутые трактаты, печатаемъ первый изъ нихъ.

С Т А Т Ъ I.

О ВЪ ОБДѢЛКѢ ЛЬНА И ПЕНЬКИ ХИМИЧЕСКИМИ И МЕХАНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ.

Предварительныя понятія.

Ботаники различаютъ болѣе 30 видовъ льна; но употребительнѣйшіе изъ нихъ: а) *Ленъ дикій или Сибирскій, ново-зееландскій** (*Formium tenax*) и *обыкновенный* (*Linum*

* Въ южной части Ирландіи, преимущественно въ графствахъ: Ватерфордскомъ, Коркскомъ, Лимерикскомъ, Доутскомъ, Дублин-

usitatissimum).—Ленъ есть растеніе однолѣтнее; стволѣкъ его гладокъ, тонокъ, внутри пустой, вверху развѣтвленный и покрытый кожицею, состоящею изъ безчисленнаго множества волоконъ.

Пенька (*cannabis sativa*) есть также однолѣтнее растеніе. Мужскіе и женскіе цвѣты его развиваются на особыхъ корняхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, корень мужскій, несущій цвѣтки падуціе, несправедливо называется женскимъ, и наоборотъ, женскій, доставляющій сѣмена, называется мужскимъ.—Стволъ растенія этаго прямъ, тупо-четырёхъ-уголенъ, грубъ на оцупъ, внутри пустой и покрытый кожицею однихъ свойствъ съ льняною.

Ленъ и пеньку собираютъ въ различное время года, соображаясь съ климатомъ и состояніемъ погоды; относительно возраста, въ которомъ они должны быть собираемы, нѣтъ положительныхъ правилъ, потому что нѣтъ признаковъ, которыми бы можно было въ этомъ случаѣ руководствоваться. Впрочемъ, практики замѣчаютъ, что то и другое растеніе должно быть собираемо въ ту эпоху, когда стебли начнутъ твердѣть, т. е. когда формы растенія совершенно развившись, не достигли, однакожъ, окончательной зрѣлости.

скомъ и Викловскомъ сдѣланы были опыты касательно оклима-тизированія ново-зеландскаго льна съ значительнымъ успѣхомъ. Опыты эти доказали, что *Formium tenax* растетъ на открытомъ воздухѣ и весьма плодovито. Растеніе это обильно размножается отводками корней. Трехгодичное растеніе даетъ 36 листьевъ, кромѣ множества отростковъ. Шесть листьевъ даютъ 2 лота нитей, такъ что Англійской акрѣ, засѣянной этимъ растеніемъ, разстояніемъ корень отъ корня на три фута, даетъ болѣе 16 центнеровъ волокна. Въ Ирландіи *Formium tenax* достигаетъ вы-соты 5, 6 и 8-ми фунтовъ.

Разсадка отводковъ отъ корней успѣшнѣе всего производится въ концѣ Марта и Февраля.

Для извлеченія волокна листья этаго растенія обрѣзываются, кладутся на нѣсколько дней въ воду, мнутя тяжелыми цилиндрами или просто разбиваются вальками и моются въ проточной водѣ. Этимъ путемъ волокна получаютъ цвѣта бѣлаго, упруги и глянцовиты, подобно шелку. Желательно, чтобы у насъ попробовали воздѣлываніе этаго драгоценнаго растенія.

Въ Бельгии и Голландии, назначенный въ пряденіе ленъ собирается ощутительно не зрѣлый, такъ что сѣмена его не могутъ прозябать, хотя и даютъ хорошее масло. Такой ленъ выходитъ мягокъ, гибокъ и блестящъ; сѣменный же ленъ собирается совсѣмъ зрѣлымъ, такъ что волокнами его уже не пользуются.

НАЧАЛА, НА КОТОРЫХЪ ОСНОВЫВАЕТСЯ ОБДѢЛКА ЛЬНА И ПЕНЬКИ.

Ленъ и пенька суть растенія, стволъ которыхъ покрытъ тончайшими, нѣжными, упругими волокнами древеснистаго существа, такими же, каковы волокна хлопчатой бумаги, отличающимися отъ этихъ преимущественно тѣмъ, что приклеены къ стеблю исключены между собою особаго рода (*sui generis*) камедисто-смолистымъ веществомъ.

Будучи разсматриваемы подь микроскопомъ, волокна льна и пеньки представляются трубочками, внутри пустыми, съ концовъ открытыми, цилиндрической формы, съ пересѣчками и кольцами. Волокна пеньки, впрочемъ, отличаются отъ льняныхъ тѣмъ, что толще этихъ. Средняя тонина пеньки определяется $\frac{1}{20}$ до $\frac{1}{30}$ миллиметра, а льна — $\frac{1}{45}$ до $\frac{1}{50}$.

Камедисто-смолистое вещество отличается слѣдующими характеристическими свойствами: почти нерастворимо въ холодной водѣ, нѣсколько растворяется въ горячей и весьма хорошо въ винномъ спиртѣ. При усиленномъ же дѣйствіи воды и при пособіи значительной степени теплоты, оно легко въ ней растворяется. Отъ вліянія кислорода воздуха, при содѣйствіи влаги и теплоты, камедисто-смолистое вещество приходитъ въ гнилое броженіе и разрушается. Отчасти растворимое въ слабыхъ кислотахъ, оно имѣетъ особое, интересное отношеніе къ основаніямъ. Вещества эти дѣйствуютъ на него какъ на смолы, т. е. превращаютъ въ такое состояніе, въ которомъ они показываютъ значеніе кислоты, такъ что съ ними составляетъ соли въ родѣ мыль, изъ которыхъ съ поташемъ и содою — растворимы, съ известью же и другими щелочными землями, равно какъ со многими металлическими окислами — нерастворимы.

Если камедисто-смолистое вещество отделить от волоконъ, составляющихъ ленъ и пеньку, или, если угодно, разрушить, то полученныя въ свободномъ состоянїи волокна отличаются крѣпостью, значительно превосходящею волокна хлопчатой бумаги, а блескомъ и упругостію приближаются къ шелку. Изъ волоконъ этихъ, какъ увидимъ впоследствии, можно выпрядать тончайшія нити.

Слѣдовательно, задача обдѣлки льна и пеньки состоитъ въ приисканїи такихъ средствъ или дѣтелей, которые могли бы отделить, или, если угодно, разрушить камедисто-смолистое вещество.

Химїя и механика доставляютъ множество такихъ средствъ, болѣе или менѣе удачныхъ, а потому способы обдѣлки льна и пеньки суть химическіе и механическіе. Но ни химическіе, ни механическіе, отдѣльно взятые, не могутъ привести къ искомой цѣли; ихъ необходимо, слѣд. совокуплять. Порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ механическіе и химическіе способы при обдѣлкѣ льна и пеньки, слѣдующіе: а) *Начальное отдѣленіе или разрушеніе камедисто-смолистаго вещества, химическими средствами*; б) *отдѣленіе волоконъ отъ стебля механическими средствами*; и в) *окончательное отдѣленіе онаго и разрозненіе волоконъ механическими средствами*.

I.

НАЧАЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ИЛИ РАЗРУШЕНІЕ КАМЕДИСТО-СМОЛИСТАГО ВЕЩЕСТВА ХИМИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ.

1) *Моченіе.*

Моченіе (мочка) есть древнѣйшій способъ обдѣлки льна и пеньки, чуть ли не современный самой льняно-пеньковой промышленности.

Работа эта состоитъ въ приведенїи льняныхъ или пеньковыхъ стеблей въ гнилое броженіе, при помощи теплоты и влаги. Слѣдовательно моченіе есть одна изъ самыхъ простыхъ крестьянскихъ работъ. Впрочемъ рациональное моченіе требуетъ, чтобъ стебли льна и пеньки напередъ были сортированы, по длинѣ, толщинѣ, качествамъ, отъ мѣстности

и почвы зависящимъ, и по степени зрѣлости. Разсортировавъ, стебли связываютъ въ пучки, которые потомъ располагаютъ слоями, и образовавшійся отъ того пластъ связываютъ посредствомъ тонкихъ жердочекъ; затѣмъ, положивъ на поверхность пласта такой грузъ, чтобъ пластъ не могъ всплывать, погружаютъ его въ воду.

Въ скоромъ по погруженіи пласта времени, вода въ мочильнѣ начинаетъ окрашиваться въ желтый цвѣтъ и издавать гнилой, вонючій запахъ, что служитъ показаніемъ, что разложеніе камедисто-смолистаго вещества началось и развивается. Такъ какъ теплота принимаетъ сильное участіе въ произведеніи гнилаго броженія камедисто-смолистаго вещества; то продолжительность мочки, по необходимости, измѣняется, смотря по состоянію атмосферической теплоты, а слѣд. и теплоты воды, въ которой мочатся ленъ и пенька. Вообще мочка продолжается отъ 10 до 30 дней, до совершеннаго разрушенія его.

Во Франціи, а быть можетъ и въ нашемъ отечествѣ, описанные приемы мочки нѣсколько измѣнены. Измѣненіе это собственно состоитъ въ томъ, что ленъ или пеньку кладутъ въ ящики, въ которыхъ просверлено множество дыръ. Вместимость ящиковъ должна быть такова, чтобъ въ каждомъ можно было заключить отъ 100 до 200 пудовъ стеблей. Для удобнѣйшаго погруженія ящиковъ въ воду, на нихъ кладется грузъ.

Такъ какъ чрезъ продолжительное дѣйствіе воды и теплоты, всякое вещество растительнаго происхожденія болѣе или менѣе измѣняется; то съ разрушеніемъ камедисто-смолистаго вещества, отчасти страдаютъ и самыя волокна. А потому, во время мочки, должно наблюдать, чтобъ камедисто-смолистое вещество не доходило до совершеннаго разрушенія, потому что часть его, оставшаяся неразрушенною, можетъ разрушиться въ дальнѣйшихъ операціяхъ отбѣливанія. Впрочемъ, если ленъ или пенька назначены для производства нѣжныхъ издѣлій; то необходимо допустить совершенное разрушеніе камедисто-смолистаго-вещества, иначе отъ разрушенія его, во время бѣленія и аппретовки ткани,

могутъ образоваться пустоты, которые обезобразятъ оную и содѣлываютъ хилою.

Въ Бельгii, при мочкѣ льна или пеньки руководствуются слѣдующимъ правиломъ касательно продолженія или остановки этой операціи.

Стебли средней толщины надламываютъ по срединѣ, въ двухъ мѣстахъ, на разстояніи другъ отъ друга вершка на четыре. Въ этомъ изломѣ отдѣляютъ волокна отъ деревянистой части и наблюдаютъ: если волокна легко отдѣляются съ низу до верха, такъ что ни одного волокна не остается приставшимъ, то камедисто-смолистое вещество разрушено достаточно. Впрочемъ изъ личныхъ нашихъ наблюденій слѣдуетъ, что въ такомъ состояніи волокна уже потерпѣли нѣкоторое измѣненіе; слѣд., для прочности матеріала, полезно не доводить мочки до этой степени разрушенія камедисто-смолистаго вещества.

Съ перваго взгляда видно, что мочка есть одна изъ самыхъ недостаточныхъ обдѣлокъ льна и пеньки. Въ самомъ дѣлѣ, трудно, даже невозможно производить мочку такъ, чтобъ броженіе во всѣхъ точкахъ происходило равномерно и однообразно; ибо нижніе слои пласта, менѣе подверженные дѣйствию свѣта и теплоты, гораздо позже терпѣваютъ нужное измѣненіе, между тѣмъ какъ верхніе гораздо раньше.—Благоразуміе требуетъ чаще осматривать тѣ и другіе слои и такимъ образомъ перемѣнять положеніе ихъ. Впрочемъ, частію по трудности, частію по невѣдѣнію и нерадѣнію, едва ли гдѣ-нибудь пользуются этими предосторожностями.

Мочка не выдерживаетъ критики не только въ отношеніи интересовъ промышленныхъ, но еще болѣе относительно общественнаго здоровья жителей тѣхъ мѣстъ, гдѣ много занимаются воздѣлываніемъ льна или пеньки. Ибо развивающимся въ процессъ самага броженія газамъ весьма основательно приписываютъ происхожденіе различныхъ періодическихъ болѣзней, въ особенности лихорадокъ. Хотя Г. Паранъ Дюшатле, который съ такимъ самоотверженіемъ и настойчивостію изслѣдовалъ задачи общественнаго здоровья, и

не нашелъ опасными мѣста, лежація по сосѣдству мочильни; совсѣмъ тѣмъ, ежедневные примѣры, замѣчаемые вездѣ, гдѣ занимаютъ обдѣлкою льна и пеньки по этому способу, убеждаютъ въ противномъ. Кажется, ученый докторъ находился совсѣмъ въ другихъ условіяхъ и, кажется, избѣгъ онъ вреднаго вліянія мочки только случайно, также какъ часто избѣгаютъ эпидеміи.

Какъ бы то ни было, только операція эта павсегда будетъ признаваема за самую недостаточную, какъ въ отношеніи промышленныхъ интересовъ, такъ и общественнаго здоровья. Вотъ причина, почему вездѣ ищутъ средствъ къ устраненію ея,

Впрочемъ первые недостатки нѣсколько устраняются въ Бельгійско-Голландскомъ способѣ мочки. Въ странахъ этихъ выбираютъ для мочки текучую, рѣчную или ключевую воду. Последнюю напередъ, такъ сказать, смягчаютъ, для чего ее заблаговременно напускаютъ въ особые бассейны (мочильни). Съ другой стороны, всякой воды, содержащей въ растворѣ минеральныя, желѣзныя и т. п. вещества, избѣгаютъ, какъ негодной для употребленія.

Главное здѣсь правило то, чтобъ производить мочку при возможно маломъ доступѣ воздуха и свѣта. Для достиженія этой цѣли, ленъ, или пеньку складываютъ въ мочильни рядами, одинъ на другомъ, и нѣсколько наклонно отъ верхушки къ корню, между тѣмъ, какъ сверху прикрываютъ соломой, дерномъ, мхомъ и т. п. Кромѣ этой предосторожности, необходимо производить мочку въ такой водѣ, которая, какъ замѣчено выше, была бы болѣе или мѣнѣе въ движеніи (проточной).

Мочка по этому способу продолжается отъ 7—10 до 21 дня, смотря по состоянію атмосферической теплоты и свойству воды. Посконъ скорѣе обдѣлывается, тѣмъ ленъ, а ленъ скорѣе пеньки.

По окончаніи мочки нѣкоторые разстилаютъ ленъ, или пеньку на лугу, а другіе прямо сушатъ, обыкновенно, въ сушильняхъ, стараясь, чтобъ сушка происходила съ достаточною скоростію.

Мочка при усиленном дѣйстви воды.

Видеизвѣнія описанный способъ мочки, находили полезными и удачными слѣдующіе приемы:

А) Ленъ, или пеньку, связавъ въ пучки, а эти въ пласты, погружаютъ въ потокъ воды и держатъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока, произведши испытаніе, омажется, что камедисто-смолистое вещество изъято въ достаточномъ количествѣ. Тамъ, гдѣ мѣстныя условія позволяютъ, способомъ этимъ можно пользоваться съ успѣхомъ, не смотря на его длительность. Гдѣ же, напротивъ, мѣстныя условія не позволяютъ прибѣгать къ нему, тамъ быстрый потокъ воды замѣняютъ паденіемъ ея съ извѣстной высоты въ видѣ струй или дождя.

Теорія этого рода обдѣлки льна, или пеньки понятна. Вслѣдствіе теченія, вода мало по малу растворяетъ камедисто-смолистое вещество, отторгаетъ его и уноситъ. Если при этомъ способѣ, взяты должныя предосторожности, то волокно получается свѣжимъ, глядцовитымъ и крѣпкимъ.

В) Эти опыты навели насъ (автора) на мысль соединить дѣйствіе стоячей воды съ проточною. Опыты свои производили мы въ первыхъ числахъ Сентября 1847 г., и вотъ какимъ образомъ: мы устроили изъ досокъ небольшой ящикъ съ дырами. Ящикъ нагроулили стеблями льна (въ снопахъ), слоями, переложивъ ихъ соломою. За тѣмъ, укрѣпивъ крышку, погрузили ящикъ въ проточную воду, такъ, что одна сторона ящика съ дырою находилась противъ, а другая по теченію воды. Черезъ 10 дней ящикъ былъ вынутъ и ленъ найденъ столь хорошо обдѣланнымъ, что, по просушкѣ, мятъ и толченіи, далъ волокна въ высшей степени упругія, нѣжныя, глядцовитыя, цвѣта слабо-бланжеваго. — Въ Маѣ и Сентябрѣ 1848 г. опытъ этотъ былъ повторенъ въ большемъ видѣ и съ одинаковымъ успѣхомъ.

Мы думаемъ, что при такомъ дѣйстви воды камедисто-смолистое вещество разрушается чрезъ гнилое броженіе, но легкій протокъ воды нѣсколько ослабляетъ этотъ процессъ и сверхъ того уноситъ продуктъ броженія, который, при

другихъ условіяхъ, могъ бы играть роль закваски (*fermentum*) и дѣйствовать на самыя волокна. Притомъ мы замѣтили, что продолжительность такого рода мочки можетъ быть опредѣляема, смотря по условіямъ, 5, 7, 10 до 14 дней.

Совѣтуемъ Гг. сельскимъ хозяевамъ обратить вниманіе на опыты наши.

С) Растворяющее дѣйствіе воды на камедисто-смолистое вещество нѣкоторые пробовали усилить возвышеніемъ температуры ея. Способъ этотъ хорошъ; но можетъ имѣть мѣсто только при дальнѣйшей обдѣлкѣ льна и пеньки. — Удалось также и дѣйствіе водяныхъ паровъ; но и на счетъ этого способа прилично тоже замѣчаніе.

Д) Кроме того, съ нѣкотораго времени нашла удачнымъ производить разрушеніе камедисто-смолистаго вещества при помощи искусственнаго броженія. Для достиженія этой цѣли, ленъ, или пенька (стебли) помещаются въ чанахъ, или ящикахъ, значительной вѣстимости, въ которыя потомъ наливается требуемое количество воды и кладутся дрожжи. При благопріятныхъ условіяхъ теплоты, броженіе не замедляетъ развиваться и идетъ съ значительною быстротою. Дрожжи могутъ быть пивныя и искусственныя и, притомъ, ихъ можно, кажется, замѣнить діастазомъ. Мы пробовали этотъ способъ и не нашли его заслуживающимъ строгой критики, тѣмъ болѣе, что волокно оказалось ни сколько не измѣнившимся. А потому мы думаемъ, что *де-Лиль* правъ, совѣтуя такимъ путемъ обдѣлывать смятые уже ленъ или пеньку.

2. Разрушеніе камедисто-смолистаго вещества посредствомъ кислотъ.

Французъ *Рушонъ* предложилъ для разрушенія камедисто-смолистаго вещества воду, слабо окисленную сврною кислотою. Способъ, предложенный г. *Рушономъ* былъ изслѣдуемъ комиссіею изъ ученыхъ и практиковъ, въ Декабрѣ 1842 г., въ политехнической школѣ. Комиссія нашла его очень удовлетворительнымъ.

Предложенный г. Рушономъ способъ можетъ быть производимъ на открытомъ воздухѣ или въ зданіи, сараѣ, на пр., и т. п. Если работа производится на открытомъ воздухѣ, то ленъ или пеньку накрываютъ чѣмъ либо: древесными листьями, травой, соломой и т. п., для того, чтобъ верхніе слои не могли высыхать.

Для производства берутъ ящики съ дырами, или корзины, а съ другой стороны соразмѣрной величины чанъ. Вообще размѣръ послѣдняго долженъ быть таковъ, чтобъ въ него могло помѣститься отъ одного до нѣскольکو первыхъ. Въ чанъ наливается достаточное количество воды, окисленной сѣрною кислотою, полагая одну часть кислоты на 200 воды для обдѣлки пеньки и одну часть на 400 для обдѣлки льна. Вообще кислотность воды должна быть такова, чтобъ малое количество ея, взятое въ ротъ, производило ощущеніе слабой терпкости.

Ящикъ или корзины погружаютъ въ чанъ, наполненный кислотою водою, вымѣшавъ ее напередъ. Пучки льна или пеньки укладываютъ въ ящикахъ стоймя, чрезъ что жидкость проникаетъ ихъ равномернѣе и однообразнѣе. — Черезъ 5 или 6 часовъ ящики вынимаются, а содержащіяся въ нихъ ленъ или пенька обмываются водою. На другой день работа эта повторяется, что и продолжается до тѣхъ поръ, пока камедисто-смолистое вещество окажется достаточно разрушеннымъ и изъятымъ.

По окончаніи операціи, обдѣланный матеріалъ обмываютъ водою, собственно для изъятія кислоты. Для совершеннаго же изъятія оной, прибѣгаютъ къ щелочнымъ растворамъ, употребивъ для этаго золу, поташъ и т. п.

Если кислая вода ослабѣетъ или умалится въ количествѣ, то или подбавляютъ кислоты или самой воды и кислоты.

Вода, для описываемой обдѣлки, пригодна всякая: колодезная, рѣчная, болотная и т. п.

3) Разстилка на лугу.

Этотъ извѣстный всѣмъ способъ особенно действительнымъ оказывается въ теплое время и въ сильную росу. Во

время дневного жара, разостланный материалъ съ пользою орошается водою.

Мы, по этому предмету, произвели наблюдение и увѣрились, что въ Маѣ и Юнѣ мѣсяцахъ разстилкою на лугу можно съ отмыннымъ успѣхомъ обдѣлывать ленъ или пеньку, безъ поврежденія волокна.

А) *Разрушеніе камедисто-смолистаго вещества посредствомъ щелочей* и т. под.

Щелочи, щелочныя земли и т. п. представляютъ дѣятельныя средства къ разрушенію камедисто-смолистаго вещества, но въ первоначальной обдѣлкѣ можетъ имѣть приложеніе только одна известь, ѣдкая или сѣрнистая. Впрочемъ, впоследствии увидимъ приложеніе такихъ средствъ и дѣйствительность ихъ.

СУШКА ЛЕНА И ПЕНЬКИ, ПОСЛѢ РАЗРУШЕНІЯ КАМЕДИСТО-СМОЛИСТАГО ВЕЩЕСТВА.

Какъ ни проста эта операція, совсѣмъ тѣмъ, отъ разумнаго хода ея, много зависятъ качества волоконъ льна или пеньки. Самая приличная степень теплоты для сушки опредѣляется 40 до 50 градусовъ. Ибо, при низшей степени могъ бы еще продолжаться процессъ броженія и, притомъ съ особеннымъ напряженіемъ, такъ что могли бы пострадать самыя волокна; при высшей, напротивъ, волокна дѣлаются жесткими и ломкими, такъ что во время мятвѣ дальнѣйшихъ механическихъ работъ ломаются, отчего и бываетъ значительная потеря.

У насъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, сушка особенно удачно производится въ черныхъ избахъ; кажется, дымъ дѣтельно останавливаетъ броженіе. Съ немалымъ успѣхомъ можно сушить въ овинахъ, но лучше всего при помощи паровъ. Сушки же въ печахъ должно всемирно избѣгать.

И.

ОТДѢЛЕНІЕ ВОЛОКОНЪ ОТЪ СТЕБЛЕЙ

(механическими средствами).

Послѣ достаточной просушки, стебли льна или пеньки подвергаются операціи, называемой *мятвѣю*. Она совершается

при помощи снарядовъ, называемыхъ *мялицами* (мяльницами). Снаряды эти двухъ родовъ : *ручные* и *механическіе*.

Ручные мяльницы почти вездѣ одинаковаго устройства, ибо состоятъ изъ двухъ главныхъ частей: колодки и подвижныхъ рукоятокъ : одной, двухъ , трехъ....

Изъ механическихъ, на первомъ планѣ, стоятъ плющильные цилиндры, которыми съ успѣхомъ дѣйствуютъ въ Англіи и на которые въ недавнемъ времени взяли у насъ привиллегію Гг. *Канаевъ* и *К²*.... Плющильные цилиндры изобрѣтены въ Америкѣ назадъ тому лѣтъ 100 и въ Европу привезены въ 1736 году. Весь снарядъ состоитъ изъ двухъ рубчатыхъ цилиндровъ, движущихся въ противныя стороны и въ точности сходныхъ съ цилиндрами, какіе употребляются въ молотильныхъ машинахъ.

Пропуская между цилиндрами молотильной машины ленъ, только наполовину обдѣланный мочкою, мы заключили, что во многихъ случаяхъ можно пользоваться этими снарядамп.

Г. *Бунди* устроилъ особаго рода мялицу, состоящую собственно изъ *мялицы* и *терки*. Первая служитъ для отдѣленія волоконъ отъ стеблей, а вторая для разъединенія ихъ.

Плющильными цилиндрами и машиною Г. *Бунди* можно смять ленъ или пеньку не моченые, и, какъ увѣряютъ, съ достаточнымъ успѣхомъ. Полученныя такимъ путемъ льняныя волокна отличаются глянцемъ и легче бѣлятся. Совсемъ тѣмъ, изготовленная изъ пряжи такихъ волоконъ ткань, оказывается неудовлетворительною, въ отношеніи мягкости и упругости.

Во Франціи, лучшею мяльною машиною почитается Гофманова, устроенная Г. *Декостеромъ*. Машина эта состоитъ изъ подвижныхъ и неподвижныхъ ножей, изъ которыхъ первые, проходя между послѣдними, раздробляютъ стебли и обдѣлываютъ самыя волокна.

Машина эта описана Г. *Мишель Альканомъ* въ сочиненіи его: *Essai sur l'industrie des matieres textiles etc. Paris. 1847*. Прочитавъ описаніе ея и разобравъ чертежи, мы нашли ее мало заслуживающею вниманія.

Кромѣ помянутыхъ, существовали и существуютъ и другія машины. Объ нихъ можно читать въ *Bulletin de la société d'encouragement* и въ *Dictionnaire des manufactures*.

Отдѣленные отъ стеблей волокна льна или пеньки, впредь до дальнѣшей обдѣлки, вьжуются въ пучки (горсти).

III.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНІЕ ИЛИ ОТДѢЛЕНІЕ КАМЕДИСТО-СМОЛИСТАГО ВЕЩЕСТВА ХИМИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ.

Окончательное разрушеніе или отдѣленіе камедисто-смолистаго вещества химическими средствами представляетъ обширное поле дѣятельности для химика и вмѣстѣ съ тѣмъ камень преткновенія для теоріи и практики. Предлагали и предлагаютъ множество средствъ, такъ что можно бы написать цѣлый томъ; но мы ограничимся немногими, которыя, по испытанію нашему, оказались болѣе или менѣе дѣйствительными. Между прочимъ разсказываютъ, что уроженецъ города Серпухова, назадъ тому лѣтъ 20, нашелъ столь сильнодѣйствующее средство къ разрушенію камедисто-смолистаго вещества, склеивающаго волокна льна или пеньки, что опустивъ горсть того или другой въ растворъ своего средства, и, продержавъ здѣсь короткое время, онъ вынималъ ихъ въ такомъ состояніи, до котораго довести никто и не осмѣлится думать и никакими средствами. Средство это, по разсказу очевидца, представляло родъ золы. Владелецъ его столь высоко цѣнилъ свое открытіе, что не иначе рѣшался передать его кому либо, или сдѣлать общезвѣстнымъ, какъ за огромную сумму. Не нашелъ, однакожь, охотника, который бы воспользовался его средствомъ, онъ умеръ въ бѣдности и унесъ съ собою великое открытіе.

Разсказы объ этомъ обладателѣ философскаго камня по сіе еще время воспаляютъ многихъ до того, что они съ самоотверженіемъ принимаютъ отыскивать сокровище, которое, по свидѣтельству обладателя, находится всюду и въ значительномъ количествѣ. Слѣдствіемъ такихъ изысканій вѣло то, что теперь часто показываютъ образчики обдѣданныхъ льна и пеньки, въ высшей степени замѣчательныя.

И какъ философскій камень отыскиваютъ только бѣдьяки; то ни одинъ еще изъ нихъ не успѣлъ дать своему дѣлу промышленный ходъ.

Приступаемъ наконецъ къ исчисленію и обсужденію химическихъ средствъ, которыми съ болѣе или менѣе замѣтнымъ успѣхомъ обдѣлываются ленъ и пенька.

А) Между химическими средствами, вода, при содѣйствіи значительной степени теплоты, занимаетъ едва ли не первое мѣсто. Для этой цѣли смятый ленъ или пеньку должно заключать въ металлическій сосудъ, наполненный водою и герметически закупоренный, съ клапаномъ въ крышкѣ. Сосудъ, потомъ, нагревается болѣе или менѣе долгое время, по особымъ расчету и цѣли. При этомъ камедисто-смолистое вещество растворяется въ водѣ и оставляетъ волокна свободными, безъ малѣйшаго поврежденія ихъ. По промывкѣ и просушкѣ, мы получили ихъ цвѣта самаго слабого дикопалеваго, нѣжными, но весьма прочными. Дѣло идетъ гораздо успѣшнѣе и доброта волоконъ выходитъ явственнѣе, если нагреваніе воды производится парами.

Рекомендуемъ этотъ способъ, какъ весьма дѣйствительный и заслуживающій особенное вниманіе.

В) Г. *Гермшtedтъ* въ своемъ начертаніи технологіи рекомендуетъ слѣдующій способъ:

Ленъ, слоями, кладется въ высокой чанъ съ водою, которую, за тѣмъ, нагреваютъ отъ 60 до 70°; а по истеченіи 2 до 3 часовъ ее спускаютъ черезъ кранъ. Операнія эта повторяется отъ 3 до 4 разъ или пока наконецъ вода будетъ стекать безцвѣтною, за симъ ленъ еще разъ, такимъ же точно образомъ, обливается горячимъ растворомъ поташа и мыла и потомъ всполаскивается. На каждые 100 фунтовъ льна полагается 2 фунта поташа и 1 фунтъ мыла. Если наконецъ стечетъ и промывочная вода, то ленъ выжимается и сушится. Обдѣланный такимъ образомъ ленъ получается съ красивымъ глянцемъ.

Этотъ способъ поддалъ намъ мысль произвести слѣдующій опытъ: 1 нудъ льну мы заключили въ мѣдный котелъ, въ которомъ производить отживку (*avivage*) краповыхъ издѣлій

Наливъ, за тѣмъ, достаточное количество воды съ 1 ф. мыла и $\frac{1}{2}$ ф. поташа, и, закрывъ на глухо сосудъ, мы варили 4 часа и нашли волокна льна въ такомъ состоянїи, что послѣ толченія и сортировки, никто не могъ отличать ихъ отъ шелковой хлопki, самой лучшей.

Послѣ этого мы прибавляли къ мылу $\frac{1}{4}$ фунта хлорнаго поташа (chlorure de potasse, жавелева вода) и 3 часа варили въ томъ же отживочномъ котлѣ. Результатъ превзошелъ ожиданїя.

С) Делиль совѣтовалъ подвергать смятый ленъ или пеньку броженїю, а Сталь, смазавъ глиною и посыпавъ поваренною солью, вываривать нѣсколько часовъ въ водѣ.

Д) Мы не малое время занимались опредѣленїемъ дѣйствїя на камедисто-смолистое вещество ѣдкой извести. Результатомъ наблюденїй нашихъ было то, что известь въ обдѣлкѣ льна и пеньки должна заслуживать особенное вниманїе; потому что она, при извѣстныхъ условїяхъ, дѣйствуетъ на камедисто-смолистое вещество быстро и героически, и мало не дѣйствуя на волокна. Главное изъ помннутыхъ условїй то, чтобъ съ возможною тщательностію предохранять обдѣлываемый матеріалъ отъ вліянїя воздуха. Ибо известь, въ какомъ бы количествѣ ни взята была и какая бы степень теплоты ни была употреблена, не оказываетъ никакого дѣйствїя на волокна при отсутствїи воздуха и напротивъ быстро разрушаетъ ихъ, при доступѣ его. — Первый, отчетливо раскрывшій такое дѣйствїе извести на древесину, былъ *Едуардъ Шварцъ* (Миольгаузенскїй фабрикантъ). Этотъ химикъ-фабрикантъ наполнялъ сосудъ (до половины) известковымъ молокомъ, подогрѣвалъ его и опускалъ въ него кусокъ полотна, на 1 до 2 часовъ. По истеченїи этого времени, вынуть, промывалъ его весьма рачительно и въ самой хорошей водѣ. Оказалось, что часть ткани, находившаяся въ известковомъ молокѣ, осталась неприкосновенною, а въ мѣстѣ соприкосновенїя ея съ воздухомъ легко разрушалась.

При такихъ условїяхъ, мы съ большимъ успѣхомъ обдѣлывали: пеньку 15-ю фунтами, посконъ 8-ю и ленъ 10-ю фунтами извести, на пудъ матеріала. Работу эту можно произ-

водить въ глиняномъ или металлическомъ сосудѣ; сверху матеріала должно класть деревянную рѣшетку, а на нее — гнетъ. Сосудъ съ матеріаломъ и известковымъ молокомъ, плотно закрытый, ставится на огонь и варится отъ 1 до 3 часовъ. По окончаніи, матеріалъ бросается въ воду, подслащенную какою либо кислотою; затѣмъ тщательно всплачивается, сушится и обрабатывается толченіемъ.

Мы нашли также полезнымъ: тотчасъ по окончаніи операціи, не вынимая изъ сосуда обдѣланнаго матеріала, приливать въ него известное количество кислоты, достаточное для средоселенія извести и разложенія образовавшагося известковаго мала.

Въ болышемъ видѣ полезно дѣйствию извести пометать шрами.

Въ сельскомъ быту обработка известью можетъ быть производима безъ особаго употребленія горючаго матеріала, и въ той же печи, которая топится для домашней надобности. По истопкѣ печи, сосудъ съ обдѣльваемымъ матеріаломъ можетъ быть оставленъ въ ней на цѣлыя сутки.

Для средоселенія извести, въ домашнемъ быту можно употреблять уксусъ, даже квасную гущу.

Къ ѣдкой извести полезно прибавлять хлоровой; но въ этомъ случаѣ теплота оказывается вредною; тутъ надобно дѣйствовать холоднымъ путемъ.

Обработка льна или пеньки известью заслуживаетъ полное довѣріе.

Е) Съ отличнымъ успѣхомъ можно обрабатывать наши матеріалы дву-сѣрнистою известью. Составъ этотъ готовится такъ: берутъ двѣ части извести и четыре сѣры съ достаточнымъ количествомъ воды; смѣшиваютъ и кипятятъ около полчаса. По окончаніи кипа сливаютъ въ сосуды и хранятъ до употребленія. Составомъ этимъ ленъ или пенька обдѣльваются иногда холоднымъ путемъ, но чаще при содѣйствіи теплоты. Кромѣ дву-сѣристой извести можно, съ пользою и успѣхомъ, прибѣгать къ хлоровой. Но при употребленіи ея должно остерегаться разрушительнаго дѣйствія хлора на волокна.

Ф) Щелочами также можно пользоваться; но по дорогой цѣнѣ своей едва ли гдѣ могутъ онѣ имѣть практическое значеніе. Тоже должно сказать и о хлоровыхъ щелочахъ, равно какъ о дву-сѣрнистыхъ составахъ съ щелочными основаніями.

Г) Считаемо нужнымъ упомянуть здѣсь о коровьемъ пометѣ, какъ средствѣ также действительномъ, особенно при содѣйствіи теплоты. Но действительнѣе помета смоляное мыло. Вотъ что побудило насъ прибѣгнуть къ этому средству. При сведеніи жирныхъ пятенъ, ихъ предварительно насыщаютъ какимъ либо жирнымъ веществомъ и потомъ дѣйствуютъ на нихъ мыломъ. По этому смѣсь простаго мыла съ смолянымъ и малымъ количествомъ камеди съ необыкновенною дѣятельностію разрушаетъ или лучше отнимаетъ камедисто-смолистое вещество у волоконъ, лентъ или пеньку составляющихъ. — 8 фунтовъ этой смѣси достаточно на цѣлый пудъ пеньки и 4 — на пудъ льна. — Смоляное мыло можно замѣнить смѣсью еловыхъ шишекъ съ поташемъ, а еще лучше съ щелокомъ.

Н) Въ недавнемъ времени имѣли мы случай убѣдиться въ действительности сѣрноватой кислоты, т. е. продукта, происходящаго отъ сожиганія сѣры. Средство это можно употребить въ сухомъ видѣ (черезъ окуриваніе), или въ растворѣ въ водѣ. — Для соблюденія выгодъ, его лучше приготовить чрезъ прокалываніе сѣры съ желѣзнымъ купоросомъ.

Теорія. Объяснить дѣйствіе изчисленныхъ средствъ на камедисто-смолистое вещество легко. Такимъ образомъ: а) вода, при содѣйствіи значительной температуры, растворяетъ его; б) другія средства отдаютъ ему кислородъ, который дѣйствуетъ разрушительно, сжигая пай водорода.

Такъ дѣйствуютъ щелочи и щелочныя земли, мыла, сѣрноватая кислота и хлоръ. Щелочи, сжигая кислородомъ своимъ пай водорода, превращаютъ смолистое вещество въ кислоту, и, окислившись сами чрезъ разложеніе воды, входятъ съ образовавшеюся кислотою въ химическое соединеніе, производя своего рода мыло.

IV.

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ОБДѢЛКА ЛЬНА И ПЕНЬКИ МЕХАНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ.

1) *толченіе и трепаніе.*

Операциі эти часто исключаютъ химическія средства; но полезнѣе соединять тѣ и другія вмѣстѣ.

Толченіе приличнѣе всего для обдѣлки пеньки, хотя и для обдѣлки льна часто къ оному прибѣгаютъ. Цѣль этой работы та, чтобъ волокнамъ придать мягкость и гибкость.

Способы или лучше приемы такого рода обдѣлки льна или пеньки не вездѣ одинаковы. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ матеріалъ раскладываютъ на полу и топчутъ ногами; въ другихъ — употребляютъ вертикальные песты, какъ то дѣлаютъ въ Россіи, Голландіи и т. д. Иногда, песты замѣняютъ молотами. Какъ песты, такъ и молоты приводятся въ движеніе или механическими средствами, или руками, смотря по количеству обдѣлываемаго матеріала и другимъ условіямъ.

Не довольствуясь этими средствами, нѣкоторые описываемую работу выполняютъ при помощи мѣльничныхъ жернововъ, изъ которыхъ бѣгунъ долженъ быть цилиндрической формы (катокъ), а лежень нѣсколько вогнуть, гдѣ такое расположеніе между бѣгуномъ и лежнемъ, пряди льна или пеньки легко встаскиваются внутрь и мнутъ.

Замѣтимъ, что ни одна изъ этихъ системъ не выдерживаетъ критики. Топтаніе ногами — слабо, продолжительно, утомительно; песты и молоты дѣйствуютъ на волокна неправильно и неравномѣрно, чрезъ что раздробляютъ ихъ и производятъ значительную потерю. Цилиндрами также трудно производить дѣйствіе равномѣрное и, кроме этого, система обдѣлки цилиндрами требуетъ значительной движущей силы.

Послѣ такихъ недостатковъ, естественно начали искать способовъ новыхъ, болѣе удовлетворительныхъ, хотя и по сию пору не достигли еще искомой цѣли,

Система бороздчатыхъ цилиндровъ, весьма годная для мятъ, здѣсь безуспѣшна. Г. Мишель *Альканъ* совѣтуетъ

испытать дѣйствіе гладкихъ металлическихъ цилиндровъ. —
 Это заключаетъ, что движеніе ихъ въ состояніи раздроблять
 и умягчать волокна ровно и однообразно.

Мы давали нѣсколько горстей льна разбить струною,
 какъ разбиваютъ шерсть (шерстобиты) и увѣрились, что этою
 системою въ известныхъ случаяхъ можно пользоваться съ
 немалымъ успѣхомъ, особенно, для подготовленія льна къ
 машинному пряденію.

Трепаніе льна или пеньки производится чрезъ удареніе
 ихъ объ ребро острогой дощечки. Способъ этотъ не за-
 служиваетъ большаго довѣрія по многимъ причинамъ.

2) *Чесаніе.*

Чесаніе (ческа) есть работа чисто фабричная, если про-
 изводится въ большомъ видѣ или средствами механическими
 и слѣдуетъ непосредственно за мятъемъ и толченіемъ.

Цѣль чески состоитъ: 1) въ окончательномъ разъеди-
 неніи волоконъ другъ отъ друга; 2) въ отторженіи посто-
 роннихъ веществъ; 3) въ приданіи волокнамъ мягкости, упру-
 гости и скользкости и 4) въ уравненіи и параллельномъ пра-
 вильномъ расположеніи ихъ.

Чтобъ имѣть понятіе объ этой работѣ, стоитъ только
 посмотреть какъ поступаютъ наши прядлищицы, дѣлая на-
 мыку, т. е. начесывая ленъ или пеньку на прядильный гре-
 бень гребенкою и за тѣмъ щетинною щеткою. Такъ, какъ
 при подобной работѣ разрывается много волокна, что соста-
 вляетъ чистую потерю; то рациональное производство дол-
 жно представить средства, могущія удалять такіе недостатки.

Лучшій способъ ручной чески слѣдующій: устроивается
 чесальный снарядъ изъ системы гребней, состоящей изъ
 нѣсколькихъ деревянныхъ брусевъ, къ которымъ прилажены
 металлическія толстыя пластины, снабженныя двойнымъ ря-
 домъ стальныхъ иглъ или зубьевъ. Система гребней утвер-
 ждается въ стѣнѣ, на известной высотѣ отъ пола рабочихъ
 покоевъ, такъ, чтобъ работнику способно было дѣйствовать
 стоямя или сидя. А чтобъ работа производилась непрерывно,
 то работникъ и чесальщикъ должны въ вѣденіи своемъ имѣть
 систему гребней, расположенныхъ такъ, чтобъ число зубь-
 евъ постепенно увеличивалось, толщина ихъ уменьшалась и

высота понижалась. Число зубьев всякого гребня увеличивается на *десять*, больше или меньше постоянно на это число. Такъ въ первомъ гребнѣ = 14, во 2-мъ, = 26, въ 3-мъ = 32 и т. д., до послѣдняго, въ которомъ. 120 зубьевъ. Очевидно, число гребней можно и увеличить и уменьшить, только бы не нарушено было правило относительно соблюденія пространства, которое должно занимать большее или меньшее число зубьевъ. Работа ручнаго чесанія, какъ всякая первоначальная работа, весьма проста, совсѣмъ тѣмъ здѣсь требуется столько тщательности, что съ успѣхомъ можетъ быть производима только смѣшленнымъ и опытнымъ работникомъ. Обыкновенно, за разъ обрабатывается прядь отъ 20 домотниковъ до 72 вѣсомъ. Работникъ, держа въ рукахъ такую прядь, близи къ одному изъ концовъ, и замотавъ другой на руку, надѣваетъ первый на зубья и протаскиваетъ къ себѣ, что повторяетъ нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока, посмотрѣвъ на нее въ просвѣтъ, не замѣтитъ ни запутанности, ни хлопковъ. Затѣмъ нѣсколько отступивъ отъ обдѣлающей части, обыкновенно до середины, онъ снова протаскиваетъ прядь между тѣми же зубьями и снова удостовѣрившись въ успѣхѣ работы, обдѣлываетъ другой конецъ ея. Обдѣлавъ на первомъ гребнѣ, точно также обдѣлываетъ на слѣдующихъ и такъ далѣе до послѣдняго, самъ, или передавая другимъ работникамъ.

Какъ бы тщательно и искусно ни была производима работа, безъ рвани обрѣтись никакъ нельзя. А потому, работникъ обязанъ отдѣлять длинныя волокна отъ короткихъ и каждыя связывать отдѣльно въ пучки. Также точно отдѣлять и хлопокъ или волокна, завязнувшія въ зубьяхъ.

Чаще всего, волокна чрезъ расчистку раздѣляются на четыре сорта или номера: N 1-й длинныя волокна (первачь); N 2-й — короткія; N 3-й — хлопокъ и N 4-й — хлопъка совсѣмъ негодная.

Среднее отношеніе между количествами этихъ производеній, въ 100 фунтовъ, таково:

N 1-го.....	отъ 40 до 50.
N 2-го.....	20 10.
N 3-го.....	35 25.
N 4-го (потери).....	до 5.

Ручная ческа весьма удовлетворительна; совсѣмъ тѣмъ она дорого обходится и продолжительна. Это заставило думать о производствѣ чески средствами механическими. Но какъ тутъ нужно осуществленіе практическихъ условій самыхъ тонкихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сложныхъ; то, не только что въ какихъ либо странахъ, даже въ самой Англіи — отечествѣ механики, недошли еще до того, чтобъ съ успѣхомъ прибѣгать къ механической работѣ. Въ историческомъ отношеніи статья эта полна и разнообразна, однакожъ не многія машины получили счастливое приложеніе. Первая лучшая для чески льна или пеньки та самая, на которую въ 1810 году *Филиппъ Жираръ* взялъ привиллегію и которая впоследствии усовершенствована *Декостеромъ*. По усмотрѣнію нашему мы нашли машину эту далеко уступающею *Вортсвортной*, а потому оставили безъ описанія. Любопытные могутъ читать объ ней и видѣть чертежъ ея въ приведенномъ сочиненіи *Г. Мишель Алькана*.

Жираръ подалъ поводъ къ изобрѣтенію множества другихъ системъ механическаго чесанья; счастливѣе же всѣхъ на этотъ разъ былъ *Г. Вортсвортъ*. Но описаніе *Вортсвортной* машины съ чертежемъ будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ.

Иногда, ленъ обрубаютъ, прежде чѣмъ приступаютъ къ чесанію, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ получить волокна въ однообразномъ видѣ. Обрѣзки же обрабатываютъ въ хлопокъ. Противъ такой методы нѣкоторые возстаютъ, но неосновательно, ибо обработанный такимъ образомъ ленъ часто даетъ хорошую нитку. Впрочемъ обрубаніе больше всего идетъ пенькѣ, коей волокна гораздо длиннѣе льняныхъ и болѣе перепутаны.

Обработанный ленъ и пенька соединенными химическими и механическими средствами съ отличными успѣхомъ прядутся, какъ ручными, такъ механическими прядильными снарядами, объ чемъ и будетъ подробно изложено въ слѣдующей статьѣ.

Ф. Альбоусъ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 3.

Февраль.

Кн. 1.

КНЯЗЬ ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОЛГОРУКОЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ХАРАКТЕРЪ , МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Натура жизнь дала,
А страсти воспитали.

К. И. М. Д.

Я зналъ коротко Князя Ивана Михайловича Долгорукаго. Трудно найти автора, который бы столько выразилъ себя въ своихъ произведеніяхъ. А открывать въ поэтѣ чловѣка—это драгоценное приобрѣтеніе и литературы и чловѣчества: литературы—потому, что тогда поэзія заключаетъ въ себя много неподдѣльной истины; а чловѣчества—въ томъ отношеніи, что живость ума и откровенность сердца, свойственныя поэтамъ, представляютъ тогда чловѣка, какъ въ зеркаль, вѣрно и безпристрастно, чѣмъ не можетъ похвалиться и сама философія. Живость ума, чувствительность сердца, неистощимая веселость, смѣняемая иногда приступами дурнаго расположенія духа, которое Князь Долгорукой назы-

валь, по своему, хандрою; неограниченная привязанность къ друзьямъ и какая-то дѣтская простота шутливости; любовь къ человѣкамъ и къ обществу, вмѣстѣ съ недоувѣрчивостію вообще къ людямъ, которыхъ онъ и имѣлъ-таки причину любить; благородство мыслей и чувствъ, вмѣстѣ съ простонародностію въ ихъ выраженіи, доходившей иногда до прекрасной простоты, иногда по чти до пошлости; высокость, нерѣдко глубина чувства; умъ не предаваться совершенно настольщій минутъ, какъ скоро не было помѣхи отъ внѣшняго міра; наблюденіе всѣхъ свѣтскихъ приличій, вмѣстѣ съ наружною небрежностію въ одеждѣ и въ домашнемъ быту, и съ какою-то оригиналностію, съ какимъ-то своевольствомъ обычаевъ; наблюденіе съ людьми взаимныхъ отношеній, какъ скоро не мысала этому нетерпѣливость, или припадокъ веселости, доходившей иногда до крайности; наконецъ, непритворное религиозное чувство, любовь къ семейству, добродушіе: вотъ черты, изъ которыхъ состояла разнообразная и безпримѣрная смѣсь оригинальнаго характера этаго замѣчательнаго человѣка!—Таковъ онъ является и въ литературныхъ своихъ произведеніяхъ.

Въ моей молодости я бывалъ у него почти ежедневно. А кто изъ знавшихъ Князя Долгорукаго можетъ вспомнить объ немъ безъ вздоха? Что въ немъ было хорошаго—это принадлежало собственно ему, его счастливой натурѣ; что въ немъ было худаго—это происходило не отъ дурнаго направленія сердца: это были ошибки; это была пылкость и неразчетливость поэта, которыми всегда искусно пользуются хладнокровные и расчетливые люди. Расчетъ составляетъ весь разумъ мірскаго человѣка; пылкость и восторгъ—передъ нимъ всегда останутся въ проигрышъ. Можетъ быть по этой самой причинѣ, не смотря на познаніе свѣта, онъ ошибался въ людяхъ; они не поняли, или не хотѣли понять его, и жестоко отстали, оскорбивъ въ немъ самое лучшее чувство его сердца, любовь къ человѣкамъ. Другой бы ихъ возненавидѣлъ; а онъ только потерялъ къ нимъ доувѣрчивость, а мстилъ за нихъ по временамъ себѣ же, своею хандрою, которая впрочемъ скоро проходила и уступала мѣсто природному добродушію и врожденной веселости.

Жизнь всякаго чловѣка, выступающаго изъ сферы бытія животной, т. е. матеріальной, животной жизни, представляетъ для наблюдательнаго ума замѣчательныя, только ей свойственныя, стороны. Жизнь полководца и мужа государственнаго занимательна для гражданина и поучительна для людей, идущихъ по тому же поприщу; но жизнь поэта, смѣю сказать, имѣеть свое преимущество: она, при недостаткѣ вышнихъ дѣйствій, представляетъ непрерывную нить внутреннихъ ощущеній и увлеченій, или порывовъ сердца и воображенія, которые часто опредѣляютъ характеръ и вышнихъ дѣйствій чловѣка. Тѣмъ замѣчательнѣе жизнь такого поэта, которая выразилась въ его произведеніяхъ.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой происходилъ отъ роднаго брата Князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго, знаменитаго и подвигами и безстрашною правдивостію современника и сподвижника Петра I-го. Онъ былъ внукъ Князя Ивана Алексѣевича, извѣстнаго въ нашей исторіи любимаца Петра II-го, знаменитаго быстрымъ своимъ возвышеніемъ и быстрымъ паденіемъ, и кончившаго жизнь на плахѣ.—Супруга сего послѣдняго и родная бабка поэта, Княгиня Наталья Борисовна, урожденная Графиня Шереметева, была дочь славнаго своими подвигами, тоже современника Петра I-го, Графа Бориса Петровича. Она оставила послѣ себя записки о своей жизни, которыя донинѣ хранятся въ семействѣ Князей Долгорукихъ и изъ которыхъ отрывокъ былъ напечатанъ.* Знаменитая своими бѣдствіями, твѣрдостію, добродѣтелью и любовію къ несчастному супругу, она была воспитана однимъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ, И. И. Козловымъ, въ небольшой поэмѣ, которая въ недавнее время имѣла большую извѣстность и возбуждала общее участіе. Князь Иванъ Михайловичъ помнилъ еще свою бабушку. Будучи ребенкомъ, онъ, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, ѣзжалъ къ ней въ Кіевъ, гдѣ она была пострижена въ инокини подъ именемъ Нектаріи. Я видалъ у него въ домѣ, въ домово́й церкви, портретъ ея, въ монашеской одеждѣ и въ черномъ по-

* Въ Другѣ юности 1808 года, изд. *Несворовымъ*.

крываль, закрывающемъ верхнюю часть лица ея. Мать Князя Ивана Михайловича, Княгиня Анна Николаевна, была урожденная Баронесса Строгонова. — Вотъ какъ говорить поэтъ о своихъ предкахъ и родителяхъ :

Я мелкая кроха Князей тѣхъ крупныхъ, славныхъ,
Изъ коихъ на Руси одинъ во дняхъ недавнихъ
Великому Царю велику правду рекъ.
Не мнѣ чета былъ Князь и громкой человекъ!
Всю жизнь свою провелъ въ обычай угрюмомъ,
Отечества былъ столпъ, отцу его былъ другомъ.
Внукъ этаго, мой дѣдъ....

.....
Монархъ его любилъ, вельможи величали;
.....

Жена его съ нимъ все дѣлила, такъ какъ другъ,
Милый самой себя ей былъ ея супругъ;
Лишася въ немъ всего, въ монахиняхъ спасалась,
И схиму воспріявъ, средь Кіева скончалась.
Отецъ мой (и того уже къ себѣ ваялъ Богъ)
Душою былъ богатъ, а счастиемъ убогъ!
Моя почтенна мать тяжелый крестъ свой носитъ,
Въ недугахъ изнурясь, вседневно смерти проситъ;
А я Jeannot tout court и голъ такъ какъ соколъ,
Служа осмнадцать лѣтъ, въ четвертый классъ вошелъ!

Князь Иванъ Михайловичъ родился въ Москвѣ, 1764 года 7 Апрѣля, въ собственномъ домѣ отца его, на Тверской, близъ Страстнаго монастыря. «Роскошь» говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, «окружила колыбель мою.» — Но эта роскошь младенческой колыбели не перешла въ наследство къ его мужескому возрасту. Отецъ его претерпѣлъ большіе убытки во время Пугачевского бунта; вѣроятно, были и другія несчастныя обстоятельства, которыя мнѣ неизвѣстны; но подъ конецъ жизни своей онъ не могъ похвалиться не только богатствомъ, но даже и достаточнымъ состояніемъ. На второмъ году своей жизни Князь Долгорукой занемогъ оспой, отъ которой едва не лишился жизни. Я не упомянулъ бы объ этомъ, еслибы отрывокъ изъ его записокъ, въ которомъ онъ говоритъ о своемъ выздо

рвления, не свидѣтельствовалъ о той сильной вѣрѣ, которая никогда его не оставляла.—Вотъ слова его: «Марта 26, 1763 года сестра моя занемогла оспою; отъ нея пристала оспа и ко мнѣ съ такою силою, что я оглохъ, ослѣпъ и онѣмѣлъ. Тогда еще не умѣли прививать сей заразы и смягчать ея жестокость. Все лице мое покрылось корою, и въ такомъ положеніи оставалось только ожидать смерти. Богъ сохранилъ животъ мой,—да повѣмъ дѣла Господня. Его великимъ промысломъ натура открыла вспомогательныя свои средства—и болѣзнь уступила ей силамъ. Тутъ явно совершилось надобное чудотвореніе отъ иконы Смоленскія Божія матери, что въ Донскомъ монастырѣ надъ царскими вратами. Когда родители мои, болѣзнію моею огорченные, съ теплою вѣрою прибѣгнувъ къ Богу, подняли икону къ себѣ въ домъ и меня къ оной приложили: то вдругъ я получилъ употребленіе всѣхъ монхъ умершихъ чувствъ; сталъ видѣть и слышать; струпь свалился съ лица моего; оспа миновалась. *«Сіе я всей мыслию утверждаю: ибо вѣрю родителямъ моимъ, меня о томъ извѣстившимъ; вѣрю паче Создателю моему, вся сверхъ-естественная могущему.»*

До восьмилѣтняго возраста надзоръ за малолѣтнимъ Княземъ Долгорукимъ и ученіе его ввѣрены были французскѣ Mad. Constantin, которая, какъ онъ говоритъ, приучала его *лепетать по своему* съ самаго ребячества. Она была, по словамъ его, первымъ стороннимъ человѣкомъ, котораго попеченіямъ и ласкъ онъ былъ, обязанъ первоначальнымъ своимъ образованіемъ. «Благодарность, прибавляетъ онъ къ этому, есть взящійшая добродѣтель. Человѣкъ, безъ нея возмужавшій, уподобляется хищному звѣрю, который равно пожираетъ того, кто гладитъ, и того, кто его кусаетъ!»—Прекрасное правило и прекрасное сравненіе!

Отецъ Князя Ивана Михайловича, съ самаго его отрочества, началъ заботиться о его ученіи и воспитаніи. Предназначая его къ службѣ дипломатической (цѣль, которая въ послѣдствіи не исполнилась), онъ почиталъ для этого нужнымъ не только знаніе иностранныхъ языковъ, но и положительныя познанія въ наукахъ. Сообразно этому, первоначальный планъ,

предначертанный имъ для ученія своего сына, обнималъ языки : латинской, нѣмецкой и французской; исторію, географію, литературу и математику. Въ религіи былъ первымъ его наставникомъ кроткій и добрый, пожилой священникъ. «Онъ,—говорить Кн. Долгорукой,—руководствовалъ совѣсть мою и готовилъ меня исподволь къ тѣмъ истинамъ, кои цвременно должны были озарить мою душу. Изъ его краткихъ христіанскихъ бесѣдъ учился я съ ребячества распознавать, что грѣхъ и что добро передъ Богомъ.»

Столь тщательно заботился умный и попечительный отецъ, съ самаго его младенчества, о его воспитаніи, которое, конечно, много содѣйствовало къ укрощенію его пылкой природы. Но Князь Долгорукой не умѣлъ притворяться. Онъ, въ своихъ запискахъ, говоря доброе, не скрывалъ и худаго. Вотъ какъ онъ описываетъ свои физическія и нравственныя свойства : «По наружности я былъ чистъ, румянь, но дурень лицомъ и обезображенъ отъ природы нижней челюстью, непомерно широкой, и толстой губой, по которой, когда я ее распускалъ, называли меня часто *разиней*. Сложенія я былъ мокротнаго и очень подверженъ золотушнымъ болѣзнямъ: отъ нихъ я терпѣлъ много скорбей различныхъ. Темпераментъ мой съ малолѣтства казался по всей причинѣ флегматическимъ; но напротивъ я былъ холерикъ. Умственныя мои способности развертывались медленно. Я былъ тупъ, понималъ уроки съ трудомъ; лучшее сокровище мое была память : твердить наизусть былъ мастарь. Съ языка лилось, какъ у попугая; но забывалъ на завтра. Душевно былъ открытъ, сердоболень, но горячъ и страстенъ, а болѣе всего упрямъ. Отъ этаго меня жестоко унимали.»

Въ 1778 году, родной дядя и крестный отецъ Князя Долгорукаго, Баронъ Александръ Николаевичъ Строгоновъ, командовавшій Кирасирскимъ полкомъ и стоявшій съ нимъ въ Польшѣ, при выходѣ оттуда, вздумалъ потѣшить сестру свою и выпросилъ у тогдашняго Короля Станислава Понятовскаго десятилѣтнему своему племяннику чинъ Полковника;

а для его учителя, Г-на Руле—чинъ, Маіора. Такимъ образомъ Князь Долгорукой до вступленія своего въ службу былъ уже полковникомъ: такъ улыбалась ему фортуна въ малолѣтствѣ, и даже въ молодыхъ лѣтахъ, измѣнившая ему подл старость, когда всего нужнѣе человѣку и покой, и почести, и почетъ, неразлучный съ ними и съ богатствомъ.

Это перемѣнило прежнее намѣреніе отца Князя Долгорукаго о будущемъ дипломатическомъ поприщѣ сына. Новое предположеніе состояло въ томъ, чтобы молодой человѣкъ довершилъ свое ученіе въ чужихъ краяхъ и потомъ отправился въ Польшу для вступленія въ службу по своему чину. Но послѣ первыхъ семейныхъ восторговъ и по зрѣломъ размысленіи, послѣднее намѣреніе было оставлено.

Между тѣмъ на тринадцатилѣтнемъ возрастѣ молодой Князь Долгорукой продолжалъ свое ученіе уже болѣе основательнымъ образомъ. Онъ имѣлъ хорошаго наставника въ иностранцѣ Совере, съ которымъ въ латинскомъ языкѣ дошелъ уже до такой степени, что могъ заниматься Горациемъ, Виргиліемъ, и другими римскими писателями; а легчайшихъ читалъ, по собственному его выраженію, какъ русскую книгу.

Я сказалъ уже, что отцу хотѣлось отправить его въ чужіе края и довершить его познанія въ хорошемъ иностранномъ университетѣ. Отчасти разстроенное имѣніе, но болѣе совѣты Ивана Ивановича Шувалова, главнаго попечителя Московскаго университета, измѣнили это намѣреніе. На четырнадцатомъ году возраста (1777 г.) онъ былъ записанъ въ университетъ и принятъ по экзамену слушателемъ. «Настоящій годъ (говоритъ онъ по этому случаю въ своихъ запискахъ) долженъ особенно быть мною замѣченъ, «потому что въ ономъ я первый шагъ сдѣлалъ изъ родительскаго дома въ общее семейство Московскаго Университета.» — Тамъ слушалъ онъ лекціи поэзіи — у Барсова, логику и метафизику — у Аничкова, всеобщую исторію — у Рейхеля, высшую русскую словесность — у Чеботарева, физику — у Роста, а у протоіерея Петра Алексѣева законъ Божій,

Въ слѣдующемъ (1778) году, въ Генварь мѣсяцъ, университетъ, по случаю рожденія Великаго Князя Александра Павловича, праздновалъ это радостное событіе торжественнымъ актовъ. Съездъ былъ огромный. Вся столица была приглашена слушать рѣчи и стихи, произносимыя на разныхъ языкахъ профессорами и студентами. Князь Долгорукой, не бывшій еще студентомъ, былъ удостоенъ чести быть на этотъ разъ причисленъ къ ихъ сословію и произнести съ кафедры публично краткую рѣчь, сочиненную профессоромъ Чеботаревымъ. А въ Юнѣ мѣсяцъ того же года былъ произведенъ въ студенты и получилъ шпагу изъ рукъ тогдашняго Директора университета, Приклонскаго.

Науки преподавались тогда въ Московскомъ университетѣ на латинскомъ языкѣ. Въ концѣ 1778 года, по смерти профессора Рейхеля, заступилъ его мѣсто Чеботаревъ, и первый началъ преподавать исторію не на латинскомъ языкѣ, а на русскомъ. Скоро послѣдовали его примѣру и въ другихъ классахъ; и съ этаго времени, мало по малу, русской языкъ сдѣлался наконецъ общимъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но латинской былъ столь знакомъ молодому чловѣку, что въ бытность въ Москвѣ и въ университетѣ (1780) Римскаго Императора Юсіафа II, Князь Долгорукой, произведя передъ нимъ опытъ посредствомъ пневматической машины, на требованіе Императора объяснить сей опытъ, объяснилъ его полатынѣ. Одного нѣмецкаго языка не любилъ Князь Долгорукой и не сдѣлалъ въ немъ никакихъ успѣховъ. Къ рисованію и къ музыкѣ былъ рѣшительно неспособенъ.

Въ то время существовало при университетѣ литературно-ученое общество, подъ названіемъ *Вольнаго Россійскаго Собранія*. Оно учреждено было въ 1774 году попеченіемъ тогдашняго Куратора И. И. Мелиссино. Цѣлію его было исправленіе и обогащеніе рускаго языка изданіемъ полезныхъ сочиненій и переводовъ прозою и стихами, также обработаніе русской исторіи. Дѣйствительными членами были профессора университета; секретаремъ профессоръ Бар-

совъ. Но къ собраніямъ его допускались, по выбору, и молодые люди, окончившіе курсъ наукъ въ университетъ, и подававшіе добрую надежду; они принимались подъ именемъ слушателей. Это общество занималось, между прочимъ, составленіемъ рускаго словаря, и съ 1774 по 1783 годъ издавало шесть томовъ опыта трудовъ своихъ, въ которыхъ находятся историческія статьи, сообщенныя Миллеромъ и протоіереемъ Петромъ Алексеевымъ, сочинителемъ Церковнаго Словаря, разсмотрѣннаго и одобреннаго обществомъ. Занятія его продолжались 14 лѣтъ.*

Въ это-то общество (1778) былъ принятъ молодой Князь Долгорукой, за первый опытъ свой въ литературъ: переводъ книги Le Mercier—Les Songes philosophiques, который онъ посвятилъ Ив. Ив. Шувалову. Такимъ образомъ и по вступленіи своемъ въ службу, онъ не вовсе разстался съ драгоценнымъ ему Университетомъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ онъ самъ объ этомъ: «Университетъ, желая сохранить меня еще нѣкоторое время между своими *счастливыми питомцами*, соизволилъ меня произвести въ *авскультанты* Вольнаго Россійскаго Собранія, при немъ учрежденнаго; и тутъ я, бывая при конференціяхъ ученыхъ, *продолжалъ полезныя мои занятія*» — Обязанность же его въ этомъ званіи состояла въ томъ, чтобы, сидя за секретарскимъ столомъ, записывать въ особый журналъ голоса членовъ и ихъ пренія.

Кончивши, шестнадцать лѣтъ отъ роду (1780), трехлѣтній курсъ университетскаго ученія, по благородному обычаю тогдашняго дворянства, онъ началъ свое поприще съ военной службы. Тогда всѣ молодые люди хорошихъ фамилій въ малолѣтствѣ записывались въ гвардію, и получивши уже офицерскій чинъ, являлись на дѣйствительную службу. Не знаю почему, по причинѣ ли полковничьяго чина, который открывалъ молодому человеку особое поприще, или

* Изъ Истор. Русск. литературы Греча. Взято съ нѣкоторымъ дополненіемъ.

по другой причинѣ, но это общее тогдашнее средство быть, не служа, офицеромъ гвардіи, какъ говорить самъ Князь Долгорукой, было для него уже опущено. Оставался одинъ способъ: воспользоваться правомъ студенчества; тогда студентъ, изучившій латинской языкъ, былъ принимаемъ въ армію офицеромъ. Военная Коллегія выдала (3 Іюня, 1780 г.) патентъ и включила его въ списокъ Перваго Московскаго полка. «И такъ я, пишетъ онъ, вопреки общему обычаю того времени, вступилъ въ службу полевымъ офицеромъ и сталъ между своей братьей, дворянами, нѣчто «необыкновенное; потому что всѣ почти безъ изыятія благородные люди, и съ малымъ достаткомъ, наполняли «гвардейскіе полки. Мнѣ одному суждено было показаться въ свѣтъ армейскимъ Прапорщикомъ.»

Будучи Прапорщикомъ, по особенному благоволенію бывшаго тогда Главнокомандующимъ въ Москвѣ, не родственника его, а однофамильца, Князя Василія Михайловича Долгорукаго - Крымскаго, онъ былъ причисленъ къ его штату: что было важнымъ отличіемъ для молодаго человека, только что вступившаго въ службу. Сначала онъ находился при немъ на *безмынныхъ ординарахъ*. Это было не то, что нынѣ состоятъ при особыхъ порученіяхъ; но болѣе — состоятъ при свѣтѣ вельможи. Потомъ онъ былъ произведенъ въ секретари; а какъ секретарь былъ по штату въ чинѣ Поручика, то это производство доставило и ему чинъ Поручика.

Отецъ его служилъ въ то время въ Петербургѣ; а мать оставалась со всѣмъ семействомъ въ Москвѣ, гдѣ молодой Князь Долгорукой продолжалъ обучаться разнымъ приятнымъ искусствамъ, и вообще не терялъ времени. «*Дабы уменьшить, какъ выражается самъ онъ, до самой крайней степени праздные часы дня,*» мать желала имѣть его чаще на глазахъ своихъ. Будучи глубоко набожна, она заставляла его читать въ домашней церкви во время отправляемыхъ у ней ежедневно разныхъ богослуженій. «Тутъ, говоритъ онъ, «кромя неогцненнѣйшей пользы духовной и коренныхъ навыковъ «наружнаго благочестія, приобрьлъ я еще и познаніе славянскаго языка изъ частаго чтенія церковныхъ книгъ.» Отъ

этого чтенія, вивѣсть съ познаніемъ языка славянскаго, онъ такъ пристрастился вообще къ красотамъ языка отечественнаго, что съ этого времени началъ постоянно заниматься словесностію; и отсюда, какъ говоритъ онъ, начинается склонность его къ стихотворству и къ упражненіямъ пера.

Князь Долгорукой - Крымской готовилъ его къ себѣ въ адъютанты; но смерть прекратила дни его благодѣтеля, и потому (1782) не достигши еще 20-лѣтняго возраста, онъ остался безъ службы и безъ должности. Тогда отецъ ввѣлъ его въ Петербургъ. Между тѣмъ весь штатъ, состоявшій при Главнокомандующемъ, въ уваженіе его заслугъ получилъ, послѣ его кончины, чины и другія награды. По этому особому случаю и онъ былъ переведенъ изъ арміи въ гвардейской Семеновской полкъ прапорщикомъ, гдѣ продолжалъ свою службу, проходя постепенно чинами до капитановъ.

Гвардейская служба, кромѣ многихъ пріятностей свѣтскаго общежитія и многихъ пріятныхъ и просвѣщенныхъ знакомствъ, сдѣлала его извѣстнымъ Великому Князю Павлу Петровичу: это было въ 1783 году; а въ слѣдующемъ онъ былъ уже принимаемъ и въ приватное его общество. Великій Князь, какъ извѣстно, будучи самъ и просвѣщенъ, и любезенъ, и остроуменъ, цѣнилъ и въ другихъ эти качества; и потому мудрено ли, что ему скоро понравился Князь Долгорукой? — Впрочемъ, на все надобенъ случай; вотъ какой случай представился къ этому.

Въ 1786 году у Принцессы Голштейнъ - Бекъ (супруги Князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго), былъ благородной спектакль, гдѣ играли французскую комедію: *La soirée à la mode*. Въ этой комедіи Князь Долгорукой былъ поставленъ придворнымъ актеромъ Офреномъ въ роль пожилаго человѣка, такъ что его принимали за настоящаго Офрена. Игравши и прежде много на благородныхъ театрахъ, съ этого времени и въ этомъ родѣ онъ получилъ славу хорошаго актера. Эта слава, разнесшаяся повсюду, побудила предложить ему отъ двора Великаго Князя роль отца въ драмѣ: *L'honnête Criminel*, въ спектакль, который давала Великая Княгиня Марія Федоровна для сюрприза своему супругу.

Въ этомъ спектаклѣ Князь Долгорукой приобрѣлъ совершенный успѣхъ. Ему хотѣли подарить за это часы; но его ожидала лучшая награда: онъ жилъ въ Гатчинѣ еще три дня, обѣдая и ужиная за столомъ Великаго Князя; и съ того времени утвердилось его личное съ нимъ знакомство.

Къ этой же счастливой эпохѣ его жизни относится первая его женитьба. Кроткая и добродѣтельная Евгения Сергеевна Смирнова была многимъ обязана своему несчастію. Отецъ ея былъ казненъ Пугачевымъ. Мать, съ четырьмя сыновьями и двумя дочерьми, осталась въ бѣдномъ состояніи, имѣя только 17 душъ. Въ одно изъ путешествій Императрицы Екатерины, она нашла случай подать ей просьбу объ опредѣленіи дѣтей въ учебныя заведенія. Первая супруга Великаго Князя, Великая Княгиня Наталія Алексеевна, взяла четырехлѣтнюю Евгению подъ свое покровительство, и такъ полюбила ее, что она и жила въ ея комнатахъ. Потомъ, по кончинѣ Великой Княгини, она была помѣщена въ Смольный Монастырь, гдѣ была особенно замѣчена и отличена между всеми воспитанницами. При выпускѣ изъ Монастыря она получила вензель, и въ послѣдствіи времени съ такою же любовію была покровительствуема Великою Княгинею Маріею Феодоровною. Князь Долгорукой имѣлъ случай видать ее во дворцѣ у Великой Княгини и играть съ нею въ придворныхъ спектакляхъ: сближеніе усилило первую склонность и взаимная любовь была увѣнчана бракомъ. Свадьба ихъ была празднована великолѣпно во дворцѣ Великаго Князя, 31 Генваря 1787. — Объ этомъ времени, когда онъ часто бывалъ въ его обществѣ и игралъ въ его спектакляхъ, и о самой свадьбѣ, упомянуто поэтомъ, по своему, въ стихахъ его подъ заглавіемъ: *Везетъ*.

Везло и мяъ...

Везло, когда въ дворянку шайку
Попасть театритъ во дворецъ!....

.....
.....

Ходилъ за столъ къ его обѣду;
И на вечернюю бесѣду

Дверей никто не затворялъ!
 А какъ женился я, то право
 Такой былъ балъ, огонь, забава,
 Какихъ я вѣтню не давалъ!

Стихотворенія поэта наполнены воспоминаніями о *Евгений*. Въ некоторыхъ стихахъ она же названа *Ниною*, по тому случаю, что она очень удачно сыграла въ благородномъ спектаклѣ роль *Нины*, въ пьесѣ: *Nina ou la folle par amour*, и что съ того времени получила въ свѣтскомъ обществѣ названіе *Княгини Долгорукой-Нины*. Въ этой роли она была даже изображена во весь ростъ, въ небольшомъ размѣрѣ, на портретѣ, который донынѣ хранится у ея сына, *Князя Александра*.

Съ 1788 г. *Князь Долгорукой* началъ собирать всѣ свои стихи, которые писалъ съ оснадцатилѣтняго возраста, и въ томъ же году началъ писать исторію своей жизни, или свои записки; ибо онъ съ самой молодости, каждый, немного для себя важный случай, вносилъ въ записную книжку. Первые же стихи его напечатаны въ 1789 году, *На смерть Горича*. При взятіи *Очакова*, въ 1787 г., убиты были *Кв. Волхонской* и *Горичъ*. Первому тотчасъ появились стихи; второй былъ забытъ. *Князю Долгорукому* стало это досадно — и онъ воспѣлъ его въ стихахъ, напечатанныхъ въ первой разѣ при газетахъ, особыми листами.

При открывшейся въ 1788 г. войнѣ съ *Швеціею*, когда начали отправлять туда гвардейскіе баталіоны, онъ, будучи въ *Москвѣ*, въ отпуску, написалъ къ *Подполковнику Брюссю* о готовности своей возвратиться въ полкъ и идти въ походъ, въ которомъ и дѣйствительно участвовалъ, совершивъ всю кампанію. Въ 1790 году, по заключеніи мира съ *Швеціею* и по размѣнѣ ратификацій, вмѣстѣ съ другими офицерами, онъ былъ представленъ *Густаву III, Королю Шведскому*; это происходило въ лагерь, въ *Верельской долинѣ*, близъ рѣчки *Кюмени*. Въ слѣдующемъ же году (1791), изъ *Капитановъ гвардіи* онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ *бригадира*, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

Приступъ его къ гражданскимъ дѣламъ, по собственному его выраженію, былъ тяжелъ; но какъ нѣтъ худа безъ добра, то и его неудача обратилась къ его же счастью. Тогдашній Главнокомандующій въ Москвѣ, Князь Прозоровской, представилъ его на открывшуюся ваканцію Председателя Верхняго Земскаго Суда; но Государыня изволила назначить на это мѣсто другаго. Князь Долгорукой рѣшился на самый отважный поступокъ: онъ адресовалъ на имя Императрицы письмо, въ собственныя ея руки, въ которомъ, изъявляя желаніе трудиться и быть полезнымъ, просилъ объ опредѣленіи его къ должности. «Сіе письмо, говоритъ онъ, я долженъ почитать однимъ изъ счастливейшихъ произведеній моего пера; ибо премилосердая Императрица, сполуча его, въ тотъ же день высочайше указать соизволила «опредѣлить меня Вице-Губернаторомъ въ Пензу, куда я скоро и отправился»

Говоря о службѣ своей въ Пензѣ, вотъ что онъ пишетъ въ одной запискѣ: «Тогда я еще любилъ службу страстно. Въ восхищеніи юнаго человека, который на все смотритъ съ желаніемъ — образовать свѣтъ и сдѣлать лучшимъ, я писалъ не приказнымъ слогомъ, и не авторскимъ, а вдохновеннымъ самой природою; то есть такъ, какъ я думалъ и чувствовалъ.» Предоставляю судить знатокамъ, приличенъ ли этотъ слогъ, такъ называемой, дѣловой литературѣ; но я не могъ пропустить этой черты прямаго образа мыслей и открытаго нрава, которыми всегда отличался Князь Долгорукой, и въ жизни, и въ стихахъ, и въ службѣ.

Здѣсь, довольный судьбою, началъ онъ дѣятельно заниматься литературою. Въ 1798 году написалъ онъ: *Каминъ въ Пензѣ*, который имѣлъ успѣхъ необыкновенный; онъ былъ читанъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, вездѣ, и былъ переведенъ на французскій языкъ. Хотя переводъ былъ нехорошъ; но Делиль, въ Парижѣ, по одной наслышкѣ, просилъ этаго перевода у знакомыхъ рускаго стихотворца. Такъ распространилась слава этаго стихотворенія, наполненнаго умной, но утѣшительной философійю.

Съ того времени онъ началъ писать стихи и болѣе прежняго. Къ поэзи, къ самозабвенію, доставляемому этою успокоительницею сердца, прибѣгалъ онъ во всѣхъ обстоятельствахъ и счастья и неудачи. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: «Я стихотворство почитаю цѣлителемъ моего унынія, товарищемъ въ снукъ, способомъ «наширѣятѣйшимъ» коротать нечувствительно время, когда «досады и злоключенія изъ минутъ дѣлаютъ намъ годы.»

Въ этомъ же году написало имъ посланіе къ *Судьбѣ*, гдѣ онъ, пробѣгая разныя перемены судьбы съ великими и малыми лицами, и съ самыми народами, дѣлаетъ ей упреки въ переменѣхъ и своей жизни; между прочимъ упоминаетъ о вечерахъ Великаго Князя, на которые онъ такъ часто бывалъ приглашаемъ, на Каменный Островъ, во время Петербургской своей жизни:

Бывало, какъ зимы дни кратки наступаютъ,
Во всѣ дома зовутъ по карточкамъ на балъ,
Нерѣдко скороходъ на Островъ звать ѣзжалъ;
А нынѣ такъ и въ влобъ съ подпиской не пускаютъ!

Последній стихъ относится къ одному смѣшному случаю, по проискамъ противъ него, которые не рѣдки въ провинціяхъ. Образецъ подобныхъ происковъ представленъ имъ въ послѣдствіи (1816) въ комедіи: *Дурыломъ*. Здѣсь онъ удовольствовался однимъ стихомъ, который въ свое время вѣрно много смѣшилъ и былъ памятенъ многимъ.

Съ самой юности онъ любилъ, утромъ, въ свободные часы дня, заниматься въ кабинетѣ, обѣдать дома, а вечеръ посвящать обществу. Такъ жилъ онъ и въ Пензѣ. Говоря о томъ, что будучи Вице-Губернаторомъ, онъ любилъ забавляться по вечерамъ разными общественными играми, онъ упоминаетъ (въ известной мнѣ запискѣ), что за это его осуждали, и прибавляетъ по этому случаю: «Вездѣ выказывать свой чинъ, по моему, есть самое низкое свойство. Я любилъ въ своемъ мѣстѣ быть настоящимъ предѣтелемъ; а дома, или въ гостяхъ, человекомъ лѣтъ въ тридцать, резвымъ и веселымъ. Что за польза Государю и оте-

«честву, въ принужденной измѣнѣ нашихъ нравовъ, когда они въ настоящемъ видѣ не ведутъ къ развращенію нравовъ.» — Вездѣ, при всякомъ новомъ несчастномъ, или неприятномъ приключеніи, говоритъ онъ, надобно было ему разсѣяніе; ибо сердце его, довольно мужественное, бѣды переносить — имѣло силы; но воображеніе, столь пламенно и живо въ немъ дѣйствовавшее, подвергало его частымъ умственнымъ болѣзнямъ, которыя могли сдѣлаться для него опасными.

Подъ конецъ своей службы въ Пензѣ онъ испыталъ многія неприятности и неудачи. Онъ самъ оставилъ объ этомъ слѣдующія замѣчательныя строки: «Пусть судить меня мое потомство. Когда дѣла мои въ этой исторіи, (т. е. въ запискахъ о его жизни), будутъ на его судищѣ, тогда уже меня на этомъ свѣтѣ не будетъ; тогда немодерпримный судія живыхъ и мертвыхъ положитъ на вѣсы и горести мои и преступленія. *Онъ язвы сердца моего уврачууетъ и грѣхъ юности моей конечно не помянетъ.* А вы, о, судіи міра! соблазняйте наружными видами! Такова на свѣтѣ участь смертныхъ! Ошибки и бѣды—вотъ вся основа нашей жизни!»

Въ Пензѣ прослужилъ Князь Долгорукой до самой кончины Императрицы Екатерины. При восшествіи на престолъ Государя Императора Павла I-го, онъ былъ отставленъ отъ дѣлъ, и скоро (1797) опять принятъ въ службу и определенъ въ Петербургъ въ Камеръ-Коллегію на вновь учрежденное мѣсто *Присутствующаго*, который считался выше Советниковъ. Но еще не успѣлъ онъ дойти до мѣста своего назначенія и явиться къ новой должности, какъ былъ всемилощивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Советники и перемѣщенъ въ Главную Соляную Контору, находившуюся въ Москвѣ.

Въ 1798 году скончалась сестра Князя Долгорукаго, Графиня Ефимовская. Объ ней-то упоминаетъ онъ въ извѣстныхъ стихахъ своихъ: *Завѣщаніе*, которые написаны въ слѣдующемъ 1799 году, въ селѣ Введепскомъ, принадлежавшемъ Графу Ефимовскому. Въ томъ же году написаны

имъ другіе стихи подъ названіемъ: *1799 годъ*, которые за-
мѣчательны воспоминаніемъ о Екатеринѣ и похвалою, всегда
непритворною послѣ смерти:

Душой, уюмъ жила, и не мѣшала жить!

Стихъ, напоминающій ея любимое изрѣченіе, которое
она повторяла часто: *Vivons, et laissons vivre les autres!* —

Къ этому же году принадлежитъ его комедія: *Отчая-
ніе безъ печали*, сочиненная по слѣдующему случаю. Князь
Долгорукой долженъ былъ играть въ одномъ домѣ роль
въ комедіи: *Le philosophe marié*; но спектакль былъ оти-
ненъ по случаю смерти родственника, который нвогда не
былъ близкимъ хозяину и не былъ съ нимъ въ прямыхъ
родственныхъ отношеніяхъ. Авторъ видѣлъ въ этомъ одну
жертву приличіямъ, безъ участія сердца. Этотъ случай былъ
и поводомъ къ комедіи и ея предметомъ. Въ концѣ того же
года онъ написалъ: *Спасибо 1799 году*.

Въ Москвѣ, на родинѣ, продолжалъ онъ службу до
восшествія на престолъ Государя Императора Александра
Павловича.

При восшествіи на престолъ сего Государя, появилось
множество торжественныхъ одъ, относившихся къ сему случаю.
Князь Долгорукой избралъ самое лучшее средство въ по-
хвалу кроткаго Монарха: онъ написалъ стихи: *На освобож-
деніе Князя Сибирскаго*. «Не могу, говоритъ онъ при
этомъ, сочинять ни по наряду, ни изъ угожденія, ни изъ
«корысти, еще менѣе изъ выслуги; потому что стихи не
«должны быть выслугою для благороднаго чловѣка: онъ
«на то имѣетъ другіе способы.»

Вскорѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе Правитель-
ствующему Сенату избрать на открывающіяся Губернатор-
скія ваканціи до десяти кандидатовъ. Сенатъ помѣстилъ
Князя Долгорукаго въ первый свой списокъ, и въ 1802 году
онъ былъ опредѣленъ въ Губернаторы въ Владимірь. Здѣсь,
за предложеніе о выстройкѣ зданія для сохраненія ботика
и остатковъ дома Петра I-го, съ учрежденіемъ помѣщенія

для призрѣнія шести инвалидовъ - матросовъ, онъ удостоился получить первый рескриптъ Государя Императора. Въ слѣдующемъ же году (1803) послѣдовало, съ большимъ торжествомъ, перенесеніе ботика во вновь устроенное зданіе. На строеніи была простая надпись: *Петру Первому усердный Переславль.*— При описаніи этого торжества Князь Долгорукой говоритъ: «Я мысленно переносился за столѣтіе назадъ; воображеніе мое кипѣло; сердце трепетало отъ радости, что привелъ меня Владыка всѣхъ міровъ исполнить патріотическое сіе предпріятіе.» При этомъ читана была его ода, написанная на этотъ случай, замѣчательная не торжественною громкостью, которою отличались тогдашнія оды, не Державинскою выотою; но тѣмъ, чѣмъ отличаются всѣ стихотворенія Князя Долгорукаго: глубоко почувствованною мыслию, смѣло и просто выраженною. Вотъ для примѣра, изъ этой оды, мысли простыя, не громкія, но мысли замѣчательныя, мысли поэта:

Когда потомокъ предка хвалить,
Ужель снмъ подвигомъ умалить
Онъ современниковъ своихъ?
О нѣтъ! — для мудрыхъ на престолахъ
Той славы быть не можетъ болѣ,
Что смѣло хвалить и другихъ!

Не лестъ, въ сей день воскликновенья,
Наполнивъ душу восхищенья,
Внушаетъ намъ ихъ мнѣна!
Не лестъ: исчезла ихъ награда;
Не рабій страхъ: уже досада
Владыкъ умершихъ не страшна!

И въ наши дни, почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ этой оды, исполнилось изрѣченіе поэта: известно, что въ эти послѣдніе годы нынѣ царствующему Государю импе-

ратору угодно было снова обратить свой царской взоръ на сохраненіе этого ботика великаго своего прародителя. Поэты въ древности не даромъ назывались пророками.

Еще съ 1801 года, до своего губернаторства, Князь Долгорукой началъ заниматься изданіемъ своихъ стихотвореній. Къ сему побудили его, говорить онъ, недостатокъ дѣятельности и тогдашнія неудачи по службѣ, требовавшія некоторой разсвѣнности. Но это первое изданіе его стихотвореній вышло только въ 1803 году подъ названіемъ: *Бытіе моего сердца*; оно было принято публикой съ участіемъ, рвѣніемъ ея ожиданію; ибо Князь Долгорукой считался уже однимъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ и возбуждалъ горячее, сочувствіе въ томъ звѣз, который вообще горячо сочувствовалъ поэзіи и не пропускалъ безъ справедливой оцѣнки ни одной мысли, ни одного чувства, ни одного выраженія поэта!

Въ это время Князь Долгорукой былъ, кажется, вполне доволенъ своей судьбой: почетная служба, извѣстность литературная, семейное счастье: чего болѣе?—Но судьба не даетъ ничего вполне человеку!—Вспомнимъ при этомъ философскую мысль Шиллера въ его балладѣ: *Кольцо Полукрата*. Всякой долженъ заплатить судьбѣ дань несчастія; благополучіе безъ примѣси горя опасно; тутъ-то и стережетъ человека бѣдствіе!—Такъ и Князя Долгорукаго, среди этого спокойствія и успѣховъ, ожидалъ ударъ судьбы, который положилъ на всю жизнь печать горя на его любящее сердце: въ 1804 году 12 Мая, скончалась первая его супруга, его Еженія, умиравшая его душу и примирявшая его, въ бурные дни, и съ жизнью, и съ самимъ собою.

Въ началѣ 1808 года послѣдовало открытіе Владимірской Губернской Гимназіи. Тогда всякое общественное произшествіе отзывалось въ звукахъ поэзіи. На этотъ случай Князь Долгорукой написалъ также оду, которая была прочтана публично при торжествѣ открытія. Высокая ода не была сто удѣломъ. Здѣсь замѣчательна опять не высота поэзіи, но его патриотическое понятіе о цѣли просвѣщенія:

Не въ томъ прямое просвѣщеніе,
 Чтобъ міръ стараться претворить;
 О! кольъ безумно заблужденъе
 Творца творенію учить!
 Но плодъ наукъ и прилежанья,
 Смирля буйственны желанья,
 Творить изъ насъ честныхъ людей,
 Царю, отечеству полезныхъ,
 Своимъ согражданамъ любезныхъ,
 Надежныхъ твердостью мужей!

Послѣ этого онъ былъ избранъ въ почетные члены Московскаго университета. По справедливости довольный, столь явнымъ признаніемъ извѣстности его имени въ литературу, онъ надѣлъ университетской мундиръ съ чувствомъ благородной гордости, равной тому уваженію, которое онъ всегда имѣлъ къ университету. «Этотъ кафтанъ, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, который я по истинѣ могу назвать благопріобрѣтеннымъ, будетъ во всю жизнь мою лучшимъ моимъ нарядомъ. Ни клевета, ни зависть—его съ меня не снимутъ!»

Между тѣмъ стихотворство у Князя Долгорукаго не измѣнило дѣлу. Въ этомъ же году, по представленію его къ Министру Внутреннихъ дѣлъ Графу Кочубею, послѣдовалъ именной указъ, отмѣняющій прежнія постановленія о конфискаціи имущества, остающагося послѣ наказанныхъ дѣателей фальшивыхъ ассигнацій, и учреждающій повсемѣстное оставленіе оного въ пользу ихъ семействъ, если оно приобретено не насильственнымъ образомъ, и если члены тѣхъ семействъ не участвовали въ содѣянномъ преступленіи.

Въ томъ же году Графъ Головкинъ, отправлявшійся Посломъ въ Китай, проѣзжая черезъ Владиміръ, произвелъ ревизію, по которой остался совершенно доволенъ управленіемъ Владимірскаго губерніи. Въ проѣздъ свой черезъ Казань онъ послалъ оттуда о Князѣ Долгорукомъ всеподданнѣйшій рапортъ. Государь Императоръ, бывшій тогда, по случаю Аустерлицкой кампаніи, въ чужихъ краяхъ, въ Моравіи,

соблаговолил 18 Ноября того же года апробовать донесеніе графа Голевкина; въ слѣдствіе чего Князь Долгорукой получилъ въ награду столовые деньги, и по представленію Министра Внутреннихъ дѣлъ Графа Кочубея, былъ пожалованъ въ Тайные Совѣтники. По случаю пожалованія въ этотъ чинъ онъ написалъ стихи, которые замѣчательны чертою истиннаго поэта; предпочитающаго любовь и дыры природы честолюбію, столь обольстительному для всякаго, проходящаго служебное поприще. Вотъ эти стихи, напечатанные въ изданіи его сочиненій:

Надежа-Государь пожаловалъ мнѣ чинъ!
 Прекрасно; но увы натура подшутала;
 Черкнула *своей* укавъ — кровь пылку простудила;
 Амурь сказалъ: прости! остался я одинъ.

Что въ чинѣ, если нѣтъ огня и восхищенья!
 Дать двадцать бы назадъ,—о! Какъ я счастливъ былъ!
 Леталъ бы по Москвѣ, всѣмъ голову кружилъ,
 Съ родными на пирахъ вкушалъ бы наслажденья!

Теперь осталась честь, а радость уткла!
 Такъ стало быть народъ не попусту болтаеть,
 Что служба за Царемъ, хотя не пропадаетъ,
 Но поздно и корысть, когда пора прошла!

Одинъ изъ отличительныхъ признаковъ поэта — склонность къ уединенію, столь благопріятствующему мечтательности; эта черта была и въ характеръ Князя Долгорукаго, не смотря на то, что онъ любилъ разсвѣніе, веселости, и шумъ народной. — Въ обыкновенномъ житейскомъ чловѣкѣ мы назвали бы это непостоянствомъ но я смѣю утверждать, что въ поэтѣ это происходитъ отъ способности души быстро переходить отъ одного впечатлѣнія къ другому, часто противоположному, отъ живой пріемлемости впечатлѣній и отъ живости фак-

тази, требующей разнообразной пищи, и для ума, и для сердца. Деревня Князя Долгорукаго находилась недалеко от города Шуи. Тамъ на рѣчкѣ Рпыни, на берегу противоположномъ городу, устроена была хижина, въ которой поэтъ, въ свободные дни отъ службы, любилъ по нѣскольку часовъ въ день предаваться совершенному уединенію: тамъ онъ читалъ, мечталъ, и писалъ стихи. Памятникомъ этого поэтического успокоенія остались стихи, написанные имъ въ этомъ году, подъ названіемъ: *Хижина на Рпыни*.—Здѣсь изображенъ *его день* въ сельскомъ уединеніи, отъ утренней молитвы до восхода луны, до того поздняго часа, когда по его словамъ, все умолкаетъ:

Не слышанъ гулъ глухой въ народѣ,
 Вся тварь покоится въ природѣ,
 Не спитъ дышъ зло — и человекъ!

Въ 1806 году къ прочимъ обязанностямъ Князя Долгорукаго, по должности Губернатора, присоединились заботы объ устройствѣ милиціи по ввѣренной ему губерніи.

Въ этомъ же году тогдашній губернаторской домъ во Владимірѣ долженъ былъ поступить въ вѣдомство Московскаго университета для помѣщенія въ немъ Владимірской гимназіи. Замѣчательно отношеніе, по этому случаю, Князя Долгорукаго къ тогдашнему Директору гимназіи Алексѣю Алексѣевичу Цвѣтаеву (брату достойнаго Профессора университета Льва Алексѣевича) отъ 15 Октября 1806 года, за N 3486. — Онъ говоритъ въ этомъ отношеніи, какъ пріятно ему, что домъ, въ которомъ жила и скончалась добродѣтельная жена его, обратившись въ общественное зданіе, не будетъ впредь зависеть отъ личныхъ прихотей того, или другаго, а будетъ служить, такъ сказать, памятникомъ и той, которая провела въ немъ послѣдніе дни свои. (Такъ сильно соединилось въ немъ чувство и воспоминаніе со всѣмъ, его окружающимъ, и съ самыми бездушными предметами!) — При этомъ препровождалъ онъ два письма Московскихъ книгопродавцевъ, о напечатаніи втораго изданія

его сочиненій, предоставляя Директору войти съ ними, или съ кѣмъ угодно, въ условія о напечатаніи не только этого изданія, но и *всѣхъ тѣхъ, кои впредь быть могутъ, съ дополнительными, какія во всю его жизнь окажутся, его сочиненіями, и обратить въ пользу Гимназій, съ распространеніемъ права гимназій на оныя до такой отдаленности времени, koliko человеческія предположенія въ пространство будущаго углубиться могутъ; чтобъ и по смерти его все, что найдется къ напечатанію терпимымъ, не инымъ какимъ либо образомъ явилось въ публикѣ, какъ съ доставленіемъ всѣхъ отъ того выгодъ и прибытковъ въ пользу гимназій.*

Далѣе изъявлялъ онъ желаніе, чтобы польза гимназій отъ сихъ изданій состояла въ приобрѣтеніи не денегъ, а книгъ, дабы со временемъ основалась во Владимірской гимназій библіотека, и чтобы для сего назначена была та комната, гдѣ скончалась жена его (Княгиня Евгенія); почему просилъ Директора принять въ завѣдываніе гимназій и собственные его для содержанія книгъ шкапы.

Къ этому прибавляетъ онъ и причину пожертвованія, которая состояла въ томъ, что время перваго изданія его сочиненій была та эпоха, въ которую онъ наименованъ начальникомъ Владимірской губерніи, и что Московскому университету обзацъ онъ раскрытіемъ своихъ дарованій.

Когда мнѣ (нынѣшнему біографу Князя Долгорукаго) поручено было написать о немъ и его сочиненіяхъ, отъ Общества Любителей Россійской Словесности, тогда Ректоръ университета сносился по этому предмету съ тогдашнимъ Директоромъ Дмитревскимъ. Въ отвѣтъ своемъ (отъ 19 Іюля 1824) утверждая все вышеписанное, онъ дополняетъ это исчисленіемъ и другихъ (по его выраженію) *благодѣлній* Князя Долгорукаго въ пользу просвѣщенія народнаго. «Князь Долгорукой, пишетъ онъ, принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ и благосостояніи гимназій, посѣщая всѣ публичныя акты оной, также поощряя и содѣйствуя къ учрежденію литературныхъ бесѣдъ, которыя ознакомливать съ публикою и одушевлять своимъ присутствіемъ — было всегда

пріятнѣйшимъ его удовольствіемъ. Для поддержанія Гимназіи онъ согласилъ дворянство отпускать въ годъ по сту и по двѣсти рублей отъ каждой округи (или уѣзда) на содержаніе двѣнадцати пансіонеровъ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей ; каковое заведеніе существовало, пока онъ былъ начальникомъ губерніи. Его же начальственнымъ содѣйствіемъ общество всѣхъ уѣздныхъ городовъ Владимірской губерніи опредѣлило на содержаніе учрежденныхъ въ нихъ приходскихъ училищъ отпускать ежегодно отъ ста до двухъ сотъ руб. Наконецъ онъ пожертвовалъ гимназіи, черезъ посредство книгопродавцевъ Пономарева и Ширлева разныхъ книгъ на 1742 рубля. Подаренныя имъ книги (прибавляетъ Директоръ) дѣйствительно составляютъ лучшую часть гимназической бібліотеки.»

Въ этомъ же году вышло второе изданіе его сочиненій. Въ четыре года разошлось все первое изданіе.

Между тѣмъ любящее сердце Князя Долгорукаго не могло оставаться одинокимъ. Сердце человѣческое всегда остается тайною не только для другихъ, но и для самаго себя. Память о Евгениіи все оставалась тою же святынею ; время не истребило и въ послѣдствіи горестнаго чувства о томъ блаженствѣ, которое неразлучно съ первою любовію: оно нисколько не изгладило благоговѣйнаго воспоминанія о ея добродѣтеляхъ; между тѣмъ жизнь требуетъ живаго ощущенія, а настоящее всегда живѣе прошедшаго. Такъ и Князь Долгорукой (1807 г.) послѣ трехлѣтняго вдовства вступилъ во вторичной бракъ съ вдовою Аграфеною Алексѣевною Пожарской, урожденной Безобразовой. Между тѣмъ живую грусть сердца о невозвратимой потерѣ и неостывшую теплоту воспоминанія свидѣтельствуютъ всѣ стихотворенія поэта, писанныя имъ во время вдовства его, собранныя въ особую книгу и изданныя въ 1808 году подъ названіемъ: *Сумерки моей жизни*.—Какъ объяснить это?—не вмѣстимостію ли человѣческаго сердца, этого міра, неразгаданнаго человѣкомъ!

По службѣ своей, кромѣ Высочайшихъ наградъ, о которыхъ я упомянулъ выше, и нѣсколькихъ Высочайшихъ благо-

воленій, въ 1808 году, по представлению Князя Куракина, бывшаго тогда Министромъ Внутреннихъ дѣлъ, Князь Долгорукой удостоился получить орденъ Св. Анны 1-й степени.

Слѣдующіе годы не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго въ его жизни, кромѣ путешествія въ Одессу (1810), которое описано имъ въ 3-хъ особыхъ томахъ, и литературныхъ собраній, которыя бывали у него (1811) по вторникамъ, сколько по любви его къ словесности, столько и для пользы дѣтей его. «Стихи (говорить онъ въ своихъ запискахъ подъ 1810 годомъ) отнимали меня у меня самаго «во всякое время; я былъ всегда въ подданствѣ восторговъ, «и не зналъ ни дня, ни часа, когда они вселятся въ умъ и «въ душу.» Наконецъ въ 1812 году, онъ получилъ отставку отъ службы, чѣмъ и кончилось его публичное гражданское поприще. Но за нимъ осталось поприще словесности, поприще поэта, не менѣ почетное для гражданина и получившее въ это время наибольшіе знаки уваженія. — «Музы благодарны» сказалъ Батюшковъ. — Дѣйствительно въ это время, можетъ быть, самое бурное въ жизни Князя Долгорукаго, онъ былъ принятъ, въ Петербургъ, въ почетныя члены Державинской *Бесѣды Любителей Россійскаго Слова*; потомъ въ Почетныя члены Московскаго *Общества Любителей Словесности* и еще Петербургскихъ двухъ обществъ — *Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ* и *Соревнователей просвѣщенія и благотворенія*. Нынѣ всѣ они не существуютъ. Но этотъ годъ, тяжелый для Россіи, былъ во всѣхъ отношеніяхъ чернымъ годомъ для Князя Долгорукаго: въ этомъ же году послѣдовала и кончина его матери, благочестивой и праведной женщины. Князь Долгорукой, говоря въ своихъ запискахъ, что при погребеніи ея, котораго простоту она заранее учредила, когда дубовый простой гробъ ея отъ подмосковной до Москвы несли на себѣ ея крестьяне, восклицаетъ при этомъ: «не такъ ли «несли бѣднаго Лазаря на лоно Авраама, какъ мать мою въ «Донской принесли ея добрые мужички?»

Во время нашествія французовъ, Князь Долгорукой уѣзжалъ со всѣмъ семействомъ въ городъ Шую; онъ выгналъ

изъ Москвы 31 Августа, за два дня до вступленія непріятеля. По этому случаю онъ написалъ стихи: *Плачь надъ Москвою*, въ которыхъ описываетъ подробно тогдашнее свое положеніе и образъ жизни; благодарить со всею простотою чувства добрыхъ людей, пріотившихъ его на это время; объ отдачѣ же Москвы судить такъ, какъ судили большею частію въ это время, то есть—почитая это несчастіемъ народнымъ и не видя въ томъ искупительной жертвы для отечества. Судьбы providнїя были еще тайною; ихъ не дано угадывать человѣку!

О день великихъ золъ! — Но къ пущему несчастью
 У матушки-Москвы есть множество дѣтей,
 Которые твердятъ по новому пристрастью,
 Что прахъ ея не есть бѣда Россіи всей!
 Утѣшить ли кого сія молва народна?
 Отечества я сынъ, и здѣсь сказать дерзну:
 Россія! ты колоссъ — когда Москва свободна;
 Россія! ты раба — когда Москва въ плѣну!

Такъ всѣ происшествія жизни отражались у Князя Долгорукаго въ стихахъ его! Все проходило чрезъ его душу и вылетало въ мѣрныхъ звукахъ стихотворства, не всегда чистыхъ и красивыхъ, но почти всегда сильныхъ и вѣрныхъ. Его стихи, это лѣтопись его жизни, его ума и сердца.

Нашествіе на Москву французовъ описано имъ и прозою, со всею простотою наглядной наблюдательности умнаго чловека, который смотритъ на предметы своими собственными глазами, безъ предубѣжденія и безъ пристрастія. Всѣ его описанія, и это, и его повѣдокъ по Россіи, не щеголяя красотою слога,⁴ составляютъ замѣчательный образецъ простаго взгляда и естественности разсказа. Въ 1814 году, устроясь и обзаведясь, послѣ Московскаго разгрома, въ прежнемъ своемъ домѣ, который судьба сохранила отъ пожара, онъ предался весь занятіямъ литературнымъ. «О какое благодѣіе испытываемъ мы, говоритъ онъ, когда находимъ въ себѣ склонность къ Словесности и занятіямъ ея!» Тогдаже написаны и напечатаны имъ: *Разсужденіе о судьбѣ* и стихотвореніе въ шут-

ливомъ родъ на свѣтскіе обычи, подъ названіемъ: *Ничто для сессельмаковъ*, которое можно причислить къ его сатирамъ, хотя оно исполнено добродушной веселости и забавной шутки. Изъ сихъ разнообразныхъ сочиненій, говоритъ онъ, видно было, что я и плакалъ и смеялся, и впохондричалъ и быть весель, по вліянію разныхъ случаевъ, кои болѣе или менѣе дѣйствовали на разумъ мой и душу.» Тогда же онъ перевелъ съ Французскаго *Филибера*, романъ Коцебу, и составилъ изъ прежнихъ матеріаловъ свое путешествіе въ Нижній-Новгородъ, куда онъ ѣздилъ въ 1813 году. Въ продолженіе зны 1816 года, написалъ онъ еще замѣчательные стихи: *Мой Театръ*, о которыхъ будетъ упомянуто послѣ; это—шутливое разсужденіе о томъ, какъ порицали его нѣкоторые люди за то, что онъ давалъ спектакли и самъ игралъ въ нихъ. Помня послѣднія непріятности, испытанныя имъ, въ этомъ же году написалъ онъ оду: *Невинность*, замѣчательную по силѣ мысли и выраженія. Она была публично прочитана въ Обществѣ Любителей Словесности, въ Москвѣ; но рвѣкія черты, которыми она наполнена, возбудили жаркіе споры между нѣкоторыми членами общества, и потому она была напечатана прежде отдѣльно, въ Петербургѣ; а потомъ уже помѣщена и въ Трудахъ Общества. — Тогда же написана имъ упомянутая выше комедія: *Дурыломъ*; а въ 1817 и 1818 годахъ вышло третье изданіе его сочиненій, въ 4 томахъ, посвященное Университету.

Я долженъ предупредить, что упоминалъ здѣсь только о тѣхъ произведеніяхъ Князя Долгорукаго, которыхъ время сочиненія мнѣ извѣстно, или которыя относятся къ нѣкоторымъ случаямъ его жизни.

Въ челоуѣкѣ необыкновенномъ намъ любопытно узнать и самыя наружныя черты его. Въ этомъ случаѣ Князь Долгорукой облегчаетъ трудъ своего біографа; описавши себя въ отроцествѣ, онъ изобразилъ себя и въ зрѣломъ возрастѣ, и наружно и внутренно, въ стихахъ, подъ названіемъ: *Я*. — Вотъ какъ онъ написалъ портретъ свой:

Займу тебя теперь я опишу подробно
 Всего того, что адсья своимъ могу назвать.
 Снаружи напередъ науку я рисовать.
 Натура маску мнѣ прескверну отпустила;
 А нижнюю челюсть такъ записку пропустила,
 Что можно изъ нея, по нуждѣ, такъ сказать,
 Въ убытокъ не входя, другому двѣ стачать.
 Глазъ пара пребольшихъ, да подъ носомъ не вижу;
 То есть: я близорукъ; лорнета — ненавижу!
 Хоть ростомъ никогда не буду великанъ;
 Но въ рекрутской наборъ и мой годится станъ!
 Вотъ все, что мнѣ на крестъ природа положила;
 Увидимъ ниже, чѣмъ душонку снарядила.
 Но вмѣстѣ все сложивъ, нельзя ей попенять,
 Чтобъ мѣтила во мнѣ товаръ лицомъ продать.

Хотя эта некрасивость поэтомъ преувеличена; но конечно онъ не былъ хорошъ собою. Я началъ знать его въ 1890 году, следовательно уже въ его старости, когда лице человека теряетъ много своей свѣжести и лишено живыхъ красокъ молодости; но я могу засвидѣтельствовать, что не смотря на сходство, этотъ портретъ усиленъ шутливостію поэта. Иначе онъ представлялъ бы собою феноменъ моральнаго міра; ибо обладая сердцемъ любящимъ и страстнымъ, онъ былъ и любимъ страстно. — Далѣе онъ изображаетъ свое воспитаніе и тоже увеличиваетъ его недостатки гиперголою шутки. Но мы видѣли уже, что воспитаніе будущаго поэта и любезнаго свѣтскаго человѣка не было оставлено въ пренебреженіи. — Вотъ однако что онъ говоритъ о немъ въ тѣхъ же стихахъ своихъ:

Родитель мой меня воспитывалъ, какъ должно.
 Учился я всему, чему придумать можно.
 Да что-то я на все тупенекъ съ маду былъ:
 Иное недалось, иное позабылъ!
 По мѣрѣ лѣтъ моихъ прошелъ я всѣ науки;
 На разныхъ языкахъ молили мнѣ азъ, буки.
 Латинь, одну латинь — безъ складу, по толкамъ,

Твердилъ семь битыхъ лѣтъ и все по пустынямъ!
 Что денегъ Богъ пощадитъ, въ минуту сосчитаетъ;
 А математики советамъ, мой другъ, не знаю!
 И сколько мастеровъ ни смучилъ я за ней,
 Дошелъ до далака, и въ пень сталъ у дробей!
 Учился фехтовать за дорожную цѣпу.
 И вѣчно попадалъ не въ цѣль, а прямо въ отънуг!
 Бывалъ все въ барабанъ бон до одного;
 А нынѣ, хоть убей, не помню ничего!
 Въ мѣсяцъ три зимы меня-ль не муштровали,
 Къ вадѣ на лошадакъ всемирно приучали;
 Но что и затѣвать его нѣтъ на роду!
 Не только что съ коня, съ клячки упаду!
 Ты видишь, что я лѣзть ни мало не намѣренъ;
 И такъ въ моихъ словахъ, пожалуй, будь увѣренъ!
 Учился я всему; но былъ успѣхъ въ томъ плохъ!
 Наука всторонѣ; а я сталъ скоморохъ!
 Пляшу, мою, рѣзвлюсь, комедіи играю,
 И въ знатныхъ людяхъ тѣмъ же нуждѣ промышляю!
 Спасибо, что хотя на что выбуду да денежъ!

Сквозь этаго шутивлаго изображенія кто не увидитъ,
 изъ однихъ даже предметовъ ученія, самаго тщательнаго об-
 разованія, какое давалось въ то время дѣтямъ хорошихъ
 семей и нужнаго же тогдашнимъ понятіямъ для молодого
 свѣтскаго человѣка.—Но мало этаго: студенческой курсъ уни-
 верситетскаго ученія, которое не поставлялось тогда въ не-
 обходимую обязанность, и изученіе латинскаго языка, показы-
 ваютъ заботливость воспитателя, простиравшуюся даже тре-
 бованій того времени.

Вотъ какъ поэтъ продолжаетъ изображать себя:

Посмотримъ, чѣмъ внутри снабдила мать натура!
 Слыхалъ я отъ жены, что будто я умелъ;
 Быть можетъ, что и впрямь въ своемъ углу омышленъ!
 Когда о чемъ нибудь я съ ней перебиваю,
 Скажу безъ хвастовства: не все же повираю,
 Да въ этомъ вслухъ нельзя признаться мнѣ никакъ;

А то вѣдь скажутъ все: какой-де онъ дуракъ!
 Пусть буду я таковъ ; я право не сержуся,
 За то, что въ сажорѣ вашъ, людъ умный, не гомуся!
Не гваиб ли я? — О нѣтъ! и ослѣбъ знателъ былъ,
 За всякой бы поклонъ помяномъ я платилъ!
 Самолюбивъ ли я? — къ несчастью, очень много;
 И сей перомъ во мнѣ хотъ школатъ очень строго,
 Но что же дѣлать съ нимъ, коль слабъ его унять!
 Во всѣхъ частяхъ собой кто можетъ управлять!
 Я дикъ, тяжелъ и грубъ; но льзя ли быть иначе,
 Съ развратными людьми, съ такими ванпаче
 Которымъ говори о правдѣ, каждый часъ
 Все боясь какъ бы имъ не трафить камнемъ въ глазъ!
 Приятномъ встрѣтить вдругъ на рыцарской ходули
 Того, кто къ цѣлымъ вѣкъ не видывалъ и пули?
 Что хочешь говори, бучуется вся кровь,
 Когда иной подлецъ вадываетъ горду бровь,
 Когда самъ о себѣ и Богъ вѣотъ что мечтаетъ,
 Увѣрить хочеть всѣхъ, что звезды онъ хватаетъ;
 А ты, когда впередъ нимъ, какъ подлый рабъ стоишь,
 Внутри своей души въ адмыъ его цѣпишь!
Я гибкости аб себѣ нилало не имѣю,
 Въ глубокъ не передъ кѣмъ свернутъся не умѣю,
 Иду своимъ путемъ, какъ должность мнѣ велитъ
 И гдѣ споткнется умъ, тамъ совѣсть подкрѣпитъ!
Я вспылъ и гивъ; но во мнѣ духъ злобы не гивадитъся
 И мщеніемъ душа моя не возгоритъся!
 Коварствовать ни съ кѣмъ не смышлю никогда
 И съ чувствами языкъ согласенъ мой всегда!

 Но спросишь ты меня: чѣмъ въ жизни наслаждаюсь
 И въ правдности какой забавой занимаюсь?
 Мой другъ! *отб картѣ меня усолить я прошу!*
 Бостону жертвы я совсѣмъ не приношу!
 За зайцемъ по полямъ съ собаками гонялся
 Смыъ правомъ сильнаго не мастеръ величатъся!
 О женщины! лишь васъ съ пристрастіемъ люблю,
 За васъ, для васъ, по васъ — я многое стерплю!

Вотъ какъ изобразилъ себя неэтъ; и таковъ онъ былъ дѣйствительно: самолюбивъ, безъ всякаго чванства; не гибокъ, но вѣжливъ и почтительнъ къ достоинствамъ; вспыльчивъ безъ всякой злобы; не способенъ ни къ мщенію, ни къ коварству и руководимъ всегда болѣе сердцемъ, нежели холоднымъ разсудкомъ. Нельзя вполнѣ согласиться, чтобъ онъ былъ дикъ, тяжелъ и грубъ, какъ онъ выразился самъ, но когда находила на него *сандра*, онъ становился дѣйствительно утрюпымъ и непріятнымъ для окружающихъ его. Впрочемъ это проходило скоро, какъ туча, набѣжавшая въ лѣтній день: тотъ же вѣтръ и уносилъ ее! Замѣчательно однако, что въ этихъ стихахъ онъ изобразилъ себя болѣе, нежели хотѣлъ. Вся эта вспышка негодованія, доходящая до рѣзкой сатиры, начиная съ словъ:

Я дикъ, тяжелъ и грубъ; но лъзя ли быть иначе
Съ развратными людьми — и проч.,

изображаетъ, какъ нельзя лучше, вспышки негодованія на людей, находившіе на него въ нѣкоторыя минуты, когда онъ дѣйствительно былъ жалокъ; ибо чувствовалъ тягость пройденнаго имъ опыта! Я буду нѣсколько разъ возвращаться къ этой чертѣ его характера, энергически выраженной имъ во многихъ его стихотвореніяхъ.

Но въ обращеніи съ людьми не было добре и радушіе этаго человека, не было его проства! Приступая къ описанію его образа жизни, я начну съ его дома, семьи и перейду къ его обычаямъ. Я сказалъ уже, что онъ былъ *небогатъ* и *радушнъ*: эти двѣ черты отражались во всемъ его окружающемъ и во всемъ его образѣ жизни.

Не даромъ сказалъ Державинъ: *оселокъ честности — прибытокъ*. Самъ Князь Долгорукой не нажилъ ничего. Отецъ его не оставилъ ему наследственнаго богатства. Главною причиною упадка ихъ состоянія было, какъ упомянуто мною прежде, паденіе фамиліи Князей Долгорукихъ при Биронѣ; бабка его, Княгиня Наталья Борисовна, послѣ ссылки и казни

своего мужа, не получила отъ брата даже и узаконенной четырнадцатой части, следовавшей ей изъ вѣсьня отца ея, столь огромнаго, что на эту законную часть ей приходилось шесть тысячъ душъ. Но кому было хлопотать объ этомъ въ томъ бѣдственномъ положеніи, въ той ональ, въ которой находилась тогда фамилія Долгорукихъ? —

Домъ Князя Долгорукаго, существующій еще и понынѣ въ Москвѣ, въ приходѣ Вздвиженья на Вряжкѣ, представлялъ среди обширнаго двора длинныя, старинныя, тесовыя хоромы въ одинъ этажъ. Позади этого дома къ Москвѣ-рыжъ былъ садъ, почти брошенный; кажется, имъ никто не занимался. Вдали, за Москвою-рѣкою, виды зелени, лѣса, деревня Фили и кладбище, на которое часто смотривалъ уныло хозяинъ, когда мы, тогда еще молодые люди, вокругъ него рѣзвились и хохотали. Внутренность дома была не только не красива, но даже неопрятна, особливо передняя, гдѣ старыя обои висѣли лоскутьями. Подъ конецъ жизни хозяинъ передѣлалъ однако двѣ парадныя свои гостиныя, соединилъ ихъ въ одну, разгородилъ колоннами, отштукатурилъ, выбѣлилъ, и обилъ мебель пунцовою шерстяною матеріей: что казалось уже почти великолѣпнѣе послѣ прежнихъ старыхъ обоевъ. Но кабинетъ его и другія комнаты оставались все въ прежнемъ видѣ.

Здѣсь жилъ онъ съ своею второю супругою Книгинною Аграфасною Алексеевною, съ ея племянницею Пр. Ив. Пожарскою, и съ младшимъ своимъ сыномъ Кн. Михайлой, или Рафаиломъ: ибо и то надобно причислить къ странностямъ Князя Ивана Михайловича, что многіе его дѣти имѣли по два имени: одно, данное при крещеніи, а другое, данное имъ самимъ, которымъ они и назывались. Такъ Рафаилъ назывался Михайлой; Антонина — Варварой; Евгенія — Натальей. Не смотря на недостаточность состоянія, Князь Долгорукой умѣлъ дѣлиться и съ другими, которые были еще недостаточнѣе. У него въ домъ жила еще почтенная, добрая старушка Ел. Ив. Елисѣева, и простодушный старичокъ Ив.

Никол. Классонъ , великой почитатель Наполеона и доктора Галя , и, признаюсь , надобдавший намъ иногда объясненіемъ его системы. Всѣ они составляли какъ бы одно семейство. Не хочу забыть ни одного изъ добрыхъ людей этихъ! Наконецъ въ этотъ же домъ пересѣхала и дочь Князя съ своимъ мужемъ. Для всѣхъ было довольно мѣста; для всякаго теплый уголь: такъ помѣстительны были старинные хоромы , или такъ нетребовательны были тогда люди. Не умью разрѣшить , что изъ этихъ двухъ замѣчаній справедливѣе отнести къ моему повѣствованію. Во флигель , составлявшемъ какой-то длинный выпускъ (и соединяемый съ главнымъ корпусомъ корридоромъ и домовою церковью) жила престарѣлая сестра хозяина и его крестная мать , добродушная , кроткая , любезная въ глубокой старости, пѣкогда красавица, Княжна, Прасковья Михайловна, съ своей воспитанницей, Графеной Федоровной Любавской. Ихъ обѣихъ уже пѣтъ на свѣтъ. Старушка Княжна была и тогда уже согбенна лѣтами; ея питомица цвѣла какъ роза; объ ней написалъ Князь Долгорукой:

Другая—той я далъ прозванье Анемоны,
Славнѣ красотой Надировой короны!

Вспоминая объ этой семьѣ , я какъ будто вновь переживаю мою молодость: сколько драгоценныхъ , беззаботныхъ минутъ , было проведено мною среди этихъ людей , умныхъ , добродушныхъ , простыхъ сердцемъ , чуждыхъ всякихъ требованій , пріятельныхъ и снисходительныхъ къ пылкой и веселой нашей молодости. Да будетъ имъ здѣсь выражена вся благодарность моего сердца; а умершимъ да будетъ вѣчная память.

Возвращаюсь къ моему описанію.

Въ домѣ Князя, какъ я сказалъ , не было никакихъ украшеній; но на стѣнахъ , и въ домѣ и во флигель , были развѣшаны фамиліальные портреты Князей Долгорукихъ , этой исторической фамиліи , конечно заслуживающей , чтобъ и самыя черты многихъ лицъ , къ ней принадлежащихъ , были сохранены въ памяти. Тутъ были портреты: Князя Якова

Федоровича Долгорукаго и несчастнаго счастливаго Князя Ивана Алексѣевича. (Портретъ супруги его, княгини Натальи Борисовны, какъ я сказалъ уже, стоялъ въ домовой церкви). Тутъ же, но особо отъ другихъ (черта ли чувства, или тщеславія?) былъ и портретъ Императора Петра II, который былъ помолвленъ на Княжну Екатерину Долгорукою, и котораго хозяева какъ бы безмолвно причисляли къ своему семейству. Надъ нимъ, я помню, была скромная надпись: *добрая надежда*.

Князь Иванъ Михайловичъ начиналъ каждый день молитвою; потомъ садился читать священное писаніе. Это было ежедневно. Потомъ принимался за литературныя занятія. Всякое утро что нибудь выходило изъ-подъ пера его. Это не удивить моего читателя, когда онъ вспомнитъ, что кромѣ стиховъ, которые всѣмъ извѣстны и множества другихъ сочиненій, въ томъ числѣ комедій, фарсовъ и проч., оставшихся въ рукописи, онъ написалъ еще подробныя записки о своей жизни въ нѣсколькихъ томахъ. Кромѣ того онъ оставилъ рукопись подъ названіемъ: *Капище моего сердца*, которую онъ называлъ своимъ календаремъ и гдѣ онъ, по мѣрѣ сношеній съ своими знакомыми, помѣщалъ ихъ изображенія, или описанія ихъ свойствъ. Я не видалъ этой рукописи, и едва ли онъ кому ее показывалъ, кромѣ своего семейства; но онъ самъ мнѣ говорилъ объ ней. Такимъ образомъ не проходило ни одного утра, чтобъ онъ не писалъ, развѣ когда бывалъ отвлеченъ прїѣздомъ кого нибудь къ нему, или необходимымъ выѣздомъ изъ дому.

Обѣдалъ онъ всегда дома, въ своей семьѣ; клуба не любилъ. Столъ его былъ нероскошенъ, даже неделикатенъ; но сытенъ и отличался какою-то смѣсью. Послѣ обѣда и вечеръ — хозяинъ принадлежалъ уже всѣмъ; и тутъ-то развертывался иногда до невѣроятной шутливости и живости, даже до ребячества, его веселый характеръ!

Какъ изобразить его общество? По большой части съѣзжались къ нему по вечерамъ — мы, тогдашніе молодые люди, занимавшіеся литературой, или его родственники. Впрочемъ онъ сохранялъ связь со всѣмъ лучшимъ обществомъ Москвы; когда у него бывали званые вечера, или домашніе благо-

родные спектакли, къ нему прѣзжали: и московская знать, и свѣтскія дамы, и все, что было извѣстнѣйшаго въ столицѣ. Театръ былъ его страстію. Я самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ его спектакляхъ, и помню, что для Князя Ивана Михайловича это было—и наслажденіе, и мука, и торжество, и хлопоты; однимъ словомъ—дѣло важное, а не пустая забава! За то какъ онъ былъ счастливъ, когда удавались репетиціи, когда всѣ знали свои роли, прѣзжали на пробы во время, не заставляя себя ждать; когда реплики незамедлялись, всѣ знали свои мѣста, не забывали входы и выходы; словомъ когда пѣса шла безостановочно и стройно. Но какъ онъ сердился и мучился, когда все это шло неудачно!—Признаться, иногда въ этомъ случаѣ забавно было смотрѣть на него: тутъ онъ готовъ былъ сказать даже грубость, что было совсѣмъ несообразно съ его вѣжливостію прошедшаго вѣка. Но кто бы могъ осердиться на добродушнаго челоуѣка! Вся семья хлопотала въ такомъ случаѣ, чтобы угодить ему. Я помню, какъ встрѣчаетъ бывало Княгиня и спрашиваетъ шопотомъ; «знаешь ли роль?»—Я помню, какъ въ эти дни самъ Князь встрѣчалъ насъ важно, съ лицомъ озабоченнымъ, чего въ другихъ случаяхъ никогда не бывало.

Наступалъ день спектакля. Сердце наше бѣлось сильнѣе обыкновеннаго: желаніе показать свое сценическое искусство, (которымъ, впрочемъ, я не могу похвалиться); самолюбіе актера съ разными другими отношеніями между дѣйствующими лицами; послѣдняя репетиція, костюмы—и наконецъ, надобно сказать, усерднее желаніе угодить этому добродушному старому ребенку, т. е. самому Князю: все это дѣлало для насъ, молодыхъ людей, день спектакля какимъ-то замѣчательнымъ днемъ жизни!—Наконецъ съѣзжается публика, музыка гремитъ, открывается занавѣсъ—первый выходъ; какъ трепетало сердце, особенно если тутъ была и другая причина къ его трепету! О молодость!—По окончаніи спектакля Князь бывалъ необыкновенно счастливъ: какъ гора съ плечъ свалила!—Актеры всѣ довольны собою!—Чегоже лучше!—И вся семья счастлива, что Князь доволенъ успѣхомъ спектакля.

Справедливость требует однако сказать, что его спектакли были по большей части играны хорошо, даже иногда прекрасно. — Князь требовалъ отъ своихъ благородныхъ актеровъ—искуства, въ чемъ ему и удавалось. Вспомнимъ о двоихъ, которые тоже иногда играли на его театрѣ. *Ф. Ф. Кокошкинъ* имѣлъ неоспоримо талантъ, обработанный тщательнымъ изученіемъ мимики и сцены; голосъ его былъ сотворенъ для сцены. Онъ столь умѣлъ владѣть имъ, что даже тихая рѣчь его была слышна внятно. Другой — *Ал. Мих. Пушкинъ*, двоюродный дядя поэта, обладалъ прекраснымъ природнымъ сценическимъ талантомъ. Я помню ихъ, игравшихъ однажды, въ домъ перваго изъ нихъ, двухъ *Кристиновъ* въ шѣсть этого имени. Любопытство зрителей было еще болѣе возвышено возможностью сравнить въ одинакихъ роляхъ два замѣчательные таланта. *Кокошкинъ* доходилъ до природы — своимъ искусствомъ и обработаннымъ изученіемъ роли; *Пушкинъ* былъ натураленъ и простъ, но эта простота равнялась искусству!—Тогда театръ не отдѣляли отъ литературы и искусства и потому смотрѣли на благородные спектакли со стороны искусства же, требуя отъ нихъ не одной общественной забавы. Эти спектакли не сопровождались никакою пышностію, никакою внѣшностію хвастовства; публика собиралась именно для спектакля, слушала съ вниманіемъ и судила, съ какимъ-то правомъ на судъ, который никому не былъ оскорбительнымъ, и вмѣстѣ оставалась благодарною за благородное наслажденіе вкуса. Однимъ словомъ, спектакль былъ не въ придачу къ свѣтскому сборищу людей, но цѣлко ихъ соединенія. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы показать, какъ благородные спектакли были въ это время возвышены искусствомъ: по этому можно судить и о вкусѣ тогдашней публики, и о наклонности ея къ изящному. Князь *Иванъ Михайловичъ* и самъ иногда, оставляя гостей своихъ, являлся на сценѣ, по большей части въ роляхъ нѣскольکو забавныхъ, гдѣ бы былъ полный разгулъ его шутилой натурѣ. Его игра была хороша, непринужденна, свободна, но уже слишкомъ естественна: въ ней не было мѣста искусству. Подъ старость ученикъ *Офрена*, кажется, не хотѣлъ объ немъ за-

ботиться, а хотѣлъ только повеселиться своею игрою. Но онъ былъ чрезвычайно доволенъ, когда ему аплодировали, и самъ хохоталъ, когда послѣ спектакля хохотали другіе, вспоминая нѣкоторыя его жесты и приемы на сценѣ.

За спектаклемъ, по обычаю, слѣдовали танцы; потомъ ужинъ. Эти ужины доказывали тоже его малое стяжаніе; но къ этому уже привыкли: всѣ его любили; никто не говорилъ, что онъ кормитъ дурно. За веселостію разговора, за тою непринужденностію, которая была тономъ его дома, наконецъ и за пріятнымъ воспоминаніемъ о спектаклѣ, некогда было подумать о посредственномъ ужинѣ. Шумъ и хохотъ оканчивали вечеръ; когда тутъ быть недовольнымъ?

Повторяю: Князь Долгорукій любилъ страстно драматическое искусство. Я уже упоминалъ о его успѣхахъ на сценѣ въ лѣтахъ молодости. Эта склонность развернулась въ немъ съ пятнадцатилѣтняго возраста. Вотъ какъ упоминаетъ онъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: «батюшкѣ угодно было до- «ставить намъ забавы, свойственныя нашему возрасту, и для «сего построены былъ въ залѣ небольшой театръ, на кото- «ромъ я въ первый еще разъ сталъ играть и трагедіи и ко- «медіи. Природная склонность тотчасъ оказалась. Никто меня «не училъ декламировать; но ужъ видно было изъ дѣтскихъ «монихъ приемовъ, что я достигну до нѣкотораго совершенства «въ этомъ родѣ; и признаюсь, что я безъ всякой натяжки «пристрастился къ актерскому дѣлу. Къ чему насъ влечетъ «природа, то мы и будемъ. Если бы я попался въ руки къ слав- «ному тогда Дмитревскому: конечно я бы вышелъ совершен- «нѣйшій актеръ, чѣмъ дипломатъ, философъ или что-нибудь «другое.» — Мы видѣли уже, какъ онъ воспользовался въ послѣдствіи времени наставленіями въ драматическомъ иску- ствѣ знаменитаго Офрена. Мудрено ли послѣ этаго, что страсть къ этому искусству сохранилась въ немъ до самой старости?

Цѣлью его было—удовольствіе свое и избранной публики. Были однакожь люди (хотя не въ это время, а прежде), которымъ не нравились его добродушныя забавы, которые порицали за нихъ веселаго хозяина и выводили изъ того раз- ныя заключенія. Противъ нихъ-то написалъ онъ въ 1816 г.,

стихи: «*Мой Театръ*», какъ шутовское разсужденіе о нихъ толкахъ. Вотъ нѣкоторыя куплеты, изъ которыхъ можно увидѣть и его образъ мыслей объ этой забавѣ, и то, какъ онъ умѣлъ соединить негодованіе съ самой добродушной шуткой.

Пускай все строится на свѣтъ,
 Какъ рокъ угрюмый приказалъ,
 Лишь толькобъ жить мнѣ въ кабинетѣ,
 Никто на вкусъ мой не мѣшалъ!
 Съ утра до вечера я въ руки
 Газетъ, ни книги не беру,
 И день доньской съ дѣтьми отъ скуки
 Твержу мимическу игру!

Тарифъ меня не безпокоить,
 Въ сукнѣ я толку не знавалъ;
 Иной безъ сахару все ноеть:
 Я чай и съ патокой пивалъ.
 Въ карманѣ рубль коль залежится,
 Поставлю въ мигъ его ребромъ:
 Моя забава—суетиться;
 Мой рай—людьми набитый домъ!

Мнѣ нужды нѣтъ, гдѣ миръ, гдѣ драка,
 Куда полки бѣгутъ солдатъ,
 Который баринъ скушалъ рака,
 Какому данъ вельможъ матъ!
 Въ моемъ углу, храня свободы
 Благонамѣренный законъ,
 Лѣнюсь, и радъ, что воеводы
 Уже не грезится мнѣ сонъ!

Въ сараѣ шесть кулисъ поставилъ,
 Широкой завѣсъ разпустилъ,
 Огарки всѣ домашни сплавилъ,
 Во тьмѣ свѣтъ площадекъ сотворилъ;
 И тутъ въ обманѣ восхищаюсь,
 Воспоминая вѣкъ златой,
 Въ стихахъ и въ провѣ отличаюсь,
 То царь, то молодъ я мечтой!

Меня поносить, слышу, строго,
 За чѣмъ такъ тѣшу я себя;
 Кричатъ: конь видно нажилъ много,
 И честь и совѣсть погубилъ
 Прошу покорно всѣхъ нахаловъ
 Мой домъ притти ревизовать,
 Моихъ завидныхъ капиталовъ
 Наличиемъ мягку осязать.

Найдутъ дестей бумажныхъ кучу,
 Куда чернилъ потоки лью,
 На коихъ лѣтъ ужъ тридцать мучу
 Я руку правую мою;
 И сдѣлавъ обыскъ самый вѣрный,
 Увидятъ ясно безъ очковъ,
 Что мой достатокъ безпримѣрный —
 Наростъ на языкѣ лжецовъ!

Князь Иванъ Михайловичъ вообще любилъ забавы, любилъ себя тѣшить и веселить другихъ: это была его стихія. Пропустить эту черту въ его характеръ, или сказать объ ней мимоходомъ, значило бы отказаться отъ самой оригинальной черты его портрета. И потому я буду слѣдовать шагъ за шагомъ за моими воспоминаніями во все то время, въ которое я почти ежедневно видалъ его.

Его спектакли продолжались однажды всю зиму, до самаго великаго поста. Намъ, молодымъ людямъ, было очень весело; но и мы наконецъ устали. А Князь Иванъ Михайловичъ, который не могъ жить безъ людскаго общества, придумалъ себѣ на постъ другую забаву — и кто бы могъ вообразить-какую? — Учрежденіе на пять недель поста литературнаго общества! — Наскоро онъ набралъ членовъ — и на второй же недѣль общество было открыто! Я помню нѣкоторыхъ его членовъ: самъ хозяинъ, младшій сынъ хозяина Кн. Михаила, М. Н. Загоскинъ, С. Т. Аксаковъ, А. А. Волковъ, А. Д. Курбатовъ, своякъ Кн. М. П. Тьмегинъ; другихъ не помню. Правилкомъ общества положено было председательствовать въ немъ каждому изъ членовъ по очереди и по старшинству лѣтъ

Въ первомъ засѣданіи председательствовалъ самъ хозяинъ: собиралась и публика, т. е. человекъ двадцать его коротко-знакомыхъ и его ближнихъ, мужчинъ и дамъ. Но во второе же засѣданіе и это общество, сколь ни важно сидѣли члены, превратилось въ комедію! — Пріѣхала изъ провинціи, изъ деревни, одна дама, о которой Князь извѣстилъ насъ, что она стихотворица. Мы никогда объ ней не слыхивали. Послѣ уже, гораздо спустя послѣ этого, мнѣ попалась книга ея стихотвореній, посвященная Князю. Въ ней нашелъ я замѣчательнаго только одно посвященіе, гдѣ она, обращаясь къ Князю съ оправданіями своему перу, говоритъ между прочимъ съ удивительною наивностію, что если ея слоги имѣютъ такіе-то и такіе-то недостатки, то ей это извинительно, потому что одинъ онъ былъ ея образцомъ и учителемъ. Но обращаюсь къ нашему засѣданію. Мы ничего не знали, что готовится, и садимся очень важно на свои мѣста, за большой столъ, какъ члены общества. — Вдругъ Князь ставитъ еще кресла; приглашаетъ сѣсть къ столу пріѣзжую стихотворицу, говоритъ: «Марья Петровна! прошу покорно садиться съ нами!» — и объявляетъ, что она выбрана въ почетные члены. Дама, послѣ нѣкоторыхъ извиненій, сѣла. Вдругъ встаетъ одинъ изъ старшихъ членовъ, бывшій на этотъ разъ председателемъ, и начинаетъ читать ей привѣтственную рѣчь. — Я помню даже хрипоту этой рѣчи; вотъ она: «Съ тѣхъ поръ, какъ сотворенъ міръ и вращаются круги звѣздные, всѣ человекѣвки стремятся къ счастію. Одни полагаютъ его въ томъ, другіе въ другомъ; а мы въ занятіяхъ литературой и въ поэзій. Почему, уважая ея дарованія, мы захотѣли раздѣлить съ нею наши благородныя занятія и присоединить ее къ нашему обществу.» — Марья Петровна безпрестанно краснѣла; приподнималась со стула и говорила: «Помилуйте! чѣмъ я это заслужила?» — И подлинно, чѣмъ заслужила она такую комедію! — Мы всѣ едва могли удержаться отъ смѣха; наконецъ Князь, во время самаго произнесенія рѣчи, наклонился ко мнѣ, закрывъ себя отъ другихъ платкомъ, и я увидѣлъ, что онъ помираетъ со смѣху! — Кончилось засѣданіе; Князь вышелъ въ другую комнату, нахохотался въволю, и

я видѣлъ, что онъ совершенно доволенъ, что изъ его серьезнаго намбренія почтить талантъ прїѣзжей дамы, не думавъ не гадавъ, вышла такая комедія, тѣмъ болѣе, что дама не замѣтила этого и осталась тоже довольною.

Настала Святая недѣля. Въ это время Князю случилось быть нездоровымъ. Болѣзнь не важная: на рукъ нарывъ; но дѣло въ томъ, что ему неззя было надѣвать фракъ, следовательно и выѣзжать, а выѣхать въ широкомъ сертукъ онъ не рѣшался, потому что почиталъ это за невѣжливость. И дѣйствительно — тогда даже на публичныхъ гуляньяхъ всѣ бывали во фракахъ; одинъ только цвѣтъ фрака различалъ его употребленіе: темные цвѣта употреблялись для званыхъ обѣдовъ и баловъ, а синій и другіе свѣтлые — для утра и вообще для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ нынче надѣвается сертукъ или пальто. Я прїѣзжаю къ нему на Святой недѣль. Меня встрѣчаетъ добрая Книгиня и говоритъ: «что дѣлать съ Княземъ Иваномъ Михайловичемъ! Сидитъ въ кабинетъ и хандритъ! не можете ли вы какъ-нибудь выманить его подъ Новинское?» — Я сговорился съ зятемъ Князя, съ которымъ былъ друженъ съ университета, и пошли вмѣстѣ атаковать хандру Князя. — «Что вы, Князь, такъ печальны?» — «Отъ чего мнѣ быть веселымъ? Всѣ люди теперь веселятся; всѣ подъ Новинскимъ; я люблю быть на народѣ, люблю толчею (это его выраженіе). Понимаете? А долженъ сидѣть дома!» — «Да отъ чего жъ сидѣть дома?» — «Не могу надѣть фрака!» — «Да вы бы надѣли сертукъ, да и пошли!» — «Нѣтъ, сударь!» воскликнулъ съ жаромъ Князь: это только вы, нынѣшніе, можете себя позволить такую невѣжливость! Я не такъ воспитанъ!» и проч. — Какъ бы то ни было, но охота быть на народѣ превозмогла правила воспитанія, и Князь согласился идти съ нами подъ Новинское, только съ условіемъ, чтобы мы оттуда куда-нибудь его въ сертукъ не затащили. — Вотъ ходимъ мы подъ Новинскимъ. Ближе оттуда былъ домъ Вельяминовыхъ-Зерновыхъ, которыхъ семейство Князь любилъ страстно. Я потому болѣе упоминаю объ обстоятельствахъ этой прогулки, что съ того времени я сталъ вхожъ въ домъ ихъ, и потомъ женился на одной изъ дочерей этого

благословеннаго семейства. Князь замѣтилъ, что Вельяминовыхъ нѣтъ на гуляньѣ. — «Послушайте, говоритъ онъ, пройдемте мимо ихъ дома, только съ тѣмъ, чтобы къ нимъ не входить: я въ сертуку не пойду!» — Мы прошли мимо; никого нѣтъ у окошекъ. Наконецъ увидали насъ и зазвали къ себѣ. Князь отговаривался долге; наконецъ, какъ бы нѣхота, согласился, а самъ былъ очень доволенъ! Онъ воротился домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа; но старался хмурить брови, между тѣмъ какъ говорилъ Княгинѣ съ улыбкой: «вѣдь я зналъ, что куда-нибудь заташатъ! Представь себѣ: бѣди у Вельяминовыхъ!» — И вся хандра его прошла, какъ не бывало!

По наступленіи лѣта начинались обыкновенно у Князя загородныя прогулки и пикники. Можетъ быть нынче многими забыто это слово, или инымъ совсѣмъ не знакомо; и потому я считаю не лишнимъ объяснить его. Это тѣ же прогулки за городъ, назначаемыя заранѣе обществомъ мужчинъ и дамъ, съ условіемъ, чтобы каждый привезъ съ собою или что-нибудь съѣстное, или прохладительное, или бутылку вина, и тому подобное. Такимъ образомъ угощеніе приходится каждому не дорого, а все вмѣстѣ составляетъ иногда богатый полдникъ. Общество наше, составлявшее эти загородныя прогулки и пикники, было немногочисленно: кромѣ семьи Князя, собирались двѣ-три дамы, и тѣ же молодые люди, всегдашніе веселые собесѣдники добраго его семейства.

Кто знаетъ прекрасныя окрестности нашей величавой Москвы, тотъ знаетъ и то, что есть изъ чего выбрать мѣста для прогулокъ. Для нашихъ прогулокъ и пикниковъ избиралось: то Куислово, Петровское, Кунцово, то близъ лежащія дачи, то подмосковныя сады и рощи: и должно сознаться, что и нынѣ нельзя вспомнить безъ удовольствія этихъ пейзажковъ! Лѣтніе долги дни, зелень, молодость и всѣхъ одушевлявшая веселость: это было что-то идиллическое, какая-то наступшеская ноззіа, какая-то свѣжесть жизни, въ которой такъ и хотѣлось дышать, жить и наслаждаться природой и обществомъ. — Тутъ мы играли въ разныя игры,

бѣгали въ горѣлки, качались на качеляхъ и катались съ горъ, гдѣ ихъ находили; шумѣли, говорили, смѣялись; полдничали съ аппетитомъ молодости и усталости, расходились и опять сходились вмѣстѣ, и только съ наступленіемъ вечера возвращались въ родную Москву, веселье и довольные, какъ нынче, кажется, уже не веселятся молодые люди. Причиною этого можетъ быть то, что мы въ ранней молодости были удивительно какъ беззаботны.—Князь Иванъ Михайловичъ участвовалъ иногда въ нашихъ играхъ и забавахъ, и сколько могъ по своимъ лѣтамъ, не отставалъ отъ насъ!—Но случилось однажды, что мы, развеселившись и занявшись разными играми, какъ-то совсѣмъ объ немъ забыли; хватились его только къ полднику. Глядь: нѣтъ его!—Гдѣ же Князь Иванъ Михайловичъ?—Княгиня встревожилась; ищемъ, ищемъ, аумаемъ по роцѣ: нѣтъ его!—Что же? — Глядимъ въ даль, и видимъ, за полверсты отъ насъ, онъ одинъ одиначонокъ идетъ по дорогѣ въ Москву! Всѣ бросились догонять его, и никакъ не могли понять причины этого побѣга! Наконецъ она открылась. Князь, угрюмый и недовольный, какъ бы нехотя, объяснилъ намъ, что «онъ замѣтилъ, что намъ не нуженъ; такъ что же ему было тутъ одному дѣлать? Потому онъ и рѣшился уйти тихомолкомъ въ Москву!» — Мы поняли: старику хотѣлось, чтобы мы пригласили его въ наши игры; а самому вмѣшаться въ нихъ не хотѣлось! Ему хотѣлось *вниманія сердца*!—Сердце было для него — *все*; онъ не старѣлся сердцемъ, и потому имѣлъ полное право на подобное требованіе!

По этой пылкости сердца легко угадать, что онъ былъ въ молодости!—Говорятъ, что онъ былъ влюбчивъ и счастливъ въ любви, не смотрѣлъ на свою некрасивую наружность. Говорятъ даже, что эта слабость вводила его иногда въ затруднительныя положенія. Но первая супруга его, о которой всѣ, знавшіе ее, утверждаютъ, что она была ангельскаго нрава, которая любила его пламенно и умѣла отличить минутное отклоненіе поэта отъ неврности мужа, спасла живое и пылокое его сердце отъ многихъ съѣтъ и затрудненій, и одною своею нежностію выводила его опять на прямой путь любви и долга.

Вотъ какъ говорить объ ней, о своей Евгени, самъ поэтъ, при посвященіи ей нѣсколькихъ стихотвореній, написанныхъ послѣ ея смерти, въ ея воспоминаніе: «Сердце мое «кружилось, не умѣло быть постояннымъ, не стоило тебя— «это правда; но когда я входилъ въ внутренность его, когда «могъ его находить свободнымъ отъ паровъ пламеннаго во- «ображенія, я всегда зрѣлъ въ немъ образъ *Евгени* выше «всѣхъ въ свѣтѣ, и никакой иной предметъ не силенъ былъ, «въ этомъ чистилищѣ прямой любви, выдержать сравненія «съ тобою. Послѣ бурныхъ волненій страстей, послѣ порывистыхъ желаній обольщеннаго взора и ума, ты всегда находила мѣсто свое въ моемъ сердцѣ, и тебѣ курилъ я «жертву истинной любви.»

Далѣе вотъ какъ онъ говорилъ объ ней: «Она занимала «мой разумъ, украшала мое воображеніе, просвѣщала мое «понятіе, и останавливая нерѣдко на скольскомъ пути заблужденія, предупреждала пагубныя его послѣдствія; раздѣляя «съ терпѣливостію стонческою иго моея бѣдности, она безъ «ропота, сносила мои недостатки, плакала со мною о тѣхъ «бѣдствіяхъ, кои навлекалъ я на себя собственною своею «неосторожностію.»

Сколько стиховъ было писано имъ для женщинъ! Но надобно и то сказать, что въ его время—воспѣвать и прославлять красоту дамы, не скрывая даже ея имени, и писать ей о любви—это была привилегія поэта, которая никому не бросалась въ глаза, не оскорбляла ни чьей строгости и не почиталась предосудительною.—Прочтите стихи его современниковъ, Дмитріева, Карамзина и другихъ: вы найдете у всѣхъ стихи о любви, страстные стихи къ женщинамъ.—Дѣвственная наша поэзія началась съ Жуковскаго. Теперь наша лира отреклась и совсѣмъ уже отъ чувствъ сердца. Не знаю, лучше ли то время, когда поэты не отзываются чувству любви. Не отъ того ли мало по малу охладѣла наша поэзія!—Князь Иванъ Михайловичъ не могъ перенести этого измѣненія въ направленіи поэтовъ; я помню, что онъ упрекалъ бывало насъ, тогдашнихъ молодыхъ стихотворцевъ, что мы пишемъ іереміады, а не воспѣваемъ дамъ.

Онъ былъ столько же неженъ и пылокъ въ самой дружбѣ, неженъ до страсти, пылокъ до ревности! Онъ самъ выражалъ это въ стихахъ своихъ, въ этомъ вѣрномъ зеркалѣ души его:

Однако всуе мнать, о дружбѣ разсуждая,
 Что будто другъ прямой не можетъ жарокъ быть,
 Что будто долженъ онъ безъ ревности любить;
 Короче: все равно, что другъ, что дикой камень.
 Ахъ нѣтъ, Глафира, нѣтъ! и въ дружествѣ есть пламень!
 Любовникъ—это пыль; а другъ — есть тотъ огонь,
 Который свѣтелъ, тихъ, но чуть его лишь тронъ,
 Усился, и онъ зажжетъ, что прикоснется,
 И мрачнымъ клубомъ дымъ его тотчасъ завьется!
 Я съ ревностью всегда друвей своихъ люблю,
 И въ сердцахъ ихъ ни съ кѣмъ стать радомъ не терплю!

Мудрепо ли послѣ этаго, что онъ желалъ и почти требовалъ, чтобы его любили для него самаго, а не по отношеніямъ къ родству, или къ другимъ лицамъ. Если онъ замѣчалъ даже, что ему оказываютъ почетъ и уваженіе по расчетамъ, или изъ какихъ-нибудь, хотя самыхъ безкорыстныхъ видовъ: это его выводило изъ терпѣнія!—Припомню одинъ примѣръ этому. Одинъ изъ Московскихъ жителей, В. А. В., любившій приглашать на званые обѣды, любилъ также изъ тщеславія, чтобъ за этими обѣдами были чиновныя лица и хоть кто-нибудь со звѣздою. Князь Иванъ Михайловичъ, который не выѣзжалъ никуда на обѣды безъ звѣзды, какъ скоро начиналъ одѣваться, чтобы ѣхать на обѣдъ къ В., кричалъ своему камердинеру: «Левушка! пори съ фрака звѣзду!» и къ большому смущенію хозяина всегда, бывало, явится къ нему на обѣдъ безъ звѣзды. Что за любящая душа, которая, оставляя чванство, столь пріятное для многихъ, хочетъ, требуетъ, чтобы ее любили за нее самое, а не по наружнымъ знакамъ почестей!

Странности его были неизъяснимы; еще неизъяснимѣе удовольствіе, которое онъ находилъ въ своихъ шуткахъ и поговоркахъ: если можно чѣмъ объяснить ихъ, то развѣ

чуднымъ избыткомъ веселости, которая не могла удержаться въ берегахъ и лилась черезъ край! — У него были даже особыя слова и выраженія, которыя понимали только тѣ, которые привыкли къ его балагурству. На примѣръ, вмѣсто «играть на театрѣ» онъ говаривалъ какъ въ простомъ народѣ о балаганахъ: «комедь ломать!» Прыжки съ разными тѣло-движеніями онъ называлъ: «колыца дѣлать» Забавляться, шутить, веселиться—это было на его языкѣ: «дрянь дѣлать». — Стукнуть двоихъ другъ о друга лбами, на примѣръ дѣтей, онъ называлъ: «faire une cognette!» — Однажды, въ минуту отъѣзда на загородную прогулку, онъ роздалъ каждому изъ молодыхъ людей по надписи къ портрету, въ которыхъ не было никакого смысла, только затѣмъ, чтобы всѣ расхохотались этой неожиданности.

Иногда говорилъ онъ важно и плавно; иногда любилъ употреблять самыя простонародныя слова, которыя встрѣчаются и въ стихахъ его, на примѣръ: «И скука сердца *не замай*» — вмѣсто «не трогай». — Къ его особенностямъ можно причислить и почеркъ письма его, который рѣшительно невозможно было разобрать, развѣ послѣ долгаго изученія и пріобрѣтѣя большой навѣкъ къ чтенію его писемъ. Мнѣ случалось получать отъ него записки: я посылалъ читать ихъ къ его дочери. Будучи въ Сибирскѣ, я получилъ отъ него однажды письмо изъ Москвы, и принужденъ былъ, не прочтя его, писать въ Москву и просить истолкованія. Многіе писали о томъ, что почеркъ имѣетъ связь съ характеромъ пишущаго. Если это такъ, то почеркъ Князя Ивана Михайловича можно было объяснить необыкновенною живостію его природы: рука его не успѣвала слѣдовать за быстротою мысли. Всѣ сочиненія Князя, даже записки о его жизни, немедленно по написаніи, переписывали на бѣло его дѣти, привыкшіе уже разбирать его руку; иначе онъ оставался бы никому недоступнымъ, какъ дипломатическій шифръ. — Да! онъ былъ уменъ, чувствителенъ, веселъ, пылокъ, нетерпѣливъ, и во всемъ оригиналенъ.

Описавши образъ жизни Князя Ивана Михайловича, его веселость, его шутки, его хандру, его странности, однимъ

словомъ, всё, что бросалось въ глаза съ перваго взгляда, я опасался, чтобъ читатели, не знавшіе его лично, не сдѣлали слишкомъ легкаго и превратнаго заключенія о характерѣ и свойствахъ этого замѣчательнаго человека и оригинальнаго поэта. И такъ, я скажу, что не смотря на всю свободу, которую позволялъ себѣ Князь въ домашнемъ короткомъ обращеніи, онъ умѣлъ однако заслужить уваженіе къ своему образу мыслей и къ своимъ нравственнымъ свойствамъ; ибо основаніемъ ихъ были: здравый умъ, ясность души, прямота, чувствительность и чистосердечіе. Онъ не былъ ни въ чемъ педантомъ и не любилъ важничать; но когда говорилъ о предметахъ важнаго содержанія, его чувство и разумъ погружались легко и свободно въ иную сферу мыслей, которыя были ему не чужды, но которыхъ онъ, такъ сказать, не любилъ сорить передъ народомъ. Онъ былъ набоженъ по своему: больше по чувству растроганнаго сердца, нежели по глубокому размышленію; а это едва ли не лучшее! — Я видалъ его цѣлую недѣлю, ежедневно, во время говѣнья, въ домово́й его церкви: онъ не развлекался ни на одну минуту; самъ читалъ вмѣсто причетника во все продолженіе богослуженія, и не смотря на старость, не показывалъ ни малѣйшаго утомленія во все время продолжительной великопостной службы. Онъ хорошо зналъ церковный уставъ; съ малолѣтства, какъ я сказалъ выше, приученъ былъ къ чтенію церковныхъ книгъ, и любилъ великолѣпіе нашего православнаго богослуженія.—При его веселости, при его склонности смѣшнить и смѣяться, никогда не вырывалось у него ни малѣйшей насмѣшки ни надъ кѣмъ, тѣмъ менѣе ни малѣйшей шутки, похожей на кощунство.—Замѣтимъ еще, что по своему воспитанію, по времени своей молодости, онъ принадлежалъ къ тому времени, когда вольтеріанство было въ модѣ, когда подобныя шутки были у свѣтскихъ людей ни почемъ, и когда остриться на счетъ предметовъ религіи было почти доказательствомъ остроумія.

Въ обращеніи съ нимъ всѣ оказывали ему уваженіе, всѣ цѣнили его умъ и доброту сердца. Молодые люди, съ которыми онъ шутилъ и балагурилъ, сколько душъ угодно, и

которымъ онъ позволялъ иногда шутить съ собою, какъ съ ровестникомъ, никогда не забыли ни лѣтъ его, ни чина, ни природныхъ его отличій ума и таланта; тѣмъ болѣе — не смѣли при немъ забыться!

За то онъ и самъ умѣлъ уважать достоинство. Онъ уважалъ заслуги, уважалъ людей высокаго званія, особенно когда они соединяли съ нимъ и высокую душу; о прочихъ молчалъ и никогда не высказывалъ своего мнѣнія. Кто ему дѣлалъ зло, о тѣхъ людяхъ онъ иногда только намекалъ мимоходомъ; по никогда не распространялся о нихъ въ разговоръ: онъ какъ будто мстилъ имъ забвеніемъ! Изрѣдка только встрѣчаются въ его сочиненіяхъ горькіе упреки, которыхъ впрочемъ нельзя отнести ни къ кому лично. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе стихи:

Съ людьми потерся я довольно!
Они меня кусали больно.
Пора ихъ раны залечить!
Тѣснѣй съ природою сойтись,
У ней быть счастливымъ учиться
И мирну старость довершить!

—
Медвѣдь въ берлогѣ потаенной
И тотъ прохожимъ путь даетъ;
И только голодомъ стѣсненный
Добычу хищну увлечетъ:
Зарѣжетъ въ мигъ и черепъ вскроетъ;
Но духъ исчезъ — ужъ тварь не ностъ!
А человекъ, когда нападъ,
Сперва легонько жертву ранитъ,
Растравитъ язву, тамъ тиранитъ,
Еще не сытъ — вонзаетъ кинжалъ!

Но благодарность была въ немъ памятлива и велерѣчива. Къ Московскому университету, какъ къ мѣсту своего образованія, онъ сохранилъ постоянное уваженіе до конца дней своихъ. Ему посвятилъ онъ послѣднее полное изданіе своихъ сочиненій. Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ предисловіи къ этому изданію:

«Назвавъ книгу мою: *Бытіе моего сердца*, я привожу себя на память все бытіе мое моральное, и вездѣ нахожу непрерывающуюся нить благодѣяній ко мнѣ университета.»

«Подъ снѣноу его я озарился первыми лучами уметвеннаго свѣта. Въ немъ провелъ юность и выпущень на поприще жизни гражданской. — Служба и обстоятельства, казалось, разорвали союзъ мой съ университетомъ въ продолженіе возмужалости моей; но университетъ не забылъ своего питомца, и я напоследокъ призванъ былъ къ отличію носить званіе почетнаго его члена. Дипломъ его пребудеть неизгнѣннымъ для меня приобрѣтеніемъ!»

«Кто изъ смертныхъ, вляясь на житейскомъ морѣ, не сражался съ волнами его, когда оно воздвигалось напастей бурей? — Провидѣніе и мнѣ готовило свои злоключенія! — И тогда, когда я могъ, подражая огорченному чувству порочноноснаго пѣснопѣвца, съ воплемъ изрещи: ближніе мои далече мене стаща; и тогда, кто протянулъ мнѣ дружескую руку? Кто притупилъ жало злобы? Кто смягчилъ язву отчаянія? — Паки и паки университетъ! — Хладнокровно взирая на коловратность отношеній мірскихъ, онъ удостоилъ меня новой чести, толико уважительнѣйшей, колико паче униженъ я былъ въ своей собратіи — и нарекъ меня почетнымъ членомъ учрежденнаго въ немъ Общества Любителей «Россійской Словѣсности.»

«Такъ поступалъ со мною университетъ во всѣ эпохи жизни моей, всегда равно, и въ счастіи и въ несчастіи, въ вѣдро и въ туманъ, въ торжество и въ униженіи. Я ли забуду сію златую колыбель моего моральнаго младенчества!»

Такъ! не смотря на свои преклонныя лѣта и знаки почестей, прибрѣтенные службой, не смотря на почетную извѣстность по своему поэтическому таланту, бывшему въ свое время въ славу, онъ принялъ званіе члена общества не такъ, какъ должную дань его литературной извѣстности, но какъ почесть, которую онъ цѣнилъ дорого. Не довольствуясь однимъ титломъ члена, какъ многіе изъ почетныхъ старыхъ литераторовъ, онъ счелъ обязанностію своею участвовать и въ

трудахъ общества. Нѣкоторые изъ его лучшихъ стихотвореній были читаны въ публичныхъ засѣданіяхъ общества и напечатаны въ изданныхъ имъ книгахъ.

Таковъ былъ Князь Долгорукой.—Заговорите объ немъ съ кѣмъ хотите изъ его знакомыхъ: ни одинъ не вспомнитъ объ немъ безъ глубокаго вздоха! Всякой приведетъ себя на память его живой разговоръ, его любезность, и тысячу пріятныхъ минутъ, которыхъ онъ былъ душою!—*Никто изъ нихъ не забылъ его!*—Оставить по себѣ такую память, черезъ 25 лѣтъ послѣ своей смерти, нельзя, не имѣвши истинныхъ достоинствъ; но главное изъ нихъ то, что онъ самъ умѣлъ любить горячо, что онъ имѣлъ любящее сердце.—И этого-то человѣка люди не оставили въ покоѣ! И этотъ человѣкъ испыталъ ихъ холодность и разрывы связей, и его язвили, когда счастье оборотилось къ нему спиною!— Не смотря на свою пылкость, онъ переносилъ черные дни благодушно; въ немъ осталось только чувство унылости и грусти, которое часто находило на него подъ конецъ его жизни!— Какъ прекрасно выражена эта грусть въ началѣ его стихотворенія: *Послѣдняя пѣснь моимъ современникамъ:*

Оставимъ чашу круговую!
 Вся сладость въ ней истощена!
 Забудемъ юность золотую!
 Какъ вихрь умчалася она!
 Подъ старость станемъ къ жизни вѣчной
 Готовить разумъ свой безпечной!
 Кто знаетъ, сколько разъ шагнуть
 Еще дозволить Провидѣнье,
 Доколѣ въ горнее селенье
 Оно душѣ укажетъ путь!

Померкло яркое свѣтило,
 Которымъ нѣкогда любовь
 Красу подсолнечной двоила
 И поминутно грѣла кровь!
 Исчезли тѣ очарованья,
 Въ которыхъ всякаго желанья

Успѣхъ казался раемъ намъ!
 И сердце—сладкой соблазнитель,
 Столь многихъ идоловъ обитель,
 Въ пустынный превратилось храмъ!

Вотъ чѣмъ оканчивается поэтъ эту послѣднюю пѣснь
 своимъ современникамъ:

О мѣръ! караль меня ты строго,
 Любя сѣдинъ моихъ позоръ!
 Душѣ, изъязвленной столь много,
 Лишь неба нуженъ тихой взоръ!
 Когда жъ глаголь его священный,
 Столь страшный, вмѣстѣ столь блаженный,
 Во мнѣ раздастся : умирай!
 Тогда , исполнивъ злобы мѣру ,
 Забудь вражду , и вспомянъ гробу ,
 Хоть гробу правый судъ воздай!

Здѣсь, черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ его кончины,
 въ первый разъ воздается правый судъ его гробу!

Замѣчательно, что и Капнистъ и Князь Долгорукой ,
 оба въ послѣдніе годы своей жизни, написали стихи, испол-
 ненные грустнаго предчувствія. Капнистъ написалъ: *Въ па-
 мять Береста*; а Князь Долгорукой: *Взглядъ старца на
 заходящее солнце*. Вотъ нѣкоторые куплеты:

Красно солнышко садится ,
 Слышу колоколь Донской;
 Изъ очей слеза струится ,
 Духъ объемлетъ тоской.
 Скоро , скоро , солнце красцо ,
 Я послѣдую тебѣ;
 Окончавши вѣкъ ненастной ,
 Заплачу свой долгъ судьбѣ!

Скоро духъ угомонится!
 Злые вѣстники пришли ;
 Подзываютъ спать ложиться
 На сыру постель земли!

Жизнь, как молнія, сверкнула!
 Гдѣ ты, призракъ дорогой?
 Буря смертная подула;
 Громъ гремитъ: онъ роковой!

.....

Не минетъ меня лихая!
 Гнется выя, серпъ готовъ;
 Лютымъ недугомъ страдаю,
 Вижу гроба близкой кровь.
 Какъ щепя въ рѣкѣ — съ волною
 Притекаетъ къ берегамъ,
 Такъ и я, влекомъ судьбою,
 Проплылъ жизнь — и скорѣ тамъ!

Тамъ, гдѣ всѣ сливалась вѣки,
 Временамъ кладутъ предѣлъ;
 Гдѣ приѣмлютъ человѣки
 Казнь, или славу здѣшнихъ дѣлъ!
 Все по мнѣ пребудетъ тоже:
 Наки солнышко взойдетъ;
 Другъ придетъ — заглянетъ въ ложе,
 Но души ужъ не найдетъ!

Передъ кончиной Князя Долгорукаго, года за полтора, я уѣзжалъ изъ Москвы и во все это время не видалъ его. Возвратясь, я нашелъ его такимъ же, какимъ оставилъ; но уже чаще прежняго замѣчалъ въ немъ унылость. Его лечилъ молодой докторъ, искусный и привязанный къ семейству Долгорукихъ; но не постигъ его болѣзни. Призвали Мудрова; но поздно: и тотъ не могъ уже оказать никакой помощи. Больной былъ однако почти все на ногахъ. Въ день кончины, утромъ, онъ всталъ, умылся, одѣлся, сѣлъ въ кресла и сказалъ: «Я готовъ!» — Приѣхала навѣстить его К. Г—ва. Онъ спросилъ ее по французски: «чѣмъ будете меня

вспоминать?» — Она отвѣчала очень некстати: «любезностью, которой нѣтъ подобной!» — Онъ огорчился этимъ и сказалъ со вздохомъ: *C'est donc là le souvenir que je laisse après moi?... Hélas! ce n'est que du cinquant!* Такъ вотъ какую я память послѣ себя оставляю?... Это одна шумиха!» — Часа за два до кончины, онъ все говорилъ: «что же вы не позовете ко мнѣ Рафаила?» (младшаго его сына, Князя Михайлу, который былъ въ отсутствіи.) «Онъ пріѣхалъ изъ Петербурга, и стоитъ тамъ у дверей!» — Замѣчательно, что этотъ сынъ умеръ вскорѣ послѣ него и первый изъ всего семейства. — Между тѣмъ, часа за полтора до смерти, онъ написалъ записку къ А. О. В. З. и обошелъ всѣ комнаты: что доказываетъ, что онъ былъ въ полной памяти. Въ продолженіе своей болѣзни онъ исповѣдывался и приобщился Св. Таниъ; во всю болѣзнь читалъ псалтирь, который любилъ преимущественно. Скончался вдругъ, безъ страданій, 4 Декабря 1823 года. Я пріѣзжалъ къ нему въ это утро, по случаю именинъ его дочери. Едва я отъѣхалъ отъ крыльца, его уже не стало! Послѣ его кончины продолжали идти столовые часы, которые онъ заводилъ въ то утро.

Всѣ знакомые, и званые и незваные, собрались отдать послѣдній долгъ доброму человѣку; не дали поставить его гробъ на обыкновенную погребальную колесницу и несли на своихъ рукахъ до самой могилы. — Онъ погребенъ въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ общее мѣсто погребенія этого семейства Князей Долгорукихъ. Погребеніе его было не пышное, какъ онъ самъ завѣщалъ въ извѣстныхъ стихахъ своихъ; только не исполнилось его желаніе быть погребеннымъ на Филлахъ. Вотъ его *Завѣщаніе*, изъ котораго я выписываю нѣкоторыя строфы. Другаго онъ не оставилъ.

Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
 Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ!
 На мѣстѣ семъ меня разбудить
 Одиный гласъ трубный въ небесахъ!
 Тогда со всѣхъ концовъ вселенной
 На страшный судъ величавый

Сжуются люди волжних вѣр;
 Цари смѣшаются съ рабами,
 Безумцы стануть съ мудрецами,
 Съ ханжой столкнется наувѣръ!

.....
 Не спросать тамъ, въ какомъ кто гробъ
 Лежалъ дотоль въ земной утробъ
 И былъ ли онъ парчей одѣтъ;
 Съ палубой ли въ землю опустили,
 Иль просто въ саванъ свалили;
 Вопросъ: какъ жилъ? — давай отвѣтъ!

И я, проснувшись на кладбищѣ,
 Что подь Филими за Москвой,
 Предстану также на судище,
 Гдѣ станеть земнородныхъ строй!

.....
 О вы, друзья мои любезны!
 Не ставьте камня надо мной!
 Всѣ ваши бронзы бесполезны;
 Онъ души не скрасятъ злой!
 Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
 И въ кучѣ тѣлъ простонародныхъ
 Пускай ислѣветъ мой составъ!
 Повѣрьте, съ кѣмъ ни схоронится,
 Земля все въ землю обратится:
 Съ равенство природныхъ правъ!

.....
 Печальныхъ картъ не посылайте
 И черныхъ платевъ не вадѣвайте;
 Пустой убытокъ, пышный вздоръ!
 Ни въ дождь, ниже во время язо,
 Не мучьте вкругъ меня напрасно
 Богатыхъ пастырей соборъ!

Молитесь Богу лучше вѣчну,
 Созвавъ убогихъ и спроть,
 Чтобъ онъ пучину безконечну
 Авиль и мнѣ своихъ щедроть;
 Чтобъ Онъ врагамъ моимъ прощая
 И клятвы ихъ съ меня слагая,
 Въ Эдемской рай мой духъ вселилъ!
 Предъ Богомъ словъ не надо много;
 Душевный вздохъ къ нему дорога;
 Онъ самъ ее намъ проложилъ!

Не славьте вы меня стихами;
 Они ненужны мертвецамъ!
 Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
 Какъ онимъ жертвовать я вамъ.
 Стихи отъ ада не избавятъ,
 Въ рай блаженства не прибавятъ;
 Въ нихъ только гордость и тщета!
 Протокъ воды, двѣ три березы,
 Да ближнихъ искреннія слезы —
 Вотъ монументовъ красота!

Это желаніе, быть погребеннымъ на Фляхъ, было въ немъ кажется, не одною стихотворческою мыслию. — Какъ часто заставлялъ я его въ лѣтній вечеръ, сидящаго уныло на своей террасѣ (обращенной къ саду, изъ за котораго видны были окрестности Москвы) и смотрящаго на Фили, на кладбище. — Это такъ осталось у меня въ памяти, что я выразилъ эту картину въ одной изъ моихъ *Московскихъ Элегій*, которую да позволено мнѣ будетъ здѣсь помѣстить въ память незабвеннаго старца:

Здѣсь онъ бывало сидѣлъ передъ домомъ на ветхой террасѣ,
 Глядя съ уныніемъ вдаль, на кладбище Фили за Москвою.
 Мы, молодежь, вокругъ него хохотали, шумѣли, играли;
 Онъ не мѣшалъ, но съ улыбкой и шуткой вступалъ въ разговоры:
 Думалъ о смерти; а жизни былъ радъ, какъ осеннему солнцу!

Жизни былъ радъ; а о смерти мечталъ! — Такъ радъ гость
угощенью;

А задумавшись, вспомнить подъ часъ, что нора восвоиса!
Но для насъ мысль о смерти была — далека въ безпредѣльномъ
Новомъ пространствѣ пути, озаряемомъ юности утромъ,
Солнцемъ весеннимъ любви! — И дивились мы чудному старцу!

Такъ! Мы дивились ему, что онъ юношамъ духомъ ровестникъ,
Что шутиливую лиру спускалъ онъ на грустные тоны,
Что гонимый людьми, онъ, какъ братьевъ, любилъ челоуѣковъ,
Что пзмѣчивость міра познавъ, онъ привязанъ былъ къ міру,
Что онъ къ жизни любовь сочеталъ съ равнодушіемъ къ смерти!

Гдѣ же вся эта семья, столь радушная къ юности нашей?
Холодомъ смерти и вѣтромъ судьбы разбросало ихъ розно!
Домъ ихъ валится давно, дворъ заглохъ подъ густою крапивой,
И дорога къ крыльцу поросла непривѣтной травой,
И давно мы, давно въ сѣдинахъ, молодые ихъ гости!

Замѣчательно, что молодой докторъ Гольдбахъ, кото-
рый лечилъ Князя Долгорукаго, пережилъ его не долго.
Мудровъ, изъ любви къ истинѣ и къ наукѣ, открылъ ему,
со всею откровенностію честнаго челоуѣка и со всею оче-
видностію ученаго врача, его ошибочный взглядъ на болѣзнь:
это такъ поразило честнаго молодого медика, что онъ отка-
зався отъ практики, впалъ въ меланхолію, и черезъ корот-
кое время послѣдовалъ во гробъ за своимъ пациентомъ.

Да! Домъ Князя Ивана Михайловича опустѣлъ, иные
умерли, иные развѣхались въ разныя стороны! — Провзжая
мимо его, я всегда съ грустію вижу, что дворъ заглохъ тра-
вою, и нѣтъ уже дороги къ крыльцу, къ которому мы не-
когда подъвзжали съ такимъ ожиданіемъ веселья!

Мих. Дмитриевъ.

26 Авг. 1849. С. Б.,

24 Янв. 1851. М.

ОБЪ УСПѢХАХЪ МЕТЕОРОЛОГІИ.

«Часто въ свободные часы, смотря на небо, не безъ сожалѣнія привожу на память, что многія главы натуральной науки и въ малѣйшихъ частяхъ своихъ весьма ясно истолкованы, но знаніе воздушнаго круга еще великою тьмою покрыто.»

Вотъ какими словами выражаетъ свое прискорбіе о неудовлетворительномъ состояніи Метеорологіи въ его время, отецъ Русской Словесности, посвятившій значительную часть своей ученой дѣятельности внимательному изслѣдованію внешней природы.

И въ наше время Метеорологія (*знаніе воздушнаго круга*) еще далека отъ того совершенства, до котораго доведены другія части Естествовѣдѣнія (*натуральной науки*), не смотря на множество блестящихъ открытій, сдѣланныхъ въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ, какъ вообще въ области *Физики* и *Химіи*, такъ и въ частности, относительно метеорологическихъ вопросовъ. — По этому считаю весьма приличнымъ настоящему случаю, въ предлагаемой мною бесѣдѣ, обозрѣть общій ходъ дѣятельности ума человѣческаго въ познаніи *законовъ природы*, преимущественно со стороны приложенія ихъ къ объясненію атмосферныхъ явленій и въ мѣствъ съ тѣмъ выкинуть въ тѣ причины и обстоятельства, которыя такъ долго останавливали и до сихъ поръ останавливаютъ еще успѣхи Метеорологіи.

Счастливымъ себя почту, если мое слово приведетъ васъ къ ясному убѣжденію, что *великая тьма, покрывавшая Метеорологію*, при быстрыхъ и постепенныхъ успѣхахъ другихъ частей Естествовѣдѣнія въ наше время, съ такою же быстротою и постепенностію начинаетъ разсѣиваться.

Въ существованіи постоянныхъ и непреложныхъ законовъ, которыми поддерживается и сохраняется видимый нами

міръ, никто никогда не сомнѣвался и не можетъ сомнѣваться. Въ самомъ дѣлѣ, удивляясь строгой послѣдовательности и взаимной подчиненности тѣхъ явленій внѣшней природы, которыя повторяются весьма часто и всегда, или въ одномъ и томъ же порядкѣ, или въ одинаковыхъ между собою сочетаніяхъ, человекъ невольно приходитъ къ убѣжденію, что въ природѣ нѣтъ ничего случайнаго. И дѣйствительно, это убѣжденіе болѣе или менѣе сознательно и ясно выраженнымъ мы находимъ, и въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ древнихъ образованныхъ народовъ, и между дикими племенами находящимися на самой низшей степени умственнаго развитія.

— Недоумѣвая въ тѣхъ случаяхъ, когда прежній порядокъ, или прежнее сочетаніе явленій какимъ нибудь образомъ по видимому измѣнялись, человекъ никогда не терялъ этого святаго убѣжденія, по сознавалъ только въ ограниченности своего разумнія, — въ своемъ невѣдѣніи всѣхъ законовъ. И если онъ не останавливался на одномъ только этомъ сознаніи, если онъ съ большимъ вниманіемъ замѣчалъ всѣ обстоятельства, при которыхъ происходили подобнаго рода нарушенія прежняго порядка, если наконецъ онъ соображалъ ихъ какъ между собою, такъ и съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ обыкновенный порядокъ строго соблюдался; то кругъ его познаній расширялся болѣе и болѣе: въ систему извѣстныхъ ему *законовъ природы* онъ постепенно внѣсилъ новое, — а чрезъ то прежнее убѣжденіе его становилось тверже и сознательнѣе; отдѣльныя, независимыя между собою до того времени истины, получая для него явную связь, приводились къ единству. Изъ множества примѣровъ, доказывающихъ справедливость сказаннаго мною, и сохранившихся въ исторіи человеческого образованія, я приведу только слѣдующіе: со временъ Аристотеля многія явленія выводимы были изъ одного общаго положенія, принимаемаго за *аксіому*: *природа не терпитъ пустаго пространства* (*natura horret vacuum*); но въ половинѣ XVII-го столѣтія одно явленіе, явно противорѣчащее этому общему положенію, обратило на себя вниманіе. Вода въ насосѣ, поставленномъ во Флоренціи, не поднималась выше 32 футовъ и оставляла между своего

поверхностию и поршнемъ пустое пространство. Это явленіе привело Торичелли къ открытію тяжести воздуха, и къ болѣе разумному объясненію тѣхъ явленій, которыя прежде объясняемы были отвращеніемъ природы отъ пустоты (*horror vacui*); — испареніе жидкостей въ свободномъ воздухѣ, также со времянь Аристотеля, сравнивали съ раствореніемъ солей въ водѣ и объясняли оное растворяющею способностію воздуха; но съ открытіемъ барометра и воздушнаго насоса, также въ половинѣ XVII-го столѣтія, мало по малу убѣдились, что въ безвоздушномъ пространствѣ испареніе происходитъ еще быстрее. Это обстоятельство повело впоследствии къ изученію свойствъ паровъ, которые совершенно отличны отъ постоянныхъ газовъ и играютъ весьма важную роль въ атмосферныхъ явленіяхъ. Поднятіе дыма и нагрѣтаго воздуха вверхъ и другія подобныя явленія объясняли особеннымъ свойствомъ (*qualitas occulta*) огня стремиться къ верху, принимая огонь за особенный элементъ. Послѣ открытія водорода (1766 г.) изслѣдованія законовъ разширенія тѣлъ отъ нагрѣванія, стали объяснять всѣ эти явленія, уже не прибѣгая ни къ какимъ таинственнымъ свойствамъ (*qualitates occultae*), но, въ связи съ другими явленіями, по законамъ всеобщаго тяготѣнія.

Идя такимъ путемъ въ изученіи внѣшней природы, человѣкъ подвигался впередъ, болѣе или менѣе быстро, въ различныхъ отрасляхъ этого изученія, смотря по тому, на какой рядъ явленій преимущественно обращено было его вниманіе и какіе предметы, по своей сущности, или по отношенію къ его познавательнымъ способностямъ, были для него доступны. По мѣрѣ накопленія приобретаемыхъ такимъ образомъ свѣдѣній, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, не въ видѣ мертваго капитала, но всегда съ возрастающими процентами, необходимо стало раздѣлить науку о внѣшней природѣ (*Naturlehre*) на отдѣльныя части, которыя мало по малу пріобрѣтали самостоятельность.

Сравнивая теперь между собой успѣхи ума человѣческаго въ познаніи истинъ, относящихся къ этимъ отдѣльнымъ частямъ Естествознанія, надобно бы, кажется, ожи-

дать, что Метеорологія, какъ Наука, имѣющая предметомъ своимъ явленія, происходящія въ атмосферѣ, и притомъ на самой почти поверхности земли, — гдѣ человекъ живетъ и движется, — въ воздухѣ, которымъ онъ дышетъ и отъ котораго составленія котораго видимымъ образомъ зависитъ все его земное благосостояніе, далеко опередила всѣ другія, соподчиненныя съ нею, отрасли нашего вѣдѣнія. И при всемъ томъ на дѣлѣ выходитъ совершенно противное: *знаніе воздушнаго круга еще великою тьмою покрыто*, говорилъ Ломоносовъ, смотря на небо только за сто лѣтъ до насъ, въ то время, когда другія части Естественнаго вѣдѣнія приведены уже были въ болѣе или менѣе стройныя системы. — Безъ всякаго сомнѣнія, при подобныхъ вопросахъ, болѣе всего поражаетъ всякаго рѣзкая противоположность между успѣхами Астрономіи и Метеорологіи. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ Астрономія, имѣющая предметомъ своимъ самыя отдаленныя отъ насъ явленія, — явленія, происходящія въ неизмѣримомъ пространствѣ небесъ, по справедливости всегда гордилась и преимущественно въ наше время гордится строгимъ построениемъ своей системы, какъ Науки, достигшей полнаго совершенства, и изумительною точностію конечныхъ своихъ выводовъ, Метеорологія едва только заслуживаетъ названіе самостоятельной науки, — едва только выходитъ, если можно такъ выразиться, изъ колебелки. — Нельзя не остановиться на такомъ странномъ явленіи въ области нашей умственной дѣятельности; нельзя не спросить себя: отъ чего происходитъ такое логическое противорѣчіе?

Ужели небесныя явленія сильнѣе дѣйствуютъ на насъ и крѣпче приковываютъ, такъ сказать, къ себѣ наше вниманіе, чѣмъ атмосферныя или земныя? Или Метеорологи, въ изысканіяхъ своихъ блуждаютъ слѣдуя ложному направленію, и не могутъ открыть прямого пути, ведущаго прямо къ цѣли?

Но на такія предположенія трудно согласиться. Измѣненія во взаимномъ положеніи нѣкоторыхъ свѣтилъ небесныхъ, замѣтны только для внимательнаго и зоркаго наблюдателя, тогда какъ почти непрерывныя перемѣны въ состояніи нашей атмосферы ощутительны для каждого; одно уже это обстоя-

тельство достаточно принять въ расчетъ, чтобы отвергнуть первое предположеніе.— Путь къ изученію тѣхъ и другихъ явленій одинъ и тотъ же: наблюденіе, въ обширномъ смыслѣ этого слова, и правильные выводы изъ него, по законамъ Логикѣ; другаго пути къ изученію внѣшней природы мы не знаемъ; — слѣд. и второе предположеніе не разрѣшаетъ нашего вопроса.

И такъ, нѣтъ сомнѣній, что причина различныхъ успѣховъ въ столь близкихъ между собою наукахъ, каковы Астрономія и Метеорологія, заключается въ самой сущности вопросовъ, въ нихъ разсматриваемыхъ. И дѣйствительно, обращаясь къ этимъ вопросамъ, мы скоро дойдемъ до убѣжденія, что замѣдленіе успѣховъ Метеорологіи происходитъ, между прочимъ, отъ слишкомъ большой близости къ намъ атмосферныхъ явленій, при которой мы невольно обращаемъ одинаковое вниманіе на всѣ ихъ подробности, и предлагаемъ себѣ относительно ихъ столько вопросовъ, что долго остаемся въ нерѣшимости, на кокой изъ нихъ прежде всего отвѣчать слѣдуетъ.

Для объясненія своей мысли, я воспользуюсь слѣдующимъ сравненіемъ: при разсматриваніи далекихъ предметовъ простымъ глазомъ, мы не можемъ замѣтить всѣхъ подробностей, имъ свойственныхъ, ни относительно ихъ формы, ни относительно ихъ перемѣщенія, если они находятся въ движеніи: — не говорю уже о другихъ наружныхъ или внутреннихъ ихъ свойствахъ. — Поверхности, въ различной степени шероховатая, кажутся намъ въ одинаковой степени ровными и гладкими; формы болѣе или менѣе овальныя представляются совершенно почти круглыми или шаровидными; движеніе по направленіямъ непрестанно измѣняющимся то въ ту, то въ другую сторону, мы принимаемъ или прямолинейнымъ (между извѣстными предѣлами), или правильно криволинейнымъ. Подходя ближе, мы постепенно замѣчаемъ отступленія отъ казавшейся намъ прежде правильности; — мало по малу открываемъ другія подробности, болѣе или менѣе подстрекающія нашу любознательность. При разсматриваніи же близкихъ предметовъ, мы невольно обращаемъ наше вниманіе вдругъ, на всѣ такія подробности, потому, что

всѣ онѣ болѣе или менѣе сильно дѣствуютъ на наши чувства. Точно также и въ явленіяхъ, наблюдаемыхъ нами вѣдуть, со всѣми ихъ подробностями, мы не такъ легко можемъ замѣтить какое либо сходство въ общемъ ихъ ходѣ, какую либо правильность или общій законъ, какъ замѣчаемъ его въ тѣхъ явленіяхъ, подробности которыхъ мы открываемъ и изучаемъ постепенно. Такимъ образомъ, весьма неточныя наблюденія древнихъ надъ движеніемъ свѣтилъ небесныхъ, привели ихъ прежде всего къ заключенію, что планеты движутся по круговымъ линіямъ; болѣе точныя наблюденія послѣдующихъ Астрономовъ не согласовались съ этимъ заключеніемъ и привели къ открытію эллиптическаго движенія планетъ около солнца, а наконецъ еще точнѣйшее наблюденіе открыли отступленія и отъ эллиптическаго движенія такъ называемыя *возмущенія*, — объясняемыя въ настоящее время до малѣйшей подробности теоріею всеобщаго тяготѣнія. Такъ, при постепенномъ изученіи этого предмета, по самому свойству его, переходъ былъ отъ простѣйшаго къ болѣе и болѣе сложному, — отъ общаго къ частному или къ подробностямъ. При изслѣдованіи же атмосферныхъ явленій намъ возможенъ только обратный путь: тутъ мы должны отъ частныхъ переходить къ общему, отъ сложнаго къ простому. Нельзя не согласиться, что этотъ путь гораздо труднѣе, въ особенности потому, что при множествѣ различныхъ подробностей, мы прежде всего должны разделять ихъ на отдѣльныя, болѣе или менѣе однородныя, группы, т. е. разбирать ихъ по частямъ; переходя постепенно отъ менѣе общихъ законовъ къ болѣе общимъ.

И такъ ни сколько не уменьшая высокаго достоинства Астрономіи, какъ науки, достигшей въ наше время возможнаго совершенства, должно согласиться, что предметъ ея не такъ сложенъ, какъ предметъ другихъ частей Естествовѣдѣнія. Тамъ нашему наблюденію и изслѣдованію подлежатъ только измѣненія во взаимномъ положеніи свѣтилъ небесныхъ, форма и относительная величина ихъ; изъ физическихъ же свойствъ ихъ весьма не многія доступны для нашего разумѣнія, — и по этому весьма не многія были доселѣ предметомъ уча-

ныхъ изслѣдованій. Но въ другихъ частяхъ Естествовѣдѣнія, и особенно въ Метеорологіи, всякое явленіе представляетъ столько различныхъ сторонъ, обращающихъ на себя вниманіе наше и, по видимому, въ одинаковой степени доступныхъ нашему разумнію, столько различныхъ отношеній къ другимъ явленіямъ, что наблюдатель долго остается въ невѣдѣніи, съ какой именно стороны успѣшнѣе будетъ его изслѣдованіе, — онъ долго недоумѣваетъ, въ чемъ именно заключается существенная связь даннаго явленія съ другими, какъ одновременными съ нимъ, такъ съ предшествующими или послѣдующими ему. Отъ этого очень часто случалось, да и теперь нерѣдко повторяется, что явленія, въ сущности своей однородныя, распределяемы бывають по различнымъ группамъ, и слѣд. объясняются различными причинами; напротивъ того, явленія разнородныя соединяются въ одну группу и приписываемы бывають одной и той же причинѣ. Такъ напр. вечерней и утренней росы приписывали различное происхожденіе, объясняя первую испареніями, выходящими изъ земли, преимущественно посредствомъ растений, а вторую невидимымъ паденіемъ воды съ неба чрезъ атмосферу; *холодъ* во время звѣздныхъ и росныхъ почей объясняли дѣйствіемъ самой росы, принимая послѣднюю за особенное изліаніе звѣздъ, — въ слѣдствіе чего въ росной и дождевой водѣ, по мнимоу различію происхожденія ихъ, искали и различныхъ свойствъ, — тогда какъ въ настоящее время этотъ холодъ принимается за причину росы, а не за послѣдствіе оной, — и между образованіемъ утренней и вечерней росы, равно какъ между росною и дождевою водою, не открывается никакого различія. Въ образованіи града думали, и даже до сихъ поръ многіе думаютъ, видѣть главнымъ дѣятелемъ электричество, единственно потому, что паденіе града всегда почти сопровождается грозою; — такимъ образомъ опять однородныя явленія, каковы градъ, падающій лѣтомъ, снѣгъ, свойственный зимѣ, и крупу, падающую преимущественно весною, относили и относятъ къ различнымъ группамъ, приписывая ихъ дѣйствію различныхъ причинъ. Вечернюю зарницу и молвію многіе и досель приписывають

различнымъ причинамъ единственно потому, что молнія всегда сопровождается громомъ, при зарницѣ же громъ никогда не слышенъ. Частыя и неправильныя измѣненія въ общемъ состояніи погоды думали и думаютъ подчинить правильнымъ—периодическимъ переменамъ вида луны, большею частию единственно потому, что тѣ и другія переменны повторяются *очень часто*, хотя и не съ одинаковою правильностію. Одной и той же силѣ вѣтра въ одно время приписывается образование или скопленіе тучъ (вѣтеръ нагоняетъ тучи), а въ другое разсыпаніе ихъ (вѣтеръ разгоняетъ тучи). Но я боюсь утомить вниманіе Ваше П. П. П. дальнейшимъ вычисленіемъ подобныхъ примѣровъ; всѣ они одинаковымъ образомъ доказываютъ, какъ трудно, въ ряду непрерывныхъ явленій, принимающихъ разнообразныя формы и входящихъ между собою въ различныя сочетанія, постигнуть существенную связь между ними и открыть взаимную ихъ зависимость, къ открытію которой умъ человѣческій побуждается какой-то *внутреннею необходимостію*, или потребностію существа своего, — *убѣжденіемъ* въ существованіи постоянныхъ законовъ природы, превысшею мудростію, сотворившею все изъ ничего, *устаровленныкъ*.

Такая трудность производить правильныя логическіе выводы изъ наблюденій, замедляющая и замедляющая успѣхи Метеорологіи, въ большей или меньшей степени, свойственна и другимъ частямъ Естественнаго; но въ Метеорологіи мы нерѣдко останавливаемся на половинѣ пути къ достиженію вѣрнаго заключенія, по причинѣ невозможности производить такъ называемыя *опыты*; въ ней мы должны довольствоваться однимъ *наблюденіемъ* явленій, въ томъ видѣ и при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ они происходятъ сами собою;—но воспроизвести или повторить въ томъ же видѣ какое нибудь явленіе, чтобы точнѣ замѣтить и ходъ и связь съ другими, измѣнить по произволу сопровождающія его обстоятельства, какъ напр. въ химическихъ, чисто-физическихъ и даже въ фізіологическихъ изслѣдованіяхъ,—для этого мы не имѣемъ никакого способа. Наши силы и наши средства слишкомъ незначительны для того, чтобы, хотя на маломъ про-

странствѣ, измѣнить состояніе погоды и наблюдать оное съ большимъ вниманіемъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. Какъ много зависитъ успѣхъ нашего изученія внѣшней природы отъ возможности производить такого рода опыты, и какъ много терпитъ наука о природѣ (*Naturlehre*) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *опыты* оказываются невозможными, всего яснѣе открывается изъ слѣдующаго весьма остроумнаго сравненія, сдѣланнаго знаменитымъ *Гершелемъ*: «Предоставленные однимъ только *наблюденіямъ*, мы уподобляемся такому человеку, который невнимательно прислушивается къ повѣсти, «разсказываемой къмъ нибудь или неясно, или съ опущеніемъ многихъ обстоятельствъ, или наконецъ съ продолжительными перерывами. Слушающій только тогда можетъ обнять все въ цѣлости, когда въ состояніи будетъ повторить все «сказанное повѣствователемъ; но если онъ не дослышалъ нѣкоторыхъ подробностей, или не обратилъ вниманія на ихъ «важность, въ такомъ случаѣ въ его взглядѣ на цѣлое останется много неяснаго, не имѣющаго внутренней связи. И «такъ, если послѣ того онъ находится въ состояніи «распросить подробнѣе повѣствователя, потребовать отъ него «ясненій относительно нѣкоторыхъ, по видимому, одно другому противорѣчащихъ обстоятельствъ, въ такомъ случаѣ «онъ получитъ весьма ясное понятіе о слышанномъ имъ «веществѣ.» Производя какого бы то ни было рода *опыты*, мы тѣмъ самымъ предлагаемъ свои вопросы и недоумѣнія природѣ, и ожидаемъ отъ нея нужныхъ объясненій.

Конечно, недостатокъ *опытовъ* въ метеорологическихъ изслѣдованіяхъ мы можемъ болѣе или менѣе вознаграждать сравненіемъ между собою различныхъ *наблюденій*, если не надъ тѣми же самымъ, по крайней мѣрѣ надъ однородными явленіями, воспроизводимыми самою, всегда живою и всегда дѣятельною, природою, или въ различное время, или въ различныхъ обстоятельствахъ. Но такое сравненіе не всегда приводитъ насъ къ искомой истинѣ. При такомъ сравненіи *наблюденій*, мы часто находимся въ такомъ же положеніи, въ какомъ бываетъ историкъ, обсуживающій событіе давно минувшихъ лѣтъ посредствомъ свода неполныхъ, одну другому

противорѣчащихъ извѣстій объ немъ, содержащихся въ различныхъ хроникахъ, которыхъ бѣльшая или меньшая достоверность ему неизвѣстна.*

Я распространился объ этихъ обстоятельствахъ, виднымъ образомъ останавливающихъ успѣхи наши въ изученіи атмосферныхъ явленій, не съ тою цѣлю, чтобы поселить въ Васъ недоверіе къ ученымъ метеорологическимъ выводамъ, или даже убѣжденіе въ невозможности такой науки, какова Метеорологія, по причинѣ недоступности, для ограниченныхъ силъ челоуѣка, ея предмета, но единственно для того, чтобы объяснить, почему такая наука, которой предметъ столь близокъ къ намъ и столь тѣсно связанъ со всѣми вопросами, искони возбуждавшими любознательность мыслящаго существа, такъ медленно въ началѣ своемъ подвигалась впередъ и такъ поздно стала пріобрѣтать свою самостоятельность.

До тѣхъ поръ, пока безусловно вѣрили въ существованіе только четырехъ элементовъ: земли, воды, воздуха и огня, и всѣ измѣненія и взаимныя дѣйствія ихъ объясняли посредствомъ какихъ-то *скрытыхъ* (или таинственныхъ *качествъ* (qualitates occultae), — до тѣхъ поръ нельзя было и ожидать никакого разумнаго рѣшенія вопросовъ метеорологическихъ. До изобрѣтенія точныхъ метеорологическихъ инструментовъ нельзя было и приступать къ изслѣ-

* «Подлинно многія и почти безчисленныя наблюденія перемѣнъ явленій, на воздухѣ бывающихъ, не токмо во всей Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта, учинены отъ испытателей природы, и тисненіемъ сообщены ученому свѣту, такъ чтобы нарочитой подлинности въ предсказаніи погоды уповать можно было; естъли бы инструментовъ къ сему дѣлу изобрѣтенныхъ, несовершенство, обстоятельствъ разность, наблюдателей неравныя раченія, наблюденій превеликое и беспорядочное множество всего размышленія, всего раченія всей остроумія и разсужденія силы не приводило въ безпорядокъ, не отягощало и не угнѣтало. И такъ когда инструментовъ полное совершенство, обстоятельство точное знаніе, наблюдателей должная осторожность, наблюденій подробное разположеніе не токмо всѣмъ недоставаля, но и отъ многихъ почти отчаяны были, — того ради воздушныя перемѣны не столько для истолкованія оныхъ, сколько для исполненія должности Физиками наблюдаемы быть казались. Въ такомъ состояніи утомлена и почти умерщвлена была сія лучшая часть натуральной науки.» Такъ разсуждалъ *Ломоносовъ*, объясняя медленные успѣхи Метеорологіи, сравнительно съ другими частями Естественнѣдѣнія.

дованію атмосферныхъ явленій, подобно тому, какъ вообще нельзя было приступать къ распространенію всеобщаго образованія и просвѣщенія до изобрѣтенія письменъ; потому что только посредствомъ измѣреній, производимыхъ метеорологическими инструментами, можно сохранять и передавать съ достаточною точностію состояніе атмосферы въ данномъ мѣствѣ и въ данное время, какъ посредствомъ письма совершенно вѣрно сохраняется и передается современникамъ и потомству мысль, одушевлявшая когда бы то ни было разумную голову. — Не могу не привести при этомъ весьма простыхъ, но вмѣствѣ съ тѣмъ и весьма остроумныхъ словъ, которыми нашъ безсмертный Ломоносовъ, — говоря объ изученіи природы, выразилъ ту же самую мысль: «безполезны тому очи, кто можетъ видѣть внутренность вещи, лишаясь рукъ къ отверстію оной. Безполезны тому руки, кто къ разсмотрѣнію открытыхъ вещей очей не имѣетъ. Химія руками, Математика очами физическими, по справедливости назваться можетъ.*

Настоящее положеніе не позволяетъ мнѣ входить здѣсь въ подробный обзоръ Исторіи Метеорологіи. Сколь ни кратковременно еще самостоятельное существованіе этой науки, но она не могла же возникнуть вдругъ, — изъ ничего; ни въ природѣ внѣшней, ни въ природѣ ума человѣческаго, ничего не происходитъ безъ постепенности, или какъ выражались наши предшественники на своемъ ученомъ языкѣ: *natura non facit saltus*. И потому, отдавая полную справедливость каждой разумной мысли, озарявшей въ различное время умъ человѣчскій и доставшейся намъ въ наслѣдство, оцѣнивая безпристрастно всякое замѣчаніе, передаваемое изъ рода въ родъ, и дошедшее до насъ различными путями, мы съ благодарностію должны принимать всякое наслѣдіе, не обольщаясь тѣмъ, что доставшійся намъ отъ предковъ, по видимому, ничтожный капиталъ приноситъ въ нашихъ рукахъ огромные проценты. Въ слѣдствіе чего Исторію Метеорологіи, какъ и

* Слово о пользѣ Химіи, говоренное 1751 г. Сент. 6-го дня. Подъ Математикою, какъ видно по смыслу рѣчи, Ломоносовъ разумѣетъ здѣсь вообще искусство или умѣнье измѣрять и взвѣшивать, или опредѣлять все числомъ и мѣрою, и дѣлать изъ этихъ количествъ правильные выводы.

всякой другой науки, мы не можем начинать только съ того времени, когда стали появляться объ ней отдѣльныя, болѣе или менѣе полныя, сочиненія.

Но на разсмотрѣнiе этого предмета съ такой точки зрѣнiя, потребны болѣе обширныя рамы, чѣмъ тѣ, которыя приличны рѣчамъ, произносимымъ съ этой кафедры. И потому, указавъ на важнѣйшія только ученныя открытія, имѣющія связь съ успѣхами Метеорологіи, я постараюсь представить настоящее ея состоянiе, т. е. указать, какіе вопросы относительно атмосферныхъ явленiй и въ какой степени удовлетворительно мы можемъ считать рѣшенными.

Половина XVII столѣтія, когда изобрѣтены были термометръ, барометръ и воздушный насосъ*, должна быть принимается за эпоху, съ которой можетъ начинать Исторію Метеорологіи, какъ отдѣльной науки, потому что только съ помощію этихъ инструментовъ Естествоиспытатели могли изучать законы дѣйствiя теплоты, — одного изъ важнѣйшихъ дѣятелей при всѣхъ атмосферныхъ явленiяхъ, — и различныя свойства воздуха, — той среды, въ которой происходятъ эти явленiя.

Въ продолженiи первой половины ея существованiя, — теченiи цѣлаго столѣтія, — изслѣдованiе Естествоиспытателей на этомъ поприщѣ ничего не составили систематическаго; ихъ трудами подготовленъ однакоже богатый матеріалъ для будущаго зданiя. Мы не можемъ пройти здѣсь молчанiемъ ученыхъ заслугъ членовъ Флорентинской Академіи (Academia del Cimento), которыя еще въ первой половинѣ XVII-го вѣка, устроивши термометръ съ произвольнымъ дѣленiемъ на градусы, приготовляли подъ непосредственнымъ своимъ

* Изобрѣтеніе термометра обыкновенно приписываютъ *Дреббелю* (1638 г.), хотя новѣйшія изслѣдованiя въ Исторіи Физическихъ наукъ не оставляютъ почти никакого сомнѣнiя, что первый термометръ изобрѣтенъ былъ *Галилеемъ* 1597 г. (см. Annales de Ch. et de Ph. XLV. Впрочемъ до *Фаренгейта* (1709 г.), давашаго этому инструменту настоящее устройство, это изобрѣтеніе оставалось почти безъ всякаго практическаго приложенiя. Барометръ, какъ извѣстно изобрѣтенъ *Торичелли* — ученикомъ *Галилея* (1645 г.), а воздушный насосъ *Отто-де-Герике*, Магдебургскимъ бургомистромъ (1650 г.).

надзоромъ другіе подобныя термометры и, свѣривши ихъ съ принятою ими нормою, разсылали разнымъ ученымъ тогдашняго времени для наблюдений температуры воздуха. Это обстоятельство весьма важно, потому что въ 1829 году *Либри* нашелъ во Флоренціи нѣсколько такихъ первоначальныхъ термометровъ и, посредствомъ сравненія ихъ съ теперешними термометрами, опредѣлилъ величину ихъ градусовъ, а чрезъ это самое нашелъ возможность сравнить многолѣтнія наблюдения (1655 — 1677), дѣланныя во Флоренціи патеромъ *Райнери* (Raineri) — ученикомъ Галилея, — которыя найдены случайно въ одно почти время съ термометрами. Это самыя древнія правильныя и непрерывныя термометрическія наблюдения. Изъ сравненія ихъ съ нынѣшними наблюдениями оказывается, что средняя температура Флоренціи (а слѣдов. и вообще климатъ) въ продолженіи почти 200 лѣтъ неизмѣнилась замѣтнымъ образомъ.*

Въ половинѣ XVIII столѣтія (1782 г.) открыто Франклиномъ атмосферное электричество и положено такимъ образомъ основаніе къ объясненію величественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ страшнаго явленія, — грозы. Съ этимъ, знаменитымъ въ наукѣ именемъ, мы — Русскіе не безъ гордости можемъ поставить на ряду имя *Ломоносова*, который въ слѣдующемъ же году (1783 г.) въ *Словѣ своемъ о явленіяхъ воздушныхъ*, кромѣ полной теоріи образованія грозовыхъ тучъ, весьма замѣчательной, — особенно для тогдашняго времени, — высказалъ весьма много глубокихъ мыслей, относительно всей *Метеорологіи*.**

* Annales de Ch. et de Ph. XLV.

** Изложенная имъ, во всей подробности, въ отомъ Словѣ смѣлая теорія погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній, осталась неизвѣстною Западнымъ ученымъ. При объясненіи важности въ метеорологическихъ явленіяхъ, такъ называемыхъ восходящихъ потоковъ воздуха (courants ascendants) вся честь приписывается *Соссюру* (см. Dove—meteorologische Untersuchungen 1857 г.) по той причинѣ, что Соссюръ изложилъ ее на основаніи непосредственныхъ своихъ наблюденій. Ломоносовъ въ основаніи своей теоріи совершенно вѣренъ природѣ и, еще прежде Соссюра, указалъ на значеніе этихъ потоковъ; но въ подробностяхъ изложенія, основывался на весьма неточныхъ данныхъ и руководясь однимъ взглядомъ, который

Открытие воздушнаго электричества, сдѣланное Фракиномъ, составляетъ такимъ образомъ весьма замѣтельную эпоху въ Исторіи Метеорологіи, но на общіе успѣхи ея, какъ самостоятельной науки, не имѣло такого сильнаго вліянія, какъ большею частію думаютъ. Напротивъ того, оно произвело даже временный застой въ Метеорологіи, съ одной стороны тѣмъ, что Естествоиспытатели обратили въ то время всѣ свои силы преимущественно на это новое поле, и потому всѣ изслѣдованія ихъ сдѣлались болѣе или мѣнѣе односторонними, а съ другой стороны тѣмъ, что, не будучи еще вполне знакомы съ законами дѣйствія электричества вообще, они объясняли коротко и ясно электричествомъ всѣ тѣ явленія, для которыхъ другаго болѣе разумнаго объясненія не находили.

Впрочемъ такая односторонность въ наукѣ не могла сдѣлаться общимъ удѣломъ, и въ объясненіяхъ всѣхъ явленій посредствомъ электричества скоро замѣтили еще болѣшую неудовлетворительность, тѣмъ въ положительномъ сознаніи своего невѣдѣнія. Последняя половина XVIII-го столѣтія ознаменована въ области Метеорологіи практическими изслѣдованіями *Соссюра* и *Делюка* въ Швейцарскихъ Альпахъ. Первый оставилъ намъ по себѣ столько точныхъ и разнообразныхъ наблюденій, столько вѣрныхъ и глубокихъ взглядовъ на явленія природы, что, по всей справедливости, называется отцемъ Метеорологіи, какъ самостоятельной науки. Второй оказалъ наукѣ весьма великую услугу подробнымъ изслѣдова-

такъ много помогаетъ Русскому уму въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зашелъ слишкомъ далеко. Такимъ образомъ онъ предполагаетъ, что температура воздуха на высотѣ 300 сажень можетъ быть и дѣйствительно бываетъ 53 градусами по Реомюру (100 град. по дѣленію Делюка и Ломоносова) ниже температуры воздуха на поверхности земли. Изъ многочисленныхъ наблюденій, сдѣланныхъ Соссюромъ и, послѣ него другими Естествоиспытателями, теперь извѣстно, что пониженіе температуры съ возвышеніемъ въ атмосферу никогда не бываетъ такъ значительно; среднимъ числомъ можно принять, что съ возвышеніемъ на 100 сажень, температура понижается на 1° Р. Въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ пониженіе бываетъ вдвое быстрѣе, но при всемъ томъ никогда не бываетъ такъ значительно, какъ предполагаетъ Ломоносовъ. — Впрочемъ главная причина, по которой ученые заслуги *Ломоносова* не вполне оцѣнены нашими учителями, заключается въ томъ, что большая часть его изслѣдованій изложена на Русскомъ языкѣ.

ніемъ всѣхъ условій, которымъ должны удовлетворять метеорологическіе инструменты (особенно термометръ и барометръ) и критическимъ разборомъ того способа для изученія природы, который вообще указанъ былъ еще *Бакономъ*.*

Сочиненіе *Делюка* (*Idées sur la Météorologie*) долгое время служило почти единственнымъ руководствомъ по этому предмету, не смотря на то, что, по причинѣ односторонности, въ немъ содержится множество невѣрныхъ взглядовъ. Оставивъ надежный путь, по которому въ началѣ онъ шелъ рука объ руку съ *Соссюромъ*, *Делюкъ* уклонился отъ него и, увлекаемый болѣе своими умозрѣніями, чѣмъ положительными, на непосредственномъ свидѣтельствѣ чувствъ основанными, истинами, сдѣлался противникомъ своему знаменитому современнику. Такимъ образомъ *Делюкъ* объяснялъ большую часть атмосферныхъ процессовъ преобразованиемъ воды, растворенной посредствомъ теплоты, въ воздухъ и на оборотъ, переходомъ воздуха въ воду, при постоянномъ содѣйствіи электричества.

Но и *Соссюровы* изслѣдованія, частію по причинѣ тогдашняго состоянія другихъ физическихъ наукъ, а частію по причинѣ особеннаго вліянія мѣстности (*Альпійскихъ горъ*), не могли доставить такихъ обширныхъ и общихъ результатовъ, къ какимъ привели наблюденія послѣдующихъ *Естествоиспытателей*. Въ Европѣ вообще атмосферныя явленія представляются такъ сложными, по причинѣ ея географическаго положенія и особеннаго очертанія береговъ, что между ними не скоро можно замѣтитъ какую либо взаимную связь и правильную послѣдовательность. Непрестанно измѣняющійся вѣтеръ приноситъ къ намъ то теплый, то холодный, то влажный, то сухой воздухъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ какъ температура, такъ и давленіе воздуха и общее состояніе погоды подвержены многоразличнымъ измѣненіямъ. Гораздо проще и правильнѣе эти явленія происходятъ тамъ, гдѣ вѣтеръ почти

* Verus experientiae ordo primo lumen accendit, deinde per lumen iter demonstrat.

всегда дуетъ съ одной стороны, гдѣ разность между годовыми крайностями температуры, по причинѣ незначительнаго измѣненія полуденной выскоты солнца, по причинѣ малой перемены въ продолжительности дней и ночей, очень невелика.

Поэтому неудивительно, что *Гумбольдтъ*, избравшій для своихъ изслѣдованій, въ началѣ текущаго столѣтія, тропическія страны, слѣдуя путю, проложенному *Сосюрромъ*, достигъ до болѣе общихъ результатовъ и открылъ такую правильность и такую взаимную связь между различными явленіями, которыхъ прежде и не подозревали.

Кромѣ особеннаго таланта и обширныхъ знаній по всемъ частямъ Естествознанія, съ помощію которыхъ *Гумбольдтъ* такъ легко и такъ вѣрно умѣетъ обобщать каждое частное наблюденіе и находить аналогіи въ явленіяхъ, по видимому, совершенно разнородныхъ, кромѣ счастливаго выбора мѣста для метеорологическихъ изслѣдованій, блистательные успѣхи, которыми Наука ему обязана, безъ всякаго сомнѣнія надобно объяснять еще и тѣми открытіями въ области Физики и Химіи, которыя сдѣланы были въ концѣ прошедшаго и началѣ текущаго столѣтія.

Въ 1774 г. *Пристлей* открылъ кислородъ и тѣмъ положилъ первый камень къ основанію *новой Химіи*, которая въ 1789 г. приведена въ стройную систему гениемъ *Лавуазье*. Это открытіе для Метеорологіи весьма важно и въ томъ отношеніи, что оно повело къ изслѣдованію состава атмосфернаго воздуха и къ изученію отличительныхъ свойствъ водяныхъ паровъ отъ такъ называемыхъ постоянныхъ газовъ. — Въ началѣ текущаго столѣтія (1804 г.), обширныя изслѣдованія *Румфорда* и *Лесли*, касательно законовъ распространенія лучистой теплоты, подтвердили открытіе *Шееле* (1779 г.), въ слѣдствіе котораго теплота, отдѣльно отъ свѣта, распространяется по тѣмъ же самымъ законамъ, — изслѣдованія, которыя нѣсколько прежде начаты были *Пиктетомъ* и въ наше время вновь повѣрены и еще болѣе распространены *Меллони*. Къ тому же времени (1805 г.) относятся не менѣе обширныя изслѣдованія *Дальтона* относительно образованія и свойствъ водяныхъ паровъ. Не упоминаю о другихъ не менѣе важныхъ

открытыхъ, сдѣланныхъ, въ это время, въ области Физики и Химіи, которыя болѣе или менѣе содѣйствовали къ правильной классификаціи и подробному разбору атмосферныхъ явленій.

Такимъ образомъ составъ воздуха, теорія водяныхъ паровъ, которыхъ количество и состояніе въ атмосферѣ подвержены непрестаннымъ измѣненіямъ, вмѣстѣ съ измѣненіями температуры и направленіемъ вѣтра, и теорія теплоты, которая во всѣхъ метеорологическихъ явленіяхъ проявляется главнымъ двигателемъ, только въ это время получили твердое основаніе.

Открытія правильныхъ законовъ въ последовательности нѣкоторыхъ явленій, сдѣланныя Гумбольдтомъ въ странахъ тропическихъ, возбудили другихъ ученыхъ искать подобныхъ же правильныхъ и простыхъ законовъ въ безпорядочномъ хаосѣ явленій Европейскаго климата, и труды Леопольда-фонъ-Буха, Шюва (Schouw), Кемтца и Дове увѣнчались блестящими успѣхами.

Сличая между собою въ различныхъ отношеніяхъ наблюденія, сдѣланныя въ продолженіи многихъ лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ Европы, названные мною Естественныиспытатели скоро удостоверились, что видимая неправильность и непоследовательность атмосферныхъ явленій, въ нашемъ климатѣ, зависитъ отъ особеннаго вліянія мѣстныхъ причинъ, коихъ дѣйствіе въ нѣкоторомъ отношеніи сходно съ возмущеніями (perturbations) правильнаго движенія небесныхъ тѣлъ нашей солнечной системы, производимыми взаимнымъ ихъ притяженіемъ, и что, если какимъ нибудь образомъ элиминировать (исключить) такое вліяніе мѣстности, то въ этомъ видимомъ безпорядкѣ открывається удивительная взаимная связь и строгая последовательность.

Но для того, чтобы открыть эту связь и эти правильные законы, оказались необходимыми непрерывныя наблюденія съ различныхъ мѣстъ земной поверхности, потому что только посредствомъ сравненія ихъ между собою въ различныхъ отношеніяхъ можно элиминировать дѣйствіе мѣстныхъ причинъ.

Парижскія метеорологическія наблюденія, дѣланныя непрерывно почти съ начала XVIII столѣтія, постоянно въ одномъ и томъ же порядкѣ, посредствомъ однихъ и тѣхъ же инструментовъ, послужили въ этомъ отношеніи къ выводу главнѣйшихъ результатовъ. Мангеймское метеорологическое общество (*societas meteorologica palatina*), основанное въ 1782 году Курфирстомъ Палатиномъ Карломъ, подъ управленіемъ Аббата Геммера, доставило для этихъ выводовъ также весьма драгоценныя сокровища. Это общество ознаменовало свое десятилѣтнее существованіе изданіемъ въ свѣтъ подробныхъ метеорологическихъ наблюденій, дѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ Европейскаго материка, болышею частию, по одному общему плану и посредствомъ инструментовъ, весьма тщательно между собою свѣренныхъ. Кромѣ изданія въ свѣтъ наблюденій, оно принимало на свой счетъ, по примѣру Флорентинскихъ академикомъ, какъ заготовленіе, такъ и рассылку по разнымъ мѣстамъ метеорологическихъ инструментовъ, съ приложеніемъ наставленія производить самыя наблюденія, составленнаго Аб. Геммеромъ.*

Только при такомъ богатомъ матеріалѣ возможно было въ наше время приступить къ составленію полной системы Науки. Но и при этомъ оказалось, что прежніе матеріалы достаточны только для приблизительнаго рѣшенія метеорологическихъ вопросовъ; выведенные изъ нихъ, весьма любопытные, результаты съ одной стороны потребовали болѣе точнаго и болѣе обширнаго подтвержденія, а съ другой стороны повели къ новымъ вопросамъ, которые не иначе могутъ быть рѣшены, какъ на основаніи болѣе точныхъ и болѣе обширныхъ наблюденій. Многія обстоятельства, на которыя прежде или мало, или даже вовсе не обращали вниманія, для рѣшенія этихъ вопросовъ оказываются весьма важными и потому должны быть, при новѣйшихъ наблюденіяхъ, принимаемы въ надлежащее соображеніе.

* *Descriptio instrumentorum Soc. Meteorol. Palat. Manh. 1782. 4.*
Ephemerides Soc. Meteorol. Palatin. Historia et Observationes, Manh. 1783—1792. XII. T. 4.

При всѣхъ изслѣдованіяхъ такого рода Естествоиспытатели руководились тѣмъ же правиломъ, которое привело великаго *Ньютона* къ открытію законовъ всеобщаго тяготѣнія: «Вся задача Естествовѣдѣнія, говоритъ онъ, по видимому заключается въ томъ, чтобы изъ явленій движенія постигнуть силы природы, а потомъ этими силами объяснять другія явленія.»*

Не случайное паденіе яблока, какъ обыкновенно думаютъ, подаю ему мысль искать одного общаго начала, управляющаго непрерывнымъ движеніемъ свѣтилъ небесныхъ по ихъ орбитамъ и кратковременнымъ паденіемъ земныхъ тѣлъ по одному и тому же направленію къ центру земли; но внимательное и глубокое изученіе всѣхъ явленій движенія, — изученіе, основанное какъ на собственныхъ своихъ наблюденіяхъ и опытахъ, такъ и на выводахъ, сдѣланныхъ его предшественниками. — Нисколько не уменьшая славы *Ньютона*, обезсмертившаго свое имя однимъ изъ величайшихъ ученыхъ открытій, мы должны быть признательными и къ его не менѣе славнымъ предшественникамъ на обширномъ поприщѣ науки. *Коперникъ*, *Тихо-де-Браге*, *Кеплеръ* и *Галлей*, безъ всякаго сомнѣнія, въ большей или меньшей степени должны разделять честь и славу этого открытія. «Каждый изъ нихъ болѣе или менѣе приготовлялъ и уравнивалъ путь, по которому *Ньютона*», выражаясь словами одного изъ современныхъ ученыхъ соотечественниковъ его, «одержалъ окончательную побѣду надъ неприступною крѣпостію Вселенной.»**

При настоящемъ состояніи физическихъ наукъ всѣ явленія неорганической природы объясняются дѣйствіемъ нѣсколькихъ особенныхъ дѣятелей (началъ или силъ), обнаруживающихся въ веществѣ или раздѣльно и независимо, или въ нѣкоторой совокупности и послѣдовательности; эти дѣтели или силы суть: взаимное притяженіе, химическое сродство,

* Omnis enim Philosophiae difficultas in eo versari videtur, ut, a phaenomenis motuum investigemus vires naturae, deinde ab his viribus demonstremus phaenomena reliqua. Newton. Principia—praef.

** Brewster — Sir Isaac Newton. Leipzig 1833, p. 89.

теплота, свѣтъ, электричество, (гальванизмъ), магнитизмъ *. Касательно сущности этихъ силъ и ихъ отношенія къ веществу, равно какъ и касательно сущности самого вещества ничего нельзя сказать положительнаго. Вся умозрѣнія философовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ школъ, нисколько не объяснили этого вопроса; все они, выходя изъ строгихъ логическихъ опредѣленій, оканчиваются или игрою фантазій, или бесплодными метафизическими тонкостями, заключающими въ себѣ по большей части одни звучныя слова безъ всякой положительной и плодотворной мысли.

Болѣе отчетливые послѣдователи такъ называемаго эмпиризма, смотря на внѣшній міръ, со всеми его явленіями, какъ на данное цѣлое, и, отличая вещество, непосредственно дѣйствующее на наши чувства и подверженное непрерывнымъ измѣненіямъ, отъ силъ, производящихъ въ вещество эти измѣненія или явленія, но не дѣйствующихъ, независимо отъ вещества, на наши чувства, — анализируютъ явленія, раздѣливши ихъ напередъ на болѣе или менѣе однородныя группы, съ тѣмъ, чтобы изъ взаимной ихъ связи и послѣдовательности (изъ законовъ явленій), опредѣлять свойства неизвѣстныхъ силъ, производящихъ эти явленія. Такой анализъ, какъ

* Сила взаимнаго притяженія, въ различныхъ видоизмѣненіяхъ своихъ, известна подъ различными названіями; она называется: а) *тяготѣніемъ* (gravitatio) относительно взаимнаго дѣйствія небесныхъ тѣлъ, б) *тяжестію* (gravitas) относительно дѣйствія земли на тѣла, находящіеся близъ ея поверхности, в) *сцепленіемъ* (cohaesio), *прилипаніемъ* (adhaesio) и *кристаллизационною силою* (vis crystallizationis), — или вообще *молекулярными силами* (vires moleculares) — относительно взаимнаго дѣйствія между различными частіями вещественныхъ тѣлъ, обнаруживающагося при весьма малыхъ разстояніяхъ. *Химическое* средство также можетъ быть принимаемо за видоизмѣненіе силы *взаимнаго притяженія* и причисляемо къ молекулярнымъ силамъ. Но такъ какъ, при соединеніи веществъ дѣйствіемъ химическаго средства, образуются новыя вещественныя тѣла, совершенно отличныя отъ веществъ, входящихъ въ составъ ихъ, и такъ какъ въ химическое соединеніе входятъ различныя вещества, въ опредѣленныхъ количественныхъ отношеніяхъ, то эта сила разсматривается совершенно независимо отъ силы взаимнаго притяженія и составляетъ основаніе отдѣльной науки — *Химіи*, подобно тому, какъ *звѣздное* составляетъ основаніе теоретической *Астрономіи*. *Гальванизмъ* почти всѣми Естественными опытателями разсматривается какъ особенное видоизмѣненіе *электричества*.

замѣчено уже выше, дѣлается посредствомъ внимательнаго наблюденія явленій, дѣйствующихъ на наши чувства, при различныхъ обстоятельствахъ, или условіяхъ, и въ различныхъ между собою сочетаніяхъ. Сообразно уже съ изслѣдованными такимъ образомъ законами явленій, предполагаемой силы приписываются тѣ или другія свойства.

Если свойства силы, производящей данный рядъ явленій въ веществѣ, опредѣлены такимъ образомъ во всей полнотѣ верно; въ такомъ случаѣ посредствомъ новаго анализа самой силы, при данныхъ обстоятельствахъ, или условіяхъ, опредѣляются какъ количественно, такъ и качественно, со всею математическою строгостію, всѣ явленія, принадлежащія къ этому ряду, даже и такія, которыя прежде были вовсе не замѣчались. Этотъ новый математическій анализъ называется теоріею опредѣленнаго рода явленій, — или теоріею опредѣленной силы, каковы напр. теорія тяжести, свѣта, теплоты, электричества и пр.*

Большее или меньшее совершенство этихъ теорій зависитъ съ одной стороны отъ большей или меньшей полноты и точности наблюденій, — слѣдов. отъ большей или меньшей полноты и ясности опредѣленія всѣхъ свойствъ силы, — а съ другой стороны отъ большей или меньшей возможности выразить логически — опредѣленные свойства силы языкомъ математическаго анализа, — или, другими словами, отъ большаго или меньшаго совершенства этого анализа въ различныхъ отношеніяхъ и отъ болѣе или менѣе правильнаго приложенія его.

* Такъ же образомъ по теоріи силъ (теоріи сотрясеній) открыты, между прочимъ, многія явленія, относящіяся къ двойному преломленію, интерференціи и поляризаціи, незамѣченныя прежде. Не считаю нужнымъ указывать при этомъ на болѣе поразительное и всякому извѣстное торжество математической теоріи, посредствомъ которой знаменитый Лавуазье указалъ, въ неизвѣрномъ пространствѣ небесъ, мѣсто Нептуна, — новой планеты которой существованіе прежніе Астрономы-наблюдатели и не подозревали. Последующія наблюденія всякой разѣ вполне оправдали строгіе теоретическіе выводы, — Самыя названія силъ, принимаемыхъ для объясненія явленій природы, болѣею частью суть случайныя, неимѣющія почти никакого отношенія къ объясняемымъ ими явленіямъ, какъ напр. электричество, магнитная и пр. и пр....

Принимая въ соображеніе съ одной стороны безконечное разнообразіе явленій видимой природы и созная съ другой стороны ограниченность познавательныхъ силъ челоуѣка, нельзя и ожидать, чтобы всѣ таковыя теоріи въ данное время въ одинаковой степени были абсолютно вѣрны и полны. Многія изъ нихъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ большаго распространенія опытныхъ познаній о природѣ, необходимо должны были болѣе или менѣе измѣняться, и нѣтъ сомнѣнія, что подобныя же измѣненія и пополненія предстоятъ имъ и въ послѣдствіи. Уже и въ настоящее время, принимая изчисленныя мною силы природы отдѣльными, не представляющими прямой взаимной зависимости, мы находимъ однакожь, въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, между ними определенныя соотношенія. Рядъ явленій, объясняемый непосредственнымъ дѣйствіемъ одной силы, можетъ быть выведенъ, въ большей или меньшей полнотѣ, изъ дѣйствія другой силы, при определенныхъ условіяхъ, такъ что каждую изъ означенныхъ силъ можно принимать за *видоизмѣненіе* всякой другой; — въ такомъ случаѣ и всѣ онѣ будутъ особенными *видоизмѣненіями* одной общей силы, которой свойства въ настоящее время ясно не постигнуты и не определены.*

Но такія неизбѣжныя переменны въ нѣкоторыхъ теоріяхъ физическихъ явленій или физическихъ силъ, не могутъ и не должны быть разсматриваемы какъ слѣдующія одно за другимъ заблужденія, происходящія отъ неправильнаго взгляда на природу, — тѣмъ менѣе онѣ могутъ служить основаніемъ какого бы то ни было недовѣрія къ самой наукѣ о природѣ. — Проистекая изъ ограниченности познавательныхъ способностей челоуѣка, эти переменны вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ самымъ неоспоримымъ доказательствомъ безпредѣльности совершенствованія, къ которому умъ челоуѣческой способенъ.

* Мысль о такомъ приведеніи къ единству всѣхъ извѣстныхъ намъ силъ природы изложена весьма подробно Англійскимъ Профессоромъ Гроуе въ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ Лондонскомъ Королевскомъ Институтѣ. Краткій обзоръ этихъ лекцій: *о взаимномъ отношеніи различныхъ физическихъ дѣятелей, или силъ*, напечатанъ въ Москвитянахъ 1849 г. NN 9, 10 и 11.

Исторія Естествознанія вообще и въ особенности Исторія Физики свидѣтельствуетъ, что даже и тѣ изъ прежнихъ частныхъ теорій, которыя въ настоящее время считаются вовсе несостоятельными, по причинѣ недостаточности ихъ къ объясненію явленій, теперь полнѣе прежняго изслѣдованныхъ, или—даже по причинѣ явнаго противорѣчія ихъ такимъ явленіямъ, на которыя прежде совершенно не обращалось вниманіе, — въ свое время принесли несомнѣнную пользу Наукѣ, если только онѣ развиваемы были со всею строгостію и послѣдовательностію, свойственною математическому анализу. При помощи только такихъ теорій мало по малу приводимы были въ стройную систему различныя явленія природы и опредѣляемы были количественныя отношенія между ними;—что послужило весьма важнымъ облегченіемъ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ и повело къ *новымъ открытіямъ*. Положеніе мое конечно противорѣчитъ обще-принятому мнѣнію, по которому всѣ открытія приписываются, такъ называемому, *счастливому случаю*. Однако же не трудно убѣдиться, что, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ ученыхъ открытій, которыя ознаменовали собою какую нибудь важную эпоху въ Наукѣ, сдѣланы при систематическомъ изслѣдованіи определеннаго ряда явленій, имѣвшемъ цѣлію подтвержденіе теоретическихъ выводовъ, основанныхъ на господствовавшихъ въ данное время предположеніяхъ, или *гипотезахъ*. Чисто случайныя открытія весьма рѣдко сохраняютъ надолго то значеніе въ Наукѣ, какое имъ въ самомъ началѣ приписываютъ.*— Наука во всякомъ случаѣ подвигается впередъ съ каждымъ новымъ открытіемъ, не смотря на то, служитъ ли оно под-

* Такъ напр. первыя явленія *гальванизма* открыты (1790 г.) дѣйствительно случайнымъ образомъ, но великое значеніе въ Наукѣ это открытіе получило (1796 г.) послѣ строгихъ и систематическихъ изслѣдованій *Вольты*, которыми первоначальная идея *Гальвани* о животномъ электричествѣ совершенно опровергнута. Не менѣе важное открытіе *электромагнетизма* (1820 г.) было результатомъ постоянныхъ и долговременныхъ усилій *Джонста* доказать тождество *магнитныхъ* и *гальваническихъ* полюсовъ, въ слѣдствіе общаго убѣжденія, господствовавшаго до того времени между *Нѣмецкими Природо-Философами*. Это открытіе измѣнило понятіе самаго *Джонста* объ этомъ предметѣ и указало истинное соотношеніе между *магнетизмомъ* и *гальванизмомъ* и т. д.

твержденіемъ, или опроверженіемъ принимаемой гипотезы, и построенной на ней теоріи. Въ последнемъ случаѣ прежняя гипотеза или вовсе изгоняется изъ Науки, уступая свое мѣсто новой, или только измѣняется въ своемъ развитіи: свойства предполагаемой силы, при такомъ частномъ измѣненіи гипотезы, получаютъ большую определенность; область ея дѣйствія болѣе или менѣе ограничивается и отношеніе ея къ другимъ силамъ природы устанавливается на болѣе прочномъ основаніи. Но прежній математическій анализъ, основанный на гипотезѣ, оказавшейся несообразною съ новыми открытіями, не смотря на то, нерѣдко сохраняетъ свою приложимость, по крайней мѣрѣ къ тѣмъ явленіямъ, которыхъ взаимную последовательность онъ выражалъ строго и отчетливо; только количествамъ, употребляемымъ при этомъ, дается другое значеніе, или толкованіе, сообразное съ новою, или съ измѣненною, гипотезою.

Не имѣя никакой возможности судить о сущности (*essentia*) силъ природы и ихъ отношеніи къ веществу, — мы приписываемъ болѣе, или меньшее достоинство гипотезамъ, смотря потому, съ какою простотою и легкостію посредствомъ ихъ приводятся къ единству явленія природы и съ какою строгостію и последовательностію вытекаютъ изъ нихъ законы явленій, определяемые опытнымъ изслѣдованіемъ. — Такимъ образомъ знаменитый Гершель, говоря о существующихъ теоріяхъ свѣта, извѣстныхъ подъ названіемъ: *системы истеченія* и *системы сотрясеній*, болѣе достоинство последней выражаетъ слѣдующими словами: «если эта система и не выражаетъ дѣйствительности, во всякомъ случаѣ она принадлежитъ къ самымъ счастливымъ гипотезамъ, какія только когда либо изобрѣталъ умъ человеческій для приведенія къ единству определенныхъ явленій природы. Всего удивительнѣе здѣсь то, что самыя страшныя возраженія, возникающія изъ нѣкоторыхъ открытій, по видимому, не подчинившись этому ученію, послужили ему въ послѣдствіи самою сильною опорой, такъ, что по неволѣ признаться должно, что, если эта система и не истинна, то она заслуживаетъ быть истинною»*

* *Traité de la Lumière* T. 1. p. 379.

И такъ если, при изученіи явленій внѣшней природы, должно поставлать окончательною цѣлю построеніе теоріи, которая бы выражала взаимную связь и послѣдовательность этихъ явленій, и довольствоваться, въ каждомъ частномъ случаѣ, такими объясненіями, которыя, согласуясь съ общою теоріею, показывали бы необходимую зависимость разсматриваемаго явленія отъ другихъ ему предшествовавшихъ, или одновременныхъ съ нимъ, то *Метеорологія* въ настоящее время весьма быстро подвигается къ этой цѣли.

Не надобно только слишкомъ многого требовать отъ *Метеорологовъ*: они и въ настоящее время весьма часто бьются въ затрудненіи при объясненіи непрерывно смѣняющихся атмосферныхъ явленій. И это происходитъ не отъ того, что Наука не доставляетъ средствъ къ рѣшенію такихъ вопросовъ, но отъ того, что для *Метеорологовъ* большею частію остается неизвѣстнымъ состояніе атмосферы, въ данное время, на болѣе или менѣе значительномъ отъ нихъ разстояніи, между тѣмъ какъ для объясненія некоторыхъ явленій не рѣдко именно требуется знать состояніе атмосферы надъ большею частію земной поверхности, не только современное наблюденію, но и за нѣсколько времени предшествовавшее. Такъ напр. жестокія бури, распространяющіяся съ необыкновенною силою и скоростію въ какомъ нибудь мѣстѣ умереннаго пояса, большею частію, готовятся, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, особеннымъ состояніемъ атмосферы, на нѣсколько сотъ миль, къ сѣверу или къ югу, къ востоку или западу, отъ мѣста наблюденія. Если же, на основаніи изложеннаго обстоятельства, не всякій разъ можно требовать отъ *Метеоролога* удовлетворительнаго объясненія, касательно настоящаго состоянія атмосферы въ данномъ мѣстѣ, тѣмъ менѣе можно ожидать отъ него совершенно вѣрнаго предсказанія будущей погоды. Вся заключенія, которыя онъ можетъ сдѣлать о будущей погодѣ, судя по предшествовавшему состоянію атмосферы въ мѣстѣ его наблюденій и во общему ходу послѣдовательныхъ переизмѣнъ, могутъ имѣть только большую или меньшую степень вѣроятности, смотря потому, въ какой мѣрѣ мѣстные явленія входятъ въ число

всѣхъ условій, производящихъ ту или другую перемѣну въ общемъ состояніи атмосферы.

Но я не считаю нужнымъ болѣе распространяться объ этомъ предметѣ и объяснять, что удовлетвореніе такому практическому требованію, сколь бы оно важно и полезно ни было, не составляетъ главной цѣли Метеорологіи, потому что въ наше время, не смотря на обширное развитіе меркантильной промышленности, умѣющей извлекать матеріальную пользу изъ всякаго почти ученаго открытія, большая или меньшая приложимость къ выгодамъ общественнаго быта различныхъ пріобрѣтеній въ области знанія не служитъ единственнымъ мѣриломъ достоинства и важности этихъ умственныхъ пріобрѣтеній. Въ наше время перестали уже и дѣтямъ указывать на пользу наукъ и на выгоды просвѣщенія, чтобы пріохотить ихъ къ ученію.

Основываясь на частныхъ теоріяхъ *физическихъ дѣятей*, или силъ, Метеорологія находитъ внутреннюю связь между всеми атмосферными явленіями, по которой одно изъ нихъ непременно условливается другимъ и всѣ вмѣстѣ они составляютъ одну неразрывную цѣпь, такъ что въ этомъ кажущемся хаосѣ разнообразныхъ перемѣнъ, совершающихся предъ нашими глазами, открывается особеннаго рода правильность; — въ вѣчной борьбѣ различныхъ элементовъ, грозящей разрушеніемъ всего существующаго, усматривается удивительное согласіе, премудро-направленное къ одной цѣли, — къ сохраненію и поддержанію общей жизни. Разложеніе и даже видимое уничтоженіе одного какаго нибудь звѣна этой цѣпи всегда сопровождается составленіемъ или появленіемъ новаго совершенно сходнаго съ разрушеннымъ; такъ что цѣлое остается безъ перемѣны. И весь этотъ процессъ непрерывнаго преобразованія совершается преимущественно дѣйствіемъ внутреннихъ силъ, всегда присущихъ въ атмосферѣ, подобно жизненному процессу въ организмъ животныхъ, или растений.

Такъ въ самомъ составѣ атмосфернаго воздуха, не смотря на непрерывное разложеніе, производимое въ немъ дѣйствіями многообразныхъ процессовъ, на земной поверхности совершающихся, открывается изумительное постоянство.

Въ самомъ дѣлѣ известно⁴, что дыханіе животныхъ, горѣніе и гніеніе различныхъ тѣлъ⁵, находящихся въ соприкосновеніи съ воздухомъ, совершаются на счетъ одной изъ составныхъ частей его, — именно на счетъ *кислорода*; известно также, что, при означенныхъ процессахъ, на мѣсто *кислорода*, извлекаемаго изъ атмосферы, выделяется въ нее преимущественно *углекислота*; наконецъ известно также, что огромное количество *углекислоты* распространяется въ атмосферѣ при вулканическихъ изверженіяхъ и т. д. Не говорю объ испареніи воды, и о другихъ мѣстныхъ отдѣленіяхъ газообразныхъ и другихъ веществъ, поступающихъ въ атмосферу. При всемъ томъ однакожъ многочисленныя химическія изслѣдованія воздуха, собраннаго и надъ поверхностію моря, и надъ поверхностію материковъ, какъ въ нижнихъ, такъ и въ верхнихъ слояхъ атмосферы, доказываютъ, что составъ его вездѣ почти одинаковъ: это смѣсь *кислорода* и *азота*, всегда сопровождаемая *углекислотою* и *водяными парами*; только въ немногихъ случаяхъ, и то въ едва замѣтномъ количествѣ, встрѣчается *водородъ*. Отношеніе между существенными составными частями его: *кислородомъ* и *азотомъ*, — всегда и вездѣ одинаково; количество *углекислоты* вообще весьма незначительно и подвержено едва замѣтнымъ правильно-періодическимъ измѣненіямъ; одни только водяные пары, второй всегдѣшній спутникъ воздуха (смѣси *кислорода* и *азота*), составляя въ общей массѣ его также весьма малую часть, представляютъ однакожъ, какъ въ количественномъ такъ и въ качественномъ* отношеніи, очень замѣтныя измѣненія. Если объемъ воздуха, взятаго для изслѣдованія, выразить числомъ 100, отдѣливши отъ него напередъ содержащуюся въ немъ *углекислоту* и *водяные пары*, то въ сред-

* Подъ качественнымъ измѣненіемъ водяныхъ паровъ я разумію перемѣну въ состояніи (*aggregatio*). Водяные пары содержатся въ воздухѣ или въ упругомъ — газообразномъ состояніи (тогда они прозрачны и невидимы), или въ видѣ туманныхъ пузырьковъ (*varores vesiculares*), образуя туманы и облака; изъ сего послѣдняго состоянія они переходятъ уже, или въ жидкое, или въ твердое состояніе, падая на землю въ видѣ росы, дождя, снѣга, града и проч.

немъ числъ изъ многихъ опытовъ надъ воздухомъ, вѣтныи изъ одного и того же мѣста, всегда получается: для кислорода 21, для азота 79, и въ частныхъ результатахъ обнаруживаются едва замѣтныя отклоненія. Предварительно отдаленная отъ воздуха углекислота, составляетъ въ среднемъ числѣ около $\frac{1}{2000}$, а водяные пары (въ нашихъ странахъ), около $\frac{1}{10}$ всего взятаго для изслѣдованія количества; — частные же результаты представляютъ уже гораздо большія между собою разности.

Какимъ же путемъ восстанавливается въ атмосферѣ постоянно извлекаемый изъ нея кислородъ, столь необходимый для жизни животныхъ, и какъ освобождается воздухъ отъ углекислоты, столько же вредной для нихъ? — Сохраняется ли воздухъ постоянно тотъ составъ, какой получается изъ химическихъ анализовъ, или съ теченіемъ времени, какъ составъ его, такъ и самое количество изменяется? Вотъ вопросы, которые прежде всего представляются пытливому уму Естествоиспытателя, посвятившаго себя изслѣдованію атмосферныхъ явленій.

Въ настоящее время Наука указываетъ намъ путь и предлагаетъ средства къ рѣшенію этихъ вопросовъ, но промышленность окончательное заключеніе объ нихъ мы должны предоставить будущимъ поколѣніямъ. — Мы можемъ извѣстивъ всю атмосферу и опредѣлить такимъ образомъ количество воздуха, окружающаго всю землю въ данное время; мы можемъ опредѣлить, сколько именно кислорода потребляютъ всякое животное при своемъ дыханіи въ продолженіи даннаго времени; мы можемъ указать на нѣкоторые источники, посредствомъ которыхъ, съ одной стороны, возвращается въ атмосферу кислородъ, а съ другой уносится изъ нея углекислота. — Одинъ изъ такихъ источниковъ представляетъ намъ собою царство растеній, которыя, принимая въ себя углекислоту, или прямо изъ атмосферы, посредствомъ листьевъ, или въ соединеніи уже съ водою изъ почвы, посредствомъ корней, перерабатываютъ ее въ своемъ организмѣ и возвращаютъ находящійся въ составѣ ея кислородъ въ атмосферу. — Но сводить всѣ эти счеты и опредѣлять, изъ какихъ части

производительности и потребности, если можно так выразиться, чтобы наконецъ получить общій балансъ такого оборота между царствомъ животнымъ и царствомъ растительнымъ на всей земной поверхности, еще не пришло время; потому что дашьяя, потребная для этихъ окончательныхъ выводовъ, въ настоящее время еще малочисленны и не составятъ тонны. — Барометрическія наблюденія, которыя даютъ намъ возможность определять весь всей атмосферы въ данное время, по причинамъ слишкомъ недавняго изобрѣтенія самаго барометра, также недостаточны еще для точнаго рѣшенія вопроса: остается ли общее количество воздуха, окружающаго нашу землю, съ теченіемъ времени, постояннымъ, или подвержено послѣдовательному измѣненію.*

И такъ, судя строго, мы конечно не можемъ еще утверждать, что земная атмосфера, при всѣхъ перемѣнахъ, замѣчаемыхъ нами въ ней, остается одна и таже; что всѣ эти очевидныя измѣненія суть только непрерывныя преобразованія, внутри ея самой происходящія; что въ итогъ всѣхъ этихъ перемѣнъ, атмосфера ничего не теряетъ и ничего не принимаетъ въ себя извнѣ: — однако же, соображая всѣ явленія, въ ней происходящія, невольно склоняемся къ тому убѣжденію, что она *живетъ* своею собственною *жизнію* подъ благотворнымъ вліяніемъ свѣта и теплоты солнечной и что во всѣхъ перемѣнахъ, нами замѣчаемыхъ, по словамъ Премудраго: *Что было, тожде есть, еже будетъ: и что было сотворенное, тожде имать сотворитися.* (Книга Екклесіаста I. 9.)

Съ этой каеедры, въ подобныхъ торжественныхъ собраніяхъ нашего Университета, уже не разъ разсуждаемо было о *жизни* неорганической природы, въ противоположность болѣе распространенному мнѣнію, по которому она

* Произведенныя вычисленія, основанныя съ одной стороны на прѣимъ опытахъ, а съ другой на не совсемъ точномъ опредѣленіи общаго числа всѣхъ животныхъ, населяющихъ теперь землю, приводятъ къ результату, что количество *кислорода*, потребляемаго дыханіемъ животныхъ въ продолженія цѣлаго столѣтія, составляетъ неболѣе 1/100 всей суммы его, содержащейся въ атмосферѣ.

обыкновенно называется *мертвою*:* по этому излишне бы было мнѣ распространяться въ опроверженіяхъ ложнаго мнѣнія, равно какъ и въ объясненіяхъ различія между понятіями *жизни органической* и *жизни неорганической*.

Гораздо сообразнѣе будетъ съ цѣлю нашей бесѣды разсмотреть теперь состояніе познаній нашихъ объ этой жизни: въ какомъ объемѣ именно изслѣдованы въ настоящее время *тѣ общіе законы*, которымъ подчинены всѣ явленія, такъ рѣзко противорѣчація понятію *мертвостя*, и въ какой степени постигнута та сила, которою сохраняется и поддерживается *жизнь атмосферы*, единожды полученная ею отъ источника вѣчной жизни, изъ небытія къ бытію приведшаго всю вселенную.

Исходная точка, начиная съ которой успѣшнѣе всего, въ настоящее время, разбирается на составныя звѣнья, замкнутая въ самой себѣ, непрерывная цѣпь атмосферныхъ явленій, есть неравномѣрное *распределение температуры* на земной поверхности, въ примѣненіи къ удобоподвижности упругихъ веществъ, составляющихъ ея массу, и къ измѣняемости состоянія водяныхъ паровъ, въ различномъ количествѣ всегда сопровождающихъ собственно такъ называемый *воздухъ*. — Слѣдовательно всего естественнѣе принять за главное начало, управляющее атмосферою жизнью, ту физическую силу, которою обуславливается бѣльшая или меньшая степень температуры, т. е. *теплоту*.

И дѣйствительно всѣ явленія атмосферы, характеризующія то, или другое состояніе погоды (кромѣ чисто-оптическихъ явленій и собственно такъ называемыхъ метеоровъ, каковы напр. падающія звѣзды, аэролиты, болиды, или огненные шары, и пр.) весьма удовлетворительно объясняются различною степенью теплоты, возбуждаемой въ данное время въ разныхъ точкахъ земной поверхности дѣйствіемъ солнечныхъ лучей. Даже самое *электричество*, такъ поразительно обнаруживающее свое присутствіе во время грозы, можетъ и должно быть разсматриваемо, какъ второстепенный *дѣл-*

* Смотри Рѣчи Проф. Щуровскаго 1836 г. и Проф. Фидомаццоттиго 1844 г.

тель, временно только проявляющий свою мощную силу, при благоприятных для него местных обстоятельствах в атмосферах, уравнивающих весьма быстрое смешение различных масс воздуха, содержащих в себѣ различное количество водяных паровъ, — при обстоятельствахъ, зависящихъ также отъ особеннаго распределенія температуры въ различныхъ частяхъ атмосферы. — Необыкновенно быстрое скопленіе и особенный видъ облаковъ, разнообразныя движенія ихъ, бурные порывы вѣтра, искореняющаго очень часто столѣтнія деревья и разрушающаго огромныя зданія, обильный, прерывистый дождь, при каждомъ ударѣ грома, возобновляющійся въ видѣ *ливня* и сопровождаемый нередко градомъ, — однимъ словомъ все обстоятельства, наблюдаемыя нами какъ предъ наступленіемъ, такъ и во время самой *грозы*, объясняются весьма удовлетворительно безъ всякаго участія электричества; такъ что вся сфера непосредственно-электрическаго дѣйствія при этомъ едва ли не можетъ быть ограничена образованіемъ того небеснаго огня, который является намъ въ видѣ ослабительныхъ молній, сопровождаемыхъ оглушительными перекатами грома, и мгновенно пробѣгаетъ неизмѣримыя разстоянія въ воздухѣ, обозначая свой слѣдъ на землѣ разрушеніемъ и пожаромъ.

При такомъ воззрѣніи на предметъ, все объясненія основываются на *данныхъ*, выведенныхъ строгимъ логическимъ путемъ изъ непосредственныхъ наблюденій и опытовъ. Такимъ образомъ дѣятельность фантазій, которая, при всякомъ другомъ способѣ объясненія видимыхъ явленій, могла бы легко взять перевѣсъ надъ холоднымъ разсудкомъ и завлечь его въ безконечную область предположеній, удерживается въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ дѣйствительности.

Чтобы не утомить Вашего вниманія, П. П. П., я по необходимости долженъ ограничиться здѣсь однимъ только общимъ указаніемъ на тѣ *данныя*, на основаніи которыхъ возводится въ настоящее время стройное во всѣхъ частяхъ зданіе Науки, опустивши все такія подробности, которыхъ знаніе не составляетъ существенной необходимости при сужденіи о совершенствѣ разсматриваемаго плана, сколько бы оно ни было нужно для его исполненія.

Анализируя продолжительный и непрерывный наблюдения надъ температурою воздуха, производимыя въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности (въ самомъ нижнемъ слое атмосферы), и сличая ихъ какъ между собою, въ различныхъ отношеніяхъ, такъ и съ наблюдениями надъ температурою почвы, на различныхъ глубинахъ ея, и надъ температурою воздуха на различныхъ высотахъ отъ земной поверхности, мы весьма легко замѣчаемъ слѣдующіе общіе законы, которыми она подчиняется при непрерывной своей измѣняемости.

1. Во всѣхъ мѣстахъ температура воздуха представляетъ двоякую, болѣе или менѣе правильную, періодичность: суточную и годовую, и поэтому представляетъ явное соотношеніе съ видимымъ періодическимъ движеніемъ солнца. Въ теченіи сутокъ она достигаетъ *наибольшей* степени около полудня, т. е. около времени наибольшей высоты солнца надъ горизонтомъ (собственно 2 ч. — 3 ч. по полудни), — а *наименьшей* около восхожденія солнца; въ теченіи же года, время *наибольшей* температуры довольно близко совпадаетъ со временемъ наибольшей полуденной высоты солнца надъ горизонтомъ, — т. е. со временемъ должайшихъ дней, а *наименьшая* температура почти соответствуетъ наименьшей полуденной высотѣ солнца, или кратчайшимъ днямъ.*

2. Въ тропическомъ поясе *средняя годовая, равно и средняя мѣсячная, температуры* довольно строго сохраняютъ

* Та и другая крайность температуры въ годовомъ періодѣ, среднимъ исходомъ изъ многочисленныхъ наблюдений, имѣетъ мѣсто спустя около мѣсяца послѣ соответствующихъ крайнихъ предѣловъ полуденной высоты солнца. Въ мѣстахъ тропическаго пояса, гдѣ солнце два раза въ теченіи года, проходитъ черезъ zenithъ, и температура два раза достигаетъ *наибольшей* величины. Рѣдкимъ образомъ и въ мѣстахъ полярныхъ, гдѣ солнце въ теченіи нѣсколькихъ недель и даже по нѣльмъ мѣсяцамъ, не возвышается надъ горизонтомъ, обнаруживаются явленія отступленія отъ этого закона. — Вообще надобно замѣтить, что измѣненія температуры совершенно строго подчиняются *постояннымъ законамъ* только въ тропическомъ поясе; въ мѣстахъ же, въ тропиковъ лежащихъ, эти законы отъправятся только въ среднихъ числахъ, выводимыхъ изъ продолжительныхъ наблюдений.

постоянную величину, такъ что между отдѣльными выводами изъ ежегодныхъ наблюдений рѣдко встрѣчаются разности, превышающія одинъ градусъ. По мѣрѣ удаленія отъ тропиковъ эти среднія температуры представляютъ значительныя между собою разности, которыя между *мѣсячными* средними температурами вездѣ гораздо больше, чѣмъ между *годовичными*;—въ особенности же подвержены большимъ измѣненіямъ среднія температуры зимнихъ мѣсяцовъ. Однако же выводы изъ многолѣтнихъ наблюдений доставляютъ и для нихъ величины, тѣмъ болѣе приближающіяся къ постояннымъ, чѣмъ продолжительнѣе періоды времени, изъ которыхъ дѣлаются выводы среднихъ температуръ.*

3. *Средняя годовичная температура*, по мѣрѣ удаленія отъ экватора къ полюсамъ, постепенно уменьшается. Впрочемъ, исключая тропическій поясъ, это уменьшеніе происходитъ не по всемъ меридіанамъ съ одинаковою правильностію и постепенностію, т. е. не въ мѣста, находящіяся на одномъ разстояніи отъ экватора, имѣютъ одну и ту же среднюю температуру. Вообще (въ тропиковъ), поверхность моря, при одинаковомъ разстояніи отъ экватора, имѣетъ высшую среднюю температуру, чѣмъ поверхность материковъ и, кромѣ того, западные берега материковъ, (по крайней мѣрѣ въ сѣ-

* Такимъ образомъ Московскія 30-ти-лѣтнія наблюдения доставляютъ намъ въ этомъ отношеніи слѣдующій результатъ :

1 {	Средняя годовичная температура	1824 года ==	4,075
	-----	1840 — ==	2,68
	Наибольшая разность между годичн. темп.....		= 2,07
2 {	Средняя температура Января.....	1848 года ==	-14,033
	-----	1822 — ==	-5,62
	Наибольшая разность между темп Января.....		= 10,091
3 {	Средняя годовичная температура 15 лѣтъ.....	(1824—55) ==	5,63
	-----	(1836—50) ==	3,57
	разность.....		= 0,06
4 {	Средняя темпер. Января изъ первыхъ 15-ти лѣтъ.....	==	7,91
	-----	----- послѣднихъ 15-ти лѣтъ.....	== 9,22
	разность.....		= 1,31

верномъ полушаріи), теплѣ восточныхъ.—Самая жаркая полоса, не составляя непрерывнаго пояса вокругъ земли, находится въ тропическомъ поясѣ внутри Африки, нѣсколько къ сѣверу отъ экватора, а самыя холодныя мѣста не совпадаютъ съ географическими полюсами. Въ одномъ сѣверномъ полушаріи находятся два такихъ мѣста, называемыхъ *полосами холода*; изъ нихъ одинъ *полосъ* лѣжитъ въ сѣверной Америкѣ близъ острова Мельвила, а другой въ сѣверной части Сибири, приблизительно на меридіанѣ *Иркутска*.*

4. Разность между *лѣтнею* и *зимнею* температурою увеличивается, по мѣрѣ удаленія отъ экватора и также по мѣрѣ удаленія отъ западныхъ береговъ большихъ материковъ во внутренность ихъ.

5. Температура почвы (на самой поверхности земли) подвержена подобнымъ же періодическимъ измѣненіямъ въ теченіи сутокъ и въ теченіи года, какъ и температура воздуха. *Средняя* величина ея весьма мало разнится отъ *средней* температуры воздуха. Но, по мѣрѣ углубленія въ землю, разность, какъ между *суточными*, такъ и между *годовыми крайностями*, весьма быстро уменьшается, такъ что на нѣкоторой глубинѣ температура становится совершенно постоянною не только въ теченіи сутокъ, но и въ теченіи цѣлаго года. Глубина, на которой становятся незамѣтными *суточные* перемѣны температуры, вездѣ гораздо меньше той глубины, на которой исчезаютъ *годовыя* измѣненія; для различныхъ же мѣстъ какъ та, такъ и другая, различны, смотря по качеству почвы и по разстоянію мѣстъ отъ экватора; кромѣ того эта глубина находится {въ явной зависимости отъ величины измѣненій температуры на самой поверхности земли въ каждомъ мѣстѣ. *Средняя* температура на всякой глубинѣ,

* Относительно южнаго полушарія распредѣленіе температуры не изслѣдовано съ такою подробностію, какъ относительно сѣвернаго, по причинѣ малочисленности наблюденій. Впрочемъ на основаніи существующихъ *данныхъ* съ большою вѣроятностію можно полагать, что южное полушаріе вообще холоднѣе сѣвернаго; потому что *приблизительное* вычисленіе *средней температуры* для всѣхъ мѣстъ сѣвернаго полушарія даетъ 14°, а для всѣхъ мѣстъ южнаго полушарія 13°. (См. Dove—Meteorologische Untersuchungen 10).

гдѣ еще замѣтны ея измѣненія, весьма мало разнится съ одной стороны отъ *средней* температуры воздуха, выводимой изъ многолѣтнихъ наблюденій, а съ другой стороны отъ *постоянной* во весь годъ температуры, наблюдаемой на определенной глубинѣ.—При дальнѣйшемъ углубленіи въ землю, начиная отъ того слоя почвы, въ которомъ термометръ круглый годъ стоитъ неподвижно, температура постепенно возвышается, оставаясь также во весь годъ *постоянною*.*

6. Температура воды въ Океанѣ, по мѣрѣ углубленія, уменьшается до определенной степени (*minimum*), оставаясь потомъ на бѣльшихъ глубинахъ вездѣ одинаковою. — Изъ этого правила составляютъ исключеніе моря *полярныя*, по временамъ покрывающіяся льдомъ на своей поверхности; въ нихъ весьма часто температура до нѣкоторой глубины возвышается.

7. Температура воздуха, по мѣрѣ возвышенія въ атмосферѣ, постепенно понижается.**

* Глубина, на которой *суточныя* измѣненія температуры становятся незамѣтными, простирается до 2—3 футовъ; *юдичныя* же измѣненія исчезаютъ на глубинѣ 30—60 футовъ. — По мѣрѣ дальнѣйшаго углубленія внутрь земли, сколько можно судить по немногимъ наблюденіямъ, при разработкѣ рудниковъ и при сверленіи *артезианскихъ* колодезевъ, температура возвышается почти однимъ градусомъ на каждыя 20 сажень. — Если такое же возвышеніе температуры продолжается до самаго центра, то легко сообразить, какъ высока должна быть температура внутренняго ядра земнаго. Судя по этому, уже на глубинѣ 7 миль, температура будетъ такъ высока, что въ состояніи будетъ плавить желѣзо. — По причинѣ неязвѣтности температуры на небольшихъ глубинахъ, такое возвышеніе температуры внутри земли не иначе можно объяснять, какъ собственною теплотою земли.

** Пониженіе температуры воздуха, по мѣрѣ удаленія отъ поверхности земли, не всегда и не вездѣ одинаково. Въ среднемъ числѣ изъ многочисленныхъ наблюденій можно принять, что на каждыя 100 сажень возвышенія, температура понижается однимъ градусомъ. Впрочемъ эти же наблюденія заставляютъ предполагать, что пониженіе температуры продолжается не равномерно, но въ верхнихъ слояхъ атмосферы становится гораздо медленнѣе и что въ полярныхъ странахъ вообще оно медленнѣе, чѣмъ подъ экваторомъ, въ слѣдствіе чего на предѣлахъ атмосферы температура со-

При сличеніи этихъ *общихъ* законовъ распределенія и измѣненія температуры на землѣ и въ атмосферѣ, съ одной стороны съ непосредственными ежедневными наблюденіями тѣхъ же явленій, а съ другой, съ *теоретическими* (отвлеченными) выводами, основанными на столько же *общихъ* законахъ дѣйствія солнечной теплоты, легко видѣть, что они составляютъ, такъ сказать, *средину* между совершенно-строгимъ правильностію *теоріи* и безпорядочнымъ хаосомъ ежедневнаго хода явленій.

Въ самомъ дѣлѣ, полагая въ основаніе *теоріи* истину, не требующую никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ, и состоящую въ томъ, что бѣльшая или меньшая степень температуры въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности, зависитъ отъ болѣе или менѣе сильнаго дѣйствія солнечныхъ лучей, — и удостовѣрившись посредствомъ *опытовъ*, что производимое солнцемъ нагрѣваніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ прямѣе (ближе къ перпендикуляру) падаютъ лучи его на данную поверхность и чѣмъ продолжительнѣе ихъ дѣйствіе, необходимо выводимъ слѣдующія заключенія:

1. Температура воздуха, въ измѣненіяхъ своихъ, всегда и вездѣ должна обнаруживать двойкую совершенно правильную періодичность, — по причинѣ двойкой правильной періодичности, соблюдаемой видимымъ движеніемъ солнца.

храняетъ вездѣ постоянную величину (около -40°). Кромѣ немногихъ прямыхъ наблюденій, подтверждающихъ это заключеніе (каковы напр. наблюденія *Парри*, который на островѣ *Мельвилль*, подъ 74° С. Ш., при -25° въ уровнѣ моря, нашелъ ту же самую температуру и на высотѣ 400 Пар. футовъ), — къ тому же приводятъ сравнительныя наблюденія, дѣланныя на разныхъ высотахъ въ Швейцарскихъ Альпахъ. Изъ нихъ оказывается: 1, что пониженіе температуры, по мѣрѣ возвышенія въ атмосферу, днемъ бываетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ ночью, — лѣтомъ также быстрѣе, чѣмъ зимою; 2, что разность между лѣтнею и зимнею температурою для различныхъ мѣстъ различна, и именно тѣмъ меньше, чѣмъ выше мѣсто наблюденія надъ уровнемъ моря. Въ слѣдствіе этого еще *Соссюръ*, замѣтившій это въ первый разъ, полагалъ, что въ Швейцаріи на высотѣ около 6000 саженъ температура воздуха, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, одинакова.

2. *Средняя годовичная и мѣсячная* величина температуры для *каждаго мѣста* на землѣ должна быть совершенно неизмѣнима, — по причинѣ совершенно одинаковаго количества теплоты, сообщаемой солнцемъ въ теченіи *каждаго года* одному и тому же мѣсту и въ теченіи *даннаго мѣсяца* въ какомъ бы то ни было году. То же самое должно разумѣть и о *средней суточной* температурѣ одинаковыхъ дней, взятыхъ въ различныхъ годахъ.

3. *Средняя годовичная температура* должна правильно и равномерно, уменьшаться отъ экватора къ полюсамъ, — по причинѣ *правильнаго и равномернаго* увеличиванія въ наклоненіи солнечныхъ лучей къ горизонту.

4. *Средняя температура* должна быть совершенно одинаково распределена какъ въ сѣверной, такъ и въ южной половинѣ *земнаго шара*, — по причинѣ симметрическаго положенія ихъ, относительно солнца.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что ежедневныя наблюденія въ весьма немногихъ случаяхъ, — и то не совершенно, — согласуются съ этими теоретическими выводами. Весьма рѣдко бываютъ у насъ такіе дни, когда температура воздуха, по мѣрѣ возвышенія солнца надъ горизонтомъ, правильно и постепенно возвышается и потомъ по мѣрѣ пониженія его, съ такою же постепенностію понижается: гораздо чаще встрѣчаются разнообразныя перерывы въ *суточныхъ* измѣненіяхъ термометра. Относительно же *годового* періода нельзя представить ни одного отдѣльнаго примѣра въ подтвержденіе *теоріи*, требующей, чтобы температура съ половины зимы до половины лѣта, съ каждымъ днемъ, постепенно возвышалась и потомъ, до половины слѣдующей зимы, съ такою же постепенностію понижалась.—

При всемъ томъ однакожъ зимній холодъ и лѣтній зной, въ нашихъ странахъ, всегда объясняли и объясняютъ различнымъ дѣйствіемъ солнца, — по причинѣ различной высоты и различной продолжительности пребыванія его надъ горизонтомъ.—Полуденный жаръ и ночную прохладу въ теплыхъ странахъ всегда приписывали и приписываютъ съ одной стороны присутствію, а съ другой отсутствію солнца, —

Стало-быть, основаніе *теоріи* всѣми принималось и принимается за несомнѣнную истину, и если въ подробномъ развитіи своемъ она не согласуется съ дѣйствительностію, то причину этого противорѣчія безъ сомнѣнія надобно искать въ неправильномъ приложеніи общей теоріи къ частнымъ случаямъ, именно: въ пренебреженіи такихъ обстоятельствъ, которыя должны быть непременно принимаемы въ соображеніе.

Такъ какъ *теорія* въ конечныхъ выводахъ своихъ совершенно согласна съ дѣйствительностію и не оправдывается только въ послѣдовательныхъ переходахъ отъ одного заключенія къ другому, изъ этого слѣдуетъ, что пренебрегаемыя обстоятельства такого свойства, что въ длинной цѣпи послѣдовательныхъ умозаключеній, отъ общаго положенія къ конечному выводу, частное вліяніе ихъ взаимно уничтожается. — Какимъ же образомъ теперь открыть эти обстоятельства, столь важныя для точности частныхъ — послѣдовательныхъ выводовъ изъ общей *теоріи*? — Въ этомъ отношеніи вышеизложенные общіе законы распредѣленія и измѣненія температуры, выведенные изъ многолѣтнихъ непрерывныхъ наблюденій, служатъ вѣрною руководною нитью. Обнаруживая также нѣкоторыя отклоненія дѣйствительности отъ *теоріи*, они представляютъ ихъ уже въ общей *опредѣленной* формѣ: они уже прямо указываютъ на то, что степень температуры воздуха, завися главнымъ образомъ отъ дѣйствія солнца, находится подъ *опредѣленнымъ* вліяніемъ мѣстныхъ условій. — Разсматривая ихъ, мы открываемъ различіе въ суточныхъ и годовыхъ перемѣнахъ температуры, смотря по тому, находится ли мѣсто наблюденія внутри большаго материка или вблизи океана, — высоко надъ поверхностію моря или въ одномъ съ нимъ уровнѣ.*

* Со времени *Птолемея* почти до половины XVIII столѣтія раздѣляли земную поверхность *параллелями* на нѣсколько *климатовъ* или *полосовъ*. Въ основаніе этого дѣленія принималось было различное наклоненіе горизонта къ экватору, отъ котораго происходитъ съ одной стороны различное продолженіе дня и ночи, а съ другой различное наклоненіе къ горизонту и слѣдов. различное дѣйствіе солнечныхъ лучей во время полудня. По этому, слову *климатъ* придавались эпитеты: *жоркій*, *умѣрен-*

Не принимая въ соображеніе никакихъ мѣстныхъ условій, прежніе Естествоиспытатели, для объясненія разногласія *теоріи* съ ежедневнымъ ходомъ температуры, принуждены были прибѣгать къ частнымъ гипотезамъ относительно другихъ источниковъ теплоты, дѣйствующихъ вмѣстѣ съ солнцемъ, положительно или отрицательно, на нашу атмосферу и поэтому увеличивающихъ, или уменьшающихъ нагреваніе воздуха, производимое въ данное время солнечными лучами. Въ слѣдствіе чего они искали этихъ второстепенныхъ источниковъ теплоты: 1) въ особенномъ (неопредѣленномъ) вліяніи на нашу землю и ея атмосферу луны, планетъ, кометъ и даже неподвижныхъ звѣздъ, — указывая при этомъ на извѣстные частные случаи, въ которыхъ крутыя перемены температуры въ какомъ нибудь мѣстѣ земной поверхности совпадали или съ измѣненіемъ вида луны, или съ особеннымъ расположеніемъ планетъ и т. д.; 2) во временномъ измѣненіи самаго солнца, приводя, въ подтвержденіе своего мнѣнія, появленіе на немъ темныхъ пятенъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ различное время; 3) въ дѣйствіи внутренней земной теплоты, временно и мѣстно прорывающейся, такъ сказать, въ нашу атмосферу, или устремляющейся отъ поверхности земли къ ея центру, — ссылаясь при этомъ на вулканическія изверженія и землетрясенія, которыя иногда также совпадаютъ (по времени) съ рѣзкимъ измѣненіемъ погоды; 4) наконецъ, съ открытіемъ воздушнаго *электричества*, постоянно обнаруживающаго свое присутствіе въ атмосферѣ, чаще всего прибѣгали

мый и *холодный* съ ихъ подраздѣленіями. — Въ настоящее время, когда болѣе или менѣе точно опредѣлено вліяніе мѣстности на степень температуры и на измѣненія ея въ суточномъ и годичномъ періодѣ, понятіе о *климатѣ* измѣнилось, отъ чего тому же слову *климатъ*, придаются эпитеты: *континентальный* (материковый), *морской*, *береговой*, *горный* и пр. По этому, прежнее дѣленіе земной поверхности на климаты уже не соответствуетъ настоящимъ понятіямъ. — Для соблюденія точности и ясности въ выраженіяхъ, части земной поверхности между различными параллелями, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ удерживается прежнее дѣленіе, не называются уже *климатами*, но только *полсами*.

къ этому *физическому дѣятелю* въ тѣхъ случаяхъ, когда ничего болѣе удовлетворительнаго не могли себѣ представить для объясненія внезапныхъ переменъ въ атмосферѣ и т. д.

Но всѣ такого рода частныя предположенія, удовлетворяя минутному, такъ сказать, требованію ума, постоянно оказывались не только неудовлетворительными въ приложеніи къ другимъ вопросамъ, существенно связаннымъ съ тѣми, для объясненія которыхъ были придуманы, но даже вовсе съ ними несовмѣстными.*

Метеорологи настоящаго времени, руководясь означенными указаніями на мѣстныя условія и пользуясь изложенными мною выше открытіями въ области другихъ частей Естествовѣдѣнія, нашли возможность согласить теорію съ дѣйствительностію, не прибѣгая ни къ какимъ частнымъ гипотезамъ. Они усмотрѣли, что, въ приложеніи солнечной теплоты къ нагрѣванію атмосферы и земной поверхности, необходимо принимать въ надлежащее соображеніе: теплопрозрачность (*diathermansie*) и удобоподвижность атмосфернаго воздуха и морскихъ водъ, различную теплоёмкость веществъ, находящихся на земной поверхности, поглощеніе и

* Такія гипотезы относительно участія въ атмосферныхъ явленіяхъ какихъ либо другихъ высшихъ дѣятелей, кромѣ неудовлетворительности своей, положительно вредили и вредятъ Наукѣ тѣмъ, что, при нихъ, ничѣмъ уже не ограничивается произволъ фантазій, которая для всякаго особеннаго явленія всегда найдетъ новаго какого-либо дѣятеля. — Вообще надобно замѣтить, что спеціальное изслѣдованіе однихъ только *необыкновенныхъ* явленій (для объясненія которыхъ и придумываются подобныя частныя гипотезы) никогда не можетъ содѣйствовать успѣхамъ Науки; въ этомъ, кажется, никто не можетъ сомнѣваться, — такъ напр. изслѣдованіемъ однихъ только *уродовъ* нельзя постигнуть законовъ *Физиологии*. А между тѣмъ относительно Метеорологіи искони составилось убѣжденіе противное; такъ напр. необыкновенно суровая зима, или слишкомъ продолжительная засуха и тому подобное, чаще всего бываютъ поводомъ къ восклицаніямъ: *какой богатый годъ для Метеорологіи, или для Метеоролога!* Слѣдуя этому ложному убѣжденію, многіе дѣйствительно обольщаются этимъ мнимымъ богатствомъ и принимаютъ толковать объ этихъ необыкновенныхъ явленіяхъ, не приготовивши себя къ тому изученіемъ тѣхъ законовъ, которыми подчиняются явленія, ничего необыкновеннаго не представляющія.

освобожденіе теплоты при различныхъ переходахъ воды, (покрывающей бѣльшую часть земной поверхности), изъ одного состоянія въ другое, т. е. изъ жидкаго въ газообразное или твердое, и наоборотъ, — всегдашнее присутствіе въ атмосферномъ воздухѣ водяныхъ паровъ, способныхъ къ количественному измѣненію. Кромѣ того они убѣдились, что, при теоретическомъ опредѣленіи степени температуры какаго-либо тѣла, недостаточно принимать въ расчетъ только то количество теплоты, которое оно получаетъ изъ опредѣленнаго источника: но надобно обращать вниманіе и на то количество, которое оно непрестанно теряетъ; потому что теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что теплота (*le calorique rayonnant*) выходитъ изъ поверхности всѣхъ тѣлъ въ окружающее пространство въ видѣ лучей, какова бы ни была температура ихъ, слѣдуя при этомъ постояннымъ и опредѣленнымъ законамъ.

Первымъ слѣдствіемъ такого ограниченія частными условіями *общихъ теоретическихъ* выводовъ было строгое согласованіе съ ними *общихъ выводовъ изъ наблюдений*, или, другими словами, удовлетворительное объясненіе тѣхъ противорѣчій, которыя обнаруживаются въ *опредѣленной формѣ*, между выводами изъ многолѣтнихъ наблюдений, для разныхъ мѣстъ на земной поверхности, и общими безусловными требованіями *теоріи*, основанной на законахъ дѣйствія солнечной теплоты.*

Достигши въ этомъ отношеніи удовлетворительнаго результата, Наука указываетъ путь къ объясненію всѣхъ частныхъ перемѣнъ въ атмосферѣ, т. е. всей суммы явленій, характеризующихъ то или другое состояніе погоды въ дан-

* Такъ, напр., по требованію *теоріи*, средняя температура воздуха во всѣхъ мѣстахъ, находящихся на одномъ разстояніи отъ экватора, должна быть одинакова; выводы изъ многолѣтнихъ наблюдений несогласуются съ этимъ требованіемъ, но обнаруживаютъ *опредѣленную* разность между температурами мѣстъ, лежащихъ внутри материковъ и близъ моря. — Соображеніе всѣхъ обстоятельствъ или условій, сопровождающихъ нагрѣваніе и охлажденіе суши и моря, удовлетворительно объясняетъ эту разность.

ное время, — тотъ или другой климатъ въ данномъ мѣ-
стѣ, — на основаніи одного общаго начала*.

Но я увлекся бы слишкомъ далеко, если бы перешелъ
теперь къ подробному изложенію тѣхъ взаимныхъ отноше-
ній между атмосферными явленіями, въ которыхъ выражается
внутренняя тѣсная связь между ними, доказывающая дѣйстви-
тельное подчиненіе ихъ одному общему началу. — Доста-
точнымъ считаю обратить Ваше вниманіе, III III., только
на общее расположеніе главныхъ узловъ, да позволено бу-
детъ такъ выразиться, этой узорчатой сѣти, искусно спле-
таемой предъ нашими глазами невидимою рукою изъ одной
безконечной нити.

* Чтобы яснѣе понять, какую важность въ Наукѣ имѣютъ выводы изъ
многолѣтнихъ наблюденій надъ температурою и другими атмосферными
явленіями, и какимъ образомъ они содѣйствовали и содѣйствуютъ ея успѣ-
хамъ, можно, кажется, употребить тоже сравненіе, какое сдѣлаво мною при
объясненіи вопроса, почему Астрономія такъ далеко опередила другія ча-
сти Естественнѣдѣнія. Имѣя въ виду только крайности температуры: лѣтній
зной и зимній холодъ въ нашихъ странахъ, — большее тепло въ тропиче-
скомъ полсѣ, чѣмъ въ мѣстахъ вообще далеко отъ экватора лежащихъ
и т. п. и объясняя ихъ весьма удовлетворительно различнымъ дѣйствіемъ
солнечной теплоты, мы, какъ будто, ставимъ себя вдали отъ всего того,
что насъ окружаетъ; по причинѣ отдаленности, мы видимъ только самыя
выпуклыя, такъ сказать, стороны явленій, незамѣчая въ нихъ всѣхъ по-
дробностей. Оттого эти явленія дѣлаются для насъ весьма простыми (не
многосложными); мы весьма легко находимъ между ними связь и такимъ
образомъ удовлетворительно объясняемъ ихъ. — Перехода потомъ къ выво-
дамъ изъ многолѣтнихъ наблюденій, мы, какъ будто, постепенно прибли-
жаемся къ тѣмъ же явленіямъ, въ слѣдствіе чего мало по малу открываемъ
въ нихъ другія менѣе выпуклыя стороны, незамѣчая однакожъ
опять остальныхъ подробностей; явленія становятся для насъ постепенно
сложнѣе и сложнѣе, но найденная нами связь между сперва замѣченными
сторонами этихъ явленій, послѣдовательно можетъ быть распространяема
и на вновь открываемыя. Наше прежнее объясненіе требуетъ въ такомъ
случаѣ только нѣкоторыхъ дополненій. — Перехода же отъ крайностей
температуры прямо къ ежедневнымъ ея измѣненіямъ, мы, какъ будто, пе-
реносимся вдругъ на самое близкое разстояніе отъ тѣхъ же явленій, при
чемъ безъ всякой постепенности замѣчаемъ въ нихъ всѣ подробности и та-
кимъ образомъ лишаемся удобства послѣдовательно переходить отъ про-
стаго къ болѣе сложному.

Въ слѣдствіе того, что температура въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности во всякое время различна, атмосферный воздухъ не можетъ оставаться ни на одно мгновение въ совершенномъ покоѣ. Направленіе и скорость движенія отдѣльныхъ частей его зависятъ отъ опредѣленныхъ условій, и именно отъ различія ихъ температуры. — Припимая въ соображеніе только однѣ крайности: съ одной стороны непрерывное жаркое лѣто тропическаго пояса, а съ другой суровую и также непрерывную зиму полярныхъ мѣстъ, легко понять, что общее движеніе атмосфернаго воздуха должно происходить постоянно по направленіямъ противоположнымъ въ одно и то же время: отъ экватора къ полюсамъ и отъ полюсовъ къ экватору. При этомъ не надобно только забывать, что воздухъ, по причинѣ своей теплопроводности (*diathermansie*), не нагревается отъ непосредственнаго дѣйствія на него солнечныхъ лучей; поэтому, нагреваясь отъ прикосновенія съ нагреваемою поверхностію земли въ тропическомъ поясѣ, онъ долженъ сначала подниматься вверхъ и, уже въ значительномъ разстояніи отъ земной поверхности, стекать къ полюсамъ; на мѣсто его къ экватору долженъ постепенно притекать нижними слоями атмосферы, холодный воздухъ, получающій первоначальное побужденіе къ движенію у полюсовъ.

Если бы поверхность земли была совершенно однородна и геометрически правильна, какъ напр. поверхность моря, — и если бы воздухъ, при своемъ движеніи, не измѣнялъ своихъ *физическихъ* свойствъ (если бы онъ состоялъ вездѣ и всегда изъ однихъ постоянныхъ газовъ, безъ примѣси водяныхъ паровъ); въ такомъ случаѣ это двоякое движеніе въ атмосферѣ каждаго полушарія, установившись одинъ разъ, продолжалось бы непрерывно съ постоянною скоростію. Тогда, въ нашихъ странахъ, мы не знали бы другихъ вѣтровъ, кромѣ сѣвернаго, — или сѣверо-восточнаго, — близъ земной поверхности, и южнаго, — или югозападнаго, — въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Количество воздуха, проходящаго при этомъ движеніи чрезъ каждое мѣсто по противоположнымъ направленіямъ, было бы всегда одинаково, — и въ слѣдствіе

того равновѣсія между частями атмосферы, не смотря на ихъ движеніе, оставалось бы неизмѣннымъ; характеръ вѣтра былъ бы всегда ровный и тихій. — Видимое состояніе атмосферы, — по причинѣ предполагаемой неизмѣняемости физическихъ свойствъ воздуха, — оставалось бы всегда одинаковымъ: кромѣ правильныхъ періодическихъ измѣненій теплоты и свѣта, мы не замѣчали бы въ ней никакихъ другихъ явленій.*

Переходя теперь отъ такого *идеальнаго* состоянія къ дѣйствительному порядку вещей, не трудно разгадать, какія перемѣны должны происходить въ этомъ необходимомъ движеніи атмосферы, и какими явленіями оно должно сопровождаться, и дѣйствительно сопровождается. — Я укажу только на слѣдующія обстоятельства:

I. По причинѣ разнородности земной поверхности, нагрѣваніе и охлажденіе различныхъ частей ея, происходитъ не равномѣрно; — отъ того, кромѣ означеннаго общаго движенія, различныя части атмосферы должны перемѣщаться между собою по различнымъ направленіямъ, повинуюсь при этомъ общему закону равновѣсія и движенія упругихъ веществъ.

Вотъ первая причина частой перемѣны вѣтра!

II. По причинѣ неровностей на земной поверхности, воздухъ, текущій нижними слоями отъ полюсовъ къ экватору, встрѣчаетъ различныя препятствія, отъ которыхъ равномѣрность его движенія непремѣнно должна нарушаться: на нѣкоторое время онъ можетъ и долженъ какъ бы остановившись и потомъ устремляться впередъ съ бѣльшею скоростію, онъ можетъ и долженъ непремѣнно измѣнять по мѣстамъ свое направленіе. вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе верхняго воздуха не можетъ сохранять первоначальную свою правильность — потому что всѣ части атмосферы, и въ движеніи своемъ, постоянно стремятся возстановить общее равновѣсіе, нарушаемое такими измѣненіями въ отдѣльныхъ частяхъ ея.

Въ этомъ заключается вторая причина перемѣнъ, какъ въ направленіи, такъ и въ силѣ вѣтра.

* Состояніе атмосферы приближается у насъ къ этому *идеалу* въ немногіе совершенно ясные дни лѣтомъ и зимою.

Ш. Воздухъ, не нагрѣваясь отъ непосредственнаго дѣйствія солнечныхъ лучей, измѣняетъ свою температуру съ одной стороны отъ измѣненія своей плотности,—по мѣрѣ восхожденія вверхъ и паденія внизъ,—а съ другой отъ прикосновенія къ поверхности другихъ тѣлъ, или отъ смѣшенія съ другими массами воздуха, которое необходимо должно происходить при неравномѣрномъ движеніи частей его. Поэтому, во время движенія своего, различныя части атмосферы въ различной мѣрѣ измѣняютъ свою температуру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и температуру тѣхъ веществъ, съ которыми приходятъ въ соприкосновеніе.—Изъ этого слѣдуетъ, что движеніе воздуха, получающее свое начало отъ неравномѣрнаго распредѣленія температуры на земной поверхности, не будучи въ состояніи уравнивать ее, измѣняетъ только первоначальное распредѣленіе и такимъ образомъ уже въ самомъ себѣ содержитъ причину непрерывныхъ перемѣнъ, какъ направленія своего, такъ и своей скорости.

IV. По причинѣ послѣдовательнаго измѣненія температуры, нарушенія равномѣрнаго движенія и т. п., воздухъ, движущійся отъ экватора, спускается изъ верхнихъ слоевъ атмосферы къ поверхности земной не у самыхъ полюсовъ, но въ небольшомъ разстояніи отъ тропиковъ. Встрѣчая внизу противоположное теченіе, онъ вступаетъ съ нимъ въ непрерывную борьбу, результатомъ которой должна быть опять, кромѣ другихъ, сопровождающихъ ее обстоятельствъ, частая перемѣна въ направленіи и силѣ вѣтра во всемъ, такъ называемомъ, умѣренномъ полсѣ: смотря потому, подъ какимъ угломъ въ различное время встрѣчаются эти противоположныя потоки воздуха и съ какою скоростію каждый изъ нихъ движется, перевѣсъ долженъ оставаться попеременно то на той, то на другой сторонѣ; въ весьма рѣдкихъ случаяхъ взаимное ихъ дѣйствіе можетъ на время уничтожаться. Въ послѣднемъ случаѣ, на нѣкоторое время, атмосферный воздухъ долженъ придти въ неподвижное состояніе на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи (тишина, безвѣтріе).

V. Водяные пары, привходящія въ атмосферу отъ испаренія воды, находящейся въ различныхъ мѣстахъ земной по-

верхности, сохраняютъ свою прозрачность и упругость, свойственныя другимъ главнымъ составнымъ частямъ воздуха, только при определенныхъ условіяхъ, — засисящихъ отъ количества ихъ въ определенномъ пространствѣ и отъ температуры. Эти условія выражаются слѣдующимъ правиломъ: *при данной температурѣ можетъ совмѣститься съ даннымъ объемомъ воздуха только определенное количество паровъ.* Если такое *наибольшее* количество паровъ уже есть въ данномъ объемѣ воздуха, то при малѣйшемъ пониженіи температуры, нѣкоторая часть ихъ выдѣлится, переходя постепенно изъ прозрачнаго—упругаго состоянія въ туманную массу, капли, снѣжинки и т. п.

Переносясь изъ одного мѣста въ другое, воздухъ содержитъ въ себѣ, въ различное время, различное количество водяныхъ паровъ, смотря потому, какъ долго и при какой температурѣ находился онъ вблизи поверхности воды или влажной почвы; слѣдовательно, если онъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ близокъ къ наибольшей сырости, или, какъ обыкновенно выражаются, къ состоянію насыщенія, то дальнѣйшее охлажденіе его ниже определенной степени, должно быть сопровождаемо осажденіемъ изъ него воды въ видѣ тумана или облаковъ, росы, дождя, снѣга, града и пр. При послѣдовательномъ же за тѣмъ нагрѣваніи, не только полу-осѣвшая, такъ сказать, влага снова должна разрѣшаться въ цемъ, т. е. переходить въ прозрачное—упругое состояніе,—но и вода съ поверхности земли должна снова въ него испаряться. *Слѣдовательно чѣмъ быстрее и сильнѣе охлажденіе воздуха, тѣмъ быстрее и въ бдльшемъ количествѣ должны выдѣляться изъ него водяные пары въ различной формѣ; а такое охлажденіе его можетъ произойти, какъ сказано прежде, или вслѣдствіе прикосновенія съ холодными поверхностями другихъ тѣлъ на земной поверхности, или вслѣдствіе смѣшенія съ охлажденнымъ прежде воздухомъ.*

VI. Со времени открытія воздушнаго электричества мало по малу дознано, что этотъ *физическій дѣятель* (agens) во всякое почти время, въ бдльшей или въ меньшей степени, обнаруживаетъ свое присутствіе въ атмосферѣ. Источникъ

его до сихъ поръ не вполне постигнуть; но законы проявленія и дѣйствія опредѣлены довольно подробно.* Въ приложеніи къ атмосфернымъ явленіямъ необходимо помнить слѣдующее: электричество, будучи распределено опредѣленнымъ образомъ между различными тѣлами, остается въ такъ называемомъ равновѣсїи, т. е. ничѣмъ не обнаруживаетъ въ нихъ своего присутствія; при всякомъ же измѣненіи такого распределенія, равновѣсіе нарушается; — но электричество само собою стремится тотчасъ же возстановить оное; при этомъ возстановленіи оно обнаруживается въ видѣ искры, сопровождаемой трескомъ, въ томъ случаѣ, когда переходитъ изъ одного проводника въ другой черезъ вещество *непроводящее*, и когда количество его, приходящее такимъ образомъ въ движеніе, достаточно для того, чтобы преодолѣть сопротивленіе *непроводника*. — Въ атмосферѣ, при всякомъ быстромъ и обильномъ осажденіи водяныхъ паровъ, съ такою же быстротою нарушается равновѣсіе электричества между различными массами воздуха, равно какъ между воздухомъ вообще и поверхностію земли; слѣдующее за тѣмъ мгновенное возстановленіе нарушеннаго равновѣсія нерѣдко сопровождается обыкновенными явленіями грозы: *молніею* и *громомъ*. — При медленномъ осажденіи водяныхъ паровъ также конечно происходитъ нарушеніе равновѣсія въ воздушномъ электриствѣ, — но оно постепенно возстановляется, не оставляя видныхъ слѣдовъ для наблюдателя.**

* Въ физическихъ опытахъ мы *производимъ*, какъ обыкновенно говорятъ, электричество преимущественно посредствомъ взаимнаго тренія разнородныхъ веществъ. Кроме того мы замѣчаемъ болѣе или менѣе ясное *освобожденіе* электричества при различныхъ химическихъ процессахъ, или вообще при различномъ дѣйствіи *молекулярныхъ силъ*. Какой изъ этихъ извѣстныхъ намъ *источниковъ* электричества поддерживаетъ постоянное присутствіе его въ атмосферѣ, — на это Наука не можетъ отвѣчать удовлетворительно.

** На этомъ основаніи воздушному электричеству нельзя приписывать участія въ образованіи другихъ атмосферныхъ явленій. Самая *гроза* (молнія и громъ) есть только спутникъ быстрого осажденія водяныхъ паровъ, повторяющагося отъ послѣдовательнаго весьма быстрого смѣшенія разнородныхъ массъ воздуха (см. подробности *Dove* — *Meteorologische Untersuchungen*. 224—242).

Соображая теперь исчисленные мною въ этомъ краткомъ обзорѣ обстоятельства, или условія, при которыхъ происходитъ никакому сомнѣнію неподверженное постоянное перемѣщеніе воздуха отъ экватора къ полюсамъ и отъ полюсовъ къ экватору, необходимо надобно заключить, что они сами по себѣ могутъ и должны быть принимаемы за *ближайшія* (*второстепенныя*) причины тѣхъ явленій, совокупность которыхъ мы называемъ *погодой*, относительно даннаго времени, или *климатомъ*, относительно даннаго мѣста. *Первоначальною же причиною* ихъ останется въ такомъ случаѣ различное дѣйствіе солнечныхъ лучей въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, при удобоподвижности атмосфернаго воздуха и разнородности земной поверхности.

Но въ какой именно степени эти условія, при совокупномъ ихъ вліяніи на движеніе атмосферы, *достаточно* для объясненія всѣхъ явленій, происходящихъ предъ нашими глазами? На это конечно нельзя еще отвѣчать положительно съ такою же увѣренностію, съ какою напр Астрономы утверждаютъ, что причина движенія планетъ заключается единственно во *всеобщемъ тяготѣніи*.

Такая разность убѣжденія въ своихъ теоріяхъ между Астрономами и Метеорологами происходитъ отъ того, что условія, при которыхъ происходитъ движеніе различныхъ частей атмосферы, такъ многосложны и такъ измѣняемы, что всѣ усилія Геометровъ, выразить ихъ строгими математическими формулами, остались до сихъ поръ безуспѣшными;* напротивъ того для выраженія условій, при которыхъ происходитъ движеніе планетъ, найдены весьма точныя и, для вычисленія, довольно удобныя формулы.—Поэтому астрономическая теорія можетъ быть строго повѣрена наблюденіями во всѣхъ своихъ подробностяхъ, — метеорологическая же не можетъ быть подвергнута такой строгой и подробной повѣркѣ.—По этой же причинѣ Астрономъ, по данному взаимному положенію свѣтилъ небесныхъ для извѣстнаго

* См. *Lindenaу* въ *Monatlich. Correspondenz* Th. XIII. 435. Th. XV. 40. и *Schmidt* — *Lehrbuch der Naturlehre*. Giessen. 1826.

времени, можетъ опредѣлить, посредствомъ вычисленія, какая перемена должна произойти въ послѣдствіи, — а Метеорологъ изъ даннаго состоянія погоды, даже на всей земной повѣрхности, не можетъ вывести совершенно вѣрнаго заключенія о будущей переменѣ, хотя бы основаніе метеорологической теоріи было также несомнѣнно, какъ и основаніе теоріи астрономической.

Не имѣя такимъ образомъ общаго критеріума для полной теоріи, Метеорологи могутъ однакожь подвергать болѣе или менѣе строгой повѣркѣ частныя заключенія, выводимыя изъ общихъ началъ. Такъ, напр., между направлениемъ и скоростью вѣтра на опредѣленномъ пространствѣ земной повѣрхности, съ одной стороны, и температурою, влажностью и упругостію воздуха въ разныхъ мѣстахъ этого пространства, съ другой стороны, на основаніи общихъ физическихъ законовъ, должны существовать постоянныя отношенія. Если такого рода теоретическія заключенія, хотя приблизительно оправдываются наблюденіями, то и этого уже достаточно для подтвержденія справедливости общихъ началъ теоріи; потому что, и при частныхъ такого рода теоретическихъ выводахъ, не всегда бываетъ можно принимать въ расчетъ большую часть тѣхъ условій, которыя имѣютъ мѣсто въ дѣйствительности.

И такъ единственное средство для успѣха Метеорологівъ, въ смыслѣ точной науки (*la science exacte*), состоитъ въ томъ, чтобы какии-нибудь образомъ устранить или обойти тѣ затрудненія, которыя встрѣчаются при построеніи общей теоріи. А этого нельзя достигнуть иначе, какъ подробнымъ изслѣдованіемъ тѣхъ соотношеній, которыя выражаются въ самыхъ явленіяхъ, подлежащихъ наблюденію. Анализы прежнихъ метеорологическихъ наблюденій обнаружили уже нѣсколько точекъ соприкосновенія между разнородными явленіями въ атмосферѣ.* Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдующія наблюденія прольютъ еще болѣе свѣтъ на Науку.

* Кроме сказаннаго мною въ разныхъ мѣстахъ этой рѣчи о взаимной связи атмосферныхъ явленій, см. подробности: *Dove — Meteorologische Untersuchungen*. Berlin. 1837 стр. 1—99.

Явленія такъ-называемаго *земнаго магнитизма* почти до нашего времени, оставались совершенно изолированными отъ другихъ атмосферныхъ явленій. Но обширныя изслѣдованія *Ганстеена*, который подробно рассмотрѣлъ и привелъ въ систему всѣ магнитныя наблюденія, сдѣланныя до того времени, обратили вниманіе и другихъ Естествоиспытателей на этотъ предметъ, требующій внимательнаго и глубокаго изученія.* Первымъ плодомъ общей ихъ дѣятельности было окончательное рѣшеніе вопроса, относительно существованія правильныхъ — періодическихъ измѣненій въ направленіи магнитной стрѣлки, подобныхъ тѣмъ, какія замѣчаются въ показаніяхъ термометра, барометра и гигрометра. Далѣе въ самомъ распредѣленіи магнитизма по земной поверхности дѣйствительно обнаружилось большое сходство съ распредѣленіемъ температуры, которое яснѣе всего выражается въ совпаденіи магнитныхъ полюсовъ земли съ полюсами холода. Наконецъ внезапныя и неправильныя отклоненія магнитной стрѣлки отъ обыкновеннаго направленія (*les deviations brusques de l'aiguille*), замѣченныя прежде во время *сѣверныхъ сіяній*, оказались одновременными для различныхъ мѣстъ земной поверхности.

* *Christopher Hansteen* — *Untersuchungen über den Magnetismus der Erde* 4. Christiania 1819. Въ предисловіи къ этому сочиненію (стр. XI) замѣчательны слѣдующія слова *Ганстеена*: »Со временъ *Кеплера* и *Ньютона* взоры всѣхъ Европейскихъ Геометровъ обращены были къ небу съ тою цѣлію, чтобы изслѣдовать движеніе планетъ въ магнитныхъ подробностяхъ и опредѣлять взаимныя ихъ возмущенія; теперь было бы желательно, чтобы они хотя на нѣкоторое время, низвели свои взоры къ центру земли; потому что и тамъ есть замѣчательныя рѣдкости, стоющія ихъ вниманія. Нѣмымъ языкомъ магнитной стрѣлки земля выражаетъ движенія, внутри нея происходящія; если бы мы умѣли разбирать пламенные письма Полярныхъ (сѣверныхъ) сіяній, то они были бы для насъ не менѣе вѣдучительны. Связь Метеорологіи съ сѣверными сіяніями, слѣдовательно съ магнитными силами, бросается прямо въ глаза; равнымъ образомъ замѣчательно сходство (тождество) между Гумбольдтовыми изотермами и дивидианн одинаковаго магнитнаго наклоненія».

Съ другой стороны весьма важныя открытія Эрштеда (1820 г.), Себека (1821 г.) и Фарадея (1831 г.), сдѣланныя около тогоже времени въ области опытной Физики, несомнѣнно доказали, что между отдѣльными физическими дѣятельностями, или силами: электричествомъ, магнетизмомъ и теплотою, при определенныхъ условіяхъ, весьма ясно обнаруживается внутренняя связь и взаимная зависимость (nexu causalis), о которой прежде только что догадывались, на основаніи одной аналогіи.

Всѣ эти обстоятельства были причиною, что и магнитныя наблюденія мало-по-малу стали входить въ общую систему метеорологическихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственно метеорологическія наблюденія стали получать вездѣ общій, болѣе правильный планъ и болѣе обширный размѣръ. — Для магнитныхъ наблюденій оказалось необходимымъ устроить особенныя обсерваторіи, потому что нѣкоторые изъ магнитныхъ приборовъ требуютъ столько же твердаго и постоянного установленія, какъ и астрономическіе инструменты, и, кромѣ того, близость желѣза, въ различномъ видѣ употребляемаго при постройкѣ обыкновенныхъ зданій, производитъ особенное измѣненіе въ направленіи магнитныхъ стрѣлокъ, которое нельзя смѣшивать съ измѣненіями, зависящими отъ вліянія земнаго магнетизма. — Неутомимая дѣятельность знаменитыхъ ученыхъ: Гумбольдта, Араго, Кунфера и Гаусса, возбудила живое сочувствіе къ этому предмету не только въ ученыхъ Обществахъ, но и въ просвѣщенныхъ Правительствахъ, которыя изъявили готовность доставить имъ всѣ матеріальныя средства, сколь бы дороги онѣ ни были, для приведенія въ исполненіе ихъ обширныхъ плановъ. Въ непродолжительное время, въ разныхъ мѣстахъ земной поверхности, отъ Парижа чрезъ Германію и Россію до западныхъ береговъ Америки, возникли магнитныя Обсерваторіи, въ которыхъ, кромѣ ежедневныхъ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій, производимыхъ въ установленныя часы, наблюдатели, нѣсколько разъ въ году, въ условленные дни, почти ежеминутно, слѣдятъ за направ-

леніемъ магнитной стрѣлки. Теперь метеорологическія и магнитныя обсерваторіи съ каждымъ годомъ возрастаютъ въ числѣ, и съ каждымъ годомъ приобретають новыя средства для своевременнаго изданія въ свѣтъ наблюденій въ правильномъ систематическомъ порядкѣ, съ предварительными выводами общихъ результатовъ. Последнее обстоятельство весьма важно для будущихъ успѣховъ Науки, потому что наблюденія, не обработанныя въ свое время надлежащимъ образомъ и не приведенныя въ общую систему, образуютъ собою, для будущаго времени весьма богатый рудникъ; но извлеченіе изъ него драгоценныхъ сокровищъ тѣмъ труднѣе бываетъ, и тѣмъ дороже стоитъ, чѣмъ больше ихъ въ немъ содержится.

Плоды наукъ зрѣють вообще весьма медленно: по этому нельзя удивляться, что въ настоящее время, не смотря на многостороннюю дѣятельность ученыхъ въ области теоретической и практической Метеорологіи, не смотря на богатые средства, находящіяся у нихъ подъ руками, остается еще много вопросовъ, которыхъ рѣшеніе предоставляется будущему времени. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ однакожъ полное право думать, что безкорыстные труды теперешнихъ ученыхъ, равно какъ содѣйствіе и покровительство, оказываемыя имъ со стороны Правительствъ во всѣхъ образованныхъ Государствахъ, будутъ предметомъ глубочайшей благодарности и въ позднѣйшемъ потомствѣ. — И въ этой благодарности имя Августѣйшаго Монарха, подъ мудрымъ правленіемъ котораго мы имѣемъ счастье наслаждаться всеми благами просвѣщенія, безъ всякаго сомнѣнія будетъ воспоминаемо и прежде и чаще другихъ; потому что ни въ одномъ Государствѣ не предоставлено столько средствъ со стороны Правительства для воздѣлыванія Метеорологіи, сколько въ нашемъ любезномъ Отецествѣ.

М. Спасскій.

ТЕОРІЯ СМЪШНАГО,

СЪ ПРИМЪНЕНІЕМЪ КЪ РУССКОЙ КОМЕДИИ.

СТАТЬЯ II.

Въ памятникахъ народной нашей Словесности, какъ письменныхъ, такъ и устныхъ, разсыяны многія прекрасныя и глубокія черты Русскаго юмора. Мы, конечно, соберемъ ихъ воедино тогда, когда отвлеченные вопросы объ искусствѣ будемъ обращать въ живые и приготовить материалы для народной науки объ юморе. Теперь же скажемъ что возможно.

Въ самыхъ отдаленныхъ притчахъ народныхъ, какія доносить намъ древнѣйшая наша летопись, собравшая ихъ, вѣроятно, изъ устъ самого народа, выражается наша наклонность къ смѣшному. «Пищанцы Волчья хвоста бѣгаютъ» — такъ корила Русь Радимичей, жившихъ на рѣкѣ Пищавѣ и побѣжденныхъ Воеводою, который прозывался Волчій хвостъ. Радимичи были Польскіе выселенцы въ землѣ Русской.

Слово Данила Заточника, гдѣ грусть и добрый смѣхъ такъ глубоко слились воедино, заклеило дурачество, этотъ всегдашній предметъ комедіи, словами высокаго юмора: «дураковъ ни едятъ, ни съютъ, ни собираютъ въ житницы: они сами родятся.» — «Мертвецъ не разсмѣшитъ, дурака не научить.»

Слово о полку Игоревѣ такъ повсемѣстно проникнуто горемъ раздробленной, растерзанной земли Русской; что, казалось, негдѣ было здѣсь и улыбнуться творцу его. Однако и тутъ, въ одномъ мѣстѣ, самомъ темномъ, иносказательно выражается его комическая иронія, а именно

тамъ, гдѣ говоря о раздѣленіи знаменъ на Рюриковы и Давидовы, авторъ Слова поражаетъ безуміе враждующихъ между собою князей, намекомъ на животныхъ, которыя носятъ рога, признакъ силы, а сами хвостами виляютъ (но рога носятъ имъ, хоботы пашутъ).

Въ пѣсняхъ Русскихъ, собранныхъ Сибирскимъ козачкомъ Киршею Даниловымъ, образецъ смѣшнаго есть *глупый Дурень, неразумный Бабникъ*, который гуляетъ по Руси, чтобы *людей видати и себя казати*, и что ни слово скажетъ, такъ выходитъ у него глупость, и все не въ попадъ: такъ между прочимъ, сыновьямъ, которые хоронятъ мать и поминаютъ отца, желаетъ по сту на день, по тысячу на недѣлю; новобрачнымъ — царства небеснаго, а старцу — сужено понятн. Типъ челоуѣка, который все дѣлаетъ некстати, есть типъ, взятый воображеніемъ народнымъ изъ міра дѣйствительнаго: это типъ у насъ ходячій. Но комикомъ онъ еще не достался: народный мотивъ не разработанъ искусствомъ.

Пословицы наши, какъ сокровище здраваго Русскаго ума, для комика, имѣющаго дѣло съ безуміемъ, представляютъ кладъ неистощимый. Вникая въ глубокий смыслъ ихъ, поэтъ комическій можетъ въ разумъ самаго народа почерпать идеи для своихъ комедій. Пословицы наши, вмѣстѣ съ готовыми для нихъ заглавіями, тоже для комика, что мотивы народныхъ мелодій для композитора оперы. Намъ особенно любопытны тѣ пословицы, которыя клеймятъ дурачество, а ихъ довольно много. Всѣ отличаются необыкновенною мѣткостью и силою. »Въ дуракъ и Царь не воленъ!» а по другому варианту: «Въ дуракъ и Богъ не воленъ!» — «Дураку законъ не писанъ.» — «Дуракъ времени не знаетъ.» — «Дуракъ въ воду кинетъ камень, а десять умныхъ не вытащутъ.» — «Дуракъ дурака дуракомъ и погоняетъ.» — «Дуракъ не боится креста, а боится песта.» — «Дуракъ по дуру далеко ходилъ.» — «Дуракамъ и въ олтари не спускаютъ» — «Заставь дурака Богу молиться, онъ

радъ и лобъ разбить.» — Такихъ пословицъ противъ дурачества безчисленное множество — и въ каждой изъ нихъ заключена комедія. — Пословица Русская позволяетъ смѣяться надъ грѣхами: «грѣхи чинятъ смѣхъ», говоритъ она, но не тогда, когда смѣяться уже поздно: «грѣхъ не смѣхъ, когда придетъ смерть.»

Въ одной весьма умной народной сказкѣ про царя Соломона и сына его Соломку, сей послѣдній представленъ образцомъ Русскаго остроумія. Царь Соломонъ, желая испытать умъ его, задаетъ ему невозможныя задачи, — а онъ отражаетъ ихъ такими же: въ числѣ другихъ есть задача, чтобы быкъ отелился; Соломка, вмѣсто отвѣта, съѣтъ вареный горохъ на пути, гдѣ царь проезжаетъ. «Да развѣ вареный горохъ выростетъ?» спрашиваетъ царь. «Да развѣ быки телятся?» отвѣчаетъ Соломка. Этотъ же самый Соломка въ той же сказкѣ хитростью провель чорта въ адъ — и тѣмъ спасся оттуда.

Иоаннъ Грозный, какъ гениальный человекъ, вмѣщаль въ себя многія черты Русскаго характера. Онъ одаренъ былъ въ высшей степени комическою ироніей, которую обнаружилъ въ своемъ сатирическомъ посланіи въ Кирилло-Бѣлозерскую обитель, направленномъ противъ злоупотребленій монастырской жизни, ему современной; но страстная натура Иоаннова вмѣшала ему владѣть этою ироніею хладнокровно. Она раздражительна, какъ самъ Иоаннъ.

Никто, конечно, не вмѣщаль въ себя столько Русскихъ стихій, какъ Петръ Великій. Въ немъ можно отыскать зародыши всего нашего развитія въ новую эпоху, по всемъ отраслямъ, не исключая и Словесности. Своими пышными праздниками побѣдъ Петръ предсказалъ торжественную, великолѣпную оду Ломоносова; своими пародіями — успѣхи Русской комедіи. Въ немъ комизмъ Русскій развернулся въ первый разъ во всей его силѣ и направленъ былъ противъ того, что отжило и вмѣшало движенію Русскаго народа впередъ. Петръ, какъ Русской, любилъ шутку, понималъ силу смѣшнаго и ненавидѣлъ дурачество. Первое Апрѣля Нѣмецкихъ актеровъ на Мо-

сковскомъ театрѣ его только что разсмѣшило. Свадьба шута его Шанскаго, игранная со всеми старинными обрядами, была предверіемъ къ Русской комедіи, обращенной на то, что отживало въкъ свой и теряло уже смыслъ. Четвероугольникъ изъ краснаго сукна на спинахъ у раскольниковъ и желтый козырь на затылкѣ служили ему политическими орудіями смѣшнаго противъ тѣхъ, которые всего болѣе своими формами обезсмысливали жизнь древнюю. Извѣстенъ указъ Петра Великаго противъ дураковъ въ фамиліяхъ, изданный въ 1722 году. Особенная любовь Петра къ Фламандской школѣ живописцевъ обнаруживаетъ въ немъ ту же наклонность къ комическому. Гравированныя карикатуры на многіе обычаи старины разошлись по народу и были однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ уничтоженію отжившаго стараго. Народъ понялъ Петра, и съ тѣхъ поръ полюбилъ и самъ сочинялъ карикатуры. — Петръ угадалъ любовь Русскаго народа къ Баснѣ и предсказалъ обильное развитіе этого рода Поэзіи въ Русской Словесности. Въ публичномъ саду Петербурга, назначенномъ для народнаго гульбища, онъ повелѣлъ устроить фонтаны и на каждомъ изобразить по Эзоповой баснѣ въ лицахъ: при фонтанѣ, на жестяной дощечкѣ, прибитой къ столбу, четкимъ Русскимъ письмомъ написана была самая Басня съ нравственнымъ ея истолкованіемъ, а у входа въ гульбище встрѣчалъ гуляющихъ и самъ горбатый Эзопъ.

Направленіе, данное Петромъ Великимъ всей жизни Русской новаго періода, отразилось немедленно и въ комедіи. Талантъ, воспитавшійся около Петра, въ любви къ наукамъ и въ ненависти къ врагамъ ихъ, сынъ его друга, Кантемиръ, началъ съ сатиры новое развитіе Русской Словесности — и употребилъ ее орудіемъ защиты учреждений Петровыхъ и своего негодованія противъ невеждъ. Сатиры Кантемировы, какъ сатиры Гораціевы, содержатъ въ себѣ богатые матеріалы для комедіи. Имъ недостаетъ только дѣйствія и драматической формы разговора.

Но сатирою не могъ быть созданъ языкъ Поэзіи Русской. Сатира, наравнѣ съ комедіею, имѣетъ содержаніемъ

стихію отрицательно-изыщаго, противорѣчіе жизни. Только въ согласіи съ жизнію дѣйствительной, въ полномъ сочувствіи съ ея явленіями, поэтъ можетъ создать языкъ положительно-изыщный. Для того нуженъ былъ періодъ полнаго восторга — и такимъ-то было царствованіе Елисаветы, а носителемъ этого восторга — Ломоносовъ. Міръ, въ которомъ жила мысль его, былъ міръ чисто-идеальный: вотъ почему онъ создалъ науку и языкъ поэтической.

Но когда, за періодомъ исключительнаго восторга, послѣдовало и некоторое охлажденіе, когда сочувствіе ко всему славному и великому въ отечествѣ перестало мѣшать разуму видѣть то, что противорѣчило ему и полагало препятствія къ полнотѣ величія, — тогда, въ царствованіе Екатерины, настоящимъ создателемъ Русской комедіи явился Фонъ-Визинъ.

Были Русскія комедіи и до Фонъ-Визица. Сумароковъ, Лукинъ, Веревкинъ, Клушинъ, Крягичъ Дашкова, занимали Русскую публику своими произведеніями на сценѣ. Таланты актеровъ комическихъ содѣйствовали развитію комедіи. Шумской заставлялъ хохотать изъ всей силы самого Фонъ-Визица, и тѣмъ, можетъ быть, приготовлялъ въ немъ будущаго комика. Но не смотря на то, мы все таки Фонъ-Визину приписываемъ созданіе Русской комедіи, — почему? — потому что Фонъ-Визинъ создалъ Русскій комическій языкъ.

Можетъ быть, скажутъ, что я сдѣлаю много приписываю языку комедіи, что есть еще дѣйствіе, интрига, лица, характеры? — Въ языкъ комическомъ я полагаю все, потому что безъ него нѣтъ вполне художественной комедіи. Онъ даетъ жизнь и характерамъ; въ немъ и рисунокъ, и живыя краски дѣйствующихъ лицъ. Безъ него мертво и самое дѣйствіе, если бы даже и отличалось какою-нибудь особенною суетою, которой вообще чужда наша комедія. Наконецъ въ немъ проявляется истинно творческая сила художника; въ немъ воспроизводится, бьетъ наружу тотъ внутренній, сосредоточенный хохотъ, въ которомъ комикъ, извлекая все неразумное изъ его ничтожества, какъ вѣтль на току, взвѣваетъ его передъ нами летучей машиной и прахомъ,

очищая отъ плевелъ добрую, цитательную пшеницу нашего ума и сердца. Смѣхъ, производимый на насъ языкомъ комическимъ, есть тайна силы гениальнаго комика: это чудное сочетаніе сердца и разума, ихъ взаимный отзывъ другъ другу, столько рѣдкій въ человѣкѣ, и совершающійся не безъ внутренней боли о томъ, что подаетъ поводъ къ ихъ значительному совпаденію.

Немногія комедіи отмѣчены у насъ этою печатью вдохновеннаго языка: таковы комедіи Фонъ-Визина, Горь отъ Ума и Ревизоръ. Гораздо обильнѣе вышшимъ дѣйствіемъ, театральными эффектами, шумный рой остроумныхъ и колкихъ комедій Князя Шаховскаго; но никогда не отличались онѣ языкомъ комическимъ. Стихи въ комедіяхъ Хмельницкаго, какъ стихи, пожалуй, гораздо лучше стиховъ Грибоѣдова; но стихи и комическій языкъ въ стихахъ—двѣ вещи совершенно различныя. Гладкость и чопорность стиха помѣшали бы Грибоѣдову наложить на его лица ту печать типическую, которую они носятъ.

И посмотрите, какъ неизмѣнно вѣрны жизни и искусству остается этотъ языкъ! Языкъ идеальной поэзіи въ современникахъ Фонъ-Визина устарѣлъ для насъ. Языкъ лицъ, преданныхъ имъ осмѣянію, не старѣеть никогда.

Могутъ быть гладкіе стихи, внезапныя рѣзкія, можетъ быть легкость и живость разговора, но все это вмѣстѣ не составитъ еще того, что называемъ мы комическимъ языкомъ. — Княжнинъ, недавно сдѣлавшійся предметомъ изученія нашихъ журналовъ, открывшихъ въ прежней Русской литературѣ Калифорнскіе пріиски для критики, по недостатку матеріаловъ въ современной, — Княжнинъ никогда не имѣлъ комическаго языка. — Приказныя выходки Ябеды мѣстами печатаются эту комедію тѣмъ же достоинствомъ языка; но, къ сожалѣнію, шестистопный ямбъ помѣшалъ ему развернуться во всей его силѣ.

Если, между произведеніями современной Русской Словесности, вы встрѣтите комедію, которая вся отличается этимъ неотъемлемымъ достоинствомъ комическаго языка, которая

въ немъ передаетъ живыя краски своихъ дѣствующихъ лицъ и того сословія, откуда они взяты, — зная важность того, что значитъ комическій языкъ въ комедіи, отдайте же всю справедливость такому произведенію и необыкновенному таланту ея автора, и отличите его отъ многихъ другихъ, которые чужды того же достоинства.

Замѣчательно, что языкъ лицъ, осмѣянныхъ въ комедіи, — если бы даже они были взяты изъ кореннаго Русскаго быта, куда не проникла стихія иностранная, гдѣ привыкли мы слышать нашъ истый Русскій языкъ въ его силѣ и простотѣ, — языкъ такихъ лицъ, которыя изображаютъ паденіе этого быта, отзывается тѣмъ же самымъ паденіемъ. Ихъ безразличности и неправдѣ ихъ поступковъ соответствуютъ отсутствіе логики, здраваго смысла, и какое-то вышнее безчестіе ихъ рѣчи. Ихъ синтаксисъ лукавъ и запутанъ до того, что не отыщешь въ немъ ни подлежащаго, ни сказуемаго, а всего менѣе связи. Это не народный языкъ, это не тотъ языкъ, изъ котораго поэтъ можетъ брать жемчужины въ свои созданія: это языкъ падшей части народа. У коренныхъ дворянъ Симбирскихъ Карамзинъ первоначально учился языку, но лица дворянскія въ Фонъ-Визинскихъ комедіяхъ языку доброму не научатъ. Со многими купцами, какъ истыми представителями Русской народности, бесѣдовать необходимо для пользы отечественнаго языка; но лица изъ купеческаго сословія, выводимыя въ комедіяхъ, говорятъ языкомъ падшей его части. Комедія клеймитъ этотъ языкъ, какъ и самыя лица, имъ говорящія, своимъ неотразимымъ смѣхомъ, а то, надъ чѣмъ мы смѣемся, противорѣчитъ нашей разумной природѣ, какъ ея недостойное.

Отъ имени науки искусства замѣтимъ, что языкъ комедіи, какъ бы ни были низки ея лица, не долженъ никогда впадать въ какую-то особенность условности, въ тѣсноту афенской рѣчи, которую Французы называютъ *argot*. Вотъ недостатокъ, котораго всегда избѣгали у насъ гениальные комики. Языкъ Фонъ-Визинскихъ лицъ, самыхъ ничтожныхъ, общъ. Въ комедію вы не будете же переносить какихъ-нибудь особенныхъ недостатковъ, принадлежащихъ

только въспнмъ знакомымъ; въ комедію не внесете вы анекдота, какъ анекдота, какъ частнаго случая, если нельзя изъ него извлечь никакого общаго дѣйствія: точно также, въ комедію нельзя вносить тѣхъ частныхъ рѣчи, которыя могутъ быть весьма замѣчательны и забавны гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь недоступномъ для всѣхъ закоулкѣ, а не въ состояніи возбудить общаго участія.—Изящное искусство имѣть въ виду только общее, а частное допускаетъ по столько, по сколько можетъ обобщить его, т. е. превратить въ мысль свою и дать ему такую форму, которая, хотя и носить на себѣ типическій признакъ извѣстнаго времени, но красотою можетъ быть понятна всѣмъ вѣкамъ и народамъ.

Въ теоріи комедіи весьма важенъ другой, щекотливый вопросъ объ ея отношеніи къ современному обществу, передъ которымъ она является. Содержаніе предлагаютъ ей недостатки этого же самаго общества. Ихъ осмѣиваетъ она — и, тѣмъ возводи современниковъ до разумнаго сознанія ихъ недостатковъ, подвигаетъ ихъ впередъ. Недостатки прошедшаго въ насъ уже не возбуждаютъ живаго участія, а потому комедія, хохотомъ своимъ ихъ уничтожившая, какъ бы ни была превосходна, удаляется со сцены.

Случалось намъ иногда слышать одностороннее мнѣніе, при появленіи нѣкоторыхъ комедій, что ими можетъ оскорбиться, или все общество, или та часть его, которой недостатки преимущественно въ нихъ преданы посмѣянію. Этому противорѣчатъ рѣшительно всѣ событія, какія только можетъ представить историческая критика, особенно изъ исторіи нашей отечественной комедіи. Вспомнимъ слова, которыя сказалъ Графъ Н. И. Панинъ Фонъ - Визину, послѣ чтенія Бригадира: «Ваша Бригадирша намъ всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую свойственницу.» — Весь Петербургъ былъ наполненъ комедіею Фонъ-Визина, особливо когда онъ прочелъ ее въ Эрмитажѣ для Императрицы. Вспомнимъ достопамятное, хотя трагическое, слово Потемкина послѣ перваго представленія

Недоросля: «Умри, Денпсъ, или больше ничего уже не пиш!» Эти слова выражаютъ всеобщій восторгъ, произведенный комедіями Фонъ - Визина. — Москва, первая, расплодила, во множествѣ рукописей «Горе отъ Ума» — комедію, которая предавала осмѣянію многіе обычаи Московской жизни. Всю комедію знала Москва наизусть, еще въ то время, когда живы были подлинники, послужившіе натурщиками для художника. Всегда былъ полонъ театръ, когда давалось Горе отъ Ума. Теперь Москва смотритъ отчасти на эту комедію, съ нѣкоторымъ торжествомъ сознанія, что это уже картина прошедшаго, хотя живо памятнаго всему ея обществу.

Нѣтъ ни одного, конечно, города въ Россіи, который бы принялъ Ревизора на свой счетъ, и который не наполнилъ бы самаго посредственнаго ярмарочнаго театра, обывившаго на афишкѣ Гоголеву комедію.

Въ наше время комики стали заимствовать сюжеты изъ купеческаго быта: именитое сословіе купцовъ, первое, рукоплещеть такимъ комикамъ. Тому ли сословію, которое въ наше время воспитало Крашенинникова, оскорбляться, если честная, искренняя комедія заклеимтъ смѣхомъ и стыдомъ позоръ злостнаго банкротства или другаго какого порока? Эти пятна составляютъ исключенія, которыя надобно скорѣе смывать съ себя. Злостныхъ банкротовъ, конечно, лучше видѣть на сценѣ, нежели на Ильинкѣ — и можетъ быть, въ этомъ случаѣ, благотворная комедія полезнымъ смѣхомъ избавитъ общество отъ тѣхъ народныхъ позорищъ, которыя, хотя и составляютъ государственную необходимость, но всегда горьки сердцу, горячему къ добру своего отечества и къ пользѣ своихъ ближнихъ.

Если общество изъ среды своей воспитало художника, который можетъ въ комическомъ созданіи сознать его недостатки, — значить, оно сдѣлало шагъ впередъ, оно готово уже сбросить ихъ, — и смѣхъ комика, въ этомъ случаѣ ему содѣйствующій, не есть плодъ одной его личности, а созрѣлъ на всей почвѣ общественнаго воспитанія, есть отголосокъ всеобщій, нашедшій свое художественное выра-

женіе въ даровитомъ поэтѣ, которому принадлежитъ талантъ, но который самъ своими сочувствіями и новыми требованіями принадлежитъ окружающему его обществу, въ немъ же самомъ замѣтно идущему впередъ.

Есть еще весьма важный вопросъ въ теоріи комедіи, относительно къ дѣйствующимъ лицамъ: необходимы ли въ ней бываютъ, рядомъ съ порочными людьми, которыхъ предаеть она осмѣянію, люди нравственные, образцы совершенства? настоитъ ли надобность, вмѣстѣ съ дурачествомъ человѣческимъ, которое осмѣивается, выводить благоразуміе, которое уважается? Этотъ вопросъ рѣшенъ давно практически—рѣшенъ великою и поучительною ошибкою перваго же мастера Русской комедіи, Фонъ-Визина. Не выполнъ еще сознавая свое художественное назначеніе, какъ свойственно бываетъ начинателю дѣла, боясь за героевъ смѣха, чтобы они не сблизнили слишкомъ людей благоразумныхъ, онъ, уступая, можетъ быть, и вкусу времени, вывелъ для оттънка нѣсколько добрыхъ и нравственныхъ лицъ. Но что же отсюда вышло? они поблѣднѣли передъ героями комическаго. Такое смѣшеніе вовсе не достигаетъ нравственной цѣли, къ которой стремится,—а напротивъ, даже вредитъ нравственному впечатлѣнію. Зритель начинаетъ зѣвать, когда выходятъ передъ нимъ Правдины и Милоны, и выжидаетъ съ нетерпѣніемъ появленія Скотинина, Митрофанушки и даже Простаковой. Самый Стародумъ, такъ удачно сравненный у Князя Вяземскаго съ хоромъ древней трагедіи, или съ парабазою Аристофановской комедіи, въ которой предводитель хора обращался къ зрителямъ отъ лица автора,—самый Стародумъ, оживленный болѣе чѣмъ другія лица, не спасается отъ искушеній этого нетерпѣнія, которое весьма естественно въ зритель. Стихія комедіи хохотъ надъ глупостью человѣческою. Идеаль разумаго, не олицетворяясь въ какомъ-нибудь отвлеченномъ лицѣ, носится уже передъ зрителемъ, понимающимъ художника, какъ онъ носился передъ симъ послѣднимъ во время созданія. Олицетворяемый же на сценѣ, онъ только рѣзко противорѣчитъ идеѣ художественнаго

цѣлаго, прерываетъ комическій восторгъ поэта и докучливо нарушаетъ веселое расположеніе зрителя.

Грибоедовъ понялъ это — и уклонился отъ недостатка. Его Чацкой далека отъ идеала совершенства. Сначала, онъ слишкомъ много жертвъ приносить обществу, ихъ не столько, а ужъ потомъ слишкомъ рѣзко на него нападаетъ. Въ немъ есть умъ, но нѣтъ разсудка, и потому нельзя его называть вполне разумнымъ человекомъ. За чѣмъ тратить идеи и метать бисеръ передъ тьмой, которыхъ не уважаешь? — Чацкихъ много. Они въ противорѣчьи съ собою, и неправы передъ обществомъ. Они, отъ пафоса декламаци въ благовоющихъ гостиницахъ, переходятъ потомъ къ маскамъ презрѣнія: но и тамъ и здѣсь, они безсознательно лицеируютъ. Въ нихъ нѣтъ истины. И въ первомъ появленіи своемъ передъ свѣтомъ, и въ последнемъ, они не могутъ обойтись безъ позы: это не живые люди, а актеры.

Гоголь, понявъ ошибку Фонъ-Визина, возвелъ рѣшеніе вопроса о лицахъ нравственныхъ въ комедіи на степень театральскаго положенія. «Мнѣ жаль, — говоритъ онъ въ отвѣтъ своимъ обвинителямъ, которые не нашли ни одного честнаго лица въ его комедіи — мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей пьесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное, благородное лицо было — смѣхъ.» Прибавимъ: это честное лицо воплощается въ самомъ зрителѣ; чѣмъ искреннѣе, полнѣе, простодушнѣе былъ смѣхъ его, тѣмъ сильнѣе выступало въ немъ самомъ нравственное чувство — и только одно излишество неумѣстнаго самолюбія, не признающее законовъ искусства, могло бы потребовать, чтобы это нравственное чувство, дѣйствующее и безъ того въ самомъ зрителѣ во время представленія комедіи, было воплощено въ какомъ-нибудь излишнемъ лицѣ, которое изъ живаго чувства, присутствующаго зрителю, сдѣлало бы нѣчто аллегорическое, отвлеченное, холодное, какъ всѣ нравственныя лица комедіи Фонъ-Визина.

Нѣтъ, не нужно на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ взвѣшивать, такъ сказать, глазами, очевидно, смѣхъ надъ безумнымъ и уваженіе къ благоразумному: существо комедіи таково, что первое въ видимости перетянетъ. Смѣясь надъ порокомъ, какъ глупостью, вы тѣмъ самымъ внутренно сознаете уже высокое уваженіе къ добродѣтели — и вамъ не нужно, изъ какого-то черасчетливаго лицемерія, оскорбляющаго искренность комедіи, выводить то уваженіе наружу, которое вы глубоко чувствуете внутри.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Петръ Великій геніемъ своимъ рѣшилъ принять Русскому народу всемірное образованіе, утвердивъ его на началахъ жизни, выработанныхъ въ древнемъ періодѣ, съ тѣхъ самыхъ поръ, Словесность Русская, сатирою и комедіею, помогала Русскому обществу сознать его недостатки и идти впередъ. Образованіе, призванное Петромъ, дѣйствуя особенно въ высшемъ сословіи, встрѣчало враговъ двоякаго рода: или упорное сопротивленіе лѣни и невѣжества, или блескъ вертопрашества, внѣшнія формы жизни образованныхъ народовъ безъ внутренняго содержанія. Кавтемирова сатира и комедія Фонъ-Визина, прежде всего, преслѣдовали эти препятствія, которыя людское безуміе полагало обществу на пути истиннаго образованія. Комедія Русская обличала потому лѣхонство, кривосудіе, пустоту формъ свѣтской жизни, ея нравственный вредъ, злоупотребленія гражданскаго управленія, животво-грубую жизнь провинціи и деревни. Сфера ея дѣйствія была преимущественно то сословіе, въ которомъ совершалось движеніе, данное Петромъ Великимъ.

Въ наше время, это движеніе сильно коснулось купеческаго сословія. Въ немъ загорѣлась та же потребность образованности. Новая жизнь его училищъ служитъ очевиднымъ тому свидѣтельствомъ. Но дѣло обходится также не безъ препятствій: невѣжество и лѣнь, кривыя понятія о торговлѣ и воспитаніи, блескъ формъ, лишенныхъ содержанія, роскошь на показъ — все это глубоко оскорбляетъ тѣхъ, которые чувствуютъ и сознаютъ новыя, благородныя потреб-

ности своего сословія, столько важна въ вѣкъ развитія всемірной промышленности, призваннаго у насъ къ дѣйствію постоянному, твердому, для обогащенія государства и народа. Если Словесность, въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, поможетъ этому сословію въ благородномъ очищеніи какихъ-нибудь наростовъ, противныхъ существу его, — въ такомъ случаѣ она окажетъ ему ту же самую услугу, какую уже оказала дворянскому.

Комическія дарованія никогда не изсякаютъ у насъ въ отечествѣ. Зародышъ ихъ крѣпко держится въ свойствахъ самаго народа, а движеніе, данное Петромъ Великимъ, не останавливается. Тайна особеннаго сочувствія нашего къ комедіи національной, поражающей сивхомъ современные недостатки общества, гдѣ бы они ни являлись, заключается, — повторю кстати, что уже сказалъ — въ твердомъ сознаніи свѣжихъ, разумныхъ силъ народа и государства, могущихъ изцѣлить каждый недостатокъ, лишь бы только онъ былъ искренно и добросовѣстно сознать. Мы не боимся насмѣшки, мы чужды въ этомъ случаѣ ложнаго, лицемернаго стыда, мы любимъ комическіе таланты между писателями и актерами и желательно, чтобы они развивались, чтобы въ добромъ, веселомъ и простодушномъ смѣхѣ нашихъ комедій, очищался, и яснѣлъ болѣе и болѣе свѣтлый разумъ Русскаго народа.

С. Шевиревъ.

СОВРЕМЕННОСТЬ ВЪ 1880 ГОДУ.

(Литературный журналъ, издаваемый съ 1847 г. Н. Панаевымъ и
Н. Некрасовымъ.)

(Окончаніе.)

Обратимся теперь къ произведенію таланта, гораздо болѣе выработавшагося, нежели талантъ Г. Станицкаго, таланта болѣе зрѣлаго, съ особенною, ему только свойственною манерою, хотя точно такъ же не чуждаго страсти къ заданнымъ напередъ мыслямъ. Мы говоримъ о Г. Тургеневѣ; одномъ изъ болѣе замѣчательныхъ, безъ сомнѣнія, новыхъ дѣятелей въ нашей литературѣ. Не всегда произведенія его удовлетворяли насъ вполне, не всегда соглашались мы съ мыслями, лежащими въ ихъ основаніи, но почти всегда отдавали справедливость тому болѣзненному юмору, который составляетъ ихъ отличительную черту: причину достоянства и недостатковъ созданій автора. Не разделять этотъ болѣзненный юморъ — можно, а иногда даже и должно, не сочувствовать ему — нельзя, какъ всякой ясно сознательной мысли; какъ бы ни расходилась она съ нашею собственною. Вездѣ у Г. Тургенева видно, что этотъ болѣзненный юморъ взять не на прокатъ, купленъ не дешево, — онъ добросовѣстенъ, часто этотъ юморъ доходитъ до горькой ироніи надъ самимъ собою, и въ этомъ отношеніи мы уважаемъ даже такія произведенія Г. Тургенева, которыя съ художественной стороны осудить можно, какъ на примѣръ: Гамлетъ Щигровскаго уезда. Кромѣ того, въ Г. Тургеневѣ есть еще, кромѣ искренности, и задушевности, другое качество истиннаго поэта — сочувствіе природѣ, своеобразный, хотя часто причудливый взглядъ на ея явленія. Беда въ томъ только, что на всѣ свои картины Г. Тургеневъ накладываетъ туманный, сѣренькій колоритъ, что на самыя простыя явленія

смотреть онъ подъ своимъ угломъ зрѣнія, что никогда почти не удастся ему возвыситься до непосредственности взгляда: отъ этого, читая его произведенія, любишь въ нихъ поэта, но какъ-то невольно не доверяешь истинѣ самаго созданія, чувствуешь какъ-то, что описываемое было на дѣлѣ не такъ, какъ оно описано, что многому въ сущности неважному или случайному придано значеніе типическаго подъ вліяніемъ извѣстнаго настроенія души, извѣстнаго направленія мышленія. Случается иногда также и то, что произведеніе какъ будто двоятся передъ вами, что передъ вами же, на вашихъ же глазахъ, вступаютъ въ борьбу его дѣйствительная и его ложная сторона. Отъ этого-то, мало у Г. Тургенева произведеній, которыя бы удовлетворяли, успокаивали требованія: болѣею частію они только раздражаютъ, приводятъ въ напряженное состояніе. За исключеніемъ весьма немногихъ изъ «Записокъ охотника» мы знаемъ у Г. Тургенева только одно сочиненіе, которое отличается окончательностью. Это — небольшая комедія: «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», такъ мало еще оцененная по достоинству и стоящая несравненно выше всѣхъ другихъ попытокъ автора въ этомъ родѣ.

Что касается до «Записокъ Охотника», то, если взять ихъ все вмѣстѣ, въ нихъ найдешь столько же недостатковъ, сколько и достоинствъ. Во многихъ изъ нихъ слишкомъ замѣтно выдается заданная напередъ тема, и только на нѣкоторыхъ («Хорь и Калинычъ», Чертопхановъ и Недопюскинъ) лежитъ печать свободнаго творчества. Разбирать ихъ все въ настоящую минуту было бы очень неумѣстно, и потому мы ограничимся только послѣдними изъ нихъ, напечатанными въ XI N. Современника за нынѣшній годъ. Одно только замѣчаніе позволимъ мы сдѣлать себѣ вообще обо всѣхъ этихъ разсказахъ: замѣчаніе, относящееся къ языку. Г. Тургеневъ явнымъ образомъ старается подслушать народную рѣчь, но болѣею частію переноситъ на бумагу только выраженія: въ постройкѣ рѣчи нѣтъ свободы, нѣтъ настоящихъ мѣстныхъ оттѣнковъ; видна какая-то тяжелая и мазанная работа.

Новыя «Записки Охотника» представили намъ два разсказа—«Пѣвцы» и «Свиданіе». Въ «Пѣвцахъ» разсказывается слѣдующее не совсѣмъ правдоподобное происшествіе. Въ кабацкѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Притынный (по объясненію автора притыннымъ называется: мѣсто, куда охотно сходятся, *прятное мѣсто*) передъ цаловальникомъ Николаемъ Ивановичемъ, женой его, передъ пропившимся лакеемъ Обалдуемъ, передъ нѣкоторымъ Моргачемъ и дикаремъ—лицемъ совершенно непонятнымъ, происходитъ состязаніе двухъ пѣвцовъ: *рядчика* и *Яши Турка*. Изъ всѣхъ лицъ, присутствующихъ при этомъ состязаніи, похожемъ на какой то споръ Германскихъ мимнезигеровъ, понятны только *Обалдуй* и *Моргачь*: послѣдній въ особенности очерченъ авторомъ хорошо и просто:

Моргачъ нисколько не походилъ на Обалдуя. *Кб нему тоже шло названіе Моргача, хотя онъ глазами не моргалъ болѣе другихъ людей.* Извѣстное дѣло: простой народъ на прозвища мастеръ. Не смотря на мое стараніе вывѣдать пообстоятельнѣе прошедшее этаго человѣка, въ жизни его остались для меня и, вѣроятно, для многихъ другихъ, темныя мѣста, какъ выражаются книжники, покрытыя глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Я узналъ только, что онъ нѣкогда былъ кучеромъ у старой бездѣтной барыни, вдругъ пропалъ съ вѣренной ему тройкой лошадей, пропалъ цѣлый годъ, и, должно быть, убѣдившись на дѣлѣ въ невыгодахъ и бѣдствіяхъ бродячей жизни, вернулся самъ, но ужъ хромымъ, — бросился въ ноги своей госпожѣ и, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, примѣрнымъ поведеніемъ загладивъ свое преступленіе, по немногу вошелъ къ ней въ милость, заслужилъ наконецъ ея довѣренность, попалъ въ старосты, а по смерти барыни оказался отпущеннымъ на волю, приписался въ мѣщане, началъ снимать у сосѣдей бакиши, разбогатѣлъ и живетъ теперь припѣваючи. Это человѣкъ смѣшленный, себѣ на умѣ, не злой и не добрый, а болѣе расчетливый; это третій калачъ, который знаетъ людей и умѣетъ ими пользоваться. Онъ остороженъ и въ тоже время предприимчивъ какъ лисица, болталъ какъ старая женщина и никогда не проговаривается, а всякаго другаго заставитъ высказаться, впрочемъ не прикидывается простякомъ, какъ это дѣлаютъ иные хитрецы того же десятка; да ему и трудно было бы притворяться: я никогда не видалъ болѣе пронизательныхъ глазъ, какъ его крошечныя и лукавыя *слѣдыки*. Онъ никогда не смотритъ просто: все высматриваютъ да подсматриваютъ. Моргачъ *иногда по цѣлымъ не-*

дѣломъ обдуриваетъ какое-нибудь, по видимому, простое предпріятіе, а то вдругъ рѣшится на отчаянно смѣлое дѣло; кажется, тутъ ему и голосу слышеть.... смотришь все удалось, какъ по маслу пошло. Онъ счастливъ и вѣрить въ свое счастье,—вѣрить примѣтамъ. Онъ вообще очень суевѣренъ. Его не любятъ, потому что ему самому ни до кого дѣла нѣтъ, но боится. Все его семейство состоитъ изъ одного сынишки, въ которомъ онъ души не чаетъ, и который, воспитанный такимъ отцемъ, вѣроятно, пойдетъ далеко. А Моргаченокъ въ отцѣ вышелецъ, уже теперь говорятъ о немъ въ полголоса старики, сидя на за-валенкахъ и толкуя межъ собой въ лѣтніе вечера, и всѣ понимаютъ, что это значитъ, и уже не прибавляютъ ни слова.

Этотъ очеркъ характера—рѣшительно лучшее мѣсто въ разсказѣ. Хорошо также отношеніе Моргача къ Обалдую. Обалдуй принадлежитъ къ людямъ, которые при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ предаются нелѣпнымъ порывамъ, сопровождаемымъ изъявленіями любви, объятіями, странными движеніями.

У него было множество знакомыхъ, которые поили его виномъ и чаемъ, сами не зная за зѣбу, потому что онъ не только не былъ въ обществѣ забавенъ, но даже напротивъ надоедалъ всѣмъ своей бессмысленной болтовней, несносной навязчивостью, тѣлдвиженіями и безпрестаннымъ хохотомъ. Онъ не умѣлъ ни пѣть ни плясать, отъ роду не сказалъ не только умнаго, даже путнаго слова, все «лотошилъ» да вралъ что ни попало—прямой Обалдуй!»

Моргачъ, какъ и слѣдуетъ, унижаетъ его порывы и прерывительно называетъ его: «лезонъ пзвѣженный!»

Третье лице, присутствующее при состязаніи, названное авторомъ Динаремъ,—совершенно непонятно и вышло какъ-то неудачно таинственно.

Всего неудовлетворительнѣе описаніе самаго состязанія иэвцовъ, описаніе, въ которомъ отражается односторонность чисто личнаго впечатлѣнія. Вслѣдствіе этой односторонности, авторомъ наброшенъ потопъ и на самую природу болзненннй сѣрый колоритъ. Повсюду видитъ авторъ какое-то истомленіе, обезсиленіе; повсюду онъ подъ властію своей личной хандры и не можетъ отъ нея отрывиться ни на одну минуту. Въ самыхъ простыхъ вещахъ, какъ напримѣръ въ голосъ мальчика, зовущаго другаго, слышитъ онъ что-то тоскливое, унымое, жалобное.

Точно такъ же мало удовлетворилъ насъ и другой разсказъ въ новыхъ «Запискахъ охотника» — «Свиданіе». Крестьянская дѣвушка выходитъ на послѣднее прощаніе съ начинающимъ и ломающимся камердинеромъ знатнаго барина; но она до такой степени идеализирована, что часто напоминаетъ то Gretchen am Spinnrade, то Офелію, разбирающую въ безуміи цвѣты. Самое отчаяніе ея, по уходѣ лакея, выходитъ какъ-то мелодраматично. И опять, разумеется, природа платитъ за неудавшуюся сцену. И ясно для всякаго, кто не настроенъ одинаково съ авторомъ, что вся свинцовая тяжесть впечатлѣнія придается здѣсь присутствіемъ задней мысли. Вольно же автору только по притыннымъ (т. е. по его толкованію — пріятнымъ) кабакамъ слушать пѣсни народа, вольно же ему принимать частное и случайное за что-то типическое!... Болѣзненный юморъ умѣстенъ въ изображеніи Гамлета Щигровскаго узда, но крайне неумѣстенъ здѣсь. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что въ другихъ случаяхъ Г. Тургеневу удавалось же стряхивать съ себя гнетъ болѣзненнаго взгляда и являлись у него лица въ родѣ Овсянникова, Хоря и Калиныча, Сучка, Чертопханова, цыганки Маши.

Не одинъ Г. Тургеневъ ищетъ матеріаловъ въ быту простаго народа, и не одинъ онъ неудачно попадаетъ на явленія этого быта. Еще съ прошлаго года начали появляться въ Современникѣ «Провинціальныя письма» Г. П. А-ва, обратившія на себя вниманіе новостью содержанія, остроумными замѣтками и неоспоримой наблюдательностью. Г. А-въ разрабатываетъ то же самое содержаніе, какъ и Г. Тургеневъ, преслѣдуетъ даже тоже самое, но совершенно по своему. Не болѣзненный, часто поэтической и искренній юморъ автора Записокъ охотника, но злая, сухая иронія и строгій, хотя часто односторонній, анализъ поражаютъ въ очеркахъ Г. А-ва. Такъ же, какъ Г. Тургеневъ, онъ съ одной стороны ищетъ оригинальныхъ типовъ въ простомъ народѣ, гораздо чаще впадая впрочемъ въ преувеличеніе, гораздо рѣже попадая на настоящіе типы и еще менѣе впадая въ настоящій складомъ Русской рѣчи; — и съ другой стороны, точно такъ же удачно анализируетъ онъ натуры малень-

кихъ великихъ людей нашего времени; только, опять повторю, совершенно по своему: онъ казнить ихъ безпоощадно, смѣется безучастно, тогда какъ въ смѣхъ Г. Тургенева слышны часто стоны, звучитъ какое-то участие. Г. А-въ является въ этомъ отношеніи безстрастнымъ аналитикомъ, незнающимъ ни состраданія, ни злобы, находитъ какую-то сласть заниматься созерцаніемъ мелкихъ душевныхъ движеній какого нибудь Лобеуса или Володи Верженцева, любитъ анализировать имъ ложью. Однимъ словомъ, это одинъ изъ замѣчательно умныхъ наблюдателей, который однако не показываетъ себя художникомъ.

Не имѣя въ настоящую минуту подъ руками одного изъ самыхъ злыхъ провинціальныхъ писемъ, гдѣ Г. А-въ изобразилъ съ любовію музыканта Лобеуса, мы только напомнимъ читателямъ это письмо, напечатанное въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Современника за прошлый годъ, тѣмъ болѣе, что вѣроятно они сами знакомы уже съ этимъ достолюбезнымъ субъектомъ и не забыли его безъискусственно скопированнаго образа. Замѣтимъ только, что болѣе злую, ивѣтную и вмѣстѣ не насильственную иронию трудно встрѣтить. Ныѣшній годъ Г. А-въ подарилъ насъ новымъ столько же вѣрнымъ изображеніемъ Володи Верженцева въ своемъ V-мъ провинціальномъ письмѣ, которое резко отличается отъ всѣхъ другихъ, болѣею частію весьма неудачныхъ по мысли и замѣчательныхъ только по нѣкоторымъ блестящимъ остроуміемъ выходкамъ. Но Володя Верженцевъ вылился просто aus einem Guss, какъ говорятъ Нѣмцы. Этотъ *etude* совершенно безпристрастный и исчерпывающій рѣзкія стороны предмета, стоитъ подробнаго разсмотрѣнія, не смотря на то, что занимаетъ только нѣсколько страницъ. Володя Верженцевъ — ни болѣе, ни менѣе, какъ разоблаченный Тамаринъ, герой нашего времени сведенный съ ходуль, поставленный лицомъ къ лицу съ настоящею дѣйствительностію и оказывающійся лицомъ крайне комическимъ. Очеркъ Г. А-ва не болѣе какъ очеркъ, свѣтывающій только рѣзкія черты лица: авторъ провинціальныхъ писемъ, какъ мы сказали уже, не художникъ, и потому мы не станемъ тре-

бовать отъ него того, чего потребовали бы отъ художника; — но всегда пріятно слушать умнаго человека, который прямо, смѣло и просто смотритъ на явленія жизни.

Г. А-въ начинаетъ свое письмо злымъ и остроумнымъ разъясненіемъ значенія товарищей дѣтства вообще, и рассказываетъ объ одномъ изъ такихъ товарищей:

Звали его — говорить онъ — Вольдемаромъ, но этимъ пышнымъ именемъ красовался онъ *на сторонѣ*, а между нами известень былъ подъ именемъ Володи. На двадцатомъ году своего возраста, Володя отличался добродушіемъ, мягкосердіемъ, терпѣніемъ и кротостью, всеми добродѣтелями прекраснаго молодаго человека. Его можно было тогда посадить за книгу и оторвать въ какое угодно время отъ книги, увѣрить, что онъ гениальный человекъ, и черезъ часъ убѣдить, что онъ пустой человекъ; принудить его дѣлаю недѣлю жсть хавбъ и соль изъ презрѣнія къ расточительности и матеріальнымъ наслажденіямъ, а потомъ въ одинъ день заставить промотать все свое мѣсячное жалованье. Надо оказать къ стыду товарищей, что последнюю штуку, они довольно часто повторяли съ нимъ.

И такъ, товарищъ дѣтства автора, какъ видится изъ дѣла, принадлежитъ къ числу людей, что называется безхарактерныхъ, мягкихъ какъ воскъ и всегда готовыхъ подчиниться чужому вліянію, особенно если съумѣютъ возбудить ихъ самолюбіе, до крайности раздражительное. Для нихъ не существуетъ ясно сознанныхъ понятій о дурномъ и хорошемъ, о справедливомъ и несправедливомъ: у нихъ нѣтъ даже прочныхъ привязанностей ни къ людямъ, ни къ занятіямъ. Ихъ можно вести куда угодно и какъ угодно; раздраживши ихъ самолюбіе, можно заставить ихъ рѣшиться даже на самые эксцентрическіе поступки, по видимому совершенно противорѣчащіе ихъ мягкой натурѣ. Такіе люди всего болѣе боятся того, чтобы не заподозрили въ нихъ безхарактерности, робости и слабости, и случается даже, что они долгое время сльвуть за людей рѣшительныхъ, энергическихъ, пока наконецъ не оборвутся на какомъ нибудь ничтожномъ обстоятельстве.

Въ одну эпоху своей молодости — продолжаетъ авторъ — Володя былъ сильно занятъ вопросомъ: къ какому роду людей принадлежитъ онъ? къ храброму ли десятку или къ благоразумному отдѣлу ихъ? не понимаю, для чего нужно ему было знать это, но только онъ навязывался съ вопросомъ ко всемъ своимъ собратамъ.

Мы такъ думаемъ, напротивъ, что весьма понятно, почему Володя терзался въ эту раннюю эпоху своей жизни такимъ вопросомъ.... Душа его смутно чувствовала, что отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ вся его послѣдующая жизнь. Постараемся быть справедливы и несколько человеколюбивы автору въ отношеніи къ его герою. Также самая раздражительная воспримчивость, которая создала въ немъ столько смѣшныхъ и ложныхъ сторонъ, могла при другихъ обстоятельствахъ послужить основою для благороднѣйшихъ стремленій.

Но окруженный людьми, изъ которыхъ одни увѣряли, что онъ болѣе походитъ на труса и въ видѣ опроверженія заставляли его спускаться по жолобу съ верхняго этажа, лѣзть по крышамъ, перескакивать овраги и т. п., — другіе наоборотъ предполагали, что онъ имѣетъ врожденное чувство доблести, которое еще въ немъ не развито, и заставляли его дѣлать почти тоже самое.

Окруженный натурами, болѣе его опытными, но столько же пустыми, Володя совершенно растерялся; подстрекаемый безпрестанно къ эксцентрическому, привыкъ самъ отъ себя требовать постоянно крайностей. Отъ такого состоянія одинъ только шагъ къ другому, въ которомъ человекъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, становится на ходули, причисляетъ себя къ числу избранныхъ натуръ, которыя «невозвратно идутъ, къ чему ихъ повела случайность» — самую безосновность свою считаетъ за безграничность стремленій, безсодержательность за широту души, которой «мира недоволено». И такимъ образомъ созданъ ужъ маленькій Фаустъ, который въ снѣжномъ самослѣпленіи вызываетъ:

Хотѣлъ бы мнѣ обнять я мыслью безконечной

И въ смертный часъ сказать — вотъ мнѣ, а это я....

маленькій Чайльдъ - Гарольдъ, который готовъ надѣлать страшныхъ глупостей, чтобы создать себѣ репутацію чудовища, маленькій Донъ-Жуанъ, который всякую лебелую барыню, отдавшуюся ему сопъ ашогге, возводитъ въ достоинство жертвы, маленькій Ловласъ, готовый *genueg ciel et terre* для побѣдъ надъ мѣстными Миссъ Клеры....

Такимъ уже встрѣчаетъ своего товарища дѣтства Г. А-въ черезъ десять лѣтъ. Онъ слышитъ о немъ, какъ о человекѣ съ каменнымъ сердцемъ, съ желѣзнымъ характеромъ. Чтò за чудо! думаетъ онъ.

Вышло чудо, еще большее, чѣмъ я ожидалъ. Вообразите себѣ: Володя, тотъ Володя, къ которому я чувствовалъ родъ важнаго влеченія, принялъ меня какъ нельзя хуже.... Онъ сблизилъ меня совершенно съ толку: на первый мой порывъ связать нить нашего знакомства, порывную временемъ, Володя отвѣчалъ холодно; изъ воспоминаемъ молодости, которыми я думалъ задобрить его, онъ остался совершенно равнодушнымъ, и наконецъ всякое теплое слово мое (а какъ удержаться отъ него при встрѣчѣ съ пріателемъ Богъ знаетъ гдѣ!) удостоивалъ явнымъ презрѣніемъ, которое даже старался и выразить такъ положительно, чтобы никакого сомнѣнія не осталось въ умѣ моемъ.

Иначе и быть не могло. Володя больше всего заботился о томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ разорвать всю связи съ тою раннею эпохою жизни, когда еще для него возможенъ былъ выходъ изъ страшной лжи.

Но я замѣтилъ — продолжаетъ авторъ — одну легкую, едва видимую черту, заставившую меня продлить посѣщеніе, безплодную котораго начинала проявляться довольно ощутительно. Мнѣ показалось именно, что Володя заранѣе приготовилъ всю эту холодную манеру, которая должна была сказать мнѣ: ты и не воображай поддѣлать меня чувствами — я уже не тотъ слабый человѣкъ, который дорожилъ прежде великими пустяками.

Естественно, что какъ для Печорина—докторъ Вернеръ, для Тамарина—Федоръ Федоровичъ, такъ и для Володи Верженцева необходимъ собесѣдникъ, который бы игралъ съ нимъ комедію разочарованія. Авторъ рѣшился поддѣлаться подъ его тонъ:

Это удалось мнѣ какъ нельзя болѣе. Мы вѣрно и чрезвычайно тонко принялись разбирать нравственныя качества насъ самихъ. Володя оживился и говорилъ какъ книга. Всѣ крупныя и мелкія черты собственныхъ характеровъ разобрали мы удивительно тонко и съ великимъ знаніемъ самаго предмета. Къ концу засѣданія каждый изъ насъ имѣлъ удовольствіе убедиться, что въ собесѣдникѣ его не остается ни свѣжаго чувства, ни свѣтлой мысли, и ничего потребнаго для составленія искренней, продолжительной связи.

И разъ принявши на себя роль доктора Вернера, авторъ дѣйствительно достигъ самыхъ удовлетворительныхъ результатовъ. Этими результатами онъ любитъ съ.... злобнымъ наслажденіемъ:

Родъ какой-то отравной ежесекундной, комедіи, стала развиваться передо мною съ этой минуты, — комедіи, полной самых забавныхъ, самых чудныхъ монологовъ. Я никогда не думалъ, чтобъ такъ много было у Володи содержанія для нихъ, но вѣдь коротко только испытанное, а заимствованіе и подражаніе безграничны какъ жизнь. То приходило ко мнѣ Володя мрачнѣе ночи, въ недужномъ состояніи головы и сердца и отъ заморщенныхъ бровей его вѣяло печалью, какъ отъ плачущей изы, колеблющейся надъ собжею могилой. Всякое слово его повито было крепомъ, звучало мѣрно какъ погребальный колоколъ.

Если бы мы хотѣли отмѣчать всѣ черты, резко схваченныя наблюдательнымъ авторомъ, намъ пришлось бы выписывать цѣликомъ многія мѣста; но по этимъ немногимъ выпискамъ читатели могутъ судить, какой подвигъ со стороны г. А-ва этотъ этюдъ, разоблачающій до нага надобшихъ всѣмъ героевъ нашего времени. Здѣсь дорого каждое слово, каждое замѣчаніе. Въ обществѣ, Володя у него «ясенъ и блестящъ, но ясенъ и блестящъ какъ ледъ на зимнемъ солнцѣ.»

Съ иронической улыбкой смотрѣлъ онъ кругомъ себя, снисходительно отзвываясь о подозрительныхъ людскихъ дѣйствіяхъ, съ недоверіемъ о тѣхъ, которые были похвалены и вообще былъ страшенъ въ холодномъ спокойствіи своемъ. Только взоръ, изкоса брошенный на меня — добрый Володя! — объяснялъ, что все это говорено было собственно въ одной цѣли: показать мнѣ разницу между старымъ и новымъ Володей.

Быть, во что бы то ни стало, выше самаго себя—дѣйствительно единственное стремленіе людей, подобныхъ Володямъ которыхъ, къ сожалѣнію, злось не мало въ нашемъ обществѣ. Авторъ обозначалъ слегка причины такого страннаго настроенія души; нѣ намъ кажется, что онъ не обратилъ надлежащаго вниманія на первыя впечатлѣнія ранней молодости своего героя: Володя долго служилъ потхою для своихъ товарищей — и разумѣется, вслѣдствіе этого, онъ безъ негодованія не могъ вспомнить о своемъ прошедшемъ. Разойдись съ нимъ, съ этимъ опостылѣвшимъ ему прошедшимъ, показать, что онъ уже не прежній, что нѣмъ нельзя уже играть какъ шашкой—вотъ его цѣль. Но онъ и не видитъ, бѣдный, что ему суждено вѣчно быть

итрушную тьму или других, что для него возможна только переменна обстановка. Онъ весь истратился на мелочь, весь раскидался, разсыпался, распустился: въ головѣ его хаосъ, въ сердцѣ — ложь и тьма безъ малѣйшихъ проблесковъ свѣта. Тайный, ни чѣмъ неваглушимый голосъ говоритъ ему, что такъ жить нельзя, что рано или поздно надобно выйдти изъ ложнаго положенія, — самолюбіе же подсказываетъ ему, что онъ, какъ высшая натура, можетъ выйдти изъ лабиринта только крайними путями. И вотъ передъ нимъ стоитъ постоянно, вопреки его слабой и робкой натурѣ, обаятельный идеалъ демонской силы, абсолютнаго отрицанія; въ ушахъ его такъ и звучать стихи поэтовъ:

Какъ царь вѣной и гордый, онъ слагъ
Такой волшебна-чудной красотой,
Что было страшно, и душа тоскою
Сжималася.

Или:

Ликъ молодой,
Быль гнѣвъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.

И несчастный ребенокъ начинаетъ насильственно рвать у себя въ душѣ всѣ моральныя основы для того, чтобы и объ немъ сказалъ кто-нибудь:

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣливо глядѣлъ,
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Онъ начинаетъ поддѣлывать лице, голосъ, рѣчь, движенія, онъ добивается отъ себя ледяной улыбки, готовъ взваливать на себя уголовныя дѣла, лишь бы походить на страшный призракъ, преслѣдующій его повсюду.

Въ минуты такого душевнаго настроенія Володя обыкновенно садился небрежно въ креслы, сжималъ голубые глазки свои, придавая имъ выраженіе дѣтскаго добродушія, и самымъ умильнымъ голосомъ начиналъ повѣствовать, какъ не существуетъ для него ни радостей, ни огорченій въ жизни, какъ убилъ онъ въ себя всѣ безпощадныя стремленія, всѣ душевные и сердечныя порывы, какъ счастливъ онъ одинъ съ самимъ собой, какое чудное одиночество образовалось у него въ груди, и прочее и прочее.

Блудный ребенок — онъ и не видитъ, что все эти огромныя претензіи расходятся съ условіями его физическою и нравственною природою, что всякому зрѣлому человеку и всякой свѣжей непочатою натурѣ, которая какъ нибудь придетъ съ нимъ въ столкновение, тотчасъ же разоблачатся все эти дикія претензіи; онъ идетъ безъ оглядки по выбранной имъ дорогѣ, не подозревая, что рано или поздно разразится надъ нимъ неизбежная катастрофа разоблаченія. Двоичнымъ образомъ можетъ совершиться эта катастрофа — смотря потому, совершенно ли подошла къ человеку, или осталось еще въ немъ что-нибудь нетронутое, неперемѣнное; ибо часто въ подобныхъ несчастныхъ натурахъ лежатъ заложники лучшаго, — и въ такомъ случаѣ, опыты жизни раскрываютъ человеку глаза, и внутри его начинается кара совѣсти — самая ужасная изъ каръ, но ведущая всегда къ благодатному исходу: путемъ саморазоблаченія, искреннимъ презрѣніемъ къ самому себѣ, доходитъ онъ до того, что снова доискивается въ самомъ себѣ глубокихъ основъ, вѣры въ истинное, а не фальшивое человеческое достоинство. Гораздо же чаще разоблаченіе не производитъ ни какихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что герой, непонятый людьми, еще крѣпче закутывается въ продыравленную мантию трагическаго величія, отправляется лечиться «живительными соками природы», впадаетъ въ какое-то сонное состояніе, сонными глазами смотритъ и на себя и на природу, и умираетъ въ грезахъ того же самообольщенія. Такъ или иначе, но катастрофа ждетъ на этомъ пути, — она же постигаетъ и Володю. Онъ сталкивается съ натурою крѣпкою, непочатою. Г. А. — въ прекрасно очертилъ M-me Anne, которая была Немезидою для его Володи.

Она вовсе не имѣла способности къ насмѣлкѣ, къ быстрому поразжающему отвѣту, вовсе не обладала даромъ вѣлаго выраженія мысли, но замѣщала все эти качества какой-то врожденною мягкостью вохъ своихъ сужденій, *какой-то зоркостью, невольно удивлявшей васъ.*

Все постепенности отношенія между Володей и M-me Anne, нуждой всякихъ претензій, простой и искренней, но

вместѣ съ тѣмъ чрезвычайно способной отличать правду отъ лжи и владыющей какимъ-то чутьемъ въ этомъ случаѣ, обозначены авторомъ съ самою строгою логическою последовательностью:

Разумѣется, Володя съ первой же минуты своего знакомства почелъ за нужное показать дѣвушкѣ, полной вниманія ко всему окружающему, холодную, безстрастную, маску, которой украсилось его чело и которой она не видала еще ни на комъ. Разумѣется также, что первое впечатлѣніе дѣвушки было удивленіе. Несколько времени она колебалась, не зная что думать про новое лицо, сильно требовавшее ея вниманія *до или собственнаго безобразія*. Ей уже случалось читать описанія подобныхъ характеровъ въ книгахъ; но свѣжая и неопытная мысль ея ни какъ не могла представить себѣ лонгаго образа ихъ, не смотря на весь надержанный талантъ авторовъ.

Нечего, кажется, и пояснять, что здѣсь авторъ является наблюдательнымъ и опытнымъ психологомъ. Онъ не оставилъ своей героини на ходули, не придалъ ей того, чего въ ней не было и не могло быть — ранней опытности. Онъ снабдилъ ее только тактомъ, только непосредственными дарами — и понятно, что первое чувство ея было удивленіе — болѣе еще — желаніе повѣрить на действительномъ фактѣ идеалы современныхъ писателей; понятно также въ ней и некоторое чувство страха.

Встрѣтивъ живьемъ одну изъ такихъ личностей, M-me Anne естественно испугалась. Въ отношеніяхъ ея съ Володей *наступила та минута отчужденія, жертвничности*, которая существуетъ иногда самымъ близкимъ, короткимъ связямъ, но врожденное любопытство дѣвушки, составлявшее основную черту ея характера, превозмогло первое впечатлѣніе. M-me Anne принялась затрогивать одну по одной разныя струны въ душѣ Володи, единственно изъ желанія узвать, какой звукъ издають онѣ и прислушаться къ нимъ. Сперва приступила она къ дѣлу весьма робко; но чѣмъ далѣе шло, тѣмъ дѣвушка становилась смѣлѣе. *Впрямую, въ самыхъ звукахъ не было ничего раздражающаго и болѣзненнаго*, потому что чрезъ нѣсколько нѣспрѣвъ, M-me Anne знала свой инструментъ въ совершенствѣ и играла на немъ такъ бойко, какъ самая записная концертистка.

Легко предвидѣть развязку комедіи. Володя разбитъ въ прахъ, фантастическое величіе его разсыяно какъ дымъ, на него находятъ припадки откровенности и душевныхъ из-

линий, потребности въ чужихъ советахъ, въ чужомъ участіи. Когда, по совету автора, онъ рѣшается напрямки сказать М-ше Анне, что онъ только напуталъ на себя всѣ ужасныя вещи, — она отвѣчаетъ ему съ убійственной улыбкой:

Я давно знала, Владиміръ Семеновъ, что вы неспособны ни къ чему, о чемъ говорили... и передъ другими всегда за васъ заступалась.

Когда послѣ этого онъ предлагаетъ ей дружбу и вмѣстѣ съ ней свою опытность, знаніе свѣта и разсудокъ она говоритъ: «я и не воображала, чтобъ по контракту можно было дружбу заключать.» Такимъ образомъ, ему не остается ничего, кромѣ ложнаго и притомъ смѣшнаго положенія. Бѣдный! а онъ вѣроятно *лѣстился надеждою* — заключить драму совершенно по-печорински, высосать апельсинъ и бросить его, — спросить гордо: вы меня презираете? — получить въ отвѣтъ: я васъ ненавижу! — поклониться и выйти съ невозмутимымъ челомъ, въ величавомъ спокойствіи. Вышло не такъ — вышло то, что онъ попалъ въ смѣшное положеніе и не можетъ выйти изъ него.

Какъ же ты до сихъ поръ не понимаешь — возражаетъ онъ на всѣ увѣщанія автора, советующаго ему бросить все и уѣхать, — что если я не могу подойти къ Аннѣ Александровнѣ, то и уѣхать отъ нея рѣшительно не въ силахъ.

И такъ судя разразился надъ нимъ, надъ этимъ *soi-disant* перою нашего времени, такъ долго тѣшившимъ себя презаніемъ о собственномъ величьи — и какъ нарочно, безжалостный авторъ кончаетъ этюдъ самой злой и сухой ироніей. На званомъ вечеру, куда уѣхалъ онъ, чтобы разсвѣять неприятное впечатлѣніе, произведенное на него *признаніями*. Володя, встрѣчая его, въ некоторомъ Нилѣ Ивановича, дилющаго привѣтлію выразиться отборными фразами, и вотъ что говоритъ ему Нилъ Ивановичъ:

При прѣздѣ сюда я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ. Выходя отъ Владиміра Семеновича, вы меня не замѣтили; но у меня пробѣжала въ головѣ мысль, которую сообщить вамъ считаю за долгъ. Короткое знакомство съ людьми непременно имѣетъ вліяніе на собственный нашъ образъ мыслей. Вотъ почему слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ съ Владиміромъ Семеновичемъ. Конечно

ни и ничего въ нашемъ городѣ не усматривается въ врожденной твердости его характера; это его непоколебимое катедра; во къ сожальнѣю сухость души и холодность сердца мѣшаютъ ему заслужить то уваженіе, на которое онъ могъ бы имѣть право, владѣя даромъ, отъ природы даннымъ ему.

Читатели согласятся съ нами, конечно, что нельзя было отпѣть торжественнѣе героевъ, подобныхъ Володѣ. После этого не остается уже сказать ничего инаго, какъ: *requiescat in pace!*—что собственно и хотѣли сказать мы нашимъ подробнымъ разборомъ произведеній, въ которыхъ является съ различныхъ сторонъ все одинъ и тотъ же достолюбезный типъ. Къ сожалѣнію, только въ одномъ изъ нихъ это лицо поставлено въ настоящемъ свѣтѣ, т. е. тронуто съ комической стороны, единственной, которой можетъ еще оно быть въ настоящее время для искусства живымъ. Все, что было въ этомъ типѣ трагическаго и грандіознаго, давно уже исчерпано въ «Рене» Шатобриана, въ герояхъ Байрона, въ «Октавіи» А. де-Мюссе, въ Печоринѣ Лермонтова; пора дать покой этому трагическому, пора однимъ словомъ сказать обо всѣхъ этихъ герояхъ: «Древняя мимодоша!»

Иной типъ встаетъ уже мало по малу на развалинахъ злаго мишурнаго величія, хотя покажется довольно резко пробирается онъ сквозь блестящіе ряды этихъ великосветскихъ, разочарованныхъ героевъ, гордыхъ своимъ безстыдствомъ, готовыхъ, какъ женщины, наводить себя на лицо матовый цвѣтъ истомленія и пресыщенія, вѣчно толкующихъ о замкнутости и нетерпѣливо жаждущихъ хоть какому-нибудь терпѣливому слушателю излить свои дешевыя страданія, этихъ махающихъ картонными мечами господъ,—но тѣмъ не менѣе онъ уже показывается иногда, этотъ новый типъ, хотя ни разу еще не предсталъ онъ во всемъ своемъ простомъ благородствѣ, ни разу еще ни сложился въ полный, цельный, законченный образъ подъ разцомъ великаго мастера. Мы не знаемъ еще, каковъ будетъ этотъ новый т. е. настоящій герой нашего времени, но можемъ знать, и притомъ не гадательно, а вѣрно, что ближе будетъ онъ къ правдѣ. Человѣкъ такъ созданъ, что ему тяжело жить въ сосѣдствѣ

съ трупомъ, съ умершимъ нравственно или физически, что его влечетъ къ живому, что «живой живое и думаетъ», какъ говоритъ одна изъ нашихъ глубоко-мѣткихъ пословицъ.

И едва ли не въ первые выступило это живое въ произведеніи женщины: мы говоримъ о «Племянницѣ» Г-жи Евгени Туръ, романъ неконченномъ, послещемъ на себѣ признаки какой-то поспѣшной работы, страдающемъ то произвольнѣйшими сокращеніями, то почти невыносимыми длиннотами — однимъ словомъ, слабомъ въ художественномъ отношеніи до того, что уважая талантъ автора «Ошибки», мы не рѣшились бы и говорить о немъ, если бы среди его туманныхъ, безразлично-добрыхъ образовъ, не отличался одинъ какими-то новыми, хотя неясно переданными чертами, если бы среди его утомляющихъ подробностей не пробивалась иногда живая струя новой, свѣжей, здоровой мысли. Въ самомъ дѣлѣ всѣ читавшіе «Племянницу», не узнавали аналитика «Ошибки», всѣмъ кидались въ глаза то неумѣстные недомолвки, то излишнія подробности, всѣхъ поражало отсутствіе красокъ, однообразный колоритъ всѣхъ сценъ, всѣхъ разговоровъ, всѣмъ было странно какое-то приторное добродушіе разсказа, дошедшее наконецъ до того, что сама Варвара Петровна, въ продолженіе первой части презлая-злая, вдругъ къ концу ея становится предобрая-добрая; — всѣ сучали надъ подробностями Машиной свадьбы и надъ чувствительными изліяніями героини романа съ Плетневымъ, и между тѣмъ, всѣ прочли до конца эту длинную первую часть и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали второй. Таково вообще участіе, возбуждаемое въ каждой здоровой и серьезной мыслию. Всѣ грѣхи произведенія выкупаютъ характеръ Николая Ивановича Ильменева. О немъ одномъ мы и будемъ говорить здѣсь, потому что онъ одинъ поставилъ бы высоко произведенія г-жи Евгени Туръ, хотя бы подробности романа были еще утомительнѣе, вырѣзки и недомолвки еще безобразнѣе.

Суровую и тяжелую школу прошелъ Николай Ивановичъ Ильменевъ, прежде тѣмъ столкнулся онъ съ действительностью. Отецъ его — управитель въ княжескомъ домѣ, былъ человекъ, что называется, практическій, и притомъ не въ луч-

шемъ смыслѣ этого слова; мать — одна изъ такихъ натуръ, которыя способны любить до полного самоуничтоженія и притомъ не по излишку страсти, а по слабости характера. Боясь обременить нашу, и безъ того уже длинную статью, выписками, мы должны обойти замѣчательный очеркъ жизни Ивана Степаныча Ильменева, но не можемъ не указать на взаимныя отношенія отца и матери героя:

Скоро всѣ (въ селѣ Брянецѣ) единодушно порѣшили, что она совсѣмъ не столбичная птица и, видно, весьма неважная особа, а просто на просто дура набитая и рядомъ сказать двухъ словъ не умѣетъ; *накинь образомъ ласковое ея обхожденіе со всѣми было влѣнено ей въ порокъ и глупость тѣмъ же самыми людьми, которые должны были оцѣнить его.* О мужѣ ея говорить нечего: онъ рѣзко останавливалъ ее на каждомъ словѣ, бранилъ и оканчательно запугалъ ее, *но все не могъ излѣпить этой любящей природы.* Замѣчательно тоже, что она и сама не признавала въ себѣ своего внутренняго *преимущества надъ всѣми ее окружающими міромъ и въ смиреніи признавалась сама себѣ въ простотѣ и глупости,* что придавало ей еще больше робости. *Въ ней было отсутствіе всякаго яснаго сужденія и непониманье самыхъ простыхъ истинъ, соединенное съ мягкимъ и добрымъ сердцемъ, и все происходило въ ней безсознательно.*

Есть что-то трогательное въ этой инстинктивной добротѣ, есть много истинно-высокаго въ этомъ смиреніи; но вѣдь нельзя не согласиться, что участь подобныхъ слишкомъ нѣжныхъ натуръ по большей части весьма незавидна; что при первомъ столкновеніи съ жизнью онѣ оказываются несостоятельными; что все, что есть въ нихъ непосредственно-прекраснаго, переходитъ тогда въ нечто страдательное; что онѣ живутъ весь свой вѣкъ какими-то загнанными, забытыми, особенно если судьба сведетъ ихъ съ такими жесткими и дѣятельными натурами, какова была натура отца Николая Ивановича. Мы назвали его человекомъ практическимъ въ дурномъ смыслѣ этого слова.

Пройдя многое — говорить о немъ авторъ, — онъ по этому самому не жалѣлъ другихъ и не заботился спасать ихъ отъ чего бы то ни было, и всегда говорилъ будто въ оправданіе: *а развѣ я не былъ въ такихъ же передѣлкахъ?*

Николай Ивановичъ — сынъ этихъ двухъ совершенно не сходныхъ между собою существъ, родился больной и хворой; положеніе его въ отношеніи къ отцу и къ матери обозначено авторомъ, такъ сказать, съ трагическою послѣдовательностію. Безмѣрная любовь матери къ нему и безмѣрная же любовь его самаго къ матери, антипатія отца къ больному ребенку и страхъ ребенка, ранняя замкнутость и ранняя склонность къ уединенію — все это необходимыя послѣдствія такого положенія. Но между тѣмъ, Николай Ивановичъ вышелъ въ мать только одною стороною своего существа, другая сторона была въ немъ общая съ отцомъ — твердость, ясное разуміе явленій, вѣрность взгляда на вещи. И впервые явилась въ немъ эта сторона, когда наука и тяжелые вопросы мышленія вырвали его изъ его мечтательнаго, замкнутаго мірка.

Недовѣрчивость къ самому себѣ и робость утратилась въ немъ; въ немъ родились убѣжденія во многихъ истинахъ; *жарко принялъ онъ ихъ на сердце и заключилъ* навсегда въ глубинѣ души. Его внутренняя сила, недвижущая, спящая, проявлялась *молчаніемъ и спокойствіемъ*; оттого многіе называли его скучнымъ; *онъ не высказывался безъ нужды*. Но когда задѣвали его задушевные идеи, онъ просыпался и вставалъ и жарко, въ первой молодости, за нихъ ратовалъ. *Уступить, поступить иначе онъ не могъ*. Въ немъ были и убѣжденія, и послѣдовательность, и рѣшимость.

Ясно, что этотъ герой, котораго инныя черты, въ особенностяхи спокойствіе до минуты пробужденія силы, представляютъ разительное сходство съ чертами характера Жака въ известномъ романѣ этого имени, — ясно, что этотъ страстный и вмѣстѣ съ тѣмъ рано закалившійся на борьбу съ жизнью человекъ, не похожъ на разныхъ господъ, щеголяющихъ бесплоднымъ отрицаніемъ; ясно, что онъ и способенъ жить и будетъ жить какъ подобаешь человеку, что дѣйствительность, какова бы она ни была, не сломитъ въ немъ крѣпкой воли, не разобьетъ этихъ разумныхъ и вмѣстѣ пламенныхъ взрваній, что власть и сила давы ему надъ самимъ собою и надъ жизнью.

И действительно, такимъ начинается уже являться новый герой, не смотря на то, что образъ его не уяснился еще достаточно. Г-жа Евгения Туръ вообще мало владѣетъ способностью воплощать въ яркіе и сжатые образы свои идеалы: дѣло ея — анализъ, иногда довольно глубокій, но почти всегда односторонній и неисчерпывающій цѣлаго, — она какъ-будто указываетъ только на богатство своего матеріала, но не умѣетъ схватить его главныхъ сторонъ. Отъ этого, самый характеръ Николая Ивановича, задуманный очень хорошо, весь утонулъ въ излишнихъ подробностяхъ съ одной стороны, и съ другой вышелъ какъ-то не цѣлостенъ, не полонъ, туманенъ отъ недомолвокъ. Между тѣмъ, повторимъ опять, указаній на новое лицо находится здѣсь очень много.

Въ первый разъ, герой романа вызывается на борьбу съ жизнью, когда отецъ начинаетъ поговаривать ему о службѣ.

Но Николай Ивановичъ объявилъ рѣшительно, что не чувствуетъ въ себѣ способностей и склонности къ службѣ, гдѣ требуется безмыслия и неумолимая дѣятельность, гдѣ требуются для совершеннаго исполненія долга знанія, которыхъ онъ не имѣетъ.

Такъ чему же ты учишься? — спросилъ его Иванъ Степанычъ грозно.

Я былъ въ Математическомъ отдѣленіи и занимался естественными науками, и потому не могу идти въ такую службу, гдѣ требуется знаніе юриспруденціи.

Черезъ двѣ недѣли Иванъ Степанычъ похвалъ въ губерскій городъ, и возвратившись, объявилъ сыну, что мѣсто для его вступленія въ службу приискано, и что черезъ двѣ недѣли они отправятся вмѣстѣ въ городъ. Онъ прибавилъ, что дастъ ему приличное содержаніе, необходимое при маломъ жалованьи, и что онъ уже нанялъ ему хорошую квартиру.

Николай Ивановичъ сказалъ только:

— Напрасно! —

И замолчалъ. Онъ рѣшился уѣхать въ Москву и искать себѣ мѣста по желанію.

Въ этой скромной безпритязательной стойкости, происходящей отъ серьезнаго пониманія долга жизни, чуждой равно и рабскаго страха и дерзости, готовой на всякую борьбу за свою внутреннюю святиню, но въ самой борьбѣ не забывающей должнаго уваженія къ отношеніямъ и къ личностямъ, лежатъ задатки характера, конечно уже не

лишеннаго извѣстной граціозности. Этотъ человѣкъ не стаетъ ни въ какомъ случаѣ на ходули ни передъ самимъ собою, ни передъ другими; но если дойдетъ до дѣла, онъ поведетъ его послѣдовательно, чисто, прямо, не вдаваясь въ порывы мелочнаго самолюбія и вмѣстѣ съ тѣмъ же жертвуя ни чѣмъ, святымъ и заветнымъ какимъ бы то ни было отношеніямъ. Какія бы препятствія ни встрѣтилъ онъ, какія бы неудачи ни испыталъ, — препятствія не сломятъ его, неудачи не отнимутъ у него вѣры въ жизнь: онъ можетъ погибнуть, но ни минуты не будетъ онъ нравственно умершимъ, ни минуты не въ состояніи онъ услаждаться собственнымъ гнѣніемъ. Въ немъ нѣтъ той нетерпимости въ отношеніи къ людямъ, которая составляетъ отличительную черту покойныхъ героевъ нашего времени; но въ немъ есть святая нетерпимость къ неправдѣ, и потому, съ одной стороны, онъ не разобщится съ жизнью, съ другой никогда не дойдетъ до примиренія со всякою пошлостію жизни.

Все, что говоримъ мы о новомъ героѣ, относится не столько къ Ильменеву неконченнаго романа Г-жи Евгеніи Туръ, сколько къ тому будущему типу, на который онъ является какъ бы намекомъ. Во всякомъ случаѣ даровитому автору «*Ошибки*», едва ли не первому изъ нашихъ современныхъ повѣствователей, принадлежитъ та заслуга, что вмѣсто испощившихся сколковъ съ Печорина выведено наконецъ новое лицо.

О самомъ содержаніи романа мы не скажемъ ни слова. Произведеніе Г-жи Туръ еще не кончено. Такъ же точно слегка упомянемъ мы только о небольшомъ разсказѣ «Долгъ», помѣщенномъ въ XI № Современника, граціозномъ разсказѣ, но безъ особенныхъ достоинствъ, Г-жи Туръ. Произведенія ея, даже и слабыя, слишкомъ рѣзко отдѣляются отъ всѣхъ почти остальныхъ повѣстей, помѣщенныхъ въ разбираемомъ нами журналѣ и болѣе или менѣе обязанныхъ своимъ появленіемъ на свѣтъ той несчастной задней мысли, которую мы видѣли доведенною до нелѣпости въ «Запискахъ Тамарина», въ «Странной ночи», въ «Дачномъ разсказѣ», — которая помѣшала быть художнически безприст-

растнымъ Г. Станицкому, — набрасываетъ унылый, сѣренькій колоритъ на «Записки охотника», — и надъ которою мы отъ души смѣялись съ умнымъ авторомъ Провинціальныхъ писемъ. Слѣдя эту мысль съ самымъ усерднымъ вниманіемъ, мы нисколько не боялись навлечь на себя подозрѣнія въ родствѣ съ героемъ Сервантесова романа, сражающимся съ вѣтренными мѣльницами. Повторимъ опять, что многіе и весьма многіе еще не разочаровались въ разочарованіи или, пожалуй, въ безочарованіи, многіе еще способны увлекаться, вмѣсто жизни, миражемъ жизни и разрушеніе фантастическихъ *Fata Morgana*, принимать за разрушеніе дѣйствительно существующихъ заданій. Оговариваемся еще разъ въ томъ, что мы поясняли иногда стихами великихъ поэтовъ мелочныя душевныя движенія героевъ нашего времени. Читатели наши, вѣроятно, поняли нашу дѣль и ни разу не обвинили насъ въ неуваженіи къ Пушкину или къ Лермонтову. Не вина Пушкина и Лермонтова, что жизнь идетъ впередъ, что типы, въ известное время истинныя и поэтическіе, мельютъ и испошляются отъ безпрестанныхъ повтореній. Одинъ изъ замѣчательныхъ и даровитѣйшихъ Французскихъ писателей, къ сожалѣнію мало известный у насъ, Шарль Нодье, творецъ *Сбогара*, бывшаго тоже *типомъ* въ свое время, говоритъ весьма справедливо:

Il n'y a que le genie qui invente les types, et s'est en cela que l'imitation la plus adroite ne saurait le contrefaire. La contre-epreuve d'un type se trahit elle-même par les efforts qu'a fait l'esprit pour la soustraire à la comparaison et les efforts sont d'autant plus maladroits, qu'on ne peut rien produire de vraisemblable, en altérant une nature vraie.

Перейдемъ теперь къ перечисленію тѣхъ повѣстей Современница, которыя явнымъ образомъ принадлежатъ къ литературному балласту,

Сюда относятся:

1) *Ясные дни*, идиллія Г. Авдьева. Содержанія атой идилліи, за его крайнею и невинною пустою, мы не станемъ передавать, а посредствомъ краткой выписки познакомимъ только читателей съ манерою и слогомъ автора:

Вамъ, можетъ быть, случалось, мой читатель, или моя читательница, не разъ искрещивать Русь не по однимъ шоссѣ и

отправляясь на лето въ деревню, дѣлать пути въ тысячу верстъ, которыхъ бы за глаза хватало, чтобы, перерѣзавъ всю Германію, дохзять отъ Петербурга до Парижа, — и если случалось, то вы, конечно, помните эти длинныя, жаркіе лѣтніе дни, когда утомленные зноемъ, безсонницей, вы ѣдете пять-шесть дней. Воображеніе ваше долго занимало и тѣшило васъ; наконецъ оно устало и утомилось какъ ваше тѣло; въ большой головѣ нѣтъ мыслей; передъ закрытыми глазами нѣтъ ни одной картины, а вы все ѣдете, ѣдете.... трясетесь вы по избитой дорогѣ и ни о чемъ не думаете, а зной такъ и душитъ, пыль стоитъ неподвижно, лошади бѣгутъ самой несносной перевалкой, которую онѣ кажется нарочно выдумали, чтобы сердить васъ; а передъ вами все безконечная, широкая дорога, съ двумя рядами березокъ, между которыми, по волѣ колесъ, лавируетъ вашъ экипажъ отъ одного ряда къ другому, какъ мореходъ по Фарватеру; и безконечная дорога отъ этого дѣлается еще длиннѣе, еще безконечнѣе.

Но вотъ зной спалъ, вечерѣтъ, станція близко и лошади побѣжали дружнѣе; при вѣздѣ на мостикъ, васъ такъ тряхнуло, что вы только успѣли вскрикнуть: Эхъ! и сонъ какъ рукой сняло. Свѣжій вѣтерокъ пахнулъ вамъ въ лицо. Вы начинаете подумывать о кипящемъ самоварѣ. и т. д.

Что же? — спросить съ удивленіемъ читатель, если не вдругъ пойметъ въ чемъ дѣло, — что же? — повторитъ онъ съ недоумѣніемъ: — выписанное мѣсто очень недурно. — Еще бы! — когда оно цѣликомъ, т. е. и складомъ рѣчи и даже впечатлѣніями есть подражаніе извѣстному мѣсту «Мертвыхъ душъ»: «Есть что-то манящее и зовущее въ словъ: дорога».... и т. д. — Еще бы! когда это мѣсто ученически переписано со словъ великаго мастера. Во всей «Идилліи» Г. Авдѣева такъ и видно, что авторъ учится теперь копировать Гоголя, какъ въ своемъ Тамаринѣ онъ учился копировать Лермонтова. Не знаемъ, какъ думаютъ другіе, а мы съ своей стороны полагаемъ, что гимназическія упражненія хотя и полезны для образованія ума и сердца, со слогомъ включительно, но къ области литературы принадлежать не должны.

2) Разказы: «Исторія двухъ пріятелей» и «Пари» — безцвѣтны и гладки такъ, что не сорвутъ съ вашихъ устъ даже улыбки какою-либо претензією. Прочтете ихъ безъ удовольствія и безъ досады и тотчасъ же забудете.

3) Таковы же и нѣкоторыя изъ «Житейскихъ глупостей», кромѣ одной только, на которой мы остановимся, по-

тому что она обличает претензіи безпримѣрныя. Это «Княжна Нелли» — рассказъ, отъ котораго дышетъ великосвѣтскостію.

Господа, — сказала хорошенькая хозяйка, *оподожмуяб отъ себя шампанское, положивъ оба локтя на скатерть* и приглаживая рукой свои закинутые назадъ волосы: есть еще одна вещь, о которой мы ни разу не говорили. Вы вѣдь такъ улыны, холодны, самоувѣренны, такъ осторожны и насмѣшливы, что.... вѣрно надѣлали каждый въ свою очередь безчисленную бедну глупостей.

Такъ начинается рассказъ, и уже по началу его мы можемъ догадываться, что попали въ общество людей, во первыхъ *comme il faut*, во вторыхъ, разочарованныхъ. Тутъ впрочемъ нечего и догадываться — и мы просто описались, поставивши этотъ глаголь: дѣйствующія лица прямо называются здѣсь денди и джентльменами, — товаръ показывается лицомъ, — тонъ самый фешенебельный. Хозяйка требуетъ отъ гостей глупостей — *глупыхъ, неловкихъ, обидныхъ для самолюбія.* Рассказываетъ такуюю одинъ «красивый и задумчивый господинъ, которому льнь было говорить во весь вечеръ» Глупость его состоитъ въ томъ, что онъ влюбился какъ-то разъ въ дѣвочку, которой оказалось одиннадцать лѣтъ и которая кокетничала съ нимъ какъ пятнадцатилѣтняя. Въ этомъ все и дѣло, но нельзя и вообразить себя, какъ разыгралась нездоровая фантазія автора рассказа; нельзя исчислить всѣхъ претензій, которыя такъ и лѣзутъ тутъ изъ каждаго уголка. Княжна Нелли — 11-лѣтній монстръ, который кокетничаетъ крайне искусно, въ вѣтренной головкѣ котораго совершается *тяжелый процессъ мышлений.*

Замѣтивъ однако — говорить рассказчикъ, — что многія изъ ея выраженій возбуждаютъ во мнѣ неумѣстную веселость, *хитрая дѣвушка скоро догадалась, что смѣшная сторона не всегда бываетъ у мѣста въ нѣжномъ разговорѣ, и надо было наблюдать, съ какою ловкостью выпутывалась она изъ каждой сказанной ею наивности!* То она притворялась разсѣяною, то говорила, что она нарочно ребячится, чтобъ посмѣшить меня, то признавалась, что ей ни разу не приходилось говорить съ модными мужчинами. Я не могъ не примѣтить изумительной гибкости въ умѣ Княжны Нелли: съ этихъ лѣтъ было въ ней *все необходимое для свѣтской женщины;* новѣ преждевременная гибкость ума была смягчена нѣжностью и простодушіемъ характера.

Подобное поэтизирование аномалии, подлежащей медицинскому обследованию, было бы отвратительно и с эстетической и с моральной точки зрения, если бы не выдавалась резко смешная сторона его, одним словом — изворачивая наизнанку стихи Лермонтова — «все это было бы грустно, когда бы не было так смешно.» Серьезно говорить об этом как-то совѣстно.

Къ числу *житейскихъ глупостей* мы позволяемъ себя причислить и комедию Г. А. Д. «Не всякому слуху вѣрь.» Объ этой комедіи, «въ краткихъ, но сильныхъ» выраженіяхъ, отозвался уже совершенно справедливо XII-й № Отечественныхъ Записокъ, — но, такъ какъ произведение Г. А. Д. написано въ драматической формѣ, и такъ какъ мы рѣшились обращать всегда особенное вниманіе на драматическую литературу, то и рассмотримъ содержаніе новой комедіи.

Дѣйствующія лица ея — съ одной стороны, дѣти, имѣющія претензіи быть большими, съ другой — взрослые, которые становятся на ходули, чтобы придать себѣ величіе. Какъ дѣти, такъ и взрослые здѣсь иногда отвратительны своими претензіями, иногда смешны, и притомъ смешны не въ пользу комедіи, а въ явный убытокъ ея автору, который играетъ съ читателями въ куклы и добросовѣстно увѣряетъ себя, что пишетъ комедию. Александръ Никитичъ Запольскій, 20 лѣтъ, и жена его Евгенія Александровна, 17 лѣтъ — молодые супруги. Это еще не бѣда, что они молоды — «это бываетъ-съ», да то бѣда, что на всемъ безмѣрномъ пространствѣ Русскаго государства не найдется такого наивнаго *джентльмена*, какъ Саша Запольскій, который въ 20 лѣтъ глупъ какъ-то не по-Русски, т. е. глупъ до непониманія самыхъ простыхъ житейскихъ вещей — и вмѣстѣ съ тѣмъ, также не по-Русски, эксцентрикъ. Не бѣда бы также, что Евгеніи Александровнѣ только 17 лѣтъ, да бѣда въ томъ, что она — та же самая княжна Нелли, о которой мы только что говорили. У нея есть пансіонская подруга: Нини, т. е. Надежда Александровна, 18 лѣтъ, по замѣчанію автора «хорошенькая и кроткая дѣвушка, ходитъ всегда въ темномъ, въ пансіонѣ славилась прилежаніемъ»

и солидностью.» Она говоритъ сентенціями изъ «учебныхъ упражненій», — нѣчто въ родъ Клариссы Гарловъ съ ея смѣшной стороны, маленькая пуританка, какая никогда не выйдетъ изъ Русскаго женскаго учебнаго заведенія. Мы не знаемъ, какимъ образомъ Саша Запольскій женился на Евгениі Александровнѣ, или, лучше сказать, кто имѣлъ глупость ихъ женить. Саша правда говоритъ гдѣ-то: «При второмъ нашемъ свиданіи мы уже были обручены и цѣловались такъ, что насъ насильно разсаживали порознь», — но въдѣ это еще не резонъ — можно было разсадить ихъ порознь на болѣе долгій срокъ. Правда, что тогда не было бы и комедіи. Саша Запольскій неизвѣстно гдѣ воспитывался, потому что ни изъ одного мужскаго учебнаго заведенія молодой человекъ не выноситъ сантиментальныхъ тирадъ, и даже домашнее воспитаніе не въ состояніи создать такого крайне невиннаго существа, развѣ только допустить, что ровно до дня свадьбы онъ оставался на рукахъ нянюшекъ и мамушекъ, былъ ими одѣваемъ, обуваемъ и умываемъ, чему противорѣчатъ его претензіи на трагическія выходы, прямо обличающія въ немъ новаго Тамарина. Онъ со страхомъ и трепетомъ ожидаетъ пріѣзда брата — дипломата Льва Никитича, а между тѣмъ не видитъ, что за женой его волочится отвратительный старый селадонъ Жигуновъ, который возбуждаетъ ея ревность, выставляетъ ее въ черномъ цвѣтѣ дипломату Льву Никитичу; Левъ Никитичъ потому только развѣ дипломатъ, что употребляетъ Англійскія слова и отличается какой-то важностью Индѣйскаго пѣтуха. Левъ Никитичъ, натолкнувшись на сцену быценой ревности Евгениі Александровны, рѣшается на время развести ребятъ, но къ сожалѣнію этого не дѣлаетъ, потому что злодѣйскіе замыслы Жигунова выходятъ наружу. Вотъ и вся комедія. Нравы и языкъ ея лицъ познаются лучше всего изъ трогательной сцены прощанія двухъ супруговъ, имѣющей явную претензію на наивность и еще большую претензію на иронию. Вотъ на примѣръ отрывокъ этой сцены:

Саша. Вѣроятно, мы расстаемся не навсегда. Пріѣздъ моего брата открылъ мнѣ глаза: мнѣ стыдно, что я предаюсь праздности; но съ тобою я не прощаюсь на вѣки.

Евгенія Алекс. Если бъ ты бросилъ свои волокитства, мы бы помирились и уѣхали вмѣстѣ....

Саша. Къ чему, Женни? Волокитства не было. Ты почти знаешь это. Вина нашей разлуки въ характерахъ нашихъ, въ тѣхъ оскорбленіяхъ, которыя....

Евгенія Алекс. (быстро становится на колѣни). Я знаю, что я виновата!

Саша. (хочетъ поднять ее). Женни, полно же, Бога ради.

Евгенія Алекс. Я не встану. Если хочешь, идай въ меня вѣзмъ, брось мнѣ зеркало на голову.

Саша. (самъ становится на колѣни). Въ овою очередь, если я въ чемъ нибудь оскорбилъ тебя, мол Женни, прости меня.

Евгенія Алекс. (обнимаетъ его и садится на коверъ). Это твой братъ насъ перемутилъ обоихъ.

Саша. (тоже садится). Не обвиняй брата: онъ знаетъ, что дѣлаетъ; онъ позналъ нашу жизнь; ему надобно покориться.

Не правда ли, что отъ подобныхъ приторныхъ вещей становится уже не только смѣшно, но даже грустно за литературу, утрачивающую всякое серьезное и разумное значеніе?

Но какое чувство владѣло нами, когда мы читали въ Современникъ «Новоизобрѣтенную привилегированную краску» и «Похожденія Ивана Черно книжника». Литература тутъ уже не просто испощилась, нѣтъ, мы должны бы употребить здѣсь слово, которое печатно употреблено въ похожденіяхъ Черно книжника однимъ великосвѣтскимъ господиномъ о его пріятеляхъ.*

И между тѣмъ, мы находимъ необходимымъ довольно подробно говорить объ этихъ печальныхъ фактахъ, и выбираемъ даже тотъ изъ нихъ, который представляетъ собою геркулесовы столпы пошлости.

Сантиментальное путешествіе Ивана Черно книжника по Петербургскимъ дачамъ (N 7 и 8) съ самаго начала своего обличаетъ ироническое направленіе, и такъ какъ иронія хороша только тогда, когда она падаетъ на что либо дѣйствительно достойное посмѣянія и притомъ падаетъ мѣтко, то съ самаго же начала мы спросимъ, на что устремлена иронія

* *Соврем.*, N VIII. Отдѣл. VI стран. 213, строка 12.

сентиментальнаго путешествія и какова она? Прежде всего авторъ путешествія смѣется надъ Петербургскими фельетонистами и надъ ихъ описаніями Петербургскихъ ночей, праздниковъ Излера и т. д.; но если кому случилось какъ-нибудь прочесть одно изъ ихъ описаній, тотъ вѣрно съ разу же понялъ, въ чемъ тутъ дѣло, отнесъ прочтенное къ области промышленности, да тѣмъ и покончилъ. Осмѣивать описаніе праздниковъ на дачахъ такими же точно описаніями — что изъ этого выходитъ?

Какой-то господинъ лѣтъ двадцати восьми, мрачнаго вида, въ синей альмавивѣ, нанимаетъ извозчика на минеральныя воды. Сцена съ извозчикомъ написана опять съ явной ироніей, устремленной на изслѣдователей Петербургскихъ угловъ, описателей различныхъ слишкомъ обыкновенныхъ происшествій. Иногородный подписчикъ Современника нѣсколько разъ уже вооружался на школу этихъ повѣствователей, только вооружался вкривь и вкось. Не въ томъ дѣло, что описывается, а въ томъ, какъ описывается: глазъ художника въ самомъ обыденномъ явленіи подмѣтитъ новую черту, въ самыхъ простыхъ событіяхъ отыщетъ новый смыслъ: ничего, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ происшествій, нѣтъ въ Тюфякъ Г. Писемскаго — и между тѣмъ вѣетъ жизнію и непосредственностью сочиненія отъ этого разсказа; самыя необыкновенныя происшествія описываются въ повѣстяхъ Г. Дружинина, самыя эксцентрическіе характеры выводятся имъ, самый фешенебельный тонъ въ нихъ господствуетъ, а все-таки на зрѣлаго чловѣка производятъ онѣ впечатлѣніе кукольной комедіи. Иронія сцены съ извозчикомъ пропала, стало быть, задаромъ, устремлена на то, что не сбѣитъ ироніи, на бездарныя произведенія, которыхъ никто не читаетъ.

Далѣе слѣдуетъ глава: «Причины путешествія и краткій разговоръ съ привидѣніемъ» — съ эпиграфомъ: «Есть многое въ природѣ, другъ Горацио и т. д.» Здѣсь уже рѣшительно непонятно, на что падаетъ иронія. Если на фантастическую сторону чловѣческой души, то, въ настоящую минуту, насмѣшка надъ утрированнымъ фантастическимъ

направленіемъ запоздала нѣсколькими годами, — а сама фантастическая сторона вѣчна, какъ всякая сторона души человѣческой. И на какомъ основаніи въ началѣ дикой пародіи поставлены слова Шекспира, поэта наименѣе фантастическаго или фантастическаго постольку, поскольку вѣчна фантастическая сторона — тоже неизвѣстно. Профанція литературной святѣины на всякаго мыслящаго человѣка производитъ тяжелое впечатлѣніе, и, вѣроятно, многіе скажутъ съ Сальери Пушкина:

Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алягьера.

Въ главѣ III-й (Новая деревня и дачникъ Шайтановъ) описываются странности Петербургскихъ дачниковъ, странности, представленныя въ чудовищно-фантастическомъ видѣ и лишенныя всякой вѣроятности. Иронія и здѣсь не достигаетъ цѣли, потому что она груба какъ Суздальскія литографіи. Глава IV-я «Исторія о сапогахъ, пойманыхъ на удочку», съ эниграфомъ изъ Матюрина, — такое же грубое и лишенное смысла малеванье.

Въ главѣ IV-й является на сцену новое лицо — свирѣпый и въ добавокъ очень грязный господинъ, брѣющій бороду въ цырюльнѣ, съ пунцовымъ носомъ и геройскою варужностью. Вышедши изъ цырюльни, герой разсказа встрѣчаетъ опять свирѣпаго господина съ дѣвушкой лѣтъ семнадцати, красоты ослѣпительной. Надобно вамъ сказать, что герой занятъ исканіемъ избранницы сердца, какъ всѣ уединенные мечтатели Петербургскихъ угловъ, на которыхъ представляетъ онъ собою пародію. Свирѣпый человѣкъ преслѣдуетъ дѣвушку и не отвѣчаетъ на вопросы о ней героя. Глава VI «Эвтерпино угощеніе или праздникъ вѣчно юной Киприды съ отважными полетами безъ крыльевъ» — пародія на Петербургскіе фельетоны, если хотите, забавная, но крайне грубая и могущая интересовать слишкомъ немногихъ. Надъ VII-ю главой выставленъ эниграфъ:

Передо мной являлась ты,
Какъ нимолѣтвое видѣнье,
Какъ гевій чистой красоты.

Вы желали бы не верить глазамъ, но къ сожалѣнію это такъ: дѣвственно чистыя, благоухающія строки генія служатъ вывѣскою харчевни. Въ этой главѣ описывается, какъ Черно книжниковъ нашелъ избранницу сердца. Все это дико до того, что не возбуждаетъ даже негодованія. Если авторъ или авторы путешествія хотѣли въ лицѣ Черно книжникова осмѣять героевъ Петербургскихъ угловъ съ ихъ болѣзненной мечтательностью, доходящею до мовманіи, то они не достигли своей цѣли, пересолили грязною пародіею до того, что возбудили участіе къ пародируемому и сами на себя наложивъ руки, профанируя то, что останется вѣчно свѣжимъ вѣчно благоуханнымъ, накинулись безъ разбора на истинное вмѣстѣ съ ложнымъ, и такимъ образомъ вывели въ первомъ защитѣ для послѣдняго. Вслѣдствіе этого, самую иронію невольно заподозриваешь въ недобросовѣстности.

Въ главахъ VIII—XIV, описываются такія невѣроятныя происшествія, выводятся такія фантастическія лица, что съ этими главами мы рѣшаемся познакомить покороче читателей и вмѣстѣ съ тѣмъ закончить ими отчетъ о Сентиментальномъ путешествіи, потому что все дальнѣйшее въ немъ рѣшительно блѣдно и безцвѣтно въ сравненіи съ духомъ (здѣсь надо бы употребить одинъ терминъ винограднаго подписчика Современника) означенныхъ семи главъ. Герой путешествія, сказавши прости владычицѣ своего сердца, улетѣвшей на воздушномъ шарѣ, поражается стихами одного господина, декламируемыми имъ публично. Стихи эти, разумѣется, пародія и пародія на одно изъ послѣднихъ завѣтнѣйшихъ стихотвореній Лермонтова.

Прихожу на праздникъ къ чародѣю,
Тѣмъ народу тамъ уже кипятъ,
За затѣй хитрую затѣю
Чародѣи предъ публикой творить.
Все въ саду торжественно и чудно
Хоръ цыганъ по прежнему поетъ
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно,
Отъ чего угрюмъ я и свирѣпъ?

Господинъ, декламирующій стихи—литераторъ и притомъ имѣетъ привычку объясняться громкими и звонкими фра-

зами. Г. Балдзевъ — имя литератора, объясняющагося звонкими фразами — тащитъ героя на литературный вечеръ къ заводчику Дубильникову, у котораго девятилѣтній сынъ Митинька пишетъ стихи. Литераторъ Балдзевъ изображенъ авторами Сантиментальнаго путешествія съ неподражаемымъ юморомъ. Каково, на примѣръ, слѣдующее мѣсто :

Теперь, заключилъ Балдзевъ, Дормидонъ Филипычъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ покровителей, меценатовъ, можно сказать, нашей литературы. Правда, онъ самъ понимаетъ мало въ искусствѣ, жена его еще меньше (она даже, говорятъ, читать позабыла); но я соглашусь лучше отдать свое произведеніе на судъ этихъ простыхъ питомцевъ природы и т. д.

Мы не знаемъ, да и знать не хотимъ, гдѣ видѣли авторы такихъ литераторовъ, какъ Балдзевъ, гдѣ слышали они выраженія: *наяриваетъ* повѣсть, *насандалилъ* стихотвореніе, *отжарили* такого то въ журналъ, тотъ-то собирается *отлупить* своего критика, — но во всякомъ случаѣ они не имѣли права передавать публикѣ все грязное, что случалось имъ видѣть и слышать въ домашнемъ литературномъ быту.

Что хотѣли осмѣять авторы Сантиментальнаго путешествія, сочинилъ Митиньку Дубильникова, — осталось для насъ загадкой. Вотъ на примѣръ стихи девятилѣтняго поэта, по поводу которыхъ литераторъ Балдзевъ повторяетъ слова рецензіи Отеч. Записокъ о стихотвореніяхъ г. Щербины:

Фераповтъ овчину дубль
и руку себѣ зашибилъ,
Онъ сталъ овчину бранить,
Когда руку стало сводить — и т. д.

За чтеніемъ стиховъ слѣдуетъ чтеніе повѣсти литератора Балдзева, неудачной пародіи на повѣсти Гг. М. Достоевскаго, Буткова и т. д. Является свирѣпый господинъ, съ которымъ герой встрѣтился въ цырюльнѣ, и читаетъ стихи о различныхъ наиткахъ, которыхъ мы не выписываемъ потому, что они уже выписаны въ другихъ журналахъ; за тѣмъ выступаетъ на сцену новое фантастическое лицо — женщина писательница, подражающая Ратклиффъ, и разумѣется, пародія, на этотъ разъ запоздавшая къ сожалѣнію почти полвѣкомъ. Отъ всего дальнѣйшаго — какъ-

то отъ похождения героевъ съ фантастическими гризетками, отъ господъ великосвѣтскаго тона, упрекающихъ своихъ пріятелей въ изъярыжничаньи — мы увольняемъ себя и читателей. Не можемъ только не обратить ихъ вниманія на нѣкоторыя *граціозныя* и *изящныя* стихотворенія, какъ-то:

Люблю твой пламенный азартъ,
Когда съ небритой бородою,
Накрывшись шляпою кривою,
Идешь сражаться ты въ бильярдъ и проч.

Или:

Несчастный день! позорный день,
День срама и стыда, —
Я велъ себя какъ глупый пень,
Да, да, да, да, да, да, да, да.

Мы извиняемся передъ читателями въ томъ, что заняли страницы нашего журнала разборомъ Сантиментальнаго путешествія, — но мы сдѣлали это потому, что видѣли въ немъ литературное *profession de foi* редакціи Современника. И дѣйствительно это такъ: тоже самое возбуждаетъ юморъ авторовъ Чернокнижникова, надъ чѣмъ смѣется иногородный подписчикъ, таковы же многія изъ стихотвореній новаго поэта, каковы выписанныя нами пародіи, — а иногородный подписчикъ и новый поэтъ представляютъ собою мнѣніе редакціи.

Кончивши дѣло съ беллетристикою журнала, мы обратимся теперь къ его критикѣ.

Намъ реваясь прежде всего обратить вниманіе на немногія серьезныя и замѣчательныя статьи Современника по этой части, мы укажемъ, безъ сомнѣнія, на статьи о сочиненіяхъ А. Е. Измайлова; ихъ три: первая изъ нихъ напечатана въ XI N Современника за прошлый годъ и рассматриваетъ Измайлова какъ баснописца. Двѣ другія статьи, въ X и XI NN Современника за настоящій годъ, имѣютъ дѣло съ Измайловымъ какъ не баснописцемъ; мы отдаемъ имъ полную справедливость.

Равна по достоинству съ этою статьею, хотя замѣчательна въ чисто эстетическомъ отношеніи, небольшая статья о стихотвореніяхъ Фета, въ отдѣлѣ: Русскіе второ-

степенные поэты. Резко отдѣляются эти истинно поэтическія страницы отъ всѣхъ остальныхъ критическихъ статей Современника. Незвѣстный авторъ ея владѣетъ такимъ тонкимъ чутьемъ изящнаго, которое дается только немногимъ, избраннымъ организаціямъ. Статью эту нельзя собственно отнести къ отдѣлу критики: это, скорѣе всего, лирическое стихотвореніе, давленное другими лирическими стихотвореніями. Вся исходящая изъ чувства, лишешшая всякой педантической претензіи, она толкуетъ поэтическія вдохновенія такими же точно вдохновеніями, и проникаетъ въ тайны чужаго творчества. Авторъ ея, какъ видно, одинаково способенъ къ глубокому анализу и къ воспринятію свѣжихъ, яркихъ впечатлѣній: о немъ можно сказать то, что онъ говоритъ вообще о поэтѣ:

«Въ немъ бьется живое, горячее сердце; оно не утерпитъ и отзовется на всякій звукъ въ природѣ, откликнется на всякій призывъ ея, принесетъ ли его теплая лѣтняя ночь, или свѣжее весеннее утро, зимній, снѣгомъ бѣляющій вечеръ, или зноемъ дышащій воздухъ жаркаго лѣтнаго дня.»

Мы не упрекнемъ статьи даже въ пристрастіи къ таланту Фета, потому что въ ней обнаруживается самое нѣжное, самое благородное сочувствіе къ таланту вообще, и что окончательные выводы ея о талантѣ Фета удовлетворяютъ самаго строгаго критика.

«По одной прекрасной зарѣ — говоритъ авторъ — какъ угадать весь ходъ будущаго дня и сказать напередъ, чѣмъ онъ наполнится? День поэта — это цѣлая его поэтическая дѣятельность въ будущемъ. Пойдетъ ли онъ свободно своею дорогою или остановится гдѣ на распутіи, получить ли его талантъ новое, болѣе широкое развитіе и подъ какими особеннымъ вліяніемъ, или будетъ повторять лишь старыя мотивы, впадшія ему въ первой молодости — все это вопросы, которые кто разрѣшитъ намъ какъ не онъ самъ? Культура таланта, его воспитаніе и спѣяніе такая загадочная вещь.... Не узнаешь ни того, что повѣдетъ на него вдохновенительно, ни того, что можетъ убить его преждевременно, прежде чѣмъ бы онъ успѣлъ распуститься сполна. Иногда нужна нѣжный уходъ, цѣлая система заботливаго воспитанія, чтобы растеніе дало цвѣтъ, иногда же безъ всякихъ постороннихъ вліяній безъ ухода и тепличнаго воздуха, прямо изъ самороднаго источника поэзіи, изъ дыханія самой жизни, вдругъ вырастаютъ

невѣдомыя силы, которыми творится многое. *Послѣднихъ лѣтъ не видѣли и не чувствуемъ; не огромныя разлѣбы таланта, мы присутствуемъ истинности.* Мы не можемъ не замѣтить той чистой поэтической струи, которая бѣжитъ во многихъ стихотвореніяхъ Г. Фета.»

Статья эта — сколько мы знаемъ, не Петербургская, и хотя въ примѣчаніи она названа редакціей журнала дополненіемъ къ ея мнѣнію, выраженному въ библиографіи въ той же самой книжкѣ, но съ этимъ мнѣніемъ она расходится во всѣхъ пунктахъ. Сама редакція вооружается на антологическій родъ вообще, какъ уже отжившій, по ея мнѣнію, — хотя при появленіи стихотвореній Г. Щербини, явнымъ образомъ отрекается отъ такой несбыточной мысли, — недовольна какою-то рефлексією въ лирическихъ стихотвореніяхъ Гёте, который какъ лирикъ совершенно чуждъ всякой рефлексіи, котораго пѣсня, откуда бы ни раздалась она, съ востока или запада, съ юга или сѣвера, всегда неотразимо влечетъ въ свой волшебный кругъ.

Гораздо болѣе въ духъ редакціи другія статьи о второстепенныхъ Русскихъ поэтахъ. Въ одной изъ нихъ восхваляются безвкусныя вирши Г. Н. Сп., написанныя въ явное подражаніе стихамъ Г. Некрасова, — въ другой, съ величайшею важностью повторяются старыя и избитыя истины о талантѣ Веневитинова, котораго благородный прахъ не стоило, конечно, возмущать для двухъ-трехъ довольно пошлыхъ страницъ. Наконецъ есть одна статья, въ которой игра звонкими фразами доведена до крайности. Это — статья о Г. Огаревѣ. Въ ней толкуется о какой-то беззвучной музыкѣ (?), о преимуществѣ субъективности передъ объективностью. Въ особенности удивительно здѣсь опредѣленіе фантастическаго въ поэзіи. До сихъ поръ фантастическое имѣло свое опредѣленное значеніе; авторъ статьи недоволенъ этимъ значеніемъ: онъ самымъ грубымъ образомъ смѣшиваетъ фантастическое съ тѣмъ, что Французы называютъ: *vague*, и что у насъ прекрасно переводится — неопредѣленнымъ.

«Намъ кажется — говорить онъ съ достолюбезною важностью — весьма ошибаются тѣ поэты, которые, по примѣру Зейдлица, ищутъ фантастическаго во внѣшнихъ предметахъ, въ облакахъ,

въ воздушныхъ Наполеонахъ и т. п.; напротивъ, оно живетъ въ душѣ нашей, слито съ нашими чувствами. Это-какое-то независимое отъ воли нашей могущество, какая-то тайная, томная сила, которая въ нѣкыя минуты мгновенно овладѣваетъ нами, пробуждая въ душѣ иногда сладкое, иногда томительное, гнетущее чувство, въ которомъ мы не можемъ дать себѣ отчета.»

Мы думаемъ, что на основаніи подобнаго ничего не опредѣляющаго опредѣленія, и статья о Г. Огаревѣ можетъ быть отнесена къ области фантастическаго, потому что въ ней такъ же невозможно отдать себѣ отчета. Въ этомъ отношеніи, статья гораздо фантастичнѣе стихотвореній, о которыхъ она говоритъ, и изъ которыхъ многія, какъ проникнутыя истинною и задушевностью, стоили бы лучшей оцѣнки.

Статья о Греческихъ стихотвореніяхъ Г. Щербины (N VI) написана съ гораздо бѣльшею ясностью, — но въдѣ ясность ясности разнь: бываетъ часто, что ясность происходитъ отъ поверхности взгляда, не затрудняющагося въ разрѣшеніяхъ вопросовъ потою только, что предѣлы этихъ вопросовъ раскидываются передъ нимъ куда какъ не широко. Съ такою же ясностью написана и статья о стихотвореніяхъ Г. Щербины. Она толкуетъ обо всемъ, о чемъ угодно, объ античномъ элементѣ по Французскимъ источникамъ, о Гёте и Шиллерѣ, вѣроятно по нимъ же, она безгрешно признаетъ скучнымъ одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній великаго Германскаго поэта, его Ифигенію, — ей ничего не стоитъ съ-плеча и однимъ словомъ уничтожить вторую часть Фауста; объ одномъ А. Шенье толкуетъ она съ кое-какимъ знаніемъ дѣла, и, кажется, съ античнымъ элементомъ она знакома только по этому поэту, да по разбираемымъ ею стихотвореніямъ Г. Щербины. Сколько можно заключить по тону и по духу, она принадлежитъ тому же самому отважному перу, которое повсюду пользуется чужимъ, какъ своимъ, и угощаетъ насъ водъ видомъ оригинальныхъ взглядовъ переводами изъ Ж. Жанена, Планша, Сент-Бѣва и Мишьельса.

Статья Г. Гаевского о сочиненіяхъ Кострова написана безъ претензій, — это ея достоинство, и принадлежитъ къ числу полезныхъ компіляцій.

Теперь остается намъ поговорить о «письмахъ Иного роднаго подписчика», привилегированнаго критика журнало; мы ограничимся только указаніями ихъ наиболее замѣтательныхъ эксцентричностей.

Письма Иного роднаго подписчика прежде всего стараются поражать всѣхъ начитанностью и разнообразіемъ. О чемъ не толкуетъ ихъ таинственный авторъ? Чего не рѣшаетъ онъ? Заговоритъ ли онъ о Шекспирѣ — имена Англійскихъ и Нѣмецкихъ писателей о Шекспирѣ, тамъ и сыплются изъ-подъ его пера — нѣтъ нужды, что тутъ, напримеръ, докторъ Джонсонъ, смѣшивается съ современникомъ Шекспира Бенъ-Джоесономъ; нѣтъ нужды, что авторъ писемъ даже и не заглядывалъ ни въ одного изъ Нѣмцевъ, о которыхъ говоритъ онъ съ такою важностью; зайдетъ ли у него рѣчь о музыкѣ — и тутъ онъ рѣшаетъ все безъ апелляціи; не доходитъ, однимъ словомъ, только до философіи; впрочемъ, по мѣстамъ изъясняется Г. Иного роднымъ подписчикомъ цѣлоторая вражда къ этой наукѣ. Всего забавнѣе въ этомъ отношеніи одна изъ его выходецъ, имѣющая цѣлю показать глубокія историческія сужденія автора: онъ съ лукавой ироніей восклицаетъ сначала: жаль, что я не знаю исторіи, — и начинаетъ вслѣдъ за тѣмъ съмѣять имена, факты, подробности — настоящая родомонтажа, въ своемъ родѣ неподрождаемая! Въ другомъ случаѣ Г. Иного родный подписчикъ *проявляетъ* необычайную ученость въ отношеніи къ библиографіи, къ исторіи заглавій книгъ: тутъ и Авлъ Геллій и Плиній Старшій. Онъ опоздалъ своей ученостью цѣлымъ вѣкомъ. Въ надеѣ время не считается уже ни во что поверхностный фрагментаризмъ, и имъ нельзя долго пускать пыль въ глаза читателямъ.

Другое качество писемъ составляетъ — отсутствіе всякихъ ясныхъ началъ и, вслѣдствіе этого, вражда ко всякимъ ясно созданнымъ началамъ. Иного родный подписчикъ судить обо всемъ, не по извѣстнымъ основаціямъ, а просто какъ ему взглянется и вздумается и вообще съ публикой фамильяничаетъ до крайности.

Третье качество есть великосвѣтскость взгляда, и при томъ такая великосвѣтскость, которая подсмѣивается надъ всякимъ другимъ дендизмомъ, одну себя выдавая за настоящую

Мы рассмотрѣли съ возможной отчетливостью собственно литературныя стороны журнала. Въ отношеніи къ отдѣлу учено-литературному мы только перечисляемъ некоторыя статьи. Это:

1) Статьи о Нибуръ и о сочиненіи Г. Медовикова «Лаванскіе Императоры въ Константинополь»—Г. Грановскаго, которыя были бы украшеніемъ всякаго Европейскаго журнала.

2) Статья Г. Куторги: «Исторія Папской власти до смерти Карла Великаго».

3) Статья о характерахъ Теофраста, Г. Б. Ордынскаго.

4) Статья о Катулъ, о которой говорено было въ Москвитянинѣ.

5) Статья о Байронѣ, довольно добросовѣстно составленная по многихъ біографіямъ поэта,—и нѣсколько другихъ статей, учено-литературнаго и ученаго содержанія.

Смысль журнала довольно разнообразна.

Г.

НОВЫЯ КНИГИ.

1. Мѣсяцесловъ на 1851 годъ, издаваемый Академіею Наукъ.

Расходясь по всей, Россіи, въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, Мѣсяцесловъ сдѣлался необходимой настольной книгой чуть ли не для каждаго грамотнаго чловѣка. По этому онъ долженъ заключать въ себѣ всѣ свѣдѣнія, справки съ которыми встрѣчаются почти ежедневно: въ этомъ отношеніи Новый Календарь довольно удовлетворителенъ, представляя значительное собраніе этихъ справочныхъ извѣстій, начиная отъ восхода солнца до движенія почтъ. Но, съ другой стороны, онъ издавна составляетъ у насъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ, откуда почерпаются статистическія свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ большинствомъ публики. Эта часть, то есть собственно статистическая, за нѣсколько лѣтъ тому составлялась въ Мѣсяцесловѣ не очень тщательно, и представляемая ею данныя часто противорѣчили одно другому, не говоря уже объ общихъ выводахъ, къ которымъ также не всегда примѣнялись требованія науки. Но въ послѣдніе годы эта часть Мѣсяцеслова подверглась значительнымъ улушеніямъ; неточности и противрѣчія въ ней стали встрѣчаться рѣже и рѣже. Въ прошломъ году, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, вышла брошюра, подъ заглавіемъ: «Вѣдомость о народонаселеніи Россіи по уѣздамъ губерній и областей, сост. при Статистическомъ Отдѣленіи С. М. В. Д.», и сообщенныя ею данныя представили значительныя разности съ показаніями Мѣсяцеслова, тогда какъ тѣ и другія основывались на официальныхъ источникахъ. Г. Кеппезъ, занимавшійся статистическою частію Мѣсяцеслова, тогда же объяснилъ предполагаемыя имъ причины этихъ разностей, но, не смотря на то, довѣріе къ даннымъ Мѣсяцеслова

частію поколебалось, и одинъ изъ нашихъ ученыхъ, Г. Вернадскій, написалъ нѣсколько болѣе или менѣе справедливыхъ замѣчаній по этому предмету (Москов. Вѣдом. 1850, N 148). Занимающіеся Статистикою должны знать, какъ трудно добываются не только достовѣрные, но даже и вѣроятные матеріалы для этой науки, — Смѣемъ также думать, что, улучшаясь постоянно, Мѣсяцесловъ и на будущее время не остановится идти по этой дорогѣ. Полнаго же совершенства нѣтъ на землѣ, и если давно сказано, что цифры правятъ міромъ, то можно прибавить, что нигдѣ не можетъ встрѣтиться такой неурядицы и запутанности, какъ въ цифрахъ.

2. Кавказскій Календарь на 1851 годъ, изд. отъ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Тифлисъ. 1850. Стр. 61, 119, 132, 61, 176 и VII въ 8 д. л.

Давно ли Тифлисъ казался намъ чѣмъ-то въ родѣ постояннаго лагеря, городомъ чисто Азіятскимъ. И вотъ, теперь въ Тифлисъ выходятъ три періодическія изданія, изъ которыхъ одно образцовое въ своемъ родѣ; въ Тифлисъ пять типографій, одна литографія, двѣ книжныя лавки; въ Тифлисъ печатаются книги, и въ томъ числѣ довольно дѣльныхъ; у него свои поэты, повѣствователи, драматурги.... Кто могъ бы предсказать ему такое быстрое развитіе гражданственности (а мы беремъ еще только одну сторону ея)? Кто могъ бы, напримѣръ, предполагать, что древняя столица Грузіи составитъ намъ Календарь, которымъ въ правѣ бы гордиться обѣ наши столицы? А такой Календарь у насъ теперь предъ глазами. Правильнѣе было бы назвать его библіотекою различныхъ свѣдѣній, относящихся къ Кавказскому краю; указанія самыя любопытныя, самыя новыя и достовѣрныя встрѣчаются въ немъ на каждой страницѣ, и эту объемистую книгу (слишкомъ 550 стр.) можно читать не какъ сборникъ разныхъ справокъ, а большею частію какъ рассказъ о томъ чудномъ краѣ, который для воображенія древнихъ порождалъ мѣны, а для нашей нелюбопытности кажется также не менѣе баснословнымъ....

«Кавказскій Календарь» состоитъ изъ 5 отдѣленій. Въ первомъ заключаются чисто календарныя свѣдѣнія. Помѣщенная здѣсь, между прочимъ, сравнительная таблица годовъ лѣтосчисленій христіанскаго съ мухамеданскимъ, отъ начала Хеджры до 1900 г. нашей эры, послужитъ полезнымъ пособіемъ для ориенталистовъ. — Со втораго отдѣленія начинается собственно Кавказъ: здѣсь находятся и указатель городовъ, и Кавказскій дорожникъ, и таблицы Азіятскихъ монетъ, вѣсовъ и мѣръ, употребляемыхъ въ Закавказьѣ, и извѣстія о пароходствѣ по Каспійскому и Черному морямъ, словомъ, множество свѣдѣній, необходимыхъ для мѣстныхъ жителей, а еще болѣе для пріѣзжихъ. 3-е отдѣленіе заключаетъ въ себѣ: 1) хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій въ Закавказскомъ краѣ, и 2) Путеводитель по Черноморіи, Кавказскому и Закавказскому краю, отъ Тамани до Тифлиса и потомъ до Кутаиса, Эривани, Шемахи и Дербента. Последняя статья составлена Гг. Уманцемъ и Константиновымъ, и можетъ назваться замѣчательнымъ приобрѣтеніемъ въ небольшой массѣ нашихъ свѣдѣній о Кавказѣ. Исторія, географія, статистика и этнографія страны получаютъ много совершенно новыхъ данныхъ. Дорожникъ, составленный Г. Константиновымъ, былъ изданъ недавно отдѣльною книгою, которая, вѣроятно, извѣстна многимъ изъ нашихъ читателей: поэтому считаемъ излишнимъ распространяться объ этомъ замѣчательномъ трудѣ. — Въ 4-мъ отдѣленіи содержатся: описаніе урочища Дарачичагъ, любопытнаго по своимъ развалинамъ; статистическій очеркъ четырехъ уѣздовъ Эриванской губ., преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи (К. Орловскаго); Араксъ и очеркъ мѣстностей, по которымъ онъ протекаетъ (А. Уманца); таблица высоты разныхъ мѣстъ Кавказскаго и Закавказскаго краевъ; таблица о числѣ учебныхъ заведеній въ Кавказскомъ округѣ, и таблица о вышней торговлѣ Закавказскаго края съ 1845—50 г. — Всѣ эти статьи болѣе или менѣе любопытны. Ученыхъ заведеній въ Кавказскомъ округѣ (1850) состояло 45, а число учащихся простиралось слишкомъ до 3 т. чел. — Наконецъ 5 отд. посвящено Кавказскому Адресъ-

Календарю. Въ Тифлисскихъ адресахъ вниманіе не-туземца навѣрно остановится на различныхъ отрасляхъ промышленности, существующихъ въ Тифлисъ, изъ которыхъ инныя могутъ дать поводъ въ любопытнымъ заключеніямъ. Такъ въ Тифлисъ 11 модныхъ магазиновъ, 2 корсеточника, 6 дамскихъ портныхъ и 3 парикмахера; гостинницъ въ немъ считалось 4, ресторацій 5 и столько же кондитеровъ.... Страннымъ кажется читать слѣд. адреса: «Бащмачники Русскіе: Аконовъ, Карапетъ, Геурковъ, Мурауси-Серопъ.... или: «плотникъ Русскій: Швайцъ....» Гг. Алберхтъ, Венягель, Кохъ, Мейеръ, Шварцъ также вздумали причислить себя къ Русскимъ сапожникамъ.... На какомъ это основаніи, для какой причины—не понимаемъ; развѣ Тифлисскіе жители доверяютъ искусству Русскихъ мастеровъ столько же, сколько мы вѣримъ господамъ Нѣмцамъ?....

Впрочемъ, шутки въ сторону: при отыскиваніи адресовъ Тифлисскихъ, вамъ, вѣроятно, понадобится планъ города: вотъ онъ при Календарѣ. Но этикъ не ограничилась заботливостъ издателей этой прекрасной книги: кромѣ плана они приложили къ Календарю еще два литографированные рисунка, словомъ, исполнили свое дѣло отличнѣю.

В. Новороссійскій календарь на 1851 годъ, изд. отъ Ринельскаго Лицея. Одесса. 1850. Стр. 415, 34 и VI въ 8 д. л.

Похвалы «Новороссійскому календарю» едва ли не почти общими мѣстами въ библиографіи. Остается указать на замѣчательныя статьи въ немъ, и почерпнуть нѣсколько свѣдѣній изъ этого богатаго источника.

Во II отдѣленіи любопытны «Статистическія таблицы Новороссійскаго края и Бессарабіи» (1849). Изъ нихъ видно, что количество земли въ этомъ краѣ составляетъ около 22 милл. квадр. десятинъ; число жителей простирается свыше 3 милл. 220 д. об. п.; церквей православныхъ считалось 1855, монастырей 23; мшварческихъ церквей болѣе 90; мечетей до 1700; городовъ (считая и заштатныя) 56; мѣстечекъ и посадовъ 102; слободъ, селъ, деревень, колоній и казачьихъ станицъ болѣе 6400; фабрикъ и за-

водовъ слишкомъ 800. Учебныхъ заведеній въ Одесскомъ округѣ состояло болѣе 150 (кромѣ Еврейскихъ училищъ) почти съ 10 т. учащихся.

Въ IV отд., самомъ замѣчательномъ, съ особеннымъ удовольствіемъ читается статья Г. Домбровскаго: «Обозрѣніе южнаго берега Крыма.» Это не просто «пособіе для путешественующихъ», какъ, изъ скромности, называетъ авторъ свой трудъ, но дѣльно и занимательно составленный путеводитель. Беремъ, на выдержку, описаніе Оріанды:

«За Левадіей слѣдуетъ Оріанда, раздѣляющаяся на верхнюю и нижнюю, или Императорскую и принадлежащую Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Нижняя Оріанда есть самое обширное имѣніе на южномъ берегу Крыма и заключаетъ въ себѣ все, чѣмъ богата роскошная природа Тавриды. Первоначально она принадлежала Графу Куселеву-Безбородко, у котораго куплена Императоромъ Александромъ. Въ 1825 году, во время посѣщенія покойнымъ Императоромъ Тавриды въ послѣдній разъ, Его Величество подарилъ участокъ земли, въ 20 десятинъ, Графу Дибичу, а отъ него поступилъ онъ, по наслѣдству, во владѣніе Полковника Барона Притвица, и, взятый потомъ въ откупное содержаніе, вошелъ въ составъ Императорской Оріанды. Въ 1837 г. Государь Императоръ изволилъ подарить это имѣніе Своей Августѣйшей Супругѣ, и съ того времени начинается устройство Оріандской дачи. Для обозрѣнія этой, истинно Царской, дачи мало одного дня, съ одной стороны по причинѣ обширности ея, съ другой—по тѣмъ дивнымъ картинамъ, природы, которыми она изобилуетъ почти на каждомъ шагу. Прежде всего ввоидите на скалу, на которой, по повелѣнію Ея Императорскаго Величества, поставленъ крестъ: туда ведетъ тропинка, проложенная въ лѣсу, которымъ поросла эта скала. Въ 1837 году, не подалеку отъ креста, Ея Величество изволила посадить лавръ, нынѣ достигшій значительной величины. Параллельно съ этой скалой, выдвигается по направленію къ Левадіи, другой утесъ, на которомъ построена небольшая полукруглая бесѣдка. За ней выглядываетъ изъ зелени домъ, занимаемый Директоромъ Императорской Оріанды. Далѣе видны: Ялта, Массандра и Магарачъ. Въ противоположную сторону открываются всѣ дачи, расположенныя по направленію къ Алушкѣ, и самая Алушка съ великолѣпнымъ домомъ владѣльца ея и не менѣе великолѣпною деревнею «Ай-Петра». У ногъ нашихъ не менѣе очаровательные виды естественной террасой идутъ по направленію къ морю, вѣковые дубы, ильмы, оббитые сверху до низу дикимъ виноградомъ и пающемъ. Между этою роскошною

зеленю, надъ высокимъ берегомъ моря, стоитъ дворецъ, нынѣ приводимый къ концу. Онъ построень въ видѣ продолговатаго четырехугольника, по плану архитектора Штакеншнейдера, изъ бѣлаго Инкерманскаго камня, не требующаго штукатурки. Крыша дворца составляетъ террасу. Видъ съ этой террасы на море, окрестности и особенно на вершину Яйлы, покрытой въ этомъ мѣстѣ густымъ лѣсомъ, выше всякаго описанія. Прогулка по саду совершается верхомъ. Дороги, пересѣкающія садъ въ разныхъ направленіяхъ, въ видѣ огромныхъ аллей, прекрасны, ровны, ограждены, гдѣ нужно, перилами; но прогулка по нимъ пѣшкомъ, по причинѣ гористой мѣстности, слишкомъ утомительна. Между множествомъ предметовъ, заслуживающихъ полнаго вниманія, въ Оріандѣ первое мѣсто занимаетъ водопадъ, который превосходитъ извѣстный Учакъ-Су тѣмъ, что никогда не высыхаетъ. Вода его, заключенная между двумя скалами и осыренная непроницаемою тѣнью огромныхъ дубовъ и орѣшника, съ ужаснымъ шумомъ ниспадаетъ со скалы. Шумъ этотъ слышенъ далеко, но подойдя къ самому водопаду, увидите сперва рѣчку и наконецъ самый каскадъ. Растительность въ Оріандѣ, какъ и въ большей части Южнаго берега, необыкновенна, чему не мало способствуетъ обиліе воды.—Верхняя Оріанда, принадлежащая Е. И. В. Великой Княгини Еленѣ Павловнѣ, отличается прелестнымъ мѣстоположеніемъ. На дачу въѣзжаютъ мимо утеса «Мегаби», находящагося противъ той самой скалы, на которой водруженъ мѣдный крестъ.»

«Описаніе Молочанскаго колонистскаго округа», переведенное изъ издаваемой въ Одессѣ Нѣмецкой земледѣльческой газеты, составлено съ Нѣмецкою тщательностію.

«Музеумъ Одесскаго Общества Исторіи Древностей.» Статья эта могла бы содержать въ себѣ не одно сухое исчисленіе предметовъ, находящихся въ Музеумѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотя краткія указанія на ихъ важность и цѣнность для науки. Правда, такое описаніе значительно бы увеличило объемъ статьи, но за то она и выиграла бы много въ отношеніи къ занимательности.

«Химическое разложеніе воды и цѣлительной грязи Чокрапскаго солянаго озера», Г. Гассгагена, должно имѣть интересъ для ученыхъ.

Къ Календарю приложенъ изящно-литографированный видъ новой часовни, которая устроивается въ Одессѣ.

4. Памятная книжка на 1851 годъ.

Двенадцатый годъ, какъ издается это образцовое, по изящности произведение Военной Типографіи, и съ каждымъ годомъ оно представляетъ болѣе и болѣе совершенствъ. Содержаніе «Памятной книжки» не велико, но въ немъ собрано множество свѣдѣній, необходимыхъ военному чело-вѣку. Гравюры, приложенныя къ ней (числомъ 14), какъ и всегда, прелестны. Особеннаго вниманія заслуживаютъ два рисунка, предметъ коихъ взять изъ боевой жизни Кавказа: нападеніе горцевъ на Михайловское укрѣпленіе (1840), гдѣ 500 чело-вѣкъ нашихъ храбрецовъ мужественно сопроти-влялись 11-тысячному скопищу непріятеля, и наконецъ, видя невозможность защиты, взорвали пороховой погребець, находившійся въ укрѣпленіи. Погибли наши, но и непріятель, бросившійся въ крѣпость, встрѣтилъ смерть подъ ея развалинами. На картинѣ представлена та минута, когда рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ, напутствуемый престомъ, отворяетъ пороховой погребець, чтобы взорвать его. Имя этого благороднаго сына земли Русской навсегда сохранено въ спискахъ полка, гдѣ онъ служилъ, и на каждой переключкѣ, при спросѣ Осипова, первый рядовой отвѣчаетъ: «Погибъ во славу Русскаго оружія въ укрѣпленіи Михайловскомъ!» — Другая картина — Дѣло подъ Амбулатъ - Юртомъ (1846), гдѣ Подполковникъ Су-ловъ съ 82 козаками былъ окруженъ 1500 Чеченцевъ. Предпочитая славную смерть плѣну или бѣгству, козаки перерѣзали своихъ лошадей, и, сдѣлавъ изъ нихъ кругомъ себя брустверь, мужественно отражали нападенія непріятеля, въ продолженіе двухъ часовъ, пока отрядъ войска не подо-спѣлъ къ нимъ на выручку.

5. Драматическій Альбомъ, съ портретами Русскихъ артистовъ и съ снимками рукописей. Изд. П. Н. Арапова и Августа Роп-вольта. Москва 1850 года. Унив. тап. и Готье, стр. 266, въ 8. д. л.

Альманахъ, альбомъ, сборникъ — это теперь почти одно и тоже; однако между ними есть нѣкоторое различіе. Оно опредѣляется въ наше время не этимологіею этихъ словъ, но болѣе назначеніемъ книги. Первый Альманахъ издавъ у насъ Карамзинымъ (1796—1799): это его *Аониды*. Но только

съ 1823 г. вошли у насъ Альманахи въ употребленіе. Въ теченіи 20 лѣтъ появилось множество Альманаховъ, въ числѣ которыхъ отличное мѣсто безспорно принадлежитъ—*Свернымъ цѣткамъ* Барона Дельвига. Последний былъ—*Утренняя заря* Владиславлева, прекратившійся 1843 г.— Между тѣмъ съ введеніемъ въ Петербургъ толстыхъ журналовъ начались толстые сборники, которые хотя и не блестящею свѣжестью, тѣмъ разнообразіемъ въ стихахъ и прозѣ, какъ Альманахи, но содержатъ въ себѣ, выразимся такъ, болѣе существеннаго, матеріальнаго, что вполне соответствуетъ нашему матеріальному времени. И такъ Альманахъ можно опредѣлять такимъ образомъ: это собраніе новыхъ статей въ стихахъ и прозѣ, въ разныхъ родахъ и разныхъ авторовъ. Альбомы назначаются по большей части въ одной или, специальной: драматической или другой. Сборники бывають и разнаго содержанія и специальные; но болѣею частію историческаго или ученаго содержанія.

Драматическій альбомъ, изданный извѣстнымъ нашимъ драматическимъ писателемъ и любителемъ театра, П. Н. Араповымъ, соответствуетъ вполне своему назначенію: это историческій литературный памятникъ нашей драмы и драматическаго искусства въ Россіи.

Драматическій альбомъ содержитъ въ себѣ:

1. Двѣ статьи историческаго и теоретическаго содержанія. Это очеркъ постепеннаго хода и усовершенствованія театра въ Россіи, самого издателя, П. Н. Арапова; и другая о драматическомъ искусствѣ въ Россіи и средствахъ къ образованію артистовъ. Р. М. Зонова.

2. Драматическія произведенія: а) *Вѣсти или убитый жидокъ*, комедія Графа Фредера Васильевича *Ростопчина*. б) *Отрывокъ изъ комедіи въ стихахъ: Ненавистникъ женщины*, Н. В. Сушкова. в) *Анекдотъ-водевиль: Живописецъ Тельеръ*, Н. В. Сушкова и П. А. Корсакова. д) *Мальтійскій вандеръ* комедія въ стихахъ, М. А. Оброшкова. е) *Отрывокъ изъ драмы въ стихахъ: Семейныя тайны*, Графиня А. П. Ростопчиной. ф) *Сцена изъ драматической фантазіи въ стихахъ: Екатерина II*, В. Р. Зонова. г) *Комедія съ куплетами: Квартира въ Московской гостиницѣ*, П. Н. Арапова.

3. Не менѣ замѣчательное отдѣленіе Альбома составляютъ біографіи нашихъ артистовъ: М. Д. Львовой-Смещеной, Д. Т. Ленскаго, П. М. Садовскаго, Н. В. Рылаковой, Н. Б. Самарина, Л. П. Косицкой, П. И. Орловой, Лавровой-Васильевой и Ирки-Матіасъ.

Изъ этого краткаго перечня можно видѣть, сколь богато его содержаніе. Разсмотримъ теперь нѣкоторыя статьи отдѣльно.

Первое мѣсто безусловно принадлежитъ отчетливой статьѣ самого издателя: Очеркъ постепеннаго хода и усовершенствованія театра въ Россіи. Она конечно требовала большаго труда, изысканій и навыка въ такомъ предметѣ, который досель обрабатывался у насъ или слегка, или отдѣльно. Въ статьѣ, содержащей всего 94 страницы, помѣщена вся исторія Московскихъ и Петербургскихъ театровъ и многое множество названій тѣхъ пьесъ, которыя были играны въ Россіи съ самыхъ первыхъ, старинныхъ драматическихъ представленій, бывшихъ еще при Царяхъ; слѣдовательно до начала нашего театра. Читая его статью и встрѣчая безпрестанно новыя имена трагедій, комедій, драмъ и проч., нечувствительно проходишь въ мысляхъ всю драматическую нашу литературу, и русскаго издѣлія и иностраннаго, переданнаго по русски. — Жаль одного, что трудолюбивый сочинитель столь любопытной и столь много содержащей статьи не раздѣлилъ нашей драматургіи на различныя періоды. Тогда, вмѣстѣ съ матеріальными свѣдѣніями о томъ, что у насъ было, мы узнали бы и различныя эпохи вкуса и различныя требованія образованности, какъ публики, такъ и писателей. Употребимъ техническое выраженіе: это статья-хроника; а мы желали бы видѣть картину. Недостаетъ группировки и колорита. Впрочемъ, это не отнимаетъ нисколько достоинства у труда автора; его статья останется всегда любопытною по свѣдѣніямъ, которыхъ мы безъ нея не имѣли-бы, и необходимою для справокъ. Особенно любопытна она по извѣстіямъ о драматическихъ талантахъ, дѣйствовавшихъ на Русской сценѣ, начиная съ Ѳ. Г. Волкова и до самаго нашего вре-

мени. Наконецъ, эта же статья заключаетъ въ себя и исторію Русскихъ театровъ: ихъ усовершенствованіе, различные переходы ихъ быта, ихъ содержанія и управленія. Доселѣ мы нигдѣ не встрѣчали столь полной и дѣльной статьи о драматическихъ произведеніяхъ, объ артистахъ и о театрахъ Русскихъ.

Первая половина ея особенно полна и обработана. Во второй половинѣ встрѣчается много странныхъ характеристикъ, и замѣчаній, напр., говоря, что Яковлевъ былъ поэтому, авторъ прибавляетъ:

Между многими стихами извѣстны его мрачныя мысли :

Стой! помедли, солнце красное,
На часокъ не меркни, свѣтлое!

Очень оригинально также слѣдующее сужденіе о Мочаловѣ-отцѣ :

Степанъ Федоровичъ Мочаловъ, отецъ превосходнаго трагика, въ трагедіи и драмѣ игралъ героевъ, отличался физическими свойствами и сильнымъ выраженіемъ чувства.

Тамъ же находимъ удивительное сближеніе между актерами Прусаковымъ и Кондаковымъ, которые — стояли въ театральной сферѣ почти на *одной линіи*, съ тою только *разницею*, что первый участвовалъ и въ операхъ, а послѣдній, посвятившій себя преимущественно Мельпоменѣ, кончилъ жизнь на помостахъ театра, склонясь предъ Царицею Вавилона :

Объ Александрѣ Михайловнѣ Каратыгиной узнаемъ, что она

Усвоила превосходный свой талантъ поэзіи и торжественно была прекрасна въ роляхъ свѣтскихъ дамъ.

Иванъ Максимъ, артистъ съ дарованіемъ, усвоилъ себя характерамъ коварнымъ.

Р. М. Зотовъ въ статьѣ, не безъ интересныхъ свѣдѣній, о драматическомъ искусствѣ въ Россіи, имѣетъ въ виду нравственность и технику искусства. — Замѣчательны, между прочимъ, требованія автора касательно образованности актера. — Что долженъ знать актеръ? —

До мѣрнію Г. Зотова, онъ долженъ знать только слѣдующее: 1) Всамірную Исторію *самыми подробными образами*, т. е. нравы, обычаи, домашнюю жизнь, костюмы и семейный бытъ каждаго народа, вѣру, философію, преданія, степень просвѣщенія и главныя узаконенія.—(Замѣтимъ при этомъ, со всѣмъ уваженіемъ къ столь благонамѣреннымъ требованіямъ, что о домашней жизни и костюмахъ многихъ народовъ исторія и не упоминаетъ. Мы знаемъ о костюмѣ Грековъ и Римлянъ, отчасти Персовъ; знаемъ, изъ Тацита, что древніе Германцы ходили почти безъ костюма. Но какъ одѣвались, на примѣръ, Финикіане и Картагеняне? а вѣдь очень можетъ случиться актрисѣ представлять Дидону!) — 2) Хорошо знать литературу своей націи. Для этого, говоритъ авторъ, актеръ *обязанъ тусоваться* красота и слабость каждой фразы. 3) Онъ долженъ быть самъ поэтомъ и писателемъ. 4) Долженъ знать два-три изъ главныхъ живыхъ языковъ Европы. 5) Имѣть теоретическое знаніе живописи и ваянія. 6) Изъ *механическихъ* (?) искусствъ, долженъ знать танцы и фехтованіе. 7) Географію—для того, чтобы не коверкать иностранныхъ именъ. 8) Астрономію!*—(При этомъ послѣднемъ требованіи, и самъ издатель Альбома говоритъ въ примѣчаніи, что *это уже роскошь!*—А мы думаемъ другое: актеры могутъ такъ перепугаться этой учености, что послѣ этого ни одинъ не рѣшится поступить на сцену).

Отъ чего пало (!?) наше драматическое искусство и литература? Отъ того, говоритъ авторъ, что любители театра и драматическіе литераторы, раздѣлились на классиковъ и романтиковъ!!

Перейдемъ къ драматическимъ произведеніямъ Альбома.

Здѣсь первая замѣчательная пѣса: комедія Графа Фед. Вас. Ростопчина:—*Вѣсти или убитый-живой*. Въ то время, когда она написана, галломанія была у насъ во всей силѣ. Противъ нея вооружались: и Шишковъ, въ своихъ книгахъ о русскомъ языкѣ, и Крыловъ, въ своихъ двухъ комедіяхъ,

* Какъ думаете почему: потому что «часто въ пѣсахъ и роляхъ упоминается по сюжету, или изъ педантизма, о космогоніи и законахъ астрономіи—каково же должно быть актеру который рассказываетъ что-нибудь зрителю чего и самъ не понимаетъ».

и Гр. Ростопчинъ, въ известномъ своемъ сочиненіи: Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ. Противъ этого же пристрастія ко всему иностранному и вмѣстѣ противъ пустыхъ людей, распространяющихъ вѣсти, написана была и эта замѣчательная комедія. Въ свое время она возбуждала всеобщее вниманіе, которое усиливалось и тѣмъ еще, что Гр. Ростопчинъ вывелъ въ своихъ дѣйствующихъ лицахъ людей известныхъ и всѣмъ знакомыхъ въ тогдашнемъ Московскомъ обществѣ. Эта комедія останется навсегда памятникомъ ума и любви къ Россіи знаменитаго нашего патріота. Она составляла доселѣ въ книжной торговлѣ библиографическую рѣдкость. За помѣщеніе ея — и литераторы, и библиоманы, и патріоты — должны быть благодарны издателю.

Отрывки изъ Ненавистника Женщинъ, комедіи Н. В. Сушкова, написаны довольно гладкими стихами, но не совсемъ легкими, не совсемъ разговорными для комическаго рода. По одному дѣйствию нельзя судить о комедіи; однако нельзя не замѣтить, что въ этомъ отрывкѣ, рѣчи дѣйствующихъ лицъ слишкомъ длинны, почти монологи. Пока актеръ говоритъ цѣлый періодъ, что дѣлать другому? — Въ обществѣ людскомъ не говорятъ періодами; разговоръ долженъ быть живымъ обменомъ мыслей; каждая рѣчь, слѣдующая за другою, должна вызываться необходимостію, должна быть или отвѣтомъ, или возраженіемъ на предъидущую. Это важное искусство необходимо постигнуть комику.

«Живописецъ Теньеръ», анекдотъ-водевиль, Н. В. Сушкова и П. А. Корсакова — шутка, которая на сценѣ должна быть довольно забавна. Но для чего она напечатана?

Въ этомъ родѣ читается что — нибудь остроумное, а кому могутъ понравиться въ чтеніи остроуны такого рода:

Теньеръ.

«А что-жь-бы ты путная, препутная и сто разъ путная.

Петернелла.

«Распутная! распутная!»

Теньеръ.

«Сто.... разъ.... путная, говорятъ тебѣ.»

Есть нѣкоторые куплеты очень порядочные для водевиля. Напримѣръ:

«Златые вѣки тѣ пропали,
 «Когда о златѣ не мечтали;
 «Теперь и люди на землѣ
 «И нравы ихъ не тѣ ужъ стали.
 «Теперь: кто знатенъ, да богатъ —
 «Тому и честь и уваженъ;
 «А бѣдный, будь себѣ Сократъ —
 «Ему вездѣ: мое почтенъ!»

Но есть и такіе, въ которыхъ языкъ неподдается автору — охъ, этотъ русскій языкъ! упрямится, да и только; наприжмѣрь:

«Веселая работка!

«Стирай

«Да попѣвай!

«Что? — если бѣ тутъ красотка!

«Вотъ тутъ-то*бъ, попивая,

«Милая, напѣвая,

«Сталъ краски я терѣть!»

Краски не *стираютъ*, а *трутъ*, или *натираютъ*. А красоткамъ не *лигаютъ*, а *подмигиваютъ*. Писателю надобно знать силу словъ: ихъ значеніе въ языкѣ неизмѣнно.

Объ эти піесы не столько интересны сами, сколько ихъ исторія. Изъ предисловія автора мы видимъ, что онѣ не новыя, а уже довольно пожилыя. Одной лѣтъ за тридцать, а другой лѣтъ подъ-тридцать. Но что дѣлаетъ ихъ чрезвычайно замѣчательными, это то, что исторія и той и другой соединены (или, сказать по-нынѣшнему, *совпадаютъ*) съ важными происшествіями міра: прочтите оба предисловія, и вы увидите. Одну изъ этихъ піесъ одно происшествіе, касающееся до всемірной исторіи, положило на 29 лѣтъ подъ спудъ; она изъ Петербурга вдругъ очутилась въ Астрахани и тамъ пропала безъ вѣсти. А другую, напротивъ, одно историческое происшествіе, совсѣмъ неожиданно, вывело изъ неизвѣстности! — Такимъ образомъ исторія судьбы ихъ — это судьба историческая!

«Мальтійскій Кавалеръ» М. А. Офросимова — есть одна изъ тысячъ Французскихъ комедій, основанныхъ на недоразумѣніяхъ, на ошибкахъ, на великодушій, словомъ, на тѣхъ завязкахъ и развязкахъ, которыя въ дѣйствительной жизни встрѣчаются такъ рѣдко, и на тѣхъ безкорыстныхъ добродѣтеляхъ людей, которыя еще рѣже. Это комедія — вполне

нравственная и вполне доказывающая, что одной нравственности недостаточно для произведенія художественнаго. Она написана еще въ 1830 году, слѣдовательно тоже пьеса не новая. Не знаемъ, имѣла ли она успѣхъ на театрѣ; но думаемъ, что она годилась бы для благородныхъ спектаклей: во первыхъ, по простотѣ содержанія, во вторыхъ, по самому свойству ролей, требующихъ не столько опытности артиста, сколько хорошаго тона и тонкой игры. Она написана стихами довольно неискусными. — Рiemы : *лѣтъ* и *придетъ* — давно не употребляются въ нашихъ стихахъ, особенно въ разговорныхъ; а *отношенья* и *сношенья* — это совсѣмъ не рiemы, также, какъ *ушелъ* и *пришелъ*. Тутъ же встрѣчаются и перестановки словъ, совсѣмъ непозволительныя въ наше время, напр.:

Толпу всѣхъ молодыхъ людей,
Прекрасной женщины велѣнiямъ послушныхъ.

Кстати спросить при этомъ случаѣ: для чего нѣкоторыя комедіи пишутся стихами? — Если предметъ драмы, или характеры лицъ, не возвышаются надъ обыкновеннымъ житейскимъ бытомъ; въ такомъ случаѣ, проза всегда выражается вѣрнѣе и ближе къ дѣлу. Старинныя комедіи, писанныя въ стихахъ, блистали, по крайней мѣрѣ, рѣзкими или острыми стихами, которые съ перваго раза удерживались въ памяти: таковы стихи въ «Мизантропѣ» Мольера и въ нашихъ — «Хвастунѣ» и «Ябедѣ». Но стоитъ ли труда писать комедію такими стихами, которые тѣмъ только и отличаются отъ обыкновенной прозы, что перестанавливаются слова для стиха, какъ они никогда не перестанавливаются ни въ грамматикѣ, ни въ разговорѣ.

Небольшой отрывокъ Гр. Растопчиной изъ комедіи «Семейная Тайна — прекрасенъ, какъ сцена, какъ разговоръ, въ отношеніи къ положенію лицъ и къ самому языку, хотя въ семъ послѣднемъ отношеніи можно бы пожелать большей чистоты, на примѣръ, въ стихѣ:

Сдружившись съ злодѣя душою.

Если уже нельзя было сказать: *съ душою злодѣя*, то ужъ лучше бы *сдружившись злодѣя съ душою*; ибо соединительный союзъ долженъ быть непременно съ тѣмъ существительнымъ, къ которому онъ прямо относится; а не съ

тѣмъ, къ которому онъ не принадлежитъ и котораго родительный падежъ указываетъ на его отношеніе къ существительному же, а не къ союзу. Эти мелочи пропускаются безъ вниманія только у посредственныхъ стихотворцевъ; но у даровитыхъ поэтовъ, какъ Гр. Растопчина, онѣ бросаются въ глаза невольно. И потому требованіе такого рода да приметъ сочинительница знакомъ уваженія къ ея таланту: отъ нея мы вправѣ требовать совершенства.

Сцена В. М. Зотова изъ Драматической фантазіи — хороша, какъ отрывокъ; еще лучше, какъ воспоминаніе о великой Екатеринѣ, достойной быть вѣчно и непрестанно въ памяти Русскихъ. Языкъ автора плавленъ. Впрочемъ нельзя не сдѣлать и тутъ нѣкоторыхъ замѣчаній.

«За явгу иностранную беряся»

«За книгу иностранную беряся.» Наши глаголы — капризы! — Глаголь *брать* не имѣетъ ни причастія, ни дѣпричастія настоящаго; а только прошедшее; что съ этимъ дѣлать? языкъ не согнешь! — Вспомнимъ, что Горацийъ допускаетъ новыя слова только подѣ такимъ условіемъ:

Si volet usus,

Quem penes arbitrium est, et jus, et norma loquendi.

А *беря* неупотребительно даже и въ разговорѣ — странно также выраженіе: *дремучія бороды*.

Онъ вырубилъ дремучіе дѣса

И бороды дремучія обрѣзалъ.

Грамматика никогда не мѣшала истиннымъ поэтамъ. Вспомнимъ И. И. Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина. Вотъ вѣчные образцы наши.

«Квартира въ Московской гостинницѣ», комедія съ куплетами самаго издателя Альбома П. Н. Арапова, жива и написана хорошимъ разговорнымъ языкомъ; куплеты легки и забавны: чего требовать больше отъ водевиля? Скажемъ въ похвалу этой пьесы, что она напоминаетъ собою живые водевили первата мастера въ этомъ родѣ, А. П. Писарева. Одна разница: у того куплеты были и остры и часто кончались эпиграммой, здѣсь они только веселы. На сценѣ этотъ водевиль долженъ быть очень забавенъ.

Вотъ всѣ драматическія произведенія Альбома. За тѣмъ слѣдуетъ упомянуть о біографіяхъ артистовъ. Онѣ написаны хорошимъ языкомъ. Кромѣ того, что онѣ сохраняютъ въ памяти лучшихъ нашихъ артистовъ, онѣ имѣютъ еще другой интересъ: перечитывая ихъ, мы думаемъ о различной судьбѣ, о переходахъ, часто не легкихъ, которымъ подвергаются эти люди. Мы привыкли видѣть ихъ только на сценѣ. Здѣсь видимъ мы ихъ, окруженныхъ красивыми декораціями, въ торжествѣ, въ роскоши, счастливыми, лордами, царями; но загляните въ ихъ жизнь, за кулисы! Біографія артистовъ всегда поучительна для человѣка. Къ сожалѣнію помѣщенные біографіи слишкомъ кратки, и большею частію состоятъ изъ похвалъ общими мѣстами, напр. біографія Г. Самарина. Удовлетворительнѣе другихъ біографія Садовскаго.

Къ этому Альбому приложены снимки съ почерка нѣкоторыхъ лицъ (fac-simile); между ними, конечно, всего любопытнѣе почеркъ Великой Екатерины.

Наконецъ Альбомъ украшенъ 21 портретомъ артистовъ. Всѣ они болѣе или менѣе сходны, кромѣ портрета Львовой-Сянецкой. Въ немъ рѣшительно нельзя узнать этой благородной жизніономки, этого прекраснаго лица, которое, даже и потерявъ свѣжесть молодости, сохранило прежнія черты и прежнее выраженіе. Впрочемъ, не знаю, не много ли мы сказали, что Альбомъ украшенъ портретами. Они только и имѣютъ достоинство сходства; но вылитыя литографированы до чрезвычайности дурно. Мало встрѣчается столь дурныхъ литографій. Г. Щепкинъ похожъ болѣе, говорятъ, на Императора Сулука, чѣмъ на себя: съ такою плачевною физиогноміей публика его никогда не видала. Хотя въ заглавіи Альманаха, наравнѣ съ именемъ издателя литературной части, П. Н. Арапова, поставлено имя художника Августа Ропольта, но вся благодарность читателей должна относиться къ П. Н. Арапову.—Другой издатель не заслуживаетъ ничего, кромѣ упрѣка.

Л. Л.

6. Пчеловодство для неопытнаго и опытнаго, основанное на собственныхъ наблюденіяхъ и опытахъ и проч. 2^е ч. М. 1850. стр. 133 и 65 въ 12^о д. л.

Ручная книга въ кухню и погребѣ для Русской хозяйки, сост. изъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюденій Русской хозяйки. М. 1851. стр. 216 въ 12 д. л.

Двѣ спекуляціи на довѣріе читателей, по теоріи вѣроятностей и по правилу заимствованій. «Пчеловодство» поживилось трудами Гг. Прокоповича, Витвицкаго, Великаго Пономарева и другихъ; «Ручная книга» хлопотала преимущественно около произведеній Г-жи Авдѣевой. Къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ составителямъ этихъ хозяйственныхъ работъ, отъ незнанія или многознанія, вздумалось прибавить въ упомянутыя заимствованія кое-чего добытаго своимъ умомъ, и отъ этой прибавки книги ихъ сдѣлались совершенно бесполезными для желудка читателей.

Календарь изъ Петербурга, азбука и календарь изъ Тифлиса, календарь изъ Одессы, двѣ кухонныя книги, Московскій Альбомъ—и вотъ все новое, показавшееся въ нашихъ книжныхъ лавкахъ. Январь былъ очень несчастливъ, надежду возложимъ на Февраль, а пока пополнимъ нашу библіографію 1850 года:

204. Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая санъ царя за В. К. Иоанномъ IV Васильевичемъ, 1561. Издана К. М. А. Оболенскимъ. Москва, въ Синод. тип. въ 4-ку, с. 50.

Москвитянинъ имѣлъ часто случай отдавать должную справедливость трудамъ Князя М. А. Оболенскаго, который идетъ достойно по слѣдамъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ въ ученое управленіи Московскимъ Архивомъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ: Князь Оболенскій безпрестанно находитъ, оглашаетъ и издаетъ памятники нашей почтенной старины. Предложимъ нѣсколько замѣчаній.

«По свидѣтельству отечественныхъ источниковъ,» говоритъ издатель, «Иоаннъ, достигнувъ 17-лѣтняго возраста, пожелалъ ввѣчаться на царство.» Пора, пора намъ оставить эти формы лѣтописныхъ выраженій, и отыскивать настоящій смыслъ: молодому Иоанну, безъ всякаго приготовительнаго воспитанія, проведему свое время Богъ

знаеть какъ, не могла придти въ голову подобная мысль: мысль принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Митрополиту Макарію. Макарій, вѣнчавъ на царство Іоанна, сочель за нужное, заблагораасудиль, спросить благословенія и отъ восточной. Отъ имени Царя отправлялось за нимъ посольство, и привезло въ 1561 грамоту, вслѣдствіе Соборнаго опредѣленія. Грамота эта была извѣстна Карамзину и Строеву, но не вполнѣ. За изданіе ея, за приложеніе отрывковъ изъ статейнаго списка, за описаніе Титулярниковъ, мы должны благодарить, но издатель входитъ въ новое изслѣдованіе о присылкѣ регалій Мономаху, о коиъ говорится, де, одинаково въ Греческой грамотѣ и лѣтописи Русской. «Такое согласіе преданій, находимыхъ у двухъ народовъ, которые раздѣлены территорією (!), не могло быть случайнымъ: оно должно основываться на дѣйствительномъ событіи. Соображеніе различныхъ обстоятельствъ.... какъ нельзя болѣе подтверждаетъ наше положеніе.» А мы думаемъ совсѣмъ напротивъ.

Сперва издатель разсуждаетъ, къ какому Владимиру присланы онѣ, и объясняетъ, что не къ Святославичу и не къ Ярославичу. Это приѣмъ критики старой, вовсе лишній: въ документѣ, какомъ бы то нибыло, названъ Всеволодовичъ,—такъ къ чему толковать тутъ о прочихъ Владимирахъ?

«Мы знаемъ» говоритъ авторъ, «годъ смерти Владимира Всеволодовича: онъ скончался 19 Мая, 1125 года, 73 лѣтъ. Отсюда слѣдуетъ, что годомъ его рожденія былъ 1052 годъ.»

Разчета никакого дѣлать ненужно, ибо годъ рожденія Мономахова у Нестора положительно записанъ: въ лѣто 6561-1053: отъ Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, отъ царицъ Гръкынь.

«Весьма естественно, что Императоръ (Константинъ Мономахъ † 1054), не оставляя послѣ себя потомства по мужескому колѣну, желалъ передать, и дѣйствительно передалъ царское достоинство, вмѣстѣ съ регаліями, своему малюткѣ внуку, какъ великое наслѣдіе въ своемъ родѣ. А потому нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что въ послѣдніе годы своей жизни И. Константинъ нарочно отправлялъ въ Россію Патріарха Антиохійскаго и Митрополита Эфесскаго, которые вѣнчали Царемъ его мало-

лѣтнаго внука Владимира Всеволодовича и передали въ родъ этого князя царственныя регалии.»

Отвѣчаемъ: И. Константинъ могъ завѣщать новорожденному своему внуку Греческую Имперію, а о Русскомъ Царствѣ онъ и думать не могъ, всего менѣе распорядиться: внукъ его былъ сынъ третьяго удѣльнаго князя, которому самому было очень далеко до Кіевскаго стола, отцу и двумъ старшимъ братьямъ со многими сыновьями живымъ сущимъ.

Согласіе Греческой грамоты съ Русскими извѣстіями ничего незначить по моему мнѣнію: въ грамотѣ Греческой вѣроятно были *прописаны* обстоятельства, указанныя въ Русской.

Что говоритъ еще въ примѣчаніяхъ авторъ о Мономахѣ, то принадлежитъ къ ложному роду изслѣдованій, противъ котораго говорено въ Москвитинѣ часто: отъ чего не воспоминаетъ о регалияхъ Мономахъ въ Духовной, отъ чего не описана присылка въ Греческихъ лѣтописяхъ— все это гаданія лишнія. Любопытнѣе было бы изслѣдовать, когда къ намъ попало извѣстіе о присылкѣ регалий: сочинилось ли оно при Грозномъ, или было прежде его? Мы находимъ оное въ спискѣ такъ называемомъ Воскресенскомъ — предметъ будущихъ изслѣдованій, по новымъ даннымъ.

Изданіе слишкомъ великолѣпно, и на пробѣлахъ можно бы помѣстить много добраго. М. П.

Поэтическіе эскизы. Альманахъ стихотвореній, изданный Я. М. Позняковымъ и А. П. Пономаревымъ. Москва 1850. Въ Полицейск. тип., въ 12 д. л. стр. 143 и III.

Современная критика, въ лицѣ двухъ *дѣятельнѣйшихъ* Петербургскихъ журналовъ, давно не благоволяетъ къ стихотвореніямъ; одинъ изъ этихъ журналовъ, вотъ уже около двухъ лѣтъ, составилъ даже компанію, которая подъ фирмою *Новаго Поэта*, пародируетъ и всѣ нынѣ являющіяся стихотворенія, и многія прежнія произведенія разныхъ школъ, преимущественно Гейневской и Лермонтовской. Что касается до насъ, читатели наши знаютъ, что мы не раздѣляемъ съ Петербургскими журналами ихъ непріязненнаго чувства къ всѣмъ нынѣшнимъ поэтамъ, хотя и не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что настоящее время и са-

мо по себѣ не богато поэтическими талантами, и бѣднѣе прежняго: это было высказано нами еще въ прошломъ году, по поводу разборовъ стихотвореній Гг. Фета и Щербины. Но чѣмъ тверже въ насъ такое убѣжденіе, тѣмъ, разумѣется, съ большимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы каждое новое произведеніе Русской поэзіи: поэтому, предубѣжденія, невыгоднаго поэтическому явленію, въ насъ никакъ предполагать не должно. Быть можетъ, и безъ сказаннаго нами здѣсь, читатели нашей «Библиографіи» не сомнѣваются во всемъ этомъ, но мы сочли почти необходимымъ предпослать это небольшое вступленіе суду нашему надъ альманахомъ Гг. Познякова и Пономарева, чтобъ напередъ оградить себя отъ всякаго съ ихъ стороны неудовольствія.

Первое впечатлѣніе, произведенное на насъ «Поэтическими Эскизами», книжкой, прекрасно изданной, и украшенной, въ оглавленіи, именами Гг. Ростопчиной, Гг. Берга, Мея, Миллера, и отрывкомъ изъ драмы Шекспира, а за тѣмъ и другими, неизвѣстныхъ до сихъ поръ въ литературѣ сочинителей — было самое пріятное. Мы обѣщали себѣ много удовольствія, и съ любопытствомъ принялись за отрывокъ изъ «Мѣры за мѣру», драмы Шекспира, съ котораго и начинается Альманахъ. — Отрывокъ оказался небольшой, но очень неудачный: помни сцену во дворцѣ Анджели между нимъ и Изабеллою, какъ она у Шекспира, мы смѣло увѣряемъ Г. В. Р., переводчика, что онъ передалъ прекрасную сцену весьма-неудовлетворительно; и языкъ и стихъ его намъ не нравятся:

Анджело.

Выслушай меня. Нѣтъ,
Моей не уловила мысль твоя.
Въ невѣдѣньи ты это говоришь,
Иль ты хитришь? Не хорошо тогда.

Изабелла.

Я не умна, я дѣвушка простая —
И въ простотѣ охотно сознаюсь.

Анджело.

Нѣтъ, съ большимъ блескомъ мудрость никогда
Такъ не блеститъ, когда она сама

Такъ унижается. Подъ маской глазъ
 Воображаешь красоты въ стократъ
 Прелестнѣ лица безъ покрывала.
 Подумайте однако. Чтобъ совсѣмъ
 Меня вы поняли, скажу яснѣе:
 Вашъ братъ не можетъ жить!

Стр. 8.)

Такимъ ли стихомъ надо переводить Шекспира, и не лучше ли переводить его прозой, какъ это дѣлаетъ Г. Кетчеръ, если не дается вамъ стихъ. — Есть въ «Поэтическихъ Эскизахъ» и оригинальныя стихотворенія, подписанныя буквами В. Р.; всѣ онѣ показались намъ достоинства довольно-неопредѣленнаго, но одно имѣетъ несомнѣнный характеръ какой-то особенной отваги: смѣлость самой идеи, лежащей въ основѣ этого стихотворенія, необычайная, просто *адская*; мы его выпишемъ:

Любовь и адъ.

Любовь и адъ, адъ и любовь!
 Не различишь двухъ этихъ словъ:
 Зажглася страсть, хлопочетъ кровь,
 Въ *адъ* превращается *любовь!*

Талантъ привѣтствуетъ *любимый*
 Рукоплесканій *адскій* громъ,
Адъ ревности непобдимый
 Я въ сердцѣ чувствую своемъ.

Да, мнѣ-бъ хотѣлось каждый взглядъ,
 Движенье каждое твое —
 Сберечь себѣ, какъ-будто кладъ,
 Какъ счастье лучшее мое.

О, что за *адское* страданье,
 Когда взволнованная кровь
 Расшевелить воспоминаеъ,
 Мою забытую *любовь!*

Когда къ другому предпочтенье
 При мнѣ окажешь какъ-нибудь,
 О, что за *адское* мученье
 Стѣснить растерзанную грудь!

И это *адское* страданье
 Давно въ груди моей кипить,

Нѣтъ, сохранию я до могилы
Люби отверженный мой кладъ,
 Вѣдь я сказалъ, что равны силы:
Адъ и любовь, любовь и *адъ!* (Стр. 121.)

Каково-же! А мы, въ простотѣ сердечной, вѣровали, что всякія подобныя неистовства невозможны въ наше благословенное время, что онѣ умерли не только на дѣлѣ и въ жизни — что, конечно, всѣмъ извѣстно — но и въ воображеніи поэтовъ. И гдѣ почерпалъ Г. В. Р. подобныя вдохновенія? Ужь не хотѣлъ ли онѣ пародировать *Отелло*?... Просто страшно!....

Стихотвореніе «Ты не люби его» Графини Растопчиной, которой лирической талант мы давно привыкли уважать, одно изъ лучшихъ въ Альманахѣ.

Г. Бергъ помѣстилъ четыре переводныя стихотворенія: «Ренегатъ», «Аюдагъ», «Право маменькѣ скажу» и «Сонъ». Что Г. Бергъ переводитъ и вѣрно, и хорошо — это для читателей Москвитянина не новость. Мы замѣтимъ слѣдующую граціозную пьеску:

Право маменькѣ скажу. (Сб Польскаго)

Что такое это значить:
 Какъ одна я съ нимъ сижу,
 Все токуеть онѣ и плачетъ....
 Право маменькѣ скажу!....

Я ему одна забота,
 Но въ душѣ моей, вишь, ледъ;
 А глаза мои за что-то
 Онѣ кивжалами зоветъ!

Вишь рзва я, непослушна,
 Ни на мигъ не посижу....
 Право мнѣ ужъ это скушно,
 Право маменькѣ скажу!

Подъ окномъ мовмъ все бродить,
 Самъ съ собою говорить;
 Какъ одна — онѣ глазъ не сводить,
 А при людяхъ — не глядитъ!

Но подѣ часъ, какъ съ нимъ бываю,
 И сама я вся дрожу,
 И смущаюсь, и плаваю....
 Право маменькѣ скажу....

Пусть она ужъ насъ разсудитъ!
 Вотъ ужъ я погляжу!
 Что-то съ нимъ, съ бѣдняжкой, будетъ!
 Нѣтъ.... ужъ лучше не скажу!....

(Стр 94.)

«Сонъ» не дурень, но мы знаемъ переводъ гораздо болѣе удовлетворительный.

Г. Мей перевелъ «Моравскія пѣсни.» Стихотвореніе Г. Миллера «Труженникъ», примѣчательно по своей мысли.

Этимъ и кончаются произведенія именъ, уже извѣстныхъ читателямъ Москвитянина.... Виноваты, есть еще одно имя, имя давно извѣстное — Н. В. Сушкова. Г. Сушковъ даритъ насъ тремя поэтическими произведеніями, разумеется оригинальными — «Бахчисарай», «Хорошо-ли вахъ тамъ» и «Пѣсня изъ водевиля: *Сюрпризъ*». Мы душою были бы рады выписать здѣсь цѣликомъ три новые подарка, дѣлаемые литературѣ Г. Сушковымъ, но никакъ этого сдѣлать не можемъ, по той простой причинѣ, что одинъ «Бахчисарай» занимаетъ семь печатныхъ страницъ; мы выпишемъ: *Пѣсню изъ водевиля «Сюрпризъ».*

Ай! вино!
 Знать оно
 Дорогое?

Не могу ступить никакъ!
 Зашаталса.... я?... пустякъ!
 Хмзль — ничто другое!

Не робѣй!
 Пей, да пей
 Дни и ночи!
 Что-жь колыньки такъ дрожать?
 Знать присвѣсть они хотять?
 Нѣтъ ужъ мочи!....

Вскружена
 Отъ вина,
 Удалая!
 Что за притча! Все вверхъ-дномъ.
 Скачетъ пляшетъ садъ и домъ,
 Присвѣдая!

Пусть муарець
По конецъ
Суетится ;
Не узнаеть николи :
Солнце-ль бродить вокругъ земли
Иль земля вертится ?

—
Объ-закладъ
Буду радъ
Съ нимъ побиться ,
Что земля идетъ кругомъ,
И теперь нѣтъ спора въ томъ ,
Страхъ кружится ?

(Стр. 140.)

Эта пѣсня писана въ 1822 г.... Не правда-ли — мило ?

Прочіе вкладчики Альманаха, кромѣ самихъ издателей, суть Гг: Андреевъ, Кн. К., Кобяковъ, Котельниковъ, Прот.... овъ, Соколовъ, Соловьевъ и ***, имена, какъ видите, до сихъ поръ не являвшіяся въ печати. Не знаемъ, какъ быть намъ съ произведеніями этихъ господъ : дарованія ихъ чрезвычайно-разнообразны, и всѣ они ревностно содѣйствовали составленію «Поэтическихъ Эскизовъ», — посланіями, романсами, серенадами, думами, Русскими пѣснями, легендами, переводами, и другими плодами своихъ фантазій; не знаемъ, говоримъ, потому, что вообще странны какъ-то, и то незрѣлы, то переспѣлы всѣ эти плоды: Русскія пѣсни, напримѣръ, не похожи на пѣсни, посланія не похожи на посланія.... но, чѣмъ доискиваться общихъ заключеній, прочтемъ лучше нѣсколько образчиковъ этихъ произведеній «оныхъ питомцевъ музъ».

Вотъ отрывокъ изъ «Русской пѣсни» Г. Полякова.

Рано вьнутъ красой
Двѣ юныя,
Породившись съ тоской
Сердца бѣдныя!
Имъ не мило ужъ жить
На бѣломъ свѣтѣ, —
Радость прочь все бѣжить,
Ровно солнышко!

и т. д. (Стр. 136.)

Вотъ отрывокъ изъ посланія Г. Соколова къ NN.

Не осквернитъ онъ (поэтъ) мыслью ложной
Души священной омиамъ.
Онъ пишетъ то, что духъ тревожный
Внушаетъ сердцу и мечтамъ.

Зачѣмъ-же въ жизни первою иной,
Желать безжизненныхъ идей?
Зачѣмъ мѣшать съ землей холодной
Святой поэзіи едей? —

Зачѣмъ-же мелкимъ испытаньемъ
Поэта душу возмущать?
Его уму, его мечтаньямъ
Предметъ созданія давать?....

(Стр. 71.)

Дѣйствительно: нѣтъ никакой надобности *возмущать* душу поэта *мелкимъ испытаньемъ*; мы и не намѣрены это дѣлать, не намѣрены даже:

*Ею уму, ея мечтаньямъ
Предметъ созданія давать —*

это и не въ нашихъ правилахъ, а если бы мы и попустились на что-нибудь подобное, кто изъ поэтовъ сталъ бы насъ слушать; пересталъ ли бы Г. Позняковъ писать Русскія пѣсни, Г. Соколовъ — посланія и другія вещи, Г. Андреевъ — мечтать на разные темы и неудачно подражать произведеніямъ разныхъ поэтовъ, напримѣръ «Тройкѣ» Г. Некрасова, какъ въ его стихотвореніи, начинающемся такъ:

Что глядишь ты съ тоской и тревогой
Озираешься, будто боясь —
И окольною, дальней дорогой
Возвращаешься, свѣта дичась....

(Двушкв. Стр. 69.)

Пересталъ ли бы Г. Кобяковъ сочинять Скандинавскія легенды, въ которыхъ бывають такіе случаи, напримѣръ:

И блѣдный, и грозный, со злостію гienны
За мечъ ухватился азычникъ-старикъ,
Онъ бросился къ Бергъ, но гнутся колѣны —
И слова не молвить, нѣмъ, языкъ! и т. д.

(Стр. 87.)

Пересталъ ли бы Г. Соловьевъ такъ остроумно поддѣлываться подъ Русскую народную рѣчь, какъ въ произведеніи своемъ:

Два сосѣда - свята.

Не лей, ты мнѣ, сватушка,
Пивнику въ стаканъ,
Пилъ, кажись, все брагу я,
А ужъ больно пьянъ!

То ли было прежде-то?...
 Охъ, любилъ попить!
 Ни ковшомъ, ни кружкою
 Сеньку не спить!

А теперь отъ малости
 Зги не вижу я —
 Знать иду, свать, къ старости,
 Понимашъ меня?

и т. д. (Стр. 107.);

Перестали-ль бы и эти и другія господа переводить очень
 много очень плохія произведенія и разводить водичей свои
 чувствованьица и впечатлѣньица, а Г. *** дарить литературу
 тавыми произведеніями, каково:

Очищенное.

Винцо, винцо простое,
 Намъ Русскимъ всмѣ родное —
 Люблю тебя пить съ горя,
 Удивительное!

Ахъ сколько въ этомъ словъ
 Упительнаго.

—
 Въ часъ скуки и застоя,
 Уныло сердце ное,
 Въ насъ требуетъ настоя
 И очищеннаго!

Ахъ, сколько въ этомъ словъ
 Упительнаго

—
 Во время же похмѣлья,
 Все манитъ на веселье,
 И требуетъ скорѣе
 Подкрѣпительнаго!

Ахъ, сколько въ этомъ словъ
 Соблазнительнаго!

—
 Откуда что берется,
 Рвкою водка льется,
 Все общество смвется
 Удивительно!

Ахъ сколько въ этомъ словъ
 Возбудительнаго!

Но если попьанте,
 И чадь бурлитъ сильнѣе,
 То жаждешъ поскорѣе
 Освѣжительнаго!
 Ахъ сколько въ этомъ словѣ
 Упоительнаго!

(Стр. 142);

Перестали-ль бы.... и такъ далѣе, и такъ далѣе.... Увы!
 разумѣется, нѣтъ. Въ противномъ случаѣ, т. е. еслибы
 только, въ гордомъ ослѣпленіи, мы рѣшились предполо-
 жить, что слова наши подѣйствуютъ, мы бы непременно
 посоветовали всѣмъ названнымъ нами новобранцамъ по-
 ззи избрать себѣ или другіе *предметы созданія*, или, по
 крайней мѣрѣ, не

.... мѣшать съ землей холодной

Святой поэзи елей,

по рецепту Г. Соколова, но только подъ его «землею» мы
 просили бы ихъ понимать то Русское слово, которое до-
 вольно вѣрно переводится Англійскимъ *попьянсе*. Повтора-
 емъ, однакоже, и повторяемъ торжественно, что мы ника-
 кихъ совѣтовъ давать имъ не будемъ, по той причинѣ, что
 не смѣемъ и думать, чтобы они къ чему-нибудь повели.

Обращаемся къ вамъ, безпристрастные и сто разъ
 снисходительные читатели: что прибавите въ подобныхъ
 случаяхъ дѣлать критикъ? Произносить ли намъ приго-
 вору надъ «Поэтическими Эскизами»? Нѣтъ, мы лучше по-
 ступимъ такъ: передадимъ право суда надъ всѣми вы-
 шеисчисленными произведеніями Г. *Новому Поэту*, — мо-
 жетъ быть, и удастся ему какъ-нибудь наставить на путь
 истинный молодыхъ жрецовъ Аполлона, а сами попро-
 симъ Гг. Познякава и Пономарева, чтобы они, если когда
 опять задумаютъ порадовать насъ Альманахомъ стихотво-
 реній, озаботились въ то время столько-же о его со-
 держаніи, сколько теперь — о его наружности.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 5.

Февраль.

Кн. 2.

ОСЬМОЕ ЯНВАРЯ

1851 года.

Января 8 нынѣшняго года, родные и друзья праздновали юбилей пятидесятилѣтней службы отечеству Графа Дмитрія Николаевича Блудова. Домашній праздникъ, выражавшій воспоминанія о прошломъ и настоящія чувства людей близкихъ хозяину дома, долженъ бы остаться въ семейномъ кругу; однако же мы позволяемъ себѣ нарушить скромность и сказать нѣсколько словъ о праздникѣ и для общаго свѣдѣнія. Имя Графа Блудова принадлежитъ Россіи, его заслуги тѣсно соединены съ государственною и литературною нашею жизнію.

Онъ другъ и братъ пѣвца Людмилы,

Онъ другомъ былъ Карамзина.

Литературныя воспоминанія должны были занимать не послѣднее мѣсто на праздникѣ, котораго цѣль заключалась въ томъ, чтобы воскресить прошлое, напомнить молодость тому, чье имя соединено съ послѣдними страницами бессмертнаго творенія Карамзина.

Вечеръ начался домашнимъ спектаклемъ. Сцена представляла комнату, въ которой собрались дѣйствующія лица, въ костюмахъ, какъ бы для репетиціи различныхъ піесъ, приготовляемыхъ для домашняго спектакля. Между разговорами и приготовленіями повторили нѣсколько сценъ одну за другою. Такъ были разыграны сцены изъ старой оперы Боельды: «Ma tante Aurore» съ извѣстными куплетами: «non, ma piéce vous n'aimez pas»; три первыхъ явленія изъ «Бригадира» Фонъ-Визина, нѣсколько сценъ изъ комедіи «Вертеръ», и наконецъ та сцена изъ «Дмитрія Донскаго», въ которой Русскій воинъ рассказываетъ Ксеніи о пораженіи Мамаю. Полнозвучные стихи Озерова, прекрасно произнесенные, произвели сильное впечатлѣніе, и сами актеры, пользуясь тѣмъ, что они какъ бы только готовятся къ предстоящему представленію, просили воина произнести и слова Дмитрія Донскаго, которыми оканчивается трагедія:

Но первый сердца дождь Тебѣ, Царю царей,
 Всѣ царства держатся десницею Твоей!
 Прославь и укрѣпи и возвеличь Россію!
 Какъ прахъ земной, сотри враговъ кичливыхъ вью,
 Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплемяникъ могъ:
 Языки вѣдайте, великъ Онъ Русскій Богъ!

Прекрасная игра дѣйствовавшихъ лицъ, изъ которыхъ многія съ замѣчательнымъ талантомъ исполняли свои роли, и выборъ самыхъ піесъ не могли не произвести особеннаго дѣйствія. Всѣ піесы принадлежали къ прошедшему времени, и, напоминая Графу Д. Н. Блудову его молодость, онъ напомнилъ всемъ ту эпоху въ нашей литературѣ, когда произведенія Фонъ-Визина еще были живы въ памяти, когда уже занялась заря новаго литературнаго дня—выступили на поприще дѣйствія Карамзинъ и Дмитріевъ—и трагедіи Озерова составляли явленія современныя.

Когда окончилось представленіе, на сцену вбѣжалъ молодой человекъ и, подавая письмо, сказалъ: «Я прямо изъ Арзамаса, то есть съ Карповки». Письмо было прочтено:

«Съ развалинь Арзамаса, отъ старушки, удрученной недавномъ, поклонъ и радушное привѣтствіе давнишней подруги *Кассандръ Пріамовнъ*, сидящей не на развалинахъ Трои, а въ кругу любимаго семейства и преданныхъ друзей. Старушка хотѣла бы включить въ эту грамотку весь воспоминанія юности, весь мечты минувшихъ дней, словомъ, «отголосокъ тѣхъ забавныхъ и увлекательныхъ бесѣдъ, о которыхъ забыли безмолвные берега Карповки; но тотъ, кто сидѣлъ впереди, умчался за *Святланой*, бѣдная старушка съ трудомъ владѣетъ стальнымъ, заморскимъ перомъ, ибо, говорятъ, что на рынкѣ не найдешь теперь ни одного перушка *Арзамасскаго*, а въ привозъ лишь пухъ и потрохъ. «Какъ все измѣнилось!»

«Но вотъ что неизмѣнно: посмотрите съ умплениемъ на этотъ кружокъ немногихъ уцѣлѣвшихъ отъ времени и бурь, какъ будто въ замѣну другихъ и смертию и жизнью похищенныхъ. Чѣмъ тѣснѣе кружокъ, тѣмъ чистосердечнѣе споривъ его соединяющій, тѣмъ живѣе привязанность къ виновнику нашего собранія, тѣмъ признательнѣе мы должны быть къ Провидѣнію, дающему намъ на закатѣ дней способность наслаждаться вмѣстѣ и плодами полувѣковой опытности, и игрою фантазіи младенческой.

«Да будетъ сей день для насъ, стариковъ, пріятнымъ воспоминаніемъ молодости, и для окружающихъ насъ молодыхъ слушателей новымъ побужденіемъ къ благороднымъ занятіямъ ума. Намъ, ветеранамъ, слѣдуетъ говорить младшимъ товарищамъ, что и въ нашу очередь, сбросивши шутиливую оболочку Арзамасскую и собравшись нѣкогда около *Карамзина*, мы занимались дѣломъ, и онъ, какъ старшій братъ, съ кроткою улыбкою и яснымъ взоромъ, примѣромъ и совѣтами научалъ насъ трудиться, размышлять, писать. Счастливъ, кому дано было привязать свое имя къ послѣднимъ страницамъ его безсмертнаго творенія!

«Извините, любезнѣйшій юбилляръ, если посланіе, начатое въ Арзамасѣ, невольнио оканчивается Петербургомъ, по-

«среди истинно васъ уважающихъ и любящихъ, въ числѣ
«конкъ я всегда занималъ и занимать буду, и подъ лич-
«ною старушки и въ собственномъ видѣ, не последнее мѣсто.»

8 Января 1851 года.

С. Петербургъ.

Вскорѣ послѣ трудовъ и подвиговъ 12 года, когда
Россія уже наслаждалась плодами славнаго мира, въ Пе-
тербургѣ, подъ вліяніемъ того направленія, которое гений
Карамзина произвелъ на развитіе нашей словесности, моло-
дыми писателями того времени было учреждено литератур-
ное Общество подъ названіемъ: Арзамасъ. Карамзинъ счи-
тался его почетнымъ членомъ. Давая направленіе литера-
турнымъ занятіямъ Общества, скромный и благодушный ха-
рактеръ Карамзина не позволялъ ему выказывать того же
авторитета въ личныхъ отношеніяхъ съ молодыми писате-
лями: онъ былъ первымъ между равными, старшимъ бра-
томъ въ литературной ихъ семьѣ, въ которой занимали мѣсто
В. А. Жуковскій, К. Н. Батюшковъ, Д. В. Дашковъ, Кн. П. А.
Вяземскій и А. С. Пушкинъ. Каждый членъ общества на-
зывался именемъ изъ балладъ Жуковского, Графъ Блудовъ
именовался Кассандромъ, Графъ Уваровъ Старушкою.

Послѣ чтенія письма, Кн. П. А. Вяземскій произнесъ
куплеты, которые послѣ были пропѣты въ заключеніе
представленья:

Нашъ бойкій вѣкъ парить и парить,
Парями гонить онъ и жжетъ,
Онъ жизнь торопить, время старить
И все кричитъ: впередъ, впередъ!

—
Что день, то новое начало,
Что день съ вчерашнимъ днемъ разрывъ,
И что всѣхъ утромъ волновало,
То къ вечеру сдано въ архивъ.

—

Даламъ и людямъ срокъ дати малый;
 Вчерашній гоній, поглядись ,
 Уже нынче олухъ запоздалый
 И въкъ любимцу кажетъ шинь!

Преданій связь давно забыта,
 Съ прошедшимъ справиться сѣбно ,
 И память на-глухо забыта ,
 Какъ въ домѣ лишнее окно.

Одно въ умѣ нашъ въкъ имѣть,
 Принявъ пословицу въ законъ:
 Что кто о старомъ вспомнить сѣбѣтъ,
 Тому глазъ должно вырвать вонъ.

Ты не таковъ, и слава Богу!
 Глаза не выколешь ты намъ,
 Когда на старую дорогу
 Свернули къ старымъ ми друзьямъ.

Твой разумъ чуждъ предубажденья,
 Не врагъ онъ доброй новизнѣ:
 Въ благихъ успѣхахъ посвященья
 Идешь ты съ въкомъ наравнѣ.

Но старинѣ ты не измѣнникъ,
 Не притѣлялся къ новизнамъ ,
 Ты не минутъ современникъ,
 Но современникъ всѣмъ въкамъ.

Ты въ памяти своей обширной
 Хранишь преданья всѣхъ вѣковъ,
 Любуясь выставкой всемірной
 Всѣхъ дарованій и умовъ.

Фонъ-Визина ты шутки любишь,
И Озерова звучный стихъ.
Ты нмѣ лаской приголубишь,
Какъ сонъ и радость дней младыхъ.

Въ сей день, друзьямъ твоимъ любезный,
Когда во вѣствъ бодрыхъ силъ,
Ты жизни чистой и полезной
Полвѣка съ честью совершилъ,

Друзья сошлись въ твой кругъ семейный,
Чтобъ, безъ торжественныхъ затѣй,
Украшить пиръ твой юбилейный
Живой картиной прежнихъ дней.

Сложи трудовъ высокихъ бремя,
И, ослѣдившись старинной,
Ты обочи скупое время
И сбрось полвѣка съ плечъ долой.

Сей вечеръ — радости и дружбѣ!
Сей вечеръ съ нами отдохни,
А завтра труженикъ на службѣ
Полвѣка новые начини.

Послѣ пѣвья куплетовъ, Кн. П. А. Вяземскій прочелъ посланіе къ Графу Д. Н. Блудову:

Тому полвѣка началъ ты
Служенье обществу и благу.
Имъ сердца обѣтала мечты,
Имъ сильного ума отвагу

Отъ раннихъ дней ты посвятилъ.
 И лѣтъ тебя не тронулъ холодъ:
 Еще ты нынѣ сердцемъ молодъ
 И бодрый умъ твой не остылъ.

Полѣтка — и сказать такъ страшно!
 А пережить куда какъ трудно:
 Жизнь съѣсть щедро въ юныхъ дняхъ,
 Но часто осенью жисть скудно.
 Съ началомъ ссорится конецъ,
 И вечеръ — утра выводъ ложный,
 Ты былъ и снѣгъ надежный
 И много выручавшій жисть.

Ты чество почета стижалъ
 Безъ посторонняго участя.
 Ты залыхавшись не бѣжалъ
 За приткой колесницей счастья,
 Чтобъ за подножку на авось
 Рукою жадной уцѣпиться:
 Ты счастья не искалъ добиться,
 Оно въ тебѣ за умъ влялось.

И все прекрасное въ тебѣ
 Отъ искушенья уцѣлало:
 Друзьямъ ли, съ недругомъ въ борьбѣ,
 Въ глаза смотрѣть ты можешь смело.
 Друзьямъ сберечь ты прѣтъ любви,
 Не опаленный знойнымъ счастьемъ:
 Подъ неприязненнымъ пристрастьемъ
 Въ поруку совѣтъ призови.

Глупцамъ — глупцы есть и у насъ —
 Бываетъ соловъ умъ твой ѣдкой,
 И мастерски не въ бровь, а въ глазъ
 Ты попадаешь шуткой мѣткой.

И счету нѣтъ твоимъ страданъ
 Въ твоимъ запасливомъ кочанѣ:
 Стрѣлялъ ты въ дѣдокъ, и заранѣ
 Грохалъ ты внучатымъ глушцамъ.

Тебя не поглотилъ потокъ,
 Текущихъ для потока чернильной:
 Въ себя отдалъ ты уголокъ
 Для жизни чувствами обильной.
 И волъ проникнута она
 Святимъ огнемъ духовной силы:
 Ты другъ и братъ пѣвцу Людмилы
 Ты другомъ былъ Карамзина.

Ужинъ и тостъ за дорогое хозяина дома окончили ве-
 черъ, который надолго останется въ памяти всѣхъ въ немъ
 участвовавшихъ.

СЕРГѢЙ НЕТРОВИЧЪ ХОЗАРОВЪ И МАРИ СТУНИЦЫНА,

БРАКЪ ПО СТРАСТИ.

ПОВѢСТЬ.

(Посвящается Юрью Никитичу Бартеневу.)

I.

Мелкія натуры только претендуютъ
на любовь и неудачно драпи-
руются плащомъ Ромео и Юлія.

Въ одномъ изъ Московскихъ переулковъ, вѣроятно, еще и теперь стоитъ большой каменной домъ, на воротахъ ко-
его нѣкогда красовалась вывѣска съ надписью: *здесь отда-
ются квартиры со столомъ, спросить Госпожу Замшеву.*
Осеннее солнце, — это было часу въ десятомъ утра, — заглянуло
между прочимъ и въ квартиры со столомъ, и въ комнату,
занимаемой хозяйкою, освѣтило обычную утреннюю сцену.
Госпожа или, лучше сказать, дѣвица Замшева сидѣла пе-
редъ столомъ и пила чай; передъ нею, нѣсколько въ по-
чтительномъ отдаленіи, стояла баба. Нельзя сказать, чтобы
объ эти женщины, хотя были освѣщены волшебнымъ свѣ-
томъ солнца, представляли живописныя фигуры. Почтеннѣй-
шая хозяйка, дѣвица слишкомъ за сорокъ, одѣталъ въ какой-то

не совсѣмъ опрятной капоть-разпашенку, имѣла лицо страшно рябое и очень тоненькую и жидкую косу, которая обыкновенно называются мышинными хвостами. Костлявыя руки дѣвицы Замшевой, вообще немного плоской и худой, носили на себѣ остатокъ утренней возни съ провизею. Про бабу и говорить нечего: это былъ какой-то грязный комокъ, комокъ впрочемъ плотный и здоровый.

— Такъ ты сдѣлаешь супъ изъ телятины, — начала хозяйка, — сосиски подъ капустой, и зажаришь голубей, да еще изъ вашей говядины выбери получше кусочикъ и сварнши и завари кашу.

— Всѣмъ всяво давать? — спросила баба.

— Опять всѣмъ; развѣ я тебѣ, глупал, не толковала, — возразила хозяйка, — во второй нумеръ пошли всего и спроси, чего угодно. Сибариту дай только супу и сосисокъ, Терапонту Григорьевичу пошли шей, сосисокъ и каши, въ четвертый нумеръ отошли только супу безъ телятины и каши, да смотри, какъ можно меньше масла.

— Да вчера и то чуть не прибили, — замѣтила баба.

— Вотъ прекрасно, разсуждасшь еще! не твое дѣло, — возразила хозяйка.

— Да вѣдь дерутся; эта черноволосый-то въ кухню прибѣжалъ, лаялся, лаялся, ажно ухватъ схватилъ.

— Велика важность: ухватъ схватилъ, — имъ же хуже! Въ пятый нумеръ ничего не посылай, кромѣ супу, — человекъ больной, ему дѣста нужна; въ шестой нумеръ пошли всего и спросишь, чего хотять, да голубей отправь парочку, — онъ охотникъ.

— Не запомню, Татьяна Ивановна, вся ваша воля, не запомню, — отвѣчала кухарка.

— Ну такъ и есть, перемѣшай опять.

— Вся ваша воля, памяти на алынь нѣтъ.

— Поди, этакой деревенскій неучъ! еще не безъ чего четвертый годъ въ Москвѣ живешь, — возразила съ сердцемъ Татьяна Ивановна. — Дай мнѣ умыться, — сказала она, и начала доставать изъ комода мыло, полотенцо и угольной порошокъ. Кухарка между тѣмъ достала изъ-подъ кровати тазъ.

съ огромнымъ умывальникомъ. Распустивши совершенно капоть-разпашенку, Татьяна Ивановна первоначально натерла зубы угольнымъ порошкомъ, выполоскала ихъ потомъ, и вслѣдъ за тѣмъ принялась обмывать руки, лицо и даже грудь. Почти цѣлое ведро было издержано на омовеніе ея сорокалѣтнихъ прелестей, которыя потомъ, какъ водится, были старательно обтерты полотенцомъ, а кухарка отослана къ исполненію ея прямыхъ обязанностей. Оставшись одна, Татьяна Ивановна принялась убирать волосы. Приведя голову въ порядокъ, она вынула изъ комода пузырьекъ съ бѣлою жидкостью и начала оною натирать лицо, руки и шею; далѣе, вынувши изъ того же комода япчикекъ съ краснымъ порошкомъ, слегка покрыла имъ щекн. Украсивши такимъ образомъ свое лицо и возложивши на себя известное число юбокъ, Татьяна Ивановна, наконецъ, надѣла свое холстинковое почти-новинькое платье, и, странное дѣло, что значить женскій туалетъ! передъ вами какъ будто появилась другая женщина: не говоря уже о томъ, что рябины разгладились, стали гораздо незамѣтнѣе, что цвѣтъ лица сдѣлался совершенно другой, что самая худоба стана по-полнѣла, но даже коса, этотъ мышинный хвостъ, сдѣлался гораздо толще, роскошнѣе и весьма красиво сложился въ пѣчто — въ родъ корзинки.

Одѣвшись совершенно, Татьяна Ивановна намѣревалась приступить къ подвигу хожденія по пумерамъ для собиранія денегъ съ своихъ постояльцевъ.

Изъ послѣдующихъ сценъ мы убѣдимся, что это былъ дѣйствительно подвигъ, подвигъ трудный и рѣдко сопровождающійся должнымъ успѣхомъ. Въ эпоху предпринятаго мною разсказа, у двѣицы Замшевой постояльцами были: какой-то Малороссъ, человекъ еще молодой, который первоначально всякій день куда-то уходилъ, но вотъ уже другой мѣсяць сидѣлъ все, или, точнѣе сказать, лежалъ дома, хотя и былъ совершенно здоровъ, за что Татьяною Ивановной и прозванъ былъ сибаритомъ; другіе постояльцы: музыкантъ, старый помѣщикъ, двѣ неопредѣленные личности, танцовальный учитель; съ полгода болѣвшій какою-то

хроническою болѣзнію и наконецъ молодой помѣщикъ Хозаровъ. Татьяна Ивановна, какъ могли мы замѣтить изъ предъидущаго ея разговора, въ отношеніи объѣда, съ кухаркою, не одинакимъ образомъ третировала своихъ постояльцевъ. Она раздѣляла ихъ на три класса: на *милашекъ*, на *такъ-себѣ* и на *гадкихъ*. Къ числу милашекъ принадлежали: двое помѣщиковъ и музыкантъ, который былъ впрочемъ тайный милашка, и объ немъ она даже мало говорила; къ такъ-себѣ относились: сибаритъ и танцовальный учитель; къ гадкимъ: двѣ неопредѣленные личности.

Постояльцы съ своей стороны именовали Татьяну Ивановну *почтеннѣйшя*. Вышедши изъ своей комнаты, Татьяна Ивановна подошла къ первому номеру, то есть къ сибариту.

— Что, можно? — спросила она, пріотворивъ немного двери.

— Можно, — отвѣчалъ голосъ изнутри.

— Да вы въ постель?

— То есть я на кровати.

— Ну такъ прикройтесь.

— Войдите, прикрылся.

Для объясненія такого рода переговоровъ, я долженъ здѣсь замѣтить, что Малороссъ, не смотря на громкое титло сибарита, имѣлъ не совсѣмъ полный комплектъ утреннихъ и ночныхъ принадлежностей человѣка. Онъ ограничивался одною ватошною шинелью, которую онъ обыкновенно подстилалъ подъ себя, не прикрывая себя сверху ничѣмъ.

Несмотря на увѣренія постояльца, что онъ прикрылся, дѣвица Замшева не вѣрила, и входила въ комнату стараясь быть къ кровати жильца спиною, и въ томъ же самомъ положеніи начинала съ нимъ вести дальнѣйшіе переговоры.

— Я къ вамъ.

— А что?

— Нѣтъ ли у васъ денегъ?

— Увы, Татьяна Ивановна, совершенно нѣтъ.

— Да какъ же мнѣ-то дѣлать?

— Незнаю, моя почтеннѣйшая!

— Вы за три мѣсяца неплатили.

— Вы себя обсчитываете, почтеннѣйшая, съ процентами больше, чѣмъ за три; что дѣлать! я бы вамъ сейчасъ отдалъ за четыре, но нема пензы!

— Ахъ, какой вы смѣшной! да что теперь я-то буду дѣлать?

— Одно только выслушайте меня, почтеннѣйшая Татьяна Ивановна! Неужели же вы думаете, чтобы я, имѣвши деньги, отказалъ себѣ въ трубкѣ табаку; но я теперь не курю, слѣдовательно теперь у меня нѣтъ денегъ.

— А третьяго дня начто въ трактиръ ходили, и пьяный еще Матрену, безстыдникъ этакой, обругалъ?

— Ахъ, Татьяна Ивановна! не разтравляйте раны! Это былъ сонъ, и сонъ прекрасный, но онъ миновался и сегодня не повторится.

— Да не со сна же вы опьянѣли, гдѣ денегъ-то взяли?

— Дзнецъ у меня не было, но ко мнѣ явился благодѣтельный геній и сказалъ: надѣнь мой сертукъ, мои калоши, пойдемъ въ трактиръ, пей и ѣшь.

— Все вы ждете: откуда вамъ денегъ-то пришлютъ?

— Ну это другой вопросъ, денегъ должны мнѣ прислать, во-первыхъ, отецъ, во-вторыхъ, тетку, въ-третьихъ, братья, въ-четвертыхъ, сестры.

— Да — вотъ, такъ и ждите.

— Непременно пришлютъ.

— Ну, смотрите, больше нынѣшняго мѣсяца не стану ждать,—отвѣчала Татьяна Ивановна, и съ тою же предосторожностію начала выходить изъ номера.

— Татьяна Ивановна, а Татьяна Ивановна! — кричалъ голосъ съ кровати, — пришлете мнѣ сегодня обѣдать?

— Не знаю.

— Пришлите, пожалуйста, да чтобы супъ-то былъ немного повкуснѣе, а то въ простой водѣ больше жиру, хоть хлѣба присылайте побольше.—Татьяна Ивановна на эти слова ничего не отвѣтила и слѣдующій за тѣмъ номеръ прошла мимо; въ немъ проживалъ секретный ея милашка, музыкантъ; она къ нему никогда не заходила по утрамъ. Въ ближайшій номеръ дѣвица Замшева вошла безъ всякихъ предо-

строжностей, съ выраженіемъ лица болѣе веселымъ, совершенно добрымъ и нѣсколько даже почтительнымъ; въ этомъ- номеръ жилъ миляшка—старый помѣщикъ, значительно толстой и сильно обросшій усами и бакенбардами. Комната его по своему убранству совершенно непоходила на предъидущій номеръ: во-первыхъ, на кровати лежала трехпудовая перина и до пяти подушекъ; по стѣнамъ стояли: ящички, ящички, два Тульскія ружья, нѣсколько черешневыхъ чубуковъ, висѣли четверня Московскихъ шлей съ оголовками, калмыцкій тулупъ; по окнамъ стояли: чашки, чайникъ, кофейникъ, судокъ для винъ, графинъ съ водкой, фунта два икры, Московскій калачъ и десятокъ редиски. Самъ помѣщикъ въ толсто-настеганномъ шерстяномъ халатѣ сидѣлъ передъ новенькимъ огромнымъ самоваромъ пзъ красной мѣди и кушалъ чай. Сзади его лакей въ домотканномъ чепанѣ поправлялъ на оселкѣ бритву.

— Кто тамъ?—закричалъ миляшка помѣщикъ, услышавши скрипъ дверей.

— Хозяйка, — отвѣчалъ лакей.

— А... произнесъ помѣщикъ, что скажете, голубушка! не хотите ли чаю?... Ванька! подай ей чаю.

— Я пришла навѣдаться, хорошо ли вамъ?

— Ничего... идетъ, только клоповъ или блохъ много.

— Блохи, должно быть, беспокоили васъ, клоповъ здѣсь совершенно нѣтъ. Я, вотъ, здѣсь третій годъ живу, а никогда ни одного клопа въ глаза не видала,—отвѣчала Татьяна Ивановна, — не знаю, какъ бы вамъ помочь въ этомъ:—кранивы развѣ подъ простыню подложить? говорятъ, это помогаетъ.

— Ничего не надо, и такъ сойдетъ, а вотъ что, голубушка, суповъ-то мнѣ своихъ неподавай, мерзость страшная.

— Я думала, что вы изволите любить.

— Какого тутъ чорта любить! вари мнѣ щи, — да и голубями не изволь подбивать, я этой мерзости совсѣмъ не ѣмъ.

— Слышала, батюшка, Оерапонтъ Григорьевичъ, слышала: съ сегодняшняго же дня велѣла приготовить столъ

по вашему вкусу. У насъ, вѣдь, нельзя - съ; стоять больше иностранцы.

— Ну иностранцевъ и корми супами; а мнѣ этихъ помой не надобно.

— Слушаю-съ,—отвѣчала хозяйка,—а вы, я вижу, еще покупочку сдѣлали,—прибавила она, оглядывая комнату;— хомутки изволили купить?

— На цѣлую четверню хватилъ, матушка. Ванька, покажи хозяйкѣ хомуты. Ну, посмотри, во сколько оцѣнишь?

— Не могу сказать, Ферапонтъ Григорьичъ, совершенно неопытна въ конскихъ вещахъ.

— Да ты посмотри, какой ремень-то, совершенный бархатъ.

— Вижу, батюшка, ремень отличнѣйшій; но, признаться сказать, мнѣ больше всего нравится шляпка, что для супруги изволили купить.

— Ха, ха, ха... ты, вѣдь, думала, что я ее на Кузнецкомъ купилъ!

— Да вы и то безпретѣвно на Кузнецкомъ купили, по фасону видно.

— Ха, ха, ха... на Ильинкѣ за двадцать пять рублей. Даромъ, матушка, что деревенщина, не надуютъ.

— А я было къ вамъ пришла, Ферапонтъ Григорьевичъ.

— А что?

— Да денежекъ.

— Вотъ тебѣ на! я, вѣдь, тебѣ я то за цѣлый мѣсяцъ далъ впередъ.

— Нужно, батюшка, видитъ Богъ нужно; ну хочется, чтобы всѣмъ было покойно.

— Нѣтъ, мадамъ, больше не дамъ.

— Батюшка, Ферапонтъ Григорьевичъ, не погубите, совершенно погибаю: все перезаложила, съ позволеніемъ сказать, юбку третьяго дня продала на толкучкѣ.

— Да, вѣдь, и то я тебѣ задавалъ впередъ.

— Благодарю мой, вы еще здѣсь пробудете, сдѣлайте Божескую милость: дайте.

— Экая, вѣдь, ты нюня! ну, на десять рублей!

— Одолжите, благодѣтель, двадцать.

— Не дамъ, пошла воцъ,—закричалъ, рсердившись, помѣщикъ; — дармовды этакіе Московскіе,—прибавилъ онъ въ полголоса.

— Батюшка, Ѳерапонтъ Григорьевичъ, нужда, неужели бы я осмѣлилась васъ беспокоить, если бы не крайность мол.

— Ну, ладно, прощай: мнѣ бриться пора.

Татьяна Ивановна пошла.

Для объясненія грубаго тона, который имѣлъ Ѳерапонтъ Григорьевичъ, — человекъ вообще порядочной, — съ Татьяною Ивановной, я долженъ замѣтить, что онъ почтеннѣйшую хозяйку совершенно не отдѣлялъ отъ хозяекъ на постоялыхъ дворахъ, и единственное находилъ между ними различіе въ томъ, что тѣ Русскія бабы и ходятъ въ сарафанахъ, а эта изъ Пѣмокъ и рядится въ платье, но что всѣ онъ ужасныя плутовки и подхалимки.

Въ ближайшемъ номерѣ помѣщались двое гадкихъ ея постояльцевъ. Въ комнатѣ ихъ, какъ и въ бодуарѣ сибарита, ничего не было, кромѣ двухъ дивановъ, одного стола и стула. Эти два человека жили, кажется, очень дружно между собою, и цѣлые дни играли въ преферансъ, принимаясь за это дѣло съ самаго утра и продолжая оное до поздней ночи. По наружности они были частію схожи: оба были одѣты въ страшно-запачканные халаты, ноги одного покоились въ валеныхъ сапогахъ, а у другаго въ колошахъ; лица были у обоихъ испитыя, нечистыя, съ небритыми бородами и съ взъерошенными у одного черными, а у другаго бѣлокурыми волосами.

Во время прихода Татьяны Ивановны, они были за обычнымъ своимъ дѣломъ, то есть, играли въ преферансъ. Хозяйка взошла къ нимъ въ номеръ съ фізіономією гордою и строгою.

— А, вы ужъ съ ранняго утра и за карты, и праздника-то на васъ пѣтъ, грѣховодники этакіе,—сказала она, подходя къ столу.

На эти слова игроки ничего не отвѣчали. — Ты въ чемъ игралъ? — спросилъ одинъ изъ нихъ товарища.

— Въ червахъ — безъ одной, — отвѣчалъ другой.

— Нечего тутъ въ червахъ, денегъ давайте лучше, — проговорила хозяйка.

— Купилъ, — сказалъ одинъ игрокъ.

— Бубны, — перебилъ его партнеръ.

— Да что это, глухи что ли вы стали? я пришла за деньгами.

— Пасъ и неприглашаю, — сказалъ игрокъ.

— Безстыдники этакіе, еще благородные, а хотять чужой хлѣбъ даромъ ѣсть.

— Ну, ну, потише, почтеннѣйшая, — сказалъ одинъ изъ постояльцевъ, — куплю.

— Нечего потише.... что вы, племянники что ли мнѣ, васъ даромъ держать?

— Пикендрясы, — проговорилъ его товарищъ.

— Да что, я вамъ на смѣхъ, господа, что ли далась? — сказала, начиная не на шутку сердиться, Татьяна Ивановна; — сегодня же извольте съѣзжать, когда не хотите платить денегъ, а не то, право, въ полицію пойду, разорители этакіе!

Среди игры, среди забавы,
Среди благополучныхъ дней!

Запѣлъ одинъ изъ игроковъ; — безкозырная, — прибавилъ онъ.

— Вистъ съ болваномъ, — отвѣчалъ другой, и тоже запѣлъ:

Среди богатства, чести, славы!

Татьяна Ивановна совершенно вышла изъ себя, и плюнула.

— Провалиться мнѣ сквозь землю, если я дамъ вамъ сегодня объѣдать, топить не стану; вьюшки оберу, разбойники этакіе.... грабители.... туда же въ карты играютъ: милостивками что ли другъ другу платить станете? — говорила она, выходя изъ номера.

— Ваня, сказалъ одинъ изъ постояльцевъ, — гривенникъ есть у тебя? *

— Есть, — отвѣчалъ другой.

— Ладно, — а то, братъ, дура-то не пришлетъ объѣдать.

— Ничего.... хлѣба купимъ... пикн.

Между тѣмъ Татьяна Ивановна отправила въ другой номеръ, въ которомъ проживалъ ея постоялецъ *такъ-себѣ* — танцовальный учитель; онъ, худой какъ мертвецъ, лежалъ на диванѣ подъ изорваннымъ тулупомъ

— Что вамъ лучшело?—сказала, войдя, Татьяна Ивановна. Больной кивнулъ отрицательно головой.

— Да вы бы въ больницу вхали.

— Завтра.

— Да что завтра? вотъ уже третій мѣсяцъ говорите все: завтра.

— Денегъ нѣтъ!

— Продали бы что нибудь.

— Все уже продано.

— То-то и есть, все продано; денегъ нѣтъ, а еще рому покупали въ семь рублей, да еще и пьяны напились.

— Для испарины.

— Да для испарины не допьяна пьютъ; больной человѣкъ, а туда же кутите. Марѳутка сказывала, что едва васъ оттерла.

— Я всю бутылку выпилъ, — что дѣлать? съ горя!

— Ну, а мнѣ-то какъ же? за цѣлый мѣсяцъ ни копейки не платили, а вѣдь, я думаю, я каждый день впрочно для васъ супъ варю.

— Дайте поправиться.

— Полноте съ вашимъ поправленьемъ; ноги-то, я знаю, у васъ хороши, да губы-то къ вину очень лакомы. Нѣтъ ли хоть сколько нибудь?

— Ни копейки нѣтъ.

Татьяна Ивановна махнула рукой и вышла изъ комнаты.

Въ сосѣднемъ номерѣ проживалъ третій ея милашка. Мало этого: онъ былъ, какъ сама она рассказывала, ея другъ, и повѣрялъ ей всѣ свои секреты. Занимаемый имъ номеръ былъ самый чистый, хотя и несовсѣмъ теплый. Въ самомъ тепломъ номерѣ проживалъ скрытный ея милашка — музыкантъ. Въ то время, какъ Татьяна Ивановна взошла къ другу, онъ сидѣлъ и завивался. Марѳутка, толстая и довольно

неприятная дѣвка, исправлявшая, по распоряженію хозяйки, обязанность камердинера мылашки, держала передъ нимъ накаленные компасы.

— А вы все франтите?— сказала Татьяна Ивановна, входя въ комнату.

— Съ добрымъ утромъ, почтеннѣйшая; прошу принять мѣсто и побесѣдовать,—отвѣчалъ тотъ, старательно укладывая свои волосы въ щипцы.

— Марѳа вамъ нужна?

— Нѣтъ, я самъ завязуюсь... а что?

— То-то; я хотѣла вамъ всыпать кофею принести.

— Мерси, тысячу разъ мерси, почтеннѣйшая, съ большимъ удовольствіемъ выпью,—сказалъ мылашка, протягивая хозяйкѣ руку.

— Для милаго дружка и сережка изъ ушка,—сказала Татьяна Ивановна.

— Подъ свари,—прибавила она, обращаясь къ Марѳѣ.— Та вышла.

Такъ какъ этотъ другъ Татьяны Ивановны долженъ въ моемъ разсказѣ играть главную роль, то я обязаннымъ себя считаю поподробнѣе познакомить читателя съ его наружностію, отчасти біографією и главными наклонностями. Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, поручикъ въ отставкѣ, былъ лѣтъ двадцати семи; лице его было одно изъ тѣхъ, про которыя говорятъ, что они похожи на Парижскія журнальныя картинки, и носъ, на примѣръ, у него былъ немного орлиный, и губы тонкія и розовыя, и румянецъ на щекахъ свѣжій, и голубые, правильно-очерченные и подернутые влагою, глаза, а надъ ними тонкою дугою обведенныя брови и наконецъ усы не такъ большіе, и не очень маленькіе; про прическу и говорить нечего: она была совершенно по модѣ того времени, то есть на темъ приглажена, а на вискахъ и на затылкѣ разбѣта въ букли. Въ лицѣ его, если хотите, все было хорошо, свѣжо, даже правильно и гармонировало одно съ другимъ; но въ то же время чего-то недоставало, что вы желаете и любите видѣть въ лицѣ человѣка. О по-

добныхъ физиономіяхъ существуютъ два совершенно противоположныя мнѣнія. Одни говорятъ, что это красавцы, миленькіе, даже молодцы, мало этого, Аполлоны Бельведерскіе; другіе же пазываютъ ихъ смазливими рожицами, масками, расписными купидонами и даже форрейторами, смотря потому, какой у кого эпитетъ ближе на языкъ. О героѣ моемъ представляю вамъ, читатель мой, избрать какое будетъ угодно изъ выше-упомянутыхъ мнѣній. Кромѣ своей пріятной наружности, Сергѣй Петровичъ владѣлъ еще многими другими достоинствами. Служивши въ полку, онъ слылъ за славнаго малаго, удивительнаго мастера танцовать и вообще за человѣка хорошо образованнаго, потому что имѣлъ очень приличныя манеры; говорилъ по-Французски, владѣлъ перомъ и сочинялъ стихи, изъ коихъ двой даже были напечатаны въ какомъ-то журналѣ, но главное: онъ имѣлъ необыкновенно много вкуса! При первой возможности, молодой поручикъ такъ мило отдѣлывалъ и мебелировалъ свою квартиру, что пріѣзжавшія къ нему, разумѣется, съ мужьями дамы ахали отъ восторга и удивленія; экипажъ у него былъ одинъ изъ первыхъ; не говоря уже о сѣромъ рысакѣ, жжѣнку Хозаровъ умѣлъ варить классически и вообще съ неподражаемымъ умѣньемъ распоряжался пріятельскими пирушками, и всегда почти, по просьбѣ помѣщиковъ, устраивалъ у нихъ балы, и балы выходили отличныя. Двѣ только слабости имѣлъ молодой человѣкъ: во-первыхъ, онъ былъ очень влюбчивъ, такъ что непреходило мѣсяца, чтобы онъ въ кого-нибудь не влюбился, и влюблялся обыкновенно искренно, но только ненадолго; во-вторыхъ, имѣлъ сильную склонность и большую въ то же время способность — брать займы деньги; надъ первую его слабостію товарищи подтрунивали и называли его *Сердечкинымъ*, вторымъ же недостаткомъ даже — тяготились, особенно въ послѣднее время, такъ какъ эта склонность въ немъ со дня на день болѣе и болѣе развивалась. По выходѣ въ отставку, Хозаровъ года два жилъ въ губерніи, и здѣсь успѣлъ заслужить тоже реноме, но такъ какъ въ небольшихъ городахъ вообще любятъ дѣлать изъ мухи слона и по преимуществу на недостатки человѣка смотреть сквозь увеличительное

стекло, то и о поручикѣ начали разсуждать такимъ образомъ: онъ человекъ ловкій, свѣтскій и даже, если вамъ угодно, ученый, но только мотыга, любить жить не по средствамъ, и что все свое состояньюшко пропировалъ, да пробарствовалъ, а теперь вотъ и ждетъ, не выпадетъ ли на его долю какой-нибудь дуры невѣсты съ тысячею душами, но такихъ будто нынче совсѣмъ и на свѣтѣ нѣтъ. Конечно, читатель изъ одного того, что герой мой, надѣленный, по волѣ судьбы, такимъ прекраснымъ вкусомъ, проживалъ въ нумерахъ Татьяны Ивановны, изъ одного этого можетъ уже заключить, что обстоятельства Хозарова были не совсѣмъ хороши, я же съ своей стороны скажу, что обстоятельства его были никуда не годны. Имѣнье его уже окончательно было продано, въ Москву онъ пріѣхалъ съ двумя тысячами на ассигнаціи; но что значать эти деньги для человека со вкусомъ?

• Капля въ морѣ! Въ настоящее время Хозаровъ жилъ старымъ кредитомъ во всевозможныхъ мѣстахъ, гдѣ только ему взрили. Къ Татьянѣ Ивановнѣ онъ явился послѣ не совсѣмъ пріятной исторіи съ Мг. Шевалдышевымъ, у котораго онъ первоначально стоялъ, и явился, какъ говорится, съ форсомъ, а именно, въ отличномъ пальто и съ эффектною палкою, у которой на ручномъ концѣ красовалась позолоченная головка одного изъ Греческихъ мудрецовъ. Первоначально онъ потребовалъ лучшей номеръ, разкритиковалъ его какъ слѣдуетъ, а потомъ, разговорившись съ хозяйкою, напаялъ, и, въ дальнѣйшемъ разговорѣ, такъ очаровалъ Татьяну Ивановну, что она не только не попросила денегъ въ задатокъ, но даже послѣ, въ продолженіи трехъ мѣсяцовъ, держала его безъ всякой уплаты, и все-таки считала милашкою и даже передавала ему живообразно рублей до ста ассигнаціями изъ своихъ собственныхъ денегъ. Любить его, нѣсколько корыстно для самой себя, она не смѣла и подумать, но чувствовала къ нему дружбу и гордилась этимъ; милашка же съ своей стороны высказывалъ сорокалѣтней дѣвицѣ самыя задушевныя свои тайны. Что касается до помѣщенія Сергѣя Петровича, то и оно обнаруживало главныя его наклонности, то есть, представляло видимую

замашку на Франтовство, комфортъ и опрятность; даже постель молодого чловѣка, не смотря на утреннее время, представляла величайшій порядокъ, который царствовалъ и во всемъ остальномъ убранствѣ комнаты: нѣсколько гравюръ, представляющихъ охоту, Тальму въ костюмѣ Гамлета, Арабскую лошадь, четырехъ дамъ очень недурныхъ собой, изъ коихъ подѣ одной было написано: *весна*; подѣ другою: *лѣто*; подѣ третьею: *осень*; подѣ четвертой: *зима*. Всѣ онѣ развѣшены были совершенно симметрично. Въ углу стояло что-то въ родѣ горки, въ которую было вставлено нѣсколько чубуковъ съ трубками, въ числѣ коихъ было до пяти черешневыхъ съ янтарными муштуками. На столѣ, передъ которымъ сидѣлъ Сергѣй Петровичъ въ старыхъ, но все-таки волтерскихъ креслахъ, были размѣщены тоже въ величайшемъ порядкѣ различныя принадлежности мужскаго туалета: въ срединѣ стояло складное зеркало, съ одной стороны коего помѣщалась щетка, съ другой гребенка; потомъ опять съ одной стороны: помада въ фарфоровой банкѣ, съ другой: фиксотуаръ въ своей серебряной шкуркѣ; около помады была стклянка съ о-де-колономъ; около фиксотуара флакончикъ съ духами; далѣе на столѣ лежала небольшая портфель, передъ которою красовались двѣ неразлучныя подружки: чернильница съ песочницей. По одну сторону портфели лежалъ преспапье, изображающій лягавую собаку, который придавливалъ какія-то бумаги; съ другой стороны находилась тоже преспапье съ изображеніемъ кабаньей головы; подѣ нимъ ничего уже не было, и онъ, видимо, поставленъ былъ для симметріи. Много еще было другихъ предметовъ, облачающихъ стремленіе къ модному комфорту, такъ, напримѣръ, по стѣнѣ стоялъ Турецкій диванъ, подѣ ногами хозяйна лежала медвѣжья кожа, должно быть, игравшая роль барсовой шкуры, и тому подобное.

— Вы сегодня ѣдете куда-нибудь?—спросила Татьяна Ивановна.

— Не знаю еще, — отвѣчалъ Хозаровъ.

— А вчера были тамъ?

— Былъ.

— Ну что ?

— Ничего хорошаго; я недоволенъ вчерашнимъ вечеромъ.

— Что такое ?

— Она нелюбитъ меня !

— Ой, не говорите этого, Сергѣй Петровичъ, не говорите; ни за что не повѣрю: вы, просто, скрываете, вы, мужчины, пристрастный народъ въ этихъ вещахъ.

— Нѣтъ, вы выслушайте напередъ, и растолкуйте мнѣ, какъ это понять ? Прїѣзжаю я, какъ вы знаете, въ семь часовъ. Въ замѣ никого, я прошелъ къ Катеринѣ Архиповнѣ, она сидитъ одна; разумеется, сажусь и начинаю рѣзказывать разныя разности, какъ можно громче смѣюсь, захоочу,— не тутъ-то бымо: прошелъ цѣлый часъ; наконецъ являются двѣ старшія дѣмды, а ее все-таки нѣтъ ! я просто думалъ, что больна; но, сами согласитесь, не ѣхать же домой, усѣлся съ барышнями въ карты; смѣюсь, шучу, а внутри, знаете, такъ и кипитъ: ничего не помогаетъ, проходитъ еще часъ, два—не является. Наконецъ ужъ я не вытерпѣлъ. «Здорова ли, я говорю, Марья Антоновна ?» — и какъ бы вы думали, что мнѣ отвѣтили: «Кошку свою, говорятъ, сего дня цѣлый вечеръ моетъ съ мыломъ.» Я чуть не лопнулъ отъ досады. Во первыхъ, это глупо, а во вторыхъ, неврилично.—Хорошо думаю, мадемуазель, я вамъ отплачу, и тотчасъ же началъ говорить любезности Анетѣ. Та, какъ водится, принялась закатывать свои оловянные глаза, и пошла писать.... Вдругъ является немного, знаете, блѣдная, грустная, поклонилась и сѣла около матери, почти напротивъ меня. Я ни слова, и продолжаю любезничать съ Анетою. Та совсѣмъ растаяла, только-что не обнимаетъ.

— Послушайте, Сергѣй Петровичъ — перебила Татьяна Ивановна,—вы ужасный человекъ; за что вы мучите этого ангела ?

— Помилуйте, Татьяна Ивановна, что вы говорите? она меня мучитъ.

— Нѣтъ, вы этого не говорите,—возразила хозяйка,—она бѣдненькая, вѣроятно, въ это время мечтала объ васъ, а вы, злой человекъ, сейчасъ ужъ и стали заниматься съ другою,

— Но послушайте, Татьяна Ивановна, любивши человека, развѣ вы въ состояніи были бы въ какихъ-нибудь трехъ шагахъ просидѣть два часа и не выдти; и чѣмъ же въ это время заниматься: дурацкимъ мытьемъ какой-нибудь мерзкой кошки.

— Конечно я бы это не въ состояніи была сдѣлать, потому что никогда кокетства неимѣла.

— Вотъ, видите, вы сами проговорились; стало быть, она только кокетничаетъ со мною.

— Этого несмѣйте при мнѣ и говорить, Сергѣй Петровичъ! она васъ любитъ.

— Да изъ чего вы видите?

— Изъ всего; во-первыхъ, вы говорите—она пришла не много блѣдная, и потомъ съѣла напротивъ, чтобы глядѣть на васъ.

— Ну, нѣтъ... такимъ образомъ перетолковывать можно все,— произнесъ Сергѣй Петровичъ, которому впрочемъ послѣднія слова хозяйки, кажется, очень были пріятны.

— Послушайте,— начала Татьяна Ивановна, одушевившись,— я любила одного человека, полюбила его съ самаго перваго раза, какъ увидѣла. Онъ жилъ въ одномъ со мною домѣ, и что же вы думаете? я цѣлую недѣлю не имѣла духу войти къ нему въ комнату.

— Это объ сосѣдѣ вы говорите? — спросилъ съ улыбкою Хозаровъ.

— Ой, нѣтъ! о другомъ,— возразила, вспыхнувъ, Татьяна Ивановна.

— Не можетъ быть! вѣрно объ немъ.

— Нѣтъ, право о другомъ; про этого говорятъ такъ, пустяки.... Конечно онъ ко мнѣ неравнодушенъ, да нѣтъ, не по моему вкусу!

— Все это прекрасно, Татьяна Ивановна, да мои-то дѣла плохи.

— Вовсе не плохи; головой моей отвѣчаю, что она васъ любитъ, и очень любитъ. Это вѣдь очень замѣтно: вотъ иногда придешь къ нимъ; пу, разумѣется, Катерина Архи-

повна сейчас спросить объ васъ, а она, миленькая этакая, какъ цвѣточикъ какой, тотчасъ и вспыхнетъ.

— Вы когда къ нимъ пойдете, Татьяна Ивановна? — спросилъ Хозаровъ.

— Право незнаю. Катерина Архиповна ужасно просить бывать у нихъ почаще; сегодня думаю вечеркомъ сходить, показать имъ одной моей знакомой продажную брошку; недавно еще подарена ей, да не нравится фасонъ.

— А что, еслибъ я попросилъ васъ сдѣлать для меня большое, пребольшое одолженіе?

— Что такое?

— Вотъ дѣло въ чемъ: надобно же узнать рѣшительно, любить ли она меня, или нѣтъ.

— Объяснитесь.

— Объясниться я не могу, потому что мнѣ рѣшительно не удается говорить съ ней. Эти двѣ старшія дуры, Пашеть и Анеть, просто атакуютъ меня, и я вотъ что выдумалъ: недѣли двѣ тому назадъ, она спросила меня, чѣмъ я занимаюсь дома? я говорю, что дневникъ писалъ. Она, знаете, немного сконфузившись, вдругъ начала меня просить, чтобы я его показалъ ей, я обѣщался; дневника впрочемъ у меня никакого небывало никогда; однако, пришедши домой, за сѣмъ и накатаю за цѣлые полгода; теперь только надобно передать. Возьмитесь-ка, передайте.

— А что вы въ дневникъ написали?

— Ничего особеннаго. Пишу, какъ я увидѣлъ, полюбилъ; записаны всѣ ея слова.

— Вѣдь вы такъ ее, Сергій Петровичъ, совсѣмъ погубите, — возразила Татьяна Ивановна, — это ужасно для дѣвушки получать такое письмо, особенно отъ человека, котораго любишь!

— Это не письмо, а дневникъ; тутъ она нигдѣ прямо не называется.

— Догадается, Сергій Петровичъ, сейчасъ догадается.

— Конечно догадается, для того и написано, чтобы догадалась. Сдѣлайте одолженіе, Татьяна Ивановна, передайте.

— Охъ; Сергѣй Петровичъ, въ грѣхъ меня вводите.

— Не въ грѣхъ, почтеннѣйшій, а въ доброе дѣло, — возразилъ Хозаровъ.

— Конечно про васъ я не могу ничего сказать, — отвѣчала хозяйка; — вы имѣете благородныя намѣренія, а другіе мужчины, ахъ! какъ онѣ бѣдныхъ женщинъ жестоко обманываютъ.

Сергѣй Петровичъ между тѣмъ бережно поднялъ преспахе, изображающее лигавую собаку, и, вынувши изъ-подъ него чисто переписанную тетрадку, началъ ее перелистывать.

— Почитайте, пожалуйста, Сергѣй Петровичъ, что вы тутъ написали.

— Нельзя, Татьяна Ивановна, тайна.

— Вотъ прекрасно! да развѣ у васъ можетъ быть отъ меня тайна: не пойду же, когда вы такъ поступаете.

— Ну, слушайте, вотъ на дрімьръ начало: «Перваго Января я увидѣлъ въ собраніи одну дѣвушку, въ бѣломъ платьѣ, съ голубымъ полсомъ и съ незабудками на головѣ.»

— Это она самая; я ее видала въ этомъ платьѣ; еще, кажется, подолъ воланами отдѣланъ.

— Можетъ быть; но слушайте: «Она меня такъ поразила, что я сбился съ такту, танцуя съ нею вальсъ, и, совершенно растерявшись; позвалъ ее на кадрили. Ахъ, какъ она прекрасно танцуетъ, съ какою легкостію, съ какою граціею.... я заговорилъ съ нею по-французски; она знаетъ этотъ языкъ въ совершенствѣ! Я цѣлую ночь не спалъ и все мечталъ объ ней. Дня черезъ три я ее видѣлъ у С.... и опять танцовалъ съ нею. Она сказала, что со мною очень ловко вальсировать. Что значать эти слова? что хотѣла она этимъ сказать? ну, довольно.»

— Ахъ, какой вы плутъ! вы, просто, обольститель! почитайте, батюшка, почитайте еще!

— Да что вамъ любопытнаго?

— Почитайте, пожалуйста, я очень люблю, какъ про любовь этакъ пишутъ.

— Ну вотъ вамъ еще одно мѣсто: «Сегодня ночью я видѣлъ сонъ; я видѣлъ, будто бы она явилась ко мнѣ и

подала мнѣ свою липѣйную ручку; я схватилъ эту ручку, покрылъ милліонами пламенныхъ поцѣлуевъ и вдругъ проснулся. О, если бы, сказалъ самъ съ собою я, вмѣстѣ съ Грибодовымъ могъ произнести: *сонъ въ руку*. Я проснулся съ растерзаннымъ сердцемъ и написалъ стихи. Вотъ они:

Прощай, мой Ангелъ свѣтлоокой!
 Мнѣ не любить, не обнимать
 Твой губкій станъ во тьмѣ глубокой,
 Съ тобой мнѣ счастья неведать.
 Я знаю, ты любить умѣешь,
 Но не полюбишь ты меня,
 Мечту вную ты лелѣешь;
 Но буду помнить я тебя.
 Ты мнѣ явилась, какъ видѣнье,
 Какъ свѣтозарный херувимъ.
 Но то прошло, какъ сновидѣнье,
 И снова я теперь одинъ!

— Прекрасно! безподобно! — вскрикнула Татьяна Ивановна; — батюшка, Сергій Петровичъ, спшите мнѣ эти стихи!

— Послѣ, Татьяна Ивановна, послѣ, я наизусть ихъ знаю.

— Ну, что послѣ, напишите теперь.

— Право послѣ, теперь лучше потолкуемте объ дѣлѣ. Я запечатаю вамъ въ пакетъ, вы побѣдете, хоть часу въ седьмомъ, сегодня; ну, сначала обыкновенно, посидите съ Катериной Архиповной, а тутъ и ступайте на верхъ — къ барышнямъ; она, можетъ быть, сидитъ тамъ одна, старшія все больше внизу.

— Это можно: и у нихъ по всѣмъ комнатамъ вхожа; онъ меня, признаться, съ перваго раза, какъ вы меня рекомендовали, очень хорошо приняли. Будто сначала выйду въ дѣвичью, а тамъ и пройду на верхъ.

— И прекрасно! только что же вы скажете? какъ отдадите?

— Да что сказать? Скажу: отъ Сергѣя Петровича дневникъ, который вы просили; не беспокойтесь, пойметъ...

— Конечно, пойметъ; чудесно, почтеннѣйшая! Дайте вашу ручку, — сказалъ Сергій Петровичъ, и крѣпко сжалъ руку друга-хозяйки.

— Только, какой вы для женщинъ опасный человекъ, — сказала Татьяна Ивановна, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленій, — изъ молодыхъ да ранній.

— А что? — спросилъ съ довольною улыбкою постоялецъ.

— Да такъ. Вы можете просто женщину очаровать, погубить.

— Мясникъ, Татьяна Ивановна, пришелъ, — сказала Марѳа, входя въ комнату.

— Ахъ, батюшки! какъ я съ вами заболталась. Прощайте; я было за деньгами къ вамъ приходила.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, ей-Богу, нѣтъ!

— Ну, нѣтъ, такъ и нѣтъ; пакетъ вашъ теперь отдадите?

— Черезъ часъ пришлю.

— Ну, хорошо, прощайте!

Вышедши отъ Хозарова, Татьяна Ивановна остановилась передъ номеромъ скрытнаго милашки, и нѣсколько времени пробыла въ раздумьѣ; потомъ, какъ бы не выдержавъ, приотворила не много дверь.

— Придете обѣдать? — сказала она какимъ-то чрезъчуръ нѣжнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ голосъ извнутри.

— Почему же?

— Ноты пишу.

— Ну, вотъ, ужъ съ этими нотами. А чай придете пить?

— Нѣтъ, пришлите водки.

Татьяна Ивановна затворила двери, вздохнула и прошла къ себѣ, вѣлѣвъ впрочемъ попавшейся на встрѣчу Марѳѣ отнести во второй номеръ водки.

Сергѣй Петровичъ, оставшись одинъ, принялся писать къ пріятелю письмо, которое отчасти познакомитъ насъ съ обстоятельствами настоящаго повѣствованія, и отчасти послужитъ доказательствомъ того, что герой мой владѣлъ перомъ, и перомъ прекраснымъ. Письмо его было таково:

Любезный другъ, товарищъ дня и ночи!

«Я уведомляю тебя, что ѣду въ Москву, определяться въ штатскую службу; но теперь я тебѣ скажу философскую истину: человекъ предполагаетъ, а Богъ разполагаетъ; ка-

признаю фортуна моя повернула колесо иначе; вместо службы, кажется, выходитъ, что я женюсь, и женюсь, конечно, какъ благородный человѣкъ, по страсти. Представь себѣ, mon cher, невинное существо въ девятнадцать лѣтъ, розовое, свѣжее, — однимъ словомъ, чудная майская роза; сношенія наши весьма интересны: со мною, можно сказать, случился романъ на большой дорогѣ. Прошедшаго года, въ этой дурацкой провинціи, въ которой я имѣлъ глупость прожить около двухъ лѣтъ, — я разъ на балѣ встрѣтилъ молоденькую дѣвушку, просто, чудо, mon cher, какъ она меня поразила! въ ней было что-то не похожее на другихъ, что-то восточное, какая-то Грезовская головка; я съ нею протанцовалъ нѣсколько кадрили, и тутъ убѣдился, что она необыкновенно милое, рѣзвое дитя, которое можетъ нашего брата ветерана одушевить, завлечь, однимъ словомъ, унести на седьмое небо; однако тѣмъ и кончилось. Побѣхавши въ Москву изъ деревни, на станціи съѣзжаюсь я съ однимъ барининомъ; слово-за-слово, вижу, что человѣкъ необыкновенно добродушный и даже простой: съ перваго же слова началъ мнѣ рассказывать, что семейство свое онъ проводилъ въ Москву, что у него жена, три дочери, изъ коихъ младшая красавица, которой двоюродная бабушка отдала въ приданое подмосковную въ триста душъ, и знаешь, что, mon cher, какъ узналъ я послѣ по разговорамъ, эта младшая красавица — именно: моя Грезовская головка! я не могъ удержаться, и тогда же подумалъ: о, судьба, судьба! видно отъ тебя нигдѣ не уйдешь. Омъ снабдилъ меня письмомъ къ его семейству, съ которымъ я теперь уже и сошелся по дружески, познакомясь вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣмъ ихъ кружкомъ; дѣла идутъ не дурно, одно только меня не много смущаетъ, что у нихъ каждый день присутствуетъ какой-то жирный баринъ, Рожновъ; потому что кто его знаетъ, съ какими онъ тутъ бываетъ намѣреніями, — а лицо весьма подозрительное и непріятное.

Такъ-то, mon cher, я женюсь, и непременно женюсь! да, мой другъ, я теперь убѣдился, что наша прошлая жизнь — все пустяки! на что мы холостяки похожи? грязь, грязь — и больше ничего! нѣтъ ни одного отраднаго явленія, нѣтъ

человѣка, съ кѣмъ бы раздѣлить чувства; такое ли счастье
человѣка, которой сидитъ въ прекрасномъ кабинетѣ, сладко
полудремлетъ, близъ его милое прелестное существо, — вотъ
это жизнь! кромѣ сихъ и оныхъ моихъ дѣлашекъ, я здѣсь
въ порядочномъ кругу; особенно одинъ домъ Маммиловыхъ.
Представъ себѣ аристократическій тонъ во всемъ: мужъ, страш-
ный богачъ, болѣе полугода живетъ въ южныхъ губерніяхъ
и занимается торговыми операціями, жена красавица, и, гово-
рятъ, удивительная фантазёрка и философка. Теперь я съ
ними еще не такъ коротокъ, но однако очень дорожу ихъ
знакомствомъ и постараюсь сблизиться.

Прими увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и
преданности, съ коими и остаюсь покорный къ услугамъ

«Хозаровъ.»

II

Въ залѣ, о которой упоминалъ Хозаровъ, за большимъ
круглымъ столомъ, гдѣ помѣщался самоваръ съ его принад-
лежностями, сидѣла Катерина Архиповна и ея семейство, то
есть: Пашетъ, Анетъ и Машетъ; впрочемъ въ ередѣ этого
семейства помѣщалось новое лице, какой-то необыкновенно
высокій мужчина, который, конечно, кинулся бы вамъ въ
глаза по своему огромному носу, клькообразнымъ зубамъ и
большимъ, сѣрымъ, на выкатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не
выражающимъ, глазамъ. По загорѣлому его лицу нетрудно
было догадаться, что онъ недавно нѣзъ дороги. Это подтверж-
далось и тѣмъ, что въ комнатѣ было разставлено нѣсколько
дорожныхъ вещей. Катерина Архиповна, дама лѣтъ около
пятидесяти, черноволосая, немного сердитая на видъ и съ
довольно крупными чертами лица, была, кажется, въ весьма
дурномъ расположеніи духа. Двѣ старшія дочери, Пашетъ и
Анетъ, представляли рѣзкое сходство съ высокимъ мужчиной,
какъ по высокому росту, такъ и по клькообразнымъ зубамъ,
съ тою только разницею, что глаза у Пашетъ были, какъ
и у маменьки, — сухіе и черные; глаза же Анетъ, сѣрые и
на выкатъ, были самый точный образецъ глазъ папеньки
(читатель, вѣроятно, уже догадался, что высокій господинъ

былъ супругъ Катерины Архиповны); но третья дочь Машетъ была совершенно другой наружности. Это была небольшого роста брюнетка съ выразительными чертами лица, съ роскошными волосами, убранными для влщаго очарованія *à l'enfant*, съ черными и живыми глазками и съ веселой улыбкой. При внимательномъ впрочемъ наблюденіи, въ дѣвущкѣ можно было замѣтить сходство съ матерью, замаскированное, конечно, молодостью, здоровьемъ, невинностью и какимъ-то еще чуждымъ началомъ, не замѣчаемымъ ни въ одномъ изъ членовъ семейства. Катерина Архиповна, какъ я прежде объяснилъ, была не въ духъ: какъ-то порывисто разлила она чай по чашкамъ и подала ихъ дочерямъ, а предназначенный для супруга стаканъ даже пихнула къ нему. Антонъ Федотовичъ Ступяцынъ, имъ родоначальника семейства, принялъ довольно равнодушно такъ невѣжливо препровожденный къ нему, стаканъ, и принялся пить чай съ большимъ аппетитомъ. Отпивши половину стакапа, онъ потихоньку всталъ, взялъ трубку и закурилъ.

— Фу, батюшки, опять съ своимъ куреньемъ,—сказала Катерина Архиповна, отмахивая отъ себя табачный дымъ.

— Ничего, душа моя, я такъ.... немножко, — отвѣчалъ Антонъ Федотовичъ, тоже размахивая дымъ.

— Это у него ничего, какъ изъ трубы... жили бы тамъ себѣ въ деревнѣ, и курили, сколько хотѣлось: такъ нѣтъ, надобно въ Москву было прѣхать.

— Нельзя было, душа моя. Генераль, просто, мспл прогналъ; встрѣтилъ въ лавкахъ, что вы, говорить, сидите здѣсь? Я, говорить, давно для васъ мѣсто приготовилъ. Я говорю: Ваше Превосходительство, у меня хозяйство. Плюньте, говорить, на ваше хозяйство; почтенная супруга ваша съ часу на часъ васъ ждетъ, а на другой день даже письмо писалъ ко мнѣ,—жалко только, что дорогою затерялъ.

Въ продолженіи всей этой рѣчи Катерина Архиповна едва сдержала себя.

— Я хочу васъ, Антонъ Федотычъ, спросить только одно: перестанете вы когда нибудь лгать, или нѣтъ?

— Что лгать-то, — отвечалъ, немного смѣшавшійся, Ступицынъ, — спроси Пиронова; при немъ вся эта исторія была.

— Нечего мнѣ Пиронова спрашивать; двадцать пятый годъ я, милый другъ мой, васъ знаю; передъ кѣмъ нибудь ужъ другимъ выдумывайте и лгите. Ну зачѣмъ вы сюда прѣехали, для какой надобности?

— Да, вѣдь, я тебѣ говорилъ, душа моя, что генералъ....

— Не говорите вы мнѣ, Бога ради, про генерала, и не завкайтесь про него, не сердите хоть покрайней мѣрѣ этимъ; вы все нагали, совершенно таки все нагали. Я сама его, милостивый государь, просила; онъ мнѣ прямо сказалъ, что невозможно, потому что мѣста у нихъ дають тѣмъ, кто былъ, покрайней мѣрѣ, годъ на испытаніи. Разсудили ли вы, вѣхавши сюда, что вы дѣлаете? деревню оставили безъ всякаго присмотра, а здѣсь, — гдѣ мы васъ помѣстимъ? всего четыре комнаты: здѣсь я, а на верху дѣти.

— Да многоли мнѣ мѣста надобно, я вотъ хоть здѣсь....

— Скажите на милость: онъ здѣсь—въ залѣ расположится; одна чистая комната, онъ и въ той дортуарѣ себѣ хочетъ сдѣлать. Вы о семействѣ никогда не думали и не думаете, а только о себѣ; только бы удовлетворять своимъ животнымъ наклонностямъ: наѣсться, выспаться, накурить полную комнату табакомъ, и больше ничего; вѣхать бы потомъ въ гости, нагаты бы тамъ что-нибудь—вотъ въ Москву, напримѣръ, съездить. Сдѣлали ли вы хоть какую-нибудь пользу для дѣтей; выхлопотали, приобрѣли ли что-нибудь.

— Да я думалъ, — началъ было Антонъ Федотычъ.

— Ничего вы недумали,—перебила Катерина Архиповна;— солгали гдѣ-нибудь, что въ Москву ѣдете, да послѣ и стыдно было отказаться.

Последнія слова очень сконфузили Ступицына.—Мнѣ нечего стыдиться, — проговорилъ онъ.

— Знаю, что вы давно стыдъ-то потеряли; двадцать пятый годъ съ вами маюсь. Все сама, вездѣ сама. На какія-нибудь сто душъ выростила и воспитала всѣхъ дѣтей; старшихъ, какъ помоложе была, сама даже учила, а вы, отецъ семейства, что сдѣлали? за рабочими не хотите хорошенько

присмотреть, только конфузите вездѣ. Того и жди, что гдѣ нибудь въ порядочномъ обществѣ мажжете и заставите покраснѣть до ушей.

— Бранитесь, бранитесь, какъ хотите; эту пѣсню я уже двадцать пять лѣтъ слушаю,—проговорилъ, махнувъ рукою, Антонъ Федотычъ.

— Да вы хоть кого изъ терпѣнья выведете,—возразила Катерина Архиповна. — Не сидѣлось вамъ въ деревнѣ, въ Москву прискакали; на почтовыхъ, я думаю, ѣхали. Вотъ я посмотрю оброчный счетъ. Привезли ли счетъ-то по крайней мѣрѣ.

— Привезъ; сто рублей всего собрано.

— Знаю я васъ, милостивый государь, сто рублей; я впрочемъ усчитаю; хоть бы вы это разсудили, что я, для удовольствія чтоли живу здѣсь?

— Кто васъ знаетъ, зачѣмъ вы здѣсь живете.

— Какъ же,—для любовниковъ! посмотрите-ка, сколько ихъ въ пятьдесятъ-то лѣтъ завела. Скажите на милость: онѣ неслегка, зачѣмъ я здѣсь живу. Знаете ли, по крайней мѣрѣ, что у васъ въ Москвѣ тяжба. Это-то вы хоть знаете ли?

— Конечно знаю.

— Такъ чтоже-съ, вамъ чтоли мнѣ поручить хлопотать? фамилію свою хорошенько неумѣете подписать.

— Вы ужь очень учены; гдѣ намъ,—возразилъ Антонъ Федотычъ.

— Конечно лучше вашего все понимаю; какъ угорьлая тѣжу по добрымъ знакомымъ, да кланяюсь и прошу, чтобъ растолковали, да научили. Вотъ съ завтрашняго дня все вамъ передамъ; хлопочите, ходатайствуйте. Слава Богу, свой страпчій пріѣхалъ, можно успокоиться, обдѣлаетъ дѣло.

— Я военной человекъ, статскихъ дѣлъ незнаю.

— Скажите, какой воинъ, — ветеранъ заслуженный; много ли изволили ранъ получить? въ какихъ сраженіяхъ были?

— Ругайтесь, какъ хотите, ругайтесь, я ужь не стану и говорить, — произнесъ со вздохомъ Антонъ Федотычъ, и опять махнулъ ружьей.

— Ну, думала,—продолжала Катерина Архиповна:—пріѣхала въ Москву, наняла почище квартиру, думала, дѣло дѣломъ, а, можетъ быть, Богъ приведетъ и дочерей устроить. Вотъ тебѣ теперь и чистота; одними окурками засорить всѣ комнаты. Вотъ въ залѣ здѣсь съ своимъ прекраснымъ гардеробомъ расположится, принимай постороннихъ людей. Подумали ли вы хоть о гардеробѣ-то своемъ; вѣдь здѣсь столица, а не деревня; въ засаженномъ фракѣ—на васъ всѣ пальцемъ будутъ показывать.

— Что мнѣ гардеробъ-то; вѣдь, я не молоденькой,—возразилъ Антонъ Федотычъ.

— Да вы отецъ семейства; по вашей наружности будутъ судить и о прочихъ.

— Я сошью себѣ фракъ; всего сто рублей.

— Конечно, какъ вамъ не сшить, сто рублей для васъ пустяки. Въмѣсто того, чтобы жить въ деревнѣ, да сколачивать копейку, чтобы какъ нибудь, да поблагороднѣе поддерживать семейство, — не туго-то было: въ Москву прискакалъ, франтомъ хочетъ быть; мѣста онъ пріѣхалъ получать, вотъ, неуждно ли есть свободное: въ нашей будкѣ будочникъ померь.

— Ну, Богъ съ тобой; расписывай,—проговорилъ, уже потерявшій совсѣмъ терпѣніе, Антонъ Федотычъ, махнулъ рукой, вздохнулъ и вышелъ изъ комнаты на крыльцо.—Здѣсь я долженъ замѣтить, что всю предъидущую сцену между папенькой и маменькой, двѣ старшія дочери, Пашетъ и Анетъ, выслушивали весьма хладнокровно, какъ бы самый обыкновенный семейный разговоръ, и не принимали въ немъ ни какого участія; онъ сидѣли, поджавши руки: Анетъ поводила изъ стороны въ сторону свои большіе свѣрые глаза, взглядывая по временамъ, то на вѣтолокъ, то на сложенные свои руки; Пашетъ свои глаза не поводила, а держала ихъ постоянно устремленными на маменьку, или на лежавшій около нея бѣлый хлѣбъ, — доподлинно я не знаю; одна только Машетъ волновалась родительскою размолякою, или по крайней мѣрѣ ей было очень скучно.

Все, что ни говорила Катерина Архиповна своему супругу, все была самая горькая истина: онъ ничего не сдѣлалъ и не приобрѣлъ для своего семейства; дурно присматривалъ за рабочими; потому что, вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ работать, онъ начиналъ имъ, обыкновенно, рассказывать, какъ онъ служилъ въ полку, какія у него тогда были славныя лошади и тому подобное. Генерала онъ только видѣлъ, но тотъ ему ни слова не говорилъ объ мѣстѣ; но пріѣхалъ въ Москву единственно потому, что бывши въ одной холостой у казначея компаніи и выпивши нѣсколько рюмокъ водки, прихваснуль, что онъ на другой же день ѣдетъ къ своему семейству въ Москву, не сообразя, что въ числѣ посѣтителей былъ нѣкто Климовъ, его сосѣдъ, имѣвшій какую-то странную привычку ловить Антона Ѳедотыча на словахъ, а потомъ уличать его, что онъ не совсѣмъ правду сказалъ. Услышавши, что Ступицынъ возвѣстилъ о поѣздкѣ въ Москву, сосѣдъ не опустил случая и возгласилъ всеуслышаніе: «солгалъ, братъ Антоша, поѣдешь ты въ Москву.»—«Это ужъ предоставьте мнѣ лучше знать»,—возразилъ уклончиво Ступицынъ. «Опять повторяю при всей честной компаніи, не поѣдешь ты въ Москву»,—проговорилъ еще громче Климовъ.—«А вотъ увидимъ»,—отвѣчалъ опять уклончиво Ступицынъ.—«Нечего тутъ видѣть, а вотъ что»,—продолжалъ Климовъ: «ты сказалъ, что завтра поѣдешь; завтра, братъ, я самъ ѣду въ Москву, ѣдемъ виѣсть и вотъ пари: поѣдешь—моя дюжина шампанскаго, не поѣдешь—твоя!»—«Идетъ»,—отвѣчалъ Ступицынъ и тутъ же два сосѣда ударились по рукамъ. На другой-день Ступицынъ пораздумалъ, и уже рѣшился было потихоньку увѣхать въ деревню; но Климовъ пріѣхалъ къ нему со всей честной компаніей. Неѣхать значить надобно было ѣхать пари. «Что будетъ, то будетъ, лучше поѣду»,—подумалъ Антонъ Ѳедотычъ. Къ этому рѣшенію его еще болѣе подстрекали имѣвшіеся въ карманѣ сто рублей, привезенные было для отправления къ супругѣ.

Климовъ проигралъ: Антонъ Ѳедотычъ, сильно подгулявши, поѣхалъ съ нимъ въ Москву. Для большаго уясненія

характера этого человека, я долженъ сказать, что Ступицынъ вовсе не могъ быть отнесенъ къ тѣмъ непримичнымъ лгунамъ, которые несутъ, Богъ знаетъ, какую чушь, какъ, на примѣръ, мой пріятель Масуровъ; напротивъ того, онъ говорилъ весьма быточныя и обыкновенныя вещи, но только онъ съ нимъ не случались и не могли даже случаться. Судьба, или лучше сказать, Катерина Архиповна держала его, какъ говорится, въ ежовыхъ рукавицахъ; очень любя разсѣяніе, онъ жилъ постоянно въ деревнѣ и то безъ всякихъ комфортавъ, то-есть: ему никогда не давали водки выпить, что онъ очень любилъ, на томъ основаніи, что будто бы водка ему ужасно вредна; не всегда его снабжали табаккомъ, до котораго онъ былъ тоже страстный охотникъ; продовольствовали болѣе на молочномъ столѣ, тогда какъ онъ молока терпѣть не могъ, и наконецъ заставляли щеголять почти въ единственномъ фракѣ, спитомъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ шестнадцать тому назадъ. Всѣмъ этимъ лишеніямъ Антонъ Федотычъ покорялся терпѣливо и не предпринималъ ничего къ выходу изъ подобнаго положенія. Цѣлѣннымъ и единственнѣйшимъ его развлеченіемъ было то, что онъ, сидя въ своей комнатѣ, создавалъ различныя, пріятныя способы жизни, которыми бы онъ могъ пріятно жить; такъ, на примѣръ, въ одно холодное зимнее утро, на узарской тройкѣ, онъ ѣдетъ въ городъ, у него тысяча рублей въ карманѣ, онъ садится играть въ карты, проигрываетъ цѣлую ночь. На другой день зоветъ къ себѣ гостей; до пріѣзда еще ихъ выпиваетъ кряжкою очищенной водки. Друзья съѣзжаются, онъ угощаетъ ихъ, съ шампанскимъ и съ мороженымъ, превосходнымъ обѣдомъ; вечеромъ заставляетъ играть своихъ музыкантовъ, которыхъ у него тридцать человекъ. Пошаливши такимъ образомъ, на другой день принимается за дѣло: ходитъ по постройкамъ, а вечеромъ пишетъ письма въ Петербургъ, чтобы ему выслали четыре ящика вина, словомъ, живетъ на широкую руку Русскимъ баринномъ. Вся такого рода мечтанія такъ укоренились въ головѣ Ступицына, что онъ самъ начинать въ нихъ вѣрить, какъ въ дѣйствительность, и очень любилъ ихъ высказывать себѣ подобными ~~но~~ ~~увы!~~ эти себѣ подоб-

вые, если они хоть немного знали Антона Федотыча, не говоря уже о семейныхъ, эти себя подобныя обрѣзывали его на первомъ словѣ: «полно, братъ, врать, Антонъ Федотычъ,» «замоли вы, Антонъ Федотычъ.» Болѣе же деликатныя, особенно изъ дамъ, отходили отъ него, обыкновенно, въ самомъ началѣ разговора. Были и такіе проказники, которые говорили: «поври что-нибудь, Антонъ Федотычъ.» — «Сами извольте врать,» — отвѣчалъ добросердый Ступицынъ.

Катерина Архиповна была прекрасная семьянинка, потому что, несмотря на все неуваженіе къ мужу, котораго она считала самымъ пустымъ и несноснымъ человекомъ въ мірѣ, сохранила свою репутацію въ обществѣ, и, по возможности, старалась скрыть между посторонними людьми недостатки супруга; но когда онъ случался боленъ, то даже сама неусыпно ухаживала за нимъ; подвергая его разъ по пяти нотціямъ, она всегда относилась къ нему во второмъ лицѣ множественнаго числа, и прибавляла частичку: *сь*. Кроме того, надобно отдать ей честь, она была самая расчетливая и неутомимая хозяйка и добрая мать: при весьма ограниченныхъ средствахъ, она умѣла жить чистенько и одѣвала дочерей, хотя не богато, но, право, весьма прилично; двухъ старшихъ она любила такъ-себѣ, посредственно, но младшая была ея идолъ, для нея она готова была принести въ жертву двухъ старшихъ дочерей, мужа, все свое состояніе и самое себя. Надъ всеми и надъ всемъ она была госпожа въ домѣ, и только въ отношеніи Мари дѣлалась рабою и рабою безпрекословною. Постоянные хлопоты, по хозяйству, объ дѣтяхъ, вѣчная борьба съ нуждою, каждодневныя головомойки никуда негодному супругу, все это развило въ Катеринѣ Архиповнѣ желчное расположеніе, и значительно испортило ея характеръ; она брюжжала, обыкновенно, цѣлые дни, то на людей, то на дочерей, а главное на мужа. Двѣ старшія дочери, Пашеть и Анеть, очень любили новыя платья, молодыхъ мужчинъ, и питали самое страстное желаніе выйти поскорѣе замужъ; кроме того, онъ былъ очень завистливаго характера. Анеть, какъ и павенька, любила сказать красное слово; Пашеть же была очень молчалива и наследовала отъ

папеньки только сильный аппетитъ. Объ эти дѣвицы, были влюблены по нѣскольку разъ, хотя и не совсѣмъ съ успѣхомъ; маменьки онѣ боялись, слушались ее и уважали; въ слѣдствіе того, и въ отношеніи папненьки разделяли вполнѣ ея мнѣніе, то есть: считали его совершенно за нуль и только иногда относились къ нему съ жалобами на младшую Маншетъ, которую объ онѣ терпѣть не могли, потому что она была идоломъ маменьки, потому что ей шили лучшія платья, и у ней было уже до пятка жениховъ, тогда какъ имъ недосталось еще ни одного. Что касается до Мари, то она, по словамъ Катерины Архиповны, еще не сформировалась, была совершенный ребенокъ и нѣсколько мѣсяцевъ только перестала играть въ куклы и начала читать романы.

Антонъ Федотычъ, котораго мы оставили на крыльцѣ, все еще сидѣлъ тамъ и не входилъ въ комнату; средство это онѣ, особенно въ холодное время года, употреблялъ издавна, и всегда почти для себя съ успѣхомъ. Во первыхъ, уходя на крыльцо, онѣ удалялся отъ супруги; во вторыхъ, освѣжался на воздухъ отъ головнойки, и, наконецъ, въ третьихъ, возбуждалъ къ себѣ въ Катеринѣ Архиповнѣ участіе. Слустя четверть часа, она обыкновенно говорила: «что съумасшедшій-то тамъ стоитъ?—простудится еще: эй, дѣвочка, мальчикъ! подите, скажите барину, что онѣ тамъ стоитъ» Барину сказывали, и онѣ возвращался торжествующій и спокойный, потому что Катерина Архиповна послѣ этого, обыкновенно, его уже не журила и даже иногда говорила, чтобы онѣ выпилъ водки. Въ настоящее время Катерина Архиповна, видно, очень разсердилась; прошло уже болѣе четверти часа, какъ Ступицынъ сидѣлъ на рундучкѣ крыльца, а она не высмала; Антону Федотычу становилось очень холодно; единственный предметъ его развлеченія—луна скрылась за облаками. Вдругъ въ темнотѣ послышались шаги.

— Ахъ,—вскрикнулъ вслѣдъ за тѣмъ женскій голосъ.

— Ухъ, чертъ возьми,—произнесъ, съ своей стороны, Ступицынъ, схватившись за животъ, въ которой ударилась чья-то нога.

— Кто это?—повторилъ тотъ же голосъ.

— А ты кто?—спросилъ Ступицынъ.

— Я пришла къ знакомымъ мамъ,—сказалъ женскій голосъ;—вы здѣшній?

— Здѣшній. Кого вамъ надо?

— Катерины Архиповны.

— Жены моей?

— Вы супругъ Катерины Архиповны?

— Точно такъ.

— Ахъ, Боже мой, извините, я очень хорошая знакомая Катерины Архиповны. Честь имѣю рекомендоваться: Татьяна Ивановна Замшева.

— Позвольте и мнѣ, съ своей стороны, представиться: Антонъ Федотычъ Ступицынъ. Что мы здѣсь стоимъ? милости прошу!

Хозяинъ и гостя вошли въ залу, въ которой никого уже не было. Татьяна Ивановна и Антонъ Федотычъ смотрѣли нѣсколько времени другъ на друга съ некоторымъ удивленіемъ. Обоихъ ихъ поразили нѣкоторыя странности въ наружности другъ друга. Антону Федотычу кинулись въ глаза необыкновенныя рябины Татьяны Ивановны, а Татьяна Ивановна удивлялась клыкообразнымъ зубамъ и сырмъ на выкатъ глазамъ Ступицына. Оба простояли нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Могу ли я видѣть почтеннѣйшую Катерину Архиповну?—проговорила Татьяна Ивановна.

— Незнаю-съ; она тамъ у себя. Я сейчасъ спрошу,—отвѣчалъ Ступицынъ, и вышелъ. Къ супругъ впрочемъ онъ не пошелъ, но, постоявши нѣсколько времени въ темномъ корридорѣ, вернулся.

— Она чѣмъ-то занята, милости прошу садиться,—проговорилъ онъ, и, указавши гостя мѣсто, самъ сѣлъ на диванъ.

— По семейству, вѣроятно, соскучились и изволили прѣхать повидаться?—начала Татьяна Ивановна.

— Да, повидаться захотѣлось,—отвѣчалъ Антонъ Федотычъ;—раньше нельзя было; у меня нынче лѣтомъ былъ большія постройка; тысячь на шесть постройка.

— На шесть тысяч?

— Почти на шесть. Два скотных двора на каменных столбах — тысячи в двѣ каждый, да кухню новую построилъ въ пять сотъ рублей. Нельзя, знаете, усадьба требуетъ поддержекъ

— Безъ всякаго сомнѣнья; однако у васъ и усадьба должна быть отличная.

— Изрядная. Хлѣбопашество, главное дѣло, въ хорошемъ видѣ: рожь родится самъ-десять; это, не хвастаясь, можно сказать, что я устроилъ. Прежде бывало, какъ самъ-пять придетъ, такъ Бога благодарили.

— Скажите, чтѣ значитъ хозяйство.

— Хозяйство вещь важная, глубокомысленная въ тоже время, — сказалъ Ступицынъ.

— Нынче безъ ума нигдѣ нельзя, — замѣтила Татьяна Ивановна.

Разговоръ на нѣсколько минутъ остановился.

— Да это бы ничего, — началъ опять Ступицынъ; — за хозяйствомъ я бы не остановился, да балотировка была, такъ, знаете, нельзя.

— Вы изволили балотироваться?

— Нѣтъ, то есть меня очень просили въ предводители, да не могъ, — отказался.

— Отъ чего же это не захотѣли послужить?

— Нельзя-съ: семейныя обстоятельства; впрочемъ на одномъ обѣдѣ мнѣ очень выговаривали, — совѣстно, а дѣлать нечего.

— Конечно, Антонъ Федотычъ, въ семействѣ иногда и нехочешь, а дѣлаешь.

— Не иногда, а всегда. Вы имѣете дѣтей?

— Я дѣвица.

— А батюшка живъ?

— Померъ. Я живу одна — сиротой. Каковы дороги?

— Кажется, хороши: шоссе отличное, а проселковъ я почти и не замѣтилъ. У меня очень покойный экипажъ.

— Бричка върно?

— Нѣтъ, коляска, совершенная люлька; прочности необыкновенной, и, вообразите, я ее купилъ у сосѣда за полторы тысячи, и вотъ уже третій годъ ѣзжу, ни одинъ винтъ не повредился.

— Приятно въ такихъ экипажахъ ѣздить, — замѣтила Татьяна Ивановна, — вотъ мнѣ здѣсь случалось съ знакомыми ѣздить, такъ просто прелесть. Нынче, я думаю, этакихъ экипажей прочныхъ не дѣлаютъ.

— Есть и нынче, только дороги. Нынче, впрочемъ, все вздорожало. Вотъ, хоть бы взять съ поваровъ: я платилъ въ Англійскомъ клубѣ за выучку повара по триста рублей въ годъ; за три года, вѣдь, это девять-сотъ рублей.

— Легко сказать: девять-сотъ рублей! впрочемъ, я думаю, и поваръ вышелъ отличный.

— Безподобный. Онъ у насъ теперь въ деревнѣ; такъ вотъ бѣда: захочешь иногда этакой для знакомыхъ сдѣлать объѣдецъ, закажешь ему; придетъ, — ваша воля, говорить, я не могу: запасовъ нѣтъ. Мы думаемъ его сюда привезти. Вотъ здѣсь онъ покажетъ себя; милости прошу тогда къ намъ отобѣдать.

— Покорнѣйше васъ благодарю, я ужъ и такъ много обласкана вниманіемъ Катерины Архиповны. А я заговори-лась и не спросила: здоровы ли Прасковья Антоновна, Анна Антоновна и Марья Антоновна?

— Слава Богу; я, признаться сказать, очень радъ, что онъ сюда переехали, а то въ деревнѣ отъ жениховъ отбою нѣтъ.

— Ну, этимъ для родителей тяготиться нечего.

— Даша! — слышался голосъ Катерины Архиповны, — гдѣ баринъ?

— Въ залѣ, съ Татьяной Ивановной разговариваютъ, — отвѣчала горничная.

— Теперь, я думаю, можно къ Катеринѣ Архиповнѣ? — спросила гостья.

— Можно, я думаю, — отвѣчалъ Антошъ Федотычъ, остановленный голосомъ супруги.

Татьяна Ивановна ушла. Антонъ Федотычъ сидѣлъ нѣсколько минутъ въ какомъ-то пріятномъ довольствѣ отъ того, что успѣлъ себя показать новому лицу и еще дамѣ. Пресидѣвши нѣсколько времени, онъ вдругъ всталъ, осмотрѣлъ всю комнату и вынулъ изъ-подъ жилета висѣвшій на шеѣ ключъ, которымъ, со всевозможною осторожностію, отперъ свой дорожный ларецъ, и, вынувши оттуда графинъ съ водкою, выпилъ торопливо изъ него почти половину и, съ тѣмъ же предосторожностями, заперъ ларецъ, и спряталъ ключъ, а потомъ, закуривши трубку, какъ ни въ чемъ не бывало, усвѣлся на прежнемъ мѣстѣ.

Подобнаго рода контрабанду Антонъ Федотычъ употреблялъ въ своей безотрадной жизни при всякомъ удобномъ случаѣ, то есть когда у него случалось хоть сколько-нибудь денегъ. Для этой собственно цѣли имѣлъ онъ особую шкатулку, которую тщательно запиралъ и никому не показывалъ, что въ ней хранится.

Татьяна Ивановна, пришедши къ хозяйкѣ которая со всѣми своими дочерьми сидѣла въ спальнѣ, тотчасъ же разсыпалась въ разговорахъ: поздравила всѣхъ съ пріездомъ Антона Федотыча, засвидѣтельствовала почтеніе отъ Хозарова, и за тѣмъ начала рассказывать, какъ ее однажды, когда она шла отъ одной знакомой вечеромъ, остановили двое мужчинъ, и такъ ее напугали, что она послѣ недѣли двѣ была больна горячкою, а потомъ принялась въ этомъ же родѣ за разные анекдоты: описала несчастіе одной ея знакомой, на которую тоже вечеромъ кинулись изъ одного купеческаго дома двѣ собаки, и укусили ей ногу; рассказала объ одномъ, знакомомъ ей мужчинѣ — молодцѣ и смѣльчакѣ, котораго ночью мощенники схватили на площади и раздѣли донага.

— Ахъ, какіе вы ужасы рассказываете, — сказала Катерина Архиповна

— Какъ же вы отъ насъ пойдете? — замѣтила Маря.

— А какъ Богъ приведетъ; признаться сказать, очень потрушнваю, да ужъ повидаться очень хотѣлось, — отвѣчала Замшева.

— Вы извозчика возьмите, — сказала хозяйка.

— Ай, нѣтъ, Катерина Архиповна, ни за что въ свѣтъ, — возразила гостья, и здѣсь рассказала происшествіе, случившееся съ одною какой-то важною дамою, которая ѣхала домой на извозчикѣ, и которую не только обрали, но даже завезли въ такой домъ, о которомъ она прежде и понятія не имѣла. Послѣ этого разсказа ужасъ овладѣлъ всеми дамами.

— Хорошо, что мы никогда на извозникахъ не ѣдимъ, — сказала мать.

— Когда мы выѣзжаемъ, — прибавила она, обращаясь къ Татьянѣ Ивановнѣ, — то знакомые, обыкновенно, на своихъ лошадяхъ насъ возятъ.

— Мамаша! Татьяну Ивановну, пожалуй, оберутъ, — сказала Мари, принимавшая больше всѣхъ участія въ гостяхъ; она бы у насъ ночевала.

— Въ самомъ дѣлѣ ночуйте у насъ, проговорила хозяйка, — да только гдѣ?

— У меня въ комнатѣ, — отвѣчала Машетъ.

— Ахъ, Боже мой, что вы беспокоитесь; мнѣ право очень совѣстно, что доставляю столько хлопотъ, — отвѣчала жеманно Татьяна Ивановна. — Какой у васъ ангельской доброты Марья Антоновна! — прибавила въ полголоса она Катеринѣ Архиповнѣ.

— Очень добра, — отвѣчала мать, съ удовольствіемъ глядя на дочь; — вы ночуете въ ея комнатѣ; у ней наверху особый кабинетчикъ.

— Ночую, Катерина Архиповна, — отвѣчала Татьяна Ивановна; — я очень боюсь идти.

Передъ ужиномъ Антонъ Федотычъ вошелъ наконецъ въ комнату жены и усѣлся на отдаленное кресло. Впрочемъ онъ ничего не говорилъ, и, только облизываясь языкомъ, весело на всѣхъ посматривалъ. Завѣтный ящикъ еще разъ имъ былъ отпертъ.

— Что это глаза у васъ какіе странные, — замѣтила Катерина Архиповна.

— Вѣтромъ надуло, — отвѣчалъ Антонъ Федотычъ.

За ужиномъ Катерина Архиповна ничего не ѣла, потому что все еще была разстроена. Машетъ отучили ужинать

въ пансіонѣ; Анетъ никогда не имѣла аппетита, а Татьяна Ивановна отказывалась изъ деликатности. Одна только Пашетъ съ папенькой ратоборствовала: они съѣли весь почти супъ, соусъ, жареное и покончили даже хлѣбъ и огурцы. Послѣ ужина барышни и Татьяна Ивановна, простившись съ хозяевами, отправились на верхъ. Антону Федотычу, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, повелѣно было спать въ залѣ на диванѣ, съ строжайшимъ запрещеніемъ сорить. Пашетъ и Анетъ, не простившись съ сестрою, ушли къ себѣ на верхъ въ общую ихъ спальню. Татьянѣ Ивановнѣ было постлано въ кабинетъ Мари на кушеткѣ. Гостя за причиненныя хлопоты еще разъ извинилась передъ Катериною Архиповною, которая не утерпѣла и пришла поцѣловать и перекрестить своего идола.

— Ахъ, какія вы, Марья Антоновна, хорошенькія, — сказала Татьяна Ивановна, когда дѣвушка раздѣлась. Та, улыбувшись, прыгнула въ постель и начала укутываться въ теплое одѣяло.

— Я къ вамъ съ порученіемъ, — начала Татьяна Ивановна, подошедши къ кровати. — Я принесла вамъ отъ Сергѣя Петровича дневникъ, который вы просили, — прибавила она, подавая конвертъ.

Мари сначала съ какимъ-то испугомъ взглянула на посредницу, а потомъ, вся вспыхнувши, схватила пакетъ и спрятала его подъ подушки.

Татьяна Ивановна хотѣла было говорить, но Мари показала ей на сосѣднюю комнату сестеръ, и положила въ знакъ молчанія пальчикъ къ губамъ. Татьяна Ивановна поняла, что это значитъ; она кивнула головой, отошла отъ кровати и улеглась на своемъ ложѣ. Прошло болѣе часа въ совершенномъ молчаніи. Татьянѣ Ивановнѣ показалось, что Мари заснула, ее самое началъ сильно склонить сонъ. Вдругъ видить, что дѣвушка, потихоньку вставши съ постели, начала прислушиваться; Татьяна Ивановна захрапѣла. Мари, видно, этого и поджидавшая, потихоньку встала съ постели, вынула изъ-подъ подушекъ дневникъ и на цыпочкахъ подошла къ лампадѣ. Дрожащими руками она распечатала па-

кетъ, поцѣловала тетрадку и быстро начала читать. Съ каждою строчкою волненіе ея увеличивалось; щеки ея то блѣднѣли, то горѣли яркимъ румянцемъ. Она, кажется, готова была заплакать. Дочитавши до конца, она схватила себя за голову и потомъ снова начала перечитывать, въ срединѣ тетрадки, и именно на томъ самомъ мѣстѣ, какъ могла замѣтить Татьяна Ивановна, гдѣ были написаны знакомые намъ стихи, она еще разъ поцѣловала листокъ. Прочитавши другой разъ, дѣвушка опять на цыпочкахъ подошла къ своей кровати, и улеглась въ постель; но не прошло четверти часа, она снова встала, и принялась будить Татьяну Ивановну, которая, будто съ просонья, открыла глаза.

— Возьмите, сказала шепотомъ Мари, подавая ей тетрадку.

— А что же?—спросила Татьяна Ивановна.

— Здѣсь сестрицы найдутъ.

— Да вы сами-то напишите ему что-нибудь.

— Не могу.

— Такъ что же мнѣ ему сказать?

— Скажите, что мерсі.

Проговоря это, дѣвушка сунула дневникъ подъ подушку Татьяны Ивановны, и тотчасъ же улеглась въ постель.

— Какая миленькая и умненькая дѣвушка, — проговорила сама съ собою Татьяна Ивановна, и совершенно осталась довольна своимъ успѣхомъ; она все видѣла и все очень хорошо поняла.

Возвратившись домой раннимъ утромъ, дѣвица Замшева тотчасъ же разбудила своего милашку Сергѣя Петровича, и пересказала ему все до малѣйшей подробности и даже съ нѣкоторыми прибавленіями.

(До слѣд. кнѣи.)

ВОСПОМИНАНИЕ О СЛУЖБѢ НА КАВКАЗѢ.

Отрывокъ изъ записокъ офицера, служившаго въ Кавказскомъ корпусѣ
подъ начальствомъ Генерала Ермолова.

Послѣ блистательной побѣды на берегахъ рѣки Макаса, послѣдствіемъ коей было покореніе самаго сильнѣйшаго во всемъ Дагестанѣ и воинственнаго народа Акушинскаго, былъ я командированъ, по должности моей офицера Генеральнаго Штаба, для съемки дороги отъ главнаго города всей области Акуши до большаго и многочисленнаго селенія Мокагу и оттуда далѣе до селенія Губдена, принадлежащаго Шахмату Тарковскому, гдѣ мнѣ и предлежало присоединиться къ отряду, находившемуся подъ личнымъ начальствомъ самого командира Кавказскаго Корпуса Генерала Ермолова, на обратномъ пути отряда изъ Акуши на Кавказскую линію.

Конвой мой состоялъ изъ одного бывшаго при мнѣ козака, переводчика и проводника. — Правду сказать, проѣхать довольно большое разстояніе по неизвѣстнымъ мѣстамъ, между дикимъ, хищнымъ народомъ, недавно только покорившимся не добровольно, а послѣ упорнаго сопротивленія, не совсемъ было безопасно съ конвоемъ изъ трехъ человекъ, изъ числа которыхъ могъ я, со всею благонадежностію, положить только на одного козака; но нечего было долго разсуждать. *Алексій Петровичъ приказалъ, Алексій Петровичъ послалъ,* и безотлагательное исполненіе было всегдашнимъ послѣдствіемъ его приказаній въ Кавказскомъ корпусѣ; я нисколько не задумался о томъ, что конвой мой состоитъ изъ трехъ человекъ, притомъ же мнѣ было всего только 40 лѣтъ. Я выслушалъ словесное приказаніе и наставленіе

отъ самого главнаго начальника о всѣхъ подробностяхъ возлагаемаго на меня порученія, вскочилъ на своего коня, и окруженный многочисленнымъ конвоемъ моимъ, съ веселымъ и безпечнымъ духомъ, свойственнымъ молодости, полетѣлъ исполнять сдѣланное мнѣ порученіе.

На всемъ пространствѣ предлежавшаго мнѣ пути производилъ я съемку, такъ какъ бы среди отечества своего; много встрѣчалось мнѣ жителей, они останавливались и съ изумленіемъ смотрѣли на меня, сидящаго на конѣ, съ бумагою и карандашемъ; а иногда одного пышкомъ, въ некоторомъ отдаленіи отъ своего конвоя, но никакихъ непріязненныхъ движеній и дѣйствій съ ихъ стороны не было; они вѣроятно не понимали, для чего и почему карандашъ и бумага у меня въ рукахъ, и что именно я замѣчаю, останавливаясь на мѣстѣ, или мѣряя шагами.

Такимъ образомъ, безъ всякихъ препятствій и приключеній, дохалъ я до селенія Макагу; тутъ надобно было мнѣ остановиться и произвести съемку мѣстнаго положенія селенія и окрестностей, но при самомъ въѣздѣ услышалъ крики, вопли и стоны; слѣдуя далѣе по селенію, увидѣлъ я большую толпу, собравшуюся у одного дома; почти у всѣхъ лбы были разрезаны кремнями и лица ихъ были окровавлены. Переводчикъ изъяснилъ мнѣ, что обычай въ здѣшной сторонѣ изъясляютъ такимъ образомъ душевную скорбь о смерти любимыхъ и близкихъ людей, окончившихъ жизнь отъ рукъ враговъ своихъ, и что окровавленные лица означаютъ клятву отмстить врагу и пролить кровь его за кровь любимаго ими чловѣка.

Я не останавливался ни секунды подлѣ этой толпы, и, продолжая далѣе путь мой по той же улицѣ, поручилъ проводнику узнать о причинѣ печальнаго скопища; посланный мой скоро догналъ меня и объявилъ, что вся толпа составлена изъ родственниковъ оплакиваемаго, только-что умершаго здѣшняго Кадія.

Это совсѣмъ не шутка, подумалъ я: умершій Кадій былъ самый упорный мятежникъ, онъ болѣе всѣхъ возбуж-

далъ Акушинцовъ не покорятся Россіи, соединиться и вооруженною силою сопротивляться намъ.—Я вспомнилъ, что послѣ совершеннаго пораженія на рѣкѣ Макасъ и взятія нами, съ величайшими усиліями, одинъ за другимъ, семи укрѣпленій, устроенныхъ въ ущеліяхъ и утесахъ, всѣ сопротивлявшіеся намъ Акушинцы разбѣжались, а мы, продолжая уже безпрепятственно слѣдованіе наше къ городу Акуши, узнали, что на встрѣчу къ намъ высланы всѣ старшины въ числѣ ста пятидесяти человѣкъ; между ими былъ и умершій здѣшній Кадій. Я былъ личнымъ свидѣтелемъ тому, что этотъ Кадій вышелъ впередъ всѣхъ, и остановившись въ недалекомъ разстояніи отъ Корпуснаго Командира, началъ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ говорить, что одержанная нами побѣда ничтожна, и что хотя потеря съ ихъ стороны довольно значительна, но для цѣлаго народа, извѣстнаго храбростію и воинственнымъ духомъ своимъ, полученная нами временная поверхность ничего не значить, что у нихъ осталось еще много войска и они могутъ не только прогнать Русскихъ, но и истребить всѣхъ до послѣдняго. — «Взгляни!» продолжалъ онъ, указывая на узкія тропинки по горамъ, — «вспомни, что это тѣ самыя мѣста, на которыхъ была разсѣяна, разбита и совсѣмъ уничтожена предками нашими, въ десять разъ могущественнѣе Русскаго Государя многочисленная армія Надиръ-Шаха, который самъ избавился отъ смерти поспѣшнымъ бѣгствомъ: такъ можетъ ли послѣ того горсть Русскихъ покорить и предписать намъ законъ?» — Глаза его блистали отъ ярости. Я былъ въ это время ближе всѣхъ къ Генералу, и опасаясь, чтобы фанатикъ, въ изступленіи своемъ отъ ярости, не бросился на него съ кинжаломъ, приготовился встрѣтить его при первомъ малѣйшемъ движеніи, и не спускалъ съ него глазъ, держа въ рукъ пистолетъ съ взведеннымъ куркомъ; многіе изъ окружавшихъ Генерала обнажили было свои сабли, но онъ удержалъ насъ, и съ величественною, грозною осанкою своею, опершись на саблю, выслушалъ его хладнокровно, смотрѣвши прямо ему въ глаза; когда же онъ умолкнулъ, то обращаясь къ прочимъ старшинамъ, приказалъ имъ обезоружить его и взять подъ стражу,

что и было ими тотчасъ безпрекословно исполнено; потомъ Генералъ объяснилъ мнѣ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ всю важность преступленія безумца, позволившаго себѣ оскорблять священное имя Императора обширнаго, могущественнаго Государства, при вѣрноподанныхъ его и въ присутствіи главнаго Начальника надъ здѣшнею страной; потомъ онъ настоятельно потребовалъ, чтобы этотъ дерзкій мятежникъ былъ тотчасъ ими же самими осужденъ и наказанъ. — Судъ старшинъ не долго продолжался; они сами объявили Генералу, что онъ болѣе всѣхъ причиною бѣдствій, претерпѣнныхъ соотечественниками ихъ, что онъ возбуждалъ злонамѣренными внушеніями своими къ сопротивленію и непокорности; послѣ того они схватили его, разложили на землю и такъ жестоко отодрали бывшими въ рукахъ ихъ нагайками, что онъ не могъ самъ встать; его подняли, кое-какъ усадили на лошадь и отправили домой, то есть въ здѣшнее селеніе. — Очень вѣроятно, подумалъ я, что смерть его была послѣдствіемъ претерпѣннаго имъ жестокаго наказанія, и что родственники его, должно быть, чрезвычайно ожесточились противъ Русскихъ, потому что онъ былъ подвергнутъ наказанію по настоятельному требованію нашего главнаго Начальника; извѣстно мнѣ было также и то, что духъ мщенія есть отличительная черта характера Кавказскихъ Горскихъ народовъ, словомъ: я увидѣлъ, что пріѣздъ мой былъ не весьма въ благопріятное время, и что вообще положеніе мое не совсѣмъ завидно; но какъ быть, мнѣ предстояло *bonne mine au mauvais jeu* (имѣть веселое лице при дурной игрѣ). Я сказалъ спутникамъ моимъ, козаку и переводчику, что хотя и попались мы, какъ кажется, въ порядочную западню, но не надобно показывать никакой боязни, ѣхать нашимъ путемъ точно также, какъ и прежде, но что ежели нападутъ на насъ, то не забывать, что мы имѣемъ честь принадлежать къ Кавказскому Корпусу, и должны защищаться до послѣдней капли крови.

Такимъ образомъ проѣхали мы по узкой улицѣ шагомъ, мимо толпы, среди ихъ стоновъ, плача и воплей, и слѣдовали далѣе на довольно большое разстояніе къ площади; изъ никто не останавливалъ и ни какихъ непріязненныхъ

дѣйствию, не было замѣтно. — Вотъ убѣдительное доказательство, — подумалъ я, — до какой степени одержанная нами побѣда и покореніе главнаго ихъ города распространили страхъ по всей области. Однакожь жители, предупрежденные вѣроломно о нашемъ прибытіи, собрались, съ ногъ до головы вооруженные, на площади. Болѣе тысячи человекъ нашель я на этой площади. День былъ довольно холодный; на плечахъ у нихъ, кромѣ обыкновеннаго Дагестанскаго одѣянiя, были накинуты овчинныя шубы, очень похожія покроємъ своимъ на наши старинныя медвѣжьи винчуры, съ круглыми большими воротниками; эти шубы изъ овчины, нѣкоторыя какъ онегъ бѣлыя, другія какъ смоль черныя, съ длиннымъ верхкомъ въ три или четыре шерстью, вышущаюся правильными коспчками, накинутыя на плеча вооруженныхъ горцевъ, еще болѣе выставляли ихъ выразительныя лица, и придавали имъ что-то зѣвское.

Всѣ смотрѣли на меня съ удивленіемъ и ожидали, какъ я имѣлъ все право предполагать, чтобы я объяснилъ имъ причину моего появленiя. Надобно не робѣть, а дѣйствовать, сообразно съ обстоятельствами, подумалъ я, и сказалъ, чрезъ переводчика, стоявшимъ впереди прочихъ на дорогѣ моей, чтобы они пропустили меня; я въѣхалъ далѣе по площади, и остановившись по срединѣ окружавшей меня толпы, приказалъ переводчику переводить мои слова: — «Главный нашъ «Начальникъ,» — сказалъ я, — «принявъ присягу отъ всего Акушинскаго народа быть вѣроподданными Великаго нашего «Императора, прислалъ меня къ вамъ не такъ, какъ бывшаго вѣ-«шего непріятеля, а какъ сотоварища и соотечественника одного «Государства. Главный нашъ Начальникъ Генералъ Ермоловъ «увѣренъ въ томъ, что вы примете меня также дружески, «какъ и мы Русскіе готовы принять каждаго изъ васъ. Гене-«ралъ Ермоловъ (я нарочно повторилъ часто его фамилію, по-«тому что она между Горскими народами была очень известна, и одно имя его приводило въ страхъ каждаго изъ нихъ): «поручилъ мнѣ объявить вамъ, что дотѣхъ поръ, пока вы не нарушите «присяги и будете исполнять вполнѣ обязанности вѣропод-«данныхъ великаго и могущественнаго нашего Императора,

«то онъ не только будетъ ограждать права ваши, но всѣми силами будетъ содѣйствовать къ вашему благосостоянію, а вы сами знаете, что Генералъ Ермоловъ всегда въ точности исполняетъ свои обѣщанія. Сопротивленіе и непокорность ваша Русскому Государю до сего времени происходили отъ того, что вы не имѣли понятія о величій и могуществѣ великаго нашего Императора. На неизмѣримомъ пространствѣ земли Русской болѣе 60 милліоновъ разнородныхъ народовъ благоденствуютъ подъ кроткимъ, милостивымъ и милосердымъ Его скипетромъ. Онъ страшень только мятежникамъ и врагамъ своимъ».

Тутъ я остановился и приказалъ переводчику моему спросить у нихъ, доходили ли къ нимъ слухи о бывшемъ Императорѣ Наполеонѣ. Они отвѣчали, что слышали объ немъ.— «Слѣдовательно вамъ должно быть также извѣстно и то, — продолжалъ я, — что Наполеонъ, покоривъ почти всѣ государства цѣлой Европы, вторгнулся въ Россію съ арміею болѣе полумилліона, составленною изъ 20 разныхъ народовъ; но какое было послѣдствіе дерзкаго его покушенія, поколебать могущественную, великую Россію: вся армія его была совершенно истреблена, самъ Наполеонъ лишился престола, столица его, называемая Парижъ, была покорена и обязана сохраненіемъ своимъ единственно только великодушію нашего милосердаго Императора.—Такъ Царь Русскій караетъ своихъ враговъ.—Я желаю, чтобъ разсказъ мой, основанный на строжайшей истинѣ о паденіи Наполеона и истребленіи многочисленнаго его воинства, утверждалъ бы вашу преданность къ Россіи, и заставилъ бы cadaго изъ васъ точно также, какъ и всякаго изъ насъ, гордиться наименованіемъ вѣрно-подданнаго могущественнѣйшаго во всей вселенной Русскаго Императора.»

Они слушали меня съ безмолвнымъ вниманіемъ, и когда я, окончивъ импровизированную рѣчь мою, сказалъ имъ о намѣреніи моемъ ѣхать къ вновь избранному ими Кадію, для объявленія ему нѣкоторыхъ приказаній главнаго нашего начальника Генерала Ермолова; то они посторонились, очистили

мнѣ дорогу, и стоявшіе впередъ прочихъ сказали мнѣ даже нѣсколько привѣтствій.

Кадій, предупрежденный, какъ видно было, о намѣреніи моемъ вѣхать къ нему, вышелъ самъ на встрѣчу ко мнѣ за ворота своего дома, поздравилъ меня съ благополучнымъ пріездомъ, и держалъ стремя, когда я слѣзалъ съ лошади. Потомъ повелъ въ опрятную чистую *кунатскую* (гостиную) комнату, гдѣ въ каминѣ пылалъ огонь, очень пріятный на то время. Все оружіе мое, по обычаямъ страны своей, принялъ онъ отъ меня, обтеръ его и повѣсилъ на деревянные гвозди на стѣнѣ противъ меня, а самъ тотчасъ вышелъ изъ комнаты, и чрезъ нѣсколько минутъ опять возвратился, неся съ большимъ трудомъ на рукахъ своихъ огромнаго тучнаго барана, какого едва ли когда-либо сочныя, питательныя травы Кавказскихъ горъ откармливали. Хозяинъ мой, по мѣстнымъ обычаямъ своимъ, спросилъ у меня, нравится ли мнѣ этотъ баранъ, годится ли онъ для моего стола, и позволю ли я готовить изъ него обѣдъ для меня. Я поблагодарилъ его и извинялся въ томъ, что надѣлалъ ему пріездомъ моимъ такъ много хлопотъ и безпокойствъ.—На комплименты мои и онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему не только нѣтъ ни какого безпокойства, но что онъ за большую честь себѣ поставляетъ успокоить и угостить меня.

Замѣтивъ, подъѣзжая къ дому Кадія, что онъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго видно все селеніе, я рѣшился воспользоваться свободнымъ временемъ въ ожиданіи обѣда, и отправился тотчасъ на плоскую (по общему обычаю въ той сторонѣ) крышу дома моего хозяина. Съ этой крыши представилась мнѣ удобность снять на плапъ всѣ улицы, площади въ селеніи и окрестное мѣстоположеніе. Народъ продолжалъ толпиться на площади и въ особенности на улицѣ около дома Кадія; замѣтно было, что смотрятъ на меня съ бумагою и карандашемъ въ рукахъ съ какою-то недовѣрчивостію, но я уже познакомился съ ними, испыталъ какъ надобно дѣйствовать, и не обращая ни какого на нихъ вниманія, преспокойно продолжалъ и окончилъ мое

дѣло. Макагу можно уподобить нашему уездному городу; въ немъ было до тысячи домовъ и большое народонаселеніе.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ комнату, накрыли салфетку на коврѣ и принесли огромный деревянный лотокъ съ разными блюдами; представленныя мнѣ кушанья были не совсѣмъ вкусны для нашего брата Русскаго; одинъ только шашлыкъ понравился мнѣ, и я ѣлъ его съ большимъ аппетитомъ (небольшіе куски бараньяго мяса, жаренаго на вертелѣ и на всякой палочкѣ и шомполѣ, называются шашлыкѣ); это самое вкусное и роскошное кушанье для военнаго чловѣка на Кавказѣ.

Между тѣмъ время шло, день склонялся къ вечеру, ѣхать мнѣ въ дальнѣйшій путь было невозможно. Я рѣшился ночевать у Кадія и просилъ его сдѣлать распоряженіе о назначеніи мнѣ двухъ или трехъ проводниковъ, предупредивъ его, чтобы они были готовы утромъ какъ можно ранѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ ему приказаніе Главнокомандующаго, чтобы и онъ самъ немедленно явился къ нему.

Весь вечеръ бесѣдовалъ я съ моимъ хозяиномъ; мы сидѣли вмѣстѣ съ нимъ у камина. Онъ былъ чловѣкъ среднихъ лѣтъ и отъ природы весьма умный и смѣшленный; съ большимъ любопытствомъ я разспрашивалъ у него, разумѣется чрезъ переводчика, о всѣхъ подробностяхъ, касающихся до его родины, о ихъ правленіи, нравахъ, обычаяхъ, промышленности, земледѣліи и проч. и проч. Всѣ отвѣты его были вполне удовлетворительны; потомъ онъ самъ обратился ко мнѣ съ своими разспросами; я рассказалъ ему о гигантской обширности и о постепенномъ распространеніи владѣній Россіи, о множествѣ разнородныхъ народовъ, повинующихся самодержавной власти великаго и могущественнаго нашего Императора, о составѣ и многочисленности нашихъ армій, о храбрости и геройскомъ духѣ Русскихъ воиновъ, изумляющихъ всю вселенную.—Я говорилъ съ Азіатцемъ и призналъ нужнымъ изъясняться съ нимъ нѣсколько кудрявыми и цвѣтистыми словами; къ довершенію же представленной мною ему картины величія Россіи, сказалъ я ему,

что онъ самъ долженъ согласиться въ томъ, что все наро-
донаселеніе Акушинской области есть горсть, а земля ихъ
точка, почти незамѣтная, въ нашемъ государствѣ.

Кадій слушалъ меня со вниманіемъ, и когда я окончилъ
мой рассказъ, задумался, снялъ свою шапку, и признался, что
распространенные между ними слухи о Россіи совершенно
противоположны тому, что я говорилъ. Насъ увѣрили, ска-
завъ онъ, что Россія самое слабое и ничтожное государство;
потомъ, помолчавъ еще недолго, спросилъ очень серьезно,
смотрѣвши мнѣ прямо въ глаза, точно ли говорилъ я ему
всю правду, и не нарочно ли преувеличилъ, чтобы оболь-
стить и обмануть его. — Я еще повторилъ, что все сказан-
ное мною есть совершенная, строжайшая истина, а чтобы,
какъ ему самому, такъ и всему ихъ народу имѣть настоя-
щее понятіе о величій и могуществѣ Россіи, то совѣто-
валъ я ему испросить у главнаго начальника нашего позво-
леніе, послать избранныхъ имъ самимъ довѣренныхъ людей
осмотрѣть только самую малую часть Россіи, то есть про-
ѣхать изъ Акуши до Москвы и оттуда далѣе до Петербурга;
по возвращеніи ихъ вы все увѣритесь, что рассказанное мною
совершенно справедливо, и подтвержденіе моихъ словъ —
прибавилъ я — убѣдить Акушинскій народъ какъ въ величій
и силѣ Русскаго Императора, также и въ томъ, что мятеж-
ническія, злонамѣренныя внушенія сопротивляться намъ мо-
гутъ подвергнуть родину ихъ неминуемой гибели.

Тѣмъ окончилась продолжительная наша бесѣда съ
Кадіемъ; я бросился на приготовленный для меня мягкій
пуховикъ, набитый овечью шерстью, и вскоре, отъ утомленія
и душевнаго волненія въ продолженіи всего дня, крѣпко
заснулъ; однакожь на самомъ разсвѣтѣ всталъ и велѣлъ
сѣдлать коней нашихъ. Хозяинъ тотчасъ явился пожелать
мнѣ добраго утра, провожалъ за ворота дома своего, и не
смотря на убѣжденія мои не безноковаться и не перемониться
со мною, самъ подвелъ лошадь мою, и держалъ стремя,
когда я сѣдлся.

Взглянувъ на назначенныхъ мнѣ проводниковъ, ожидавшихъ уже меня на коняхъ своихъ, увидѣлъ я, что вмѣсто двухъ, какъ я просилъ, ихъ было шесть человекъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Одинъ изъ нихъ небольшого роста, плечистый, съ безобразною, звѣрскою физиогноміею закоренѣлаго разбойника, поразилъ меня; я хотѣлъ отъ него избавиться, какъ отъ человека невольно вселяющаго къ себѣ отвращеніе, и обратился къ Кадію, который въ то время также садился на своего коня, чтобы ѣхать къ нашему главному Начальнику. Я сказалъ ему, что мнѣ нужно всего только два проводника, и что остальныхъ четырехъ прошу его отпустить домой; онъ отвѣчалъ мнѣ, что шесть человекъ назначено имъ для почести моей, и что онъ съ своей стороны также проситъ меня не нарушать ихъ обычая.

Очень не хотѣлось мнѣ пускаться въ путь по неизвѣстнымъ мѣстамъ, по горамъ и ущелиямъ, въ сопровожденіи шестерыхъ новыхъ пріятелей, къ которымъ я не могъ имѣть ни какой довѣренности; слѣдовательно по числу ихъ вдвое болѣе противъ моего конвоя, предстояло мнѣ находиться во время пути въ нѣкоторой весьма непріятной отъ нихъ зависимости; но Кадій настоятельно убѣждалъ взять съ собою всѣхъ назначенныхъ имъ для меня проводниковъ, и я, не желая показать моей къ нему недовѣрчивости и подозрѣнія, простился съ нимъ, толкнулъ ногами быстрого коня своего и помчался вдоль улицы, ведущей къ выѣзду изъ селенія.

Прѣхавъ нѣсколько верстъ, продолжая мою съемку, услышалъ я сзади себя весьма громкій и жаркій разговоръ; обратясь назадъ и увидѣвъ отвратительнаго моего проводника, говорящаго съ какимъ-то изступленіемъ съ переводчикомъ, я тотчасъ подъѣхалъ къ нимъ, и бросилъ грозный, выразительный взглядъ на проводника; онъ умышленно и потушилъ глаза. — Переводчикъ, по сдѣланному ему мною знаку, приблизился ко мнѣ; мы поехали съ нимъ впередъ, и на вопросъ мой, о чемъ съ такимъ жаромъ говорилъ ему отвратительный нашъ проводникъ, отвѣчалъ мнѣ съ види-

мымъ на лицѣ безпокойствомъ , что онъ почитаетъ и его и всѣхъ его товарищей людьми опасными, замѣшляющими погубить насъ. Я не слишкомъ повѣрилъ заключенію его , и приказалъ разсказать мнѣ отъ слова и до слова разговоръ ихъ. «Этотъ разбойникъ говоритъ, что сильная Акушинская земля ихъ покорена не горстью пришедшихъ къ нимъ Русскихъ, которыхъ бы они могли закидать шапками, а какимъ-то непонятнымъ страхомъ , обулвшихъ храбрыхъ ихъ воиновъ, и что хотя недавно покорены они Русскими, но что они уже почитаютъ унижительнымъ для себя срамомъ носить иго ихъ. Стоитъ только одному изъ насъ,—продолжалъ онъ,—подать первый примѣръ , и весь народъ—съ благодарностію послѣдуетъ за нимъ , опять оживится бодрость ихъ духа, и Русскимъ уже никогда не удастся побѣдить и вновь ихъ покорить; а каково мнѣ,—прибавилъ онъ,—смотреть на эти мѣста, гдѣ я убилъ одиннадцать человекъ, а теперь только трое Русскихъ ѣдутъ здѣсь, какъ властельны, и я нахожусь въ числѣ ихъ служителей; потомъ, постепенно горячась, сказалъ онъ: нѣтъ, не достанетъ у меня терпѣнія смотреть на все это хладнокровно и не отмстить кровью за неслыханную дерзость этихъ Русскихъ.» Переводчикъ окончилъ разсказъ свой убѣжденіемъ , чтобы намъ, воспользовавшись силою и быстротою коней нашихъ, тотчасъ ускакать отъ нихъ. Стыдясь даже и одной мысли, сообщенной мнѣ переводчикомъ , чтобъ скрыться бѣгствомъ, я грозно посмотрѣлъ на него, и, подозвавъ къ себѣ казака, сказалъ ему и переводчику, чтобъ они смотрѣли на меня и дѣлали бы тоже, что и я. Съ этимъ словомъ бросился я съ быстротою молніи прямо на дерзкаго разбойника, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ очнуться отъ внезапнаго нападенія моего, я успѣлъ сорвать съ него ружье, пистолетъ и выхватить кинжалъ. — Казакъ и переводчикъ послѣдовали моему примѣру, и они стремглавъ бросились на двухъ проводниковъ и успѣли также ихъ обезоружить; остальные трое, ошеломленные быстрыми и внезапными дѣйствіями нашими, и увидѣвъ притомъ , что бой становится уже для нихъ неровень, повиновались приказанію моему, безпрекословно отдали свое оружіе; пистолеты и кинжалы

надъли мы на себя, а ружья приказалъ я прилзать къ нашимъ сѣдламъ; но замѣтивъ въ это время, что тотъ же злодѣй, котораго я самъ такъ внезапно обезоружилъ, смотрѣлъ на меня съ бѣшенствомъ и яростію въ глазахъ, и что-то ворчалъ про себя, я вновь бросился на него и далъ ему такой удачный толчекъ, что онъ упалъ съ лошади своей, шапка свалилась съ него и открыла бритый его черепъ, искаженный пятью глубокими сабельными ударами, и нныя изъ нихъ были глубже палеца. Нельзя постигнуть, какъ могъ этотъ человекъ послѣ такихъ ужасныхъ ранъ остаться живымъ, и еще притомъ сохранить умственные силы.

Всѣмъ обезоруженнымъ проводникамъ велѣлъ я ѣхать впередъ, чтобы намъ удобнѣе было наблюдать за дѣйствіями и движеніями ихъ и чрезъ переводчика предупредить, что всякій изъ числа ихъ, кто осмѣлится съѣхать съ дороги, или покусится на побѣгъ, будетъ тотчасъ застрѣленъ; вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ я переводчику растолковать имъ, что самъ Кадій ихъ и вообще всѣ старшины народа вполне уже убѣждены въ томъ, что бороться и противиться Русскимъ рѣшительно невозможно, что имъ, какъ подданнымъ Великаго нашего Государа должно напередъ знать, что законы Его преслѣдуютъ и строго наказываютъ за мятежъ, разбой и грабежи. За симъ отправились мы въ дальшійшій путь, идущій по узкимъ тропинкамъ чрезъ вершины и мѣста каменистыя, покрытыя лѣсомъ; я продолжалъ мою сѣмку, и наконецъ, безъ дальшійшихъ приключеній, дѣхалъ до мѣста моего назначенія, селенія Губдахъ, владѣнія Шахмала Тарковскаго. Тутъ, въ ожиданіи прибытія Главнокомандующаго, приказалъ я сельскому старшинѣ взять и содержать разбойника подъ строжайшимъ карауломъ, остальныхъ пятерыхъ прозодниковъ велѣлъ отпустить домой и отдать имъ ихъ оружіе; но они со слезами убѣждали простить и помиловать сотоварища. Принявъ въ соображеніе, что самому главному Гачаьнику вѣрно неспрятно будетъ подвергаться наказанію жителя только недавно покорившейся области, я рѣшился склониться на убѣжденія проводниковъ, и велѣлъ позвать къ себѣ содержащагося подъ карауломъ разбойника. — «Това-

«риши твои со слезами просятъ меня о прощени и пощле-
 «вни твоемъ,» — сказалъ я ему, — «но признайся чисто-
 «сердечно: ты самъ просталъ ли бы меня, ежелибъ я сдѣлалъ
 «такой же поступокъ и находился въ твоихъ рукахъ.» — «Я
 «видѣлъ смерть уже нѣсколько разъ висящую надъ моею
 «головой и давно къ ней приготовился,» — отвѣчалъ онъ
 «спокойнымъ голосомъ: — «что прикажетъ Генералъ Ерно-
 «ловъ, такъ тому и быть, я предаю судьбу мою его волѣ.» —
 «Тебя и потому нельзя отпустить,» — продолжалъ я, — «что
 «по возвращеніи на родину свою ты опять начнешь распро-
 «страпать мѣлкіе слухи, возбуждать къ мятежу, непокор-
 «ности и по прежнему примешься за разбой и грабитель-
 «ство.» — «Нѣтъ, вотъ этого ужъ никогда не будетъ,» — отвѣ-
 «чалъ онъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ. — «Ты ошибаешься;
 «напротивъ того, великодушное помилованіе заставитъ меня,
 «клянусь въ томъ Магометомъ, быть самымъ покорнымъ, вер-
 «нымъ, преданнымъ власти Великаго вашего Государи, ко-
 «старому мы теперь все покорились.» — «Ежели такъ, Богъ
 «да проститъ твое согрѣшеніе, но Онъ же и оцѣню наказуетъ,
 «тебя, ежели ты нарушишь клятву, данную тобою именемъ
 «твоего пророка. Пройдите, ступайте на родину вашу съ ин-
 «фромъ,» — прибавилъ я, обращаясь къ нему и къ прочимъ
 «проводникамъ, — «живите покойно и знайте, что счастье и
 «благоденствіе каждаго изъ васъ лично и всего вашего народа
 «зависитъ отъ покорности сильному и могущественному Вели-
 «кому нашему Императору.»

Вскорѣ послѣ того освѣдомился я, что отрядъ нашъ при-
 «ближается къ селенію. Я отправился на встрѣчу, предста-
 «вилъ Генералу сдѣланныя мною съемки и замѣчанія, и до-
 «несъ ему подробно обо всемъ случившемся со мною во время
 «исполненія даннаго мнѣ порученія. Генералъ одобрилъ все
 «дѣйствія и распоряженія мои, и былъ вполне доволенъ пред-
 «ставленною мною съемкою.

Главнокомандующій, желая доставить отдыхъ войскамъ,
 «подвизавшимся съ такимъ рвеніемъ, храбростію и мустра-
 «циемъ при покореніи Акушинской области, расположилъ

ихъ на нѣкоторое время по селеніямъ Шахмала Тарковского и отдалъ по Корпусу слѣдующій приказъ, который привелъ всѣхъ насъ въ восторгъ. Мы безпрестанно читали, повторяли этотъ приказъ и вскорѣ знали его наизусть:

«Труды ваши, храбрые товарищи, и усердіе къ службѣ проложили намъ путь въ средину владычій Акушинскихъ, народа воинственнаго и сильнѣйшаго въ Дагестанѣ. Страшными лвились вы предъ лицомъ непріятеля, и многія тысячи не противопоставили вамъ, разсыпались и бѣгствомъ снискали спасеніе. Область покорена, и новые подданные Великаго Государя нашего благодарны за великодушную пощаду. Вижу, храбрые товарищи, что не вамъ могутъ предлежать горы неприступныя, пути непроходимыя; скажу волю Императора—и препятствія исчезаютъ передъ вами. Заслуги ваши имѣю долгомъ свидѣтельствовать предъ Государемъ Императоромъ, и кто достойный изъ васъ не одаренъ Его милостями.»

- 1) О ПАРИЖСКОМЪ БОТАНИЧЕСКОМЪ САДѢ; 2) ОБЪ АНАТОМИЧЕСКИХЪ СОБРАНІЯХЪ И ИСКУССТВЕННЫХЪ ПРЕПАРАТАХЪ;
3) О МЕДИЦИНСКОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній путешественника.)

I.

На лѣвомъ берегу Сены, въ Парижѣ, есть мѣсто, обращающее вниманіе всякаго, кому знакомы науки естественныя. Имя *Jardin des Plantes*, Ботаническій садъ, заключаетъ въ себя нѣчто привлекательное для того, кто еще не видалъ его, и возбуждаетъ прекрасное воспоминаніе у посѣщавшихъ великій сборникъ твореній природы Орелю, нарціей къ солнцу, китъ обитатель океана, млекопитающіе всѣхъ странъ и климатовъ, величественный кедръ и скромная фіалка, стройныя пальмы и смиренный мохъ, драгоценныя камни и куски простой глины, воздушное желѣзо и произведенія горъ огнедышущихъ, словомъ: все, что живетъ и движется въ воздухѣ, на землѣ и въ водѣ, растенія всѣхъ частей свѣта, всѣ извѣстные минералы коры земной и допотопные свидѣтели великихъ переворотовъ обитаемой нами планеты, всѣ сокровища земли собраны на небольшомъ уголкѣ земной по верхности, на небольшомъ уголкѣ Парижа, и въ стройномъ, систематическомъ порядкѣ, указанномъ гениями Жюссье, Бюффона, Кювье, представляются посѣтителю всѣхъ племенъ всегда готовые удовлетворить любознательности каждаго. Многіе вѣки и труды великихъ мужей потребны были, чтобы опредѣлить свойства каждаго члена великаго собранія, дать ему приличное имя и указать надлежащее мѣсто въ системѣ; годъ или два достаточны теперь для желающаго хорошо познакомиться съ естественными науками, посѣщая прилежно Парижскій Ботаническій садъ, гдѣ находится на лицо все необходимое для нагляднаго, опытнаго познанія каждой части Естественной исторіи. Хотя всѣ музеи Ботаническаго сада славятся богатствомъ и расположе-

нїемъ содержимаго въ нихъ: но изъ нихъ новѣйшїй, кабинетъ минералогическо-геологическїй и вмѣстѣ ботаническїй можетъ почитаться лучшимъ образцомъ того совершенства, до котораго достигло устройство музеевъ естествознанїя. Желавшїй заниматься Минералогїею и Геологїею имѣетъ тамъ передъ глазами олицетворенную науку. Вступая въ кабинетъ, посетитель встрѣчается прежде всего съ общими свойствами минераловъ, формою, цвѣтомъ и проч., для показанїя которыхъ разложены образчики минераловъ, каждый съ надписью или означенїемъ свойства, имъ выражаемаго. Тамъ же лежатъ инструменты, служащїе для опредѣленїя свойствъ минераловъ. За общаю частїю Минералогїи слѣдуетъ частное систематическое изложенїе минераловъ и ископаемыхъ. Словомъ, расположенїе кабинета совершенно соответствуетъ систематическому книжному изложенїю: каждый предметъ съ означенїемъ его имени, мѣсторожденїя и проч., поставленъ на томъ мѣстѣ, которое занимаетъ онъ въ наукѣ, и потому учащїйся не имѣетъ нужды опредѣлять представляющїйся ему минералъ; ему остается только сравнить списокъ (книгу) съ подлинникомъ и взглянуть въ отличительныя черты или признаки минерала. Библіотека, лабораторїя и амфитеатръ для лекцїй примыкаютъ къ музею и дополняютъ необходимое для учащагося. Все зданїе раздѣлено со стороны, обращенной въ садъ, двумя преддверїями на три части: въ срединѣ минералогическо-геологическая галлерей, одно крыло составляетъ ботаническая галлерей, другое библіотека; амфитеатръ и лабораторїя выдаются со стороны противоположной, въ видѣ павильоновъ, примкнутыхъ къ главному зданїю. Средняя галлерей, длиною во 100 метровъ, поддерживается 36 легкими колоннами; боковыя нефї ея, къ которымъ ведутъ 8-небольшихъ лѣстницъ, приподняты около $2\frac{1}{2}$ метровъ надъ средними; шкапы тѣхъ и другихъ вышнюю не болѣе 2 метровъ и 30 центиметровъ, такъ, что все содержимое въ нихъ легко видѣть безъ помощи подставки;*

* Вотъ на что старше наши архитекторы прежде, заботясь преимущественно о *фасадахъ*, обращали мало вниманїя - на цѣлесообразное помѣщенїе предметовъ въ сооружаемыхъ зданїяхъ *Ред.*

освѣщается она сверху посредствомъ 9 квадратныхъ оконъ и 16 полукруглыхъ окошекъ главнаго фасада ; на срединѣ котораго находится, кроме того, два большихъ окна, открывающихъ прекраснѣйшій видъ въ садѣ, а противъ нихъ, на другую сторону галлерей, возвышается статуя *Кюссэ*, который держитъ въ лѣвой рукѣ прорытый до некоторой глубины шаръ земной; на простѣнкахъ, отъѣвляющихъ среднюю галлерей отъ предверій, нарисованы величественныя и достопримѣчательныя картины природы. Заключая все въ себѣ доселѣ открытое въ землѣ, минералогическо-геологическій кабинетъ есть прекрасный посредникъ между совершеннымъ въ прошедшемъ и будущими успѣхами науки, и содержитъ все средства, необходимыя при изученіи ея. Ясное и равномерное освѣщеніе сверху не утомляетъ зрѣнія и способствуетъ удобнѣйшему разсматриванію предметовъ; большія окна въ срединѣ представляютъ случай пріятнаго отдохновенія для вѣтра, обращеннаго въ садъ; картины на простѣнкахъ дополняютъ общую картину галлерей, гений *Кюссэ* ободряетъ сотрудниковъ въ наукѣ на новыя подвиги. Уваживаемъ о подробностяхъ внутренняго расположенія и изящной простотѣ фасада, объ удобствахъ библиотеки, открытой для каждаго, желающаго заниматься въ ней, и пр. Галлерей ботаническая и другія части зданія совершенно гармонируютъ съ минералогическо-геологическою, и все вѣдѣе оставляютъ прекрасное цѣлое, достойное подробнаго изученія для занимающихся устройствомъ музеевъ. Но это цѣлое есть только малая часть большаго цѣлаго — *Jardin des Plantes*. Находящіяся въ немъ живописно-разнообразныя звѣрницы, зоологическій кабинетъ, кабинетъ сравнительной Анатоміи, собственно Ботаническій садъ съ богатѣйшими теплицами новѣйшаго устройства, съ особенными отдѣленіями для Ботаники прикладной, медицинской и технологической, не менѣе достойны вниманія по своему расположенію, содержанію и той пользѣ, которую приносятъ они. Совершенно свободный для каждаго входъ въ музеи, открытыя нѣсколько разъ въ недѣлю, публичныя лекціи о всѣхъ предметахъ естествознанія и публичныя уроки рисованія для занимающихся предметами

естественной исторіи довершаютъ достоинство и славу великаго храма просвѣщенія. Воздвигнутый въ теченіе вѣковъ трудами великихъ и бессмертныхъ мужей, онъ не остается мертвымъ памятникомъ: многочисленные служители его поддерживаютъ въ немъ безпрестанную жизнь; и онъ, сохраняя свой составъ, непрерывно возрастаетъ, всегда открытый для многочисленныхъ посѣтителей, ежедневно, приходящихъ въ него утолить жажду познанія. Куда ни обратишься, повсюду движеніе и дѣятельность. Загляните, напримѣръ, въ музей зоологическій. Посмотрите, какое вниманіе обращаютъ просвѣщенные хранители его на едва замѣтное насекомое, стараясь не только охранить его личность, защищая отъ разрушительныхъ вліяній, но и заботясь о томъ, чтобы оно было совершенно доступно взору любопытнаго посѣтителя, чтобы ни одинъ усикъ, лапка и другіе почти микроскопическіе органы его не остались незамѣченными; чтобы достигнуть послѣдней цѣли еще вѣрнѣе, къ насекомому приближаютъ рисунокъ, изображающій въ увеличенномъ видѣ, или отдѣльно, отличительные его признаки. Въ библиотекѣ, не смотря на глубокую тишину, присутствіе многихъ, прилежно занимающихся чтеніемъ и разсматриваніемъ рисунковъ, ясно свидѣтельствуетъ объ умственной ихъ дѣятельности. Въ теплицахъ и на открытомъ воздухѣ неунынными вѣтвями садовниковъ поддерживается вѣчно свѣжею жизнью растений различныхъ климатовъ и странъ. Въ амфитеатрахъ многочисленные слушатели внимаютъ живому повѣствованію профессора о свойствахъ и значеніи безконечно разнообразныхъ земныхъ существъ и явленій. Наконецъ, если занятія въ музеяхъ, библиотекѣ, на лекціяхъ васъ утомили, ступайте посидѣть подъ тѣнью ливанскаго кедра, посаженнаго рукою славнаго Жюссе, прогуляйтесь по живонисному лабиринту сада, по его прекраснымъ и тѣнистымъ аллеямъ, по дорожкамъ, выощеннымъ около зверинцовъ. Повсюду мѣсто для отдохновенія, повсюду живая толпа любопытствующихъ, или только приходящихъ отдохнуть и освежиться въ этотъ дивный *Jardin des Plantes*, котораго всѣ ворота, ежедневно отво-

рены для каждого. Наука, водворившись въ немъ, не чуждается жизни общественной, но сливается съ нею въ неразрывное цѣлое. И Ботаническій садъ, будучи съ одной стороны выраженіемъ того совершенства, до котораго достигли естественныя науки, съ другой стороны есть великое орудіе, средство для настоящихъ и будущихъ успѣховъ ихъ, а черезъ нихъ—успѣховъ ближайшихъ къ нимъ наукъ и всеобщаго просвѣщенія.

II.

Гунтеръ, глубокого понимавшій важность всесторонняго знанія Анатоміи для Медицины, старался соединить въ своемъ музее все, что относится къ изученію устройства животнаго организма, какъ въ здоровомъ, такъ и въ болѣзненномъ состояніи. Анатомическій музей, называющійся его именемъ, обогащенный попеченіями преемниковъ его и общими стараніями Лондонской Хирургической коллегіи, представляетъ въ настоящее время одно изъ богатѣйшихъ и образцовое учебное пособіе для занимающихся Анатоміею, особенно сравнительною и патологическою. Богатыя атласы, представляющіе изображенія достопримѣчательнѣйшихъ предметовъ музея, и частныя каталоги, находящіяся въ нѣсколькихъ экземплярахъ при каждомъ систематическомъ отдѣленіи его, суть особенныя удобства для занимающихся. Анатомическій музей въ *Guy-Hospital*, соревнующій въ богатствѣ и отдѣлкѣ препаратовъ Патологической Анатоміи съ Гунтеровскимъ, представляетъ въ сціентифическомъ и практическомъ отношеніи одну особенную и важную черту въ своемъ устройствѣ: кромѣ подробныхъ каталоговъ, въ немъ хранятся достопримѣчательныя исторіи тѣхъ больныхъ, въ которыхъ по смерти найдены содержащіяся въ немъ патологическіе препараты. Восковые препараты нормальной Анатоміи, составляющіе особенное отдѣленіе того же музея, по совершенству своей отдѣлки и близкому сходству съ природою, составляютъ въ славу съ подобными препаратами музеевъ Флорентинскаго и Вѣнскаго.

Нужно ли говорить о важности и пользе собраний искусственных восковых препаратов? Представляя снимки съ природы, они служат вѣрнѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ при изученіи Анатоміи. Засушенные, или хранимыя въ спиртѣ части человѣческаго тѣла не могутъ дать такого яснаго понятія о цвѣтѣ, объемѣ, положеніи и проч. различныхъ системъ и органовъ тѣла, какъ хорошіе искусственные препараты. То же должно сказать объ искусственныхъ препаратахъ Озу. Совершенствуя свои приготовленія для анатоміи тѣла человѣческаго, онъ распространилъ кругъ своей дѣятельности и на сравнительную Анатомію. Складная анатомія улитки, пѣвки и проч. представляющая въ гигантскихъ размѣрахъ, равно какъ отдельное представленіе системъ кровеносной, нервной и т. д. различныхъ классовъ животныхъ, суть драгоценныя пособія для учащихся и учащихся, устраняя многія трудности и сомнѣнія, неизбежныя при изученіи Анатоміи безъ яснаго показанія предметовъ, о которыхъ говорится. Съ какими затрудненіями соединено, напр; анатомирование и показаніе строенія пѣвки! Сколько времени потребно, чтобы приготовить начисто ея желудочно-кишечный каналъ, кровеносную систему, органы дыханія и т. д. И послѣ многихъ усилій иногда удается представить съ некоторою ясностію только ту или другую часть, между тѣмъ какъ прочія не видны, отдѣлены, или не ясно видны; порваны и т. п. Притомъ онѣ являются на лекціи передъ глазами учащагося не въ томъ видѣ, какъ въ минуту освѣщенія: цвѣтъ ихъ, округлость, взаимное отношеніе другъ къ другу измѣняются отъ держанія въ водѣ, воздуха, вытеченія содержимаго въ нихъ и множества другихъ условий. Но когда искусная рука анатомика раскрыла анатомическое строеніе животнаго, когда подмѣчены форма, цвѣтъ, расположеніе частей его; когда опытный рисовальщикъ уловилъ и передалъ бумагѣ все замѣченное; когда ловкій льпщикъ, руководствуясь рисунками и анатомическими препаратами, сформовалъ отдѣльные органы и части, и приладилъ ихъ одну къ другой соответственно естественному ихъ соотно-

шению; когда все материалы готовы и сварены с природою, когда, наконец, общими усилиями многих сведущих анатомический типъ животного и вылить въ соответствующую форму: тогда учащийся ищетъ передъ собою и целое, и все подробности, переданныя ему согласно съ природою, можетъ ясно видѣть каждую часть въ ея естественной формѣ, полнотѣ, цвѣтѣ и взаимномъ отношеніи къ соседнимъ частямъ и целому. Получивши такимъ образомъ ясное понятіе о строеніи данного типа животного, онъ безъ труда различитъ въ природѣ части тѣла того же животного и сходныхъ съ нимъ.

Если вышесказанное справедливо относительно Анатоміи нормальной; то тѣмъ важнѣе, кажется, искусственное представленіе болезненныхъ измѣненій, встречаемыхъ въ животномъ организмѣ, которыхъ цвѣтъ и другіе признаки болѣе или менѣе измѣняются, или даже совершенно исчезаютъ отъ спирта и засушиванія. И потому нельзя не признать весьма важной заслуги *Тибера*, который занялся приготовленіемъ въ обширномъ объемѣ искусственныхъ патологическихъ препаратовъ, и неуслышанною дѣятельностію довелъ его до настоящаго совершенства. Фабрикацію его можно сравнить съ книгопечатаніемъ, относительно пользы, которую она уже принесла, и безъ сомнѣнія, еще болѣе принесетъ въ послѣдствіи, открывая возможность медицинскимъ школамъ и частнымъ лицамъ имѣть болѣе или менѣе полную бібліотечку патологическихъ измѣненій различныхъ частей тѣла. Усовершенствовавши способы формованія и раскрашиванія, *Тибери* не ограничился Патологическою Анатоміею, но приложилъ, въ послѣднее время, свою фабрикацію къ Анатоміи Хирургической и въ особенности микроскопической, приготовляя видимое невооруженнымъ глазомъ въ такомъ увеличенномъ объемѣ, что искусственные препараты можно видѣть на значительномъ разстояніи; наприм. сидящіе на лекціи слушатели могутъ ясно видѣть микроскопическое строеніе волоса, когда онъ находится въ рукахъ преподавателя, сидящаго на своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ микроскопическая

Анатомія становится доступнѣе для каждаго учащагося. На-
чинаясь тѣмъ легче схватываетъ признаки даннаго пред-
мета, чѣмъ онъ простѣе, яснѣе представляется. Известно,
что разсматриваніе предметовъ подъ микроскопомъ затруд-
няется отъ другихъ постороннихъ предметовъ, случайно по-
падающихъ на подлежащее поле зрѣнія, вслѣдствіе опти-
ческихъ обмановъ и т. н. Напротивъ, искусственно представ-
ленная микроскопическій предметъ въ увеличенномъ видѣ
чуждымъ постороннихъ примесей, и ничто не возмущаетъ зрѣ-
нія занимающагося имъ; а получивши однажды ясное по-
нятіе о вещи, ее легко отличить, когда она окружена дру-
гими. Кроме упомянутыхъ и многихъ другихъ выгодъ, до-
ставляемыхъ искусственными микроскопическими препаратами,
ихъ ничѣмъ нельзя замѣнить въ музеяхъ, совершенство ко-
торыхъ требуетъ, чтобы все удободостижимое для зрѣнія
входило въ нихъ. Приложение Тиберовой фабрикаціи про-
стерлось еще далѣе. Посвѣщающіе его заведеніе и дошедшіи
музеи удивляются пластическимъ картинамъ, представляю-
щимъ группы птицъ, рыбъ, плодовъ и проч. Музеи Есте-
ственной исторіи вообще бѣдны собраніями рыбъ, не только
относительно числа ихъ, сколько относительно ясности при-
знаковъ, которой подвергаются высушенные и хранящіи
въ спиртѣ рыбы. Искусственныя рыбы и проч., безъ ежив-
нія, помогутъ этому и подобнымъ недостаткамъ музеевъ.

III.

Къ совершенствамъ современнаго преподаванія принадле-
житъ болѣе и болѣе распространяющееся практическое направле-
ніе его. На лекціяхъ Медицинской Химіи *Дюма* и *Орфана*
каждое основное положеніе, предлагаемое слушателямъ, под-
тверждается опытомъ, который для слушателя есть вѣрный
поруча за истину предлагаемаго ученія и единственное сред-
ство для нагляднаго познанія излагаемаго предмета; каж-
дый слушатель, слѣдя за явленіями опыта, становится какъ бы
участникомъ въ изслѣдованіяхъ, сообщаемыхъ профессоромъ.
Ришаръ, являясь посредн группы растений, поставленной

Предъ многочисленными собраніемъ учащихся, знакомятъ последнихъ съ безмолвными, но весьма ясно выраженными для зоркаго естествоиспытателя признаками первыхъ, и такимъ образомъ представляется живымъ посредникомъ между теми и другими, а не книгою, не простымъ повѣствователемъ объ отсутствующемъ, которое всегда, болѣе или менѣе, темно для начинающаго учиться. *Грентъ*, преподающій сравнительную Анатомію, кромѣ препаратовъ, безпрестанно указываетъ на рисунки, развѣшенные передъ глазами посѣтителей, и представляющіе въ увеличенномъ видѣ строеніе различныхъ органовъ животнаго организма, такъ что въ одну и то же время глазъ слушателя видитъ образъ предмета, а ухо слышитъ его имя и значеніе. *Эренбергъ*, говоря о строеніи и жизни наливочныхъ животныхъ, разоблачаетъ, при помощи микроскопа, передъ своими слушателями движеніе вещества по составу оныхъ, механизмъ питанія и другихъ отправленій, которыя сокрыты въ высшихъ животныхъ отъ пытливаго взора физиологовъ. *Жерди*, излагая исторію хирургическихъ болѣзней, показываетъ и болѣзненные измѣненія, о которыхъ идетъ рѣчь.

Преподаваніе наукъ, которыя заимствуютъ большую часть фактовъ изъ другихъ наукъ, какъ напримѣръ *Общей Патологіи*, конечно можетъ быть только теоретическимъ. Но и самое теоретическое преподаваніе приближается къ практическому, когда профессоръ выводитъ положенія науки изъ подробнаго разсмотрѣнія вѣрныхъ фактовъ, когда его теорія есть непрерывная цѣпь несомнѣнныхъ событій, расположенныхъ въ избранномъ имъ порядкѣ. *Андраля*, профессоръ *Общей Патологіи*, разсуждая о причинахъ болѣзней, напримѣръ о лихорадкѣ, не ограничивается изложеніемъ отвѣчнаго понятія о вредѣ, могущемъ произойти отъ неправильнаго употребленія оной. Для него недостаточно сказать слушателямъ, что отъ недостатка пищи происходитъ слабость, истощеніе, уменьшеніе отдѣленій и, т. д. Путь, онъ пересматриваетъ всѣ системы и органы тѣла какъ съ матеріальной, такъ и съ динамической стороны; онъ проходитъ по

всему лабиринту организма, чтобы обозреть весь существующий в нем измененный, призывая на помощь наблюдения и опыты над животными. Так, он упоминает, что у птиц в начале голода животная температура то повышается, то понижается, но по мере истощения тьло охлаждается в определенной постепенности; что от безазотной пищи желчь животных плотоядных дѣлается сходною съ желчью животных травоядных; что когда животное истощается и умирает отъ голода, то масса крови, жира, селезенки, поджелудочной желтзы, печени, мышцъ, сердца и пищеварительнаго канала, кожи, органовъ дыханія, костей уменьшается въ нисходящей постепенности, масса же нервовъ и мозга почти ничего не теряетъ. Подобнымъ образомъ разсматриваетъ онъ эгiологическое отношеніе пищи ко всемъ органамъ и отравленіямъ. Такъ же постукаетъ онъ въ изложеніи всей Эгiологiи, всей Общей Патологiи, старался представить слушателямъ возможно полную картину свѣдѣній, необходимыхъ для познанія общепатологическихъ законовъ или выводовъ. Такое-то фактическое, полное, подробное, отчетливое, математическое, иногда кажущееся даже мелочнымъ, обозрѣніе предмета ведетъ къ точному познанію патологическихъ законовъ. Какал мечтательная теорія могла бы довести до положительнаго знанія, что нервы и мозгъ вслѣдствіе голода теряютъ своей массы меньше, нежели другіе органы? Выводы патологическіе, основанные непосредственно на наблюденіяхъ или фактахъ, можно назвать естественными, потому что они суть выраженіе, формула многихъ тождественныхъ явленій, разсѣянныхъ въ пространство и времени. А естественныя формулы суть вмѣстѣ и самыя практическія, будучи съ одной стороны выраженіемъ дѣйствительно встречающагося въ природѣ, а съ другой удобопонятными для каждаго занимающагося, удобопонятными по причинѣ своей очевидности.

Практическое достоинство преподаванія возвышается, когда преподаватель, излагая существенные факты данной науки, указываетъ на отношеніе ихъ къ ближайшему ей

другимъ наукамъ. *Бартъ*, въ практическихъ урокахъ своихъ Патологической Анатоміи, описавши болѣзненныя измѣненія, находимыя при вскрытіи умершихъ, упоминаетъ кратко о способѣ ихъ происхожденія, признакахъ или припадкахъ, которыми онѣ обнаруживаются во время жизни, и степени излечимости ихъ. Такія прибавленія возбуждаютъ и поддерживаютъ любознательность слушателя, раскрывая предъ нимъ прошедшую жизнь измѣненнаго органа; и онѣ приучаютъ видѣть въ великой книгѣ природы не отдѣльныя слова или буквы, но вмѣстѣ связь и значеніе ихъ.

Вельпо, обходя ввѣренную ему часть больницы, не оставляетъ безъ вниманія ни одной кровати; быстро удаляется отъ больныхъ, которыхъ болѣзнь уже опредѣлена и не представляетъ достойныхъ особеннаго замѣчанія явленій въ своемъ теченіи; приостанавливается у другихъ достопримѣчательныхъ по важности болѣзни, особенныхъ припадковъ и леченія; опредѣляетъ короткими и мѣткими вопросами болѣзнь вновь поступившихъ, руководствуясь при томъ возможно-точнымъ, нагляднымъ и осязательнымъ изслѣдованіемъ. Кончивши обзоръ больныхъ и назначивши леченіе, онъ переходитъ въ аудиторию, гдѣ даетъ отчетъ о выходящихъ больныхъ, обращая вниманіе преимущественно на то, что они представляли особенно достопамятнаго: говоритъ о болѣзняхъ вновь поступившихъ; рассуждаетъ о замѣчательнѣйшихъ, какъ новыхъ, такъ и прежнихъ, больныхъ; въ заключеніе, если представляются случаи, совершаетъ операціи. Въ концѣ академическаго года онъ даетъ общій отчетъ о перебивавшихъ въ его клиникѣ больныхъ, о различныхъ болѣзняхъ и способахъ леченія. Словомъ, онъ можетъ быть образцомъ точнаго исполнителя больничныхъ обязанностей врача и клиническаго преподавателя.

Хотя преподаваніе принадлежитъ къ важнѣйшимъ средствамъ медицинскаго образованія, но для пріобрѣтенія полныхъ свѣдѣній и совершенствованія науки необходимо еще другіе пути. *Гиппократъ*, посвящая себя Медицинѣ, пересматривалъ существовавшіе до него медицинскіе оборотки, сви-

сать исторіи болезней, приложенная въ храмахъ Доку-
леса и Аполлона, привелъ въ порядокъ существовавшія
до него наблюденія; собравши послѣдія, оставленныя
предками, и воспользовавшись знаніями современниковъ,
предается собственнымъ наблюденіямъ, и сдѣлался однимъ
изъ величайшихъ и благодѣтелей и усовершенствователей Ме-
дицины. Путь его есть и въ настоящее время одно изъ
главныхъ средствъ усовершенствованія оной. Новѣйшая Фран-
цузская школа можетъ служить лучшимъ тому доказатель-
ствомъ. Изъ ней вышли: Корсазакъ, Лемекъ, Дюконтренъ,
Ансбранкъ, Вельпо и множество другихъ врачей, обогатив-
шихъ и обогащающихъ Медицину твореніями, которыя столь
богаты своимъ содержаніемъ, разно бразіемъ, положитель-
ностію свидѣній, и проливаютъ новый свѣтъ на важнѣйшія
части Патологій, отличаются чрезвычайною точностію и по-
дробностію въ наблюденіи, изученіи и разборѣ болезнен-
ныхъ явленій, чужды всякаго сужденія *a priori*, не при-
знають другихъ истинъ, кромѣ очевидныхъ очевидностію
и опытомъ. Въ Парижской Медицинской школѣ преподава-
ніе Хирургіи поручено семи ординарнымъ профессорамъ,
изъ которыхъ два занимаются (поочередно, одинъ въ лѣт-
ній, другой въ зимній семестръ) преподаваніемъ Теоретиче-
ской Хирургіи, одинъ назначенъ для Оперативной Хирургіи,
остальные четыре для Хирургической клиники. Число про-
фессоровъ Общей и Частной Патологій и Терапевтической
клиники равняется числу профессоровъ Хирургіи. Нужно ли
говорить, сколь полезно такое раздѣленіе труда и для науки,
и для учащихся? Оно полезно для науки: потому что каж-
дый профессоръ, побуждаемый благороднымъ соревнова-
ніемъ, старается своимъ собственнымъ преподаваніемъ или
возвыситься, или по крайней мѣрѣ быть въ уровнѣ съ со-
временнымъ состояніемъ науки; каждый старается обогатить
ее или новыми наблюденіями, или учеными изслѣдованіями,
или новыми взглядами; каждый имѣетъ возможность заняться
преимущественно тою или другою частію науки. Оно по-
лезно для учащихся: потому что имъ предоставляются сред-

ства изучать Медицину подъ руководствомъ многихъ учителей, рассматривающихъ науку болѣе или менѣе съ различныхъ сторонъ. Къ благопріятнымъ для успѣховъ Медицины событіямъ причислять должно и то, что большая часть профессоровъ Медицинской школы служатъ еще въ больницахъ, въ которыхъ каждый дѣйствуетъ самостоятельно въ своемъ отдаленіи и имѣетъ случай дѣлать наблюденія, направленные преимущественно къ развитію истинъ той науки, которую преподаетъ онъ. Столь важное сочетаніе практической дѣятельности съ ученою отнесется не только къ профессорамъ, но и ко многимъ врачамъ, служащимъ и неслужащимъ въ больницахъ, которые не ограничиваются приобращенными въ школу свѣдѣніями, не ходятъ вѣчно по одному и тому же пути, но подвергаютъ критическому изслѣдованію существующія ученія, предпринимаютъ ряды собственныхъ и новыхъ наблюденій. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ еще свободнымъ клиническимъ преподаваніемъ, т. е. не по обязанностямъ службы, но по желанію ознакомить посѣтителей больницы съ тѣмъ, въ чемъ они убѣдились посредствомъ прилежнаго изученія, наблюденія и опыта.

В. Басовъ.

Вѣна.

Іюль, 1846 года.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, тома II отдѣленія II и III (съ XI литографированными листами). Одесса, въ Городской типографіи, 1850, въ 4 д. л.*

Нельзя не признать вполне счастливою мыслью, учрежденіе ученаго Общества на самой, такъ сказать, исторической почвѣ, подлежащей его разработкѣ. Это оправдываетъ Общество Исторіи и Древностей, основанное 1839 года въ Одессѣ и ограничившее кругъ своихъ дѣйствій Крымомъ, всѣмъ Новороссійскимъ краемъ и вообще южными странами Россіи. Оно въ двѣнадцати-лѣтнее существованіе, кромѣ выполненія многихъ частныхъ предпріятій и порученій, впрочемъ нечуждыхъ его цѣли, ознаменовало уже дѣятельность свою изданіемъ въ свѣтъ «Записокъ», составляющихъ два большіе тома въ 4 д. л.: первый въ 83½ печатныхъ листа, съ картою и XIV литографированными изображеніями большаго формата, второй во 108 листовъ и съ XXIII литографированныхъ картъ, плановъ и разныхъ достопамятностей, такого же формата. Почти ни одна статья не уклоняется отъ цѣли, принятой Обществомъ, и многія имѣютъ большое достоинство.** Ограничимся на этотъ разъ только

• Мы продолжаемъ разбирать прошлогоднія книги, за немѣнѣемъ новыхъ. *Ред.*

** Быстрые и утѣшительные успѣхи Одесскаго Общества, производятъ желаніе, чтобы подобныя общества возникли и въ другихъ странахъ безпредѣльнаго нашего отечества, и чтобы мы на первой разъ увидѣли Историческое общество, хотя въ Сибири, богатой не воздѣланными еще, или, можно сказать, вѣчными памятниками древности, равно какъ и любознательными людьми, посвятившими себя на службу въ этомъ отдаленномъ краю, сколько изъ присвоенныхъ ей Правительствомъ особенныхъ выгодъ, столько же и изъ желанія познакомиться съ нашимъ Перу. Общество могло бы быть водворено въ Красноярскѣ Енисейской губерніи, по центральному положенію этого города въ Сибири и особенному изобилію тамошняго края памятниками древности и другими предметами для любознательности ученыхъ.

статьями, помѣщенными въ вышедшемъ нынѣ второмъ и третьемъ отдѣленіи втораго тома «Записокъ» и краткими замѣтками въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ нихъ.*

Второе отдѣленіе содержитъ въ себѣ:

I. *Памятники вещественные (монументальные).*

1) Эллинскіе памятники, найденные въ Новороссійскомъ краѣ, Ч. О. О. Муракевича.

Въ этой статьѣ авторъ представляетъ двѣ древнія Греческія надписи, съ переводомъ и поясненіемъ: одну, открытую на пепелищѣ Ольвіи, изсѣченную на мраморной плитѣ и свидѣтельствующую о торговыхъ отношеніяхъ Ольвіи съ Месиврійскимъ портомъ, существующимъ донынѣ на западномъ берегу Чернаго моря, по близости Варны; другую, бывшую на подножии изъ бѣлаго известкового камня, подъ статуей Ахиллеса, добытомъ изъ почвы острова Левки; сверхъ того помѣщаетъ онъ рядъ Греческихъ надписей, списанныхъ съ глиняныхъ издѣлій, найденныхъ въ первомъ мѣстѣ, равно свѣдѣнія о монетахъ и прочихъ вещахъ, приобретенныхъ въ послѣднемъ. Изъ всѣхъ этихъ любопытныхъ предметовъ, наиболѣе обращаютъ вниманіе надписи на глиняныхъ, издѣліяхъ, которыя, при всей краткости своей, могутъ иногда послужить къ какимъ-нибудь выводамъ для досужихъ археологовъ, хотя самъ авторъ и не придаетъ имъ другаго значенія, кромѣ того, что «онѣ указываютъ на существовавшій въ древности обычай, по которому мастера глиняныхъ вещей, особенно амфоръ и статуетовъ, должны были къ нимъ прикладывать вѣйма, въ которомъ изъясняли имя астинома, начальствовавшего въ то время надъ городомъ, когда издѣліе совершено, и означали свое

* Общество, при избыткѣ въ его «Запискахъ» полезныхъ свѣдѣній, обогащенныхъ множествомъ рисунковъ и древнихъ надписей, не упустило также изъ вида и большаго ихъ распространенія между соотечественниками, назначивъ цѣну этому изданію самую умеренную, именно: первому тому 3 р. сер., и на пересылку за 5 фунтовъ, (второму также) которая, судя по здѣшнимъ цѣнамъ, едва ли могла покрыть собственныя его издержки, хотя и обеспеченныя ежегоднымъ отъ Правительства, Обществу пособіемъ до 1428 р. сер.

внѣ» (стр. 419). Между тѣмъ слова на надѣліяхъ *ΘΑΣΙ*, *ΘΑΣΙΟΝ* (островъ *Θазисъ*), *ΚΕΡΚΙΝΟΝ* (городъ Керчинитъ), *ΘΕΥΔΩ*.... (городъ *Θевдосія* или *Θеодосія*) и многія другія, по видимому намекають и на самыя мѣста, гдѣ произведены были надѣлія, или откуда вывезены въ нихъ какія-либо жидкости, какъ это было уже и прежде замѣчено, что слово *ΘΑΣΙ* на ручкахъ амфоръ, найденныхъ въ Керченскомъ Кульобскомъ курганѣ и во многихъ другихъ могилахъ, означало именно храненіе въ нихъ *Θазійскаго* вина, бывшаго тамъ въ большомъ употребленіи.

2) Тирась и Тириты, Д. Ч. Беккера.

3) Римскій барельефъ, извѣстный подъ именемъ образа Св. Георгія, въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, Д. Ч. Снегирева.

4) Аккерманскія Греческія надписи, Ч. О. Муракевича.

5) Килійская церковь Св. Николая и ея достопамятности, его же.

Первыя три статьи, какъ основанныя на гипотезахъ, для окончательнаго разрѣшенія представляемыхъ ими вопросовъ, требуютъ еще новыхъ вспомогательныхъ гипотезъ (*υποθέσεις συμβικαγία*); достопамятности, описанныя въ послѣдней статьѣ, имѣютъ важность относительную и не восходятъ далѣе начала XVII вѣка. Статья И. М. Снегирева о Римскомъ барельефѣ, въ особенности интересна, и по предмету своему и по возвращенію на него достопочтеннѣйшаго автора. Онъ не согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, чтобы на этомъ барельефѣ изображенъ былъ Св. Георгій, умерщвляющій дракона, готового пожрать обреченную ему въ жертву дѣву; но Константинъ Великій, гдѣ драконъ или омиѣ означаетъ врага Христіанъ Максенгія, а дѣва савыѣ Римъ или Св. церковь. Поводомъ къ такому мнѣнію послужили для него: во-первыхъ, Латинская надпись, изображенная на прикрѣпленной надъ барельефомъ каменной плиткѣ, гдѣ говорится о воздвигнутыхъ Константину Великому триумфальныхъ вратахъ, какъ защитнику Рима отъ тирана; во-вторыхъ, недостатокъ на барельефѣ имени Св. Георгія и вѣнца (*nimbi*) вопругъ его главы, съ какимъ обыкновенно изображается; въ-третьихъ, древность ба-

рельефа, относимая имъ, по безвкусию и грубости отработки, къ вѣку Константина Великаго, т. е. къ первой половинѣ IV вѣка по Р. Х.

Но всѣ эти выводы сомнительны, и вотъ по какимъ причинамъ: пропуски и грубая погрѣшности въ снимкѣ надписи съ триумфальныхъ воротъ Константина Великаго, противъ помѣщенной на изображеніи тѣхъ воротъ и особо въ *Descrizione de Roma antica e moderna*, 1745, Т. II, р. 402, замѣченные и самимъ авторомъ, слѣдуя Антонію Августину, Нордини, Гревію и Нибби (съ невѣрнымъ указаніемъ на изданіе приведенныхъ ими книгъ въ 1879, вмѣсто 1679 года), но не исправленные, отъ чего и приложенный имъ переводъ вышелъ не совсѣмъ точенъ, на пр. вмѣсто *Pio Felici*, какъ на воротахъ и на многихъ Константиновыхъ монетахъ, онъ принялъ *Putri Patriae*, а вмѣсто *ARCVM TRIVMPHIS INSIGNEM*, *ARCUM TRIMPHIS INSINE* и т. д., — очевидно доказываютъ малограмотную новизну списка, прикрѣпленнаго, можетъ быть, къ барельефу, болѣе для воротъ, на которыхъ онъ стоялъ, по заключающимся въ надписи словамъ «*Argent triumphis*», чѣмъ для него самаго, и по узнаніи полного смысла надписи, не соответственнаго занимаемому ею мѣсту, или и по упраздненіи бывшей при воротахъ церкви Св. Георгія — этотъ барельефъ съ надписью былъ снятъ и перенесенъ на другое мѣсто; недостатокъ имени всадника и вѣнца вокругъ его главы, столько же, какъ къ Св. Великомученику Георгію, могутъ быть примѣнены и къ изображенію Св. Равноапостольнаго Константина, между тѣмъ какъ въ конной статуѣ (*ibidem* Т. 1 р. 39) и на 25 монетахъ (*Begei Thesaurus Numismatum, Romanoium*, р. 800—805) видимъ мы этого Императора съ другими чертами и въ иномъ одѣяніи; впрочемъ оба изображаются иногда почти и одинаково: *Nec multum dispar est ejusdem (S. Georgii) figura, quam habet Constantini cujusdam sigillum, in quo stans habitu militaris conspicitur, dextrâ spiculum tenens, sinistra clypeo cruce insignito.... Hofmanni Lexicon Universale* Т. II, р. 378; представленный на барельефѣ всадникъ отъ шлема до шпоръ, какъ кажется, обнаруживаетъ новѣйшее произведеніе самаго барельефа. Употребленіи стремянъ и шпоръ не видимъ мы не только на памятникахъ IV вѣка, къ которому авторъ

статьи относить барельефъ, но и гораздо позднѣйшаго времени. Этому же мнѣнію держался и самъ авторъ статьи въ первомъ своемъ извѣстіи о барельефѣ въ «Памятникахъ Московской древности», 1842—45, стр. 18. Вотъ его слова: «Стиль памятника, показывающій упадокъ ваянія, принадлежитъ къ *среднимъ вѣкамъ*; всадникъ въ окриленномъ шлемѣ на головѣ, въ досчатой бронѣ съ приволокою на раменахъ, съ набедренниками и наколѣбниками, съ острогами на полусапожкахъ; онъ сидитъ на сѣдлѣ и въ стремяхъ, изъ коихъ первое сѣдлалось извѣстнымъ съ Константина Великаго, а послѣднія со времени перваго нашествія Франковъ» (т. е. на Италію въ 539 г.; отлуда же то и другое свѣдѣніе заимствовано?).

Наконецъ должно замѣтить, что аллегорическое значеніе, приписываемое авторомъ изображенному на барельефѣ Константину Великому, присвоиваемо было также и Св. Георгію, а еще сильнѣе отвергаемо:

Georgius Cappudox, Trib. Mil. sub Diocletiano, qui maximam serpentem peremit, liberata puellâ, quae eidem in praedam devota fuerat. Theologi nonnulli existimant, fictitium esse nomen, sub qua Vet. Christi Ecclesiam a satanae tyrannide liberantis imaginem et passionis meritum proposuerunt. Caeterum, veram hanc fuisse historiam multis argumentis probatum.... Ibidem p. 382.

6) Бахчесарайскія Арабскія и Турецкія надписи, Гг. Негры, Борзенко, Домантовскаго и Кузьмина.

Сообщеніемъ этихъ надписей въ вѣрныхъ спискахъ и съ близкими переводами, Общество оказало большую услугу какъ оріенталистамъ, такъ и историкамъ въ особенности, которые примутъ на себя трудъ, привести въ ясность исторію Крымскихъ хановъ, доселѣ темную и запутанную, не смотря на тѣсную ея связь съ Русскою Исторіею. Не менѣе приобрѣло оно права и на общую благодарность нашу, которую могло бы развѣ усугубить только то, если бы Общество, согласно письму старѣйшины оріенталистовъ, какъ выражено въ этой статьѣ, Х. Д. Френа, включенному тутъ же во Французскомъ подлинникѣ, подарило насъ еще и замѣчаніями историческими, географическими и филологическими относительно надписей, равно рисунками нѣкоторыхъ надгробныхъ и другихъ Бахчесарайскихъ памятни-

ковъ, также подлинными снимками съ надписей для пользы палеографіи. Но на первой разъ довольно и того, что имъ совершенно, и что такъ много общаетъ отъ его дѣятельности въ будущемъ.

7. Эски-Крымская Арабская надпись, Ч. О. Мурзакевича.

Въ этой статьѣ сообщена выписка изъ Гаммера (*Geschichte der Holdenen Horde in Kiptschak etc.*), почти тождественная съ Дегинемъ (*Histoire générale der Huns etc.*), о прежнемъ состояніи Эски-Крыма, о нынѣшнемъ же сказано не болѣе четырехъ словъ, именно: «Эски-Крымъ теперь маленькое и ничтожное мѣстечко»; а о мечети, гдѣ находится надпись, только слѣдующее: «изложенная надпись означаетъ годъ построенія Крымской мечети въ 1313 году; слѣдовательно, это, можетъ быть, первая Мусульманская мечеть въ Крымскомъ полуостровѣ. Обстоятельство замѣчательное!» Между тѣмъ о томъ и другомъ предметѣ нашлось бы многое что поговорить. Ограничимся только мечетью. Въ приведенной авторомъ статьи выискѣ, упоминается, что «Бибарсъ (султанъ Египетскій), уроженецъ Кипчакскій, другъ и союзникъ Берке-хана, воздвигъ тамъ (въ Эски-Крымѣ) мечеть и гостиный дворъ, стѣны которыхъ были изъ мрамора и бѣлаго (?) порфира»; по Дегиню же: «Рожденный въ Кипчакѣ султанъ Бибарсъ, государь Египта, желая увѣковѣчить свое имя и прославить мѣсто своего рожденія, съ дозволенія хана Кипчакскаго, построилъ въ Крыму великолѣпную мечеть, которой стѣны были покрыты мраморомъ, а верхъ порфиромъ». Если Берке или Беркай, ханъ Золотой орды, сынъ Джучи-хана и братъ Батыя, умершій въ концѣ XIII вѣка, былъ современникомъ Бибарса, о которомъ говорить и Дегинь подъ 1266 годомъ, то должно заключить, что и эта существующая донятъ въ Эски или Старомъ Крыму мечеть, не есть «первая на Крымскомъ полуостровѣ». Она находится при въѣздѣ въ Старый Крымъ съ сѣверной стороны, и въ самомъ заступіи своемъ, вмѣстѣ съ минаретомъ, представляетъ еще много замѣчательнаго. Ведущая въ нее дверь, хотя новой топорной работы, но окружена красивыми арабесками, съ остающеюся мѣстами позолотою; надъ нею же хорошо со-

хранились двѣ Арабскія надписи, одна надъ другою, къ которымъ принадлежитъ и нынѣ сообщенная. Внутренность мечети образуетъ параллелограмъ, а верхъ прочный сводъ, поддерживаемый столбами, по три съ каждой стороны. Горнее мѣсто (макберъ) окружено такими же арабесками и надписями, повидимому изъ Корана, какъ и дверь. Все это, равно какъ и другія достопамятности Стараго Крыма, любопытно бы видѣть въ подробнѣйшемъ описаніи и на рисункахъ, что можетъ быть, хотя отчасти, скоро и осуществится, въ ожиданіи, что общество не оставитъ и съ своей стороны обратить просвѣщеннаго вниманія на всѣ эти предметы, непосредственно относящіеся къ его цѣли, какое оказало уже къ Бахчесарайскимъ надписямъ и многимъ другимъ памятнымъ въ Крыму.

8) О городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, преимущественно западныхъ, Д. Ч. Срезневскаго.

9) Примѣчательнѣйшіе курганы Бессарабской области въ Бендерскомъ уѣздѣ, Г. Оловсона.

10) Слѣды лагеря Карла XII, возлѣ Бендеръ, у селенія Варницы, Д. Ч. Бруна.

Всѣ эти статьи не безъ достоинства, но болѣе прочихъ обращаетъ на себя вниманіе «О городищахъ», хотя она, по отношенію ея непосредственно къ Западно-Славянскимъ землямъ и не входитъ въ предѣлы, предназначенные Обществомъ для его наблюденій. Уклоненіе это, впрочемъ, отъ принятаго имъ правила, оправдывается отчасти самою занимательностію статьи, а еще болѣе тѣмъ, что въ Новороссійскомъ краю множество подобныхъ, или можно сказать, родствующихъ съ этими городищахъ, при изслѣдованіи которыхъ замѣчанія автора могутъ быть также иногда пригодны. Доселѣ неудовлетворительный успѣхъ въ изслѣдованіи Западно-Славянскихъ городищъ, при обращеніи на нихъ болѣе полвѣка вниманія ученыхъ, авторъ статьи приписываетъ въ особенности тому, что «наблюдатели не столько заботились о полнотѣ наблюденій, сколько объ отвѣтахъ на свои личные вопросы; выводы слишкомъ поспѣшно слѣдовали за наблюденіями, такъ что нѣтъ до сихъ

поръ ни одного городища, которое было бы изслѣдовано и описано совершенно удовлетворительно, нѣтъ и ни одного вывода, который бы не былъ основанъ болѣе всего на предположеніяхъ и догадкахъ.» Это замѣчаніе можно также примѣнить и ко многимъ другимъ изслѣдованіямъ. Авторъ довольно *эксцентрично*, какъ выражаются юные наши литераторы, изобразилъ простоту рисунка городищъ, представивъ тринадцать изъ нихъ ломаными линіями, изъ перваго слова въ заглавіи статьи, такъ что всякая изъ этихъ линій, по словамъ его, составляетъ полный чертежъ какого-нибудь городища. Этими новаго рода гіероглифами оканчиваемъ и мы нашу замѣтку, потому что для изслѣдованія всѣхъ выводовъ автора, требуются такія же мѣстные свѣдѣнія, какія онъ обнаруживаетъ въ своей статьѣ.

II. Документы и Акты.

1) Молдо (даво) — Влахийскія грамоты, хранящіяся въ Бессарабіи, Ч. О. Мурзакевича.

2) Списокъ съ Статейнаго списка посланниковъ стольника Василья Михайлова Ташкина и дьяка Никиты Зотова, къ Крымскому хану Мурадъ-Гирею, въ 1681 году; изъ бібліотеки Князя М. С. Воронцова, сообщенъ Ч. О. Мурзакевичемъ.*

3) Высочайшіе рескрипты Екатерины II Екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторамъ, изъ Екатеринославскаго губернскаго архива.

4) Ордера Князя Потемкина Таврическаго, по случаю второй Турецкой войны, въ царствованіе Екатерины II, изъ Черноморскаго архива.**

5) Ярлыки Крымскихъ хановъ, изъ канцеляріи Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора.

6) Фирманъ Турецкаго Султана Мустафы, Митрополиту Гедеону на Крымскую епархію, изъ Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, переводъ Д. Ч. Негри.

* Разобранъ въ Москвитинѣ 1850 года.

** Вотъ въ этихъ документахъ слышна жизнь, и мы съ своей стороны обращаемъ вниманіе на эти драгоценныя матеріалы для біографіи Потемкина, который у насъ до сихъ поръ не оцѣненъ. М. П.

Предъидущія статьи составляютъ также матеріалы которые важны и любопытны, по мѣрѣ отношенія ихъ къ исторіи Новороссійскаго края; важность ихъ могла бы увеличиться, чрезъ приобщеніе къ нимъ большихъ поясненій о нѣкоторыхъ предметахъ, что въ особенности можно отнести къ «Статейному списку», въ которомъ, кромѣ описанія дороги въ Крымъ со всѣми ея тогдашними неудобствами, современнаго быта Крымскихъ хановъ и Запорожской сѣчи казаковъ, равно козаней Крымцевъ противъ посланниковъ, переносимыхъ ими съ примѣрною твердостью и достоинствомъ, — встрѣчаются предметы, требующіе особеннаго поясненія, какъ-то на пр. бусурманскія каменные кашаи и развалины зданій, существовавшія на Конскихъ и Овечьихъ водахъ, отъ времени Мамай (стр. 573 и 574); что такое: измытися въ гамонъ (стр. 577)? о пребываніи въ плѣну у Крымцевъ боярина Василья Борисовича Шереметева (стр. 587 и слѣд.) — по какому случаю онъ въ немъ находился и когда освобожденъ? Что за городокъ Шанъ-вермень и близъ него другой на Конской косѣ съ башнями, устроенные «самымъ разумнымъ инженерскимъ строеніемъ» (стр. 645) и т. д.

III. Помяствованія и сказанія.

- 1) Сказаніе священника Іакова, сообщено Д. Ч. Ки. Оболенскимъ.
- 2) Девиръ-Сефаваимъ, переводъ съ Еврейскаго Иліи Финкеля.

Обѣ статьи довольно любопытны, но требуютъ критической повѣрки и очистки, прежде принятія ихъ въ число историческихъ фактовъ.

IV. Современная бібліографія.

Разсмотрѣно пять книгъ, изданныхъ на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ 1844—1848 г., и атласъ Чернаго моря, напечатанный 1841 г. при Географическомъ Черноморскомъ депо: Ч. О. Мурзакевичемъ, Д. Ч. Бруномъ и Корresp. Шевелевымъ.

V. Занятія общества по порученію Правительства.

Записки о содержаніи старыхъ письменныхъ актовъ Новороссійскаго края, подписали: Гг. Негри, Соколовъ, Михневичъ, Даликовъ и Шевелевъ.

Въ третью отдѣленіи Записокъ помѣщены:

I. Лѣтопись Общества.

1) Обзоръ дѣйствій Общества съ 14 го Ноября 1843 по 14-е Ноября 1849 года, Д. Ч. Ляликова.

2) Некрологи: Дмитрія Сулимы, Архіепископа Кишиневскаго и Хотинскаго, Ч. О. Мурзакевича; Спиридона Юрьевича Дестуниса, Д. Ч. Палеолога.

II. Корреспонденція.

1) О Бессарабин и ея древнихъ крѣпостяхъ, Корресп. Стамати.

2) Археологическія развѣданія въ Керчи, Корресп. Блерамберга.

3) О каменныхъ бабахъ, Корресп. Флоренсова.

Странная судьба этихъ каменныхъ статуй, называемыхъ «бабами». Сколько онѣ сходны между собою, столько же различны о нихъ предположенія. Не приводя доказательствъ тому, погребенныхъ во множествѣ книгъ, упомянемъ хотя о томъ, что находимъ по этому предмету въ самыхъ «Запискахъ» Одесскаго Общества. Въ статьѣ «Дивпровскіе курганы» (Т. II. стр. 593 и 594) сказано между прочимъ: «Дѣйствительно ли были (оставившіе намъ свои курганы) Команы (Половцы) или другой какой народъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ не чуждъ обитавшему никогда въ степяхъ и горныхъ долинахъ южной Сибири: ибо точно такіе же курганы и съ такими же статуями существуютъ во множествѣ и въ этой странѣ.... Замѣчательно, что Сибирскіе могильные камни, или истуканы, извѣсны еще съ меньшимъ искусствомъ, чѣмъ столицѣ на курганахъ въ степяхъ Дивпровскихъ и близъ Азовскаго моря, и что всего удивительнѣе, представляютъ чаще изображенія мужчинъ, нежели женщинъ, между тѣмъ, какъ здѣсь бываетъ это наоборотъ, отчего, можетъ быть, и самыя истуканы получили названіе «каменныхъ бабъ». Впрочемъ, въ томъ и другомъ мѣстѣ, черты лица, одежда и самый *сесудъ*, почти всегда придаваемый въ руки истуканамъ, показываютъ Монгольское (или во крайней мѣрѣ Ламайское) ихъ происхождение, гдѣ жертвенная чашка есть обыкновенно

венная принадлежность бурхановъ (божковъ). Напротивъ того, въ одной прекрасно-изложенной статьѣ о памятникахъ нѣкоторыхъ народовъ варварскихъ, издревле обитавшихъ въ нынѣшнемъ Новороссійскомъ краѣ, вотъ какое предлагается мнѣніе (Т. II. отд. 1, стр. 40 и 41): «У нашихъ каменныхъ бабъ, представляемыхъ иногда нагими, а иногда одѣтыми, видимъ мы тоже положеніе рукъ, держащихъ *кубокъ*, тоже рѣзкое выраженіе груди (какъ у *нимфъ*). Онѣ отличаются отъ *нимфъ* только (?) одеждою, состоящею въ какихъ-то тюникахъ и полукафтанныхъ, да особенномъ уборомъ головы; но это различіе могло произойти у варваровъ, отъ ихъ понятія красоты нарядовъ.... Короче, аналогія между тѣми и другими изображеніями такъ велика, что невольно рождается мысль, не суть ли наши каменные бабы—Греческія *нимфы*, перешедшія къ народамъ варварскимъ въ видѣ предметовъ обожанія?» Наконецъ въ статьѣ подавшей поводъ къ нашей замѣткѣ и особливо въ Р. С. къ ней сказано: «Принявъ за истину свидѣтельство Рубруквиса (повтореннаго и въ первой статьѣ), что эти статуи суть надгробные памятники Комановъ или Половцевъ, народа кочевавшаго долгое время въ этихъ степяхъ (Новороссійскаго края), можно почти утвердительно сказать что онѣ держатъ въ рукахъ вовсе не сосудъ, а просто свернутый *платокъ*. Эти статуи изображаютъ людей обоего пола (?) и всѣхъ возрастовъ.... но въ одинаковомъ полусидячемъ положеніи, которое ясно изображаетъ мертвеца. И такъ эти статуи не что иное, какъ портреты или образы умершихъ, можетъ быть, главныхъ лицъ улусовъ (а онѣ между тѣмъ большею частію женскія), и держатъ не кружку, а полотенце или ручникъ....»

Удивительно, какъ оба автора, издавшіе, безъ сомнѣнія, въ подлинникъ каменныхъ бабъ, даже хотя въ сооб- щенныхъ при первомъ томѣ Записокъ Одесскаго Общества многихъ рисункахъ, могли усвоить такія мнѣнія, чтобы это были Греческія *нимфы*, или что всѣ находятся въ сидячемъ положеніи и съ платкомъ или полотенцемъ въ рукахъ? Всего бы кажется лучше разрыть одинъ или нѣсколько кургановъ, на которыхъ стояли или стоятъ еще эти загадочныя статуи: не откроется ли тутъ чего-нибудь къ удовлетворительнѣйшему разрѣшенію о нихъ вопросовъ?

4) Запорожская старина, Д. Ч. Вертильяка.

Изъ представленныхъ въ самомъ заглавіи статьи трехъ очерковъ могильныхъ памятниковъ, первый съ неясною надписью, въ которой пропущено въ началѣ при мѣсяцѣ число В, а въ концѣ три строки, заключающія въ себѣ по видимому, при неясности нѣкоторыхъ буквъ, имя современнаго Царя Феодора Алексѣевича:

ЗА.... ПВФЕОДОРА

АЛ....ВИЧА. ПАМЯТЬ ПРА —

ВЕДНАГО СОПОХВАЛАМИ.

Сверхъ того памятникъ показанъ авторомъ статьи на кладбищѣ при селѣ Покровскомъ, между тѣмъ какъ находится въ 7 верстахъ отсюда при д. Капуловкѣ, вмѣстѣ съ крестомъ подъ N 9, вѣрно обозначеннымъ, кромѣ нѣкоторыхъ буквъ надписи; здѣсь была и Старая Запорожская Сѣча. Этотъ убогій памятникъ знаменитому Сѣрко, имѣющій въ вышину 1 арш. 7 верш. и поставленный на насыпи, въ видѣ кургана, въ 5 арш. высоту, надъ его гробомъ, отдѣльно и далѣе другихъ, потому что Сѣрко завѣщалъ:

Кто ляже наровнѣ то мой ще братъ,

А кто напередъ мнѣ, то тотъ проклять —

доказываетъ, что этотъ кошевой атаманъ умеръ 1680 года Мая 2, а не 1 Августа, какъ сказано въ Исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго, и что онъ не могъ уже быть въ Вѣнскомъ походѣ съ Поляками въ 1684 году, какъ утверждалъ Энгель. Желаящіе могутъ познакомиться съ любопытными подробностями жизни Сѣрко изъ II тома сказанной Исторіи Малой Россіи, гдѣ на заглавномъ листѣ I тома помѣщено и его лицензображеніе.

5) Надписи въ Екатеринодарскомъ соборѣ Черноморскихъ козаковъ, Ч. О. Мурзакевича.

6) Укрѣпленія Запорожскихъ козаковъ въ г. Александріи и Александрійскомъ уѣздѣ, г. Бублиева.

7) Ново-Московскій Свято-Троицкій соборъ, протоіерея Оранскаго.

8) Путевыя замѣтки въ проѣздѣ нѣкоторыхъ уѣздовъ (Р) Херсонской и Екатеринославской губерній, Д. Ч. Ляликова.

Эти «Путевыя замѣтки», судя по жѣстностямъ, ими обнимаемымъ, могли бѣ быть очень занимательны. Автора извиняетъ, по словамъ его, «поспѣшность, которая требовалась должностнымъ назначеніемъ.» Не воспользовался онъ также случаемъ и для описанія всѣхъ бывшихъ у него передъ глазами достопамятностей. Такимъ образомъ, при описаніи древностей, сохранившихся въ Никопольской церкви, отъ временъ Запорожцевъ, онъ не замѣтилъ, или оставилъ неописаннымъ, значущійся въ описи, составленной покойнымъ любознательнымъ протоіереемъ той церкви Григоріемъ Кремянскимъ въ Октябрѣ 1836 г., и безъ сомнѣнія, доннынѣ тамъ находящійся кипарисный крестъ, съ частію древа животворящаго креста, залитой мастикою, вдѣланный въ серебряную кругловатую доску вышиною въ $12\frac{1}{2}$, шириною въ $10\frac{1}{2}$ вершковъ, въсомъ въ 6 ф. 76 золот., обложенную серебрянымъ же съ позолотою карнизомъ, съ вычеканенными на ней съ обѣихъ сторонъ ликами и слѣдующею надписью: «Сія таблица до храма Пресвятыя Богородицы сооружена коштомъ всего войска Запорожскаго и стараніемъ ктитора Павла, за атамана кошеваго Павла Козицкаго, 1747 года Октября 2 дня.» Самый крестъ, по преданію, присланъ изъ Іерусалима кошевому, но какому не извѣстно. Много тамъ и другихъ достопримѣчательностей, хотя и меньшей важности, но о которыхъ автору «Путевыхъ замѣтокъ» неизлишне было бы упомянуть; мы же въ, избѣжаніе бѣльшаго увеличенія нашихъ краткихъ замѣтокъ, отлагаемъ эти свѣдѣнія, какъ и многія другія, до удобнѣйшаго времени — *poundum est maturitas hoc faciendi.*

III. Извѣстія.

- 1) Инструментъ разграниченія земель между Россією и Портою въ 1742 году.
- 2) Реляція отъ 24 Сентября 1761 года о заложении новой крѣпости Св. Димитрія Ростовскаго.
- 3) Монеты, отысканныя на островѣ Фидониси.
- 4) Достопримѣчательные рисунки и чертежи, хранящіеся въ Музеумъ Общества.
- 5) Историческіе портреты, находящіеся въ залѣ Общества.

О древнѣйшихъ колѣнахъ аттическихъ и о ихъ связи съ областнымъ дѣленіемъ Аттики. Дерптъ 1832. 8. (De antiquissimis tribubus atticis earumque cum regni partibus nexu) и дополненіе къ объясненію четырехъ древнѣйшихъ аттическихъ колѣнъ, соч. Д-ра и Ординарнаго Профессора Вс. Истор. въ С.-Петербург. Университетѣ. С.-Петербургъ. 1850. Изъ истор.-фил. бюллет. т. VIII н 6 (Beitrag zur Erklärung der vier ältesten attischen Philen, Luc la 31 mai 1850).

Восмнадцать лѣтъ тому назадъ, въ Дерптѣ вышло первое сочиненіе теперь уже извѣстнаго ученаго историка М. С. Куторги. Спустя шесть лѣтъ, явилось къ печати другое его сочиненіе, которое служило продолженіемъ перваго и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящимъ приложеніемъ его специальныхъ изысканій къ объясненію хода политическихъ событій въ исторіи Греціи до VI ст. до Р. Х. Мы разумѣемъ «Колѣна и сословія аттическія». Наконецъ въ недавнее время вышло и послѣднее его произведеніе, относящееся, по своему предмету, къ концу IV-го и къ началу V-го столѣтія — Исторія Афинской республики отъ убіенія Ишарха до смерти Мильтіада (Спб. 1848. 8°). Нельзя не удивляться той строгой и логической послѣдовательности, съ которою постепенно развивались учебныя занятія нашего профессора; но съ другой стороны, безъ сомнѣнія, въ этой-то строгой послѣдовательности и должно искать объясненія прочности и вѣрности ихъ результатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Куторга началъ свое учебное поприще рѣшеніемъ вопроса, невидимому до такой степени незначительнаго, что съ перваго раза трудно было бы указать на его значеніе въ наукѣ. Особенно могли бы вооружиться противъ подобнаго труда поборники занимательности и практической примѣняемости науки къ жизни. Что занимательнаго, скажутъ они, въ рѣшеніи, наприм., такихъ вопросовъ: Зевсу или Афинѣ поклонялись Гелеонты, жили-ли они въ Актѣ или въ Паралии и т. п.; какую мы

* Мы отдаемъ полную справедливость этой послѣдовательности, но искренно сожалѣемъ о продолжительности промежутковъ: въ 20 почти лѣтъ четыре диссертациа — больше, гораздо больше, чаще, гораздо чаще мы желали бы получать отъ даровитаго профессора плоды его трудовъ. Чѣмъ больше кому дано даровъ, тѣмъ больше и отвѣтственности предъ наукою и соотечественниками. М. П.

извлечемъ пользу для практической жизни, если наконецъ и рѣшимъ такой вопросъ? Но мы уже одинъ разъ имѣли случай замѣтить, что въ наукѣ есть особеннаго рода занимательность и особеннаго рода польза, а теперь мы нашли тому и хорошее оправданіе, въ трудахъ г. Куторги. Безъ сухаго и занимательнаго для немногихъ изреченія о древнѣйшихъ аттическихъ колѣнахъ, Филахъ, мы не имѣли бы другаго сочиненія о сословіяхъ аттическихъ или, по крайней мѣрѣ, оно не было бы такъ основательно. Объяснивъ себѣ событія древнѣйшей исторіи Аттики и приведя ихъ къ общему знаменателю, Г. Куторга могъ пойти дальше, и въ первый разъ въ его сочиненіи: Исторія Афинской республики—персидскія войны были представлены въ другомъ свѣтѣ; здѣсь онѣ являются въ связи съ внутреннимъ политическимъ положеніемъ Греціи. Въ свою очередь это внутреннее политическое положеніе Греціи въ VI ст., т. е. предъ началомъ персидскихъ войнъ, можно понять только изъ ея древнѣйшей исторіи и преимущественно изъ исторіи Аттики; древнѣйшая же исторія Аттики представляетъ намъ происхожденіе перваго ея политическаго устройства изъ родоваго быта; родовой бытъ состоялъ въ раздѣленіи населенія по племенамъ и колѣнамъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались сословія. И такъ корень всей исторіи Греціи окончательно заключается въ рѣшеніи вопроса о древнѣйшихъ племенахъ и колѣнахъ аттическихъ. Отъ того или другаго способа рѣшенія этого вопроса зависитъ самое изложеніе всего дальнѣйшаго хода событій Греческой исторіи. Какъ мы видѣли, той логической послѣдовательности историческихъ вопросовъ соответствовали и труды нашего профессора. Г. Куторга рѣшилъ основной вопросъ совершенно самостоятельно и оригинально, подвергнувъ строгимъ критическимъ изслѣдованіямъ источники, и потому могъ вслѣдъ за тѣмъ представить и дальнѣйшую исторію Греціи совершенно въ иномъ и новомъ видѣ.

Но ни одна важность изысканій его перваго труда побудила насъ въ настоящемъ случаѣ говорить о сочиненіи, которое такъ давно уже появилось въ нашей литературѣ. Въ свое время оно прошло у насъ совершенно незамѣчен-

нымъ , между тѣмъ какъ за границей это же самое сочиненіе пріобрѣло большую извѣстность. Бѣкъ, Германнъ , Ваксмуть, Ликъ (Leake) и другіе при каждомъ случаѣ ссылаются на изслѣдованія г. Куторги, а Германнъ въ своемъ *Lehrbuch der griechischen Antiquitäten* прямо указываетъ на сочиненіе Г. Куторги о древнѣйшихъ колѣнахъ Аттики тѣмъ, которые желаютъ короче познакомиться съ отношеніями и положеніемъ этихъ колѣнъ. Послѣ рекомендаціи самихъ корифеевъ науки было бы очень странно намъ проходить молчаніемъ труды нашего ученаго соотечественника, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время имя Куторги начало справедливо и у насъ обращать на себя вниманіе многихъ.

Въ прошедшемъ году , въ одномъ изъ изданій Академіи Наукъ Г. Куторга напечаталъ «Дополненіе» къ своему прежнему труду. Въ этомъ «Дополненіи» мы находимъ извѣстія о новыхъ надписяхъ, подтвердившихъ вполнѣ нѣкоторые изъ результатовъ прежняго сочиненія о древнѣйшихъ колѣнахъ аттическихъ , которые до тѣхъ поръ не имѣли прочнаго основанія и свидѣтельствовали только объ остроуміи автора. Это обстоятельство даетъ намъ новое право заняться теперь разсмотрѣніемъ сочиненія Г. Куторги, не смотря на всю его давность, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли , у насъ въ свое время оно не обратило на себя должнаго вниманія , пріобрѣтя извѣстность только за границей.

Въ своей рецензіи мы постараемся сначала *объяснить самый вопросъ , рѣшеніе котораго составило задачу разбираемаго нами сочиненія*, и вмѣстѣ съ тѣмъ представимъ его интересъ и важность для исторіи Греціи. Далѣе , мы разсмотримъ , *какъ рѣшался тотъ вопросъ до сочиненія Г. Куторги, и какъ онъ былъ рѣшенъ имъ*; при чемъ обратимъ вниманіе на новыя надписи , которыми оправдался вполнѣ взглядъ нашего профессора. Въ заключеніе , *изслѣдуемъ, каковѣ вліяніе имѣло оригинальное рѣшеніе Г. Куторгою вопроса объ аттическихъ колѣнахъ на всеобщее изложеніе хода политическихъ событій исторіи Греціи и какъ оно должно было отъ него измѣниться*. Сообразно съ такимъ планомъ , рецензія наша представитъ въ себѣ три отдѣла. Начнемъ съ перваго.

1. Вопросъ: какъ назывались аттическія колѣна и какое значеніе имѣютъ ихъ названія? — составляетъ главную и существенную задачу разбираемаго нами разсужденія. Какую же важность можетъ имѣть рѣшеніе подобнаго вопроса для цѣлой исторіи Греціи? Общій видъ существованія всѣхъ народовъ, когда они въ первый разъ появляются въ исторіи, состоитъ въ раздѣленіи ихъ на племена и подраздѣленія на колѣна. Тоже самое мы встрѣчаемъ и у Еллинскихъ народовъ, которые раздѣлялись на четыре племени, и каждое племя подраздѣлялось на колѣна, филы. Одно изъ такихъ племенъ, іонійское, подраздѣлявшееся на четыре колѣна: Гелеонты, Оплиты, Эгикоры и Аргады, заняло собою юго-восточную оконечность средней Греціи, Аттику. До сихъ поръ преданіе о поселеніи Іонянъ въ Аттику очень просто и ясно. Но какъ произошли четыре колѣна этого племени? Этотъ вопросъ всегда составлялъ камень преткновенія, и запутанный еще самими древними, онъ рѣшался въ настоящее время различными учеными различно. Колѣна могутъ происходить чрезъ естественное размноженіе членовъ какого нибудь семейства, которое ведетъ свое начало отъ одного родоначальника; могутъ происходить колѣна чрезъ случайное соединеніе различныхъ семействъ подъ одно общее названіе; притомъ такое соединеніе въ свою очередь можетъ имѣть различный характеръ, смотря потому, соединялись-ли семейства съ одною цѣлью религіозною, или военною, или промышленною и т. д. Отъ того или другаго способа соединенія, колѣна будутъ имѣть или чисто родовой характеръ, или характеръ кастъ. Во всякомъ случаѣ, отъ различія въ способѣ образованія колѣнъ должна зависѣть дальнѣйшая ихъ судьба, дальнѣйшая исторія народа; потому для науки исторіи вопросъ о происхожденіи колѣнъ дѣлается часто однимъ изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ вопросовъ. Но происхожденіе племени короче всего характеризуется его наименованіемъ, ибо въ немъ всегда сохраняется древнѣйшій слѣдъ самаго перваго момента образованія колѣнъ. Теперь весьма естественно, что вопросъ о происхожденіи аттическихъ колѣнъ, который, какъ мы видѣли, долженъ составить основу всей исторіи Греціи, можетъ быть также представленъ въ другомъ видѣ: какъ

назывались аттические колѣна и какое значеніе имѣли ихъ названія? Мы видѣли, что это и составляетъ задачу перваго ученаго труда Г. Куторги; а изъ сказаннаго нами понятно теперь, что рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые могутъ показаться споромъ за номенклатуру, споромъ, удовлетворяющимъ одному любопытству, въ наукѣ гораздо важнѣе, нежели какъ то иной подумаетъ съ перваго раза. Рѣшеніе ихъ обусловливаетъ рѣшеніе вопроса о происхожденіи древнѣйшихъ аттическихъ колѣвъ, а отъ правильности послѣдняго зависитъ правильность и ясность взгляда на всю исторію Греціи. Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ рѣшался указанный нами вопросъ до сочиненія Г. Куторги и какъ онъ былъ рѣшенъ имъ самимъ?

2. Положеніе вопроса о древнѣйшихъ аттическихъ колѣвахъ до сочиненія Г. Куторги и послѣ него представляется намъ совершенно въ иномъ видѣ. Уже въ древнія времена понимали всю важность этого вопроса и вліяніе рѣшенія его на самую политику. Въ глубокой древности народъ облекъ свое происхожденіе въ мифъ, и потому первое объясненіе аттическихъ колѣвъ было чисто мифическое. Позднѣйшіе поэты и историки брали эти мифы, украшали ихъ и не рѣдко измѣняли для политическихъ цѣлей. Такъ Иродотъ смѣшиваетъ даже Іонянъ съ Пеласгами и полагаетъ, что они были однимъ и тѣмъ же племенемъ, а только въ различныя времена носили различныя названія. «Въ то время, говоритъ (VIII, 44) онъ, когда Пеласги населяли всю Елладу, жители Аттики были также Пеласги и назывались Крванями; въ царствованіе Кекропса они носили имя Кекропидовъ; по вступленіи на престолъ Ерехея они переименовались Ерехеидами; когда же Іонъ, сынъ Ксуоэ, сдѣлался ихъ военачальникомъ, то они приняли названіе Іонянъ.» Проф. Круазе (Hellas I. I, гл. о различіи Пеласговъ отъ Еллиновъ) ясно доказалъ, что Іоняне не были Пеласгами; а Г. Куторга (Жол. и Сосл. аттит. Спб. 1838. стр. 42.) объяснилъ и причину видимой ошибки Иродота. Еврипидъ, сообразно съ современной ему политикой, опять иначе объясняетъ отношенія Пеласговъ въ Іонійскому племени. При Еврипидѣ въ Аѣинахъ господствовали димократы, потомки побѣжденныхъ Еллинами Пеласговъ, и этотъ трагикъ,

льстя имъ, умалчиваетъ о завоеваніи ихъ предковъ Еллинами, а представляетъ соединеніе этихъ племенъ слѣдствіемъ брака Креусы, дочери послѣднаго пеласгійскаго царя Ерехоа, съ Ксуоомъ, отцемъ Іона. По смерти Ксуоа, Іонъ по наслѣдству соединилъ подъ собою оба народа. Очевидно, для аѳинскихъ демократовъ и въ особенности для законности ихъ правъ было не все равно, представляли ли историкъ происхожденіе государства слѣдствіемъ завоеванія, или мирнаго соединенія. Но не одна политика запутала вопросъ о племенахъ и въ особенности о колѣнахъ аттическихъ. Позднѣйшіе грамматикъ и риторы, которые не могли конечно при рѣшеніи нашего вопроса руководиться политическими цѣлями, потому что Греція въ ихъ время потеряла политическое значеніе, затемнили нашъ вопросъ другимъ образомъ. Страсть къ систематизированію побудила ихъ жертвовать формъ истинною. Изъ такихъ грамматиковъ болѣе всѣхъ замѣчательнъ Полидевкъ (Pollax), который подробно изложилъ названія колѣнъ аттическихъ. Мы приведемъ для ясности самое мѣсто его Словаря (Onomastic. VIII, 109):

Во время Кекропса было четыре колѣна;

- 1) Кекрописъ, 2) Автохѳонъ, 3) Автѳя и 4) Паралія;

во время Краная они были названы:

- 1) Кранаисъ, 2) Атѳисъ, 3) Месогѳя и 4) Діакрисъ;

во время Ерихѳонія они назывались:

- 1) Діасъ, 2) Аѳинаисъ, 3) Посидоніасъ и 4) Ифестіасъ;

при Ерехоѳѣ же, по имени дѣтей Іона:

- 1) Гелеонты, 2) Оплиты, 3) Эгикоры и 4) Аргады.

Это мѣсто Полидевка считается классическимъ для рѣшенія вопроса о названіяхъ колѣнъ аттическихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно признано всѣми самымъ запутаннымъ. Мы видимъ, что Полидевкъ, подобно Иродоту, дѣлаетъ классификацію наименованій четырехъ колѣнъ, какъ они получали эти наименованія въ различныя времена. Такъ то можетъ показаться съ перваго раза, и такъ оно на самомъ дѣлѣ было признаваемо всѣми новѣйшими учеными. Однако при всемъ томъ скоро замѣтили большую сбивчивость въ классификаціи Полидевка. Такъ, въ первомъ отдѣлѣ первыя

два имени патронимическія: Кекрописъ и Автохеонъ, а два послѣднія территоріальныя: Актэя и Паралія; то же и во второмъ отдѣлѣ. Г. Куторга не только возстановилъ это мѣсто Полидевка и исправилъ его, но и неоспорно доказалъ, что всѣ эти четыре разряда именъ относятся къ одному и тому же іонійскому племени; притомъ, что всего важнѣе, по мнѣнію Г. Куторги, каждое колѣно имѣло три названія *въ одно и то же время* (мы увидимъ ниже, почему не четыре, какъ того должно ожидать по четыремъ отдѣламъ именъ у Полидевка). Это послѣднее положеніе, какъ о томъ будетъ сказано послѣ подробнѣе, рѣшило окончательно одинъ весьма важный вопросъ, который имѣлъ сильныхъ партизановъ и pro и contra — были ли аттическія сословія тѣмъ, что на востокѣ называлось кастою? Мы увидимъ, что послѣ сочиненія Г. Куторги странно будетъ думать о существованіи кастъ въ іонійскомъ племени, не смотря на то, что живніе о кастообразности аттическихъ колѣнь было выставляемо долгое время, начиная съ Гюльмана, и поддерживалось такими авторитетами, каковы: Бёкъ, Платнеръ, Крейцеръ, Бутманъ, О. Мюллеръ, Шёманъ и др. Вотъ какъ объясняетъ Г. Куторга приведенное нами мѣсто Полидевка въ своемъ сочиненіи: О древнѣйшихъ аттическихъ колѣнахъ и проч. (стр. 43), и потомъ еще разъ съ большею ясностію повторяетъ въ другомъ сочиненіи: Колѣна и Сословія аттическія (стр. 15 и слѣд. и стр. 48 и слѣд.). Изъ примѣровъ, почерпнутыхъ изъ исторіи младенчества древнихъ и новыхъ народовъ, Г. Куторга весьма правильно выводитъ заключеніе (Кол. и Сосл. аттич. стр. 15 и слѣд.), что «названія колѣнь, разумѣется, не иностранныя, а отечественныя, бываютъ «двоюкаго рода: собственныя и нарицательныя. Первыя имѣютъ цѣлью отдѣлить одно колѣно отъ другаго, такъ, чтобы «не было ни малѣйшаго сомнѣнія и неясности; вторыя, на «противъ, выражаютъ только одну какую-либо сторону, одно «свойство или качество колѣна». Изъ этого ясно само собою, что собственное имя можетъ быть только одно, а нарицательныхъ столько, сколько можетъ найтись различныхъ сторонъ, по которымъ можно характеризовать то или другое племя. Главные признаки каждаго племени состоятъ въ мѣстности, религіи и предводителѣ; отсюда про-

исходитъ то, что и главнымъ нарицательныя имена бываютъ мѣстныя, религіозныя и политическія. Если какой-нибудь изъ этихъ признаковъ можетъ сдѣлаться постояннымъ, то тогда и нарицательное имя, заимствованное отъ такого признака, обращается въ собственное. Все это разсужденіе Г. Куторги основано на точномъ анализѣ родового быта всѣхъ младенчествующихъ народовъ. Увѣренный, какъ и всѣ, въ существованіи исторической логики въ событіяхъ, онъ примѣняетъ свои выводы къ первоначальной исторіи Греціи и рѣшаетъ вопросъ о названіи аттическихъ колѣнъ съ необыкновеннымъ остроуміемъ; мы говоримъ—остроуміемъ, потому что его выводы первоначально были основаны не на какомъ нибудь положительномъ извѣстіи древнихъ, но на исторической наблюдательности надъ первыми моментами жизни другихъ народовъ и на увѣренности въ исторической логикѣ событій. Мы повторимъ собственныя слова Г. Куторги, какъ онъ выразилъ ихъ въ послѣдующемъ своемъ сочиненіи: Кол. и Сосл. атт. (стр. 50), заимствовавъ текстъ изъ перваго сочиненія: О древнѣйшихъ колѣнахъ Аттики. «Теперь я повторяю здѣсь, говоритъ онъ, прежнее свое предположеніе, сдѣлавшееся совершеннымъ убѣжденіемъ (мы прибавимъ: послѣ найденныхъ надписей, это убѣжденіе должно сдѣлаться всеобщимъ). Оно состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ названія, упоминаемыя Полидевомъ, относятся единственно къ колѣнамъ іонійскимъ и имѣютъ цѣлью выразить различныя качества или свойства оныхъ, одни въ территориальномъ, другія въ религіозномъ отношеніи. Греческіе грамматики, повидимому, замѣтили это, и старались поэтому подвести сіи названія подъ систему, присовокупляя ихъ къ различнымъ царствованіямъ. Полидекъ однако сдѣлалъ важную ошибку, перемежавъ названія, и это произошло вѣроятно отъ того, что онъ не понялъ настоящаго ихъ смысла. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ бы былъ написать такъ:

Во время Кекропса было четыре колѣна:

1, Кекропись, 2, Автохеонъ, 3, *Кранаисъ* и 4, *Атѣисъ*;

во время Краная они были названы :

1, *Актѣя*, 2, *Паралія*, 3, *Месогѣя* и 4, *Діакрисъ*;
во время Ерихеонія они назывались :

1, *Діасъ*, 2, *Аевнансъ*, 3, *Посидоніасъ* и 4, *Ифестіасъ*;

при Ерихоеѣ же, по имени дѣтей Іона :

1, *Гелеонты*, 2, *Оплиты*, 3, *Эгикоры* и 4, *Аргады*»

Здѣсь мы замѣчаемъ четыре разряда именъ. Первый разрядъ именъ, которыя Полидевкъ называетъ кекропскими, по мнѣнію Г. Куторги, придуманъ очевидно позднѣйшими грамматиками, какъ съ тѣмъ соглашается и Шѣмагъ (*De comitiis* стр. 347). Послѣдніе три разряда заключаютъ въ себѣ дѣйствительныя имена колѣнъ, а именно: названія кранаяскія суть нарицательныя територіальныя имена; названія ерихеонійскія нарицательныя религіозныя имена. Послѣдній разрядъ именъ, ерихоейскій, былъ нарицательнымъ политическимъ, потому что названія: *Гелеонты*, *Оплиты*, *Эгикоры* и *Аргады* произошли, по преданію, отъ сыновей Іона. Эти политическія названія всегда оставались неизмѣнными, и потому они изъ нарицательныхъ сдѣлались собственными. Вкратцѣ результатъ всего будетъ слѣдующій. Мы остановились прежде на положеніи, что Іоняне дѣлились на четыре колѣна; задача сочиненія Г. Куторги состояла въ томъ, чтобы объяснить происхожденіе этихъ колѣнъ и ихъ значеніе. Для того нужно было, какъ мы показали выше, объяснить имена самыхъ колѣнъ. По изысканію Г. Куторги оказалось, что аттическія колѣна имѣли въ одно и то же время тройкаго рода дѣйствительныя названія: одно, собственное, *Гелеонты*, *Оплиты*, *Эгикоры* и *Аргады*, и два нарицательныхъ: 1) територіальныя—*Актѣя*, *Паралія*, *Месогѣя* и *Діакрисъ*, и 2) религіозныя—*Діасъ*, *Аевнансъ*, *Посидоніасъ* и *Ифестіасъ*. Такъ что каждое колѣно имѣло въ одно и то же время три названія. Но которое изъ религіозныхъ и територіальныхъ названій принадлежало каждому колѣну? Другими словами: кому поклонялись *Гелеонты*, *Оплиты*, *Эгикоры* и *Аргады* и въ какой части Аттики жило каждое изъ этихъ племенъ? Рѣшеніе этого вопроса весьма важно, ибо если мы будемъ въ состояніи указать, что напр. *Гелеонты* поклонялись именно

такому-то божеству, и что они жили въ такой-то части Аттики, то тогда не будетъ никакого сомнѣнія въ первомъ положеніи Г. Куторги, что каждое аттическое колѣно имѣло въ одно и тоже время три названія. Но точныхъ данныхъ для рѣшенія такого вопроса Г. Куторга не имѣлъ ни въ 1832 г., ни въ 1838 г. Мы увидимъ, ему удалось рѣшить этотъ вопросъ въ послѣдствіи, когда случай доставилъ ему новыя данныя и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ его положеніямъ характеръ несомнѣнной истины. Оставивъ пока вопросъ объ основательности положеній Г. Куторги въ сторонѣ, посмотримъ, какіе онъ долженъ былъ вывести результаты изъ своихъ положеній.

По числу названій аттическихъ древнѣйшихъ колѣнъ, какъ то найдено Г. Куторгою, и по ихъ характеру можно заключить, что они развились естественнымъ путемъ размноженія отъ одного общаго родоначальника, какъ то видно изъ ихъ собственныхъ именъ; кромѣ того эти колѣна связывались не однимъ происхожденіемъ, но и поклоненіемъ одному божеству, откуда произошли нарицательныя религіозныя названія. Придя въ Аттику, каждое изъ этихъ колѣнъ заняло отдѣльную ея область съ отдѣльнымъ физическимъ характеромъ. Такъ какъ Аттика имѣетъ въ физическомъ отношеніи четыре главныхъ вида, а именно: юго-западная ея часть расположена на берегу моря, другая — южная — окружена съ трехъ сторонъ моремъ, третья — сѣверо-восточная — перерѣзана во всѣхъ направленіяхъ горами, а четвертая заключается въ серединѣ, то каждое изъ четырехъ аттическихъ колѣнъ могло занять одну изъ тѣхъ частей и сообразно съ характеромъ своего участка получило новое територіальное названіе: Актея (береговое), Паралія (приморское), Діакрія (горное) и Месогея (средиземное). Вотъ какъ Г. Куторга рѣшилъ вопросъ о происхожденіи аттическихъ колѣнъ, опираясь на свое объясненіе мѣста Полидевка; но до послѣдняго десятилѣтія, не смотря на все остроуміе автора аттическихъ колѣнъ и на всю важность его изысканій, всегда легко было бы возразить ему, напомнивъ, что его изысканія основаны на одномъ анализѣ родового быта другихъ младшепородящихъ племенъ и на примѣненіи своихъ резуль-

татовъ къ древней исторіи Греціи; однимъ словомъ, на сравненіи; между тѣмъ какъ сравненіе отнюдь не всегда и не вездѣ можетъ быть принимаемо за доказательство. Если бы Г. Куторга могъ доказать, что, наприм., Гелеонты поклонялись Зевсу и жили въ Актѣ и т. д., то тогда конечно его положеніе о томъ, что каждое аттическое колѣно имѣло вдругъ три названія, было бы несомнѣннымъ. Въ послѣдствіи случай дѣйствительно оказалъ такую услугу Г. Куторгѣ, доставивъ ему возможность показать, какое аттическое колѣно поклонялось какому божеству и въ какой части Аттики оно жило. Рѣшеніе этихъ вопросовъ составило содержаніе послѣдняго его сочиненія: *Beiträge zur Erklärung der vier ältesten attischen Phylen* (Ballet. hist.-phil. t. VIII n° 6). Здѣсь (стр. 5) мы находимъ слѣдующія навѣстія. Въ 1840 г. извѣстный любитель древностей Питтакисъ надалъ надпись, найденную близъ Аѳинъ по дорогѣ къ Ахарнамъ; изъ содержанія этой надписи видно, что названіе Месогаѳ относилось не только къ извѣстной части Аттики, но и къ колѣну, которое ее населяло. Въ 1844 г. въ аѳинскомъ акрополѣ былъ найденъ пьедесталъ изъ бѣлаго мрамора съ надписью, въ которой особенно замѣчательны слѣдующія слова: *Διὸς Γελεοντος ἱεροκέρυξ Τίτος Κοκωνίας κ. τ. λ.*, т. е. Титъ Колоній, священновѣстникъ Зевса гелеонтскаго и т. д. Слова «Зевсъ гелеонтскій» прямо указываютъ на обожаніе Зевса Гелеонтами, а вмѣстѣ съ тѣмъ на однозначность родового и религіознаго названія и тождество названій Полидевка: Гелеонтъ и Діасъ. Впрочемъ Г. Куторга не остановился въ своемъ «Beitrag» на одномъ оправданіи ирежнихъ своихъ положеній, но съ свойственнымъ ему остроуміемъ воспользовался найденными надписями для полнаго рѣшенія предложеннаго нами выше вопроса: какому божеству поклонялось каждое колѣно и гдѣ оно жило?

При этомъ случаѣ Г. Куторга весьма удачно воспользовался открытіемъ одного весьма замѣчательнаго итальянскаго ученаго, Корсини, который первый обратилъ вниманіе на одну особенность древнихъ при ичисленіи частей какого нибудь цѣлаго. Древніе, по наблюденію Корсини, перечисляли части въ одномъ, разѣ на всегда опредѣленномъ, порядкѣ, и справедливость своего положенія Кор-

сими превосходно доказалъ своимъ разысканіемъ объ аттическихъ новѣйшихъ колѣнахъ, т. е. колѣнахъ по государственному устройству Клизеена, Г. Куторга прилагаетъ положеніе Корсини къ древнѣйшимъ аттическимъ колѣнамъ и на основаніи словъ Иродота (V, 66) принимаетъ слѣдующій ихъ законный, или лучше сказать, оффиціальныи порядокъ: Гелеонты, Эгикоры, Аргады и Оплиты. Послѣ этого Г. Куторга ставитъ подъ этимъ рядомъ собственныхъ именъ колѣнъ аттическихъ рядъ нарицательныхъ религіозныхъ:

Гелеонты — Эгикоры — Аргады — Оплиты.
 Діасъ — Аѣннаисъ — Посидоніасъ — Ифрестіасъ.

Изъ приведенной выше надписи Росса мы знаемъ, что Гелеонты поклаіялись Зевсу (*Zeus* род. *Διός*), и дѣйствительно у Полидевка, то и другое имя, т. е. Гелеонты и Діасъ, начинаютъ порядокъ и оба стоятъ на первомъ мѣстѣ. Принимая положеніе Корсини, можно заключить далѣе, вмѣстѣ съ Г. Куторгою, что Эгикоры поклаіялись Аѣниѣ, ибо подъ ихъ именемъ стоитъ Аѣннаисъ; Аргады поклаіялись Посидону и Оплиты Ифѣсту, по той же причинѣ. Г. Куторга нашелъ даже одно мѣсто Еврипида (Іонъ, 1580 и слѣд.), которое дѣлаетъ его догадку почти несомнѣнною. Еврипидъ полагаетъ, что Эгикоры получили свое названіе отъ Эгиды Аѣнны и тѣмъ указываетъ на связь этого племени съ обожаніемъ имъ же Аѣнны. По приведенной таблицѣ мы уже видели, что Эгикоры дѣйствительно должны были поклаіяться Аѣниѣ.

Еще съ большимъ остроуміемъ опредѣляетъ Г. Куторга мѣсто жительства каждаго аттическаго колѣна. По свидѣтельству Павсанія (I, 2, 5.), къ Аѣннахъ поклаіялись Зевсу *актійскому*. Каждый теперь видитъ, что Зевсу поклаіялись нѣкогда въ Актѣ; а Зевсу, какъ мы уже знаемъ, поклаіялись Гелеонты, слѣдовательно Гелеонты жили въ Актѣ. Если мы теперь поставимъ подъ вышеприведенными двумя рядами именъ аттическихъ колѣнъ третій ихъ рядъ, территориальный, въ томъ порядкѣ, какъ онъ сохранился у Полидевка, то увидимъ, что и въ этомъ случаѣ положеніе Г. Куторги оправдывается совершенно:

1. Гелеонты — Эгикоры — Аргады — Опляты.
2. Діасъ — Аѳинаисъ — Посидоніасъ — Ифестіасъ.
3. Актѳя — Паралія — Месогаѳя — Діакрія.

У Полидевка, въ его возстановленномъ видѣ, Актѳя также стоитъ на первомъ мѣстѣ, какъ Діасъ и Гелеонты. По положенію Корсини не трудно будетъ отыскать мѣсто жительства другихъ колѣвъ. Вотъ общій результатъ всего сказаннаго: Гелеонты поклонялись Зевсу и жили въ Актѳѣ; Эгикоры поклонялись Аѳинѣ и жили въ Паралии; Аргады поклонялись Посидону и жили въ Месогаѳѣ; Опляты поклонялись Ифесту и жили въ Діакріи.

Послѣ того, какъ первыя предположенія Г. Куторги оправдались совершенно, мы имѣемъ право ожидать подобнаго и для его послѣднихъ изысканій; тѣмъ болѣе, что авторитетъ Корсини твердо ручается за основательность его наблюдений, а мѣсто Еврипида, какъ мы видѣли, успѣло уже теперь оправдать одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ Г. Куторги.

3. Намъ остается теперь объяснить, какое вліяніе могли имѣть результаты изысканій Г. Куторги на рѣшеніе другихъ вопросовъ Греческой исторіи и вообще на цѣлый ея ходъ. При этомъ случаѣ мы убѣдимся, что труды нашего профессора не только должны сдѣлать эпоху въ нашей отечественной литературѣ всеобщей исторіи, но даже въ отношеніи къ избранному имъ отдѣлу, т. е., въ отношеніи къ древнѣйшей исторіи Греціи до VI-го столѣтія, они могутъ занять важное мѣсто въ ряду трудовъ иностранныхъ ученыхъ по тому же предмету. До сочиненія Г. Куторги вопросъ о значеніи древнѣйшихъ аттическихъ колѣвъ раздѣлялъ всѣхъ германскихъ ученыхъ на двѣ противоположныя партіи: одни утверждали, что аттическія древнѣйшія колѣвна были учрежденіемъ, заимствованнымъ у Востока, и слѣдовательно имѣли тоже самое значеніе, какъ и касты; первый замѣчательный ученый, высказавшій такое мнѣніе, былъ Гюльманъ; Бѣкъ своимъ авторитетомъ придалъ еще болѣе вѣсу его мнѣнію; къ нимъ присоединились Платнеръ, Крейцеръ, Бутманъ, Шѣманъ и др. Противъ этихъ ученыхъ возстали Вейсе, Титманъ и Штуръ; но основательнѣе всѣхъ опровергалъ существованіе кастъ въ Греціи Гот-

фридъ Германнъ. Защитники кастъ въ Греціи имѣли двоякое основаніе: 1) въ этимологическомъ объясненіи названія колѣнъ, и 2) въ свидѣльствѣ греческихъ писателей. Въ своемъ сочиненіи: *Колѣна и Сословія аттическія* (стр. 66 и слѣд.) Г. Куторга достаточно опровергъ оба эти основанія и искусно объяснилъ удивительную причину ложнаго взгляда на аттическія колѣна самихъ греческихъ писателей (стр. 71) По справедливому замѣчанію Г. Куторги, всѣ свидѣльства о кастообразности аттическихъ колѣнъ суть не что иное, какъ мечта греческихъ ученыхъ, желавшихъ вставить исторію своего отечества въ эгипетскія рамки. Греческіе эгиптоманы думали подобной теоріей облегчить себѣ обзоръ всемірныхъ событій. Но мы можемъ теперь, на основаніи изысканій Г. Куторги, весьма легко возразить какъ древнимъ эгиптоманамъ, такъ и новѣйшимъ ихъ защитникамъ. Собственные (properia) названія колѣнъ аттическихъ, разсматриваемыя въ отдѣльности, какъ то и было до сихъ поръ, наводятъ cadaго на весьма простую мысль о ихъ кастообразности. Оплиты (*ὀπλίται*), по переводу съ греческаго, могутъ подать поводъ думать о кастѣ воиновъ; эгикоры (*ἀγικὸρῆσ*) — о кастѣ пастуховъ; Аргеды (*ἀργαῖοι*) — о кастѣ ремесленниковъ. Подъ «Гелеонтами» ученые разумѣли иногда жрецовъ иногда поселянъ, а иногда сановниковъ, даже одни читали: *Γελέοντες*, другіе *Τελέοντες*. Несогласіе толкователей относительно «Гелеонтовъ» особенно хорошо обнаруживаетъ ненадежность этимологическихъ разысканій. Но если мы теперь предположимъ, что Гелеонты назывались въ одно и то же время «Діасъ», т. е. поклонялись Зевсу, и также носили названіе «Актѣйцевъ» т. е. жили въ Актѣ — а послѣ найденныхъ надписей въ томъ нельзя и сомнѣваться — то какимъ образомъ мы можемъ считать Гелеонтовъ за касту жрецовъ, поселянъ или сановниковъ? Принимая Гелеонтовъ и другія колѣна за касты, мы должны будемъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что въ Актѣ жили одни жрецы; въ Параліи — только пастухи; въ Месогѣѣ — одни ремесленники; и въ Діакріи — одни только воины. Если бы дѣйствительно Гелеонты составляли касту жрецовъ, то ни въ какомъ случаѣ не могли бы они поселиться всѣ вмѣстѣ въ одной части Аттики, въ Актѣ, потому что

по своей обязанности они должны были бы разсѣяться по всей Аттикѣ. Такъ, Левиты, одно изъ Израильскихъ колѣнъ, составляя касту жрецовъ, при раздѣлѣ Палестины, не получили никакого опредѣленнаго участка, а жили разсѣянно между другими колѣнами. Такимъ образомъ, оставаясь вѣрными мнѣнію о кастообразности аттическихъ древнѣйшихъ колѣнъ и не имѣя возможности опровергнуть ихъ территоріальности, мы дойдемъ *ad absurdum*. Г. Куторга не могъ, при началѣ своихъ трудовъ, опровергнуть своими изслѣдованіями мнѣніе о кастообразности аттическихъ колѣнъ, потому что до 1840 г., его изслѣдованія имѣли только гипотетическое достоинство. Но за то мы имѣемъ теперь полное право примѣнить результаты его изысканій къ окончательному рѣшенію вопроса о значеніи древнѣйшихъ аттическихъ колѣнъ, а мѣсто Иродота, на которое одно могъ только сослаться тогда Г. Куторга (Колѣна и Сосл. аттич. стр. 70), въ опроверженіе кастообразности колѣнъ Аттики, для насъ теперь пріобрѣтаетъ еще большее значеніе. Иродотъ (V, 66) говоритъ, что Клизеенъ раздѣлилъ на десять филъ Аттику, которая прежде была раздѣлена на четыре филы: Гелеонты, Эгикоры Аргады и Оплиты. Следовательно древнѣйшія аттическія филы были территоріальныя; а, бывъ такими, они не могли быть кастами, или въ противномъ случаѣ имъ должны предположить, что въ Аттикѣ касты жили совершенно отдѣльно.

Но изысканія Г. Куторги о древнѣйшихъ колѣнахъ Аттики оказываетъ наукѣ не одну ту заслугу, что на основаніи ихъ можно теперь положительно рѣшить вопросъ о кастообразности колѣнъ. Г. Куторга, на основаніи изысканій, которыми принесли ему новые результаты, могъ представить намъ и всю дальнѣйшую исторію Греціи въ иномъ и совершенно новомъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще и естественнѣе того изложенія древнѣйшей исторіи Аттики, которое мы находимъ въ его послѣдующемъ сочиненіи: Колѣна и Сословія аттическ. (стр. 57 и слѣд.)? Аттику, говоритъ Г. Куторга, въ глубокой древности населяли Пеласги; къ нимъ прибыло въ послѣдствіи новое племя—Ионяне, которые, до нападенія на Аттику, дѣлились на четыре колѣна, изъ которыхъ каждое имѣло свое управ-

вленіе, свое божество, и заняло въ Аттікѣ каждое отдѣльный участокъ. Пеласги были побѣждены, и съ тѣхъ поръ населеніе Аттіки состояло изъ двухъ частей: побѣдителей и побѣжденныхъ. Побѣдители дѣлились на четыре колѣна и имѣли особенное управленіе и религію; побѣжденные естественно не могли войти въ составъ тѣхъ четырехъ колѣнъ и слѣдовательно не раздѣляли ихъ преимущества участвовать въ государственномъ управленіи. Побѣдители сохраняли свято свои роды и составили такимъ образомъ въ послѣдствіи цѣлое сословіе родичей или евпатридовъ. Побѣжденные, разсматриваемые только въ отношеніи къ мѣсту своего жительства, назывались, сообразно съ тѣмъ, геоморами. По своему происхожденію, они отличались другъ отъ друга тѣмъ, что первые имѣли политическія права, а послѣдніе ихъ не имѣли. Потому до законодательства Солона древнѣйшая исторія Греціи должна представлять намъ тоже, что мы видимъ въ исторіи Рима послѣ Тарквинія-Гордаго, хотя подробности самой борьбы геоморовъ съ евпатридами намъ не извѣстны въ такой степени, какъ извѣстны подробности борьбы плебеавъ съ патриціями.

Только при такомъ взглядѣ на аттическія колѣна и на первую исторію Аттіки дѣлается понятнымъ законодательство Солона и въ политическомъ отношеніи. Если изысканія Бѣка объяснили вполнѣ финансовую сторону Солонова законодательства, то труды Г. Куторги сдѣлали возможнымъ понимать совершенно политическое его значеніе. Также самое должно замѣтить и о законодательствѣ Клисѣена. По обѣщанію Г. Куторги, высказанному имъ въ его послѣднемъ сочиненіи: Исторія аѣинской республики, разысканіе о законодательствѣ Клисѣена составить предметъ особаго сочиненія. Этимъ сочиненіемъ онъ можетъ заключить первый отдѣлъ своихъ трудовъ по части исторіи древнѣйшей Аттіки, т. е., отъ первыхъ историческихъ извѣстій до VI-го столѣтія, и какъ должно ожидать по предъидущимъ трудамъ нашего профессора, конецъ отдѣла будетъ соответствовать его блестящему началу. Строгое, неутомимое и послѣдовательное изученіе источниковъ и критическій даръ Г. Куторги доставили ему возможность распутать самый темный и смѣстъ съ тѣмъ самый важный

періодъ Греческой исторіи, потому что въ немъ заключается ключъ къ объясненію послѣдующей исторіи Греціи, начиная съ V-го столѣтія. Простота новой формы, которую придаетъ Г. Куторга древнѣйшему періоду исторіи Аттики, и возможность объяснить ею всѣ разнородныя явленія того времени, твердо ручаются за ея правильность и истину. Поэтому изысканія нашего профессора будутъ всегда служить надежною опорой для тѣхъ, которые посвятятъ свои труды изученію V-го и IV-го столѣтій. Событія древнѣйшаго періода и его государственное устройство не скоро потеряли свое вліяніе на судьбу Греціи, а потому, во всякомъ случаѣ, при изученіи послѣдующаго времени исторіи этой страны, должно будетъ обращаться къ событіямъ древнѣйшимъ, и при этомъ труды Г. Куторги окажутъ каждому огромную услугу.

Впрочемъ, послѣ всего нами сказаннаго, мы не имѣемъ никакой нужды прибавлять что-нибудь вообще о значеніи и заслугахъ М. С. Куторги въ нашей всеобщей исторической литературѣ; его ученые труды краснорѣчиво говорятъ сами за себя, и каждый съумѣетъ самъ оцѣнить ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ лучше онъ знакомъ съ положеніемъ вопросовъ древней исторіи, вообще и въ частности, у насъ. Если наша рецензія не дала еще полнаго понятія о трудахъ нашего профессора и не поставила ихъ на ту высокую степень значенія, какой они вполнѣ заслуживаютъ, то въ такомъ случаѣ не лѣзя не пожалѣть, что подобныя труды не успѣли у насъ пока найти болѣе достойнаго себя рецензента.

М. Стасюлевичъ.

Взглядъ на историческое развитіе теоріи поэзіи и прозы.

Разсужденіе магистра Амвросія Метлинскаго, написанное на степень доктора Славяно-Русской филологіи. Харьковъ. 1850.

Теорія словесности получила свое начало еще въ древнемъ мірѣ. — Въ Греціи трудились надъ нею Платонъ и Аристотель, въ Римѣ Цицеронъ, Горацій и Квинтиліанъ; весьма замѣчательныя труды по этой части остались отъ Александрійской школы; наконецъ, въ новой Европѣ: въ

Италіи, Франціи, Англіи и преимущественно въ Германіи, эта наука считаетъ за собою столько славныхъ именъ. Прослѣдить историческое движеніе этой науки, показать, какъ въ различные эпохи и у различныхъ народовъ понималась словесность, и потомъ опредѣлить современное на нее воззрѣніе, какъ результатъ исторіи науки, — задача прекрасная, и, какъ нельзя болѣе, соответствующая потребностямъ нашей отечественной литературы. — Всякому извѣстно, какъ мало у насъ дѣльныхъ сочиненій по этой части, кромѣ разсужденія Г. Шевырева, появившагося еще въ 1836 г., и сочиненія Г. Буслаева о преподаваніи отечественнаго языка.» Недостатокъ въ такого рода сочиненіяхъ особенно ощутителенъ у насъ для преподавателей теоріи словесности; — но новое разсужденіе не пополняетъ нисколько недостатка: для науки оно не имѣетъ никакого значенія. Начать съ того, что вся исторія теоріи словесности изложена на 48 страничкахъ, что на этихъ 48 страничкахъ разобралъ авторъ ученіе Платона, Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, Горация, Плотина, Лонгина, Тассо, Боало, Баттѣ, Мармонтеля, Лагарпа и др., Драйдена, Адиссона, Попе, Джонсона и наконецъ всѣхъ Нѣмецкихъ теоретиковъ, которыхъ не исчисляемъ для краткости; — однимъ словомъ, на 48 страничкахъ разсуждаетъ авторъ о сорока девяти писателяхъ, не считая отечественныхъ. Нельзя не согласиться, что объемъ разсужденія нисколько не соответствуетъ сложности содержанія, что мудрено, при такомъ объемѣ, не говорю уже, критически разобрать всѣ вышеизложенныя теоріи, но даже составить сколько-нибудь подробный ихъ конспектъ.

Сказанное уже достаточно опредѣляетъ достоинство разсужденія; остается познакомить лично читателя съ его содержаніемъ, для полноты доказательства. — Прежде всего нельзя не замѣтить, что Г. Метлинскій нигдѣ не показалъ знакомства съ источниками, что онъ собиралъ свѣдѣнія о своемъ предметѣ по крайней мѣрѣ изъ вторыхъ рукъ, — такъ, на пр., что касается историческаго развитія теоріи поэзіи, все, сказанное имъ объ этомъ предметѣ, есть весьма неполное извлеченіе изъ разсужденія Г. Шевы-

рева, о которомъ мы упомянули выше. — Вообще замѣтно, что авторъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ этого разсужденія; онъ не могъ отвлечься отъ него даже на столько, чтобы начать свое сочиненіе какъ-нибудь иначе. — Кому не бросится въ глаза на ир. слѣдующее обстоятельство: Г. Шевыревъ начинаетъ свое разсужденіе такимъ положеніемъ: «Всѣ явленія міра человѣческаго должны были совершиться въ дѣйствіи, прежде нежели перешли въ знаніе и т. д. Искусство было прежде теоріи.» И у г. Метлинскаго читаемъ на первой страничкѣ: «Въ искусствѣ (читай: искусствѣ) и словесности дѣятельность и ея произведенія предшествовали образованію науки, которой «начала осуществлены были въ произведеніяхъ писателей и художниковъ прежде, нежели появились въ сочиненіяхъ теоретиковъ.» У Г. Шевырева на 4 и 5 стр. читаемъ: «Востокъ въ исторіи нашей науки не существуетъ и т. д. Съ Греціи собственно начинается исторія нашей науки», и т. д. «Фантазія Греческая имѣетъ то существенное отличіе отъ восточной, что она дѣйствуетъ не одиноко, не безусловно-самовластно, а всегда въ согласіи съ прочими способностями души человѣческой, и особенно съ разумной и т. д. Въ этомъ существенномъ характерѣ фантазіи Греческой я полагаю главную причину того, почему именно у Грековъ должна была родиться наука о поэзіи.» У Г. Метлинскаго на 7 страничкѣ: «Начало теоріи у Грековъ, при недостаткѣ ея у восточныхъ народовъ, надобно приписать и особенному совершенству Греческаго образованія, и характеру Греческой фантазіи.» У Г. Шевырева читаемъ: «Въ Греческихъ мифахъ, происхожденіе которыхъ покрыто глубокимъ мракомъ древности, но, разумется, должно быть приписано поэтамъ, находимъ мы многія очевидныя, глубокія мысли о красотѣ, о поэзіи, о связи ея съ науками и искусствами, о поэтическомъ вдохновеніи, о фантазіи, о родахъ и видахъ поэзіи и о характерѣ каждаго.» Въ слѣдъ за этимъ Г. Шевыревъ приступаетъ, какъ и слѣдуетъ, къ раскрытію мифовъ. У г. Метлинскаго не разобрано ничего, а находится только на страничкѣ осьмой:

* Гавно какъ и исторія всего Европейскаго образованія.

«Въ Греціи еще въ мѣахъ встрѣчаемъ понятія или намеки на понятіе о красотѣ въ природѣ и красотѣ въ искус(с)ствѣ, о несовершенствѣ формы, о необходимости выраженія, о «творчествѣ и памяти, о древности поэзіи, о сродствѣ ея съ наукой и искус(с)твомъ, объ раздѣленіи ея на виды, «объ отношеніи вдохновенія къ жизни.» Можно было бы представить еще множество выписокъ, изъ которыхъ читатель ясно можетъ увидѣть, что Г. Метлинскій слишкомъ ужъ очевидно пользовался разсужденіемъ Г. Шевырева, и что сказанное Г. Шевыревымъ на тридцати или сорока страницахъ у Г. Метлинскаго скромно помѣщается на пяти, трехъ, иногда на одной страничкѣ.—Есть примѣры, что одно положеніе Г. Шевырева обширнѣе того, что у Г. Метлинскаго сказано въ разсужденіи о томъ же самомъ предметѣ.

Представимъ нѣсколько примѣровъ, какъ авторъ излагаетъ различныя теоріи словесности. — Нѣтъ ни одного писателя, даже ни одного положенія какого-нибудь писателя, надъ которымъ бы онъ остановился и потрудился бы его разобрать и объяснить его значеніе въ исторіи науки; — вездѣ вы встрѣтите одно голое исчисленіе сочиненій извѣстнаго автора, потомъ прочтаете нѣсколько положеній, давнымъ давно вамъ извѣстныхъ изъ учебниковъ, которые вы проходили еще въ Гимназіи, тѣмъ и кончается все дѣло. — Какая жъ тутъ исторія науки, если науку понимать какъ нѣчто, органически развивающееся, гдѣ всѣ явленія имѣютъ взаимную тѣсную связь, по отношенію къ одному общему предмету? Посмотримъ, на пр., что говорить авторъ о Квинтиліанѣ. — Во 1-хъ, онъ исчисляетъ заглавія его двѣнадцати книгъ; потомъ говоритъ, что Квинтиліанъ слѣдитъ за развитіемъ оратора отъ самой колыбели, и потому сначала излагаетъ правила для его воспитанія, предпочитая общественное домашнему; что Квинтиліанъ совѣтуетъ будущему оратору изученіе языка, поэзіи, исторіи, музыки, геометріи, политики, правовѣдѣнія, и, при чтеніи писателей, особенно въ началѣ, выборъ самыхъ превосходныхъ; что онъ опровергаетъ возраженіе противъ правилъ искус(с)тва, но не одобряетъ излишняго къ нимъ пристрастія; что онъ *прекрасно* (какъ это изобразительно!)

изображаетъ достоинство человѣческаго слова, — разсматриваетъ достоинство трехъ родовъ рѣчей, принимаемыхъ у Аристотеля; что, разсматривая мысль и слово, отдаетъ преимущество первой предъ послѣднимъ; что главными качествами хорошаго выраженія онъ считаетъ ясность, исправность, украшеніе. — Далѣе авторъ прибавляетъ: «Не распространяясь въ извлеченіяхъ изъ Квинтиліана, замѣтимъ, что сочиненіе его *богато* (какъ много въ этомъ «словѣ!») мыслями, важными для искус(с)тва ораторскаго.» — Въ заключеніе авторъ приводитъ слова Г. Давыдова о Квинтиліанѣ, слова Квинтиліана о самомъ себѣ и наконецъ цитату въ двѣ строчки изъ Бернгарда. — Спрашивается: можно ли изъ такого конспекта получить хоть малѣйшее понятіе о Квинтиліанѣ, хоть сколько-нибудь опредѣлить его значеніе въ исторіи науки? Еще замѣчательнѣе, по сжатости изложенія, разборы теоретиковъ новой Европы; на пр. о Мармонтелѣ авторъ говоритъ: «Мармонтель, въ сочиненіи „О вкусѣ,» отдаетъ предпочтеніе условнымъ приличіямъ предъ всеобщими законами изящнаго.» О Вольтерѣ: «Вольтеръ то осуждалъ стѣсненіе дарованій неосновательными правилами, то впадалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою.» О Фенелонѣ: «Для теоріи ораторства, особенно «духовнаго, замѣгательны сочиненія Фенелона.» Положимъ, что теорія словесности во Франціи получила ложное направленіе, что она для движенія науки не принесла никакой ночки пользы; тѣмъ не менѣе авторъ не имѣлъ права обойти это явленіе безъ объясненія его причинъ. — Развитие Французской теоріи словесности, не имѣя общаго и безусловнаго значенія, все-таки имѣетъ мѣстный и историческій интересъ. — Отдѣляться двумя, тремя строками отъ какой бы то ни было теоріи, несообразно съ характеромъ ученаго разсужденія. — При томъ, не одной Франціи пришлось перенести такое обидное невниманіе со стороны Г. Метлинскаго; самой Германіи, гдѣ эстетика, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наука словесности, получила прочныя основанія и богатое развитіе, досталась та же доля. — Канту, Шеллингу и Гегелю посвящено съ небольшимъ по страницѣ, о Фихте сказано, что онъ подчинялъ изящное нравственному и произвелъ значительнаго вліянія на эстетику. — Но

больше всего мнѣ понравилась характеристика Шиллера: «Ученію Канта и Фихте отчасти слѣдовалъ Шиллеръ, понимавшій изящное за единство чувственнаго и духовнаго, и какъ бы предъугадывавшій Шеллинга.» Что на это сказать? Дѣло, кажется, само по себѣ ясно.

Изложивъ такимъ образомъ исторію науки, Г. Метлинскій входитъ въ объясненіе отношенія поэзіи къ искусствамъ и словесности, на основаніи новѣйшей, какъ онъ говоритъ, Гегелевой эстетики. — Въ этой части разсужденія мы не нашли ничего замѣчательнаго, кромѣ особой вычурности изложенія, которая, по нашему и по общему мнѣнію, нѣ всегда прилична сочиненію, писанному съ ученой цѣлью. — Скажемъ нѣсколько словъ о положеніяхъ. — Большая часть ихъ отличается неприкосновенностью; содержаніе ихъ такого свойства, что нечего возразить. — На пр. кто не согласится съ слѣдующими положеніями: «Платонъ оставилъ въ сочиненіяхъ своихъ «глубокія, важныя мысли о прекрасномъ и словесности.» «Аристотель написалъ образцовыя систематическія сочиненія по теоріи словесности, имѣвшія вліяніе и на послѣдующихъ писателей: Реторику какъ науку витійства, и Пѣстику, какъ науку поэзіи, преимущественно драматической.» Ничего невыдуманнаго сказать противъ этихъ положеній: — дѣйствительно, Платонъ оставилъ глубокія и важныя мысли о прекрасномъ и словесности; дѣйствительно, отъ Аристотеля остались Реторика и Пѣстика. Еще положеніе: «Въ Римской словесности болѣе сдѣлано для теоріи витійства Цицерономъ и Квинтиліаномъ, нежели Гораціемъ для теоріи поэзіи.» Опять правда: отъ Горація осталось одно только сочиненіе «*Ars Poëtica*» его теорія вышла прямо изъ теоріи Аристотеля и есть ничто иное, какъ ея видоизмѣненіе; а отъ Цицерона осталось нѣсколько классическихъ сочиненій по части реторики, отъ Квинтиліана двѣнадцать книгъ по той же части. — Замѣчательно слѣдующее положеніе: «Французскіе классики, *которыхъ не должно смѣшивать съ древними классиками*, имѣли сильное вліяніе на Европейскую словесность.» И такъ мы видѣли, что въ первой части своего разсужденія Г. Метлинскій представилъ намъ бѣдный конспектъ всѣхъ теорій сло-

ности; во второй части, гдѣ онъ объясняетъ отношеніе поэзіи къ искусству и словесности, равно какъ и въ своихъ положеніяхъ, онъ не только не рѣшилъ, но даже мелькомъ не задѣлъ ни одного вопроса изъ своей науки. — Рецензенту не было возможности даже поспорить съ авторомъ: ему не представилось никакого случая тронуть какую-нибудь сторону предмета, потому что авторъ не подалъ ему ни малѣйшаго повода къ тому. — Самому отъ себя ставить вопросы рецензенту казалось неприличнымъ: его дѣло не предлагать вопросы, а только слѣдить за трудомъ автора. — Въ заключеніе повторимъ опять наше искреннее, и, разумѣется, безпристрастное мнѣніе, что наука нисколько не выиграла отъ разсужденія Г. Метлинскаго, что въ читающемъ обществѣ оно произведетъ весьма невыгодное для автора впечатлѣніе, — особенно въ Москвѣ, которая такъ приучена ученою дѣятельностью своего Университета ко взыскательности, гдѣ такъ часто являются замѣчательнѣйшія сочиненія по различнымъ отраслямъ науки, гдѣ современно съ разсужденіемъ Г. Метлинскаго вышло разсужденіе Г. Кудрявцева, вслѣдъ за разсужденіями Гг. Леонтьева, Буслаева, Каткова. Ф.

9. Басни Константина Масальскаго. С. П. Б. 1851.

Тяжела обязанность библіографа, когда приходится говорить о книгѣ, подобной баснямъ Г. Масальскаго. Надобно сказать всю правду; а Г. Масальскій вѣрно будетъ недоволенъ: онъ, въ своемъ предисловіи, заранѣе уже вооруженъ на критиковъ и приготовилъ имъ свои возраженія. И такъ — будемъ глядѣть въ глаза опасности, т. е. пойдемъ прямо противъ предисловія, какъ на главный редутъ, защищающій его басни.

«Не имѣя дара предвѣдѣнія (говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи), предскажу однакожъ почти навѣрное, что нѣкоторые изъ критиковъ воскликнутъ нѣчто въ этомъ родѣ: «какъ осмѣлится писать и печатать басни послѣ безсмертнаго, неподражаемаго Крылова! Да это такая смѣлость, такое литературное преступленіе, за которое перо такого-то, по неумолимому закону критики, подлежитъ строжайшему наказанію, брошенію въ воду, или сожженію на костръ.»

Я думаю, что ни одинъ знающій критикъ не сдѣлаетъ подобнаго восклицанія; и вотъ почему: во первыхъ, позволительно быть и ниже Крылова, но съ условіемъ: быть замѣчательнымъ въ своемъ собственномъ родѣ. Таковъ былъ Измайловъ. — Во вторыхъ, можно быть, если кому Богъ дастъ талантъ, и равнымъ Крылову, даже превышать его въ томъ, что составляетъ его недостатокъ; а именно, въ чистотѣ и правильности языка, ибо у Крылова встрѣчаются шероховатости и погрѣшности, которыхъ нѣтъ ни у Хемницера, ни у Дмитріева. По изобрѣтенію и народности сказа онъ превосходитъ и ихъ обоихъ, и самого Лафонтена; но по чистотѣ языка ниже всѣхъ ихъ. — Почему же не писать послѣ Крылова?

«Если допустить (продолжаетъ авторъ) справедливость восклицанія: какъ писать и печатать басни послѣ Крылова! — то логически слѣдуетъ признать справедливыми и всѣ слѣдующія восклицанія: «Какъ! писать трагедіи или комедіи послѣ Шекспира, Шиллера, Мольера, Грибоѣдова и проч. и проч.»

Нѣтъ! одно изъ другаго не слѣдуетъ логически. Басня наша, въ трехъ нашихъ баснописцахъ, стоитъ на высокой степени совершенства: этотъ родъ почти конченъ. Въ немъ у насъ только и можно предположить развѣ втораго Крылова, пишущаго языкомъ совершенно гладкимъ, чистымъ и правильнымъ; но не болѣе. — А трагедія и комедія совсѣмъ другое. Театра у насъ почти нѣтъ; трагедіи — ни одной совершенной, комедіи — четыре, пять, не болѣе. Слѣдовательно, писать басни послѣ Крылова, дѣло довольно трудное, хотя и не совсѣмъ невозможное; а для трагедіи и комедіи — открытое поле: на Русскомъ нѣтъ Шекспира, Шиллера и Мольера.

Далѣе вооружается авторъ противъ нѣкоторыхъ критиковъ, имѣющихъ чувство *артистичности*. — Да какъ же, говоря объ искусствѣ, не имѣть чувства художественности; ибо слово *артистичность*, при всей своей уродливости, значить по-русски художественность. Потомъ утѣшается онъ будущимъ мнѣніемъ заслуженныхъ литераторовъ, которые, не гоняясь за *тенденціею* и чувствомъ *артистичности*, говорятъ просто правду, не смотря на *лице*, или

на индивидуумѣ. — Лицо не есть индивидуумъ, а регионъ; индивидуумъ же переводится по-русски недѣлимымъ. — Но какъ же не требовать отъ автора тенденціи? — Тенденція есть направленіе; каждый авторъ долженъ имѣть какое нибудь направленіе.

«Пусть не мѣшаютъ и мнѣ писать басни, говоритъ далѣе авторъ, если этотъ родъ мнѣ нравится съ молодыхъ лѣтъ моихъ.» — Да пишете, Богъ съ вами! кто вамъ мѣшаетъ? а если напечатали, извините, читатель имѣетъ право требовать одного хорошаго. — Буало говоритъ:

Dès que l'impression fait éclore un poète,
Il est esclave-né de quiconque l'achète.

«Графъ Хвостовъ (продолжаетъ авторъ), въ одной изъ своихъ басенъ написалъ:

Овецъ тазать охочи волки.
Россійскій Лафонтенъ (т. е. Крыловъ) о нихъ худые толки
Пустякъ и пріобрѣлъ вѣнецъ,
Французскому Фонтену подражая;
Фонтену Федръ былъ образецъ:
Эзопъ имъ всёмъ отецъ.»

«Графъ Хвостовъ (прибавляетъ онъ) забылъ еще превосходныхъ баснописцевъ нашихъ: Хемницера и Дмитриева, и не сказалъ ни слова объ оригинальномъ, замѣчательномъ Измайловѣ.»

Изъ этихъ словъ видно, что авторъ басенъ не твердо знаетъ исторію Русской литературы. Басни Графа Хвостова, въ которыхъ находятся и приведенные здѣсь стихи, напечатаны въ 1802 году, а Крыловъ началъ печатать свои басни въ 1809 и 1811 годахъ; Измайловъ же въ 1814. Нельзя же было въ 1802 г. пророчествовать о нихъ Графу Хвостову. Здѣсь *Россійскимъ Лафонтеномъ* названъ А. П. Сумароковъ, что свидѣтельствуется другою его баснею: «*Себртокль*», которая начинается такъ:

Безсмертный Сумароковъ,
Россійскій Лафонтенъ,
Гонитель шалостей, пороковъ!
Твой слогъ легокъ и быстръ, не пышенъ, не надменъ.

До Крылова называли также Лафонтеномъ И. И. Дмитриева, и въ стихахъ, и въ тогдашнихъ журналахъ; такъ что, для отличія ихъ одного отъ другаго, наши книгопродавцы называли иногда Крылова, въ своихъ объяв-

нїяхъ: *нашѣ любимѣйшій Лафонтенѣ*. — Русскому писателю надобно знать во всей подробности, во всѣхъ мелочахъ, исторію Русской литературы.

Довольно о предисловіи; что теперь сказать о басняхъ?

Басни Г. Масальскаго отличаются отъ другихъ, во первыхъ, тѣмъ, что это не басни, а какія-то уподобленія. То есть: въ нихъ, по большой части, нѣтъ аллегоріи, или продолженной метафоры, этой души басни; а просто разсказъ, съ объясненіемъ, что этому или должно слѣдовать, или не должно слѣдовать. Примѣры:

1. Былъ дурной портной, который, отъ незнанія своего ремесла, разорился. — Нравоученіе:

Мы этой баснею имѣли цѣль внушить,
Какъ худо быть портнымъ, когда не знаешь шить!

2. Мужикъ вырылъ яму у воротъ своего сосѣда, чтобы попалъ въ нее сосѣдъ, а попалъ въ нее самъ. — Нравоученіе:

.... Яму ты другимъ не рой впередъ:
Кто роетъ яму, тотъ въ нее и попадетъ:

3. У одного человѣка повалился домъ; онъ приходитъ къ сосѣду просить пристанища, и въ то же время совѣтуетъ ему починить его домъ, чтобы онъ не повалился. — Нравоученіе:

Въ какой-то книгѣ я недавно прочиталъ:
Инаго домъ валится,
А онъ боится,
Чтобъ домъ сосѣдній не упалъ.

4. Звонарь Потапъ, не справясь съ святцами, бухъ въ колоколь! Староста началъ его при всѣхъ позорить. Онъ покался.

«Ну, коли каешься, міръ молви: дѣло въ шляпѣ!

Нравоученіе:

«Безъ справокъ не трезвонь и вспомни о Потапѣ!

5. Чтобы укротить языкъ какой-то бранчивой Ирины, прибѣгаютъ къ колдовству. Колдунъ даетъ свой носовой платокъ, съ такимъ приказаніемъ:

«Ты наложи его Ирину на ротокъ».

Но это средство не удалось. Ирина разсердилась пуще. —
Нравоученіе:

Ни чарамъ, ни чѣмъ, ни старыми платками
Не слаживалъ вкото съ клеветниками.

Я хочу сказать этими примѣрами, что у Г. Масальскаго нравоученіе басни есть почти всегда не нужное повтореніе на словахъ—примѣра, представленнаго въ разсказѣ.

Еще замѣчаніе.—Въ баснѣ, какъ вообще ее понимаютъ, животныя хотя и представляютъ человѣковъ, но дѣйствуютъ, какъ животныя, сообразно своей натурѣ; а у Г. Масальскаго, напротивъ, они дѣйствуютъ какъ люди. Объяснимся примѣромъ. Въ баснѣ Крылова: *Квартетъ*, животныя, хотя и берутъ въ лапы инструменты, но это по необходимому требованію содержанія басни; а у Г. Масальскаго осель, въ гостяхъ у слона, садится въ кресла безъ всякой необходимости.

Природа въ басняхъ Г. Масальскаго не слѣдуетъ своимъ законамъ.—Слѣпень всѣхъ кусаетъ со злости.—Нѣтъ! Слѣпни кусаются за тѣмъ, что насыщаются кровью животныхъ.—Лягушки говорятъ птицамъ:

Не вамъ летать, не вамъ парить подъ облаками;
Удѣлъ вамъ по землѣ таскаться съ пѣтухамъ.

А пѣтухи не таскаются; они ходятъ напротивъ очень гордо и отличаются бойкостію: отчего есть у насъ и выраженіе — *пѣтушиться*. — Индѣйскій пѣтухъ, въ одной баснѣ, самъ названъ: индѣецъ; а цыпленка называетъ: *молокососѣ*. Но птицы не принадлежать къ млекопитающимъ; и цыплята молока не сосутъ.—Кроликъ, въ одной баснѣ, воскликнулъ —

И подъ бока пырнулъ медвѣдя онъ ушами,
Ну словно быкъ рогами.

У кролика уши мягки; онъ не можетъ пыраться ими, какъ рогами. — Медвѣдь говоритъ ему:

Сожму тебя я въ лапѣ,
Да съѣмъ, и дѣло будетъ въ шляпѣ!

Медвѣдь не носитъ шляпы, и потому, на медвѣжьемъ языкѣ не можетъ быть этой пословицы. — Все это чрезвычайно какъ-то напоминаетъ Графа Хвостова, у котораго ужъ становится на *колѣни*; паукъ *прыгаетъ*; мухъ смерть пришла отъ *ластогкиныхъ рукъ*; осель—крѣпко *лапами* за дерево хватаетъ, а подъ конецъ басни очутился *ослицею*, и проч.

Всего чуднѣе въ этомъ родѣ у Г. Масальскаго басня: «Крестьянинъ и заяцъ». Выпишемъ ее всю для удовольствія читателя:

Одважды, по лѣсу, шелъ староста Кодрать,
И кузовъ на спинѣ тащилъ онъ преогромный.
— Вѣдь завтра день-то не скоромный, —
Крестьянинъ разсуждалъ. — Несказанно я радъ,

Что кузовъ мой грибами полонъ.

Вотъ, завтра, на обѣдъ, ко мнѣ прикатить братъ;
А у меня пироги! Лишь не былъ бы онъ солонъ!
Да за хозяйкою я присмотрю и самъ,
А выдѣть худъ пирогъ, такъ грѣхъ-то попадамъ.
На встрѣчу пырь въ глаза Кодрату жирный заяцъ.
Бѣгунъ, отъ ужаса, прищурилъ, какъ Китаецъ,
Свои глаза, и вдругъ на лапки сталъ.

— Ахъ, ты косой! Кодрать вскричалъ.

— Ты оборотень что ль? Скорѣ признавайся,
Не то такъ съ жизнью раставайся!
Ну, говоря жъ скорѣ: кто ты? — «Груздь!»
Такъ заяцъ отвѣчалъ въ смущеніи. — Ну, пусть!
Назвался ты груздемъ, такъ въ кузовъ, мой любезный!
Ты мнѣ, какъ вижу я, грибокъ-то преполезный,
И такъ какъ я навѣстный хлѣбосолъ,
То послѣ пирога тебя подамъ на столъ.

—
Кто предъ людьми чужую роль играетъ,
Тотъ скоро въ кузовъ попадаетъ.

Есть въ этихъ басняхъ и сравненія тоже, какъ у Графа Хвостова, что называется ни къ селу, ни къ городу. Напримеръ:

Храни Господь — твой домъ свалится,
Убьетъ тебя съ женой, съ дѣтьми,
И ляжете вы тутъ какъ *Святославъ костями*.

А у Графа Хвостова:

Улисова сестрица,
Лисица
По самы по груди пошла въ грязь
И тину,
Оставила одну наружи только спинну.
Въ рукахъ Циклоповыхъ былъ самъ Итаки князь.

Въ басняхъ Г. Масальскаго замѣтна еще чрезвычайная неточность мысли и выраженія. Между множествомъ примѣровъ выберемъ одинъ:

Въ одной изъ тучъ скрывался крупный
И чувству зависти достушный,

Честолюбивый Градь.

Увидѣвъ, какъ дождю всякъ радъ,
Съ ужаснымъ шумомъ и стремленьемъ
Посыпался огъ на поля.

Нравоученіе:

Одинъ добро творить безъ шума и безъ славы,
Другой шумитъ себѣ для гора и забавы,

Неясно: для чьего горя? для чьей забавы? А горе и забава, въ одномъ лицѣ и въ одно время, невозможны.

Дѣйкъ басень вездѣ прозаическій; ни какой силы, ни какой вѣрности и отчетливости. Напр. *Цѣлый день онъ деньской*. — Что нибудь одно: или *цѣлый день*, или *день деньской*.

Что сказать послѣ этого? Басни дурны; порядочныхъ нашли мы, но только порядочныхъ, всего три или четыре; а именно: *Два колоса*, *Овца и терновникъ*, *Сытъ*; всѣхъ лучше басня, подъ названіемъ: *По слушаю*.

Совѣтуемъ Г. Масальскому: совсѣмъ не писать басень, а между тѣмъ прочитатъ со вниманіемъ хотя *Измайлова*— Опытъ о разсказѣ басни.

Л. Л.

Руководство къ Оперативной Хирургіи, Ж. Ф. Мальгеня,
перев. Д. Я. Чистовичъ. С. Петерб. 1851. XI. с. 780.

Мальгеня, извѣстный своими заслугами по части Хирургіи и Хирургической Анатоміи, справедливо можетъ быть поставленъ въ числѣ французскихъ представителей той и другой. Пятое изданіе его руководства къ Оперативной Хирургіи ручается за пользу послѣдняго. И дѣйствительно, стоя наряду съ лучшими краткими руководствами того же рода, наданными въ Англіи и Германіи, оно представляетъ хорошій учебникъ для начинающихъ и полезную какъ памятную, такъ и подручную книгу для практиковъ. Возможная полнота содержанія, строгой порядокъ и легкость въ изложеніи, множество анатомико-хирургическихъ и анатомико-патологическихъ указаній или данныхъ, столь важныхъ для правильнаго и успѣшнаго производства операцій, критическая оцѣнка ихъ, управляемая тѣми же данными и нечуждая опыта, говорятъ въ пользу автора и из-

бранихъ его для перевода на Русской языкъ, хотя, гдѣ-жѣтимъ мимоходомъ, въ избранномъ сочиненіи нельзя найти нѣкоторыхъ существенныхъ и весьма важныхъ изъ новѣйшихъ пріобрѣтеній Хирургіи, встречающихся наприм. въ Оперативной Хирургіи *Диффенбаха*. Нѣтъ сомнѣнія, что оно было бы полезнѣе и, можно сказать, современнѣе, если бы поднесено было рисунками, какъ уже это было сдѣлано съ однимъ изъ первыхъ изданій того же сочиненія въ Брюссель; нѣтъ надобности указывать, что такого рода изданіе было бы еще полезнѣе для русскихъ. Не знаемъ, думалъ ли о томъ переводчикъ, или нѣтъ. Почитая неприличнымъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, мы высказали только свое желаніе полезнѣйшаго; но съ другой стороны намъ кажется весьма позволительнымъ и не бесполезнымъ сказать нѣсколько болѣе о самомъ переводѣ. Взглянувши на ту и на другую, на пятую и на десятую, и множество другихъ страницъ, невольно переносишься мыслию къ тѣмъ подвигамъ, которые предпринимали и совершали любители русскаго слова, заботясь объ очищеніи и благозвучіи его, красотѣ и благородствѣ, ясности и силѣ, соответственности выражаемой имъ мысли и гармоніи, словомъ о всестороннемъ усовершенствованіи его, которое, благодаря трудамъ ихъ, достигло до высокой степени; переносишься, и находишь къ сожалѣнію въ немаломъ съ нимъ противорѣчій переводъ *Мальгена*.

1) Начнемъ съ словъ. Переводъ очень богатъ нерусскими словами, которымъ есть равносильные русскіе. Для прикѣра представляемъ слѣдующую параллель:

<i>Слова переводчика:</i>	<i>Соотвѣтствующія имъ русскія слова.</i>
Сепаровка.	Отдѣленіе, разсѣченіе.
Спеціальный.	Особенный.
Діаметръ.	Размѣръ, поперечникъ.
Фуигозныя наращенія.	Грибовидныя наросты.
Прогрессивный.	Постепенный.
Симптомы.	Признаки.
Анкилозъ.	Неподвижность.
Агентъ.	Двѣтель.
Стилетъ.	Прутикъ.

Киста.	Пузырь.
Синусъ.	Пауза.
Щадикъ. (Лопаточка.
Флюктуация.	Зыбленіе, колыханіе.
Эректильный.	Напрягающійся.
Рациональный.	Отчетливый.
Гангрена.	Омертвѣніе.
Изолированіе (артерій).	Отдѣленіе.
Рецидивъ.	Возвратъ.
Резекція.	Отсѣченіе.
Инфильтрироваться (говорится о жидкостяхъ, входящихъ въ ткани).	Просочиться, разлиться.
Фиброзный.	Волокнистый.
Принципъ.	Основаніе, начало.
Пациентъ.	Больной.

Не ограничившись совершенно излишнею нагрузкою русскаго перевода подобными иностранными словами, переводчикъ говоритъ о веществахъ, прикладываемыхъ въ *порошкованномъ* видѣ, объ *опознательной* точкѣ, которую составляетъ въ извѣстномъ случаѣ портняжная мышца, точкѣ, вѣрно доводящей до артерій и т. п. Не яснѣ ли, не проще ли и не согласнѣ ли съ русскимъ языкомъ сказать вмѣсто *въ порошкованномъ видѣ* — въ порошокъ, вмѣсто *опознательной* точки — указатель? Замѣчаете ли еще притомъ, что дѣло идетъ о вѣрномъ доведеніи до артерій, или познаніи ея мѣстопробыванія, а слово *опознательный* такъ близко употребительному слову — обознаться, выражающему совершенно противное. Послѣ *словъ* замѣтимъ множество выраженій неправильныхъ, напр. *прямо исправить* (стр. 88).... *И наконецъ оконтательно* прекратить (с. 27).... *Недвижное укрѣпленіе* инороднаго тѣла (с. 219). Но при образованіи лоскута очень *рискуется* оставить обнаженныя *выстоянія* надблока и надмышцелка (с. 330). *Грефе* первый совѣтовалъ *дать* такимъ образомъ выполненному способу *самолюбивое* названіе цѣмецкой методы (с. 133). Лучше оставить... чѣмъ *рисковать раздражить* глазъ слишкомъ *повторительными маневрами* (с. 414). Далѣе, встрѣчается губная пластика (хейлопластика) губы, иглоукальзывающая (акупунктурная) игла; вмѣсто того чтобы

служить просто опорой, пальцы руки *служатъ* для *взятія точки опоры* (стр. 2); вмѣсто приподнятія острія *опускаемъ* рукоятки, остріе бистурей поворачивается *вверху движениемъ опусканія* (стр. 8); краткое и ясное выраженіе — *прижавши артерію*, замѣняется роскошнѣйшимъ — *устройвъ сперва давленіе на артерію* (с. 213); рану лечатъ не *посредствомъ наложенія*, а *какъ такую рану, которая должна нагнаиваться* (с. 237). Что сказать о точности и ясности выраженій и перевода? Въ подлинникѣ говорится объ инструментахъ *наичаще бывающихъ* въ рукахъ хирурга, а въ переводѣ они суть всего чаще *не выходящія* изъ рукъ (с. 1). Въ подлинникѣ рукоятка труакера пальцами *прижимается къ ладони*, а въ переводѣ *придерживается къ ладонной ямкѣ* (с. 11). *Разбѣдающія* (cathérétiques) средства, какъ бы ни было поверхностно ихъ дѣйствіе, не суть, какъ говорится въ переводѣ, *слегка раздражающія* (с. 13). Когда быстро и легко прикасаются въ тѣлу *раскаленнымъ желѣзомъ*, то нельзя сказать, что оно мимо летитъ, хотя въ переводѣ дѣйствіе это (cautérisation transcurrente) называется *мигомлетнымъ* прижиганіемъ (с. 20). Продавить, напр. стекло, или дно шляпы, значитъ разрушить связь, причинить разрывъ соединенныхъ частицъ или частей: въ переводѣ говорится (с. 579), что для вправленія грыжи *продавливаютъ* массу опухоли пальцами сквозь кольцо etc., какъ будто слово подлинника *pousser* значитъ продавливать; отъ разрыва грыжи ущемленной, которая также подлежитъ иногда вправленію, легко *бываютъ смертельныя послѣдствія*, и потому лучше съ осторожностію *вдвигать, вводить* и т. п. грыжу, нежели *продавливать*. Кстати объ ущемленіи грыжи: наконецъ, говоритъ переводчикъ, *послѣ какъ найдено ущемленіе, для расширенія его употребляется бистурей* etc. (стр. 583). По смыслу рѣчи видно, что бистурей употребляется для расширенія ущемленія, а въ ущемленіи предполагается ущемляющее и ущемляемое, и тронуть бистурею то или другое не все равно: для кого же изъ двухъ употребляется онъ? Въ подлинникѣ сказано безъ прибавленія слова *ego*, *pour le débridement* — только; слово же *débridement* не значитъ расширеніе, оно происходитъ отъ *débrider* *разнуздывать*, а *débrider* отъ *bride* — узда,

завѣдка; соответственно тому по-русски лучше бы въ настоящемъ случаѣ слово *débridement* замѣнить словомъ разрѣшеніе (ущемленія). На стр. 132 говорится объ операціи, въ которой начинаютъ *обновленіемъ* (*par rafrâichir*) краевъ нарушенія цѣлости, какъ будто слово *rafrâichir* значитъ *обновить*, и какъ будто превращеніе оныхъ краевъ въ чистую, *свѣжую* рану есть обновленіе. *Костномозговой хрящевидный костяной наростъ* (*exostosis medullaris cartilaginea* (стр. 231) есть столь краткое, точное и ясное обозначеніе предмета, что невольно задумаешься при подобномъ названіи его, какъ и при слѣдующемъ описаніи зонда: *этотъ зондъ долженъ быть проткнутъ... дирокою* (с. 521). Если раздѣлять тѣла на части и называть ихъ членами, то въ вертикальномъ положеніи голова будетъ верхній членъ; а переводчику угодно верхними членами (с. 141) называть руки; вѣроятно потому, что ему не нравится употребительный терминъ: верхнія конечности. По той же вѣроятно причинѣ вертлугъ сдѣлался вертеломъ (с. 207), сгущеніе или ссыданіе крови превратилось въ створаживаніе (с. 213), треніе замѣнено обтираніемъ (с. 237), проколовшая игла называется проколотою (с. 239), костная спайка въ переломленныхъ костяхъ именуется мозолію.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, которыми усѣяны страницы перевода, читатели сами могутъ судить о достоинствѣ его. Изъ нихъ можно заключить, что переводчикъ, приготовляя Русской переводъ и для Русскихъ, или неознакомился надлежащимъ образомъ съ Русскимъ языкомъ, или почиталъ излишнимъ хорошій и ясный слогъ для медицинской книги. Что касается до послѣдняго, то онъ для медицинской литературы не менѣе нуженъ, какъ и для другихъ наукъ. Нужноли говорить, что неясность и другіе недостатки слога не только затрудняютъ чтеніе книги, но и бывають причиною сбивчивости понятій; а въ руководствахъ медицинскихъ вообще, и въ частности Оперативной Хирургіи, необходима строгая отчетливость и вѣрность въ описаніи излагаемыхъ предметовъ, ибо дѣло касается до спасенія жизни; или облегченія страждущихъ.

Хирургъ.

**Пантеонъ и репертуаръ русской сцены. Издаваемый
подъ Редакцію Ѳ. Конн. 1850. N. I—XII.**

Пантеонъ и Репертуаръ изданіе совершенно специальное. Существованіе такого изданія въ продолженіе больше чѣмъ десяти лѣтъ, каково бы это существованіе ни было — доказываетъ несомнѣнно, что есть у насъ извѣстная часть читателей, интересующихся театромъ и всѣмъ относящимся къ театру. Назначеніе такого изданія опредѣляется само собою и весьма просто: какъ Пантеонъ театровъ, оно должно представлять образцовыя драматическія произведенія, статьи, относящіяся къ драматургіи и къ сценическому искусству, подробныя обзорѣнія современнаго состоянія той и другой; какъ Репертуаръ русской сцены — оно обязано печатать все, что имѣетъ на сценѣ успѣхъ, хотя бы даже и временный, хотя бы даже и незаслуженный, но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнить печатаемое и имѣющее успѣхъ, — не по одному только успѣху, а по внутреннему его достоинству, ибо, иначе, безъ соблюденія послѣдняго условія, оно потеряетъ всякое серьезное значеніе. Журналъ не долженъ быть безсвязнымъ сборникомъ, или, въ противномъ случаѣ, не имѣетъ права на названіе Журнала: это аксіома, которая и послужитъ намъ основою для оцѣнки Пантеона и Репертура.

Но прежде чѣмъ мы примемъ за оцѣнку того, что передалъ въ прошедшемъ году Пантеонъ и Репертуаръ, какъ представитель современнаго состоянія драматургіи и драматической критикѣ, — считаемъ неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о ихъ современномъ состояніи вообще.

Что настоящее время во всей Европѣ, нетолько у насъ, весьма не богато серьезными драматическими произведеніями, что театръ, наводненный разными эффектными штукарами и водевилями, лишенными часто даже здраваго смысла, пересталъ служить наслажденіемъ для мыслящихъ людей, что самое сценическое искусство только въ комедіи имѣетъ еще (за весьма немногими исключеніями) истинно достойныхъ представителей, все это — истины, въ которыхъ могутъ сомнѣваться развѣ только господа, имѣющіе

привычку ходить въ театрѣ для сваренія желудка, да сами производители дюжинныхъ штукъ. Съ другой стороны, никогда можетъ быть такъ живо не чувствуема была немногими мыслящими людьми и лучшею, т. е. еще неспортившею своего вкуса, частію массы — потребность иныхъ впечатлѣній, нежели тѣ, какими угощаютъ насъ драматурги. Является напримѣръ произведеніе, представляющее съ художественной стороны множество недостатковъ, угловатостей, странностей, кидającychся въ глаза всякому мало-мальски знакомому со сценою и съ ея условіями; но это произведеніе раскидываетъ широкую картину, оно дышетъ любовью къ воспроизводимому имъ событію, но возстаютъ въ немъ живые образы, а не маріонетки съ наклеенными на лбу ярлыками — и горячимъ сочувствіемъ отзывается на него масса, и забываются хоть на минуту мыслящіе люди, переносясь душою къ ту эпоху, когда театръ могъ смѣло выставить на своемъ фронтисписѣ слова великаго драматурга: «Die Schaubühne ist eine moralische Anstalt»; является, напримѣръ, артистъ на трагическія роли, котораго голосъ неоскорбляетъ вашего слуха, котораго дикція неспорчена неестественностью — масса готова увлечься имъ, готова ждать отъ него многого, и мыслящіе люди въ состояніи снисходительно смотрѣть на рѣзкіе недостатки, исполненія въ цѣломъ. Играются наконецъ въ сотый, въ стопятдесятый разъ комедіи — и театръ не пусть, и самымъ живымъ участіемъ къ представленію проникнуты видѣвшіе его нѣсколько разъ, и все на новыя мысли, и все на новыя трезвыя и часто суровыя думы наводитъ оно мыслящаго человѣка, и все ближе и ближе рождаются и сживаются артисты съ представляемыми ими лицами. Правда, что ежедневныя явленія повидимому въ разладѣ съ этими исключительными; во всѣхъ Европейскихъ странахъ: правда, что театры полны и въ представленія пошлѣйшихъ мелодрамъ или водевилей; правда, что хохотомъ грубаго сочувствія встрѣчаются неприличные куплеты или дерзскія выходки; правда, что господствуетъ какое-то *миленькое* въ искусствѣ; готовы рукоплескать какой нибудь артисткѣ за ловкое выставленіе

кончика маленькой ножки, за свѣтскость манеръ, вообще за вещи совершенно постороннія. — Но вѣдь и сочувствіе-то здѣсь совершенно постороннее, вѣдь и оно вызвано вовсе не искусствомъ.

Бываютъ благодатныя эпохи, когда драматургія и сцена не разногласятъ одна съ другою, — бываютъ другія, когда одна выше другой: то драматургія выше сцены, то сцена выше драматургіи. Только въ первомъ случаѣ театръ исполняетъ свое назначеніе. Въ послѣднемъ же случаѣ — драматургія ли выше сцены, сцена ли выше драматургіи — положеніе все-таки ложное. Если драматургія сознаетъ себя выше сценическихъ условій и идетъ въ разрѣзъ съ обыкновенною рутинною, — она перестаетъ уже быть драматургіею въ настоящемъ значеніи: появляются произведенія, написанныя въ драматической формѣ и написанныя не для представленія; драматурги впадаютъ въ неумѣстный лиризмъ какъ нѣмцы-романтики, или какъ они же угощаютъ публику то идеализмомъ, то фатализмомъ, равно страшными для новаго человѣка. Если сцена выше драматургіи — какъ въ настоящую минуту во Франціи и отчасти у насъ — являются цѣховые производители, которые пишутъ пьесы не по внутреннему побужденію, а для забавы жаждущей новизны публики, выводятъ въ нихъ не характеры, не лица, а извѣстные, общіе роды характеровъ, въ которыхъ хороши тѣ или другіе любимые артисты, извѣстныя положенія, которыя одинаково дѣйствуютъ на нервы посѣтителей театра: такія драматическія произведенія совершенно тоже, что оперныя либретто: они существуютъ не сами по себѣ и не сами для себя, онѣ безпрестанно повторяютъ одни и тѣже положенія и выводятъ ихъ насильственно. Между тѣмъ, ложь проглядываетъ повсюду. Вопреки нѣмцамъ-романтикамъ, на нѣмецкихъ сценахъ царствуютъ до сихъ поръ дюжинныя штуки Коцебу и Г-жи Бирхъ-Пфейферъ; вопреки цѣховой производительности, живое произведеніе, хотя бы даже и нарушало оно всѣ сценическія условія, самую жизненность своей и новизной будитъ сочувствіе въ массѣ и это сочувствіе звучитъ грознымъ судомъ для подозрительной, завистливой цѣховой про-

изводительности, ибо чувствует она смутно, что всякое живое созданіе подрываетъ ея кредитъ, что придетъ время, когда прогнать ее *so srazomъ велиимъ* съ тѣхъ самыхъ подмостокъ, на которыхъ устроилась она такъ выгодно для себя. Одного только не чувствуетъ цѣховая производительность — того, что прежде всего, она сама подрываетъ свой кредитъ, повтореніемъ однихъ и тѣхъ же положеній, что раздражая нервы, она въ тоже самое время притупляетъ ихъ, что надѣли уже всѣмъ до-нельзя ея наивные простаки, ея фаты - Князья, ея трогательные старики - отцы и безобразные старики - любовники, ея сцены свиданій и прощаній дѣтей съ дражайшими родителями, ея великосвѣтскія кокетки и барышни съ пансіонскими страстями. Всѣ уже знаютъ, что ничего подобнаго нѣтъ въ жизни, всѣ знаютъ, что такія штуки пишутся на извѣстныхъ артистовъ или съ расчетомъ на слабость первовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, для всякаго не вовсе чуждаго театру чловѣка, несомнѣнно то, что цѣховая драматургія выдохлась окончательно, что въ ея штукахъ не осталось ровно ничего сколько нибудь похожаго на живое. Мы не станемъ говорить о такъ называемыхъ легкихъ ея произведеніяхъ, о водевиляхъ съ лакейскими куплетами, или о комедіяхъ съ претензіями на великосвѣтскость — по той простой причинѣ, что о нихъ и говорить не стоитъ; но не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о драмахъ, наводнившихъ Европейскую сцену и переведенныхъ болшею частію съ Французскаго. Возьмите любую изъ нихъ, не трудясь выбирать, — вы непременно натолкнетесь на общіе имъ всѣмъ недостатки. Недостатки эти заключаются главнымъ образомъ въ отсутствіи содержанія и въ безцвѣтности выводимыхъ лицъ. Въ каждой изъ этихъ драмъ повидному много движенія, много эффектовъ, много такъ называемыхъ *coups de théâtre*, но что вамъ въ движеніи маріонетокъ, что вамъ въ эффектахъ, вытянутыхъ насильственно, что вамъ въ *coups de théâtre*, которые не приведены обстоятельствами, постоянно возбуждавшими вашъ разумный интересъ? Не всякое невѣроятное событіе можетъ послужить предметомъ для драмы, и съ другой стороны, не

всякаго трогательнаго провсшествія съ человѣческимъ сердцемъ достаточно для того , чтобы на немъ основать драму , а всѣ почти современныя французскія драмы или представляютъ собою сплѣненіе различныхъ странныхъ приключеній , или вышты по такой бѣдной канвѣ , которой еле-еле доставить на одно лирическое стихотвореніе.

Таково въ общихъ чертахъ повсемѣстное состояніе драматургіи. Столько же печально и состояніе драматической критики. Вѣсто того , чтобы поставить себя выше упадка искусства , она принаровляется къ нему , она становится въ уровень съ бездарными произведеніями , отрекается отъ художественнаго масштаба , и готова преслѣдовать насмѣшкою всякій дѣльный и серьезный взглядъ. Въ одномъ журналѣ у насъ провозглашалась новооткрытая истина , что назначеніе драматическаго искусства — забавлять и занимать публику ; въ другихъ журналахъ и газетахъ хвалятся произведенія гг. NN. MM. SS. — и вообще инѣніе всѣхъ почти рецензентовъ служить выраженіемъ взгляда такъ называемыхъ театраловъ , т. е. той части публики , которая ходитъ въ театръ по причинамъ , неимѣющимъ съ искусствомъ ничего общаго. Естественно , что такими рецензіями , болѣе или менѣе пристрастными , болѣе или менѣе неприличными , перестали давно уже дорожить и публика и сценическіе артисты , и что голосъ честнаго критика на этомъ поприщѣ будетъ всегда встрѣченъ или смѣхомъ рутинеровъ или великосвѣтскимъ пренебреженіемъ господъ , считающихъ приличнымъ интересоваться рускимъ театромъ. Оно такъ и быть должно при настоящемъ состояніи искусства.

Отъ Пантеона и Репертуара мы не въ правѣ слѣдовательно требовать , чтобы онъ давалъ образцовыя или даже серьезныя произведенія , потому что на это онъ могъ бы отвѣтить намъ простымъ вопросомъ : гдѣ ихъ взять ? Но , отъ Пантеона и Репертуара , какъ журнала , посвященнаго драматическому искусству , мы не можемъ не требовать дѣльнаго взгляда на искусство , а этого-то , къ горькому нашему сожалѣнію , въ немъ и нѣтъ. Это мы постараемся доказать фактами ; а прежде всего отдадимъ критикѣ отчетъ во всемъ , что

представилъ журналъ въ прошедшемъ году, слѣдуя тому порядку, въ которомъ расположены его отдѣлы. Отдѣлы эти: 1) Драматическая литература. 2) Изыящная Словесность. а) Проза. б) Стихотворенія. 3) Исторія искусства. 4) Мемуары. 5) Юмористика. 6) Критика, драматическая библиографія, театральная лѣтопись, панорама иностранныхъ театровъ. 7) Сибѣрь. 8) Балагурь и 9) Репертуаръ русской сцены. Отдѣляя Репертуаръ русской сцены отъ драматической литературы, редакция этимъ самымъ даетъ право судить съ большою строгостью пьесы, помѣщаемыя въ первомъ отдѣлѣ. Посмотримъ же, какими сокровищами обогатилась въ прошломъ году Русская литература:

1. Драматическая литература.

Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены слѣдующія произведенія:

1) *Школа стариковъ, комедія Казимира Делавиля, перев. въ стихахъ А. А. Григорьева.* Школа стариковъ, принадлежащая по своему общему характеру къ комедіямъ прошлаго столѣтія, не смотря на то, что написана поэтомъ умершимъ не такъ давно, отжила свое время. Мы мало сочувствуемъ теперь даже и комедіямъ величайшаго изъ Французскихъ комиковъ, Мольера, тѣмъ менѣе можно восхищаться его подражателями. Переводъ комедіи имѣетъ много недостатковъ и вообще сдѣланъ какъ видно на скорую руку.

2) *Философскій камень, драма Ф. Гальма, перев. въ стихахъ Н. И. Филимонова.* Гальмъ принадлежитъ къ многочисленной школѣ Нѣмецкихъ драматурговъ-романтиковъ, чьихъ продукты иногда способны возбудить сомнѣніе въ здравости разсудка авторовъ, иногда вывести изъ терпѣнія обиліемъ самаго дешеваго и водянаго лиризма. По этой части, мы предпочитаемъ всему прочему драмы Захарія Вернера, замѣчательныя, по крайней мѣрѣ, какъ слѣдствіе помѣшательства. Что же касается до Г. Гальма, Грильпарцера и Раупаха, то кромѣ скуки, ихъ драмы не возбуждаютъ никакого другаго чувства. По прочтеніи драмы Гальма, мы пожалѣли только о переводчикѣ, владѣющемъ довольно звучнымъ и правильнымъ стихомъ.

3) Точно такъ же принуждены мы были сожалѣть о Г. В. Зотовѣ, посвятившемъ и трудъ и время на переводъ *сладчайшей* драмы Андерсона «Дочь Короля Рене.» Сожалѣніе наше тѣмъ болѣе умѣстно, что переводчики могли бы употребить свои силы на переводы капитальныхъ произведеній Нѣмецкой литературы, вовсе у насъ неизвѣстныхъ или извѣстныхъ по плохимъ переводамъ — на переводы, напримѣръ, драмъ стараго великаго Лессянга: Наэана, Сары Сампсонъ, Минны Фонъ-Барнгельмъ; — нѣкоторыхъ драмъ Гёте у насъ вовсе непереведенныхъ, какъ напримѣръ: *Naturliche Tochter*, — Герстенбергова Уголино, Лейзевицева Юлія Тарентскаго и т. д. Все это старое несравненно выше дюжиннаго новаго.

4) *Русскій механикъ Кулибинъ. Анекдотическое представленіе. Сочиненіе А. В. Висковатаго.* Это драматическое представленіе написано по тому же самому рецепту, по какому писалъ покойный Полевой, т. е. въ немъ есть русскій художникъ, говорящій высокопарно, есть презрѣнная толпа въ видѣ подъячаго или какой нибудь старухи салопницы, имѣющихъ специальное назначеніе не понимать художника, есть наконецъ кисло-сладкая доза любви: все обстоитъ, однимъ словомъ, благополучно.

5) *Джуліо, драматическая фантазія Г-жи И. Хвоцинской* состоитъ въ такомъ же точно родствѣ съ фантазіями г. Кукольника, какъ анекдотическое представленіе Г. Висковатаго съ драматическими представленіями покойнаго Полеваго. Между фантазіями изъ жизни итальянскихъ художниковъ и драматическими представленіями изъ жизни яко бы русскихъ художниковъ, поэтовъ и т. д., есть много общаго; также склонность къ лирическимъ возгласамъ, то же презрѣніе къ толпѣ, то же наивное дѣтство въ изображеніи страстей человѣческихъ. Джуліо Г-жи Хвоцинской — родной братъ Санназару, Тассо, Доминикино и Нино Галлурі: онъ гордитъ точно такую же чепуху, какъ всѣ эти герои, и страдаетъ такою же неестественною склонностью къ дешевому паэосу.

6) *Странная свадьба, или незнаешь гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, комедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ М. Н. Воскресенскаго.* Рассказывать содержаніе оригинальной комедіи Г. Во-

скресенскаго, мы не чувствуемъ себя въ силахъ: желающіе знать его, да обратятся или прямо къ источнику, если чувствуютъ въ себѣ достаточно бодрости духа для того, чтобы прочесть длинное, какъ индѣйскія поэмы, произведеніе, написанное самыми варварскими стихами, или лучше всего — къ отзыву о немъ, въ письмахъ о Московскомъ театрѣ, рецензента Отечественныхъ Записокъ. Скажемъ только одно, что давно не читали мы ничего болѣе нескладнаго, страннаго, фантастическаго (въ смыслѣ автора статьи о Г. Огаревѣ). Это — какой-то сонъ, въ которомъ событія лишены всякой органической связи, въ которомъ мелькаютъ передъ вами какіе-то безцвѣтные, безобразные призраки, въ которомъ все фальшиво — отъ основны пьесы до языка, какимъ говорятъ дѣйствующія лица.

Пропускаемъ нѣсколько произведеній, о которыхъ рѣшительно недоумѣваемъ что сказать — до такой степени они безцвѣтны, и остановимся только на комедіи «Обыкновенные люди» передѣланной П. Г. Григорьевымъ изъ Польской комедіи І. Корженевскаго. Прежде всего оговоримся въ томъ, что мы рѣшительно не понимаемъ, какъ можно передѣлывать комедіи одного народа на нравы другаго. Нравы народа обусловлены его исторіею, его бытомъ, это — одна изъ старыя истинъ, которыя и повторять даже пошло. Передѣляйте эти нравы на чужіе — выйдетъ непременно что — либо непонятное, исчезнутъ огѣнки характеровъ, по всему пройдетъ полоса одной краски. Такъ и въ передѣлкѣ комедіи г. Корженевскаго — лица, если они и были въ оригиналѣ, потеряли всю жизненность, весь колоритъ; всѣ говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Кромѣ того комедія г. Корженевскаго, изобилующая сентиментальными изліяніями, рутинными эффектами, даже и нестояла передѣлки. Чтобы познакомить читателей съ ея духомъ и тономъ, мы выпишемъ изъ нея небольшую сцену между добродѣтельною и нѣжной героинею пьесы и столько же добродѣтельнымъ и нѣжнымъ возлюбленнымъ. Надобно вамъ сказать прежде, что отецъ героя пьесы, вслѣдствіе пожара стараго сарая, задолжалъ опекуну героини значительную сумму денегъ и что героиня спасаетъ его.

Ипполитъ Безбѣдный (обратись къ Софѣ). О, какъ я рады

Софья Ипполитъ!.... я хотѣла вамъ видѣть.... я узнала о вашемъ положеніи....

Ипполитъ Безбѣдный (береть ея руку). И письмомъ своимъ какъ добрый геній, пролила цѣлительный бальзамъ въ разтерзанную душу страдальца. (This was Lofty! замѣтимъ какъ Шекспировъ Никъ Боттомъ въ Midsummer-Nights's Dream).

Софья. Я видѣла твоего отца, я подслушала разговоръ его съ моимъ опекуномъ. О, какъ я уважаю этого почтеннаго старика, вашего отца! Знаешь ли, Ипполитъ, что опекунъ лишилъ меня возможности подать помощь и утѣшеніе твоему несчастному семейству?

Ипполитъ. А слова твои Софья? Твои слова развѣ для насъ не утѣшеніе?

Софья. Нѣтъ, Ипполитъ, нѣтъ! Тамъ слово недостаточно, идѣ спасеніе зависитъ отъ денегъ. (Прекрасно сказано!—умную рѣчь хорошо и слушать!)

Ипполитъ. Такъ неужели ты думаешь, что отецъ мой или я рѣшились бы принять отъ тебя милостыню?

Софья. Не милостыню, а другое предложеніе! Но что говорить о томъ, чего нѣтъ возможности сдѣлать? Опекунъ мой разорилъ меня!

Ипполитъ. Какъ?!... возможно ли?!..

Софья. Да! онъ промоталъ все мое имѣніе, кромѣ двадцати пяти душъ, которыя у меня остались.

Ипполитъ. Злодѣй!

Софья (прерывая его). Не кляни его! Помнишь ли, Ипполитъ, сколько разъ говорилъ ты мнѣ, что отецъ твой никогда не согласится на нашу свадьбу, потому только, что я богата.

Ипполитъ. Да, я говорилъ это.

Софья. Поди же, благодари моего опекуна за то, что онъ сдѣлалъ меня бѣдною, но счастливою.

Ипполитъ. Какъ?! Софья? Неужели ты рѣшаешься?

Софья (подаетъ ему руку). Вѣчно принадлежать тебѣ!

Ипполитъ. Боже мой!.... Вѣрить ли своему счастью?? (бросается на колѣни) Геній доброты!

Софья. О мой милый Ипполитъ!

Въ пьесѣ, разумѣется, всѣ герои или до того добры, что доброта ихъ приторна, или до того злы и гнусны, что въ нихъ невозможно вѣрить: таковъ тутъ ростовщикъ Брусковъ. Есть также лица, припутанныя совершенно не къ дѣлу, какъ г-жа Земцова, которой обязанность заключается въ томъ, чтобы при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ повторить: «Представьте: точно такое же прошествіе со мною было въ Петербургѣ, когда я жила на Козьемъ болотѣ.»

И вотъ все, чѣмъ наполненъ въ Пантеонѣ и Репертуарѣ отдѣлъ, названный великолѣпнымъ именемъ драматической литературы. По всему праву, мы соединимъ съ нимъ тотъ отдѣлъ журнала, который по всей видимости имѣетъ назначеніе клоака: Репертуаръ русской сцены, и перечтемъ заключающіяся въ немъ пьесы:

2) Репертуаръ русской сцены.

Бѣдная русская сцена! — подумали мы, просмотрѣвши тринадцать передѣлокъ французскихъ водевилей, составляющихъ содержаніе этого отдѣла Пантеона и Репертуара; — хоть бы одно живое лице, хотя бы что нибудь похожее на характеръ, хотя бы наконецъ одно новое комическое положеніе. Лучшія передѣлки принадлежатъ Г. Ленскому: это «волчій рогъ лисій хвостъ,» и «радъ не радъ, а дѣлать нечего» Они написаны по крайпей мѣрѣ чистымъ русскимъ языкомъ, и въ тѣхъ нѣтъ

На зло правописанью,

Стиховъ безъ мѣры по преданью,

какими обилуютъ издѣлія Гг. Федорова, Анатолина и иныхъ. Скажемъ только одно, что всѣ эти произведенія напрасно отдѣлены редакціею отъ драматической литературы, красующейся на первомъ планѣ журнала и представившей намъ, какъ мы видѣли, «странную свадьбу» и другія невѣроятныя штуки.

3) Изящная Словесность: а) Проза. б) Стихотворенія.

Не входя въ разсмотрѣніе, зачѣмъ романы и повѣсти попали въ журналъ, специально посвященный театру, мы просто скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ отдѣлѣ.

Начнемъ съ стиховъ. Стиховъ въ Пантеонѣ цѣлое море, и нельзя же, чтобы всѣ они были дурны: можно указать даже на хорошія стихотворенія. Таковы, напримѣръ, четыре элегии Г. Фета. Есть стихотворенія не вовсе дурныя, въ которыхъ мелькаютъ порою и чувство и умѣнье справиться со стихомъ и живое сочувствіе къ природѣ. Изъ такихъ мы приведемъ напримѣръ стихотвореніе Г. Зиженко: «Ночь», которое конечно уже лучше стихотвореній Г. Н. Сп., рекомендуемыхъ Современникомъ.

Ночь тиха. Въ лазурномъ небѣ блестя
Хороводъ безчисленныхъ міровъ,
И журча, едва ручей трепещетъ,
У своихъ зеленыхъ береговъ.
Тамъ вдали какъ будто приидяль,
Распустивъ уборъ лохматый свой,
Наклонились нвы безъ движенія
Надъ уснувшей, свѣтлою рѣкой.
Вся природа, сладко отдыхая,
Дышетъ счастьемъ подъ покровомъ сна,
Лишь не спитъ, дозоръ свой совершая
Въ небесахъ полночная луна.
Да порой лишь вѣтеръ шаловливый
Чуть скользя по глади сонныхъ водъ,
Иль цѣпка коснувшись льдаго,
Ароматъ душистый разольетъ.
Всюду миръ и тишина нѣмая,
Только миръ далеко душѣ моей...
Мнится мнѣ неволью ночь иная,
Живы мнѣ тревоги прошлыхъ дней.
И кипятъ во мнѣ воспоминанья
И салтѣй во мнѣ горитъ любовь..
И на мигъ забытыя страданья
Я теперь переживаю вновь.

Стихотвореніе, какъ видите, такъ-себѣ; по содержанію своему, оно принадлежитъ къ числу самыхъ обыденныхъ, въ окончаніи его слышна надобѣвшая всѣмъ уже пѣсенка, но въ нѣсколькихъ, подчеркнутыхъ нами стихахъ, есть нѣчто въ родѣ поэтическаго такта, и стихъ вообще довольно ловокъ.

За то есть въ Пантеонѣ стихотворенія, по прочтеніи которыхъ спросишь себя съ невольнымъ удивленіемъ, для чего

онѣ писапы и еще съ большимъ, для чего они напечатаны? Такъ напримѣръ Г. Тумановъ грозитъ скрыть отъ читателей какую то тайну, до которой конечно намъ нѣтъ никакого дѣла.

Подълюся я тайной
Только съ тьмою ночной,
Да съ луною печальной
Да съ могилою одной.
Глубоко тайну эту
Я въ душѣ скоронялъ;
Съ нею жить мочи нѣту,
Съ ней разстаться нѣтъ силъ.
Мою тайну лишь знаютъ
Пара черныхъ очей:
Они въ глубь проникаютъ
Крѣпкой груди моеи.
И отраднo и сладко
Съ ними тайну дѣлить,
И глядѣть въ нихъ украдкой,
И страдать и любить.

Мы не споримъ, что для пары черныхъ очей, знающихъ тайну автора, стихотвореніе можетъ имѣть специальный пите-ресъ; но намъ читателямъ давно уже надоѣли всѣ эти глубокія тайны, разгадываемыя съ перваго слова, не представляющія даже ничего особенно забавнаго.

Что касается до *Прозы* въ *Изыящной Словесности* Пантеона и Репертуара, то мы краснорѣчиво умолчимъ о ней, умолчимъ и о романѣ Г. Воскресенскаго: „Мудреный Контрактъ и о „Новомъ Сократѣ“ Г. Бутовскаго и о многомъ другомъ, равно не принадлежащемъ къ области литературы.

Гораздо интереснѣе два слѣдующихъ отдѣла:

4) *Исторія искусства*, и 5) *Мемуары*.

Здѣсь можно указать на нѣсколько переводныхъ статей—или недурныхъ, какъ *Исторія танцованья и балета*, *Исторія маріонетокъ у древнихъ, игры у древнихъ*, хотя всѣ онѣ Французской работы и отличаются гладкостью и поверхностностью, или въ полномъ смыслѣ полезныхъ для всякаго, занимающагося специально драматическимъ искусствомъ. Таковы—*Записки Гольдони о его литературныхъ и житейскихъ тревоженіяхъ*,—*Записки о Гаррикѣ Артура Мури*, и *Записки Юанна Христиана Брандеса, нѣмецкаго актера и драматурга XVIII вѣка*, хотя эти послѣднія, до крайности растянутыя, расплывающіяся

въ скучныхъ подробностяхъ, много бы выиграли, если бы представлены были въ извлеченіи. Во всякомъ случаѣ представлять публикѣ подобныя матеріалы обязанность Пантеона и Репертуара, и журналъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы вмѣсто переводовъ плохихъ романовъ или плохихъ драмъ, знакомилъ своихъ читателей съ жизнью и дѣятельностью великихъ артистовъ и драматическихъ писателей, посредствомъ подробныхъ статей о нихъ или переводовъ замѣчательныхъ записокъ о ихъ жизни. Въ выборѣ затрудняться тутъ нечего; такихъ записокъ много: объ одномъ Гаррикѣ, кромѣ Мурфи, есть еще сочиненіе Стикотти, и Thom. Davies — *Memoirs on the Live of Garrick*, — о Кемблѣ, *Boaden Memoirs on the live of John Phil Kemble*, Lond. 1825 и наконецъ о Кинѣ — сочиненіе, знакомое намъ только по нѣмецкому переводу, но весьма дѣльно и добросовѣстно составленное: *Edm. Kean's Leben, aus dem Englischen uebers etcl von Georg Lotz*. Hanob. 1836. Нечего и говорить, что наша публика не знаетъ ничего или почти ничего о знаменитыхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ артистахъ. Статьи объ артистахъ, составленныя изъ нѣсколькихъ источниковъ, повѣренныхъ одинъ другимъ, всего болѣе, полагаемъ, принесли бы пользы въ этомъ отношеніи и всего болѣе сдѣлали бы чести журналу.

Въ отдѣлѣ — «Исторія искусства» есть еще и статьи оригинальныя. Всѣ они принадлежатъ Редактору Журнала и отличаются одинаковымъ тономъ: — такъ можно еще было, да и то съ грѣхомъ пополамъ, писать лѣтъ за пятнадцать до настоящаго времени, но такъ не пишутъ уже теперь. Авторъ статей изошряется преимущественно надъ тѣмъ, чтобы всякаго художника, избираемаго имъ для этого поставить на неизмѣримыя ходули, — насильственно окружить его непонимающею его презрѣнною толпою, придать ему выпреннія чувства — однимъ словомъ приготовить матеріалъ для рецептнаго драматическаго представленія. Лице выходитъ, разумѣется, уморительно-смѣшное, если только можно назвать лицомъ маріонетку съ ярлыкомъ на лбу: «художникъ.» Самая странная изъ трехъ оригинальныхъ статей называется: «одинъ изъ Русскихъ трагиковъ».

Начинается исторія тѣмъ, что въ красномъ ряду за прилавкомъ бѣлокурый двадцати-лѣтній мальчикъ, вмѣсто того, чтобы заниматься разборомъ товаровъ, читаетъ вслухъ въ лирическомъ жару одну изъ одъ Ломоносова — извѣстная в сто разъ употребленная уже уловка поставить юмлагу художника во враждебное столкновеніе съ грубою дѣйствительностью; грубая дѣйствительность является здѣсь въ лицѣ старика-отца. Но вѣдь нужна же юному художнику и душа, которая бы понимала его. Является и такая душа въ лицѣ старика Профессора, покровительствующаго молодому таланту и выражающагося языкомъ отиѣнно выспреннимъ.

Мы не споримъ противъ того, что у Плавильщикова былъ и отецъ, смыслившій мало въ изящномъ, былъ и другъ, воспитывавшій въ немъ любовь къ изящному, но что никто изъ нихъ, нечувствовалъ и не выражался такъ ложно — за это мы готовы поручиться даже безъ всякихъ историческихъ основаній. Авторъ статьи владѣетъ особеннымъ умѣньемъ — самому простому и обыкновенному сообщать фантастическій колоритъ, такъ что невѣришь ему даже въ такихъ фактахъ, которые дѣйствительно были или могли быть. Очевидно, что романтическая біографія Плавильщикова принадлежитъ къ тридцатымъ годамъ нашего столѣтія, и только случайно попала въ изданіе 1850 года. Разбирать серьезно какъ эту, такъ и другія оригинальныя статьи отдѣла Исторіи искусства въ Пантеонѣ и Репертуарѣ, мы считаемъ совершенно бесполезнымъ: правиломъ критики въ отношеніи ко всему запоздалому, какъ бессильному и безвредному, должно быть: *laissez faire — laissez passer*.

Но къ величайшему сожалѣнію, нельзя такъ же снисходительно глядѣть на критику Пантеона и Репертуара: нѣтъ дѣла съ современными явленіями, она уже тѣмъ самымъ вызываетъ судъ болѣе строгій; хотя, конечно, читатели не требуютъ отъ насъ, въ этомъ случаѣ, выписокъ и фактовъ. Скажемъ вообще, что рецензенты разбираемаго нами журнала не считаютъ себя даже и обязанными смотрѣть на драматургію съ серьезной точки зрѣнія, и слѣдовательно пишутъ статьи для своего собственнаго удовольствія, хвалятъ «Стран-

ную свадьбу», говорят безъ негодованія о разныхъ пошло-
стяхъ, являющихся на сценѣ, и т. д. Особѣнно замѣчательны
въ этомъ отношеніи статьи Московскаго рецензента, безнака-
занно нарушающія и законы логики и даже законы грамматики.

Но что это все въ сравненіи съ отдѣлами «Смѣсь» и
«Балагуръ», съ островами, анекдотами и мыслями различныхъ
сотрудниковъ журнала! Тутъ уже приходишь рѣшительно вту-
пикъ; не знаешь ни что говорить, ни какъ говорить.
Можемъ только въ видѣ общаго вывода сказать, что мысли
сотрудниковъ Пантеона далеко оставили за собою знаменитые
афоризмы г. Славина, а острооты и анекдоты ихъ могутъ раз-
вѣ только сравняться съ таковыми же писемовника Курганова.

И вотъ — изданіе, посвященное специально драматур-
гич и театру.

Г.

Отечественныя Записки 1850 г. Декабрь.

(Дополненіе къ статьѣ, помѣщенной въ 1-й книжкѣ).

Въ отдѣленіи Изыящной Словесности помѣщены: *Старый домъ*—Романъ В. Р. Зотова и *Сельскій учитель*, повѣсть-дневникъ В. Крестовскаго. — *О старомъ домѣ* мы сказали свое сужденіе уже прежде, при появленіи пролога. И какія бы постороннія искусства достоинства ни обнаружилъ авторъ его со временемъ, какъ напр. образованность, начитанность знакомство съ исторіею и т. д. — мы все-таки останемся при своемъ мнѣніи, что въ художественномъ отношеніи романъ этотъ достоинствъ не имѣетъ.

Сельскій учитель — принадлежитъ тому же автору, котораго повѣсть: Анна Михайловна, встрѣтили мы прежде съ такимъ удовольствіемъ. — Но, увы! Это новое его произведеніе много слабѣе перваго. — Трудно сказать даже, что хотѣлъ онъ выразить этою повѣстью-дневникомъ. — На первомъ планѣ конечно стоитъ самъ герой повѣсти — сельскій учитель, лице крайне блѣдное и неясное. — Видно только, что онъ мечтатель и безхарактеренъ, но этихъ опредѣлений еще очень мало для полнаго лица. — Повѣсть начинается съ того, что мы видимъ его въ деревнѣ, старающагося увѣрить себя, что онъ счастливъ въ тихой и безмятежной деревенской жизни и что такая жизнь имѣетъ съ маленькою, не возбуждающею дѣятельностію, какова напр.

дѣятельность сельскаго учителя — есть его настоящее призваніе. Но прежде всего нападаетъ сильно на его образъ жизни и убѣжденія благодѣтель его, Алексѣй Петровичъ, который прямо упрекаетъ его въ наклонности къ идеализму, къ пустякамъ, и вызываетъ на болѣе широкое поле дѣятельности:

»Какъ мнѣ показалось (пишетъ онъ), ты воображаешь себя чѣмъ-то въ родѣ древнихъ создателей школы; но твои перипатетики и академики первые, я думаю, готовы посмѣяться надъ твоєю расплывчивою моралью. Твой ученикъ, Кононъ Рыбкинъ, въ которомъ не смотря на явную наклонность *къ прожискильбъ буквальб послѣ каждой запятой*, ты замѣчаешь необыкновенную сметливость, дѣятельность и любовь къ порядку — больше ничего, какъ ловкій шалунишка, который сумѣетъ обмануть тебя такъ, что ты и не заметишь. Если, кромѣ азбуки, ты взялся и за нравственное образованіе, то берись за него со стороны болѣе практической: жизнь твою, кого ты готовишь къ жизни, будетъ вся практическая; а для того, чтобы тебя слушали, вѣрили тебѣ, для того, чтобы твои слова принесли плодъ, подавай самъ примѣръ, мечтай поменьше. Ты описалъ мнѣ удивительное захожденіе солнца, которымъ восхищались вмѣстѣ ты и эти *молодыя души*.... увольняю тебя отъ твоихъ же восторговъ. Я увѣренъ, что восхищались только ты одинъ, потому что *переливы луговъ* и *формы облаковъ* проходятъ совершенно незамѣтно; для крестьянскаго мальчика, ими восхищается только вполне понимающій. — Вмѣсто восхищенія, ты сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы объяснилъ своей школѣ о томъ, напримѣръ, что земля не жерновъ, поставленный на четырехъ китахъ, и что на ней нѣтъ такихъ мѣстечекъ, гдѣ бабы кладутъ хлѣбы на облака, какъ на полку. — Дальше ты говоришь о своемъ счастьѣ жить посреди простыхъ людей, занятыхъ своимъ дѣломъ съ постоянною покорностію и надеждой и готовыхъ на добро, потому что легко затронуть ихъ добрыя побужденія. Ты прощаешь имъ даже, что съ ними тебѣ говорить нечего. Если ты желаешь *доброты* и для нея жертвуешь даже своею страстью разсуждать прекрасно; то вспомни, что доброта и добро или благо — двѣ вещи разныя, что первая бываетъ часто неразумна и еще чаще непросвѣщенна.

Но эти и подобныя мысли благодѣтеля не оказываютъ на него никакого вліянія онъ отдѣляется отъ нихъ софизмами. — Безъ всякой пользы остается также для него явленіе пустаго и сухаго профессора Семинаріи, попавшаго проездомъ въ деревню и замучившаго нашего бѣднаго учителя сухими и отвлеченными спорами о классикахъ или хвалившаго его такъ, что онъ принужденъ былъ краснѣть.

Знакомство съ Колумбовымъ, его предшественникомъ, человекомъ, который бѣжитъ именно отъ спокойной жизни и пустыхъ занятій, и потому оставилъ мѣсто деревенскаго учителя, — только встревожило его, но осталось также безъ послѣдствій.— На этомъ Колумбовѣ нужно нѣсколько остановиться. Онъ, сколько можно понять, лице, любимое авторомъ, лице представляющее дѣятельность въ противоположность пустой и апатической жизни героя. — Но и оно остается также блѣднымъ и загадочнымъ, какъ и другіе.

Точно тоже можно сказать и о Марьѣ Павловнѣ, соседней помѣщицѣ. Пріѣхавъ по капризу пожить въ своей деревнѣ, она случайно познакомилась съ нашимъ сельскимъ учителемъ; кокетничала съ нимъ отъ скуки и потому, что между ними было безопасное разстояніе происхожденій, и наконецъ уѣхала опять, при первомъ случаѣ, оскорбивъ на прощаньи героя повѣсти,—чего впрочемъ ему и слѣдовало ожидать. Спрашивается, за чѣмъ выходили на сцену всѣ эти лица или вѣрнѣе эти блѣдные тѣни? Что оставили они намъ кромѣ смутнаго воспоминанія о своихъ чувствахъ, словахъ и поступкахъ? — Спросите: за чѣмъ написана повѣсть? — Отвѣтъ простъ. У автора есть талантъ, который выразился уже и прежде, но который видѣнъ даже и въ этой повѣсти въ лирическихъ мѣстахъ, въ картинныхъ описаніяхъ природы. — Этотъ талантъ, какъ и всегда, требуетъ дѣятельности. Но авторъ, какъ кажется, незнакомъ съ современными эстетическими требованіями и потому, не давая созрѣть своей мысли, не взглянувъ хорошенько въ создаваемые лица, думаетъ, что сдѣлалъ свое дѣло, если успѣлъ сочинить нѣсколько такихъ положеній, которыя способны растрогать читателя, а иногo чувствительнаго даже и довести до слезъ.

Когда же въ нашей литературѣ укрѣпится наконецъ мысль о томъ, что смѣсь изъ чувствительныхъ положеній, дѣльныхъ мыслей и картинныхъ описаній природы не есть еще художественное произведеніе, и что все это, имѣя свое мѣсто въ рассказѣ, напр., или повѣсти, не составляетъ однако сами по себѣ ни того ни другаго!

Изъ статей ученаго содержанія, помѣщенныхъ въ Декабрьской книжкѣ Отечеств. Записокъ, заслуживаетъ вни-

маніе 3-я и послѣдняя статья Ордынскаго—*Аристофанъ*.— Въ ней авторъ знакомитъ читателя съ 10-ю новыми комедіями Аристофана: *Всадники*, *Облака*, *Осы*, *Миръ*, *Птицы*, *Лисистрата*, *Фесмофоріазусы*, *Лагушки*, *Экклезіазусы*, *Плутось*. — Методъ тотъ же, какъ и прежде. — Изъ каждой комедіи приведено въ переводѣ нѣсколько характеристическихъ мѣстъ — и прибавлены необходимыя поясненія и замѣчанія.—Переводъ, говорятъ, точенъ, а примѣчанія свидѣтельствуя о начитанности и трудолюбіи автора.

Другая статья: *Распределение тепла по земной поверхности*, принадлежитъ Профессору Московскаго Универ. Д. М. Перевозикову.—Извѣстность автора уже ругается за достоинство этой статьи. Мы ограничимся только сообщеніемъ главнѣйшихъ результатовъ чмъ выведенныхъ. Показавъ, до какой степени неудовлительнорѣшены еще вопросы, относящіеся къ распределенію тепла на земной поверхности, какъ напр. вопросъ о причинахъ, производящихъ крутыя перемены температуръ въ умѣренныхъ поясахъ; равно какъ о причинахъ неправильности изотермическихъ линій, и другія, авторъ указываетъ на новый источникъ, наслѣдованіе котораго, по его мнѣнію, можетъ повести къ плодотворнымъ результатамъ. — Именно, онъ старается обратить вниманіе метеорологовъ на собственную теплоту земли, которая хотя и весьма незначительна въ общей своей массѣ (составляя только $\frac{1}{10}$ долю градуса по стоградусному термометру теплоты, получаемой отъ солнечнаго нагрѣванія); но которая, въ извѣстныхъ мѣстахъ, по причинамъ большей или меньшей толщины коры земной; различнаго состава ея и др., можетъ быть причиною значительной разности въ температурѣ. — Авторъ заключаетъ статью свою объясненіемъ причинъ, по которымъ, не смотря на добросовѣстныя и точныя изслѣдованія ученыхъ наблюдателей, вопросъ о распределеніи тепла на земной поверхности не рѣшенъ еще удовлетворительно. Причины эти заключаются въ ограниченности сферы, избранной для наблюденій, и въ произвольномъ выборѣ точекъ, на которыхъ производятся эти наблюденія.—Преимущественная сфера для метеорологическихъ наблюденій есть конечно Европа :

»Но (говорить авторъ) взгляните на изображеніе стараго свѣта, и сравните Европу съ Азіей и Африкой: вы тотчасъ увидите, какой маленькой уголокъ отдѣленъ для Европы, которая своею образованностью совсѣмъ выведена изъ естественнаго состоянія, обременена народонаселеніемъ, и вся ея почва сдѣлана почти искусственною; а между тѣмъ метеорологическія наблюденія въ Европѣ считаемъ мы нормальными; и все, что находимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Азіи и Африки несогласнымъ съ этими наблюденіями, принимаемъ за отступленіе отъ общаго порядка въ явленіяхъ природы.

Только наблюденія, сдѣланныя на значительномъ протяженіи и притомъ въ систематически-расположенныхъ точкахъ, могутъ привести къ желаемымъ результатамъ.— Поэтому авторъ, не безъ основанія, ожидаетъ отъ Русскихъ ученыхъ значительной помощи при рѣшеніи задачи о распредѣленіи тепла. — Обширность Русскихъ владѣній даетъ къ тому средства, а экспедиція, отправленная Русскимъ Географическимъ обществомъ къ верховымъ Урала — уже положила начало этимъ полезнымъ наблюденіямъ.

По части критики помѣщена въ Декабрьской книжкѣ третья и послѣдняя часть статьи Галахова — *сочиненія Княжнина*, о которой мы можемъ повторить отзывъ рецензента Современника.

Тамъ же помѣщенъ разборъ *Современника* за 1850-й годъ, а также и *Москвитянина*. — Въ первой статьѣ дѣятельность Современника оцѣнена, какъ намъ кажется, по достоинству. Въ ней основательно разобраны всѣ отдѣлы этого журнала, начиная съ *объявленія*. И изъ всего этого разбора оказалось, что въ Современникѣ *все хорошее случайное, а все неслучайное плохо*.

Что касается до разбора *Москвитянина*, то избѣгая бесполезныхъ полемическихъ споровъ, мы не будемъ отвѣчать на него.—Притомъ большой необходимости въ отвѣтъ нѣтъ и потому, что отзывъ написанъ въ очень умѣренномъ духѣ.

Театральная хроника даетъ довольно подробный отчетъ о дѣятельности Русскаго, Французскаго и Немѣцкаго театровъ, съ 15 Октября по 15 Ноября.

Внутреннія извѣстія и заграничныя новости, какъ и всегда, представляютъ довольно занимательнаго. — Статья же Луи Фигье — воздушные шары и воздухоплаватели, даже очень любопытна.

Но что сказать объ *осеннихъ толкахъ*? — Для охотниковъ посмѣяться или посмотреть, какъ бранятся между собой два человека на улицѣ или два журнала (что для нихъ все равно) право не стоило писать.

Вотъ все, что мы сочли нужнымъ сказать о послѣдней Декабрьской книжкѣ *Отечеств.* Записокъ за 1850-й годъ. — Этимъ и заключаемъ мы обзоръ ихъ прошлогодней дѣятельности, удерживаясь отъ общихъ сужденій и вообще всякаго приговора и имѣя единственною цѣлью показать, что замѣчательнаго и въ какой степени замѣчательное было помѣщено въ нихъ въ прошломъ году.

206. Слова, говоренныя Евсевиемъ, Епископомъ Винницкимъ. 1850. стр. 95 въ 12 д. л.

Въ этой книжкѣ заключаются слѣд. пять словъ: 1) Въ 5 недѣлю Четырнадцатницы; 2) На Св. Пасху; 3) Въ память св. мучениковъ Виленскихъ; 4) Въ день вѣнчанія на царство Государа Императора, и 5) При освященіи храма въ Бѣлостокѣ. О правильномъ, твердомъ языкѣ и назидательномъ содержаніи этихъ поученій говорить считаемъ излишнимъ: авторъ занялъ уже давно почетное мѣсто въ духовной литературѣ.

207. Краткое обзоріе Русской исторіи. Спб. 1850. стр. 117. въ 12 д. л.

Для чего издано это «Обзоріе»? Въ немъ не собраны, а просто скомканы намеки на важнѣйшія событія отъ Рюрика до 1825 года, и кромѣ этихъ намековъ (указанія на нихъ нельзя назвать), нѣтъ ничего больше. Учебникомъ «Обзоріе» не смѣетъ назваться; для чтенія оно не годится, для справокъ и подавно....

208. Русская азбука, сост. Рафаэль Потканіанъ. Тифлисъ. 1850. стр. 44. въ 12 д. л.

Русская азбука, составленная Грузинцемъ, напечатанная въ Тифлисъ — явленіе должно быть замѣчено! Нечего разбирать «Азбуку»; мы рады такому дорогому гостю, и встрѣчаемъ его не по платью (изданіе довольно сѣро) и проводимъ не по уму (которому не въ чемъ показаться).

ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ.

Парижскіе театры : Ренетиція и первое представленіе оперы Скриба и Обера «Блудный сынъ»; новости Большой Оперы; Французскій театръ подъ дирекціей Арсена Гуссе; возвращеніе на сцену г-жи Рашель; возобновленіе классическихъ пьесъ; театръ Saint - Martins ; драма Жоржъ - Зантъ; le Gynase ; Одеонъ и его комитетъ для чтенія пьесъ. — Выставка Парижской Академіи художествъ. — Гравюра Рембранта. — Назначеніе управившихся академическихъ кресель г. Дроза. — Занятія Ламартина. — Новый романъ. — Новые сочиненія Гизо, изданныя въ Брюссель. — Сень-Жерменская и Версальская желѣзныя дороги. — Новая книга о воздухоплаваніи. — Часы новаго устройства. — Колонизація Славянскихъ земель и стихи Русанскаго поэта.

Поставивъ себѣ въ обязанность съ нынѣшняго года сообщать читателямъ Москвитянина заграничныя новости въ объемѣ сколько возможно болѣе обширномъ и разнообразномъ, мы начнемъ статьи наши съ Парижа, съ этого города, на которомъ постоянно сосредоточено общее любопытство Европы, гдѣ избытокъ жизни такъ и кипитъ ключемъ, гдѣ всякой день являются новости въ модахъ, въ литературѣ, даже въ политикѣ.... Но здѣсь рѣчь не о ней. Оставляя въ покоѣ — или лучше сказать въ сторонѣ, потому что въ покоѣ эти люди едва ли могутъ быть когда нибудь, — оставляя въ сторонѣ всѣхъ легитимистовъ, орлеанистовъ, бонапартистовъ, и бѣлыхъ, и красныхъ, и черныхъ, всѣ общественныя партіи съ ихъ демонстраціями, интригами, спорами, ссорами, мы поговоримъ о вещахъ болѣе мирныхъ, о вещахъ, которыя, если иногда и производятъ войну, такъ не больше какъ чернильную....

Прежде всего о театрѣ, который тоже составляетъ необходимую принадлежность жизни Парижанъ, почти часть ея.

Самая замѣчательная новость Парижскихъ театровъ, новость, которая, не смотря на всю новизну свою, успѣла уже сдѣлаться знаменитой, это «*Блудный сынъ*», большая опера, въ пяти большихъ дѣйствіяхъ и пяти огромныхъ антрактахъ (какъ выражается одинъ Парижскій фельетонистъ). Слова Скриба, музыка Обера, антракты Г-на Нестора Рокеплана.

Вотъ что говоритъ тотъ же фельетонистъ о репетиціи этой оперы и о первомъ ея представленіи :

«Утромъ, въ тотъ день, когда была назначена главная репетиція *Блуднаго сына*, мнѣ сказали: «Мы ѣдемъ смотрѣть репетицію. Намъ будетъ человекъ 25 или 30. Нѣсколько литераторовъ, нѣсколько маэстро, нѣсколько членовъ Академіи художествъ, двѣ-три дамы—словомъ, только общество избранное. Это будетъ чудесно, и доставитъ Г-ну Рокеплану тысячу экю: по 100 франковъ съ каждой нашей персоны.

Потомъ вдругъ я получаю билетъ, на розовой бумагѣ котораго значилось: «Национальная академія музыки.— Главная репетиція *Блуднаго сына*. — Для входа одному.» Все это было напечатано.... Во мнѣ родилось подозрѣніе.

Въ 7 часовъ вечера я увидѣлъ у театра такой огромный сѣздъ, какого никогда не бывало ни для Альбони, ни для *Пророка*. Смыслъ билета объяснился. Зрителей оказалось отъ 2500 до 3000. Къ числу избранныхъ прибавилось всего два нуля — бездѣлица!....

Отъ этой страшной и многими вовсе неожиданной толпы, сдѣлался и страшный беспорядокъ. Все Парижское на-родонаселеніе, которое рано обѣдаетъ и никогда не опаздываетъ въ театръ, успѣло захватить самыя лучшія мѣста. Амфитеатръ, галереи, лучшія ложи перваго яруса — все было наполнено нахлынувшими дилетантами этого рода, между тѣмъ какъ аристократія разсыпалась кое гдѣ. Право рожденія уступило праву побѣды.

Хорошо помѣщались только Г. Тьеръ, сидѣвшій, съ Ротшильдомъ, въ боковой ложѣ, Г. Барошь, министръ внут-

реннихъ дѣлъ, Г. Гизаръ, министръ земледѣлія, Галеви, и еще нѣсколько особъ, кресла которыхъ были ограждены отъ толпы безперчаточниковъ ихъ саномъ и званіемъ. Напротивъ, Гг. Биксіо, Адольфъ Адамъ, де-Виньи, Горацій Вернетъ, Понсаръ, Г-жа Жирарденъ, Графиня Мерленъ и множество другихъ знаменитостей были затерты толпой.... Но вотъ занавѣсъ поднимается.

Дѣйствіе первое. Театръ представляетъ дворъ жилища, въ которомъ родился и выросъ блудный сынъ.* Въ глубинѣ сцены отворены массивные ворота, сквозь которые виденъ величественный закатъ знойнаго, Египетскаго солнца. Лучи его блещутъ золотомъ и пурпуромъ на всѣхъ предметахъ. Толпа людей стоитъ на колѣняхъ и поетъ гимнъ божествамъ Нила. Этотъ гимнъ, не смотря на различіе въ мелодіи, напоминаетъ знаменитую молитву въ *Нѣмой*, другое мастерское произведеніе Обера, у котораго впрочемъ много мастерскихъ произведеній.

Г. Массоль (отецъ) простудился (я говорю о дѣйствительности, а не о пьесѣ), и отъ того, боясь истощить свой голосъ къ завтрашнему представленію, поетъ *solto voce*. Мнѣ сказали, что его арія трудна, прекрасна, и что онъ исполнилъ ее очень хорошо. Я долженъ былъ повѣрить всему, потому что ничего не слыхалъ. Впрочемъ оркестровка дала мнѣ нѣкоторое понятіе о томъ, что доносилось до меня въ какомъ-то глухомъ ворчаньѣ, сопровождаемомъ родительскими наставленіями отца, очень не кстати получившаго насморкъ.

Отступивъ отъ текста притчи, Г. Скрибъ далъ Массолу, вмѣсто двухъ сыновей, одного, а другаго замѣнилъ племянницей, разумѣется, съ тѣмъ невиннымъ намѣреніемъ, чтобы въ концѣ пьесы устроить сватьбу. Сынъ—Г. Рожеръ, племянница—дѣвица Дамеронъ. Сына зовутъ Азаилъ, племянницу Іефта.

* Припоминаю, что Блудный сынъ доставилъ предметъ для одного изъ самыхъ первыхъ нашихъ драматическихъ представленій, и разыгрывался еще при Дворѣ Царя Алексѣя Михайловича. Текстъ этого представленія напечатанъ въ Древней Вивлюанкѣ.

Пѣвцы и пѣвицы, корифеи, фигуранты, хористы—гдѣ были безъ театральныхъ костюмовъ, всѣ въ своихъ собственныхъ платьяхъ, и всѣ вообще одѣты по просту, за исключеніемъ одного господина въ военномъ мундирѣ. Это былъ хористъ, который въ тотъ день находился на службѣ по его обязанности члена національной гвардіи. Его красные, шерстяныя эполеты еще больше прибавляли смѣшнаго къ этому дикому зрѣлищу, гдѣ пальто и платья съ воланами страшно противорѣчили Египетскимъ декораціямъ.

Скоро толпа эта еще увеличивается прибывшимъ караваномъ, которому отецъ блуднаго сына оказываетъ гостепрѣимство. Ужинаютъ. Съ караваномъ ѣдетъ какая-то женщина, иностранка; имени ея я не знаю, но ее играетъ Г-жа Лабордъ, пока довольно и этого. Эта женщина не сѣла за столъ. Она поетъ, но въ этомъ пѣніи словъ никто не слышалъ: Г-жа Лабордъ глотала ихъ, вѣроятно, вмѣсто ужина, который ѣли другіе. Сынъ на нее смотритъ, и въ минуту забываетъ свою кузину Іефту! Онъ хочетъ слѣдовать за этой обворожительной женщиной въ Мемфисъ, и проситъ на то позволенія у отца. Отецъ противится; сынъ настаиваетъ. Іефта, которая вовсе не подозреваетъ измѣны своего жениха, проситъ также дядю, чтобы онъ позволилъ сыну сдѣлать это маленькое, пріятное путешествіе. Отецъ уступаетъ. Онъ благословляетъ сына, благословляетъ караванъ, благословляетъ верблюдовъ, благословляетъ все... И занавѣсъ опускается, при ворчаньи простудившагося Массоля, которому мы также желаемъ всякаго благополучія!...

Оставивъ пока въ сторонѣ Г-на Скриба, скажемъ, что, собственно въ отношеніи музыкальномъ и сценическомъ, въ этомъ первомъ дѣйствіи много величія и стиля. Васъ увлекаетъ партія, изъ которой строгія правила науки не заставили автора исключить фантазію, — въ которой мелодія царствуетъ надъ непринужденнымъ повиновеніемъ правиламъ гармоніи. Эта музыка дышетъ и говоритъ, имѣетъ жизнь, имѣетъ связь, имѣетъ послѣдствія. Она не разрублена по кускамъ, не разорвана въ клочки, но льется ровво и плавно звучнымъ, могучимъ пѣніемъ. Здѣсь есть

романсъ *Гефты*, которая, какъ предвидитъ зритель, должна быть ангеломъ примирителемъ, добрымъ гениемъ пьесы, — есть романсъ, говорю, за который я (вирочемъ въ этомъ никто и не отвѣчаетъ кромѣ меня) отдалъ бы цѣлое дѣйствіе *Пророка*.

Хоры, чрезвычайно искусно составленные во всѣхъ положеніяхъ и во всѣхъ частяхъ, доставляютъ живѣйшее наслажденіе слуху. Особенно послѣдній хоръ, при которомъ отиравается караванъ, полонъ учености и мелодіи. Г-жа Лабордъ поетъ арію удивительную и дѣлаетъ въ ней чудеса. Этой-то аріей она и прельщаетъ сына. Какое несчастье, что иногда интонація словъ измѣняетъ ей! тѣмъ больше, что завтра, у подножія этихъ декорационныхъ пирамидъ, ее будутъ слушать *сорокъ вѣковъ!*....

Дѣйствіе второе. Мы въ Мемфисѣ, въ этомъ великолѣпномъ городѣ, лежащемъ между двухъ рукавовъ Нила, въ центрѣ плодоносной Гештаномиды. Виденъ Нилъ, виденъ Мемфисъ. Направо храмъ; на лѣво выходитъ на берегъ сьль, въ ту самую минуту, когда толпа танцовщицъ непрерывно старается забавлять Боккариса, главнаго жреца храма Изиды и Узириса. Это — празднество, которое, по Египетской антологіи Штубе, было доступно не всѣмъ и составляло таинство. Процессія идетъ въ глубинѣ сцены. Воображаю, какой эффектъ сдѣлаетъ эта процессія завтра, блестящемъ, разнообразіемъ, чуднымъ видомъ костюмовъ! Что касается до зрителей, бывшихъ на репетиціи, имъ было довольно смѣшно видѣть эти фалбалы и чепчики, окружающіе быка Аписа, который тоже не совсѣмъ соответствовалъ Египетскимъ узаконеніямъ своей мастью. Богамъ посвящали быка совершенно чернаго, а у этого только длинная пурпуровая попона, съ золотыми звѣздами, прикрывала бѣлый хвостъ.

И такъ это танцы Изидиныхъ жрицъ подъ музыку самую живую и оригинальную. Хоръ дикой, потрясающій и въ то время, когда процессія проходитъ мимо статуи Изиды, исполненный звуковъ рѣзкихъ, раздражающихъ. Это что то ужасное, что-то чисто Египетское. Хоръ умолкаетъ, танцы прекращаются, процессія проходитъ. Боккарисъ, главный жрецъ храма, поетъ арію' выражающую совершенное

его удовольствіе. Эту роль занималъ новый дебютантъ, Г. Обень, голосъ котораго общаетъ прекрасный пѣвучій басъ. Бокварисъ, какъ видно, веселый жрецъ. «Все прекрасно въ здѣшнемъ мірѣ!» восклицаетъ онъ. Это Египетскій Паинглось. Г. Скрибъ сдѣлалъ его неравнодушнымъ къ одной Нильской баадеркѣ, которую я то же не знаю, какъ зовутъ, но которую играла дѣвица Плюкетъ. Блудный сынъ, который видѣлъ ее танцующую, забываетъ для нея Г-жу Лабордъ точно такъ же, какъ забылъ для этой *Иефты*. Онъ влюбляется въ баадерку. Решившая Лабордъ тащитъ его въ толпу гулякъ и игроковъ, которые уговариваютъ его пить и играть. Тутъ онъ проигрываетъ все, до послѣдняго своего верблюда, и приходитъ въ страшный гнѣвъ.... Въ это время около меня говорили объ одной сценѣ изъ *Роберта*.

Между тѣмъ какъ Г. Верру поетъ у оркестра превосходную арію, съ акомпаниментомъ гобоя, Плюкетъ крадетъ у блуднаго сына шарфъ, который подарила ему, на прощанье, *Иефта*. Сынъ попалъ между двухъ огней; двѣ соперницы, Плюкетъ и Лабордъ, стараются ему нравиться одна передъ другой, и онъ не знаетъ, которую предпочесть. Но такъ какъ Плюкетъ, послѣ похищенія шарфа, бѣжитъ, то выборъ его и палъ на нее, вѣроятно по тому, что женщину съ такими прекрасными и легкими ножками, какъ у дѣвицы Плюкетъ, догнать не легко. Тогда оскорбленная Г-жа Лабордъ ему говоритъ: «Она назначила свиданье этому старому жрецу!» Блудный сынъ видитъ, что надъ нимъ смѣются.

Вся музыка танцевъ, о которыхъ говорилъ я, (и которые аранжированы Сень-Леономъ), восхитительна, игрива, прыгуча. Кажется, что прыгаешь самъ, когда слушаешь ее. Но замѣтимъ мимоходомъ, что танцовщицы безъ бѣлизы и румянъ, при свѣтѣ газа, казались немножко черны, и что ихъ неглиже было все совсѣмъ хорошо.

Такъ какъ все это дѣйствіе происходитъ во время празднествъ Озириса, Изиды, Аписа и другихъ тому подобныхъ божествъ, то довольно трудно упомянуть постепенный ходъ его и подробности. Я забылъ сказать объ

одною танцѣ, названномъ: *pas de pougnards*, чрезвычайно живомъ, новомъ, изумительномъ. Здѣсь женщины изгибаются какъ змѣи, выпрямляются, какъ штампы растений, трещутъ всѣми членами, какъ Негритянки, танцуя *бамбулу*.

Между тѣмъ блудный сынъ понялъ, что его кругомъ обманываютъ. Египтяне, съ которыми онъ игралъ, оказались Греками! Онъ гонитъ отъ себя Лабордъ, и думаетъ только объ одной Пюнкеть. Но вотъ страшная суматоха.... Кто-то прѣхалъ: это прѣхали отецъ и кузина. — Сынъ мой! сынъ мой! я тебя потеря—а—а—а—аль!—Это поэтъ Массоль, забывшій свой насморкъ и своего доктора, и поэтъ очень хорошо, подъ прекрасную музыку. Сынъ тутъ.... Но, какъ это обыкновенно бываетъ, отецъ не узнаетъ его, и продолжаетъ кричать, что онъ его потерялъ. Кузина Дамеронъ проникательнѣе. Она узнала и отыскала потеряннаго сына. Начинается тріо:—это ты!—это я!—это онъ!— Но гдѣ же шарфъ? Для отысканія его блудный сынъ находитъ предлогъ бѣжать къ Пюнкеть. Опять начинаются танцы, опять проводятъ быка, опять поетъ хоръ. Занавѣсъ опускается.

Прошу извинить всѣ эти Египетскія приключенія, изобрѣтенныя воображеніемъ Г. Скриба, и снова возвращаюсь къ тому, что принадлежитъ Оберу. Все это дѣйствіе празденствъ превосходно. Дикіе хоры Изидина богослуженія, живость музыки балетной, свѣжесть мелодіи — все доставляетъ слуху такое же наслажденіе, какое завтра блескъ этихъ процессій и чудныхъ костюмовъ доставитъ глазамъ. Въ роли Г. Массоля есть мѣста полныя чувства, которыя его прекрасный голосъ исполнялъ чудесно. Двѣ женщины соперничали между собой—одна нѣжностью, другая блескомъ. Сынъ тоже не уступилъ, пусгившись въ погоню за ножками д. Пюнкеть.

Дѣйствіе третье. Здѣсь Г. Рокепланъ, превзойдя всякую до сихъ поръ виданную постановку пьесъ, превзошелъ и самого себя. Вотъ что мы видѣли:

Великолѣпная лѣстница, широкая во всю ширину театра, и возвышающаяся до половины высоты задняго занавѣса, занимаетъ глубину сцены. На ступеняхъ этого величест-

веннаго входа расположены группы огромной оргіи, которая, осуществляя отчасти въ глазахъ зрителя таинства Изиды, все еще оставляетъ много пищи его воображенію. Эти таинства были почти тѣже, что и таинства Цитеры. Божество чтили какъ эмблему природы, эмблему всѣхъ даровъ ея и всѣхъ наслажденій. Сто танцовщицъ сгруппированы съ жрецами храма. Тамъ и сямъ блестятъ золотыя вазы и кубки; вездѣ гирлянды, вездѣ цвѣты. Эта картина оргіи составлена чрезвычайно смѣло и производитъ чудный эффектъ. Вся декорациі написаны, всѣ группы расположены и поставлены рукой искуснаго живописца (говорятъ, Камила Рокелланъ, брата директора). Электрическая луна, блѣдная сестра заходящаго солнца въ «Пророкъ», освѣщаетъ эту картину какимъ-то чуднымъ полусвѣтомъ!.... Разумѣется, все это надобно видѣть въ настоящее представленіе, а не на репетиціи, но и теперь можно вообразить, что это будетъ что-то волшебное!

Поютъ и шлютъ; мѣняются куплетами, чокаются стаканами.... Потомъ постепенно утомляются, — всѣ умолкаютъ, всѣ засыпаютъ.... Вся эта толпа, всѣ эти группы, разсыпанныя по лѣстницѣ, какъ будто окаменѣли.

Входитъ Г-жа Лабордъ съ блуднымъ сыномъ, котораго она ввела въ храмъ Изиды черезъ потаенный входъ, чтобы доказать ему измѣну Плюккетъ. Доказательство на лицо: веселый жрецъ и баядерка заснули другъ подлѣ друга. Сынъ хочетъ взять свой похищенный шарфъ. Баядерка просыпается, Боккарисъ тоже. Она вскрикиваетъ, онъ спрашиваетъ, что такое, и Г-жа Лабордъ показываетъ на блуднаго сына.... Поднимается тревога: профанъ осквернилъ храмъ своимъ присутствіемъ. Боккарисъ приходитъ въ страшное изступленіе, клянется всѣми своими богами, всѣми крокодилами Нила, и приказываетъ жрицамъ и жрецамъ схватить виноватаго, рѣшившагося на дерзость, не запомнить со временъ Камбиза.

Но вотъ еще кто-то входитъ: это Іефта, вдова своего шарфа и своего жениха. Она пришла снасти его. Хоръ, которымъ ее встрѣчаютъ, чрезвычайно оригиналенъ. — «Какъ, еще одна! — вскрикиваетъ Боккарисъ; — прекрасно!

Двѣ жертвы вдругъ! Мнѣ та, которая получше, а тебѣ, Плюнкеть, похуже» Іефта, которую, разумѣется, выбралъ жрецъ, противится, возражаетъ. Боккарисъ отвѣчаетъ ей стихами, оставшимися, впрочемъ не знаю по чему, у меня въ памяти:

Ah! sois moins severe!

Isis va se taire

Et fermer les yeux!

Кузина въ отчаяніи. Кузень въ свою очередь является къ ней на помощь, только съ чернымъ покрываломъ на головѣ, для того, чтобы Плюнкеть посвятила его въ таинства Ианды, и чтобы кузина узнала не вдругъ. Положеніе кузенья и кузины не такъ-то хорошо: они или должны посвятить себя служенію Египетскихъ боговъ, или умереть. Блудный сынъ, какъ кажется, не рѣшается выбрать послѣднее средство, но Іефта не боится смерти. Они поютъ. Кузина узнаетъ своего жениха и бросается къ нему въ объятія. Онъ вырываетъ оружіе у одного изъ стражей и разгоняетъ всѣхъ. Они остаются вдвоемъ.

Какъ и куда спастись? Гдѣ выйдти изъ храма? Говоря правду, можно пройти между каждой кулисы, но сынъ пробуетъ отворить именно такую, которая не отворяется. Возвращается Плюнкеть съ кортежемъ танцовщицъ, и предлагаетъ спасти Іефту. Іефта повинуется, и уходитъ за ней. Право, эта Плюнкеть очень добра!

Блудный сынъ остается въ отчаяніи. Входитъ толпа вооруженныхъ людей съ факелами. Огромная лѣстница опять покрыта разнообразными группами, и блѣдный свѣтъ луны, смѣшиваясь съ краснымъ отблескомъ факеловъ, производитъ картину превосходную, величественную, новую. Сына уводятъ или на смерть, или на посвященіе. Занавѣсъ опускается при звукахъ хора, потрясающаго душу чувствомъ ужаса.

Дѣйствіе четвертое. Степь.

Г. Пти Бріеръ, погонщикъ верблюдовъ, поетъ куплеты, которымъ хлопаютъ. Кругомъ песчаная долина и ничего больше. Песокъ тихо катится отъ вѣтра, будто вода, и, кажется, чувствуешь дыханіе симуна. Въ музыкѣ слышится утомленіе. Пастухи лежатъ, и блудный сынъ въ числѣ ихъ;

онъ ушелъ изъ Мемфиса. Былъ ли онъ посвященъ? Плюнетъ похитила ли его свободу вмѣстѣ съ шарфомъ? вотъ въ чемъ вопросъ.... Но во всякомъ случаѣ, какъ мы знаемъ, блудный сынъ долженъ былъ пасти свиней, и Г. Скрибъ сдѣлалъ его пастухомъ; только, вмѣсто грязныхъ животныхъ, далъ ему табунъ лошадей, которыхъ Г. Рокепланъ замѣнилъ верблюдами. Блудный сынъ неутѣшенъ и поговариваетъ о родительскомъ думѣ. Идетъ караванъ. Является Г-жа Лабордъ съ своими руладами. Мошенники, обобравшіе сына въ Мемфисѣ, вѣдутъ при ея свитѣ. Тутъ встрѣчаются противоположности, которыми Оберъ очень искусно воспользовался: насмѣшки съ одной стороны, отчаяніе съ другой. При свистѣ флейтъ караванъ удаляется.

Блудный сынъ поетъ романсъ, въ которомъ жалуется, что онъ потерялъ все.... даже и честь! Къ этой академической фразѣ можно бы прибавить еще, что онъ потерялъ и голосъ. — Это ужасно! восклицаетъ онъ, и упадаетъ на землю. Кажется, что онъ засыпаетъ. Впрочемъ спитъ ли онъ или нѣтъ, во снѣ ли видитъ или на яву, только видится ему вотъ что: густая облака застилаютъ даль; потомъ они прорѣжаются, и сквозь нихъ виденъ опять дворъ родительскаго жилища блуднаго сына, видна кухня, виденъ отецъ — и все это съ акомпаниментомъ арфы. Сынъ приподнимается, протираетъ руки, но облака застилаютъ видѣніе. Онъ выпускаетъ *сi белмоль*, и снова упадаетъ на землю, а съ нимъ вмѣстѣ упадаетъ и завѣтъ.

Дѣйствіе пятое и послѣднее. Сельскій видъ, довольно веселый. Вдали синѣютъ горы, на вершинѣ которыхъ отражается розовый отблескъ солнца. Толпа двушекъ, тавчуя, идетъ къ колодцу. Мы возвратились къ отцу. Д. Дамеронъ поетъ очень хорошо, очень хорошенькіе куплеты. Отецъ горюетъ въ уголокъ, и жалуется, что у него нѣтъ больше сына. Это, разумѣется, та минута, въ которую сынъ долженъ возвратиться. Разумѣется также, что ни отецъ, ни невѣста не узнаютъ его. Онъ является усталый, истомленный, алчущій, жаждущій. Ему подають пищу и питье, онъ считаетъ себя недостойнымъ прикоснуться къ нимъ.... Этотъ странникъ изъ Мемфиса, — говоритъ отецъ. — Можетъ

быть онъ видѣлъ моего сына! Разспросимъ его!» Почтенный отецъ продолжаетъ не узнавать ни голоса, ни лица своего сына во все время, которое потребно ему для исполненія *adagio* въ дуэтѣ; но какъ только подошло *allegro*, онъ вскрикиваетъ: это ты, мой сынъ! — Сынъ вскрикиваетъ: это я, мой отецъ! — Исфта вскрикиваетъ: это онъ, мой женихъ!.... Объятія общія и частныя. Хоръ прибѣгаетъ узнать, въ-чемъ дѣло, и пристаётъ къ тріо. Накрываютъ столъ для пиршества, колютъ упитанныхъ тельцовъ, и крестьяне, столпившіеся на заднемъ планѣ, уступаютъ мѣсто небесной картинѣ, откуда ангелы радуются примиренію отца съ сыномъ. Пѣніе становится громче, струны всѣхъ арфъ звучатъ, группы живописно формируются, и отецъ благословляетъ сына, который, въ заключеніе, долженъ жениться на Дамеронъ.

Репетиція началась въ семь часовъ, кончилась въ часъ.

Первое представленіе этой оперы было 6 Декабря (н. ст.) и имѣло успѣхъ огромный. Весь Парижъ политическій, дипломатическій, ученый, литературный собрался смотрѣть новое общее произведеніе двухъ прекрасныхъ талантовъ, понявшихъ какъ нельзя лучше духъ и вкусъ Французовъ. Либретто знаменитаго академика много выиграло, когда персонажи явились въ костюмахъ и со всей тщательностью сценической обстановки, которая на репетиціи не могла быть такъ совершенна. Музыка Г. Обера, о которой мы говорили ужъ выше, достигаетъ въ этой пьесѣ того совершенства, къ которому стремятся всѣ искусства. Успѣхъ ея такъ же великъ, какъ велики достоинства.

Честь этого вечера, какъ мы и предвидѣли, неоспоримо принадлежитъ Г-ну Массоль. Д. Дамеронъ исполнила свою роль, полную чувства и увлекательной прелести, такъ хорошо, какъ мы и не ожидали. Г-жа Лабордъ, въ роли болѣе блестящей, дѣлала чудеса своимъ превосходно выработаннымъ голосомъ. Г. Рожеръ, наконецъ, вполне соответствовалъ отличному исполненію цѣлаго своимъ сценическимъ знаніемъ и своимъ выразительнымъ пѣніемъ. Что касается до хоровъ, масса ихъ, подчиненная удивительной вѣрности и согласію, производила невыразимый эффектъ въ перели-

вахъ мелодій, мастерски расположенныхъ, развитыхъ и модулированныхъ творцомъ *Ньмой* и столькихъ другихъ произведеній или прелестныхъ или знаменитыхъ. Либретто Г. Скриба представляетъ пять или шесть высокихъ сценическихъ положеній, въ которыхъ партія доходитъ до истиннаго величія. Красоты ея будутъ еще ощутительнѣе по мѣрѣ знакомства публики съ пьесой; тогда глаза зрителей, привыкнувъ къ декорациямъ, стануть менѣе развлекаться, и все вниманіе ихъ сосредоточится въ слухъ.

Постановка пьесы скорѣе превзошла, чѣмъ осуществляла все то, что говорили о ней. Расходы на нее, по словамъ многихъ, простираются до 112,000 франковъ, которые впрочемъ, вѣроятно, покроются въ десять вечеровъ. Декорация перваго и особенно третьяго дѣйствія, гдѣ представлена великолѣпная лѣстница храма *Изиды*, восхитили всѣхъ. Наложите враски на мой очеркъ этого спектакля, и вы тогда только будете въ состояніи представить себѣ весь блескъ его и великолѣпіе. Танцы оригинальныя, совершенно новыя прелестныя, доказываютъ новый успѣхъ Г-на Сень-Леонъ на этомъ поприщѣ. Д. Плюнетъ въ мимической роли *Ли* (такъ зовутъ баядерку) вполне заслужила громкія рукоплесканія, которыми была осыпана. Однимъ словомъ, пьеса эта, съ перваго своего представленія, доставила и авторамъ, и артистамъ, и директору театра такой успѣхъ, который здѣсь очень кстати назвать *пирамидальнымъ*.

Кончу статью еще однимъ замѣчаніемъ. Когда давали въ первый разъ «*Гугеноты*», это капитальное произведеніе Мейербейера, въ которомъ четвертое дѣйствіе составляетъ лучшія страницы Нѣмецкой музыки, толпы, собираясь въ фойе, въ коридорахъ, въ верху и въ низу, толковали такъ: Это-то хваленое произведеніе? Да оно рѣшительно упало! — И это мнѣніе было общее. Журналы, въ угодность правительству, издержавшему на постановку пьесы значительную сумму, осмѣливались хвалить общность пьесы, костюмы, декорации. «*Гугеноты*» едва держались на сценѣ, и не иначе какъ съ большимъ трудомъ удалось фельетонистамъ пустить въ ходъ эту пьесу, которая, по настоящее время, выдерживаетъ, если не ошибаюсь, 176 представленіе. Съ музыкой Обера совсѣмъ не то. Тутъ нѣтъ труда ни публикѣ,

ни журналистамъ, не нужно двадцати вечеровъ для ея уразумѣнія; одного, двухъ представленій достаточно, чтобы дать почувствовать всѣ красоты ея, и дать почувствовать даже слушателямъ самымъ необразованнымъ. Они сами не знаютъ, какъ, а между тѣмъ повимають ихъ. Здѣсь хвалятъ не притворно, не для того чтобы выказать себя знатокомъ, хвалятъ безъ зевоты. Удовольствіе само собою выражается на всѣхъ лицахъ, и замѣтите, что и люди со вкусомъ, съ образованіемъ, всегда предпочли бы этотъ родъ музыки, легкой, остроумной, соединяющей чувство съ прелестью, еслибъ не было моды, довольно непонятной для меня, не сознаваться, что мы находимъ красоты въ вещахъ самыхъ простыхъ и не требующихъ ученаго вниманія знатока. Надобно показывать видъ, что насъ могутъ удовлетворить только произведенія глубокія, мудренныя, гдѣ цѣль искусства почти вовсе затемнена ученостью; надобно показывать видъ, что мы знаемъ дорогу, которую отыскиваютъ наши новые Хр.стофоры Колумбы къ музыкальной Америкѣ!»

Кромѣ этого произведенія Гг. Скриба и Обера, Парижская Опера имѣетъ въ виду еще нѣсколько новостей. Прежде всего новаго тенора, который нуженъ всегда и на всякомъ театрѣ, и который теперь, когда Г. Рожеръ началъ ужь утомляться, еще нужнѣе Оперѣ. Теноръ этотъ — Г. Моральти. Потомъ есть еще въ виду новый балетъ Сень-Леона, для Черрито, и двѣ новыя пьесы, которыя еще... пишутся. Одна изъ нихъ называется «*Продавица Апельсиновъ*» (*Marchande d'oranges*). Г. Скрибъ составилъ ея либретто собственно для таланта и — собственно для наружности Г-жи Альбони. Г. Оберъ приглашенъ написать музыку для балета и для этой пьесы за 50,000 фр., съ исполненіемъ ея въ три мѣсяца. Вторая пьеса — «*Сафо*» поэма (что, мнѣ кажется, въ настоящемъ случаѣ очень кстати). Либретто Г-на Эмиля Ожье, музыка Г-на Гуно, высоко цѣнимаго въ Римѣ. Поговариваютъ, что Г-жа Полина Виардо сама обрабатываетъ нѣкоторыя мѣста этой партіи, потому что, въ слѣдствіе новаго условія съ театромъ, хочетъ играть въ этой пьесѣ. Впрочемъ все это одни только слухи, и мы не знаемъ, оправдаются ли они.

Изъ отчета, представленнаго Министру Внутреннихъ дѣлъ г-мъ Арсенемъ Гуссе, которому правительство ввѣрило управленіе, собственно такъ называемаго, *Французскаго театра*, видно, что г. Арсень Гуссе такой же искусный директоръ, какъ и поэтъ, и что, вопреки общему мнѣнію, иногда и поэты могутъ быть людьми очень способными къ дѣламъ административнымъ. Г. Арсень Гуссе подвѣялъ наконецъ эту сцену, созданную и прославленную Мольеромъ, но въ послѣднее время сильно упавшую, до высоты настоящаго ея національнаго назначенія, до высоты, какъ отзывается о ней самъ г. Арсень Гуссе, «академія, въ которой обитаетъ геній Франціи». Репертуаръ старинныхъ пьесъ, вновь поставленныхъ, доставляетъ однакожъ этому театру больше чести, чѣмъ выгоды, потому что зрители, собирающіеся ихъ смотрѣть, гораздо замѣчательнѣе своимъ *качествомъ*, чѣмъ *количествомъ*. По этому-то Франція, всегда гордая своими великими поэтами и всегда признательная къ нимъ, и ассигновала на издержки этого репертуара ежегодную вспомогательную сумму. Съ Ноября 1849, по Сентябрь 1850 года, т. е. въ продолженіи 10 мѣсяцевъ, г. Арсень Гуссе поставилъ на сцену 15 новыхъ и возобновилъ 8 старыхъ пьесъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ далеко выходятъ изъ рода обыкновенныхъ, какъ наприм.: «*Габріель*», г-на Эмиля Ожье, получившаго отъ академіи Монтіоновскую премію въ 10,000 фр., въ ожиданія академическихъ кресель; «*Шарлота Кордье*», г. Понсара, одня 5-й актъ которой представляетъ превосходный философскій этюдъ. Кромѣ того новый директоръ прекратилъ процессъ, бывший у г-жи Рашель съ *Французскимъ театромъ*, и знаменитая артистка снова выступила на сцену въ двухъ, хотя и новѣйшихъ, но вполне достойныхъ ея таланта произведеніяхъ: «*Мадмуазель Де-Белиль*» и «*Анжело или Тиранъ Падуаस्कій*». Наконецъ, возобновленіе «*Сватъбы Фигаро*», съ оперными танцами, было блистательно. Дѣвицы: Августина Брoganъ и Юдифъ пріобрѣли на этомъ представленіи полный успѣхъ. Вообще г. Арсень Гуссе сдѣлалъ много удачныхъ преобразованій и въ репертуарѣ театра, и въ труппѣ его, и даже въ оркестрѣ, управленіе котораго поручено теперъ первоклассному артисту и иску-

ному композитору, г-ну Якову Оффенбаху. Труппа приобрела новую артистку, съ замѣчательнымъ талантомъ, Д. Магдалену Брочанъ. Дебютъ ея былъ самый блестящій. Она займетъ амплоа въ высокой комедіи. Г-жа Рашель тоже не оставитъ больше сцены *Французскаго театра*, которую г. Арсень Гуссе, въ своемъ рапортѣ, называетъ пьедесталомъ, достойнымъ г-жи Рашель, и г-жу Рашель статуей, достойной своего пьедестала. Виродолженіи 10 мѣсяцевъ, т. е. съ того времени, какъ г. Арсень Гуссе сдѣланъ директоромъ театра, старинныя классическія пьесы были даны 184 раза. Мольеръ, Корнель, Бомарше, Лафонтенъ, Морииво, Ренъаръ, Детушь — все было повторено; но уввы! повторимъ и мы: публика неохотно собирается смотреть ихъ. Она не хочетъ видѣть Грековъ и Римлянъ, не хочетъ видѣть даже своихъ дѣдушекъ и бабушекъ, вставленныхъ въ классическія рамки. Ей надобны портреты живые, современные, надобно дѣйствіе, а не монологи.... И это, въ настоящее время, требованіе не одной Парижской публики, а всѣхъ публикъ вообще.

Г-жа Жоржъ Зандъ отдала на театръ Saint - Martins драму, которая называется, кажется, *Семейство Плотника*. Говорятъ, что знаменитая писательница сама занимается надзоромъ надъ нѣкоторыми *плотничьими* работами на сценѣ, нужными для ея пьесы.

Театръ le Gymnase закрытъ на нѣсколько дней, по случаю производящихся въ немъ передѣлокъ. Онъ откроется къ Рождеству, большой пьесой г-на Густава Лемуанъ, въ которой г-жа Роза Шери будетъ играть роль слѣпой. Эта прекрасная артистка долго можетъ еще произвольно принимать на себя всѣ тѣлесныя немощи и недостатки, ни сколько не опасаясь того, чтобы ее могъ кто нибудь упрекнуть или въ существенности.

Одеонъ.... что сказать о немъ? Развѣ только пожелать ему покойной ночи и такого же пріятнаго сна, какимъ онъ постоянно усыпляетъ своихъ зрителей.... Вотъ какъ составлена большая часть пьесъ, одобренныхъ и принятыхъ Комитетомъ Одеона. Подите прогуливаться на бульваръ, или куда вамъ угодно. Взгляните въ засаленный

каталогъ перваго встрѣтившагося вамъ букиниста, и выберите по немъ что нибудь Гожирана Нантель, Буаси, Форже, де Фонтена и Раде, или пожалуй хоть Жуи, Етьена, Александра Дюваль и Пикара, только выберите то, что меньше извѣстно. Возвратившись домой, перемѣните заглавіе пьесы; если она въ прозѣ, переложите ее въ стихи, если въ стихахъ, переложите въ прозу. Не носите однакожь вашу пьесу въ другіе театры, у васъ ее не примутъ; несите ее прямо въ Комитетъ Одеона, прочтите — и дѣло съ концомъ: если пьеса составлена по моему рецепту, ее непременно играютъ. Таковъ всегда былъ выборъ прежняго Комитета съ тѣхъ поръ, какъ существовалъ онъ, и если что нибудь порядочное принималось на сцену Одеона, такъ это не иначе какъ вопреки Комитету. Станемъ надѣяться, что г. Альтарошь, новый содержатель театра, который знаетъ, что настоящее назначеніе Одеона состоитъ въ томъ, чтобъ ободрять и поощрять молодыхъ литераторовъ, будетъ въ этомъ отношеніи счастливѣе. Другія времена, другіе комитеты.

Нынѣшняя Выставка Парижской Академіи Художествъ открыта не съ тѣмъ, чтобы похвастать мастерскими произведеніями, а съ цѣлью, познакомить любителей съ произведеніями молодыхъ художниковъ, поощрить ихъ и доставить имъ средство сбыть свои работы. По этому она небогата картинами замѣчательными, и даже вовсе почти не представляетъ картинъ содержанія историческаго и религіознаго. Нѣсколько портретовъ, нѣсколько пейзажей, нѣсколько tableaux de genre — и только. Укажемъ на тѣ, передъ которыми охотнѣе останавливаются посѣтители.

Прекрасный мужской портретъ, работы г-на Роберта, замѣчателенъ строгимъ стилемъ живописи. Сходство съ подлинникомъ совершенное, въ чемъ каждый легко можетъ убѣдиться, потому что портретъ писанъ съ молодого человѣка очень хорошо извѣстнаго въ Парижскихъ салонахъ. Черты лица тонки, краски хорошо сгармонизованы; обстановка проста, но въ ней много вкуса. Подробности отдѣланы тщательно, и въ общности картины есть мысль, что не всегда встрѣчается въ новѣйшихъ портретахъ.

Другой портретъ, выставленный г-мъ Робертомъ, это портретъ Королевы. Художникъ не имѣлъ возможности писать его съ натуры, и, выполняя порученіе Академіи, соображался съ портретомъ, писаннымъ г-мъ Винтергальтеромъ. Писать портретъ такимъ образомъ, работа трудная, но г-нъ Робертъ выполнялъ ее такъ хорошо, какъ только можно требовать при подобныхъ обстоятельствахъ. Портретъ этотъ предположено выгравировать и пустить, по подпискѣ, въ продажу, въ пользу недостаточныхъ художниковъ. Гравюру поручили вырѣзать г-ну Девише, известному мастеру этого дѣла, который уже и занимается ею. Комитетъ, составленный при Академіи, для поощренія художниковъ, воздвигая этотъ благочестивый памятникъ покойной Королевы, ничего не щадить, что бы сдѣлать его достойнымъ и памяти Королевы и той благой цѣли, для которой назначенъ онъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ картинамъ. Вотъ два преиленные небольшіе пейзажа г-на Роббе. Они сдѣланы именно въ томъ вкусѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ придерживаются лучшіе пейзажисты. Колоритъ пріятенъ, кисть легка, штрихъ нѣженъ.

Г-жа Сенескуръ доставила на выставку двѣ небольшія картинки: *Лудовикъ XV за гасемб* и *въ Версали*. Тонъ первой нѣсколько блѣденъ, но видно искусство въ выраженіи лицъ, и вкусъ въ расположеніи сцены. Во второй недостаетъ воздуха и свѣта.

Два пейзажа г-на Лотера служатъ новымъ доказательствомъ его умѣнья понимать природу, и его мастерства владѣть кистью.

Замѣтимъ также *Швейцарскій видъ* г-на Фурмуа, маленькую картинку, въ которой много искусства, и гдѣ весь мѣстный характеръ страны выраженъ какъ нельзя лучше.

Въ картинкѣ г-на Делавра, *»Визитъ Кормилицѣ»* видно много наблюдательности; обстановка сцены очень живописна.

«Уступи мнѣ мѣсто», картинка г-на Нотермана, изображаетъ сцену вовсе не изъ жизни частной или политической, какъ это можно подуматъ по ея названію. Двѣ

комнатныя собачки, расположившись въ преслахъ, защищаютъ свое мѣсто отъ косматой эспаньолки, которая хочетъ согнать ихъ.

Два монаха, г-на Вордсклера, написаны съ большимъ соображеніемъ и кистью твердой. Эта картина названа имъ: *Столѣтній старецъ* (*un Centenaire*).

Г-нъ Ванъ Мѣеръ не сдѣлалъ большихъ успѣховъ. Его видъ Голландскаго городка, Бригге, замѣчательнъ только жесткостью и рѣзкостью тона; а между тѣмъ небо, видящееся на этомъ пейзажѣ, сквозь облаковъ, свѣтлѣе Неапольскаго, и навѣрное можно сказать, что жители Бригге никогда такого не видывали надъ своимъ роднымъ городомъ.

Жанна д'Аркъ, картина г-на Дилленъ, довольно удачна. Колоритъ хорошъ. Типы Англійскихъ солдатъ изображены выразительно; фигура Жанны д'Аркъ исполнена достоинства и величія, но черты лица ея больше похожи на мужескія, чѣмъ на женскія.

Въ *»Ожиданіи,«* г-на Таймана, есть мысль. Молодая женщина сидитъ на берегу морского, во время бури. Но исполненіе слабо.

Г. Вербьеръ прислалъ видъ одного изъ тѣхъ Голландскихъ каналовъ, загроможденныхъ барками, которые онъ такъ любитъ писать и пишетъ удачно. Въ новомъ его произведеніи можно похвалить воду, суда и фигуры людей, но небо ниже посредственности, и особенно ночь.

Замѣтимъ еще пейзажъ г-на Раффордъ, на которомъ представленъ яркій закатъ лѣтняго солнца; цвѣты, г-на Роббе, и два небольшіе пейзажа прекраснаго колорита и отчетливаго исполненія, г-на Девалль.

Г. Кюнненъ прислалъ тотъ самый пейзажъ, который обратилъ на себя общее вниманіе на послѣдней Брюссельской выставкѣ. Маленькій эскизъ г-на Шельфу, вѣроятно, приславъ имъ для того, чтобъ прибавить одно славное имя въ каталогъ выставки, а не для приобрѣтенія новой славы.

Если мы къ именамъ художниковъ, о которыхъ ужъ говорили, прибавимъ еще имена г-жи Шампельнъ, Гг. Шарета-Дюваль, Гугенса, Гарни, Тавернье, Геслера, Свертца и Леруа, то нами никто почти не останется забытъ.

Кстати о картинахъ. Въ Парижской національной библіотекѣ есть гравюра *Снятие со креста*, которую до сихъ поръ считали оригинальной работой Реимбранта. Библіотека заплатила за нее 5,800 франк., какъ за эстампъ въ своемъ родѣ единственный и удивлявшій знатоковъ красотою оттиска, нѣжностью штриха и гладкостью полей, на которыхъ не видно ни малѣйшаго слѣда тисненія. Недавно понадобилось перемѣнить у эстампа раму. Любители воспользовались случаемъ рассмотреть хорошенько этотъ рѣдкій эстампъ, вынутый изъ-подъ стекла; приставили къ глазамъ лорнеты, трубочки, всѣ возможные зрительные инструменты и открыли.... что это не гравюра, а рисунокъ перомъ, о превосходствѣ котораго можно судить ужь по тому, за что онъ столько времени былъ принятъ.

Носятся слухи, что въ Академіи (мы говоримъ здѣсь объ Академіи Наукъ, а ужь не объ Академіи Художествъ), составляется партія, которая хочетъ предложить Президенту Республики опроставшіеся кресла Дроза.

Ламартинъ трудится, отъ 15 до 16 часовъ въ сутки, надъ *Исторіей временъ Директоріи*, которую у него купилъ, за 120,000 франк., издатель ея *Conseiller de Peuple*.

Въ одной изъ самыхъ веселыхъ долинъ Люксамбурга, есть живописныя развалины, съ которыми связано воспоминаніе о прѣисшествіи очень любопытномъ. Это развалины Клерфонтенскаго аббатства, нѣкогда богатою и уважаемою обители благородныхъ дѣвицъ, посвятившихъ себя Богу. Въ 1794 году благочестіе этого монастыря до того ослабло и нравы такъ испортились, что начальница его ни сколько не совѣстилась приглашать къ себѣ на вечера, и даже на балы, всѣхъ окрестныхъ жителей, съ ихъ семействами, и Австрійскихъ офицеровъ Артонскаго гарнизона (въ числѣ которыхъ находился и Фельдмаршалъ Радецкий, бывший тогда еще Капитаномъ). Во время одного изъ такихъ баловъ, полубригада Мозельской арміи, стоявшая

въ Лонгви, напала, въ распахъ, на Артонъ и овладѣла имъ, а на разсвѣтѣ толпа республиканскихъ солдатъ разграбила и сожгла монастырь, который черезъ нѣсколько часовъ превратился въ дымящуюся груду камней.... Вы думаете, что я вамъ рассказываю событіе историческое? нѣтъ, это романъ одного неизвестнаго автора, недавно вышедшій въ Брюссель и, говорятъ, очень занимательный. Не знаемъ только, романъ ли основанъ на происшествіи, или происшествіе на романъ?

—

Два новыя сочиненія Гизо: *Монкъ* и *Вашингтонъ*, вышли уже въ Брюссель.

—

По Сень-Жерменской и Версальской желѣзнымъ дорогамъ, изъ которыхъ первая открыта 25-го Августа 1837, а вторая 1-го Маія 1859 года, проѣхали, со времени ихъ открытія по 31 Октября 1859 года, около 30 милліоновъ пассажировъ. Парижане, несмотря на всю свою вѣтренность, до сихъ поръ не перестаютъ восхищаться всѣми безчисленными удобствами и выгодами, которыя доставили имъ эти дороги, соединивъ центръ города съ его окрестностями. Въ нашъ вѣкъ, который самъ летитъ по желѣзной дорогѣ, потребность быстроты въ сношеніяхъ политическихъ, въ дѣлахъ коммерческихъ, даже въ поѣздкахъ на прогулку съ каждымъ днемъ становится необходимою, и по этому мы, кажется, не совсѣмъ довольны и желѣзными дорогами.... Мы стремимся къ воздухоплаванію, надъ которымъ въ послѣднее время сдѣлано столько опытовъ, и о которомъ г. Жюльенъ Тюрбанъ издавъ недавно книгу, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Воздушные шары, и исторія воздухоплаванія, со времени его начала до нашихъ временъ...*

Авторъ книги почти убѣжденъ, что скоро наступитъ время, когда человѣкъ достигнетъ искусства плавать въ воздухѣ точно такъ же, какъ теперь плаваетъ онъ по водѣ. Онъ считаетъ воздухоплаваніе такою вещію, которая не замедлитъ осуществиться, увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, и, въ слѣдствіе того, поздравляетъ человѣчество съ этимъ

способомъ путешествія, самаго пріятнаго, самаго занимательнаго и нисколько не утомительнаго, какъ удостоверился онъ по собственному опыту. Г. Жюльенъ Тюрганъ совершилъ три такихъ путешествій. Первое съ г. Грессъ, второе съ несчастнымъ Галемъ, кото́рый нисколько мѣсяцевъ назадъ умеръ въ Бордо, и третье нѣтъ Паррима въ Бельгію, съ г. Голэръ. Эти три опыта до того пристрастили его къ воздухоплаванію, что заставили написать исторію воздушныхъ шаровъ, очень любопытную и богатую фактами, тщательно собранными, но . . . къ сожалѣнію, нисколько не подвигающую впередъ науку воздухоплаванія.

Говоря о путешествіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ и по воздуху, очень кстати сказать и о новыхъ часахъ, изобрѣтенныхъ Брюссельскимъ часовщикомъ Демѣромъ. Извѣстно, что до сихъ поръ въ дорогѣ употреблялись только часы *карманные*; напротивъ это часы *столовые*, и вотъ какого устройства. Предположимъ, что у васъ есть такіе часы. Они чрезвычайно красивы и стоятъ на каминѣ вашего Московскаго кабинета. Вамъ понадобилось ѣхать въ Петербургъ, и вздумалось взять съ собой эти часы какъ для того, чтобъ они вамъ показывали время въ дорогѣ, такъ и для того, чтобъ, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, поставить ихъ на каминъ вашего Петербургскаго кабинета. Они въ ящикѣ. Вы ставите ихъ, къ себѣ, въ мальпость. Васъ мчатъ что есть духу, но вы пріѣзжаете на станцію, смотрите на ваши часы, и видите, что они идутъ, и идутъ такъ же вѣрно, какъ бы стоя на мѣстѣ. Этого мало: ящикъ, стоящій въ вертикальномъ положеніи, беспокоитъ васъ; вы владете его на бокъ — и часы опять идутъ. Вы ставите ихъ въ положеніе косвенное, поворачиваете на всѣ стороны, ихъ толкаютъ въ мальпость — а они все себѣ идутъ да идутъ. Наконецъ, если вамъ вздумается эти чудные часы, которые стояли, въ вашемъ Московскомъ кабинетѣ, въ обыкновенномъ нормальномъ положеніи всѣхъ вообще столовыхъ часовъ, т. е. XII цифрой циферблата вверхъ, а маятникомъ внизъ, поставить, для рѣдкости, въ

вашемъ Петербургскомъ кабинетѣ, вверхъ ногами, они опять будутъ идти..... Я непременно куплю себѣ такіе часы, которые стоѣтъ, глядя по отдѣлкѣ, отъ 200 до 600 франковъ, и непременно поставлю ихъ, въ моемъ кабинетѣ, вверхъ ногами, именно съ тѣмъ, чтобы каждый, кто придетъ ко мнѣ, подумалъ, что онъ попалъ къ антиподамъ....

Изъ шумнаго, блистательнаго роскошнаго Парижа обратимся къ бѣднымъ и смиреннымъ Славянамъ, и перепечатаемъ изъ Сѣверной Пчелы извѣстіе о новомъ несчастіи, которое грозитъ имъ еще больше Венгерскихъ смуть, убійствъ и опустошеній; говоримъ больше, потому что война все-таки есть зло временное, преходящее, а колонизація другаго племени пускаетъ глубокіе корни.

Въ Бѣлградской Газетѣ напечатано: «Недавно получили мы объявленіе о колонизаціи Венгріи по плану Гогенблума, и вмѣстѣ первый номеръ новаго журнала «Колонистъ» (*Der Kolonist*). Венгрія нынѣ представляется Нѣмцамъ земнымъ раемъ, въ которомъ текутъ рѣки молока и меду! Тамъ найдутъ прибѣжище Нѣмцы, которые въ своемъ отечествѣ не находятъ себѣ мѣста; тамъ, говорятъ, примутъ ихъ съ радушіемъ. Тамъ, по теченію Дуная, собираются Нѣмцы овладѣть, посредствомъ колонизаціи, всѣми «важнѣйшими стратегическими и торговыми пунктами», и мало по малу вытѣснить нынѣшнихъ жителей, чтобы ввести въ Славянскія земли Германское начало и Германское образованіе. Дай Богъ, чтобы въ такомъ огромномъ размѣрѣ колонизація эта принадлежала лишь къ золотымъ снамъ и обычайнымъ Нѣмецкимъ «бреднямъ»; но съ этою колонизаціою Германія намѣрена начать свое славное «нашествіе» «*Zug nach Osten*», о которомъ такъ хвастаетъ заранѣе. Лишь только кончилась Венгерская война, всѣ журналы въ одинъ голосъ начали говорить открыто о настоящей цѣли предполагаемаго населенія.

«Поселеніе Нѣмцевъ по всему теченію Дуная, повидимому, весьма невинное и мирное дѣло», говорятъ они, «но въ самомъ дѣлѣ тутъ заключается важная политическая цѣль. Вся Германія найдетъ тутъ пользу и увеличеніе, а всѣ другіе народы, могущіе имѣть вліяніе на Востокъ, потеряютъ это вліяніе, когда Нѣмецкая ученость, Нѣмецкая философія, обычаи и образъ мыслей просвѣтятъ Востокъ по всему теченію Дуная, и до самыхъ его устьевъ

стануть стѣною противъ варваровъ.» Вотъ что пишутъ и говорятъ будущіе колонисты; хорошо, по крайней мѣрѣ, что не скрываютъ своей истинной цѣли. Обстоятельства же теперь такія, что съ небольшими деньгами можно дѣлать хорошія спекуляціи: земля плодородная и благословенная продается въ Банатъ за безцѣнокъ; *ютро* земли (около десятины) можно купить за 40 гульденовъ серебромъ (26 руб. сер.), а виноградники, уже насаженные, немного дороже. Банатское Венгерское вино извѣстно всѣмъ. Для обработки можно нанимать тѣхъ же самыхъ людей, которые продаютъ земли, и разумѣютъ это дѣло. Вѣроятно такимъ образомъ и поступятъ, и самихъ же Австрійскихъ Славянъ оставятъ на своей родинѣ, въ которой каждую сажень земли онѣ отстояли своей кровью, вмѣсто того, чтобъ призывать изъ избалованныхъ, зараженныхъ краевъ западной Германіи колонистовъ, которые только искаженную свою «цивилизацию» и революціонныя мысли хотятъ распространить мало по малу по востоку въ ихъ «нашествіи» (Zug nach Osten).

Въ той же газетѣ напечатано слѣдующее извѣстіе изъ Вѣны отъ 5-го Ноября; «На дняхъ Патріархъ со всеми православными Епископами имѣлъ аудіенцію у Императора Австрійскаго, и поднесъ всеподданнѣйшую просьбу о разсмотрѣніи дѣлъ въ Воеводствѣ, гдѣ жители терпятъ столько притѣсненій и несправедливыхъ поступковъ отъ людей, бывшихъ сообщниками Кошута, что ясно видно намѣреніе старыхъ враговъ привести народъ къ отчаянію, и увѣрить его, что само министерство хочетъ возбудить его къ безпорядкамъ, чтобы отнять всѣ пожалованныя Монаршею милостію привиллегіи. Плачь и стонъ между Сербами; православные же владыки рѣшились въ представленной ими запискѣ, донести самому Императору о такомъ положеніи дѣлъ, и увѣрены, что онъ не оставитъ безъ защиты своего народа, на который всегда можетъ положиться, и который еще недавно доказалъ свою любовь и вѣрность.»

Чтобъ опять развеселить нашихъ читателей послѣ такой унылой перспективы, сообщимъ имъ одно стихотвореніе изъ Галицкаго Альманаха: Поздравленіе Русиновъ на годъ 1851, напечатаннаго въ Вѣнѣ, въ типографіи Мехатеристовъ, съ эпиграфомъ изъ Сумарокова: «Стихи слагать не такъ легко, какъ многимъ мнится.» Какое соединеніе: стихи *Русиновъ* напечатаны въ *Вѣнѣ*, въ *Армянской* типографіи, и съ эпиграфомъ *Сумарокова*. Въ доказательство эпиграфа вотъ и стихи:

Я Русинъ былъ, есмь, и буду;
 Я родился Русиномъ,
 Честный мой родъ не забуду,
 Останусь его сыномъ;
 Русинъ былъ мой отецъ, мати,
 Русская вся родина,
 Русины сестры, и братья
 И широка дружина;
 Великій мой родъ и главный,
 Мѣру есть современній,
 Духомъ и силою славный
 Всѣмъ народамъ пріемный.
 Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бикидомъ,
 Первый воздухъ Русскій ссаль
 И кормился Русскимъ хлѣбомъ,
 Русинъ меня колысаль,
 Коль первый разъ отворилъ ротъ
 Русское слово прорекъ,
*На азъ - буцъ первый мой потъ
 Съ молодого тела текъ.*
 Русскимъ потомъ я питаю былъ,
 Русскимъ ишолъ расходомъ
 Въ широкій свѣтъ; но не забылъ
 Съ своимъ знатися родомъ. --
 И теперь, кто питаетъ мя,
 Кто кормить, кто мя держать?
 Самое Русское племя,
 Мою годность содержать!
 Про то тебѣ, роде мой
 Клену^{ль} живымъ Богомъ,
 За печальный потъ и трудъ твой
 Повинуюся долгомъ —
 И отдамъ ти колько могу,
 Прійми той щирный дарокъ .
 Прійми, вотъ маленьку книгу,
 И сей писменный рядокъ;
 Прочее же не забуду,
 Сердца моего скруху,
 Пожертвити; я твой буду,
 Тѣломъ другимъ и умру.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ *Петербурга* (Мостъ чрезъ Неву; Выставка рѣбкостей; Эрмитажъ; Литературныя новости; Каедрa юридической палеографіи; Публичныя лекціи. Новый тарифъ; Судоходство при Кронштадтскомъ портѣ; Музыкальныя новости). — Изъ *Керчи* (Художественная находка). — Изъ *Боровска* (Археологическая находка). — Изъ *Смоленска* (Открытие новой краски). — Изъ *Тифлиса* (Алагирскій заводъ; Литературная новость). — Изъ *Одессы* (Литературныя новости). — Изъ *Харькова* (Новая драма; Благотворенія). — Изъ *Николаева* (Благотворенія). — Изъ *Самары* (Новая губернія). — Изъ *Троицка* (Еще о торговлѣ съ Китаемъ). — Изъ *Сибири* (Борьба съ тигромъ). — Изъ *Ново-Архангельска* (Дѣйствія Россійско-Американской Компаніи).

(Увеличеніе объема журнала даетъ намъ возможность значительно расширить и этотъ отдѣлъ. Теперь читатели Москвитянина будутъ, чрезъ каждыя двѣ недѣли, имѣть предъ собою возможно полный обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ современныхъ событій въ Россіи, особенно относящихся къ наукамъ, искусствамъ, нравамъ, и вообще гражданственности. Матеріалы для этого обзора мы будемъ извлекать изъ разныхъ оффиціальныхъ газетъ и журналовъ, и изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ нашими корреспондентами, число которыхъ безпрестанно увеличивается. Какъ ни богаты эти источники, но мы считаемъ не лишнимъ обратиться съ просьбою къ нашимъ читателямъ, ко всѣмъ образованнымъ людямъ, о сообщеніи свѣдѣній для «Внутреннихъ Извѣстій». Не нужно, кажется, говорить, что въ каждомъ, повидимому, самомъ незначительномъ городѣ, во всякомъ краю Россіи, найдется многое достойное быть описаннымъ, переданнымъ въ общее свѣдѣніе, и между тѣмъ мало извѣстное или неизвѣстное вовсе. Отечественная исторія, географія и статистика ожидаютъ еще многихъ матеріаловъ. Вседневная наша жизнь, окружающіе насъ люди — неужели не представляютъ ничего замѣчательнаго, кромѣ, напримѣръ, баловъ и

разныхъ увеселеній, кромѣ машинальнаго времяпрепровожденія, или такъ называемыхъ *криминальныхъ* происшествій? Мало ли совершается вездѣ подвиговъ добра, мало ли проявленій Русскаго духа, о которыхъ мы слышимъ часто, но читаемъ очень рѣдко.... Что же удерживаетъ многихъ отъ обнародованія подобныхъ событій? Да то, что, къ сожалѣнью, обще большей части изъ насъ, что составляетъ какъ бы одно изъ прирожденныхъ свойствъ нашего народнаго характера — именно безопасность или равнодушіе — причина, какъ видите, ни сколько не уважительная. Другіе останавливаются при мысли, какъ они будутъ писать о предметѣ, требующемъ, по ихъ мнѣнью, умѣнья *созимать*. Напишите то самое, что говорите, и довольно. Сочинять тутъ ничего не нужно, украшеній не требуется никакихъ: была бы одна истина. — Еще разъ повторяемъ усердную нашу просьбу, и заранее усердно благодаримъ тѣхъ, кому угодно будетъ принять ее къ свѣдѣнью и исполненію.)

Начинаемъ съ **Петербурга**. — Жители Петербургскіе не жалуются на великолѣпный мостъ чрезъ Неву, — а придетъ весна, и они почувствуютъ всю важность полученнаго благодѣанія. Говорятъ теперь, что всѣ дома на Васильевскомъ острову поднялись въ цѣнѣ, и капиталы хозяевъ внезапно, слѣдовательно, увеличились. — Выставка художественныхъ рѣдкостей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, должна скоро открыться. Мысль этого учрежденія прекрасная. Драгоцѣнности частныя сдѣлаются на нѣсколько времени собственностью всего общества, и всякой получить возможность насладиться, поучиться ими. Какое удовольствіе для художниковъ! Примѣръ Петербурга, можетъ быть, вызоветъ соревнованіе и Москвы, въ которой также найдется не мало художественныхъ сокровищъ и рѣдкостей.

Разсказываютъ, что въ старыя годы, одинъ Англичанинъ, прїѣзжавшій посмотреть Петербургъ, подлюбовался рѣшеткою Лѣтняго сада, и немедленно отправился назадъ, говоря, что послѣ нея уже ничего не надобно смотрѣть. Мы увѣрены, что теперь бы онъ взглянулъ, и взглянулъ бы внимательно, съ чувствомъ изумленія и зависти, на Благовѣщенскій мостъ, не говоря уже о другихъ монументальныхъ постройкахъ, украсившихъ Петербургъ въ настоящее царствованіе. — Вместе съ мостомъ, удивленіе и радостную гордость Петербуржцевъ привле-

касть возобновленное зданіе Императорскаго Эрмитажа, при сооруженіи котораго показали такъ много дарованій и изящнаго вкуса извѣстный нашъ архитекторъ А. П. Брюловъ. — Но при извѣстїи о подобныхъ сооружеиїяхъ совѣстно ограничиваться двумя-тремя строками; между тѣмъ мы дѣлаемъ это по необходимости: какъ безъ средствъ нельзя ничего строить, такъ безъ матеріаловъ невозможно и писать. А откуда брать матеріалы? Петербургскіе наши корреспонденты скупы на подобїя извѣстїя, тамошнія газеты еще скупѣе. Положимъ, что обстоятельное описаніе не можетъ быть приготовлено въ «самый интересъ минуты»; но довольно бы извѣстїя, дающаго хотя краткое, но ясное понятїе о предметѣ. Видѣ на многое другое, менѣе для насъ любопытное, дѣлается же и досуга и охоты. Въ Лондонѣ устраивается всемірная выставка — хорошо; на Русскомъ языкѣ издается описаніе зданїя для нея, вмѣстѣ съ его планомъ и фасадомъ — прекрасно. Но почему свои-то примѣчательности мы пропускаемъ такъ холодно!....

Но сужденіе о томъ, что могло бы быть и чего, къ сожалѣнію, нѣтъ, отвлекло насъ отъ Петербургскихъ новостей. — Что дѣлается тамъ въ мїрѣ ученомъ, литературномъ? Дѣлается, вѣроятно, многое, но пока не сдѣлалось, то есть не вышло въ свѣтъ ничего особеннаго. Впрочемъ, дѣтская литература, если нельзя сказать, обогатилась, то приобрѣла себѣ нѣскольکو новыхъ книжекъ къ праздникамъ. Кромѣ «Живописнаго сборника» Г. Плюшара, вышли: «Сюрпризъ, альманахъ для дѣтей, изд. К. Оболенскимъ;» «Разказы изъ Русской Исторїи,» В. Строева, — и «Васни К. Масадьскаго.» Не выдавъ этихъ подарковъ, не можемъ пока объ нихъ ничего и сказать.

Изъ числа ученыхъ новостей, о которыхъ мы уже упоминали въ свое время, позвольте опять припомнить одну — именно, кафедру «Юридической палеографїи,» учрежденную въ Училищѣ Правовѣдѣнїя. Мысль преподаванїя палеографїи юристамъ — прекрасна. Это преподаваніе столь же нужно для воспитанниковъ семинарій и духовныхъ академїй. Довольно привести въ доказательство многочисленныя памятники древней нашей письменности, хранящіеся въ монастырскихъ библіотекахъ: какъ часто иной труженикъ, готовый служиъ наукѣ своимъ усердіемъ, обходитъ ихъ или неровно искажаетъ смыслъ, единственно потому, что разбираетъ

древніа пачыненіа какъ іерогліфы. Г. Сахаровъ, принадлежащій въ числу нашихъ достойныхъ археологовъ, исполнить свою обязанность какъ нельзя лучше.

Кромѣ того въ Петербургѣ постоянно читаются (два раза въ недѣлю) публичныя лекціи (о ботаникѣ Г. Шиховскимъ и о львоводствѣ Г. Длатовскимъ), на которыя вся желающіе допускаются безъ платы и безъ билетовъ. Казалось бы, надобно ожидать, что при этихъ условіяхъ при важности предметовъ чтенія и общедоступности изложенія, слушатели должны являться многіе. Нѣтъ, едва находятса десятки....

Какъ бы то ни было, но все-таки слѣдуетъ привести благодарную Вольному Экономическому Обществу, по распоряженію и въ залѣ котораго читаются эти лекціи. Равную благодарность принесутъ ему многіе любители сельскаго хозяйства за предположенную продажу дублетовъ книгъ изъ богатой бібліотеки Общества. Это же Общество назначило 2800 р. сер. въ пользу пятерыхъ сиротъ, оставшихся послѣ покойнаго А. С. Джушковаго, который въ продолженіе осьми лѣтъ исправлялъ должность секретаря Общества.

Переходя изъ міра ученаго и литературнаго въ обыкновенное общество, и минуя тѣ новости, которыя рождаются ежеминутно; пропуская извѣстія, что

Сегодня былъ.

А завтра два,

чаще нежели о чемъ другомъ, услышимъ разговоръ о новомъ тарифѣ, который составляетъ теперь предметъ общаго вниманія. Поэтому очень кстати вышла брошюра: «Сравненіе таможенныхъ тарифовъ 1850 и 1841 годовъ.» Какое направленіе дастъ новый тарифъ внѣшней нашей торговлѣ, въ какой степени отразится на внутренней, какое мѣняніе произведетъ на развитіе отечественной промышленности — это покажетъ будущее, и сужденія объ этомъ предметѣ, основанныя на извѣстной степени вѣроятности, принадлежатъ политической экономіи. Поэтому составитель «Сравненія тарифовъ» сдѣлалъ очень хорошо, ограничившись одними данными, изъ которыхъ каждое говорить яснѣе, нежели десять умозаключеній. Брошюра его заключаетъ въ себя: 1) Росписъ привозныхъ товаровъ, съ коихъ пошлина новымъ тарифомъ сбавлена, и сравненіе новой пошлины съ прежнею. 2) Росписъ привозныхъ

товарамъ, съ коихъ пошлина новымъ тарифомъ не взимаеяся.

3) Роспись привозимыхъ товаровъ, которые тарифомъ 1841 г. запрещены, но по тарифу 1850 г. къ привозу дозволены. 4) Роспись предметамъ и товарамъ, которые остаются запрещенными къ привозу по тарифу 1850 г. 5) Роспись отпускнымъ товарамъ, которые по тарифу 1841 г. запрещены, а тарифомъ 1850 г. дозволены къ вывозу беспошлинно. 6) Роспись отпускнымъ товарамъ, которые по тарифу 1850 г. остаются обложенными пошлиною. 7) Роспись запрещеннымъ къ вывозу товарамъ по тарифу 1850 года. — Особенное вниманіе, по крайней мѣрѣ не однихъ торговцевъ и мануфактуристовъ, привлекаеть третья таблица — роспись товарамъ, привозъ которыхъ, запрещенный досель, разрѣшенъ новымъ тарифомъ, — и какъ вѣроятно, не всѣ изъ нашихъ читателей имѣють у себя тарифъ, то мы представляемъ ее здѣсь въ сокращеніи. — Разрѣшены къ привозу:

Басоны и бахрама, бумажные и шелковые. — Парчи, гасы, галуны и т. п. (съ пошлиною по 10 р. с. съ фунта). — Бумажныя и полубумажныя матеріи, печатныя и набивныя, не на основѣ (до $2\frac{1}{2}$ р. с. съ ф.). — Бѣлье спитое, издѣлія всякія изъ мягкой рухляди и платѣе мужское и дѣтское (пошлина съ цѣны 50%). — Женскіе уборы и платѣе (75% съ цѣны). — Занавѣсы, гардины и сторы. — Зеркала и зеркальныя стекла. — Зонтики. — Книги переплетенныя. — Обувь сапожная и башмачная (1 р. с. съ ф.). — Обувь женская изъ шелковой матеріи. — Кошачья шорочка. — Льняныя и пеньковыя издѣлія, печатныя и набивныя (съ ф. 1 р. 40 к. с.). — Толстое полотно и грубый холстъ всякій, а также полотно парусное, фламское и тѣхъ (съ ф. 60 к.). — Масло льняное, конопляное и т. п. (съ пуда 1 р. 85 к.). — Ножевой товаръ (съ ф. 70 к.). — Клинки или лезвья шпательныя, и проч. — Издѣлія изъ стальной и желѣзной проволоки, желѣзныя издѣлія луженыя, металлы составные (съ пуда до $1\frac{1}{2}$ р. с.). — Уксусъ пивной (съ оксофта 24 р.). — Медь и пиво въ бутылкахъ (съ б. 35 к.). — Посуда фарфоровая, бѣлая и одноцветная, также съ живописью и позолотою (первая съ пуда 9 р., вторая до 40 руб.). — Пудра. — Свѣринъ не въ дѣлѣ (съ п. 1 р. 60 к.). — Свѣриновые и салныя свѣчи (съ п. 2 р.). — Сало всякое скотское (съ л. 30 к.). — Флаконы и фитили. — Фуражки безъ мѣха (съ каждой 80 к.). — Перловая и маинная крупы. — Хлѣбъ пшеничный. — Ш. — Шелки замшевыя и штилеты. — Чулки въ дѣлѣ, къ

привозу моремъ (съ п. 80 к.). — Ленты ордена ская. — Шерстяныя матеріи, печатныя и набивныя; не на основѣ (съ ф. 2½ р.) — Шляпы пуховыя и всякія (1 р. 20 к. съ каждой). — Экипажи (до 120 р. съ cadaго). — Принадлежности къ экипажамъ, кромѣ ресоръ (съ п. 4 р.). — Троости и палки съ посторонними принадлежностями, какъ-то: трубками, лорнетами (но не съ оружіемъ). — Мебель всякая.

Что касается до прошлогодней торговли Петербурга, то вотъ нѣсколько данныхъ о движеніи судоходства при Кронштадтскомъ портѣ. Судовъ къ приходѣ было слишкомъ 1,600; изъ нихъ наибольшее число было Англійскихъ (до 900) и Русскихъ (съ небольшимъ 150). Больше 50 кораблей по приходу и отходу были адресованы 21 торговому дому....

Слово «прошлогодній» кажется, не понравилось вамъ. Вы требуете новостей самыхъ свѣжихъ, какъ говорится, животрепещущихъ интересомъ минуты. Нѣтъ ихъ и взять неоткуда. «Какъ? А театры, а музыка?» — На театрахъ Петербургскихъ, если не считать дюжины бенефисныхъ новостей, не было въ последнее время ничего примѣчательнаго. Музыка.... объ ней, извольте, можно сказать слова два-три.

Петербургъ давно составилъ себѣ славу музыкальнаго города. У него лучшая въ Европѣ Италіянская опера; на судъ его, послѣ Парижа, Лондона, Вѣны, являются первоклассныя музыкальныя знаменитости; концерты, вокальные и инструментальные, не прекращаются въ немъ круглый годъ, раздаваясь то въ залѣ, то подъ открытымъ небомъ. И въ настоящую пору, когда въ Москвѣ, напримѣръ, еще и не слышать о «музыкальномъ сезонѣ», Петербургскіе меломаны уже наслаждаются имъ. Замѣчательнѣйшій изъ концертовъ прошлаго мѣсяца былъ данъ Г-жею Ниссенъ-Саломанъ. Много любителей привлекають «музыкальныя упражненія» студентовъ Петербургскаго Университета; на которыхъ исполняется одна классическая музыка, и концерты придворныхъ пѣвчихъ, даваемые съ благотворительною цѣлю.

Зала Пассажа, гдѣ дасть свои концерты, съ прибавленіемъ плясокъ, хоръ Московскихъ Цыганъ, всегда наполнена многочисленною публикою. Любаша, Маша, Груша, солистки цыганскаго хора, вызываютъ громъ оглушительныхъ рукоплесканій и криковъ восторга; кака-нибудь пѣсня: «Сяду я на лавочку, поглажу и

окно», или: »На курочкѣ перьямишко рабоекъ производитъ фуроръ; цыганская пляска, съ присвистомъ и прищелкиваніемъ, подъ припѣвъ: »Вскочилъ козель въ огородъ», подъ бренчанье гитары, наэлектризовываетъ зрителей, и многіе изъ нихъ съ увлеченіемъ припоминаютъ стихи одного изъ Петербургскихъ поэтовъ, написанные лѣтъ за семь тому, когда цыганскій хоръ впервые явился въ Петербургъ, и когда пѣвица Матрена была обрисована слѣдующими стихами:

Вотъ Матрена колотить ;
 Молотить, колотить, кипить и дробить ,
 Кипить и колотить, дробить и молотить ,
 И вотъ поднялась, и взвилась, и дрожить !....

Вспомнимъ однако, что было время, когда Петербургъ коловъ Москву беззкусіемъ, и въ числѣ доказательствъ приводилъ ея любовь къ цыганскому пѣнію.... А теперь? Теперь Петербургскіе эстетикки почти каждый день собираются въ концертную залу Пассажа, а лѣтомъ восхищаются зрѣлищемъ цыганскаго табора, устраиваемаго на загородныхъ гуляньяхъ....

Для полноты обзора Петербургскихъ новостей слѣдовало бы сказать о тамошней погодѣ! она столь же непостоянна и такъ же мало похожа на зимнюю, какъ и у насъ въ Москвѣ. — Обратимся опять къ художествамъ.

Изъ Керчи пишутъ, что въ концѣ прошлаго года, близъ этого города найдены въ землѣ (говорятъ, что случайно при копаніи земли крестьянами, для хозяйственныхъ надобностей) двѣ колоссальныя статуи — мужчина и женщина — превосходной работы. Ожидаемъ отъ нашего корреспондента болѣе подробныхъ извѣстій объ этой драгоценной находкѣ.

Близъ Боровска найдены въ двухъ мѣстахъ два горшка съ серебряными деньгами Василья Темнаго, и современныхъ съ нимъ князей удѣльныхъ Можайскихъ и Боровскихъ. Многія сохранились очень хорошо.

Открытіе не художественное и не археологическое, но важное въ своемъ родѣ для промышленности, сдѣлано въ Смоленской губ., въ Ельнинскомъ уездѣ, при селѣ Ивановѣ, гдѣ тамошній помещикъ Г. Ластовиновъ нашелъ обильный слой коричневой краски терръ-де-сантъ. Позднее время года не позволило ему изслѣдовать подробно мѣстонахожденія; но, по расчету, онъ предполагаетъ, что

изъ озера, гдѣ найдена краска, можно добыть ея до ста пудовъ. Очень можетъ быть, что слой ея простирается и на дальнѣйшее разстояніе.

Котати объ открытіяхъ этого рода. Бывали ли вы на Алагирскомъ заводѣ? Вѣроятно нѣтъ, врядъ ли и слышали объ немъ. Мы тоже, и это не удивительно, потому что Алагирскій заводъ находится почти въ самомъ сердцѣ Кавказа, недалеко отъ Кавбека, потому что онъ возникъ не далѣе какъ въ настоящемъ году и еще не совсемъ устроенъ. Къ счастью, мы встрѣтили опытнаго путевода, и съ помощью его можемъ познаться съ *первымъ* казеннымъ заводомъ на Кавказѣ. — Въ 15 верстахъ отъ Ардона лежитъ Алагирское ущелье, и если вы хотите видѣть одну изъ прекраснѣйшихъ побѣдъ человека надъ природою, надъ враждебными обстоятельствами, пожайте сюда. Дорога безопасна и удобна. Здѣсь, въ этомъ ущельѣ, открыты серебряныя рудники и устроивается правильное заводское производство. Правительство не задумалось вызвать цѣлыми сотнями мастеровъ изъ казенныхъ Сибирскихъ заводовъ для правильной добычи металла и, въ то же время, для проложенія дороги къ открытію и развѣдкѣ новыхъ богатствъ, которыя, несомнѣнно, таитъ Кавказъ въ своихъ недрахъ. Здѣсь не то важно для Россіи, что открыта новая серебряная жила и устроивается заводъ для ея разработки: а то, что это заводъ на Кавказѣ.... Но поспѣшимъ однако на заводъ. Посмотрите, какая кипучая и разнообразная дѣятельность окружаетъ васъ повсюду, во всѣхъ работахъ, вѣдущихся вѣдучь, и здѣсь и тамъ, по всему протяженію заводскаго производства! А самые эти работники! какъ мало они походятъ другъ на друга своимъ языкомъ, привычками, образомъ жизни. Оглянитесь назадъ. Въ какихъ-нибудь 20 саженьяхъ отъ васъ выстроились длинныя ряды временныхъ балагановъ баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Чисто и красиво сплетены они изъ древесныхъ вѣтвей, защищены снаружи толстымъ слоемъ соломы и потомъ прикрыты сверху сѣномъ. Предлагая лѣтнемъ надежное убѣжище отъ дождя и вѣтра, они, при всей легкости своей постройки, и въ зимнее время очень хорошо защищаютъ солдата отъ дѣйствій морозовъ. Этотъ баталіонъ строитъ цитадель, возводитъ валы, проводитъ къ руднику дорогу и вообще выполняетъ всѣ земляныя работы. Далѣе за вѣстичьимъ лагерьемъ расположились, какъ умѣлъ, Грузинскій транспортъ. На него возложена обязанность подвозить къ заводу и станціи трактормъ камень и булыжникъ, лесъ, из-

весть и проч. Вот тянется онъ длинной вереницей: намазанный колеса аробъ скрипятъ, Грузины кричатъ на своихъ буйволовъ; тѣ не слушаются, подаются впередъ плохо и иногда и вовсе останавливаются. А освободить отъ ярма буйвола, онъ, тутъ же, сейчасъ, и валится въ первую лужу и лежитъ въ ней по горло въ водѣ. Не скоро его выловить оттуда, потому что нѣтъ на свѣтѣ скотины, которая бы больше буйвола любила валиться и пѣжаться въ грязной водѣ. Но Богъ съ нимъ, съ этимъ транспортомъ: теперь вместо его у насъ другой, казенный.... Но что это тамъ, вдали, за кучка народа, которая хлопочетъ около какого-то фундамента? Лица, приземистое, но плотное сложеніе, силадъ рѣчи, самая одежда, — все у нихъ иное, все поражаетъ въ нихъ какого-то особенностью, которую вамъ, вѣроятно, случалось встрѣчать не часто. Это Греки. Надалека пришли они, за дорогую плату нанялись; но если хозяинъ ставить у себя во что-нибудь честную и добросовѣтную работу, искусство и чистоту въ отдѣлкѣ, тогда они не покажутся ему дорогими. Надобно замѣтить, что всѣ эти Греки каменщики.... Но что-то подѣлываютъ на заводѣ наши мастеровые? Они строятъ себѣ дома, обзаваются хозяйствомъ, и потому работаютъ вездѣ по немногу.... Не велика рабочая сила завода, безъ Тенгинцевъ не будетъ и 300 человекъ, потому что главная партія изъ Сибири еще не явилась; а между тѣмъ здѣсь уже и слѣда не осталось отъ прежней однообразной и мертвенной картины. И давно ли? только въ январь-мѣсяцѣ (1850) году состоялось Высочайшее утвержденіе объ основаніи перваго казеннаго завода на Кавказѣ; такъ недавно еще Князь Намѣстникъ обзрѣвалъ мѣста, отводимыя подъ этотъ заводъ, видѣлъ кругомъ себя только одинъ жалкій аулъ, да широкую, мѣстами болотистую, пустыню, да еще дикія горы, спрятавшіяся въ облакахъ, да лѣсъ на нихъ, и ничего больше.... Пусто и глухо было вездѣ. Но зародилась мысль, раздалось слово, крикнула земля въ свои нѣдры первый камень, положенный рукою самого Князя Намѣстника, подъ заводскій фундаментъ, застучали топоры по вѣковому лѣсу, быть можетъ впервые услышавшему Русскую рѣчь и Русскую пѣсню, и преобразилась пустыня. — Съ тѣхъ поръ дѣло горитъ и спорится у подножія этихъ дикихъ горъ, на этой безжизненной и болотистой пустынѣ. Вотъ предъ вами, немного вправо, готова цѣлая Луганская улица, обставленная чистенькими и бѣленькими домиками. Далѣе, тамъ и сямъ, въ чер-

тъ заводской станицы, встають другіе и растутъ себѣ словно грибы подъ дождемъ. Между ними, выходя своимъ передовымъ фасадомъ на церковную площадь, потихоньку, не торопясь, возникаютъ дома начальника и управителя.... Полюбуетесь только что оконченною цитаделью; широкій ровъ, наполненный свѣжею водою, чистота и отчетливая работа въ земляныхъ стѣнахъ, опущенныхъ дерномъ, круглый бастіонъ, защищенный орудіями, ворота съ подъемнымъ мостомъ; башня на концѣ, внутри самой цитадели пороховой погребъ изъ тесаного камня, со сводами, домъ для коменданта, казармы для гарнизона: не правда ли, тутъ есть на что посмотреть. Какъ хорошо, напримѣръ, этотъ зеленый дернъ и этотъ темный цвѣтъ вала отдѣлились отъ окружающихъ зданій, бѣлыхъ снаружи и красныхъ сверху отъ черепичныхъ крышъ.... * Осмотрѣвши цитадель и бросивши послѣдній взглядъ на остающуюся позади васъ станицу съ ея маленькими, пока еще какъ бы неправильно разбросанными, домиками мастеровыхъ и строющимися въ разныхъ мѣстахъ казенными зданіями, вы заглядываете на минуту въ будущее, осуществляете его, въ чемъ не мало помогаетъ вамъ и планъ, который у васъ передъ глазами, и вотъ вся, цѣлая, готовая станица, со всѣмъ, что есть въ ней хорошаго и замѣчательнаго, ясно, вполне обозначается передъ вами. Вся она обнесена валомъ и ровомъ, который, во всякое время года, снабжаетъ жителей чистою, свѣжею водою, и съ тѣмъ вмѣстѣ даетъ имъ движущую силу для мельницъ и тому подобнаго. Избытокъ воды изъ рва проводится по одной изъ заводскихъ улицъ и наполняетъ нѣсколько бассейновъ, обшитыхъ камнемъ, чѣмъ, такъ сказать, жителю дается возможность брать воду почти не выходя изъ своего дома.... Въ верстѣ отъ станицы встрѣчаете серебряноцинковый заводъ, который, наступивши пятою на самое начало Алагирскаго ущелья, расположенъ на 33 кв. саженьхъ, и возводится съ каменными кругомъ стѣнами, съ башнями, съ оборонительными казармами. Здѣсь руда проходитъ всѣ металлургическія операціи, начиная отъ пробъ ея на количественное содержаніе въ ней металла до блика ея на трейбо-фентъ, того процесса, послѣ котораго чистое уже серебро получается въ приготовленной для нея формѣ, отво-

* Строитель цитадели — Поручикъ Кратъ, а Начальникъ завода — горный Инженеръ-Подполковникъ А. Б. Ивацкій.

вится на сохранение въ станичную цитадель, и потомъ, по мѣрѣ накопленія, препровождается въ Петербургъ на монетный дворъ.»

Прочное начало, положенное развитію горнозаводской промышленности на Кавказѣ должно имѣть важныя послѣдствія. Нашъ путеводитель высказываетъ по этому предмету слѣдующія мысли: «Общее сочувствіе, которымъ горный промыселъ встрѣченъ на Кавказѣ, которымъ онъ вѣроятно будетъ встрѣченъ и въ Россіи, потому обильныя рудныя богатства, рассыпанныя по высямъ Кавказа, — все это ручается здѣсь за его продолжительность; а здравый умъ, понятливость и врожденное благородство горцевъ могутъ служить также порукой, что и съ другой стороны горная жизнь не встрѣтитъ большихъ препятствій, и скоро, скоро, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ кажется, сблизится съ туземной.»

Путеводителемъ нашимъ въ поѣздкѣ на Алагирскій заводъ былъ Г. Банниковъ, изъ любопытной статьи котораго, напечатанной въ газетѣ «Кавказъ» (NN 88, 89 и 90), мы представили здѣсь извлеченіе. Москвитянинъ не однажды говорилъ о достоинствахъ «Кавказа»: пользуясь случаемъ, повторяемъ опять, что эта газета, по богатству, разнообразію и новости своего содержанія, по самостоятельности, занимаетъ первое мѣсто между газетами. Каждый номеръ ея заключаетъ въ себѣ какую-нибудь примѣчательную статью, иногда двѣ — три.

Недавно въ Тифлисѣ вышелъ «Дорожникъ по пути слѣдованія Е. Н. В. Государя Наслѣдника по Закавказскому краю, въ 1850 году. Сост. О. Константиновъ» (редакторъ «Кавказа»). Съ этою книгою — дорогимъ подаркомъ для каждаго Русскаго — читателя наши познакомятся въ отдѣлѣ «Критики и Библиографіи.»

Одесса представила намъ: «Новороссійскій календарь», который съ честью поддерживаетъ заслуженную свою извѣстность; 2-е и 3-е отдѣленіе II тома любопытныхъ «Записокъ Од. Общества исторіи и древностей», со многими рисунками и снимками; наконецъ второй выпускъ «Литературныхъ вечеровъ», альманаха Г. Фумели. Этотъ второй вечеръ, по отзыву рецензента Од. В., гораздо занимательнѣе перваго, о которомъ мы извѣщали нашихъ читателей въ свое время (1849 г.). Съ особенною похвалою отзываются о помѣщенной въ немъ повѣсти Г. Рабиновича: «Морницъ Сефарди», содержаніе которой взято изъ Еврейскаго быта. Почти всѣ участники «Литературныхъ вечеровъ» принадлежатъ Одессѣ: Гг. Зеленецкій, Картамышевъ, Ковалевскій, Колбасинъ, Фумели

и Щербина. — Вышли еще, но не получены здѣсь: стихотвореніе на Малороссійскомъ языкѣ: «Червонный жупанъ», Н. Венгера, и «Басни Уманскаго.»

Изъ Харькова не слышится ни объ какихъ изданіяхъ.... Недавно на Харьковскомъ театрѣ давали неограниченную еще нигдѣ оригинальную драму Г. Имшенецкаго: «Проклятіе или двѣ Терезы», въ 4 д. Заглавіе и содержаніе, взятое изъ переводной повѣсти, заставляютъ насъ предчувствовать что-то недоброе, въ родѣ Уголино Г. Полеваго....

На лоттерей - аллегри, данной Харьковскимъ Благотворительнымъ Обществомъ, выручено было слишкомъ 4 т. р. сер., въ пользу бѣдныхъ.

Такіе же успѣхи оказываетъ благотворительность и въ Николаевѣ. На балѣ, данномъ подъ распоряженіемъ Е. Т. Лазаревой, разыграна была лоттерея, доставившая въ пользу бѣдныхъ до тысячи руб. сер.

Велика Россія, и иная губернія ей будетъ съ любое иностранное королевство.... Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта обширность даже нѣсколько затрудняетъ управленіе краемъ, сосредоточивающееся въ губернскомъ городѣ, отъ котораго уѣздныя отстоятъ на нѣсколько сотъ верстъ. Неудобство это болѣе и болѣе устраняется учрежденіемъ новыхъ губерній. Съ настоящаго года число ихъ увеличивается—Самарскою губернію, которая составлена изъ лежащихъ на лѣвомъ берегу Волги частей губерній: Оренбургской, Саратовской и Симбирской; именно, уѣздовъ: Бугульминскаго, Бугурусланскаго, Бузулукаго, Новоузенскаго, Николаевскаго (который, по значительности населенія, будетъ раздѣленъ на два уѣзда), Ставропольскаго и частей: Самарскаго и Сызранскаго. Мѣра эта будетъ много содѣйствовать къ облегченію мѣстнаго управленія (съ этою же цѣлію, для округленія Саратовской губ., уѣздъ Царевскій отчисленъ къ Астраханской); а возведеніе Самары на степень губернскаго города должно значительно содѣйствовать процвѣтанію этого города, поднавапшагося въ послѣднее время на высшую степень благосостоянія, но, къ несчастію, потерпѣвшаго такъ много отъ страшныхъ пожаровъ.

Велика Россія, и если есть въ ней край, куда нарочно посылаемыя новости приходятъ всего два раза въ годъ, то что дѣлать съ извѣстіями, распространеніе которыхъ во всеобщее

свѣдѣніе предоставляется случаю? Почти шесть лѣтъ, какъ мы открыли новый путь для торговыхъ сношеній съ Китаемъ; но не вздумай Г. Ястребовъ написать статью объ немъ, можетъ быть, прошло бы еще нѣсколько лѣтъ, и одни Троицкіе Татары знали бы отъ этого открытія, обратившемъ на себя вниманіе многихъ торговцевъ. Между тѣмъ, когда аготъ важный коммерческій вопросъ пущенъ въ ходъ, начинается, что Русскіе имѣли торговыя сношенія съ *Чуеучакомъ* еще прежде 1844 года, и не изъ Троицка. Мы помѣстимъ вскорѣ большую статью объ этомъ почтеннаго издателя Сибирскаго Вѣстника, Гр. И. Спасскаго.

Посредствомъ, торговли сносимся мы съ Китаемъ дружескимъ образомъ; а иногда жалуется изъ намъ оттуда такіе гости, съ которыми надобно раздѣлываться вовсе не по дружески. Известно, что въ числѣ оружія, которыми Китайская храбрость думаетъ устрашать враговъ, занимаютъ не послѣднее мѣсто наличники и другія украшенія изъ тигровой кожи. Вѣроятно, тигру не совсѣмъ по сердцу приходится такая цѣнность его шкуры, и онъ спѣшитъ избѣгнуть непрошеной чести; или, просто, наскучивъ рыскавъ по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ, и побуждаемый жаждою этнографическихъ разысканій, — по той или другой причинѣ, только онъ иногда загуливаетъ и на нашу сторону, на пограничную Сибирскую линію. Здѣсь съ нимъ не церемонятся, называютъ его *тигрою*, даже просто дикой кошкой, и бьютъ чѣмъ попадетъ. Въ концѣ Октября прошедшаго года былъ подобный случай. Въ Алтайскомъ горномъ округѣ, деревни Мякотихи, крестьянинъ Иларіонъ Кругловъ отправился на пашню. Верстахъ въ 8 отъ селенія онъ увидѣлъ какого-то большаго звѣря, лежавшаго близъ хлебной клады. Что дѣлать? Оборониться нечѣмъ, звѣрь невиданный, да и на видъ не смиренъ. Кругловъ воротился въ деревню и позвалъ съ собою четверыхъ товарищей. Охотники взяли съ собою ружья и нѣсколько собакъ. Приходить — звѣрь лежитъ на прежнемъ мѣстѣ. Одинъ крестьянинъ выстрѣлилъ по немъ, но звѣрь бросился на охотника, вышибъ и наломалъ у него ружье. Потомъ выстрѣлилъ другой, и когда тигръ кинулся, всунулъ ему въ пасть ружье; но звѣрь успѣлъ смять смѣлаго охотника подъ себя. Однако, собаки освободили хозяина отъ такого опаснаго сосѣда, а прочіе крестьяне тутъ же докончили гостя. Охотникъ, боровшійся съ тигромъ, не потерпѣлъ почти никакого вреда.—Шкура убитаго тигра имѣла слишкомъ

4 аршина длины; шерсть у него на спинѣ желтая съ черными полосами. — Отважные охотники получили отъ Государа Императора въ награжденіе 100 рублей серебромъ.

Далеко забрались мы—къ границамъ Китая. Поѣдемъ еще дальше — въ Америку, въ наши колоніи, а отсюда уже руково подать до Калифорніи. Представляемъ нѣсколько цифръ изъ отчета **Россійско-Американской Компаніи** за 1849 годъ. — Доходы Компаніи простирались слишкомъ до 700 т. руб. сер., а расходы почти до 600 т. — Мѣховъ разныхъ привезено было изъ колоній до 26 т. штукъ. Часть ихъ промѣнена въ Кяхтѣ на чай, часть продана въ Иркутскѣ, Лондонѣ и Петербургѣ. — Компанія имѣла 7 парусныхъ судовъ и 2 парохода. Два корабля ея съ товарами отправились въ кругосвѣтное плаваніе. — Число жителей колоній (Русскихъ, Креоловъ, Алеутовъ, Кенайцевъ, Чугачъ и Курильцевъ), простиралось слишкомъ до 9 т. чел. Въ мужской школѣ, въ Ново-Архангельскѣ, воспитывались 39 мальчиковъ, а въ женской столько же дѣвочекъ. Кромѣ того, въ тамошней семинаріи состояло 28 учениковъ, изъ которыхъ 5 туземцевъ. — Въ окрестностяхъ Ново-Архангельска найдены были значительные пласты известняка: это открытіе важно для мѣстныхъ жителей, потому что недостатокъ извести доселѣ препятствовалъ возведенію тамъ каменныхъ построекъ. — Главный Правитель колоній, узнавъ объ открытіи золотыхъ росыпей въ Калифорніи, отправилъ туда грузъ разныхъ товаровъ, болѣе половины которыхъ и было продано тамъ съ значительною выгодною (барыша получено слишкомъ 35 т. р. сер.). На томъ же суднѣ находился горный офицеръ, которому поручено было сдѣлать вробную промывку Калифорнійскаго золота. Съ небольшимъ въ двѣ недѣли онъ промылъ до 10 т. песку, изъ котораго добылъ болѣе 11½ ф. чистаго золота. Расходы партіи съ избыткомъ покрывались проданными товарами. — Калеваніе цѣнъ и требованій на товары въ Калифорніи заставило Компанію назначить въ Санъ-Франциско постоянного агента (изъ природныхъ Русскихъ). — Кромѣ сношеній съ Калифорніею, Компанія торговала съ Камчаткою и Сандвичевыми островами.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

М. И. КРАШЕНИННИКОВЪ.

Къ именамъ Голицына, Куракина, Шереметева, Дежидова, Горихвостова, Набилкова.... присоединяется еще достопочтенное имя Московскаго купца Михаила Ивановича Крашенинникова, имя, которое на вѣки вѣковъ должно сохраниться въ сердцахъ признательныхъ согражданъ, какъ на вѣки вѣковъ будутъ наливаться его щедроты на немущую братію. Около пяти милліоновъ рублей асс. взнесъ онъ съ этой цѣлю въ Сохранную казну, и бѣдныя, по совершенномъ исполненіи его завѣщанія, будутъ получать ежегодно по двѣсти тысячъ рублей себѣ въ пособіе, для удовлетворенія своихъ нуждъ!

Вы желаете познакомиться съ жизнію этого знаменитаго благотворителя? Развернемъ длинную таблицу его благодѣній, и здѣсь явится она предъ нами въ лучшемъ своемъ свѣтѣ; здѣсь огромныя цифры, въ послѣдовательномъ порядкѣ, будутъ говорить намъ яснѣе и убѣдительнѣе всякихъ разсужденій, и всякихъ усилій краснорѣчія.

1839, Мая 24. Жертва въ Андреевскую богадѣльню 50 тысячъ руб. ас., и Мѣщанское училище 50 т. р., всего сто тысячъ, лажъ по 26 ⁰	126000 р. а.
1840, Сентября дня, въ Серпуховъ на бѣдныхъ гражданъ.....	25200
— Ноября, тожъ на бѣдныхъ гражданъ.....	25200

1841, Апрѣля, тожь на бѣдныхъ гражданъ.....	25200
— Декабря, тожь на бѣдныхъ гражданъ.....	52500
1842, Марта дня, въ Серпуховъ на бѣдн. гражд.	50050
— Августа, тожь на бѣдныхъ гражданъ.....	50050
1843, Мая дня, бѣднымъ дѣвицамъ на выходъ въ замужство.....	105000
1844, Марта дня, на бѣдныхъ гражданъ.....	49000
— Сентября, бѣднымъ дѣвицамъ на выходъ въ замужство.....	52500
1845, Юня 3, на сооруженіе церкви Преображенія въ Наливкахъ.....	17500
(Да въ 1837, Сентября 11, на сооруженіе трапезы у Спаса въ Наливкахъ)....	10000
— Декабря 10, въ Коломну на бѣдн. гражд.	105000
1846, Марта 11, въ Дмитровскую Градскую Думу на бѣдныхъ гражданъ.....	105000
— Мая 12 на сооруженіе храма Преображенія въ Наливкахъ.....	17500
— Декабря 10, въ Дмитровскую Градскую Думу для бѣдныхъ гражданъ.....	105900
1847, Марта 14, въ Коломенскую Градскую Думу для бѣдныхъ Гражданъ.....	105000
— Октября 24 въ Коломну и Дмитровъ для дѣвиць.....	105000
— Декабря 9, тожь на бѣдныхъ дѣвиць.....	105000
1848, Сентября 29, въ Коломенскую Думу на бѣдныхъ дѣвиць.....	105000
— въ Дмитровскую Думу на бѣдныхъ дѣвиць.	105000

Эти пожертвованія записаны собственной рукою покойнаго на сѣромъ толстомъ листѣ, найденномъ въ его бумагахъ. Последнее внесено за три только мѣсяца до его кончины, но рука dobroхотнаго дателя не сжалася смертію.

По кончинѣ его оказалось наличнаго капитала въ банковыхъ билетахъ, около полутора милліона р., и долговыхъ обязательствъ на разныхъ лицахъ около четырехъ милліоновъ. Вся эта сумма по духовному завѣщанію, тутъ же найденному, за исключеніемъ двухъ съ половиною милліоновъ, имѣющихъ другое назначеніе, должна быть обращена въ пользу бѣдныхъ. Достойные душеприказчики,

Московскіе купцы Пивтелевъ, Ефремовъ и Антоновъ, зятя покойнаго, успѣли уже собрать до полутора милліона и разослать по городамъ увѣднымъ Московской губерніи слѣдующимъ образомъ:

Изъ города.	Для бѣдныхъ гражданъ, а.	для бѣдныхъ невольствъ, а.
Волоколамскъ.....	105000	52500
Звенигородъ.....	105000	52500
Воскресенскъ.....	105000	52500
Рузу.....	52500	52500
Подольскъ.....	52500	52500
Можайскъ.....	52500	52500
Клинъ.....	52500	52500
Богородокъ.....	52500	52500
Верею.....	52500	52500
Бронницы.....	52500	52500
Юрьевъ-Польскій.....	52500	52500
Зарайскъ.....	52500	52500.

Но благодаренія все еще не прекратились, дающая рука во гробъ все еще открыта: со времени послѣдняго отправления собралось у душеприкащиковъ еще до 700 тысячъ р., кои также разошлются немедля. О вѣкоторыхъ со мнительныхъ долгахъ сдѣлаю особое распоряженіе.

Наконецъ къ этимъ числамъ должно присоединить частныя личныя благодаренія покойнаго, кои остались неизвѣстными даже его шуицъ. По соображеніямъ его ближнихъ и душеприкащиковъ розданная сумма при жизни покойнаго должна простираться до 2 милліоновъ а., а съ исполненіемъ его завѣщанія до пяти, какъ мы объявили въ началѣ нашего извѣстія.

Читатели согласятся, что это сумма огромная, пожертвованіе великое, которое можетъ занять почетное мѣсто въ лѣтописяхъ благотворительности не только мѣстной, Московской и вообще Русской, но и Европейской, — въ лѣтописяхъ челоуѣчества.

Однакожь пожертвованіе и жертвователъ — двѣ вещи совершенно разныя. Много можетъ быть обстоятельствъ, кои возвышаютъ жертву, много можетъ быть такихъ, кои

уменьшаютъ и даже уничтожаютъ нравственное ея достоинство и значеніе въ отношеніи къ лицу жертвователя.

Первый вопросъ представляется здѣсь любовитному наблюдателю: какія деньги принесъ покойный на алтарь отечества и на алтарь добродѣтели? Откуда онъ вадъ свои пять милліоновъ?

Всѣ они — трудовые, выработанные въ потѣ лица, нажитые имъ самимъ, начиная съ семи копеекъ, полученныхъ отъ матери, имѣніе благопріобрѣтенное.

Честнымъ ли трудомъ нажилъ онъ свое огромное состояніе?

Честнымъ, — торговыми оборотами, дѣятельностію, неусыпностію, бережливостію, догадливостію, безъ обиды и притѣсненія.

Но эти милліоны стали ему ненужны? Ему некуда было дѣвать свои деньги послѣ своей смерти?

Нѣтъ, мы видѣли, что половину ихъ почти онъ роздалъ еще при своей жизни, когда онъ находился въ полной силѣ.

Такъ онъ не имѣлъ дѣтей, не имѣлъ близкихъ наследниковъ, родныхъ!

Нѣтъ, онъ оставилъ многочисленное семейство, жену, сына, нѣсколько дочерей замужнихъ, одну дочь-невѣсту, множество внучатъ.

Такъ можетъ быть онъ не любилъ дѣтей своихъ?

Напротивъ, онъ любилъ своихъ дѣтей, какъ слѣдуетъ отцу, съ совершенной нѣжностью, любилъ всѣхъ одинаково, но за долго еще до своей кончины отдѣлялъ ихъ, наградивъ равными частями, сколько по его мнѣнію достаточно было въ ихъ положеніи для обезпеченія ихъ судьбы. Сверхъ того, по завѣщанію, онъ назначилъ всѣмъ своимъ наследникамъ, то есть дочерямъ замужнимъ, внучатамъ, вдовѣ, дочери несовершеннолѣтней, по сгу тысячь серебромъ въ подарокъ, что и составило тѣ два милліона рублей, о которыхъ упомянуто нами выше.

Наконецъ сомнѣвающійся читатель можетъ предложить еще одинъ вопросъ: не самолюбіе ли управляло дѣйствіями покойнаго, и онъ пожертвовалъ милліоны нища себя славы между людьми?

Нѣтъ, всѣ суммы, кромѣ одной, пожертвованной по особому случаю, разсылалъ онъ отъ имени неизвѣстнаго, и при жизни никто не зналъ объ его благотвореніяхъ, открывшихся только изъ его духовнаго завѣщанія.

И такъ всѣ сомнѣнія, всѣ вопросы, всѣ предположенія отрицательныя опровергаются ясно и твердо. Жертвователи возвышаются предъ строгими, внимательными глазами судей еще болѣе! Остались ли какія-нибудь тѣни, какія-нибудь темныя мѣста, неразлучныя съ человѣческой слабостью—онѣ смоятся, убѣлятся слезами нищей братіи.

Мы не кончили еще наше испытаніе. Добро дѣлать мудро и трудно—не такъ какъ зло! Благодаренія не только не доставляютъ иногда пользы, но приносятъ еще вредъ, обращаются во зло для благодѣльствованныхъ. Главное дѣло — какъ онѣ оказываются. Надобно *умѣть* благодѣльствовать. Спѣшу успокоить читателей ихъ описаніемъ.

Здравый умъ этого примѣчательнаго человѣка нашелъ, кажется, средство назначить своимъ отданнымъ милліонамъ самое цѣлесообразное употребленіе. Передаемъ собственное его отношеніе въ Дмитровскую Думу, которое принято образцемъ касательно бѣдныхъ дѣвицъ, и второе отъ его душеприкащиковъ, касательно вспоможенія бѣднымъ также по его мыслямъ:

Въ Дмитровскую Градскую Думу

Отъ неизвѣстнаго.

Входя въ положеніе бѣдныхъ семействъ города Дмитрова, которыя, имѣя при себѣ взрослыхъ дѣвицъ, лишены средствъ, по своему немуществу, выдать ихъ въ замужство, и желая по возможности сдѣлать въ этомъ имъ пособіе, я положилъ на вѣчныя времена въ Сохранную Казну Московскаго Опекунскаго Совѣта, отъ 24 Октября, 1847 года, за N 35727-мъ, пятнадцать тысячъ рублей серебромъ, и препровождаю при семъ выданный мнѣ на эту сумму билетъ, я прошу оную Думу, изъ получаемыхъ ежегодно процентовъ, выдавать четыремъ дѣвицамъ по сту пятидесяти рублей серебромъ, на нижеслѣдующемъ основаніи:

1) Дѣвицы изъ мѣщанскаго сословія, которыя желаютъ вступить въ замужство и воспользоваться вспоможеніемъ, должны

подавать отъ себя въ оную Думу прошенія съ 1-го Мая по 1 Сентября мѣсяца.

2) Если число желающихъ получить награду будетъ превышать назначенную мною сумму въ выдачу, то 1-го Октября прошу оную Думу всѣмъ желающимъ дѣвизамъ при личности ихъ дать жребіи.

3) По жребію удостоеннымъ награды, выдать таковую не иначе, какъ когда невѣста выйдетъ замужъ, и представить о томъ свидѣтельство, на что и давать ей сроку одинъ годъ.

4) Если черезъ годъ удостоенная въ награду невѣста не выйдетъ замужъ, то назначенная ей награда, на другой годъ, поступаетъ въ жребій для другихъ желающихъ.

5) Если не будетъ полнаго комплекта невѣстъ изъ мѣщанскаго сословія, желающихъ воспользоваться назначеннымъ мною вспоможеніемъ, то прошу дозволить подавать прошенія невѣстамъ и изъ другихъ бѣдныхъ сословій, но не иначе, какъ проживающимъ въ Дмитровѣ не менѣе пяти лѣтъ.

6) Отчета въ раздачу этой суммы Дума не обязывается никому давать, кромѣ положенной рублин Казенной Палаты.

Въ Волоколамскую Градскую Думу.

Душеприкащиковъ покойнаго Почетнаго Гражданина и Кавалера Михайла Иваиовича Крашевицкова

Объявленіе.

Покойный Крашевицковъ, желая сдѣлать вспоможеніе бѣднымъ жителямъ разныхъ городовъ изъ мѣщанскаго сословія, особенно тѣмъ, которые по преклоннымъ лѣтамъ и бѣднзямъ, или по большому семейству, состоящему изъ малолѣтнихъ и престарѣлыхъ, не имѣютъ средства къ своему пропитанію, предоставилъ намъ завѣщаніемъ своимъ дѣлать таковыя вспоможенія изъ оставшагося послѣ него капитала, по примѣру, уже сдѣланному имъ въ жизни своей для многихъ. Вслѣдствіе этого намъ для города Волоколамска внесено въ Сохранную Казну Московскаго Опекунскаго Совѣта на сей предметъ пятнадцать тысячъ руб. сѣреб. на вѣчныя времена, на что и полученъ билетъ, который при семъ препровождая, просимъ оную Думу, получающую съ означенной суммы проценты, согласно предположеннымъ покойнымъ правиламъ, выдавать на нижеслѣдующемъ основаніи:

1) Тѣмъ изъ бѣдныхъ, большесемейныхъ, которые не имѣютъ никакихъ средствъ заработать себѣ пропитаніе, выдавать каждый разъ по пятнадцать руб. сер.

2) Одинокимъ и подверженнымъ такимъ неизлечимымъ болѣзнями, кои препятствуютъ имъ даже прокармливаться мірскими подаяніемъ, и которые никакъ не прихвраны, выдавать въ каждый разъ по десяти руб. сер.

3) Престарѣлымъ, кои лишены, по слабости, силъ смыскать себѣ пропитаніе работою, выдавать, тожъ каждому и каждый разъ, по десяти руб. сереб.

4) Выдача, обозначенная въ сихъ пунктахъ, должна простираться какъ на мужской полъ, такъ и на женскій; но только на оныхъ, которые съ давнихъ временъ гражданами въ ономъ, а не вновь причисленныхъ въ оное сословіе. Выдачу производить каждый годъ два раза: передъ Рождествомъ Христовымъ и Святою Пасхою, за пятнадцать дней впередъ.

5) Производить такую выдачу мы уполномочиваемъ на вѣчныя времена Думу съ тѣмъ, что отъ ея воли совершенно всегда должно зависѣть разсматривать положеніе бѣдныхъ людей и удостоивать изъ нихъ самыхъ бѣднѣйшихъ получать назначенное нами вспоможеніе; при равныхъ же отношеніяхъ въ бѣдности дѣлать выдачу по жребію.

6) По произведеніи такимъ образомъ выдачи каждый разъ публиковать во всеобщее извѣстіе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

7) Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Городская Дума никому не должна давать отчета, кромѣ Казенной Палаты.

8) Въ заключеніе сего мы честь имѣемъ объявить оной Думѣ, что если она согласна на вышеизложенныя нами правила безъ всякой перемѣны принять на себя исполненіе нашихъ предположеній, то мы просимъ, принявъ представленный при семъ билетъ, объявить объ ономъ гражданамъ и уведомить насъ о полученіи оного въ Москву, Яузской части 4-го квартала, въ домъ купеческой жены Антоновой.

—
Кто знакомъ съ бытомъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, тотъ можетъ оцѣнить вполне эти простыя, благотворительныя распоряженія. Какъ тяжело бываетъ содержать многочисленное семейство! Съ какими затрудненіями для бѣдныхъ родителей сопряжено бываетъ намѣреніе выдать дочь, другую, или третью, замужъ! Какими опасностямъ подвер-

гается бѣдная дѣвушка — мѣщанка, сирота! Пристроить ее къ мѣсту, обезпечить сколько-нибудь судьбу ея — о, это самое большое счастье, о которомъ мечтаютъ добрые родители! И это все исполняется завѣщаніемъ нашего благотворителя — въ Серпуховѣ и Коломиѣ ежегодно для 12 дѣвицъ, а во всѣхъ прочихъ городахъ для 4. Пятисотъ рублей довольно, чтобъ завести хозяйство, — и вотъ сколько новыхъ семействъ являеться въ обществѣ со всѣми бредствами существованія, — по крайней мѣрѣ для начала, а продолженіе зависитъ уже отъ нихъ самихъ.

Распоряженіе о пособіи бѣднымъ людямъ, за двѣ недѣли предъ Рождествомъ и Святою недѣлею, носить не менѣе признаковъ опытной мудрости. Это главные наши праздники — двѣ эпохи въ году простолюдина, въ коимъ онъ заранѣе готовится. Здѣсь соединяются всѣ его нужды и всѣ его удовольствія: разговѣться, купить обновку женѣ, потѣшить игрушкою ребенка, угостить пріятеля — все къ Рождеству или къ Святой; а другой бѣднякъ проживетъ и весь годъ съ пятидесятью рублями отъ Рождества до Святой, и съ другими пятидесятью отъ Святой до Рождества.

Замѣтимъ еще одну черту: благотворитель, человекъ Русскаго духа, не хочетъ стѣснить своихъ исполнителей никакими формами, даетъ имъ деньги для раздачи безотчетной, — на совѣсть, ибо совѣсть бываетъ лучшей ручательницей въ дѣлахъ такого рода, а безъ совѣсти никакія формы не спасутъ отъ обмана и злоупотребленій; и какой Русскій человекъ, Градскій Глава, посягнетъ, съ лицепріятіемъ или пристрастіемъ, на послѣднюю копейку изъ этихъ священныхъ суммъ, отдѣленныхъ у родныхъ дѣтей для неимущей братіи. Будемъ надѣяться!

Распоряженіе о долгахъ не менѣе примѣчательно: покойный запрещаетъ своимъ душеприкащикамъ прибѣгать къ стѣснительнымъ мѣрамъ, напротивъ доставлять всѣ облегчительныя средства, дѣлать уступки и даже прощать долги по усмотрѣнію: ибо помогая однимъ, не должно затруднять, тѣмъ менѣе разорять другихъ; пусть помощь останется *за ними*, какъ неимущими.

Весь планъ пожертвованій созрѣлъ въ умѣ или въ сердцѣ благотворителя очень давно, и съ 1840 года начать быть

приводимъ въ исполненіе. Сообщу здѣсь драгоценныя слова, услышанныя мною случайно отъ одного изъ лицъ къ нему приближенныхъ, и бросающія яркій свѣтъ на образъ его мыслей и дѣйствій. Вынимая въ послѣднее время изъ Сохранной казны какую-нибудь сумму для своихъ учетныхъ оборотовъ, онъ всѣми силами старался воротить ее туда какъ можно скорѣе, и лишь только собиралась нѣкоторая часть, тотчасъ спѣшилъ послать, говоря, *что онъ не хочетъ остаться съ долею у своихъ кредиторовъ*. Слова эти были непонятны при его жизни: никто не зналъ, о какихъ кредиторахъ говорить онъ, не бывъ никогда долженъ никому; но когда открылось его завѣщаніе, когда стало извѣстно, куда дѣвалъ онъ деньги при жизни, тогда только догадались, что кредиторами своими онъ называлъ бѣдныхъ, которымъ назначилъ эти суммы. Богатство свое, слѣдовательно, считалъ онъ полученнымъ въ ссуду для раздачи бѣднымъ. Высокія понятія истиннаго Христіанина!

Могу привести здѣсь еще одинъ его отзывъ, показывающій, что онъ, проведя всю свою жизнь, такъ сказать, въ области денегъ, не ослѣпился блескомъ золота, и зналъ ему настоящую цѣну: въ 1848 году случилось въ Москвѣ нѣсколько большихъ банкротствъ, отъ которыхъ нашъ благотворитель потерялъ болѣе полутора милліона рублей. Когда одинъ изъ его близкихъ явился къ нему съ изъясненіемъ своего соболѣзнованія о такой огромной потерѣ, — э, любезный, — отвѣчалъ онъ, — у меня осталось еще больше, а сначала-то было только семь копеекъ!

И этотъ человекъ, который сыпалъ тысячами, не беспокоился о милліонахъ, этотъ человекъ соблюдалъ во всемъ, что касалось лично до него, самую строгую бережливость, терпѣть не могъ передать ни за что одну копейку, пищу употреблялъ самую обыкновенную, одежду носилъ самую простую, словомъ не употреблялъ для себя почти ничего!

Читатели послѣ этихъ извѣстій пожелаютъ вѣрно узнать подробности объ его жизни, объ его характеръ, привычкахъ, провозженіи времени, достоинствахъ и недостаткахъ. Да! Всякая черта о такомъ человекѣ становится драго-

цѣнною, получаетъ значеніе психологическое, гражданское, общее. Хочется поймать всѣ движенія его сердца, его ума....

Но онъ прошелъ мимо насъ незамѣченный. Въ немъ не представлялось ничего особеннаго, онъ жилъ какъ всѣ, имѣлъ, какъ казалось, и недостатки общіе; смерть только открыла соправница его души! Я передамъ здѣсь все, что могъ собрать покуда.

Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ родился въ городѣ Серпуховѣ въ Январѣ 1775 года. Родители его принадлежали къ купеческому сословію, извѣстны были своею честностію, и жили долго въ совершенномъ довольствѣ. Къ семейной радости недоставало у нихъ только сына, котораго они желали пламенно, но вдругъ отецъ, занимавшійся поставками, понесъ значительные убытки. Подняться не было силъ. Хуже и хуже, — и онъ разорился совершенно! И въ эту-то несчастную эпоху его жизни Богъ послалъ ему желаннаго сына. Отецъ не могъ радоваться на него долго, и черезъ четыре года умеръ отъ огорченій, оставивъ вдову съ тремя малолѣтними дѣтьми: двумя дочерьми и сыномъ.

Мальчикъ сдѣлался вскорѣ главнымъ утѣшеніемъ матери, а вскорѣ и помощникомъ ея въ трудахъ по хозяйству. По пятнадцатому году добрая мать рѣшилась однакожь съ нимъ разстаться и отпустила его въ Москву, чтобъ онъ опредѣлился къ мѣсту для обученія торговлѣ. Горько было ихъ разставанье: она благословила своего сироту, дала наставленіе, какъ вести себя и жить въ чужихъ людяхъ, и дала ему на дорогу семь копеекъ — вотъ основаніе десятиmilliоннаго капитала Крашенинникова!

Въ Москвѣ онъ поступилъ въ домъ Кирьяковыхъ мальчикомъ — на посылаяхъ, принести, отнести, стоять у лавки, звать покупателей, завертывать, провожать и тому под. Исправностію, расторопностію, честностію, онъ рано обратилъ на себя вниманіе хозяина, и жить ему стало хорошо. Помогать бѣднымъ, удѣлять имъ отъ своего жалованья, которое назначалось и увеличивалось по мѣрѣ возраста, — это его качество и тогда уже было замѣчено. Первую значительную сумму, имъ скопленную, онъ отдалъ любезной своей матери для отдачи старшей сестры въ замужство.

Домъ Кирьяковыхъ упалъ, и молодой Крашенинниковъ, пріобрѣтшій уже знакомство въ торговомъ сословіи, перешелъ къ купцу Сѣрикову въ Холщевой рядъ прикащикомъ. Трудами и заботами о пользахъ хозяина въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ достигъ наконецъ до значительнаго мѣста «прикащика на отчетъ.» Ежегодно къ Свѣтлой ведѣль приводя весь ему вѣренный капиталъ въ наличныя деньги, и при строгой отчетливости сдавая ихъ своему хозяину, онъ вновь начиналъ свои обороты товарами, которые оставались въ его пользу. Въ продолженіи этого періода онъ лишился нѣжно любимой имъ матери, и вторая сумма, имъ скопленная, была употреблена на ея погребеніе.

Когда совершилось ему 27 лѣтъ, онъ пріобрѣлъ столько уже денегъ своими неусыпными трудами, что могъ самъ сдѣлаться хозяиномъ. Пришла пора ему жениться. Многіе предлагали ему родство съ богатыми домами, но онъ отказывался, говоря, что у него нѣтъ въ виду богатства, и что онъ доволенъ собственнымъ своимъ состояніемъ. Онъ искалъ жены себѣ по сердцу, и наконецъ женился на дочери Юрьевского купца Шевелкина. Тогда завелъ онъ у себя ткацкую фабрику.

Занявшись этимъ дѣломъ, онъ нигдѣ случая пріобрѣсть большія свѣдѣнія одоноинствѣ и цѣнности Англійской пряжи. Это былъ рѣшительный шагъ на пути его къ богатству. Съ каждымъ годомъ онъ началъ выписывать ее больше и больше, исправнымъ платежемъ успѣвъ пріобрѣсть себѣ неограниченную довѣренность со стороны иностранныхъ продавцевъ, а со стороны своихъ покупателей знаніемъ дѣла и вѣрностію, такъ что фабриканты начали обращаться къ нему преимущественно.

Торговые обороты его увеличивались непрерывно, съ усиленіемъ нашихъ ситцевыхъ и бумажныхъ фабрикъ. Вдругъ, вслѣдствіе политическихъ происшествій, послѣдовало запрещеніе ввоза, а у него въ запасъ и въ дорогъ было заготовлено огромное количество. Бумага поднялась быстро въ цѣнѣ, и его капиталъ внезапно удвоился и утроился, равно какъ и капиталъ Мазуриня, и еще одного какого-то знаменитаго торговца.

Въ 1817 году онъ лишился нѣжно любимой жены, и долго былъ въ отчаяніи. У него осталось пятеро малолѣтнихъ дѣтей, и онъ долженъ былъ вступить во второй бракъ. При этомъ случаѣ онъ обратилъ еще менѣе вниманія на богатство, желая найдти только мать для своихъ дѣтей и облегчительницу его хозяйственныхъ трудовъ: желаніе его исполнилось въ лицѣ дочери почетнаго Московскаго купца Данила Семеновича Липинскаго, отъ котораго брака онъ имѣлъ одну только дочь.

Къ особенной чести Крашениникова служило въ торговомъ сословіи его вниманіе къ постояннымъ своимъ покупателямъ. Часто случалось, что ему предлагались наличными деньги за пряжу, а онъ удерживалъ товаръ для нихъ, зная, что такіе-то сорта пряжи имъ понадобятся, и отдавалъ при первомъ спросѣ въ кредитъ.

Такимъ порядкомъ шли дѣла его до 1842 года, и онъ, не смотря на многія потери, обогащался болѣе и болѣе. Въ этомъ году онъ однакожъ прекратилъ свои дѣла, хотъ и былъ еще въ совершенныхъ силахъ. Довольно, сказалъ онъ, пора перестать и дать другимъ дорогу.

Послѣднее время онъ занимался только учетами, сокращая впрочемъ постепенно свои дѣла. Въ городъ почти не ѣздилъ. Тамъ, въ амбарѣ, оставался у него кассиръ, который принималъ и учитывалъ векселя, получалъ деньги, возносилъ въ Опекунскій Совѣтъ, донося ему и получая отъ него наставленія, приказанія, съ утвержденіемъ или отрицаніемъ, ежедневно.

По векселямъ онъ никогда почти не подавалъ ко взысканію, и старался оканчивать всѣ дѣла миролюбиво, хотя бы то было и съ потерей для себя.

Тяжебъ и судебныхъ дѣлъ терпѣть не могъ, и одно появленіе на дворѣ какого-нибудь служителя съ напоминаніемъ о мостовой или за другимъ подобнымъ дѣломъ, причиняло уже ему безпокойство.

Образъ его жизни былъ слѣдующій: вставалъ въ 5 часовъ и оставался до 8 часа въ своей комнатѣ на молитвѣ, съѣдалъ потомъ кусокъ чернаго кислаго хлѣба, въ 9 шелъ чай среди семейства, потомъ занимался перепискою, въ 2 часа обѣдалъ, послѣ обѣда иногда по праздникамъ дремалъ

нѣсколько, въ 3 отправлялся въ городъ, гдѣ оставался до 6 или 7 часовъ, дома занимался нѣсколько времени съ прикащиками, и садился играть въ карты, или вызжалъ въ Купеческое собраніе, особенно въ молодости, гдѣ также проводилъ нѣсколько времени. Спать не ложился никогда позднѣе одиннадцати часовъ. Отъ этого порядка онъ не отступалъ никогда.

По прекращеніи торговли, онъ по нѣскольку часовъ поутру и послѣ обѣда прогуливался, наполнивъ свои карманы гривнами, кои и раздавалъ по дорогѣ, такъ что домой возвращался всегда уже совершенно облегченный. Иногда ему не доставало денегъ для раздачи; тогда онъ заходилъ въ сосѣднюю лавочку (его знали по всѣмъ сосѣднимъ улицамъ), и бралъ въ заемъ. Любилъ онъ ходить особенно къ Серпуховской и Калужской заставамъ. Тамъ обыкновенно онъ останавливался разговаривать съ разными рабочими, возвращавшимися изъ Москвы въ деревню, или шедшими отсюда, спрашивалъ объ хозяевахъ, ихъ дѣлахъ, расчетахъ, занятіяхъ, и часто получалъ стъ нихъ вѣрныя извѣстія, полезныя для него и по его оборотамъ.

Однажды вечеромъ у Каменнаго моста, напали на него неизвѣстные люди и потребовали денегъ, называя его по имени. Онъ отдалъ все, что у него было, испугавшись только за свои любимые часы, которыхъ однакожъ эти люди не тронули.

На одной изъ этихъ прогулокъ, въ 1845 году Января 3, извозчикъ сбиль его съ ногъ, и онъ упалъ безъ памяти. Сѣдокъ привелъ его въ чувство и предложилъ ему отѣхать домой на той же лошади. Онъ сѣлъ на сани, пріѣхавъ расцелся съ извозчикомъ, и не сказалъ дома ни слова о своемъ приключеніи. Послѣ обѣда съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ признался, что упалъ, и согласился послать за докторомъ. Кровоупусканіе ему помогло, но чрезъ два года несчастный случай отозвался.

Въ остальное время онъ или читалъ или прядъ бумагу на самопрядкѣ. Любимое его чтеніе было Московскія Вѣдомости, и бѣда, бывало, молодому прикащику, если онъ забывалъ привезти изъ города газеты; въ трескучій морозъ ворочался онъ съ дороги, чтобъ взять оставленный номеръ.

Послѣ вѣдомостей любилъ онъ читать историческія сочиненія: Миллотову всеобщую исторію прочелъ онъ нѣсколько разъ, также Исторію Фридриха Второго, Наполеона, Петра Великаго. Ничего вымышленнаго читать терпѣть не могъ. Если читать было нечего, то онъ садился прастъ, для чего бралъ обыкновенно шерсть изъ сосѣдняго амбара, отъ г. Мазурина, которую, стростивши, и возвращалъ исправно.

По праздникамъ онъ ходилъ въ церковь, которой былъ очень преданъ, къ обѣднѣ, къ заутренѣ, къ вечернѣ, и всегда становился на крылосѣ.

Лѣто любилъ проводить въ деревнѣ—или у своей дочери, или на дачѣ, въ Волынскомъ и другихъ окрестностяхъ.

Роста онъ былъ средняго; походка была у него скорая, голосъ твердый и пріятный, цвѣтъ лица бѣлый, съ румянцемъ, волосы темнорусые; ходилъ обыкновенно въ сюртукъ, а выѣзжалъ, впрочемъ рѣдко, во фракъ; шейный платокъ и манишку носилъ всегда бѣлые, и вообще въ одеждѣ любилъ чистоту и опрятность.

Говорить любилъ, и о всякомъ дѣлѣ разспрашивалъ съ удовольствіемъ, до подробностей.

Обходился съ дѣтьми очень строго, съ родными и знакомыми ласково, къ подчиненнымъ былъ очень взыскателенъ, и угодить ему было не легко.

Возраженій сначала терпѣть не могъ, и любилъ дѣлать все по своему. Въ старости однакожъ сдѣлался мягче. Однажды какъ-то одна изъ близкихъ особъ сдѣлала ему какія-то замѣчанія объ его характерѣ, и онъ велѣлъ написать ей ихъ подробно, съ тѣмъ чтобъ имѣть при себѣ и заняться исправленіемъ недостатковъ.

Мстительности въ немъ не замѣчено, но помнилъ обиды, и прощать было для него тяжело.

Характеръ былъ у него твердый, слова своего всегда держался крѣпко, во всѣхъ сношеніяхъ былъ точенъ и исправенъ. Ложь ненавидѣлъ даже до крайности. Въ высшей степени былъ бережливъ и утонченно расчетливъ, не только для себя, но и для всѣхъ его окружающихъ, подчиненныхъ и знакомыхъ. Для него невыносимо было видѣть всякое излишество. Разумѣется, былъ врагомъ вся-

кой роскоши и пышности. Зналъ отлично, въ какое время и какіе припасы можно покупать лучше и дешевле; любилъ торговаться, и сторговавшись, рассчитывался съ точностію. О домашнихъ расходахъ своихъ могъ дать отчетъ за нѣсколько лѣтъ, потому что всѣ записки этого рода у него сохранялись. Выражался всегда кратко, и употреблялъ свой особенный языкъ. Приведемъ нѣсколько его выраженій:

- Не въ пору..... Не надо, не нравится, не годится.
 Въ ходьбу..... Мимо, не нужно, не подходить.
 Работой квить.... Напрасный трудъ, не состоявшееся дѣло.
 Облѣить. Справиться, разузнать, распросить, опросить.
 Примѣрять. Подготовить, обсудить, обдумать, сообразить.
 Притесать..... Уговориться, приладить, сторговаться.
 Дрова рубить. Обѣдать или ужинать, вообще ѣсть.
 Травникъ пить.... Курить или нюхать табакъ.
 Вымѣнять то-варцу. Купить чего-нибудь, напримѣръ: сѣна, овецъ, колоніальныхъ товаровъ, или жизненныхъ припасовъ и потребностей.

Всѣ эти и многія другія выраженія употреблялись имъ только съ родными и близко знакомыми; но съ незнакомыми онъ говорилъ правильно, Московскимъ нарѣчіемъ.

Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ скончался 3-го Января 1849 года. Поутру онъ былъ у обѣдни, куда звалъ в своихъ домашнихъ, выговаривая за лѣность, провелъ день очень пріятно, и уже легши спать, почувствовалъ себя дурно. Пріѣхалъ докторъ, но не могъ оказать уже никакой помощи. Больной изъявилъ самъ желаніе причаститься Святыхъ Таинъ, принялъ Дары съ благоговѣніемъ, въ полной памяти, велѣлъ призвать къ себѣ всѣхъ домашнихъ, просилъ прощенія, поцѣловалъ жену и дочь, и обнявъ икону Спасителя, съ словами: Господи, буди милостивъ мнѣ грѣшному,—предалъ Ему свою душу, на 73 году отъ рожденія.

Буди милостивъ ему, Господи! скажутъ и будутъ повторять изъ глубины сердца бѣдныимъ облагодѣтельствоваанные.

Замѣчательно, что въ семействѣ было какое-то темное предчувствіе о грозившемъ несчастіи. На обѣдѣ у одной изъ дочерей, за нѣсколько дней до кончины, всѣ присутствовавшіе родные чувствовали какое-то грустное стѣсненіе: кто ни начиналъ рѣчь, она безпрестанно прерывалась, и водворялось молчаніе; многіе замѣтили это, и напрасно старались оживить бесѣду.

Высокій Пастырь нашъ, Митрополитъ Филаретъ, почтилъ своимъ присутствіемъ вынось и совершилъ отпѣваніе тѣла покойнаго въ приходской церкви Спаса, что въ Наливакахъ, которую онъ распространилъ и украсилъ щедрыми своими подаваніями.

Народу было множество, незнакомыхъ еще больше, нежели знакомыхъ, — всѣ они принадлежали, разумѣется, къ числу лицъ, получившихъ отъ него тайныя вспоможенія.

Похоронить себя Михаилъ Ивановичъ завѣщалъ въ Покровскомъ монастырѣ безъ всякой пышности, рядомъ, и если можно, въ одной могилѣ съ первою своею супругою, что и было исполнено.

Семейство Михаила Ивановича составляли слѣдующія лица. Всѣ они имѣютъ полное право на вниманіе и участіе соотечественниковъ. Сынъ Іона Михайловичъ воспитывался въ Коммерческомъ училищѣ, вѣдиль путешествовать, и въ 1832 году поселился въ Петербургъ, гдѣ завелъ собственную свою контору, которая въ скоромъ времени заняла почетное мѣсто въ торговомъ мірѣ; но иностранцы, говоря, постарались повредить ей, опасаясь ея совмѣстничества, по великому уму и способностямъ молодаго Крашенинникова; къ этому присоединилась размолвка его съ отцемъ, который постепенно выбралъ свои капиталы изъ его оборотовъ, и контора его ослабла. Объ этомъ происшествіи до сихъ поръ я собралъ наименѣ свѣдѣній, и не могу сообщить читателямъ ничего положительнаго.

Іона Михайловичъ вступилъ въ супружество въ Петербургъ, въ 1834 году, и въ запискѣ покойнаго значится

восылака на зубокъ первой его дочери Елизаветъ десять тысячъ рублей. Четырехъ дочерей своихъ Михаилъ Ивановичъ выдалъ за почтенныхъ Московскихъ купцевъ: Мошинна, Пантелъева, Антонова, Ефремова.

Душеприкащиками назначилъ покойный трехъ своихъ зятъевъ. Черезъ шесть недѣль по обряду открыго было духовное завѣщаніе. При этомъ случаѣ обнаружилась также дѣловая, житейская мудрость покойнаго: онъ устроилъ все дѣло такъ, что не оставалось никому никакого затрудненія привести его въ исполненіе, и отстранялось малѣйшее подозрѣніе въ положеніи оставленныхъ капиталовъ. Все ясно, чисто, просто, безсомнѣнно, ни малѣйшаго повода къ спору, недоумѣнію, замѣшательству.

Принесена была шкатулка, гдѣ хранились его нужнѣйшія бумаги, ломбардные билеты, заемныя письма и самые важные документы.

Молодой человекъ, бывшій при немъ въ продолженіи трехъ лѣтъ кассиромъ, и пользовавшійся его довѣренностью, объявилъ, что шкатулка не та, которую онъ зналъ въ рукахъ у покойнаго.... Присутствующіе усомнились.... Душеприкащики отперли, начали разбирать шкатулку, и между тѣмъ нашли въ конторкѣ собственноручную записку покойнаго: «всѣ эти бумаги переложилъ я такого-то числа изъ прежней моей шкатулки въ другую, обитую темною кожей».. И не только исчезло сомнѣніе, но напротивъ получилась полная увѣренность, что покойный одинокъ распорядился всѣми своими дѣлами, исчислилъ самъ все свое имѣніе, и выразилъ въ точности свою волю.

Замѣчательно, что одѣливъ всѣхъ своихъ непосредственныхъ наследниковъ, дочерей и внучатъ, по сту тысячъ рублей серебромъ, онъ назначилъ своей женѣ только семьдесятъ, считая домъ, ей предоставленный съ мебелью, въ 30 тысячъ рублей, какъ онъ и значился въ расходной его запискѣ. До такой степени покойный былъ точенъ въ распредѣленіи своихъ удѣловъ, и до такой степени онъ уравнялъ всѣхъ своихъ наследниковъ, чтобъ они не могли по человѣческой слабости ревновать другъ другу....

И они не ревнуютъ, они не сѣтуютъ, что на семь человекъ получили одну треть, между дѣльми какъ бѣдными ре-

достадены двѣ трети. Они получили сокровище неоцѣненнѣйшее отъ своего родителя, сокровище, предъ которымъ два, пять, двадцать пять милліоновъ ничего не значать: они получили себѣ въ наслѣдство достойное имя, признательность соотечественниковъ, и молитвы неумолчныя цѣлыхъ поколѣній, облагодѣтельствованныхъ ихъ родителемъ. Этими молитвами будетъ сопровождаться, явно и тайно, всякое ихъ дѣйствіе, всякое начинаніе, всякое намѣреніе, и одно имя Крашенинникова, титло его сына, дочери, внука, внуки, правнуковъ, въ глазахъ всякаго образованнаго Русскаго чловѣка будетъ на вѣки вѣковъ правомъ на вниманіе, пособіе, ободреніе, содѣйствіе, родственное участіе. Больше этого отказать не можетъ никто. Благословеніе Божіе да почіетъ на всемъ родѣ!

Русскіе люди! Проходя за Москвою рѣкой по широкой улицѣ, ведущей къ Калужскимъ воротамъ, вы увидите на правой рукѣ высокую ограду церкви во имя Св. Іоанна Воиня. Эта церковь знаменита для всѣхъ насъ: здѣсь много лѣтъ священнодѣйствовалъ одинъ изъ великихъ мужей Русскихъ, Михаилъ, послѣ Митрополитъ Новгородскій и Петербургскій. Противъ нея возвышается средней величины каменный домъ — въ этомъ-то домѣ жилъ и скончался знаменитый благотворитель, Московскій купецъ Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ... Остановитесь съ почтеніемъ предъ жилищемъ достойнаго согражданина, вспомните съ признательностію объ его пожертвованіяхъ, и съ благоговѣніемъ помяните раба Божія Михаила въ царствіи небесномъ.

Погодишь.

*Освященіе храма при Смирительномъ и Рабочемъ домахъ, 17-го Декабря.** — Двадцать лѣтъ протекло мысли объ устройствѣ при Смирительномъ и Рабочемъ домахъ храма, необходимѣйшей, высшей принадлежности заведеній исправительныхъ, безъ коей они никакъ не могутъ достигнуть своей цѣли. Наконецъ мысль эта нашла особеннаго за себя ходатая въ Попечитель этихъ заведеній, Московскомъ Гражданскомъ Губернаторѣ И. В. Капнистѣ, и это ходатайство удостоилось Высочайшаго соизволенія (въ 1848 году). На построеніе церкви назначено было 5 т. рубл. сер. изъ экономическихъ суммъ обоихъ заведеній. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1849 г. приступлено было къ работамъ; но сумма добровольныхъ пожертвованій на устройство храма была столь значительна, до того превзошла ожиданія Попечителя заведеній, что оказалось возможнымъ устроить еще два флигеля — одинъ для помѣщенія больницы, другой — для женатыхъ служителей. Наконецъ, въ исходѣ прошедшаго года, оконченъ былъ и самый главный трудъ — храмъ во имя Богоматери всѣхъ скорбящихъ Радости, и 17-го Декабря освященъ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ. — Въ храмѣ можетъ помѣститься до 300 чловѣкъ, и отдѣлка его вполне соответствуетъ благолѣпію дома Божіаго. Прекрасная двѣйная лѣстница ведетъ во второй этажъ зданія, въ которомъ устроена церковь. Въ нижнемъ этажѣ находятся общія столовыя для содержимыхъ. Храмъ отдѣланъ внутри изящно. Иконостасъ, пожертвованіе почетнаго гражданина А. П. Русинова, работы художника Кудрявцева. Всѣ церковныя принадлежности великолѣпны. — Одниѣмъ словомъ, постройка этого храма стоитъ не *пять тысячъ руб. сер.*, какъ было ассигновано сначала, а до *двадцати пяти тысячъ руб. сер.* Такъ велика была готовность жертвователей и благоразумная распорядительность строителей, что первоначально назначенная сумма осталась почти нетронута, и употребляется на удовлетвореніе другихъ потребностей этихъ заведеній. Содержимые въ Смирительномъ и Рабочемъ домахъ ревностно и охотно помогали своими трудами совершенію дѣла, которое обѣщаетъ имъ столько духовнаго утѣшенія....

* Для не-Москвичей надобно замѣтить, что оба эти заведенія находятся въ Преображенскомъ селѣ.

Диспутъ Г. Кудрявцева. — 21-го Декабря происходить одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ диспутовъ, бывшихъ въ последнее время въ Московскомъ Университетѣ. Г. Кудрявцевъ защищалъ свое огромное и, по общему суду знаково, превосходное сочиненіе: *Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ.* Уже своею вступительною рѣчью, которую онъ, по здѣшнему обыкновению, предпослалъ диспуту, онъ успѣлъ возбудить особенное вниманіе въ своихъ многочисленныхъ слушателяхъ. Онъ говорилъ съ увлеченіемъ сначала вообще объ Исторіи, ея интересныхъ задачахъ, потомъ, и, можетъ быть, еще съ бѣльшимъ увлеченіемъ, о той странѣ, исторію которой онъ избралъ предметомъ своихъ занятій. Любовь къ дѣлу дала ему обиліе словъ, и слушатели, въ мысляхъ объ Италіи и ея необыкновенно-даровитомъ народѣ, стали уже забывать о спеціальной цѣли дня, какъ диспутантъ-ораторъ неожиданнымъ и ловкимъ поворотомъ привелъ ихъ къ главному вопросу своихъ изслѣдованій и своей книги. Ежели Италіанскій народъ, спросилъ онъ своихъ слушателей, такъ необыкновенно даровитъ, такъ богато надѣленъ и физическими средствами, и историческими воспоминаніями, и жилъ такою обильною умственною жизнію, какъ же объяснить его слабость и ничтожество въ политическомъ отношеніи, какъ объяснить, что въ новой исторіи онъ никогда не могъ достигнуть политической самостоятельности и всегда оставался подъ чуждымъ вліяніемъ? Эта великая проблема исторіи Италіи была выставлена Г. диспутантомъ во всемъ ея интересѣ. Въ разрѣшеніи ея онъ встрѣтился съ мнѣніемъ Маккіавелли. Начало раздробленія Италіи онъ видитъ въ паденіи Лонгобардскаго государства, произведенномъ Папами, и не можетъ, съ точки зрѣнія Италіанской исторіи, не принимать особеннаго участія въ судьбахъ Лонгобардовъ. На этотъ пунктъ, какъ на самый важный и центральный, и было сдѣлано первое нападеніе Проф. Грановскимъ. Вообще возраженія касались самыхъ главныхъ и интересныхъ вопросовъ разсужденія, и слушатели, что не всегда бываетъ, получили изъ диспута нѣкоторое понятіе о сочиненіи Г. Кудрявцева, разумѣется, на сколько двухчасовая бесѣда могла дать понятіе о

такимъ обширномъ твореніи. Диспутъ вообще удался вполне. На возраженія Гг. Проф. Грановскаго, Соловьева, Вернадскаго и Декана Проф. Шевырева, дефендентъ отвѣчалъ безъ уступчивости, но не теряя ни на минуту совершеннаго спокойствія; его рѣдкая легкость рѣчи и находчивость выказывались все болѣе и болѣе съ теченіемъ диспута. Слушатели съ удовольствіемъ слѣдили за оживленной бесѣдой ученыхъ, знающихъ каждый свои силы, и вполне властвующихъ собой. — Число посѣтителей было довольно значительно, а дамъ еще ни на одномъ диспутѣ столько не было. С. П. Шевыревъ, какъ Деканъ, объявилъ въ своемъ заключеніи, что факультетъ такъ доволенъ важнымъ трудомъ Г. Кудрявцева, что не усомнился бы облечь его званіемъ Доктора, еслибы позволяли то законныя формы.

Еще пріятное, утѣшительное извѣстіе изъ областей Московскаго Университета, этого — пусть простятъ читатели обветшалое выраженіе, — святилища наукъ, столько дорогаго всякому Русскому сердцу. Молодой Профессоръ Леонтьевъ, достойный преемникъ Крюкова, столь рано похищеннаго смертію, издаетъ сборникъ *»Прописки,«* собраніе статей общедоступныхъ, по части классической древности. Прописки будутъ выходить книжками отъ 25—30 листовъ очень убористой печати, съ рисунками, необходимыми для пониманія текста. Они будутъ состоять изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ будутъ помѣщаться разборы и описанія памятниковъ древности, письменныхъ и художественныхъ, наслѣдованія или очерки, имѣющіе предметомъ разныя стороны жизни древнихъ Грековъ и Римлянъ, ихъ религію, искусство, литературу, государство, нравы, наконецъ характеристики замѣчательныхъ эпохъ, событій и личностей Греческой и Римской исторіи. Во второй отдѣлъ будутъ входить свѣдѣнія о трудахъ новѣйшихъ ученыхъ по классической древности, біографіи великихъ гуманистовъ и филологовъ Западной Европы, обзорнія современнаго состоянія и историческаго развитія разныхъ отраслей науки классической древности, бібліографическія извѣстія и извлеченія изъ новыхъ сочиненій, особенно важныхъ.

Первая книжка »Прописесть« выйдеть непременно въ продолженіи Января мѣсяца. *Всѣ статьи, которыя войдутъ въ составъ ея, оригинальныя; многія подписаны извѣстными именами.* О разнообразіи ихъ можно судить уже по одному оглавленію, которое мы и сообщаемъ, слѣдуя алфавитному порядку именъ авторовъ :

1. Г. *Бабстѣ* — о Саллюстіѣ и его сочиненіяхъ.
2. Г. *Благовоицскій* — о гіератикѣ въ древнемъ Греческомъ искусствѣ.
3. Г. *Буславѣ* — женскіе типы въ изваяніяхъ Греческихъ богинь.
4. Г. *Бдллевѣ* — объ изученіи Греческаго языка въ Россіи до Петра Великаго.
5. Г. *Георгиевскій* — 1) Біографія Винкельмана; 2) О времени первыхъ Римскихъ Императоровъ.
6. Г. *Грановскій* — о сочиненіи Грота: History of Greece.
7. Г. *Катковѣ* — о Греческихъ философахъ до Сократа.
8. Г. *Кудрявцевѣ* — о Тацитовыхъ женщинахъ.
9. *А. Н.* — Венера Милосская.
10. Г. *Ордынскій* — Занятія молодого Аевлинна.
11. Г. *Шестаковѣ* — роли парасита въ комедіяхъ Плавта.

Кромѣ того слѣдующія статьи издателя :

О различіи стилей въ Греческомъ языкѣ.

Эгинскіе мраморы Мюнхенской Глиптотеки.

Венера Таврическая.

Балхическій памятникъ Графа С. С. Уварова.

О современныхъ направленіяхъ въ Археологіи.

О новой теоріи Греческой архитектуры.

О Русскихъ сочиненіяхъ по Крымскимъ древностямъ.

Читатели могутъ судить о важности и достоинствѣ сборника по этому обзорнію. Призываемъ ихъ, призываемъ всѣхъ нашихъ ученыхъ, поддерживать новое изданіе всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Это новый плодъ науки на Русской почвѣ, въ Московскомъ Университетѣ!

Отъ науки перейдемъ къ искусству.

БЛАГОРОДНЫЙ СПЕКТАКЛЬ,

29-го декабря 1880 года.

Кто изъ Москвичей, прочитавъ объявленіе о благородномъ спектаклѣ въ пользу Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, не порадовался душою за тѣхъ, кому назначаются плоды добраго дѣла, не воздалъ, въ глубинѣ сердца, благодарности тѣмъ, которые такъ великодушно соединили свои усилія для этой благородной цѣли! Кто не ожидалъ этого спектакля съ нетерпѣніемъ!

И въ день, назначенный наконецъ для представленія, т. е. вчера, еще до 7 часовъ вечера, огромная зала Благороднаго Собранія была полна. Впереди всѣхъ, какъ первый во всякомъ благомъ начинаніи, сидѣлъ Градоначальникъ Москвы, съ нимъ все Московское высшее общество, и прочіе покровители. Хоры тоже были почти полны. Разнообразно и красиво было зрѣлище.

Къ одному концу залы была устроена сцена, и передъ нею особое мѣсто для музыкантовъ, такъ же, какъ въ театрѣ.

Въ 7 часовъ поднялся занавѣсъ, и въ порядкѣ, показанномъ въ программѣ, которую читатели найдутъ ниже, началось представленіе. Прекрасныя декорации, богатые костюмы, удачное и согласное выполненіе ролей — таковы данныя вчерашняго спектакля, которыя, одно за другимъ, безъ сомнѣнія представлялись каждому зрителю. Рукоплесканія почти не смолкали: и было за что.

Мы не будемъ разбирать здѣсь самаго представленія, не станемъ рассказывать и содержанія игранныхъ пьесъ (кто не знаетъ *«Волкова»* одного изъ лучшихъ произведеній покойнаго Князя Шаховскаго), не скажемъ ничего о томъ, какъ обворожительны показались намъ наши дамы, какъ интересны были мужчины, въ ихъ разнообразныхъ и богатыхъ нарядахъ; удержимся и отъ желанія оцѣнить игру благородныхъ артистовъ, чтобъ не оскорбить ихъ скромности похвалами: ничего этого мы дѣлать не будемъ; но намъ поз-

волять вѣроятно, хоть отъ имени искусства, принести виновникамъ вчерашняго зрѣлища, единственнаго въ своемъ родѣ, ту искреннюю признательность, которую, по нашему мнѣнiю, всѣ они, въ той или другой степени, заслужили. Но чувство наше ничто въ сравненiи съ тѣми теплыми слезами, которыя, благодаря имъ, прольются родителями сиротъ, съ тѣми молитвами, которыя полетятъ къ престолу Подателя всѣхъ благъ, съ тою радостью, которая оживитъ тысячу бѣдныхъ личикъ. Мы отъ себя прибавимъ еще: смотря на благородный спектакль, соображая средства на него употребленныя, охоту дѣйствовавшихъ, искусство, деньги и т. д., мы невольно отдались одной задушевною думъ: что, если бы когда-нибудь, на тѣхъ же подмосткахъ и разъигранныя тѣми же лицами, намъ удалось увидѣть дѣй-три сцены изъ «Горя отъ Ума», какою-нибудь сцену Гоголя? Намъ кажется, что въ этихъ сценахъ таланты были бы свободнѣе, а сценическое искусство выиграло бы еще пожалуй инаго учителя. Никто, конечно, не носѣтуетъ на насъ за то, что мы выражаемъ здѣсь нашу тайную думу: въ ней смыслъ той цѣны, которую даемъ мы благороднымъ спектаклямъ.

Вотъ все, что нашли мы силу сказать о вчерашнемъ вечерѣ, но далеко не все, что чувствовали его зрители, далеко не все, что мы сказать бы могли....

Программа благороднаго спектакля въ пользу Московскихъ дѣтскихъ приютовъ, въ залѣ Россiйскаго Благороднаго Собранiя, 29-го Декабря 1850 года.

МАЛЬТИЙСКIЙ КАВАЛЕРЪ,

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ въ 1-мъ дѣйствiи, соч. Скрива.

Миссъ Мильнеръ	М. П. Горсткiна.
Лордъ Эльмвудъ, ея опекунъ	А. И. Нератовъ.
Лордъ Фредерикъ	Б. М. Марквичъ.
Санд-фортъ, бывший наставникъ Лорда Эльмвуда	Кн. И. А. Угусовъ.
Слуга	А. Н. Муромцевъ.

Дѣйствiе происходитъ въ Лондонѣ, въ домѣ Лорда Эльмвуда и Миссъ Мильнеръ.

ФЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОВЪ ,

или день рожденія русскаго театра.

эпикотическая комедія-водевиль въ 3-хъ дѣйств., соч. Кн. Шаховскаго.

Федоръ Григорьевичъ Волковъ	А. А. Тимашевъ-Берингъ.
Гаврило } братья его	В. Н. Нивдомскій.
Григорій }	И. С. Патковъ.
Иванъ Трофимовичъ Полушкинъ, коженый фабрикантъ, вотчимъ Волковыхъ.....	Кн. Ю. А. Оболенскій.
Марья Романовна, жена его, мать Волковыхъ.....	М. А. Новосильцева.
Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій, молодой семинаристъ	Кн. Н. А. Долгорукий.
Алексѣй Поповъ, родственникъ Волковыхъ, потомъ извѣстный актеръ..	Ө. И. Губеръ.
Михайло Поповъ, семинаристъ, потомъ актеръ и сочинитель	М. А. Сухотинъ.
Михайло Чулковъ, тоже.....	Ж. А. Дмитриевъ-Мамонъ.
Ваня Соколовъ, мальчикъ, родственникъ Дмитревскаго, потомъ актеръ и сочинитель	А. Н. Пономаревъ.
Фаддей Михайчъ Михѣевъ, съ приписью подъячій.....	Кн. С. П. Голицынъ.
Груша, питомица и крестница Михѣева.	Кн. Е. П. Агамелекъ.
Корнило Борисовичъ, Ярославскій голова, двоюродный братъ Полушкиной.....	В. А. Рѣшетовъ.
Доганъ Крафтъ, Нѣмецкій мастеръ на фабрику Полушкина.....	А. Г. Казначевъ.
Сосѣди Полушкина, пѣвчїе, музыканты, гребцы, мѣщане.	

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПЬЕСѢ:

Евмонъ (Дмитревскій). Берта (Груша).

Пастушки: Е. С. Мельгунова. М. И. Похвиснева.

Е В Р Е Й К И :

Е. К. Сафонова. — С. С. Мельгунова. — М. Н. Левашова.

УЧАСТВУЮЩІЕ ВЪ ХОРАХЪ:

Н. К. Аверкіева. — М. А. Ребиндеръ. — С. Д. Левшина. — М. И. Похвиснева. — М. С. Мартынова. — Е. П. Гороткина. — М. П. Гороткина. — Н. К. Сафонова. — Т. Г. Орфано. — А. Ф. Бѣлявская. — Е. Ө. Фридериксъ.

К. А. Д. Абамелекъ.—Кн. Г. Н. Вяземскій.—С. В. Дурново.—
Кн. С. П. Вадбольскій.—Е. А. Протасъевъ.—А. И. Нератовъ.—
А. С. Мельгуновъ.—Д. Н. Батюшковъ.—А. Н. Соколовъ.—Кн.
А. В. Друцкой-Соколинскій.—Кн. Д. В. Друцкой-Соколинскій.—

К. Н. Шупинскій.—Н. И. Лихонинъ. Л. И. Похвисневъ.
Дѣйствіе происходитъ въ Ярославской подгородной слободѣ, на ко-
жовенномъ заводѣ Полушкина, въ 1750 году.

СУЖЕНАГО КОЖЕМЪ НЕ ОБЪЕДИНЬ,

или нѣтъ худа безъ добра.

водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Хмѣльницкаго.

Баронъ Дорсанъ.....	В. А. де-ШАРБЕРЬ.
Лора, дочь его.....	Е. К. САФОНОВА.
Г-жа Валькуръ, сестра Барона.....	Е. П. ГОРСТКИНА.
Эрнестъ Гусарскій Офицеръ.....	Б. М. МАРКВИЧЪ.
Брантъ, Гусаръ.....	А. А. ТИМАШЕВЪ-БЕРИНГЪ.
Г. Гримардо, управитель замка.....	Кн. С. П. ГОЛИЦЫНЪ.
Г-жа Гримардо, жена его.....	Н. А. ПОНОМАРЕВА.
Роза, дочь садовника.....	А. Ф. БѢЛЯВСКАЯ.
Садовникъ.....	Д. И. ГЕОРГИЕВСКІЙ.
Ключникъ.....	А. Н. МУРОМЦЕВЪ.
Поварь.....	Н. И. ЛИХОНИНЪ.
Конюхъ.....	А. Д. ДУВАСОВЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ замкѣ Барона Дорсанъ.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ХОРЪ ВЪ ПЬЕСѢ: ВОЛКОВЪ.

Бѣлокаменной родной,
Дорогой Столицѣ
Указала путь благой
Мать сиротъ — Царица.

Слову Царскому въ отвѣтъ —
Радостныя лица!

Для тебя ль усердыя нѣтъ,
Мать сиротъ — Царица?

Станетъ вся семья сиротъ
За Тебя молиться,
И воскликнетъ весь народъ:
Мать сиротъ — Царица!

30-е Декабрѣ
1850.

Н. Н-ль.

О М Ф А Л А .

СВАЗКА-РОКОКО, ТЕОФИЛА ГОТЪЕ.

Мой дядя, шевадье де^{***}, жилъ въ небольшомъ домѣ, выходившемъ одной стороною на печальную улицу де-Турнель, дру-гою — на скучный бульваръ Сентъ-Антоанъ. Между бульваромъ и домомъ кое-какой кустарникъ, обглоданный разными насекомы-ми и полупокрытый мхомъ, жалобно протягивалъ свои тощія вѣтки въ глубинѣ темнаго двора, огороженнаго черными, высокими стѣ-нами. Нѣсколько бѣдныхъ, едва живыхъ цвѣтковъ, подобно ча-хоточнымъ дѣвцамъ, увяло наклонили свои головки, въ ожи-даніи того, чтобы солнечный лучъ осушилъ ихъ загнившіе листья. Трава пробивалась и по дорожкамъ аллея, которыя трудно было признать за аллея — такъ давно не прохаживалась по нимъ грабля. Двѣ-три красненькія рыбки, вѣрнѣе, бились, нежели пла-вали по бассейну, подернутому водяной чечевицей и болотными растеніями.

Дядя называлъ это своимъ садомъ.

Въ саду моего дяди, кромѣ всѣхъ упомянутыхъ рѣдкостей, былъ еще павильонъ, довольно безобразный, которому, безъ со-мнѣнія, по антифразѣ, онъ далъ названіе: *Прелести*. Павильонъ находился въ состояніи совершеннаго запустѣнія. Стѣны отдулись; большіе куски шпекатурки, отдѣлившись отъ нихъ, валялись въ крапивѣ и другой сорной травѣ; фундаментъ зеленыя затхлою плѣсенью; ставни и двери разохлись и не затворились, или затворились плохо. Оны, цикорія и завѣтки дѣлились на кар-низѣ, совершенно раз пытомъ дождевой водой. Словомъ сказать, *Прелести* моего дяди, шевадье де^{***}, представляли зрѣлище какъ нелѣз а болѣе жалкое.

Эта несчастная развалина, развалина вчерашняго дня, запущенная такъ, какъ будто бы ей было тысяча лѣтъ, развалина гипса, а не камня, вся сморщенная, вся растресканная, покрытая гнилью, изгрызенная мхомъ и селитрой, была какъ бы похожа на человѣка, преждевременно состарѣвшагося, истощеннаго грязнымъ развратомъ; она не внушала никакого уваженія, потому что нѣтъ на свѣтѣ ничего гаже и отвратительнѣе стараго газоваго платья и старой щекатуренной стѣны — двухъ вещей, которыя долго жить не слѣдуетъ и которыя живутъ долго.

Въ этомъ-то павильонѣ и помѣстилъ меня дядя.

Внутри онъ былъ такой же рококо, какъ и снаружи, но внутренность его сохранилась нѣсколько лучше. Занавѣсъ постели былъ изъ желтаго штофа, съ большими бѣлыми цвѣтами. Стѣнные часы, обвѣшенные раковинами, стояли на пьедесталѣ, выложенномъ перламутромъ и слоновой костью. Гирлянда изъ розъ кокетливо бѣжала кругомъ венеціанскаго зеркала; надъ дверьми были изображенія четырехъ временъ года. Прекрасная дама, тщательно напудренная, одѣтая въ голубой корсетъ и съ лентами вдоль платья того же цвѣта, держа въ правой рукѣ лукъ, въ лѣвой — нуропатку, — съ серпомъ на лбу и борзой собакой у ногъ, улыбалась и улыбалась самымъ любезнымъ образомъ въ широкой овальной рамѣ. Это была одна изъ прежнихъ любимицъ моего дяди, которую онъ приказалъ написать Діаной. Вся ея принадлежности, очевидно, не обличали новѣйшаго времени. И ничто здѣсь не мѣшало перенести себя мысленно во время регентства, а мнѣологическій рисунокъ обоевъ, которыми были обтянуты стѣны, какъ нельзя лучше довершалъ очарованіе.

На обояхъ были изображенъ Геркулесъ, прядущій у ногъ Омфалы. Рисунокъ былъ самый вычурный, въ родѣ произведеній Ванло и стили помпадуръ, доведеннаго до самой преувеличенной крайности. У Геркулеса было веретено, перевитое розовой ленточкой; онъ поднималъ свой мизинецъ съ особенной граціей, какъ маркизъ, который нюхаетъ табакъ, — крутя между большимъ пальцемъ и указательнымъ бѣлую мочку пряжи; мускулистая его шея была сплошь покрыта бантами лентъ, розетками, рядами жемчуга, и бездной другихъ женскихъ бездмуншекъ; широкая юбка цвѣта голубинаго горла, на огромныхъ обручахъ довершала великолѣпный нарядъ древняго героя.

Былыя плечи Омфалы были полуприкрыты шкурой Немейскаго льва; нижняя ручка ея опиралась о суковатую палицу ея любовника; прекрасныя бляокурме, почти пепельныя, волосы, слегка напудренные, небрежно сбгали по шеѣ, гибкой и тонко-очерченной, какъ у горлицы; маленькія ножки, сущія ножки Испанки или Китайки, которымъ былъ бы просторенъ стеклянный башмачекъ Сандрильоны, были обуты въ полудревніе котурны блѣдно-лиловаго цвѣта, вышитыя жемчугомъ. Она была въ самомъ дѣлѣ очаровательна! Голова ея откидывалась назадъ съ удивительной непринужденностью; губы сжимались въ премилую полупрезрительную улыбку, носдря слегка отдувалась, щечки алѣли руманцемъ; мушка, наклѣенная съ глубокимъ значеніемъ дѣла, чрезвычайно удачно возвышала ихъ блескъ, и будь у ней усики, изъ Омфалы вышелъ бы превосходный мусктеръ.

Были на обояхъ и другія фигуры, слѣдующія по чину: извѣстная наперсница, маленькій амуръ и т. д.; но тѣ оставили въ моеи памяти слишкомъ неопредѣленный силуэтъ, почему я описать ихъ не сумѣю.

Въ то счастливое время я былъ еще очень молодъ, чтѣ впрочемъ не значитъ, чтобы я былъ теперь очень старъ; дѣло въ томъ, что тогда я только что вышелъ изъ школы и жилъ у дяди. раздумывая надъ тѣмъ, какое мнѣ выбрать званіе или ремесло, Еслибы дядя могъ предвидѣть, что я сдѣлаюсь повѣствователемъ, да еще сказочникомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ бы меня просто прогналъ и даже лишилъ бы наслѣдства, за тѣмъ что питалъ самое аристократическое презрѣніе къ литературѣ вообще, и къ писателямъ въ особенности; будь это въ его волю, онъ бы повѣсилъ, или, по крайней мѣрѣ, приказалъ бы своимъ людямъ избить всехъ тѣхъ бездѣльниковъ, которые весь вѣкъ свой только и дѣлаютъ что мараютъ бумагу, да еще иногда безъ должнаго уваженія говорятъ о важныхъ лицахъ. Миръ праху моего бѣднаго дяди! Но что жъ мнѣ дѣлать, коли ужъ онъ былъ таковъ?

И такъ я только что вышелъ изъ школы. Я весь жилъ снами и очарованіями. Я былъ наивенъ, какъ самая наивная изъ пятнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ. Счастливый отъ увѣренности, что мнѣ уже не нужно будетъ никогда учить изъ завтраму урокъ, или писать сочиненіе, я отъ души находилъ, что все въ подлунномъ мірѣ устроено къ лучшему. Я вѣрилъ въ очень многое: я вѣрилъ въ пастушку г. де-Флоріанъ, въ расчесанныхъ и напуд-

ренныхъ барашковъ; ни минуты не сомнѣвался я въ стадѣ г-жи Дезульеръ. Я думалъ, что есть на самомъ дѣлѣ девять музъ, какъ было сказано въ одномъ изъ многихъ учебниковъ. Мои воспоминанія изъ Беркена и Гесснера создавали мнѣ маленькій міръ, въ которомъ все было розовое, небесно-голубое и ярко-зеленое. О, святая невинность! Sancta simplicitas, какъ говоритъ Мефистофель.

Когда я очутился въ этой прекрасной комнатѣ, комнатѣ моей и мнѣ одному принадлежавшей, я пришелъ въ восторгъ, которому нѣтъ ничего подобнаго. Внимательно осматривалъ я въ ней всякую мелочь, обнюхалъ всѣ углы, и исходилъ ее по всѣмъ направленіямъ: я былъ на седьмомъ небѣ, счастливый, какъ рѣдко смертные. Послѣ ужина (для меня свято хранилъ этотъ прекрасный обычай, который утратился вмѣстѣ съ другими не менѣе прекрасными, и о которомъ я жалѣю отъ глубины моего сердца), я взялъ свѣчку и отправился въ павильонъ, старая терпѣніемъ вступить въ права надъ моимъ новымъ владѣніемъ.

Когда я сталъ раздѣваться, мнѣ показалось, что глаза Омфалы пошевельнулись; я сталъ смотрѣть внимательно, и, признаюсь, не безъ кое-какого страха; комната была большая, а отъ слабого, дрожащаго свѣта свѣчи, темнота въ некоторомъ отдаленіи казалась еще сильнѣе. Вдругъ мнѣ представилось, что у Омфалы голова обращена въ противоположную сторону. Меня не на шутку сталъ одолевать страхъ: я задулъ свѣчку, отвернулся къ стѣнѣ, накрылся одеяломъ съ головой, спустилъ колпакъ до подбородка, и кончилъ тѣмъ, что заснулъ.

Нѣсколько дней не рѣшался я взглянуть на проклятые обон.

Не бесполезно, быть можетъ, для того, чтобы сдѣлать болѣе вѣроятнымъ невѣроятную исторію, которую я хочу рассказать, довести до свѣдѣнія моихъ прекрасныхъ читателей, что я въ то время былъ очень недуренъ (собою). У меня были красивые глаза: я говорю это потому, что мнѣ говорили; цвѣтъ лица болѣе свѣжій, чѣмъ теперь, настоящей цвѣтъ гвоздики; каштановые, вьющіеся волосы, которые есть у меня и теперь, и семнадцать лѣтъ, которыхъ у меня нѣтъ. Недоставало мнѣ только хорошеющей крестной маммишки, чтобы сдѣлаться презрѣннымъ купидончикомъ; къ несчастію у моей крестной матери было на плечахъ пятьдесятъ семь лѣтъ, а во рту всего три зуба, т. е. съ одной стороны слишкомъ много, а съ другой слишкомъ мало.

Однажды вечеромъ я однакожъ какъ-то рѣшился бросить въскользъ взглядъ на любимицу Геркулесову: она смотрѣла на меня невыразимо грустно и томно. На этотъ разъ я надвинулъ колпакъ до самыхъ плечъ, и спряталъ голову подъ подушку.

Въ эту-то ночь я видѣлъ самый страшный сонъ, если только это былъ сонъ.

Кольца занавѣси моей постели, скрипя, сдвинулись, какъ будто бы кто поспѣшно распахнулъ занавѣсь. Я проснулся: по крайней мѣрѣ такъ показалось мнѣ во снѣ; но не увидѣлъ никого.

Въ стекла ударялъ мѣсяцъ, бросавшій по комнатѣ синеватый, блѣдный свѣтъ. Часы пробили четверть; звукъ боя долго не прерывался. Движеніе маятника, которое я внятно слышалъ, до невѣроятности было похоже на пульсаціи въ сердцѣ чловѣка взволнованнаго.

Мнѣ было очень неловко, и я рѣшительно не зналъ, что подумать.

Сильная струя вѣтра ударила въ ставни; рама окна погнулась и затрещала; обои заколыхались. Я собрался съ духомъ и рѣшился взглянуть на Омфалу, смутно подозревая, что все это дѣлается не безъ нея. Я не ошибся.

Обои ужасно заволновались, Омфала отдѣлилась отъ стѣны, и легко соскочила на полъ; она пошла по направленію къ моей постели. Не къ чему, я думаю, передавать весь мой ужасъ. Старый воинъ, даже самый храбрый, Богъ знаетъ какъ бы еще нашелся въ подобномъ обстоятельствѣ, а я не былъ ни старъ, ни воинъ. Безмолвно ждалъ я развязки этого происшествія.

Тоненькій, серебристый голосокъ, нѣсколько манерный и не безъ того ударенія, которое такъ любили употреблять во времена регентства и маркизы и всѣ вообще люди хорошаго тона, произнесъ:

— Неужели ты меня боишься, дитя мое? Правда, что ты еще дитя; но не годится бояться дамъ, а особенно тѣхъ, которыя молоды и желаютъ тебѣ добра: это не учтиво, это не по-Французски; тебѣ надо исправиться, бросить этотъ страхъ. Полно, полно, дикарь ѣдакой, не прячь головы подъ одеяло. Много хлопотъ, я вижу, будетъ за твоимъ воспитаніемъ; не далеко еще ты ушелъ, мой милый; въ мое время все это было не такъ....

— Вотъ видишь ли, мнѣ....

— Тебѣ странно, что я теперь здѣсь, а не тамъ — перебила она, слегка закусывая малиновую губку бѣлыми зубами, и показывая длиннымъ, тонкимъ пальчикомъ на стѣну; — но если бы я тебѣ и объяснила это, ты бы все таки ничего не понялъ; довольно съ тебя того, что тебѣ бояться нечего.

— Я боюсь, не....

— Це чортъ ли я, такъ ли? Ты это хотѣлъ сказать; по крайней мѣрѣ ты согласишься, что я не слишкомъ черна для чорта.

Чтобъ доказать, что она не хвастаетъ, Омфала откинула назадъ львиную шкуру, и обнажила плечи и грудь ослѣпительной бѣлизны и роскошной формы.

— Что ты теперь скажешь? — спросила она съ выраженіемъ удовлетворенной кокетливости.

— Я скажу, что если бы вы были даже самъ чортъ, я не побоялся бы васъ, госпожа Омфала.

— Вотъ это умно; но не называй меня ни госпожею, ни Омфалой. Я не хочу быть госпожею для тебя, и я такая же Омфала, какъ и чортъ.

— Кто же вы такія?

— Я маркиза де-Т***. Черезъ нѣсколько времени послѣ оватѣбы, маркизъ заказалъ эти обои для моей комнаты: меня онъ велѣлъ изобразить въ видѣ Омфалы, себя — Геркулесомъ. Странная пришла ему мысль; Богъ свидѣтель, что никто не былъ такъ мало похожъ на Геркулеса, какъ бѣдный маркизъ. Въ этой комнатѣ давно не живетъ никто. Я, разумѣется, люблю общество, и оттого скучала до смерти въ одиночествѣ, такъ что меня частехонько схватывала мигрень. Быть одной съ мужемъ все равно, что быть одной. Пришелъ ты, и я обрадовалась; мертвая горница оживилась; нашлось для меня кѣмъ заняться. Я наблюдала за тобой, прислушивалась къ твоему сну, слѣдила за тобой, когда ты мечталъ или сидѣлъ надъ книгой. Я нашла въ тебѣ и ловкость, и пріятное выраженіе лица, словомъ — ты мнѣ понравилась, и, наконецъ, я тебя полюбила. Я старалась дать тебѣ понять это; я вздыхала: ты думалъ, что это вѣтеръ; я дѣлала тебѣ знаки, бросала тебѣ томные взгляды, а ты все болѣе боялся меня. Въ отчаяніи я рѣшилась на послѣднее неприличное средство, къ которому и прибѣгла теперь, и признаю тебѣ откровенно въ томъ,

чего ты не понимаешь изъ намековъ. Теперь, такъ какъ ты знаешь что я тебя люблю, я надѣюсь....

Въ эту минуту послышался въ замкѣ звукъ ключа.

Омфала задохнулась, и покраснѣла до бѣликовъ.

— Прощай! — сказала она — до завтра.

И она воротилась къ своей стѣнѣ, задомъ, боясь, вѣроятно, показать мнѣ свою спину.

Видѣлъ Батистъ, чтобы взять мое платье и вычистить его.

— Вы напрасно — сказалъ онъ — почиваете съ открытой задницею: комната прехолодная, какъ-разъ: сдѣлается насморкъ.

Въ самомъ дѣлѣ занавѣсъ была отдернута, и я, убежденный въ томъ, что видѣлъ только сонъ, былъ чрезвычайно удивленъ, потому что твердо помнилъ, что съ вечера она была задернута.

Едва вышелъ Батистъ, я подбѣжалъ къ обоямъ. Я сталъ ихъ ощупывать; обои были самые настоящіе, шерстяные, шершавые и неприятные для осязанія, какъ всѣ обои на свѣтѣ. Омфала была похожа на граціозное видѣніе ночи, какъ мертвый человѣкъ на живаго. Я приподнялъ обои; стѣна была сплошная; въ ней не было ни потайной двери, ни подвижной панели. Я только замѣтилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли ноги Омфалы, нѣсколько шерстинокъ было надорвано. Это заставило меня задуматься.

Весь день я былъ ужасно разсѣянъ: вечера ждалъ я и съ безпокойствомъ, и съ нетерпѣніемъ. Я отправился въ павильонъ довольно рано, рѣшившись посмотреть, чѣмъ все это кончится. Я легъ; маркиза не долго заставила ждать себя: она соскочила съ своей стѣны и подлетѣла къ моей постели; усѣлась у моего изголовья, и разговоръ начался.

Какъ и наканунѣ, я сталъ предлагать ей вопросы и просить у ней объясненій. Однихъ она избѣгала, на другіе отвѣчала увертливо, но съ такимъ умомъ, что, спустя полчаса, я весь былъ очарованъ ею. Говоря со мною, она водила пальцами по моимъ волосамъ, слегка ласкала по щекамъ, и цѣловала въ лобъ.

Она болтала, болтала и насмѣшливо и любезно, и непридуманно и умно, со всеми приемами дамы важной и знатной, какимъ подобныхъ я послѣ не встрѣчалъ никогда и ни въ комъ.

Она сидѣла сначала на кушеткѣ, возлѣ кровати; потомъ она обняла рукою мою шею, и я чувствовалъ, что сердце ея сильно билось. Возлѣ меня сидѣла дѣйствительная женщина, красавица и молодая, — настоящая маркиза. Бѣдный семнадцатилѣтній

школьничъ! Было отчего потерять голову: я и потерялъ ее. Я рѣшительно не зналъ, что тутъ могло случиться, но я смутно предчувствовала, что все это должно было не понравиться маркизу.

— А маркизь, что онъ тамъ скажетъ на своей стѣнѣ?

Львиная шкура упала на землю, а львовые котурны съ жемчугомъ лежали волеи монхъ туфлей.

— Онъ ничего не скажетъ — отвѣчала маркиза, смѣясь отъ всего сердца. — Развѣ онъ что видитъ? Впрочемъ, еслибъ онъ и увидѣлъ что нибудь, онъ самый благородный, самый безобидный супругъ на свѣтѣ; онъ привыкъ къ этому. Любишь ты меня, дитя?

— Да, люблю, люблю.

Разсвѣло; Омфала убѣжала на свое мѣсто.

День показался мнѣ нескончаемъ. Пришелъ, однакожъ, и вечеръ. Все обошлось, какъ наканунѣ, и второй ночи не въ чемъ было завидовать первой. Маркиза была еще любезнѣе. Такъ продолжалось довольно долго. Такъ какъ я ночью не спалъ, меня днемъ одолевала дремота, которая показалась моему дядѣ дурнымъ знакомъ. Онъ сталъ подозрѣвать, — вѣроятно подслушалъ у двери, и все услышалъ. Однимъ прекраснымъ утромъ онъ вошелъ въ мою комнату такъ неожиданно, что Антоанета едва успѣла уйти на свое мѣсто.

За нимъ вошелъ обойщикъ съ клещами и лѣстницей.

Онъ посмотрѣлъ на меня сердито и строго, и я понялъ, что онъ все знаетъ.

— Эта маркиза де Т*** рѣшительно съ ума сошла; пришло же ей въ голову плѣниться такимъ мококососомъ — проворчалъ дядя сквозь зубы; — а общалась вести себя какъ слѣдуетъ. Жанъ, сними эти обои, скатай и снеси на чердакъ!

Каждое слово дяди было для меня ударомъ кинжала.

Жанъ скаталъ мою Омфалу, или маркизу Антоанету де-Т***, съ ея Геркулесомъ или маркизомъ де-Т***, и понесъ ихъ на чердакъ. Я не могъ удержаться отъ слезъ.

На другой день дядя отправилъ меня въ В*** diligencъ къ моимъ почтеннымъ родителямъ, которымъ — не трудно догадаться — я обо всемъ происшедшемъ не сказалъ ни слова.

Дядя мой умеръ; продали и домъ его, и мебель, и всю домашнюю утварь; обои, вѣроятно, были проданы вмѣстѣ съ прочимъ.

...На такъ давно, роюсь у одного мѣшала, я попалъ ногою на огромный свертокъ, весь покрытый пылью и паутиной.

— Это что такое? — спросилъ я Овернца.

— Это обоя рококо, представляющіе любовь госпожи Омфалы и господина Геркулеса; они, всѣ шелковые и отдѣльно сохранны. Купите для нашего кабинета: я съ васъ возьму не дорого.

При имени Омфалы, вся кровь хлынула мнѣ къ сердцу.

— Разверните-ка ихъ — сказала я купцу отрывисто и дрожащимъ голосомъ, какъ будто бы у меня была лихорадка.

Это была она. Мнѣ показалось, что по губамъ ея пробѣжала граціозная улыбка, а глаза ея, встрѣтившись съ моими, загорѣлись особеннымъ огнемъ.

— Чтò это стоитъ?

— Да никакъ нельзя уступить дешевле четырехъ-сотъ франковъ.

— У меня нѣтъ съ собой этихъ денегъ. Я схожу за ними и буду у васъ ближе, чѣмъ черезъ часъ.

Я воротился съ деньгами; обоимъ ужъ не было. Къ нимъ приторговался какой-то Англичанинъ, далъ за нихъ шестьсотъ франковъ, и увезъ.

Въ сущности оно, быть можетъ, и лучше, что все это произошло такимъ образомъ, и что безподобное воспоминаніе сохранилось для меня неприкосновеннымъ. Говорять, не надо возвращаться къ своей первой любви, также какъ и ходить смотреть на розу, которою любовался наканунѣ.

А къ тому же я теперь и не довольно молодъ, и не довольно хорошъ, чтобы обон въ честь мою случалось со стѣнъ...

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, № 154, помѣщена очень любопытная и занимательная статья Г. Климушина о чаѣ и чайной торговлѣ. Иной читатель, увидя въ другомъ отдѣленіи Вѣдомостей объявленіе подъ тѣмъ же именемъ, подумаетъ про себя: vous etes orfevre, M. Josse? Но мы желаемъ полного успѣха Г. Климушину, и въ его статьѣ о чаѣ видимъ шагъ впередъ въ торговомъ мѣрѣ, который наконецъ начинаетъ понимать, что новое время имѣетъ новыя требованія и отъ торговли, что кромѣ

искренности, честности, оборотливости, проникательности, и литература мощно правит ей кошау, т. е. умно, истати, довао сдѣланное объявленіе привлекаетъ покупателей, и увелититъ оборотъ. Поодраждляемъ Г. Климушину съ его опытомъ, одобряемъ его Китайскій толковой переводъ, но думаемъ, что онъ не предохранитъ насъ все таки отъ ошибки: потому что Г. Климушину и всякой другой чайный торговецъ, покупая чай на Макарьевской ярмаркѣ или въ Москвѣ отъ оптовыхъ торговцевъ, Гг. Усачевыхъ, Шестовыхъ, Борисовскихъ, и проч. (дѣти отъ Клятинскихъ — Куманичныхъ, Колесовыхъ, Добкова и проч.), не рассортировываетъ же вновь своихъ цыбиковъ, какъ онѣ запакованы были въ Кяхтѣ и Китаѣ. Какой чай въ какой цыбикъ или мѣсто попался, тотъ и остается въ немъ до распродажи. Если Г. Климушину достался не совершенно добротный, такой онъ и распродавать будетъ, только что переимѣня его названіе, и введетъ въ ошибку покупателя по неволѣ, какъ и самъ по неволѣ введенъ былъ въ нее. Для насъ покупателей достаточно, чтобы розничный купецъ продавалъ купленный имъ десятирублевый чай по десяти рублей, семи рублевый по семи, — прилагая разумнаго, свои проценти. Больше этого никто, а равно и Г. Климушину, не можетъ сдѣлать ничего. Но и за это мы будемъ благодарны ему, и въ знакъ благодарности будемъ называть его чай благовошными, терпичими, атаклястими, что, разумнаго, гораздо легче и толковѣе. Повторяемъ желаніе успѣха Г. Климушину.

Отъ Редакціи. Мы намѣрены были приложить къ этой книгѣ портретъ М. И. Крашенинникова, но, къ несчастію, камень, по неосторожности, былъ испорченъ, и художникъ долженъ писать вновь.

М О Д Ы.

Объясненіе картинки. Бальный нарядъ: Волосы не заплетены; головной уборъ изъ цвѣтовъ (grenades) и золотыхъ тростниковыхъ листьевъ; платье изъ бѣлой тафты, сверхъ которой четыре тюлевыхъ юбки, безъ малѣйшаго рубца, и только обшитыя бѣлою блондою. Первая юбка, т. е. верхняя, собрана съ боку, и въ этотъ мѣстъ — букетъ; прочія юбки тоже собраны и приколоты, только такъ, чтобъ выемка приходилась разъ съ правой, и разъ съ лѣвой стороны, а букеты — подъ верхнею юбкою. Верта изъ тюля и обшита блондой; и сзади и спереди двѣ половинки: одна нѣсколько закрываетъ другую. На каждомъ плечѣ букетъ; посреди корсажа — тоже.

Нарядъ для визита: Шляпка изъ неразрѣзанаго бархата и атласа, и вся, верхъ и низъ, изъ одного куска. Тулья и нижняя оборка атласныя; дно тульи все закрыто кокардой изъ пяти рядовъ лентъ съ блондой между рядами; такія же три кокарды по краю тульи изъ лентъ и съ блондой; подъ шляпкой маршотки изъ собранныхъ лентъ, самыхъ узенькихъ; подвязки — очень длинныя. Платье изъ бродателли (brocatelle) съ нарочью, по покрою редингота, расположенными узорами; корсажъ на плечахъ съ роскошнымъ букетомъ Pompadour а остальная его часть кончается рисунками, вплетенными въ гирлянду; по краямъ рукавовъ — богатая гирлянда; прочіе узоры легче; юбка сложнѣе: гирлянда Pompadour въ два ряда; Спереди большіе букеты; дальше гирлянды все мелче, и кое гдѣ отдѣльные цвѣтки; передъ корсажа кончается четырьмя округленными зубцами, между которыхъ видна манишка изъ бѣлой кисеи, съ оборкой изъ мелкаго кружева. Юбка кончается пятью зубцами, исподъ изъ гладкаго атласа. Каждый изъ зубцовъ придержанъ маленькимъ аграмантикомъ, съ котораго падаютъ двѣ или три точки, глядя по величинѣ зубцовъ; самые зубцы обшиты атласнымъ рубцомъ, и вдоль его, съ двухъ сторонъ, тоненькое черное кружево. Рукава довольно-короткіе, нѣсколько широкіе; изъ-подъ нихъ выходятъ другіе, полные и пышные, изъ шитой кисеи, съ валансьеной у кисти, собранной и приподнятой по направленію къ рукаву.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что приложенная картинка относится къ первымъ числамъ Декабря 1850 года по нашему стилю. Но читатели наши и сами, конечно, поймутъ, что иначе мы и не имѣли бы возможности давать Парижскія картинки. И мы не знаемъ, какъ радоваться тому, что мѣры, принятыя нами въ нынѣшнемъ году, оказались достаточно успѣшными, и первая картинка пришла изъ Парижа во-время. Коммиссіонеръ нашъ и въ будущемъ общаетъ намъ ту же исправность, но картинки все-таки будутъ околомъ трехъ недѣль старше того дня, въ который выдается ихъ мы. Поэтому мы намѣрены, въ дополненіе къ картинкамъ, сообщать общія извѣстія о Парижскихъ модахъ, соображаясь со всѣми лучшими французскими журналами и въ особенности съ *Moniteur de la Mode*, какъ извѣстно, лучшимъ изъ всѣхъ.

И такъ, о Парижскихъ модахъ. Кромѣ моды на мѣхъ, всадъ и при всѣхъ нарядахъ, которая все еще продолжается, въ большомъ употребленіи всякаго рода шитье: вышиваютъ шерстяныя матеріи и сукно тесьмой и сутащью, вышиваютъ гладью шелковые наряды и бархатные.

Между разнаго рода шляпокъ лучшіе модные магазины приготовили къ зимѣ много касторовыхъ: онѣ мягки, какъ лебяжій пухъ, легки и воздушны; онѣ не подбиваются ни чѣмъ и убираются перьями. Изъ перьевъ замѣчательны и очень нарядны такъ называемыя Шотландскія; при нихъ клетчатая лента; концы перьевъ выкрашены въ разные цвѣта.

Роскошь въ бѣльѣ — больше чѣмъ когда-нибудь. Особенное вниманіе обращаютъ на себя удивительные подрукавнички, необходимые при рукавахъ-пагодахъ, все болѣе и болѣе вытѣсняющихъ другіе покрои рукавовъ.

Robes de chambre's, т. е. домашнія распашныя платья, дѣлаются изъ разныхъ матерій: есть фуляровыя, печатанныя Турецкими узорами и подбитыя левантиномъ — цвѣта, преобладающаго въ узорѣ; есть кашмировыя, съ отворотами изъ стеганаго атласа; стѣжка изъ шелка другого цвѣта дѣлается какимъ-нибудь узоромъ.

Носовыя платки вообще чрезвычайно роскошны.

* Такъ же какъ и всѣ прочіе журналы, издаваемые въ Россіи съ *Парижскими* картинками: *Revue Ettrangère*, *Отчественныя Записки*, *Современникъ*.

На балъ 10 Декабря, данномъ Президенту, были особенно замѣчательны шелковыя матеріи, вообще во вкусъ такъ времени, когда еще славилась модѣя Венеціанскія: брокатели, старинныя моары, и т. п. Очень много было разнообразныхъ пардессо и *coûtes de bal*, вообще очень богатыхъ. Хороши бархатные съ мѣхомъ, атласные, вышитыя букетами, бѣлые кашмировыя, вышитыя восточными узорами, очерченными золотыми нитками; всѣ пардессо или съ капшонами или съ пелеринами, которыя такъ велики, что ими можно закрывать голову. — А вотъ одинъ нарядъ остановившій въ себѣ всѣ взоры: платье въ двѣ юбки изъ бѣлой тафты, внизу вышитыя, каждая, шелкомъ — рядомъ мелкой зелени и золотымъ бисеромъ; пышный воланъ изъ бѣлаго кружева покрывалъ каждую изъ юбокъ и падалъ надъ шитьемъ на равстояніе пол-ладони. На открытомъ корсажѣ — берта изъ вышитой тафты, и на ней кружево; кружевные воланы на юбкѣ были приподняты: верхній — на лѣво, а нижній — на право, букетомъ изъ зеленыхъ листьевъ и золотыхъ плодовъ; кружево берты было такимъ же образомъ приподнято на плечахъ. Куафюра состояла изъ узенькаго вѣночка изъ зелени и золотыхъ плодовъ, который бѣжалъ въ волосахъ. — Были также куафюры, въ которыхъ съ бархатомъ смѣшаны цвѣты.

Для прогулокъ употребляются пардессо бархатные и суконныя; первые убираются мѣхомъ или кружевомъ, вторые тесьмой и аграмантомъ, и шьются болѣе салопами. Въ странной модѣ кружево изъ черной шерсти, и это понятно, потому что оно ^{дѣлается} Гладшево и прочно.

МОСКОВСКІЯ МОДЫ.

Хотя сезонъ баловъ уже и наступилъ, но, такъ какъ большихъ баловъ было не много, мы ничего, особеннаго о женскихъ модахъ сказать не можемъ. Въ день благодарнаго спектакля, 29 Декабря, въ Собраніи, одномъ изъ многочисленнѣйшихъ създанъ послѣдняго времени, мы замѣтили, что вообще въ большомъ употребленіи цвѣты: цвѣты вездѣ, и на головѣ, и на юбкѣ, и на корсажѣ. Самые наряды поразили насъ своимъ разнообразіемъ, но на какой указать особенно, этого, признаемся, мы не знаемъ.

Отсылаемъ покуда нашихъ читательницъ въ два лучшія модныя магазина Москвы, къ Г-жѣ Сихлеръ (на Большой Дмитровкѣ, въ домѣ Глыбова-Стрѣшнева) за всѣми вообще нарядами, и къ Г-жѣ

Анетъ (тамъ же, въ домъ Солодовникова) — за всеми головными уборами: эти два дома давно снискали себѣ заслуженное довѣріе и общую извѣстность. — Мѣха разныхъ достоинствъ и цѣнъ можно найти у Г-жи Бѣлкиной (въ Суцѣвѣ, въ собственномъ домѣ). — Лучшій башмачникъ — Москутовъ; его магазинъ (на Рождественкѣ противъ Университетской Клиники) постоянно снабженъ отличнымъ товаромъ, и работа его не хуже работы извѣстнаго Соболева.

Мужскія моды. Въ части мужскаго наряда дѣлаются не широки, ни узки, до вообще нѣсколько уже прежняго: это особенно замѣтно на панталонахъ, которые, не смотря на это, подъ сертукомъ все-таки носятся безъ штриповъ. Длина талій и фалдъ — умеренная. Утреннія вѣднты, кроиъ самыхъ торжественныхъ случаевъ, дѣлаются въ сертукахъ. За то многіе съ сѣваго обѣда не снимаютъ чернаго фрака, и потому круглыя фраковъ, полуфраковъ, и вообще цѣлтыхъ, почти совсѣмъ не видно. Металлическія пуговицы, считаются верхомъ безвкусіа. Жилеты изъ дьявона, кашмира, казімира и другихъ матерій дѣлаются, редуцируются, подъ сертукъ, съ каменными пуговицами, изъ яшмы, агата, перидотика. Модными цвѣтами люди, одѣвающиеся хорошо, считаютъ, по прежнему, вообще темные и темкіе: все яркое и свѣтлое въ нарядѣ мужчины облачаетъ неумѣніе одѣваться или недостатокъ вкуса. — На вечера многіе ѣздятъ въ черныхъ жилетахъ и бѣлыхъ галстукахъ, что очень идетъ къ некоторымъ лицамъ. — **Хорошее бѣлье** — одна изъ важныхъ статей мужскаго туалета.

Слѣдуетъ, по этимъ новостямъ по части мужскихъ модъ имъ советовать читателямъ обращаться къ Г. Рено (на Тверской въ домъ Варгина): богатый запасъ всякаго рода матеріаловъ, безпрестанныя сношенія съ Парижемъ и Лондономъ, ежегодныя поѣздки Г. Рено въ эти города: Европейскіе моды, вкусъ его и отличная работа — все это вместе сдѣлало Домъ Рено давно первымъ въ Москвѣ: костюмы изъ его мастерскихъ лучше костюмовъ Шармера и Сара; у Г. Рено много вѣявтовъ и въ Петербургѣ.

Все касающееся до обуви можно найти въ упомянутомъ магазинѣ Москутова.

Шляпы, перчатки и всѣ мелочи мужскаго туалета можно брать у Гг. Братъевъ Дюлу (на Кузнецкомъ мосту). Тамъ же принимаются заказы на мужское бѣлье, и исполняются, такъ же какъ и всѣ прочія, добросовѣстно и скоро.

ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВѢСТІА.

ОСЕННЯЯ ПИСЬМА СЪ РЕЙНА.

I.

Висбаденъ.

Рѣдко урожай на виноградъ по Рейну бывалъ такъ дурень, какъ нынѣшнею осенью. Въ первыхъ числахъ Ноября стали собирать виноградъ въ верхнихъ мѣстечкахъ, въ другихъ начать послѣ. Нигдѣ ни слѣда осенняго праздника. Только работники копошатся въ безлиственныхъ виноградныхъ лозяхъ. Не появляются гости, которые, бывало, приходили не для того, чтобъ подстригать, выбирать, давить, выжимать, а для того, чтобъ участвовать въ пирушкахъ и веселіи. Виноградными ягодами можно развѣ, по мѣстному выраженію, «стрѣлять воробьевъ».

По опушкѣ общественнаго лѣса большія и малыя поляны употребляются подъ хлѣбныя посѣвы. Мелкіе владѣльцы очень желали бы имѣть близъ своихъ виноградниковъ какое-нибудь хлѣбное поле, или картофельный огородъ, или лугъ. Начали понимать недостаточность скота у многихъ винодѣлателей, и стали обращать вниманіе на обработываніе полей. За Иоганисбергомъ взоръ путешественника поражается видомъ цѣлой цѣпи горъ, по которымъ, съ наступленіемъ ночи, строится безчисленное множество дымящихся огоньковъ, какъ будто бы расположились на ночлегъ лагерь. Это—выжиганіе полей, очистительный огонь, который поглощаетъ и дернъ, и корни, и кусты, удобрявая такимъ образомъ лѣсную почву,—очистительный огонь, который не обнимаетъ, какъ въ Америкѣ, цѣлыя плантаціи, но приготовляетъ участки земли для хлѣбопашества.

Осень въ Рейнгау не носитъ на себѣ болѣе характера безпрерывнаго праздника, какъ это описано въ книгахъ,

воспито въ пѣсняхъ, и какъ это было прежде. Поздняя осень принесла неисчислимую пользу въ техническомъ отношеніи, но за то она забросала Ноябрскимъ инеемъ народные празднества при сборѣ винограда. На виноградныхъ холмахъ безъ зелени, съ сырою и примерзлою почвою, подъ сырýmъ небомъ и въ холодномъ воздухѣ — какому быть народному празднику! Полузабытое воспоминаніе о временахъ минувшихъ передаетъ потомству, что въ 1811 году сборщики десятинъ (въ виноградную пору) по цѣлымъ днямъ стояли подъ открытымъ воздухомъ, освѣжаясь влагою испареній изъ яддокъ съ водою (для орошенія полей), потому что Октябрьскіе знойное солнце такъ сильно жгло тогда, что на свѣжемъ воздухѣ, въ сѣтукъ, едва можно было выносить его лучи. Въ верхнихъ областяхъ Бадена виноградари скупы на праздники при Сентябрьскомъ сборѣ, оставляя Октябрю пріятность новинки. Въ Рейнгау поэзія осени, въ настоящіе годы, уступала мѣсто другой поэзіи, которой отраженіе должно искать въ искрометномъ, улуишенномъ вины.

И другія осеннія забавы отошли ко сну, въ одно время съ тѣмъ, какъ *поздняя осень* брала свою силу. Долго держалась забава старыхъ годовъ при заключеніи уборки винограда, — забава, которую обыкновенно называли осенними капризами: въ послѣдній день сбора лучшая изъ красныхъ дѣвушекъ и красивѣйшій изъ парней общины, сажались на послѣдне-наполненный ящикъ съ виноградомъ, и въ торжествѣ, при звукахъ музыки и пѣнія, бывали ввозимы въ деревню,

Все это имѣло свой конецъ. Существуетъ, напр., на-смѣшка надъ выдѣлкою вина, которая облечена въ законную форму по рѣшенію исполнительной власти этой стороны, и носитъ названіе *оброгнаго вина* (*Zipfwein*). Это оброчное вино съ давнихъ временъ служитъ вмѣсто денегъ заработною платою. Но оно вознаграждаетъ количествомъ, безъ различія качества. Когда, посредствомъ выжимовъ, изготавится настоящее вино, тогда прививаются за оброчное. Гуцу, которая остается отъ выдавливаній, разводять подкрашеною водою, *глинныиъ* отваромъ (туть нѣтъ ме-

пасторы), или, если кто хочет быть добросовестнее, старымъ прокислымъ виномъ, и, вторичнымъ давлениемъ, стараются добыть послѣднія капли виннаго вещества. Вотъ и оброчное вино. Съ незапамятныхъ временъ ни одинъ человѣкъ не принималъ этой выдѣлки за обманъ; самые порядочные люди добываютъ этимъ путемъ оброчное вино, а пасторы ничего лучшаго и не требуютъ. Такая плата натурою сравнилась съ денежнымъ жалованьемъ. Этому достигли изготовленіемъ оброчнаго вина тѣмъ хуже, чѣмъ деньги становились дешевле, а настоящее вино — дороже. Плата натурою, поэтому, равнялась номинальной цѣнѣ вина въ средніе вѣка, такъ что цѣна оброчнаго вина въ XIX вѣкѣ одинакова съ цѣною настоящаго въ XIV. Оброчное вино, это — безнравственный обычай, подлогъ, оскверненный годами, обманъ, котораго участники и обманщикъ и обманутый, а зачинщикъ этого дѣла общее употребленіе, которое прозвало такую дрянъ именемъ вина.

Кто имѣетъ понятіе о настоящемъ положеніи Рейнской винной торговли, тотъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, что не одинъ Нюбрскій иней поздней осени изгналъ празднества виноградныхъ сборовъ. Дѣло въ томъ, что ни одна отрасль промышленности, изъ тѣхъ, которыя потворствуютъ роскоши, не оправдалась такъ медленно отъ потрясеній послѣднихъ годовъ, какъ выдѣлка высокихъ винъ. Въ недавнее время была въ Нассау продажа винъ съ публичнаго торга. Изъ Эбербахскаго кабинетнаго погреба принесены были на рынокъ самыя лучшія вина соборнаго деканства. Самая высокая цѣна за *штюк* (*stück* — $\frac{1}{2}$ абн, обн 2 бочки, бочка 18 ведръ) была 5000 флориновъ, тогда какъ прежде за тотъ же *штюк* платили по малой мѣрѣ 12 или 14 тысячъ. Радкія, старыя вина лучшихъ годовъ XVIII столѣтія, которыя еще недавно продавались чрезвычайно дорого, замѣтно пали въ цѣнѣ. Замѣчательно скоро исчезло пристрастіе къ старымъ винамъ, тогда какъ новыя вошли въ моду. Измѣненіе во вкусѣ къ вину имѣетъ сходство съ измѣнительностью извѣснаго вкуса вообще. Старыя вина ерпки, кислы, терпки и не имѣютъ предести остраго аромата

чтобъ нашелся какой-либо пресыщенный жизнью или отягощенный несчастіями человекъ, который бы въ мрачной меланхолии изобрѣталъ для себя различные роды смерти. Одинъ только чудакъ хотѣлъ повѣситься. Все движимое и недвижимое имущество у него отняли, даже описали всю домашнюю утварь, оставили только полведра вина въ погребѣ. Тогда этотъ несчастный пошелъ въ амбаръ, взялъ тамъ новую веревку, намазалъ ее масломъ и сталъ самъ подъ балку. Онъ уже готовъ былъ начать невѣдомый путь къ загробной жизни, какъ вдругъ вспомнилъ о полувѣдрѣ вина, оставленномъ сыщиками въ погребѣ. Только глотнуть бы усладительной влаги передъ дорогой! Воротился онъ домой, сошелъ въ погребъ, и наполнилъ виномъ изъ боченка первую кружку. Когда онъ ее опорожнилъ, вино показалось ему очень хорошо, и онъ вышилъ залпомъ вторую. За третью пришла ему въ голову мысль, что куда бы какъ было глупо такой нектаръ оставить въ наследство, и онъ проглотилъ четвертую кружку. Когда дѣло дошло до седьмой, онъ открылъ боченокъ и бросилъ туда масляную веревку и воскликнулъ: «Напейся сама, проклятая веревка! Сначала я опорожню боченокъ, а тамъ мы посмотримъ, нужна ли ты будешь живъ». И нѣгда, черезъ некоторое время, боченокъ действительно опорожнился, веревка стала точно не нужна! Это былъ единственный человекъ въ Рейнгау, который думалъ повѣситься!

Много есть областей въ Германціи, гдѣ добывается вино, но нигдѣ оно не имѣетъ такого сильнаго вліянія на народную жизнь, какъ въ Рейнгау. Если во времена Кромвелла узнавали роялистовъ за мяснымъ пастетомъ, папистовъ за изюмнымъ супомъ, атеистовъ за ростбифомъ, то жители при-Рейнскихъ равнинъ легко узнаете за кружкою вина. Рассказываютъ, что Рейнскія матери поятъ виномъ всѣхъ дѣтей еще въ колыбели, чтобы съ младенчества наложить на нихъ печать народнаго характера.

Самое интересное ведено въ Рейнгау не по календарю, а по вимодельнымъ годамъ. Ныкъ Рейнскаго жителя наполненъ многими оригинальными и поэтическими выраженіями, которыя опредѣляютъ которое-нибудь изъ ка-

честая вина. Изъ этихъ выраженій, словъ, опредѣленій можно было бы составить цѣлый словарь.

Не только виноградники Рейнскіе, но и погреба исполнены поэзіи. И не одни замокъ Йоганнсбергъ, или монастырь Эбербахъ богаты великолѣпнымъ погребомъ, въ которомъ дневной свѣтъ борется съ ламповымъ освѣщеніемъ, а тяжелые каменные столбы бросаютъ свои огромныя тѣни въ промежуткахъ. Это въ маломъ видѣ повторяется и у сотни мелкихъ владѣльцевъ.

Мудрено бы кажется искать поэзіи тамъ, гдѣ человекъ борется съ нуждою. А между тѣмъ берега Рейна богаты самобытною народною поэзіею, и это — благодаря юмору вина, которое предаетъ забвенію прозу голодныхъ годовъ.

III.

Вліяніе вина на отдельное лицо замѣтно и на массахъ народа. И политика не избегаетъ этого вліянія. По крайней мѣрѣ жители при-Рейнскихъ равнинъ доказываютъ собою, что весь ихъ Мартовскій переворотъ произведенъ былъ виномъ. Броженіе вина въ 1847 году необычайнымъ образомъ благопріятствовало политическому волненію. Не то, чтобы оно довело людей до революціи путемъ отчаянія, но, такъ какъ оно было тогда очень дурно, никто не хотѣлъ его покупать, и его раздавали почти даромъ; оно испортило самыя низшія чувстваванія. Вино 1847 г. и теперь называется *революціоннымъ виномъ*. Хотя это вино было чрезвычайно кисло и находило себя мало покупателей, однако исчезло почти все изъ Рейнскихъ погребовъ. *Революція* все выпила. Какой-нибудь тузъ-винодѣлатель могъ быть уверить, что *четвертью ома* (около $3\frac{1}{2}$ ведеръ) онъ утолитъ на время жажду коммунистовъ, и что при-Рейнское великодушіе проститъ ему мящанскій расчетъ, по которому онъ представлялъ во всеобщее употребленіе дрянное вино 1847 г., а себя оставлялъ богатую выдѣлку 1846 г. — *Революціонное вино* въ особенности возбуждало страсть къ избирательности. Начальники народной стражи и про-

чье сановитие избираемы были только на 2 недѣли. Это дѣлалось единственно для того, чтобъ чисто періодически имѣть народный праздникъ, потому что каждый вновь избранный долженъ былъ выкатить бочку вина своимъ избирателямъ. Эти бочки помѣщались на береговыхъ лугахъ, подъ тѣнью липъ и вязовъ, куда нѣкогда предки настоящаго поколѣнія собирались на народные праздники, всѣ безъ различія, и знатные, и люди низкаго происхожденія: мужчины, женщины и дѣти. Подъ-вечеръ всѣ бывали, безъ сомнѣнія, пьяны, а этимъ самымъ исполнялась идея о равенствѣ. Отъ тѣхъ блаженныхъ временъ пьянства остается нынѣ пріятное воспоминаніе, и, если прозвучитъ вѣсть о новомъ потрясеніи міра, всѣ бочки съ виномъ въ Рейнскихъ погребахъ затрепещутъ отъ страха, а пьяницы — отъ радости.

Даже патриотизмъ высказывается въ пьянствѣ. Когда Нѣмецкія войска, лѣтомъ 1818 г., отправились принять участіе въ Шлезвигъ-Гольштинской войнѣ, и пароходы пустились по Рейну, тогда отовсюду двинулись къ флоту челоки съ виномъ; на палубахъ шли прощальное вино же изъ несчастныхъ стабановъ, а изъ осьмухъ (Achtelohmas) и уемистыхъ кружекъ; на берегу, на челнокахъ, на пароходахъ, — всадъ напицались до-пьяна.

Жители при-Рейнскихъ равнинъ скоро падаютъ духомъ и портятся отъ приливовъ суроваго несчастья; но стоятъ дать только два-три пира, и этотъ народъ возвратится къ своимъ добрымъ качествамъ. Въ шумномъ веселіи празднества народъ скорѣе разовьется и облагородится, нежели отдельное лицо; кто хочетъ убѣдиться въ этомъ, пусть изучитъ общія и отдѣльныя проявленія народнаго духа при-Рейнскихъ жителей. Южный склонъ окаймляющихъ Рейнскія равнины горъ богата самою теплою въ Германіи среднею температурою. Величественный Рейнъ, широко разлитый здѣсь и усѣянный островами, можно уподобить Италіанскимъ оаерамъ. Древніе поэты называли всю эту страну Нѣмецкою Италією. Да и вообще можно замѣтить, что жители Рейнгау имѣютъ большое сродство съ Италіанцами. Случилось, что одна изъ при-Рейнскихъ деревень почти вся выгорѣла. Жители прилегающихъ городковъ тушили по-

жарь съ такимъ усердіемъ, что погорѣлые крестьяне въ восторженномъ порывѣ признательности удержали помар-
 нья трубы, а ящики для воды этихъ трубъ наполнили ви-
 номъ. И вотъ обѣ общины расположились на дымившемся
 еще пепелищѣ, и дружно, рука-въ-руку, стали пѣть и пить.
 Горожане заглянули пѣсню: «Wir sitzen so frolich beisammen»
 которая кончается припѣвомъ: «Ach, wennes doch immer so bleibt».
 Припѣвъ не понравился крестьянамъ. Они посмотрѣли на кучи
 пепла и развалинъ, подъ которыми погребено было ихъ до-
 стояніе, и попросили своихъ гостей бросить эту пѣсню, отнюдь
 не желая, чтобъ настоящее ихъ положеніе осталось навсегда
 такимъ. Горожане напротивъ считали свою пѣсню прекрасною,
 и продолжали пѣть. Когда дѣло опять дошло до припѣва,
 крестьяне ударили зашваля кулаками; горожане оплатили
 имъ тѣмъ же, и, прежде чѣмъ было выпито все вино изъ
 трубныхъ ящиковъ, великодушные хозяева и полные
 самопожертвованія гости были уже облиты кровью. Не будь
 даже это происшествіе дѣйствительнымъ, оно все-таки ос-
 тавается правдоподобнымъ. И такъ неподдѣльно выражается
 въ немъ характеръ при-Рейнца, что можно съ достовѣр-
 ностію предвидѣть повтореніе подобныхъ исторій въ бу-
 дущемъ. Эта ярость, которая мгновенно родилась изъ чи-
 сто-благородныхъ движеній духа, такъ же легко могла бѣ
 случиться и между Итальянцами. Только нужно бѣ исклю-
 чить одну черту, принадлежащую исключительно Нѣмцамъ:
 это—готовность въ одинъ присѣсть выпить все вино изъ
 ящиковъ помарныхъ трубъ.

При-Рейнецъ легко вдается во всѣ волненія, даже по-
 литическія, только эти возбужденія такъ же скоро разле-
 таются, какъ и винные пары. Онъ болѣе похожъ на
 горожанина, нежели на земледѣльца, превосходить сво-
 ихъ неуклюжихъ сосѣдей — и веселымъ характеромъ, и
 живостію воображенія, и возвышенностію чувствъ, и ле-
 ской общественнаго образованія. Все это, какъ по наслед-
 ству, достается жителямъ Рейнгау. Вино возбуждаетъ на-
 родный духъ; но и вдохновеніе этого народа подобно вин-
 ному хмѣлю. На всѣхъ почти политическихъ движеніяхъ
 этой страны замѣтенъ отпечатокъ простодушія. Въ дикія
 времена крестьянскихъ войнъ здѣшніе герои проливали

кровь ить виноградниковъ, и падежъ отъ руки неприятеля, не дождали своихъ боченковъ. Въ неудовольствіи на Курфюрста Майнцаго, который не одержалъ даннаго имъ общаго, они впродолженіе многихъ лѣтъ собирались со стадами въ рудахъ — закидать свой одравадливый гнѣвъ. Въ этомъ и зааачалось все ихъ возмущеніе. Во время первыхъ бевпорядковъ 1848 года, всѣ сильно бодлись за богатый погребъ Іоганнисберга и Эбербаха, гдѣ хранилось на миллионы некрометныхъ надитковъ, такъ что военные градоначальники отрядили особую охрану для защиты этого сокровища отъ хищническихъ рукъ. Стража оказалась лишнею, потому что, по народному сказанію, *мистичъ, Дуль* (der Genius des Ortes) сторожилъ богатства Рейнгау.

Можно составить цѣлыя бібліотекы изъ руководствъ для путешествія по Рейнгау, гдѣ въ каждомъ помѣщеніи предлинныя описанія малѣйшихъ подробностей: ужвють замѣчать каждый камышекъ, каждую деревянную фигуру, а не упоминають ни слова о рѣско-отпечатанномъ всюду характерѣ этого народа. Основательный наблюдатель можетъ спокойно производить свои изысканія, тогда какъ туристамъ, которые каждогодно налетаютъ на при-Рейносія равнины, чтобъ слегка схватить поверхностныя черты тамонинга красокъ, недоступно то высшее наслажденіе, которое состоитъ въ возвращеніи на жизнь оригинальнаго народа...

Съ береговъ Рейна мы отправимся въ Англію, о коей мы не говорили въ первомъ номерѣ. Религіозное движеніе противъ и за Римско-католическую Церковь, мы пропустили; не станемъ говорить и о хронологическомъ спорѣ Англійскихъ газетъ, которыя не соглашаются въ томъ, какъ должно считать вторую половину нашего столѣтія, съ 1-го Января или съ 31-го Декабря 1850 года (большая часть, однакожь, склоняется на сторону послѣдняго мнѣнія); но сообщимъ здѣсь, какъ *Morning Herald* обнародываетъ дѣстѣшее пятидесятилѣтіе въ отношеніи къ Англіи: «Въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ Англія много подвинулась впередъ въ своемъ религіозномъ и политическомъ развитіи. Мы изгнали божбу и дьявола, (2), мы болѣе не убиваемъ другъ друга за вадорь

благоговініє къ жизни семейственной перестало быть исключеніемъ. Духовенство не вздѣтъ теперь съ собаками на охоту. Мы вырвали бѣдныхъ мальчиковъ изъ ихъ отвратительныхъ убѣжищъ, и помѣстили ихъ въ школы; мы умножили общественныя больницы и всякія другія благотворительныя заведенія. Мы обходимся челоѵколюбивѣе съ преступниками, мы постановили законъ на защиту животныхъ. Нѣтъ болѣе вулачныхъ боевъ, травли быковъ и даже пѣтушьихъ боевъ. Не торгуемъ мы болѣе Неграми, ланъ мясомъ. Мы совсѣмъ почти уничтожили *пресб* (насильная вербовка, даже иностранцевъ, въ *мастросы*). Мы теперь религіознѣе, нравственнѣе, челоѵколюбивѣе. Мы гораздо просвѣщеннѣе, и не отъ одного только гасоваго освященія, а благодаря духу нашего вѣка. Теперь платятъ одинъ шиллингъ за книгу, которая прежде стоила фунтъ стерл. Лучшія произведенія житейской словесности доступны даже несчастному обитателю какой-нибудь хижины. Крестьянцѣ и ремесленникъ могутъ осматривать собранія картинъ и рѣдкостей. Произойдетъ что-нибудь замѣчательное въ королевствѣ (хотя бы изобрѣтеніе деревяннаго блока), къ концу недѣли это будетъ уже въ печати, и станетъ продаваться по 6 пенсовъ въ лавкахъ новостей. Лондонскій журналъ приходитъ въ Эчестеръ къ полднику, а въ Парижъ къ обѣду. Къ концу мѣсяца мы знаемъ, что дѣлалось въ Бомбавъ въ началѣ того же мѣсяца. Наши мысли перелетаютъ, какъ бы по волшебству, съ мѣста на мѣсто. Ежедневная газета содержитъ въ себѣ теперь качествомъ и количествомъ болѣе, нежели мѣсячный журналъ въ началѣ этого столѣтія. Вотъ нѣкоторые признаки великаго измѣненія въ послѣднюю половину XIX вѣка. Старики помнятъ еще зарю настоящаго сіянія, видѣли героическій, подобный метеору, полетъ Наполеона и его конечное паденіе на поляхъ Ватерлоо. То было достопамятное и поучительное время. Мы тогда (за 50 лѣтъ предъ симъ) трепетали передъ однимъ именемъ Наполеона. Въ Индіи боялись мы Афганцевъ, и расширеніе нашего владычества до Ямуны казалось намъ опасною дорогою. Мысль Доброй Надежды колебалась между подчиненіемъ Англии Голландіи.

Австралія еще открывалась. Наши несмѣтныя колоніальныя богатства были еще въ зародышѣ Будемъ надѣяться, что въ дѣлѣ общечеловѣческаго блага, вторая половина нашего столѣтія пойдетъ по тому же пути, какъ и первая.»

Не считаемъ нужнымъ дѣлать отъ себя комментарій на выписанныя нами строки: наши читатели знаютъ, что въ нихъ истиннаго, и что преувеличено. Насъ поразила скромность *Morning-Herald*: для того только и передали мы адъсь его слова.

Упадокъ цѣнности золота.

Другой животрепещущій вопросъ въ Англіи — о золотѣ. Гибель, которую *Times* предвѣщаетъ обществу отъ наплыва Калифорнскаго золота, очень сомнительна, и выводы этой газеты не совсѣмъ, кажется, основательны. Вотъ какъ разсчитываетъ *Times*: «Въ Калифорніи ежегодно добывается золота на 10 м. ф. ст. (64 м. р. сер.) Общее населеніе земнаго шара составляетъ 1,000,000,000. Общій денежный оборотъ простирается до 300 м. ф. ст. (2 т. м. р. сер.) Народонаселеніе всей нашей планеты ежегодно увеличивается на 10 м. душъ. Такимъ образомъ и къ общему обороту денегъ должна прибавляться сумма 3 м. ф. ст. (20 м. р. сер.). А, принимая въ соображеніе всѣ нужды и прихоти, можно опредѣлить ежегодное требованіе на увеличеніе числа обращаемыхъ денегъ — въ 5 м. ф. ст. (32 м. р. сер.); половина этой суммы должна быть золотомъ. Но въ Калифорніи добывается вчетверо болѣе, чѣмъ эти два съ половиною милліона (на Русскую монету 15 милліоновъ). Слѣдовательно, сильный упадокъ цѣнности на золото — неизбеженъ.»

Эти выводы другая газета, *Globe*, подвергаетъ остроумному и, тѣмъ не менѣе, основательному разбору. Къ этому разбору можно присоединить еще нѣсколько возраженій. Начнемъ съ существеннаго: *Въ Калифорніи ежегодно добывается золота на 10 м. ф. ст. (64 м. р. сер.):* — необъятная сумма. Но съ открытія приисковъ прошло цѣлыхъ три года, и, по самымъ достовернымъ изысканіямъ, всего золота добыто въ Калифорніи на 15 мил. ф. ст.

(96 м. р. с.); въ отдѣльности на каждый годъ приходится по 5 м. ф. ст. (по 32 мил. р. с.) Основываясь на опытахъ пропеднаго, можно положить за вѣрное, что самое богатое добываніе металловъ ограничивается первыми годами; потому оно постепенно слабѣетъ и, наконецъ, совершенно исчезаетъ! Уральскіе и Сибирскіе прииски не составляютъ исключенія. 1849 годъ выработкою золота въ Калифорніи былъ самымъ богатымъ изъ тѣхъ первыхъ трехъ лѣтъ. Въ 1850 году добытое золото, можетъ быть, и достигло необъятной суммы 10 м. ф. с. (64 м. р. с.). Но долго ли можетъ это продолжаться?

Общее населеніе земнаго шара простирается до тысячъ милліоновъ душъ. Это еще давнымъ давно печаталось въ учебникахъ. Но кто повѣрялъ достовѣрность этого положенія? Если человечество дѣйствительно не составляетъ болѣе тысячи милліоновъ, то третья часть этого числа заключаетъ въ себѣ народонаселеніе одного Китая; потому что мандарины Поднебесной имперіи еще за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ опредѣлили число ея жителей въ 333 м. Изъ этого видно, что нельзя слѣдовать безъ разбора всѣмъ авторитетамъ.

Общій денежный оборотъ составляетъ 300 м. ф. ст. (около т. м. руб. сер.). Джакобъ (Jacob), который въ этомъ дѣлѣ можетъ быть признанъ за авторитетъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ* рассчитываетъ, что еще въ 1829 году благородныхъ металловъ въ Европѣ только, да въ Америкѣ, восходило до 314 м. ф. ст. (3 т. м. руб. сер.). Народонаселеніе которое поглощаетъ эту сумму, опредѣляетъ онъ въ 270 м. Остается, значить, еще 730,000,000 людей, изъ которыхъ болѣе трехъ четвертей имѣютъ серебряную и золотую монету. Если сумму, на которую употребляется этикъ народомъ золота и серебра, назначить въ 100 м. ф. ст. (640 м. руб. сер.), и тогда еще мы будемъ очень далеки отъ дѣйствительности.

* An historical enquiry into the production and consumption of the precious metals, Lond. 1831: (Историческое изслѣдованіе о добываніи и потребленіи благородныхъ металловъ.)

Человѣчество ежегодно увеличивается числомъ на 10 м. душъ. Это просто несбыточное дѣло. Увеличеніе народонаселенія обусловливается всегда увеличеніемъ средствъ существованія. Число браковъ сообразуется съ большимъ или меньшимъ благосостояніемъ народа. И у дикихъ и у образованныхъ народовъ тотъ только женится, кто имѣетъ въ виду возможность содержать свое семейство. Споря нѣтъ, — многіе легкомысленно заключаютъ свои браки, не имѣя никакихъ средствъ къ своему существованію; но это не измѣняетъ общаго правила, потому что увеличеніе числа немущихъ затрудняетъ заключеніе новыхъ браковъ. Если даже признать справедливость этого положенія, и тогда нельзя согласиться съ тѣмъ выводомъ, что наибольшее требованіе на золото равняется только двумъ съ половиною милліонамъ. Заключеніе это основывается на ложной мысли, что золото и серебро имѣютъ свое определенное значеніе только въ оборотѣ денегъ. Джакобъ утверждаетъ, что цѣнность золота и серебра въ вещахъ доходитъ въ Европѣ и Америкѣ до 400 м. ф. ст.; онъ рассчитываетъ, что ежегодное потребленіе благородныхъ металловъ (уничтоженіемъ и утратою) составляетъ въ Великобританіи $2\frac{1}{2}$ м. ф. ст. (15 $\frac{1}{2}$ м. р. сер.), во Франціи и Швейцаріи — $1\frac{1}{2}$ м. ф. ст. (10 м. руб. сер.), въ остальной Европѣ сдѣлакомъ $\frac{1}{2}$ ф. ст. (10 м. руб. сер.), въ Америкѣ — 280,630 ф. ст. (1,800,000 руб. с.) И такъ каждый годъ уничтожается безъ всякихъ слѣдовъ благородныхъ металловъ на сумму около 6-ти милліоновъ. А ежегодное употребленіе благородныхъ металловъ на вещи въ Америкѣ и Европѣ, следуя непограничительнымъ авторитетамъ, можно опредѣлить въ четыре съ половиною милліона; для Египта, Турціи, Аравіи, Персіи, Индіи, Китая и т. д. та же потребность опредѣляется суммою двухъ милліоновъ; общее потребленіе равняется $6\frac{1}{2}$ м. ф. ст. (41 м. р. с.).

Принимая въ соображеніе обращеніе монеты и всѣ прочія обстоятельства, потребность вновь добываемаго металла, по случаю увеличенія народонаселенія, можно опредѣлить въ 15 м. ф. ст. Если третья часть этой суммы — золото (и это выпустила изъ вида газета Globe), то ежегодная потребность на новое золото будетъ никакъ не ме-

не 5 м. ф. ст. (32 м. р. сер.). Еще и потому, наконецъ привозъ золота долженъ увеличиться въ настоящее время, что его теперь гораздо больше, чѣмъ прежде, идетъ на поделку, на зеркальные и картинныя рамы, на часы, очки, кольца, перья, набалдашники и т. п.

Наконецъ еще о выставкѣ. Лордъ Пальмерстонъ изъявилъ свое желаніе секретарю *Эпидемиологическаго Общества* (Epidemiologische Societat), доктору Томпсону, чтобъ онъ старался о скорѣйшемъ приведеніи въ исполненіе плана о наблюденіи за здоровьемъ иностранцевъ (и именно жителей Востока), которые прѣдутъ въ Англію на всемірную промышленную выставку. Эти иностранцы страдаютъ, естественно, морскими болѣзнями, и могутъ, вѣроятно, распространить по Англіи лихорадку, оспу, корь, и другія болѣзни. Адмиралтейство готово дать корабль въ распоряженіе *Общества*. Всѣхъ восточныхъ пришельцевъ предложено брать на этотъ корабль, гдѣ бы они были помѣщены со всевозможнымъ удобствомъ, привозить ихъ въ Лондонъ, и располагать по апартаментамъ, нацѣно для нихъ приготовленнымъ. — Заботятся объ устройствѣ особаго восточнаго кафе-ресторана, потому что изъ Турціи, Персіи, Египта ждуть, по крайней мѣрѣ, тысячи посѣтителей, не считая нѣсколькихъ президентствъ Индіи. — Говорятъ объ электрическомъ освѣщеніи хрустальнаго дворца для выставки (въ Гайдпаркѣ), если только это будетъ возможно. — Во многихъ Англійскихъ городахъ образовались ремесленные клубы съ цѣлію выпросить семействамъ мастеровымъ дозволеніе прѣхать на выставку; и для этого клубы входить въ сношенія съ обществами желѣзныхъ дорогъ. *Общество искусствъ*, которое основалось по случаю выставки, въ своихъ заседанияхъ прилежно занимается упрощеніемъ и улучшеніемъ предмета, весьма важнаго для Англіи, а именно закона о патентахъ (привилегіяхъ).

Предположено устроить для сообщенія между Англіею и Ирландіею исполинскій пароходъ въ 1,200 силъ, вмѣсти-

мостью до 15,000 тоннъ (900,000 пудовъ) вѣса. Этотъ гигантъ будетъ забирать вглубь не болѣе 12 футовъ воды. Построенъ будетъ въ Ливерпулѣ. Пассажировъ можетъ на некъ помѣститься нѣсколько сотенъ. Весь переездъ въ Дублину будетъ совершаться въ три часа, и, между тѣмъ, плаваніе будетъ такъ покойно, что о морскихъ болѣзняхъ и слышно не станетъ. Корпусъ парохода будетъ стоить 26,000 ф. ст., машина 72,000, все вмѣстѣ 98,000 ф. стерл. (627,200 руб. сер.).

Вотъ оборотъ *чайной* промышленности въ Великобританіи, въ послѣдніе 2 года:

	Въ 1848 г.	въ 1849 г.
Ввезено.....	на 45 м. ф. ст.	52½ м. ф. ст.
вывезено.....	— 4 м. — —	5 м. — —
потреблено около	— 50 м. — —	50 м. — —
осталось въ		
запасѣ къ 31-му		
Декабрю.....	— 45½ м. — —	42½ м. — —
къ концу 1847-го года оставалось чаю въ		
запасѣ на.....	— 52 м. — —	

СУХІЕ (?) ЛИСТЫ ИЗЪ НОВАГО ЕГИПТА.

(Dry leaves from Young Egypt: being a glance at Sindh before the arrival of sir Charles Napier. By an ex-political. London. 1849).

Авторъ этой книги служилъ въ войскахъ Остъ-Индской компаніи. Зловредный климатъ Новаго Египта, въ насмѣшку прозваннаго Англичанами Синдомъ, разстроилъ здоровье война-сочинителя, и онъ пріемлялъ мечъ на профессорскую кафедру въ Гайльбери.

Это произведение, вмѣстѣ съ сочиненіями Аутрама и Постама, представляетъ довольно вѣрную картину того замѣчательнаго края. Руководимый своею опытностью и здравымъ смысломъ, сочинитель защищаетъ незаконно-нагнанныхъ эмировъ и старается привлечь на ихъ сторону общественное мнѣніе. Но онъ, въ благородномъ стремленіи своемъ, забываетъ, что каждая страница исторіи Индіи исполнена несправедливостей и что онъ *воплетъ въ пустынь*.

Съ 1839 года сочинитель получалъ разныя политическія назначенія въ предѣлахъ Синда. Проѣзжая повсюду направленія этого края, онъ имѣлъ время ознакомиться съ языкомъ, нравами и обычаями туземцевъ. И онъ прекрасно воспользовался этимъ временемъ. Не только наблюдалъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ природныя богатства страны, степень умственного развитія жителей, но и научился свободно владѣть туземнымъ нарѣчіемъ*. Его очертанія народнаго характера рѣзки и вѣрны.—Белуджистанецъ (по описанію автора) не смотритъ, подобно другимъ людямъ, веселымъ созданіемъ: напротивъ, онъ выглядываетъ изъ подлобья мрачно и сурово. Только какая-нибудь особенная радость можетъ заставить его почти нехотя воскликнуть: *Ва, ва!* (чудесно, чудесно!) Онъ любитъ слушать сказки, и, какъ бы онъ ни были неправдоподобны, никогда не станеть въ нихъ сомнѣваться. Одинъ изъ нихъ сдѣлалъ такое опредѣленіе Англійскаго войска: «Различныя есть черти въ вражескъ войска: черный чортъ (синай), который хотя и поклоняется богамъ, страшно отвратителенъ; Бѣлый чортъ (Европеецъ), который никакому богу не покланяется. Потому чортъ мусульманинъ, который молится такъ же, какъ и мы молимся». И всѣ ему повѣрили.—Другіе два Белуджистанца, Дину и Саула, наполнили всю страну страхомъ своего имени. То были разбойники. Послѣ долгихъ и тщетныхъ преслѣдованій, удалось поймать Саулу, который продалъ свою свободу цѣною крови многихъ изъ его преслѣдователей. Въ природной шапкѣ изъ густыхъ черныхъ волосъ, атлетическаго сложенія, съ боевыми знаками по всему тѣлу и съ сверкающимъ злостью взоромъ, Саула походилъ на дикаго звѣря, и, связанный, онъ не потерялъ надежды откупиться. Онъ обратился къ офицеру: «Отпусти меня! я тебѣ дамъ 5 верблюдовъ.» Ясно, что ему не отвѣчали. «Я тебѣ дамъ десять, двадцать верблюдовъ». Нѣтъ отвѣта «Я тебѣ уступаю ту дѣву, которую я похитилъ въ послѣдній мой набѣгъ.» Молчаніе. Тогда и Саула затрепеталъ, а когда народъ, озлобленный его неистовствомъ во время набѣговъ, подступилъ къ нему и закинулъ веревку на шею, тогда

* Проф. Б. Киствикъ составилъ лекціонъ Синдскаго языка.

въ отчаяніи прерывистымъ голосомъ онъ воскликнулъ: «Боже! не дѣлай этого!» Молитва его была напрасна.... Дерево, на которое повѣсили Саулу, названо было Саулинымъ деревомъ; подъ этимъ названіемъ прослыветъ оно всегда.... Отвѣтомъ на эту казнь были страшныя злодѣянія Дину, который мстилъ за смерть брата. Всѣ мѣры, принятыя противу него, были напрасны. Наконецъ онъ, кажется, отдался въ руки Мазарисовъ, племени пограничнаго Мултану,

Въ *Сухихъ Листахъ* столько поэтическихъ сторонъ, что многое могутъ почерпнуть изъ нихъ романисты и стихотворецъ. Описаніе Афганистанской войны, которая совершалась у Автора передъ глазами, отличается вѣрностію. И еколько въ этомъ правдивомъ разсказѣ читатель поражается невѣроятностями всякаго рода. Возможно ли, чтобы такой бездарный генераль, какъ лордъ Кинъ, былъ постоянно счастливъ, и чтобы малочисленное войско, безъ дисциплины, могло въ нѣсколько мѣсяцевъ покорить власти Англичанъ все пространство между Индомъ и Кабуломъ! Возможно ли, чтобы одинъ изъ извѣстнѣйшихъ политическихъ агентовъ ушелъ изъ Саккара съ обозомъ изъ 700 верблюдовъ, которые несли на себѣ вино, пиво и разные гастрономическіе припасы его стола. Самъ сочинитель получилъ порученіе перевезти въ Афганистанъ фортепiano работы Бродвуда, когда пути уже были опасны. Начальникъ автора *Листовъ*, при отправленіи его въ армию, снабдилъ его только тою инструкціею, чтобы онъ старался болѣе всего уберечь ящики съ овощами, въ особенности берегъ бы зеленый горошекъ. Лордъ Эльзборо и сэръ Чарльсъ Непиръ рѣшились не употреблять политическихъ агентовъ, а прибѣгали только къ военнымъ мѣрамъ. Артуръ Колонни, герой тѣхъ битвъ, человекъ исполненный воинскихъ и гражданскихъ доблестей, неустрашимый, откровенный, — составляетъ естественно рѣзкую противоположность съ героями зеленого гороха.

Изъ исторіи извѣстно, что Синдъ въ прежнее время былъ богато-населеннымъ краемъ, а поля тамошнія были прекрасно обработаны, но напрасно отыскивать теперь слѣды городовъ (съ сотнями тысячъ жителей), подобныхъ поэтической Амгоръ и Браминабаду. Груды мусора и камней

служать едва замѣтными слѣдами прежняго многолюдства и богатства страны.

Индѣ много разъ перемѣнялъ свое русло и вся страна перерѣзана была во многихъ направленіяхъ каналами. Землетрясенія и разрушительный потокъ Монгольскихъ завоеваній былъ первою причиною опустошенія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВѢСТИ ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

(Отрывокъ изъ письма къ Редактору изъ Веймара.)

1850 годъ отличается уже отъ предыдущихъ своею производительностію; но должно впрочемъ замѣтить, что дѣятельность ученыхъ Германіи не пришла еще въ такое движеніе, въ какомъ она была прежде возмущенія. Они, такъ сказать, отвыкли отъ мысленія, и какъ будто боятся снова приняться за него. Надобно надѣяться, что съ началомъ и продолженіемъ мирнаго времени все снова начнетъ жить и дѣйствовать. 1850 годъ начался приготовленіемъ къ національному творенію Германіи:

„Deutsche Zeitgenossen, herausgegeben v. H. Biow. Nach dessen gesammelten Lichtbildern von den größten Meistern Deutschlands, in Kupfer oder Stahl gestochen. Mit biographischem Text.“ Это великолѣпное твореніе, въ художественномъ и типографическомъ отношеніи, превзойдетъ все, что доселѣ существовало въ подобномъ родѣ, и составитъ въ полномъ смыслѣ слова національное твореніе. Оно будетъ выходить in royal-folio выпусками, изъ коихъ каждый будетъ содержать въ себѣ три портрета и три листа жизнеописательнаго текста, и притомъ портретъ какого нибудь находящагося въ живыхъ Нѣмцаго: а) правителя или государственнаго челоуѣка, б) ученаго и с) какого нибудь художника. Первая тетрадь съ тремя портретами: Фридриха Вильгельма IV, Короля Прусскаго, гравированъ профессоромъ Эдуардомъ Ейхенсомъ въ Берлинѣ; Александра Гумбольдта, гравированъ Р. Троссиномъ въ Берлинѣ, Петра Корнелиуса; гравированъ Г. Яноби въ Берлинѣ; явится въ самомъ началѣ 1851 года.

Bibliographie biographique ou Dictionnaire de 26,000, ouvrages tant anciens que modernes, relatifs à l'histoire de la vie publique et privée des hommes célèbres de tous les temps et de toutes les nations etc. Par Edouard-Marie Oettinger. Leipz. 1850. въ 4-мъ. 14 тал.

Oersted, Hans Christian: Der Geist in der Natur. Его же: Die Naturwissenschaft und die Geistesbildung. Eine Fortsetzung von: Geist in der Natur.

Дополнение къ ней: Die Naturwissenschaft in ihrem Verhältniſſe zur Dichtkunst und Religion.

Это тотъ Ерстедъ, котораго пятидесятилѣтній юбилей былъ описанъ въ Русскомъ Инвалидѣ за нѣсколько тому недѣль назадъ. Говорятъ, что послѣ Гумбольдтова Космоса, сочиненіе Ерстеда есть одно изъ интереснѣйшихъ. Кстати о Космосѣ. Сейчасъ принесено мнѣ изъ книжной лавки первое отдѣленіе третьяго тома Космоса, содержащее въ себѣ 310 стр.

Ochenschläger, Adam Meine Lebens-Erinnerungen des Dichters Nachlaß 4 ч.

Но слѣдующее, печатаемое теперь Іоанномъ Колларохъ въ Вѣнѣ, сочиненіе будетъ для васъ совершенною новостію. Именно онъ печатаетъ Slawisches Alt-Italien, и хочетъ убѣдить ученый міръ, что надревнѣйшіе жители Италіи были Славяне. Онъ же въ теченіе прошедшаго лѣта переислѣдовалъ Ново-Стрелицкіе Славянскіе идолы, и намѣрнъ на основаніи ихъ возсоздать Славянскую міеологию. Другой археологъ, Таddeусъ Волянскій, усволяетъ Славянамъ вазы, находящіяся въ Готскомъ кунстъ-кабинетѣ съ неразобранными доселѣ надписями, и выдаетъ о нихъ сочиненіе, читая надписи по-Славянски.

Описанія отдѣльныхъ событій изъ Италіанской войны прошедшихъ годовъ распространяются такъ же быстро, какъ и историческіе отрывки о Венгерской войнѣ. Замѣчательнѣйшее произведеніе принадлежитъ маіору Гофштеттеру. Его «Дневникъ Италіанскаго похода въ 1849-мъ году» (Tagebuch aus Italien, 1849) обнимаетъ собою періодъ времени съ перваго нападенія Французовъ и Неаполитанцевъ до высадки Гарибальди въ С. Марино. Гофштеттеръ былъ адъютантомъ командира первой дивизіи. Сочиненіе его замѣчательно не только вѣрною и безпристрастною оцѣнкою взаимныхъ отношеній противниковъ, но и подробностями ближайшихъ распоряженій начальниковъ, расположенія войскъ и самыхъ битвъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ.

ВѢСТИ О ВЕНГЕРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Вышелъ *Энциклопедическій словарь новѣйшаго времени*, на Венгерскомъ языкѣ. Онъ состоитъ большею частью изъ оригинальныхъ статей, болѣе біографическаго содержанія, и заключаетъ въ себѣ много драгоценныхъ матеріаловъ для исторіи Венгріи. Весь онъ будетъ изъ тридцати томовъ; теперь издано уже одиннадцать — съ *A* до *C*. Редакторъ этого изданія, славный ученый и публицистъ *Тотъ* (Toth). — *Исторія Венгріи* займетъ почетное мѣсто между историческими произведеніями. Авторъ, секретарь академіи и префектъ университетской бібліотеки, имѣлъ подъ рукою много богатыхъ источниковъ, и, въ своемъ сочиненіи, которое отличается художественною отдѣлкой, представилъ результаты своихъ двадцатилѣтнихъ изысканій.

Въ Чешской газетѣ: *Vidensky Dennik* напечатана небольшая статья о Русской литературѣ. — Сказавши нѣсколько словъ о движеніи весьма замѣтномъ въ нашей ученой и изящной литературѣ, авторъ останавливается на успѣхахъ нашего языковѣднія. Вотъ его слова:

«Въ особенности языковѣдніе самымъ очевиднымъ образомъ достигло (въ Россіи) высокой, едва ожидаемой степени совершенства. Шафарикъ въ Прагѣ недавно получилъ небольшой фоліантъ, сравнительный словарь (корнесловъ корней) языка Санскритскаго съ Славянскимъ и нѣкоторыми иными Индо-Европейскими языками. Это произведеніе, заслуживающее всякаго одобренія, принадлежитъ Г-ну Миуцкому, студенту 3-го (теперь 4-го) курса историко-филологическаго факультета Московскаго Университета. Въ самомъ дѣлѣ, въ сочиненіи Г-на Миуцкаго видно такое положительное и глубокое знаніе языковъ, такой строго научный умъ, что мы съ сердечной радостью приветствуемъ его, какъ новоявляющуюся ясную звѣзду на горизонтѣ Славянскаго языкознанія! Родство Санскрита съ языкомъ Славянскимъ выступаетъ у него тѣмъ очевиднѣе, что онъ предлагаетъ его намъ на чистомъ Русскомъ языкѣ, съ Славянскимъ правописаніемъ, а не въ чудовищномъ костюмѣ Западно-Европейскаго — Нѣмецкаго,

Французскаго , Англійскаго письма. О! если бы Г. Милюцкій замѣнилъ намъ славныхъ изслѣдователей языка , Г. Шимкевича, котораго ранняя смерть , и Каткова, котораго другія занятія отняли у филологіи!....

Рукопись о преслѣдованіяхъ Евреевъ, отъ самой Римской эпохи, принадлежащая Вѣнской Императорской Библіотекѣ, должна быть скоро издана въ Вѣнѣ , по порученію Вѣнской Академіи Наукъ , подъ надзоромъ Г. Литтериса, извѣстнаго оріенталиста: при ней будетъ изданъ и Латинскій переводъ, относящійся къ XVI вѣку и принадлежащій Іозефу Медико Ганохину, бывшему раввиномъ въ Авиньонѣ. Ганохинъ въ свое время славился ученостію и знаніемъ, кромѣ роднаго, языковъ Латинскаго, Италіанскаго и Французскаго.

Любопытное приобрѣтеніе археологіею сдѣлано въ Парижѣ; въ библіотекѣ Св. Женевьезы , изъ которой переносили книги, найдена рукопись отца Фавра, бывшаго въ 1626 г. реформаторомъ ордена, получившаго названіе отъ имени этой святой. Рукопись эта тѣмъ болѣе замѣчательна, что она содержитъ буквальную копию съ хартии Хловиса, которой оригиналъ давно утраченъ.

Мысль объ измѣненіи одного изъ законовъ литературной собственности въ Бельгіи. Верхняя палата Нидерландовъ сдѣлала постановленіе объ одномъ изъ вопросовъ литературной собственности, которое очень важно для Бельгіи. Литературная собственность опредѣлена и въ Бельгіи и въ Голландіи закономъ 1817 г. Присутственныя жѣста послѣдняго королевства были вызваны на разсмотрѣніе вопроса, можетъ ли, по силѣ закона 1817 года, авторъ какой-нибудь рѣчи, произнесенной публично, не допустить, чтобъ рѣчь его была напечатана. Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу издателей и противъ авторовъ, на томъ основаніи, что литературная собственность есть послѣдствіе или результатъ гражданскаго права, по смыслу закона

распространяющагося только на тѣхъ, которые, напечатавъ то или другое литературное произведеніе, во время публикации, представляютъ три экземпляра этого произведенія при опредѣленныхъ по положенію прошенійхъ.

Королевскій Институтъ, затронутый этимъ рѣшеніемъ, впрочемъ согласнымъ съ приговоромъ нижнихъ инстанцій, подалъ на имя короля прошеніе въ намѣреніи получить позволеніе на то, чтобы этотъ неурядный пробѣлъ былъ въ скорѣйшемъ времени пополненъ законодательной властью. Институтъ обращаетъ вниманіе короля на опасность, угрожающую со стороны невѣрнаго воспроизведенія, невольной боязни на будущее время говорить публично, и, между прочимъ, на несправедливость лишать ораторовъ денежной прибыли отъ ихъ трудовъ.

О памятникѣ Мюллеру. Въ *Deutsche Zeitung* пишутъ изъ Касселя: «Баварскій король, извѣстный всѣмъ покровитель и цѣнитель наукъ и искусствъ, собственноручнымъ письмомъ спрашиваетъ о томъ, обозначена ли находящаяся на его землѣ, въ Кассель, могила историка Мюллера, похороненнаго здѣсь въ 1809 г. на столько, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не могъ быть положенъ тутъ же никто! другой» Король намѣренъ воздвигнуть Мюллеру особый памятникъ на томъ же мѣстѣ, и, безъ сомнѣнія поспѣшитъ исполнить это давнишнее свое намѣреніе, когда узнаетъ что надгробный камень, поставленный надъ могилою славнаго историка, скрытой въ темномъ уголкѣ стараго кладбища, совершенно развалился, и что его даже съ трудомъ можно найти межъ другихъ камней.

Могила Суда, о которой до сихъ поръ не знали ничего положительнаго, найдена недавно въ Бургосѣ, подъ прихожей комнатою одного изъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ (ayuntamiento). Извѣстіе это сообщаетъ Испанскій журналъ *La Nación*.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Баварскіе художники поднесли королю Людовику великолѣпный альбомъ. Переплетъ альбома, изъ темнокраснаго бархата, отдѣланъ въ вызолоченную бронзу. Въ срединѣ лицевой стороны вдѣланъ осыпанный искусственными брилліантами медаліонъ, съ изображеніемъ Людовика среди художниковъ. Этотъ рельефъ, работы Видемана, какъ будто олицетворяетъ собою слова короля, произнесенныя художникомъ: «Я живу среди вашихъ твореній.» Четыре маленькихъ медаліона украшаютъ углы; на нихъ изображены архитекторъ съ планами и медалями, по рельефу Гаутмана; ваятели и литейщики съ Баварією (статуя), по рельефу Гальбага; историческіе живописцы занятые фресками Глиптотеки, по рельефу Крелинга; живописцы фигуръ и ландшафтовъ, между которыми можно узнать Ротлана, по рельефу Видемана. Между двумя верхними медаліонами помѣщенъ богатый орнаментъ съ Баварскимъ гербомъ (*четыре хъ пней*) и надписью: *Людовикъ I, король Баваріи*; между двумя нижними — гербъ художниковъ съ надписью: *Нѣмецкіе художники 1850-го г.* Медали орнаментовъ, въ древне-Нѣмецкомъ вкусѣ XV столѣтія, сдѣланы Сикингеромъ; литье-же и золоченіе—труды Ф. Миллера. Всѣхъ вложенныхъ листовъ 177. Много еще общано. Большою частію замѣтна мысль—изобразить художественные труды короля. Такъ Крелингъ, на заглавномъ листѣ, послѣ посвященія альбома, изобразилъ короля въ средѣ художниковъ, поэтовъ, и покровителей искусствъ древнихъ и среднихъ вѣковъ. Каульбахъ съ необыкновенною ясностью и красотою изобразилъ короля радостно призывающимъ къ славной дѣятельности, забытое въ Римѣ Нѣмецкое искусство. Юлій Шноръ затронулъ тотъ же предметъ; только вмѣсто, аллегорическаго изображенія искусства въ видѣ женщины, представилъ самихъ художниковъ, занятыхъ изученіемъ антиковъ, твореній Рафаэля и Микель-Анджело и Римскихъ строеній, надъ которыми, какъ бы въ отдаленіи открытаго царственной рукою будущаго, паритъ, съ вѣнкомъ чести на головѣ, Баварія. Далѣе слѣдуютъ въ альбомѣ образцовыя произведенія лучшихъ ху-

дожниковъ. Настоящіе годы — работы Ритчелл; паденіе Германіи въ 1850 году, Губнера, съ глубокимъ чувствомъ выраженное и отчетливо схваченное; положеніе во гробъ — Пешеля; Граціи — Видемана; сельскій праздникъ — Рихтера; Исторія и Поэзія, Г. Јегера, изъ комнатъ — Гердера (въ Веймартъ), плаваніе къ Египту — Г. Геса; тѣло Сиды на конѣ предъ непріателемъ — Ф. Фольца; Григорій Великій въ темницѣ — Шрадера; гномы въ лѣтейной — Швинда; Моисей въ корзинѣ — Шраудольфа; Соломоновъ судъ — Шуберта; умъ и разумъ — Г. Кёнига; жнивалъ смерть Юліи (Шекшировой), — Каудльбаха; Мадонна въ величіи — І. Б. Мюллера; другая, въ ландшафтѣ — Кл. Циммермана; третья, окруженная ангелами — Штейнбрюка; рожденіе Іоанна (Предтечи) — А. Фишера; Герцогъ Баварскій Арнольдъ и Венгерскіе посланники — Пилоти; побѣда адмирала Рюйтера надъ Франц. и Англ. флотомъ — Эберггарди; торжество Баваріи, оригинальное и полное изящества изображеніе главныхъ моментовъ этого незабвеннаго празднества, — Гервегена; схватка надъ трупомъ Патрокла — Ф. Бруггера; внутренний видъ крѣпости Малаггера — Ф. Адама; сцена изъ битвы всадниковъ (С. Сира) — А. Адама; видъ въ дождливую погоду — Рейнгарда; Бельгійскій рынокъ — К. Геса; битва подъ Гоптруномъ (въ Шлезвигѣ) — Дица; древній Греческій городъ — Штюлера; Испанскій грандъ — Гэля; земная жизнь художниковъ — Станли, Англичанина, который воспитывался въ Мюнхенѣ; наконецъ, сцены изъ войны за освобожденіе — маленькія картины (масляными красками) — П. Геса. — Рѣдко исполненіе подобнаго труда бываетъ сопровождаемо такимъ общимъ вдохновеніемъ и ревностію, какъ этотъ альбомъ, но рѣдко и принимаютъ подобный даръ съ такимъ горячимъ чувствомъ. — Бюро, прекрасной отдѣлки, изъ дубоваго дерева, покрыто лакомъ, украшено богатою рѣзьбою (которая изображаетъ различныя искусства и мастерства), замками и гербами изъ позолоченной бронзы съ эмалью. Рисунки изъ литографіи Гервегена. Исполнено соединенными трудами многихъ мастеровыхъ.

Морицъ Ругендасъ издалъ въ Мюнхенѣ собраніе видовъ Южной Америки, по своимъ воспоминаніямъ. Это превосходить все, что было издано въ подобномъ родѣ.

Соболевскій кончилъ свою оперу «Жижку», и разыгрываетъ ее въ Кёнигсбергѣ.

Капельмейстеръ *Барбіери* трудится въ Гамбургѣ надъ своею новою оперою «Последніе дни Помпеи».

Ораторія *Юліа Гопфе* «Воскресеніе Лаваря», разыграна была въ Берлинской гарнизонной церкви, и произвела на знатоковъ замѣчательное впечатлѣніе.

— 19-го Октября скончалась, послѣ краткой болѣзни, старшая дочь Шиллера, Г-жа Ивнотъ, вдова горнаго совѣтника изъ Рудольштадта въ Вирцбургъ, гдѣ она хотѣла провести праздникъ, у живущей тамъ сестры своей, Г-жи Глейхенъ.

Гутта-перга все болѣе и болѣе входитъ въ общее употребленіе. Она замѣняетъ собою кожу во всѣхъ почти ея видахъ; она идетъ даже вмѣсто дерева на картинныя рамы; зубы пломбируются ею вмѣсто золота; ею обтягиваютъ зонтики. Въ недавнее время построили *хижину изъ гутта-перги*. Скоро мы съ головы до ногъ будемъ покрыты этою смолою. Въ Гайдпаркѣ сдѣлали изъ нея яхту, которая очень легко плыветъ по водѣ на всѣхъ парусахъ и не можетъ ни потонуть, ни опрокинуться. Эта яхта сдѣлана по образцу такъ называемыхъ *кораблей спасенія*.

Еврейская библіотека въ Лондонѣ, обогащенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочиненіями купленными въ Гамбургѣ, открыта теперь для публики. На чтеніе опредѣлено показывать по три часа въ день; надѣются, что будетъ вскорѣ дозволено заниматься по пяти часовъ

ПЕТЕРБУРГСКИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ ОТЪ ВОЗВРАТЯВШАГОСЯ ВЪ МОСКВУ.

До сихъ поръ всѣ тѣ вѣстники, которые запаздывали новостями, начинали такъ свои статьи: *meux tard que jamais*, т. е. по-Русски: *лучше поздно, чѣмъ никогда*. Я, въ извиненіе моеи запазданности, беру слѣдующее: *говорить о прекрасномъ никогда не поздно*, и потому, желая подѣлиться съ читателями пріятными, художественными впечатлѣніями, предлагаю на прочтеніе мои замѣтки.

Пріѣхалъ я въ Петербургъ въ самую распутицу. То снѣгъ слѣпилъ глаза; то безпрестанный дождь сушилъ простуду, лихорадку; то пронзительный морской вѣтеръ напоминалъ, что около взморья есть кладбище Смоленское. Удивительно, какъ сѣнники академической набережной, до сихъ поръ, не простудятся! Грязь на землѣ, грязь въ воздухѣ, и грязь въ Невѣ, возмущенной появленіемъ льда; или морозныя сосульки на усахъ и бородахъ перевозчиковъ, и на ключняхъ элботовъ,—все это вмѣстѣ заставляло меня съ особою нѣжностію обращаться къ носопрату и къ воротнику шубы; но любопытный, нетерпѣливый глазъ, при переездѣ черезъ Неву на Васильевскій-островъ, заигралъ радостью, завидѣвъ зданіе Академіи Художествъ. «Ахъ, сколько новаго увижу я послѣ трехъ лѣтъ» подумалъ я; а слухъ былъ пораженъ дикою гармоніею молотовъ, которая раздавалась съ подижныхъ кузницъ еще (въ то время) неоконченнаго постоянного моста чрезъ рѣку.

Только занесъ я ногу черезъ главный порогъ Академіи, п.... мраморная статуя Русалки*, произведеніе покойнаго скульптора *Ставассера*, первая привѣтствовала меня обманчивой улыбкой. О, сколькихъ друзей обманула и самая жизнь этого необыкновеннаго художника! Сжалось во мнѣ сердце при воспоминаніи объ умершемъ; но я нѣсколько утѣшился тѣмъ, что многіе хлопчуть оставить по себѣ хоть памятникъ чугунный; а Ставассеръ

* Она лежала на носилкахъ, въ самыхъ дверяхъ парадной гѣстнацы, для доставленія въ вновьпостроенный Музей.

оставилъ по себѣ нѣсколько памятниковъ изъ лучшаго Каррарскаго мрамора, которые красуются теперь въ новопостроенномъ хранилищѣ отечественныхъ художественныхъ произведеній.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ дальше по парадной лѣстницѣ.... Ва, старые знакомые. Бабочникъ *Пимкова* и сваячникъ *Логановскаго*. Покойный Пушкинъ такъ былъ обрадованъ появленіемъ Русскаго вачала въ скульптурѣ, что почтилъ и ту и другую статую небольшими стихами.

А вотъ и большая круглая зала Академіи, соединяющая двѣ античныя галлерей; но конной статуи Бальба уже не встрѣчаю по серединѣ. Она перемѣщена, потому что надо было дать мѣсто произведенію болѣе для насъ любопытному, именно, выставленнымъ алебастровымъ моделямъ дверей, для храма Спасителя въ Москву, которыя произведены неутомимымъ дѣятелемъ-художникомъ, Г. Вице-Президентомъ Академіи, *Гр. Ѡ. П. Толстымъ*⁶. Двери эти прекрасны, какъ въ отношеніи состава, такъ и исполненія, и будучи отлиты въ металлъ, еще болѣе выигрываютъ; а голова Христа, вытѣпленная имъ же, которую мнѣ пришлось видѣть на дому у Графа, превосходна, и смѣло можетъ соперничать съ изображеніями Спасителя лучшихъ скульпторовъ⁷.

Тутъ же помѣщена статуя Меланхолин. Не припомню имени Нѣмецкаго художника. Это снимокъ съ какой-то изъ древнихъ музъ — впрочемъ не безъ достоинствъ.

Вотъ Парисъ скульптора *Иванова*, умершаго въ холерѣ въ 1848 году. Этой статуѣ я предпочитаю другую его статую М. В. Ломоносова. Вотъ лучшее, что оставилъ до себѣ покойный Антонъ Андреевичъ. Она также находится въ полупостроенномъ Музеѣ. Статуя эта была задумана и выполнена чрезвычайно

⁶ Въ послѣднее время Графъ Толстой былъ заванъ дѣвномъ медалью на Венгерскую кампанію.

⁷ Графъ Толстой только въ послѣдніе годы сталъ заниматься скульптурою. Много у насъ скопилось любопытнаго для исторіи искусствъ; много дается замѣчательнаго въ самыхъ личностяхъ художниковъ, которымъ можно пожелать своего Ваэри, не только не такъ пристрастнаго, какъ поклонникъ Микель-Анжело. Не хотите ли поставить въ уровень съ любово выходкою создателя Страшнаго Суда слѣдующій случай въ жизни скульптора Моисеева. Онъ работалъ, въ Петербургскій Казанскій соборъ, Четырехъ Евангелистовъ, въ яруса подъ куполь. По окончаніи одного барельефа, параличъ отнялъ правую руку художника; тогда онъ одной лѣвой окончилъ три послѣдніе барельефа.

удачно: Ломоносовъ, можетъ быть, уже замыслившій небыль свой въ родительскаго дома, посаженъ въ Русской рубахѣ, на камнѣ, у побережья, съ книгою Магницкаго въ рукахъ; а въ ногахъ его лежать сѣти и боченокъ. Сходства очень много.

Эта статуя могла бы быть настоящимъ памятникомъ для Ломоносова, въ Архангельскѣ, который не подвергался бы тѣмъ недоразумѣніямъ и *экивокамъ* со стороны простодушиновъ, какъ подвергается нынѣ памятникъ работы И. П. Мартоса. Какъ поставить, посреди снѣговъ и морозовъ, Ломоносова, прикрытаго только Греческой туникой, и помѣстить рядомъ совершенно нагago гeнiя поэзіи, который подастъ поэту лиру? Можетъ ли подобный памятникъ достигать цѣли? Памятникъ долженъ быть памятью того, что было. Впрочемъ не одна Русская школа увлекалась Греческимъ міромъ до такой степени. Исполнительныхъ достоинствъ этотъ памятникъ имѣеть много; но онъ не выражаетъ *Русскаго* поэта Ломоносова.

Подойдя къ бюсту Г. Монферана, изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, я отшатнулся отъ изумленія.

Тутъ же находится, замѣчательная своей естественностью, статуя Кулачнаго Бойца Г. Крейтана, ученика Профессора Барона Клода.

Бюстъ Профессора Маркова, одѣянный скульптуромъ *Балмбъ*, очень хорошею дѣлани и очень схожъ.

Вправо и влево отъ круглой залы, въ античныхъ галлерейхъ, я былъ пораженъ новоприбывшими знакомыми и въ Капитоліа, Ватикана и другихъ хранилищъ рѣдкостей. Многое здѣсь прибавилось, многое даровано Академіи милостивымъ вниманіемъ нашего Монарха. Я говорю о приращеніи славы съ античныхъ статуй.

Милую ученическія живописныя программы, хотя почти каждая изъ нихъ заслуживаетъ особую статью: такъ въ самомъ дѣлѣ успѣваютъ въ живописи ученики Академіи, подъ вліяніемъ Гг. Профессоровъ Басина, Бруни, Маркова, и другихъ.

Не могу не упомянуть между прочимъ о пейзажѣ *Ласоріо*, котораго нѣкоторые превозносятъ до небесъ. Правда, что для ученика этого много, и онъ какъ нельзя лучше оцѣненъ Академіею въ дарованіи ему большой золотой медали; но нельзя же говорить, что подобнахъ пейзажей не было и не будетъ въ Академіи.

За несколько дней до моего отъезда былъ выставленъ пейзажъ *Е. И. Мейера* Трудно передать перомъ всю прелесть, всю увлекательность этой небольшой картины. Пожалуй, поставьте ее рядомъ къ Каламомъ. Видъ Лебединской долины, въ Малороссіи, перенесенный на холстъ Г. Мейеромъ, естественъ въ высшей степени. Если читателю случилось имѣть квартиру съ окномъ, изъ котораго онъ наслаждался видомъ Римской Кампаніи съ ея виллами, или видомъ южнаго берега Крыма, или окрестностями Москвы, то рамка, въ которой заключается картина Г. Мейера, можетъ замѣнить это окно. Въ небольшой картинѣ, гдѣ первый и второй планы лѣвой стороны заняты густымъ, вѣтвистымъ лѣсомъ, а вправо стелется долина до горизонта, красокъ не видно. Нѣтъ рѣзкаго эффектнаго освѣщенія; нѣтъ противоположно-пятнистыхъ частей въ картинѣ; наконецъ нѣтъ рѣшительно ничего такого, чѣмъ бѣльшая часть новѣйшихъ пейзажистовъ хотятъ поразить зрителя. Всѣ—натура и натура, которую всею душою полюбилъ Г. Мейеръ въ своихъ путешествіяхъ по Сибири, по Европѣ, и въ послѣднее время—по Малороссіи: Здѣсь не муштабель руководилъ кистью художника, но его сердце, до глубины пораженное красотами природы, которое со всею любовью и бережностью, не проронивъ и малѣйшихъ отбѣсковъ прелести, перенесло на холстъ необозримую долину, и заключило ее въ рамку на долгое наслажденіе зрителю. Общій тонъ картины, рисунокъ деревьевъ, оконченность всѣхъ частей пейзажа, безъ малѣйшей сухости, полное отсутствіе притязанія удивлять и щеголять ловкими мазками кисти,—все это заставляетъ назвать картину Г. Мейера перломъ Русской пейзажной живописи.

Портреты Г. *Заряко* поразительны сходствомъ и оттенкомъ; но все-таки не выше портретовъ Тиціана, Рубенса, Фанг-Дейка, Рембрандта и Брюллова*, хотя нѣкоторые говорятъ совершенно противное. Наша художественная критика, если она существуетъ, вообще поступаетъ неосторожно и опрометчиво; она, или жалуетъ вдругъ художественное начало въ генія, или проходитъ ничтожными фразами мимо произведенія, дѣлающаго эпоху въ искусствѣ, какъ это случилось, въ отзывахъ газетъ и журналовъ въ отношеніи къ гравюрѣ *Ф. И. Дордана* съ картины Преображенія Рафаэля, — или наконецъ талантъ, приближающійся

* Только припомните портретъ Кн. А. Н. Голицына.

осмотрительно, со всею любовью къ цѣли совершенства, клеймить печатью посредственности и бездарности. Г. Заряно далеко выходитъ изъ ряда другихъ портретистовъ уже однимъ умѣньемъ давать изображаемымъ имъ лицамъ простыя, благородныя постановки, безъ всякихъ натяжекъ; такъ, напр., портретъ С. И. Рахмановой, оконченный художникомъ въ Москвѣ, уже по одной постановкѣ — прелесть, не говоря о сходствѣ и рельефности.

Рядомъ, портреты Г. Штейбена имѣютъ большія достоинства, равно какъ и картина его: Несеніе Креста. Въ послѣдней сочиненіе и выраженіе лицъ прекрасны.

Въ моей статьѣ нѣтъ классификаціи именъ художниковъ; я пишу о тѣхъ, которые первые впадаютъ мнѣ на память.

Двѣ историческія картины Французскаго живописца Шопена: Судъ Соломона и Давидъ, играющій предъ Сауломъ, отличаются даровитостью, большимъ соображеніемъ, вѣрностію и красотою судейскихъ фязіономій и очень пріятною живописью. Есть нѣкоторая пестрота, чему причиною, я думаю, пестрота самыхъ восточныхъ костюмовъ, недостаточно согласованныхъ въ общемъ тонѣ картины, особенно въ Судѣ Соломона.

Другой Французскій художникъ, Плушарбъ, написавшій Крещеніе Русскаго народа, стоить крайне низко передъ своимъ соотечественникомъ: великій историческій моментъ Россіи, онъ, какъ не Русскій, не понялъ и совершенно исказилъ его. Въ картинѣ нѣтъ ни сочиненія, ни рисунка, ни живописи. Можете себѣ представить, что послѣ этого остается въ картинѣ, которая довольно большаго размѣра.

Очень знакомый Москвѣ П. А. Федотовъ выставилъ въ послѣднее время картинку, которая заключается въ одной женской фигурѣ. Глубоко-грустные случаи нашей жизни, если они описаны перомъ, могутъ насъ тронуть, иногда заставить прослезиться, какъ это случится пожалуй по прочтеніи Одарки - Квочки, Г. Дріанскаго; но мы закроемъ книгу и положимъ ее въ шкафъ, или на вѣшалку. Картинка Г. Федотова, съ ея тоже глубоко-томительнымъ содержаніемъ, совсѣмъ другое дѣло. Стоя передъ ней, невольно засмотришься, задумаешься и затоскуешься, какъ это случилось вдругъ съ пятью художниками, подошедшими въ первый разъ къ картинкѣ: нельзя оторваться отъ нея глазами. Но въ то же время я бы ни за что не повѣсилъ этой

картинки, какъ и другіе со мной согласились, у себя дома, на стѣнѣ: до такой степени трогательно ея содержаніе.— Да какое же ея содержаніе? — желаетъ знать читатель.

Вы видите передъ собою комнату почти неопредѣленнаго цвѣта. Крутомъ беспорядокъ: хрусталь, серебряныя вещи; весь щеголеватый домашній скарбъ на полу, и на всемъ этомъ висятъ на веревочкахъ печати. Въ правой сторонѣ комода, и на него облокотилась молодая, прехорошенькая, преграціозная блондинка-вдовушка, вся въ траурѣ съ плѣрэзами; Богъ знаетъ о чемъ она думаетъ; но если вы не женаты, читатель (я впрочемъ и за женатыхъ здѣсь не ручаюсь), въ васъ явлется неопредѣлимое желаніе сказать какое-нибудь утѣшительное слово этой восхитительной молодой женщины: но это слово замираетъ при видѣ прелестной головки, которая такъ очаровательно склонена грустью на взволнованную грудь. Г. Федотовъ, въ высшей степени наблюдательный и логическій художникъ, сверхъ своего дара, обладаетъ необыкновеннымъ умѣньемъ малыми подробностями совершенно пояснять смыслъ картины; читатель и въ этой картинкѣ найдетъ подтвержденіе моихъ словъ. Изъ всего прежде сказаннаго вы видите, что у молодой вдовы описано имѣніе; а чтобы вы не усомнились въ этомъ, то увидите въ углу, на стулѣ, шляпу квартальнаго-надзирателя, за позументъ которой просунута дырочная бумага; а тутъ, по близости, на полу поставленъ ящикъ краснаго дерева, можетъ быть съ десертными ложками; а можетъ быть, и съ брилліантами; и на немъ лежитъ фуражка хожалаго унтеръ-офицера. Чтобы оцѣнить эту грустно-художественную вещь, то надо ее видѣть или, можетъ быть, слышать стихи Г. Федотова на этотъ же предметъ. Дай Богъ ему настроить себя иначе, если это возможно!

Это что? — Имяки Сарабанды. — И кто же танцуетъ? — кардинала Ришелье передъ Анной Австрійской. — Это — небольшая акварельная шутка К. П. Брюллова, исполненная жизни и красоты. О, на сколько еще этотъ художникъ себя не высказалъ! Въ его красивой, гениальной головѣ, какъ въ волшебномъ фонарѣ, безпрестанно смѣняются самыя разнообразныя видѣнія фантазіи, полныя ума и чувства, и эти видѣнія вытѣсняютъ одно другое, какъ избытокъ гениальнаго творчества. И послѣ этого многіе

свѣтуютъ о многихъ начатыхъ и неоконченныхъ трудахъ этого художника. Надо знать лично, знать коротко Карла Брюллова и горячо любить искусство, чтобы судить о немъ какъ о художникѣ. Здѣсь нѣтъ мѣста безсмысленнымъ *упрекамъ*, какъ иные выражаются, *геніальному лѣнвицу*. Попробуйте-ка быть на его мѣстѣ! — Правда, что онъ чувствуетъ минуты радости и удовольствія какъ три сотни людей вмѣстѣ; но каково же заключить въ своемъ сердцѣ горе и недовольство тѣхъ же трехъ сотенъ людей?!

Я помню, съ какою жадностію онъ началъ и почти кончилъ, въ полтора часа, портретъ А. Н. Струговщикова.* Ученикъ Брюллова, Михайловъ**, принявъ кисть и палитру изъ опустившихся рукъ своего профессора; а Г. Струговщиковъ всталъ съ кресла, приподнявшись на носки, дабы не нарушить сонъ утомившагося вниманіемъ и созерцаніемъ художника. За то надо видѣть каковъ вышелъ портретъ! — Пожалуй, найдутся люди, которые и это утомленіе припишутъ какой-нибудь другой, чисто физической причинѣ; но надъ такими людьми пусть вѣчно падаетъ ведро, брошенное съ лѣсовъ Микель-Анджеломъ, какъ это было въ Спектинской капеллѣ, и виситъ вѣчно угроза Бенвенуто!

Говоря о Брюловѣ, не могу не упомянуть здѣсь объ его разговорномъ языкѣ; онъ никогда не былъ охотникомъ писать, за то начитался вдоволь.

Разъ какъ-то, послѣ трудовъ, онъ былъ окруженъ молодыми художниками, съ которыми онъ исключительно любитъ проводить время,—и его просили опредѣлить въ короткихъ словахъ достоинство каждаго изъ знаменитыхъ живописцевъ. Онъ не замедлилъ и характеризировалъ каждаго необыкновенно мѣтко и вѣрно. Такъ живопись Рубенса онъ уподобилъ *букету цвѣтовъ*; о Рембрандтѣ сказалъ, что онъ *похитилъ лучъ солнца, располагалъ или по произволу и продавалъ его въ своихъ картинахъ дорого*. Остальная характеристика знаменитыхъ художниковъ, высказанная великимъ артистомъ, если не передается теперь, то сообщится впоследствии всѣмъ друзьямъ искусства.

Рядомъ около акварели Брюллова, помѣщается его эскизъ: моментъ послѣ битвы Сарациновъ съ Крестовосцами, когда души защитниковъ Христова гроба переносятся ангелами въ небо. —

* Воспріемникъ Художественной газеты отъ Н. В. Кукольника.

** Нынѣ находится въ Испаніи.

Вот это поэзія!—Поле покрыто убитыми тѣлами Крестоносцевъ и Сарациновъ; кругомъ царствуетъ покой и тишина; только слышится молитвенное движеніе крыльевъ служителей Господа, которые уносятъ тѣла хрестоборцевъ въ небо; да мѣстами эта тишина нарушается появленіемъ духовъ тьмы, которые ищутъ свои жертвы, незнакомыя съ закономъ Искупленія. И это только вскизь карандашемъ; а сколько онъ пораждасть чистаго, душевнаго наслажденія!

О Брюлловъ можно говорить много; но это будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Неутомимый заслуженный Профессоръ, постоянно дышащій любовью ко всемъ искусствамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ опытный наставникъ молодыхъ талантовъ, *М. Н. Воробьевъ*, трудится надъ новыми видами Петербурга, и на одной изъ его еще неконченныхъ картинъ видѣнъ красавецъ Невы Благовѣщенскій мостъ.

Г. Чернышевъ подарилъ публику чистымъ удовольствіемъ въ своей небольшой картинѣ, тонко обдуманной и выполненной со всею любовью къ своему дѣлу.

Предъ вами стелется дорога; по бокамъ лѣсъ и кустарники; на первомъ планѣ телѣга, съ торчащими изъ нея чемоданами, принадлежитъ, по видимому, неслишкомъ богатому и непритязательному помѣщику; лошадки готовы тронуться съ мѣста; но ихъ сдержалъ кучеръ, потому что еще молодой баринъ не усѣлся; онъ обнимается и прощается съ женою. Вѣрно кончился роковой 28-ми-дневный отпускъ, и онъ спѣшитъ на службу въ которую-нибудь изъ столицъ. Тутъ и дѣти, и сабушка отъѣзжающаго. Священникъ, отслуживъ молебенъ предъ отъѣздомъ помѣщика, на второмъ уже планѣ поворачиваетъ къ своему дому; а запоздавшій пономарь, съ церковною утварью въ узлѣ, изъ котораго выглядываетъ кадило, спѣшитъ сойти съ крыльца, дабы нагнать священника. Вправо старикъ, почти можно сказать навѣрное, бывший камердинеръ покойнаго старика барина, поставленъ въ убѣждающей позѣ и указательнымъ перстомъ предостерегаетъ своего сына отъ искушеній большаго люднаго города, куда онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ своимъ баринномъ, что видно по его дорожному костюму. Все это очень естественно и изящно, чему нельзя не порадоваться душевно, и нельзя не поздравить *Г. Чернышева* съ его необыкновенными успѣхами въ томъ прекрасномъ родѣ живописи, который онъ избралъ.

Картина С. М. Воробьева: видъ Нсаполя, и видъ водопада въ Терни *Л. К. Фрикке*, составили бы очень лестное украшеніе залъ Московскаго Художественнаго Училища, тѣмъ болѣе, что по этой части у насъ оригиналовъ нѣтъ. Будемъ терпѣливы и будемъ выжидать има того Члена Общества, который приношеніемъ своимъ увѣковѣчитъ себя въ историческомъ развитіи искусствъ въ Бѣлокаменной. Вѣчная благодарность учащихъ будетъ отзывомъ и тому изъ Членовъ Общества, который ознакомитъ училище съ гравюрою *Ө. И. Иордана*, съ Преображеніемъ Рафаэля: достоинства которой, между прочимъ, исключительно понимаются художниками. Подобной гравюры съ Преображенія Рафаэля нѣтъ.

Покойный Профессоръ Академіи *Г. И. Угрюмовъ*, въ царствованіе Императора Павла, въ изумительно короткое время, написалъ двѣ замѣчательныя картины: *Покореніе Казани Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ* и *Восшествіе на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича*. Нынѣ эти картины, въ числѣ прочихъ произведеній Русской кисти и Русскаго рѣзца, переносятся изъ Академіи въ новопостроенный Музей; но они будутъ извѣстны всему Русскому міру въ самомъ отчетливомъ и изящномъ повтореніи: это въ предполагаемыхъ гравюрахъ *Г. Иордана*. Я видѣлъ портфель до крайности совѣстливаго въ своихъ трудахъ и извѣстнаго всѣмъ своею образованностью художника. Рисунки, снятые нашимъ знаменитымъ граверомъ съ упомянутыхъ картинъ, превосходны; а рисунокъ, сдѣланный съ картины нашего почтеннѣйшаго Профессора Академіи *А. Е. Егорова*: истязаніе Спасителя, сдѣлалъ бы честь всѣмъ рисовальщикамъ Италіи вмѣстѣ.

Въ Исакиевскомъ Соборѣ мнѣ удалось видѣть только живопись *П. В. Басина* и *Ө. С. Завьялова*, которые произведеніями своими достойно почтили память дня рожденія Великаго Петра, и оставили на стѣнахъ храма достоудожную память и о своихъ талантахъ. Особенно прекрасны *Кончина Св. Александра Невскаго* *Г. Басина* и *Появленіе Саваова Моисею* *Г. Завьялова*. Вотъ предметы живописи, вполне заслуживающіе вниманіе *Г. Иордана*.

Модель большихъ дверей *Г. Витали* имѣетъ много хорошаго; но малыя его двери чрезвычайно замѣчательны, и, пожалуй, поспорятъ своими достоинствами съ дверями церковей Итальяно-готической архитектуры, какъ во Флоренціи, такъ и въ Римѣ и въ Сіеннѣ.

Фронтонъ Г. Витали: *Поклоненіе волхвовъ* есть лучший не только въ сравненіи съ Исакіевскимъ, но даже со всеми фронтонами средневѣковаго и новѣйшаго времени.

Нѣтъ болѣе трудной задачи для скульптора, какъ архитектурная рамка фронтона, съ его расходящимися въ стороны острыми углами. Такой сюжетъ, какъ поклоненіе волхвовъ, былъ лучшимъ призовъ для Г. Витали; успѣхъ этого фронтона предсказывалъ и К. П. Брюлловъ.

Весь божественный смыслъ барельефа находится въ срединѣ; все земное, со сторонъ, преклоняетъ колѣна предъ Господомъ и его Матерію; — и потому, вслѣдствіе содержанія самого барельефа, всѣ фигуры, изъ острыхъ угловъ, склоняются самымъ естественнымъ образомъ къ центру и помѣщаются въ углахъ со всѣмъ удобствомъ; только жаль, что волхвы, ближайшіе къ Богородицѣ, одеждою своею, въ двухъ мѣстахъ посреди, пересѣкаютъ нижнюю архитектурную линію фронтона. Скульптура на зданіи должна повиноваться архитектурѣ.

Въ противоположность отличнаго состава этого фронтона, можно указать на фронтонъ Парижской церкви Св. Магдалины, работы Французскаго скульптора *Лемера*. Задачею было: *воскресеніе мертвыхъ*. Изображенъ Христосъ посреди барельефа; христіанскіа добродѣтели: Вѣра, Надежда и Любовь, помѣщены около него. Эти фигуры съ достоинствами; но какъ было сладить съ острыми углами фронтона? — Помпуйте, для такого скульптора, какъ Г. Лемерь, это такъ легко, какъ выпить чашку кофе. По краямъ фронтона возстающіе мертвые перерѣзаны архитектурною линіею въ полфигуръ, такъ что вы видите фигуры половинчатыя, выходящія будто изъ земли; и такихъ фигуръ нѣсколько; за то и эстетиковъ во Франціи болѣе нежели у насъ.

Бронзовые барельефы Барона *Клота*, помѣщенные при входѣ въ храмъ, не смотря на нѣкоторую сухость въ отдѣлкѣ, и барельефы Г. *Логановскаго*, нравятся болѣе прочихъ своею простотою, особенно если сравнивать ихъ съ барельефами Г. Лемера.

Фигуры Евангелистовъ и Апостоловъ на фронтонахъ сдѣланы И. П. Витали мастерски. Видно большаго практика въ своемъ дѣлѣ.

Въ мастерской Г. Профессора *Ладюрнера*, между многими неоконченными картинами, я особенно любовался соединеніемъ

красивых костюмовъ гвардейцевъ, времени Французскаго Короля Людовика-Филиппа, и картиною Царицына луга, на которомъ совершается молебствіе предъ началомъ похода противъ Венгерцевъ. Сходства лицъ въ этой картинѣ поразительны.

Г. Профессоръ *Басинъ* предложилъ въ подарокъ Московскому Художественному Училищу свои превосходные картоны, съ которыхъ онъ писалъ въ Исакиевскомъ соборѣ. Чрезъ малое время, по обещанію Г. Басина, мы надѣемся увидѣть на стѣнахъ нашего Училища лестное приношеніе славнаго Профессора Академіи, заслуживающее полнаго вниманія и благодарности какъ художниковъ, такъ и любителей Московскихъ.

Въ Академическомъ портитѣ, гдѣ нѣкогда работалъ К. П. Брюлловъ, теперь устроена мозаичная мастерская. Синьоръ *Рафаэли*, мастеръ своего дѣла, съ большою любовью и очень охотно, показалъ мнѣ всѣ изготовленія мастикъ. Образъ Иисуса Христа, Г. *Нефа*, назначенный для иконостаса Исакиевской церкви, долженъ быть первымъ опытомъ вводимой, въ обширныхъ размѣрахъ, мозаики въ Россіи, послѣ Ломоносова.

Нельзя не упомянуть здѣсь вообще объ образахъ Г. Нефа, назначенныхъ для иконостаса Исакиевского собора, и о его портретѣ Ея Императорскаго Высочества В. К. Екатерины Михайловны. Живопись этого художника щеголеватая и увлекательная.

Памятникъ Св. Великому Князю Владиміру, въ Кіевѣ, только что начатъ въ мастерской Г. Профессора Барона Клода.

Если бы мнѣ предложили указать на типъ настоящаго художника, каковъ бы онъ долженъ быть и каковъ онъ былъ въ средніе вѣка, я бы указалъ на Барона Клода. Онъ живетъ вполне художественною жизнью, и это отражается на всемъ его окружающемъ: и на миломъ радушномъ кругѣ его семейства, и на вѣчно веселыхъ лицахъ его талантливыхъ учениковъ, и на усердныхъ литейщикахъ, чеканщикахъ. Все его любитъ кругомъ, имъ дышетъ, живетъ, и ему благодарно. Постоянная энергія въ трудѣ, безпрестанныя занятія какъ скульптора, такъ и отличнѣйшаго въ Европѣ литейщика, совершенное безпристрастіе въ сужденіяхъ о сверстникахъ по своему искусству, постоянное ревностное изученіе своего предмета, вотъ отличительныя черты этого художника, на котораго не даромъ упалъ зоркій взоръ Высокаго Покровителя искусствъ въ нашемъ отечествѣ.

Коня Барона Клото обсакали коней древняго и новаго міра; они украшаютъ Петербургъ, Берлинъ и Неаполь; а послѣдняя группа, помѣщенная на Аничковомъ мосту, по моему мнѣнію, лучшая.—Барельефъ этого самого художника на зданіи, противу Мраморнаго дворца, можетъ служить образцемъ барельефовъ этого рода. Художникъ всегда вѣрный натурѣ и занятый также въ настоящей время малою моделью памятника Н. А. Крылову,* обаавелся и живымъ медвѣженкомъ, и миниатюрной собачкой, и ручной очень красивой лисицей, и шалуньей обезьяной. За то и оплошной барельефъ, обнимающій кругомъ весь пьедесталь памятника, составляетъ прелестное и вѣрное выраженіе Крыловскихъ басенъ. Тутъ миша протягиваетъ лапу къ пчелиному улью; великодушный журавль спасаетъ отъ смерти волка, вытаскивая у него изъ горла кость, и проч.; и все это представлено въ самомъ изящномъ видѣ.

Фигура самого Крылова изображена въ известномъ вѣсѣмъ широкомъ сюртукѣ. Вѣстомъ баснописца, покойнаго Профессора Гальберга, вѣроятно, Баронъ Клотъ воспользуется, какъ лучшимъ и единственнымъ.

Нельзя вдоволь налюбоваться зданіемъ новаго Почтамта Г. Кавоса; красота и удобство здѣсь совершенно помпирядисъ между собою.

Вблизи этого зданія, по набережной Мойки, въ домѣ Князя Гагарина помѣстился на зиму *Н. К. Айвазовскій*. Какъ только вошелъ я въ мастерскую, такъ тотчасъ и позабылъ о Петербургской погодѣ, хотя она всачески старалась напоминать о себѣ въ окна мастерской. Любо было глазамъ; куда ни взглянешь, повсюду, кругомъ для нихъ высокое удовольствіе. Больше прочихъ картинъ меня поразили своею прелестью одинъ изъ Крымскихъ видовъ: *Долина Судакъ*. Впрядо громоздкія массы утесовъ занимаютъ дальній и второй планъ картины; налѣво покоится море. Первый планъ—богатые виноградники. Яркое солнце выглянуло изъ-за горъ и пробудило землю своими первыми лучами. Все ожило кругомъ, туманы рѣдѣютъ, яркая зелень весело улыбулася, и небольшая группа людей трудится въ виноградникѣ. Въ этой картинѣ Крымъ, съ его благословеннымъ климатомъ, передъ вами. Честь и слава Г. Айвазовскому за его неуто-

* Предполагаютъ поставить его въ Лѣтнемъ саду.

мимось, разнообразіе и да ознакомленіе насъ съ роскошными красотоми его родины, такъ вѣрно переданными его необыкновеннымъ паматованіемъ прекраснаго и искусною творческою кистью.

Статуя Французскаго скульптора *Кабо: Просыпающаяся Аврора*, которую я видѣлъ въ одной изъ скульптурныхъ мастерскихъ, отличается новизною позы, очень граціозной. Она заказана этому художнику, изъ мрамора, Ея Императорскимъ Величествомъ.

Кто любитъ Мавританскія зданія въ Испаніи и понимаетъ все изящество этой архитектуры, тотъ можетъ мнѣ позавидовать. Я ихъ видѣлъ въ превосходнѣйшихъ аквареляхъ, большаго размѣра, Гг. архитекторовъ *Резанова* и *Кракау*, недавно возвратившихся изъ отчины Мурильо и Сервантеса. Можно отъ всей души пожелать, чтобы эти удивительныя, по красотѣ и исполненію, акварели были изданы въ соперничество иностранныхъ изданій этого рода; въ соперничество, прибавлю, котораго Гг. Кракау и Резанову бояться нечего.

Крайне сожалѣю, что не засталъ въ Петербургѣ нашего славнаго скульптора *И. С. Пилинова*, котораго ждали изъ Италіи въ Августъ мѣсяць, — и потому не могу точно и подробно передать всѣ тѣ художественныя достоинства пяти новыхъ группъ, которыми должны украсить Благовѣщенскій Невскій мостъ.

Самый мостъ Благовѣщенскій получилъ названіе отъ конногвардейской церкви Благовѣщенія, построенной К. А. Тономъ, новымъ оригинальнымъ зданіемъ котораго нельзя не залюбоваться.

Новый мостъ съ художественной стороны удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ изящнаго вкуса. Не говорю уже о необыкновенно красивыхъ линіяхъ арокъ, объ общемъ плавномъ рисункѣ; все, все здѣсь — и рѣшетка, и формы газовыхъ фонарей, и тротуаръ, и овальныя скамьи для пѣшеходовъ, все превосходно и будетъ вѣчно напоминать потомкамъ имя славнаго его строителя *Г. Карбедза*. По открытіи своемъ, Благовѣщенскій мостъ сдѣлался мѣстомъ прогулки, особенно островскихъ жителей.

Петербургъ растетъ, украшается неизменно. Частныхъ домовъ однихъ самой легкой, пріятной архитектуры такъ много, что не знаешь, которому изъ нихъ отдать преимущество, не говоря уже о новомъ оконченомъ Императорскомъ Музеѣ, о церкви Конноегерскаго полка, о церкви на Козьемъ Болотѣ, въ Коломнѣ, объ

очаровательной перестройкѣ оранжерей, о построеніи зданій при желѣзной дорогѣ, о затѣливомъ паркѣ, о вновь разводящихся паркахъ и проч.

Главы церквей Св. Богоматери Владимірской и Собора Св. Андрея Первозваннаго покрылись золотомъ, что придаетъ особенную красоту куполамъ, и отчасти напоминаетъ Москву.

Обширный паркъ, разведенный между Академією Художествъ и ея портикомъ, съ двумя новыми флигелями, показался мнѣ сносно-дѣльнымъ, послѣ тѣхъ деревянныхъ лачугъ, къ которымъ съизмалолѣтства такъ привыкъ глазъ бывшаго воспитанника Академіи.

Кто не видалъ Петербурга лѣтъ восемь или даже шесть тому назадъ, тотъ долженъ снять передъ нимъ шапку и сдѣлать съ нимъ новое знакомство.

Съ особеннымъ удовольствіемъ упоминаю здѣсь о бывшемъ ученикѣ Московскаго Художественнаго Училища, классномъ художникѣ, *В. Г. Худяковѣ*, портреты котораго дѣлаютъ честь расаднику искусствъ въ Москвѣ.

Не могу также не назвать имени *А. А. Васильева*, баталическаго живописца, въ альбомѣ котораго, въ нѣсколькихъ рисункахъ, очерчена жизнь Русскаго солдата совершенно ново и умилительно. У него же я видѣлъ и нѣсколько выразительныхъ сценъ войны 1812 года.

Грѣшно бы было также пройти молчаніемъ *декорацію балльной залы*, Г. Академика *Роллера*, въ послѣднемъ актѣ балета: *Сварливая жена*. И западныя столицы могли бы позавидовать изяществу и богатству подобной декораціи нашей сцены, на которой порхаетъ Карлота Гризи; но она только танцовщица, и далеко не та драмо-мимическая актриса, которую мы видѣли въ Москвѣ, въ лицѣ Фанни Эльслеръ. Неблагодарную роль сварливой жены исполняла со всѣмъ достоинствомъ и благородствомъ извѣстная талантливая артистка Г-жа Андреевна, игра которой увлекла настоящихъ цѣнителей искусства болѣе, нежели ножки Карлоты Гризи, чему служили доказательствомъ общія рукоплесканія и громогласные вызовы въ пользу Г-жи Андреевны; умная игра этой артистки сама собою свиваетъ ей букетъ благодарностей отъ художниковъ за то удовольствіе, которое они ощущали, глядя на нее изъ послѣднихъ рядовъ кресель. Надъ

* Роль эта уже по характеру не располагаетъ къ себѣ зрителя.

существенными букетами не даром посмѣлся покойный руководитель Ералаши М. Л. Неважичъ, бросивши какъ-то роскошный букетъ скелету слона. Этой уморительной выходкой онъ осмѣялъ всѣхъ театровъ-цѣнителей, каковыхъ у насъ не мадо, а букетовъ у нихъ еще болѣе.

Всевозможныя панорамы, діорамы и косморамы, помѣщенные въ Пассажѣ, далеко не того достоинства, которыми отличается Панорама Палермо, поставленная Г. Роллеромъ, близъ Михайловскаго манежа, которая никогда не можетъ наскучить зрителю.

На загородномъ проспектѣ, противъ Технологическаго Института, въ магазинѣ скульптурныхъ вещей, я видѣлъ коллекцію окрашенныхъ картонныхъ звѣрей, между которыми нѣкоторые исполнены самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Всѣхъ ихъ числомъ двѣсти. Есть нѣсколько породъ собакъ, любопытные экземпляры тигровъ, пантеръ, барсовъ, порядочной величины слонъ, и проч.

Видя и сочувствуя возникающему кругомъ прекрасному, я счелъ долгомъ подѣлиться съ читателями Москвитинна моими замѣтками.

Н. Рамазановъ.

Дополняемъ занимательную статью нашего даровитаго художника, за которую вѣрно будутъ ему очень благодарны всѣ друзья искусства, описаніемъ новаго зданія Эрмитажа. Оно написано, кажется или самимъ Г-мъ Кленце, или подъ его руководствомъ, — и переведено нами изъ *Allgem. Zeitung*, отъ 31 Декабря. Авторъ ссылается на 5 тетрадь архитектурныхъ чертежей Г. Кленца, изданныхъ въ Мюнхенѣ.

Новое зданіе Эрмитажа составляетъ параллелограммъ, въ 73 сажени слишкомъ (515 футовъ) въ длину и 53 саж. (375 ф.) въ ширину. Поперечный флигель пересекаетъ его, и образуетъ два просторныхъ двора, изъ которыхъ одинъ въ свою очередь дѣлится на двѣ части лѣствицею. Такимъ образомъ длина всего строенія простирается до 263 саженой (1840 футовъ). Ко входу со стороны Милліонной ведетъ крытый подъездъ. Этотъ подъездъ или, вѣрнѣе, крытый ходъ образуется изъ восьми пиластровъ, которые связуются вверху десятью переводинами изъ цѣльнаго Сердобольскаго мрамора сѣраго цвѣта. Высота колоннады — 22 фута. Потолокъ сѣней (*vestibulum*) поддерживается 16-ю колон-

нами изъ Финляндскаго краснаго гранита. Стѣны принадлежатъ нижнему этажу. Прямо изъ стѣней идетъ во 2-й этажъ великолѣпная лѣстница, шириною въ 22 ф., въ три перелома изъ Каррарскаго мрамора. Възвъ отъ нижней передней—двѣ горницы для мраморныхъ антиковъ. Одна изъ этихъ комнатъ угольная и прилегаеть къ галлерей продольнаго фаса, которая наполнена произведеніями ваятельнаго искусства новѣйшаго времени. За нею слѣдуютъ три комнаты, изъ которыхъ одна служить рабочею директору отдѣла мраморныхъ работъ; средній залъ служить хранилищемъ всевозможныхъ антиковъ; третья комната, которая небольшою комнатою сообщается съ дворомъ, вся уставлена деревянными вазами и другими сосудами. Не считая лѣстницъ и проходныхъ комнатъ, въ этомъ же этажѣ расположены: великолѣпная библіотека искусствъ, собраніе раскрашенныхъ рукописей, собраніе древностей, найденныхъ въ Керчи, которыя должны составить особый отдѣлъ; далѣе собраніе гравюръ, рисунковъ; тутъ и неоконченный еще залъ для собранія отечественныхъ рѣдкостей. По парадной лѣстницѣ и черезъ переднюю—прямой ходъ въ галлерей втораго этажа. Вотъ ихъ распредѣленіе: залы для живописцевъ Русской школы, для снятія юпій, для сохраненія всѣхъ принадлежностей живописи; галлерей Нидерландской школы; особый залъ для картинъ Рембрандта; кабинетъ картинъ Вувермана; галлерей Французской школы; залъ для картинъ Рубенса и Фанъ-Дика; залы и кабинеты Италіанской школы; залъ Испанской школы; пять комнатъ для нумизматическаго кабинета; три комнаты и галлерей для собранія рѣзанныхъ камней; залъ для *ложбъ Рафаэля*; наконецъ — залъ торжествъ. Назначеніе этого зала — служить во время придворныхъ торжествъ соединеніемъ между Зимнимъ дворцомъ и театромъ Эрмитажа, для чего и устроены вездѣ соединительныя галлерей.

Атланты крытаго хода вытесаны изъ Олонецкаго (Сердобольскаго) гранита Русскимъ ваятелемъ Теребеневымъ, по моделямъ Мюнхенскихъ архитекторовъ. Красота и благородный стнль скульптуры, чистота отдѣлки и блескъ политуры — превосходятъ все, что было до сихъ поръ въ этомъ родѣ. Такъ какъ внутренніе дворы пространнѣе (шире) улицъ, которыя прилегаютъ къ этому зданію, то архитекторъ придумалъ открыть окна для освѣщенія комнатъ нижняго этажа, на дворъ. Въ наружной же стнѣ вмѣсто оконъ сдѣланы углубленія (ниши), украшенные изва-

лѣнами великихъ художниковъ во всѣхъ родахъ искусства. Окна второго этажа, раздвоенныя столбиками съ человѣческими головами (гермесами), украшены плоскими рельефами, изъ середины которыхъ рѣзко отдѣляются изображенія генія славы. На гранитныхъ консоляхъ тоже статуи художниковъ. По концамъ возвышаются павильоны, и ими начинаются боковые фасады. Нижний цоколь строенія выведенъ изъ краснаго Финляндскаго гранита; верхніе этажи—изъ желтоватаго Гапсальскаго камня. Какъ переводины и столбики (гермесы) сдѣланы изъ шлифованнаго сѣраго гранита, то и всѣ статуи, рельефы, украшенія—того же цвѣта; все это сдѣлано изъ мѣди—гальванопластическимъ путемъ и потомъ покрыто растворомъ цинка: вотъ причина превосходной гармоніи металлическихъ украшеній съ гранитными изваяніями. Рѣшетки у балконовъ и у крыши, дверныя и оконныя рамы сдѣланы изъ бронзы, или, по крайней мѣрѣ, прекрасно бронзированы. Исключая нѣсколькихъ половъ и внутреннихъ дверей,—во всемъ зданіи нѣтъ ничего изъ дерева. Всѣ кровельныя принадлежности и самая крыша (которая покрываетъ собою 80 т. квадр. футовъ) — желѣзныя; украшенія кровли сдѣланы гальвано-пластически изъ мѣди. Еще нѣтъ ничего подобнаго этому великолѣпному. Стѣны покрыты отчасти кусками мрамора. 140 внутр. колоннъ всѣ изъ цѣльнаго мрамора и гранита. Полы состоятъ мѣстами изъ мраморныхъ плитъ, а мѣстами обращены въ превосходную деревянную мозаику.

Словомъ, зданіе это во всѣхъ отношеніяхъ одно изъ самыхъ великолѣпныхъ и изящныхъ, богатыхъ и полезныхъ сооруженій.

Изъ великолѣпной Свѣрной Пальмиры перенесемся мы на поле Куликово, и сообщимъ здѣсь статью, привезенную намъ отсюда:

ОСЬМОЕ СЕНТЯБРЯ. Читая въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ извѣстіе объ открытіи памятника на Куликовомъ полѣ, гдѣ послѣ долгаго омраченія возсіяла вновь прекрасная заря нашей свободы, славы и могущества, нельзя оставить безъ особеннаго замѣчанія, что это важное въ исторіи Русскаго народа событіе, что нынѣшнее торжество, увѣковѣчившее память его для отдаленнѣйшихъ поколѣній, случились въ одинъ и тотъ же день, когда ниспослана была иная, великая радость Царскому Семейству и тьмочисленному племени вѣрнопопавшихъ.

Нельзя не вспомнить, что *осьмое Сентября* мы празднуемъ рожденіе первороднаго Сына Государя Наслѣдника. Это

обстоятельство придавало особый блескъ торжеству на мѣстѣ незабвенной побѣды.

Разскажемъ по сему случаю нѣчто случившееся въ Москвѣ назадь тому семь лѣтъ, когда особый вѣстникъ привезъ Первопрестольной драгоценное извѣстіе о рожденіи Великаго Князя Николая Александровича.

Однѣмъ изъ владѣльцевъ Куликова поля, пораженный совпадениемъ числа такихъ великихъ событій, возымѣлъ смѣлость чрезъ посредство этого вѣстника представить Государю Цесаревичу найденную тамъ древность, особенно напоминающую геройскіе подвиги того же знаменитаго дня,—покрытый въковомъ ржавчиною клинокъ меча, при письмѣ слѣдующаго содержанія:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

«Господь благоволилъ даровать Вамъ сына, новую драгоценнѣйшую надежду отечества, въ самый день побѣды, незабвенной въ памяти народной, безпримѣрной въ лѣтописяхъ нашихъ—въ день битвы Куликовской. Это сближеніе двухъ важныхъ для Россіи событій, какъ счастливѣйшее предзнаменованіе, усиливаетъ еще болѣе великія ожиданія, возбужденныя Его рожденіемъ. Оно внушило мнѣ дерзновеніе, снова предотать* предъ Ваше Императорское Высочество съ памятникомъ, сохранившимся со времени знаменитаго Мамаева побоища.

«Не задолго предъ симъ, посѣтивъ имѣніе свое на самомъ мѣстѣ славнаго сраженія, досталъ я отъ одного поселеннаго случайно вырытое имъ оружіе, — и эту замѣчательную древность осмѣливаюсь нынѣ повергнуть предъ колыбелью будущаго героя—защитника своего Царства, Порфиророднаго младенца Вашего.

«Удостоите принять мое благоговѣнное приношеніе, какъ жертву живѣйшаго усердія, какъ залогъ несомнѣнныхъ предчувствій, какъ слабое выраженіе одного желанія общаго съ обитателями всей обрадованной Россіи, да возрастетъ Онъ въ святомъ приослабленіи Божіяго благословенія, въ истинное утѣшеніе Августѣйшихъ Родителей и всего Царскаго Дома—въ живую память доблестей великаго Дѣда, давшего Ему Свое имя,—къ славу и благоденствію знаменитаго нашего отечества.»

Москва 14 Сент. 1843.

* При вступленіи въ совершеннолѣтіе Государя Наслѣдника съ званіемъ Атамана казачьихъ войскъ, тотъ же помѣщикъ имѣлъ счастье поднести Его Высочеству найденную на Куликовомъ полѣ чугунную булаву.

Его Императорское Высочество милостивым рескриптомъ изволилъ изъяснить совершенную признательность какъ за приношеніе, такъ и за чувствованія, изложенныя въ этомъ письмѣ.

Время не замедлитъ оправдать эти предположенія: дай только Богъ, чтобъ Россія никогда не имѣла нужды въ такихъ очистительныхъ жертвахъ, какія принесла на равнинахъ Мамаева побоища. Но если суждено ей биться еще за вѣру и независимость, или, какъ говаривали благочестивые наши предки, постоятъ за домъ Пресвятыя Богородицы, если суждено ей снова усмирять крामолы у сосѣдей: мы съ величавымъ спокойствіемъ возложимъ и нынѣ надежду на сонмъ Князей, возрастающихъ вокругъ Престола на охрану Руси православной, твердо вѣруя, что на главахъ сихъ Царственныхъ Вождей почіетъ выну покровъ Небесной Заступницы, чье благодатное рождество возвѣщаетъ спасеніе міру и побѣду надъ самимъ адомъ въ тоже самое знаменательное *осьмое число Сентября*. С. Н.

Въ свое время мы извѣщали объ открытіи въ Одессѣ богадельни сердобольныхъ сестеръ. Теперь можемъ представить нѣкоторыя подробности объ этомъ заведеніи.—Первая мысль основать въ Одессѣ новый христіанскій разсадникъ безмезднаго призрѣнія больныхъ возникла въ 1846 г. Главные ревнители этой мысли (Гг. Стурдза, Энно, Далласъ, Князь Гагаринъ, Карузо), для осуществленія ея, приступили къ сбору подаваній въ Одессѣ, и встрѣтили при этомъ сочувствіе многихъ. Не только частные благотворители, но и общественныя заведенія, имѣющія человеколюбивую цѣль (Одесское женское благотворительное общество и Одесская лечебница для приходящихъ), отозвались на призывъ къ сильной помощи именемъ Христовымъ. Въ началѣ 1849 года совершена была закладка зданія на участкѣ городской земли, отведенной учредителямъ безденежно. Но какъ ни значительны были собранныя пожертвованія (около 18 т. р. с.), но ихъ не доставало на совершенное возведеніе зданія, и Правительство, по ходатайству Князя М. С. Воронцова, разрѣшило выдачу учредителямъ изъ городскихъ доходовъ денежной ссуды въ 10 т. р. с., разороченной на 25 лѣтъ безъ платежа процентовъ. Эта важная помощь, при постоянномъ содѣйствіи частныхъ лицъ, быстро подвинула работы, и къ зимѣ прошлаго года новое зданіе доведено было до возможности помѣщенія въ немъ больныхъ и

сердобольныхъ сестеръ. Учредители въ то же время занялись внутреннимъ устройствомъ заведенія и выборомъ заранее благонадежныхъ лицъ, способныхъ постигать многотрудный подвигъ служенія больнымъ и достойныхъ будущаго своего призванія. Проектъ устава удостоился Высочайшаго утвержденія на три года, въ видѣ опыта.—Богадельня была открыта 1 Ноября прошлаго года, на память св. безсребренниковъ Козьмы и Даміана. Въ этотъ знаменательный день, три сердобольныя сестры, давно ожидавшія першаго мановенія свыше, введены были въ домъ безмезднаго призванія больныхъ, съ водосвятиемъ и молитвою, дабы предначать служеніе свое и добровольно подвергнуть себя испытанію въ теченіе цѣлаго года. Вслѣдъ за труженицами стали появляться и больные.... Наконецъ, 21 Ноября, была освящена больничная церковь, устроенная въ срединѣ зданія, при чемъ священнодѣйствовалъ и умилительно поучалъ присутствующихъ Пресвященный Иннокентій, Архіепискомъ Херсонскій и Таврическій.

Наканунъ этого замѣчательнаго дня, 20 Ноября, въ Минскѣ происходило освященіе вновь воздвигнутаго щедротами Государа Императора, собора во имя св. Апостола Петра и Павла. Храмъ этотъ сооруженъ на томъ же мѣстѣ, и частію на томъ же фундаментѣ, на которомъ, около 1616 г., построенъ былъ прежній соборъ св. Духа, обращенный въ послѣдствіи въ униатскую церковь. Онъ обладаетъ безцѣннымъ для христіанъ сокровищемъ — древнею чудотворною иконою Божіей Матери, которая признается таковою даже и католиками. Икона эта, какъ пишетъ Польскій историкъ Стебельскій, поставлена была нѣкогда В. К. Св. Владиміромъ въ Кіевѣ, въ Десятинной церкви, и находилась тамъ нѣсколько сотъ лѣтъ. При разграбленіи Кіева Татарами, она брошена была въ Днѣпръ, и чрезъ нѣкоторое время явилась въ Минскъ, на рѣкѣ Свислочи, противъ каменнаго замка, гдѣ, по необыкновенному сіянію, была замѣчена жителями города, взята и поставлена въ церкви замка (1500 г.), и находилась тамъ 116 лѣтъ, а съ того времени въ церкви Св. Духа, или нынѣшнемъ Петропавловскомъ соборѣ. Пресвященный Михаилъ, Епископъ Минскій и Бобруйскій, по окончаніи литургіи, произнесъ поучительное слово, въ которомъ живо изобразилъ судьбу Церкви нашей въ западномъ краѣ Россіи, и преимущественно въ самомъ Минскѣ, и развернулъ предъ слушателями картину бѣдствій, которыми, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, сопро-

вождалось здѣсь утѣшеніе Православія и обращеніе многочисленныхъ храмовъ нашихъ въ иновѣрческія и даже не-христіанскія молельни, такъ, что изъ всѣхъ церквей въ Минскѣ оставалось только одна, по выраженію проповѣдника, «какъ сѣмя будущаго возрожденія»....

Къ Одессѣ же относится новость, сообщаемая Парижскимъ корреспондентомъ Спб. Вѣдомостей. Онъ пишетъ, что во Франціи недавно сдѣланы значительныя закупки жернововъ, которые одинъ Французскій инженеръ намѣревается отправить въ Одессу и Крымъ, гдѣ онъ хочетъ устроить заводы на подобіе Англійскихъ, и предпринять молотбу хлѣба въ большихъ размѣрахъ. Почему бы Русскимъ торговцамъ и капиталистамъ Одессы не взяться за это предпріятіе, обещающее, повидимому, значительныя выгоды....

Зима въ Одессѣ началась тепломъ и безснѣжьемъ. Въ первой половинѣ Декабря было даже такъ тепло, что древесныя почки на сирени и нѣкоторыхъ другихъ кустарникахъ налились, какъ бы при наступленіи весны.

Но почти въ это же время, въ другомъ краю Россіи, именно въ Курской губ. происходило совершенно противоположное явленіе. 27 Ноября, теплая погода вечеромъ быстро начала вмѣняться: съ сѣверной стороны нашла тучи съ сильнымъ вѣтромъ и снѣгомъ, и холодъ достигъ до 15 градусовъ. Вьюга, при сильномъ с. в. вѣтрѣ, постоянно продолжалась двое сутокъ, такъ что въ нѣсколькихъ сажняхъ не было ничего видно. По окончаніи вьюги, найдено на поляхъ 9 уѣздовъ замерзшихъ 213 человекъ; всѣхъ болѣе пострадалъ у. Фатежскій (слишкомъ 80 чел.).

27-го же Ноября свирѣпствовала страшная буря въ губерніяхъ Тульской и Калужской. Сила и продолжительность вьюги (въ теченіе трехъ сутокъ) были таковы, что подобной не запомнятъ самые старые старики. Большая оттепель, предшествовавшая этой вьюгѣ, внезапно возвысившійся холодъ (до 15, а мѣстами до 20^о), и церковный праздникъ Знаменія Божіей Матери, по случаю котораго во многихъ селеніяхъ были торги, увеличили гибельныя послѣдствія вьюги до того, что народъ, захваченный ею врасплохъ, валился сотнями. Изъ Калужской губерніи, черезъ нѣсколько дней послѣ вьюги, пишутъ: «Погибло большое число людей, и хотя глубокій снѣгъ не позволяетъ еще открыть всѣхъ пропавшихъ безъ вѣсти, однако до сего времени

найдено уже 311 замерзших тѣлъ. Вьюга была столь сильна, что гибли даже животныя; такъ, напримѣръ, въ Жиздринскомъ уѣздѣ найдено нѣсколько подводъ, поѣхавшихъ въ тотъ день за дровами въ лѣсъ, въ которомъ погибли и люди и лошади. Кроме того, сильный вѣтеръ во время вьюги раскрылъ и разрушилъ многія строенія въ городахъ и селеніяхъ, повалилъ большое число лѣса; нѣтъ ни одного узда, гдѣ бы онъ не оставилъ печальныхъ слѣдовъ.»—Въ Тульской губерніи доселѣ найдено было 140 человекъ, погибшихъ въ продолженіе этой вьюги.

Въ этотъ же самый день (27 Н.), въ Верхнеудинскѣ (Иркутской губ.) чувствуемо было значительное землетрясеніе, которое продолжалось не болѣе минуты, и, какъ слышно, не причинило никакого вреда.

А въ прочихъ мѣстахъ вездѣ болѣе или менѣе веселятся и наслаждаются жизнію, по своему усмотрѣнію и средствамъ. Провинціальныя театры, напримѣръ, говоря относительно, процвѣтають. Такъ въ Севастополѣ, по примѣру Одессы, образовались двѣ труппы: Русская и Италіанская, очень посредственныя, судя по отзывамъ мѣстныхъ критиковъ; но актеръ, играющій трагическія роли, Г. Горевъ-Тарасенковъ, по словамъ тѣхъ же критиковъ, превосходитъ. Боимся принимать вполне слова Севастопольскаго рецензента; но хорошо бы уже и то, если въ нихъ есть хотя на половину правды.

Въ отдаленной Сибири, въ Иркутскѣ также открылся постановленный театръ. «На первомъ представленіи, пишутъ оттуда, театръ совершенно былъ полонъ, и всѣ остались въ восхищеніи отъ прекрасныхъ декорацій и костюмовъ. Составъ труппы совершенно удовлетворительный....»

Изъ Ярославля увѣдомляютъ, что послѣдняя половина Декабря отличалась тамъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ общественныхъ удовольствій. «Каждый день обвѣщаль и приносилъ съ собою что-нибудь новое. Балы, концерты, театръ, олимпійскій циркъ Гверры, и наконецъ «замѣчательныя по безыскусственному, самоучному, но далеко развитому искусству, представленія мѣстнаго Раппо.» Явленію Раппо-самоучекъ считаемъ долгомъ радоваться, хотя увѣрены, что иной мужичекъ, въ простотѣ сердца и не думающій хвалиться своею силою, заткнеть за поясъ любого Раппо и компанію....»

Известныя артистки Г-жи Погожевы давали въ Костромѣ концертъ, въ которомъ участвовало нѣсколько тамошнихъ любителей музыки, а слушателей явилось слишкомъ двѣсти человекъ. Концертъ этотъ обнаружилъ, что у одного изъ Костромскихъ помещиковъ есть очень хорошій домашній оркестръ, и что капельмейстеръ его, вѣроятноупущенный, «отличный» музыкантъ.

Въ Воронежѣ нѣсколько лѣтъ существуетъ театръ, которому фельетонистъ тамошнихъ Вѣдомостей часто посвящаетъ свое перо. Но о Воронежѣ мы пока сообщимъ извѣстіе другаго рода. Если помните, Москвитянинъ, года съ полтора тому, извѣстилъ публику объ удивительномъ излеченіи, которое испыталъ одинъ изъ Воронежскихъ жителей, Н. В. Баталинъ. Врачи улыбнулись, прочитавъ это извѣстіе, профаны недоувѣрчиво покачали головой. А теперь вновь подтверждается чудесное излеченіе. Въ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (№ 48), рядомъ съ историческими матеріалами — челобитьемъ стольника Морозова и росписью служивыхъ людей — мы встрѣтили статью подъ заглавіемъ: «Чудесное излеченіе нароста», написанную Г. Кармановымъ. Въ ней авторъ рассказываетъ, что у него въ 1832 г. образовался позади праваго уха наростъ, который, увеличиваясь постепенно, «не по дюймъ а по часамъ», достигъ наконецъ въ ширину до 2½ вершковъ въ діаметръ и въ вышину до 1½ в. При столь вначительной величинѣ, онъ получалъ такую тяжесть, что началъ склоняться на шею къ левому плечу. Рѣшившись, по совету доктора, говорить авторъ надеется, не дѣлать операціи, я приходилъ въ отчаяніе отъ усилившихся еще болѣе болезненныхъ припадковъ». Прочитавъ, въ предѣльномъ году, статью изъ Москвитянина о новомъ способѣ уничтожать наросты безъ операціи, Г. Кармановъ обратился ко владѣльцу этого секрета — Н. В. Баталину, который съ небольшимъ въ два мѣсяца уничтожилъ наростъ, и возвратилъ здоровье своему пациенту. Все леченіе состояло въ прикладываніи къ шишки какой-то мази, составъ которой извѣстенъ одному Г. Баталину. И такъ имѣющіе несчастіе носить какіе-либо наросты благоволятъ отправляться въ Воронежъ.

Что касается до Воронежскаго театра, то, въ противоположность Севастопольскому, драма въ немъ сильно хромаетъ, а водевилъ бодро идетъ, и не смотря на это, драма составляетъ непримѣнную принадлежность всякаго бенефиса.

Впрочемъ, пока довольно о провинціальныхъ театрахъ. Не представила ли какихъ новостей провинціальная литература? Представила, но не много, по крайней мѣрѣ замѣчательнаго. Назовемъ, однако, что есть.

Прежде всего, какъ объ ученѣмъ явленіи, должно упомянуть, что въ Кіевѣ, при Университетѣ Св. Владимира, открытъ конкурсъ для лицъ, желающихъ занять должность Адъюнкта по кафедрѣ частной терапіи. Конкуррентъ, кромѣ выполненія обыкновенныхъ условій программы, обязанъ представить, къ 1 Августа этого года, разсужденіе на Русскомъ языкѣ на тему: «указать на тѣ успѣхи, которыми обогатились объективная діагностика грудныхъ болѣзней со времени Лэннека, обозначивъ вмѣстѣ и вліяніе, которое имѣло на терапію это новое ученіе, особенно при настоящемъ развитіи патологической анатоміи».

Въ Воронежѣ издаются: «Древнія грамоты, и другіе письменные памятники», относящіеся къ этой губерніи и заключающіе въ себѣ довольно любопытныхъ историческихъ матеріаловъ. Этого собранія, издаваемого Гг. Второвымъ и Александровымъ-Дольникомъ, вышло доселѣ два выпуска. Тамъ же началось изданіе «Очерковъ Воронежской губерніи». Хвалимъ и прославляемъ.

Въ Орлѣ вышла первая сотня высушенныхъ растений мѣстной Флоры, изданіе которой предприняли Гг. Тарачковъ и Поганка. Сколько извѣстно намъ, это третья Флора изъ изданныхъ въ послѣднее время: Московская успѣшно приводится къ окончанію Г. Аппенковымъ, Одесская же прекратилась за смертію издателя, молодого ботаника Гербановскаго.

«Новоросійскій Календарь» на этотъ годъ, какъ и всегда, отличается разнообразіемъ содержанія и красивою наружностію. Въ IV отдѣлѣ его, имѣющемъ не одну мѣстную занимательность, помѣщены слѣд. статьи: 1) Обзоръ южнаго берега Крыма; 2) Описаніе Молочанскаго колонистскаго округа; 3) Музей Одесскаго Общества Исторіи и Древностей; 4) Химическое разложеніе воды и цѣлительной грязи Чокракскаго солянаго озера, и 5) Извѣстіе о предполагаемой въ Одессѣ часовнѣ, литографированный видъ которой приложенъ къ заглавному листку Календаря.

О «Кавказскомъ календарѣ» будемъ говорить въ слѣд. номерѣ.

Во Владимірскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ подъ редакціею Г. Доброхотова, часто помѣщаются любопытныя описанія

санія мѣстныхъ достопримѣчательностей. Описывая село Воскресенское (въ 51 №), Щенячья слобода тожь, Г. Доброхотовъ замѣчаетъ: «Жители уѣзда, особенно крестьяне, хорошо знаютъ мѣстность окрестныхъ селеній, изъ которыхъ нѣкоторымъ присвоены народныя названія, — а когда они или отъ чего произошли — или совсѣмъ неизвѣстно отъ давности, или, ежели и есть въ народѣ какія преданія, то они иногда темны, или столь *нелѣпы*, что по этому и не могутъ перейти на страницы газеты». Позволимъ замѣтить, что авторъ напрасно жалуется на кажущуюся ему нелѣпость: чѣмъ нелѣпѣе преданіе, тѣмъ интереснѣе оно въ какомъ-нибудь отношеніи, и благочиніе Владимирскихъ Ведомостей отнюдь не постраждетъ отъ этой мнимой нелѣпости. Передавайте народныя созданія какъ они есть, безъ измѣненій и искаженій,—и будьте увѣрены, что заслужите спасибо.

Извѣстіе не литературное, но также относящееся къ области просвѣщенія, сообщаютъ намъ изъ Георгіевска. На бывшую тамъ Никольскую ярмарку привезено была товаровъ слишкомъ на 360 т. р. с., а продано менѣе чѣмъ на половину этой суммы. Въ числѣ товаровъ находились и *книги*, которыхъ привезено было слишкомъ на 1000 р. с., а продано почти на треть этой суммы. Но уже одно то, что въ Георгіевскѣ, на Кавказѣ, гдѣ главные покупатели станичныя казаки и горцы изъ окрестныхъ ауловъ, что тамъ на ярмаркѣ явились книги—это обстоятельство достойно быть замѣченнымъ.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

МАГАЗИНЪ МОДЪ И РУКОДѢЛЪЯ, издаваемый Г-жею Кошелевскою. Нѣсколько лѣтъ издавались въ Москвѣ «Вѣстникъ Парижскихъ модъ» и «Магазинъ рукодѣлъя», издавались добросовѣстно, улучшаясь съ каждымъ годомъ. Теперь оба эти изданія, для пользы публики, слились въ одно, и отъ соединенія ихъ образовался «Магазинъ модъ и рукодѣлъя», магазинъ богатый, разнообразный и обильный, наполненный самыми свѣжими новостями модъ, которыя онъ предлагаетъ своимъ читателямъ *два* раза въ мѣсяць. Различные узоры для вязанья, шитья и вышиванья, канвовые рисунки, выкройки, и наконецъ прехорошенькія модныя картинки, выписанныя изъ Парижа, и все это съ необходимыми объясненіями, все красивое до чрезвычайности— таково содержаніе новаго «Магазина». Онъ вмѣщаетъ въ себя все необходимое по части модъ и рукодѣлій, и имѣя его, не нужно запасаться ни *Moniteur de la mode*, ни *Petit courrier*, ни *Modes parisiennes*, ни *Journal des broderies*, словомъ, не нужно ничего, что составляло до сихъ поръ, такъ сказать, библіотеку изящнаго туалета. Важно еще то обстоятельство, что «Магазинъ» издается *далюю*, и что цѣна его очень умеренна: 10 руб. сер., а съ пересылкою 11. *Avis aux dames!*

ГОРЫ ВЪ КУПЕЧЕСКОМЪ СОБРАНІИ. Въ послѣдніе два-три года Купеческое Собраніе оказало особенную дѣятельность въ доставленіи удовольствій своимъ многочисленнымъ посѣтителямъ. Балы и маскарады, лѣтомъ и зимою, превосходные оркестры музыки, роскошные обѣды, для которыхъ нерѣдко привозили живыхъ стерлядей за двѣсти-триста верстъ — вотъ плоды этой дѣятельности, приносящіе честь старшинамъ Собранія и полное удовольствіе гостямъ. Съ прошлаго года Купеческое Собраніе учредило библіотеку, а въ нынѣшнемъ, подражая старинѣ, устроило горы. Отдѣланы онѣ такъ красиво и удобно, бесѣдка для посѣтителей такъ уютна и даже роскошна, что желающихъ кататься

является каждый день множество, особенно по воскресеньям, когда на горахъ играетъ полковая музыка. *Montagneuses* говорятъ Французы. Да, господа, Русская народная забава, полезная для здоровья, не хуже гимнастики, исполненная жизни и поэзіи. Посмотрите на катанье въ ясную погоду, когда лучи солнца дробятся милліонами алмазовъ и рубиновъ на снѣжномъ коврѣ, а опущенныя инеемъ вѣтви деревьевъ радужно искрятся, когда

Лавины жарче вѣшнихъ рѣкъ

Вылаютъ голодомъ и кровью...

когда живительный морозъ освѣжаетъ, бодритъ нашу Русскую натуру, движеніе разогрѣваетъ кровь, а сердце замираетъ отъ удовольствія, когда летишь по льдистой дорогѣ, и, кажется, готовъ закричать встрѣчному вѣтерку, какъ Пушкинскій Гусарь звѣздочкамъ: держи правый!.... Посмотрите на наше катанье и въ лунную ночь, когда темно-голубое небо, усыпанное звѣздами, таинственная тишина въ воздухѣ, чудныя отраженія сребристаго свѣта и разноцвѣтные огни, разставленные по скату горы, придаютъ еще болѣе живописности одушевленной картинѣ. Прибавьте, наконецъ, звонкій, веселый говоръ, которому вторятъ хрустящій снѣгъ и полетъ санокъ, дополните все это участіемъ прекраснаго цола — и вы получите особое понятіе о нашихъ горахъ. «*C'est très joli....*» Подивитесь же, что это прекрасное увеселеніе стало встрѣчаться у насъ рѣже и рѣже; даже и Прѣсенскихъ горъ нѣтъ, и подъ Новинскимъ негдѣ покататься.... «Вашъ климатъ!».... Да, это правда, нашъ климатъ очень непостояненъ и чрезвычайно вреденъ для прѣважнихъ гостей. Представьте, что случилось на дняхъ въ Москвѣ. Прѣважаетъ къ намъ, разумѣется въ видѣ туриста.... гремучій змѣй. Свита съ нимъ была таки порядочная: два льва, шакалъ, гіена и другіе господа этого рода — цѣлый звѣринецъ, словомъ. Пожаловалъ сюда гремучій змѣй вѣроятно не потому, чтобы соскучился жить на своей родинѣ, а чтобы потеплѣе было жить на свѣтѣ содѣрателю звѣринца. Очень рады. Проходитъ нѣсколько дней — змѣй ежится. Что съ тобою? спрашиваютъ товарищи. Бррр! холодно!.... чрезъ силу прошипѣлъ

гость. Удвоили силу жара печки, назначенной замѣнить для него природу, выписали снарядъ подѣ названіемъ «нѣтъ болѣе холода въ комнатахъ,» стали топить новоизобрѣтеннымъ способомъ: нѣтъ, ничто не помогало, змѣю становилось все холоднѣе, все хуже, и чрезъ нѣсколько дней, послѣ кратковременныхъ страданій, онъ испустилъ духъ свой. Объявляя объ этой великой потерѣ, содержатель звѣринца говоритъ: «Къ несчастію моему, гремучій змѣй не могъ болѣе жить, и показываться будетъ мертвый въ спиртѣ и теперь удобнѣе можно видѣть кольца, которыми онъ обыкновенно гремитъ». (Моск. Полиц. Вѣд. N 7). Лѣтъ тридцать тому, въ Москву пріѣзжалъ бѣлый медвѣдь. Его каждые полчаса окачивали утромъ студеной -- престуденой водой, градусохъ при двадцати мороза, а ему все-таки казалось жарко, и онъ поминутно развѣвалъ свою пасть для освѣженія. Угоди гостямъ! Климатъ нашъ, дѣйствительно, вреденъ, заключаютъ многіе.

P. S. Москвичи, желая оправдаться, распускаютъ слухи, что змѣй былъ чахоточный; но этому [трудно повѣрить, хотя точно въ старые годы намъ показывали львовъ, которые смотрѣли баранами.

12 Января былъ торжественный Актъ въ Московскомъ Университетѣ, о которомъ будемъ говорить въ слѣдующей книгѣ.

МЕЛКОТРАВЧАТЫЕ *).

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ОХОТНИЧЬЕЙ ЖИЗНИ.

Однажды, въ пасмурный осенній вечеръ, я засидѣлся у соседа-помѣщика, и, по неизъяснимой, привычкѣ торопиться домой, нужно ли это или совсѣмъ не нужно, я, не внимая никакимъ убѣжденіямъ, рѣшился ѣхать. Мы распрощались.

Два человека, держа каждый по свѣчкѣ въ рукѣ, открывали мнѣ путь по крутой и высокой лѣстницѣ; добравшись кое-какъ до послѣдней ступеньки, я невольно ахнулъ: отворенная настежь дверь нарисовала моему вдругъ притупѣвшему зрѣнію картину самаго темнаго, мокраго и холоднаго погреба; на вершокъ отъ носа, кромѣ мрака, пахнувшего мнѣ въ лицо, не умѣю сказать чѣмъ, ничего не было видно; одну свѣчу задуло тотчасъ; наконецъ, посредствомъ другой, выставленной на показъ вѣтру, въ вытаращенныхъ глазахъ моихъ мелькнуло на мгновеніе полубода передняго колеса и половина хвоста лѣвой пристяжной; все остальное пожиралъ мракъ.

— Игнатка, ты тутъ? — спросилъ я, подвинувшись на четверть впередъ, и махая руками по воздуху.

— Здѣсь! — отвѣчалъ Игнатка, и по звуку этого длиннаго и сухаго „здѣсь“; я тотчасъ смекнулъ, что лицо Игнатки было — живая копія съ темноты и погоды.

— Какъ же? Десять верстъ не близко. Какъ мы доѣдемъ?

— Авось.... выѣдимъ.... аглѣдимси....

Я отыскалъ ощупью кузовъ тележки; большая капля упала мнѣ на носъ; пристяжная встрепонулась и загремѣла бляхами; свѣчка погасла. Я съѣлъ.

* Мелкотравчатыми, на охотничьемъ языкѣ, называются тѣ охотники, которые, по недостатку, держатъ не болѣе трехъ или пяти собакъ, и охотятся съ нами безъ гончихъ — на хвонки.

Выѣхавши со двора, нужно было повернуть тотчасъ на право, и спускаться по излучистому пригорку, окаймленному съ одной стороны садовымъ тьномъ, а съ другой отвѣсною водоюиной, которая, расширяясь постепенно, спускалась вмѣстѣ съ этимъ узкимъ прозадомъ къ плотинамъ, пересѣкавшей большой прудъ. Эта дорога, и днемъ, какъ то известно и памятно было всѣмъ и каждому, считалась не изъ лучшихъ. Дѣло въ началѣ пошло у насъ очень степенно, хотя по частому трясенію головы кореннаго битюка, я нехотя уразумѣлъ, что онъ видимо терялъ охоту къ солидному отправленію своей должности. Наконецъ онъ заблаго-разсудилъ пуститься рысцой: схватясь обѣими руками за грядки тельжки, я не успѣлъ еще порядочно одуматься, какъ одна изъ пристяжныхъ вдругъ скрылась изъ глазъ; раздалось громогласное тпррру! пара остановилась; Игнатка, крехтя, охая, и причитывая что-то, полѣзъ съ козель. По повѣркѣ оказалось, что она попала въ яму, изъ которой мужики роютъ глину. Употребя около получаса на устройство оборваннаго валька и упряжи, мы, наконецъ, благополучно очутились на другой сторонѣ плотины.

— Не вернуться ли, Игнатка? Судя по началу, намъ не скоро добраться до дома!

— Авооъ, теперь — Богъ милосливъ.... штоп-нимъ тутъ, окалннныя.... дуй васъ горой!.... середь вѣды глину роютъ.... и баринъ-то у нихъ, согрѣшилъ-грѣшный.... Право-ну. Эхъ-ма.... домой бы....

Все это причитываніе сопровождалось причитнымъ количествомъ вховъ, вздоховъ и покрываній, вока Игнатка усаживался и подбиралъ возжи; наконецъ, послышалось одно изъ невыразимыхъ междуметій, и послѣдующее за темъ; „Э-а-Бо-гомъ“ и лошади побѣжали рысью.

Притъ ата, однакожь, продолжалась не долго: но судорожному встряхиванію и нисколько не уладительной качкѣ акицажа, неминуемо слѣдовало прильпиться къ довольно-основательной мысли, что мы прогуливаемся вовсе не по дорогѣ; послѣ изряднаго толчка слѣдовало неизбежное тпррру! и немедленное отправленіе Игнатки для отысканія болѣе эластическаго пути.

Оставшись одинъ, я отъ бездѣлья началъ приспособлять свое тупое зрѣніе къ сказанному Игнаткой „агидномъ.“ Успѣхъ былъ такъ великъ, что я увидалъ дугу; лошади ступовывались

от грунтомъ. Минутъ двадцать прошло въ частыхъ перекладкахъ; въ причитываній, казнили онѣ конспондировались, я выводилъ заключеніе, что мы „безъ сомнѣнія“ обойдемъ лѣшнимъ.

На горизонтѣ мгновенно блеснула и потасала искорка огня, и заронила на мою голову частичку сѣтлаго соображенія: если этотъ блескъ изъ кабинета ослѣда, думалъ я, то наша путь: держь направо; ослабь въ передней, то ослѣдуетъ круто повернуть назадъ.

— Верить, а баринь! Мы не туда ѣдемъ — сказалъ Игнатка, подойдя ко мнѣ на голось.

— Вѣрю, мой милый. И даже вѣрю, что мы теперь вовсе никуда не ѣдемъ, а преспокойно стоимъ на мѣствъ.

— Какъ же быть-то?

На этотъ разъ, гитомъ, быть терять свою вспомогательную силу.

— Надо найти дорогу, и ѣхать по ней, — отвѣчалъ я, послѣ короткаго раздумья.

— Вонъ тамъ влѣвъ дорога есть, да видно не наша.

— А коли есть, такъ она и наша.

Вздохая и причитывая, Игнатка велъ коренную подъ уздцы; саженой двѣсти продолжалась качка, наконецъ колеса покатались плавно; стало замѣтно, что мы перемѣнили направленіе: мелкій сыпучій дождикъ увлаживалъ мой правый бокъ. Съ помощію „агладимси“, я предался наслажденію — созѣрцать Игнатку въ непрерывномъ поклоненіи дорогъ, то на право, то на лѣво; часа два времени протекло незамѣтно; лошади нѣсколько разъ порывались бѣжать рысью, но междуметіа Игнатки и вожжи мѣшали ихъ усердію; наконецъ раздалось новое тпррру! и коренная уперлась въ межевой столбъ. По тщательномъ осмотрѣ оказалось, что мы стоимъ на расчутыи трехъ дорогъ. Не желая получить вмѣсто одного три вопроса вдругъ, я обратился первый къ Игнаткѣ:

— Какъ думашь, гдѣ мы?

— Идѣ это мы? Атцы мои.... Ахъ дуй-тѣ горой.... Съ нами крѣстная сила.... Кудажь теперь? — было отвѣтомъ.

Черезъ десять минутъ Игнатка снова затянулъ „Э-з-Богомъ“, и лошади впустились труппой по неизвѣстному всѣмъ намъ пути.

Дождикъ началъ переставать: я накрылъ голову мокрымъ воротникомъ шинели, рѣшился ни о чемъ же думать, но часъ времени прошелъ по пустому. Стало скучно.

— Игнатка, свой что-нибудь; ты-таки мастеръ.

— Эхъ, сударь, грѣхъ-отъ какой! И гдѣ водится, чтобы въ е-такіе разы, кто сталъ пѣсни пѣть. Ну, неравенъ случай, какъ съ дядей Никифоромъ.... Ну, какъ не приведи.... да-вотъ.... съ нами крестная сила.... — Игнатка поспѣшно началъ креститься.

Впереди насъ, казалось невдалекѣ, вдругъ заблестало нѣсколько отдѣльныхъ огоньковъ; всѣ они какъ будто были въ движеніи; нѣкоторые изъ нихъ свѣтились очень ярко и отбрасывали искры, другіе были слабѣе, но передъ ними двигалось какія-то неясвенныя фигуры и тѣни. Полагая, что эта перестановка происходила отъ движенія нашего экипажа, я велѣлъ остановиться; но сумятица все-таки продолжалась: всего же страннѣе было видѣть то, какъ одинъ изъ этихъ огоньковъ вдругъ исчезъ, и на мѣстѣ его тотчасъ появилась другой гораздо ярче и пламеннѣе, и вслѣдъ за тѣмъ снова начиналось передвиженіе.

— Э-ва! расплясались! Чтожъ, сударь, куда теперь ѣхать прикажете?

— Ступай прямо на освѣщеніе.

Вмѣсто должнаго исполненія, Игнатка обернулся, и смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Говорять тебѣ, ступай.

— Баринъ, а баринъ!.... Неужто вы занапрасно хотите душу губить!

— Дуракъ, гдѣ есть огонь, тамъ навѣрное если не тепло то сухо, Пошелъ прямо!

Вдохнувъ глубоко, Игнатка повиновался. Не смотря на близость освѣщенія, мы ѣхали не меньше часа, то спускался въ лощины, то поднимался на бугры; по мѣрѣ приближенія нашего къ освѣщенію, оно слабѣло и погасало; не желая потерять изъ вида и послѣдняго изъ этихъ свѣточей, я велѣлъ свернуть съ дороги и ѣхать прямо; послѣ мучительнаго переѣзда по пашнѣ, мы выбрались на луговину, и очутились у опушки лѣса, на концѣ котораго временами еще блестѣлъ огонекъ. Пропутавъ довольно долго между порубей и кочекъ, мы снова попали на дорогу, которая шла близъ самой опушки. Разсчитывая по мѣсту и вре-

мни, я былъ вполне увѣренъ, что мы находились вблизи виднаго нами огня: въ воздухѣ былъ слышенъ запахъ дыма и копоти, и сквозь густую кущу деревь блеснула синеватая искорка угасающаго огня; но въ ту минуту, какъ я намѣревался остановиться для свидѣтельствованія этой надежды на просушку, сонная чаща, казалось, пробудилась. Въ одно мгновеніе послышался звонъ желѣза, шумъ, трескъ, лай и ревъ огромной стаи псовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вся эта орава, казалось, со всею кущею березъ, дубовъ и осинъ, рушилась прямо на насъ: болѣе я ничего не увидѣлъ, потому что въ это время раздался въ ушахъ моихъ неистовый крикъ Игнатки, и лошади во весь духъ помчали насъ снова на кочкватый дугъ. Уцѣпившись крѣпко за телѣжку, я несся какъ стрѣла; кувыркался со стороны на сторону, бросаю возжи и закрывъ лицо руками, Игнатка, при каждомъ толчкѣ, прыгала передомною какъ эластическій мячъ; раздался одинъ изъ самыхъ сокрушительныхъ ударовъ о пень, телѣжка крякнула, наконецъ Игнатка прыгнувъ выне обыкновеннаго, и, въ то же мгновеніе, вмѣсто его залясала передо мной дуга; склонившись на бокъ, я промчался еще нѣсколько сажень впередъ; наконецъ последовалъ отчаянный скачекъ выне, дуга скрылась, подо мной что-то грохнуло, плеснуло, я щелкнулъ зубами и очутился верхомъ на пристяжной. «Агдѣдимъсь», я увидаль вверху надъ собой цѣлую стаю скованныхъ попарно собакъ: всѣ онѣ, казалось, не рѣшались приблизиться ко мнѣ по причинѣ крутаго спуска; вскорѣ послышалось хлопанье арапниковъ, и какіе-то силоватые голоса кричали: «матрышъ! къ нему! въ стаю!» Вмѣсто Игнатки надо мной вверху, между собаками, появился двѣ длинноватыя тѣни, въ родѣ человѣческихъ.

По пересылкѣ изряднаго количества вопросныхъ пунктовъ, сверху внизъ и снизу вверхъ, двѣ тѣни тотчасъ превратились въ Ипатку и Ваську, двухъ смиренныхъ выжлятниковъ графа Атукаева, моего давнишняго знакома, который, находясь въ эту ночь въ отъѣзжѣ, изволилъ раскинуть въ лѣсу палатку и развести эти блудящіе огни, такъ долго служившіе мнѣ вмѣсто маяка.

По окончаніи спросовъ и допросовъ, я вскорѣ былъ вызванъ тѣнями на сухую почву, и, съ помощію прибывшихъ на голосъ ихъ псарей, прежде всего пустился въ ровыски. Видя,

что все призывы остаются безъ отвѣта, мы вооружились фонаремъ и съ нимъ уже нашли посередѣ дуга четырехъ гончицъ, которыя что-то усердно обнюхивали. Мы пошламъ туда: помѣстясь между двухъ мягкихъ кочекъ, Игнатка лежала вверхъ носомъ, и смотрѣла на все изогнутыми глазами. Только мой голосъ способенъ былъ вызвать его изъ этой нѣмой созерцательности. Сложивъ все доказательства во-едино, мы наконецъ привели его въ чувство; но убѣжденіе въ томъ, что мы были обидены дѣлшимъ, отвѣдалъ себя клятвенное обѣщаніе сохранить *до конца гроба жизни*, и отравился вытаскивать лошадей изъ тины.

Между тѣмъ, огни запылали снова; я подошелъ къ одному изъ костровъ, надъ которымъ кипѣла въ большомъ котлѣ собачья кушанье, и, вынувъ изъ кармаза часы: отрывка показывала три. После часовъ, глазамъ моимъ представили три огромныя фуры, такой емкости и величины, что каждая изъ нихъ способна была поглотить самую многочисленную семью правозабраго. Кутулы.

Одна изъ этихъ громадъ была на рессорахъ, длиннѣе прочихъ, и, по множеству круглыхъ окошекъ, прорѣзанныхъ въ обшивку бочекъ кузова, являла изъ себя собачью колодезную. Кроме этихъ великановъ кипячковой породы, подъ сѣнью ихъ стояли дрожки и другіе крытые экипажи, и, сверхъ того, въ разныхъ мѣстахъ, смиренныя Русскія телеги, вокругъ которыхъ, цѣпками и десятками, стояло около шестидесяти острѣкъ лошадей.

Обрамленная съ обшивки спереди двумя острогами дѣса, площадка вдавалась мысомъ въ нагроможденную кучу сѣнника, подъ сѣнью котораго бѣлалась въ изумракѣ низенькая падапка, а подлѣ нея—нѣсколько шалашей, наскоро устроенныхъ изъ вѣтвей, соломы, попоны и войлоковъ.

Одно изъ самыхъ огромныхъ пепелищъ было обставлено треножниками; кострюлями, котелками, лициками, самоварами и прочими кухмистерскими принадлежностями; кроме того въ разныхъ мѣстахъ было постлано множество соломы, на которой покоились борзые, или туго свернувшись кренделькомъ, или на всемъ боку, нѣжно потягиваясь и выпрямляя усталыя ноги.

Я раскурилъ сигару, и занялся разсматриваніемъ подробности этой картины. Псаря и конюхи пробуждались поочередно, и высказывая, то изъ среды борзыхъ, то изъ чаши, немедленно приступали къ исполненію должностей; лошади нача-

ля потихоньку рычать и постукивать лапками, храбро поглядывая на пристукивающих съ горбами къ одной изъ оура, для насыпки овса; то вдругъ, которая-нибудь изъ собакъ вскакивала, садилась на четвереньки, горбилась, звала, вытаскивала шкуру, и потомъ, сделавъ изъколько вольтовъ на мѣстѣ, ложилась снова и свертывалась въ клубокъ: эта перекладка на другой бокъ сопровождалась неизбежнымъ рычаньемъ одной или обѣихъ соседок; иногда изъ нихъ были такъ неужидчивы, что вскакивали сами, съ живымъ нагнетениемъ къ дракѣ, затѣвалось общее ворчанье; въ такомъ случаѣ немедленно присоединялся къ нимъ голосъ котораго-нибудь изъ псарей: »Но-о! а-си-на! въ овал-ку«, и спокойствіе водворялось. По примѣру борзыхъ, я также началъ повертываться передъ дымавшимъ костромъ. Но вотъ въ палаткѣ подымалось одно изъ тѣхъ многозначительныхъ покрякиваній, которое на всякъ древнихъ и новыхъ мартіахъ значить одне: „я преснулъ по своей волѣ“, черезъ минуту раздалось мягкое, эластическое „ей!“, и два воора побѣжали къ крайнему шалашу:—„Артамонъ Никитичъ, Артамонъ Никитичъ! графъ проснулъ.“ Въ отвѣтъ на это раздалось громкое и быстрое „сейчасъ“, и вѣселей, стройный малый рыскающій изъ шалаша въ одномъ жилетѣ. Онъ тотчасъ напалъ на себя темный казакинъ, и не мешкая отправился къ личицамъ: вынулъ серебряный судокъ съ пустымъ стаканомъ, подъ лѣвую мышку захватилъ графинъ съ водой, а къ правую руку вадъ бутылку съ фонаремъ.

На встрѣчу къ нему изъ палатки вывила красивая Борзая собака, потянулась сначала назадъ, потомъ впередъ, потомъ уперлась на всѣ четыре лапы, мощно встряхнулась, багряными ошейникомъ и замахала хвостомъ, приветствуя Артамона Никитича.

Отправивъ вслѣдъ за графиномъ и бутылкой, я слышалъ въ началѣ явственные признаки полосканія графскаго рта, потомъ полосканіе стакана и всплескъ воды на траву, потомъ, когда вслѣдъ за этимъ всплескомъ стаканъ снова началъ наполняться жидкостью, уже не изъ графина, а изъ бутылки, я успѣлъ раза два поглядѣть мягкіе и красивые завитки сѣраго Чауса.

— Кажется ночью былъ дождикъ?—спросилъ Атукаевъ своего камердинера, послѣ трехъ звучныхъ глотковъ.

Я тотчасъ смекнулъ, что человекъ, имѣвшій удовольствіе размачивать себя въ продолженіе семи часовъ, имѣеть водное

право доносить о дождяхъ, слякотахъ и прочихъ выскоткахъ природы, а потому, не желая вводить въ грѣхъ полусоннаго камердинера, входя въ палатку, сказалъ:

— Былъ, и очень порядочный.

Въ отвѣтъ на это донесеніе, меня встрѣтили венебавинны:— ба, ба, ба! и слѣдующія ватамъ привѣтствія, что я свалился съ неба.

— Просто-напросто, твоимъ выжлѣтниками вытѣщали меня изъ какой-то трясины, — оказалъ я, усаживаясь на графскую постель, состоящую изъ полукошмы сына, застланной Персидскими коврами.

Послѣ этого немедленно пошло въ ходъ подробное описаніе моего путешествія, въ замѣнъ котораго, по примѣру новѣйшихъ романистовъ, слѣдовало бы тотчасъ заняться описаніемъ графской особы, но мы отложимъ это докучное занятіе до болѣе удобнаго времени, а на мѣсто его приведемъ на видъ одно лишь идущее теперь къ дѣлу заключеніе отставнаго морнета Трутнева, который, перечитывая на досугъ одну изъ главъ узвѣдной характеристики, постоянно оканчиваетъ ее слѣдующею одвообразною формулою: „вотъ, хоть бы Атукаевъ, даромъ, что графъ—и по богатству и по всему, кажется бы слѣдовало имѣть свою амбицію — а посмотрите, что такое: такъ себя, нишъ брать — Савка!“

— И прекрасно, — сказала Атукаевъ, выслушавъ до конца мое повѣтованіе, это тебя въ наказаніе за постоянные отказы, потѣшиться вмѣстѣ съ нами хоть одинъ денекъ. Ну, теперь, какъ же ты хочешь поступить на счетъ дальнѣйшаго страгтованія?

— Это будетъ зависеть отъ тѣхъ удобствъ, какія представитъ мнѣ мой экипажъ при появленіи своемъ изъ болота.

— А по моему, такъ эту статью придется повести иначе.

— Какъ же?

— А вотъ какъ это мы устроимъ. Во первыхъ, ты, какъ прибудная овца, волею-неволею, долженъ будешь прилѣпиться къ нашему стаду, и я, какъ пастырь, беру тебя на день подъ свою опеку. Второе и главное есть то, что у меня вчера здѣсь былъ передохъ (*), и вечеромъ подвыли пять голосовъ въ Кот-

*) Давка.

ловнѣ, да два отосыались въ Асозинскія; поэтому мы нынче обѣдаемъ въ Клиновомъ, а вечернее поедъ беремъ въ Глѣбковѣ: оттуда, какъ тебѣ извѣстно, останется до дома всего-то восемь верстъ: слѣдовательно, Игнатка твой откормить здѣсь лошадей и увезетъ на парѣ тележку домой; третья, осѣдланная, уйдетъ вмѣстѣ съ кухней и моими заводными въ Клиновское; ты пересѣдешь на нее въ Глѣбковѣ, и черезъ полчаса — дома! Гуть?

— Да еще какой гуть! просто, на-славу.

— Ну и чудесно. Значить, ты теперь въ моемъ распоряженіи?

— Въ полномъ. Однимъ словомъ, я до вечера — одна изъ самыхъ послушныхъ овецъ твоихъ, и попечительство начнетъ тѣмъ, что ты велишь тотчасъ подать мнѣ стаканъ самаго горячаго чая, потому что я продрогъ до костей.

— Ну и прекрасно. Эй! Чай! Притомъ же, не забудь, что ты теперь отъ дома за тридцать верстъ: слѣдовательно, Игнатка твой тоже явится во сводси не раньше вечера.

Въ это время я отвернулся къ стоявшему въ углу фонарику, чтобъ раскурить сигару, и вдругъ почувствовалъ какъ двѣ руки закрыли мнѣ глаза, и звонкій теноръ произнесъ надъ ухомъ:

— Узналъ?

— Узналъ, — отвѣчалъ я наугадъ, желая скорѣй освободиться; но этимъ не кончилось: я долженъ былъ выдержать полный курсъ обвинаній, прижиманій и лобзаній, и только по окончаніи этой давки могъ явственно отличить высокую фигуру Луки Лукича Бацова отъ дубленнаго полушубка, облекавшаго ону.

— Каковъ! прискакалъ! слышалъ, братецъ, слышалъ все, какъ ты тамъ въ болотѣ.... ну, да это пустыки. Вообрази, мы почти годъ какъ не видались; ну, да это пустыки. А вотъ что: вчера подвыли семерыхъ; а главное, вообрази, Карай-то мой, Карай! третьяго дядя — лису матерую, то есть, можешь ты себя представить, съ первой угонки, какъ вложился — жи!....

Лука Лукичъ не окончилъ еще начатаго рукою жеста, выражавшаго по его мнѣнію ловкость и удалство Карая, какъ изъ шалаша, осѣданнаго съ палаткой, послышался знакомый мнѣ голосъ Г. Стерлякина.

— Вреть, все вреть! Не вѣрьте ему....

— Так и повороты — продолжалъ Бирокъ.

— Ну, что отъ тамъ оретъ, изъ пресонной, эти шутья шаны не вѣрь, братецъ, онъ что ни скажетъ, все шуточки. Здравствуй, графъ. А гдѣжь Хлюстиковъ?

— Эй! Подать сюда Петручика — скажи графъ людажь. — Да отъ вчера такъ захлестался, что, я думаю, и теперь еще не пришелъ въ память.

— Ничего, — кричалъ Стерлядкинъ изъ щадана. — Это ему и въ первый разъ, да и мѣ къ послѣдній. Здравствуй, графъ, каково спалось подъ дождикомъ?

— Хорошо. А у васъ вчера что-то долго шла потьха, Ну, что: на чемъ рѣшили?

— Известное дѣло на чемъ. Карай нынче придется по хвосту.

— Слышишь, Лука, — сказалъ графъ, обратясь къ Бацову — и ты въ силахъ будешь перенести этотъ ударъ? А съ кимъ идти?

— Съ Азарнымъ — кричалъ Стерлядкинъ. — На перваго подозрѣннаго, прибылые не въ счетъ; да еще добро бы до первой угонки, а то прямо на-завладай.

— Ого! Ну что ты, братъ, Лука; ужъ видно на прямикъ съ ума спятилъ! воля твоа, у меня вчужь сердце замираетъ. Добро бы еще на дюжину шампанскаго, а, то, посуди самъ: гдѣ это срамъ на всю жизнь.

Бацовъ молча покручивалъ усы; замѣтно было, что онъ начиналъ трусить. — Пустяки! — сказалъ онъ наконецъ, но уже не такъ быстро и отчетливо.

— У тебя все пустяки! А разсуди-ка самъ: Карай, слова нѣтъ, собака добрая, во всѣхъ ладахъ, — да молода; притомъ же, ты самъ знаешь — псовая, пылкая, слѣдовательно на короткѣ; сверхъ того, коли не осердишься, и скажу правду: отъ братъ, у тебя больно подуздывать! а коли ты охотникъ съ толкомъ, такъ знай, что подуздывать собака всегда не поиниств. Кудажь ты заѣхалъ? Добро бы на садочнаго, да еще до угонки; а то, давай намъ подозрѣннаго, да материка: акъ-куда хватить! Съ Азарнымъ — шутка! Нѣтъ, братъ; я Азарнова знаю.... Графъ не кончилъ и началъ велушничаться. За палаткою шла страшная возня: „слышь, прочь, прибью; поддець буду — впрѣчь; зарьжу!..“

Я выглянулъ изъ палатки.

Въ шалашъ, изъ котораго недавно появился камердинеръ, лежалъ маленькій человѣчекъ въ залчьемъ полукафтанѣ, и размахивалъ по воздуху ногами, отбиваясь отъ двухъ псарей, которые старались завладѣть имъ. По голосу и складу бранчивой и отрывистой рѣчи, я тотчасъ узналъ въ немъ Петра Сергѣича Хлюстикова.

— Тащи, тащи его! — кричалъ голосъ изъ палатки.

— Слышите, Петръ Сергѣичъ, графъ кличетъ; пойдѣте, — говорилъ псарь.

— Пошелъ, дуракъ! ты видишь я сплю.

— Нельзя: приказано будить.

— У-у! Нельзя, нельзя, скотина! прочь убирайся!

— Петръ Сергѣичъ, извольте вставать.

— Бери, бери, тащи его! — раздался голосъ Бацова.

— Петръ Сергѣичъ, Лука Лукичъ зоветъ....

— Лу-ка! Лу-кичъ! Скажи ему, что онъ такой же дуракъ, какъ и ты.... А Карай, просто, шалава....

Въ палаткѣ раздавался общій хохотъ.

— Тащи, тащи его, — кричалъ Стерлядкинъ, выступая изъ шалаша въ колпакъ и бѣлицьемъ халатѣ.

— Еще одинъ! А-а-й! не буду. Голубчки, пустите.... Иду, право иду, — кричалъ Хлюстиковъ, барахтаясь на рукахъ у псарей.

Въ палатку подали чай.

Хлюстиковъ явился вслѣдъ за самоваромъ.

Украшенное тройнымъ комплектомъ веснушекъ лицо его было до крайности мало, и въ минуту выражало на себѣ тысячу различныхъ оттѣнковъ; темнокаштановые курчавые волосы, наперекоръ всѣмъ причинамъ, постоянно убѣгали вверхъ; вообще же, сочетаніе всѣхъ мелкихъ частицъ этого дѣтскаго лица носило выраженіе, порождавшее въ каждомъ невольный смѣхъ. На взглядъ, Хлюстикову было лѣтъ около пятидесяти.

Онъ подобострастно подошелъ къ постели Атукаева, который погладилъ его по головѣ, и потрепалъ по щекѣ.

— Вотъ, Петрунчикъ, умница; всталъ раненько; а теперь пойдѣть умоется, расчешетъ голову, и явится къ намъ молодецъ-молодцомъ.

— И подадутъ ему тотчасъ стаканъ чая — сказалъ Бацовъ, ударя на слово: чай.

— Чай.... дуракъ! Я не гусь.... Эй! Ча-ла-экъ! Отставному губернскому секретарю Петру Сергѣеву сыну Хлюстикову — трубку, водки и селедки; но-о!—Эти слова были произнесены такимъ важнымъ тономъ, что всѣ невольно захохотали.

Въ минуту было подано то и другое.

Взявши въ одну руку коротенькую трубочку, а въ другую налитую рюмку, Хлюстиковъ значительно подмигнувъ глазкомъ, крякнулъ, плюнулъ, показалъ языкъ Бацову, и мигомъ опорожнилъ рюмку; но въ то же мгновеніе глаза его выпучились, лицо сморщилось и повелось судорогами; онъ вздрогнулъ и сердито швырнулъ рюмку человѣку подъ ноги.

Разразился общій смѣхъ.

— Пад-де-цу-ку-су-су.... — болталъ Хлюстиковъ, харкая и отплевываясь.

Наконецъ, онъ жадно приступилъ къ куренью. Послѣ трехъ сладостныхъ затяжекъ, передъ носомъ Хлюстикова взлетѣлъ огненный фонтанъ отъ вспыхнувшего пороха, положеннаго на дно трубки, и Хлюстиковъ въ испугъ опрокинулся на графскую постель. Наконецъ, онъ вскочилъ, и съ бранью убѣжалъ въ шалашъ.

Допивши второй стаканъ чая, я вышелъ изъ палатки.

Игнатка мой сладко дремала, растянувшись передъ пылавшимъ костромъ; испачканныя въ грязи и тинѣ лошади исправно ѣли овесъ, опушта головы въ изломанную тележку, которая оказалась вовсе негодною къ употребленію. Вокругъ меня все было въ суетахъ и движеніи: псаря осѣдывали лошадей; кучера впрягали другихъ въ брики и колесницу; повара укладывали костюлы въ ящики; выжатники смыкали гончихъ; стремлянный, съ двумя борзятниками, подлавливалъ графскихъ сворныхъ, и пихалъ въ колесницу. Между охотниками шли непрерывныя перебранки и пересмѣшки; собаки выли, прыгали, вытягивались и махали хвостами, ласкаясь къ своимъ хозяевамъ.

— Глядь-ка, глядь, Кирюха! Савелій Трофимычъ знаетъ таки учливость, — сказалъ борзятникъ Егорка своему сосѣду.

Всѣ обратились къ колесницѣ.

Тамъ, передъ графскимъ стремляннымъ, стоялъ старичекъ-охотникъ, лѣтъ шестидесяти, безъ шапки, и низко кланялся; на рукахъ у него лежала тощая борзая собаченка.

— Эхъ, Трофимычъ, твою-бы Красотку, замѣсь каласки, хоть и повыше куда вздыбить, такъ въ тужъ пору....

Охотники засмѣялись.

— И, что вы, батюшка Ларіонъ Петровичъ: собака—мысль; передъ Богомъ не лгу; не перебрамшисъ, слабосилокъ, въ разлинкѣ. А да-ка намъ!.... Намедни, какъ по матеромъ-то, она, съ графской Заигрой, постреленокъ, ухо въ ухо! передъ Богомъ не лгу.... ажно сѣдло подо мной затрепыхало.... Поди, матушка, подь-туды, подь....—продолжалъ стѣрникъ, сдавая свою любимицу стремянному на руки.

Собака мигомъ очутилась въ рыдванѣ, и, глядя въ окошко на удалявшася Трофимыча, жалобно звывала.

— Ишь она, къ почету-то не привыкла, — сказалъ Егорка.

— Незамай, графъ увидить; она въ тѣпоры за сукъ уцѣпится, — отвѣчалъ Кирюха, затягивая подпругу.

Я еще разъ взглянулъ на спавшаго Игнатку, и мнѣ стало жаль будить его. Съ правой стороны, сквозь чащу, начала просвѣчивать заря. Я пошелъ снова къ палаткѣ: тамъ былъ слышенъ голосъ Бацова; ко мнѣ несли на встрѣчу разные пожитки. Графъ былъ уже одѣтъ. Хлюстиковъ по прежнему сидѣлъ на постели подбоченясь, и, прищуря глазъ, насмѣшливо поглядывавъ на Бацова.

— Это пустяки, — продолжалъ Бацовъ. — Послѣ этого ты станешь увѣрять меня, что я не человекъ.

— Конечно, развѣ ты человекъ! Ты — Бацовъ. Графъ, голубчикъ, прикажи дать рюмочку.

— Петрунчикъ, ты, душка, кажется намѣренъ съ утра сдѣлаться никуда не годнымъ, — сказалъ Атукаевъ, щипля его за щеку. — Этимъ ты меня очень огорчишь.

— Голубчикъ, ваше сіятельство. Одну только, право одну. Я вѣдь по одной пью.

— Ну, нечего дѣлать. Дай ему мадеры.

— Только, побѣлѣй, этой—знаешь, великороссійской, изъ-подъ орла....Кхе!—Тутъ Хлюстиковъ щелкнулъ языкомъ, заболталъ ногой и выразилъ многозначительную мнну.

— А знаешь ли за что его изъ суда выгнали? — спросилъ Бацовъ, обратясь ко мнѣ.

— Хе! Меня выгнали, догадались: а тебя вовсе не пустять.

Хлюстиковъ мигомъ опорожнилъ рюмку, щелкнулъ языкомъ и отпустилъ новую гримасу.

Наконецъ люди начали снимать палатку, а мы стали собираться въ походъ.

Отдавъ наскоро кое-какія порученія своему кучеру, я поспѣшилъ къ обществу.

Шестдесятъ гончихъ стояли въ тѣсномъ кружкѣ, подъ бдительнымъ надзоромъ четырехъ выжлятниковъ и ловчаго, одѣтыхъ въ красныя куртки и синіе шаравары съ лампасами; у ловчаго, для отличія, грудь и шапка были обшиты позументомъ. Борзовики были одѣты тоже однообразно, въ верблюжьи полукафтанья, съ черною нашивкою на воротникахъ, обшлагахъ и карманахъ; рога висѣли у каждаго черезъ плечо на пунцовой гарусной тесьмѣ, съ кистями. Всѣ они были окружены своими сворными собаками и держали за поводья бодрыхъ и красивыхъ лошадей сѣрой масти.

Памъ подвели осѣдланыхъ лошадей; людямъ начали подносить вино.

— Ну, смотри у меня, — началъ графъ, обратясь къ охотникамъ, — на лазу стой, глазъ не раскидывай; проудиль — не твоя бѣда, прозѣваль — ремешкомъ поплатишься. Чуть запримѣтилъ, что красный звѣрь пошелъ на тебя: не зарься, дай поле; поперечь, а то въ щипецъ нажидай; другъ на друга не напирать; хлопай въ стаю, коли видишь, что не въ мѣру. Чуть зазрѣлъ, особенно лису — заопушничала подлѣ тебя безъ помычки, на глади стой, не дохни; а мѣсто есть на пролазъ, тотчасъ рогъ ловчему посылай. Ты, Кондрашка, смотри, берегись: я видѣлъ самъ прошлый разъ, какъ ты Бацовскую лису, безъ голоса, втравилъ въ отъемную вершину.... А главное, на драку безъ толку не подавать; у всѣхъ васъ есть эта замашка; глядишь, чуть щелкнула которая, или тамъ увидалъ полѣно али трубу, и пошелъ кличь кликать; и всѣ дурачье сыплоть къ нему, а ловчій хотъ умирай на рогу: „у насъ, дескать, своя работа!“ Вотъ я за вами самъ начну присматривать. Садись! — Люди начали садиться на лошадей; собаки радостно взвыли и заметались вокругъ охотниковъ.

Ловчій со стаею тронулся впередъ; за нимъ поплелась длинная фура съ борзыми; дозъжачіе разравнились по три въ рядъ: раздался свистокъ; Егорка поправилъ на себѣ шапку, тряхнулъ головой, откашлянулъ, приложилъ руку къ щекѣ, и залился званкимъ, переливистымъ теноромъ:

»Ахъ, не были снѣги во чистомъ полѣ»

Еще свистокъ, и двадцать шесть стройныхъ, спѣтыхъ го-
лосомъ гранулъ разомъ:

«Забывали.»

Изъ лѣсу эхо отвѣтило намъ вслѣдъ :

«Эхъ, забывали!»

Русское солнышко засвѣтило намъ съ лѣвой руки.

Отойдя съ версту, мы увидѣли въ сторонѣ маленькую де-
ревушку. Графъ приказалъ охотникамъ идти до мѣста, а мы
повернули на право, и, въ сопровожденіи трехъ стрелянныхъ,
поѣхали рысью по узкой проселочной дорожкѣ. У крайней избы
стояли пять осѣданныхъ разномастныхъ лошадей; возлѣ нихъ
бродило около дюжины борзыхъ собакъ и два человѣка въ на-
гольныхъ полушубкахъ, туго подпоясанныхъ ремнями.

— Вотъ и наши мелкотравчатые,—сказалъ Атукаевъ, слѣзая
съ лошади.

На встрѣчу къ намъ выбѣжалъ изъ избы низенькій, плот-
ный, съ крошечными усиками и распухлыми щеками, не ста-
рый человѣчекъ, въ сѣренькомъ казинеговомъ сертучкѣ, и на-
чалъ раскланываться на всѣ стороны.

— Что, ваше сіятельство, заждались? а мы было тотчасъ
только что... — сказалъ онъ, пожимая съ низкими поклонами ру-
ку Атукаева.

— Вотъ, прошу познакомиться: нашъ помѣщикъ Прудневъ;—
сказалъ Атукаевъ, обратясь ко мнѣ.

— Очень пріятно-съ. Честь имѣю рекомендоваться,—дебриль
Трутневъ, шаркая ногами.

— Я, кажется, уже пмѣлъ удовольствіе васъ встрѣтить?

— Ахъ да, виновать: у Трещоткиныхъ....онѣ признаться
сказать, не множокъ мнѣ сродни... Здравствуйте, почтеннѣйшій
Петръ Сергѣевичъ; мое вамъ почтеніе, Лука Лукчъ! Степану
Петровичу....

Трутневъ остался на крылечкѣ съ Стерлядкинымъ; мы во-
шли въ просторную крестьянскую избу: два окна на улицу и
одно на дворъ, печка, полати и кругомъ лавки; въ красномъ
углу стоялъ длинный столъ: одна половина его была исчерчена
густо мѣломъ и завалена картами; на другомъ концѣ стоялъ гра-
финъ съ водкой, а подлѣ него, ошонка, кусочикъ чернаго хлѣ-
ба и полуизгрызенный кределекъ. Тутъ же, опершись локтемъ

о конецъ стола, низко наклонясь къ полу и задумчиво опустил голову, сидѣлъ осанистый мужчина, въ телачьемъ ярмакѣ; онъ держалъ между пальцевъ на вѣсу погасшую трубку, и не обращая ни на что вниманія, разсуждалъ самъ съ собою.

— Мо-шен-никъ ты.... валеть семь-съ пол-тиной ... пароль проигралъ! Са-а-враса-го взять — нѣтъ, Володь-ка, до-рого! — бормоталъ сидящій.

Явился человекъ, потеръ полою столъ, и убралъ карты; потомъ протянулъ руку къ графину.

— Сто-ой, дур-ракъ. Ку-да! — завопилъ разсуждавшій. Онъ медленно поднялъ отягченную главу, и уставилъ въ насъ оловянные глаза: — Гра-бит-ели! валеть про-п-гралъ! — произнесъ онъ, опускаясь снова, и уронилъ трубку на полъ.

— Этотъ теперь ни на что не годенъ, — сказалъ Бацовъ.

Вбѣжалъ Трутневъ, и началъ торопливо будить протянутого вдоль лавки мужчину въ синемъ пальто, съ густыми бакенбардами.

— Степа, а Степа, вставай! Графъ пріѣхалъ.

Степа отбивался локтемъ и бормоталъ: — От-стань... не хочу. . ну, пошелъ.... не буду...

— Экъ-ты ихъ какъ усахарилъ, — сказалъ Бацовъ Трутневу.

— Степа.... Графъ! — крикнулъ Трутневъ надъ самымъ ухомъ.

Степа обернулся, отъинилъ глаза рукою, всмотрѣлся, и вскочилъ какъ встрепанный.

Въ это время Хлюстиковъ овладѣлъ графиномъ, налилъ рюмку, и запѣлъ: „здравствуй рюмочка, прощай винцо“....

— Ахъ, Mr. le comte! Mille pardons! Извините, право; извините, — болтали бакенбарды, и кинулись будить лысину.

— Петръ Ивановичъ! чтожъ ты? мы всѣ....

— Гра-би-тели; валеть про-иг-ралъ! — отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, и опустился еще ниже.

— Ну, незамай его-травить тутъ—сказалъ Бацовъ, и мы вышли.

Полями, буграми, дощинами, перелѣсками, то тротомъ, то шагомъ, проѣхали мы верстъ десять, и наконецъ, спускаясь на луговину, услышали стройный хоръ удалыхъ пѣсельниковъ. Завидя насъ, они тотчасъ перестали пѣть, и начали поить у ручья лошадей и выпускать борзыхъ изъ фуры. Освобождаясь отъ заточенія, собаки радостно взывали, прыгали, потягивались и ласкались къ лошадямъ и охотникамъ. Некоторые изъ нихъ стрѣ-

дой помчались къ намъ , и съ радостнымъ визгомъ начали прыгать на сѣдлы къ своимъ господамъ.

— Ты , Ларка, — сказала графъ стремляному — возьми теперь къ себѣ Обругала, Крылата и Язву; а мнѣ, къ Чаусу, Злопма и Наградку : а Сокола и Пташку отдай тому охотнику, котораго вотъ имъ — графъ указалъ на меня — угодно будетъ взять къ себѣ на лазъ.

Пока я благодарилъ графа за вниманіе , стремлянный ловко подвернулся ко мнѣ, и шепталъ: — возьмите, сударь, кума Никанора , у него собаки пріемисты. — Это предложеніе мнѣ не слишкомъ понравилось: я мѣтилъ на удалаго малаго , Егора.

Мы подъѣхали къ стаѣ.

— Ну, выбирай любого, — сказала Атукаевъ, обратясь ко мнѣ. — Они у меня всѣ знаютъ свое дѣло.

У каждого изъ охотниковъ, на которыхъ я мелькомъ взглядывалъ , просвѣчивало въ глазахъ сильное желаніе попасть ко мнѣ на барскій лазъ. Не желая быть невнимательнымъ къ предложенію стремлянаго, я рѣшился, какъ говорятъ, однимъ камнемъ сдѣлать два удара.

— Кумъ Егоръ, со мной! — сказала я отрывисто.

— Эхъ, сударь, забыли; я вамъ докладывалъ: Никанора — шепталъ стремлянный.

— Ну, братъ, извини. Промахнулся.

Егорка, съ радостнымъ лицомъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и принялъ на свору Сокола и Пташку.

Поднявшись на крутой бугоръ, мы проѣхали съ версту полемъ, и остановились у Котловины. Графъ пригласилъ гостей, и приказалъ доѣзжачимъ занимать мѣста.

Стая гончихъ и красныя куртки тотчасъ отдѣлились отъ насъ, и медленно потянулись вверхъ.

— Сударь, не извольте отставать отъ графа — шепталъ Егорка. — Онъ пойдетъ на лѣво за эти дубки: тамъ, я знаю, лучшей лазъ. Вишь, Бацовскій стремлянный такъ и палитъ туда свои бѣлмы.

Мы спустились и поднялись изъ оврага, проѣхали саженей двѣсти полемъ и кустарникомъ, и остановились въ головѣ обрывистой водомоины, которая, рѣшилась постепенно въ виду нашемъ, сливалась съ Котловиною. Графъ и стремлянный потянулись отъ насъ за дубки.

Стратегическое достоинство пункта, избраннаго Егоркой, если и не удовлетворяло всемъ потребностямъ, нужнымъ для опытнаго охотника, за то зрѣнію моему было чистое раздолье. Подъ ногами у насъ неизмѣримо длилась глубокая впадина земли, образовавшая изъ себя бодото, съ высокими кочками, заросшими густымъ орѣшникомъ и камышами. Въ широкую ложбину эту, такъ кстати названную Котловиною, врѣзывались со всѣхъ сторонъ покатыя бугры, пересѣкаемые лощинами, оврагами и водомоинами. Пунктъ, на которомъ остановились мы, владѣлъ всей мѣстностью, и я могъ отчетливо слѣдить за движеніемъ охотниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ любоваться смѣтливостью каждаго изъ нихъ, при занятіи мѣсть. То исчезая, то выростая словно изъ земли, красныя куртки ловчаго и выжлятниковъ медленно плыли по горизонту. Наконецъ, они утонули въ лабиринтѣ спусковъ, и только черезъ четверть часа показались снова на скатѣ высокаго холма, поѣхали прямо на насъ, и вдругъ остановились. Стоявшіе на мѣстахъ охотники были всѣ на виду; въ сосѣдствѣ со мной, на лѣво, сѣжендѣ въ полутораэта былъ Ларка-стремянный, а за нимъ, дальше, графъ; на право, въ кустарникъ, черезъ который мы прошли, помѣстился старикъ, Савелій Трофимычъ, съ своею Красоткою.

Прошло минутъ пять въ бездѣйствіи; наконецъ Атукаевъ далъ знакъ стремянному, и тотъ приложилъ серебряный рожокъ къ своимъ губамъ: раздался короткій и трескучій звукъ; старшій доважачій тотчасъ повторилъ его на другой сторонѣ дожины, поближе къ ловчему; сигналъ этотъ, въ переводѣ на языкъ чедовѣческой, означалъ: *лети гончихъ въ остров!* Я явственно увидѣлъ, какъ четыре красныя куртки упали въ стаю; ловчій одинъ поѣхалъ медленно съ бугра, и къ его ногамъ, словно мухи, покатались разомкнутыя гончія, отрываясь попарно отъ темнаго пятна, посреди котораго копошились красныя куртки; наконецъ, онѣ остались однѣ, и, мгновенно вскочивъ на лошадей, помчались внизъ, вслѣдъ за остальными гончими. На краю болота заревѣлъ басистый рогъ ловчаго, захлопали четыре арапника—и пошло порсканье.

— Теперь, сударь, извольте становиться на мѣсто.

— Раздѣ я не на мѣстѣ?

— Нѣтъ. Теперь намъ нужно въ притинъ,—сказалъ Егорка. — Назовите видѣть?—продолжалъ онъ, указывая на окрестность.

Я взглянулъ. Дѣйствительно мѣста, на которыхъ, за минуту до этого, стояли охотники, были пусты. Всѣ они распед-
зались, словно мухи по щелямъ.

— Куда жъ намъ?

— А вотъ,—сказалъ Егорка, и повернулъ лошадь.

Мы въѣхали въ густой кустъ ивняка, изъ-за котораго можно было видѣть только одинъ наши головы; мѣстность отсюда откры-
валась еще лѣственнѣе.

Вскорѣ къ порсканью присоединился голосъ одной собаки.

— Это Будило, — сказалъ Егорка.

Къ первому голосу примкнули еще два, такіе жъ басистые.

— Это Рожокъ и Квокша, — продолжалъ мой стрелянный.

Красныя куртки зашевелились въ болотѣ, и начали вакли-
кать на горячій.

— Что жъ это значить?

— Это еще ничего! Вотъ кабы Кукла да Соловей.... А, вотъ и онъ.... Эхъ, варять.... подваливаютъ.... Ну, повисъ на щипцѣ! Теперь, баринъ, держитесь кряпиче; лошадь подъ вами азарная.

Я укоротилъ поводья, укрѣпился въ сѣдлѣ, и взглянулъ на Егорку: онъ дрожащими руками перебиралъ узду и выпра-
влялъ свору; лицо его блѣднѣло, ротъ былъ полуоткрытъ, глаза свѣтились какъ у молодого ястреба.

Ловчій подалъ голосъ.

— По красному,—сказалъ Егорка, задыхаясь. Съ этимъ сло-
вомъ, въ Котловинѣ закипѣлъ адъ: съ фэготистыми на-подборъ
голосами собакъ слился тонкій, плакучій, переливистый и не-
умолкаемый голосъ Куклы; къ ней подвалили всю стаю, и сли-
лось порсканье — по красному! Камышь затрепалъ, болото по-
шло ходуномъ, и словно вздрагивало и колебалось, подъ громомъ
этого бѣсовскаго речитатива.

— Ну, одна катить — прошептала Егорка, глядя въ болото.

Я тоже началъ всматриваться.

Лясца тихо прокрадывалась мимо насъ по болоту, и, какъ
тонкій осенній листокъ, стала между кочекъ; то поднимая
свою вострую головку, то припадая къ землѣ, она, наконецъ, ми-
новала нашъ лазъ, и, побужденная новымъ приливомъ порсканья,
вынеслась на бугоръ и покатила прямо въ кусты: старикъ Тро-

Фимыч стоялъ не шевелясь; наконецъ онъ заюлюкалъ, указавъ ее собакамъ, и скрылся съ ними изъ вида.

Въ то же время, на противоположной намъ сторонѣ, въ разныхъ мѣстахъ охотники принались травить въ нѣсколько сворь.

Мнѣ почудилось наконецъ, что стая погнала въ нашу сторону: и действительно, черезъ минуту, что-то начало ломиться въ камышъ; вскорѣ затѣмъ выкатилъ матерой волкъ, и понесся по кочкамъ, прямо въ вершину, въ головѣ которой былъ нашъ секретный постъ.

— Егорка, видишь? — спросилъ я шопотомъ.

Егорка мой стиснулъ зубы, и только дрожащею рукой подалъ мнѣ знакъ пригнуться: онъ сверкающими глазами своими, казалось, прожигалъ кустъ, сквозь который смотрѣлъ на волка.

Наконецъ, звѣрь очутился противу насъ саженьяхъ въ десяти: Егорка молча показалъ его собакамъ, и бросилъ свору изъ рукъ. Пять собакъ рванулись разомъ, и Соколъ первый, грудъ въ грудъ, сбѣжалъ съ водимомъ: оба они слились въ одно неразрывное цѣлое, прокатились по землѣ, и исчезли въ водомошнѣ; прочія собаки скупились и прыгнули тудажъ; мы очутились тамъ же, но, увы! раздался провзвительный визгъ, и храбрый нашъ Соколъ, облитый кровью, катался по землѣ: волкъ сидѣлъ опцелкивался отъ прочихъ собакъ, которыя не смѣли уже къ нему подступить. Егорка подавъ въ рожъ, но звѣрь прыгнулъ отъ насъ на чистоту, принявъ вправо, и коснакалъ полемъ. Не долго однакожъ длилась эта прыть: въ рытвинѣ противу насъ мелькнула шапка стрелынаго, и въ то же время три свѣжія собаки понеслись на встрѣчу дерзкому бѣглецу.

Волкъ не устоялъ противу перваго напора пріемистыхъ и свичныхъ съ дѣломъ бойцовъ: онъ оробѣлъ, опцелкнулся и пошелъ на утекъ, но Крылатъ и Обругай повисли на немъ; наши собаки подоспѣли, скупились, и свалка сдѣлалась общемою; прежде однакожъ, чѣмъ мы успѣли подскатать, волкъ страхнулъ съ себя кучу собакъ, и, опцетинясь, сѣлъ въ кружку, страшно сверкая глазами: подлѣ него катался по землѣ Обругай, съ прокушеннымъ бокомъ. Егорка прыгнулъ съ лошади — и пошелъ къ волку съ кинжаломъ въ рукѣ. Видя новаго врага, разсвирѣвѣвшій звѣрь рванулся отчаянно впередъ, и побѣжалъ, опцелкиваясь отъ собакъ, мимо дубковъ къ кустарнику. Но вотъ изъ за-куста, между подынью, шмыгнуло что-то, съ свистомъ, какъ пушечная стрѣла,

и сѣрый Чаусъ въ мгновеніе ока сцѣпились съ звѣремъ, и покатылся съ нимъ по нашивъ; собаки налетѣли на нихъ гурьбой, и изъ нихъ образовался одинъ неразрывный клубокъ.

Къ намъ подокакали старикъ Савелій и графъ.

И вотъ, въ срединѣ этого кружка, что-то сильно поколебалось: собаки разлетѣлись врозь, и посреди ихъ, какъ два достойные бойца, волкъ и Чаусъ поднялись на дыбы, схватились яростно, и снова грянулись на землю; собаки снова накрыли ихъ плотною броней.

Графъ приказалъ струнить волка.

Охотники прыгнули съ лошадей, захопали, закричали: «атрышъ!» собаки отскочили, и на землѣ остался одинъ только Чаусъ: пасть его впиалась въ волчье горло, и замерла на немъ; звѣрь хрипя лежалъ въ растяжку; стреманный бросился къ Чаусу, и рванулъ ему щипецъ минжаломъ. Храбрый боецъ при общихъ похвалахъ отошелъ тихо въ сторону, и снова палъ на землю, сильно дыша; изъ горла у него валела клубомъ кровавая пѣна; надитые кровью глаза блестѣли какъ раскаленные угли.

— Звѣря не къ чему струнить: онъ уже околѣлъ, — сказалъ графъ.

Егорка съ радостнымъ лицомъ принялся вторачивать волка какъ трофей, ему принадлежавшій по правамъ охоты.

— Ваше сіятельство! честь имѣю поздравить съ полемъ, — сказалъ старикъ Савелій, снимая шапку.

— И васъ также, Савелій Трофимычъ, — отвѣчалъ графъ весело, и подражая старику въ ухваткахъ.

У Трофимыча была въ торокахъ лисица.

Мы спѣшили, и пошли лѣвымъ берегомъ Котловины, весело разговаривая о событіяхъ удачной травли. Я гладилъ Чаусъ, который шелъ подлѣ графа, и сдѣлался смиренъ какъ овца. Атукаевъ былъ до-крайности веселъ и доволенъ быстротою дѣйствій, проворствомъ смѣтливостію своихъ охотниковъ.

Ловчій, стоя на бугрѣ, вымывалъ на рогъ гончихъ изъ острова; мы подошли къ нему; вскорѣ и всѣ охотники начали туда съезжаться.

У всѣхъ были радостныя и веселыя лица. На той сторонѣ Котловины затравили двухъ волковъ-переряговъ, лисицу и нѣсколькихъ зайцевъ. Каждый изъ охотниковъ, рассказывая подробности травли, приписывалъ своей сворѣ необыкновенныя достоинства.

ства; но всё они одинаково завистливо глядели на торока Бгоринны, потому что подобаго волка никому ещё изъ нихъ не случилось возить за своимъ сѣдломъ.

—Сорокъ лѣтъ сижу на конѣ, ваше сіятельство,—повторялъ Трофимичъ, — а такихъ не принималъ!

Въ это время къ мамъ подѣхали Бацовъ и Стерлядкинъ, съ прочими господами.

—Посмотри-ка, Лука Лукичъ,—сказалъ я, указывая на волка.

—Это, братецъ, пустяки,—отвѣчалъ Бацовъ;—а ты, вообрази себя, Карай-то мой, Карай, опять лису, такъ вотъ: джи....

— Гдѣ жъ она? — спросилъ Стерлядкинъ.

— Ну, вотъ у Кирюхи,—сказалъ Бацовъ, указывая на графскаго охотника.

— Значить, ты травилъ въ чужіе торока!

Всѣ засмѣялись.

Въ Асоргинскихъ, до обѣда, мы еще затравили одного волка и двухъ лисицъ, и ровно въ часъ за полдень жители Клинскаго всѣ, отъ мала до велика, выбѣжали за околицу встрѣчать нашу поѣздъ. Съ гордымъ и веселымъ видомъ, съ бубнами, свистками и пѣснями вступили удалые охотники въ деревню, по три въ рядъ, и обвѣшанные богатою добычей.

У новой и просторной на видъ избы стояли походные брicken, а на крылечкѣ—люди и повара, нетерпѣливо ожидавшіе нашего возвращенія.

Съ шумнымъ весельемъ и смѣхомъ вскорѣ усѣлись мы за столъ. Во время обѣда, графъ поочередно призывалъ къ себѣ отличившихся охотниковъ, выдавалъ имъ опредѣленную награду за краснаго, и подчивалъ виномъ. Уже подали намъ жаркое, и въ стаканахъ запынилось искристое вино, когда вошелъ старикъ Савелій, съ своею неразлучною Красоткой.

— Ну, старикъ, поздравляю съ полемъ,—сказалъ графъ, — говорятъ, что Красотка хорошо скачетъ? Отчего она такъ худа?

— Въ разяникъ, батюшка, ваше сіятельство: не перебрамнишь.

— Это за краснаго; а Красотку дарю тебѣ за усердную службу.

— Много доволенъ вашей милостью — сказалъ старикъ. — Навсегда вашъ слуга, ваше сіятельство... сорокъ лѣтъ на конѣ сижу.... Еще покойному дѣдушкѣ вашему, графу Павлу Павловичу, служилъ вѣрою и правдою; передъ Богомъ не агу.... — продолжалъ онъ, утирая рукавомъ радостныя слезы.

— Старикъ, продай мнѣ Красотку, — сказалъ Бацовъ, подавая ей кусокъ пирога.

— Какъ продать-то, баринъ?... свой выкоромъ, сударь-бабушка: самому - то непричемъ быть.... на старости лѣтъ, ни роду ни племени; одна племянница была, и тае Господь прибралъ.

— Ну чтожь; вѣдь красotka тебѣ не внучатная? — возразилъ Бацовъ.

Старикъ посмотрѣлъ въ началѣ на Бацова, потомъ на Красотку, и потрясъ головой.

— Нѣтъ, сударь, не продажная!

Мы встали.

Виноватъ, господа. Садка Караа съ Азарнымъ и вечернее поле останутся за мной. Пора намъ отдохнуть, если вы не вздремнули уже, чѣтая *Мелкотравчатыхъ*.

Е. Дріянскій.

Объясненіе нѣкоторыхъ охотничьихъ выраженій:

Арава.....	Толпа, скопище.
Выжлятникъ....	Помощникъ ловчаго.
Ловчій.....	Правящій стаю гончихъ собакъ.
Завытки.....	У псовыхъ собакъ, подъ горломъ и на ногахъ вьющаяся шерсть.
Угонка.....	Первый приступъ къ поимкѣ звѣря.
Лады.....	Стая собаки.
Подуздовата.....	Нижняя челюсть короче верхней.
Шалава.....	Негодная къ охотѣ, повѣса.
Въ разлинкѣ.....	Не скинула зимней шерсти.
Лазъ.....	Мѣсто, гдѣ нажимають звѣря.
Проудить.....	Не поймать, или не затравить звѣря.
На драку.....	Кликать на подмогу.
Щипецъ.....	Собачья морда.
Правило.....	Хвостъ у собаки.
Польно.....	Волчій хвостъ.
Труба.....	Лисій хвостъ.
Горячій.....	Свѣжій сѣдъ.
Торочить.....	Привязывать къ сѣдлу.
Струнить.....	Принять живымъ звѣря отъ собакъ, и надѣть намордникъ.

МЕЛОЧИ.

Вы не угадаете, какую мы знаем модную новость. Выдумать не новый покрой фраковъ, сдѣлано преобразование не въ жилетахъ, талии носятъ все по прежнему (хотя не такъ низко, какъ во время «Графа Нулина»), шляпки не измѣнились, мантilli старья, *sorties du bal* существуютъ на прежнихъ условіяхъ.... словомъ, въ области модъ по части нарядовъ, дамскихъ и мужскихъ, не произошло никакого важнаго измѣненія. А между тѣмъ, новал мода есть, и, какъ мода, нравится многимъ. Эта мода *Славянская*, Не вѣрите, улыбаетесь, думая, что говоримъ въ шутку? Не шутка, милостивые государи, а фактъ.... Есть у васъ визитныя карточки, господинъ NN? — «Ну, разумеется.» — Какія онѣ? — «Французскія, гласированныя.» — А какимъ шрифтомъ напечатана ваша фамилія? — «Извѣстно, какимъ: *Jean de....* — Вотъ здѣсь-то и заключается отсталость отъ моды, которая отнынѣ приказываетъ изображать свою фамилію на визитныхъ карточкахъ Славянскими буквами, вязью, въ древнемъ вкусѣ. За невозможностью представить здѣсь какую-либо изъ видѣнныхъ нами «новѣйшихъ» карточекъ, вотъ одно изъ множества объявленій литографовъ. Напр., въ Спб. Вѣд. (N 287): «Парижскія визитныя карточки. Магазинъ подъ вывѣскою: *Magasin de V. Depolkinе* проситъ почтенную публику обратить вниманіе на новѣйшіе шрифты для оныхъ, какъ-то: *Славянскій, вязью, въ древнемъ вкусѣ, Англійскій, Италіянскій, Готическій* и проч. Кажется что слова: Парижскій, Французскій, Славянскій, новѣйшій, древній, — выстроенныя въ одинъ рядъ, какъ-то не ладятъ между собою; но что до того за дѣло: карточки все-таки очень красивы. Если кто-нибудь замѣтитъ, что у насъ найдется не мало людей, которые, при знакомствѣ съ разными живыми и мертвыми языками, плохо разумеютъ Славянскій, считая его никуда негоднымъ, старымъ, то мы смѣемъ предложить печатать на визитныхъ карточкахъ для такихъ людей переводы фамиліи на Французскій діалектъ ...

Железная дорога изъ Мадрида въ Аранжуецъ открыта 14 Ноября н. с. самой королевою-матерью. Въ три четверти перваго часа дня, Ея Величество пріѣхала къ дебаркадеру въ прекрасномъ шарабанѣ, которыймъ правилъ герцогъ Реанзаасаресъ. Паровозъ отправился въ три минуты втораго. Онъ состоялъ изъ двухъ вагоновъ втораго разряда, непосредственно слѣдовавшихъ за машиной, изъ кареты, въ которой помѣщалась королева, и другаго вагона. Многочисленная толпа ждала поѣздъ по дорогѣ, и встрѣчала его громкими привѣтствіями. Въ половинѣ третьяго поѣздъ уже былъ въ Аранжуецѣ. Городскія сословія встрѣтили королеву съ поощраженіемъ. Высокіе гости отправились къ Г. Соломанху, гдѣ былъ для нихъ приготовленъ завтракъ. Возвратясь они въ четыре часа. Королева Изабелла, по неподдѣльному чувству дочерней любви и участія къ усовершенствованіямъ страны, выѣхала на встрѣчу своей матери, желая узнать объ успѣхѣ поѣздки. Народъ не переставалъ громогласно привѣтствовать Ихъ Величества.

Глобусъ чуть-чуть не съ землю, т. е. имѣющій въ діаметрѣ не менѣе 56 футовъ, готовится къ всемірной выставкѣ Г. Уадомъ, членомъ парламента. Горы будутъ выпуклыя, полярныя и ледяныя страны означены цвѣтами радуги. Главныя рѣки лягутся въ видѣ серебряныхъ нитокъ, а огнедышущія горы будутъ выкрашены въ красный цвѣтъ. Глобусъ этотъ, сдѣланный изъ цинка и мѣди, долженъ стоить около 8,000 ф. ст.

Оригинальная тризна была, если вѣрить *Times'u*, справлена въ Нортъ - Амертонъ по нѣкоемъ сѣрѣ Джорджъ Вомбеелъ, по его непремѣнному требованію. Покойникъ умеръ 73 лѣтъ, оставивъ послѣ себя огромное состояніе, нажитое имъ показываніемъ дикихъ звѣрей по ярмаркамъ. Вслѣдствіе его желанія, на другой день его смерти, объ этомъ печальномъ происшествіи было объявлено на площади городскаго рынка въ то время, какъ показывались звѣри. Оркестръ игралъ похоронный маршъ. Животныхъ накормили и занавѣсь опустили. Публика, говорятъ, была очень тронута, животныя—то же.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Наученная прошлогоднимъ опытомъ, редакція въ нынѣшнемъ году заказала картинки модъ въ Парижъ и Лейпцигъ, и на первый разъ получила ихъ къ сроку изъ обѣихъ мѣстъ: онѣ и были приложены къ первой книгѣ. Но къ первой Февральской Парижская вѣроятно не успѣеть, о чемъ мы и извѣщаемъ предварительно.

О покойномъ Крашенинниковѣ получено очень много новыхъ извѣстій и замѣчаній въ дополненіе къ напечатаннымъ. Привоса за нихъ искреннюю благодарность, я подѣлюсь ими въ свое время съ читателями Москвитянина, а теперь прошу о продолженіи сообщеній, повторяя, что всякая черта объ этомъ примѣчательномъ человѣкѣ для насъ драгоцѣнна.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Января 16-го 1851 года.

. Ценсоръ Д. Ржевскій.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

А) ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Одно изъ важныхъ дѣйствующихъ лицъ въ нынѣшнемъ политическомъ мѣрѣ — Лордъ Норменн, Англійскій посланникъ въ Парижѣ. Мы скажемъ здѣсь кое-что изъ того, что о немъ знаемъ.

Онъ родился въ 1797 году. Но.... нѣсколько словъ о его предкахъ. Джэксъ-Фиппсъ изъ Бристоля, женившійся въ Новой-Англіи, имѣлъ двадцать-шесть дѣтей, изъ коихъ двадцать-одного сына отъ одной матери. Вильямсъ, младшій членъ этого семейнаго легіона, былъ сдѣланъ кавалеромъ (knight), Іаковомъ II, за отличныя знанія въ математическихъ наукахъ и славу по этой части: до сихъ поръ ему приписываютъ изобрѣтеніе подводнаго колокола. Существуетъ даже преданіе, что онъ воспользовался своимъ изобрѣтеніемъ для спасенія груза одного Испанскаго галіота, претерпѣвшаго крушеніе на берегахъ Новой-Англіи; прибавляютъ, будто слитки золота, спасенные имъ при этомъ случаѣ, болѣе обогатили его, нежели вся его ученость.... Но, такъ или иначе, ясно, что безъ своего знанія какъ изобрѣтатель, онъ не былъ бы богатъ. Вильямсъ Фиппсъ былъ потомъ губернаторомъ въ Массачузетсѣ. Прямыхъ потомковъ онъ не оставилъ, и умеръ бездѣтнымъ, но, разумѣется, не было недочета въ племянникахъ и племянницахъ у челоука, имѣвшаго двадцать-пять братьевъ и сестеръ; на этихъ племянниковъ и племянницъ распалось все его имущество, съ тѣмъ однакожъ, что къ одному изъ первыхъ перешла его большая часть, вмѣстѣ съ титуломъ кавалера. Этого племянника звали Константиномъ, и онъ-то и есть ближайшій прямой предокъ Маркиза Норменби.

Сэръ Константинъ былъ ученый юрисконсультъ, и впоследствии Лордъ-канцлеръ Ирландіи. Сынъ его узамъ брака породнился съ славнымъ домомъ Шэффильда, угасавшаго въ то время — что заставляло надѣяться, что къ одному изъ его дѣтей перейдетъ хотя часть титуловъ, соединенныхъ въ лицѣ послѣдняго Герцога Бе-

кингема. Такъ и случилось: одинъ изъ сыновей Константина сталъ Барономъ Мюлгравомъ Мюлгравскимъ, и вступилъ въ Верхнюю-Палату. Старшій сынъ этого перваго Барона, по имени также Константина, былъ морякъ; избравъ эту дорогу по страсти, онъ сдѣлался капитаномъ корабля, и прославился отважной экспедиціей къ сѣверному полюсу: онъ ходилъ до Шпицбергена сквозь льдовъ, которые нужно было распиливать руками для пропуска фрегатовъ. Храбрый мореходецъ, избранный членомъ Нижней-Палаты, а потомъ перъ, умеръ въ Бельгій, въ Литтихъ, въ 1794 г., по возвращеніи съ водъ Спа.

Братъ послѣдняго, младшій сынъ Лорда Константина — въ свое время главный начальникъ надъ артиллеріею, былъ отецъ нынѣшняго посланника, Константина-Генри Фиппса, Маркиза Норменби, Графа и Барона Мюлгравскаго.

И такъ, подобно Байрону, съ которымъ мы найдемъ у него болѣе одной сходной черты, Маркизь Норменби былъ племянникъ моряка и сынъ солдата. Если припомнить, что кромѣ этихъ родственниковъ въ его родословномъ древѣ были еще юрисконсультъ и ученый, нельзя не согласиться, что недалеко нужно было молодому Лорду ходить за образцами для себя. Многостороннія способности, оказанныя имъ съ ранняго возраста, не давали мѣста сомнѣнію въ томъ, что ему стоитъ только выбирать дорогу. Отецъ его поручилъ его воспитаніе знаменитой Гарровской (Harrow-on-the-Hill) школѣ, гдѣ воспитывались Байронъ и Робертъ Пилъ. Школа эта оставила навсегда прекрасные слѣды въ образѣ мыслей, характерѣ и дѣйствіяхъ Лорда Норменби. Байронъ, помните, говоритъ въ своихъ запискахъ: «Гарровская школа имѣла то достоинство, что приучала дѣтей знатнаго происхожденія къ сближенію съ дѣтьми людей достигнувшихъ извѣстности своими дарованіями, не уничтожая этикета необходимаго въ извѣстной мѣрѣ, и преимуществъ наслѣдственныхъ титуловъ. Такъ мои товарищи по школѣ нисколько не были поражены тѣмъ, что въ тотъ день, когда умеръ мой дядя, отъ котораго перешло ко мнѣ иерство, учитель назвалъ меня *domine* Байронъ, а не просто Байронъ, какъ паканунъ.» Что касается до Лорда Норменби, онъ неоспоримо принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые, не имѣя они преимуществъ наслѣдственныхъ, и сами сзываютъ пробить себѣ путь: его способности однѣ могли бы повести его къ извѣстности. Изъ Гаррова онъ, для окончательнаго образованія, перешелъ въ Кембриджъ, гдѣ также ни одного изъ студентовъ ни разу не оскорбили его шелковый плащъ и золотая кисть на шапкѣ.

Быть может самая мѣстность, среди которой молодой Лордъ оканчивалъ свое воспитаніе, немало содѣйствовала направленію, которое вскорѣ принялъ его умъ. Уже Мильтонъ, такъ же какъ и Байронъ, испыталъ надъ собою вліяніе этого уединеннаго, почти монастырскаго убѣжища, обрамленнаго зелеными лугами и величественными лѣсами. Въмѣсто того, чтобы изучать математику или науку Ньютона, молодой Марквизъ любилъ мечтать подъ готическими сводами зданія, и, давая волю богатому воображенію, рано посвящалъ себя поэзій, изливая свои фантазій то въ прекрасныхъ сонетахъ, то въ другихъ стихотвореніяхъ. И въ то уже время было замѣтно, чему будетъ Лордъ Норменби посвящать досуги отъ сложныхъ и серьезныхъ занятій обязанностями, къ которымъ призывали его общественныя отношенія: не будь эти занятія, эти обязанности, нѣтъ ничего мудренаго, что изъ него вышелъ бы соперникъ Макриди, Фаррена.... Онъ безпрестанно или писалъ стихи, или декламировалъ.

Едва совершеннолѣтній, Лордъ Норменби вступилъ въ Нижнюю-Палату (вспомнимъ карьеры Питта, Фокса). Для того, чтобы, такъ-сказать, искусственнымъ образомъ ускорить зрѣлость юношей, Англичанъ богатыхъ или знатныхъ вообще женить какъ можно раньше: Лордъ Норменби женился 21 года, на дочери одного изъ Лордовъ Ревенсвортскихъ, Маріи Лиделль, дѣвушкѣ молодой и замѣчательной, во всѣхъ отношеніяхъ достойной этого союза.

Протестантъ, молодой Лордъ не побоялся начать свое парламентское поприще рѣчью за католиковъ, которые въ то время еще были лишены своихъ политическихъ правъ. Второе его дѣло, несмотря на то, что онъ былъ наследственный торій, и вступилъ въ Парламентъ по правамъ своего рожденія, было склоненіе друга своего, сэра Джона Расселя, на сторону парламентской реформы. Вскорѣ за тѣмъ, когда отецъ его былъ возведенъ на степенъ главнаго начальника артиллеріи, онъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе дѣйствовать или по своимъ убѣжденіямъ, или не измѣнять сыновнему чувству; не находя въ себѣ ни силы жертвовать первыми, ни желанія идти противъ отца, онъ умѣлъ, несмотря на всю свою молодость, заглушить въ себѣ столько естественный пылъ прекраснаго самолюбія, и принесть въ жертву самого себя: онъ вышелъ изъ Парламента.

Въ это время, промежутокъ невольнаго покоя и бездѣйствія, имѣлъ онъ возможность слѣдовать призванію, которое заглушали въ немъ обязанности его происхожденія и общественной жизни. Онъ, съ молодою женою, повѣхалъ въ Италію, и поселился на бере-

гу Арио, въ этомъ второмъ отечествѣ художническихъ натуръ. Во Флоренціи онъ въ полномъ смыслѣ велъ жизнь просвѣщеннаго мецената. Салоны его сдѣлались сборищемъ артистовъ, поэтовъ, путешественниковъ, чѣмъ бы то ни было замѣчательныхъ, принадлежавшимъ къ тому или другому народу. Домашній театръ былъ водвинутъ во дворецъ Гибелиновъ, гостепріимно открытъ для каждаго. Флорентинцы до сихъ поръ вспоминаютъ, что они обязаны Лорду Норменби введеніемъ у нихъ комскихъ скачекъ. Въ Италіи прожилъ Норменби до 1822 года.

Въ Англіи, между тѣмъ, старый торизмъ уступалъ Джоржу Кеннингу. Великіе избиратели Гейамъ-Феррарса вызвали путешественника въ Парламентъ. Онъ сейчасъ же вернулся, и продолжалъ обращать на себя вниманіе своимъ талантомъ, какъ ораторъ, а благороднымъ образомъ мыслей и дѣйствій — снискивать общую любовь. Доказательствомъ его замѣчательной популярности служитъ то, что онъ опять былъ избранъ въ 1826 г. Однако, съ этой поры, онъ принималъ меньшее участіе въ парламентскихъ преніяхъ, въ ожиданіи того, чтобы созрѣли идеи той реформы, которой посвятилъ онъ все свои старанія и силы. И этотъ періодъ времени, свой премежутокъ политической заботы, онъ весь употребилъ на то, чтобы завоевать себѣ литературное имя — что у Англичанъ цѣнится на столько, что въ лицѣ Лорда Норменби блескъ дипломатической карьеры не бросилъ никакой тѣни на славу писателя. Въ литературной дѣятельности Лорда Норменби вотъ на что, по нашему мнѣнію, должно обратить предпочтительное вниманіе.

Вальтеръ Скоттъ создалъ, и для Англіи и для всѣхъ Европѣйскихъ литературъ, романъ историческій: его любили Англичане, и читали все, но справедливо замѣчали, что его произведенія, помимо достоинствъ чисто-литературныхъ, имели мало значенія современнаго. Были, правда, попытки создать романъ современный, но болѣею частью неудачныя (о Диккенсѣ, Теккерѣ, Корреръ-Беллѣ и др. не было еще и помину), такъ что можно сказать, что Норменби первый явился живописцемъ новаго Англійскаго общества. Онъ зналъ за тему замѣшанное общество, къ которому принадлежалъ отъ рожденія, и которое зналъ возможно изучить какъ не многіе. Три первыхъ произведенія, по порядку имъ напечатанныхъ, сразу возбуждали сочувствіе соотечественниковъ, нашедшихъ въ нихъ вѣрные и мѣткія картины, умъ, юморъ, словомъ все признаки, если не первокласснаго, все-таки несомнѣннаго дарованія; эти три сочиненія суть: «Контрасты», «Да и Нѣтъ» и «Матильда.» Для тѣхъ, кто читалъ произведенія Норменби, не нужно говорить, что одно изъ главныхъ ихъ достоинствъ —

это ихъ драматичность; но не та драматичность, чисто внѣшняя, натянута и неестественная, которую щеголяли Французскіе писатели известной школы, и которая противна всемъ законамъ изящнаго, а драматичность внутренняя, истинная, вытекающая изъ действительныхъ отношеній лицъ того или другаго событія жизни это-то достоинство и ставитъ произведенія, названныя нами, въ число такихъ, которыя, потерявъ для своего общества значеніе современное, все-же не лишаются известнаго интереса въ глазахъ читателя; и въ этомъ отзывѣ соглашаются не одни Англичане. Лучшее изъ всехъ сочиненій Лорда Норменби—«Контрасты». Оно было переведено на многіе Европейскіе языки, а въ Англии приобрѣло рѣдкую популярность. Онъ написалъ еще «Клюрида и жемчужное ожерелье», рассказъ въ родѣ техъ, что въ одно время съ нимъ писалъ во Франціи Мериме,— и участвовалъ во всехъ Англійскихъ альманахахъ и книжкахъ, такъ что до 1831 г. трудно найти роскошный Англійскій сборникъ, въ которомъ, между именами Лордовъ Порчестера, Гауера, Ресселя, или Сутрея, Саважъ-Ландора, Вердворта, не встрѣтилось бы имя Лорда Норменби.

Но съ 1832 г. онъ долженъ былъ оставить литературу, и болѣе не писать, хотя и говорили будто бы некоторыя брошюры, отчасти политическія, и его именемъ не подписанныя, принадлежать ему. Кончина отца, приключившаяся еще въ 1831 г., призвала Норменби въ Верхнюю-Палату. Парламентская реформа, принявъ въ это время давно желаемый имъ оборотъ, утвердила торжество виговъ, и Лордъ Норменби отправился губернаторомъ въ Ямаику. Времена тогда были трудныя: нужно было исподоволь подготовить колонистовъ къ великому дѣлу уничтоженія торговли Неграми. Искренно приверженный къ этой мысли, тогда еще почти новой, Норменби долженъ былъ выдержать страшный отпоръ соединившихся колонистовъ, которые горячо стояли за то, что считали своимъ правомъ. Колонисты умѣли даже нѣсколько разъ вооружить противъ него войско, но онъ такъ умно и твердо отражалъ все эти препятствія, что заслужилъ отличное уваженіе въ глазахъ своего правительства.

Вернувшись изъ Ямайки, Лордъ Норменби былъ сдѣланъ хранителемъ печати, и сохранилъ эту должность до вступленія въ министерство Роберта Пила въ 1834 г. На слѣдующій годъ онъ былъ назначенъ Вице-Королемъ Ирландіи: тамъ ждали его не меньшія затрудненія, чѣмъ въ Ямаикѣ. Но, вѣрный своимъ чувствамъ и убяжденіямъ, онъ не колебался встать за бѣдныхъ Ирландскихъ парій, такъ-же какъ прежде горячо вступился за

чёрныхъ братій. Четыре года боролся Норменби, какъ истинный рыцарь правды и проповѣдникъ любви, не щадя ни себя, ни чьихъ личныхъ интересовъ, противъ всѣхъ предрасудковъ, противъ всѣхъ преградъ, которыя противопоставляли ему невѣжество, безчувственность и эгоизмъ многихъ отдѣльныхъ, и не менѣе его сильныхъ, лицъ; но сдѣлать для Ирландіи все, чего хотѣлось ему, и что бы могъ онъ сдѣлать при другихъ обстоятельствахъ, ему не было дано. Несомнѣнно однакожъ, что онъ и тамъ оставилъ за собою общую любовь и уваженіе.

Въ 1839 году онъ былъ отозванъ въ Лондонъ, и сдѣланъ министромъ колоній, а вскорѣ обмѣнялся портфелемъ съ Джономъ Ресселемъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ 1841 г., когда вице пали, Норменби лишился своего мѣста, но Рессель поспѣшилъ предложить ему званіе посла при Французскомъ дворѣ, — постъ, который считался не менѣе важнымъ министерскаго. Здѣсь-то, на этомъ постѣ, во всемъ свѣтѣ выступилъ всѣ личныя достоинства благороднаго Лорда. Отечество уже знало его твердыя и чистыя убѣжденія, его готовность на всякое честное и человеколюбивое дѣло, но иностранцы до сихъ поръ вообще видѣли въ немъ только лицо политическое, а о человекѣ знали или мало или ничего. По прибытіи своемъ въ Парижъ, гдѣ онъ постоянно былъ чрезвычайно-замѣчательнъ какъ дипломатическій агентъ, и съ особеннымъ умомъ всегда содѣйствовалъ миролюбивымъ отношеніямъ между дворами своимъ и Французскимъ, онъ мало-по-малу приобрѣлъ общее расположеніе всѣхъ, кто только приходилъ въ соприкосновеніе съ нимъ. Лордъ Норменби, не измѣняя своимъ обязанностямъ и правиламъ, смѣло и открыто стоялъ за Англичанъ, но при всемъ томъ трудно встрѣтить Француза, который бы не отозвался о немъ съ особеннымъ уваженіемъ: и по сіе время, какъ прежде, онъ вездѣ и во всемъ тотъ же рыцарь правды, тотъ же другъ человечества, тотъ же любитель искусства и его покровитель во всѣхъ его видахъ. Когда въ концѣ Декабря прошлаго года распространился-было слухъ въ Парижъ, что Норменби возвращается въ Англію — слухъ до сихъ поръ не оправдавшійся, во всѣхъ кругахъ общества, отъ дворца до лачуги — выражалась классически — вездѣ жалоба о немъ, и никому въсть эта не была принята равнодушно.

Дополнимъ этотъ краткій очеркъ одною изъ послѣднихъ чертъ Норменби, заимствуемою нами изъ одного Французскаго листка.

«Нѣсколько дней тому назадъ — пишетъ Г. Аппаль Жюби-наль, отъ 20 Декабря — артисты театра Vaudeville выѣхавъ съ Об-

ществомъ. Драматическихъ Артистовъ (Association des art. dram.) согласилось дать представление въ пользу вспомогательныхъ каскъ обонихъ общества: Буффе, Г-жа Дежазе, Поншаръ, и другія знаменитости театральнаго міра предложили свое содѣйствіе, нѣкоторые даже забывъ о своихъ подмосткахъ, и, разумется, безвозмездно. Испанскій посланникъ, Лордъ Норменби, всѣ члены дипломатическаго корпуса (даже Папскій нунцій прислалъ 100 фр., но билета не взялъ) взяли ложь. Лучшую изъ ложъ авансены *Водвилла*, восьмимѣстную, которая на всякой случай была оставлена для Президента, отдали Лорду Норменби, потому что уже было четыре часа, а представление должно было начаться въ шесть. Вдругъ въ половинѣ пятаго прѣзжаетъ адъютантъ Президента, привозитъ 300 фр., и говоритъ, что Президентъ, не имѣвшій случая видѣть Буффе съ возвращенія своего во Францію, желаетъ видѣть его сегодня, и будетъ въ театрѣ въ половинѣ восьмага, для чего даже въ Елисейскомъ дворцѣ приказано, чтобъ обѣдъ былъ раньше. Что было дѣлать?... Ксчастію тутъ случился Дерваль, *jeune-premier* театра Пале-Рояля, столько же находчивый во всякомъ дѣлѣ, какъ на сценѣ. Недолго подумавъ, Дерваль рѣшилъ:

— «Одно средство: надо отправиться объяснить затрудненіе Лорду Норменби.

— «Какъ можно! — замѣтилъ адъютантъ Президента — видѣ это значило бы требовать у него вашей ложи, а Принцъ на это бы не согласился, еслибъ зналъ. Мы хватились немножко поздно: наше несчастіе. Принцъ, господа, прѣдетъ аплодировать вамъ въ другой разъ: обываю вамъ это отъ его имени. Между тѣмъ, возьмите деньги, которыя мнѣ во всякомъ случаѣ приказано оставить.

«Виолнѣ цѣня великодушіе Президента, артисты тѣмъ менѣе хотѣли лишиться удовольствія имѣть его въ числѣ зрителей, но менѣе всего хотѣлось этого Буффе, который, за болѣзнию, два года не выходилъ на сцену. Дерваль не сказалъ ни слова посланному Президенту, но какъ только тотъ увкалъ, онъ отвелъ въ сторону Г. Поль-Эриеста, директора театра, и своихъ товарищей, и сказалъ:

— «Господа, намъ остается еще часть времени; поскачемъ къ Лорду Норменби, а оттуда во дворецъ!

«Сказано, сдѣлано. Сѣли въ фіакръ; полетѣли. Вообразите удивленіе докладчика въ отелѣ Англійскаго посольства. Какое дѣло могли имѣть до Англій Гг. Арналь и Равель? Но удивленіе его стало еще больше, когда Лордъ Норменби, только что сѣв-

пий за столъ, приказалъ имъ просить въ гостиную, и сейчасъ же вышелъ къ нимъ. Дерваль разсказалъ ему дѣло, прибавляя, что они всѣ находятся въ тѣмъ болѣешемъ затрудненіи, что остались незаняты только самыя плохія и маленькія ложи.

— «Успокойтесь, господа — отвѣчалъ Лордъ Норманби — Я хотѣю смотрѣть васъ откуда хотите. На будущее время я прошу у васъ одной привилегіи: заставить меня всегда платитъ за самую большую ложу, и оставлять мнѣ самую маленькую.»

Три четверти часа спустя, эти слова повторилась всѣмъ театромъ, и когда Лордъ Норманби, съ женою, вошелъ въ самую большую ложу, театръ разразился рукоплесканіями.

Другой, замѣчательный въ своемъ родѣ, современникъ — Г. Барошъ, Французскій министръ внутреннихъ дѣлъ.

Барошъ началъ свою карьеру съ адвокатуры. Но адвокаты во Франціи — мы говоримъ о заслуживающихъ вниманія — бываютъ двухъ совершенно-различныхъ категорій: одни — и это едва ли не большая часть — ораторы, остроумные, страстные, блестятъ своимъ краснорѣчіемъ, и исполненные вѣры въ свое природное дарованіе, не любятъ посвящать много времени отвлеченной наукѣ законовѣднія; другіе напротивъ, люди труда и кабинета, не пренебрегаютъ несомнѣнными выгодами краснорѣчія, гораздо болѣе однакоже занимаются теоретическимъ и основательнымъ изученіемъ законовъ и юриспруденціи. Первые нѣрѣдко легко и скоро дѣлаютъ себѣ имя. Вторымъ нужно болѣе времени для этого: за то, когда, при любви къ наукѣ, они обладаютъ здравымъ и правильнымъ умомъ, ясной и непринужденной дикціей, твердымъ убѣжденіемъ и желаніемъ провести его, съ способностію къ тому, и при этихъ данныхъ достигаютъ извѣстности, слава ихъ прочнее, и многое обѣщаетъ имъ будущее. Барошъ вышелъ изъ рядовъ второй категоріи, и, на той ступени, гдѣ твердо стоятъ теперь, умѣлъ снискать себѣ сочувствіе всѣхъ благомыслящихъ соотечественниковъ, такъ же какъ и прежде — своей прямою честностію, постоянствомъ въ убѣжденіяхъ и рѣшимостію въ важныхъ дѣлахъ.

Окончивъ курсъ юридическихъ наукъ въ 1823 г., онъ остался съ перваго раза въ Парижѣ. Бѣдный и ничѣмъ несодѣрживаемый въ началѣ своего поприща, онъ не остановился передъ многосложными препятствіями, которыя представляетъ адвокатура каждому начинающему. Прилежно посещалъ онъ совѣщанія, искалъ дѣлъ, чтобъ какъ-можно лучше узнать юридическую практику, а все дѣлуги посвящалъ занятію теоріей права. Товарищи полюбивъ его

ж добродушный характер, уступчивость и положительное знание; въ то же время его честность и добросовѣстное рвеніе дали ему право на уваженіе тѣхъ, кто сходился съ нимъ по дѣламъ. И онъ былъ замѣченъ въ память. Выгодная, даже блестящая женитьба, доставивъ Бароншу независимыя средства къ жизни, дала ему возможность не стѣсняться въ выборѣ своихъ занятій, и онъ весь отдался своему влеченію къ наукѣ; онъ уже былъ въ то время извѣстенъ: палата уважала въ немъ ученаго юрисконсульта, и вскоре онъ былъ причисленъ къ совету сословія адвокатовъ.

Нѣсколько процессовъ, одинъ за другимъ, удовлетворительно и окончанныхъ и выигранныхъ противъ юристовъ, давно пользовавшихся извѣстностью, еще болѣе утвердили общее мнѣніе о молодомъ адвокатѣ, и послужили мѣрой его способностей. И онъ все продолжалъ трудиться, удвоивъ еще свои старанія въ исполненіи обязанностей по его званію. Мало-по-малу онъ до того отдался занятіямъ и карьерѣ, избраннымъ имъ по природной склонности, что наконецъ приобрѣлъ себѣ отличную репутацію въ адвокатурѣ, и въ 1846 г. по большинству голосовъ былъ избранъ старшиною общества адвокатовъ.

Въ 1847 г. онъ въ первый разъ явился кандидатомъ въ депутаты, и былъ избранъ представителемъ Рошфорскаго округа. Образъ его дѣйствій подѣ министерствомъ Гизо-Дюпати и защиты генерала Кюбьера передъ судомъ Палаты Перовъ окончательно вывели его въ число тѣхъ людей, на которыхъ и партіи и отдѣльныя лица должны были смотрѣть съ невольнымъ уваженіемъ, потому что такіе люди, не изменяющіеся по времени и обстоятельствамъ, тогда болѣе чѣмъ когда-нибудь были нужны во Франціи.

Минувя подробности его чисто-политической дѣятельности, упомянемъ только, что въ 1848 г. онъ единогласно былъ отправленъ въ Учредительное Собраніе представителемъ Нижней-Шаранты. И здѣсь его умѣренность, рвимость и твердость обратили на себя вниманіе новаго правительства, которымъ онъ и былъ возведенъ въ званіе генераль-прокурора Парижскаго Апелляціоннаго Суда. Въ этомъ новомъ званіи Баронъ не измѣнилъ себя: вѣрный стражъ закона, открытый врагъ всего, что считалъ онъ вреднымъ для общественнаго порядка и спокойствія, онъ не только преслѣдовалъ нарушителей того и другаго, но и прямо наставлялъ передъ Верховнымъ Судомъ Буржскимъ на строгость приговора надъ обвиненными 15-Мая. Не менѣе выказалъ онъ себя въ дѣлѣ заговорщиковъ Искусствъ-и-Ремеселъ, пресѣ Версальскій Судъ Присужденныхъ о пристрастности возмещеній съ виновныхъ.

Послѣ выборовъ прошлаго 1850 г., Барошъ заступилъ мѣсто Фердинанда Барро, только-что уволеннаго отъ званія министра-внутреннихъ дѣлъ. Въ истинные друзья порядка, въ тѣ, которые не на однихъ словахъ хотѣли счастья и споконья Франціи, встрѣтили вѣсть объ этомъ выборѣ единодушнымъ сочувствіемъ: всѣ знали въ Барошѣ человека искренно-преданнаго существеннымъ интересамъ Франціи, готоваго и способнаго служить имъ, а не одного изъ тѣхъ крикуновъ, которые если не дѣлаютъ положительнаго зла, такъ за то очень часто мокожи на муху въ известной баснѣ...

Безъ неумѣстной самоувѣренности, но съ прекраснымъ сознаниемъ своихъ силъ, вступилъ Барошъ на ступень имъ нынѣ занимаемую, и шагъ за шагомъ оправдываются имъ общія ожиданія отъ него. Начавъ управление своимъ министерствомъ съ ревизіи избирательнаго закона, онъ, приведя этотъ вопросъ въ надлежащую ясность, обратилъ вниманіе на законы о книгопечатаніи въ обширномъ смыслѣ этого слова ограничилъ необузданность и въ этомъ дѣлѣ и въ другихъ сторонахъ Парижской жизни, закрылъ нѣкоторые клубы, уничтожилъ многія тайныя общества, подъ какимъ бы видомъ ни существовали они, и наконецъ обратилъ особенное вниманіе на Парижскіе театры, въ которыхъ, сколько мы знаемъ, бывало и бываетъ до сихъ поръ много хорошаго, но откуда, въ особенности во время вступленія въ министерство Бароша, мораль частенько прогонялась... нельзя сказать за сцену, потому что и тамъ ея иногда не было...

Посмотримъ, ужъ къ слову,—что дѣлалось на Парижскихъ театрахъ въ послѣднее время. Вообще очень замѣчательныхъ новостей нѣтъ, но сечь за то одна изъ самыхъ новыхъ, на которой мы обязаны остановиться.

Эта новость — Клавдія, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ Жоржъ-Санда. Мы сами, разумеется, не видали ея, даже не имѣли еще никакой возможности и прочесть ее, и воздержимся отъ всякихъ критическихъ заключеній, даже отъ подробнаго ея разбора, темъ болѣе, что въ произведеніяхъ такого писателя, каковъ Жоржъ-Сандъ, полагаются на чужіе отзывы безусловно — по-нашему было бы непрослительно; но скажемъ то, что знаемъ о ней положительнаго изъ иностранныхъ газетъ.

Сюжетъ драмы—самый простой.

Въ небольшомъ селеніи Франціи живетъ 82-хъ лѣтній старикъ Реми, бѣдный селянинъ; при немъ его внука, Клавдія. Еще въ 16 лѣтъ Клавдія имѣла неосторожность повѣрить обманамъ какого-то

деревянского фата, и полюбить его; онъ ее обмануль, и исчезъ. Она осталась при дѣдушкѣ, съ своимъ ребенкомъ и нуждою. Ребенокъ умеръ; вся ея любовь отнынѣ принадлежитъ старику: и онъ ее любитъ, простивъ ее потому, что она сердечнымъ раскаяніемъ, трудомъ и смиреніемъ искупила прошедшее. Ходятъ они съ фермы на ферму помогать на жатвѣ, и разъ какъ-то попадаютъ къ Гран-Розѣ (*на этомъ поднимается занавѣсъ*), богатой крестьянкѣ, на которой фермеръ Фаво хочетъ женить своего сына Сильвана. Но у Сильвана есть соперникъ — Деиц-Ронсиа, тотъ самый, который обмануль Клавдію. Приходитъ Ронсиа, и встрѣчается съ своей жертвой: Реми узнаеть его, обличаетъ, и на Ронсиа уже не хочетъ смотреть Гран-Роза. Между тѣмъ Клавдія начинаетъ сильно нравиться Сильвану (*второй актъ*), что приводитъ въ отчаяніе его отца, который боится за свой плзнь. Но Сильванъ — человекъ до мелочности строгій, и ему вовсе не хочется жениться на Розѣ, тѣмъ болѣе что о ней ходятъ слухи не вовсе выгодные. Какое-же его положеніе, когда изъ словъ Ронсиа онъ начинаетъ догадываться, что и Клавдія, пожалуй, не вовсе безъ грѣха! Она же, какъ ни воздерженною, какъ ни строгою къ самой себѣ сдѣлаю ее несчастіе, тоже любитъ Сильвана. Фаво, видя все это, чѣмъ долго думать, прямо чернитъ Клавдію, и говорить о ней сыну такія вещи, что тотъ совершенно теряется. Старикъ-Реми горячо вступается за внучку, и опровергаетъ клевету. Наконецъ Реми и Клавдія хотятъ навсегда оставить ферму (*третій актъ*), но ихъ удерживаетъ хозяйка, Роза, въ сущности очень добрая женщина, которой и самой не хочется идти за Сильвана: она видитъ въ немъ, по своимъ требованіямъ, мужа для нея слишкомъ мелочно-строгаго. Ронсиа, которому не легко отказаться отъ своихъ видовъ, рѣшается сдѣлать ей формальное предложеніе. Но она съ негодованіемъ отвергаетъ его, выставляя ему все, чѣмъ виноватъ онъ противъ Клавдіи. Является Реми; пошлый ловласть, совершенно уничтоженный, думаетъ очистить себя и выкупить вину свою деньгами, но честный старикъ бросаетъ ихъ ему въ лицо, и онъ.. предлагаетъ Клавдіи свою руку. Но Клавдія отказываетъ ему, и Ронсиа уходитъ. Тогда Сильванъ, до глубины тронутый, забываетъ о томъ, что знаетъ о Клавдіи, и въ свою очередь рѣшается жениться на ней. Отецъ соглашается, Роза хлопочетъ объ этомъ, но Клавдія... не хочетъ. Она говоритъ, что дала слово провести всю жизнь въ одиночествѣ, и что не сознаетъ себя достойною счастья. Старикъ-дѣдъ отключаетъ ея сомнѣнія: ему известна ея любовь къ Сильвану; онъ упрямиваетъ ее, для него будто бы, пожертвовать собою, и Клавдія

соглашается идти за Сильвана, котораго — мы ужъ знаемъ — она тайно любитъ. Ударяетъ вечерній колоколъ (*angelus*), и все невольно падаютъ на колѣни.

Содержаніе, какъ видите, естественное, взятое изъ области истины и дѣйствительности: тутъ нѣтъ ни романтической клеветы на жизнь, ни псевдоклассическихъ румянъ и подкраски.

Относительно выполненія его авторомъ, мы знаемъ, что нѣтъ въ этой драмѣ ни натянутыхъ эффектовъ, ни рассчитанныхъ положеній, которыми обыкновенно пробавляются дарованія посредственные, люди не понимающіе искусства и думающіе, что его можно замѣнить искусственностію и которыми только и держатся на сценѣ дюжинныя фабрикаціи Французской драматургіи. Въ Парижѣ, вездѣ и во всемъ ощущаютъ такъ-называемыя сильныя ощущенія — этихъ пріятностей, безъ которыхъ не варятъ разстроенные желудки, не легко вызвать сочувствіе къ произведенію естественному, миновавшему обычныя пути къ раздраженію ихъ чувствительности, и трогашему и поражающему голою истинною, а драма Жоржъ-Санда произвела впечатлѣніе глубокое и общее; стало-быть она во всѣхъ отношеніяхъ произведеніе замѣчательное.

«Клавдію» давали въ первый разъ въ первыхъ числахъ Января, на театрѣ Сен-Мартенскихъ Воротъ. Исполненіе главныхъ ролей лежало на Г. Бокажъ (Реми), Фехтеръ (Сильванъ), и Г-жѣ Ля-Феликсъ (Клавдія), сестрѣ известной Рашель. Всѣ роли были исполнены не дурно, но особенное вниманіе заслужила Г-жа Ля-Феликсъ: Французскіе театральные критики предвидятъ въ ней достойную преемницу славы ея сестры.

Въ числѣ другихъ новостей Парижскихъ театровъ мы знаемъ о слѣдующихъ:

Тайна (*Un Mystère*), драма въ стихахъ, въ 13 картинкахъ и съ прологомъ, Эмиля Сувестра. Эта драма дана была на театрѣ Ambigu. Содержаніе ея взято изъ XVI вѣка: основная идея — преступленія и раскаяніе Гильома, Графа Пуатусскаго. Произведеніе, не лишнее известныхъ спеціальныхъ достоинствъ, и написанное не безъ признаковъ дарованія. Авторъ его говоритъ, что это только переводъ или передѣлка стараго сочиненія, написаннаго на Бретонскомъ нарѣчій; мы не знаемъ должно ли этому вѣрить.

Гудошникъ (*Le Joueur de Flûte*), комедія въ стихахъ и въ 1 дѣйствіи, Эмиля-Ожье. — Рассказывать содержаніе намъ не хочется: довольно съ васъ, что дѣйствіе происходитъ въ Кориннѣ, въ настоящемъ Кориннѣ, т. е. въ прошедшемъ, въ старомъ; дай-

ставлющія лица: Ланса, какой-то Кароагенянинъ Вомилькаръ, который ее любить, какой-то Халцидъ, онъ-же и гудошникъ, онъ-же и Ариобаццанъ, онъ-же и Фессалійскій пастухъ (колыбель пастуховъ, вы это знаете конечно изъ „краткихъ руководствъ къ познанію исторіи“—Фессалія), и наконецъ нѣкто Псаумисъ. Одно изъ этихъ лицъ какъ-то продаетъ себя, другое—по необходимости логической — покупаетъ; потомъ—это ужъ безъ всякой необходимости — перепродаетъ свою покупку за полцѣна, и ее же, эту самую покупку, перекупаетъ сама Ланса — страшно сказать — за сто талантовъ: въ послѣднемъ, разумеется, вся сильная мысль. Но... чего не дѣлаетъ любовь, чего не дѣлала она въ особенности въ древности!... Г. Ожье сдѣлалъ изъ всего этого комедію въ одномъ актѣ; мы, правда, не читали ее, и знаемъ, кроме содержанія и похвалъ одного Французскаго рецензента, только нѣсколько стиховъ изъ нея, но есдѣбы насъ стали уверять все, что комедія хороша, мы—простите наше упрямство — никому бы не поверили; Коринѣи и Французскіе стихи, Греція и Парижскій театръ Французской-Комедіи -- помните, кто-же ручается намъ, что все это лучше связалось вмѣстѣ на этотъ разъ, чѣмъ связывалось прежде,—будъ это даже нѣчто подходящее къ произведеніямъ того поэта, чьи стихи насъ заставляли учить еще въ дѣтствѣ? Помните:

Madame, oubliez vous,
Que Thésée est mon père et qu'il est votre époux?...

Баронесса Бергамоттъ (La Baronne Bergamotte), водевилъ въ 2 дѣйствіяхъ, Сент-Ива и Ксавье. — Этотъ водевилъ принадлежитъ театру Сен-Мартенскихъ Воротъ, и къ числу тѣхъ сценическихъ произведеній, въ которыхъ вѣтъ ни особенно-хорошаго, ни особенно-дурнаго: въ Парижѣ такіа вещи пекутся какъ въ Москвѣ калачи.

Три пинька (Les trois coups de pied), водевилъ въ 2 дѣйствіяхъ, Локруа и Канбруза. — Играетъ на театръ Variétés, и принадлежитъ къ одной категоріи съ предыдущимъ, но какъ-будто поостроумнѣе.

Искушенія Антуанетты (*) (Les tentations d'Antoinette), комедія-водевилъ въ 5 дѣйствіяхъ, Клервилля и Жюля Кордые. — Играетъ на театръ Гимнази. Одно изъ тѣхъ произведешій, которыя поставляются въ Парижѣ по подрадамъ, следовательно: пять ак-

(*) Мы не забѣгаемъ въ этомъ отчетѣ о строгости хронологическомъ порядкѣ.

товъ, куплеты по голосамъ актеровъ, роли для костюмовъ, которые къ лицу актрисамъ. При всемъ этомъ можетъ быть и смыслъ, подчасъ остроуміе, которое такъ дешево на Французскомъ языкъ, а непремьное условіе — глубокое знаніе сцены. Дѣйствіе такъ рассчитано, что если у привадожны хорошъ проанія, она упадетъ передъ вами въ обморокъ непременно въ-проанія. Не рассказываемъ содержаніе пюда сотрудничества Гг. Клервиза и Кордые затѣмъ, что мы и безъ того слишкомъ часто вкушаемъ эти пюды въ Русскихъ переводахъ и передѣлкахъ. Припомните только какую-нибудь «Войну съ Тещей», и tutti quanti.... Горько... Но горько зрителямъ, а каково-же актерамъ, понимающимъ и любящимъ двое дѣмо?

Враги дома (*Les Ennemis de la maison*), комедія въ стихахъ и въ 3 дѣйствіяхъ, Камилла Дусэ.—Вещь недурная, игранная на театрѣ Одеона. Семейная драма, не лишенная истины: дѣйствующіе—люди, если не совсѣмъ какъ люди, все-таки живые, или возможные.

Царство Улитокъ (*Le Règne des escargots*), обзоріе-водевилъ въ 3 дѣйствіяхъ (*Revue-vaudeville*), Лэвена, Брюнсвика и Артюра де-Бопланъ. Игранъ на театрѣ Водевиль.—Забавный пучъ на тему пуча, выпущеннаго Г. Жюльень-Тюрганъ, о симпатическихъ улиткахъ. Содержанія его рассказывать не для чего, а острогъ, мѣстами точно остроумныхъ—на другомъ языкѣ передать нельзя.

Прибавимъ къ этимъ новостямъ извѣстіе объ одномъ изъ послѣднихъ представленій оперы *Вильгельм-Телль*, оперы изъ оперъ, какъ справедливо называетъ ее въ своемъ отчетѣ корреспондентъ *Indépendance*. Оперы этой не давали уже нѣсколько мѣсяцовъ, но назначили ее для перваго дебюта новаго пѣвца *Мерала* (*Mairalt*). Противно обычаю, и ужъ Богъ знаетъ почему, Г. Рокпланъ не потрудился даже поновить декораций, не позаботился о кордебалетѣ, и только двѣ какія-то несчастныя сильфонды, худыя, неловкія и даже не красивыя, проплясали что-то очень не интересное, и кажется не въ тактъ. Несмотря на все это, театръ былъ биткомъ-набитъ, и рукоплесканія не смолкали. Вотъ оно, торжество генія! «Зала — говорить корреспондентъ *Indépendance*—была, что называется за Альпами, «*affolâtissima*», по-нашему: почти безумствовала. И какъ подумаешь (продолжаетъ тотъ-же фельетонистъ), что этотъ человекъ, тотъ, который написалъ это чудо искусства, бросилъ искусство въ сорокъ лѣтъ, какъ будто въ насмѣшку надъ нашимъ восторгомъ, променялъ театръ на кухню,

славу на какую-нибудь Италианскую колбасу, досадно стаживается за этотъ Парижъ, который воздвигаетъ ему статуи, называетъ улицы его именемъ. Мы здѣсь рукоплещемъ, мы плачемъ, обсиуемъ, сходимъ съ ума, а онъ въ своемъ полуразвалившемся дворцѣ въ Болоньи, какъ Жидъ, вымываетъ какую-нибудь дрянъ, или возится надъ приготовленіемъ макаронъ—Мераль—замѣчательный артистъ: его голосъ—мягкій баритонъ.

Буря Гг. Скриба и Галеви (не называйте ея пожалуйста Шекспировой) производитъ figoge, и мы готовы этому повѣрить: Зонгагъ, Лаблашъ и синьора Розати, танцовщица di primo Cartello — какихъ не сдвзаетъ чудесъ такой триумвиратъ! И всѣмъ этимъ Парижъ обязанъ Г. Лумлею, этому импресарио изъ импресаріевъ, съ которымъ едва-ли сравнится самъ Г. Барнумъ, полонившій Шведскаго соловья. Г. Лумлей даетъ на Италианскомъ-Театрѣ подрядъ: Лучію, Лукрецію, Линду, Дона Паскуалья... и нѣтъ конца музыкальнымъ удовольствіямъ, нѣтъ словъ, которыя бы дали понятіе о сборищахъ и сборахъ.... Богатство костюмовъ, удивительный оркестръ, тѣловщицы — Г. Лумлей не забываетъ ничего....

Въ Лучіи недавно дебютирована *Г-жа Каролина Дюпре*, дочь знаменитаго тенора. Онъ самъ игралъ Эдгара. — *Г-жа Жюдитъ* появилась опять на сценѣ въ «Донъ-Жуанъ Австрійскомъ», Казимира Делавинья. Для новой актрисы, чрезвычайно, говорятъ, замѣчательной, *Г-жи Мадленъ-Броднъ*, репетируется: «Капризы Маріанны».

Позвольте: ужъ кстати (читай: не кстати), пусть тотъ-же корреспондентъ Indépendance расскажетъ вамъ о замѣщеніи академическихъ кресель Г. Дроза, о смерти котораго вы знаете. Вотъ его слова: «вчера, 9-го Января пов. ст., двадцать голосовъ изъ тридцати пяти отrekliсь отъ науки и искусства, избравъ членомъ Французской Академіи Г. Монтаньбера За Гг. Мюссе и Понсара было только по два голоса! Нужно было литератора, поэта — и избранъ не-литераторъ и не-поэтъ. Мольеръ не былъ членомъ Академіи: теперь помѣстивъ въ нее Тартюфа, и Академія смотритъ на эту почтенную особу глазами добряка-Оргона. Герои, устоявшіе противъ необъяснимаго порыва Академіи, заслуживаютъ особеннаго упоминovenія: это Гг. Викторъ-Гюго, Анпи (Емри), Патенъ (Patin) и Ламартинъ. Г. Виллманъ не рѣшился ни pro ни contra.»

... Но возможно ли, не переведа духа, рассказать не только все о Парижѣ, но и объ однихъ даже Парижскихъ театрахъ.. Мы лучше перейдемъ.... такъ нѣтъ-же театры, такъ театры, но довольно о Парижскихъ; вотъ кое-что о театрахъ въ Соединенныхъ-Штатахъ.

Драматическое искусство въ Соединенныхъ-Штатахъ, несмотря на безпрестанныя сношенія ихъ съ Европой, находится въ состояніи младенческомъ. Театры снаружи похожи на Европейскіе, но комфорта и слѣда нѣтъ: мѣста не нумерованы, сидишь на деревѣ, освѣщеніе ни на что не похоже. Декораций пишутся точно метлами, туземными художниками — стало быть очень дурно. Костюмеры умѣютъ только кроить и снимать мѣрку, а историческаго знанія своего дѣла не имѣютъ: случается за-частую, что современникъ Лудовика XIII выходитъ на сцену въ бронѣ временъ Франциска, или въ костюмѣ Маркиза—эпохи Регентства, я пудръ. Все это происходитъ болѣе всего оттого, что директоры Американскихъ театровъ только торгаша, и иногда развѣ бывшіе хозяева звѣриные, или трактирщики: это еще лучшіе. А известное дѣло:

«Ваша, коль широка....»

Французскій путешественникъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, говоритъ, что онъ провелъ въ Соединенныхъ-Штатахъ десять лѣтъ, и, по любви своей къ театру, старался доказать тамошнимъ директорамъ всю важность костюмировки, давалъ имъ наставленія, и убѣждалъ ихъ также озаботиться объ удобствѣ залъ и освѣщеніи, — но болѣею частію проповѣдывать въ пустынь.

Въ самомъ Нью-Йоркѣ теперь десять театровъ. Вотъ ихъ названія: *Opera-House* или *Astor-Place*, *Niblo's Garden*, *Broadway-T. Bowery-T.*, *National-T.*, *Olympic*, *Burtows-T.*, *Brougham Lyceum*, *Museum* и *Castle-Garden*. Играютъ въ Нью-Йоркѣ все что хотите. Шведскій соловей не первый залетѣлъ туда—Италянцы поютъ круглый годъ; трагикъ декламируетъ Коцебу, Бульвера, Шерриана, Кауля (Kuowel), и самого Шекспира; но гдѣ нынче не достается бѣдному Шекспиру, и отъ кого?... Англійскіе пѣвцы распѣваютъ переводы Французскихъ оперъ, съ музыкой Англійскаго происхожденія; канатные плясуны пляшутъ на самыхъ туго-натянутыхъ канатахъ; комики разыгрываютъ произведенія Французскихъ академиковъ и неакадемиковъ—Гг. Скриба, Мельвиля и К°; наконецъ некоторые мѣстные ревнители искусства, драматурги по досугу—гдѣ же ихъ нѣтъ, увы! — ввели и національныя произведенія, вдвойнѣ оригинальныя; но

всего оригинальнѣе, по нашимъ понятіямъ, въ исполненіе. Содержаніе же этихъ національныхъ Северо-Американскихъ произведеній во всѣхъ одно и то-же: вездѣ Вашингтонъ съ своими генералами; чѣмъ больше актовъ, тѣмъ больше генераловъ, и тѣмъ больше скуки: вотъ и вся разница между первымъ, вторымъ и десятымъ.

... Отъ шума и трескотни Парижа, отъ Англійской музыки Соединенныхъ-Штатовъ, мы полетимъ отдохнуть въ Дрезденъ.

Знаете ли вы что такое Дрезденъ?—Столица и главный городъ Саксоніи, при Эльбѣ, имѣетъ монетный дворъ...— Не то.

... Давно, лѣтъ тому десять-пятнадцать, намъ случалось часто видаться съ однимъ, тогда уже почтеннымъ, старичкомъ, въ своемъ родѣ большимъ оригиналомъ и даже маниакомъ. Старичекъ въ молодости много путешествовалъ, частію объѣздилъ, частію, вслѣдъ за Русскими знаменами, исходилъ на конѣ полѣ-Европы, и—сказать правду—сохранилъ въ своей памяти почти одни только свои военные подвиги: или ужъ время тогда было такое, что передъ дѣлами и славой Русскаго оружія меркло все... Богъ знаетъ!... Какъ бы то ни было, старичекъ рассказывалъ очень мало замѣчательнаго о чужихъ краяхъ: говорилъ онъ, правда, что, когда Русскія войска вступали въ Парижъ, то Француженки прыгали къ офицерамъ на сѣдлы, — увѣряли, что онѣ казаковъ совсѣмъ не боялись, а что если это и пишутъ Французы, такъ, пожалуй, можно и не то выдумать; вообще же кругъ воспоминаній старичка, кромѣ военныхъ, былъ весьма ограниченъ. Но былъ одинъ пунктъ, о которомъ онъ никогда не могъ вспомнить безъ особеннаго ощущенія: этотъ пунктъ — Дрезденъ. «Да! — говаривалъ онъ и въ началѣ и въ концѣ разказа о Дрезденѣ, а иногда и просто ужъ такъ отъ восторга, ни къ селу ни къ городу — кто видѣлъ Дрезденскую Галерею и Мадонну Рафаэля, тотъ можетъ судить объ искусствѣ!»—Всѣ слушатели, разумется, соглашались съ страннымъ заключеніемъ добраго старика (развѣ бываютъ старики недобрыя?), но... дѣло, пожалуй, не въ его заключеніи: мы помнили его слова для того, чтобы настроить васъ подъ ладъ, на которой намъ больше всего правится Дрезденъ, и на который мы и хотимъ здѣсь сказать о немъ.

Дрезденъ—столица искусства, конечно; но этимъ именовъ, пожалуй, вы назовете и другіе города: Парижъ, Лондонъ, Петербургъ, и т. д., и будете правы. И поэтому мы прибавимъ: Дрезденъ—столица древняго искусства — музеевъ и художественныхъ собраній. — Оставимъ на этотъ разъ въ сторонѣ знаменитую Картинную Галерею, съ ея

Мадонною, и всеми достопримечательностями, о которых много знают достаточно, а для незнающих нельзя бы было сказать довольно, и взглянемъ на другія собранія, не менше замѣчательныя.

Галлерей вооруженій, съ историческимъ собраніемъ костюмовъ, чрезвычайно богата: тутъ историческія памятники всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Не говоря о шляпѣ Фридриха-Великаго и сапогахъ Наполеона, передъ которыми останавливается толпа, особенно замѣчательны: высѣченныя вооруженія Нюрнбергскія и Миланскія, удивительныя боевыя брони, мечи, яшичалы разныхъ видовъ, аркебузы, пращи, пики, алебарды, — и все это расположено систематически, и съ удивительнымъ вкусомъ. Эта галлерей уступаетъ Вѣнской только богатствомъ восточными вооруженіями, но она во всѣхъ отношеніяхъ богаче Парижскаго Артиллерійскаго Музея и Armeria Real въ Мадридѣ. Ни въ одномъ собраніи нѣтъ такого числа полныхъ вооруженій. Есть одно, между прочимъ, дѣланное и высѣченное въ Флоренціи по рисункамъ Бенвенуто-Челлини: это — чудо искусства и выполненія. Другое вооруженіе, совершенно-черное и безъ малѣйшихъ украшеній, замѣчательно по своему назначенію. Оно употреблялось въ такъ-называемыхъ юридическихъ дуэляхъ, или судахъ Божіихъ, и мѣсь его таковъ, что до смерти убивалъ того, кто падалъ, раненый противникомъ. — Чрезвычайно-полезно историческое собраніе костюмовъ новаго времени: ткани вообще, правда, неочень свѣжи, но все-таки здѣсь прекрасное справочное мѣсто для художника — живописца, костюмера.

Кабинетъ драгоцѣнныхъ камней. Собраніе ослѣпительное: брилліантамъ, рубинамъ, сафирамъ, изумрудамъ, жемчугу — нѣтъ счета. Стоитъ — пишеть недавно одинъ туристъ — взглянуть на этотъ кабинетъ, и поверивъ Шехеразадѣ. Богатство этого собранія такъ велико, что еслибы часть его и пропала, безъ особенной нужды въ той или другой вещи, почти невозможно бы было замѣтить пропажу. По этому поводу есть въ Дрезденѣ преданіе объ одномъ происшествіи, очень недивномъ. Надзоръ за кабинетомъ былъ порученъ какому-то знатному и благородному Имперскому Барону. Баронъ былъ богатъ, но денегъ на всѣ баронскія фантазіи не доставало. Долги росли, но вдругъ стали уплачиваться очень скоро; понятно, что, когда отыскалось легкое средство платить за фантазіи Барона, стали расти и самыя фантазіи: это ужъ такая вещь. Въ одинъ прекрасный, или, вѣрнѣе, несчастный день, къ Саксонскому Королю пожаловалъ какой-то почетный гость, передъ которымъ Королю вздумалось похвалиться своими регаліями. Послали къ Барону за ключами, и когда пришли въ кабинетъ, нѣкоторыхъ драгоцѣнно-

стей не досчитались. Баронъ разсудилъ за лучшее прямо признаться въ томъ, что онъ ихъ продалъ одну за другой, разумется, только не въ Дрезденъ. Имѣніе у него отняли, и, продавъ его, выручили часть утраченныхъ драгоценностей. Самъ же онъ былъ посаженъ въ государственную тюрьму. — Теперь надзоръ за кабинетомъ порученъ нѣсколькимъ лицамъ, и такъ, что каждое имѣетъ одинъ только ключъ отъ каждаго ящика, который, смотря по важности, отворяется двумя, тремя, пятью ключами. — Кабинетъ драгоценностей обращаетъ на себя вниманіе посетителя не однимъ богатствомъ, но и отдѣлкой древнихъ драгоценностей и примѣчательными золотыми издѣліями среднихъ вѣковъ: сгѣдъ искусства вездѣ. Коллекція рѣзныхъ камней, и другая — старая, Саксонскаго фарфора, едва-ли допускаютъ совмѣстничество: первая необходима для ваятелей и граверовъ, корымъ для образцовъ формы никакъ не обойдтись безъ древности; вторая была бы особенно полезна для живописцовъ и всѣхъ вообще художниковъ, занимающихся въ стилѣ рококо и поппадуръ: образцы того рода, который извѣстенъ подъ общимъ названіемъ *genre Louis XV*, собраны здѣсь въ огромномъ количествѣ и большомъ разнообразіи.

Коллекція эстамповъ. Это одно изъ самыхъ богатыхъ и рѣдкихъ въ своемъ родѣ собраній, едва ли не въ цѣлой Европѣ. Художникъ не возьмется оцѣнить его. Начало этого собранія относится къ XVI вѣку, а выборъ предметовъ рѣшается за вкусъ и знаніе собирателей: нѣтъ ничего незначительнаго, неважнаго. Большая часть эстамповъ и очень рѣдки и удивительно сохранены. Такъ же какъ и въ Картинной Галлерей, каждую школу представляютъ здѣсь лучшіе мастера: богаче всѣхъ количествомъ, разумется Нѣмецкая школа. Второе мѣсто, по важности, принадлежитъ произведеніямъ Бельгійскихъ граверовъ XVII вѣка: есть, въ числѣ послѣднихъ, двѣ вещи, почитаемыя за единственныя, потому что онѣ рѣзко отличаются отъ оттисковъ съ тѣхъ же досокъ, находящихся въ другихъ собраніяхъ; это: 1) *портретъ Карла Колонны*, гравированный Пауль-Понціусомъ, по Ван-Дику, и 2-е) *портретъ Николая Рокоса*, гравиров. Ворстерманомъ, тоже по Ван-Дику. Оба гравера были Антверпенцы. — Хранителемъ Галлерей Эстамповъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, былъ нѣкто Баронъ Гейнекенъ, человекъ очень свѣдущій, и написавшій очень много объ исторіи гравернаго искусства. Онъ былъ, кромѣ того, большой любитель, и составилъ для себя прекрасную коллекцію — небольшую, но изъ самыхъ драгоценныхъ эстамповъ. По достоин-

ству его эстампы были лучше Королевских, и некоторых экземпляров его собрания вовсе не было в собрании Короля. У Гейнекена скупили его собрание, и постановили с тех пор правилом, чтобы чиновники, которым поручен надзор за Галлереею Эстампов не имели своих коллекций в этом роде.— В Галлерее Эстампов, кроме гравюр, есть и рисунки знаменитых мастеров не только XVII века, но и старых школ Брюггской и Антверпенской—Ван-Эйка, Гемлинга, Квинтина, Мециса, Рубенса, Иорданса, Ван-Дика, и т. д. Общее внимание знатоков преимущественно обращает на себя *портрет Конда*, писанный черным карандашом самим Ван-Дикомъ. Но перлъ этого собрания — *небольшой альбомъ*, переплетенный в пергаментъ, весь пожелтѣвшій отъ времени, и наполненный эскизовъ мастерской и смѣлой руки: это альбомъ Рембрандта — альбомъ его путевыхъ впечатлѣній, выражался принятымъ нынче терминомъ. Есть в немъ эскизы кое-какихъ композицій, но всего болѣе этюдовъ костюмовъ, пейзажей, морскихъ видовъ и видовъ городовъ. Многіе изъ этюдовъ мѣстностей сняты съ окрестностей Антверпена: не забыть и замокъ Тенбера. — Подлинность этого альбома не подвержена сомнѣнію: ее свидѣтельствуеетъ между прочимъ надпись руки живописца Дитриха, купившаго его для подарка Дрезденскому собранію у одного Португальскаго художника, который досталъ его в Амстердамъ.

Очень недавно была в Дрезденѣ выставка произведеній современной живописи. Вотъ замѣчанія о ней одного художника: «Выставка произведеній современныхъ Нѣмецкихъ живописцевъ съ перваго взгляда разочаровываетъ зрителя, сколько-нибудь знающаго. Нѣтъ въ цѣломъ ничего выше посредственнаго. Иныхъ живописцевъ нынѣшнихъ, Французскихъ, Голландскихъ, не даромъ упрекаютъ въ томъ, что они занимаются только матеріальною стороною своего дѣла, и, для выполненія, пренебрегаютъ выборомъ сюжета и композицій, — въ томъ, однимъ словомъ, что они черезчуръ матеріалисты. Нѣмецкіе художники, напротивъ, преслѣдуютъ одну только идею: о средствахъ ее выразить они не заботятся. Есть у нихъ, пожалуй, и поэзія, и философія, и метафизика, но живописи нѣтъ. И можно бы еще допустить эту односторонность, еслибъ исполнители были люди съ первоклассными дарованіями, но такого дарованія на Дрезденской выставкѣ нѣтъ и слѣда. Возвращаюсь къ ней. Все исполнено претензіи, аффектировано — и въ историческихъ сюжетахъ, и въ эпизодахъ военныхъ картинъ. Если гдѣ только была возможность изобразить идею естественно, будьте увѣрены,

что артистъ обошелъ этотъ путь. Естественное, натуральное — по плечу всякому: цѣль ихъ усилій — поэзія Иманія поэтизировать доходить у нихъ до нелѣпости. Не ищите, напримѣръ, и въ сотнѣ картинъ одну съ прозаическимъ сюжетомъ Голландской или Антверпенской школы, какой-нибудь кухни что-ли, съ грудой жестяныхъ блюдъ и тарелокъ, мѣдными кострюлями, дичью, плодами и овощью, разбросанными по полу, и фигурою на второмъ планѣ въ видѣ аксессуара: объ этомъ и думать не надо, а между тѣмъ поневолю пожалѣешь о яркомъ и жаркомъ колоритѣ нашихъ молодыхъ художниковъ, несмотря на то, что они вообще вдаются въ крайность противоположную Нѣмецкой. — Я надѣялся выкупить непріятное впечатлѣніе религиозныхъ картинъ и Нѣмецкаго жанра на пейзажахъ, но и въ этомъ ошибся: въ Германіи есть искусные пейзажисты, но они въ Мюнхенѣ и Дюссельдорфѣ, а не въ Дрезденѣ. Между тѣмъ нѣтъ, кажется, недостатка въ живописныхъ видахъ природы кругомъ художника: окрестности Дрездена, берега Эльбы, знаменитая Саксонская Швейцарія — чего бы имъ еще! Впрочемъ, я предлагалъ себѣ не разъ тотъ же вопросъ о провинціяхъ Литтixa и Намюра, въ которыхъ повидному должно бы было родиться бездна пейзажистовъ, а ихъ нѣтъ. — Изъ Бельгійскихъ живописцевъ я видѣлъ на Дрезденской выставкѣ произведенія одного *Вербёховена*: есть одна его картина, небольшая, съ барашками, курочками, утками — посреди граціознаго и веселаго пейзажа, на которой пріятно отдохнуть зрѣнію послѣ цѣлаго ряда произведеній бездарныхъ и тяжелыхъ».

Замѣчательны въ смыслѣ искусства нынѣшнія работы въ Королевскомъ Дрезденскомъ дворцѣ. Онѣ поручены даровитому художнику *Бендеману*, ученику Корнеліуса и соученику Каульбаса. Бендеманъ родомъ Баварецъ, учился въ Мюнхенѣ, и потомъ поселился въ Берлинѣ, откуда былъ вызванъ Саксонскимъ Королемъ.

Пріѣхавъ въ Дрезденъ, Бендеманъ скоро увидѣлъ, что мурено создать въ Саксоніи школу живописи, которая хоть бы издали не слишкомъ отстала отъ Мюнхенской, Берлинской и Дюссельдорфской. Его возвели въ званіе живописца Короля и директора Академіи. Первою заботою Бендеманна было — образовать молодыхъ людей, которые могли бы помочь ему въ исполненіи дѣла, возложеннаго на него Королемъ: нужно было расписать ал-фреско нѣсколько залъ дворца; для этого, какъ известно, художнику необходимы сотрудники, которые бы выполняли рисунки его картоновъ. Въ непродолжительное время Бен-

деманнъ приготовилъ нѣсколькихъ молодыхъ людей по своимъ требованіямъ, и теперъ работы во дворцѣ въ полной дѣятельности. Бендеманнъ отдѣлываетъ одну часть дворца, совершенно поновленную внутри: онъ работаетъ въ одно и тоже время въ двухъ залахъ; одна будетъ балльная зала, другая назначена для торжественныхъ и официальныхъ собраний—въ особенности для приема депутатовъ послѣ заседаній. Сюжеты, имъ избранные, соответствуютъ назначенію залъ. Когда рѣчь о томъ, чтобъ сообразить цѣлое сюжетовъ въ логическомъ порядкѣ и дойти до того, чтобъ связь между ними была естественная, можно смѣло положиться на Нѣмецкаго живописца.—Въ балльной залѣ представлены художества въ совершенно-новой, символической формѣ. Фризъ верхней части расписанъ цѣлымъ рядомъ группъ, связанныхъ между собою, и представляющихъ всѣ многообразныя приложенія способности чловѣка въ умственномъ мірѣ. Въ приемной залѣ Бендеманнъ посвятилъ четыре главные сюжета изображенію главныхъ сословій, изъ которыхъ состояла нація въ средніе вѣка: тутъ воинъ, духовный, горожанинъ и крестьянинъ. Наиболее характеристичныя ихъ занятія обозначены рядомъ эпизодовъ, находящихся въ непосредственномъ отношеніи къ одной мысли. Мотивъ фриза—исторія общественной жизни въ средніе вѣка, отъ рожденія чловѣка до его смерти.

Композиціи Бендеманна доказываютъ ученость его, смѣтливость и вкусъ. Рисунокъ — замѣчательно правиленъ и щеголеватъ; но колоритъ не соответствуетъ другимъ достоинствамъ картинъ. Бендеманнъ и самъ это знаетъ, но надѣется, что въ залахъ еще не отдѣланныхъ, онъ управится съ этимъ недостаткомъ. Чтобы судить о важности его работъ, довольно упомянуть, что онъ занятъ ими уже четыре года, и думаетъ кончить ихъ не раньше, какъ черезъ шесть лѣтъ....

Два слова о Дрезденскомъ театрѣ. Драматическая еге часть не совсемъ богата: любимая пьеса — *Разбойники* Шиллера, которые даются безпрестанно, и приобрѣли во всей Германіи популярность, съ которой идетъ въ сравненіе развѣ популярность *Фрейшюца*: Фрейшюцъ — необходимое основаніе всякаго Нѣмецкаго музыкальнаго репертуара. Въ Комической-Оперѣ часто повторяютъ одно и то же, и болѣе всего *Дочь втораго полка* (*La Figlia del Regimente*); пѣвцы очень незазорны... или, пожалуй, и зазорны, но толка для слушателей отъ нихъ мало. Труппа Большой Оперы лучше: доказательствомъ служить уже и блистательный успѣхъ *Пророка* на Дрезденской сценѣ. Мейерберъ прітажалъ ставить его самъ, и оваціи, имъ здѣсь выдержанныя, превзошли

въ неистовствѣ Берлигъ и Вьну. — Устройство театра не удобно, и видъ его печаленъ.

Но вотъ одна изъ любопытныхъ принадлежностей Дрездена: это—частный оркестръ. Въ Дрезденѣ, такъ же и въ другихъ частяхъ Германіи, музыка — потребность каждаго дня. Она — необходимое дополненіе при любомъ образѣ жизни, дѣятельномъ или пустомъ. Въ Австріи, Пруссіи, Саксоніи, даже въ самыхъ ничтожныхъ городахъ есть учрежденія, какъ бы имѣющіе цѣлью доказать всѣмъ классамъ населенія, что нѣтъ удовольствія выше музыки. Къ такому роду учреждений принадлежить въ Дрезденѣ частный оркестръ: онъ даетъ ежедневные концерты, устроенные довольно своеобразно. На живописномъ берегу Эльбы, на мѣстоположеніи, есть большая терраса, усаженная красивыми деревьями, кустами и цвѣтниками: тутъ публичное гулянье. Въ лѣтніе вечера народа бываетъ бездна; есть кофейни, гдѣ «жаждущіе уста» находятъ всякаго рода прохладительныя, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ пиво: — хмель вообще въ большомъ почетѣ. Въ одной изъ этихъ кофейнь — и расположенъ оркестръ, состоящій изъ слишкомъ тридцати членовъ. При входѣ берутъ за музыку не болѣе десяти сантимовъ (около $2\frac{1}{2}$ коп. сер.) Пиво можете пить, или не пить, а музыку тогда слушайте сколько хотите; но если не хотите слушать стоя, приходите раньше восьми часовъ, или при носите съ собою складной стулъ — иначе не на чѣмъ будетъ сѣсть вамъ... Программа концерта вывѣшена въ залѣ. Если вы попали въ Дрезденъ въ первый разъ, да вдобавокъ вообще плохо знаете Германію, вы ждете вальсовъ Страуса, Ланнера, Лабидкаго, чего добраго — полекъ; не безпокойтесь: вамъ будутъ играть Бетховена, Моцарта, Вебера. Не бойтесь тоже ни шума, ни звона и чоканья стакановъ, этого довольно-обыкновеннаго дополненія къ воздушной музыкѣ по всему бѣлому свѣту... Шума и звона стакановъ въ Дрезденѣ не будетъ. Да вотъ, взгляните. Музыка играетъ, и все слушается въ какомъ-то почтительномъ безмолвіи. Нѣмцы молча курятъ — вообще довольно-гадкія сигары; Нѣмки, чистенькія, чопорныя, немножко облизанная, вяжутъ — всѣ безъ исключенія. Какого еще удовольствія! оркестръ въ самомъ дѣлѣ прекрасный: слышите-ли, какое утонченное чувство музыкальныхъ отъысковъ? едва-ли встрѣтите вы это достоинство гдѣ-нибудь кромѣ Германіи; въ другихъ странахъ инымъ виртуозамъ не угваться бы въ исполненіи хорошей музыки за этими менестрѣями... Оркестръ будетъ играть долго, Нѣмецъ будетъ его слушать, потомъ запѣетъ свои вѣщанья

ленія пивомъ, и пойдетъ толковать съ пріятелемъ о политикѣ. Эти толки не опасны: они ограничиваются большею частью одними замѣчаніями, правда до того глубокомысленными, что ихъ на половину не понимаютъ и самые собеседники, но слушать ихъ вообще скучно... Остроумнаго, живаго нѣтъ ничего... Не лучше ли если вамъ еще не наскучила музыка и театры, перейти прямо къ Брюссельскимъ театрамъ...

Взглянемъ, въ самомъ дѣлѣ, мелькомъ на Брюссельскіе театры. Прежде всего, на всякой случай, не забудьте, что въ Брюссель всего два театра: *Французско-Италіанскій* и Театръ *Водевилля*. Играютъ на нихъ, кромѣ оперъ, все на Французскомъ языкѣ. Актеры, репертуаръ—все изъ Франціи; этого мало: Русской актеръ на канікулярное время идетъ изъ Москвы въ Калугу, Тулу, и т. д., Французской—въ Брюссель; вся разница въ томъ, что изъ Парижа въ Брюссель придетъ скорѣе, чѣмъ изъ Москвы въ Калугу...

Говорить много о пьесахъ Брюссельскаго репертуара—политно—не стоитъ: въ отношеніи къ театрамъ, Брюссель не другое чтò, какъ предместье Парижа; что идетъ въ Парижъ, то пойдетъ и въ Брюссель, если только найдутся всѣ нужные актеры—впрочемъ, должно отдать всю справедливость столицѣ Бельгіи, иногда и безъ этого условія. Въ послѣднее время драматическая хроника Брюссельскаго театра занесла на свои страницы: *Юанна Кальвина* драму въ 5 дѣйствіяхъ Марка Фурнье; *Семь Инфантовъ Лары*, драму въ 5 дѣйствіяхъ Мальфилья; *Les Extases de M. Hochenez*, водевилъ въ 1 дѣйствіи (что-то такое, гдѣ идетъ дѣло о магнизированіи барина слугою: мы, если не ошибаемся, видали эту пельпость, не такъ давно, на Московской сценѣ), *Трефовую Даму*; *Мелкія Средства*; *Послѣдствія фейерверка*, и еще нѣсколько комедій-водевилей, водевилей, фарсовъ—извѣстнаго рода штукъ, годныхъ на два, на три представленія, въ которыхъ отличаются Парижскіе артисты: *Г. Феликсъ*, довольно-извѣстный комикъ театра Гимназіи, и *Г-жа Октавъ*, очень-хорошенькая актриса, состоящая на роляхъ первыхъ любовницъ; о ней можно сказать, что она прекрасно знаетъ свое дѣло, курить и пить (разумѣется на сценѣ—кто смѣетъ пропикнуть въ таинственный закулисный міръ!), не отставая отъ вѣка, танцуетъ польку съ чувствомъ, а разные па, извѣстные преимущественно extra muros Парижа—съ удивительнымъ шикомъ. Брюссельцы очень довольны... и мы тоже.

Вся исчисленная пьесы даются и на томъ и на другомъ театръ: оперы — только на Французско-Итальянскомъ. Брюссельцы говорятъ о себѣ, что они очень строги въ дѣлѣ музыкальнаго вкуса: пусть же это свойство останется за ними. Во всякомъ случаѣ опера идетъ въ Брюссель не совсѣмъ дурно; на дняхъ какъ-то долженъ былъ идти *Донъ-Хуанъ*, но не пошелъ — за невѣннемъ Эльвиры. Двѣ-три было нечего: обойдись безъ Эльвиры возможности не нашлось, нужно было придумать средство обойдись безъ Донъ-Хуана. И поставили въ первый разъ *Анна-Болена*. Успѣхъ превзошелъ ожиданія... Но, кстати, слышали-ли вы исторію этой прекрасной поэмы, одной изъ лучшихъ своего творца?

Донизетти, только что оставивъ военную службу, заключилъ съ Барбайя — кто не знаетъ Барбайя? — условіе, по которому обѣзаясь быть поставщикомъ на все почти лирическіе театры Италіи, одно изъ тѣхъ условій, которыя умѣлъ дѣлать одинъ Барбайя, и въ которыхъ все Лумлен и Барнуа стараго и новаго свѣта передъ нимъ мальчишки... Промышлявъ «блистательные лѣты» на служеніе музамъ, карабинъ — на лиру, молодой маэстро взялся доставлять своему благодѣтелю (Барбайя умѣлъ всегда устроить дѣло такъ, что всякой считалъ себя одоженнымъ имъ) четыре партіи въ годъ, двѣ оперы-серіа и двѣ оперы-буффо. Барбайя разсылалъ Донизетти изъ края въ край Италіи — изъ Рима въ Венецію, изъ Милана въ Неаполь. Донизетти садился въ веттурино, и ужъ не спрашивалъ, куда онъ ѣдетъ. Приѣдетъ, вылезетъ, подадутъ ему либретто: пиши. И пишетъ Донизетти. — Однажды приѣзжаетъ онъ въ Миланъ: входитъ къ иль-синьору Риккорди, у котораго собирались все артисты города; глядь, является другой синьоръ, или синьорикъ, секретарь иль-синьора Барбайя, и, не говоря дурнаго слова, подаетъ ему либретто. — Импресарио — говоритъ онъ — извиняется: но лучшаго отъ ничего у себя не нашеть. — Это либретто и была — *Анна-Болена*. Противъ ожиданія Барбайя, оно понравилось Донизетти, заняло его болѣе прежнихъ (большинство нашихъ читателей пойметъ почему: мы и не рассказываемъ его содержанія, не имѣя ни малѣйшей охоты утомлять вниманіе вещами давно-известными), и онъ создалъ прекрасную поэму — повторяемъ, одно изъ лучшихъ его произведеній, сохранившихъ всю свѣжесть юношескаго вдохновенія художника, этого признака силы, еще не истощившейся отъ того безпрестаннаго и докучнаго труда, который преждевременно пресѣкъ въ Донизетти родники его мысли и самой жизни. Не надо забыть, что, когда была написана *Анна-Болена*, Итальянцы не хотѣли знать никого, кромѣ Россіи.

это-то, всего изворотливее, и заставило поэта-труженника писать въ Россиниевскомъ духъ, но то же самое и должно оправдать Доми-зетти передъ тѣмъ, кто, въ особенности въ Анна-Болѣнь, упрекнетъ его въ подражательности; онъ былъ орудіе Барбайи, а Барбайи былъ нуженъ не судъ знатоковъ, а сочувствіе массы, которой божество — мода: Россини-же для нея тогда былъ въ модѣ, какъ потомъ, известное время, Верди, какъ теперь Буря, и т. д... И Анна-Болѣна дала Барбайи больше даже, чѣмъ онъ ожидалъ.

Когда въ первый разъ поставили эту оперу въ Брюссель, она произвела замѣчательное впечатлѣніе, такое, котораго не запомнятъ со времени перваго представленія Матильды-ди-Сабранъ. Этому успѣху много содѣйствовалъ превосходный теноръ *Лучези*. Говорятъ, будто въ роли Перси, Лучези, по-своему, не уступитъ Рубини; что еще прибавлять къ этому!... *Г-жа Медори* въ роли Королевы тоже весьма удовлетворительна. Известно, что эту роль, чрезвычайно благодарную, особенно любили и Паста и Джуліа Гризи, сестра Карлотты Гризи, которой теперь рукоплещетъ Петербургъ.... Роль Генриха VIII игралъ *Цуккони*, и такъ хорошо, что напомнилъ Лаблаша — Лаблаша, который, кромѣ музыкальнаго выполненія, славится добросовѣстностію, съ которою занимается своими ролями во всѣхъ отношеніяхъ. Мы читали гдѣ-то, что въ роли Генриха VIII Лаблашъ даже лицомъ былъ какъ нельзя болѣе похожъ на Короля; утверждаютъ, будто онъ долго изучалъ портретъ Генриха, писанный Голбейномъ, и приглядывался къ его костюмамъ, изъ коихъ нѣкоторые хранятся въ Лондонскомъ Тауэрѣ.... Завидная и почтенная любовь къ своему искусству! — Роль Жанны Сеймуръ исполняла *Алдини*, довольно слабо. *Г-жа Бискотини-Флоріо* хороша въ роли пажа. Бассо — *Феррара*, тоже очень не дурень. — Въ Анна-Болѣнь, такъ же какъ и передъ тѣмъ въ Линда-ди-Шамуни, къ женскому хору присоединили нѣсколько мужскихъ голосовъ, безъ ущерба для сюжета введя на сцену мальчиковъ: это нововведеніе очень удачно, потому что голоса послѣднихъ, при ихъ рѣзкости, служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ мягкимъ голосамъ женскимъ.

Но театры — и каждый это знаетъ — составляютъ далеко не занимательнѣйшую сторону Бельгійской жизни: Брюссель важенъ какъ средоточіе торговли цѣлаго приморскаго края; сверхъ того онъ одинъ изъ главныхъ промышленныхъ городовъ Европы, по этому чрезвычайно-интересны для всякаго статическія дворы Брюсселя, да и вообще всей Бельгіи

Пробѣжимъ во-первыхъ сравнительную таблицу вывоза, привоза и потребления Бельгіи за одиннадцать первыхъ мѣсяцевъ годовъ: 1848, 1849 и 1850 (*).

ВЫВОЗЪ — Бельгійскіе товары.

	1848.	1849.	1850.	
Оружія ручнаго на.....	8,050,000	8,200,000	4,800,000	ер.
Скота рогатаго и мелкаго.....	99,000	94,200	88,000	гол.
Лошадей и жеребятъ.....	8,800	10,600	14,800	---
Каменнаго угля.....	1,500,000	1,800,000	1,800,000	тон.
Хлопчатой бумаги непряженой.....	1,290,000	2,820,000	2,800,000	кнл.
Кожъ сырыхъ и сухихъ.....	64,000	68,000	240,000	---
Дубильнаго корья.....	9,000,000	8,800,000	10,800,000	---
Чугуна недѣланнаго.....	88,000	40,000	90,000	тон.
— — дѣланнаго.....	288,000	344,000	800,000	кнл.
Желѣза полоснаго и гвоздей.....	7,000,000	8,800,000	9,800,000	---
Пакля.....	8,000	6,800	2,500	---
Пряжи.....	606,000	1,500,000	1,400,000	---
Сурьинаго смѣси.....	2,700	80,000	18,000	гек.
Зерноваго хлѣба:				
пшеницы.....	58,000,000	85,000,000	28,000,000	---
ржи, овса, гречихи, бобовъ, лчменя, и проч.....	18,000,000	7,000,000	4,800,000	---
Муки.....	900,000	1,700,000	500,000	---
Льна сыраго.....	8,800,000	8,900,000	10,000,000	кнл.
— — чесанаго.....	70,000	65,000	58,000	---
Книги.....	127,000	170,000	192,000	---
Машинъ и механическихъ орудій	2,200,000	2,000,000	4,000,000	---
Картофеля.....	250,000	178,000	240,000	гек.
Соли очищенной.....	788,000	1,100,000	2,200,000	---
Сахара рафинированнаго.....	9,200,000	11,400,000	14,800,000	---
Табакъ и сигарь.....	111,000	487,000	178,000	---
Тканей:				
бумажныхъ.....	780,000	960,000	1,172,000	---
шерстяныхъ—сукошь.....	628,000	652,000	787,000	---
прочихъ.....	57,000	80,000	78,000	---
Полотна въ разныхъ видахъ.....	1,500,000	2,000,000	1,888,000	---
Тканей шелк., бум. и льн. (толь и кружева) на.....	1,080,000	1,588,000	1,228,000	ер.
Стекля: зеркальнаго.....	560,000	468,000	788,000	---
прочаго.....	10,000,000	9,700,000	11,800,000	кнл.
Цѣпка и издѣлій изъ него.....	6,400,000	9,700,000	11,000,000	---

(*) Мы беремъ всѣ круглыя числа.

Воздерживаясь от выводовъ, которые не трудно будетъ сдѣлать каждому, обратимъ только вниманіе читателей на статью о книгахъ: цифры, выставленные нами здѣсь и заимствованныя изъ N N 1 и 2 *Indépendance Belge* за нынѣшній годъ, лучше всякихъ разглагольствованій доказываютъ важность для Бельгіи той отрасли промышленности, которая заключается въ перепечатываніи книгъ, выходящихъ за границу, преимущественно во Франціи, но частію и въ другихъ государствахъ.

Привозъ. — ПОТРЕБЛЕНІЕ.

	1848.	1849.	1850.
Скота рогатаго и мелкаго.....	48,000	42,000	54,000 гол.
Строеваго лѣса.....	17,000	48,000	42,000 гол.
Косе.....	21,000,000	17,750,000	18,700,000 кв.
Бумаги непряденой.....	7,800,000	15,000,000	9,000,000 —
Кожъ сырыхъ и сухихъ.....	1,800,000	2,800,000	2,600,000 —
Шерстяной пряжи.....	240,000	255,000	261,000 —
Спички сурьняныхъ, льн., и пр.	420,000	400,000	857,000 гект.
Хлѣба зерноваго и въ муку... 116,000,000	79,800,000	74,000,000	кв.
Платья и кожь на.....	850,000	785,000	870,000 фр.
Льна сыраго.....	1,040,000	2,800,000	5,800,000 кв.
— чесанаго.....	1,240	1,800	730 —
Картофеля.....	50,000	56,000	150,000 гект.
Рыбы разной.....	— (°)	2,900	5,500 тон.
	—	8,250,000	8,445,000 шт.
	—	1,700,000	1,400,000 кв.
Риса въ разныхъ видахъ.....	14,000,000	6,900,000	12,000,000 —
Соли грубой.....	57,000,000	27,000,000	50,000,000 —
Сахара песка.....	17,000,000	18,000,000	25,000,000 —
Табачка листовая.....	4,800,000	4,700,000	5,700,000 —
Сигарь.....	26,000	54,000	55,000 —
Тканей бумажныхъ, шерстяныхъ, кисей, и проч.....	420,000	800,000	600,000 —
Тканей шелковыхъ на.....	86,000	65,000	78,000 фр.
Тюля, бляды, и т. д. на.....	800,000	600,000	750,000 —
Стекла на.....	97,000	185,000	170,000 —
Винъ.....	88,000	98,000	90,000 гект.

Другія извѣстія изъ Бельгіи:

— Изъ Гаги отъ 1 Января пишутъ, что (отъ общества составившагося въ Брюссель) инженеры уже осматривали почву между Виллемштадтомъ и границею Бельгіи, для устройства желѣзной дороги между Бельгіей и Голландіей. По полученнымъ свѣдѣніямъ, выбрана для этой цѣли дорога между Антверпеномъ и Розендалемъ, гдѣ желѣзная дорога развѣтвится на-двое: одна линія

(°) Количества неизвѣстныя.

пойдетъ къ Виллемштадту и Роттердаму; другая — къ Бредѣ и въ Утрехтѣ. Такимъ образомъ учредится непрерывное сообщеніе между Амстердамомъ, Роттердамомъ и Антверпеномъ, и следовательно между Гагою, Парижемъ и Германіей.

— Произведенъ недавно опытъ надъ новымъ снарядомъ для измѣренія неприступныхъ разстояній, изобрѣтеннымъ инженернымъ капитаномъ *Гретарсомъ*, и который долженъ быть отправленъ на всемірную выставку. Съ помощью этого снаряда изобрѣтатель, безъ вычисленій и безъ вѣхъ, не болѣе чѣмъ въ минуту и съ удивительною точностію, даетъ средство механически исполнить тригонометрическую операцію, необходимую для опредѣленія разстоянія.

— Бюджетъ города Брюсселя на текущій 1851 г. опредѣленъ слѣдующими цифрами: 4,989,442 фр. 77 сант. дохода, и 4,989,346 фр. 20 сант. расхода. — Это называется: свести концы съ кощами.

— Конецъ 1850 года былъ особенно неблагопріятенъ для дѣтей. Въ послѣдніе три мѣсяца этого года смертность дѣтей превышала всякое вѣроятіе по всему Брабанту. Въ самомъ Брюсселѣ въ теченіи одного Декабря умерло до 300 дѣтей, не достигшихъ восьмилѣтняго возраста, и болѣе всего отъ кори и скарлатины. Вообще сырая и непостоянная погода, тамъ господствовавшая, развила въ сильной степени болѣзни и между взрослыхъ — преимущественно лихорадки и тифъ.

— Пробѣжимъ, наконецъ, новости съ разныхъ концовъ Европы, и главныхъ пунктовъ другихъ частей свѣта.

— По послѣднему устройству почтовыхъ сообщеній черезъ Дувръ и Калѣ, переездъ въ Лондонъ изъ Брюсселя, совершается, съ неимоверною быстротою. Если выехать изъ Брюсселя на Турнѣ въ 5 час. 30 мин. по-полудни, а на Мднѣ и Валансьеннѣ въ 6 час. 30 мин., то будешь въ Лондонѣ въ 10 час. 30 мин. утра. — Можно прибавить для дальнѣйшихъ соображеній, что паровозъ, отправляющійся изъ Брюсселя черезъ Гентъ въ 11 час. утра, а черезъ Турнѣ въ 11 час. 15 мин., находится въ сообщеніи съ Французскою почтой, которая приходитъ въ Лондонъ въ 4 час. 30 мин. утра.

— Въ Лондонѣ составилась компанія съ капиталомъ въ 800 т. фунт. стер. для учрежденія новаго пароходнаго сообщенія между Восточною Индіей и Суэцомъ — на тотъ случай, если правительство согласится уступить ей часть вспомога-

тельныхъ суммъ, предоставленныхъ *Обществу Индійскаго полуострова и Леванта*. Предпріятіе это будетъ въ особенности важно для Австріи, потому что новая компанія замѣтно склоняется на путь черезъ Триестъ, и расположена уступить подъ известными условіями пароходамъ *Алоида* перевозку пассажировъ и товаровъ изъ Александріи въ Триестъ.

— Въ донесеніи конгрессу отъ министра финансовъ Соединенныхъ-Штатовъ, о торговомъ оборотѣ Штатовъ за годъ, кончающійся 30 Іюня 1850 г., находимъ: ввоза на 190,000,000 доллар.; вывозъ — на 152,000,000 дол.; противъ предыдущаго года прибавилось: ввоза на 40,000,000 дол.,—вывоза на 6,200,000 дол. Минутя подробности, скажемъ только, что изъ этого отчета объ оборотѣ Сѣв.-Американскихъ-Штатовъ очевидно, что они и въ 1849—1850 г. продолжали успѣвать на пути той безпрестанно-гасирующей дѣятельности, которая довела ихъ до настоящаго ихъ благопріятнаго положенія.

— Во Франціи носятся слухи о появленіи въ скоромъ времени еще новыхъ политическихъ журналовъ: недовольно имъ видно тѣхъ, которые есть у нихъ. Одинъ изъ нихъ будетъ называться *Новая Политика* (Politique Nouvelle). Вотъ это изобрѣтательность! — Въ немъ, говорятъ, будетъ ораторствовать Г. Армънъ Марра. Поговариваютъ также, что въ Елисейскомъ дворцѣ думаютъ опять о *Наполеонѣ* (le Napoléon).

— По выборамъ Парижскихъ Академій, Французская возвела въ директоры Г. Ремюза, а въ канцлеры — Г. де-Селора, а Академія Надписей Г. Гизо въ президенты, и Г. де-Валли — въ вице-президенты.

— Deutsche Zeitung, выходящая въ Франкфуртѣ — органъ Готской партіи — больше не выходитъ.

— Развитіе строительной промышленности въ Валахія достигло въ последнее время большихъ размѣровъ. Въ Монитеуръ пишутъ по официальнымъ свѣдѣніямъ, что со времени страшныхъ пожаровъ 1847 г. въ Валахія почти вовсе изгнаны изъ употребленія вещества удобосгораемыя; за то болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь идетъ на постройку жельзъ и желъзо.

— Въ Гамбургскую гавань въ 1850 году пришло 4,049 морскихъ судовъ. (Въ 1849 г. было 3,459). Изъ нихъ: 1,230 Англійскихъ; 1,059 Ганноверскихъ, 138 Французскихъ; 258 Голстинскихъ; 353 Бельгійскихъ. 38 пароходовъ сдѣлали 535 рейсовъ.

— О приращении народонаселения Соединенных Штатовъ можно заключить уже изъ того, что долина Миссисипи, гдѣ въ 1810 г. было 400,000 жит., теперь имѣетъ ихъ 13 милліон. Къ западу приращеніе еще замѣтнѣе: Цинциннати {построенъ 60 лѣтъ тому назадъ, и имѣетъ теперь 150,000 жит.; въ Сан-Луи въ 1840 г. было 16,000 жит., теперь 90,000. Въ Нью-Йоркѣ въ 1840 г. было 310,000 жит., теперь 750,000.

— Количество серебра добытаго въ прошломъ году изъ Фрейбургскихъ рудниковъ, въ Саксоніи, превышаетъ всѣ предыдущіе годы, и простирается до 100,000 маркъ, или цѣнности въ 1,400,000 талеровъ.

— Государственный долгъ Пруссіи простирается — до 112,000,000 талер., не считая долга сдѣланнаго въ 1848 г. въ 15 мил., и долговъ провинцій, доходящихъ до 8,500,000 тал. Сверхъ того, безъ процента Пруссія должна около 11,000,000 талеровъ.

Разсмотримъ, въ заключеніе, — важный и занимательный вопросъ объ Ост-Индіи.

Скоро, повидимому, будетъ рѣшено, должна ли быть возобновлена увольнительная грамота Ост-Индской Компаніи, или твердая земля Индіи войдетъ въ непосредственное подданство правительству главнаго государства, подобно Цейлану и другимъ колоніямъ. Приготовительныя изслѣдованія о состояніи Индіи, и именно ея финансовъ, которое теперь подобно состоянію финансовъ богатаго, но разстроеннаго семейства, начнутся въ Лондонѣ въ первое парламентское засѣданіе, и продолжатся нѣсколько лѣтъ, пока не наступитъ рѣшительная точка времени. На этотъ конецъ *The Examiner* предпринялъ рядъ статей о важнѣйшихъ государственныхъ отношеніяхъ Индіи, которыя и въ самой Англіи мало известны; ибо, говоритъ онъ, «если изъ тысячи нашихъ законодателей, засѣдающихъ въ обѣихъ Парламентскихъ Палатахъ, наследственной и избирательной, хотя одинъ на каждую сотню пріобрѣтетъ достаточное познаніе этого предмета, то можно надѣяться на нѣкоторыя улучшенія. Задача эта большая, трудная и довольно-мудреная, какъ покажетъ слѣдующій очеркъ. Индо-Британская область въ настоящее время почти въ пять разъ (*) больше Великобританіи и Ирландіи, вмѣстѣ взятыхъ; она простирается въ совокупности на цѣлые 25 градусовъ широты, и нѣкоторыя, принадлежащія къ ней, отдѣльныя страны достигаютъ почти до эква-

(*) Очевидно, что тутъ показано слишкомъ мало.

тора. Въ нѣкоторыхъ странахъ—строго-отдѣленные одно отъ другой лѣто и зима; напротивъ, въ другихъ, со времени мірозданія, одно вѣзмѣнное, знойное лѣто. Племена, надъ которыми мы тамъ господствуемъ, еще многообразнѣе климатовъ, въ которыхъ они обитаютъ. Собственно въ Индустанѣ находятся, не считая многихъ малыхъ племенъ, семь многочисленныхъ націй, различныхъ между собою правами, характеромъ и языкомъ. Дальше у насъ есть подданные Арраканцы, Пегуанцы, Малайцы и Китайцы. Религіи безчисленны. Есть христіане — несторіане, исповѣданій Греческаго и Римскаго, и небольшое число протестантовъ. Есть брахманской вѣры Индусы, которыхъ нѣсколько сотъ кастъ (извѣстныя главныя касты распадаются на множество подраздѣленій); магометанъ считается около 10 милліоновъ, и они принадлежатъ къ двумъ большимъ сектамъ (сунитовъ и шиитовъ), которыя и понынѣ враждуютъ одна съ другою за халифатъ. Наконецъ есть у насъ буддисты и джайны, которые надѣются найдти полноту блаженства въ личномъ уничтоженіи, и приверженцы ученаго Ковоудія, также очень расположенные воздвигать сомнѣнія противъ существованія по смерти. Эти наши владѣнія состоятъ подъ управленіемъ главнаго намѣстника, съ небольшимъ совѣтомъ изъ четырехъ особъ, двухъ гражданскихъ чиновниковъ, избираемыхъ въ Леденъ-Голь-Стритъ (т. е. въ Лондонскомъ India House), и двухъ военныхъ, назначаемыхъ правительствомъ главнаго государства. За добрый ихъ совѣтъ платится каждому изъ нихъ по 10,000 ф. ст. въ годъ. Въ вѣдомствѣ генераль-губернатора состоятъ четыре особыхъ области: Бенгаль, Мадрась, Бомбей и одна изъ сѣверозападныхъ провинцій, принадлежащая нѣкогда къ Бенгальскому президентству. Управленіемъ Бенгала занимается самъ генераль-губернаторъ, и съ тѣмъ соединены еще области на Гениасеримскомъ берегу, и три торговыхъ пункта на Малаккской дорогѣ; послѣднія владѣнія имѣютъ подчиненныхъ первому губернаторовъ, и сверхъ того трехъ вице-губернаторовъ. Мадрась и Бомбей имѣютъ, каждый, намѣстника съ государственнымъ совѣтомъ, особое войско и особыя учрежденія по управленію и юстиціи. Сѣверозападныя провинціи, иначе называемыя президентствомъ Агра, управляются такъ называемымъ губернаторомъ-лейтенантомъ, котораго назначаетъ главный намѣстникъ; войска и гражданскихъ чиновниковъ доставляетъ Бенгаль. Все учрежденіе мѣстнаго управленія Индіи похоже, поэтому, на какой-то грубый, нескладный шпивокъ. Что касается до плодородія почвы, населенія и естественныхъ пособій, то Бенгаль превосходитъ всю остальную Индію, влѣтую высоту, онъ об-

нимаетъ нижнія и среднія части большой при-Гангской долины, и имѣетъ навѣрное не меньше 40 милліоновъ жителей. Раннее обладаніе этою-то плодородною землею и привело насъ въ состояніе сдѣлать и удержать за собою наши дальнѣйшія завоеванія, вытѣснить всѣхъ Европейскихъ соперниковъ, и довести Великаго Могола до того, что онъ сталъ нашимъ мелкимъ пансіонеромъ. Завоеваніе Бенгала было по большей части лично заслугою нашего Англійскаго Кортеца, смѣлаго, изворотливаго, но конечно довольно-безсовѣстнаго Роберта Клайва, сына одного бѣднаго Шропширскаго помѣщика, который, точно такъ же, какъ мальчикомъ умѣлъ обобрать любой огородъ, въ совершенномъ возрастѣ сунулъ себя въ карманъ большое государство. Посмотримъ же, каковы финансовыя вспомогательныя средства земли, на завоеваніе которой мы употребили цѣлое столѣтіе. По новѣйшимъ парламентскимъ отчетамъ чистый государственный доходъ Бенгала въ 1845 — 1846 году простирался до $8\frac{1}{2}$ м. ст., а расходы до 10 м. ф., такъ что въ одинъ годъ остался дефицитъ, состоящій изъ $1\frac{1}{2}$ м. ф. Въ слѣдующемъ году чистаго дохода было 8,800 т., расхода было слишкомъ 10 м.; дефицита въ этомъ году следовательно около $1\frac{1}{2}$ м. ф. — Въ 1847—48 г. доходы составляли слишкомъ 7,700 т., расходы слишкомъ 10 м. ф., что составляетъ огромный дефицитъ въ слишкомъ $2\frac{1}{2}$ м. ф. Между Бенгальскими расходами заключаются большія издержки на мало-привосыщую провинцію, Синдъ (которая послѣ того была причислена къ Бомбейскому президентству), составляющія круглымъ счетомъ 2 м. ф. Бюджетъ на 1847 — 48 годъ не поправляетъ дѣла: онъ даже выставилъ въ перспективѣ дефицитъ въ 3 милліона. И такъ вотъ три года сряду убывающихъ доходовъ и прибывающихъ расходовъ — не очень лестное изображеніе нашей Индійской *дойной коровы*. Северозападные провинціи, или президентство Агра, состоятъ большею частію изъ верхней при-Гангской долины, и по плодородію и прочимъ способамъ приношенія дохода, онъ всѣхъ ближе къ Бенгалу. Здѣсь самое раннее мѣстопробываніе вторгавшихся магометанъ и магометанскихъ завоевателей, и эта часть Индіи доставляла имъ, какъ и въ Бенгалѣ, точку опоры для дальнѣйшихъ завоеваній. Эти страны содержатъ около 30 милліоновъ жителей. Въ 1845 — 46 году ихъ чистый доходъ простирался до $4\frac{1}{2}$ м. слишкомъ; расходы ихъ до 1 м. ф., оставался следовательно избытокъ въ слишкомъ $3\frac{1}{2}$ м. ф. Въ слѣдующемъ году дохода было 5 т. ф., расхода около 1 м. — остатокъ 4 м. ф. Въ 1817 — 48 дохода 5 м., расхода 900 т., остатокъ

остатка 4,100, 000 ф. Здесь, следовательно, мы имеем ежегодно прибывающий доход и большой остаток; но счет этот некоторым образом вымышленный, такъ какъ все военные надержки этихъ провинцій и ихъ общественный долгъ возложены на Бенгаль. — Президентство Мадрась обнимаетъ большую часть передне-Индійскаго полуострова (Деканъ), и лежитъ совершенно въ тропикахъ, считая до 8° сѣв. шир. За исключеніемъ немногихъ малыхъ пространствъ, ово далеко уступаетъ при-Гангской долины въ плодородіи и числѣ народа, и вообще здѣсь недостатокъ въ гаваняхъ и судоходныхъ рѣкахъ. Народонаселеніе полагается здѣсь въ 15 милліоновъ. Здѣсь поле первыхъ военныхъ подвиговъ Доренса, Клайва и Кута, и страшнаго сопротивленія могучаго воина и государственнаго челоука, Гейдери-Али; къ тому же это единственная часть Индіи, гдѣ Французы сильно оспоривали у насъ владычество. Чистый доход Мадрасскаго президентства въ 1845 — 46 году простирается до 3,770,000, расходъ до 3,500,000 ф. — остатка было 270,000 ф. Въ слѣдующемъ году было 3,874,049 ф., дохода, 3,679,592 расхода, 194,457 ф., остатка; въ 1847 — 48 дохода 3,881,161, расхода 3,598,341, остатка 282,820 ф. — Вся область Бомбейскаго президентства лежитъ на западной сторонѣ Индіи, и приобрѣтеніе ея совершилось все въ нынѣшнемъ столѣтіи, за исключеніемъ малаго острова, на которомъ находится городъ Бомбей, и который Португальская Принцесса принесла въ приданое Карлу II, послѣ чего этотъ государь тотчасъ продалъ его Остъ-Индской Компаніи. Чистаго дохода въ 1845 — 46 году 2,183,871, ф. — расхода 2,741,237, дефицита 557,366 фунтовъ; въ 1846 — 47 2,262,211 ф. дохода, — 2,839,573 расхода, — 577,362 дефицита; въ 1847 — 48 г. 2,123,047 дохода, 2,658,232 расхода, 535,145 фунт. дефицита. Следовательно здѣсь, какъ и въ Бенгалѣ — убывающіе доходы и прибывающіе расходы. Весь вообще доходъ со всей Британской Индіи простирается въ 1847 — 48 году до 25,000,000 фунтовъ стерлинговъ, но издержки на собраніе податей огромны, ибо онѣ составляютъ 3,500,000 ф., т.-е. полные 18 процентовъ. Дѣйствительный избытокъ дохода со всей Индіи въ 1847 — 48 году составлялъ 1,177,900 ф., и ниѣ должны были покрываться все издержки, употребляемыя Англіею на управленіе Индіею (жалованья, пенсіи, проценты на Индійскіе векселя, и т. д.), которыя составляютъ 2,900,000 фунтовъ. Изъ этого оказывается въ Индійскомъ балансѣ недочетъ въ слишкомъ 1,600,000 фунтовъ. Это плодъ цвѣлаго столѣтія, исполненнаго жаркой борьбы и безконечнымъ писаньемъ и толкованьемъ объ Индіи.

в) ВНУТРЕННІЯ.

... Въ дополненіе къ художественнымъ новостямъ ПЕТЕРБУРГА, которымъ мы посвятили статью въ предыдущей книгѣ, съ удовольствіемъ сообщаемъ извѣстіе о «Русскомъ художественномъ листкѣ», изданіе котораго предпринялъ известный художникъ В. Ѡ. Тиммъ. Въ программѣ своей, издатель справедливо замѣчаетъ, что «вся художественныя произведенія, которыми наполнены магазины, почти исключительно привозятся изъ чужихъ краевъ, — и публика имѣетъ передъ глазами виды чужеземныхъ городовъ съ ихъ достопамятностями, портреты замѣчательныхъ людей иностранныхъ, сцены, изображающія нравы для нея чуждыя, и костюмы народовъ и племенъ, къ которымъ она совершенно равнодушна, между тѣмъ какъ свое, Русское, остается почти въ совершенномъ забвеніи». — Г. В. Тиммъ изучалъ Россію на всемъ пространствѣ отъ Петербурга до крайнихъ предѣловъ Закавказья, и наполнилъ свой художнической альбомъ видами достопамятныхъ мѣстъ, портретами известныхъ лицъ, изображеніями замѣчательныхъ предметовъ и памятниковъ водчества и скульптуры, сценами изъ мирной жизни обитателей различныхъ областей Россіи, и изъ былой жизни Русскихъ воиновъ на Кавказѣ, списывая часто съ натуры подъ непріятельскими выстрѣлами. Такимъ образомъ, соединяя прошедшее съ настоящимъ, и представляя все современное въ дѣйствительномъ его видѣ, художникъ предполагаетъ помѣщать въ «Листкѣ» все близкое Русскому сердцу и все драгоценное для нашей Русской жизни... При рисункахъ будутъ находиться краткія описанія; «Листокъ» будетъ выходить три раза въ мѣсяцъ. Желаемъ полнаго успѣха изданію, предпринятому съ такою прекрасною цѣлю. Особенно порадовало насъ обѣщаніе издателя — помѣстить въ своемъ листкѣ гравюры съ единственнаго въ Россіи собранія произведеній отечественной живописи, принадлежащаго Ѡ. И. Прянишникову.

За тѣмъ, ученыхъ и литературныхъ новостей изъ Петербурга очень немного. — Библиотекаръ Публичной Библиотеки Э. Фонъ-Муральтъ читалъ три публичныя лекціи (будетъ еще одна) о Нѣмецкой литературѣ въ историческомъ ея развитіи. Плата, собранная за нихъ, назначается на сооруженіе памятника покойному пастору Муральту и на увеличеніе основнаго имъ «капитала Песталоцци» для бѣдныхъ учениковъ.

«Общество Маріинскаго капитала для вдовъ и сиротъ врачей», существующее уже четырнадцатый годъ, издало недавно отчетъ о дѣйствіяхъ своихъ за послѣдній годъ. Членовъ въ немъ состояло 64; число лицъ, получившихъ пенсіи (слишкомъ по 200 руб. сер. въ годъ), было 8. Капиталы Общества простираются слишкомъ до 80 т. руб. сер. Конечно, кругъ дѣйствій Общества, условливаемый самымъ назначеніемъ его, не обширенъ, но учрежденіе его благотельно въ высшей степени и можетъ служить примѣромъ для другихъ сословій.

Между прочимъ нельзя не замѣтить, что члены Общества болѣею частію Нѣмцы; Русскихъ семей въ числѣ ихъ встрѣчается очень немного.... Это же явленіе замѣчается и въ дѣлахъ, воспользовавшихся полезнымъ учрежденіемъ «Общества для застрахованія пожизненныхъ капиталовъ и доходовъ»: наибольшее число застраховывающихся принадлежитъ къ Остзейскимъ губерніямъ (*).

При Медико-Хирургической Академіи открылось вакантное мѣсто лектора Латинской словесности. Конкурентъ долженъ имѣть степень доктора медицины, и программа испытанія будетъ состоять въ слѣдующемъ: 1) каждый изъ конкурентовъ долженъ перевести одну и ту же статью какого-либо медицинскаго сочиненія съ Русскаго на Латинскій языкъ; 2) Каждому изъ сочинителей назначена будетъ одна и та же тема для составленія краткаго письменнаго отвѣта, и 3) каждый изъ конкурентовъ долженъ прочесть пробную лекцію объ одномъ и томъ же предметѣ, касающуюся филологическаго истолкованія избраннаго Латинскаго автора.

(*) Въ оправданіе извѣстной безпечности нашихъ соотечественниковъ, позволимъ себѣ замѣтить, что этому Обществу, для распространенія своихъ дѣйствій, недостаетъ ясно, просто, и толково-написаннаго объявленія. Мы советовали бы Обществу назначить премію за переводъ его ученаго объявленія, которое совершенно не въ Русскомъ духѣ, и не для Русскаго человека писано. Даже большая премія не будетъ ему въ накладъ: говорить это не шутя, желая совершеннаго успѣха полезному и нужному предііятію. М. II. ed by Google

...Съ цѣлю распространенія свѣдѣній объ огородничествѣ и садоводствѣ между хозяевами, въ особенности между крестьянами, ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ предлагаетъ написать «Руководство къ огородничеству и садоводству», по слѣдующей программѣ:

Руководство должно обнимать: избраніе мѣстъ удобныхъ для устройства огорода, хмельника или сада; разные способы прочнаго огороженія оныхъ; обработку и удобреніе почвы; испытаніе и способы ускоренія всхожести сѣмянъ, заложеніе сѣмянныхъ грядъ для выращиванія рассады полезнаѣйшихъ и климату свойственныхъ овощей и садовыхъ растений; посѣвъ семянъ; посадку рассады, черепковъ, отводковъ, кустовъ и деревъ— особенно фруктовыхъ; весь уходъ, требуемый каждымъ изъ этихъ растений, какъ-то поливку, полотье, окопку и окучиваніе, сѣмку излишнихъ листьевъ, почекъ и вѣтвей, обрѣзку сучьевъ, чищеніе и надрезываніе коры, устройство щитовъ противъ холоднаго вѣтра и противъ солнца; вообще всѣ работы, которыми сохраняется здоровье разводимыхъ растений, увеличивается ихъ ростъ и обезпечивается хорошій урожай; всѣ испытанные и сподручные крестьянамъ способы уменьшенія вреда отъ внезапныхъ перемѣнъ погоды, отъ излишнихъ дождей, отъ засухи, вѣтра, утренниковъ, отъ мышей, зайцевъ, кротовъ, птицъ, насекомыхъ, улитокъ и червей. Наконецъ правила уборки огородныхъ и садовыхъ произведеній. Желательно, чтобы къ этимъ правиламъ было присовокуплено наставленіе о бережной укладкѣ или упаковкѣ, дабы садовая и огородная произведенія не портились во время доставленія къ мѣстамъ сбыта; также правила помѣщенія или приготовленія упомянутыхъ произведеній для продолжительнаго сохраненія, какъ-то: устройство землянокъ и кучъ, въ которыхъ растения и плоды перезимовать могутъ; квашеніе, соленіе, мочка и высушиваніе. — Приложеніе рисунковъ и чертежей требуется только по тѣмъ предметамъ, которые наименѣе извѣстны крестьянамъ, и къ тѣмъ правиламъ, которыя простымъ земледѣльцамъ неудобопонятны безъ пособія изображеній. — Руководство должно быть чисто-практическимъ, а потому необходимо избѣгать теоретическихъ разсужденій; но правила однакоже слѣдуетъ излагать такъ, чтобы была понятна причина, почему предпочитается тотъ или другой пріемъ. Во всякомъ случаѣ изложеніе должно быть по возможности кратко, ясно и соображено съ силами крестьянскихъ семействъ, для которыхъ преимущественно и назначается руководство. — Руководство можетъ обнимать садоводство и огородничество, или одну

изъ этихъ отраслей хозяйства, и относится или къ известной только мѣстности, что и должно быть положительно определено, или къ разнымъ; въ последнемъ случаѣ, въ надлежащихъ мѣстахъ должны быть объяснены не только свойственныя каждому климату или мѣстности растенія, но и различіе практическихъ способовъ, относящихся къ одному и тому же растенію, смотря по климату, въ которомъ оно разводится. — Сочиненіе должно быть написано по-Русски. — Срокъ присылки назначается 31 Декабря 1851 г. — За сочиненія, которыя будутъ Комитетомъ найдены вполне удовлетворительными, назначается золотая медаль въ 300 руб. сереб. Труды, которые наиболее приближаются къ требованіямъ программы, будутъ награждены золотыми медалями въ 150 руб. сереб. Наконецъ сочиненія, которыя, не удовлетворяя всѣмъ условіямъ программы, будутъ однако же найдены заслуживающими вниманія, будутъ удостоены серебряныхъ медалей и почетныхъ отзывовъ. Сочиненія, удостоенныя награды, будутъ печатаемы Министерствомъ, по усмотрѣнію, на свой счетъ, и въ такомъ случаѣ 300 экз. представляются безденежно въ пользу автора, который притомъ не лишается права печатать свой трудъ и другими изданіями.

... Въ Новгородъ вышелъ «Указатель къ описанію святыхъ, древностей и достопримѣчательностей Новгорода и его окрестностей», составлен. Г. Игнатьевымъ. Польза такихъ трудовъ несомнѣнна. Г. же Игнатьеву обязаны мы обнаруженіемъ нѣсколькихъ историческихъ матеріаловъ, въ Новгородскихъ Губ. Ведомостяхъ.

... «Самымъ замѣчательнымъ у насъ явленіемъ метеорологіи прошлаго года — пишутъ намъ изъ Новгорода — должно считать то, что текущая зима установилась очень поздно, наканунѣ Рождества Христова. Снѣга на дорогахъ до снѣгъ поръ лежитъ весьма не много; морозы стоятъ не большіе, отъ 5—10°; случись порядочная оттепель, и дая черезъ два сдѣлается опять грязная, скучная осень. «Что за чудо, поговариваютъ старики-нишчики; кажись совсемъ зимы не будетъ: ужъ и Спиридонъ Поворотъ давнымъ-давно прошелъ, а съ той поры, известно, солнце идетъ на лѣто, а зима на морозъ. Знать прогнѣвался на насъ Богъ за грѣхи наши». — И это действительно такъ. Для Русскаго, мѣлозная, ровная зима есть благодѣяніе Божіе: сколько выигрываетъ онъ времени отъ одного сокращенія пути! Иной живетъ отъ города верстъ за сорокъ, даже меньше, по прямому направленію, — да лѣтомъ дороги нѣтъ: болота, рѣчки, ручьи и т. п., и выходить, что до города ему вѣтъ надо верстъ сто или больше; а зимой этотъ путь совершаетъ онъ на своей лошаденкѣ въ одинъ перевалъ: зима ^{гитиз} ^{воздѣ} ^{востадеть}

прочные мосты. За то зима 1849—50 года была у насъ, какъ и вездѣ, суровая, безъ оттепелей; лѣто весьма знойное, грозы были многочисленны; вообще истекшій годъ въ метеорологическомъ отношеніи имѣлъ характеръ континентальный. Особенно памятнымъ днемъ остается для насъ 6 Августа—по ужасной бурѣ; впрочемъ, этотъ день столь замѣчательнъ для насъ и по другимъ событіямъ, что я намѣренъ сказать о нихъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе потому, что печатно о этомъ ничего небыло говорено. Этотъ день назначенъ былъ для торжественнаго освященія новой ризы чудотворнаго образа Знаменія Божіей Матери, того самаго образа, который избавилъ Новгородъ отъ разгрома Суздальцевъ при архіепископѣ Или (въ схимѣ Іоаннѣ), 1167 года. (*) Утро было прекрасное; народъ густыми толпами съѣхалъ къ Софійскому собору, откуда должна была начаться процессія. При неумолкаемомъ звонѣ безчисленныхъ колоколовъ и съ участіемъ всего мѣстнаго духовенства, предводимаго Новгородскимъ викарнымъ епископомъ Нафаномъ, началось торжественное несеніе образа изъ Софійскаго въ Знаменскій соборъ, при вратахъ котораго встрѣтилъ Усердную Заступницу высокопреосвященный митрополитъ Никаноръ со святою водою. Каждый съѣхавшій на пути преклонилъ колѣна и прошелъ подъ образомъ, какъ бы въ знаменованіе благословенія Самой Богоматери. По освященіи, образъ несенъ былъ въ храмъ, гдѣ соборно совершилъ литургію самъ митрополитъ. Церковь не могла вмѣстить множества народа, собравшагося для этого рѣдкаго случая не только изъ окрестныхъ селеній, но даже изъ мѣстъ весьма отдаленныхъ; паперть, дворъ и даже улица были усыпаны богомольцами, преклонявшими колѣна и возсылавшими мольбы свои въ открытое, чистое небо къ подножію Невидимаго, но Всевидящаго. Не думаю, чтобы въ толпѣ этой нашелся хоть одинъ зритель не Русскій, но будь тутъ иновѣрцы, даже азычники, никто не остался бы равнодушнымъ, смотря на эту безмолвно-молящуюся толпу, благоговѣнно прислушивавшуюся къ слабо разносившимся звукамъ священныхъ гимновъ; кто бы, зритель, и самъ бы внутренно не помолился! Да, сильна Русь своею молитвою!.. Но-

(*) Любопытно было бы знать о настоящемъ положеніи образа: сохранился ли онъ первоначально въ цѣлости, или былъ подновленъ когда-нибудь. Въ первомъ случаѣ онъ имѣлъ бы новую цѣну для знатоковъ нашей иконописи, и подалъ бы поводъ къ важнымъ для науки техническимъ соображеніямъ. М. Ц

вая риза отделана вся изъ золота, щедро усыпана драгоценными каменьями, и есть даръ Новгородскаго купечества. Относительно исполненія работы, довольно сказать, что она вышла изъ рукъ извѣстнаго мастера *Верховцева*; слѣд., удовлетворительна во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ жаль, что могла сокрыта отъ насъ та, которой щедрая рука никогда не оскудѣвала при украшеніяхъ святыни Новгородской.

Послѣ обѣдни, высокопреосвященный, со всѣмъ духовенствомъ и значительными лицами города, отправился въ домъ купца Доброхотова, гдѣ отъ лица Новгородскаго купечества приготовленъ былъ обѣдъ. Въ числѣ гостей былъ и Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Кн. П. А. Ширинскій-Шахматовъ, накануне этого дня прибывшій въ Новгородъ. Этотъ-то, столь радостно начатый нами; день окончился весьма печально. Часовъ около 6 пополудни небо заволокло тучами, жасвирывалъ вѣтеръ, пошелъ не частый, но крупный дождь; вскорѣ забушевала настоящая буря, какой давно не запомнятъ наши старожилы. Молнія сверкала безпрестанно, страшные раскаты грома заставляли каждого невольно отбѣгать на середину комнаты и креститься. Сильнымъ порывомъ вѣтра сорвало одинъ изъ малыхъ куполовъ Знаменскаго собора; нѣсколько барокъ съ свномъ у гостинаго двора (должно предполагать—съ дурными снастями и слабо закрѣпленными) сдернуло ураганомъ съ ихъ становища, набросило на гранитные быки моста, и изъ числа ихъ двѣ потопило. Мало того: молніею убиты два звонца Софійскаго собора, бывшіе на колокольнѣ, чтобы, по обыкновенію, проводить, со звономъ митрополита Никанора, отъѣзжавшаго въ это время въ Валдай. Я умалчиваю о другихъ, менѣе важныхъ, несчастіяхъ подобнаго рода, какъ то: о поврежденіяхъ желѣзныхъ крышъ; о вывѣскахъ, занесенныхъ вѣтромъ Богъ знаетъ куда; о разрушенныхъ заборахъ, переломанныхъ деревьяхъ, о пѣшеходахъ, возвратившихся домой безъ шляпъ, съ непокрытыми головами, и проч. Словомъ, 6 Августа 1850 г. останется надолго намъ памятнымъ.

....Для почитателей отечественныхъ достопамятностей пріятно будетъ узнать, что въ г. Валуйкахъ (Воронежской губерніи) домъ, гдѣ имѣлъ пребываніе Петръ Великій, надолго сохранится теперь для потомства: недавно въ немъ открыта богадельня на счетъ капитала, пожертвованнаго Валуйскою купчихою *Зудовой*, которая, купивъ этотъ домъ, обязалась поддерживать его и заведеніе въ надлежащемъ видѣ.

Въ Екатеринославѣ, по примѣру Петербурга, от-

крыто заведеніе для снабженія бѣдныхъ пищею, при которомъ въ продолженіе мѣсяца (съ 20 Ноября) было накормлено слишкомъ тысяча человекъ. Члены тамошняго Дворянскаго-клуба опредѣлили дѣлать ежегодное пожертвованіе для поддержанія этого полезнаго учрежденія.

Ставропольское Купеческое Общество, по случаю совершившаго двадцати пятилѣтія царствованія Государя Императора и посвященія Кавказскаго края Государемъ Наслѣдникомъ, постановило вносить, въ продолженіе 25 лѣтъ, по 1,200 руб. сер. ежегодно для воспитанія въ Ставропольскомъ Учебномъ Заведеніи Св. Александры 25 дочерей бѣднѣйшихъ гражданъ Ставрополя.

Саратовское Городское Общество, въ ознаменованіе дня восшествія на престолъ Государя Императора, положило роздать, 20 Ноября, изъ общественныхъ своихъ суммъ, самобѣднѣйшимъ жителямъ г. Саратова 600 р. сер., и производить такую же раздачу въ этотъ день ежегодно.

Рязанское Дворянство намѣревается учредить общественную бібліотеку въ память о славномъ двадцатипятилѣтіи, и М. П. Погодинъ получилъ предложеніе отъ одного изъ Гг. дворянъ Рязани объ уступкѣ своего древнехранилища, но, разумется, отказался, положивъ завѣтъ, за себя и за свое потомство, чтобъ его древнехранилище никогда, никуда, ни за что не переносилось изъ Москвы, его родины.

Благотвореніемъ ознаменовалось открытіе новой губерніи — Самарской. Жители новаго губернскаго города пожертвовали до 2,000 руб. сер. на учрежденіе въ Самарѣ дѣтскаго пріюта, а Ростовскій купецъ М. М. Плешановъ представилъ 6,000 руб. сер. на украшеніе городскихъ церквей и для вспоможенія духовенству и тѣмъ изъ жителей, которые пострадали во время страшнаго пожара, опустошившаго Самару 13 Іюня 1850 г.

Какъ важно учрежденіе этой губерніи и на сколько должно оно способствовать развитію мѣстныхъ способовъ и облегчить управленіе тѣмъ краемъ, можно видѣть изъ одного уже того, что три губерніи, изъ частей коихъ образовалась она, заключали въ себѣ слишкомъ 11 тысячъ квадр. миль, т. е. больше нежели вся Франція, и народонаселеніе ихъ простиралось слишкомъ до 4½ милліоновъ душъ обоюбого пола. — Площадь Самарской губерніи должна обнимать свыше 3 т. кв. миль. Общее число городского и сельскаго населенія ея должно быть болѣе 1,152,000 обоюбого пола душъ. При семъ, первое относится къ послѣднему какъ 1 къ

30; отношеніе же мужскаго пола къ женскому въ сельскомъ населеніи представляется половина на половину, а въ городскомъ какъ 8 : 9. Въ Самарь, въ 1846 г., число жителей простиралось до 14 т.

Отъ Самары недалеко до Оренбурга. Что новаго здѣсь? Участіе этого города во всемірной Лондонской выставкѣ. Жители Оренбургской линіи, между прочимъ, занимаются выдѣлкою разныхъ вещей изъ козьяго пуха и льняной пряжи. Изъ перваго приготавливаются шали, чулки, перчатки и шейные шарфы; изъ послѣдней, кромѣ разныхъ мелочей, шали. Изготовленіемъ этихъ вещей занимается женскій полъ, начиная отъ Оренбурга до Танаидской станицы. Въ станицахъ между этими пунктами рѣдкая женщина или дѣвушка не умѣетъ вязать шалей или другихъ вещей (это дѣлается на обыкновенныхъ чулочныхъ спицахъ). Большую часть вещей изъ козьяго пуха и льняной пряжи Линейные Казаки сбываютъ въ Орской крѣпости и въ Оренбургѣ. Цѣнность пуховыхъ вещей не одинакова: она зависитъ отъ качества пуха, тонкости пряжи, формы узора и величины. Самыя лучшія шали, тонкія, бѣлыя, мягкія, легкія, отъ 4 до 5 золотниковъ, красиваго узора, имѣющія квадратную сажень, цѣнятся отъ 45 до 50 р. сер.; самая же нисшая цѣна доходитъ до 2 р. сер. Шали эти имѣютъ то достоинство, что, несмотря на свою филигранную работу и легкость, они, относительно теплоты и прочности, удобно замѣняютъ всякую плотно тканую шаль одинаковой цѣнности. Шейные шарфы вяжутся также филигранные; самая большая длина ихъ — 3 аршина, ширина отъ 1 до 1½ ар.; цѣна лучшимъ отъ 5 до 10 р. с. Шали изъ мягкой пряжи, выдѣлываемыя на манеръ кружевъ, очень рѣдки, малоупотребительны и не такъ цѣнны: за лучшую нитяную шаль платять не дороже 5 р. с. Прочность шалей и другихъ вещей изъ козьяго пуха известна Оренбургскимъ жителямъ, и они, не спуская съ плечъ, носятъ ихъ по нѣскольку лѣтъ сряду. Одна изъ такихъ шалей, связанная въ Оренбургѣ, послана на всемірную выставку. Величина этой шали—квадратная сажень; весь отъ 3 до 3½ золотниковъ; тонкость нити, мягкость и нежность работы такъ поразительны, что это произведеніе дамскихъ рукъ должно уподобить паутинѣ. Надъ вязаньемъ шали трудились Г-жи Б-скія.

...Вотъ что пишутъ намъ изъ Арзамаса:

О Китайской кормовой травѣ му-суй.

Въ описаніи Нижегородской выставки сельскихъ произведеній, бывшей въ прошломъ 1849 году, я говорилъ о му-суй сель-дующее: «магистръ Казанскаго университета *Г. Васильевъ*, съ 1840 года находящійся въ Пекинѣ при нашей духовной миссіи, въ 1847 (а не 1846) прислалъ помѣщику, титулярному совѣтнику *А. Я. Каратаеву*, имѣющему хозяйство и конный заводъ въ селѣ Тришкинѣ Высельскаго уѣзда, сѣмена кормовой травы, которую Китайцы называютъ *му-суй-цао-цзы*. Это растение изъ породы люцерны аклиматизировано и разведено *Г. Каратаевымъ*. Для посѣва на одной десятинѣ нужно фунтъ сѣмянъ. Переносъ Русскую зиму, осенніе непогоды и несвоевременные весенніе морозы, *му-суй-цао-цзы* даетъ два скоса впродолженіе года; одинъ въ началѣ Іюня, другой въ Сентябрѣ. Эта трава, по описанію *Г. Каратаева*, можетъ замѣнить для скота зерновой хлѣбъ во всѣхъ отношеніяхъ. *Г. Каратаевъ*, представляя сѣмена этой травы и два образца: одинъ оставленный отъ Іюньскаго скоса, а другой въ цвѣту, назначенный для Сентябрскаго скоса, уведомилъ Комитетъ выставки, что онъ представлялъ это аклиматизированное имъ растение въ специальную Комиссію Государственнаго Коннозаводства, и, по испытаніи его въ той Комисіи, получилъ отъ нея благодарность. — Комитетъ Нижегородской выставки, принимая въ уваженіе пользу, которая можетъ произойти отъ разведенія столь полезнаго растенія, замѣняющаго для скота зерновой хлѣбъ, полагалъ бы наградить *Г. Каратаева* медалью. Но, не имѣя въ виду надлежащаго удостовѣренія, въ какомъ именно количествѣ разведена трава му-суй-цао-цзы *Г. Каратаевымъ*, а также не имѣя, по малому количеству, представленныхъ образцовъ, возможности сдѣлать испытаніе этой травы, Комитетъ опредѣлялъ сдѣлать печатный отзывъ о *Г. Каратаевѣ*, а сѣмена му-суй-цао-цзы раздать желающимъ для разведенія этой травы. Последнее исполнено на самой выставкѣ. Сѣмена му-суй-цао-цзы взяты хозяевами Нижегородской, Ярославской, Саратовской, Орловской и Черниговской губерній. Это дастъ возможность судить въ послѣдствіи объ успѣхѣ урожая новой кормовой травы и приращенія ея къ скотоводству въ различныхъ мѣстностяхъ нашего Отечества, разнообразныхъ по климату и по качеству почвы.

Послѣ выставки многіе хозяева изъ разныхъ мѣстъ обращались съ просьбами о высылкѣ этой травы къ начальнику Нижегородской губерніи, Князю М. А. Урусову, къ А. Я. Каратаеву и ко мнѣ. По возможности всѣмъ имъ разсылаемы были семена му-суй, но къ сожалѣнію мы не могли имъ сообщить никакихъ практическихъ свѣдѣній о разведеніи этой травы и о примѣненіи ея къ скотоводству; между тѣмъ нѣкоторые хозяева, напр. изъ Саратовской губерніи, жаловались на плохой успѣхъ разведенія му-суй.

Въ Октябрѣ прошлаго 1850 года, послѣ одиннадцатилѣтней разлуки, встрѣтился я въ Нижнемъ-Новгородѣ съ университетскимъ товарищемъ В. П. Васильевымъ, только что возвратившимся изъ столицы Китайской имперіи, въ которой провѣлъ онъ десять лѣтъ лучшаго возраста жизни — среди лингвистическихъ, этнографическихъ и политико-экономическихъ занятій. Между разсирововъ о Китайской имперіи и любопытныхъ свѣжихъ разсказовъ самовида, зашла у насъ рѣчь о травѣ, высланной имъ Г. Каратаеву. Г. Васильевъ сказалъ, что трава эта называется не му-суй-цао-цзы, а му-суй, потому что *цао* значить по Китайски трава, а *цзы* — семя. Высылая семя Г. Каратаеву, онъ назвалъ посылку свою *семя травы му-суй*, и всю эту фразу написалъ по-Китайски: мы же всѣ пріяли ее за собственное названіе растенія.

Такъ какъ многіе хозяева пашни, получившіе семя му-суй, не знаютъ ухода за ней, и вообще желали бы имѣть о ней болѣе положительныя свѣдѣнія, то я просилъ Г. Васильева написать объ этой травѣ все, что онъ знаетъ — для сообщенія сельскимъ хозяевамъ. В. П. Васильевъ исполнилъ мое желаніе; и вотъ, что писалъ онъ ко мнѣ отъ 20 Октября 1850 года:

«Ты требовалъ отъ меня поясненія о Китайской травѣ му-суй; сообщаю тебѣ все, что теперь могу привести на память, ибо не имѣю еще подъ руками Китайскихъ источниковъ, идущихъ въ обозъ. Растеніе му-суй известно въ самомъ Китаѣ еще недавно. Въ прошломъ столѣтіи во время войнъ, веденныхъ настоящей династіей съ Цзюнгарами, Китайскія войска проникли въ обширныя пустыни, лежащія на западъ отъ владѣній Богдыхана, между провинціей Гань-су (Гуркистанъ) и Хасой (въ Тибетѣ). Здѣсь они встрѣтили нѣкоторыя кочующія племена, у которыхъ лошади отличались неутомимостію и адоровьемъ — что, по словамъ владѣльцевъ, зависело отъ корма дико растущей въ тѣхъ мѣстахъ травы му-суй. Обстоятельство это обратило на себя вниманіе Китайскаго главнокомандующаго, онъ донесъ объ этомъ Импера-

тору, и съ тѣхъ поръ въ окрестностяхъ Пекина стали разводить этотъ превосходный для скота кормъ. Кажется, нѣтъ даже извѣстій, что разведеніе му-суй распространилось далеко отъ Пекина, что зависитъ и отъ перъшительности Китайскаго коневодства и отъ недостатка земли, которая въ Китаѣ вся посвящена на пропитаніе человека. При огромности народонаселенія, при недостаткѣ земли, Китайцы не заставляютъ травой му-суй полей своихъ сѣять и на большое пространство, но разводятъ ее только по окраинамъ пашень и между другими хлѣбными зерновыми растеніями. Притомъ, по отзыву Пекинскихъ Китайцевъ, и невозможно заставить поле одною му-суй, потому что, когда трава эта разрастется, она обвивается плотно между собой и заглушаетъ сама себя. Для отвращенія этого, сѣмена му-суй сѣютъ вмѣстѣ съ сѣменами проса, и сѣютъ на удобренной почвѣ. Китайскіе хозяева, кормящіе лошадей только соломою, чернымъ горохомъ, и арбатскимъ просомъ (гао-линь) не всегда дозволяютъ своимъ лошадямъ лакомиться этимъ роскошнымъ кушаньемъ, но запасаютъ ее про случай, когда скотъ захвораетъ, или сильно изнурится отъ работы — до такой степени, что нѣтъ другихъ средствъ къ поправленію его силъ. Тогда, говорятъ въ два или три дня, скотъ видимо поправляется отъ этого корма. Въ окрестностяхъ Пекина, при болѣе благопріятномъ климатѣ, траву му-суй можно косить менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяць, разувается въ такомъ случаѣ, если не хотятъ дожидаться созрѣнія сѣмянъ. Въ томъ, что даже въ самыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ нашего отечества му-суй можетъ принятися, я не сомнѣвался, потому что пустыни, въ которыхъ нашелъ ее Китайскій главнокомандующій, не смотря на южное свое положеніе, подвергаются холоду; отъ самовидцевъ я слышалъ, что тамъ засталъ ихъ снѣгъ въ Маѣ мѣсяцѣ; и это случается нередко. — Въ 1847 году я выслалъ болѣе фунта этихъ сѣмянъ нашему университетскому товарищу Александру Яковлевичу Каратаеву, который писалъ ко мнѣ въ Пекинъ, что онъ въ деревнѣ Тришкинѣ (Васильевскаго уѣзда) завелъ конный заводъ. Это и побудило меня послать къ нему му-суй. Что моя попытка акклиматизировать въ Россіи Китайское кормовое растеніе, имѣла лестный для меня успѣхъ, это свидѣтельствуется уже тѣмъ, что на Нижегородской выставкѣ были сѣмена му-суй и сама трава, спустя годъ послѣ ихъ завѣта на Русской почвѣ. Подарку, посланному мною изъ далекой страны университетскому товарищу, я не думалъ придавать ни какой важности, но получилъ неожиданную за него награду въ томъ рвеніи Г. Каратаева, съ которымъ онъ принялся за акклиматизированіе

этого растенія, и въ томъ участіи нашихъ сельскихъ хозяевъ различныхъ мѣстностей имперіи, которые выписываютъ отъ него и отъ тебя семена му-суй. Я былъ въ концѣ Сентября у А. Я. Каратаева въ Тришкинѣ, и нашелъ у него богатый запасъ семянъ, не сматривая на то, что онъ дѣлится ими со всеми. — Между зернами му-суй, при высылкѣ ихъ изъ Пекина, случайно попалось несколько семянъ Китайскаго проса, которое мельче нашего, но спорѣе, по причинѣ величины колоса. Г. Каратаевъ посылалъ его, и оно доставило уже ему порядочный запасъ семянъ. Я вполне убѣжденъ, что Г. Каратаевъ подѣлится съ Русскими хозяевами и Китайскимъ просомъ, и теми разнообразными сортами гороха и другихъ семянъ, которые я доставлю ему наступающею зимою, когда придетъ мой обозъ въ Казань. Мнѣ кажется однакожь, что Г. Каратаевъ еще не вполне испыталъ на лошадахъ цѣлебную силу му-суй; онъ отзывался только, что лошади ѣдятъ его съ величайшей охотой, и, если му-суй смѣшана съ другою травой, выбираютъ только ее. Нашимъ сельскимъ хозяевамъ предоставляю рѣшать до какой степени разведеніе му-суй можетъ вознаграждать трудъ, — и равняется ли снимаемое количество травы съ количествомъ клевера, разведеннаго на такомъ же пространствѣ. Но му-суй превосходитъ клевера и питательностію и цѣлительностію. Во всякомъ случаѣ послѣднія качества подають надежду, что прислапный мною изъ Китая му-суй не сойдеть никогда съ нашихъ луговъ. Вотъ все, что могу сказать тебѣ объ этой травѣ для общаго свѣдѣнія.

Къ этому прибавляю свое желаніе и увѣренность, что Г. Каратаевъ подѣлится Китайскими подарками съ теми изъ сельскихъ хозяевъ, которые будутъ писать къ нему: въ село Тришкино, Васильскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. *П. Мельниковъ.*

22 Января 1831 г.

Въ заключеніе, спѣшимъ украсить Внутреннія Извѣстія выпискою изъ газеты «Кавказъ», во 2 и 3 N N которой помѣщена статья Г. Бавникова объ Алагитскомъ заводѣ:

Я хочу рассказать, — говоритъ Г. Бавниковъ — какъ проѣзжалъ черезъ Ардонъ въ первый разъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, и какъ Ардонъ встрѣчалъ Его.

Это было 23 Сентября. Съ утра все были на ногахъ въ Ардонъ, все ждали. День былъ сумрачный; облака заволокли все небо и совершенно спрятали солнце; но кому какая нужда до солн-

ца, когда, по выраженію проповѣдника-поэта, наше солнце къ намъ приближалось. На большой улицѣ, около дома командира Владикавказскаго полка, полковника Шостака, гдѣ долженъ былъ остановиться Онъ для минутнаго отдыха, давно уже собралась и толпилась порядочная кучка народа. Русскій и Азіатецъ, офицеръ и простолюдинъ—всѣхъ равно занимаетъ одна и таже мысль, и на лицахъ всѣхъ выражается одно и то же ожиданіе. Онъ идетъ,—Онъ сейчасъ будетъ; я увижу Его,—говорить въ душѣ каждый, и сильнѣе напрягалось зрѣніе, устремленное на дорогу.

Звенить колокольчикъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваются все къ его частому звону, говорящему о быстрой ѣздѣ, — и вотъ, изъ-за поворота, выскакала на большую улицу почтовая тройка. Но это не Онъ.

— Дальше, дальше!—кричалъ издали ямщикъ, подъѣзжая къ толпившемуся около дома Шостака шароду.

Завѣсь и остановился фельдъегерь, вѣзшій на полчаса пути впередъ Наслѣдника. Толпа окружила его съ разспросами. После короткаго отвѣта, фельдъегерь ушелъ съ подорожной. На мигъ все пришло въ движеніе, и общій говоръ раздался повсюду. Я пошелъ къ конюхамъ, которые держали подъ усты лошадей, назначенныхъ подъ экиважи Наслѣдника и Его свиты, — и вотъ какой разговоръ я улымалъ между ними:

— А что ребята,—сказалъ подошедшій къ нимъ казакъ:—не слышать, кто привезетъ къ намъ изъ Николаевки Наслѣдника?

Я посмотрѣлъ на этого казака. Его лицо и престаралыя лѣты внушали къ нему невольное уваженіе.

Удовлетворивши свое любопытство, казакъ продолжалъ:

— Знаю я этого ямщика, и лошадей его знаю. Исправный, надежный мужикъ, и кони у него добрые, а все...— Тутъ остановился казакъ, и погрузился въ воспоминаніе неаго времени и иныхъ, быть-можетъ лучшихъ, минутъ во всей своей жизни.

Но его нареканіе на Николаевскаго ямщика тотчасъ же вызвало съ разныхъ сторонъ возраженія.

— Не про то я сказалъ, и не такъ вы меня поняли, братцы,— продолжалъ тотъ казакъ—Хорошо проедетъ вашъ Николаевскій, а все не провхать ему такъ, какъ я разъ провхалъ; да только разъ и провхалъ я такъ, во всей жизни. Утѣшить онъ батюшку-Наслѣдника: развеселитъ Его, да не развеселитъ ему такъ, какъ я въ старые годы, когда голосъ у меня былъ посылнѣе, руки покрѣпче, да и удали-то, значить, было побольше,—развеселилъ разъ нашего Царя православнаго.

— Такъ ты прежде ямщикомъ былъ? — спросилъ я казака.

— Былъ.

— И Государя возилъ?

— Возилъ.

Мое любопытство было возбуждено. Съ минуту я думалъ, какъ бы половче приступить къ двлу, чтобъ заставить казака высказаться — и очевидно высказать не простое воспоминаніе изъ его долгой жизни.

Но думать мнѣ было не зачѣмъ. Настоящія обстоятельства, ожиданіе съ минуту на минуту въ Ардонъ Государя Наслѣдника — лучше всего дѣйствовали на казака. Послѣ нѣсколькихъ словъ съ моей стороны, онъ разсказалъ мнѣ одну страничку изъ жизни Русскаго народа, которую я и передаю здѣсь цѣликомъ, какъ слышалъ.

— Давно это было — началъ старикъ, — давно; но я какъ теперь помню: мы ждали Царя. Общимъ судомъ присудили везти Его мнѣ. А кони у меня были!.. Только и достойна моего было, что кони. Лучше красной дѣвки я любилъ ихъ. Бывало, какъ возьму съ посадылокъ нашихъ бабъ, да посажу въ сани, да свисну... Молодъ я былъ тогда, ваше благородіе. Словно думу какую крѣпкую посадили мнѣ на плечи, какъ пришелъ разъ смотритель, да приказалъ исподоволь готовиться. Вотъ я и началъ готовиться. Бывало ночь не сплю, день не емъ, а все на лошадокъ поглядываю, все около нихъ похаживаю, все себѣ думаю, какъ бы лучше Царю угодить, да можетъ-быть, милостивое слово заслужить. «Онъ скоро ѣздитъ. У Него время дорого» — слышу мнѣ говорить; а я молчу. — «Выдержать ли, вывезутъ ли твои кони? Станція большая, за тридцать хватить; не подставить ли подставу?» Я все молчу, все свое думаю. Пріѣхалъ Онъ. Запрягли мы: сѣмь я. Словно гордость меня взяла какая, словно я богатырь сказочный сталъ, какъ взялъ возжи и шевельнулъ кнутомъ. Понеслись мои кони, да такъ понеслись, что версты пятокъ отъѣхавши, слышу, трогаетъ меня за кушакъ кто-то. Я обернулся, а Онъ говоритъ мнѣ: «тише!» Охъ, какъ больно мнѣ стало въ ту пору. Значить онъ на меня не падется, значить Онъ мыслить, что кони мои не доvezутъ Его; да я-то знаю, что доvezутъ, я-то знаю, что супротивъ меня поискать надо ямщика. Горе меня взяло, какъ слышалъ я: тише. Словно темная ночь бросилась мнѣ въ глаза, и я, не подумавши, не размысливши, такъ вотъ, какъ тебѣ, такъ тогда я Ему сказалъ: — Держиси Царь — Государь! Лошадей загоню, себя задушю, а ужъ распотвину Твое Царское сердце, развеселю Твою Царскую душу: Прокачу такъ, какъ никто не возилъ... Хороши

и картиненъ былъ казакъ, увлеченный своимъ рассказомъ, но до-слушать его до конца я не могъ.

— Влетъ, влетъ! — раздалось по Ардону; и стихло все.

Вотъ звенитъ колокольчикъ, ближе и ближе раздается онъ, веселой и радостной пѣснью гремитъ онъ... Молчать Русскіе, умолкла и задорная Азія.

Богатырями неслись впереди казаки Владикавказскаго полка, составляя почетный конвой при Государь Наслѣдникъ. Красивой и легкой змѣей вился между ними начальникъ отряда, хорунжій Устимовичъ. А вотъ и Онъ... Встрепенулось все, что-то заговорило душъ, что-то затрогало сердце... И прѣехалъ Онъ. Въ передовой коляскѣ съ Нимъ сидѣлъ нашъ Князь Намѣстникъ: одинъ — въ подномъ расцвѣтѣ лѣтъ, съ сознаниемъ мужественныхъ силъ, развившихся для великаго и богатаго будущаго, которое предостантъ Ему среди Своего народа; другой — украшенный лѣтами и опытностью, которая приобретена имъ въ долговременной Царской службѣ — испытанный вождь и правитель, невольной останавливалъ на себѣ почтеніе всякаго. Съ глубокимъ чувствомъ толпились около нихъ Русскіе и Азіаты, и съ умилениемъ смотрѣли и прислушивались къ каждому ихъ слову. Я никогда не забуду, какъ, тотчасъ, послѣ отъѣзда Наслѣдника, одинъ изъ казаковъ, провожая Его глазами, высказалъ все, что есть добраго и хорошаго въ Русской душѣ, этими немногими словами: — Эхъ, кабы джигитнуть теперь, да на врага броситься. Право, я не знаю, чтобы я сдѣлалъ тогда!

Принявши, по Русскому обычаю, хлѣбъ-соль изъ рукъ самыхъ старыхъ и почтенныхъ казаковъ Владикавказскаго полка, Наслѣдникъ Цесаревичъ несколько минутъ милостиво разговаривалъ съ ними, справился о ихъ нуждахъ, и, заверенный въ ихъ благосостояніи, снова сѣлъ въ коляску, подаривши лишь несколько минутъ изъ своей жизни Ардону. На обратномъ пути, Онъ оставался въ немъ слишкомъ часъ, но тогда, въ первый прѣздъ свой, крупной рысью уносили Его отъ насъ кони; съ грустью смотрѣли мы вслѣдъ за Нимъ, и съ чувствомъ невольнаго страха помышляли о томъ, что Онъ будетъ въ горахъ среди враждебныхъ племянъ. Но пусть идетъ Онъ, куда зоветъ Его долгъ; пусть знакомится и радуется Свой народъ во всѣхъ отдаленныхъ углахъ Своего будущаго царства; насъ не страшитъ Его будущее, потому что около Него вьются наши мысли, за Нимъ летятъ наши надежды, и за Него возносятся наши молитвы....

с) МОСКОВСКІЯ.

Нѣсколько словъ о состояніи живописи въ Москвѣ.

(Изъ дневника художника)

Изящныя искусства сдѣлались въ наше время общою потребностію всего образованнаго міра, и стремленіе къ изящному начинаетъ уже проникать во все слои общества, приближаясь къ одной цѣли съ высшими науками; а потому теперь пріятно будетъ обратить вниманіе любителей живописи на состояніе этого искусства въ нашемъ отечествѣ, тѣмъ болѣе, что у насъ почти во всѣхъ отрасляхъ изящнаго, проявлялись художники, которыхъ имена останутся незабвенными въ летописяхъ искусства. Всемъ извѣстно, что при богатыхъ средствахъ, живопись, на которую мы въ-особенности хотимъ обратить вниманіе, процвѣтаетъ уже давно въ нашей сѣверной столицѣ; но не многимъ извѣстно состояніе этого искусства въ Москвѣ, гдѣ все науки давно уже проявили блестящіе плоды.

Для распространенія рисовальнаго искусства устроены Правительствомъ при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ классы рисованія, и даже для бѣдныхъ повсюду существуютъ особенныя рисовальныя воскресныя школы; однимъ словомъ, начиная отъ богато-устроенной Школы Графа С. Г. Строганова, которая имѣетъ цѣлю образовывать хорошихъ рисовальныхъ учителей для узднскихъ училищъ, и которая теперь поступила въ вѣдомство Министерства Финансовъ, до Художественнаго Класа Живописи и Ваянія, ведеи видна живая дѣятельность къ распространенію въ Москвѣ вкуса къ изящнымъ искусствамъ. Художественный Класъ образуетъ по полному академическому курсу живописцевъ и скульпторовъ, кои, по испытанію, Императорская Академія Художествъ удостоиваетъ званія класныхъ и некласныхъ художниковъ.

Публичныя выставки ученическихъ работъ этого заведенія уже привлекаютъ къ себѣ большое число посѣтителей. Упомянутый Художественный Класъ, основанный покойнымъ Скоряти-

пыль, и поддерживаемый небольшим числом любителей, уже давно существует в Москве; но в новое время, ходатайством одного из самых деятельных членов общества, обращено на это заведение Высочайшее внимание Государя Императора, и Монаршими щедротами положен основной камень прочному, и, можно надяться, блестящему их процветанию. Общество покровителей изящного исполнено приятной надежды, что съ своей стороны просвѣщенная публика нашей древней столицы поддержитъ и поощритъ молодыхъ людей, подвигающихся столь усердно на поприщѣ художественнаго занятія.

Справедливо ли у насъ жалуются на нѣкоторую холодность къ живописи — рѣшить трудно; но, обративъ вниманіе на известные факты, невольно задумаешься, ибо кромѣ пріобрѣтенія билетовъ на художественную лоттерей и заказовъ иконъ, коими въ Москвѣ наиболее занимаются иконописцы не-художники, мало сбыта новымъ картинамъ. Нѣкоторое исключеніе изъ этого составляютъ портретные заказы; но эти работы не входятъ въ составъ художественной дѣятельности, ибо требуются большею частію за дешевую цѣну, не какъ изящныя произведенія, но какъ рабскія копія, похожія на подлинникъ столько же, какъ искусственные цвѣты на натуральные. Замѣчательно, что желающіе имѣть портреты боятся сеансовъ; но возможно ли, чтобы хорошій художникъ, исполняющій свои работы съ любовью, могъ кончить свою работу *à la prima* или въ два сеанса? Также невозможно, чтобы молодой, хотя вовсе безкорыстный художникъ, могъ трудиться за цѣну, едва вознаграждающую одинъ механический трудъ. Правда, являюся къ намъ изъ за-границы (не включая въ это число хорошихъ иностранныхъ художниковъ) и такіе артисты, которые работаютъ очень скоро и дешево; и хотя достоинство этихъ работъ ловкой промышленности не удовлетворяетъ вкусу образованнаго человека, однако ихъ картинки, часто выставленыя съ другими издѣліями мануфактуры въ зеркальныхъ окнахъ на большихъ улицахъ, увлекаютъ своими цвѣтистыми, высьочными красками многихъ покупателей, незнакомыхъ съ лучшими произведеніями живописи; но покупатели такихъ работъ разочаровываются очень скоро, а если и впадаютъ въ новыя сѣти, тогда, истративъ не малое число денегъ, остаются все-таки неудовлетворенными, и невольно приходятъ къ убѣжденію, что меньше стоило бы имъ произведеніе хорошаго художника, достойное перейти изъ поколѣнія въ поколѣніе. При всемъ томъ, несомнѣнно что требовательность на лучшія произведенія живописи въ Москвѣ

не только незначительна, но даже, въ иныхъ отрасляхъ этого искусства, вовсе незамѣтна, какъ, напримеръ, въ исторической живописи.

Неужели покрытый историческою славой древности, великолѣпный, фантастическій Кремль нашъ не пробудитъ въ душѣ, оживленной любовью къ родинѣ, желанія имѣть свою исторію въ картинахъ? Неужели Москва, пренепопеченная отечественной народности, не оживитъ Русскаго быта въ верхнихъ картинахъ, далеко превосходящихъ такъ-называемый *genre*?

Москва — богатый источникъ живописи, городъ разнообразно-разбросанный на семи холмахъ, какъ древній Римъ, ведающій услаждать взоры перспективными картинами, обрамленными зеленою цвѣтущихъ садовъ и бульваровъ. Словомъ и въсю прославленную прекрасныя окрестности города еще болѣе услаждали бы насъ въ картинахъ, писанныхъ нашими молодыми соотечественниками, которые сохранили бы намъ цвѣтущую природу, и въ мрачные дни осени, и во время длинной холодной зимы. Подобныя мысли пріятно заботить уже наше молодое поколѣніе художниковъ, но, къ сожалѣнію, они не имѣютъ способовъ на исполненіе многосложныхъ картинъ, которыя не только требуютъ много времени, но и большихъ расходовъ, тѣсно сопряженныхъ съ исполненіемъ значительнаго труда. Если же дѣйствительно существуетъ нѣкоторое равнодушіе публики къ современной живописи въ Москвѣ, оно происходитъ частью отъ недоверія къ самому искусству, слишкомъ не давно проявившемуся между насъ живо и дѣлательно, а частью отъ преждевременной критики полу-знатоковъ. Старія же картины покупаются издавна. Любители, лѣгкая на почертившія картины, мечтаютъ въ простотѣ своей, приобрести почти задаромъ безсмертныя труды Леонардо-да-Винчи, Рубенса или Рафаэля, — Теньеры, Остады, но ихъ словамъ, не рѣдкость — во бывають жестоко обманываемы продавцами, которые сами покупають эти картины на аукціонахъ, а иногда и на воскресныхъ рынкахъ; однако при перепродажѣ (мнимо дешевой) получаютъ значительные проценты. Пронзведенія великихъ мастеровъ не такъ легко приобретаются, не такъ легко пропедають безъ вѣсти, какъ клады въ волшебныхъ сказкахъ. Хорошія картины, переходя изъ рукъ въ руки, имѣютъ свою исторію, а если и бывають исключенія, эти случаи очень рѣдки. Не многимъ извѣстно, что въ Италіи и кое-гдѣ еще за границею, существуютъ такіе чудесники, которые, пользуясь легковѣрностью неопытныхъ путешественниковъ, переряжаютъ картины чарами искусственной копоти, цвѣтными лаками, и разными присыпками, и предають имъ знаменитыя названія.

И зналъ въ Триестѣ тайну двухъ торгашей, изъ которыхъ одинъ переводилъ доволно новыя картины на старыя, червями источенныя, доски; другой тотчасъ покрывалъ картину спиртовымъ лакомъ, подвергнувъ ее еще новымъ операциямъ, и мгновенно живопись такъ трескалась, что принимала видъ древности. Нѣсколько смалистыхъ, благовоющихъ курений довершали чародѣйство, и картина сходила съ рукъ за изумительную рѣдкость. Впрочемъ добрый Итальянецъ тотчасъ рекомендовалъ покупателю своего компаньона, реставратора старыя картины, добродушно советуя съ нимъ поторговаться. Этотъ искусникъ, задумывалъ, какъ уверять, съ большимъ трудомъ всѣ трещины, но не советовалъ чистить картину, боясь, чтобъ не повредили чудной глазированной и нѣжныхъ переливовъ свислыхъ красокъ.—Неоспоримо, что и въ покупкѣ старыя картины видна некоторая любовь къ живописи, ибо покупающіе такую рѣдкость почти никогда не расстаются съ ними; если даже и замѣтятъ наконецъ обманъ — «Вотъ, говорятъ они: это копия, не Gerard Dow или такой-то, но въ этой картинѣ много прекраснаго. Станьте сюда, посмотрите, какъ внимательно читаетъ эта старушка». — «Не правда ли, говорятъ другіе, какъ красиво отражается берегъ въ этой прозрачной водѣ? — Конечно, это не Рюнальдъ...» и т. д. Но мы уврены, что и въ массѣ публики, есть хотя и безотчетное, но вѣрное влеченіе къ наслажденію красотами живописи; въ этомъ мы еще болѣе убѣдились на выставкѣ славныхъ картинъ перваго нашего живописца по части морскихъ видовъ. Большой части публики конечно болѣе нравились блестящіе эффекты; знатоки оценили дивную бурю, съ мрачнымъ небомъ сврыя, медленно воздымающіяся волны доказываютъ, какъ этотъ превосходный художникъ постигъ природу, и съ какою любовью онъ передалъ ее въ картинѣ.

Что мы видѣли такое сочувствіе къ произведеніямъ известнаго художника, это еще не столько замѣчательно, сколько порадовало насъ многочисленное посѣщеніе на выставкѣ работъ учениковъ Художественнаго Класа: имена некоторыхъ молодыхъ художниковъ слышались уже известны публикѣ. И такъ молодые таланты могутъ день ото дня болѣе надвѣяться на пріятную будущность; достойныхъ признають, оценивать, и поощрять, потому что въ Москвѣ всегда поощрялись другія искусства, болѣе знакомыя публикѣ. Музыка, напримеръ, всегда и давно восторгаетъ почти всею массою общества; она давно изучена; всѣ замѣчательные композиторы Европейскіе известны и оценены у насъ по достоинству. Эта отрасль изящнаго искусства не рѣдкость въ Москвѣ, потому

что среди нас жили и живут не только наши замечательные композиторы, но нас постижали и первые виртуозы Европы; изучение же красоты живописи встрѣчаетъ большія затрудненія, требуя большой наглядности. Правда, что нынѣ гостинныя украшены хорошими произведеніями живописи, но когда мы ихъ видимъ? Во время мимолетнаго визита, или при блескѣ вечерняго бала; вѣдь не всякъму пріятно покупать у прислуги за мелкую монету право посмотреть въ отсутствіе хозяина на эти скрытыя сокровища. И если наконецъ острастный любитель достигнетъ давно желанной цѣли, онъ находитъ картины непріятно-освѣщенными цвѣтистымъ полусвѣтомъ, сквозь богатыя занавѣсы оконъ; притомъ все пожертвовано симметріи. Не взирая на такія неудобства, вѣрно никто не обвинитъ хозяина въ невѣдѣніе: въ жилыхъ комнатахъ всякой ищетъ себѣ и гостямъ надеждащаго комфорта; вѣдь не многіе въ состояніи имѣть особыя залы для картинной галлерей. По всему этому, повторяемъ, изучение красоты живописи у насъ очень затруднительно. Но чтобы истинно наслаждаться высокими произведеніями этого искусства, необходимо глубокое изученіе; тутъ не удовлетворитъ одно эстетическое сочувствіе и знаніе теоріи, которая, какъ основаніе всего, составляетъ необходимость; но требуется еще практическая, отчетливая начитанность зрѣнія. Правда, что изученіе гравюръ доставляетъ также значительную пользу, потому что любитель, изучивъ итъ красоты, вникаетъ въ композицію наилучшихъ картинъ въихъ шкѣль, научается постигать даже иногда сокровенныя идеи художника; да и пріобрѣтеніе прекрасныхъ гравюръ, по умѣренной цѣнности своей, доступнѣе чѣмъ пріобрѣтеніе живописныхъ картинъ. У многихъ любителей въ Москвѣ находятся значительныя коллекціи цѣнныхъ эстамповъ; также многіе пріобрѣли замечательныя литографіи галлерей Дрездена, Мюнхена, и проч.

Нельзя однакожъ не согласиться, что изученіе гравюръ, хотя бы и начинала съ Флорентинца Фомы Финигвера де прелескаднаго произведенія нашего Юрдава, не научитъ насъ вполне постигать красоты живописи. Тонъ животворныхъ красокъ, выражающій все возможное въ масляной живописи, говоритъ нашимъ чувствамъ языкомъ души, переходящимъ предѣлы всякаго другаго выраженія, — и потому живопись возможно изучать только вникая въ совершенство великихъ художниковъ. Это-то изученіе, какъ мы уже сказали, встрѣчало большія затрудненія, въ Москвѣ какъ вдругъ публика неожиданно была обрадована открытіемъ галлерей Графа Ростопчина, и новость эта была встрѣчена любителями съ

истиннымъ восторгомъ. Въ короткое время, и то только по воскреснымъ днямъ, нѣсколько тысячъ посѣтителей успѣли въ прошедшемъ году насладиться обзоромъ этого прекраснаго собранія разнородныхъ картинъ.

Но трудно выразить, съ какимъ истиннымъ восторгомъ кипели ученики Художественнаго Класа копировать въ галереѣ. Какая чистая благодарность, чуждая условленной свѣтской учтивости, оживила чувства ихъ къ почтенному хозяину-меценату, который не только доставилъ имъ возможность совершенствоваться въ своемъ искусствѣ, но и позаботился о сбытѣ ихъ произведеній, приобрятая ихъ для себя лично, и награждая щедро. Особенная польза открытія общественной картинной галереи состоитъ въ возможности полнаго изученія находящихся въ ней изящныхъ красотъ; здѣсь лучшая цѣль—научаться, наслаждаясь. Приступать къ преждевременному, критическому разбору не только бесполезно, но и не безопасно. Хотя безпристрастная критика, вслѣдствіе глубокаго изученія, и доставляетъ существенную пользу, но для изреченія этой критики необходимо утвердить свое природное сочувствіе къ изящному. Теоретическое познаніе, приобрятенное на читанностью въ эстетическихъ сочиненіяхъ Винкельмана, Леонардо-да-Винчи, Рафаэля, Менгса, Куглера, Ваагена, и другихъ, при изученіи исторіи живописи вообще, будетъ много способствовать къ полному наслажденію. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Карла Августа Беттигера, автора «Сабинны, или утренніе часы молодой Римлянки, который говаривалъ мнѣ: «отыщите одну истинную красоту въ художественномъ произведеніи, и вы будете богаче того, который нашелъ десять ошибокъ». Что безпристрастный критическій разборъ ведетъ къ точному познанію художествъ, въ этомъ конечно нѣтъ и сомнѣнія; нельзя однако не сознаться, что большинство нашихъ такъ-называемыхъ знатоковъ расположено къ недовѣрью и преждевременной критикѣ: въ этомъ насъ наиболее убѣдили частые вопросы, всѣ ли картины, находящіяся въ галереѣ Графа Раstopчина, дѣйствительно оригинальныя произведенія. Отвѣчать на подобные вопросы дѣло великаго труда и знанія; въ подтвержденіе этого скажемъ слѣдующее.

Копія *посредственныхъ* легко отличить отъ оригинала. Онѣ писаны большею частью робкою кистью, съ потерей легкой граціи въ линияхъ, лишены богатыхъ и вмѣстѣ живыхъ переливовъ въ полутонахъ; вообще въ такихъ копіяхъ замѣтно отсутствіе характеристической манеры исполненія, свойственное

каждому истинно-оригинальному произведению. Но безвоятно копии, исполненные под надзором самого мастера его любимым ученикомъ, часто имъ самимъ исправлены, или, заражаясь техниче-ски, имъ самимъ пройденны. Такия копии становятся почти дублетами, и если не оставишь старую копию для отличенія подлѣ самаго оригинала, почти не отличишь ея отъ него. У насъ о ко-пияхъ имѣютъ, если не превратное, по крайней мѣрѣ весьма неува-жительное понятіе, и Графъ А. Ѳ. Растопчинъ, какъ знатокъ и люби-тель, первый пашель достойнымъ занять хорошими копиями одну изъ небольшихъ залъ своей галлерей. Отличную копию написать очень трудно, потому что копирующій художникъ долженъ постичь всю высоту своего оригинала, передать ее, такъ сказать, создавая въ дру-гой разъ; если ему это удалось, копія его заслуживаетъ полное вниманіе, и еще тѣмъ болѣе, когда она замѣняетъ недоступ-ный намъ оригиналъ. Такия копии остаются еще для насъ дра-гоцѣнны тѣмъ, что оживляютъ въ памяти нашей когда-то видѣн-ныя нами оригинальныя произведенія, часто уже много пострадав-шія отъ всеразрушающаго времени, какъ, на примѣръ, это случилось съ знаменитой картиной Леонардо-да-Винчи — *Тайная Вечеря*. Такия высокаго достоинства копии находятся въ Императорской Акаде-міи Художествъ въ С. Петербургѣ, писанныя съ великихъ Италян-скихъ мастеровъ Гг. профессорами К. П. Брюкловымъ, Бруни, Бассе-номъ, Марковымъ, и другими: онѣ принадлежатъ теперь къ сокровищамъ Академіи, и, кромѣ наслажденія просвѣщенной публикѣ, доставляютъ еще истинную пользу молодымъ художникамъ. Посему понятно, что многіе художники за границею, кончивъ академическій курсъ, во не чувствуя въ себѣ дара творчества, и сознавая пользу копій, занимаютъ почти всю жизнь копированіемъ; по легкому сбыту сво-ихъ работъ, они пользуются всеми удобствами жизни, наслаждаясь притомъ изысканнымъ занятіемъ, истинно полезнымъ для общества.

Объ оригиналахъ галлерей Графа — нѣсколько словъ: истинное ху-дожественное произведеніе говоритъ само въ свою пользу. Въ картинныхъ галлерейхъ, какъ и въ библіотекахъ, хранятся ча-сто оригиналы, не принадлежащіе столько художеству, сколько археологіи: таковы Рафаэли въ Берлинскомъ Музеумѣ, таково и произведеніе Албрехта Дюрера въ галлерей Графа; оно пи-сано этими великимъ художникомъ, работавшимъ въ молодости подлѣ вліяніемъ и въ мастерской Михаэля Вольгемута, котора-го онъ далеко впоследствии превзошелъ. Въ оригинальной картинѣ должно обратить вниманіе, прежде всего, на нѣщо, которая вымыш-ляется иногда въ ней до высокаго идеала; но нѣщо, не выражаю-

иногда въ представленномъ предметѣ вѣдѣть, не можетъ быть названа художественною. Духовная сторона ея должна заключаться въ тѣсной связи съ видимымъ изображеніемъ, ибо въ живописи идея выражается ясно въ композиціи картины, которая есть примененіе духовной идеи къ изображаемому предмету. Когда мы вникли въ первоначальную идею, и поняли достоинство композиціи картины, тогда только можемъ окончательно перейти къ рассмотренію ея исполненія по части практической науки этого искусства. О господствующей идее въ картинѣ можетъ судить всякой просвѣщенный любитель. О примененіи идеи въ композиціи, въ известныхъ границахъ искусства, въ правѣ судить знатокъ-теоретикъ; но объ исполненіи этой идеи въ практическомъ смыслѣ способенъ судить одинъ художникъ, который необходимо долженъ быть посвященъ, какъ въ духовныя, такъ и въ техническія тайны всего искусства вообще. Но не зная на это, по вышеизложеннымъ причинамъ, не всегда удается и самому опытному художнику отличить вѣрную копию отъ оригинала. Все сказанное относится не къ тому, чтобъ мы сомнѣвались видѣть истинно-оригинальныя произведенія въ известной галлерей Графа Растопчина, потому что это собраніе достойно полного вниманія всякаго знатока: копии въ ней именно только тѣ, которыя отдѣльно поставлены въ маленькой залѣ галлерей. Но если даже мы и ошибемся въ двухъ или трехъ картинахъ изъ всей галлерей, то, указавъ на трудность совершеннаго знанія по этому предмету, надѣемся на снисхожденіе читателя.

Здѣсь не излишнимъ будетъ сказать кое-что о приобрѣтеніи большей части картинъ покойнымъ Графомъ Растопчинымъ. Его многосторонній и просвѣщенный умъ всѣмъ известенъ, и потому, кажется, довольно упомянуть, что имена живописцевъ отмѣчены собственноручно въ оставленномъ имъ каталогѣ; притомъ онъ приобрѣталъ картины отъ людей, которые въ своихъ галлерейхъ не могли довольствоваться копіями. Нельзя не упомянуть, что онъ владелъ тогда большими способами къ приобрѣтенію драгоценностей, когда въ Европѣ деньги повсюду были очень дороги. Для изученія картинъ галлерей, нынѣшній владѣлецъ ея, Графъ Андрей Федоровичъ, напечаталъ подробный каталогъ, содержащій даже краткія біографіи художниковъ, съ которыми весьма полезно познакомиться любителю, потому что не рѣдко картины художниковъ носятъ на себѣ отпечатокъ разныхъ періодовъ ихъ жизни. Такъ въ иное время мы видимъ въ художникѣ стремленіе къ случайному достиженію красоты рисунка; въ другое время композиція выра-

жаются инымъ направлѣніемъ духа; притомъ всемъ известно, что и замѣчательнѣйшіе люди своего времени также завскаются общимъ направлѣніемъ ихъ окружающихъ идей. Въ особенности колоритъ, какъ живѣйшая поэзія живописи, подвергался различнымъ измѣненіямъ; притомъ извѣстно, что художникъ и ученый совершенствуется до конца своихъ дней. Объясненіе всего здѣсь сказаннаго можно найти въ открытой нынѣ галлерей. Кто сравнитъ картины, писанныя Робертомъ съ прежнихъ эскизовъ его въ Парижѣ, съ тѣми картинами, которыя онъ начиналъ и оканчивалъ въ Римѣ и его окрестностяхъ, съ натурою, тотъ въ этомъ убѣдится. Къ послѣднему періоду живописи Роберта принадлежатъ болѣею частью картины, находящіяся въ галлерей Графа. Всемъ извѣстна разница между картинами славнаго Гвидо-Рени, писанными имъ по чистому вдохновенію, отъ картинъ, произведенныхъ въ періодъ разгульной жизни этого художника; послѣднія картины отличаются зеленоватостью тоновъ; онѣ писаны при тогдашнемъ неусовершенствованномъ ламповомъ освѣщеніи по ночамъ, хотя Гвидо-Рени, выражаясь технически, и проходилъ ихъ окончательно днемъ. Признавая трудность судить основательно о копіяхъ съ оригинальныхъ картинъ великихъ мастеровъ, мы ясно видимъ, какъ мало заслуживаютъ вниманія шнемые знатоки, болѣею частью продавцы и покупатели картинъ. Они сдѣлали себѣ репутацію тѣмъ, что смѣло, можно сказать безсовѣстно, рѣшаютъ самые важные вопросы, на которые отвѣчать было бы затруднительно самому опытному художнику. Странно и непонятно, какъ ихъ обветшавшія фразы, ловкое, но бессмысленное затверживаніе знаменитѣйшихъ именъ, годовъ рожденія и кончины художниковъ, перепутанныя съ значительными числомъ вымышленныхъ анекдотовъ, могутъ еще въ наше время завлекать умныхъ людей! Кто изъ насъ не слыхалъ отъ нихъ о страшной бѣдности Корреджіо, о неистовомъ характерѣ Микель-Анджело, о разбойничьей жизни Сальватора-Розы? Непонятно, какъ, при нынѣшнемъ изученіи исторіи искусствъ, они еще не избличены въ темномъ невѣдѣніи!

При открытіи галлерей Графа, вниманіе посетителей въ особенности сосредоточилось на картинѣ: «Взятіе Богоматери на небо», которую ошибочно приписываютъ инымъ кистямъ Гвидо-Рени. Нѣсколько словъ объ этой картинѣ.

Изъ картинъ, изображающихъ тотъ же сюжетъ, лучшею признана знатоками картина Гвидо Рени, находящаяся теперь въ Мюнхенской Галлерей. Въ XVII столѣтіи она была уже награждена

Бологнинецъ, позже Беттелининецъ Гессомъ, и, въ 1820 году, Шулеромъ. Упомянутая картина Гвидо пользуется большою известностью, какъ по превосходному исполненію высокой идеи въ богатой композиціи, такъ и по невыразимой граціи рисунка и гармоническому, теплomu колориту. Картина, находящаяся въ галлерей Граза, имѣетъ съ картиною Гвидо-Рени нѣкоторое сходство, если не по композиціи, то преимущественно по колориту; она писана лучшимъ и любимымъ ученикомъ Гвидо-Рени *Giovanni Giacometti* или *Sementi*, родившимся въ Болоньи въ 1580 году. Картина эта украшала некогда галерею кардинала Феша, и была впоследствии продана съ публичнаго торга; купившій ее продалъ нынѣшнему владѣльцу. Замѣчательнѣйшія работы этого же художника суть: изображеніе Св. Севастьяна, фрески въ Римѣ и пр.; картина обрученія Св. Екатерины, находящаяся въ Визнѣ, сохранилась болѣе другихъ работъ Сementи отъ разрушенія времени. Когда сравнишь между собою работы этого замѣчательнаго художника, нельзя не удивляться до какой степени онъ приблизился въ картинѣ: «Взятіе Богоматери на небо» къ своему великому учителю. Головы Апостоловъ, стоящихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, привлекательны прелестной свѣто-тѣнью, и показываютъ не только вліяніе, но, можетъ быть, и собственноручную поправку Гвидо-Рени. Картина Сementи поражаетъ величіемъ композиціи, глубокимъ этическимъ выраженіемъ лицъ Апостоловъ, полнымъ выраженіемъ идеи, и совершеннымъ исполненіемъ технической части, что въ особенности замѣтно не въ одномъ правильномъ рисункѣ, но и въ исполненіи—въ простыхъ и притомъ богатыхъ формахъ, какъ летящихъ, такъ и набросанныхъ складокъ платья. Въ особенности привлекаетъ тонкое знаніе воздушной перспективы, глубина постепеннаго отдаленія фигуръ, соединенная съ дивнымъ расположеніемъ широкихъ тѣней, и наконецъ бережливость главнаго свѣта, долженствующаго съ самаго начала обратить на себя вниманіе зрителей: всё это исполнено въ совершенствѣ.

Глубина въ картинѣ есть одно изъ превосходствъ живописи новаго времени предъ древнею. Со времени Леонордо-да-Винчи—въ Италіи и Альбрехта Дюрера—въ Германіи, не довольствуются одною линейною перспективою; постепенное углубленіе въ картинѣ выражается по неизмѣннымъ законамъ оптики уменьшеніемъ цвѣта и силы красокъ во всѣхъ ихъ переливахъ. Любители, желающіе болѣе ознакомиться съ теоріею красокъ и общими понятіями о воздушной перспективѣ, найдутъ далеко не сухое изложеніе, но истинно-поэтическое наслажденіе въ теоріи красокъ Гете. Чтеніе же практической книги

о живописи Леонарда-да-Винчи, и сочинение Рафаэля Монкса необходимо каждому, кто хочет изучить живопись практически, потому что в наше время, благодаря распространению просвещения в нашем отечестве, для художника становится необходимым соединить практическое изучение с благоразумною теоріею, которую находимъ не только въ разныхъ эстетикахъ, но даже нередко въ беллетрическихъ сочиненіяхъ разнаго рода.

Живопись въ Москвѣ, со времени основанія художественнаго класса, благодаря почтенныхъ членовъ общества, сдѣлала замѣчательные успѣхи, и число учениковъ значительно увеличилось. Императорская Академія Художествъ, которая всегда поощрала юные таланты, и въ нынѣшнемъ году удостоила многихъ учениковъ Художественнаго Класа лестными наградами. Теперь важно для насъ, — какое направление приметъ искусство? Передъ нами отыраться широкій путь; но вступающему на это высокое поприще изящнаго предстоитъ много искушеній, потому что нельзя не сознаться, что въ Европѣ господствуетъ нынѣ въ искусствахъ мелкій и почти ничтожный вкусъ. Музыкальныя композиціи оглушаютъ насъ звуками колокольчиковъ, бубенъ и Турецкихъ барабановъ; въ романахъ поражаютъ насъ неслыханные эффекты; живописцы роскошествуютъ красками, какъ Монте-Кристо деньгами, и все это названо: модными микомы! Кажется многие забыли, что художественное произведение не должно раздражать, но успокаивать нервы слуха и зрѣнія. Мы видимъ, что живопись, поражающая насъ на первый взглядъ, какъ блестящая иллюминація, оставляетъ потомъ несприятное впечатлѣніе. Это не дивный колоритъ Тиціана, Рубенса, Рембрандта, Клодъ-Лорена! — Хотя эти великіе люди проявили свои самобытныя идеи, однако въ ихъ произведеніяхъ болѣе изящной природы, которая при всемъ разнообразіи и великогипи своемъ сохраняетъ вѣчно чудную гармонию. Живопись не можетъ и не должна быть бессмысленнымъ украшеніемъ комнатъ, или драгоценною мебелью роскоши. Эта благородная отрасль чело-вѣческаго созданія не можетъ даже довольствоваться однимъ слѣпымъ подражаніемъ природы въ духѣ Батте, Зульцера и Лагарра. Тонкій знатокъ изящнаго, Густавъ Ваагенъ, выразился объ этомъ предметѣ въ лекціи, читанной въ Берлинѣ въ 1843 году, очевидно, ставя и ландшафтную живопись, какъ самобытное созданіе художника, гораздо выше, нежели какъ у насъ ее понимаютъ. То же самое утверждаетъ Шеллингъ въ сочиненіи «Объ отношеніи природы къ искусству». Все это однако касается только выраженія идеи художника въ самобытной его личности, образцомъ же

остается ему одна природа, от которой отступить ради моднаго шика есть непростительная погрѣшность. Какое высокое мѣсто занимает искусство у образованныхъ народовъ — подтверждаютъ еще слова Гегеля. Говоря о совершенствѣ ваянія въ Греціи, онъ прибавляетъ: «Греція еще не будетъ вполне познана въ своихъ поэтахъ, ораторахъ, историкахъ и философахъ, если изученіе идеаловъ скульптуры не будетъ служить средствомъ къ этому познанію». Если скульптура имѣла у древнихъ Грековъ такое высокое значеніе, то живопись, вошедшая какъ въ духовную такъ и въ гражданскую жизнь нашу, занимаетъ не менѣе важную степень среди насъ, потому что всѣмъ известно, какіе важные религіозные, историческіе и психологическіе предметы оживаютъ подъ кистию просвѣщеннаго и гениальнаго художника.

Хотя мы въ Москвѣ, какъ начинающе, не имѣемъ еще надлежащихъ силъ для исполненія высокихъ предметовъ въ живописи, по крайней мѣрѣ избѣгнемъ модныхъ шишковъ, и предметовъ, не достойныхъ высокаго искусства; выберемъ путь къ возвышенной цѣли, и тогда, исполняя иногда новизнѣнному обыкновенныя предметы, мы возвысимъ ихъ до эстетической художественности. Способы для изученія день ото дня расширяются; картинная галлерей Графа Растопчина открыта; Художественное Общество приобрѣло, кромѣ богатаго собранія слѣтковъ древнихъ статуй, еще нѣсколько превосходныхъ копій изъ Императорской Академіи Художествъ, изъ коихъ въ особенности замѣчательны: Рафаэля—Сикстинская Мадона, копированная профессоромъ Боссе, картина Тициана: «Взятіе Богоматери на небо,» и мног. др.

Заклучимъ . . . пріятною надеждою на счастливую будущность для изящной живописи въ Москвѣ, и, обращаясь къ молодымъ художникамъ, успѣвшимъ столь много въ краткое время, скажемъ, что способы и поощренія ее стороны любителей увеличиваются день-о-то-дня, и слова, начертанныя на медали Академіи, обращены къ каждому изъ нихъ: «*сильдуй, достигнешь!*»

. . . Намъ вѣдаясь извѣщать по временамъ о вновь появляющихся картинахъ въ Москвѣ, слѣдимъ обратить вниманіе любителей живописи на картину извѣстнаго художника *Г. Козро-Дуси*, выставленную на Тверской въ домъ Гурьева. Подробное объясненіе сюжета картины, взятаго изъ временъ гоненія христіанъ до Константина Великаго, находится у Г-на Фабро, показывающаго картину.

Первое впечатлѣніе, которое сдѣлало на насъ это прекрасное произведеніе, такъ пріятно, и вмѣстѣ такъ сильно, что мы не можемъ еще рѣшиться высказать заронившихся въ душу мыслей. *К. Рабусъ.*

Московский Университетъ торжествовалъ день своего основанія, 12 Января, такъ, какъ не торжествовался онъ никогда: къ нему присоединенъ былъ актъ, т. е. заключеніе учебнаго года. Нельзя не одобрить вполне этого соединенія. Неудобство здѣсь только одно: студенты, кончившіе курсъ ученія въ Мая, не могутъ дожидаться своихъ дипломовъ полгода, и следовательно будутъ разбѣзжаться во все стороны, на службу, или по домамъ, на родину, не участвуя въ актѣ. Но если учебный годъ будетъ оканчиваемъ Декабремъ, вмѣсто прежняго Мая, тогда и это неудобство отстранится, и самымъ приличнымъ днемъ для акта сдѣлается 12 Января—университетскій праздникъ во всехъ отношеніяхъ. Въ некоторыхъ университетахъ учебный годъ уже и теперь оканчивается Декабремъ, вмѣстѣ съ гражданскимъ.

Литургія была совершена высокопресвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ соборно. Присутствовавшіе имѣли удовольствіе увидѣть въ университетской церкви много предметовъ новыхъ и великолѣпныхъ: богатая риза алаго яркаго бархата, устроенная на иждивеніи правленія; новое напрестольное Евангеліе, въ излащенномъ окладѣ, приношеніе профессоровъ; образъ, написанный по усердію студентовъ. Знаменитый архипастырь, неутомимый въ проповѣданіи слова Божія, произнесъ поучительное слово. Предметомъ его было — совершенно-неожиданное сближеніе мученичества съ мудростію и просвѣщеніемъ, но мы опоздали говорить объ этой рѣчи, уже напечатанной сполна во всехъ нашихъ ведомостяхъ. Актъ происходилъ въ старой большой залѣ. Публики лѣтъ уже двадцать не было столь многочисленной. Все Московскія власти почтили Университетъ своимъ посвященіемъ. Ораторами были Гг. профессора Спасскій и Басовъ, принадлежащіе къ Московскимъ извѣстностямъ, каждый по своей части — Г. Спасскій, какъ метеорологъ, Г. Басовъ, какъ хирургъ. Мы замѣтимъ впрочемъ, что университетскія рѣчи, при перемѣнѣ отношеній науки къ публикѣ, и публики къ наукѣ, должны также подвергнуться перемѣнамъ. Содержаніе, и даже произношеніе ихъ, должны имѣть цѣлю привлечь вниманіе *слушающей* публики (не только читающей), и следовательно принять новый характеръ. Рѣчь Г. Спасскаго помѣщена нами сполна, а о рѣчи Г. Басова мы поговоримъ въ слѣдующій разъ. Въ ораторскомъ отношеніи пальма принадлежитъ Г. Шевыреву, который, сообщивъ отчетъ о состояніи Университета, произнесъ Европейски-благодарственную рѣчь къ посетителямъ. Праздникъ окончился роскошнымъ завтракомъ, въ коемъ принимали участіе посетители, профессоры, студенты, угощенные Г. посетителями.

Старый Университетъ имѣлъ въ этотъ день еще и другихъ гостей — отличныхъ воспитанниковъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, т. е. корпусовъ и гимназій. Это явленіе также новое и заслуживающее всякой хвалы. Всѣ учебныя заведенія находятся въ родственной связи съ Университетомъ, получая отъ него почти всѣхъ своихъ учителей.

20-го начались публичныя лекціи, о которыхъ послѣ мы скажемъ подробнѣе. Мысль прекрасная, и напрасно замѣчаютъ нѣкоторые, что въ три или четыре лекціи нельзя сообщить полныхъ свѣдѣній о чемъ бы то ни было. Все зависитъ отъ ораторовъ: изъ всякой науки можно выбрать предметы занимательные, общедоступные, и не требующіе продолжительнаго времени. Скажемъ только, что начало блистательно. Конецъ вѣрно будетъ еще блистательнѣе, къ наслажденію всѣхъ друзей науки.

21 Января Гг. студенты дали концертъ, которымъ публика остзлаея совершенно-довольна, познакомась съ нѣсколькими новыми талантами.

Физико-Медицинское Общество, учрежденіе котораго связано съ именемъ незабвеннаго Михайла Никитича Муравьева, имѣло 8 Января публичное засѣданіе, гдѣ, между прочимъ, секретарь Общества, А. И. Полунинь, читалъ рѣчь «объ отношеніи медицины къ естественнымъ наукамъ». Обративъ вниманіе на мнѣніе нѣкоторыхъ мыслителей, что общестороннія свѣдѣнія въ естествознаніи нужны только врачу-теоретику, что врачъ-практикъ можетъ безъ нихъ обойтись, онъ показалъ связь теоріи съ практикой, сказавъ, что теорія есть выводъ изъ практики, а практика основаніе теоріи, и что въ дѣйствіяхъ врача-практика, если онъ не знакомъ основательно, общесторонне, съ естественными науками, отчетливости предполагать нельзя, потому что и первая задача врачу при постелѣ больного — открыть измѣненія происшедшія въ организмѣ, дать имъ значеніе, показать ихъ взаимную зависимость и причины, ихъ произведшія; а какъ онъ объяснитъ измѣненія въ строеніи безъ основательнаго знанія анатоміи, измѣненія въ составѣ — безъ знанія химіи, измѣненія въ отравленіяхъ — безъ знанія физиологіи? Какъ будетъ онъ судить о дѣйствіяхъ окружающей природы на челоѣка — о вліяніи атмосферы, почвы, растений, животныхъ — незнакомый съ метеорологіею, геологіею, ботаникой, зоологіею? Не зная общихъ законовъ природы, онъ будетъ считать за таинственныя — явленія, подходящія подъ законы общіе. Вторая задача врачу, опредѣливъ болѣзнь, назначить соответствующее ей леченіе — поставить больного въ отношеніи къ природѣ, наиблагоприятнѣйшія для существованія большаго. Но какъ можетъ онъ это сдѣлать безъ обстоя-

тельнаго знакомства съ природой?—Потомъ Г. Получивъ перевелъ къ изложенію современнаго направленія патологіи, связи ея съ терапіею, и, обративъ вниманіе на успѣхи фармакологіи въ новое время, заключилъ свою рѣчь желаніемъ успѣха естественныхъ наукъ, которыя обращаютъ нынѣ на себя особое вниманіе ученыхъ, такъ, что даже въ Германіи, породившей такъ много отвлеченныхъ мыслителей, теперь умы болѣе направлены къ изученію природы путемъ опыта.

Другой молодой ученый, Д. Е. Минъ, читалъ рассужденіе, также очень примѣчательное, но вліяніе воздуха и извѣстныхъ другихъ дѣятелей природы на организмъ человека.»

Но что всего было интереснѣе въ вѣзданіи, это извѣстіе о чудесномъ открытіи хирургическаго искусства:

...Вѣрно никто изъ наслаждавшихся въ прошедшее лѣто прогулками въ Сокольниковѣхъ не думалъ и не гадалъ о возможности вдыхать безъвредный воздухъ Сокольниковой рощи посредствомъ серебряной трубочки, вставленной въ дыхательное горло. А среди почитателей ея нередко являлся человекъ, которому суждено было врачевать другихъ и сдѣлаться поразительнѣйшимъ примѣромъ великихъ успѣховъ врачебнаго искусства: это молодой врачъ, О. П. Ивановъ. Одержимый около трехъ лѣтъ болѣзью въ гортани и кашлемъ — признаками горловой чхотки, въ Мав 1849 года онъ подвергся столь сильному ожесточенію болѣзни, что по причинѣ чрезвычайно-затрудненнаго дыханія, смерть казалась неизбежною; и онъ навѣрно бы задохся, подобно многимъ другимъ, погибающимъ отъ той же болѣзни, если бы хирургическій ножъ не открылъ искусственнаго пути для прохожденія воздуха, не могшаго входить свободно чрезъ естественный путь — гортань, еслибы не сдѣлана была операція — *laryngotomia*, т. е. еслибы не было разрѣзаніе горло ниже того мѣста, гдѣ находилось препятствіе для вхожденія воздуха, и еслибы не была вставлена серебряная трубочка въ разрѣзъ. Разрѣзъ и трубочка открыли новый путь для воздуха, и спасли погибающаго отъ задушенія.

Въ Декабрѣ винушаго года Г. Ивановъ, какъ бы нарочно для увеличенія интереса столь важнаго случая, какъ его болѣзнь, прочищая трубочку изъ гутта-верчи, которую вставлялъ въ гортань, вынулъ серебряной, оторвалъ внутренний конецъ ея, попавшій тогда въ дыхательный каналъ и возбуждавшій столь сильный кашель и такое затрудненіе въ дыханіи, что жизнь больного казалась въ опасности; дѣло однакожъ кончилось благополучно, чрезъ нѣсколько дней, когда оторвавшійся конецъ трубочки, выдыхаемымъ воздухомъ,

привнесъ былъ къ искусственному отверстию гортани, и выглядывалъ въ него. Г. Ивановъ, бывшій, по совету В. А. Басова, наготовъ съ пицетомъ въ рукъ, схватилъ и вытащилъ его, и тѣмъ избавился отъ непріятнаго жильца въ дыхательномъ каналѣ.

Г. Ивановъ былъ представленъ собранію сдѣлавшимъ ему операцію профессоромъ хирургіи *Басовымъ*. Присутствовавшіе въ собраніи врачи и особенно не-врачи не мало удивились, увидѣвши передъ собою того, который, почти за два года предъ симъ, былъ подъ косою смерти, и который теперь спокойно снималъ галстукъ, чтобъ показать спасительное отверстіе съ вставленною въ него трубкою, и безъ признаковъ чахотки разговаривалъ съ окружающими. Приветствуя Москву съ успѣхами столь спасительной операціи, приветствуя хирургию съ такимъ блестящимъ доказательствомъ ея могущества, радуясь ея успѣхамъ вмѣстѣ съ Физико-Медицинскимъ Обществомъ, среди котораго явилось столь важное наличное доказательство, и гдѣ, слышно было, кромѣ Г. Иванова спасены въ 1849 году искусною рукою того же профессора отъ гибельныхъ послѣдствій той же болѣзни двое изъ больныхъ Московскаго Военнаго Госпиталя, мы надѣемся, что читатели наши прочтутъ съ особеннымъ участіемъ передаваемое нами извѣстіе.

И такъ, къ именамъ славныхъ Московскихъ, чисто-Русскихъ, хирурговъ: Мухина, Высоцкаго, Пикулина, Альфонскаго, Пирогова, (*) Иноземцева, присоединяется имя Басова. Хирургія особенно у насъ счастлива. Мы имѣемъ еще Кильдюшевскаго, Кудрявцева, Матюшенкова. Вспомнимъ съ благодарностію нѣсколько почтенныхъ именъ, если не чисто-Русскихъ, то совершенно уже обрусѣвшихъ и принадлежащихъ совершенно нашему отечеству: Гильдебрандта, Эвенюса, Поля, Овера...

Историческое общество имѣло 27 Января собраніе, замѣчательное разсужденіемъ своего предсѣдателя, А. Д. Черткова, «о древности поселенія Славянъ въ Европѣ,» въ коемъ онъ и послѣ Шафарика сказалъ много новаго и важнаго. Ожидаемъ окончанія его изслѣдованія.

Можемъ сообщить только вкратцѣ о примѣчательной панихидѣ по М. И. Крашенинниковъ (10 Января) въ Мѣщанскомъ У-

(*) Воспитаникъ Московскаго Университета.

чилицъ: умиленная, говорятъ, была минута, когда триста человекъ дѣтей упало на колѣни, и въ одинъ голосъ и воскликнуло: со Святыми упокой! Странно, что никому изъ членовъ не пришло въ голову сообщить куда-нибудь подробное описаніе этого утра — ни священнику, ни инспектору, ни учителю словесности!

Благородный спектакль въ пользу дѣтскихъ пріютовъ повторился въ Благородномъ Собраніи 14-го Января. Мы не успѣли сказать объ этомъ во второй книжкѣ, но обязаны здѣсь занести это событіе въ нашу летопись.

Въ литературныхъ кружкахъ Московскихъ, которыхъ у насъ чуть не сорокъ, толкуютъ о произведеніяхъ Петербургскихъ литераторовъ, и, между прочими, о «Сотрудникахъ» Графа Солмогуба и «Провинціалкѣ» И. С. Тургенева. Строгіе судьи вопіютъ ужасно противъ обоихъ, особенно противъ перваго: видятъ униженіе искусства, запоздалость, безсвязность, натянутость, подражательность Французскимъ фарсамъ, выдуманность, профанацию идей, и проч., и проч. Положимъ, что все или почти все правда, но вѣдь авторы вѣроятно и сами не придають много цѣны своимъ шуткамъ. Вы смѣтаете въ Французскихъ водевиляхъ, которые бывають еще безсвязнѣе и несбыточнѣе, — такъ не взыскивайте много и съ нашихъ пьесокъ, если онѣ васъ разсмѣшаютъ, а онѣ разсмѣшать навѣрное, бывъ сыграны хорошо — и представляя много случаевъ актерамъ показать свое искусство. Все-таки здѣсь есть что-нибудь Русское, все-таки напоминаетъ здѣсь что-нибудь о нашихъ явленіяхъ, все таки онѣ написаны хорошимъ языкомъ, и заключаютъ нѣсколько забавныхъ остротъ. По нашему гораздо лучше, чтобъ такіа оригинальныя пьесы замѣняли намъ переводы дюжинныхъ водевилей.

Еще двѣ Московскія новости, о которыхъ большая часть Москвичей, безъ сомнѣнія, знаетъ; это:

Манежъ Г. Гордта, въ домѣ Всеволодскаго, во Всеволодскомъ переулкѣ, между Пречистенкой и Стоженкой. Прекрасныя лошади, умѣренныя цѣны, удобство помѣщенія — все это вмѣстѣ дѣлаетъ новый манежъ такимъ заведеніемъ, котораго до сихъ поръ у насъ не было — не вогнѣвъ Г. Фрейтагу. По вторникамъ и субботамъ у Г. Гордта играетъ музыка, и общество бываетъ многочисленно. Когда-нибудь мы возвратимся къ нему.

Другая новость — Бапи Ломакина, на Садовой, близ церкви Св. Ермолая; мы говоримъ о такъ-называемыхъ пятирублевыхъ баняхъ, которыя устроены въ оригинальномъ павильонѣ, вѣроятно замѣченномъ не однимъ изъ Московскихъ жителей. Стоитъ, если кто не хочетъ воспользоваться, даже просто взглянуть на внутренность этихъ бань. Не только комфортъ, — но и роскошь въ цѣломъ: нѣтъ, конечно, опредѣленнаго вкуса, но большое спасибо Г. Ломакину и за то, что онъ сдѣлалъ. Его заведеніе очень хорошо, и куда лучшее въ Москвѣ.

Археологическія пріобрѣтенія. Моя сокровищница обогатилась многими примѣчательными вещами: привозааетъ въ Москву Французъ, Г. Сегвю, изъ Тулы, и даетъ знать, что у него продаются Русскія рѣдкости. Я попросилъ одного молодого антикварія взглянуть на нихъ предварительно, и узналъ, что есть вещи примѣчательныя. Отправляюсь къ нему, и вижу множество: образа, рукописи, старопечатныя книги, монеты, оружіе, и проч. Охотники приходятъ и торгуютъ: за каждую, выбираемую вещь хозяинъ спрашиваетъ цѣну огромную, и покупатели, разумется, отходятъ прочь, не соглашаясь. Я началъ торговать все безъ исключенія, и онъ уступилъ мнѣ гораздо дешевле, чтобъ не прожиться за мелочною продажей, которая могла бы продолжаться долго. Половина — хламъ, но въ половинѣ есть нумеровъ пять, существенно-необходимыхъ для монхъ собраній, и нумеровъ пятьдесятъ, нужныхъ для ихъ полноты, а именно:

Древній образъ Спасителя, Новгородскаго письма, нѣсколько не подправленный; Старый образъ Рождества Божіей Матери, съ старыми серебряными ободами; Отличный костяный образъ Зосимы и Савватія; Списокъ летописи, кажется, Софійской, очень хорошій; Прекрасная рукопись Алфавита; Такая же Пасхалія; Одинъ хорошій сборникъ; Два фоліанта рѣчей Димитрія Ростовскаго; Уложенія современный списокъ; Боярскій чеканъ, свкира, нѣсколько Шведскихъ штыковъ и сабель, съ Полтавскаго поля; Нѣсколько Русскихъ оружій, Петровыхъ временъ; Древняя шитая сорока, съ примѣчательными узорами; Два старыя куклы въ Русскихъ костюмахъ; Отличные костяные и деревянные портреты Екатерины II; Примѣчательная боярская печать; нѣсколько печатей не такъ старыхъ, колець, пуговиць; Диргемовъ Арабскихъ древнихъ шесть; Монетъ 30 древнихъ Нормандскихъ (Русскія монеты не примѣчательны); Множество мѣдныхъ образовъ и кре-

стовъ дѣтъ не древняго, но и не новаго; Форма каменная для дѣтъ крестовъ, (а у меня есть уже форма для просѣянныхъ печатей, доски деревянныя и мѣдныя для рисунковъ и оттисковъ, слѣд., все это кстати).

Откуда же достались все эти вещи Тульскому Французскому ресторану? Достались за долгъ послѣ какого-то чиновника, который во всю свою жизнь собиралъ всякія рѣдкости по охотѣ.

Еще драгоценность: я получилъ въ подарокъ отъ почтеннѣйшаго П. И. М. собственноручный реэстръ изобрѣтений знаменитаго Кулибина, который я напечатаю, а можетъ быть приложу и его портретъ, разительно-сходный, доставленный Г. Патериковымъ. *М. П.*

ФОНТАНА

РАСКАЗЪ.

Была весна 1585 года. Римъ носилъ трауръ по Григоріѣ XIII, томъ самомъ папѣ, который преобразовалъ Юлианскій календарь, и о которомъ говоритъ Монтэнъ въ своемъ *Voyage transalpin*.

Началось избраніе новаго папы. Выборъ конклава неожиданно палъ на кардинала Монтальто.

Дивна была участь этого чловѣка: изъ простыхъ пастуховъ возвысился онъ до престола Св. Петра, такъ же счастливо, какъ знаменитый Гильдебрандтъ, котораго и геній и жестокою политику суждено было ему воскресить.

Какъ изумились, какъ перепутались избравшіе его кардиналы, когда слабый, больной, едва дышавшій старикъ, мгновенно преобразился въ бодрого, здороваго, самовластнаго повелителя.

Извѣстие, что папа этотъ былъ Сикстъ V.

Съ неутомимой дѣятельностью принялся онъ исправлять безчисленныя ошибки и невзвѣртныя упущенія своего неспособнаго, изнѣженнаго предшественника. Нужна была вся сила духа, вся непоколебимость воли Сикста, чтобы привести къ желанному концу такое трудное дѣло. Римъ, въ полномъ смыслѣ слова, былъ притономъ разбойниковъ; съ каждымъ днемъ ихъ становилось больше и больше: законы стали совершенно безсильны, потому что разбойникамъ покровительствовала аристократія, которая часто нуждалась въ нихъ.

Подобные безпорядки не могли продолжаться при такомъ чловѣкѣ, каковъ былъ Сикстъ V. Онъ вооружился непреклонной строгостью, и казнилъ преступленіе, не обращая вниманія ни на званіе, ни на связи виновнаго. Послѣ нѣсколькихъ ужасныхъ примѣровъ его безопасности, злодеи увидѣли въ немъ неотразимый бичъ свой, и спокойствіе возстановилось въ городѣ, гдѣ грабежи и убійства совершались до той поры съ неслыханной безнаказанностью.

Разъ вечеромъ, когда папа занимался въ своемъ кабинетѣ и при немъ былъ одинъ только старый Джироламо, его дворецкій,

или, вѣрнѣе, другъ, слышался сильный шумъ. Раздавались угрожающіе голоса и звуки оружія. Въ кабинетъ вбѣжалъ прелатъ, съ испуганнымъ видомъ, и сказалъ:

— Святой отецъ! Графъ Ранучіо Салембрини, сопровождая во дворецъ Феррарскаго посланника, встрѣтился въ галлерей съ архитекторомъ Фонтана: они поссорились, и обнажили шпаги, но стража развела ихъ.

— Неужели?—вскричалъ Сикстъ въ сильномъ гнѣвѣ — можетъ ли быть, чтобы въ мое царствованіе папскій дворецъ осквернился поединками и кровопролитіемъ? Я примѣрно накажу виновныхъ; привести ихъ!

Ранучіо и Фонтана вошли въ сопровожденіи овицера; Фонтана былъ съ подвязанной рукой.

— Безумные! — строго закричалъ на нихъ папа — вы святотатцы, вы нарушили неприкосновенность моего.... дворца. Вы должны умереть.... За что вы поссорились? Говорите вы сначала, Графъ Ранучіо!....

— Я шелъ по галлерей — отвѣчалъ почти хладнокровно графъ, — какъ вдругъ этотъ негодяй бросился на меня, наговорилъ дерзостей за какіе-то пустяки, и принудилъ взяться за шпагу для личной моей защиты.

— За какіе-то пустяки! — вскричалъ Фонтана, который уже не въ состояніи былъ удерживать долѣе свое негодованіе — а давно ли, сіятельнѣйшій Графъ, похищеніе и убійства сдѣлались пустяками?

— Продолжайте, продолжайте, — сказалъ святой отецъ такимъ голосомъ, котораго наружное спокойствіе мертвило душу — теперь ваша очередь, синьоръ Фонтана.

— Вчера вечеромъ — началъ архитекторъ — я проходилъ съ моей невѣстой мимо пирамиды Цестіуса, какъ вдругъ напали на насъ три неизвѣстныхъ человека, и старались отбить ее отъ меня. Я защищался, что сдѣлалъ бы и всякій честный человекъ на моемъ мѣствѣ, и былъ раненъ въ руку; шумъ привлекъ къ намъ проходившихъ; одного изъ противниковъ моихъ схватили, и открылось, что онъ слуга Графа Ранучіо. Сегодня утромъ я шелъ просить о правосудіи ваше святѣйшество, и встрѣтилъ самого Графа, который насмѣшливо посмотрѣлъ на меня. Остальное вамъ извѣстно....

— Смерть вамъ, Графъ! — вскричалъ разгнѣванный Сикстъ — смерть вамъ, недостойно оскорбившему общественную нравственность;

преступленіе ваше будетъ наказано, Графъ Салембрини. Я васъ предаю суду: идите!

Графъ вышелъ съ поникнутой головой, въ сопровожденіи двухъ кардиналовъ. Фонтана съ почтительной твердостью ожидалъ рѣшенія святаго отца. Послѣ минутнаго молчанія, Сикстъ сказалъ: — Молодой человекъ, вы нанесли важное оскорбленіе папскому величію; я могу помиловать васъ только на одномъ условіи: сдѣлайте что-нибудь такое по части вашего искусства, что бы загладило преступокъ вашъ, и обезсмертило ваше имя....

— Что угодно вамъ приказать мнѣ? — съ воодушевленіемъ спросилъ художникъ — я чувствую себя способнымъ выполнить все, что только доступно зодчему.

— Вы очень смѣлы, молодой человекъ — возразилъ Сикстъ: — знаете ли вы обелискъ, украшавшій некогда циркъ Нерона?

— Знаю; онъ недавно еще былъ заваленъ мусоромъ; я велѣлъ очистить его, и вымерилъ; онъ вѣситъ по крайней мѣрѣ десять тысячъ центнеровъ.

— Какъ вы думаете, можно будетъ поднять его и перенести?

— Можетъ быть — отвѣчалъ молодой человекъ, послѣ нѣкотораго размышленія.

— И такъ, — сказалъ Сикстъ — ступайте; примите свои мѣры, поднимите обелискъ; его надобно перенести на главную площадь, и противъ церкви Св. Петра поставить на пьедесталъ въ 24 фута вышиною. Если вамъ это удастся, я васъ прощаю, и сверхъ того вознагражу достойнымъ образомъ; въ противномъ случаѣ — вы погибли.

— Вы не откажете мнѣ ни въ какихъ средствахъ, необходимыхъ для этого предпріятія? — спросилъ Фонтана.

— Ни въ чемъ не будетъ недостатка, — отвѣчалъ папа.

Зодчій сталъ на колѣни, и съ жаромъ воскликнулъ:

— Я погибну, или подниму обелискъ. Понимаю васъ, святой отецъ: вамъ нельзя меня помиловать, не оскорбивъ собственного достоинства, но вы наказываете меня сообразно съ величиною души вашей, и я надѣюсь, что это наказаніе обезсмертитъ мое имя. Теперь мнѣ остается только испросить у васъ благословенія.

— Вы получите его, но не теперь, — отвѣчалъ папа, видимо тронутый — ступайте, приготовляйтесь.

Зодчій склонился, поцѣловалъ туфлю наѣвѣтника Св. Петра, и ушелъ.

Черезъ нѣсколько дней, древній циркъ Нерона былъ покрытъ множествомъ рабочихъ. Огромный обелискъ лежалъ еще на

прежнемъ мѣствѣ, но обведенный уже такимъ количествомъ желѣзныхъ обручей, что они до 40,000 фунтовъ увеличивали тяжесть его. На площади Св. Петра дѣлались такія громадныя приготовленія, что хотя Римляне имѣли полную довѣренность къ искусству Фонтаны, но все-таки сомнѣвались въ успѣшномъ окончаніи его предпріятія.

Площадь, загроможденная подмостками, казалась лѣсомъ; всюду видны были брусья, рычаги, подъемныя и другія машины; а сколько еще тянулось возовъ съ бревнами, желѣзомъ, канатами и цѣплями! Посреди всей этой суматохи былъ замѣтенъ одинъ человекъ, которому почтительно кланялись рабочіе, и который, съ портфелемъ въ рукахъ, внимательно и молчаливо наблюдалъ за ходомъ работъ. Это былъ Фонтана.

Прошло нѣсколько недѣль, и уже приближался срокъ, назначенный для перенесеніяobeliska. Нужно было не меньше 800 человекъ и 70-ти лошадей, чтобы довести его до мѣдестада.

Наконецъ, великій день наступилъ. Съ солнечнаго восхода крыши и окна домовъ, окружавшихъ площадь, были усеяны зрителями. На подмосткахъ, устроенныхъ для аристократовъ, могли помѣститься только триста человекъ. Рабочіе ждали условнаго знака, лошади были впряжены, и огромныя канаты обвивалиobeliskъ.

Мертвое молчаніе царствовало во всей этой толпѣ. Взоры всѣхъ уныло обращались въ одну сторону площади, гдѣ возвышался эшафотъ и стоялъ палачъ съ топоромъ въ рукѣ.

Начальникъ сборовъ провозгласилъ, что святой отецъ повелеваетъ всѣмъ хранить самое благоговѣнное молчаніе послѣ того какъ на Капитоліѣ ударятъ въ колоколь.

Зрѣлища такого рода нравились Сиксту. Незадолго до этого, онъ, сидя за обѣдомъ, приказалъ повѣсить передъ окнами своей комнаты одного Испанскаго дворянина, обвиненнаго въ смертоубійствѣ, и очень веселъ всталъ изъ-за стола, утверждая, что никогда не случалось ему обѣдать съ такимъ аппетитомъ.

Фонтана уже около двухъ часовъ былъ въ Ватиканѣ, куда пошелъ за благословеніемъ папы. Наконецъ онъ показался на балконѣ, выходящемъ на площадь. Онъ несъ красное знамя, одежда его была вся черная, лицо спокойно, но блѣдно... Взглянувъ наobeliskъ, онъ потрясъ свое знамя, и въ это самое мгновеніе раздался густой, полный и чистый звонъ большаго колокола; всѣ преклонили головы съ глубокимъ благоговѣніемъ.

Въ эту минуту, молодая дѣвушка пробилась сквозь толпу народа; ея печальные и безпокойные взоры встрѣтились со взо-

рами Фонтаны, который однимъ движеніемъ руки успокоилъ ее. Это была его невеста — прекрасная Антонія.

Знамя снова заколебалось. Снова зазвучалъ колоколъ, и прежняя величественная картина замѣнилась другою. Все пришло въ движеніе, и рабочіе, и лошади, и машины. При новомъ ударѣ въ колоколъ, все затихло. Обелискъ былъ уже приподнятъ на нѣсколько футовъ. Архитекторъ посмотрѣлъ на него со вниманіемъ, взобрался по веревочнымъ лѣстницамъ, чтобы убѣдиться въ прочности канатовъ и блоковъ, и сошелъ съ довольнымъ видомъ.

Антонія со вздохомъ посмотрѣла на него, и опустила покрывало, чтобы скрыть отъ толпы свое волненіе.

Все было въ порядкѣ... Фонтана опять покачалъ знаменемъ, опять раздался звукъ колокола: работа вновь закипѣла, и обелискъ подвигался еще выше. Тѣ же сигналы повторялись сорокъ разъ сряду. Все шло прежнимъ порядкомъ. Обелискъ почти стоялъ стоймя; оставалось только помѣстить его на пьедесталъ. Безпокойство снова овладѣло зрителями; но какъ обрадовались они когда и послѣднее затрудненіе миновалось. Обелискъ величественно поднимался съ земли, какъ нельзя болѣе удачно.

Колоколъ прозвучалъ въ пятидесятый разъ; громадная масса достигла верхняго края пьедестала; нужно было еще приподнять обелискъ надъ подножіемъ и ровно опустить на него...

Еще послышался звонъ, и колоссъ висѣлъ уже въ воздухѣ болѣе чѣмъ на 24 фута надъ землею... Антонія осмѣлилась взглянуть на своего друга, и невыразима была ея радостъ, когда она замѣтила, что лицо его сіяло надеждой; но едва предалась она самымъ сладкимъ мечтамъ, вдругъ смертельный ужасъ овладѣлъ ею: она видитъ, что ея милый поблѣднѣлъ и уронилъ знамя изъ задрожавшихъ рукъ. Въ себя, съ рыданіемъ бросилась она въ его объятія. Эта трогательная сцена произвела грустное впечатлѣніе на зрителей: всякій въ глубинѣ души своей проклиналъ непреклонность Сикста...

Старый плотникъ, стоявшій подлѣ архитектора, шепнулъ ему:

— Сивѣоръ! Я понимаю въ чемъ дѣло; веревки ослабѣваютъ, вы боитесь, что онъ лопнуть — и тогда все погибнетъ. Послушайте меня; за соборомъ приготовлена для васъ лошадь: бѣгите! спасайте свою жизнь!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Фонтана дрожащимъ голосомъ — я далъ слово, и не измѣню ему; останусь ждать смерти.

Какъ изобразить отчаяніе Антоніи! женихъ ея былъ тутъ, подлѣ нея, съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ; онъ дрожалъ,

кольна его подгибались, а тамъ, противъ него, стоялъ грозный исполнитель своей страшной обязанности, который скоро долженъ былъ прекратить это невыносимое томленіе. Обезумѣвшая, иступленная и не зная чѣмъ возстановить ослабшія силы друга, она почти безсознательно вскрикнула: — Воды! воды!...

Въ эту минуту внезапное вдохновеніе, какая-то дивная сила, возвратили зодчему всю его энергію. Онъ приподнял голову, и звучнымъ голосомъ громко закричалъ:

— Воды! несите воды! поливайте веревки!...

Антонія и старый плотникъ остолбѣли отъ изумленія. Приказаніе это поспѣшили исполнить: явились бочки съ водой; рабочіе съ кувшинами въ рукахъ взобрались по веревочнымъ лѣстницамъ, и поливали канаты. Фонтана совершенно вошелъ въ себя. Онъ поспѣвалъ повсюду, и распоряжался съ тѣмъ спокойствіемъ и присутствіемъ духа, которыя въ рѣшительную минуту отличаютъ человека съ возвышенной душою. Въ послѣдній разъ знамя заколебалось въ его рукѣ; онъ взглянулъ на свою Антонію... прозвучалъ колоколъ, и вслѣдъ за тѣмъ обелнокъ величаво опустился на пьедесталъ.

Зодчій съ минуту стоялъ какъ оглушенный, и не могъ вымолвить ни одного слова.

Антонія, упоенная радостью, упала на колѣни, поднимъ руки къ небу....

Старый плотникъ, вѣв себя отъ восхищенія, схватилъ знамя, и привязалъ его къ веревкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, красный флагъ, какъ огненный метеоръ, волновался на вершинѣ обелиска.

Въ то же время колоколъ Капитолія соединилъ свой голосъ съ гуломъ колоколовъ другихъ церквей.

Народъ былъ не въ состояніи удерживать долге свой восторгъ. Тысячи голосовъ кричали: — Да здравствуетъ Фонтана! Да здравствуетъ маэстро!

Посреди кликовъ всеобщей радости, въ народѣ пробѣжали слова: «папа, папа Сикстъ V.» — Взоры всѣхъ обратились къ бадкону собора....

— На колѣни! — шумѣла толпа.

Сикстъ V появился на бадконѣ въ тиарѣ и во всемъ блескѣ папскаго величія.... Онъ простеръ руки надъ склонившимся передъ нимъ народомъ, и благословилъ его. Въ эту торжественную минуту артиллерія кривости Св. Ангела сдѣлала зашъ изъ пушекъ.

Когда все кончилось, послышался голосъ изъ толпы: — Въ Ватиканъ! Понесите его въ Ватиканъ!

Восторженный народъ послѣдовалъ этому совету, и изѣстро, не смотря на свое сопротивление, былъ отнесенъ на рукахъ къ самому дворцу.

Фонтана, войдя въ покой папы, бросился къ ногамъ его. Но Сикстъ благосклонно поднялъ его, протянулъ ему руку, и сказалъ: — Вы достойно исполнили то, за что взяли; я хочу достойно и вознаградить васъ! Съ этого дня вы Римскій кавалеръ, и будете получать тысячу дукатовъ пансіона отъ казны, я доставлю вамъ также возможность съ пользою употребить ваши дарованія.

Фонтана склонился, и вышелъ отъ святаго отца въ такомъ состояніи духа, которое легче чувствовать, нежели изобразить....

Черезъ недѣлю онъ сдѣлался мужемъ Антоніи. Продолжительное счастье вознаградилъ его за страшное испытаніе, которое онъ вытерпѣлъ.

ЖИЛОЧК.

Императоръ Сулукъ устроилъ хоръ музыки для своей капеллы, дворца и публичныхъ торжествъ. Управление этой музыки будетъ поручено одному Французу, отличному ученику Консерваторіи и Г. Галеви, теперь уже занимающемуся строгимъ выборомъ артистовъ и всеми распоряженіями къ скорому исполненію желанія Сулука. — Кромѣ этого, странныя вѣсти доходятъ до насъ изъ Ганги: мы читали, между прочимъ, характеристику двухъ тамошнихъ журналовъ и главныхъ лицъ (по-Европейски редакторовъ), ими управляющихъ. Напримѣръ, въ одномъ журналѣ два управляющихъ, и летописецъ опредѣляетъ ихъ такъ: «они оба люди чрезвычайно-достойные и умные, но всего замѣчательнѣе ни съ чѣмъ не сообразныя маніи, которыми они одержимы. Одинъ безъ памяти приверженъ къ особаго рода курткамъ и цвѣтнымъ галстукамъ: эта несчастная страсть доходитъ у него до того, что съ каждымъ новымъ подписчикомъ онъ покупаетъ себѣ новую куртку и галстухъ; другой, его товарищъ, не можетъ выйти за ворота безъ бутылки макона, и, какъ только новый подписчикъ, покупаетъ бутылку макона. 19 Декабря н. с. въ журналѣ, о которомъ идетъ рѣчь, было 119 подписчиковъ, и поэтому въ общей квартирѣ двухъ управляющихъ было на лицо: 119 куртокъ, 119 галстуконъ и 119 пустыхъ бутылокъ.» (Въ Ганги онъ вымѣниваются на статьи — тоже странный обычай!)

Нѣтъ, вѣроятно, оркестра разнообразнѣе и пестрѣе оркестра Большой Оперы въ Нью-Йоркѣ: одинъ Нѣмецкій журналъ утверждаетъ будто бы въ немъ 71 Бѣгемець и Чехъ, 12 Нѣмцевъ, 9 Французовъ, 8 Англичанъ, 7 Итальянцевъ, 4 Испанца, 2 Венгерца, 1 Полякъ, 1 Португалець и 1 Африканскій Негръ, который играетъ на Турецкомъ барабанѣ. Американца нѣтъ ни одного.

Рыбные торговцы Гента подали въ общинный совѣтъ города прошеніе, въ которомъ требуютъ пересмотра постановленія 9 Апрѣля 1818 г. о продажѣ рыбы. Изъ 16 подписей этого прошенія 12 подписаны фамиліею Ванло. Не удивительно, что, родственники между собою, Гентскіе рыбаки ищутъ монополіи въ своемъ ремеслѣ. — Одинъ Брюссельскій листокъ впрочемъ очень серьезно доказываетъ, что 12 Ванло вовсе не родня между собою.

Съ нѣкотораго времени подозрѣвали, что на границѣ Франціи контрабандисты провозятъ товары въ свеклѣ. Недавно на Валаксийской дорогѣ цѣлый транспортъ такой свеклы былъ остановленъ жандармами уже въ 4-хъ лѣ отъ границы. Въ немъ заключалось 2,000 фунтовъ иностраннаго табака и болѣе 2,000 гавайскихъ сигаръ. Чиновники, когда провѣхали транспортъ, утверждали, что слышали табачный запахъ, и только на этомъ основаніи была отправлена погоня. Это дѣлаетъ честь обонянію таможенной стражи.

Въ Гаврѣ устроены башенные ночные часы совершенно-новаго вида: циферблатъ чернѣйшій, а цифры и стрѣлки, замѣненные га совыми рожками, удивительно блестятъ и видны издали.

Въ Дублинѣ умеръ нѣкто мистеръ Макинтошъ, прославившійся тѣмъ, что Паганини всегда покупалъ у него струны для своей скрипки. Макинтошъ, по своему ремеслу, былъ скрипичный мастеръ, и продавалъ свои инструменты отъ 10 до 30 фунтовъ стерлинговъ за каждый. Но честолюбіе сгубило Макинтоша, достаточно уже разбогатѣвшаго: ему вздумалось отыскивать вѣчное движеніе, вслѣдствіе чего онъ провелъ 11 лѣтъ въ безусловномъ уединеніи, умеръ, понимается, не въ полномъ умѣ, голодный и на соломѣ.

Въ *Messenger de Gant* отъ первыхъ чиселъ нынѣшняго года пишутъ: «На дняхъ прошелъ черезъ нашъ городъ пароходъ съ архимедовымъ винтомъ «Бельгія», построенный для Невы Общест-

вогъ-Кокриль. Онъ отправляется въ Антверпенъ, и идетъ изъ Остенде, гдѣ уже шесть мѣсяцевъ производились опыты новой системы подводной механики, изобрѣтенной Гг. Гендриксами и Саломомъ. Опыты все оказались чрезвычайно-удовлетворительны.

Мало ли было толковано въ дни оны объ освобожденіи Негровъ, мало ли говорятъ и теперь еще о томъ, что эта унижительная для человѣческаго достоинства промышленность и понынѣ кое-гдѣ не прекратилась?... Въ Парижѣ издавна есть обычай, врядъ ли чѣмъ лучшей торговли Неграми. Есть не мало спекуляторовъ, которые частію скупаютъ отъ родителей, частію просто воруютъ малолѣтныхъ Савояровъ и Овернецевъ, и потомъ обращаютъ ихъ въ свою пользу къ разнымъ промысламъ (болѣе всего изъ нихъ трубочистовъ). Отношенія хозяевъ къ этимъ несчастнымъ ничуть не легче отношеній прежнихъ колонистовъ къ Неграмъ. — Но въ концѣ прошлаго года, известный префектъ Парижской полиціи, Карлье, разослалъ ко всемъ мэрамъ строгій циркуляръ, въ которомъ предписываетъ блюсти за обращеніемъ хозяевъ съ Савоярами и Оверницами, и грозить строгимъ наказаніемъ тѣмъ изъ нихъ, которые бы осмѣлились употребить во зло свою власть.

Въ день новаго года офицеры 7-го Французскаго кирасирскаго полка дѣлали въ Валансьенѣ визиты верхомъ: впереди вѣхалъ адъютантъ и докладывалъ о прибывшихъ.

Парижская Національная Библіотека должна въ скоромъ времени обогатиться новымъ автографомъ, подлинность котораго несомнѣнна. Этотъ автографъ — неизвѣстная доселѣ ода автора Метромани — *Признанія моея подушки*. Ода вся написана рукою автора, украшена его подписомъ и числомъ, въ которое была написана, съ эпиграфомъ: «сдѣлать извѣстнымъ не ранѣе, какъ чрезъ сто лѣтъ послѣ моея смерти.» Первые стихи этого автографа, привезеннаго во Францію, следующие:

En dépit de l'Academie,
Des Jésuites et des cagots.

Никогда въ Парижѣ, да и врядъ ли въ цѣломъ свѣтѣ, не бываетъ такой расхотѣ на шоколадъ, какъ въ день новаго года. Богъ знаетъ ужъ почему, но нѣтъ презента болѣе популярнаго, какъ шоколадъ: Долла-Монтесъ въ нынѣшнемъ году получила 27 коробокъ шоколада, и весьма основательно считаетъ себя оскорбленною, а кре-

дять свой упавшимъ. Есть дамы, которыя получили до 200 коробокъ шоколада и болве—и какихъ видовъ, какихъ формъ, какихъ фигуръ не принимаетъ шоколадъ къ новому году: вы можете имѣть шоколадныхъ Беррье, Ледрю-Роллена, Шангарнье, Президента, Монталанбера, Г-жу Зонтагъ, Г-жу Мадленъ Броанъ, Г-жу Рапель, и мало ли кого еще.

Какихъ чудесъ не бываетъ на блломъ свѣтѣ, до какихъ цѣлей не достигала хитрость ума человѣческаго!... Но въ сторону всѣ прелюдіи: читайте и благоговѣйте! Это—извѣстіе изъ Миргорода: «Въ здѣшнемъ Повѣтовомъ Судѣ служилъ нѣкогда одинъ достойный отецъ семейства (имени сказать не можемъ), который между прочими занятіями, въ свободное отъ дѣлъ время любилъ предаваться птицеводству въ обширномъ значеніи этого слова. Любимыя изъ всѣхъ его птицъ были канарейки. По кончинѣ покойнаго, одна изъ сихъ, воспитанныхъ имъ, канареекъ досталась его сыну: ей теперь 17 лѣтъ 3 мѣсяца, но она все еще поетъ очень пріятно, а что главное—до того ручна, что когда хозяинъ ея пишеть, она садится на конецъ его пера, смотритъ внимательно на бумагу, и вскаій разъ, когда онъ ставитъ букву ъ не на мѣстѣ, (что въ Миргородѣ бываетъ со многими) дергаетъ его за конецъ пера!»

Извѣстіямъ и новостямъ къ Лондонской выставкѣ нѣтъ конца. Загляните въ любой листокъ иностранной газеты — что-нибудь да ужъ найдете. Мы расскажем вамъ только объ одномъ. Сдѣланъ автоматъ изъ гутта-перчи: пить, ѣсть, курить — не говорить, разумѣется, но стоитъ что-нибудь спросить при немъ, онъ тотчасъ же подхватываетъ по-Испански: «миѣ тоже.» Автоматъ мѣнье средняго роста, одѣтъ изысканно, хотя не совсемъ по послѣдней модѣ; въ глазу морветь. Онъ даже танцуетъ, и только тогда можно замѣтить въ немъ что то мертвенное. — Изобрѣтатель его досель неизвѣстенъ. Носятся слухи, будто бы онъ скрывается съ намѣреніемъ, совѣстясь за какой-то недостатокъ въ своемъ произведеніи.

Извѣстный уже читателямъ нашимъ своею щедростію и любезностію Непальскій посолъ, Юнгъ-Багадуръ старшій, отправилъ было прекрасной Черитто великолѣпнаго попугая, который говорилъ, если вѣрить одному Французскому журналу, на четырехъ языкахъ. Подарокъ, по несчастію, не достигъ своей цѣли. По неосторожности адъютанта Юнгъ-Багадура, которому онъ былъ ве-

рученъ, онъ съѣлъ двѣ горькія миндалины, и умеръ, проговоривъ при послѣднемъ издыханіи: «трубку!»

Въ одномъ изъ послѣднихъ Бельгійскихъ постановленій изображено: «парикмахеровъ и цирюльниковъ, занимающихся только бритьемъ, стрижкою и завивкою волосъ, не считать кушцами»

Журнальныя замѣтки.

Петербургскимъ журналамъ непріятна, кажется, всякая примѣчательная статья Москвитянина. Они упоминаютъ о такихъ статьяхъ по самой крайней необходимости, и, гдѣ только есть случай, поводъ ослабить ея дѣйствіе, разумется хватаются за него, сколько бы ни страдала истина. Напр., Отечественныя Записки, обозрѣвая примѣчательныя произведенія прошлаго года, печатаютъ: «Г. Островскій написалъ комедію: «Свои люди — сочтемся!» Другое произведеніе того же автора: «Утро молодого человека,» было помѣщено въ Москвитянинъ.»—Да первое-то, комедія, гдѣ была помѣщена? Развѣ не въ Москвитянинъ? — Особо она даже и не печаталась, а напечатана наборомъ журнала, что видно и по формату и по страницамъ.

Въ Москвитянинъ обращено вниманіе на книжку давно вышедшую: «Обозрѣніе Латинскихъ словарей Г. Апаньева.»—Отечественныя Записки, узнавъ о ней изъ нашей рецензіи, восхваляютъ ее, но молчатъ о томъ, кому онъ обязаны своимъ свѣдѣніемъ.

Такъ точно и Библиотека для Чтенія говоритъ: «переводы— Г. Мея, Слова о полку Игоревъ и Бульверовыхъ Какстоновъ вышли въ Москвѣ»...!!

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ слѣдующей книгѣ Москвитянина начинаемъ печатать новый большой романъ А. Э. Писемскаго, извѣстнаго читателямъ первою своею повѣстію «Тюфякъ», помѣщенною въ прошломъ году. Новый романъ имѣетъ заглавіе: «Сергій Петровичъ Хазаровъ и Мари Ступицына, бракъ по страсти.»

URBAIN, LIBRAIRE,

Commissionnaire de l'Université de Moscou.

NOUVEAUTÉS EN VENTE.

GALERIE NATIONALE de tableaux des grands maîtres, qui se trouvent en Angleterre, 2 vol. 4- ^o rel. 30 rb.; avec le port.	32 rb.
KARR, Voyage autour de mon jardin, édition magnifique ornée de gravures coloriées 10 rb.; avec port.	11 rb.
SANDEAU, Sacs et parchemins 2 vol. 18- ^o 1 70; avec port.	2 —
CARTE DU CHEMIN DE FER de Pétersbourg à Moscou 1 f lle 1 50; avec port.	2 —
UN MILLION D'ÉNIGMES, charades et logogriphe, —1 rb.; avec port.	1 30
P. DE KOCK, Une gaillarde 5 vol. 2 50; avec port.	3 —
DUMAS, La tulipe noire 2 vol. 1 70; avec port.	2 —
GARNIER, Economie politique 1 vol. 1 25; avec port.	1 60
LAMARTINE, Geneviève 3 vol. 1 20; avec port.	1 50
ALBUM des chemins de fer 1 vol. 2 50; avec port.	3 —
JARDINIER pratique, ou traité des plantes utiles, par Hocquart 1 50; avec le port.	1 80

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

МОСКОВСКІЯ.

ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЬ. (*)

Московскую публику привлекаютъ теперь исключительно балеты, и несмотря на значительное возвышеніе цѣнь, Большой Театръ наполненъ зрителями всякой разѣ, когда танцуетъ знаменитая и истинно — прелестная Фанни Эльслеръ. Должно помнить, что срокъ заключенному съ нею условію приближается къ концу. Иной теперь скупится, а черезъ два мѣсяца заплатилъ бы охотно за креслы то, что стоитъ теперь ложа въ бель-этажѣ, лишь бы еще насладиться тѣмъ совершенствомъ, до котораго не достигала еще ни одна танцовщица; но прелестной Эльслеръ не будетъ уже тогда съ нами. Не одна наша древняя столица, вся Европа лишится вскорѣ удовольствія восхищаться необыкновеннымъ ея талантомъ. Приговоръ произнесемъ. Она обѣщала, что въ Москвѣ копчить свое театральное поприще, за исключеніемъ некоторыхъ прощальныхъ представлений, которыя намѣревается она дать въ Вѣнѣ, гдѣ въ весьма юныхъ лѣтахъ предстала она въ первый разъ на судъ публики, и потомъ быстро возрастающими успѣхами достигла въ короткое время до настоящей своей славы.

Намѣреніе Фанни Эльслеръ можетъ служить доказательствомъ ума ея. Она, какъ Рубини, не хочетъ пережить своей славы; она во всемъ блескѣ своего таланта слагаетъ скипетръ Терпсихоры; она оставляетъ блестящее свое поприще тогда, какъ театры всѣхъ столицъ всаменной сочли бы ее лучшимъ своимъ украшеніемъ. Пусть цѣнители изящнаго во всѣхъ родахъ восклицаютъ горестно: «ахъ! зачѣмъ Фанни Эльслеръ разстается уже съ театромъ! Она могла замѣнить Таліони; но кто же ее замѣнитъ?»—Сътованія эти весьма основательны, ибо въ Европѣ нѣтъ танцовщицы, соединяющей въ себѣ, подобно ей, красоту, силу, величественный станъ, неподражаемую миимику, легкость и граціозность? Всѣми этими качествами щедро надѣлена Фанни Эльслеръ. Время, неумолимое время, все на землѣ разрушающее;

(*) Фанни Эльслеръ принадлежитъ не Русской, не Московской сценѣ, а Европейской. Въ Европейскіе журналы наполнены статьи о ней. Мы позволимъ себѣ помѣстить здѣсь о ней нѣсколько словъ, принадлежащихъ одному — прозвѣщанному, омытному другу изящнаго, — только въ этомъ отношеніи, въ отношеніи къ искусству вообще; позволимъ тѣмъ болѣе, что Фанни Эльслеръ оставляетъ совершенно свое поприще, и эта статья можетъ назваться прощальнымъ. Ред.

бережно коснулось столь прекраснаго созданія природы: посмотрите на Фанни Эльслеръ, когда является она въ балетъ «Тщетная Предосторожность (La Fille mal-gardée)» можно ли дать ей болѣе 18 лѣтъ?

Не моему слабому перу дано въ удѣлъ быть панегирикомъ той, которая славою своею наполнила двѣ части свѣта. Довольно было о ней писано и говорено въ Европѣ и Америкѣ. Она выше всѣхъ похвалъ. Посмотрите на нее, когда она танцуетъ сальтареллу или тарантеллу — болеро или фандапо — мазурку или краковяка — Русскую пляску, или казачка: вы скажете, что она родилась, выросла и образовалась въ Неаполь, въ Испаніи, въ Польшѣ, въ Россіи или въ Украинѣ; такъ умѣла она уловить духъ, разумъ, осанку всѣхъ народовъ.

Впрочемъ, что значать журнальныя похвалы въ нынѣшнее время? Всегда ли онѣ бывають данью безпристрастія, наградою истиннаго таланта и вѣрнымъ отголоскомъ той части публики, которая, по изящному вкусу, просвѣщенію и опыту своему, имѣеть право произносить неоспоримые приговоры? Кого не хвалить, кого не бранить въ обществахъ, въ журналахъ, на словахъ и на бумагѣ, языкомъ и перомъ? Да и въ самомъ даже театрѣ *букеты* (это утонченное рыцарское изъявленіе благоволенія публики) не бывають ли часто кидаемы на сцену малымъ числомъ задорныхъ и шумныхъ обожателей какой-нибудь второстепенной, посредственной актрисы, пѣвицы или танцовщицы? Но когда танцуетъ Фанни Эльслеръ, во всѣхъ зрителяхъ господствуетъ единодушный восторгъ. Крикамъ браво, вызовамъ, рукоплесканіямъ, пѣть мѣры, ни конца. Часто заставляютъ даже повторять то, что она танцевала: лестный, хотя и утомительный, приговоръ публики, выполняется всегда съ видимымъ удовольствіемъ. При этомъ случаѣ не могу я не сдѣлать замѣчанія, что усталость никогда незамѣтна въ прелестной этой танцовщицѣ. Она послѣ повторенія танца подходитъ къ авансценѣ, останавливается, благодарить, кланяется, какъ кланяться должна, смотря по роли, которыя въ тотъ вечеръ выполняетъ, то какъ Катерина, дочь разбойника, то какъ Эсмеральда, или какъ простодушная крестьянская дѣвушка; но въ лицѣ ея, изображающемъ радость и благодарность, не замѣчается ни малѣйшей усталости. Скорѣе устаютъ наши руки, аплодируя, нежели ея ноги, танцую. Всякой сознается, что ничего не можетъ быть неприятымъ для зрителей, какъ смотреть на запыхавшуюся танцовщицу.

Нельзя довольно удивляться совершенству ея мимики: она глазами, жестами, тѣлодвиженіями, также ясно все объясняетъ, какъ другой посредствомъ языка. Въ самой послѣдней сценѣ Эсмеральды

когда ведутъ ее на казнь, она извлекаетъ слезы у зрителей. Кажется, что сама муза, въ радахъ которой служить; Фанни Эльслеръ, передала ей всѣ свои сокровеннѣйшія тайны. Отчего, напримѣръ, при концѣ балета платье ея свѣжо и неизмято, обувь ея также чиста, волосы также приглажены, какъ при первомъ ея появленіи на сцену? Изловите минуту, въ которой была бы она чѣмъ либо развѣяна и запята инымъ чѣмъ, какъ безошибочнымъ выполненіемъ своей роли.

Есть люди, которые, по холодному своему нраву, не воспламеняясь сами, не понимаютъ, чтобы другіе могли такъ живо чувствовать. Я не хочу ихъ ни обвинять, ни оправдывать. Положимъ, что зрители Московскіе, восхищаясь Фанни Эльслеръ, слишкомъ увлекаются прекрасными, неподражаемыми позами, поражающими ихъ глаза; положимъ, что должно судить хладнокровно, безъ предубежденій, и заключенія свои дѣлать дома, а не въ очарованіяхъ театра. Для строгихъ этихъ судей выпишу здѣсь то, что я читалъ въ фельетонѣ полученнаго сейчасъ журнала *Débats* отъ 20 числа Января. Отзвѣи Парижа (а въ сужденіяхъ подобнаго рода можно полагаться на эту столицу) о Фанни Эльслеръ, тогда какъ она находится въ Москвѣ, могутъ конечно почитаться безпристрастными и должны заслуживать полную вѣру. Отдавая отчетъ о новомъ балетѣ (*Raquette*), который поставленъ теперь на большомъ оперномъ театрѣ въ Парижѣ для известной танцовщицы Черрито, одной изъ нынѣшнихъ Европейскихъ знаменитостей, вотъ что другая знаменитость, остроумный Жюль-Жанель, говорить о Фанни Эльслеръ:

«Прекраснѣйшая танцовщица будетъ всегда и лучшею танцовщицею! И вотъ почему не скоро измѣнится эта Фанни Эльслеръ, которая однимъ взглядомъ освѣщала, бывало, всю эту залу блескомъ своей красоты. Она не принадлежала къ семейству маленькихъ па, къ товенькимъ таліямъ, къ маленькимъ движущимся ручкамъ, къ вѣчной, неумолкающей улыбочкѣ; нѣтъ! она была женщина, настоящая женщина, и въ качествѣ этомъ она имѣла для каждаго прелесть непреодолимую, она была прекрасна, исполнена страсти, и когда не хотѣлось ей танцовать, она показывалась публикѣ! Да полно, зачѣмъ и танцовать? зачѣмъ дѣлать себѣ этотъ трудъ? На что эти прыжки, скачки? Покажись ты намъ только. Дай на себя полюбоваться! Покажи лицо свое и глаза! Ужъ ты ли не прелестна? Вотъ это такъ; а тамъ пожалуй и танцуй себѣ, если хочешь». 1851 г. 22 Января. —

Б.

Съ великоблгоной сцены Московскаго театра, блистающей всеми обаяніями искусства, переносятъ насъ случай въ обители слезъ, нищеты и бѣдствія.

... Московскій Попечительный о Тюръмахъ Комитетъ, въ прошедшемъ году, выкупилъ содержавшихся во временной тюрмѣ за долги 126 человекъ. Внесеніемъ за нихъ слишкомъ 7800 р. с. покрыта была сумма долговъ, простирившаяся до $22\frac{1}{2}$ т. р. с. Въ Рабочемъ и Смирительномъ Домахъ Комитетъ выкупилъ 49 человекъ, содержавшихся за недоимки и штрафы.

Февраля 4 былъ храмовый праздникъ Божіей Матери, Возсканія погибшихъ, въ Пересыльномъ замкѣ, что на Воробьевыхъ горахъ. Москвитянинъ отдалъ уже справедливую мыслямъ посвятить храмъ въ Смирительномъ Домѣ Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ Радости: столько же счастливо воспоминаніе и о *взысканіи погибшихъ*—въ мѣствъ, откуда преступники, уже осужденные, разсылаются по мѣстамъ назначенія.

... Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаемъ о новомъ Московскомъ Врачебномъ Журналь, который въ настоящемъ году будетъ издаваться подъ редакціею А. И. Полунина и Д. Е. Мина. Направленіе его будетъ учено-практическое. Въ первыхъ четырехъ отдѣленіяхъ будутъ помѣщаемы наблюденія надъ состояніемъ атмосферы и господствующихъ болѣзней; извѣстія медико-статистическія; описанія замѣчательныхъ болѣзненныхъ случаевъ и оригинальныя сочиненія по всемъ отраслямъ врачебной науки. Въ послѣднихъ трехъ отдѣленіяхъ будутъ заключаться: смѣсь, извѣстія о важнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, любопытныя медицинскія событія, біографіи, некрологіи и медицинская библиографія. Годовое изданіе состоитъ изъ 6 книжекъ, цѣна 5 р. с. Зная дѣятельность, ученость и благонамѣренность обоихъ издателей, мы смѣло ручаемся за успѣхъ, и призываемъ молодыхъ и старыхъ врачей содѣйствовать изданію.

12 Февраля былъ литературный вечеръ у редактора Москвитянина, М. П. Погодина, у котораго издавна раза два въ годъ бывають подобныя большія собранія, и Московскіе литераторы всѣхъ поколѣній знакомятся обыкновенно съ новыми примѣчательными прозведеніями литературы, и между собою. Мы помнимъ одинъ такой вечеръ, когда Гоголь, только что явившійся на поприще, въ 1834 или 1835 году, читалъ у него своихъ Женитовъ, и уморилъ почти со смѣху всѣхъ слушателей удивительнымъ, неодо-

жаемымъ своимъ чтеніемъ. Мы помнимъ, что произвело одно его молчаніе между женихомъ и невестою, послѣ односложныхъ вопросовъ и огвѣтовъ о любимомъ цвѣтѣ и прогулкахъ. Въ другой разъ читалъ М. Н. Загоскинъ отрывки изъ Мирошева; въ третьемъ году Графиня Растопчина — свою Нелюдимку, въ прошломъ Л. А. Мей переводъ Слова о Полку Игоревѣ, А. Н. Островскій, вмѣстѣ съ знаменитыми артистами нашими, Гг. Садовскимъ и Щепкинымъ, Банкрута. Лѣтъ пять тому назадъ самъ хозяинъ прочелъ похвальное слово Карамзину и нѣсколько отрывковъ изъ своей Русской Исторіи.

Вчера авторъ Тюфяка, А. Э. Писемскій, молодой литераторъ, прочелъ нѣсколько сценъ изъ своей комедіи Ипохондрикъ. И содержаніе и чтеніе доставили много, очень много удовольствія слушателямъ, которые единогласно привѣтствовали новый талантъ. За сценами С. П. Шевыревъ прочелъ описаніе домашняго юбилейнаго праздника Графу Д. Н. Блудову, съ живыми, остроумными куплетами Князя Вяземскаго: всѣ присутствовавшіе отъ души повторили ихъ, присоединяя заочно свои искреннія поздравленія и благожеланія знаменитому сановнику-литератору. Письмо Графа Уварова подало поводъ къ разсказамъ объ Арзамасѣ; всякой изъ гостей сообщилъ, что зналъ, объ этомъ славномъ обществѣ, въ исторіи котораго блистаютъ имена, Жуковскаго, Дашкова, Блудова, Уварова, Батюшкова, Вяземскаго, Пушкина. Прекрасная мысль отпраздновать юбилей литературными воспоминаніями, съ Фонъ-Визинимъ, и Озеровымъ, и даже Боельдьею, нашла полное сочувствіе. Мы всѣ обрадовались ей, какъ драгоценной находкѣ, какъ счастливому событію; намъ всѣмъ какъ будто захотѣлось пожить нѣсколько минутъ въ старомъ добромъ времени, (*) и слѣдовательно нельзя было пайти минуты счастливѣй, чтобъ прочесть двѣ вновь найденныя статьи Батюшкова. Письма, при которыхъ доставилъ ихъ къ Редактору Москвитянина, Князь Вяземскій, прочелъ А. С. Хомяковъ. Краткія но сильныя слова автора о лжекритикѣ и лжелиттературѣ были одобрены вполне и утверждены. За письмомъ последовало чтеніе самихъ статей Батюшкова, въ которыхъ именно услышался, какъ замѣтилъ Князь Вяземскій, языкъ другой, нынѣ умолкнувшій, другой порядокъ мыслей, другой взглядъ на вещи. Мы перенеслися еще живѣе въ старое время, (**). Много говорено было о Батюшковѣ,

(*) Описаніе это помѣщено въ началѣ книги. Редакція была очень рада перевести всѣ статьи, исключивъ нѣкоторыя, чтобъ подѣлиться съ читателями своимъ удовольствіемъ поскорѣе.

(**) Всѣ эти статьи будутъ помѣщены въ слѣдующихъ книжкахъ Москвитянина. *Ред.*

нѣкоторые изъ присутствовавшихъ видѣли его недавно въ Вологдѣ, и сообщили о немъ свѣжія свѣдѣнія. Нельзя было не задуматься при мысли, въ какомъ положеніи нынѣ находится тотъ, кому принадлежатъ эти прекрасныя чувствованія, эти высокіе порывы, — кто говорилъ этимъ пріятнымъ изящнымъ языкомъ. — Наконецъ Г. Писемскій, какъ бы въ доказательство, что и новое время имѣетъ также свои хорошія стороны, что литература, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, все-таки ступила много шаговъ впередъ, что таланты у насъ не переводятся, что открываются новые рудники въ умъ, если не въ сердца, и наблюдаются новыя стороны въ жизни, прочелъ двѣ главы изъ своего романа: «Бракъ по страсти». Долго мы хохотали, слушая мастера, шутили, смѣялись, и разошлись далеко за полночь — съ утѣшительной мыслию, что нѣтъ худа безъ добра, что мы илемъ впередъ, что если форма новая уступаетъ еще старой, то содержаніе беретъ преимущество теперь, а въ будущемъ общаетъ еще больше Принадлежа, если не къ старому, то по крайней мѣрѣ къ старѣющему поколѣнію, я радуюсь искренно всякому успѣху молодого, которое вѣдь также въ свою очередь не минуетъ своей судьбы, (и чуть ли уже не уступаетъ теперь мѣсто младшему), поздравлю его пожалуй съ побѣдою, (которая увеличитъ вѣдь только нашу общую Русскую славу), но строго осуждаю, горько жалуясь на тѣхъ, которые хотѣли-было оторваться отъ старины, которые хотѣли-было прервать цѣпь преданія, продолжавшуюся такъ достойно, благородно, чисто въ исторіи Русской словесности, начиная отъ Ломоносова до Отечественныхъ Записокъ и Современника неключительно Н.

Археологическія приобрѣтенія Крестьянинъ Вязниковскаго узда, Пахомъ Степановъ, мой давнишій комиссіонеръ, который уже остался у меня одинъ для Сѣверной стороны, послѣ смерти незабвеннаго Василья Федорова Моржакова, привезъ мнѣ нѣсколько вещей отличныхъ, а именно: 1) старую письменную азбуку, временъ Царя Алексѣя Михайловича, длиннымъ столбцомъ, чуть не въ версту, чудо каллиграфіи и труда, которая не ударила себя въ грязь ни передъ какою Европейскою иллюстраціею. Она займетъ у меня почетное мѣсто подлѣ одной просьбы въ лицахъ, которою меня, въ неизреченное одолженіе, наградила почтенный К. Н. Лебедевъ. Я не успѣлъ еще описать этой примѣчательности, но опишу скоро, а теперь скажу только, кто ее подавалъ Царю Алексѣю Михайловичу подлѣ Ямскаго приказа Всполюховъ, и представилъ главные предметы въ карти-

вахъ, да какихъ? удивительныхъ и невероятныхъ. Тутъ изображено и царство небесное, и здѣ съ дьяволомъ, у котораго на зубахъ торчитъ несчастный проситецъ, и... Но я заговорилъ, и возвращусь къ настоящимъ своимъ приобретениямъ, доставленнымъ усерднымъ Пахомомъ Степановымъ: 2) Другая азбука, также столбцею, помолоче, время Петровыхъ, вмѣствъ съ арифметикою, представленіемъ, какъ писать письма, и переводомъ въ кружкахъ, главныхъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе при Петрѣ—однимъ словомъ почти весь гимназическій курсъ для того времени. 3) Хронографъ прекраснаго письма, съ нѣсколькими предисловіями и означеніями годовъ, такъ что эти годы можетъ быть поведуть къ важнымъ заключеніямъ. Теперь я не имѣю возможности справиться съ своими рукописями, заключенными на зиму. 4) Крестикъ серебряной, по такой красивый, такой изысканный, что мнѣ жаль положить его подлѣ своихъ ржавыхъ и заскорузлыхъ, и я дѣлаю ему другое назначеніе. О порядочномъ сборникѣ, прологе, алаевитѣ, и говорить ужъ не стоитъ. А лучше всего азбука! Вотъ какими утѣшеніями утѣшилъ меня на масляницу мой почтенный Пахомъ Степановъ. Да здравствуетъ добрый мужичекъ! М. П.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

Письма къ редактору Москвитянина.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Много странностей въ чловѣкѣ, а въ числѣ ихъ есть и та, что онъ какъ-то скоро приглядывается ко всемъ окружающимъ его предметамъ, какъ-то скоро привыкаетъ къ нимъ,—и, какъ бы ни были эти предметы любопытны и замѣчательны, слишкомъ мало обращаетъ на нихъ вниманія. Эта черта, свойственная всемъ народамъ вообще, свойственна намъ, Русскимъ, въ особенности. Французы, Нѣмцы, Англичане, если сами не дивятся своимъ диковинкамъ, такъ по крайней мѣрѣ любятъ похвастать ими, и тотчасъ же прокричатъ о каждой своей новости, часто даже не стоющей крика. Въ насъ нѣтъ и этого; и потому-то Русскіе мало пишутъ о Россіи, Москвичи о Москвѣ, Петербургскіе жители о Петербургѣ. А сколько любопытнаго въ нашей сѣверной столицѣ!... Прежде всего, есть ли какой-нибудь другой городъ, который въ такое короткое время развился бы до такой обширности, и съ тѣмъ вмѣствъ до такой громадности и до такого изыщества адамъ

и памятниковъ? Да, Петербургъ растетъ чисто по-Русски, не по днямъ, по часамъ.

Еще пять трехъ дѣтъ, какъ я былъ въ Петербургъ, а ужъ нашелъ въ немъ опять двѣ обновки: Благовѣщенскій мостъ черезъ Неву, и зданіе поваго Эрмитажа... бездѣлицы!... Но кромѣ этихъ колоссальныхъ обновокъ, сколько еще и другихъ приобрѣлъ Петербургъ; право не знаешь, на что прежде взглянуть, съ чего начать?... Я думаю, впрочемъ, придерживаться порядка хронологическаго: такъ какъ прежде всѣхъ Петербургскихъ диковинокъ, и даже прежде еще самаго Петербурга, я увидалъ Петербургскую погоду, то я и намѣренъ начать съ нея.

Не знаю право, почему разговоръ о погодѣ считается пошлостью? Отъ погоды зависятъ урожанъ нашихъ полей и садовъ—слѣдовательно наше общественное благосостояніе; отъ нея зависятъ, по крайней мѣрѣ отчасти, наши удовольствія; отъ нея зависитъ расположеніе нашего духа, наше здоровье, наша жизнь.... Кто же послѣ этого выдержитъ, чтобъ не поговорить о такой вещи, отъ которой зависишь съ головы до ногъ?

Когда я побѣжалъ изъ Москвы, всѣ жаловались на погоду, сырую, непостоянную, распространяющую *гриппъ*. Въ Петербургъ точно тоже: таже извѣчливость въ атмосферѣ, тотъ же *гриппъ*; только еще больше сырости и тумановъ, которые даютъ очень приблизительное понятіе о знаменитыхъ туманахъ Лондонскихъ, заставляющихъ ходить и ѣздить днемъ съ огнемъ. Погода однакожъ въ настоящую пору—иля говора языкомъ театраловъ, въ настоящій сезонъ, не мѣшаетъ никакимъ удовольствіямъ, кромѣ прогулокъ по Невскому. Гриппъ тоже такая ничтожная болѣзнь, о которой, послѣ холеры и тифуса, никто и не думаетъ. Балы публичныя и частныя, съ самыхъ Святокъ, тянутся здѣсь безпрерывной, блестящей цѣпью; театры.... Но явновать въ Петербургъ, послѣ погоды, тотчасъ надобно говорить объ Итальянской оперѣ—это ужъ правило, изъ котораго даже нѣтъ исключенія.

При мнѣ, слишкомъ въ двѣ недѣли, было восемь представленій, а между тѣмъ я слышалъ только три оперы: *Гугенотовъ*, *Свадьбу Фигаро* и *Королеву Голкондскую*. По этому расчету вы можете сдѣлать чисто математическій выводъ, т. е. что изъ восьми представленій я былъ только въ трехъ. Ни чуть не бывало, я былъ во всѣхъ, но все слушалъ *Гугенотовъ*, *Гугенотовъ* и *Гугенотовъ*. Какъ ни хороша знаменитая музыка Мейербера въ этой знаменитой оперѣ, какъ ни увѣрлютъ меня, что Г. Кольти превосходно поетъ въ ней свою военную арію, съ прѣзрѣн-
Digitized by Google

«*лифа, паффа*» а мнѣ—человѣку затѣжену, рѣдко слышащему Итальянскую оперу, все таки хотѣлось бы послушать что нибудь другое,— хотѣлось бы послушать, не смотря на то, что въ *Гугенотахъ* поетъ Маріо,—и хотѣлось бы послушать именно съ тѣмъ, чтобъ услышать Маріо въ чемъ-нибудь другомъ. Больше всего я желаю бы услышать его въ *Лучии*, чтобъ почувствовать, до какой степени напомнитъ мнѣ онъ Рубинни, къ которому такъ близко подходитъ и мягкостью и гибкостью голоса, и полнотою чувства, слышнаго въ каждомъ его звукѣ.

Свадѣбу Фигаро давали въ бенефисъ Тамбурини. Знаменитый комикъ-пѣвецъ, на мои глаза, вовсе не старѣется. Правда, голосъ его поослабѣлъ, но талантъ актера и метода пѣнія чуть ли еще больше не усовершенствовались; такъ что въ роли Фигаро едва ли найдется ему и до сихъ поръ соперникъ въ Европѣ. Вся пьеса прекрасно поставлена, и въ цѣломъ идетъ какъ нельзя лучше. Знатоки находятъ, что послѣ музыки Мейербергера, музыку этой оперы не стоитъ и слушать; но со всею тѣмъ эта легкая, игривая музыка производитъ впечатлѣніе чрезвычайно-пріятное, навѣваетъ на душу какую-то отраду и спокойствіе. Есть тутъ двѣ партіи, вполне достойныя имени Моцарта: это секстетъ, въ первомъ дѣйствіи, и дуэтъ, во второмъ. Въ особенности дуэтъ, превосходно выполняемый Г-жами Персіани и Кортези, воспитителенъ.

Королева Голкондская не произвела на меня никакого особеннаго впечатлѣнія. Вся музыка этой пьесы довольно пріятна и граціозна; есть отрывки, которые выдаются рельефнѣе; но нѣтъ ничего такого, что бы надолго осталось въ памяти и глубоко врезалось въ чувство. Въ этой пьесѣ былъ очень хорошъ Г. Тамбурянскій.

Я пишу вовсе не театральную хроникку, а только собственныя мои *путевыя впечатлѣнія*, но, за всею тѣмъ, говоря объ оперѣ, я не могу не сказать, что контральто Г-жи Демерикъ очень хорошъ, и что сама она въ костюмахъ пажей, которыхъ играетъ въ *Гугенотахъ* и въ *Свадѣбѣ Фигаро*, еще лучше своего контральто.

Отъ оперы самый ближайшій переходъ къ балету; но о здѣшнемъ балетѣ я едва ли могу сказать что-нибудь новое для Москвы. Въ Петербургѣ, съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, постоянно даютъ одинъ и тотъ же балетъ: *Сварливая Жена*. Балетъ этотъ я видѣлъ въ Москвѣ два года назадъ, а на здѣшней сценѣ онъ поставленъ только нынѣшнюю зиму. Итакъ сюжетъ балета для Москвы не новость; разница только въ томъ, что въ Москвѣ танцовала въ этомъ балетѣ Г-жа Сапковская, а здѣсь — Г-жа

Гризи. Нисколько не сравнивая между собой этихъ двухъ артистовъ, я скажу только, что *Сваршвая жена* больше нравится мнѣ на Московской сценѣ, чѣмъ на Петербургской, и что комическій элементъ, преобладающій въ этомъ балетѣ, лучше выраженъ тамъ, чѣмъ здѣсь.

Кромѣ оперы и балета, которыя давно ужъ составляютъ любимое удовольствіе Петербургской публики, всѣ остальные театры также постоянно наполнены зрителями. Любовь къ драматическому искусству вообще сильно развилась здѣсь въ последнее время. На Александринскомъ театрѣ два раза давали *Провинціалку*, Г-на Тургенева, и оба раза я не могъ достать билета въ кресла оттого только, что не имѣлъ возможности послать за нимъ прежде 11 часовъ. Говорятъ, что эта миленькая пьеска, которую можно назвать родной сестрой драматическихъ пословицъ Альфреда-де-Мюссе, и при томъ сестрой-красавицей, прекрасно шла и прекрасно была принята публикой.

Въ Театрѣ-Циркѣ, который теперь отдѣланъ совершенно на манеръ иностранныхъ, шившиною зимою поставили *Сбитеньщики*; и эту старинную пьесу, одну изъ родоначальницъ Русскаго репертуара, смотрять съ удовольствіемъ. Для молодого поколѣнія она составляетъ любопытную страницу изъ исторіи нашей драматической литературы; старому напоминаетъ былое, и опять раскрываетъ передъ нимъ страницу еще больше для него занимательную: страницу изъ любимой книги, когда-то читанной со всею увлеченіемъ молодости.

Балы публичные и частные, какъ ужъ сказалъ я выше, идутъ здѣсь постоянно одинъ за другимъ. Изъ богатыхъ частныхъ баловъ, былъ особенно замѣчательнъ балъ у генералъ-адъютанта Сумарокова, данный въ честь Новообрученной Высокой четы. Балъ этотъ вполне соответствовалъ своему назначенію. Самые богатые публичные балы даются въ Коммерческомъ Собраніи; довольно-многочисленные бывають въ Благородномъ, и очень малочисленные въ Дворянскомъ, на которые, такъ же какъ и на балы Московскаго Благороднаго Собранія, Богъ знаетъ почему, перестаютъ ходить.

Пассажъ, издавшій столько шума во время своего открытія, наполнившій собою столько газетныхъ и журнальныхъ страницъ, бывшій даже мѣстомъ дѣйствія нѣсколькихъ повѣстей, — этотъ знаменитый Пассажъ былъ тѣже новостью для меня, не видавшаго Петербурга около трехъ лѣтъ. И, со всею тѣмъ, какъ бы вы думали? я едва-едва собрался заглянуть въ него! Даже почти за-

быть о немъ, потому именно, что теперь въ Петербургъ вовсе ужъ не говорятъ о Пассажъ; а если и говорятъ, такъ точно такъ же, какъ о Щукинѣмъ Дворѣ и Милютинскихъ лавкахъ, т. е. тогда только, когда надобно тамъ купить что-нибудь. Видно слава некоторыхъ зданій точно также скоро проходитъ, какъ и слава некоторыхъ людей!.. Въ самомъ дѣлѣ бѣдный Пассажъ показался мнѣ куды-какъ унылымъ и пустыннымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что читалъ я о немъ за два, за полтора года назадъ. Самый любопытный предметъ, который теперь привлекаетъ туда посѣтителей, тоже предметъ очень грустный. Это анатомическій кабинетъ, въ которомъ показываютъ разные уродливости природы, и части человѣческаго тѣла, искаженныя страшными болѣзнями. Все это очень любопытно для науки и для некоторыхъ очень назидательно, особенно при чтеніи лекцій, поясняющихъ разрушительную силу болѣзней; но и зрѣлище этихъ грустныхъ предметовъ, и чтеніе этихъ лекцій производятъ впечатлѣніе до того тяжелое, что людей слабонервныхъ оно потрясаетъ почти до дурноты....

Богъ съ ней, анатоміа!.. Поскорѣе изъ этого кабинета на чистый воздухъ. Пойдите отъ уродливыхъ субъектовъ природы къ изящнымъ произведеніямъ искусства, — пойдите къ новому Невскому мосту.

Въ самомъ дѣлѣ, если вы хотите доставить отдыхъ и наслажденіе вашему взору, потяжайте къ этому мосту, и посмотрите на его легкую, граціозную арку. Вамъ не бросится въ глаза никакая часть постройки въ особенности; вы не увидите въ рѣшоткѣ моста ни богатства, ни затѣйливыхъ искусственныхъ украшеній, но вы залюбуетесь простотой и величіемъ цѣлаго. Вы залюбуетесь этой легонькой, низенькой рѣшоткой, такъ красиво окаймляющей исполнинскій мостъ, который, несмотря на всю свою громадность, перекинуть черезъ рѣку будто шутя. Залюбуетесь и стройными, тоненькими, чугунными колоннами, поддерживающими газовые фонари; залюбуетесь чистотой и шириной тротуаровъ; залюбуетесь, наконецъ, роскошно-широкимъ полотномъ самаго моста, посреди котораго и проходиму и провѣзему становится какъ то привольно, и которое, подходя къ берегу Васильевского острова, дѣлится, около береговаго устоя, на два, все еще широкіе, рукава, будто величавая рѣка при впаденіи въ море. Если вы не имѣете возможности скоро увидѣть Благовѣщенскій мостъ въ натурѣ, такъ взгляните по крайней мѣрѣ на *Художественный Листокъ*, Г. Тима, на которомъ онъ изображенъ очень хорошо. А я между тѣмъ скажу нѣсколько словъ о дру-

гомъ мостъ, очень далекою отъ Петербурга и далеко еще не отдаленномъ, но который между тѣмъ я видѣлъ здѣсь въ окончательной отдалкѣ, и имѣлъ возможность рассмотреть во всѣхъ частяхъ и подробностяхъ.... я говорю о всячемъ мостѣ черезъ Днѣпръ, въ Кіевѣ.

Государю Императору благоугодно было подарить модель этого моста Институту Корпуса Путей Сообщенія. Модель сдѣлана въ Лондонѣ, лучшимъ тамошнимъ модельеромъ Джемсѣмъ, съ помощію другихъ мастеровъ, и была разсмотрена замѣчательными Англіійскими инженерами и архитекторами.

Висячій мостъ черезъ Днѣпръ устроивается о четырехъ главныхъ пролетахъ, каждый отверстіемъ въ 440 футовъ, — двухъ боковыхъ полупролетахъ, каждый въ 225 футовъ, и наконецъ, къ правому берегу, съ разводной частью, отверстіемъ въ 50 футовъ, для пропуска мачтовыхъ судовъ. Разводную часть составляетъ одна воротная платформа. По этому устройству въ составъ моста входятъ пять рѣчныхъ быковъ; устоя, для укрѣпленія цѣпи, на лѣвомъ берегу; другой устоя, для укрѣпленія той же цѣпи съ другой стороны, между мостомъ и разводной его частью, и наконецъ третій устоя на правомъ берегу, для поддержанія поворотной платформы разводной части.

На каждомъ быкѣ будетъ каменная арка, въ 35 футовъ вышины, съ массивными столбами, которые и послужатъ опорой для цѣпей, на всемъ протяженіи моста. Между столбовъ подъ арками, остается чистаго проѣзда 28 футовъ; вся ширина висячаго мостоваго полотна около 53 футовъ. Полотно подвѣсится только двумя рядами цѣпей, проходящихъ между провзжей частью моста и тротуарами. Звѣнья цѣпей предположено сдѣлать каждое въ 12 футовъ длины, и въсомъ слишкомъ въ 12 пудовъ. Платформа разводной части устроится изъ самаго лучшаго, мягкаго желѣза. Длина ея, какъ сказано выше, въ 50 футовъ, ширина 53, а вѣсъ долженъ быть около 100 тон. (6,200 пудовъ). Несмотря на то, для дѣйствія воротомъ, который будетъ разводить ее, потребуется не больше четырехъ человекъ.

Превосходная модель моста, которая доставила мнѣ всѣ эти свѣдѣнія въ нѣсколько минутъ, до того хороша, что ее смѣло можно назвать высокимъ произведеніемъ модельернаго искусства. Она сдѣлана въ $\frac{1}{100}$ долю натурального моста, и по этому масштабу длина ея выходитъ слишкомъ въ 3 сажени. Всѣ части, которыя

въ натурѣ должны быть каменные, отлиты изъ бронзы, отбѣленной подлѣ камня. Остальные материалы тѣ же самыя, какіе будутъ употреблены и въ натурѣ, т. е. дерево и железо. Для того, чтобы воспитанники Института Путей Сообщенія могли вполне изучить и понять систему устройства моста, модель вся разбирается по частямъ, — и надобно видѣть съ какой чистотой и отчетливостью сдѣланы все эти части, все самыя мельчайшія подробности, начиная отъ деревянныхъ половицъ моста и звеньевъ маленькихъ железныхъ цвѣй, до каждаго болта, до каждой гаечки, которыхъ тутъ тысячи. Разводная часть моста точно также разводится въ модели, какъ будетъ она разводится въ натурѣ, т. е. посредствомъ ворота, сила котораго соразмѣрена съ силой настоящаго въ той же $\frac{1}{100}$ пропорціи. Въмѣсто горизонта воды, этотъ маленький Днѣпровскій мостъ поставленъ на зеркалѣ, въ которомъ отражаются все нижнія перевазы висячихъ пролетовъ, посредствомъ чего очень легко и удобно видѣть весь механизмъ ихъ. Плоскость зеркала лежитъ на прекрасномъ пьедесталѣ, краснаго дерева. Сверху модель покрыта богатымъ шатромъ изъ зеркальныхъ стеколъ, оправленныхъ въ тонкія, бронзовыя, визолоченныя рамы. Съ боковъ стекла отдвигаются; такъ, что модель можно разбирать по частямъ, не снимая съ нея шатра.

Вообще въ музеумъ Института Путей Сообщенія есть много вещей очень любопытныхъ, но я спѣшу чередѣти теперь къ зданію еще большаго любопытному, — къ зданію новаго Императорскаго Эрмитажа.

Все зданіе расположено въ видѣ параллелограмма, образующаго Замокъ. Внутренняя площадь, заключающаяся въ немъ, перерезывается пополамъ еще пятымъ, поперечнымъ, корпусомъ, который соединяетъ между собой правый и лѣвый боковые корпуса, и такимъ образомъ дѣлитъ внутреннюю площадь на два внутреннихъ двора, изъ которыхъ одинъ разрезывается опять, на двѣ равныя части, парадной лѣстницей, соединяющей передній корпусъ съ среднимъ. Главный фасадъ зданія выходитъ на Большую Милліонную; лѣвый бокъ на набережную Зимней Канавки; задній фасадъ, по прежнему, на набережную Невы, и правый бокъ, по прежнему, въ Эрмитажный переулокъ, надъ которымъ остается и прежній же переходъ въ Эрмитажъ изъ Зимняго Дворца. Длина зданія, по переднему и заднему фасадамъ, 50 сажень; длина боковъ 67. Высота лавнаго фасада слишкомъ 9 сажень. Стилъ архитектуры его вообще торжественный, но многія частныя украшенія подходятъ къ стилю

ордена дорического. Надъ крытымъ подъездомъ передняго фасада устроенъ балконъ, карнизъ котораго поддерживается восемью *иштанами* (четырёхгранными колоннами), изъ краснаго Финляндскаго гранита, и восемью каріатидами, прислоненными къ антамъ, и вытесанными изъ Серюбольскаго зеленоватаго гранита, отполированнаго до чистоты и блеска мрамора. Вообще и рисунокъ и отдѣлка каріатидъ, исполненіе которыхъ было поручено Русскому художнику Теребеву, превосходны. Высота этой колоннады съ пьедесталами, — $9\frac{1}{4}$ аршинъ; длина, а следовательно и длина подъезда, 8 сажень. Ширина его 3 сажени; чистаго проезда между колоннадой и двумя антами, прислоненными къ стѣнѣ зданія, $5\frac{1}{2}$ аршинъ. Къ подъезду ведутъ пандусы, спускающіяся въ обѣ стороны съ боковыхъ его фазовъ, и гранитныя ступени, съ лицевой стороны. Первая служитъ для въезда экипажей, вторая для пѣшеходовъ.

Удивительно хорошо рассчитана въ этомъ зданіи постепенность, съ которой непрерывно и на каждомъ шагу развертывается передъ вами, все больше и больше, его великолѣпіе. Съ подъезда вы входите въ стѣни, шириною въ 8, длиною слишкомъ въ 5 сажень. 16 громадныхъ колоннъ, изъ краснаго Финляндскаго гранита, раздѣленныхъ на четыре группы, поддерживаютъ потолокъ стѣней. Вы невольно остановитесь передъ этими гигантами, и посмотритесь на нихъ; но едва взоръ вашъ скользнетъ между колоннадой, передъ вами, въ перспективѣ, откроется великолѣпная лѣстница, изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора, шириною слишкомъ въ 9 аршинъ, вышиною слишкомъ въ 60 ступеней. Эта лѣстница, роскошная, бѣлая какъ снѣгъ, такъ и манитъ къ себѣ, своими отлогими ступенями, своими широкими площадками и тою мыслью, что такая лѣстница непременно должна вести къ заламъ еще больше великолѣпнымъ, чѣмъ сама она.... Въ самомъ дѣлѣ, это входъ въ *Галерею древней живописи*, входъ во второй этажъ Эрмитажа, который, по вкусу и изяществу, составляетъ теперь, въ своемъ родѣ, едва ли не первое зданіе въ цѣлой Европѣ...

Но прежде, чѣмъ взойдетъ я на лѣстницу, меня пригласили осмотрѣть нижній этажъ. Изъ стѣней па-дѣво первая комната составляетъ *Залу древней скульптуры*. Стѣны ея и 8 четырехгранныхъ колоннъ, прислоненныхъ къ стѣнамъ, все изъ краснаго мрамора. Полъ также мраморный, настлаивный, какъ паркетъ, изъ бѣлыхъ и темныхъ плитъ; потолокъ голубой, съ рельефными украшеніями, сдѣланными изъ бронзы и отбѣленными гальванопластикой подъ гипсовую лепку. Длина этой комнаты 31 аршинъ, ширина слишкомъ 15. Рядомъ другая зала, назначена также для древнихъ статуй. Она

угольная, квадратная, съ 8 колоннами по срединѣ и, въ правой сторонѣ, съ полукруглой нишею, которая отдѣляется отъ зады еще двумя колоннами, и въ углубленіи которой дверь въ слѣдующую галлерею. Стѣны и колонны этой комнаты изъ зеленого мрамора; капители колоннъ изъ бѣлаго Каррарскаго. Весь полъ составляетъ мраморный мозаикъ, прекраснаго рисунка. Фонъ потолка розовый, съ такими же бѣлыми гальванопластическими украшеніями, какъ въ первой комнатѣ. Слѣдующая за тѣмъ *Галлерей новѣйшей скульптуры* идетъ по боковому флсу. Длина ея 16 сажень, ширина слишкомъ 7. Стѣны изъ дикаго волнистаго мрамора; полъ опять мраморный мозаикъ, но совершенно ужъ другихъ цвѣтовъ и рисунка. Фонъ потолка голубой, но ужъ не съ бѣлыми, а съ жарко-вызолоченными, выпуклыми, гальванопластическими украшеніями. Всѣ эти залы совершенно разнообразны въ своемъ стилѣ, въ расположеніи, въ рисункахъ и подробностяхъ украшеній, но всѣ до того хороши, что никакъ не рѣшишь, которую предпочесть. Каждая удивительна въ своемъ родѣ, и изъ каждой долго не хочется выйти.

Далѣе идетъ *Кабинетъ*, который въ настоящее время служить мѣстомъ занятій директора, управляющаго нѣкоторыми работами. За кабинетомъ *вторая Зала новѣйшей скульптуры*; потомъ опять *Кабинетъ*, занятой теперь вазами, и наконецъ *Зала Греко-Этрусскихъ вазъ*, такой же длины и ширины, какъ *первая Зала новѣйшей скульптуры*. Въ боку отъ *второй Зала новѣйшей скульптуры*, кладовая, и еще проходная комната во внутренней дворъ. Тѣмъ и окончивается поимѣнное этой части нижняго этажа, отрыванной отъ средняго, поперечнаго, корпуса небольшимъ проздомъ съ одного внутренняго двора на другой.

Не всѣ еще статуи древней и новѣйшей скульптуры перевезены въ новое свое помѣщеніе, однакожъ многія уже поставлены по мѣстамъ. Вазы тоже. Но я успѣлъ взглянуть на то и другое только мелькомъ. Нѣтъ никакой возможности осмотрѣть вдругъ и отдаку этого великолѣпнаго зданія, и тѣ богатства, искусства, которыми наполнено оно. На это надобны цѣлые мѣсяцы. Глаза разбѣгаются, скользятъ по предметамъ, и едва только хотѣтъ остановиться на одномъ, какъ ужъ ихъ увлекаетъ красота или рѣдкость другаго. Изъ произведеній скульптуры, у меня преимущественно осталась въ памяти группа *Калла и Авелла*, *Депре*, представленная въ тотъ моментъ, когда преступленіе только что совершалось. Эта группа глубоко поражаетъ душу и самымъ выборомъ момента и страшнымъ выраженіемъ лица убійцы, котораго

уже начинается глотать расклевывание. Изъ числа вазъ, отданныхъ нашими художниками и изъ собственныхъ нашихъ матеріаловъ, особенно замѣчательны двѣ: одна исполненная, изъ огромнаго, цѣльнаго куска Сибирской яшмы. Вышина ея съ чѣмъ-то 3 аршина, длина овальной чаши, кажется, 7. Это цѣлый бассейнъ, въ которомъ можно купаться. Такая громадность нисколько однакожъ не помѣшала художнику отдѣлать ее съ безукоризненной чистотой и отчетливостію во всѣхъ частяхъ. Другая ваза вся изъ *лазореваго камня* (*lapis lazuli*). Размѣръ ея, разумется, далеко не такъ великъ, какъ первой; но, принявъ въ соображеніе драгоцѣнность матеріала, нельзя не согласиться, что она, равняясь величиною обыкновенной довольно большой вазѣ, составляетъ рѣдкость удивительную...

Взглянувъ только разъ на внутренность Эрмитажа, невозможно описать и отдѣлки самыхъ комнатъ даже въ такихъ бѣглыхъ очеркахъ, въ какихъ описалъ я отдѣлку первыхъ трехъ. Да и это описаніе потребовало бы цѣлаго тома. Постараюсь по крайней мѣрѣ дать понятіе о расположеніи прочихъ залъ, и очертить нѣсколько подробнѣе самыя главныя изъ нихъ.

На право изъ сѣней, въ нижнемъ же этажѣ, идутъ одна за другою, шесть залъ, всѣ назначенныя подъ библіотеку. Одна изъ этихъ залъ, именно *Шестая библіотека*, имѣетъ форму галлерей, длиною слишкомъ 40 сажень, шириною 5 аршинъ. Книги еще только разставляются, и потому теперь нельзя видѣть окончательнаго порядка, въ какомъ размѣстятся онѣ по комнатамъ. Къ *Пятой библіотекѣ*, прямо по продольному фасу боковаго корпуса, примыкаетъ *Зала эрмитажъ*, а на лѣво, по направленію средняго поперечнаго корпуса, въ который вдалась и самая комната *Пятой библіотеки*, *Зала древностей Таурическаго Херсонеса*. За нею *Кабинетъ рукописей*, и еще двѣ кладовыя. Вотъ и весь нижній этажъ. Стѣны, колонны, полы всѣхъ этихъ комнатъ—постоянно мраморныя, но постоянно различныхъ цвѣтовъ и различныхъ подробностей. Потолки частію украшены гальванопластикой, частію расписанныя. Больше всѣхъ въ этомъ отлѣненіи комнатъ мнѣ понравилась *Зала древностей Таурическаго Херсонеса*. Стѣны ея изъ палеваго мрамора съ пунцовыми жилками. Сводчатый потолокъ опирается на двѣ крестообразныя тумбы, которыя дѣлятъ комнату какъ бы на двѣ части. Стилъ этой архитектуры чисто Византійскій, напоминающій внутренность нашихъ старинныхъ церквей. Своды потолка расписаны тонкими арабесками самаго нежнаго пунцоваго цвѣта. Мраморный полъ залы, и цвѣтомъ и рисункомъ своимъ, вполне гармонируетъ со всѣмъ прочимъ. Въ этой залѣ

ничего еще не поставлено, потому что она не совсемъ отдѣлана также какъ и въкоторыя другія комнаты этого отдѣленія.

Теперь пойдете вверхъ, по мраморной лѣстницѣ. Прямо съ нея входъ, какъ ужъ я сказалъ, въ *Галлерей древней живописи*, которая занимаетъ весь передній этажъ средняго поперечнаго корпуса. Длина ея слишкомъ 27 сажень, ширина 3. Она освѣщена сверху, девятью стеклянными куполами. Вся стѣны ея расписаны несмѣтнымъ числомъ картинъ небольшого размѣра, частію четвероугольной формы, частію формы медальионовъ. Онѣ изображаютъ постепенное развитіе живописнаго искусства, и событія изъ жизни великихъ художниковъ древнихъ и среднихъ вѣковъ. Между картинами помѣщены рельефныя, медальионныя изображенія самихъ художниковъ. Вы подумаете, что эти медальионы гипсовые или мраморныя, что стѣны галлерей расписаны ал-фреско—и ошибетесь: и медальионы отлиты изъ бронзы, и всѣ картины написаны на металлическихъ доскахъ, которыя потомъ вдѣланы въ стѣну. Картины писаны по большей части въ Мюнхенѣ. Полъ, какъ въ этой галлерей, такъ и во всѣхъ другихъ залахъ верхняго этажа, составляетъ превосходную деревянную мозаику: и фонъ половъ и узоръ ихъ—все собрано изъ мелкихъ кусочковъ дерева, что дѣлаетъ видъ чрезвычайно оригинальный и удивительно красивый. Кажется, что это какое-то легопькое, простенькое плетенье, плашеваго цвѣта, съ раскинутыми по немъ узорами; но это плетенье до того тонко, изящно, изящно, что боишься, идя по немъ, какъ бы оно не измялось.

Рядомъ съ Галлерей три зала, которыя и занимаютъ всю среднюю поперечнаго корпуса. Первая, *Зала картинъ Итальянской школы*. Длина ея 16 сажень, ширина слишкомъ 5. Она освѣщена сверху четырьмя квадратными куполами. На право изъ нея входъ въ *Залу картинъ Испанской школы*; оно немного поменьше перваго и освѣщено тремя куполами; на лѣво въ *Залу картинъ Рубенса и Ван-Дика*, которое еще меньше, и освѣщено двумя куполами. За тѣмъ еще въ среднемъ этажѣ помѣщаются: *Кабинетъ камеръ*, четыре небольшихъ *Кабинета малыхъ картинъ Итальянской школы*, и четыре же *Кабинета малыхъ картинъ Фламандской школы*.

Въ боковомъ корпусѣ, примыкающемъ къ Эрмитажному переулку, *Зала и Галлерей картинъ Французской и Фламандской школы*. Обѣ длиною въ 16 сажень; *Зала картинъ Рембрандта, Кабинетъ*, и *Зала малыхъ картинъ Голландской и Фламандской школы*.

Въ боковомъ корпусѣ, выходящемъ къ Зимней канавкѣ, *Зала камеръ, Третье и Четвертое залы медалей и монетъ*, и *Рафа-*

слева галлерей, которая осталась въ прежнемъ своемъ видѣ, кромѣ необходимой ресторации нѣкоторыхъ рисунковъ.

Наконецъ въ переднемъ корпусѣ, выходящемъ на большую Милліонную, *Аванъ-залъ*, находящійся по срединѣ корпуса, надъ главнымъ входомъ. Съ одной стороны его: *Залъ картинъ Русской школы*, и потомъ *Залъ для копистовъ съ большихъ картинъ*, которое составляетъ угольную комнату къ Эрмитажному переулку; съ другой: *Первое зала медалей и монетъ* и потомъ *Второе зала медалей и монетъ*, которое составляетъ угольную комнату къ набережной Зимней канавки.—

Задній корпусъ, къ набережной Невы, остался не передѣланнымъ. Надобно замѣтить, что во всемъ зданіи вовсе почти нѣтъ горючихъ матеріаловъ. Балки половъ желѣзныя; по нимъ прослаивъ войлокъ. Самые полы въ нижнемъ этажѣ мраморные. Балки половъ и потолковъ второго этажа тоже желѣзныя. Деревянные полы насланы по войлокамъ-же, и только этотъ слой половъ, да двери и сдѣланы изъ дерева. За тѣмъ верхнія связи и стропилы опять желѣзныя, оконныя рамы бронзовыя, и даже гипсъ вездѣ замѣненъ металломъ, изъ котораго всѣ украшенія вышли такъ легки и нѣжны, какъ никогда не могли бы выйти изъ гипса.

Всѣ комнаты, назначенныя для картинъ, обтлупты малиновыми обоями, и изъ этого малиноваго фона картины удивительно хорошо выходятъ. Чрезвычайно также выгодно для картинъ освѣщеніе сверху, устроенное въ галлерей и трехъ главныхъ залахъ. Многія картины еще не разставлены, и многихъ комнатахъ еще вовсе нѣтъ вещей, для которыхъ онѣ назначены. Впрочемъ работа кипитъ, и вѣроятно кончится съ обычной у насъ быстротой.

Что касается до великолѣпной отдѣлки залъ второго этажа, я могу о ней сказать только то, что рисунки ихъ мозаическихъ половъ, ихъ плафоны, ихъ двери и всѣ прочія украшенія до безконечности изящны и до безконечности разнообразны. Двери всѣ съ превосходной инкрустаціей и въ каждой комнатѣ въ особомъ вкусѣ: то краснаго королевскаго дерева съ золоченой бронзой, то палева съ фіолетовымъ рисункомъ, то бѣлая съ малиновымъ и т. д. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ этихъ дверей, а следовательно и вышинѣ комнатъ, стоитъ только сказать что двери прежняго Эрмитажа, сдѣланныя въ величину Ватиканскихъ, кажутся, передъ новыми, пигмеями. Говорятъ, что когда иностранные художники, которымъ была поручена работа дверей, получили мѣру ихъ, такъ они вошли съ вопросомъ: не ошибка-ли это?.. До того показались онѣ имъ колоссальны!... Резко бросилось имъ въ

глаза, своей оригинальностью, одно зало второго этажа, расписанное въ Помпейскомъ вкусѣ. Стѣны его разбиты въ большіе, соответствующіе величинной оконнымъ простѣвкамъ, параллелограммы, то ярко лазореваго, то ярко пушцоваго цвѣта, съ свѣтлыми и тоже довольно широкими промежутками. По этому яркому фону, мѣстами набросаны легкія очертанія фигуръ, подобныя тѣмъ, какія мы видимъ на древнихъ памятникахъ Египетскихъ. Выше и ниже каждаго параллелограма, написаны, въ видѣ медальйоновъ, небольшія пейзажи, самаго горячаго колорита. Живопись потолка, рисунокъ пола и никустація дверей вполне соответствуютъ стилю.

Чрезвычайно оригинально также другое зало второго этажа, которое, кромѣ настоящаго своего названія, т. е. соответствующаго тому, что будетъ помѣщено въ немъ, носить еще названіе *Шатроваго*, потому что потолокъ его сведенъ, въ видѣ длиннаго шатра, на два ската. Украшенія потолка, не смотря на все свое богатство, и здѣсь соответствуютъ, какъ нельзя лучше, формѣ: это что то въ родѣ богатой ткани, съ золотыми звездами и полосками.

Такъ какъ прямой входъ, съ парадной лѣстницы, прямо въ *Галерею древней живописи*, а *Аванъ-залъ* остается уже позади лѣстницы, то въ него устроенъ ходъ, съ верхней ея площадки, двумя галереями, идущими по обѣимъ сторонамъ пространства, занимаемаго лѣстницей. Галереи эти длиною въ 18 сажень, и шириною въ 5 аршинъ. Каждая изъ нихъ ограничивается отъ пустоты, находящейся надъ лѣстницей, колоннадой въ 10 колошгъ, изъ Сердобольскаго гранита.

Аванъ-залъ съ хорами, которые смѣло поставлены на четырехъ колоннахъ, расположенныхъ въ квадратъ, и отдѣляющихся одна отъ другой на 12 аршинъ. Потолокъ его сведенъ куполомъ. Помню, что эта комната отдѣлана съ особеннымъ великолѣпиемъ, но подробностей ея украшеній не могу припомнить теперь. Когда я вышелъ изъ зданія Эрмитажа, всѣ эти громкія залы съ своими безкопечно-разнообразными украшеніями, всѣ эти картины, вазы, статуи, весь этотъ блескъ, все это великолѣпіе, все изящество—слились въ головѣ моей въ какую-то общую, гигантскую массу красоты и величія.... Мнѣ казалось, что я спалъ волшебнымъ сномъ, во время котораго меня переносили въ одинъ изъ дворцовъ, созданныхъ роскошнымъ воображеніемъ Шехеразады....

П. Сумароковъ.

Въ дополненіе извѣстій почтеннаго корреспондента сообщимъ еще пѣсколько данныхъ о Петербургѣ, которыя, хотя и относятся къ минувшему времени, но никогда не могутъ потерять своего значенія, утѣшительнаго для каждаго. Мы говоримъ о недавно обнародованномъ отчетѣ о дѣйствіяхъ Человѣколюбиваго Общества. Изъ него видно, что въ 1849 году, по вѣдомству Общества, благотвореніями воспользовались до 23 т. бѣдныхъ семействъ; въ томъ числѣ: болѣе 19 т. въ Петербургѣ, слишкомъ 2 т. въ Москвѣ, а остальные въ Казани, Воронежѣ, Слудкѣ и Калугѣ, гдѣ существуютъ Комитеты Человѣколюбиваго Общества. Щедроты Императорской Фамиліи были, какъ и прежде, постоянными средствами для дѣйствій Общества: онѣ доставили ему до 124 т. р. Пожертвованій частныхъ благотворителей поступило около 135 т. р.; дохода съ принадлежащихъ Обществу недвижимыхъ имѣній и капиталовъ слишкомъ 100 т., и разныхъ другихъ суммъ 38 т. р. Весь приходъ Человѣколюбиваго Общества составлялъ болѣе 397 т. р., а расходъ до 330 т. Принадлежащій ему капиталъ къ 1850 г. простирался почти до милліона р. с. Сверхъ того его же вѣдомству принадлежать: 9 домовъ въ Петербургѣ, 11 домовъ и 2 лавки въ Москвѣ, 5 домовъ въ прочихъ городахъ и болѣе 4300 душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ.

Переходимъ теперь къ ученымъ, литературнымъ и прочимъ новостямъ Петербурга.

Вышелъ 2 й выпускъ III тома Записокъ Археологическаго Общества, заключающій въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія наиболѣе замѣчательныя статьи: Планъ изученія Русской нумизматики, И. П. Сахарова; о Русской гривнѣ въ XI и XII вѣкѣ, П. Казанскаго, и хронологическое обзореніе 50 подземныхъ археологическихъ находокъ, А. Пискарева

По примѣру Училища Правовѣднія, и въ Александровскомъ Лицѣе открыто, 13 Января, преподаваніе палеографіи, кафедра которой также поручена И. П. Сахарову.

«Курсъ химической технологіи», составленный профессоромъ Петербургскаго Университета, Г. Ильенковымъ, скоро долженъ выйти въ свѣтъ. При недостаткѣ хорошихъ, общепонятныхъ, руководствъ по этой наукѣ, «Курсъ» Г. Ильенкова, снабженный атласомъ чертежей, появится весьма кстати.

Новое періодическое изданіе: «Журналъ для дѣтей», издаваемый Г. Чистяковымъ, выходитъ очень исправно. Мы получили первые 5 номеровъ его. Наружность его красива, содержаніе довольно разнообразно. Но если можно поблагодарить издателя за статьи въ родѣ: «Счастіе и несчастіе молодой елки», «Что было въ 1703 г

на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Петербургъ»; «Фарскіе острова, (которые мы привыкли называть *Ферерскими*), то также можно позволить себѣ заметить, что журналъ не потерялъ бы ничего, не помѣщая такихъ статейъ, какъ «живость воображенія и чувства у Неполитзцевъ», или «Малиновый кустъ», мало занимательны или «Вліаніе христіанства на нравственность», статейку, едва ли вполне понятную для дѣтей. Замѣчаемъ это, искренно желая успѣха издателю, потому что, несмотря на существованіе прекрасныхъ дѣтскихъ журналовъ («Лучи», и «Звѣздочка»), издаваемыхъ Г-жею Ишимовой, новое изданіе въ этомъ же родѣ не можетъ быть лишнимъ при бѣдности нашей дѣтской литературы.

При С.-Петербургскомъ Университетѣ открылась вакантная кафедра адъюнкта Русской словесности.

Извѣстный нашъ ученый П. И. Кеппель издалъ: «Этнографическую карту С.-Петербургской губерніи» (Ethnographische Karte des St Petersburgischen Gouvernements, etc). Эта карта составляетъ часть обширнаго труда, предпринятаго и почти оконченнаго Г. Кеппеномъ — именно этнографической карты всей Россіи.

Выставка художественныхъ рѣдкостей еще не открылась, но художественныя новости не перестаютъ появляться, и на этотъ разъ мы можемъ сообщить одну изъ самыхъ пріятныхъ. Заслуженный нашъ художникъ, Графъ Ѳ. П. Толстой, дарованія котораго сколько разнообразны, столько и замѣчательны, нарисовалъ и вырѣзалъ на мѣди; какъ извѣстно, 63 рисунка, содержаніе которыхъ заимствовано изъ *Душеньки* Богдановича. Что исполненіе ихъ превосходно — въ этомъ нельзя и сомнѣваться; но для насъ дороже всего мысль художника — взять предметъ для своего вдохновенія изъ Русской словесности. Рисунки изъ «Душеньки» совершенно готовы, и продаются по 30 р. с. но для облегченія желающихъ приобрести ихъ, изданіе раздѣлено на 6 выпусковъ, съ разсрочкою всей цѣны.

Скоро откроется настоящій музыкальный сезонъ (слово, которое, сказать кстати, вполне передается Русскимъ: *пора*). Въ числѣ разныхъ знаменитостей, Петербургъ ожидаетъ гортеніаниста Шулгофа, котораго ставить наряду съ Листомъ и Тальбергомъ. — Высокая классическая музыка, по примѣру прошлаго года, будетъ исполняема на музыкальныхъ вечерахъ Концертнаго Общества, директоръ котораго извѣстный композиторъ А. Ѳ. Львовъ. Концертовъ предполагается дать три. Если сборъ будетъ столь значительенъ, что, сверхъ расходовъ, окажется остатокъ, положено изъ этихъ остатковъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, основать капиталъ, проценты съ котораго будутъ выдаваться вдовамъ и сиротамъ

Русскихъ артистовъ, принимавшихъ участіе въ музыкальныхъ вечерахъ Общества.

На Театръ-Циркъ постоянно даются пылы водевилы, небольшія комедіи, вообще тамъ называемыя легонкія пьесы, въ которыхъ могли бы развиваться дарованія молодыхъ артистовъ, только что вступающихъ на драматическое поприще, и следовательно еще мало опытныхъ, не освоившихся съ условіями сцены. Въ числѣ этихъ пьесъ мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили Недоросля, Сбитеньщика, Мельника, и другихъ старыхъ знакомыхъ, совсѣмъ было вытѣшенныхъ со сцены скороспѣлыми печенками современной драматургіи и нелпыми передѣлками съ Французскаго. Право, гораздо пріятнѣе слушать простыя пьесы Сбитеньщика, чѣмъ приторно-двусмысленныя куплеты какого-нибудь москѣ Жака, переименованнаго въ Ивана Яковлевича....

Г. Ревильонъ, известный словолитецъ, отличный мастеръ своего дѣла, посылаетъ на выставку въ Лондонъ образцы отливаемыхъ имъ типографскихъ буквъ, съ ихъ матрицами (т. е. мѣдными формами, въ которыхъ онѣ отливаются). Чтобы можно было судить о почеркѣ этихъ буквъ, онъ напечаталъ на одномъ листѣ «Образцы» буквъ, употребляемыхъ разными народами, населяющими имперію Россійскую». Всѣхъ шрифтовъ 12: Церковно-Славяскій, Русскій, Польскій, Сербскій, Валахо-Молдавскій, Нѣмецкій, Зырянскій, Еврейскій, Армянскій, Грузинскій, Арабскій и Калмыцкій. Мысль эта довольно счастлива, и мы желаемъ полного успѣха Г. Ревильону, хотя еще болѣе желаемъ, чтобы Русскія книги печатались по крайней мѣрѣ въ половину такъ хорошо, какъ иностранныя....

Между тѣмъ, приглашая всѣ страны къ состязанію своей промышленности, всемірная выставка подаетъ поводъ и къ состязаніямъ другаго рода. Англійскіе любители шахматной игры рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ для осуществленія любимой и давней своей мысли — устроить большой шахматный турниръ между игроками всѣхъ націй. Корифей Англійскихъ игроковъ, Г. Стаунтонъ, обратился къ одному Петербургскому любителю шахматовъ, съ просьбою сдѣлать известными въ Россіи предложенія и вызовъ Англійскихъ игроковъ. Лондонскій шахматный клубъ составилъ для этого особый комитетъ, въ числѣ членовъ котораго входятся нѣсколько самыхъ аристократическихкихъ именъ Англіи. Комитетъ этотъ приступитъ къ собранію по подпискѣ значительной суммы, которая будетъ раздѣлена на преміи, назначенныя для розыгрыша между лучшими шахматными игроками всего свѣта,

на слѣдующемъ основаніи. Если подписная сумма достигнетъ тысячи фунт. стерл. (7 т. р. сер.), половина ея назначена будетъ въ премію на состязаніе между двумя игроками всѣхъ націй, которые внесутъ каждый въ общій фондъ по 5 ф. ст. Затѣмъ вторая премія, въ 100 ф. ст., будетъ разыграна между нѣкоторымъ числомъ неустоявшихъ бойцевъ первой главной игры. Потомъ известное число посѣднееуцѣлѣвшихъ во второмъ сраженіи будетъ состязаться о третьей преміи въ 50 ф. ст., и наконецъ также произойдетъ розыгрышъ четвертой преміи въ 25 ф. ст. Независимо отъ этого будетъ разыгрываться премія въ 100 ф. ст. между одними Англійскими провинціальными игроками. Сверхъ того, будутъ опредѣлены разные меньшія преміи для частныхъ ратоборствъ, а въ заключеніе будетъ разыгранъ весь остаточный фондъ въ одну партію, которая составитъ между восемью избранными игроками разныхъ націй, четыре въ совѣщаніи съ одной стороны и четыре съ другой. — Для тѣхъ, кому вѣдать о семъ надлежитъ, этотъ вызовъ есть дѣло первостепенной важности, и вѣроятно, между нашими любителями шахматовъ найдутся такіе, которые захотятъ помѣрить свои силы съ чужеземцами. Имена Гг. Петрова и Яниша, прозваннаго Русскимъ Филидоромъ, не даромъ приобрѣли такую громкую извѣстность, а сочиненіе посѣдняго о шахматной игрѣ и доселѣ считается классическимъ. Не будучи любителями никакой игры, мы, однакожъ, отдали бы шахматамъ предпочтеніе передъ всѣми, еслибъ каждому было уже необходимо во что-нибудь да играть. Здѣсь есть работа уму, и странно, что человекъ бѣжитъ большею частію отъ этой работы, соглашаясь быть полумашиною за преферансомъ и даже просто деравяшкой, какъ это было при лото....

Письмо изъ Казани.

... Можетъ быть вы видѣли изъ газетъ извѣстіе о кончинѣ бывшаго профессора Китайской и Маньчжурской словесности *Иосифа Павловича Войцеховскаго*: она посѣдовала 7 Ноября 1850 года, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни.

Иосифъ Павловичъ Войцеховскій родился въ 1793 году, Кіевской губерніи, Липовецкаго повѣта въ селѣ Цебермановкѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Кіевской Духовной Академіи, а оттуда поступилъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1819 году, оказавъ отличныя познанія въ медицинскихъ нау-

кахъ. Въ это время составлялась новая Пекинская духовная миссія, и молодой врачъ Войцеховскій самъ изъявилъ желаніе поступить въ составъ миссіи.... И вотъ онъ въ Китаѣ: жажда познаній и желаніе показать передъ Китайцемъ могущество Европейской науки волнуютъ его; но предубѣжденіе Китайцевъ противъ всего Европейскаго препятствуетъ достиженію цѣли. Наконецъ счастливый случай преодолеваетъ упорное отвращеніе Китайцевъ отъ нашей медицины. Заболѣвъ одинъ Китаецъ, бывшій послушникомъ при старомъ католическомъ епископѣ Кастанъ Пиресъ; Китайскіе врачи нашли его неизлечимымъ; Войцеховскій его вылечилъ. Съ этихъ поръ на Русскаго медика начали смотреть благосклоннѣе, начали вѣрить ему, начали призывать его на помощь во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Одинъ изъ членовъ Богдыханской фамилии впасть въ тяжкую и злокачественную болѣзнь: Китайскіе врачи истощили надъ нимъ все свои свѣдѣнія, но ни мало не облегчили недуга.... Рѣшились обратиться къ Русскому врачу, и Осипъ Павловичъ къ общему изумленію умѣлъ излѣчить Принца совершенно. Тогда мѣсто прежняго предубѣжденія заступила до-вѣренность къ Войцеховскому; знатнѣйшіе дома открылись для него; вельможи искали его знакомства. Въ числѣ ихъ былъ знаменитый Кутухту Минъ-Джуль, второй, по старшинству, духовный сановникъ поднебесной имперіи, къ которому и владѣтели Князья могли приближаться не иначе какъ на когтяхъ. Онъ сдѣлался искреннимъ другомъ Войцеховскаго, посѣщалъ его за-просто, и нередко бесѣдовалъ объ истинахъ Святаго Евангелія. Тогдашній начальникъ миссіи, архимандритъ Петръ Каменскій, соображая всю важность столь тѣснаго сближенія одного изъ членовъ миссіи съ Минъ-Джуломъ, чтобъ дать средства Войцеховскому поддерживать обширныя связи съ Китайцами, удѣлялъ ему значительную часть своего жалованья, потому что Осипъ Павловичъ не хотѣлъ принимать никакихъ денежныхъ вознагражденій за свое врачеваніе. Это и было причиною того, что онъ, имѣя случай значительно обогатиться въ Китаѣ, возвратился въ отечество прежнимъ бѣднякомъ. За то онъ оставилъ по себѣ въ Пекинѣ громкую славу. За излѣченіе Принца Верховный Трибуналъ предложилъ Войцеховскому избрать себѣ награду, но онъ отказался. Тогда 19 Ноября 1829 года Пекинъ сдѣлался свидѣтелемъ слѣдующаго торжества: въ Императорскихъ послыкахъ, въ сопровожденіи важнѣйшихъ сановниковъ и безчисленнаго множества народа, при звонѣ и громѣ музыкальныхъ орудій, съ пышными церемоніями, — на которыхъ такъ изобрѣтательны Китайцы, — принесена была въ Русское подворье

и поставлена въ залѣ миссіонерскаго дома толстая деревянная доска 13 четвертей въ длину и 6 въ ширину (въ Университетскомъ Кабинетѣ рѣдкостей съ нею есть копія) На этой доскѣ Китайская надпись, въ которой отдается Войцеховскому преимущество передъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ Китайскихъ врачей; внизу и вверху другая латинская надпись:

Magni Principis Cho scho Ly cín Wang junior frater Ci van Czang.
Medico Josepho Woycechowsky 1829 anno Novembr. 14.

По возвращеніи въ Россію, Осипъ Павловичъ въ званіи врача причисленъ былъ къ Азіатскому Департаменту. Съ тѣмъ же духомъ безкорыстія и самоотверженія онъ исполнялъ свою обязанность. Въ свободное отъ медицинскихъ заплтій время онъ занимался составленіемъ обширнаго «Словаря Китайско-Маньчжурско-Русскаго», но къ сожалѣнію не успѣлъ привести его къ концу: нынѣ эта рукопись принадлежитъ Университетской Библіотекѣ.

Въ 1844 году онъ назначенъ былъ въ нашъ Университетъ, на мѣсто выбывшаго архимандрита Данила Сивилова, исправляющимъ должность ординарнаго профессора Китайской и Маньчжурской словесности. Первые годы онъ предался совершенно новому своему назначенію; но холера «старый знакомый его» — какъ называлъ ее Войцеховскій, потому что изъ Русскихъ врачей онъ первый познакомился съ нею въ Пекинѣ въ 1820 г., — холера вызвала его на прежнее поприще. И, надѣбно сказать, эта старая знакомка не любила встречи съ Войцеховскимъ: она удалялась куда онъ являлся; онъ хорошо постигалъ тактику этого врага, и билъ и вытѣснялъ его изъ позиціи. Громкая извѣстность, особенно въ небогатомъ классѣ, распространилась о Войцеховскомъ, кругъ дѣятельности его расширился, число пациентовъ увеличилось: и повсюду, и всегда, не удерживаемый непогодю и ненастьемъ, ни даже собственною болѣзнію, Войцеховскій спѣшилъ на помощь. По прежнему безкорыстный, онъ все свои визитаціи дѣлалъ пѣшкомъ, потому что, обремененный большимъ семействомъ, не въ состояніи былъ завести лошадь и экипажъ. И эти труды сокрушили его. Весною 1850 года оказались въ Осипѣ Павловичѣ давно таившіеся признаки водяной болѣзни; но, не стотря на свои страданія, онъ не отказывался отъ призыва страждущихъ. Въ Іюль онъ совершенно слегъ въ постель.... Пороку и тутъ онъ еще крѣпился, надвѣлся на свои силы; но смерть срзиза его...

10 Ноября, въ Университетской церкви, въ присутствіи Гг. попечителя, помощника его, ректора, профессоровъ, преподава-

телей, студентовъ и поегорошнихъ лицъ совершенно обмѣное отпаваніе усопшаго Известный Казанскій проповѣдникъ, священникъ А. Н. Юрданскій, въ краткомъ, но полномъ чувства, издробиномъ словъ очертилъ скромную, но богатую подвигами самоотверженія, жизнь скончавшагося....

3 Января скончался въ преклонныхъ лѣтахъ настоятель Университетскаго храма и бывший некогда преподаватель богословія въ Университетъ, протоіерей *Александръ Ивановичъ Нечаевъ*. Въ непродолжительномъ времени постараюсь сообщить вамъ некрологъ и этого замѣчательнаго лица (*).

Въ теченіе Января происходили въ Университетъ два докторскіе диспута. Первый былъ 14 числа адъюнкта *Н. М. Блго-вщченскаго*, представившаго диссертацию «De Romanorum tragoedia» на степень доктора философіи и классической филологіи. Второй — 28 числа — адъюнкта *А. А. Соколовскаго*, защищавшаго диссертацию. «De typho» на степень доктора медицины. Последний диспутъ касался не одной медицины, но также правовѣднія, исторіи и даже филологіи. Въ особенности отличался въ немъ живостію споръ, имѣвшій предметомъ исторію Римскихъ Императоровъ Антонина и Луція Вера.

Въ Казани съ половины Января даютъ понятіе объ Итальянской оперѣ четверо разъѣзжающихъ по святой Руси Итальянцевъ: примадонна Амалия Корбари, контральто Луиза Корбари, теноръ Поццоллини и баритонъ Монтани. Представленія они даютъ въ повѣмъ театрѣ: есть много восторженныхъ хвалителей, которымъ мы не вѣдимъ доверьяемъ, есть у насъ и букеты, и выкрики, etc... etc... только.... Впрочемъ я не навязываю своего мнѣнія... Прошу однако представить, каковъ эффектъ Лукреція Борджіа, Монтеки и Капулетти безъ хоровъ, не говоря о прочемъ....

О вкусахъ не спорять.... Но скажу: для меня важнѣе открывшася недавно здѣсь *Диорама* какого-то Г. Крахта. Не смотря на ужаснѣйшую безграмотность ея афишъ, (**) эта Диорама — какъ узналъ я навѣрное, мѣстное Казанское произведеніе, хотъ и прикидывается заморскимъ — стоитъ посещенія и похвалы, и не уронила бы себя въ столицахъ. *Ал. Артемьевъ.*

1850 г. Января 31.

(*) Наусердѣннѣе просилъ всѣхъ нашихъ корреспондентовъ о подобныхъ извѣстіяхъ. Мы узнаемъ большею частію, что дѣлается у насъ другаго — давайте отдыхать сердцу на хорошемъ. Ред.

(**) Просилъ сообщить и эти curiosа. Ред.

ИЗЪ КІЕВА

11-го Января 1861 года.

Въ дополненіе къ книгамъ, исчисленнымъ нами въ 22 N Москвитина за 1850 г., мы упомянемъ здѣсь еще нѣсколько книгъ, вышедшихъ въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго года.

9) Воскресное Чтеніе за 1837 г. второе изданіе; 10) Примѣръ всесвѣтнаго Славянскаго чаромагія въ словѣ мажъ, открытый и составленный Платономъ Лукашевичемъ; — 11) Рѣчь о современномъ направленіи изящной словесности на Западъ Европы соч. профессора Лицея Кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, М. А. Тулова, 12) Стихотворенія Іосафа Неудачева. Явилось еще введеніе въ одно огромное сочиненіе на Французскомъ языкѣ, по части промышленности, подъ заглавіемъ 13) *Traité complet de la fabrication de sucre de betteraves, appliqué spécialement à l'économie rurale en Russie, avec un atlas de 10 planches en grand folio* par M. Ullgren: но когда явится самое сочиненіе—неизвѣстно. Еще нѣсколько очень важныхъ книгъ, изданныхъ въ прошломъ году, и нѣсколько новостей этого года, близкихъ къ выходу, о нихъ—въ свое время. Дѣятельность Кіева въ настоящее время слишкомъ развита, и въ то же время сосредоточена. Вы поймете это, когда вспомните, что въ Кіевѣ теперь (19 Января) начались Контракты, которые производятся только на Подоль. По окончаніи ихъ, мы постараемся представить въ извлеченіи самыя вѣрныя, оффиціальныя, данныя, касательно Контрактовъ. (*) Теперь можно сказать только то, что отсутствіе зимней дороги отъ Нѣжина до Кіева не помѣшало огромному привозу товаровъ и значительному стеченію пріѣзжихъ: последнее подтверждается дороговизною квартиръ. Развлеченій и удовольствій въ настоящее время въ Кіевѣ не такъ много; на театрѣ вмѣстѣ съ Русскою труппою даетъ свои представленія труппа Морриса, бывшаго Варшавскаго балетмейстера, и, какъ рѣдкое явленіе въ Кіевѣ, привлекаетъ много посѣтителей. Пріѣхали извѣстные въ музыкальномъ мѣрѣ артисты братья Венявскіе, Франкенштейнъ, малютки-артисты Марцинкевичевы, пѣвица Замецкая, пѣвецъ Джі-

(*) Просимъ нашего корреспондента свѣдѣній самыхъ обстоятельныхъ объ этомъ важномъ учрежденіи, о коемъ слишкомъ мало извѣстна у насъ Ред.

ордани; есть космо-паворама изъ Венеціи, есть механической оркестръ.... Вотъ и все! Намъ предстоитъ впоследствии пріятный долгъ сказать о концертахъ артистовъ нѣсколько словъ...

Кромѣ всѣхъ этихъ удовольствій, которыя бывають только теперь въ Кіевѣ, у насъ есть постоянныя, общественныя удовольствія: мы говоримъ о клубахъ, въ которыхъ проводимъ мы много пріятныхъ вечеровъ. Клубовъ въ Кіевѣ три: Дворянскій, Купеческій и Нѣмецкій. — Мы намѣрены здѣсь нѣсколько распространиться только о Купеческомъ Клубѣ и вотъ по какимъ причинамъ: во 1-хъ онъ гораздо болѣе процвѣтаетъ, нежели другіе; собранія въ немъ бывають чаще, нежели въ другихъ; во 2-хъ онъ посѣщается не только купеческимъ обществомъ, но и лицами изъ высшаго круга, стеченіе посѣтителей бывають въ немъ очень значительное; въ 3-хъ многіе иногородные, прибывъ въ Кіевъ, и желая ознакомиться съ обществомъ, непременно являються лишь въ Купеческій Клубъ; наконецъ въ 4-хъ, онъ, по самой строгой справедливости, заслуживаетъ почетнаго упоминенія, какъ сами дайте увидите. Кіевскій Купеческій Клубъ прекрасно выношаетъ свое назначеніе: это доказывается между прочимъ хорошими отзывами о немъ лицъ видѣвшихъ Московскіе Клубы, — тѣмъ еще, что почти всякій разъ бывають въ немъ очень много посѣтителей и тѣмъ непритворнымъ сожалѣніемъ дѣвиць, которыя иной разъ не бывають въ Клубѣ. Войдемте на нѣсколько минутъ Передъ вами — обширная зала съ колоннадой и хорами. Пространство между колоннами и составляетъ собственно залу; она такъ велика, что въ большія собранія составляетъ три круга кадрили, или до 80 паръ; вдоль колоннъ разставлены диваны, кресла, стулья; промежутки между колоннами и стѣной наполняются не танцующими любителями собраній; во время антрактовъ между танцами здѣсь отдыхаютъ, прохаживаются.... Осмотритесь вокругъ, — вы останетесь очень довольны внутреннимъ видомъ залы: хорошенькіе фестоны вверху колоннъ, красивыя гардины украшаютъ залу; яркій свѣтъ отъ люстръ, кенкетовъ и лампъ озаряетъ передъ вами множество лицъ, на которыхъ чего-чего вы не увидите: и самоудовольство, и надежды, и восторженность — все тѣ чувства и ощущенія, которыми такъ богата и свѣтла молодая жизнь. Изъ залы перейдемъ въ гостиную. Вы не успѣете полюбоваться прекрасной обстановкой ея — мебелью, обоями, освещеніемъ: передъ вами засверкають очаровательными лица, пышные, изящные разноцветныя уборы. Вы засмотритесь невольно и долго. Уйдемте отсюда скорѣй; если вы еще молоды, я боюсь за ваше сердце. Но и хладнокровный наблюдатель

замѣтить здѣсь много пріятнаго, интереснаго, оригинальнаго — не въ саркастическомъ значеніи этого слова: рѣзки въ особенностей, забавныхъ провинціализмовъ, онъ здѣсь почти не найдетъ. И при самомъ строгомъ обзорѣ вы останетесь довольны этимъ Клубомъ, и унесете съ собою пріятное впечатлѣніе.... Собранія въ Клубѣ продолжаются до 3-хъ, 4 часовъ и болѣе, порой бываетъ два хора музыки и тогда антрактовъ между танцами нѣтъ никакихъ. Маскарады 1-го и 6-го Января въ этомъ году были такъ хороши во всемъ, богаты костюмами, масками и домино, такъ веселы, что не оставалось желать ничего лучшаго. Мы не станемъ здѣсь говорить объ усердіяхъ и стараніяхъ гг. директоровъ Клуба, А. Глезера, М. Пирожкова, М. Дычкова и директора-основателя Клуба, Василія Ивановича Смородинова: посѣтителемъ оно видно очень хорошо, — не бывающимъ оно ясно покажется, когда мы, въ свое время, представимъ нѣсколько строкъ о происхожденіи и развитіи Кіевскаго Купеческаго Клуба....

Подписка на журналы развивается въ Кіевѣ годъ отъ году болѣе и болѣе. Уже всѣмъ стало извѣстно что почти все лучшее, замѣчательное въ области литературы появляется въ журналахъ. Часто слышишь вопросъ: «что, вы выписываете журналъ? какой?», и вслѣдъ за тѣмъ возникаютъ толки, споры о преимуществѣ и достоинствахъ журналовъ. Есть у насъ и партій, приверженцы одного какого-либо журнала. Сколько намъ извѣстно, до 140 экземпляровъ выписывается въ Кіевѣ всѣхъ журналовъ въ совокупности. Кабинетъ чтенія и новостей П. П. Должикова едва успѣваетъ удовлетворять разнообразнымъ и прихотливымъ желаніямъ своихъ читателей; въ немъ всегда большое стеченіе, безпрестанная, расторопная дѣятельность, увеличивающая время отъ времени, свои размѣры. Толки о литературѣ и журналистикѣ становятся все чаще и чаще, проникаютъ въ гостиныя... П. С.

...Изъ Кіева мы попросимъ нашихъ читателей послѣдовать за нами въ Ярославль—на выставку. Выставка эта была скромная, не казистая, потому что происходила въ *сель* Великомъ, находящемся вблизи Ярославля, и посвящена была *сельскимъ* произведеніямъ губерній Ярославской, Владимирской, Костромской, Тверской, и Вологодской. Она была еще въ Сентябрь мѣсяць прошлаго года, по свѣдѣнію о ней получены тольکو недавно. Въ первомъ отдѣленіи выставки находились произведенія хлѣбопашества, огородничества, садоводства и пчеловодства—въ числѣ слишкомъ 180 нумеровъ. Во второй залѣ расположены были земледѣльческія орудія, машины, рыбацкія снаряды, и проч. Здѣсь особенно замѣчательны были Путиловскія косы (изъ деревни Путиловой, Ярославской губ.), вытѣсняющія нынѣ изъ употребленія иностранныя; лучшій мастеръ этихъ косъ крестьянинъ, Кондрашевъ, награжденъ серебряною медалью. Третье отдѣленіе наполнено было слишкомъ 200 нумерами рукодѣльнаго искусства и мастерства. Здѣсь можно было замѣтить шляпу, сшитую изъ корней можжевельника крестьяниномъ Павловымъ; шитье волосомъ по атласу—дворовой женщины Терентьевой; рубашку безъ швовъ, сотканную изъ суроваго полотна молодымъ ткачемъ Перетячиннымъ; хлопчатую бумагу и пряжу изъ нея (оказавшуюся весьма годною для употребленія въ свѣтильникахъ), представленныя крестьяниномъ Кобыковымъ, и приготовленныя имъ изъ мѣстнаго растенія, называемаго въ простонародіи «розанкою». Кобыковъ награжденъ за это серебряною медалью. Въ четвертомъ отдѣленіи заключались произведенія ткацкаго мастерства платки, полотна, холсты и льняная пряжа, въ числѣ слишкомъ 250 нумеровъ. Для поощренія здѣшней льняной промышленности, произведена была для Высочайшаго двора покупка полотень и платковъ на сумму около 2800 р. с. Въ пятomъ отдѣленіи находились животныя, и большихъ размѣровъ машины и орудія. Въ послѣдній день выставки произведено было испытаніе земледѣльческихъ орудій, а затѣмъ розданы были награды. (Четверо крестьянъ получили серебряныя медали). Выставка продолжалась четыре дня.

Да и вообще, мало ли дѣлается у насъ изобрѣтеній, замѣчательныхъ въ своемъ родѣ и остающихся безызвѣстными потому только, что имъ недостаетъ гласности.... Отнынѣ «Внутреннія Извѣстія» будутъ внимательно слѣдить за подобными явленіями, въ какомъ бы родѣ они ни были, къ какой бы отрасли промышленности ни относились.

Пока одно любопытное извѣстіе сообщаетъ Вологда.

Тамошній поміщикъ О. И. Варакингъ, извѣстный сельскимъ хозяевамъ изобрѣтенною имъ вѣялкою, устроилъ недавно новую машину — «хлѣбную сортировку». — Каждый хозяинъ знаетъ, какъ необходимы для посѣва отобранныя, тяжеловѣсныя, спѣлыя семена. Вся извѣстная доселѣ сортировальная машина имѣла одну и ту же установку для всѣхъ сортовъ хлѣба, и, слѣд., отдѣляла сѣмянную хлѣбъ силою вѣтра, дѣйствующаго сильнѣе на хлѣбы легкіе и слабѣе на тяжелыя, чрезъ что, при тяжеломъ хлѣбѣ, отдѣлялось сѣмяннаго больше, а при легкомъ меньше; и потому невозможно было получить каждаго сорта въ желаемомъ количествѣ. Изобрѣтенная же Г. Варакингомъ сортировальная машина отличается простотою устройства, и, при помощи двухъ подвижныхъ досокъ, раздѣляетъ хлѣбъ на три сорта, отдѣляетъ изъ лучшаго количества хлѣба въ каждый сортъ произвольную часть, не требуетъ ни малѣйшаго собиранія со стороны рабочихъ, которые тутъ служатъ единственно двигательною силою; легка такъ, что одинъ работникъ можетъ безъ усталости дѣйствовать ею цѣлый день; сортируетъ въ часъ овса и ячменя до 9 четвертей, ржи до 12. При ней нужно четыре работника: одинъ для насыпанія хлѣба, другой для приведенія ея въ дѣйствіе, и двое для уборки сортированнаго хлѣба. Точность ея дѣйствія такова, что она отбираетъ гусинецъ отъ овса, который въ иныхъ мѣстностяхъ родится въ этомъ хлѣбѣ обильно, и ни обыкновенными сортировками, ни вѣтромъ не отдѣляется. — Сортировка Г. Варакина стѣитъ въ Вологдѣ 20 р. с.

Изобрѣтайте, Русскіе люди, соревнуйте щедротамъ своей доброй земли, которая далеко еще не обнаружилъ всѣхъ богатствъ своихъ. Давно зовется Сибирь «золотымъ дюномъ», на многіе миллионы каждаго года черпается изъ нея разныхъ металловъ, а между тѣмъ источники ихъ не только не изсякаютъ, но постоянно увеличиваются. Изъ недавно обнародованнаго отчета о дѣйствіи поисковыхъ партій въ Алтайскомъ горномъ округѣ (1849 г.), узнаемъ, что въ Зминогорскомъ округѣ, въ окрестностяхъ Семеновскаго рудника, открыта новая жила богатыхъ свинцовыхъ рудъ, содержащемъ до 1½ золотника серебра и отъ 8 — 26 фунтовъ свинца; мѣсторожденіе это подаетъ надежду, что въ немъ будетъ открытъ значительный запасъ руды, а потому развѣдка его тщательно продолжается. Въ окрестностяхъ Риддерскаго рудника вновь найдены нѣсколько жилъ съ рудными признаками въ томъ же отрогѣ горы, который уже заключаетъ въ себѣ: Крюковскій и Соколыный рудники, Ильинскій и Успенскій пріиски. Вообще этотъ отрогъ заслуживаетъ особаго вниманія по своей рудоносности, и провадъ

въ немъ новой водоотводной штольни подь старыя работы Крюковскаго рудника, продолжавшіяся уже четыре года, безъ сомнѣнія принесеть со временемъ большую пользу. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что еще въ прошедшемъ году, между такъ называемыми западными и восточными работами Крюковскаго рудника, встрѣчена, при самой поверхности, рудная толща, содержащая отъ 6 до 20 и даже 48 зол. серебра въ пудъ руды. Кроме того въ Сокольномъ рудникѣ, развѣдкою съв. западной оконечности мѣсторожденія, найденъ новый запасъ руды, по длинѣ на 25 саж. и по толщинѣ до 10 саж., содержащая до $1\frac{1}{4}$ зол. серебра въ пудъ, такъ, что въ этомъ пріобрѣтеніи можно полагать околю 480 пудовъ серебра. А серебро начинаетъ теперь цѣниться за границею очень дорого.

Въ противоположномъ краю Россіи — въ Керчи, найдены двѣ превосходнѣйшія мраморныя статуи, о чемъ мы уже извѣщали нашихъ читателей. Вотъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ драгоценномъ пріобрѣтеніи для тамошняго Музеума. Изслѣдованіе кургановъ въ прошломъ году, по отсутствію изъ Керчи Г. Ашика, поручено было Г. Арпу. На разстояніи около версты къ с. в. отъ Керчи находится небольшое селеніе Глинище; оно расположено среди нѣсколькихъ сотенъ кургановъ, принадлежащихъ, по мнѣнію Г. Ашика, къ Римскому періоду Пантикапей; многіе крестьянскіе дома примыкають къ курганамъ, а нѣкоторые построены въ нихъ самихъ. Два изъ этихъ кургановъ, замѣтные болѣе прочихъ, были раскапываемы много разъ (Гг. Дюбрикомъ, Бларамбергомъ и Ашикомъ), но безъ всякаго успѣха. Поиски Г. Арпы были счастливы. Въ одномъ курганѣ, на глубинѣ 2 саж., онъ нашелъ статую, представляющую мужчину лѣтъ 30, въ туникѣ и въ широкой мантии, называвшейся у Римлянъ pallium. Правая рука статуи прижата къ груди, и прикрыта мантиею; въ лѣвой вѣроятно находился свертокъ папируса, судя по положенію руки, лишенной двухъ пальцевъ и свертка. Волосы на головѣ коротки и кудрявы; подбородокъ безъ бороды; выраженіе лица благородно. Ноги обуты котурномъ, и возлѣ видны многіе свертки папируса и ларчикъ (cistinium) съ замкомъ. Статуя величиною почти въ 3 аршина, и очевидно помещалась на пьедесталѣ. Свертокъ, предполагаемый въ лѣвой рукѣ, и тѣ, что находятся у ногъ, заставляютъ видѣть въ ней изображеніе поэта или гражданскаго сановника. — Съ тѣхъ поръ, какъ въ Керчи, занимаются разрытіями, тамъ открыто нѣсколько

сотенъ замѣчательныхъ гробницъ разнаго рода, но никогда еще не было найдено мраморной статуи. Отдымка найденной статуи отличаетъ смѣлый рѣзецъ; это прекрасное произведеніе Греко-Римскаго ваянія, привлекающее вниманіе изящною соразмѣрностію частей, общностію, полною вкуса, и положеніемъ, исполненнымъ естественной красоты. Это замѣчательное открытіе усилило ѣрвеніе разыскателя, и вскорѣ въ развалинахъ склепа онъ нашелъ другую статую — женскую. Она немного менѣе первой (2¼ арш.); но въ отношеніи къ работѣ несравненно выше ея. Эта женщина, по видимому, тѣхъ же лѣтъ, что и мужчина; она одѣта въ длинную тонкую тунику (*tunica talaris*), ниспадающую отъ шеи до ногъ, и въ широкій «пеплоны», покрывающій ей голову и плечи. Таково бываетъ обыкновенно изображеніе женщины въ погребальномъ нарядѣ, приличномъ для статуи, назначенной для помѣщенія въ гробницѣ. Прекрасная голова покрыта слегка вьющимися волосами. Живая выразительность, сіяющая въ лицѣ, дѣлаетъ его почти одушевленнымъ. Правая рука, такъ же какъ и въ мужской статуй, покрыта пеплономъ; лѣвая слегка приподнимаетъ пеплоны, легкія и волнующіяся складки котораго придаютъ драпировкѣ невыразимую прелесть: глазъ какъ бы чувствуетъ сквозь нея нагія формы тѣла. Ноги ея обуты Греческимъ женскимъ котурномъ, привязаннымъ ремнями. Доконченность этой статуи, ея наружность и прелестныя формы даютъ ей право поспорить въ превосходствѣ со многими изъ знаменитѣйшихъ произведеній, хранящихся въ Италіи; кажется, видишь живую женщину, остановившуюся неподвижно подѣ вліаніемъ овладѣвшей ею печали. Статуи сохранились вполне, но пьедесталовъ нѣтъ. Кругомъ нихъ не найдено ничего, что могло бы опредѣлить эпоху, къ которой онѣ принадлежатъ; но Г. Ашикъ полагаетъ, что это произведенія Римскія и относятся ко времени Имперіи.

20 Декабря, въ Керчи же любители музыки давали концертъ въ пользу бѣдныхъ, а черезъ десять дней разыграна была лотерея, также съ благотворительною цѣлю.

Въ Вознесенскѣ театръ любителей въ пользу благотворительныхъ заведеній, можно сказать — постоянный. Лѣтомъ играютъ въ городскомъ театрѣ, а зимой въ дворцовой галлерей, гдѣ устроены сцена, кресла для ста особъ, и партеръ для такого же числа воспитателей. Представленія любителей съ благотворительною цѣлю начались еще въ 1847 г. Походъ войскъ за границу, казалось, уничтожилъ это прекрасное учрежденіе, которымъ городъ обязанъ былъ Г-жѣ Герстенцвейгъ; но съ возвращеніемъ войскъ, въ Вознесенскѣ опять родилось желаніе составлять спектакли въ пользу

бѣдныхъ, и за возобновленіе ихъ надобно благодарить Князя А. Г. Багратиона-Имеретинскаго. Спектакли начались 24 Ноября, и по 1 Января дано было десять представлений, и въ каждое театр не могъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ желавшихъ видѣть ихъ. Выборъ и исполненіе пьесъ прекрасны. Съ наступленіемъ великаго поста спектакли замѣняются концертами.

Въ Одессѣ главный вопросъ торговля. Прошедшій годъ въ этомъ отношеніи былъ для Одессы изъ блистательныхъ, хотя торговля, конечно, была довольно обширна. Общая цѣнность оборотовъ заграничной торговли при Одесскомъ портѣ простиралась слишкомъ до 25½ м. р. с., а именно: по отпуску до 16 ⅓ м., и по привозу около 8 ⅓ м. р. с. Таможенныхъ доходовъ поступило слишкомъ 2 мил. 170 т. р. Въ теченіи всего года навигація приостановлена была льдомъ только около мѣсяца. Судовъ въ карантинный портъ прибыло слишкомъ 800, а отошло оттуда болѣе 770.

Для будущей торговли Одессы довольно важно слѣдующее извѣстіе. До сихъ поръ шампанскія вина обыкновенно отправлялись въ Галтійскіе порты изъ Руана, а со времени открытія сѣверной желѣзной дороги (во Франціи) и учрежденія пароходства между Дюнкирхеномъ и Петербургомъ, большая часть шампанскихъ винъ, назначенныхъ въ Россію, стала отправляться черезъ Дюнкирхень. Руанскіе купцы, видя, что эта выгодная отрасль торговли переходитъ въ другія руки, стали заботиться объ открытіи ей новаго источника. Одинъ значительный торговый домъ первый сдѣлалъ попытку отправить грузы съ шампанскимъ прямо въ Одессу. Опытъ этотъ удался вполне, почему вѣроятно, и на будущее время шампанскія вина будутъ отправляться въ Одессу и другіе порты южной Россіи черезъ Руанъ, а не черезъ Марсель. Руанскіе купцы имѣютъ при этомъ въ виду еще и то, что тѣ же самые корабли, которые будутъ доставлять шампанскія вина въ Одессу, могутъ быть выгоднымъ образомъ употреблены на доставленіе въ Руанъ Русской шерсти для Эльбѣскихъ и Лувьерскихъ суковныхъ мануфактуръ. (Въ 1850 году въ Одессу привезено было 73½ т. бутылокъ шампанскаго на 130 т. р. с. Шерсти сырца отпущено за границу слишкомъ на 3½ мил. р. с.).

Литература Одесская не представила ничего замѣчательнаго. Печатается «Руководство по таможеннымъ дѣламъ Одесскаго порто-Франка, составленное, на основаніи законовъ», Г. Уманскимъ.

Съ 19 Января, профессоръ Гассгагенъ открылъ, въ залѣ Рихельскаго Лицея, публичныя чтенія «о химіи, приложенной къ

искусствамъ». Онъ предполагаетъ прочесть отъ 15 до 20 лекцій. Плата за весь курсъ назначена 10 р. с.

Пожертвованія для Одесской Богатильни сердобольныхъ сестеръ не оскудѣваютъ. Такъ, въ началѣ этого года Гг. Дума и Бикасъ основали въ ней одну больничную кровать, пожертвовавъ для этого 1,200 р. с.

Изъ Одессы въ Тифлисъ Газета «Кавказъ», подъ новою редакцію, Г. Сливицкаго, не перестаетъ процвѣтать.

Я. П. Полонскій написалъ драму въ 5-ти д., въ стихахъ, подъ названіемъ: «Дореджана».

Незнакомый съ Тифлисомъ или невидавшій его около года можетъ думать, что Тифлисъ освѣщается скудно. Но въ томъ-то и дѣло, что Тифлисъ, конечно, пока еще не весь, освѣщается *газомъ*. Мысль этого прекраснаго нововведенія принадлежить, разумется, Князю М. С. Воронцову. Устройствомъ газовога освѣщенія занимался Г. Иванецкій, и къ первому дню Светлой недѣли прошлаго года Тифлисъ впервые увидѣлъ газъ. Съ того времени число газовыхъ фонарей увеличилось, и теперь ихъ считается до 34. Они освѣщаютъ Головинскій проспектъ — главную улицу города. И такъ Тифлисъ третій изъ городовъ Русскихъ, послѣ Петербурга и Варшавы, ввелъ у себя одно изъ полезныхъ улучшеній гражданственности (Одесса освѣтилась газомъ послѣ него).

Свѣтъ бываетъ естественный и искусственный; вино также разделяется на природное и поддельное, и между тѣмъ какъ Руанскіе купцы хлопчуть о выгодахъ отправлять шампанское вино въ Петербургъ или въ Одессу, у насъ находятся люди, которые хлопчуть о средствахъ вовсе избавиться отъ иностранной монополіи въ винномъ отношеніи. «Го есть, не пить вина» — думаете вы. Нѣтъ, зачѣмъ же не пить — пить, но только свое, доморощенное, да не сусло какое-нибудь, а вино сфабрикованное такимъ образомъ, что его нельзя отличить отъ настоящаго. Известно, что всѣ виноградныя вина Юга успешно фабрикуются въ сѣверной Германіи, сбываясь за настоящія, и что это искусственное пойло не рѣдко встрѣчается и у насъ. Русскій человекъ давно перенялъ у Нѣмцевъ такое выгодное мастерство, и въ старые годы, гдѣ-то на берегахъ Яузы, существовало заведеніе, вывѣска котораго, не краснѣя, объявляла, что «здѣсь дѣлають шампанское не хуже Нѣмецкаго».. Но потомъ, по разнымъ причинамъ, фабрикація эта ослабла. Теперь она обѣщаетъ возникнуть снова, но, кажется, въ другомъ видѣ. Одинъ изъ жителей Ахтырокъ (Харьковской г.) напечаталъ въ газетахъ слѣдующее объявленіе: «Получаемое изъ разныхъ

странъ свѣта виноградное вино не есть произведеіе природы, и хотя всѣ качества его, какъ-то: вкусъ, крѣпость, букетъ, и проч. большею частію зависятъ отъ свойства самаго винограда, климата и почвы земли, на коей онъ произрастаетъ, но неоспоримо, что всѣ вышеозначенныя качества вина зависятъ также отъ способа и искусства его приготовленія, и потому вино есть произведеіе искусства, ибо въ немъ всѣ составныя части винограднаго сока измѣнены посредствомъ химическаго процесса. На этомъ основаніи нельзя и не должно называть поддѣльнымъ вино, ежели посредствомъ искусства, опытностію дознаннаго, виноградному соку будутъ доставлены всѣ тѣ качества и составныя части въ соразмерной пропорціи, которыхъ онъ, по отношеніямъ климатическимъ, лишенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдены будутъ всѣ правила, необходимыя для превращенія сыраго винограднаго сока въ прочное и пріятный вкусъ имѣющее вино. Нижезначущійся, многолѣтними опытами, изобрѣлъ способъ приготовленія не только изъ винограднаго сока, но даже изъ разныхъ овощей и ягодъ, произрастающихъ въ большомъ изобиліи внутри нашего отечества, пріятный, здоровый, многіе годы сохраняющійся и постепенно улучшающійся напитокъ, не уступающій вкусомъ и пріятностію иностраннымъ винамъ; но самъ онъ, не имѣя денежнаго капитала, дабы дать этой отечественной промышленности такое движеніе, которымъ бы она могла выдержать соперничество съ иностранными, имѣеть честь предложить свои услуги Гг. владѣльцамъ виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ на самыхъ умѣренныхъ условіяхъ, о которыхъ можно узнать отъ самого изобрѣтателя, провизора Копаэ, имѣющаго жительство въ г. Ахтыркахъ».... Какъ видите, все выведено рационально и доказано ясно, какъ дважды два четыре. Хорошо Г. изобрѣтатель, если вашими устами мы будемъ пить — не медь, а отличное виноградное вино. Но что же станетъ тогда съ пословицею: *in vino veritas*, когда и само-то вино будетъ не истинное, а поддѣльное?..

Впрочемъ, несмотря на положительныя увѣренія Г. Копаэ, мы все-таки опасаемся, что нашъ климатъ будетъ служить важною помѣхою его предпріятію. Какія опять пошла у насъ зима! Почти что *Русскія*, и еслибы и страшныя ятели, нерѣдко сопровождающія ихъ, можно бы сказать имъ спасибо. Зима да снѣгъ — вѣдь это даровые строители превосходной скатерти-дороги, не говоря уже о другихъ услугахъ ихъ. Но ятель, выюга — о ней иногда страшно и подумать. — Помните ужасную выюгу, какая свирѣпствовала въ трехъ губерніяхъ въ одно и то же время (27 Нолбра). Мы уже говорили о ней, а теперь вотъ еще нѣсколь-

ко подробностей о ея свирепствованіи, изъ Новосила (Тульской губ.), сообщенныхъ тамошнимъ помѣщикомъ Г. Масоздовымъ.... «У насъ бурная туча неслась отъ сѣвера, черною ствиею при 9 градусахъ холода. Буря имѣла свойство удушающаго вѣтра съ такою выгою, что въ десяти шагахъ не было видно даже строеній. Вечеромъ, въ 7½ часовъ, внезапно завѣла страшная буря, и сдѣлалась такой мракъ, что птицы стали метаться въ окна; въ сѣняхъ лопали воронъ, смирныхъ какъ куръ; овсянки же и другія мелкія птицы искали приюта на груди человека, такъ что одинъ крестьянинъ руками поймалъ четырехъ. Въ селѣ Тепломъ, Чернскаго уезда, въ ночи на 28-е, съ восемъ буря услышанъ былъ крикъ подъ горою у берега рѣки. Посланные на помощь люди привели полузамерзшаго крестьянина: отогрѣвшись, онъ объявилъ, что везъ двухъ женщинъ, но выбылся изъ силъ, пошелъ искать жилья и бурю былъ сброшенъ подъ гору къ рѣкѣ. Отыскивать этихъ крестьянокъ ночью не было возможности; утромъ же ихъ нашли въ полуверстѣ отъ усадьбы, занесенныхъ до того снѣгомъ, что у нихъ только одни волосы на головѣ были видны; но когда тронулись сами, эти женщины, къ удивленію всѣхъ, поднялись, жалуюсь, что у нихъ только отянулись ноги. По перенесеніи въ усадьбу, крестьянки отогрѣлись и совершенно поправились. Священникъ села Могылокъ, Ефремовскаго уезда, съ женою и работникомъ были въ дорогѣ, за 7 верстъ отъ жилья, захвачены этою бурю. Лошадь, забившись въ сугробъ, отказалась служить. Священникъ съ женою вышли изъ саней, навдвась пышкомъ достигъ до дома, во сбился съ дороги, и погибъ; ихъ нашли совершенно въ противоположной сторонѣ отъ дороги, во ста саженьхъ отъ селенія, а работница и лошадь за четыре версты отъ нихъ всѣхъ погибшими. Священникъ оставилъ семь человекъ дѣтей, изъ коихъ старшей дочери 16 лѣтъ. Одна госпожа, возвращаясь изъ гостей въ эту бурю домой, ахала въ возкѣ. Сбившись съ дороги, люди и лошади вышли изъ силъ. Между тѣмъ они подъѣхали къ какому-то стогу сѣна, и рѣшились ночевать подъ его защитою, чтобы не замерзнуть. Съ разсвѣтомъ, къ крайнему всѣхъ удивленію, когда осмотрѣлись, увидѣли, что ночевали у себя, подлѣ своего сада, недалеко отъ дома!»

ЗАГРАНИЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ.

... Прежде нежели перейдемъ къ общему обозрѣнiю заграничныхъ новостей, намъ хочется сказать два слова читателю.

Въ нашихъ заграничныхъ извѣстiяхъ нѣтъ достаточной системы: мы это ясно видимъ. И пусть замѣчаютъ намъ это наши присяжные критики той или другой стороны — неудавшiеся гегелисты или адепты школы дилеттантизма, дендизма и вильорантизма — объ этомъ мы не заботимся; но бѣда, если такой же упрекъ падеть на насъ отъ читателя: бѣда, говоримъ, потому что это приведетъ насъ къ заключенiю, что мы не умѣли занять читателя. Покуда же мы этого не знаемъ, мы скажемъ въ свое оправданiе только то, что мы потому не приводимъ въ систему заграничныхъ извѣстiй, что это лишило бы возможности сообщать извѣстiя свѣжiя — въ чемъ, признаемся, мы до сихъ поръ полагаемъ главную обязанность нашу. И на будущее время мы не отступимъ отъ этого правила. Есть еще недостатокъ въ нашихъ заграничныхъ извѣстiяхъ, который насъ самихъ поражаетъ едва ли не непрiятнѣе перваго: это — ихъ неполнота; ни раза не могли мы сказать всего, что сказать намъ хотѣлось, и всякой разъ, пробѣгая обозрѣнiеуже вышедшей книги, убѣждались, что пропущено то или другое. Съ извѣстной точки, однакожъ, читатель пусть извинитъ насъ и въ этомъ: въ какомъ журналѣ, выходя онъ даже книгами вдвое большими книгъ Москвитянина, ийдешь мѣсто упомянуть обо всемъ, такъ или иначе остановившемъ вниманiе при чтенiи иностранныхъ журналовъ и газетъ? Куда бы умѣстить, напримѣръ, всѣ прошлогоднiя извѣстiя и толки о четырехъ только предметахъ: о Лондонской выставкѣ, о Женнѣ-Лидѣ, объ электрическихъ телеграфахъ и о воздухоплаванiи? Нужны бы томы, томы, и томы. Ты изъ нашихъ читателей, которые сами болѣе или менѣе свѣдѣтъ за журнальную и газетную дѣятельностiю Францiи, Англици и Германiи — довольно даже одной Францiи — непременно согласится съ нами; другiе, т. е. не читающiе иностранныхъ газетъ и журналовъ, да поверятъ намъ на-слово, и примутъ благоклонно наше обещанiе — соразмѣрно съ средствами Москвитянина и увеличенiемъ объема его книгъ — расширить и горизонтъ нашего заграничнаго телеграфа: на сколько это будетъ возможно, мы будемъ все болѣе и болѣе расширять кругъ дѣйствiй нашихъ обозрѣнiй, и никогда, при этомъ, не упустимъ изъ вида и того условiя, чтобъ въ цѣломъ эти обозрѣнiя, не въ примѣръ другимъ, были занимательны не для тѣхъ только лицъ, которыхъ вниманiе останавливаетъ то или другое отдѣльное извѣстiе, — а для массы просвѣщенныхъ читателей...

... Съ начала нынѣшняго года мы не знали куда дваться отъ статей разныхъ газетъ и журналовъ (иностранныхъ) по поводу начавшагося новаго полустолѣтїя. Каждая изъ этихъ статей, въ массѣ которыхъ есть, разумеется, мѣстами и дѣло, мѣстами остроуміе, наиболее обличаетъ личныя воззрѣнія той партїи политической и литературной, которой журналъ или газета служить органомъ: эта черта въ нихъ главная, и, по нашему мнѣнію, самая замѣчательная. Особенно-важнаго или общезанимательнаго мы нашли въ нихъ очень-мало, и потому думаемъ, что довольно съ нашихъ читателей представеннаго нами (въ предпрошлой еще книгѣ Москвитянина) образца изъ *Morning Chronicle* (*)... Возьмите любую круглую цифру, начала столѣтїя, середину, четверть — мудрено ли придумать, при небольшой склонности къ задумчивости, мудрено ли замечаться, при небольшой склонности къ мечтательности; а дайте только волю вашей мечтательности, схватите перо, возьмитесь за первое попавшееся вамъ на память событіе, совпадающее съ известною круглою цифрой... и не будетъ предѣла вашему «взгляду», не будетъ мѣры вашему лирическому экстазу; но для кого онъ нуженъ, кого онъ займетъ? Таковъ, болѣе или менѣе, былъ по всему вѣроятїю процессъ рожденїя многихъ «взглядовъ» иностранныхъ газетъ и журналовъ по случаю новаго полустолѣтїя; тѣ же изъ этихъ «взглядовъ», которые написаны хладнокровно, спокойно и прямо на тему: *Das halbe Jahrhundert*, при всей дѣльности, которой не лишены изъ нихъ иные, съ известной точки кажутся намъ еще страшнѣе. Неужели въ исторїи жизни общества, гражданской, политической, ученой, промышленной, торговой, и т. д., есть не только необходимость, но и возможность опредѣлять эпохи и различныя фазы этой жизни концами известныхъ годовъ, какъ опредѣляется ими календарь?... Необходимости въ такой мѣрѣ опредѣлять ихъ, въ учебникахъ, разумеется нѣтъ никакой, но, главное, гдѣ же возможность подобнаго разграниченїя? Будто человѣческая мысль въ многостороннихъ своихъ проявленїяхъ, неутомимо идущая по тому пути, который составляетъ движеніе общества, можетъ остановиться когда-нибудь, какъ машина; будто въ движенїи, мысли во времени, въ ея исторїи, или—что все равно—въ исторїи человечества есть скачки, или безсвязные переходы. Или можно разграничить, раздѣлить

(*) Желаящихъ прочесть любопытный, впрочемъ не безпристрастный, взглядъ на политическое состояніе свѣта въ настоящее время, мы отсылаемъ въ статью Нѣмецкаго журнала *Ausland*: «Die Weltlage am Abblaufe des halben Jahrhunderts». (См. востокъ № 11 прошлаго года).

важны для человечества событія какни-нибудь часами или днями?...
Отдѣлите-ка въ жизни растения одинъ процессъ отъ другаго...

... По поводу новаго полустолѣтія, мы вспомнили о кончинѣ Нѣмецкаго ученаго Линка, философа, врача и естествоиспытателя, приключившейся въ первый же день этого полустолѣтія. Линкъ родился въ 1769 г., особенно-счастливымъ на рожденіе великихъ людей, и между прочимъ, подарившемъ исторіи Наполеона. Умеръ онъ въ Берлинѣ, гдѣ съ 1815 г. былъ профессоромъ медицины и директоромъ Ботаническаго сада. Всѣ звавшіе его жалуютъ о почтенномъ ученомъ и добромъ челоувѣкѣ. Последнее его сочиненіе, появившееся незадолго передъ его смертію— «Философія здраваго смысла (Philosophie der gesunden Vernunft)».

... За одно помянуть здѣсь и другикъ, выродоженіе прошлаго и съ начала нынѣшняго года, почившихъ современниковъ, такъ или иначе принадлежащихъ исторіи.

Умерли въ 1850 г. (кромя лицъ, біографіи которыхъ были представлены нами въ прошлогоднихъ книгахъ нашего журнала):

Герцогъ Кембриджскій, дядя Королевы Викторіи, бывшій Вице-Король Ганноверскій;

Эрцгерцогъ Фердинандъ д'Эстъ, Австрійскій фельдмаршалъ и губернаторъ Галиціи;

Тас-Кевангъ, Китайскій Императоръ;

Генералъ Захаръ Тайлоръ, Президентъ Соединенныхъ-Штатовъ;

Джонъ Кадзуэль Калгунъ, одинъ изъ трехъ знаменитыхъ парламентскихъ ораторовъ Соединенныхъ-Штатовъ;

Генералъ-Сан-Мартинъ, освободитель Хили и Перу;

Гв-Люссакъ, академикъ (Наукъ) и перъ Франціи;

Маркизъ Таларю, известный благотворитель, перъ Франціи;

Баронъ де-Мениваль, бывшій секретарь Наполеона;

Фукъ, Маржоланъ, Ипполитъ Ройв-Колларъ, славные врачи, члены Парижской Медицинской Академіи;

Александръ Пиччини и Романизи, музыканты;

Шумахиръ, знаменитый Нѣмецкій астрономъ;

Графъ Густафъ Нейнперсъ, сынъ отъ перваго брака Графа Нейнперса, мужа Маріи-Луизы, — майоръ Австрійской службы.

Умерли въ 1851 году:

Лера, (Leuret), главный врачъ при Бисетри, уважаемый ученымъ міромъ за сочиненія о помпшательствѣ и анатоміи мозга;

Дроллингъ, членъ Парижской Академіи Искусствъ;
Ванъ-Свигенговенъ, Брюссельскій хирургъ-акушеръ; замѣ-
чательный уже тѣмъ, что получалъ дипломы на свое званіе еще
въ 1805 году;

Спонтини, известный музыкантъ;

Герцогъ Ньюкестль, ультра-торій, строгій протекціонистъ
и отъявленный врагъ католиковъ.

Предоставляя себѣ, по времени и у мѣста, возвратиться къ
замѣчательнѣйшимъ изъ этихъ лицъ, мы покуда приостановимся на
Англіи.

Любопытны нѣкоторыя цифры изъ сравнительной таб-
лицы цѣнъ сырыхъ припасовъ въ двухъ величайшихъ сто-
лицахъ Европы — Лондонѣ и Парижѣ. Лондонскіе цѣны, разу-
меется, выше, но замѣчательно, что цѣны мясного товара относи-
тельно цѣнъ другихъ припасовъ чрезвычайно невысоки.

Въ Лондонѣ около 1,900,000 жителей, т. е. почти вдвое не-
жели въ Парижѣ, и мясная торговля по всей столицѣ Англіи сво-
бодная. Мясо разносятъ по всѣмъ кварталамъ, подъ надзоромъ
одной полиціи. Несмотря на эту свободу мясной торговли, не-
слыханное дѣло, чтобы когда-нибудь разошлось въ Лондонѣ дур-
ное мясо и произвело бы болѣзни — тифъ, лихорадки, и т. д., что
въ бывалое время не рѣдко случалось въ Парижѣ, а иногда слу-
чается и теперь. И нужно еще замѣтить, что Англичанинъ — бѣ-
денъ ли онъ, богатъ ли, это все равно — есть чрезвычайно много
мяса, между тѣмъ какъ на жителя Парижа, по послѣднимъ расчис-
леніямъ, приходится не больше $\frac{1}{4}$ килограмма въ сутки.

Въ Лондонѣ издавна существуетъ два рынка битого мяса —
Ньюгетъ и Лиденголь, куда разношники каждое утро приходятъ
за товаромъ; въ Парижѣ только одинъ рынокъ — le marché des
Frovaiges — но онъ далеко не такъ великъ, какъ Лондонскіе,
на которыхъ обыкновенно продается въ день отъ 17 до 20 т.
тушъ. Цѣна битого мяса слѣдующая: говядина перваго разбора
стоитъ за килограммъ отъ 94 сент. до 1 фр. 8 сент.; втораго —
отъ 81 до 88 сент.; третьяго — отъ 70 до 76. сент. Баранина тоже за
килограммъ: перваго разбора — отъ 1 фр. 26 сент. до 1 фр. 30 сент.;
втораго — отъ 1 фр. до 1 фр. 18 сент.; третьяго — отъ 81 до 94 сент.
— Все эти цѣны нѣсколько выше Парижскія, но для Лондона
— повторимъ — сравнительно съ цѣною всего вообще вра-
шесовъ, чрезвычайно умеренны.

... Известіе другаго рода — о Лордѣ Норменби, краткую біографію котораго читатели получили въ нашей прошлой книгѣ. Лордъ Норменби пожалованъ кавалеромъ ордена Подвязки. Известно какъ мало расточается въ Англіи этотъ знакъ отличія. Кавалеры его отъ самаго основанія все на перечесть. Изъ иностранцевъ его, по статуту основателя, могутъ получать только лица царствующаго дома. Нашъ Суворовъ — можетъ быть не все это знаютъ — имѣя въ виду и желая получить орденъ Подвязки, былъ сопричисленъ къ одной изъ Немецкихъ владѣтельныхъ Княжескихъ фамилій... Римникскій герой умеръ однакоже безъ ордена Подвязки.

... Известіямъ о всемірной выставкѣ все-таки нѣтъ перечесть, но мы покуда поудержимся говорить о ней, и это вслѣдствіе одного обстоятельства, о которомъ съ особеннымъ удовольствіемъ слѣдуетъ сообщить нашимъ читателямъ:

Одинъ изъ сотрудниковъ Москвитянина отправился уже на Лондонскую выставку, и обязался передъ редакціей постоянно и послѣдовательно писать изъ Лондона.

... Знаменитый Макриди дастъ въ Геймаркетскомъ Театрѣ рядъ представлений Шекспировыхъ характеровъ, и долженъ, затѣмъ, въ самомъ непродолжительномъ времени оставить сцену навсегда.

Новая опера Шотландца *Макфаррена*, Король Карлъ II (King Charles II), занимаетъ теперь всехъ Лондонскихъ любителей. Хвалятъ также его серенаду «The sleeper awakened» (Le dormeur réveillé), родъ свѣтской ораторіи, въ которой авторъ востукаетъ на совершенно новый путь, и слышатся аріо съ речитативомъ.

... Одна изъ лучшихъ чертъ Англійскаго характера — это уваженіе къ своимъ древнимъ писателямъ и рвеніе къ ихъ изученію. Блестательнымъ доказательствомъ этого служить, въ последнее время, изданіе въ Лондонѣ, въ Январѣ нынѣшняго года, известнаго сочиненія Стиля и Аддисона — «Sir Robert de Coverley. By the Spectator» Цвѣлю почтенныхъ авторовъ было — бичевать испорченность ихъ времени, въ лицѣ выведенныхъ ими различныхъ представителей классовъ общества: помѣщика, купца, вивѣра и т. д. — При нынѣшнемъ изданіи, издатель, Г. Уильсъ художникъ, Томпсонъ, и даже типографчикъ заботились ревностно о томъ только, чтобы превзойти другъ друга — каждый по своей части. И изданіе вышло великолѣпное. Шрифтъ — времени Королевы Анны, переплетъ напоминаетъ старо-Франскіи шелковыя ткани, гравюры на деревѣ не оставляютъ желать ничего. Издатель, Уильсъ, присоединилъ замѣтки, объясняющія обычай того времени, и относящіяся къ лицамъ, поступившимъ, по присягову знающимъ, оригиналами для *Зрителя*.

Вышли также недавно «Воспоминанія Лорда Голланда о чужихъ краяхъ». На этой книгѣ мы позволяемъ себѣ пріестановиться (*).

Еще 22 Октября 1840 г. умеръ Лордъ Голландъ, канцлеръ Герцогства Ланкастерскаго и членъ комитета министровъ, вигъ не столько извѣстный своею политическою дѣятельностью, сколько семейными связями (онъ былъ племянникъ и любимецъ Чарльса Фокса, отъ котораго и наслѣдовалъ, если не духъ, то убѣжденія и слогу). Домъ Голландовъ былъ средоточіемъ всего, что только было въ Лондонѣ замѣчательнаго въ областяхъ науки, искусства, словесности, свѣтскости. Рѣчи Лорда Голланда въ засѣданіяхъ Верхней-Палаты, которыми высказывалось его свободное воззрѣніе на внутреннюю политику и на внѣшнія отношенія Англіи, были изданы въ 1841 г. подъ заглавіемъ: «The opinions of Lord Holland, as recorded in the journal of the House of Lords, from 1797 to 1840 (Мнѣнія Лорда Голланда, внесенныя въ протоколы Верхней-Палаты, съ 1797 г. до 1840 г.)».

Теперь старшій его сынъ, изъ оставшихся послѣ покойнаго бумагъ, составилъ дневникъ, который бѣльшею частію заключаетъ въ себѣ замѣтки объ опытахъ и наблюденіяхъ покойнаго въ иностранныхъ государствахъ. Въ Англіи это сочиненіе пользуется большимъ уваженіемъ, и все журналы отзываются о немъ съ похвалою. Главнѣйшій предметъ «Воспоминаній» — эпоха, слѣдующая за Французской революціею, Испанскій дворъ (со времени вступленія Князя Мира-Годоя до замѣшательства, произведенныхъ въ Королевскомъ семействѣ Наполеономъ), дѣятельность и личность самого Наполеона съ перваго его историческаго шага и до его смерти. Затронуты политическія событія и ихъ тайныя пружины, но больше въ этомъ сочиненіи характеристикъ и анекдотовъ. Почти полнѣею наполнено подробностями о Наполеонѣ. Тутъ же и Лудовикъ XVI съ Маріею-Антоанетою; Карлъ IV съ старою Королевою Испаніи, «многолюбимый» Фердинандъ, «другъ» Голланда — Годой; Король и наслѣдный Принцъ Даніи, Императоръ Александръ, Императоръ Францъ, Меттернихъ и Прусское Королевское семейство. Все сочиненіе написано увлекательно. Лордъ Голландъ имѣетъ даръ схватывать истинный смыслъ событій и личностей, и самые неувольнимые ихъ оттѣнки; оттого онъ не утомляетъ читателя ни лишними подробностями, ни неумѣстною глубоководностью. Его разсказъ отличается легкостью образованнаго джентльмена старой школы. Онъ такъ полно обнимаетъ свой предметъ, что слова выливаются у него безъ всякаго труда. Честерфильдъ остроуменъ, Мальмсбери

(* Foreign reminiscences, by H. R. Lord Holland. Edited by his son H. E. Lord Holland. London, Longman and Co.

нишетъ какъ человекъ свѣтскій и дипломатъ: у нихъ нѣтъ натяжекъ, но заметны заботливость и осторожность; критикъ можетъ подстеречь у нихъ слѣды излишняго старанія, хотя сочиненія ихъ на первый взглядъ и не кажутся высеченными. У Лорда Голланда хорошии тонъ выраженія принадлежить къ привычкѣ джентльмена, и вошелъ въ его природу: онъ, когда говоритъ, не подбираетъ выраженій, да и не думаетъ объ этомъ; онъ, просто, не можетъ говорить неправильно и неумѣло. Его слогу исполненъ «той беззаботной, но неподражаемой граціи», которую Гиббонъ приписываетъ Юму. Если, притомъ, взять во вниманіе, что все его сочиненіе касается столь важныхъ событій новейшей исторіи и опредѣляетъ личности, которыхъ имена въ устахъ каждаго, не удивительнымъ должно казаться никому, что его книга такъ занимательна. Однакожъ манера автора выше оцѣнки его сочиненія, и у него *не все то золото, что блеститъ*, какъ говоритъ пословица. Лордъ Голландъ имѣетъ недостатокъ, въ которомъ онъ упрекаетъ другихъ: это — легковѣріе. Всякій слухъ заноситъ онъ на страницы своего дневника, не заботясь о его правдоподобіи, равнъ когда молва противорѣчна его предубѣжденіямъ. Самые сомнительныя анекдотическія событія онъ рассказываетъ иногда съ наивною откровенностью, даже съ убѣжденіемъ. Впечатлѣнія его, воззрѣнія и разсужденія вообще отзываются духомъ старой партіи вигговъ, хотя — несомнѣнно — рѣдко духъ этой партіи выражался такъ живно и пріятно. И все недостатки сочиненія объясняются положеніемъ самаго автора: при всехъ своихъ достоинствахъ, Фоксъ не отличался нравственностью. Рожденіе и воспитаніе покойнаго Лорда Голланда относятся къ эпохѣ испорченности нравовъ; весь свой зрѣлый возрастъ, есмь не всю свою жизнь, онъ провелъ въ свѣтѣ, законодателемъ котораго былъ принцъ Валлійскій, впоследствии Георгъ IV; многіе изъ товарищей конопескихъ забавъ этого Принца были и наперсниками Голланда. А эти люди, какъ извѣстно, ставили ни во что честь женщннъ; чужомудріе и супружескую вѣрность не считали въ числѣ добродѣтелей, и то что у италянскои ограниченности называлось скандаломъ, т. е. соблазномъ, надъ этимъ они даже не смѣшались.

Изображеніе Наполеона зловѣстъ обличаетъ въ авторѣ отвлеченнаго вига, какими было все семейство Голландовъ, женщины и мужчины. Величіе Наполеона, который былъ врагомъ политическихъ противниковъ авторъ, поражило ихъ удивленіемъ. За то Императоръ, который не признавалъ ни права, ни закона, ни истины, ни человеколюбія, когда дѣло шло о достигшии

одной из цѣлей его честолюбія, представителъ у Голландъ жертвой и мученикомъ, а все потому, что на Св. Елену, для безопасности цѣлаго свѣта, отправили его торіи. Тамъ нѣтъ борьбы партій, тамъ Голландъ не выходитъ за предѣлы безпристрастія; но вездѣ онъ особенно благосклоненъ къ Наполеону, и мѣстами по сочиненію разбросаны новыя замѣтки о его героѣ, который любилъ его также, и вспомнилъ о немъ и въ своемъ замѣчаніи. Много прославляетъ онъ миролюбіе Наполеона, который будто бы забывалъ обиды, действительныя или воображаемыя, тогда какъ Герцогъ Энгевскій, Туссанъ, папа, Пингрю, Моро, Гоферъ, и многіе другіе — представляютъ довольно разительные примѣры вендетты Корсиканской. Во всякомъ случаѣ врядъ ли подлежитъ нынѣ сомнѣнію, что Бонапартъ не отличался ни великодушіемъ героя, ни умеренностію джентльмена.

Отношенія Наполеона къ религіи Лордъ Голландъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ первые года революціи онъ слѣдовалъ примѣру своихъ соотечественниковъ — легко и шутя отзыватья о предметахъ религіи. Въ послѣдующіе года своей жизни, онъ, какъ и всѣ тѣ люди, которые испытали на себѣ измѣнчивость судьбы, полшутя, полусерьезно верить въ предопредѣленіе. Но при торжественныхъ случаяхъ, и еще болѣе — во время важныхъ частныхъ бесѣдъ, онъ клеймилъ невѣріе строгимъ порицаніемъ, и высказывалъ убѣжденіе, что можетъ впасть въ религіозную мечтательность, отъ которой не обезпеченъ никто. Онъ не только не преслѣдовалъ аскетическихъ убѣжденій, но и уважалъ ихъ. Это чувство онъ основывалъ не на одномъ сознаніи ясности и истинности этихъ вѣрованій, но и на неизвѣстности будущей судьбы души человеческой, на непостоянствѣ того, что человекъ называетъ своимъ убѣжденіемъ. Въ характерѣ Наполеона было смѣшеніе Итальянскаго суевѣрія съ сомнѣніемъ въ ученіи Откровенія и болѣзнь отдаться этому сомнѣнію и не уберечься отъ его послѣдствій. Онъ довольствовался тѣмъ, когда стѣня вѣры глубоко запало въ сердце. Онъ допустилъ даже возстановленіе траппистовъ и другихъ орденовъ, замѣчательныхъ строгостію своихъ правилъ, хотя и не рѣшался утверждать ихъ открытою властію. Они могли-бы, говорилъ онъ, служить обществу предохранительнымъ клапаномъ противъ мечтательнаго и призрачнаго броженія въ обществѣ, которое способно разрушительно дѣйствовать на общество. Въ его замѣчаніяхъ на смерть Дюрюка и въ его мысляхъ о самоубійствѣ проглядываетъ вѣра въ предопредѣленіе и предвидѣніе. Въ церемоніалъ его коронаціи вошло, какъ часть торжества, и причастіе Св. Танинъ. Когда

поднесли ему программу этого церемониала, онъ, къ общему удивленію, пришелъ въ негодованіе. «Никто не знаетъ — воскликнулъ онъ — никто не имѣетъ права говорить, думаю ли я принять Св. Тайны, и гдѣ я ихъ приму; хочу-ли я или не хочу». И тогда онъ не причастился. Не извѣстно достоверно, каковъ онъ былъ въ этомъ отношеніи на Св. Еленѣ, и въ послѣдніе дни своей жизни. Во всякомъ случаѣ онъ слушалъ литургію, — въ часовнѣ, когда бывалъ здоровъ, а когда нѣтъ, въ спальнѣ. И хотя нѣтъ почти сомнѣнія, что онъ причастился Св. Тайнъ за нѣсколько дней до своей смерти, однако Графъ Монтолонъ получилъ непосредственное приказаніе вести въ совершенной тайнѣ всѣ приготовления къ этому торжеству, а священнику было дано наставленіе — на всѣ вопросы отвѣчать, что онъ дѣйствовалъ по приказанію Графа Монтолона, и не знаетъ, желалъ ли того Императоръ. Кажется, Наполеонъ искалъ утѣшеній религіи, но не хотѣлъ въ томъ сознаться: онъ зналъ что многіе на Св. Еленѣ, и еще болѣе во Франціи, называли бы это слабостью.

Вотъ, кстати, нѣсколько другихъ чертъ Наполеона, приводимыя Талейраномъ, но дипломатъ воспользовался, кажется, случаемъ похвалить и себя: «Наполеонъ производилъ много, болѣе всякаго чело­вѣка котораго я когда-либо знавалъ. Геній его былъ не­пости­жимъ. Ничто не могло сравниться съ его энергіей, воображеніемъ, умомъ, склонностью къ труду, легкостью съ которою онъ творилъ. У него была и проницательность. Въ дѣлахъ сужденія онъ былъ не такъ силёнъ; впрочемъ когда давалъ себѣ время, онъ умѣлъ пользоваться сужденіями *другихъ*. Онъ понималъ высокое, но не имѣлъ чувства изящнаго».

Трагикомическое впечатлѣніе производитъ разсказъ Лорда Гол­ланда о томъ, когда несчастный король Испанскій, Карль IV, раз­говаривая съ авторомъ Воспоминаній, увѣряетъ, что онъ умѣлъ Наполеона, потому что Императоръ пишетъ по-Французски не такъ правильно какъ онъ!

ЖЕЛЕЗНЫЯ ДОРОГИ, КАКЪ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО, И ВОЕННОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ ИХЪ ВЪ ГЕРМАНИИ ВЪ 1850 ГОДУ.

Не мало уже было говорено о важности желѣзныхъ дорогъ для военныхъ дѣйствій. Но опыты, произведенныя въ самое недавнее время, имѣютъ такое высокое значеніе, что мы, конечно, оправдаемся этимъ передъ читателями въ томъ, возвращаясь къ этому предмету: въ практической жизни очень много такихъ истинъ, которыя нужно повторять до того, пока большинство не начнетъ разсматривать ихъ съ тѣмъ вниманіемъ и уваженіемъ, каковыхъ онѣ заслуживаютъ.

Что желѣзныя дороги должны имѣть большое вліяніе на способности веденія войны, это еще при самомъ ихъ началѣ невольно приходило на мысль даже людямъ несвѣдущимъ по этой части. Но, какъ и всегда въ дѣлѣ новыхъ изобрѣтеній, общественное мнѣніе въ сужденіи своемъ то заходило слишкомъ далеко, то оставалось въ слишкомъ тѣсныхъ предѣлахъ. Люди знающіе приняли на себя трудъ поосновательнѣе наставить въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ военныхъ читателей, но умы Германіи (речь въ особенности о ней) такъ были притуплены грезой о вѣчномъ мирѣ, что дѣльныхъ словъ слушали весьма немногіе. Отворились широко врата Янусова храма, проснулись мечтатели, и не одному изъ нихъ пришлось по-неволѣ остановить вниманіе на вопросѣ, до этого возбуждавшемъ слишкомъ мало сочувствія... И большая часть повинулась въ своей недалковидности...

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ желѣзныя дороги, ихъ многообразно употребляли для перевозки войскъ и военныхъ снарядовъ и тлжестей, но никогда еще въ тѣхъ размѣрахъ и такъ постоянно, какъ въ прошломъ году. Можно бѣ было подумать, что практика этого дѣла доведена до совершенства, потому что на разныхъ отдѣльныхъ дорогахъ были произведены такіа дѣйствія, которыя превзошли всякое ожиданіе; но мы все-таки думаемъ, что вообще еще недостаточно приучились смотрѣть на желѣзныя дороги, какъ на дѣйствительныя военныя операціонныя линіи, какими онѣ однакожъ уже сдѣлались, и какими непременно считаться должны.

Отъ хорошей операціонной линіи требуется, чтобы она доставляла большимъ отрядамъ войскъ, дивизіямъ и корпусамъ, гдѣ бывають соединены все роды оружія, возможность нераздѣльно приближаться къ настоящему полю военныхъ дѣйствій. На обыкновенной большой дорогѣ это, по видимому, не представляетъ никакихъ затрудненій. Но когда нужно, чтобы большая часть войска

проводила ночи не под открытымъ небомъ, случается, что дивизія съ своими орудіями, парками, и проч., которой предстоитъ переходъ миль въ 30 и болѣе по одной и той же дорогѣ, растаивается на столько, что самыя заднія отдѣленія вынуждены сдѣлать усиленный дневной переходъ, прежде нежели примкнуть къ передовымъ частямъ. И это — естественное свидѣствіе трудности находить помѣщеніе для ночлега, ибо не всегда есть на дорогѣ большой городъ, который бы могъ принять соединенное цѣлое въ свои стѣны и въ близлежащія селенія, — или не всегда можно употребить этотъ городъ. Параллельныхъ же дорогъ для отдѣльныхъ частей нельзя найти на большомъ протяженіи, или такія дороги рѣдко бывають одна отъ другой въ нужномъ разстояніи.

При переходахъ на самомъ полѣ дѣйствій, по необходимости конечно, уже совсѣмъ опускается изъ вида удобство войскъ и пощада жителямъ. Тутъ уже идутъ въ боевомъ порядкѣ; ѣдятъ, пьютъ и спятъ — гдѣ и какъ случится; въ этихъ переходахъ не можетъ быть рѣчи о желѣзныхъ дорогахъ, и мы имѣемъ въ виду только предварительное движеніе войскъ, и въ особенности цѣлыхъ дивизій — последнее потому, что дивизіи образуютъ собою большія стратегическія единицы арміи: согласно съ опытомъ принято, что дивизія, при искусномъ ея употребленіи, можетъ цѣлый день противиться даже гораздо-сильнѣйшему непріятелю, прежде нежели будетъ совершенно осилена, или — какъ говорится обыкновенно — уничтожена.

Это обстоятельство при всѣхъ стратегическихъ соображеніяхъ такъ важно, что нельзя не желать, чтобы на большихъ желѣзныхъ дорогахъ были приняты мѣры, при помощи которыхъ можно-бъ было: дивизіи, за исключеніемъ парковъ и конницы, перевозить по желѣзной дорогѣ въ одинъ день за 25 и 30 миль. Чтобы здѣсь же предупредить возраженіе, что «дивизія, отдѣленная отъ принадлежащей къ ней конницы, легко можетъ придти въ затрудненіе передъ непріятелемъ», мы позволимъ себѣ замѣтить, что расцѣпленіе, предназначаемое конницѣ, которая придается всякому большому отряду, должно быть измѣнено напередъ, какъ только представится необходимость въ большомъ размѣрѣ воспользоваться выгодами желѣзныхъ дорогъ. И съ этой точки зрѣнія конечно можно сказать, что желѣзныя дороги должны имѣть послѣдствіемъ перемѣну и въ тактикѣ и въ стратегіи. Эта перемѣна, не говоря о большемъ просторѣ для дѣйствій пехоты, проявится прежде всего въ томъ, что еще до начала боя будутъ посылать впередъ конницу съ ея артиллеріей, отчего опять-таки могутъ произойти многоразличныя выгоды. Конечно бытъ

можетъ доидеть черезъ это опять до такой самостоятельности въ дѣйствіи, въ какой въ новѣйшее время повидимому совсѣмъ хотѣли отказзть ей; но говорить обстоятельнѣе объ этомъ здѣсь — не наше дѣло. Люди искусства поймутъ насъ, а для читателей невоенныхъ наши тактическія соображенія были бы не занимательны.

На сколько дошло до нашего свѣдѣнія изъ разныхъ газетъ, мы знаемъ, что число войскъ, перевозимыхъ въ теченіе одного дня по желѣзной дорогѣ, простиралось въ Пруссіи и Баваріи отъ 6 до 8 т. человекъ, въ Австріи отъ 8 до 10 т. Такія, оказываемыя желѣзными дорогами, пособія, заслуживаютъ уже всякаго вниманія. Но онѣ все еще слишкомъ мало соответствуютъ стратегическимъ требованіямъ, потому что до сихъ поръ желѣзными дорогами пользовались только, какъ средствомъ къ скорой перевозкѣ войскъ, вообще, не обращая ихъ въ то же время и въ операціонныя линіи, что не остается безъ вліянія на самый способъ перевозки войскъ и другія расположенія.

Донинѣ высшія военныя начальства Германіи вездѣ довольствовались, какъ кажется, тѣмъ, что извѣщали управленія желѣзныхъ дорогъ о томъ, сколько тысячъ человекъ, сколько лошадей, орудіи и повозокъ нужно перевезть на такое то разстояніе, и быть можетъ, не мудрено было довольно точно узнать, во сколько дней такая то масса войска прибудетъ на такое то мѣсто. Но по ходу дѣло необходимо, чтобъ и генеральный штабъ принималъ ближайшее участіе въ распорихеніяхъ о перевозкѣ войскъ, для того, чтобъ было обращаемо надлежащее вниманіе и на организъмъ и ближайшее тактическое назначеніе отдельныхъ частей войска.

Если остановиться сперва на однихъ техническихъ распоряженіяхъ на желѣзныхъ дорогахъ, ясно, что первый и главный вопросъ — о добытіи и приготовленіи потребныхъ средствъ къ перевозу. Подъ бригаду пѣхоты въ 5 или 6000 человекъ съ верховыми лошадьми офицеровъ и нѣсколькими мушкетерскими повозками нужно отъ 10 до 12 простыхъ, или половину столько двойныхъ поѣздовъ. Такое количество поѣздовъ не представитъ никакихъ затрудненій ни на одной изъ большихъ желѣзныхъ дорогъ Германіи, да и всей Европы, но тѣ же дороги не соответствовали бы и въ половину, отряду вдвое большому, потому что такому отряду — дивизіи — во всякомъ случаѣ придется по крайней мѣрѣ три пѣшія баттарей, которыя однѣ требуютъ отъ 4 до 5 поѣздовъ. При томъ благоприятномъ обстоятельствѣ, что по всей Германіи, за исключеніемъ одного Бадена, всѣ желѣзныя дороги имѣютъ рельсы одинакой ширины, и следовательно, средства къ перевозу, какія есть, можно употребить

на каждой дорогѣ, до сихъ поръ нельзя отважиться отвратить недостаточности этихъ средствъ на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дорогахъ. Но какъ скоро будетъ восстановлена соединительная дорога между Ульмомъ и Бамбергомъ, не будетъ недостатка въ средствахъ къ перевозу въ нужномъ случаѣ и 12,000 человекъ пѣхоты съ 3 баттареями и ихъ тяжестями и лошадьми — въ одинъ день изъ Аугсбурга до Бамберга или Гофа. Бѣльшаго можно бы было требовать только при двойныхъ рельсахъ; куда же и этотъ результатъ уже чрезвычайно важенъ: нужно ли прибавлять, что онъ въ особенности важенъ именно въ Германіи и для Германскаго Союза?..

Изъ Бразиліи.

(Отрывокъ изъ письма Нѣмецкаго путешественника).

Ріо-Жанайро, 24 Октября 1850 года.... Если я довольно уже давно не писалъ ничего о здѣшнихъ политическихъ дѣлахъ, вините не одно мое отсутствіе отсюда, а болѣе то, что мнѣ въ высокой степени были противны дѣйствія и проники партій, изъ которыхъ (если исключите немногія отдѣльныя лица) рѣшительно ни одна не думаетъ о благѣ страны, и для которыхъ все дѣло въ томъ, чтобъ забрать въ свои руки кормило правленія, и какъ можно болѣе пользоваться вещественными выгодами, соединенными съ важными мѣстами въ государствѣ — при неизмѣнной вѣрности правилу: куй желѣзо, пока горячо. Опытъ слишкомъ ясно показалъ, какъ мало всѣ различныя партіи, послѣ отреченія перваго Императора завладѣвшія портфелями министерствъ, во все это продолжительное время дѣйствовали въ пользу истиннаго развитія страны. Упорство въ столь страшной для будущности Бразиліи мѣрѣ — введеніи Негровъ-невольниковъ, пренебреженіе единственныиъ дѣйствительныиъ противъ этого средствомъ — учрежденіемъ колоній изъ неимущихъ бѣлыхъ; ежегодное огромное приращеніе государственныхъ долговъ, несмотря на страшное умноженіе податей, отягощеній и притѣсненій всякаго рода торговли и мореплаванію посредствомъ высокихъ пошлинъ, посредствомъ установленій, соединенныхъ со множествомъ цѣльныхъ, только отнимающихъ время, формальностей; введеніе клейма; собраніе денегъ за проѣздъ по дорогамъ; плохая, удобная для подкуповъ юстиція, исполненныя величайшихъ недостатковъ почтова и полицейскія учрежденія — вотъ основныя черты, которыя и донныиъ, какъ какая-нибудь красная нить, тянутся черезъ всѣ фазы, черезъ всѣ положенія, какія проходила Бразилія. Юный монархъ, хотя и нельзя отказать

ему въ благонамѣренности, личной образованности и многостороннихъ познаніяхъ, не имѣеть однакожь достаточной энергіи, чтобы дѣятельно и съ достаточной силою вступить въ положеніе дѣла, и, подобно соименнику своему, Петру Великому, преобразовать весь бытъ государства.

Имѣя передъ глазами такую непріятную картину, я не сталъ бы и писать, еслибъ дѣло не шло о томъ, чтобы предохранить бытъ можетъ, сотни моихъ соотечественниковъ отъ вѣрной гибели, неминуемо ожидающей въ здѣшнемъ краю всѣхъ тѣхъ, кому вздумается послушаться приглашеній вступить въ Бразильскую военную службу. Изнѣженный житель Бразиліи ни мало не понимаетъ той жажды дѣятельности, которая побуждаетъ многія молодые благородныя, сильныя натуры искать службы въ чужеземныхъ войскахъ; онъ смотритъ на это только съ самой матеріальной стороны, и съ презрѣніемъ поглядываетъ на тѣхъ людей, которые, по его выраженію, продаютъ свою кровь за деньги. И этотъ образъ мыслей разделяеть съ нимъ самый жалкій Негръ: всѣмъ извѣстно, что Негры называли находившихся въ двадцатыхъ годахъ въ здѣшней службѣ иностранныхъ солдатъ *блѣлыми невольниками*. Ближайшій поводъ къ непрерывающимся приглашеніямъ въ Бразильскую военную службу заключается въ отношеніяхъ между Бразиліею и Буэносъ-Айресомъ, которыя такъ запутались и приняли такой серьезный характеръ, что генераль Гвидо, посланникъ Диктатора при здѣшнемъ дворѣ, потребовалъ паспортовъ, и получилъ ихъ, и уже оставилъ столицу. Легко можетъ въ короткое время открыться война между двумя державами, чего Розасу повидимому гораздо больше хочется, нежели Бразиліи, правительство которой съ величайшимъ трудомъ выставляеть и то число войска, какое, тому нѣсколько лѣтъ, назначено палатами и на мирное время, потому что здѣсь, какъ извѣстно, нѣтъ конскрипціи, и армія пополняется только волонтерами и людьми, находящимися въ тѣсныхъ обстоятельствахъ. При трудности достигнуть желаемыхъ цѣлей съ такою системою, и когда война у дверей, палаты нынѣшняго года, безъ большой оппозиціи, предоставили правительству полномочіе завербовать 4,000 иностранцевъ, съ присвокупленіемъ однакожь, что они могутъ быть употреблены только на границахъ. Чтобы, такъ сказать, позолотить пилюлю, было определено, что тѣмъ, которые завербуются, будутъ, по истеченіи времени ихъ службы (продолжающейся года четыре) выданы земли. Что Бразильское правительство, въ самомъ дѣлѣ, хочетъ воспользоваться этимъ полномочіемъ, это доказывается отъѣздомъ въ Европу назна-

челнаго для того комиссара, Себастьяна-да-Рего-Барросъ, человека достойнаго всякаго уваженія и образованнаго, который съ 1837 по 1839 г. былъ военнымъ министромъ; а куда же обратиться ему, какъ не въ Германию, или, можетъ быть, въ Швейцарію?

Нужно ли приводить на память печальный жребій прежнихъ, находившихся въ Бразильской службѣ, иностранныхъ войскъ, которыя, на большую половину истребленныя, и не столько неприятельскимъ оружіемъ, сколько отъ плохаго, небрежнаго содержанія (часто ихъ даже обкрадывали на ихъ скудное жалованье), были доведены до того, что съ отчаянія буйтовались! Въ походѣ противъ Буэнос-Айреса положеніе ихъ было червѣдко таково, что многіе прибѣгали къ самоубійству. И много разъ, противъ кровь за Бразилію, и перенеся труды и изнуренія, о какихъ въ образованныхъ земляхъ не имѣютъ и поятія, всѣ иностранныя войска съ ихъ офицерами въ 1830 году, въ противность договору, были уволены, и ни правительство, ни Императоръ, нисколько не позаботились о дальнѣйшей ихъ судьбѣ. Я знаю прежнихъ офицеровъ, которымъ правительство и теперь еще не уплатило вознагражденія за провозъ изъ Европы, обезпеченнаго имъ по договору. Нужно ли еще приводить судьбу столькихъ молодыхъ людей, и въ томъ числѣ принадлежавшихъ къ лучшимъ семействамъ Германіи, которые, прельщенные обещаніями Бразильскихъ вербовщиковъ, въ надеждѣ, что имъ откроется здѣсь блистательное поприще, навсегда отказались отъ отчизны, стѣлались жертвами жестокаго обмана, червѣдко кончивъ жизнь самоубійствомъ, въ госпиталь, или въ домъ умалишенныхъ? Я зналъ не одного такого несчастнаго, который послѣ радъ былъ добывать себѣ скудное пропитаніе въ должности школьнаго учителя при какой-нибудь плантаціи, или въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ выучиться какому-нибудь ремеслу. Недавно случилось мнѣ сдѣлать подаяніе одному юношѣ, принадлежавшему къ высшему сословію, для возвращенія на родину. Онъ разсказалъ мнѣ о своей грустной судьбѣ, и показывалъ рубцы отъ ранъ, полученныхъ имъ въ Бразильской службѣ; какъ больно было видѣть его преждевременныя бѣлоснѣжныя сѣдины!

Развѣтлыный примѣръ того, какъ разумѣютъ въ Бразиліи святость договоровъ, представило въ послѣднее время въ палатахъ дѣло о вознагражденіи, котораго требовалъ маршалъ Браунъ, и его обратномъ принятіи на службу. Этотъ человекъ, призанный вслѣдъ за отличнаго офицера, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, оставивъ выгодное мѣсто въ Англии, въ силу торжественнаго договора вступилъ въ Бразильскую службу, и оказалъ Бразиліи услуги, за кото-

рыя во всякой другой странѣ онъ былъ бы щедро награжденъ; но ни эти заслуги, ни неизъяснимая польза, какую получила бы здѣшняя военная служба отъ дальнѣйшаго его участія въ ней, не защитили его отъ увольненія, совершенно противнаго договору. Теперь семидесятилѣтній старецъ уже два года отыскиваетъ свои права, и просится въ службу; онъ еще необыкновенно бодръ и крѣпокъ; однакожь, не смотря на то, что само правительство и большинство голосовъ Палаты Сенаторовъ расположены за него, въ Палатѣ Депутатовъ выразилась такая ненависть къ *иностранцу*, что его требованія остались тщетными.

... Теперь только пришло мнѣ на мысль, что для читателя могутъ быть интересны нѣкоторыя свѣдѣнія о желтой лихорадкѣ. Но довольно, я думаю, сказать, что по статьѣ доктора Черновича, одного изъ отличнѣйшихъ здѣшнихъ врачей, должно заключить, что повившійся въ Европейскихъ газетахъ извѣстїя о смертности, причиняемой между нами этою эпидемїей, чрезвычайно-преувѣдлены: желтая лихорадка совершенно прекратилась.

О туземномъ народонаселенїи Мексики.

Всѣ коренные туземные обитатели Америки, отъ Канады до Арауканскихъ горъ, имѣютъ, несмотря на различїе образа жизни, нравовъ и нарѣчїй, одинъ общїй типъ. Цвѣтъ ихъ кожи—темный, подходящий къ красному, самая кожа—мягка и атласиста: она очень толста, и только у молодыхъ женщинъ едва замѣтна краска на щекахъ. Волосы очень густы и блестящаго чернаго цвѣта, лобъ плоской и не выдающїйся впередъ. Бѣлокъ глазъ—нѣсколько желтоватъ, что придаетъ имъ особенное выраженїе дикости. Губы толсты, хотя не столько какъ у Африканцевъ. Волосы на бородѣ и губахъ очень рѣдки; шея большею частью толста и коротка.

Утверждаютъ, будто младенцы Индїйцевъ рождаются бѣлыми и темнѣютъ отъ климата, но это не основательно: Индїйцы при рожденїи имѣютъ красноватую кожу, хотя и не столь темнаго цвѣта, какъ у взрослыхъ; ладони и подошвы бѣлаго цвѣта у всѣхъ Индїйцевъ, какъ у дѣтей, такъ и у взрослыхъ. Вообще выраженїе лица у Индїйцевъ мрачно, сурово, и обнаруживаетъ недовѣрчивость; красота, по понятїямъ Европейцевъ, встрѣчается между ними рѣдко, и то только между дѣтьми и женщинами.

Почти всѣ Индїйцы сохраняютъ свои волосы и въ самой глубокой старости; сѣдѣютъ они мало, а лысыхъ между ними удается

встрѣтить очень рѣдко. Малочувствительные къ физической боли, Индійцы удивительно-скоро выздоравливаютъ послѣ всякихъ ранъ и ушибовъ — даже такихъ, которые бы и самаго сильнаго Европейца свели въ могилу. Нервная система ихъ мало раздражительна: хотя они и очень пристрастны къ крепкимъ напиткамъ, однако у нихъ никогда не бываетъ *delirium tremens*, и они безвредно выпиваютъ такое количество спирта, какого не вынесетъ ни одинъ Европейецъ.

Что касается до умственныхъ способностей Индійцевъ, онѣ у нихъ развиты мало, и едва ли способны достигнуть той степени развитія, какой достигаютъ у народовъ Кавказскаго племени; они довольно понятливы, любятъ перенимать, прилежны и терпеливы, и не лишены практическаго смысла; но все идеальное, выходящее изъ круга явленій вѣщественнаго міра, для нихъ едва доступно, и они совершенно неспособны къ поэзій.

Характеръ Индійцевъ важенъ и суровъ; они недоверчивы не только къ лицамъ другаго племени, но и между собою; даже съ близкими — они удивительно-осторожны и недоверчивы въ обращеніи.

Встрѣча ихъ съ родными и знакомыми сопровождается множествомъ церемонныхъ заученныхъ фразъ о здоровьи, которыя съ обѣихъ сторонъ произносятся медленно, важно, и безъ всякаго участія. Смотра со стороны, вы подумаете, что они сообщаютъ другъ другу самыя печальныя вѣсти. Изъявляя свое желаніе, Индеецъ никогда не станетъ прямо говорить съ немъ, а начнетъ разговоръ издали, и мало-по-малу перелодитъ къ предмету своего желанія. Обыкновенно, если въ комъ-либо имѣеть нужду, Индеецъ сначала посылаетъ своего близкаго знакомаго или родственника выведать расположеніе того лица, и всегда съ подаркомъ: или бутылкой рома, или жирной домашней птицей. Вступая въ сношенія или переговоры, какъ съ Европейцами, такъ и съ своими соотечественниками другаго племени, Индійцы обыкновенно отправляютъ нѣсколько пословъ, какъ бы не рѣшаясь аввернуться одному, и каждый изъ пословъ несетъ съ собою гостинецъ. Обыкновенно одинъ изъ нихъ говоритъ рѣчь о предметѣ посольства, а прочіе отъ времени до времени наклоненіемъ головы показываютъ, что слова говорящаго имъ не противны. Нерѣдко они прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ, и мысли свои излагаютъ такъ двусмысленно, что не мало нужно тонкости на то, чтобы понять настоящій смыслъ ихъ рѣчей. Пристрастные къ крепкимъ напиткамъ, Индійцы любятъ, чтобы ихъ подчивали ромомъ, однако и вино не дѣлаетъ ихъ общительнѣе или разговорчивѣе обыкновеннаго.

Самый языкъ Индійцевъ, по мнѣнію знатоковъ, содержитъ множество словъ и выраженій, имѣющихъ смыслъ двойной. Священники, хорошо знающіе Азтекскій языкъ, утверждаютъ, что иногда на исповѣди не понимаютъ своихъ духовныхъ чадъ. Индеецъ не рѣшится сказать незнакому человеку свое настоящее имя; всѣ разпросы, дѣлаемые Индійцамъ о ихъ народѣ и странѣ—трудъ потерянный; если они и станутъ говорить, такъ не съ тѣмъ, чтобъ сказать правду. Въ торговыхъ и другихъ сдѣлкахъ они крайне-недовѣрчивы и осторожны; во всемъ боятся обмана, хотя и сами готовы обмануть при первомъ удобномъ случаѣ. Теперь эта суровость и недовѣрчивость много смягчена вліяніемъ христіанской вѣры и трехвѣковаго господства Испанцевъ; но сначала эти свойства дѣлали Индіяца лютымъ и кровожаднымъ; недовѣрчивость его была похожа на инстинктъ звѣря, который боится другаго звѣря. Теперь Индійцы, особенно по городамъ, составляютъ народонаселеніе самое мирное и терпеливое. Хотя въ Мексиканскомъ государствѣ Индійцы составляютъ $\frac{1}{3}$ всего народонаселенія, однако они вовсе не страшны для другихъ племенъ, и никогда не могутъ взять надъ ними верхъ. Между различными племенами Индійцевъ нѣтъ никакого единодушія, никакого сознанія объ общемъ происхожденіи, и почти никакихъ общихъ историческихъ преданій. Они разобщены взаимно уже и тѣмъ, что говорятъ разными языками: Азтекъ не понимаетъ Отомита, Майа — Миго, Тарраскъ — Токонака, и т. д. Это-то дробленіе на многочисленныя малыя племена, чуждыя другъ другу, а нерѣдко, къ тому еще ненавистныя и враждебныя, облегчило Азтекамъ основаніе ихъ могущественнаго государства, и приготовило легкое торжество надъ нимъ Кортесу и небольшой горсти его сподвижниковъ. Нынѣ же Мексиканскіе Индійцы не имѣютъ и повода къ возстанію противъ другихъ народовъ; они сравнены правами съ жителями другаго цвѣта кожи, и потому господство Испанскаго народонаселенія для нихъ нисколько не тягостно. Но различіе племенъ между Индійцами такъ замѣтно, и вражда, которую одно питаетъ къ другому такъ велика, что когда одно изъ нихъ задумываетъ взяться за оружіе, оно непременно находитъ себѣ вѣрнаго врага въ ближайшемъ по сосѣдству племени. Образованнѣйшими изъ Индійцевъ можно почитать живущихъ между 18° и 20° сѣв. широты, въ древнемъ Анагуакѣ.

Изъ достоверной исторіи Мексиканскаго государства до прибытія Европейцевъ извѣстно только то, что здѣсь жили земледѣльскія племена въ постоянныхъ жилищахъ, занимавшіеся воз-

дѣлваніемъ кукурузы, агаве, хлопчатой бумаги и индиго. Кочующій народъ Азтековъ, послѣ долгихъ странствованій, въ XII вѣкѣ прибылъ съ сѣвера, основать Теночтитлангъ, и мало-по-малу при благопріятныхъ обстоятельствахъ сдѣлался господствующимъ въ Анагуакъ. И донынѣ почти весь туземные жители Мексики — земледѣльцы и садовники; они живутъ отчасти въ деревняхъ, образуя общины, отчасти по городамъ, гдѣ занимаютъ особые кварталы. Въ деревняхъ, населенныхъ исключительно Индійцами, есть семейства, древностью происхожденія или какими-либо заслугами пріобрѣтшія право на особенное уваженіе своихъ земляковъ; эта мѣстная аристократія управляетъ обыкновенно всеми дѣлами той общины, гдѣ имѣетъ свое мѣстопробываніе. Всѣ Индійцы — христіане католическаго вѣроисповѣданія: и въ деревняхъ нередко встрѣчаете священника изъ туземцевъ. Жители большихъ селеній на общественный счетъ обучаютъ несколько молодыхъ людей богословію, чтобы имѣть священниковъ изъ своихъ соотечественниковъ. Индійцы доселѣ пользуются правами новообращенныхъ; церковныя постановленія для нихъ снисходительнѣе, чѣмъ для остальнаго народонаселенія: такъ они платятъ меньшія повинности, и могутъ заниматься полевыми работами во многіе праздничные дни. За то они обязаны давать своему приходскому священнику работника и работницу, и челоуѣка для посылокъ. Индійская община обрабатываетъ свое поле съобща, и до сихъ поръ ни одна не раздѣляетъ его на особые участки, что очень вредитъ успѣхамъ земледѣлія. Доходъ, полученный съ земли, употребляется на общественныя нужды.

Одежда Индійцевъ очень проста, и безъ всякихъ измѣненій переходитъ изъ рода въ родъ. Мужчины носятъ широкое, доходящее до коленъ, исподнее платье изъ оленьей кожи, или изъ толстой хлопчатобумажной ткани; на туловище они надеваютъ родъ длиннаго камзола съ рукавами, который подпоясывается по стану; сандали на ногахъ, соломенная шляпа на головѣ — дополняютъ всегдашній, и будничныи и праздничныи, нарядъ Индійца. Нѣкоторыя племена вовсе не носятъ обуви. Надѣть сапоги — для Индійца нѣтъ; также не способенъ онъ ѣздить верхомъ на лошади, и предпочитаетъ осла или мула. Грубой шерстяной коверъ, одноцвѣтный или полосатый, сопровождаетъ Индійца во все его странствованія: днемъ служитъ ему защитой отъ непогоды и дождя, а ночью — единственнымъ покрываломъ.

Главное одѣжаніе женщинъ заключается въ мѣшкѣ, доходящемъ до ногъ и перехватывающемся у талии. Сверху набрасывается родъ

мангили съ прорѣзками для рукъ, но безъ рукавовъ. По большей части эта одежда шерстяная, и нерѣдко очень пестрыхъ цвѣтовъ; у иныхъ племенъ дѣвушки одѣваются совсѣмъ въ бѣлое. Какъ ни некрасивъ кажется этотъ костюмъ въ описаніи, онъ очень живописенъ на дѣлѣ, на молодыхъ дѣвушкахъ; формы ихъ, напоминающія античныя статуи, къ которымъ подходятъ и самымъ цвѣтомъ, обрисовываются очень отчетливо; руки обнажены до самыхъ плечъ, а въ черные какъ смоль волосы вплетаются красивые цвѣты; черные глаза горятъ огнемъ юга, а каждая улыбка открываетъ два ряда ослѣпительной бѣлизны зубовъ. Между этими дѣвушками, хотя и рѣдко, встрѣчаются красавицы; часто женщина у Индійцевъ, какъ и у всѣхъ грубыхъ племенъ, находится въ униженіи и рабствѣ, и отправляетъ самыя тягостныя и низкія работы.

Жилище Индійца такъ же просто, какъ и его одежда. Въ мѣстахъ теплыхъ, обильныхъ лѣсомъ, Индїецъ строитъ хижину изъ неотесанныхъ бревенъ, воткнутыхъ въ землю одно подѣ другаго; промежутки наполняются выющимися растеніями и мхами. Крышу дѣлаютъ изъ союмы или пальмовыхъ листьевъ. Изнутри стѣны покрываются бамбуковыми досками, такъ плохо пригнатыми одна къ другой, что свѣтъ и воздухъ свободно проникаютъ внутрь. Обыкновенно, съ одной стороны кровля выдается въ видѣ навѣса, опирающагося на столбы; тутъ входъ. Большею частью хижина имѣетъ 25 футовъ длины, и 15 ширины; внутри перегородокъ не бываетъ никакихъ, но нерѣдко пристроена небольшая хижина, которая въ такомъ случаѣ служитъ кухнею. Въ болѣе холодныхъ, горныхъ странахъ хижина складывается изъ необожженнаго кирпича, а сверху покрывается глиняною, конической формы, кровлею. Мѣстами строятся изъ тесанныхъ камней, но безъ извести.

Посерединѣ хижины горитъ почти непрерывно, и днемъ и ночью, огонь: это семейный очагъ; подѣ него обыкновенно два большихъ камня, посредствомъ которыхъ кукуруза стирается въ муку, и глиняное блюдо, на которомъ пекутъ изъ нея хлѣбъ. Нѣсколько глиняныхъ, немурованныхъ горшковъ и блюдо, большая кружка для воды, нѣсколько сосудовъ изъ тыквы составляютъ все хозяйство Индійца; въ углу на полѣ стоитъ нѣсколько сдѣланныхъ изъ дерева изображеній святыхъ. Ни столовъ ни скамеекъ вътъ; рогожки или кучи пальмовыхъ листьевъ служатъ Индїйцу и постелью, и стуломъ, и даже саваномъ въ могилахъ. На стѣнѣ хижины висятъ съ одной стороны орудія мужнины топоръ, сѣки, и т. п., а съ другой—орудія женщины; тѣ и другія немногочисленны и просты до-крайности. Къ своду хижины привѣшено нѣсколько корзинъ

нокъ изъ пальмовыхъ листьевъ, содержащихъ въ себѣ запасы продовольствія Индійца и его семейства, а именно: соль, бобы, рисъ, яича, хлопчатую бумагу, жиръ, и т. п. Въ серединѣ хижины прикреплена къ своду койка, служащая вмѣстѣ и колыбелью для младенцевъ и забавою для молодыхъ людей. Обыкновенно въ хижинѣ съ Индійцомъ живутъ его собаки, свиньи и домашняя птица: послѣдняя заключается большею частью въ курахъ. При такомъ разнообразномъ народонаселеніи хижины легко себѣ представить, какой шумъ и беспорядокъ господствуютъ въ ней, и какая неопрятность вездѣ замѣтна въ ней повсюду. Мужчины обыкновенно нѣсколько понимаютъ и говорятъ по-Испански, а женщины и дѣти знаютъ только туземный языкъ. Главное произведеніе земли, воздѣлываемое Индійцами, кукуруза; они производятъ ея столько, сколько нужно для прокормленія ихъ семейства отъ жатвы до жатвы; кромѣ того для своего же употребленія они разводятъ бобы, тыкву, Испанской перецъ, томатесъ (*phusalis* и *volanium*), пататы и хлопчатникъ. Единственные предметы продажи у Индійца — свиньи и куры; онъ ежегодно продаетъ ихъ настолькоъ, чтобъ заплатить общественныя повинности и слѣдующее священнику. Около хижинъ Индійцы въ большомъ количествѣ разводятъ фруктовыя деревья. Вообще Индїецъ, еслибъ захотѣлъ трудиться постоянно, могъ бы жить въ большомъ довольствѣ и изобиліи, но лѣнь и небрежность мешаютъ этому. Лишнія деньги Индїецъ или пропиваетъ или зарываетъ въ землю. Участъ женщинъ въ этомъ народѣ вообще не завидна; вставъ утромъ въ 4 часа, женщины разводятъ огонь и готовятъ утреннюю похлебку изъ кукурузы. Мужчины въ это время продолжаютъ спать, и, поднявшись съ тмѣ, чтобъ выпить похлебку, опять ложатся, а женщины между тѣмъ мелютъ кукурузу для хлѣба. Такъ проходитъ и весь день; женщины приносятъ воду и дрова, ходятъ за дѣтьми, три раза въ продолженіе дня готовятъ пищу, прядутъ бумагу и ткутъ все нужное для одежды на все семейство. Шитье платья, окрашиванье его и мытье лежитъ на нихъ же. По воскресеньямъ женщины же ходятъ продавать на рынокъ плоды, и глиняную посуду — собственнаго же издѣлія. Когда онѣ отправляются туда съ мужьями, то на обратномъ пути имъ нѣрвѣдко приходится вести и поддерживать пьяныхъ мужей; если же который упадетъ совсѣмъ, жена его терпѣливо сидитъ надъ нимъ, и ждетъ, чтобъ онъ пришелъ въ себя.

Дѣти Индїцевъ не отличаются крѣпостью здоровья; образъ жизни, разнообразная пища, употребляемая безъ разбора, совершенное отсутствіе заботливости о ихъ времяпрепровожденіи дѣти

нервѣдко отъ нечего-дѣлать вѣдѣть извѣсть и землю) бываютъ причиною того, что изъ множества новорожденныхъ дѣтей немногія достигаютъ пятилѣтняго возраста. Это обстоятельство, преждевременные браки, наследственные болѣзни и неизмѣненное употребленіе крѣпкихъ напитковъ—все вмѣстѣ приводитъ къ тому результату, что приращеніе въ Индійскомъ народонаселеніи почти незамѣтно, а заразительныя и повальныя болѣзни, оспа, холера и желтая горячка, производятъ между ними невознаградимыя потери.

Индійцы не доверяютъ Европейскимъ врачамъ, и въ каждой деревнѣ ихъ есть по нѣскольку старыхъ женщинъ, занимающихся леченіемъ; онѣ знаютъ цѣлебныя свойства нѣкоторыхъ травъ, трутъ и намазываютъ больныхъ разными маслами, но чаще прибѣгаютъ къ суевѣрнымъ и безсмысленнымъ средствамъ, напримѣръ, больному лихорадкою кладутъ на ноги чернаго пѣтуха; въ случаѣ желудочныхъ болѣей, которыми Индійцы особенно подвержены, больному кладутъ на животъ курицу, но еще чаще лекарка беретъ поставитъ больному желудокъ на прежнее мѣсто, которое онъ будто бы оставилъ. Это леченіе—одно изъ самыхъ мучительныхъ; лекарка бьетъ по животу со всей силы, третъ его, и, наконецъ, поставивъ будто бы желудокъ на прежнее мѣсто, туго стягиваетъ животъ паціента широкою повязкою, для того, утверждаетъ она, чтобы желудокъ опять не перемѣнилъ своего мѣста. Однимъ изъ главныхъ и самыхъ полезныхъ средствъ леченія служитъ темаскале, т. е. паровая баня; она устроивается самымъ простымъ образомъ. Весьма полезная послѣ полевыхъ трудовъ и для опрѣтности и чистоты, баня у Индійцевъ безъ разбора считается средствомъ отъ всехъ болѣзней; каждая родильница обязана на третій день послѣ родовъ сходить въ эту баню. Иногда, особенно если свирѣпствуетъ желтая горячка, дѣйствіе бани очевидно губительно, однако Индійцы не обращаютъ на это вниманія. Притомъ, такъ какъ баня находится не въ самой хижинѣ, а въ некоторомъ отъ нея разстояніи, то Индійцы, при своей легкой одеждѣ, весьма подвержены простудѣ.

Индійцы вѣрятъ вѣдьмамъ и въ насылаемыя ими болѣзни, дурному глазу, испугу маленькихъ дѣтей (причиняемому обыкновенно несвареніемъ желудка). Индеецъ питаетъ суевѣрное уваженіе къ стихійному духу вѣтровъ (Ehecatl), живущему въ водахъ. Если Индеецъ заболѣетъ ревматизмомъ, коликою или какою ипою болѣзнию, онъ винитъ въ томъ Егекатля, и старается умилостивить его; на берега воды, которую переходилъ Индеецъ въ послѣдній разъ передъ болѣзнию, друзья его прино-

сать не бывшую еще въ употребленіи кружку съ водою, только что испеченный изъ кукурузы хлѣбъ въ новомъ кускѣ сукна, чашку съ похлебкою и шоколатомъ. Имя большого провозносится трижды въ пустую кружку, она обращается отверстіемъ къ водѣ; это значитъ, что вызывается Егекатль для принятія принесенныхъ ему подарковъ. По той же причинѣ Индіецъ, переходя съ дѣтьми по мосту, смотритъ за ними особенно-внимательно, и если которое изъ нихъ упадетъ, онъ бьетъ палкою по тому мѣсту, болсъ, чтобы тѣнь ребенка не осталась здѣсь и не была похищена водяными духами. Вывоанія Индіевъ въ русалокъ весьма сходны съ вывоаніемъ Европейскихъ народовъ о томъ же предметѣ. Индіецъ вѣритъ, что въ глубинѣ рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ теченіе ея спокойно, и берега обнѣнены густыми деревьями, живетъ Атланисана, небольшое красивое существо, въ сумерки выплываетъ на поверхность воды, очаровательно поетъ, и всѣхъ заслушивающихся ея пѣнія увлекаетъ за собою въ пучину. Въ источникахъ рѣкъ живетъ, по мнѣнію Индіевъ, *отецъ водѣ*; по ночамъ онъ ходитъ на берегу, и стережетъ свои стада рыбъ. Въ случаѣ засухи Индіицы обращаются съ мольбами о дождѣ къ *матери водѣ*, и приносятъ ей обѣты и жертвы на вершинахъ горъ. У некоторыхъ рѣкъ и источниковъ въ опредѣленные дни приносятъ жертвы, состояща изъ разныхъ състныхъ припасовъ, и ставятся на берегъ какъ привоаніе водянымъ, чтобы они не лишили покровительствуемыхъ ими рѣкъ и ручьевъ обилія водъ. Вообще Индіицы эти остатки суевѣрій своихъ предковъ содержатъ въ глубокой тайнѣ отъ всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ ихъ племени, и потому чрезвычайно-трудно собрать обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

За обядомъ Индіецъ не употребляетъ ни ложекъ, ни ножей, ни вилокъ; скатертью служитъ только-что сорванный листъ пизаговаго дерева. Индіецъ беретъ въ каждую руку по ломтику маисоваго хлѣба, и этими ломтиками очищаетъ тарелку съ удивительною быстротою и ловкостью: правою онъ подноситъ ко рту дышу а лѣвою — придерживаетъ ее; съ каждымъ кускомъ дыши онъ съѣдаетъ и часть этой импровизованной ложки. Обядъ пачинается благословіемъ, причемъ каждый изъ присутствующихъ креститъ свою тарелку.

Считать для Индіица весьма трудно, и онъ считаетъ не по десяти, какъ Европейцы, а по пяти; такимъ образомъ десятокъ для гое есть два раза пять, двадцать — четыре раза пять, сорокъ — два раза двадцать, 60 — три раза 20, 100 — пять разъ двадцать; 200 — 10 разъ 20, и т. д. Уже слово «двадцать» кажется Индіицу весьма больш-

шимъ числомъ, ибо оно на его языкѣ еще значитъ: «очень много». Трудность, съ какою Индійцы считаютъ, бываетъ очень вредна имъ въ коммерческихъ сдѣлкахъ.

Всѣ Индійцы живутъ почти одинаково, несмотря на различія состояній; между ними есть хотя не много (вслѣдствіе крайней лѣни, господствующей между этимъ племенемъ) по весьма достаточные; но все, что отличаетъ образъ жизни послѣднихъ отъ самаго бѣднаго Индійца, заключается въ томъ, что хижина нѣсколько просторнѣе, стены ея покрыты рогожками; въ углу — больше изображеній святыхъ, нѣсколько глиняныхъ подсвѣчниковъ и большее количество пестрыхъ тарелокъ, горшковъ и блюдъ. Вотъ отличія жилища богатаго Индійца; кромѣ того кухня у него помѣщается не въ самой хижинѣ, а въ пристройкѣ. Впрочемъ все семейство и самаго богатаго Индійца проводятъ ночь на полу, безъ головныхъ подушекъ, которыя замѣняютъ кусокъ дерева, на простыхъ рогожахъ, безъ всякаго покрывала, кромѣ дневнаго одѣянія.

Пища Индійцевъ состоитъ по большей части изъ произведеній растительнаго царства; они ѣдятъ: кукурузу въ разныхъ видахъ, бобы, тыквы, разные огородные овощи, отъ коня употребляется въ пищу корень растенія, напр. постарнакъ, фитолакъ, кактусъ, пальмовую капусту, и т. п. Плоды они очень любятъ, и потому воздѣлываютъ весьма охотно; рѣдко проходитъ обѣдъ у Индійца, за которымъ бы не было сырыхъ фруктовъ. Вся семья Индійца обѣдаетъ вмѣстѣ на полу; женщины сидятъ подложивъ подъ себя ноги, а мужчины на корточкахъ. На горной равнинѣ. Пулкѣ, вода служить Индійцу обыкновеннымъ напиткомъ и во время обѣда и послѣ; впрочемъ Индійцы приготавливаютъ и свои собственные крѣпкіе напитки, которые обыкновенно пьютъ по возвращеніи съ работы: въ иныхъ мѣстахъ для этого служитъ сокъ сахарнаго тростника, ананаса и банана; для крѣпости и броженія онъ настаивается корнемъ мимозы. На горной возвышенности Полонхо приготавливается родъ пива изъ кукурузы и ячменя. Всѣ эти напитки изобилуютъ спиртомъ, и дѣйствуютъ довольно сильно. По праздничнымъ днямъ мужчины собираются вокругъ чана съ домашнею водкою, и черпаютъ изъ него до тѣхъ поръ, пока всѣ не повалятся на мѣстѣ. Нерѣдко и женщины принимаютъ участіе въ этихъ попойкахъ.

Дѣти остаются въ родительской власти, пока не обзаведутся своимъ семействомъ, и большею частью весьма смиренны и послушны. Какъ только сынъ женится, онъ строитъ себѣ хижину

переходить туда, и отецъ уже болѣе о немъ не заботится. Вообще узы родственныя у Индійцевъ не очень крѣпки.

Умственное образованіе Индійцевъ стоитъ на самой низкой ступени, и мѣры, принятыя для его развитія, крайне не удовлетворительны. По закону, каждая Индійская деревня обязана имѣть одно или нѣсколько первоначальныхъ училищъ: но общины для собственныхъ выгодъ стараются нанимать учителей какъ можно дешевле, и нерѣдко избираютъ для того людей, даже не умѣющихъ писать правильно. Обязанность учителя заключается въ томъ, чтобы учить дѣтей читать, писать, и немного ариметикъ. Обыкновенно онъ же и писецъ всей деревни, гдѣ нерѣдко онъ одинъ хоть какъ-нибудь и умѣетъ писать. Прежде всего необходимо было бы образовывать хорошихъ элементарныхъ учителей для Индійцевъ, и преимущественно изъ ихъ же племени; въ видѣ опыта правительствомъ Веракруцкаго штата составлено подобнаго заведенія, но онъ остался безъ исполненія, ибо приходи объявили, что они не въ состояніи платить по 50 долларовъ въ мѣсяцъ на содержаніе предполагаемой школы. Лѣнь Индійца и въ этомъ случаѣ заставляетъ его коснѣть въ совершенной безпечности о своемъ крайнемъ невѣжествѣ.

Главное занятіе Индійцевъ — земледѣіе и садоводство, но и здѣсь они остаются вѣрны пріемамъ своихъ предковъ: какъ тѣ поступали триста лѣтъ тому назадъ, такъ поступаютъ и нынѣшніе Индійцы; только на горныхъ мѣстахъ вошелъ въ употребленіе плугъ. Въ низменныхъ и прибрежныхъ странахъ поля очищаются отъ травъ и кустарника огнемъ, потомъ зерна кукурузы втыкаются въ ямочки, сдѣланныя концомъ палки. По краямъ нивы Индеецъ сажаетъ бобы, тыкву, Испанской перецъ и райскія яблоки. Кукуруза составляетъ для Индійца главную пищу, и жатва этого растенія, происходящая въ Декабрѣ и Январѣ, есть для нихъ истинный праздникъ, въ которомъ принимаютъ участіе и старыи и малыи. Окончивъ жатву, Индеецъ погружается въ свою обычную лѣнь до слѣдующаго посѣва.

Индійцы не вездѣ владѣютъ обширными полями, ибо Испанцы, при покореніи ихъ, отняли у нихъ землю, и самихъ владѣльцевъ обратили въ невольниковъ; этого избѣгли только племена, не оказывавшія Испанцамъ сопротивленія. Короли Испанскіе мало-по-малу облегчили участь Индійцевъ, и даровали имъ свободу: было предписано закономъ, чтобы тѣмъ деревнямъ Индійскимъ, у коихъ отобрана была земля при завоеваніи, возвратитъ участки поля не менѣе, какъ на 3,600 футовъ въ окружности. Въ мѣс-

тахъ, гдѣ этого участка бываетъ недостаточно, Индійцы нанимаютъ землю у сосѣднихъ владѣльцевъ на правахъ фермеровъ, или нанимаются въ работники, получая за обработываніе чужаго поля количество кукурузы, необходимое для прокормленія ихъ семействъ, и известную денежную плату. Вообще положеніе Индійцевъ въ Мексикѣ далеко не тягостно, и не имѣетъ ничего общаго съ состояніемъ Негровъ въ Европейскихъ колоніяхъ въ Америкѣ.

Нѣкоторыя отрасли сельскаго хозяйства, приспособленныя особенно къ климату и почвѣ, исключительно принадлежатъ Индійцамъ, напр. воздѣлываніе ванили и кошенили. Нѣкоторыя полезныя растенія воспитываются также одними только Индійцами, напр., *agum esculentam*, *chenopodium*, тигровый цвѣтокъ (по-Индійски: озелопутшиль), *fergaria ravenia*, котораго жареные плоды вкусомъ весьма походятъ на каштаны, и нѣкоторыя другія растенія.

Индійцы имѣютъ большія способности къ некоторымъ механическимъ искусствамъ и ремесламъ; они дѣлаютъ весьма-удачно изъ воска разныя изображенія плодовъ и другія, — любятъ торжественныя церемоніи всякаго рода. Изъ глины они вытѣпливаютъ посуду на манеръ старинной, находимой въ землѣ, довольно-красивой формы; нерѣдко они обманываютъ путешественниковъ, продавая свои издѣлія за древнія вещи. Кромѣ того Индійцы плетутъ изъ пальмовыхъ листьевъ красивыя корзинки, а изъ растенія агава — нитки и веревки, покрываютъ лакомъ чашки, сдѣланныя изъ плодовъ кокосоваго дерева, вырѣзываютъ изъ дерева разную домашнюю посуду, и т. п. По берегамъ рѣкъ Индійцы занимаются ловлею рыбы и перевозкою путешественниковъ, а по близости городовъ — промышленною продажей дровъ и углей.

Индійцы удивительно способны къ переноскѣ тяжестей, и въ короткое время пробѣгаютъ значительныя разстоянія; ежедневно безъ большой усталости они могутъ сдѣлать отъ пятнадцати до двадцати часовъ пути, и, даже поднимаясь на самую крутую гору, несутъ на себѣ тяжесть отъ 70 до 100 фунтовъ; въ опасныхъ горныхъ проходахъ они переносятъ Европейцевъ на себѣ.

Таково нынѣ состояніе народа, нѣкогда, до прибытія Кортеца, господствовавшаго въ сѣверной Америкѣ. . .

ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМѢТКИ.

Пословица свидѣтельствуетъ, что бывало въ старину на недѣль семь пятницъ, а въ наше время случились два четверга! 30 Н одной изъ нашихъ газетъ вышелъ въ четвергъ 7 Февраля, и въ четвергъ же 8 Февраля появился 31, такъ что, благодаря этой щедрости на четверги, середѣ не достало мѣста. И еслибъ случился наканунѣ дождикъ, то тѣ, кому обвѣщано что-нибудь послѣ дождика въ четвергъ, получивъ бѣ исполненіе, можетъ быть очень для нихъ пріятное, цѣлымъ днемъ раньше. Знакомые съ ходомъ журнальнаго дѣла, мы видимъ въ этомъ не болѣе какъ одну изъ забавныхъ типографскихъ ошибокъ, какія часто бываютъ и съ нами; но некоторыя

люди, имѣющіе привычку сомнѣваться во всемъ. и по этому считающіе себя пропитательными, утврѣждаютъ, что это произошло вотъ ась чего: въ этой газетѣ часто печатаются статьи о времени, а потому годы и дни, Мартовскіе и Сентябрскіе, до того примелькались въ глазахъ наборщиковъ и корректоровъ, что они ушли днемъ впередъ, какъ авторъ годомъ; среда показалась имъ четвергомъ, и очутилось два четверга на одной недѣли, безъ среды. Впрочемъ Февраль, говорятъ, мѣсяць-педоумокъ и обиженъ въ счетъ дней,—такъ вотъ ему и вознагражденіе.

Кто слѣдилъ за нашими журналами въ продолженіи послѣднихъ 15 лѣтъ, тотъ не могъ не замѣтить съ печалю постепеннаго уменьшенія свѣдѣній положительныхъ, особенно объ иностранныхъ литературахъ. Наши критики и авторы кричали о Шиллерахъ и Гете, не зная по-Нѣмецки, осуждали Мольера и Расина, не читавъ, ветолюк что не изучавъ представителей Французской литературы и народности. (Русская старая литература была известна еще меньше). Въ послѣднее время приметно стало возвращеніе къ лучшему въ этомъ отношеніи; замѣтимъ впрочемъ промахъ въ одной Петербургской газетѣ, которая пишетъ «что защитникъ католицизма Монталамберъ возсѣдаетъ теперь на томъ сломѣ кресла (N 36), которое занималъ некогда самый отчаянный Вольтеріанецъ», то есть Лагарпъ. Автору или переводчику этихъ строкъ вѣрно неизвѣстно послѣднее время жизни Лагарповой и его обращеніе, а оно слишкомъ знаменито! Авторъ съ чувствомъ довольно гордости замѣчаетъ также: «извѣстно, какую посредственною извѣстностью пользуется Лагарпъ въ наше время. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что авторъ не читалъ Лагарпа: Лагарпъ, какъ Французскій критикъ, долго еще не потеряетъ своего достоинства, хотя, разумѣется, Нѣмецъ и Русскій, не согласятся и не должны согласиться съ нимъ во многихъ вопросахъ. За то въ этой газетѣ переведено очень умное письмо къ Бельгійцамъ Леона Годлана, которое мы и помѣщаемъ: «Не знаю, съ какою цѣлю была напечатана въ одной Бельгійской газетѣ статья, перепечатанная потомъ Французскими журналами, и которая утверждаетъ, будто бы я получилъ отъ какого то Американца наследство въ 50.000 франк. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что это извѣстіе пятьдесятъ тысячъ разъ ложно. Вместо того, чтобы надбавлять меня этимъ сказочнымъ богатствомъ, Бельгійцы сдѣлали бы гораздо лучше, возвративъ мнѣ и моимъ товарищамъ тѣ деньги, которыя они украли у насъ и продолжаютъ вращать каждый день, посредствомъ контрафакции нашихъ сочиненій. Впрочемъ эта шутка имѣла, можетъ быть, и свою нравственную цѣль. Она можетъ подать нѣкоторымъ богачамъ благородную мысль—завѣщать бѣднымъ литераторамъ, доставлявшимъ имъ удовольствіе своими произведеніями, часть тѣхъ богатствъ, которыя они отказываютъ при своей кончинѣ балетнымъ танцовщицамъ».

AUG 27 1957

